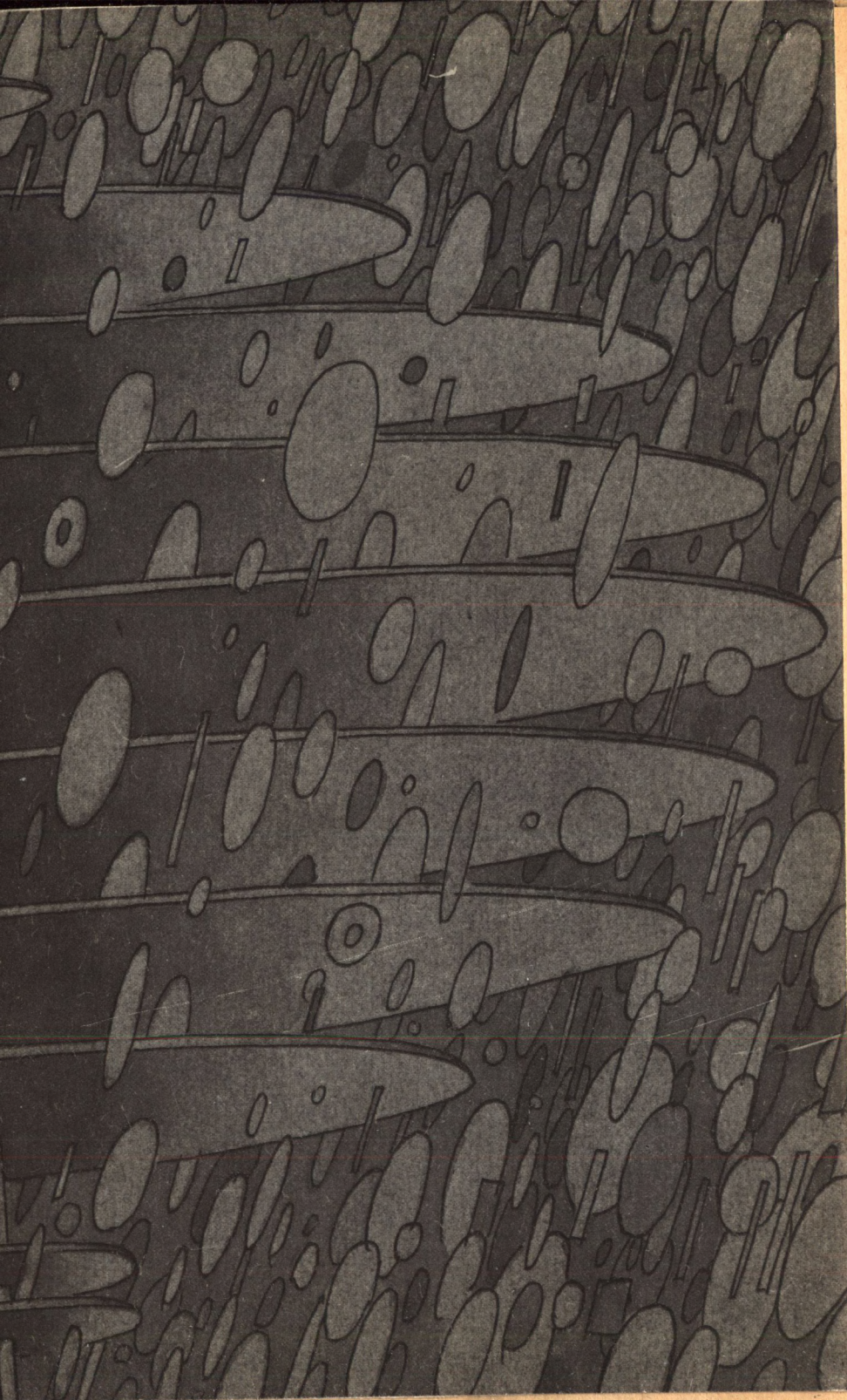
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Серия научной фантастики

«ИКАР»

...И у нас, у землян, есть свойство, которого явно лишены вы. Его не подделаешь, с ним нужно родиться, нужно быть человеком до мозга костей, чтобы тебя все жег этот неугасимый огонь, всегда толкал вперед...

...Мы не боги и вовсе несовершенны — и мы должны запретить войну, положив раз и навсегда конец человеческой розни. Я был там, я убивал, и я знаю, что говорю...

...В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в Дальний Полет...

...Он просто знал, что на его долю выпала удивительная и прекрасная судьба, и старался больше ни о чем не думать... пока...

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

СБОРНИК
научно-фантастических
произведений

Кишинев

«Штиинца»
«Сигма»
1990

ББК 84(0)
П 19

Художник
М. Ю. Шевелькин

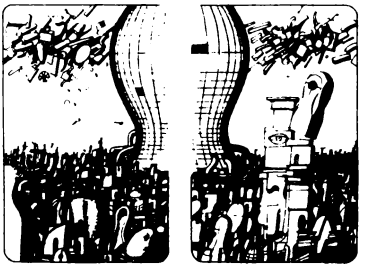
Составитель
А. И. Степин

4703000000—57
П ——————— 203—89
М755(10)—90

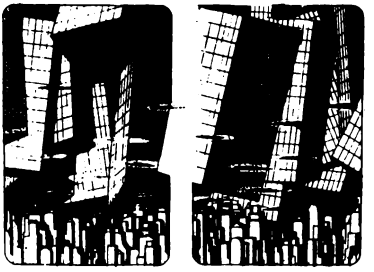
ISBN 5—376—00273—X (4-й з-д)

© Составление, перевод новеллы «Единственный выход», послесловие, художественное оформление. Кишинев, издательство «Штиинца», 1990.

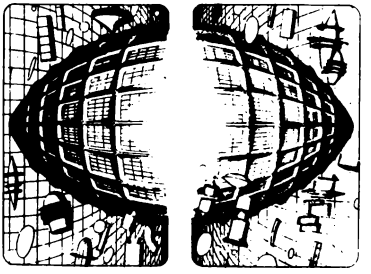
КТО ТЫ?
7 – 227

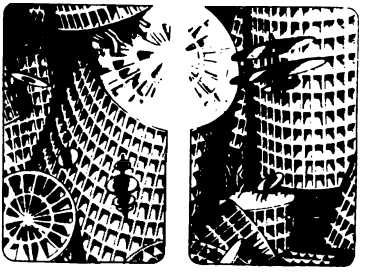
АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
229 – 291

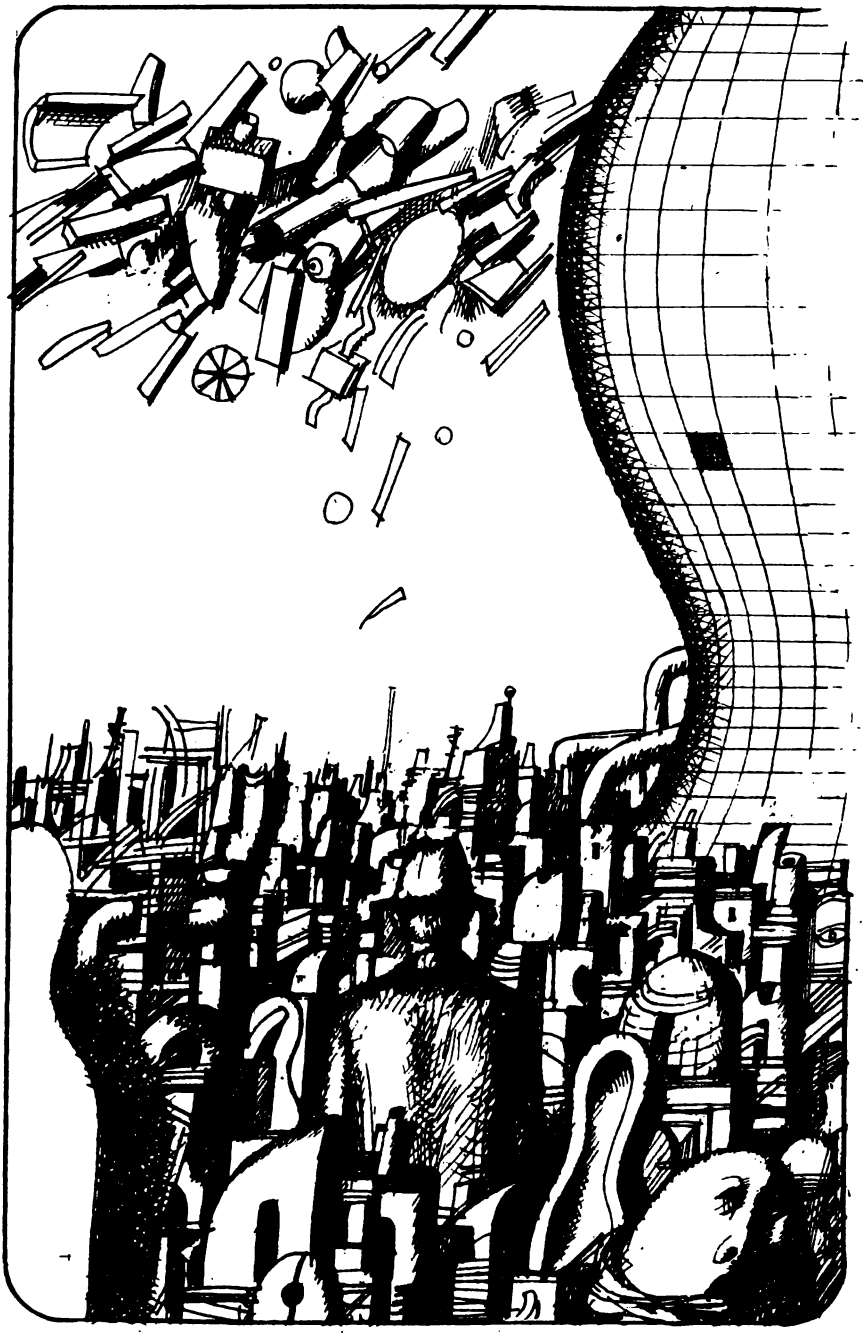

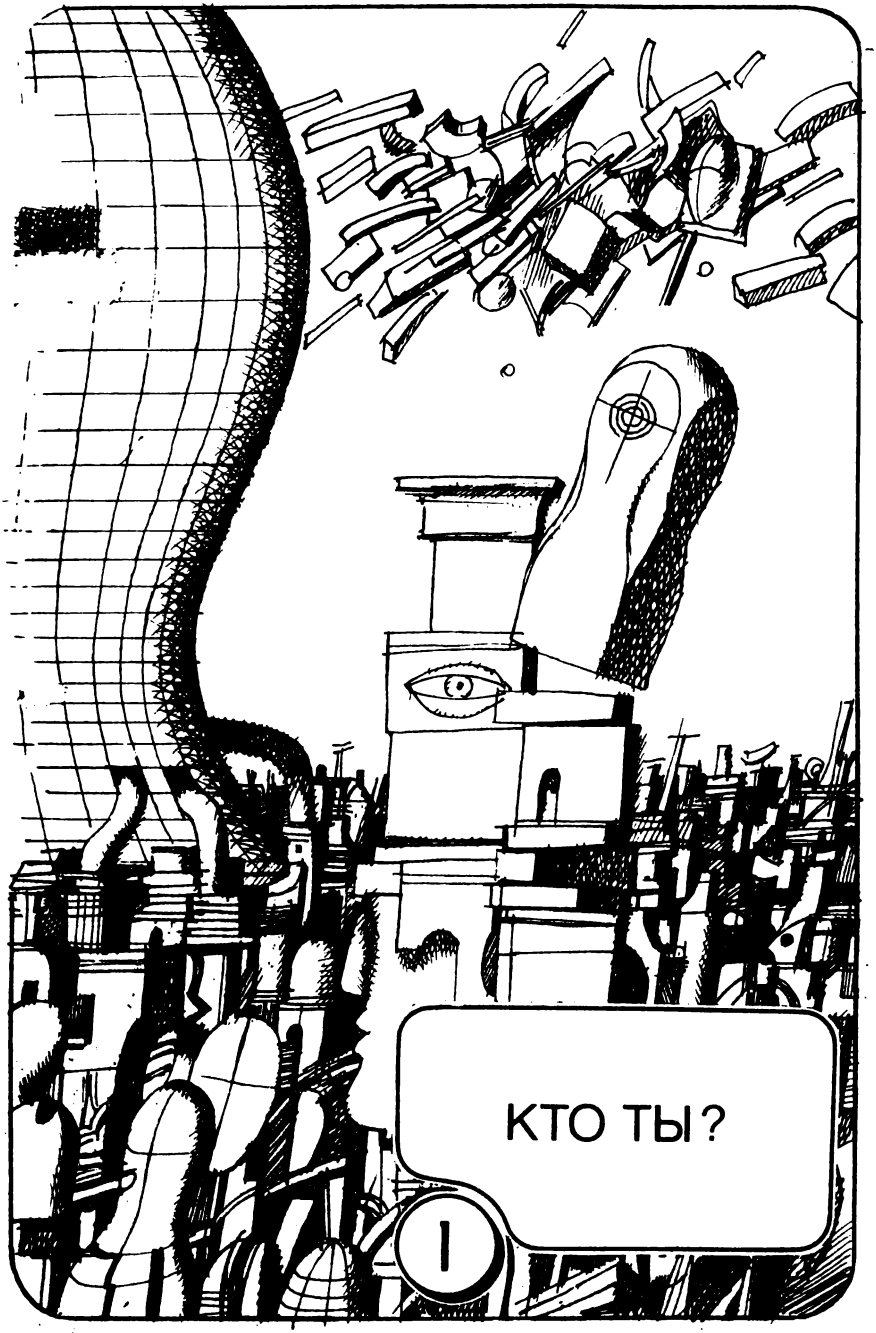
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
293 – 479

НА СТРАЖЕ ВРЕМЕН
481 – 644

КТО ТЫ?

1

ДЖОН КЭМПБЕЛЛ

«КТО ТЫ?»

Вонь стояла страшная. В ней смешались затхлый мужской пот и тяжелый, отдающий рыбьим жиром дух полусгнившего тюленьего мяса. Чем-то заплесневелым несло от пропитанных потом и растаявшим снегом меховых курток. В воздухе висел едкий дым горелого жира. Только во врытых в лед палатках антарктической экспедиции и могла стоять такая вонь.

Через все эти привычные запахи машинного масла, людей, собак, кож и мехов слабо пробивался странный чужой аромат, от которого невольно ерошились волосы на шее. В нем угадывалось что-то живое, но исходил он от тюка, упакованного в брезент и перевязанного веревками. Тюк, сырой и чем-то пугающий, лежал на столе под светом электрической лампочки. С него медленно капала вода.

Блэр, маленький лысеющий биолог экспедиции, нервно сдернул брезент, обнажив спрятанную под ним глыбу льда, а потом так же нервно набросил брезент обратно. Начальник экспедиции Гэрри раздвинул белье, висящее на веревке над столом, и подошел ближе. Он медленно обвел глазами людей, набившихся в штабную палатку как сельди в бочку. Наконец он выпрямился и кивнул:

— Тридцать семь. Все присутствуют.— В его низком голосе чувствовался характер прирожденного руководителя, а не только начальника по должности.

— Вам в общих чертах известна история этой находки. Я советовался со своим заместителем Макреди, а также с Норрисом, Блэром и доктором Коппером. Мы не пришли к единому мнению, и, поскольку дело касается всех членов экспедиции, мы решили вынести его на общее обсуждение. Я попрошу Макреди все подробно рассказать вам — до сих пор вы все были заняты исполнением своих непосредственных обязанностей и у вас не было времени интересоваться делами других. Пожалуйста, Макреди.

Метеоролог Макреди, вышедший к столу из клубов табачного дыма, производил впечатление персонажа из забытых мифов — высокая ожившая бронзовая статуя.

— Норрис и Блэр согласны в одном: найденное нами животное неземного происхождения. Норрис предполагает опасность, Блэр считает, что никакой опасности нет. Но я вернусь к тому, как и почему мы его нашли. Насколько было известно до нашего прибытия на это место, оно находи-

---

[1] Печатается по изд.: И грянул гром...: Антология американского фантастического рассказа.— М.: Молодая гвардия, 1976. Рассказ публикуется с сокращениями.

лось прямо над Южным магнитным полюсом Земли. Как вы знаете, стрелка компаса указывает именно сюда. Более точные физические приборы, разработанные специально для изучения нашей экспедицией магнитного полюса, обнаружили какой-то побочный эффект — мощное магнитное поле в восьмидесяти милях от нашей базы. Мы отправили туда исследовательскую группу. Нет нужды останавливаться на деталях. То, что мы нашли, не было ни метеоритом, ни залежью руды. Это был космический корабль. Корабль, управляемый силами, неведомыми человеку, и прилетевший из космоса 20 миллионов лет назад, когда Антарктида начала замерзать. С кораблем что-то случилось, он потерял управление и совершил вынужденную посадку. При посадке он врезался в гранитную скалу. Один из членов экипажа вышел наружу, но это существо заблудилось в пурге в десяти шагах от корабля.

Киннер, повар экспедиции, моргнул от напряжения. Пять дней назад он вышел из закопанного в лед лагеря на поверхность, чтобы достать из ледника замороженное мясо. Когда он шел обратно, началась пурга; белая смерть, летящая по снежной равнине, ослепила его в несколько секунд. Он сбился с дороги. Только полчаса спустя люди, вышедшие из лагеря по веревке, нашли его. Да, человеку или существу ничего не стоило заблудиться здесь в десяти шагах.

— Пассажир корабля,— перебил мысли Киннера голос Макреди,— по всей вероятности, не представлял, что может случиться. Он сразу замерз. Мы пытались откопать корабль и наткнулись на это существо. Барклай зацепил его череп ледорубом. Когда Барклай понял, на что он наткнулся, он вернулся к трактору, развел костер и вызвал Блэра и доктора Коппера. Самому Барклаю стало плохо. Он три дня не мог прийти в себя. Когда прибыли Блэр и Коппер, мы вырубили блок льда вместе с этим животным и погрузили на трактор. Мы хотели все же прокопать туннель к кораблю. Добравшись до борта корабля, мы обнаружили, что он сделан из неизвестных нам металлов, которые не могли взять наши инструменты. Мы нашли входной люк, забитый льдом, и решили растопить лед термитной бомбой. Бомба вспыхнула, потом пламя начало гаснуть и вдруг забушевало вовсю. Похоже, что корпус корабля был сделан из магнезиевого сплава, но мы не могли этого предвидеть. Магнезий, конечно, загорелся сразу. Вырвалась наружу вся мощь, впитанная неизвестными нам двигателями корабля от магнитного поля Земли. На наших глазах в огненном аду гибли тайны, которые могли бы подарить человечеству звезды. Ледоруб в моей руке раскалился, металлические пуговицы вплавились в тело. В радиусе мили от места взрыва сгорели все электрические приборы и рации. Если бы не наш трактор с паровым двигателем, мы не вернулись бы обратно на базу. Вот вам и вся история.

Макреди повернулся к тюку, лежащему на столе.

— Сейчас перед нами стоит проблема,— продолжал гигант.— Блэр хочет исследовать это существо. Разморозить и взять пробы тканей. Норрис считает это опасным. Доктор Коппер в основном согласен с Блэром. Конечно, Норрис физик, а не биолог. Но я считаю, что мы все обязаны выслушать его аргументы. Блэр дал описание микроорганизмов, которые, как установлено биологами, способны существовать даже в этой холодной и необитаемой стране. Норрис боится, что эти микроорганизмы окажутся губительными для человека и от них не будет никакой защиты. Блэр придерживается противоположной точки зрения.

Норрис взорвался:

— Плевать я хотел на химию и обмен веществ! Мертвая эта штука или живая — черт ее знает, но не нравится она мне. Блэр, да объясните же вы

им всю чудовищность того, что вы предлагаете. Дайте им посмотреть на этот ужас и решить самим, хотят ли они разморозить его у себя в лагере. Разверните его, Блэр.

Блэр распутал веревки и резким движением сбросил брезент. Все застыли, как будто загипнотизированные лицом в глыбе льда. В черепе странной формы все еще торчал обломок ледоруба. Три безумных, наполненных ненавистью глаза горели живым огнем. Вместо волос голову обрамляли отвратительные извивающиеся голубые черви. Все отшатнулись от стола. Блэр взял ледоруб. Лед заскрипел, освобождая добычу, которую цепко держал 20 миллионов лет.

* * *

«Клак,— щелкнул счетчик космического излучения.— Клак, клак». Конант вздрогнул и выронил карандаш. Выругавшись, он полез за ним под стол. Щелчки счетчика мешали ему ровно писать. Щелчки и мерные капли с оттаивающего тела, прикрытого брезентом в углу. Конант вытянул из пачки сигарету. Зажигалка не сработала, и он сердито пошарил среди бумаг, ища спички. Спичек не было. Конант решил вытащить щипцами уголек из печки и прикурить от него. Ему не работалось. Все время отвлекало чувство любопытства и нервозности. Он взял со стола лампу и подошел к существу. Оно оттаивало уже 18 часов. Конант ткнул его щипцами с какой-то инстинктивной осторожностью. Тело уже не было твердым, как бронированная плита. Наоборот, оно приобрело упругость резины. Конант вдруг почувствовал желание вылить на него содержимое лампы и бросить горящую сигарету. Три красных пылающих глаза бездумно смотрели на него.

Смутно он понял, что смотрит в эти глаза уже очень долго и что они утратили свое бессмысленное выражение. Но почему-то это не казалось важным, так же как не казались важными медленные движения щупалец, растущих от основания слабо пульсирующей шеи. Конант вернулся к своему столу и сел, глядя на листки бумаги, покрытые вычислениями. Почему-то его больше не отвлекали ни щелканье счетчика, ни шипение угольков в печке. Не отвлек его внимания и скрип половиц за спиной.

* * *

Блэр мгновенно проснулся, когда над ним нависло лицо Конанта. Сначала оно показалось ему продолжением кошмарного сна, но Конант закричал: «Блэр, Блэр, вставай ты, бревно проклятое!» Разбуженные соседи поднимались со своих коек. Конант выпрямился: «Вставайте, быстро! Твое проклятое животное сбежало».

Что? Сбежало? Куда сбежало?

— Что за чертовщина?— спросил Барклай.

— Сбежала тварь проклятая. Я заснул минут двадцать назад, а когда проснулся, ее уже не было. Ну, доктор, что вы скажете теперь? Могут эти существа ожить или нет? Оно еще как ожило и смылось!

Коппер виновато посмотрел на него.

— Оно же неземное,— вздохнул он неожиданно.— Здесь, видимо, земные представления не годятся. Надо немедленно его найти!

Конант выругался.

— Чудо еще, что эта чертова скотина не сожрала меня спящего.

Бледные глаза Блэра наполнились ужасом:

— А что, если она действительно съе... гхм, надо немедленно начать поиски.

— Вот и начинай. Это ведь твой любимчик. С меня хватит — семь часов рядом просидел, пока счетчик щелкал, а вы все выводили рулады носами. Удивляюсь только, как я заснул. Пошли в штабную палатку, разбудим Гэрри.

Вдруг из коридора донесся дикий, совершенно необычный вопль. Все замерли на месте.

— Можно считать, нашли,— сказал Конант, сорвав со стены кольт и ледоруб.— Оно, видно, забрело в палатку к собакам.

Лай, отчаянный вой и шум схватки смешались вместе. Конант рванулся к двери. Остальные бросились за ним.

У поворота коридора Конант застыл.

— Великий боже!— только и выдохнул он.

Три выстрела раздались один за другим. Потом еще два. Револьвер упал на утоптанный снег. Массивное тело Конанта загораживало Барклаю обзор, но он понял, что Конант принял оборонительную позу с ледорубом в руках. Вой собак стих. В их урчании было что-то смертельно серьезное. Неожиданно Конант ступил в сторону, и Барклай замер на месте. Существо ринулось на Конанта. Человек отчаянно рубанул по извивающимся щупальцам. Красные глаза его противника горели неземной, незнакомой людям ненавистью. Барклай направил струю огнетушителя прямо в них, ослепляя чудовище ядовитой химической струей. Макреди, растолкав остальных, подбежал к ним ближе, держа в руках гигантскую горелку, которой обычно прогревали моторы самолета, и открыл клапан. Собаки отпрянули от почти трехметрового языка пламени.

— Быстро кабель сюда! Стукнем его током, если огонь не поможет!— кричал Макреди. Норрис и Вэн Волл уже тянули кабель.

Пасти собак, окруживших чудовище, были такими же красными, как и его глаза. Макреди продолжал держать горелку наготове. Барклай ткнул существо раздвоенным концом кабеля, наспех прикрепленного к длинной палке. Существо дернулось от удара тока. Вдруг огромный черный пес прыгнул на затравленного пришельца и начал рвать его клыками. Красные глаза на ужасном лице затуманились. Щупальца задрожали, и вся стая собак бросилась на них. Клыки продолжали рвать уже неподвижное тело.

* * *

Гэрри обвел взглядом переполненную комнату. Тридцать два человека да еще пятеро зашивают раны собакам. Весь персонал на месте.

—Итак,— начал Гэрри,— все вы знаете, что произошло. Блэр хочет исследовать останки существа, чтобы убедиться в том, что оно окончательно и бесповоротно мертво.

— Я не знаю даже, видели ли мы его настоящего.— Блэр посмотрел на прикрытый брезентом труп.— Может быть, оно имитировало образ создателей корабля, но мне кажется, что это не так. Судя по всему, оно родом с более жаркой планеты, чем Земля, и в своем истинном обличье нашей температуры не выдерживает. На Земле нет ни одной формы жизни, приспособленной к антарктической зиме, но лучший компромисс из всех — собака. Оно нашло собак и принялось за вожака — Чернака. Остальные собаки всполошились, порвали цепи и напали на существо прежде, чем оно успело закончить свое дело. То, что мы обнаружили, было частично Чернаком, а частично тем существом, которое мы нашли у корабля. Когда

собаки напали на него, оно стало принимать обличье, самое, по его мнению, подходящее для боя, превращаться в какое-то чудовище своей планеты.

— Превращаться?— резко спросил Гэрри.— Как?

— Все живое состоит из протоплазмы и микроскопических ядер, которые ею управляют. Это существо всего лишь вариация природы: клетки из протоплазмы, управляемые ядрами. Вы, физики, можете сравнить клетку любого животного существа с атомом — основная масса атома состоит из орбит электронов, но сущность его определяется ядром.

То, с чем мы столкнулись, не выходит за пределы нашего понимания. Все это так же естественно, так же логично, как и любое другое проявление жизни, и повинуется обычным законам. Дело лишь в том, что в протоплазме встреченного нами существа ядра управляют клетками произвольно. Существо переварило Чернака и, переваривая, изучило все клетки его тканей, чтобы перестроить свои клетки по их образцу.

Блэр отдернул брезент, из-под которого показалась собачья нога.

— Вот. Это не собака. Имитация. Но со временем даже с микроскопом нельзя будет отличить перестроенную клетку от настоящей.

— А если бы у него хватило времени?— спросил Норрис.

— Тогда оно превратилось бы в собаку. А другие собаки приняли бы ее. И мы тоже. И не смогли бы ее отличить от других ни рентгеном, ни микроскопом, ни другими способами. Мы столкнулись с представителем в высшей степени разумной расы, познавшей тайны биологии и умеющей использовать их.

— Что же оно собиралось делать дальше?— спросил Барклай, глядя на тело под брезентом.

— Захватить наш мир, по всей вероятности,— ответил Блэр.

— Захватить мир? В одиночку? — выдохнул Конант.

— Нет,— мотнул головой Блэр.— Оно бы стало населением нашего мира.

— Как? Бесполовым размножением?

Блэр проглотил слюну.

— Гораздо проще. Оно весило 85 фунтов. Чернак весил около 90. Оно превратилось бы в Чернака и оставило бы 85 фунтов на Джека или, скажем, Чунука. Оно ведь способно воспроизвести все, что угодно, кем угодно стать. Попади оно в океан, то стало бы тюленем, а то и двумя тюленями. Эти два тюленя напали бы на касатку и стали бы либо касаткой, либо стадом тюленей. А может быть, оно превратилось бы в альбатроса и полетело бы в Южную Америку. Оно непобедимо. Нападет на него орел, оно превратится в орла. Или в орлицу. Чего доброго, совьет еще гнездо и будет нести яйца.

— Вы уверены, что это исчадие ада мертво?— тихо спросил доктор Коппер.

— Да, слава богу.

— Тогда нам остается только благодарить судьбу за то, что мы в Антарктике, где ему некого имитировать, кроме наших животных.

— И нас,— хихикнул Блэр.— Нас! Собаке не пройти 400 миль до побережья, ей не хватит еды. Пингвины так далеко не заходят. Мы единственные существа, способные достичь океана. И мы мыслим. Неужели вы не понимаете — оно вынуждено имитировать нас, чтобы добираться дальше нашим самолетом и стать хозяином Земли. Сначала оно само этого не поняло. Не успело. Ему пришлось торопиться. А теперь слушайте. Я — Пандора! Я открыл этот ящик, и моя единственная надежда на то, что ничего еще не успело выйти из него. Я это сделал, но я и исправил содеянное.

Я уничтожил все магнето. Самолет не сможет теперь летать!— Блэр снова хихикнул и рухнул в истерике на пол.

— Черт бы побрал Макреди,— буркнул Норрис.

— Макреди?— удивленно переспросил Гэрри.

— У него была теория относительно кошмаров, когда мы нашли эту тварь.

— То есть?

— Он тогда еще предполагал, что существо вовсе не умерло, что у него просто во много раз замедлился темп жизни, что такая форма существования позволяла ему ни много ни мало осознавать течение времени, заметить наше появление. А мне тогда еще снилось, что оно способно имитировать другие формы жизни.

— Так оно и есть,— сказал Коппер.

— Мне еще кое-что снилось. Например, снилось, что оно умеет читать мысли.

Макреди мрачно кивнул.

— Мы знаем, что Конант — это Конант, потому что он не только выглядит как Конант, но и говорит как Конант, ведет себя как Конант. Но чтобы имитировать мысли и поведение, нужен действительно сверхчеловеческий мозг.

Конант, одиноко стоявший в другом конце комнаты, оглядел их неверящим взглядом. Лицо его побелело.

— Да заткнитесь вы, пророки Иеремии!— Голос его дрожал.— Что я вам? Образчик, который вы под микроскопом исследуете? Червячок, о котором в его присутствии можно разговаривать в третьем лице?

Макреди встретил его взгляд.

— Конант, если тебе так тяжко нас слушать, отойди подальше, пожалуйста. У тебя перед нами преимущество: ты один знаешь ответ. Вот что я тебе скажу: теперь из всех здесь присутствующих тебя и боятся больше всего, и уважают больше всего.

— Черт побери, видел бы ты сейчас свои глаза,— выдохнул Конант.— Да не смотри ты на меня так! Что ты намерен делать?

— Что вы можете предложить, доктор Коппер?— спокойным голосом спросил Гэрри.— Ситуация складывается невыносимая.

— Да?— резко выкрикнул Конант.— Вы посмотрите только на эту толпу. Прямо как стая собак там, в коридоре. Бенинг, ты кончишь хвататься за ледоруб?

От неожиданности механик уронил топор, но тут же поднял его, обводя комнату взглядом своих карих глаз. Коппер присел на лежанку Блэра.

— Как уже говорил Блэр, микроскоп не поможет. Прошло слишком много времени. Но пробы сыворотки будут решающими.

— Пробы сыворотки? А точнее?— спросил Гэрри.

— Если взять кролика и вводить ему регулярно человеческую кровь, которая для него яд, то кролик станет иммунным к человеку. Если потом взять немного его крови, влить в чистую сыворотку и добавить туда человеческой крови, то начнется реакция. Вполне достаточное доказательство, чтобы убедиться, кто человек, а кто нет.

— А где мы вам достанем кролика, док?— спросил Норрис.— Ближе, чем в Австралии, их нет, а ехать туда нам некогда.

— Я знаю, что в Антарктике кролики не водятся,— согласился доктор.— Но для проб любое животное сойдет. Собака, например. Только времени это займет больше — несколько дней. И потребуется кровь двух людей.

— Моя подойдет?— спросил Гэрри.

— Вот нас и двое,— ответил доктор Коппер.— Я немедленно приступлю к работе.

— А с Конантом как же, пока суд да дело?— спросил повар Киннер.— Я скорее выйду за дверь и потопаю прямиком к морю Росса, чем буду ему готовить.

— Он, может быть, человек...— начал Коппер.

— Может быть!— взорвался Конант.— Может быть, будь ты проклят! Да кто же я, по-твоему, черт тебя подери?

— Монстр,— отрезал доктор Коппер.— Заткнись и слушай.

Кровь отхлынула от лица Конанта, и он тяжело сел, слушая свой приговор.

— Пока мы точно не выясним, что к чему, а ты знаешь, что у нас есть серьезные основания сомневаться, с нашей стороны было бы вполне разумным посадить тебя под замок. Если ты не человек, то ты гораздо опаснее несчастного свихнувшегося Блэра, а его я наверняка запру. Потому что следующей стадией его помешательства будет желание убить тебя, всех собак и всех нас. Он проснется убежденным в том, что мы все — монстры, и ничто в мире его не переубедит. Было бы более милосердным дать ему умереть, но мы не имеем на это права. Мы его изолируем, а ты останешься в своей лаборатории. Я думаю, что ты и сам решил бы так же. А сейчас я пойду взгляну на собак.

Конант горько покачал головой.

— Я человек. Сделай свою проверку побыстрее. Ну и глаза у тебя. Жаль, что ты не видишь сейчас своих глаз.

— Если,— сказал Гэрри задумчиво,— они способны произвольно перестраивать протоплазму, почему бы им просто не превратиться в птиц и не улететь? Они ведь могут получить информацию о птицах, даже никогда не видав их. Или имитировать птиц своей родной планеты.

Коппер отрицательно мотнул головой и помог Кларку освободить собаку.

— Человек веками изучал птицу, пытаясь построить аппарат, способный летать подобно ей. Но ничего пока не вышло. В конце концов пришлось ведь махнуть на все рукой и использовать принципиально новые способы. Что же касается их планеты, то атмосфера там могла быть сильно разреженной и непригодной к полетам птиц.

Вошел Барклай.

— Все в порядке, док. Теперь из лаборатории Конанта не выйдешь без помощи извне. А куда мы поместим Блэра?

Коппер посмотрел на Гэрри.

— Биологической лаборатории у нас нет. Не знаю даже, куда поместить его.

— Как насчет восточного сектора?— спросил Гэрри. Восточным сектором называлась хижина, расположенная от основного лагеря примерно в минутах сорока ходьбы.— И за Блэром нужен уход?

— Нет, скорее уход нужен за нами,— мрачно ответил Коппер.— Отнесите в хижину печь, пару мешков угля, еду и инструменты. Надо бы протопить как следует, там с осени никто не жил.

Барклай собрал свои инструменты и посмотрел на Гэрри.

— Судя по тому, как Блэр бормочет сейчас, у него это песня на всю ночь. И нам она вряд ли придется по душе.

— Что он говорит?— спросил Коппер.

Барклай кивнул головой.

— Я не особенно прислушивался. Послушайте сами, если вам охота. Но похоже, что этого идиота посетили те же видения, что и Макреди, плюс

еще кое-что. Он ведь спал с тварью рядом, когда мы везли ее в льдине на базу. Ему снилось, что она жива. Ему много чего снилось. И, черт бы его побрал, он уже тогда знал, что это не сон. По крайней мере, имел все основания знать. Он знал, что наша находка обладает телепатическими способностями, что эти способности и начали пробуждаться, что проклятая тварь не только могла читать чужие мысли, но и проецировать свои. Он же не сны видел, он телепатически воспринимал мысли пришельца, так же как мы сейчас слушаем его бормотание сквозь сон. Вот почему он так много о нем знал. А вы и я, видимо, оказались менее восприимчивыми, если вы, конечно, верите в телепатию.

Блэр беспокойно заерзал на кушетке. Барклай, Макреди, Коппер и Бенинг расплывались перед его взором.

— Не приходите сюда, я сам буду себе готовить,— выпалил он.— Может, Киннер и человек, но я не верю. Я буду есть только консервы.

— Хорошо, Блэр, мы принесем консервы,— пообещал Барклай.— Уголь у тебя здесь есть, огонь в печке мы развели. Я только...— Барклай шагнул вперед.

Блэр вжался в угол.

— Убирайся! Не подходи, ты, тварь!— Визжа от страха, маленький биолог впился ногтями в стенку.— Не подходи ко мне, я не дамся, не...

Барклай сделал шаг назад.

— Оставь его, Бар,— сказал доктор Коппер.— Ему будет легче, если он останется один. Но дверь придется усилить и закрыть снаружи.

Они вышли из комнаты и принялись за работу. В Антарктике замков не было — в них раньше не испытывали нужды. По обеим сторонам дверной рамы восточной хижины ввернули прочные болты и накрепко натянули между ними кабель из толстой проволоки. Барклай прорезал в двери окошко, чтобы в комнату можно было передавать еду. Открыть окошко изнутри Блэр не мог. За дверью слышалась возня. Барклай открыл окошко и посмотрел. Блэр забаррикадировал дверь своим топчаном. Войти в комнату без его позволения было невозможно.

* * *

Конант наблюдал за опытом пристальней всех. Маленькая пробирка, наполовину наполненная жидкостью соломенного цвета. Одна-две-три-четыре-пять капель чистого раствора, изготовленного доктором Коппером из крови, взятой у Конанта. Доктор осторожно встряхнул пробирку и поставил ее в кювету с чистой теплой водой. Щелкнул термостат.

В пробирке начали отчетливо выделяться белые пятнышки осадка.

— Боже мой!— Конант рухнул на лежанку, обливаясь слезами.— Боже мой! Шесть дней! Шесть дней я там просидел и все думал, что же будет, если этот чертов тест наврет...

— Этот тест не врет,— сказал доктор Коппер.— Реакция правильная.

— С ним все в порядке?— выдохнул Норрис.

— Он человек,— уверенно сказал доктор,— а та тварь мертва.

В штабной палатке началось ликование. Все смеялись, шутили. Конанта хлопали по плечам и разговаривали с ним неестественно громкими голосами с подчеркнуто дружелюбными интонациями. Кто-то крикнул, что надо пойти к Блэру, сказать, успокоить, он, может быть, придет тогда в себя. Человек десять одновременно побежали за лыжами. Доктор Коппер все еще возился у штатива с пробирками, нервно пробуя различные растворы. Люди, собравшиеся идти в восточную хижину к Блэру, уже присте-

гивали лыжи. На псарне дружно залаяли собаки — атмосфера общего радостного возбуждения передалась и им.

Макреди первым заметил, что доктор Коппер все еще возится с пробирками и что лицо его стало совсем белым — белее сыворотки, на которую он смотрел. Из-под прикрытых век Коппера текли слезы. Сердце Макреди стиснул холод. Коппер поднял голову.

— Гэрри,— хрипло выговорил он.— Гэрри, бога ради, подойдите ко мне.

Гэрри шагнул к доктору. В комнате стало совсем тихо. Конант поднялся и замер.

— Гэрри, я взял пробу ткани монстра. Она тоже выпадает в осадок. Тест ничего не доказывает. Ничего, кроме того, что собака иммунна не только к человеку, но и к найденному нами существу. И что один из доноров — то есть вы или я — один из нас монстр!

* * *

— Бар, позови всех обратно и скажи, чтобы к Блэру никто не ходил,— сказал Макреди. Барклай подошел к двери. Люди в комнате, напряженно наблюдающие друг за другом, слышали, как он кричал. Потом Барклай вернулся к ним обратно.

— Они возвращаются. Я не объяснил, почему. Сказал просто, что доктор Коппер велел к нему не ходить.

— Макреди,— вздохнул Гэрри,— теперь начальник ты. Пусть бог тебе поможет, а я уже ничем помочь не смогу.

Гигант-метеоролог молча кивнул, не сводя глаз с Гэрри.

— Может быть, монстр я,— продолжал Гэрри.— Я-то знаю, что не я, но доказать это вам ничем не могу. Тест доктора Коппера оказался безрезультатным. То, что доктор доказал его безрезультатность, говорит в его пользу: монстру было бы выгоднее это скрыть. Так что, видимо, он человек.

Коппер раскачивался вперед и назад на лежанке.

— Я знаю, что я человек, но доказательств у меня тоже нет. Один из нас двоих лжет, потому что тест лгать не может. Я доказал безрезультатность теста, что вроде бы свидетельствует в мою пользу, что я человек. Но если Гэрри монстр, то он не стал бы говорить об этом, ведь он тогда действовал бы против себя. Голова кругом идет!

Макреди посмотрел на оставшуюся сыворотку.

— По крайней мере, эта штука хоть для одного сгодится. Кларк и Вэн, помогите мне. Остальные оставайтесь здесь и следите друг за другом.

Макреди, Кларк и Вэн Волл шли туннелем к псарне.

— Тебе нужна еще сыворотка?— спросил Кларк. Макреди покачал головой: думал о тестах. «Мы здесь держим четырех коров, быка и почти семьдесят собак. А эта штука реагирует только с человеческой кровью и кровью монстров».

Макреди вернулся в штабную палатку и подошел к штативу с пробирками. Минуту спустя к нему присоединились Кларк и Вэн Волл. Губы Кларка дергались в нервном тике.

— Чем вы там занимались?— неожиданно спросил Конант.

— Этот монстр,— ровным голосом ответил Вэн Волл,— мыслит логично. Он очень логичен. Наша иммунная собака была в полном порядке, и мы взяли еще немного сыворотки для тестов. Но тесты мы делать больше не будем.

— А нельзя попробовать человеческую кровь на другой собаке? — начал Норрис.

— Собак больше нет,— ответил Макреди,— и скота больше нет.

— Нет? — У Бенинга подкосились ноги, и он сел.

— Они очень противные, когда начинают меняться,— сказал Вэн Волл.— Противные, но медлительные. Эта штука с кабелем, которую ты придумал, Барклай, действует очень быстро. Осталась только одна собака, которой мы привили иммунитет. Монстр оставил ее нам, чтобы мы могли позабавиться тестами. Остальные...— он пожал плечами.

— А скот? — спросил Киннер.

— То же самое. Коровы очень странно выглядели, когда начали менять свой облик. Твари никуда не деться, если она на цепи или привязана в стойле.

— Так, с ходу,— сказал Макреди,— я могу придумать только один достаточно достоверный тест. Если человеку выстрелить в сердце и он не умрет, значит, он монстр.

— Ни собак, ни коров не осталось,— сказал Гэрри.— Остались только мы, люди. А изолировать всех бессмысленно. Пожалуй, твой способ кажется разумным, Мак, но применить его на деле будет нелегко.

Кларк оторвал взгляд от печки, когда вошли Вэн Волл, Барклай, Макреди и Бенинг, отряхивая снег с одежды. Люди набивались в штабную палатку и старались вести себя как обычно: играли в шахматы, в покер, разговаривали. Ральсен чинил стол, Вэн и Норрис занялись обработкой данных по магнитному полю.

Доктор Коппер мягко посапывал на лежанке. Гэрри и Даттон просматривали пачку радиограмм. Конант занял почти весь письменный стол своими таблицами. Несмотря на две закрытые двери, из кухни через коридор доносились вопли Киннера. Кларк молча подозвал Макреди жестом руки. Метеоролог подошел к нему.

— Я не против готовить вместо него,— сказал Кларк нервно,— но нельзя ли заставить его замолчать? Мы подумали и решили, что лучше бы запереть его в физическую лабораторию.

— Киннера? — Макреди посмотрел на дверь.— Боюсь, что нельзя. Я мог бы, конечно, его усыпить, но у нас довольно ограниченный запас морфия. Да и вообще у него просто истерика. Он не свихнулся.

— Зато мы скоро свихнемся. Ты уходил на полтора часа, а он все это время орал. И до этого еще два часа. Всему, знаешь ли, есть предел.

Медленно и робко к ним подошел Гэрри. На какое-то мгновение Макреди уловил страх в глазах Кларка и понял, что Кларк прочел то же самое на его лице. Гэрри или Коппер — наверняка один из них был монстром.

— Бога ради,— сказал Гэрри,— найди ты какой-нибудь тест. Все друг за другом следят.

— Ладно, готовь еду. А я постараюсь что-нибудь придумать.

Макреди незаметно подошел к Вэн Воллу.

— Ты знаешь, Вэн,— сказал он,— мне кое-что пришло на ум. Я сначала не хотел говорить, но потом вспомнил, что эта тварь умеет читать мысли. Слушай, ты займись пока кино, а я постараюсь представить себе его логику. Я займу эту лежанку, отсюда хорошо видно всю комнату.

Вэн Волл кивнул.

— Может быть, тебе стоило бы поделиться с нами. Пока что только монстры знают, что у тебя на уме. Ты и сам можешь превратиться в монстра прежде, чем начнешь осуществлять свой план.

— Если я прав, то на его осуществление много времени не потребуется.

Макреди откинулся на лежанке и глубоко задумался. Все расселись по своим местам. Зажглось изображение на экране. Лампы погасли, но экран достаточно хорошо освещал комнату. Молитвы Киннера были еще слышны, и Даттон усилил звук. Голос повара был слышен так долго, что Макреди без него чего-то недоставало. Вдруг он понял, что Киннер замолчал.

— Даттон, выключи звук,— Макреди вскочил. Наступила тишина.— Киннер перестал молиться,— сказал Макреди.

— Да включите вы звук, бога ради, он, может, и замолчал, чтобы послушать!— крикнул Норрис.

Макреди вышел в коридор. Барклай и Вэн Волл последовали за ним. Даттон выключил проектор, и изображение исчезло с экрана. Норрис стоял у двери. Гэрри присел на лежанку, потеснив Кларка. Остальные оставались на своих местах. Только Конант ходил по комнате из угла в угол.

— Если ты не перестанешь ходить, Конант, мы без тебя обойдемся, будь ты хоть человек, хоть кто угодно,— выплюнул Кларк.— Сядешь ты или нет, черт бы тебя побрал?

— Извини.

Физик сел и задумчиво уставился на носки своих ботинок. Прошло еще минут пять, прежде чем Макреди появился на пороге.

— Мало у нас до сих пор было неприятностей,— сказал он,— так кто-то решил нам еще помочь. У Киннера нож торчал из глотки, поэтому, наверное, он и прекратил молиться. Итак, у нас теперь есть монстры, сумасшедшие и убийцы.

— Блэр вырвался на свободу?— спросил кто-то.

— Нет. Сомнения насчет того, откуда взялся наш доброхот, разрешить нетрудно.— Вэн Волл держал в руках завернутый в тряпку длинный тонкий нож. Его деревянная ручка наполовину обгорела. Кларк посмотрел на нее: «Это же я ее утром спалил. Забыл чертову штуку на печке, когда готовил».

— Интересно,— сказал Бенинг, оглядывая всех присутствующих,— сколько еще среди нас монстров? Если кто-то смог отсюда выскользнуть, пройти незамеченным на кухню и незамеченным вернуться обратно... Он ведь вернулся, да? Конечно, все же на месте. Ну если это сделал один из нас...

— Может быть, его убил монстр,— тихо сказал Гэрри.— Вполне может быть, что монстр.

— Как вы сами сегодня отметили, монстру теперь, кроме людей, имитировать некого. И ему нет смысла сокращать свои, так сказать, резервы,— ответил Вэн Волл.— Нет, это не монстр. Это самый обыкновенный грязный убийца. В обычных условиях мы бы даже сказали «бесчеловечный убийца», но теперь следует быть точным в определениях. Теперь среди нас есть и бесчеловечные убийцы, и убийцы-люди. Или один такой по меньшей мере.

— Итак, одним человеком стало меньше,— тихо сказал Норрис.— Как знать, может быть, теперь монстров больше, чем людей, и перевес на их стороне?

— Это пусть тебя не тревожит,— сказал Макреди и повернулся к Барклаю.— Бар, принеси свою палку с кабелем. Хочу кое-что проверить...

Макреди и Вэн Волл вышли в коридор. Секунд через тридцать за ними последовал Барклай со своим электрическим оружием. Норрис продолжал стоять у двери. Вдруг раздался крик. Это кричал Макреди: «Бар, Бар, скорее!»

Норрис, а за ним и остальные ринулись вперед. Киннер — или то, что было Киннером,— лежал на полу, разрубленный надвое гигантским тесаком Макреди. Вэн Волл корчился от боли на полу, потирая челюсть. Барклай, сверкая глазами, продолжал водить кабелем по останкам Киннера. На руках «трупа» появился странный чешуйчатый мех. Пальцы стали короче, ногти превратились в трехдюймовые, острые как бритвы клыки. Макреди сделал шаг вперед, посмотрел на свой тесак и швырнул его на пол.

— Так вот, тот, кто пырнул ножом Киннера, может смело сознаваться. Он был бесчеловечным убийцей на самом деле, потому что убил нечеловека. Клянусь всеми святыми, что, когда мы пришли сюда, Киннер был безжизненным трупом. Но когда «труп» понял, что мы хотим ударить его током, он сразу ожил и начал менять свое обличие на наших глазах.

Норрис озирался по сторонам.

— Бог ты мой, ну и умеют же они притворяться! Надо же, сколько времени молиться Христу, о котором и понятия никогда не имел! С ума нас чуть не свел своими завываниями. Ну признайтесь, кто его зарезал? Сам того не зная, сделавший это оказал нам всем большую услугу. И хотелось бы мне знать, черт побери, как ему удалось выскользнуть из комнаты незамеченным. Это помогло бы нам быть более бдительными в будущем.

Кларк вздрогнул:

— Он так вопил, что перекрывал даже звук кинопроектора. Кто еще, кроме монстра, мог так орать?

— Вот оно что,— сказал Вэн Волл, осененный внезапной догадкой.— Ты ведь сидел у самой двери и почти за экраном.

Кларк кивнул.

— Теперь он затих. Он... Оно мертво. Мак, твой тест ни к черту не годится. Монстр это был или человек — Киннер ведь был мертв.

Макреди хмыкнул:

— Ребята, позвольте представить вам Кларка, единственного из присутствующих, про которого с уверенностью можно сказать, что он человек. Позвольте вам представить Кларка, который доказал свою человеческую сущность пытаясь совершить убийство, из которого ничего не вышло. Но прошу вас всех воздержаться от подобных попыток доказательства своего «я» хотя бы на некоторое время. Я, кажется, придумал более подходящий тест.

— Тест,— радостно воскликнул Конант, но лицо его тут же омрачилось.— Опять, наверное, ничего не выйдет.

— На этот раз выйдет,— ответил Макреди.— Все смотрите в оба и слушайте. Пошли обратно в штабную палатку. Барклай, не выпускай свое электрическое оружие из рук. А ты, Даттон, следи за Барклаем. Клянусь адом, откуда выползли эти твари, я кое-что придумал, и они это знают. Они могут сейчас разбушеваться.

Все сразу напряглись, каждый почувствовал угрозу. Они настороженно и внимательно оглядывали друг друга, настороженно и внимательно как никогда. Кто стоит рядом? Человек или монстр?

— Что ты придумал?— спросил Гэрри, когда они вернулись в комнату.— И сколько времени тебе на это понадобится?

— Я и сам не знаю наверняка,— ответил Макреди хриплым от решимости голосом.— Но я знаю наверняка, что нашел безотказный способ. Он основывается на природе этих монстров, а не на привычных для нас понятиях. «Киннер» меня в этом убедил окончательно.— Макреди стоял, как застывшее бронзовое изваяние. Он наконец обрел уверенность.

— Похоже,— сказал Барклай,— что без этой штуки нам не обойтись,— и он поднял вверх палку с прикрепленным к ней раздвоенным кабелем.— Как у нас с электричеством?

Даттон ответил:

— Динамо в порядке и дизель наготове. Тот, кто прикоснется к этим проводам, умрет.

Заворочавшись во сне, доктор Коппер приподнялся и потер рукой глаза.

— Гэрри,— пробормотал он,— слушайте, Гэрри. Они, эти исчадья ада, эгоистичны до мозга костей. Чертовски эгоистичны. А, о чем это я?— Он рухнул обратно на лежанку и захрапел.

Макреди задумчиво посмотрел на него:

— Скоро мы все выясним. Но относительно эгоизма доктор абсолютно прав. Он, наверное, все время думает об этом во сне. Именно в нем и дело, в эгоизме. Они не могут иначе, понимаете,— повернулся он к людям, замершим в напряжении, пожирающим друг друга волчьими глазами.— Вы помните, что сказал доктор Коппер раньше? «Каждая часть этой твари сама по себе. Каждая часть — это целый самостоятельный организм». Так вот, здесь и зарыта собака. Что такое кровь? В крови нет ничего таинственного. Кровь такая же ткань тела, как мышца или печень. Разве что жидкая.

Бронзовая борода Макреди раздвинулась в мрачной усмешке.

— Ситуация складывается благоприятная. Я уверен, что нас, людей, все же еще больше, чем вас, монстров. И у нас, у землян, есть свойство, которого явно лишены вы. Его не подделаешь, с ним нужно родиться, нужно быть человеком до мозга костей, чтобы тебя все жег этот неугасимый огонь, всегда толкал вперед. Мы будем драться, драться с яростью, которую вы попытаетесь подделать, но подделка эта будет не чета нашей ярости, а настоящая вам не по зубам. Ну что ж. Мы вступаем в открытую схватку. Вы знаете это. Вы давно знаете. Вы же умеете читать мысли. Вы же без своей телепатии шагу не ступите. Но сделать вам уже ничего не удастся. Слушайте все! У них должна идти кровь — если при порезе у них кровь не пойдет, значит, они не люди. Подделки чертовы! А если кровь пойдет, то, как только она отделится от тела, она осознает себя отдельной особью, такой же, как и все другие, они ведь тоже каждый по очереди отделились друг от друга. Ты понял, Вэн? Ты понял, Бар?

Вэн Волл рассмеялся:

— Кровь! Кровь откажется им повиноваться. Каждая капля крови будет новой, самостоятельной тварью, с тем же инстинктом самосохранения, которым наделен ее источник. Кровь захочет жить и постарается увернуться от горячей плиты, к примеру сказать!

Макреди взял со стола скальпель. Из шкафчика он вынул штатив с пробирками, маленькую спиртовку и длинную платиновую проволоку, вделанную в стеклянную ручку. На его губах застыла хмурая улыбка.

— Даттон,— сказал Макреди.— Следи-ка, чтобы никто не выдернул провод.

Даттон шагнул в сторону.

— Ну что, Вэн, начнем с тебя?

Побледнев, Вэн Волл подошел к нему. Аккуратно Макреди надрезал ему вену у основания большого пальца. Вэн Волл моргнул и застыл неподвижно, наблюдая за тем, как Макреди берет его кровь в пробирку. Потом Макреди нагрел платиновую проволочку на спиртовке и ввел ее в пробирку. Раздалось шипение. Макреди повторил тест еще пять раз.

— Как будто человек,— сказал он и выпрямился.— Пока что моя теория еще не доказана, но есть надежда, есть надежда. Однако не очень-то увлекайтесь этим зрелищем. Среди нас есть ведь некоторые, которым оно не по вкусу. Вэн, смени-ка Барклая у рубильника. Спасибо. Иди сюда, Барклай. От души надеюсь, что ты останешься с нами, больно уж ты хороший парень.

Барклай неуверенно усмехнулся и поморщился, когда скальпель врезался ему в ладонь. Через несколько минут, улыбаясь уже от души, он снова взял в руки свое оружие.

— А теперь прошу мистера Самюэля Дат... Бар!

Все смешалось в одну секунду. Какие бы дьявольские силы ни были в этих чудовищах, люди оказались им вполне под стать. Барклай не успел даже поднять кабель, как десяток людей вцепились в то, что минутой назад казалось им Даттоном. Оно плевалось, кусалось, пыталось вырастить клыки, но было разорвано на части и растоптано. Барклай методично выжигал останки монстра электричеством. Каждую каплю крови Вэн Волл быстро залил каустической кислотой.

Макреди усмехнулся:

— Я, должно быть, недооценил людей, когда сказал, что ничто человеческое не сравнится с дьявольским огнем в глазах найденной нами твари. Жаль, что мы не можем приветить ее чем-нибудь более подобающим — кипящим маслом или расплавленным свинцом, например. Как подумаешь, каким отличным парнем был наш Даттон... Ну ладно. Моя теория подтвердилась. Пожалуй, пора мне доказать вам кое-что еще, в чем я сам все время был уверен. Что я — человек.

Макреди окунул скальпель в спирт, прокалил его на огне спиртовки и полоснул себя по вене. Двадцать секунд спустя он перевел взгляд на людей, наблюдавших за ним. Улыбающихся лиц стало больше, улыбки были добрыми. Но что-то все-таки сверкало в глазах улыбающихся людей.

Макреди расхохотался:

— Прав был Конант. Прав. Те собаки тогда, в коридоре, и в подметки вам не годятся. И почему это мы думаем, что злоба свойственна только волкам? Может быть, в некоторых случаях волки и дадут сто очков вперед, но после этой недели — оставь надежду всяк волк, сюда входящий! Ну не будем терять времени. Конант, иди сюда.

И опять Барклай замешкался. Когда наконец он и Вэн Волл кончили свою работу, улыбки у всех стали шире и не такими напряженными, как раньше.

Гэрри говорил, стиснув голову руками: «Конант был одним из лучших наших парней — и пять минут назад я готов был поклясться, что он человек. Эти чертовы твари нечто большее, чем просто имитация».

А еще тридцать секунд спустя кровь, взятая у Гэрри, сжималась в пробирке, пытаясь увернуться от раскаленной платиновой проволочки, вырваться наружу, в то время как красноглазое чудовище, сбросившее облик Гэрри, пыталось увернуться от кабеля Барклая. Существо в пробирке выло страшным голосом, когда Макреди швырнул пробирку в печь.

* * *

— Это последний?— доктор Коппер смотрел на Макреди печальными, налитыми глазами.— Сколько их всего было? Четырнадцать?

Макреди утвердительно кивнул.

— Знаете, если бы можно было предотвратить их распространение, я бы не отказался даже от этих имитаций. Подумать только Гэрри, Конант, Даттон, Кларк.

— Куда это они?— спросил Коппер, провожая взглядом носилки, которые вытаскивали за порог Барклай и Норрис.

— Свалим на лед вместе с обломками ящиков, подбавим с полтонны угля, выльем галлонов десять керосина и подожжем. А здесь, в комнате, весь пол облили кислотой на всякий случай.

— Правильно сделали,— сказал Коппер.— А кстати, что с Блэром?

Макреди вскочил:

— Черт возьми, я совсем забыл о нем. Еще бы, такие события... Как вы думаете, сможем мы его теперь вылечить?

— Если только...— начал доктор Коппер и вдруг оборвал фразу на полуслове. Макреди сорвался с места:

— Даже безумец... Это существо имитировало даже Киннера с его религиозной истерикой... Вэн, живо пошли в хижину Блэра!

— Давай возьмём с собой Барклая,— сказал на ходу Вэн.— Он пристраивал запоры на двери и сумеет быстро их снять, не напугав Блэра.

— Блэр!— кричал Барклай.— Блэр!

Ответа не было.

— Можешь не кричать,— сказал Макреди,— надо спешить. Если он сбежал, дело плохо — у нас теперь ни самолета, ни тракторов.

— Хватит ли у монстра сил уйти далеко?— спросил Барклай.

— Даже сломанная нога не задержит его и на полминуты,— ответил Макреди.

Неожиданно Барклай дернул Вэна за рукав и показал на небо. В сумеречных облаках над их головами с неповторимой грацией и легкостью описывала круги гигантская белокрылая птица.

— Альбатрос,— сказал Барклай,— первый за все время. Если монстр вырвался на свободу...

Норрис выхватил из кармана револьвер. Белую тишину льдов взорвали выстрелы. Птица вскрикнула в воздухе и забила крыльями. Норрис выстрелил еще раз. Альбатрос исчез за ледовым гребнем.

— Больше не прилетит,— сказал Норрис.

Барклай жестом велел ему замолчать.

Странный ярко-голубой луч бил из щелей двери хижины Блэра. Изнутри доносился ровный низкий гул.

Макреди побледнел.

— Боже, спаси нас, если это...— Он бросился вперед, рывками расплетая кабель на двери. Барклай с кусачками в руках последовал за ним. Щелканье кусачек тонуло в усиливающемся гуле, доносящемся из-за двери. Макреди приник к щели.

— Это не Блэр! Это он, монстр! Он склонился над чем-то! Он поднимается вверх! Поднимается!

— Все вместе разом взяли!— сказал Барклай.— Норрис, достань свою пушку. Наш приятель, кажется, вооружен.

Под ударом мощных тел дверь соскочила с шарниров, придерживающая ее изнутри лежанка отлетела в угол. Монстр прыгнул им навстречу. Одно из его четырех щупалец извивалось, как готовая к броску змея. В другом блестел длинный кусок металла, похожий на карандаш, нацеленный прямо в лицо Макреди. Норрис выстрелил. Раздробленное щупальце дернулось назад, выронив металлический карандаш. Раздались еще три выстрела. На месте трех горящих глаз появились пустые дыры, и Норрис швырнул разряженный револьвер прямо в них. Чудовище взвыло. Барклай ринулся вперед с ледорубом в руках. Но щупальца монстра

обвили его ноги прочными живыми веревками. Барклай отчаянно срывал их с себя рукавицами. Ослеплённое чудовище на ощупь пыталось пробраться сквозь меховую одежду к телу — к телу, которое оно могло бы поглотить. Взревела горелка, которую притащил с собой Макреди. Монстр забился в трехметровом языке пламени, испуская дикие вопли, а Макреди жег его со всех сторон, выгоняя на лед...

Макреди молча шел обратно к хижине. Барклай встретил его в дверях.

— Все?— спросил метеоролог.

Барклай ответил:

— Здесь больше ничего не нашли. А оно не раздвоилось?

— Не успело,— ответил Макреди. От него одни головешки остались. А чем оно тут занималось?

Норрис усмехнулся:

— Ну и умники же мы все. Разбили магнето, чтобы самолет не летал, вывели из строя тракторы. И оставили эту тварь без присмотра на целую неделю — ни разу даже не пришли проведать.

Макреди вошёл в хижину и огляделся. Несмотря на выбитую дверь, в ней было жарко. На столе в дальнем углу комнаты стояло что-то, сделанное из проволочных катушек, маленьких магнитов, стеклянных трубок и радиоламп. А рядом, на большом плоском камне, был собран еще один прибор, испускающий пронзительно яркий луч голубого света.

— Что это?— спросил Макреди.

— Надо, конечно, тщательно все изучить,— ответил Норрис,— но по-моему, это источник ядерной энергии. Прибор слева, кажется, позволяет добиться результатов, ради которых мы, люди, строим стотонные циклотроны. Он выделяет нейтроны из тяжелой воды, которую наш дружок получил изо льда.

— Где же он взял... Ну да, конечно, его же не запрешь. Он, значит, совершал экспедиции в аппаратную. Ну и мозги же у них были! Да это не что иное, как атомный генератор.

Норрис кивнул:

— Весь мир был бы его. Ты обратил внимание на цвет луча?

— Да,— сказал Макреди.— И на жару в хижине тоже. Их планета, видимо, вращалась вокруг голубого солнца и на ней было очень жарко. Думаю, что их посадка здесь была простой случайностью. Поскольку они сюда прилетели двадцать миллионов лет назад, вряд ли можно ожидать повторного визита. Интересно, зачем ему все это понадобилось?— Он показал на генератор.

— А ты заметил, чем он был занят, когда мы ворвались?— спросил Барклай.— Посмотри-ка под потолок.

Прямо под потолком висел предмет, похожий на рюкзак, сделанный из расплющенных кофейных банок.

Барклай потянул его вниз за свисающие лямки и надел на плечи. Слабый толчок — и он полетел вдоль комнаты.

— Антигравитация,— сказал Макреди.

— Совершенно верно,— ответил Норрис.— А мы-то думали их остановить. Самолет привели в негодность, по птицам стреляли. А им всего-навсего нужны были консервные банки и радиодетали. Да еще оставили эту тварь в покое на целую неделю. Она бы одним прыжком махнула отсюда в Америку. С атомным генератором в руках. И всё-таки мы их остановили. А ведь ещё полчаса — и мы так и остались бы в Антарктике, стреляя всех птиц.

— Тот альбатрос,— сказал Макреди.— Ты не думаешь...

— С этим-то аппаратом? Нет. Мы спасли наш мир, хотя и оставалось нам всего полчаса.

ДЭНИЕЛ КИЗ

ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА [1]

1. атчет о праисходящем — 5 марта 1956

Доктор Штраусс говорит что с севодняшниво дня я должен записывать все что я думаю и что со мною случаица. Я незнаю зачем это нужно но он говорит это очинь важно для таво чтобы посмотреть использывать меня или нет. Я надеюсь они меня используют. Мисс Кинниен говорит может они сделают меня умным. Я хочу быть умным. Меня зовут Чарли Гордон. Мне 37 лет и две недели назад был мой день раждения. Сейчас мне больше писать нечево и на севодня я кончаю.

2. атчет о праисходящем — 6 марта

Севодня у меня было испытание. Я думаю что я несправился и мне кажеца может теперь они не будут меня использывать. А было так в комнате сидел какой-то добрый молодой человек и у нево было немножко белых карточек и все они залиты чернилами. Он сказал Чарли что ты видиш на этой карточке.

Я сказал что вижу чирнильную кляксу. Он сказал правильно. Я подумал это все но когда я встал чтобы уйти он остановил меня. Он сказал садись Чарли мы еще не кончили. Я не так хорошо помню что было потом он вроде захотел чтобы я сказал что я вижу в чирнильной кляксе. Я ничево в ней неувидел но он сказал что там картинки что другие люди видят какието картинки. А я несмог увидеть никаких картинок. Я паправде старался увидеть. Я держал карточку близко от глаз а потом далеко. Я сказал еслибы у меня были очки я бы видел получше я одеваю очки только в кино или когда смотрю телевизор, но я сказал что они в шкафу в передней. Я их принес. Потом я сказал дайте мне еще посмотреть на эту карточку я обязательно теперь найду картинку.

Я очинь старался но всетаки никак немог найти картинки. Я видел только чирнильную кляксу. Я сказал ему может мне нужны новые очки. Он чтото написал на бумаге я испугался что невыдиржал испытание. Я сказал ему это очинь красивая клякса с малинькими точками вокруг. Он стал очинь пичальным значит я ошибся.

3. атчет о праисходящем — 7 марта

Доктор Штраусс и доктор Немюр говорят что чирнильные кляксы это ничево незначит. Я сказал им я непраливал чирнило на карточки и я ничево немог разглядеть в кляксах. Они сказали что может быть они всетаки меня используют. Я сказал мисс Кинниен никогда неделала мне такие испытания только праверяла письмо и чтение. Они сказали мисс Кинниен говорит что я ее самый лучший учиник в вечерней шкле для взрослых потомучто я стараюсь больше всех и паправде хочу учитца. Они спрасили как это палучилось Чарли что ты сам пришел в вечернюю школу для взрослых. Как ты ее нашел. Я ответил что я спрашивал у людей и ктото мне сказал куда мне пойти чтобы научитца хорошо читать и писать. Они спрасили почему это тебе захотелось. Я сказал я всю жизнь хотел быть ум-

---

[1] Печатается по изд.: БСФ. Т. 10.— М.: Молодая гвардия, 1967.

ным а не тупицей. Но умным быть очинь трудно. Они спрасили а ты знаш что это может быть времено. Я сказал да. Мисс Киннием мне говорила. Мне всеравно если это больно.

Севодня попозже у меня были еще какието психованые испытания. Это испытание показалось мне легким потомучто я мог разглядеть картинки. Только в этот раз добрая леди которая со мной занималась нехотела чтобы я расказал ей про картинки. Это меня запутало. Я сказал что вчерашний мущина прасил чтобы я рассказал что я видел в кляксе она сказала что это ничево незначит. Она сказала придумай расказы про людей которые на картинках. Я сказал как можно расказывать про людей которых никогда невидел. Почему я должен придумывать неправду. Я теперь больше неговорю неправду потомучто я всегда пападаюсь.

Потом люди в белых пальто повели меня в другую часть бальницы и дали мне игру. Это вроде состязания с белой мышкой. Они называли мышку Элджерноном. Элджернон сидел в коробке в которой было очинь много заворотов вроде всяких стенок и они дали мне карандаш и бмагу с полосками и квадратиками. С одной стороны было написано СТАРТ а с другой стороны написано ФИНИШ. Они сказали что это л а б е р и н т и что мы с Элджерноном должны сделать один и тотже л а б е р и н т. Я непонял как мы можем делать один и тотже л а б е р и н т если у меня была бумага и у Элджернона коробка но я ничево не сказал. Да и времени небыло потомучто начались состязания.

У одного мущины были часы которые он хотел от меня спрятать поэтому я старался несмотреть туда и начал изза этаво валнаватца.

От этаво испытания мне было хуже чем от всех других потомучто они повторяли его 10 раз с разными л а б е р и н т а м и и Элджернон всегда выигрывал. Я незнал что мыши такие умные. Может это потому что Элджернон белый. Может белые мыши умнее чем другие.

4. атчет о праисходящем — 8 мар

Они будут меня испольэывать! Я так влнуюсь что почти немогу писать. Сперва доктор Немюр и доктор Штраусс паспорили об этом. Доктор Немюр был в кабинете когда меня туда привел доктор Штраусс. Доктор Немюр незнал испольэывать меня или нет но доктор Штраусс сказал ему что мисс Киннием рикаминдавала меня самым лучшим из всех каво она учит. Мне нравица мисс Киннием потомуто она очинь умная учительница. И она сказала Чарли у тебя будет еще один шанс. Если ты дабровольно согласишся на этот экспирамент может ты станеш умным. Они незнают это будет навсегда или нет но есть шанс. Поэтому я сказал ладно хотя и очень боялся потомучто она сказала что мне будут делать апирацию. Она сказала небойся Чарли ты сделал такие большие успехи с такими малинькими спасобнастями что я думаю ты заслужил это больше всех.

Поэтому я испугался кгда доктор Немюр и доктор Штраусс об этом паспорили. Доктор Штраусс сказал что у меня есть чтото очинь хорошее.

Он сказал доктор Немюр Чарли не такой каким вы представляете себе перваво из ваших новых интелек... (немог разабрать слово) сюперменов. Но большинство людей таковаже низкаво уровня интелек... вражд... и необщит... они обычно тупы апатич... и с ними трудно иметь дело. У нево хороший характир он заинтирисован и сготовностью идет навстречу.

Доктор Немюр сказал незабывайте что он будет первым человечиским сущиством интилект котораво устроитца врезультате хирургичискаво вмишательства.

Доктор Штраусс сказал правильно. Поглядите как он хорошо научился читать и писать для своего низкаво умствинаво уровня это такоеже ве-

ликое достиж... как еслибы мы с вами без всякой помощи изучили тиорию... ности эйнштина.

Я понял не все слова они говорили слишком быстро но похоже доктор Штраусс был за меня а другой нет.

Потом доктор Немюр кивнул он сказал ладно можетбыть вы правы. Мы используем Чарли. Кгда он так сказал я очинь развалнавался я вскачил и пжал ему руку за то что он такой добрый ко мне. Я сказал ему спасибо док вы не пожалеите что дали мне еще один шанс. И я это сказал честно. После апирации я обязатильно пастараюсь стать умным. Я буду ужас как старатца.

5. атчет о праисходящ — 10 мар

Мне страшно. Многие люди которые здесь работают и сестры и те которые делали мне испытания принесли мне конфеты и пажелали мне удачи. Я надеюсь что мне повезет.

Я спрасил доктора Штраусса смогу я после апирации победить Элджернона и он сказал может быть. Если апирация получица я докажу этой мышке что я могу быть такимже умным. А может даже умнее. Я смогу лучше читать и правильно писать слова буду знать много разных вещей и буду как другие люди. Я хочу быть умным как другие. Если это останеца навсегда они сделают умными всех на свете.

6. отчет о происходящем — 15 мар

От апирации мне было больно. Он ее сделал когда я спал. Они севодня сняли у меня с головы и глаз бинт и я могу писать о т ч е т о п р о и с х о д я щ е м. Доктор Немюр который видел мои другие отчеты говорит что я пишу слово о т ч е т неправильно и он показал как ево нужно писать и слово п р о и с х о д я щ е м т о ж е. Я должен постаратца это запомнить.

Я очинь плохо запоминаю как нужно правильно писать. Доктор Штраусс говорит мне нужно писать все что со мной случаица но он говорит я должен расказывать больше что я думаю и чуствую. Когда я сказал ему я неумею думать он сказал папробуй. Пока у меня на глазах был бинт я все время старался думать. Ничево неполучилось. Я незнаю о чем думать. Можетбыть если я спрашу ево он мне скажет как я должен это делать ведь теперь мне полагаеца стать умным. О чем думают умные люди. Наверно чтонибудь придумывают. Я бы хотел уже уметь придумывать.

7. отчет о происходящем — 19 мар

Все тоже самое. Мне делали много испытаний и разные состязания с Элджерноном. Я ненавижу эту мыш. Она мня всегда обыгрывает. Доктор Штраусс сказал что я должен играть в эти игры. И еще он сказал что мне скоро опять придеца пройти эти испытания. Эти кляксы психованые. И те картинки тоже психованые. Мне нравица рисовать мущину и женщину но я нестану врать о людях.

Я так сильно стараюсь думать что у меня заболела голова. Я думал доктор Штраусс мой друг а он мне непомогает. Он мне неговорит о чем думать или когда я стану умным.

8. отчет о происходящем — 23 мар

Я иду обратно работать на фабрику. Они сказали это лучше чтобы я снова начал работать но мне нельзя никому говорить для чево мне делали апирацию и я должен каждый вечер после работы на час приходить

в бальницу. Они собираюца мне платить деньги каждый месяц чтобы я учился быть умным.

Я рад что я возвращаюсь на фабрику потомучто я скучаю по моей работе и по всем моим друзьям и по нашим развличениям.

Доктор Штраусс говорит что я должен продолжать записывать разные вещи но мне ненужно это делать каждый день а только когда я о чемнибудь думаю или когда случаица чтонибудь особенное. Он говорит непадай духом потомучто на это нужно время и это идет медлено. Он сказал что прошло много времени пока Элджернон стал в 3 раза умнее чем раньше. Значит Элджернон меня всегда обыгрывает потому что у нево тоже была такая апирация. Мне от этаво легче. Можетбыть я смогу делать этот л а б е р и н т быстрее чем простая мыш. Может когданибудь я обыграю Элджернона. Вот будет здорово. Пока похоже что Элджернон останеца умным навсегда.

25 мар. (мне больше ненужно писать наверху ОТЧЕТ О ПРОИСХОДЯЩЕМ только когда я отдаю это раз в неделю доктору Немюру чтобы он прочел. Мне нужно только ставить число. Это сохраняет время).

У нас на фабрике было севодня очинь весело. Джо Керп сказал а нука посмотрим где у Чарли была апирация что они сделали как они добавили Чарли мозгов. Я захотел расказать ему но вспомнил что доктор Штраусс сказал нельзя. Потом Френк Рейлли сказал что ты делал Чарли давай поднатужся и выкладывай. От этаво мне стало смешно. Они мои настоящие друзья и они меня любят.

Ингда ктонибудь скажет эй посмотрите на Джо или Френка или Джорджа какова он свалял Чарли Гордона. Я незнаю почему они так говорят но они всегда смеюца. Севодня утром Эмос Борг который у Доннегана 4 человек называл мое имя когда кричал на рассыльного Эрни. Эрни патерял пакет. Он сказал черт возьми Эрни ты что строиш из себя Чарли Гордона. Я непонимаю почему он так сказал. Я никогда нетерял никаких пакетов.

28 мар. Севодня вечером ко мне домой пришел доктор Штраусс чтобы узнать почему я не зашел туда как мне положено. Я сказал ему что мне больше ненравица играть с Элджерноном. Он сказал что пока мне это ненужно делать но я должен приходить. Он принес мне подарок только это не подарок а взаймы. Я подумал что это малинький телевизор но это нетак. Он сказал я должен его включать когда ложусь спать. Я сказал вы шутите почему я должен его включать когда я иду спать. Где это слыхано. Но он сказал что если я хочу стать умным я должен его слушатца. Я сказал ему я недумаю что становлюсь умным а он положил мне руку на плечо и сказал Чарли ты еще этаво незнаеш но ты все время становишся умнее. Ты пока этаво небудеш замичать. Мне кажеца что он просто был добрым чтобы меня успокоить потомучто я совсем невыгляжу умнее.

Ах да чуть не забыл. Я спрасил когда я смогу вернутца в школу в клас к мисс Киннион. Он ответил что я туда больше непойду. Он сказал что мисс Киннион скоро будет приходить в бальницу чтобы учить меня отдельно. Я очинь на нее сердился что она непришла навестить меня когда мне сделали апирацию но я ее люблю и можетбыть мы опять подружимся.

29 мар. Я всю ночь не спал изза этаво психованава телевизора. Как я могу заснуть когда всю ночь мне в уши орут какието психованые слова. И эти дурацкие картинки. Жуть. Я непонимаю что там говорят когда я несплю как же я пойму это во сне.

Доктор Штраусс говорит все в порядке. Он говорит что мои мозги учаца когда я сплю и это мне поможет когда мисс Киннион начнет со мной

уроки в бальнице (только я теперь знаю что это не бальница а лабатория). Я думаю это все чепуха. Если можно поумнеть во сне зачем люди ходят в школу. Я не думаю что чтонибудь из этаво получица. Я всегда смотрю позднюю и препозднюю програму по телевизору и это совсем несделало меня умнее. Может нужно спать когда ее смотриш.

9. отчет о происходящем — 3 апреля

Доктор Штраусс показал мне как сделать у телевизора звук потише и теперь я могу спать. Я ничево не слышу. И я до сих пор непонимаю что он там говорит. Иногда утром я снова включаю ево чтобы посмотреть что я выучил когда спал и я думаю что ничево. Мисс Киннион говорит может это на другом языке или еще что. Но почти всегда он похож на американский. Телевизор говорит так быстро даже быстрее чем мисс Голд которая была моей учительницей в 6 класе а я помню она говорила так быстро что я немог ничего понять.

Я сказал доктору Штрауссу что хорошево стать умным во сне. Я хочу быть умным когда я несплю. Он говорит это одно и тоже.

Но голова у меня болит от вечиринки. Мои друзья с фабрики Джо Керп и Френк Рейлли пригласили меня пойти с ними в салун Маггси чтонибудь выпить. Я нелюблю выпивать но они сказали что нам будет очинь весело. Я хорошо провел время.

Джо Керп сказал что я должен показать девушкам как я на фабрике мою пол в уборной и он принес мне тряпку. Я показал и все засмиялись когда я сказал что мистер Доннеган говорит что я самый лучший уборщик из всех каво он имел за все время потомучто я люблю свою работу и хорошо с ней справляюсь никогда не опаздываю и непрогулял ни одново дня только когда мне делали апирацию.

Я сказал что мисс Киннион всегда говорила Чарли гордись своей работой потомучто ты с ней хорошо справляешся.

Все смиялись нам было весело и они дали мне много выпить а Джо сказал ну и тип этот Чарли когда наклюкаетца. Я незнаю что это значит но все меня любят и нам весело. Я немогу дождатца пока стану таким умным как мои лучшие друзья Джо Керп и Френк Рейлли.

Я непомню как кончилась вечиринка но мне кажеца я вышел купить газету и кофе для Джо и Френка и когда я вернулся там никаво их небыло. Я искал их везде допоздна. Что потом я помню не так хорошо но мне кажеца я захотел спать или заболел. Какойто добрый полицейский привел меня домой. Так говорит моя квартирная хозяйка миссис Флинн.

Но у меня болит голова и на ней большая шишка и кругом синяки. Я думаю может я упал но Джо Керп говорит это работа полицейскаво они иногда бьют пьяных. Я так недумаю. Мисс Киннион говорит что полицейские должны помогать людям. А все таки у меня очинь болит голова меня тошнит и все у меня болит. Я думаю, что я больше никогда небуду пить.

6 апреля. Я победил Элджернона! Я даже незнал что я победил ево пока мне несказал лабарант Берт. А во второй раз я проиграл потомучто я так валнавался что упал со стула когда еще не кончил. Но потом я победил ево еще 8 раз. Должно быть я становлюсь умным если победил такую умную мыш как Элджернон. Но я не ч у с т в у ю себя умнее.

Я хотел еще соревноватца с Элджерноном но Берт сказал на один день хватит. Мне разрешили его минутку подержать. Он не такой уж плохой. Он мягкий как ватный шарик. Он моргает и когда открывает глаза они черные а покраям розовые.

Я сказал что могу покормить ево потомучто мне было неприятно что я победил ево а я хочу быть добрым и со всеми дружить. Но Берт сказал

нельзя Элджернон совсем особиная мыш с такой же апирацией как у меня и он первый из всех животных так долго остался умным. Он сказал Элджернон такой умный что каждый день должен решать задачу чтобы получить еду. Это вроде замка на двери который меняют когда он заходит внутрь чтобы поесть поэтому он каждый раз должен выучить чтонибудь новое чтобы получить свою еду. Мне стало ево жалко потомучто если он несможет учитца он будет голодным.

Я думаю это неправильно заставлять кавонибудь проходить испытание за еду. Как бы это понравилось доктору Немюру еслибы он должен был проходить испытание каждый раз когда ему захочеца кушать. Я думаю что мы с Элджерноном будем друзьями.

9 апреля. Севодня после работы в лабаратории была мисс Киннием. Она вроде была рада меня видеть но какбудто чевото боялась. Я сказал ей мисс Киннием невалнуйтесь я еще не умный и она расмиялась. Она сказала я верю в тебя Чарли как ты изо всех сил старался читать и писать лучше всех других. Сперва ты будешь занимаца понемножку и ты сделаешь кое-что для науки.

Мы читаем очинь трудную книжку. Я никогда раньше нечитал такой трудной книжки. Она называеца Робинзон Крузо об одном человеке который пападает на необитаемый Остров. Он умный и придумывает разные штуки чтобы иметь дом и еду и он хорошо плавает. Только мне ево жалко потомучто он совсем один и у него нет друзей. Но мне кажеца на острове есть ктото еще потомучто там есть картинка как он со своим смешным зонтиком смотрит на следы ног. Я надеюсь у нево будет друг и он небудет одиноким.

10 апреля. Мисс Киннием учит меня писать лучше. Она говорит посмотри на слово закрой глаза и повторяй его много много раз пока не запомниш. Мне очень трудно со словом кажется которое говорят кажеца и со словом сегодня которое говорят севодня.

14 апреля. Я кончил Робинзона Крузо. Мне хочется узнать что с ним еще случится но мисс Киннием говорит это все. Почему.

15 апреля. Мисс Киннием говорит что я учусь быстро. Она прочла некоторые из моих сообщений и как-то страно посмотрела на меня. Она говорит что я хороший человек и я им всем докажу. Я спросил ее почему. Она сказала неважно но мне не нужно огорчатся если я пойму что все не такие хорошие как я думаю. Она сказала такой человек как ты которому бог дал так мало сделал больше чем многие умные люди которые никогда даже не используют свои мозги. Я сказал что все мои друзья умные люди но они хорошие. Они меня любят и никогда ничего плохого не сделали. Тут ей что-то попало в глаз и она побежала в туалет.

16 апр. Сегодня, я выучил запятую, вот она какая (,) точка с хвостиком, мисс Киннием, говорит что это важно, потому что, запятая, делает, написанное, лучше.

17 апр. Я ставил запятые неправильно. Это знак препинания. Мисс Киннием велела мне смотреть в словаре длинные слова чтобы я научился их писать. Я спросил зачем если их можно читать. Она сказала это входит в твое обучение поэтому теперь я буду смотреть все слова когда я неуверен как их нужно писать. Из за этого приходится писать долго но мне кажется что я запоминаю. Мне нужно посмотреть только один раз и я уже знаю как писать. Поэтому я правильно написал слово препинание. (Оно так написано в словаре.) Мисс Киннием говорит что точка тоже знак препинания и что есть еще много других знаков которые нужно выучить.

Нужно все знаки употреблять вместе, она показала? Мне «как, это делать, и теперь; я могу! употреблять вместе все» знаки препинания, когда!

пишу? Есть множество! правил? которые нужно? выучить; но я их дер'жу в голове.

Мне нравится, в Дорогой мисс Киннием (так нужно писать в деловом письме если я когда нибудь стану деловым человеком) что она, всегда мне' все об'ясняет» когда — я спрашиваю. Она ге'ний! я бы хотел! быть таким, умным» как она;

(Знаки, препинания; смешные!)

18 апр. Какой же я болван! Ведь я даже не понял, о чем она говорила. Вчера вечером я прочел учебник грамматики, и там все об'ясняется. Потом до меня дошло, что мисс Киннием пыталась мне об'яснить то же самое, но я тогда не понял. Я встал посреди ночи, и у меня в голове все прояснилось.

Мисс Киннием сказала, что мне помог телевизор, который работает, когда я сплю.

20 апр. Я себя очень плохо чувствую. Не так, что мне нужен доктор, а в груди у меня как-то пусто, будто у меня вышибли внутренности, и к тому же еще у меня изжога.

Я не собирался об этом писать, но мне кажется, это все-таки следует сделать, потому что это важно. Сегодня в первый раз я не вышел на работу и остался дома.

Вчера вечером Джо Керп и Френк Рейлли пригласили меня на вечеринку. Там было много девушек и несколько ребят с фабрики. Я вспомнил, как мне было плохо прошлый раз, когда я слишком много выпил, и поэтому я сказал Джо, что не хочу ничего пить. Вместо спиртного он дал мне чистую кока-колу. У нее был странный вкус, но я подумал, что это у меня просто неприятный привкус во рту.

Вначале нам было очень весело. Джо сказал, что я должен танцевать с Эллин, и она поучит меня разным па. Я несколько раз упал и никак не мог понять почему, ведь кроме меня и Эллин никто больше не танцевал. И я то и дело спотыкался, потому что все время кто-нибудь вытягивал ногу.

Поднявшись, я увидел на лице Джо такое выражение, что почувствовал что-то странное в животе.

— Да от него просто сдохнуть можно,— сказала одна из девушек.

Все расхохотались.

— Я так здорово не смеялся с того вечера у Маггси, когда мы послали его за газетой и смылись,— сказал Френк.

— Нет, вы только на него посмотрите. Какая у него красная рожа.

— Он краснеет. Чарли краснеет.

— Эй, Эллин, что ты сделала с Чарли? Я никогда его таким не видел.

Я не знал, что мне делать, куда себя девать. Все смотрели на меня и смеялись, и я почувствовал себя так, будто стою нагишом. Мне захотелось куда-нибудь спрятаться. Я выбежал на улицу, и меня вырвало. Потом я пошел домой. Странно, как я никогда не замечал, что Джо, Френку и другим нравилось все время таскать меня за собой для того, чтобы надо мной смеяться. Теперь я понимаю, что это значит, когда они говорят «свалять Чарли Гордона»!

Мне стыдно.

10. отчет о происходящем

21 апреля. Я все еще не вышел на работу. Я попросил миссис Флинн, мою хозяйку, позвонить на фабрику и сказать мистеру Доннегану, что я заболел. Последнее время миссис Флинн очень странно посматривает на меня, будто она меня боится.

Мне кажется, это хорошо, что я понял, как все надо мной смеются. Я много думал об этом. Это из-за того, что я такой недотепа и даже не замечаю, когда делаю глупости. Люди считают, что это смешно, когда глупый человек не может все делать так, как они.

Во всяком случае теперь я уже понимаю, что с каждым днем становлюсь умнее. Я знаю знаки препинания и могу правильно писать. Мне нравится отыскивать в словаре трудные слова, и я их запоминаю. Теперь я много читаю, и мисс Киннион говорит, что я читаю очень быстро. Иногда я даже понимаю то, о чем читаю, и это остается в памяти.

Мисс Киннион сказала, что кроме истории, географии и арифметики я буду учить иностранные языки. Доктор Штраусс дал мне несколько новых лент, чтобы я ставил их перед тем, как ложусь спать.

Сегодня мне значительно лучше, но кажется, я все еще немного сержусь на людей за то, что они всегда надо мной издевались и делали из меня посмешище, потому что я был глуп. Когда я, как говорит доктор Штраусс, поумнею и мой К. И.[1] 68 утроится, быть может, я стану таким, как все, и люди будут любить меня и относиться ко мне по-дружески.

Мне не совсем ясно, что такое К. И. Доктор Немюр говорит, что К. И. измеряет степень умственных способностей человека — как весы в аптеке, на которых взвешивают фунты. Но доктор Штраусс не согласился с ним и сказал, что К. И. вовсе не взвешивает интеллект. Он сказал, что К. И. показывает, насколько можно повысить интеллект, что это вроде цифр на мензурке. По ним видно, сколько еще нужно жидкости, чтобы ее наполнить.

А когда я спросил об этом Берта, который проверяет мой интеллект и наблюдает за Элджерноном, он сказал, что они оба неправы (только я должен был пообещать, что не передам им его слова). Берт говорит, что К. И. измеряет множество различных вещей, в том числе и кое-что из того, что человек успел изучить, и что, честно говоря, этот К. И. никуда не годится.

Так я до сих пор толком и не знаю, что такое К. И., за исключением того, что мой вскоре превысит 200. Я промолчал, но мне все-таки непонятно, каким образом они узнают, сколько его у вас, если они не знают, ч т о это такое или г д е это находится.

Доктор Немюр говорит, что мне нужно будет завтра пройти испытание Роршаха. Интересно, что э т о такое.

22 апреля. Я узнал, что такое Р о р ш а х. Это испытание, которое я проходил перед операцией,— то самое, с кляксами на кусках картона. И проводил его тот же человек.

Эти кляксы перепугали меня до смерти. Я знал, что он попросит меня найти картинки, и был уверен, что не смогу этого сделать. Я подумал про себя, что было бы неплохо как-нибудь узнать, какие же там скрыты картинки. А может, там вовсе не было никаких картинок. Вдруг это просто хитрость, чтобы выяснить, настолько ли я глуп, чтобы искать то, чего нет совсем. Стоило мне только об этом подумать, и я тут же обиделся на того человека.

— Так вот, Чарли,— сказал он,— ты уже видел однажды эти карточки, помнишь?

— Конечно, помню.

По моему тону он понял, что я рассердился, и это его явно удивило.

— Да, правда. А теперь я хочу, чтобы ты взглянул вот на эту карточку. Что это может быть? Что ты на ней видишь? Люди видят в этих кляк-

---

[1] *К. И.*— коэффициент интеллекта. *(Прим. перев.).*

сах самые разнообразные вещи. Скажи, что это тебе напоминает — о чем это заставляет тебя думать?

Я был потрясен. Его слова были для меня полной неожиданностью.

— Вы хотите сказать, что в этих кляксах нет никаких картинок?

Он нахмурился и снял очки.

— Что такое?

— Картинок. Скрытых в кляксах. Прошлый раз вы сказали мне, что все их видят и вы хотели, чтобы я их тоже нашел.

Он объяснил мне, что прошлый раз он говорил почти те же слова, что и теперь. Я не поверил ему и все еще подозреваю, что он нарочно тогда сбил меня с толку, чтобы позабавиться. Или... я уже ни в чем не уверен... Неужели я мог быть т а к и м слабоумным?

Мы медленно просмотрели карточки. На одной из них клякса была похожа на пару летучих мышей, которые что-то тащат. На другой она напоминала двух сражающихся на шпагах мужчин. Я придумывал всевозможные вещи. Кажется, я увлекся. Но я больше не доверял ему и все время то так, то сяк вертел карточки и даже рассматривал их с обратной стороны, чтобы проверить, не было ли там чего-нибудь такого, что мне полагалось заметить.

Я до сих пор еще не вижу смысла в этом испытании. Мне кажется, что любой человек может солгать, выдумав то, чего он в действительности не видит. Откуда он мог знать, что я не вожу его за нос и не рассказываю о вещах, которые на самом деле вовсе не возникают в моем воображении? Быть может, я пойму это, когда доктор Штраусс разрешит мне читать про психологию.

25 апреля. Я придумал, как по-новому расположить на фабрике станки, и мистер Доннеган говорит, что это сэкономит ему в год десять тысяч долларов на рабочей силе и увеличении количества выпускаемой продукции. Он выдал мне 25 долларов премии.

Чтобы отпраздновать это событие, я пригласил Джо Керпа и Френка Рейлли позавтракать со мной, но Джо сказал, что ему нужно кое-что купить для жены, а Френк сказал, что завтракает со своей двоюродной сестрой. Мне думается, должно пройти какое-то время, пока они привыкнут к происшедшей во мне перемене. Все словно боятся меня. Когда я подошел к Эмосу Боргу и похлопал его по плечу, он прямо-таки подпрыгнул до потолка.

Люди со мной теперь мало разговаривают и не шутят, как прежде. Поэтому на работе как-то одиноко.

27 апреля. Сегодня, набравшись храбрости, я пригласил мисс Киннион пообедать со мной завтра вечером и отпраздновать мою премию.

Сперва она было усомнилась, удобно ли это, но я спросил доктора Штраусса, и он сказал, что все нормально. Доктор Штраусс и доктор Немюр, видимо, не очень-то между собой ладят. Они без конца спорят. Сегодня вечером, когда я зашел туда, чтобы выяснить у доктора Штраусса насчет обеда с мисс Киннион, я слышал, как они друг на друга кричали. Доктор Немюр утверждал, что это е г о эксперимент и е г о исследования, а доктор Штраусс кричал в ответ, что он вложил в это дело не меньше, чем доктор Немюр, так как это он нашел меня через мисс Киннион и это он сделал мне операцию. Наступит день, заявил он, когда во всем мире тысячи нейрохирургов будут применять на практике разработанную им технику.

Доктор Немюр хочет в конце этого месяца опубликовать результаты эксперимента. Доктор Штраусс считает, что для большей уверенности следует еще немного подождать. Он заявил, что доктора Немюра больше интересует кафедра психологии в Принстоне, чем сам эксперимент. Доктор

Немюр сказал, что доктор Штраусс не что иное, как оппортунист, который в погоне за славой пытается прокатиться на его, доктора Немюра, плечах.

Когда я потом ушел, я почувствовал, что меня бьет озноб. Я точно не знаю почему, но получилось так, словно я их обоих впервые увидел по-настоящему. Я вспоминаю, Берт говорил, что у доктора Немюра жена — сущая ведьма, которая все время подгоняет его. Берт сказал, что мечта всей ее жизни — иметь знаменитого мужа.

Неужели доктор Штраусс на самом деле пытается прокатиться на его плечах?

28 апреля. Не понимаю, почему я никогда не замечал, какая мисс Киннион красивая. Ей только тридцать четыре года! У нее карие глаза и пушистые каштановые волосы, собранные на затылке. Я думаю, это потому, что с самого начала она казалась мне недостижимо гениальной — и очень, очень старой! А теперь с каждой нашей встречей она молодеет и становится все более привлекательной.

Мы пообедали и долго разговаривали. Когда она сказала, что я быстро иду вперед и скоро оставлю ее позади, я рассмеялся.

— Это правда, Чарли. Ты уже читаешь лучше меня. Ты одним взглядом можешь прочесть целую страницу, а я за то же время схватываю только несколько строк. И читая, ты запоминаешь каждую мельчайшую деталь. Я же, в лучшем случае, могу вспомнить только основные мысли и общий смысл прочитанного.

— Я не чувствую себя умным. Есть так много вещей, которые я не понимаю.

Она взяла сигарету, и я поднес ей горящую спичку.

— Тебе следует быть чуточку терпеливее. На то, что ты совершаешь за какие-нибудь дни и недели, у нормальных людей уходит полжизни. Именно это и поразительно. Ты впитываешь знания, словно огромная губка. Факты, цифры, общие сведения. И вскоре ты начнешь все это сопоставлять. Ты поймешь соотношение между различными отраслями знаний. Существует множество уровней, Чарли, это ступени гигантской лестницы, которая ведет тебя все выше и выше, и ты все лучше и лучше познаешь окружающий тебя мир.

Она нахмурилась.

— Я только надеюсь...

— А что такое?

— Неважно, Чарли. Я просто надеюсь, что, посоветовав тебе пойти на это, я не совершила ошибки.

Я расхохотался.

— Да как вы можете так говорить? Ведь все идет как надо. Даже Элджернон все еще умен.

Какое-то время мы сидели молча, и я знал, о чем она думает. Мне хотелось думать об этой возможности не больше, чем старикам хочется думать о смерти. Я з н а л, что это только начало. Я понимал, что она подразумевала под ступенями, потому что некоторые из них я уже прошел. При мысли о том, что я оставлю ее позади, мне стало грустно.

Я влюблен в мисс Киннион.

11. отчет о происходящем

30 апреля. Я больше не работаю в «Компании по производству пластмассовых коробок» Доннегана. Мистер Доннеган твердо заявил, что всем будет лучше, если я уйду. За что они меня так возненавидели?

Я узнал об этом впервые, когда мистер Доннеган показал мне петицию. Восемьсот сорок подписей, все, кто имеет отношение к фабрике...

Снова я горю от стыда. Этот мой новый интеллект воздвиг стену между мной и всеми теми, кого я раньше знал и любил. Прежде они смеялись надо мной и презирали меня за мое невежество и тупость; теперь они ненавидят меня за мои знания и сообразительность. Господи, что же им от меня наконец нужно?

Они вышвырнули меня с фабрики. Теперь я еще более одинок, чем когда-либо...

15 мая. Доктор Штраусс очень зол на меня за то, что я две недели не писал своих отчетов. Он по-своему прав, ведь лаборатория теперь регулярно платит мне жалованье. Я сказал ему, что был слишком занят — много читал и думал. Когда я упомянул, что медлительность процесса письма выводит меня из терпения, он посоветовал научиться печатать на машинке. Теперь писать значительно легче, потому что я за минуту могу напечатать около семидесяти пяти слов. Доктор Штраусс постоянно напоминает мне о необходимости писать и говорить попроще, чтобы меня могли понять другие.

В прошлый вторник нас с Элджерноном продемонстрировали на заседании съезда Американской Ассоциации Психологов. Мы произвели крупную сенсацию. Доктор Немюр и доктор Штраусс очень нами гордились.

Я подозреваю, что доктор Немюр, которому шестьдесят (он на десять лет старше доктора Штраусса), считает нужным уже теперь пожать плоды своих трудов. Это, несомненно, результат давления со стороны миссис Немюр.

Вопреки впечатлению, которое сложилось у меня о нем раньше, теперь я понимаю, что доктор Немюр отнюдь не гений. У него большие способности, но ему мешает его неверие в себя. Он хочет, чтобы люди считали его гением. Поэтому для него важно знать, что его работа находит признание. По-моему, доктор Немюр боялся дальнейшей отсрочки именно потому, что кто-то другой мог бы сделать аналогичное открытие и лишить его этой чести.

Зато доктора Штраусса гением назвать можно, хотя я чувствую, что его знания слишком ограничены. Его обучали в традициях слишком узкой специализации.

Я был потрясен, узнав, что из всех древних языков он умеет читать только по-латыни, по-гречески и по-древнееврейски и что он почти не знает высшей математики за пределами элементарных вариационных исчислений. Когда он мне в этом признался, я почувствовал некоторое раздражение. Я воспринял это так, словно, чтобы ввести меня в заблуждение, он до сих пор скрывал эту сторону своей личности, стараясь казаться (что, как я обнаружил, свойственно многим людям) не таким, каков он в действительности.

Доктор Немюр явно испытывает по отношению ко мне какую-то неловкость. Иногда, когда я пытаюсь заговорить с ним, он только странно смотрит на меня и отворачивается. Вначале я даже рассердился, когда доктор Штраусс объяснил мне, что из-за меня у доктора Немюра возникает чувство неполноценности. Я подумал, что он надо мной издевается, а я очень остро реагирую, когда из меня делают посмешище.

Откуда я мог знать, что такой высокоуважаемый психолог-экспериментатор, как Немюр, незнаком ни с языком хинди, ни с китайским? Ведь это нелепо, если принять во внимание те исследования, которые ведутся сейчас в Индии и Китае как раз в его области.

Я спросил доктора Штраусса, каким образом Немюр сумеет опровергнуть Рахаджамати, который раскритиковал его метод и результаты исследований, если он вообще не может прочесть его труды. Странное выражение, появившееся при этом на лице доктора Штраусса, могло означать только одно из двух. Или он не хочет говорить Немюру, что пишут в Индии, или же — и это меня очень беспокоит — доктор Штраусс не знает этого сам.

18 мая. Я очень взволнован. Вчера вечером я встретился с мисс Кинниен — до этого я не видел ее больше недели. Я старался не касаться высокоинтеллектуальных вопросов и вести беседу на простые каждодневные темы, но она растерянно посмотрела на меня и спросила, что я подразумеваю под изменением математического эквивалента в «Пятом концерте» Доберманна.

Когда я попытался объяснить это, она остановила меня и рассмеялась. Подозреваю, что разговариваю с ней не на том уровне. Какую бы я ни затронул тему, я не могу найти с ней общего языка. Я вижу, что уже почти не могу общаться с людьми. Хорошо, что есть на свете книги, музыка и проблемы, о которых я могу думать.

20 мая. Если бы не случай с разбитыми тарелками, я так и не заметил бы в закусочной, где я ужинаю, парнишку лет шестнадцати — нового мойщика посуды.

Тарелки с грохотом посыпались на пол, разбились вдребезги, и во все стороны под столы полетели осколки белого фарфора. Ошеломленный и испуганный, паренек замер на месте, не выпуская из рук пустого подноса. Свист и улюлюканье посетителей (крики: «Ого, вот так убыток!..», «Поздравляю!..» и «Не долго же он тут проработал...», которые, по-видимому, неизменно раздаются в ресторанах, когда бьют посуду), казалось, еще больше смутили его.

Когда на шум явился хозяин, паренек сжался от страха, словно ожидая, что его будут бить, и, как бы стремясь отразить удар, выбросил вперед руки.

— Ладно! Ладно, дурак,— заорал хозяин,— не стой столбом! Возьми щетку и вымети этот мусор. Щетку... щетку, ты, идиот! Она на кухне. Чтоб тут не осталось ни одного осколка.

Паренек понял, что его не собираются наказывать. С его лица исчезло испуганное выражение, и, вернувшись со щеткой, чтобы подмести пол, он уже улыбался и что-то мурлыкал под нос. Кое-кто из наиболее задиристых посетителей, развлекаясь, продолжал отпускать на его счет замечания.

— А ну-ка, сынок, вон там позади лежит славный осколок...

— Давай-ка еще раз...

— Не так уж он глуп. Разбить-то их легче, чем вымыть...

По мере того, как его пустой взгляд переходил с одного веселящегося зрителя на другого, на его лице постепенно отражались их улыбки, и наконец он неуверенно ухмыльнулся на шутку, которой скорее всего даже не понял.

При виде этой тупой невыразительной улыбки, широко открытых детских глаз, в которых неуверенность сочеталась с горячим желанием угодить, мое сердце пронзила острая боль. Они смеялись над ним, потому что он был умственно отсталым.

И я тоже над ним смеялся.

Внезапно во мне вспыхнула ярость. Я вскочил и крикнул:

— Заткнитесь! Оставьте его в покое! Не его вина, что он ничего не понимает! Он не в силах быть другим! Ради бога... ведь это все-таки человек!

В помещении наступила тишина. Я проклял себя за то, что сорвался и устроил сцену. Стараясь не глядеть на парнишку, я заплатил по счету и вышел из закусочной, не притронувшись к еде. Мне было стыдно за нас обоих.

Как странно, что людям с нормальными чувствами, которые никогда не заденут калеку, родившегося без рук, без ног или глаз, что этим людям ничего не стоит оскорбить человека с врожденной умственной недостаточностью. Меня приводила в бешенство мысль, что не так давно я, совсем как этот мальчик, по глупости изображал из себя клоуна. А я почти об этом забыл.

Я спрятал от самого себя прежнего Чарли Гордона. Но сегодня, взглянув на этого мальчика, я впервые увидел, каким я был раньше. Я был точно таким же!

Я часто перечитываю мои отчеты и вижу безграмотность, детскую наивность, ничтожный, словно запертый в темную комнату интеллект, который жадно всматривается сквозь замочную скважину в сияющий снаружи ослепительный свет. Я вижу, что при всей своей тупости я понимал собственную неполноценность, понимал, что другие люди обладали чем-то, чего у меня не было, чем меня обделила судьба. В своей умственной слепоте я считал, что это было каким-то образом связано с умением читать и писать, и я был уверен, что, постигнув это искусство, я автоматически обрету разум.

Даже слабоумный хочет быть похожим на всех остальных людей. Ребенок может не знать, как или чем накормить себя, но ему знакомо чувство голода.

Этот день пошел мне на пользу. Яснее увидев прошлое, я решил посвятить мои знания и способности исследованиям в области повышения интеллектуального уровня человека. Кто лучше всех подготовлен для этой работы? Кто еще жил в обоих мирах? Дайте мне возможность применить свое дарование и что-нибудь сделать для своих братьев.

Завтра я обсужу с доктором Штраусом вопрос о методе моей работы. Быть может, мне удастся помочь ему решить проблему широкого применения тех операций, первую из которых испробовали на мне. У меня есть по этому поводу кое-какие идеи.

Как много можно было бы сделать! Если меня сделали гением, то ведь таких тысячи! А какого фантастического уровня интеллекта можно было бы достигнуть у нормальных людей? А у гениев?

Сколько же открывается возможностей! Я сгораю от нетерпения.

12. отчет о происходящем

23 мая. Это произошло сегодня. Элджернон укусил меня. Я, как повелось, зашел в лабораторию навестить его, и, когда я достал его из клетки, он впился зубами мне в руку. Я посадил его обратно и некоторое время наблюдал за ним. Он был необычно беспокоен и озлоблен.

24 мая. Берт, в ведении которого находятся экспериментальные животные, сообщил, что Элджернон меняется. Он становится менее общительным; он отказывается бегать по лабиринту. И он не ест. Все недоумевают, что это может значить.

25 мая. Они сами кормят Элджернона, который теперь отказывается решать задачу с меняющимся замком. Все отождествляют меня с Элджерноном. В некотором смысле мы оба — первые. Все они делают вид, что поведение Элджернона не обязательно должно что-то означать в отношении

меня. Но трудно скрыть тот факт, что некоторые из животных, которых подвергли тому же эксперименту, ведут себя странно.

Доктор Штраусс и доктор Немюр попросили меня больше не приходить в лабораторию. Я знаю, о чем они думают, но не могу с этим согласиться. Я не оставил своего намерения продвинуть вперед их исследования. При всем уважении к этим двум достойным ученым я прекрасно сознаю пределы их возможностей. Если существует какое-то решение, я должен буду найти его сам. Совершенно неожиданно фактор времени приобретает для меня огромную важность.

29 мая. В мое полное распоряжение отвели лабораторию и разрешили продолжать исследования. Что-то уже проясняется. Работаю круглые сутки. Мне поставили в лабораторию койку. Большая часть времени, отведенного мною для записей, уходит на заметки, которые я держу в отдельной папке, но иногда я по привычке ощущаю необходимость передать на бумаге свое настроение и мысли.

Я нахожу, что исчисление интеллекта является захватывающе-интересной областью исследований. Вот где можно применить все приобретенные мною знания. В каком-то смысле это проблема, к которой я имел отношение всю свою жизнь.

31 мая. Доктор Штраусс считает, что я работаю слишком интенсивно. Доктор Немюр говорит что я пытаюсь втиснуть в несколько недель исследования и мысли, на которые уходит целая жизнь. Я знаю, что мне нужно отдохнуть, но меня подгоняет какой-то внутренний импульс, который не дает остановиться. Я должен найти причину быстрого регресса Элджернона. Я должен знать, произойдет ли это со мной. И если да, то когда.

4 июня.

ПИСЬМО ДОКТОРУ ШТРАУССУ (копия)

Дорогой доктор Штраусс!

Посылаю Вам в отдельном конверте рукопись этого моего доклада, названного мною «Эффект Элджернона — Гордона: исследование структуры и функций искусственно повышенного интеллекта»; я хотел бы, чтобы Вы его прочли и опубликовали.

Как видите, мои эксперименты закончены. Я включил в доклад все мои формулы, а в приложение к нему — математический анализ. Все это, конечно, должно быть проверено.

Исходя из того, насколько это важно для Вас и доктора Немюра (нужно ли говорить, что и для меня тоже?), я сам десятки раз проверял и перепроверял результаты моих исследований в надежде найти ошибку. С сожалением констатирую, что эти результаты остаются в силе. Однако с точки зрения интересов науки я рад, что вношу малую толику в совокупность сведений о функциях человеческого мозга и о законах, которым подчиняется искусственное повышение человеческого интеллекта.

Я помню, как Вы мне однажды сказали, что неудача эксперимента или опровержение теории имеют такое же важное значение для прогресса науки, как и успех. Теперь я понимаю, насколько это справедливо. Но все-таки мне жаль, что мой собственный вклад в эту область знаний полностью перечеркивает труды двух человек, которых я так высоко ценю.

Искренне Ваш *Чарльз Гордон.*

Докл. прилагается.

5 июня. Я должен держать себя в руках. Фактический материал и результаты проведенных мною экспериментов не оставляют сомнений, и на-

иболее сенсационные аспекты моего собственного быстрого подъема не могут затемнить то, что утроение интеллекта путем хирургического вмешательства по методу доктора Штраусса и доктора Немюра нужно рассматривать как открытие, в настоящее время практически малоприменимое или даже неприменимое вообще.

Просматривая записи и прочие материалы, относящиеся к эксперименту с Элджерноном, я вижу, что, хотя физически он еще находится на ранней стадии развития, умственно он регрессирует. Двигательная активность ослаблена; наблюдается общее понижение деятельности желез внутренней секреции; налицо ускоренная потеря координации.

Имеются серьезные показатели прогрессирующей амнезии.

Как указано в моем докладе, эти, а также и другие симптомы ухудшения физического и умственного состояния могут быть предсказаны с помощью выведенной мною формулы со значительной статистической точностью.

Стимулирующее хирургическое вмешательство, которому мы оба подверглись, привело к интенсификации и ускорению всех умственных процессов. Непредвиденные явления, которые я взял на себя смелость назвать «Эффектом Элджернона — Гордона», являются логическим следствием общего ускорения процессов мышления. Доказанную здесь гипотезу можно коротко сформулировать следующим образом: интеллект, повышенный искусственно, понижается затем со скоростью, прямо пропорциональной степени его повышения.

Мне кажется, что это уже само по себе является важным открытием. По всем данным моя собственная умственная деградация будет очень быстрой.

Я уже начал замечать в себе признаки эмоциональной неустойчивости и забывчивости — первые симптомы конца.

10 июня. Ухудшение прогрессирует. Я становлюсь рассеянным. Два дня назад скончался Элджернон. Вскрытие доказывает правильность моих предсказаний. Вес его мозга уменьшился, обнаружено общее сглаживание мозговых извилин, а также углубление и расширение борозд.

Полагаю, что со мной происходит или вскоре будет происходить то же самое.

Я положил труп Элджернона в коробку из-под сыра и похоронил его на заднем дворе. Я плакал.

15 июня. Ко мне снова приходил доктор Штраусс. Я не пожелал открыть дверь и попросил его уйти. Я хочу, чтобы меня оставили в одиночестве. Я становлюсь обидчивым и раздражительным. Чувствую, как сгущается тьма. Очень трудно выбросить из головы мысль о самоубийстве. Я все время напоминаю себе, какую важность приобретет впоследствии этот интроспективный дневник.

До чего же это странное ощущение, когда берешь книгу, которую с наслаждением читал всего лишь месяц назад, и обнаруживаешь, что совсем ее забыл. Я вспомнил, каким великим человеком казался мне Джон Мильтон, но, когда я сегодня попробовал почитать «Потерянный рай», я абсолютно ничего не понял. Я так рассвирепел, что швырнул книгу в другой конец комнаты.

Я должен попытаться сохранить хоть что-нибудь. Что-нибудь из того, что я за это время познал. О господи, не отнимай у меня всего...

19 июня. Иногда по вечерам я выхожу гулять. Прошлой ночью я не мог вспомнить, где я живу. Домой меня привел полицейский. У меня такое чувство, будто бы это уже произошло со мной однажды, очень давно.

Я продолжаю убеждать себя в том, что я единственный в мире человек, который может описать, что со мною происходит.

21 июня. Почему я теряю память? Я должен бороться. Целыми днями я лежу в постели, не зная, кто я и где я нахожусь. Потом все это вдруг возвращается. Причуды амнезии. Симптом старости — впадаю в детство. Как это беспощадно логично! Я познал так много и так быстро. А теперь мой интеллект понижается с огромной скоростью. Я не допущу этого. Я буду с этим бороться. Я не в состоянии отогнать от себя воспоминание о мальчике из ресторана, о тупом выражении его лица, глупой улыбке, о людях, которые над ним смеялись. Нет... умоляю... только не это... снова...

22 июня. Я забываю то, что выучил недавно. Похоже, все идет по классическим законам — в первую очередь забывается то, что было усвоено последним. Впрочем, закон ли это? Пожалуй, я лучше прочту еще раз...

Я перечитал свой доклад об «Эффекте Элджернона — Гордона», и мне показалось, будто его написал кто-то другой. Некоторые разделы я даже не понимаю.

Я все время спотыкаюсь о разные предметы, и мне становится все труднее печатать на машинке.

23 июня. Я полностью отказался от машинки. У меня плохая координация движений. Я чувствую, что двигаюсь все медленнее и медленнее. Сегодня у меня было ужасное потрясение. Я взял статью Крюгера «Über psichische Ganzheit»[1] — я пользовался ею для моих исследований, чтобы посмотреть, не поможет ли она мне разобраться в сущности проделанной мною работы. Сперва мне показалось, что у меня что-то не в порядке со зрением. Потом я понял, что больше не могу читать по-немецки. Я попробовал другие языки. Все исчезло.

30 июня. Прошла неделя, пока я решился снова писать. Все постепенно утекает, как песок сквозь пальцы. Большинство моих книг теперь слишком для меня трудно. Они бесят меня, ведь я знаю, что каких-нибудь несколько недель назад я их читал и понимал.

Я снова и снова внушаю себе, что должен продолжать писать эти отчеты, чтобы происходящее со мной стало известно другим. Но все труднее подыскивать слова и вспоминать, как они пишутся. Мне приходится теперь смотреть в словаре даже простые слова, и из-за этого я злюсь на самого себя.

Доктор Штраус приходит почти каждый день, но я сказал ему, что не хочу никого видеть и ни с кем разговаривать. Он чувствует себя виноватым. Все остальные тоже. Но я никого не виню. Я знал, что может из этого выйти. Но как же все-таки больно...

7 июля. Не знаю, куда ушла неделя. Я только знаю, что сегодня воскресенье потому что вижу в окно как люди идут в церковь. Кажется всю неделю я пролежал в кровати но я вспоминаю, что миссис Флинн несколько раз приносила мне поесть. Я все время повторяю себе что мне нужно чтото сделать но потом я забываю, а может это просто легче не делать того, что я говорю мне нужно сделать.

Эти дни я много думаю о моем отце и матери. Я нашел фотографию на которой мы все трое сняты на пляже. У отца подмышкой большой мяч а мать держит меня за руку. Я непомню их такими какие они на фото. Я только помню моего отца почти всегда пьяным и как он ругался с мамой из-за денег.

Он редко брился и всегда царапал мне лицо когда обнимал меня. Мать говорила что он умер но мой двоюродный брат Милти сказал, что слышал

[1] «О психическом совершенстве» *(нем.) (Прим. ред.).*

от своих родителей что мой отец убежал с другой женщиной. Когда я спросил об этом мать она залепила мне пощечину и сказала, что мой отец умер.

Мне кажется я так никогда и не узнаю правду да мне в общем то наплевать. (Один раз он сказал что возьмет меня на ферму посмотреть коров но так этого и не сделал. Он никогда не выполнял своих обещаний...)

10 июля. Моя хозяйка миссис Флинн очинь за меня беспокоица. Она говорит что когда я вот так валяюсь целый день и ничево не делаю я ей напоминаю ее сына перед тем как она его выгнала из дому. Она сказала что не любит бездельников. Если я болен это одно а если я бездельник это уже другое дело и она этого непотерпит.

Я сказал я думаю что я заболел.

Я стараюсь читать понемножку каждый день восновном расказы но иногда мне приходица много раз перечитывать одно и тоже место потомучто я не понимаю что это значит. И мне трудно писать. Я знаю что мне нужно смотреть все слова в словаре но это очинь трудно а я все время такой усталый.

Потом я решил что вместо длиных трудных слов буду писать только легкие. Это сохраняет время. Примерно раз в неделю я кладу цветы на могилу Элджернона. Миссис Флинн думает я рехнулся что кладу цветы на мышиную могилу но я сказал ей что Элджернон был особиной мышью.

14 июля. Снова воскресенье. Мне теперь нечем себя занять потомучто мой телевизор сломался и у меня нет денег на починку. (Я вроде потерял чек из лабаратории за этот месяц. Не помню.)

У меня ужасно болит голова и асперин почти непомогает. Миссис Флинн знает что я паправде заболел и жалеет меня. Она очинь хорошая женщина стоит только кому-нибудь заболеть.

22 июля. Миссис Флинн позвала ко мне каковато чужова доктора. Она испугалась что я умираю. Я сказал доктору что я не очинь болен только иногда все забываю. Он спросил есть ли у меня друзья или родственики и я ответил нет у меня никаво нет. Я сказал ему что когдато у меня был друг котораво звали Элджернон но это была мыш и мы часто соревновались. Он както страно посмотрел на меня будто подумал что я псих.

А когда я сказал ему что я был гением он улыбнулся. Он так разговаривал со мной будто я малинький ребенок и подмигнул миссис Флинн. Я расердился и выгнал ево потомучто он надо мною издевался как все они раньше.

24 июля. У меня больше нет денег и миссис Флин говорит что мне нужно гденибудь работать чтобы платить ей за комнату ведь я не заплатил больше чем за два месяца.

Я неумею ничево делать кроме работы которую я делал в «Компании по производству пластмасовых коробок» Доннегана. Я нехочу туда возвращатца потомучто они там знали меня когда я был умным и может будут теперь надо мною смеятца. Но я незнаю что еще делать чтобы достать деньги.

25 июля. Я смотрел некаторые из моих старых отчетов и это очинь страно но я немогу прочесть что я написал. Я разбираю некаторые слова но непонимаю их.

Мисс Киннион приходила и стояла удвери но я сказал ей уходите я нехочу вас видеть. Она заплакала и я тоже заплакал но невпустил ее потомучто я нехотел чтобы она надо мною смеялась. Я сказал ей что она мне больше не нравица. Я сказал что я больше нехочу быть умным. Это неправда. Я попрежнему люблю ее и попрежнему хочу быть умным но

я должен был так сказать чтобы она ушла. Она заплатила миссис Флинн за мою комнату. Я это нехочу. Я должен найти работу.

Пожалуста... сделайте так чтобы я неразучился читать и писать.

27 июля. Мистер Доннеган был очинь добрым когда я пришел на фабрику и попросил ево снова взять меня уборщиком. Сперва он смотрел на меня снедоверием но я расказал что со мной случилось и он очинь огорчился положил мне на плечо руку и сказал Чарли Гордон ты мужиственый человек.

Все на меня смотрели когда я спустился вниз и начал как раньше мыть уборную. Я сказал себе Чарли если они будут над тобой смеятца не обижайся ты же помниш что они нетакие умные как тебе когдато казалось. А потом они ведь были раньше твоими друзьями и если они смеялись над тобой это ничево потомучто они тебя и любили тоже.

Один из рабочих котораво взяли после моево ухода гадко пошутил он сказал эй Чарли я слышал ты очинь башковитый парень прямо настоящий прафесор. А нука скжи чтонибудь умное.

Мне стало плохо но тут подошел Джо Керп схватил ево за рубашку и сказал оставь его в покое ты паршивый шутник а то я тебе сверну шею. Я неожидал что Джо станет на мою сторону и я думаю что он мой настоящий друг.

Попозже ко мне подошел Френк Рейлли и сказал Чарли если кто-нибудь будет к тебе приставать или захочет тебя обмануть позови меня или Джо и мы ему дадим прикурить.

Я сказал спасибо Френк и задохнулся и мне пришлось уйти на склад чтобы он неувидел как я плачу. Хорошо иметь друзей.

28 июля. Севодня я сделал глупость я забыл что уже не хожу как раньше в клас к мисс Кинниен в школу для взрослых. Я зашел в клас и сел на мое старое место вконце комнаты а она страно посмотрела на мня и сказала Чарлз.

Я непомню чтобы она меня когданибудь так называла она говорила просто Чарли и я сказал привет мисс Кинниен я приготовил мой севодняшний урок только я потерял книжку для чтения по которой мы учимся. Она заплакала и убежала из комнаты и все на меня посмотрели тут я увидел что это совсем другие люди а не те которые раньше со мною учились в одном класе.

Потом я вдруг вспомнил чтото про апирацию и как я стал умным я сказал боже мой я паправде свалял Чарли Гордона. Я ушел до того как она вернулась в клас.

Поэтому я навсегда уезжаю из Нью-Йорка. Я нехочу еще раз сделать чтонибудь вроде этаво. Я нехочу чтобы мисс Кинниен меня жалела. На фабрике все меня жалеют и этаво я тоже нехочу поэтому я уеду в какоенибудь место где никто не знает что Чарли Гордон раньше был гением а теперь даже неможет читать книги и хорошо писать.

Я беру ссобой пару книг и даже если я несмогу их читать я буду много упражнятца и может я забуду не все что я выучл. Если я очинь постараюсь может я буду немножко умнее чем до апирации. У меня есть кроличья лапка и счасливое пенни и можетбыть они мне помогут.

Мисс Кинниен если вы когданибудь прочтете это не жалейте меня я очинь рад что я использывал еще один шанс стать умным потомучто я узнал много разных вещей а раньше я никогда даже незнал что они есть на свете и я благодарн за то что я хоть наминутку это увидел.

Я незнаю почему я опять стал глупым и что я сделал нетак может это потому что я не очинь сильно старался. Но может если я постараюсь и буду много упражняца я стану немножко умнее и буду знать что значат все

слова. Я немножко помню как мне было приятно когда я читал синюю книжку с порваной обложкой. Поэтому я обязательно буду все время старатца стать умным чтобы мне опять было так хорошо. Это очинь приятно знать разные вещи и быть умным. Я бы хотел быть таким прямо сейчас еслибы так я сел бы и все время читал. А всетаки я наверняка первый во всем мире глупый человек который открыл чтото важное для науки. Я помню что я чтото сделал но только непомню что. Кажеца я вроде сделал чтото для всех таких глупых людей как я.

Прощайте мисс Киниен и доктор Штраусс и все и P.S. пожалуста скажите доктору Немюру чтобы он так неворчал когда над ним смеюца и у нево будет больше друзей. Совсем нетрудно иметь друзей если разрешаеш людям над собой смеятца. Там куда я еду у меня будет много друзей.

P.P.S. Если у вас будет возможность положите пожалуста немножко цветов на могилу Элджернона которая на заднем дворе...

АРТУР ПОРДЖЕСС

1,98 [1]

Уилл Говард почувствовал, что кто-то легонько дергает его за штанину. Он посмотрел себе под ноги и увидел, что в манжету его брюк отчаянно вцепилась крохотная полевая мышка. Разинув рот, Уилл уставился на дрожащего зверька, пораженный столь странным поведением обычно пугливого грызуна. Но вдруг на тропинке появилась ловкая, быстрая ласка, до того решительно настроенная, что даже не побоялась человека.

Уилл поспешно подхватил перепуганную мышку на руки. Ласка остановилась, отвратительно заурчала, на ее треугольной морде, похожей на свирепую карнавальную маску, красным светом вспыхнули глаза. Вереща от ярости, она метнулась в чащу.

— Ах ты, бедняга! — обратился Уилл к комочку меха, лежавшему у него на ладони, и горько усмехнулся.— Неравные же у тебя были шансы — точь-в-точь как у меня против Харли Томпсона!

Он наклонился и осторожно посадил мышку в кусты. И тут у него от изумления отвисла челюсть. На месте полевой мыши он увидел толстощекого человечка, смахивающего на Будду, но ростом не более двух дюймов.

Удивительно звучным, хотя и слабым голосом человечек произнес:

— Прими, о добрый смертный, горячую благодарность от бога Иипа. Как я могу вознаградить тебя за то, что ты спас меня от кровожадного чудовища?

Уилл судорожно глотнул, но быстро пришел в себя.

— Так ты... ты бог?— пролепетал он.

— Воистину я бог,— благодушно подтвердило диковинное существо.— В наказание за то, что я жульничал в шахматах, мне каждые сто лет приходится ненадолго становиться мышью... Но ты, без сомнения, читал подобные истории, и они тебе давно наскучили. Достаточно сказать, что ты вмешался как раз вовремя. Теперь ближайшие сто лет мне ничего не гро-

[1] Печатается по изд.: Химия и жизнь. 1966, № 10.

зит — если, конечно, я снова не поддамся искушению и не подменю пешку слоном.

Уилл снова вспомнил о Харли Томпсоне. Кажется, ему наконец представился случай обскакать соперника.

— Ты упомянул о... о награде,— робко начал Уилл.

— Безусловно,— заверил его бог.— Но, увы, награда будет невелика. Видишь ли, я очень мелкое божество.

— Вот как... А можно у тебя попросить маленький-маленький капитал?

— Конечно. Но он будет чрезвычайно маленьким. Я не могу превысить сумму в один доллар и девяносто восемь центов.

— Только и всего?

— Боюсь, что да. Нам, мелким божествам, вечно урезывают сметы.

— Послушай,— прервал Уилл.— А как насчет бриллианта? В конце концов, бриллиант с грецкий орех величиной — это тоже мелкий предмет...

— Извини,— с сожалением сказал бог,— но он будет совсем малюсенький. Это должен быть бриллиант стоимостью не больше доллара и девяноста восьми центов.

— Проклятье!— простонал Уилл.— Есть же, наверное, что-нибудь маленькое...

— Конечно,— добродушно согласился бог.— Все, что в моих силах, в пределах доллара и девяноста восьми центов,— только слово скажи.

— Тогда я пас,— сказал Уилл. Иип явно расстроился, и он добавил более ласковым тоном:

— Да не смущайся. Я знаю, ты от души хотел мне помочь. Не твоя вина, что ты так стеснен в средствах. Может быть, ты еще что-нибудь надумаешь? Я занимаюсь торговым посредничеством,— во всяком случае, пытаюсь, хоть маклер из меня и неважный. Но если ты мог бы организовать мне выгодную сделку...

— Она принесет тебе один доллар и девяносто восемь центов чистой прибыли.

— Это не так-то просто,— криво усмехнулся Уилл.— В настоящее время я занимаюсь дизельными локомотивами, нежилыми помещениями и заброшенными рудниками. И еще я вице-президент компании по эксплуатации иссякших нефтяных скважин.

— Ну, и как идут дела?— спросил божок и лягнул кузнечика, который тут же с негодованием ускакал.

— Мне почти удалось продать одному богатому калифорнийцу заброшенный медный рудник под бомбоубежище, но Харли Томпсон, как всегда, оставил меня с носом. Он показал этому покупателю, как на другом руднике можно переоборудовать штрек в самый длинный — и самый безопасный — бар в мире. Ох уж этот Харли! Я не против, что он стал начальником вместо меня: все равно я плохой руководитель. Или что он переманивает у меня самых выгодных клиентов. Я даже прощаю ему вечные подлые розыгрыши. Но когда дошло до Риты... А она только-только стала замечать мое существование,— горько прибавил он.

— Рита?— переспросил бог.

— Рита Генри... Она работает у нас в конторе. Изумительная девушка!

— Понятно,— вставил Иип и показал нос стрекозе, вертевшейся поблизости.

— Вот тут-то мне бы и нужна была помощь. Так что сделай, что можешь, хотя толку будет немного — ведь твой предел...

— Один доллар и девяносто восемь центов,— подхватил бог.— Ладно. Я проведу здесь, в этом лесу, весь день и весь вечер в созерцании места, где находился бы мой пупок, если бы я появился на свет, как простой смертный. Доверься великому (хоть и мелкому) богу Иипу. Прощай.

И он скрылся в траве.

Вернувшись с прогулки поздно вечером, Уилл безрадостно улегся в постель, убежденный, что помощь ценой в один доллар и девяносто восемь центов наверняка не разрешит волнующую его проблему, даже если будет исходить от бога.

Несмотря на мрачные мысли, он так устал и изнервничался, что сразу же заснул, но через полчаса проснулся, разбуженный звонком. Ничего не видя спросонья, он накинул поверх пижамы халат и открыл дверь.

На пороге стояла девушка.

— Рита!— прошептал Уилл.— Наконец-то!

Она взяла его за руку.

— Меня словно какая-то сила толкала... Я не могла не прийти... Мы созданы друг для друга...

Наутро Уилл подобрал с полу клочок бумаги. Это была газетная вырезка; на полях бисерным почерком было написано: «От благодарного (в пределах 1,98 доллара) бога Иипа».

А краткая рекламная заметка гласила: «При современных ценах все химические соединения, из которых состоит организм человека, можно купить всего лишь за 1 доллар 98 центов».

ДЖЕЙМС ГАНН

ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ [1]

Мэт не верил своим глазам. Несколько секунд он стоял как вкопанный, глядя вслед подпрыгивающему на ходу колесу. Затем, опомнившись, помчался вслед.

— Стой,— орал он,— стой, черт тебя подери!

Словно забавляясь, колесо высоко подпрыгнуло и, опустившись на землю, покатилось еще быстрее, чем прежде. Мэт пробежал по пыльной, нагретой солнцем дороге почти сто ярдов, прежде чем ему удалось поравняться с колесом и толкнуть его ногой в бок. Вращаясь, оно упало на дорогу и замерло, словно опрокинутая на спину черепаха.

Тихо зазвенели маленькие серебряные колокольчики. Смех? Мэт быстро и зло огляделся. Единственным живым существом поблизости была девчонка, которая брела по дороге в нескольких сотнях ярдов от его осевшего набок автомобиля.

Мэт пожал плечами и вытер пот со лба рукавом рубашки. Поздний июньский полдень в южном Миссури был слишком жарким для физических упражнений.

Печатается по изд.: БСФ. Т. 10.— М.: Молодая гвардия, 1967.

Он поднял колесо и покатил его сквозь волны горячего зноя и медленно оседавшее облако красной пыли назад, к зеленому «форду». Мэт мог бы поклясться, что остановился для смены колеса на редком среди этих холмов ровном участке. Но тем не менее колесо, как только он отвинтил гайки, пустилось вниз, словно машина стояла на крутом склоне горы.

Как будто несчастье с колесом не могло произойти десятью милями раньше, на автостраде, где к его услугам были многочисленные станции обслуживания! Впрочем, выходка колеса была лишь последней в длинном ряду неудач и неприятностей, печальными свидетельствами которых остались многочисленные ссадины и царапины. Мэт вздохнул. В конце концов он хотел одиночества. Предложение Гэя закончить диссертацию в его охотничьей хижине показалось Мэту в свое время божьим даром, но сейчас он уже не был в этом уверен. Судя по недавнему происшествию, большая часть его времени будет посвящена борьбе за существование.

Мэт подкатил колесо к машине, осторожно положил его набок и вытащил из багажника запасное. Не спуская глаз с колеса, Мэт подтянул его к левой задней оси, стал на колени, поднял колесо, приладил, наживил гайки, сделал шаг назад и вздохнул с облегчением... Тихо звякнул металл.

Мэт торопливо посмотрел вниз и успел заметить, как последняя гайка закатилась под машину.

В вещах и машинах есть нечто делающее их принципиально чуждыми человеческой натуре. На время они могут маскироваться под верных слуг человека, но в конце концов неизбежно обращаются против своих хозяев. В подходящий психологический момент вещи восстают.

А может быть, секрет заключается в разнице между людьми. Есть люди, у которых все получается не так: их бутерброды падают намазанной стороной вниз; доска, в которую забивают гвоздь, расщепляется; мячи для гольфа попадают в лужу. Другие же пользуются какой-то необъяснимой симпатией со стороны вещей.

Удача? Умение? Координация движений? Опыт? Мэт вспомнил свою чуть не кончившуюся трагически попытку изучить химию; он едва одолел качественный анализ. Потом ему вспомнилась злополучная, стоившая совершенно невероятного труда шестеренка, и рейсфедер, который никак не хотел проводить тонкую линию, сколько ни зачищай его конец...

Все это убедило Мэта, что его руки слишком неуклюжи для инженера. Он перенес свои устремления в область, где орудия труда были более податливы. Когда-нибудь он напишет об этом неплохую статью для журнала...

Смех... На этот раз сомнений быть не могло. Смех звучал прямо за спиной. Мэт круто обернулся. Перед ним стояла все та же девчонка. Чуть выше пяти футов, в выцветшем бесформенном платье. С маленькими, босыми и грязными ногами. Волосы, заплетенные в длинные косички, были мышиного цвета. Только большие голубые глаза чуть оживляли ее бледное личико.

— Почему бы вам не впрячь лошадь?— спросила она, хихикая.

— Давно ли в ваши края завезли эту остроту?— Мэт подавил раздражение, повернулся и стал на четвереньки, чтобы заглянуть под машину.

Одну за другой он подобрал гайки, но последняя, разумеется, находилась вне пределов досягаемости. Обливаясь потом, он пополз за ней под «форд». Когда он вылез, девушка все еще была здесь.

— Чего это ты дожидаешься?— с горечью спросил он.

— Ничего,— спокойно ответила она.

— Почему же ты не идешь домой?— поинтересовался Мэт раздраженно.

— Не могу.

Мэт обошел машину и высвободил домкрат.

— Почему бы это?

— Я убежала,— ее голос был трагически спокоен.

Мэт повернулся, чтобы посмотреть на девушку. Одинокая слеза скатилась у нее по щеке, оставляя за собой грязную дорожку. Мэт ожесточил свое сердце. Солнце уже склонилось довольно низко, и для того чтобы проехать по этой всеми забытой дороге оставшиеся двадцать пять миль, ему понадобится добрый час.

Мэт сел в машину и включил зажигание. Кинув последний взгляд на патетическую маленькую фигурку на дороге, он яростно покачал головой и дал газ.

— Мистер! Эй, мистер!

Мэт нажал на тормоз и высунул голову из окна машины.

— Чего тебе еще надо?

— Мне? Ничего,— мрачно ответила она,— но вы забыли свой домкрат.

Мэт рывком включил задний ход и вернулся на прежнее место. Молча он вылез из машины, подобрал домкрат, открыл багажник, швырнул в него домкрат и захлопнул крышку. Но, проходя мимо девушки, он заколебался.

— Куда это ты направляешься?

— Никуда.

— Что значит «никуда»? Разве у тебя нет родных?

Она отрицательно покачала головой.

— Друзей?— с надеждой в голосе спросил Мэт.

Она снова покачала головой.

— Ладно, тогда отправляйся домой.— Он сел в машину и захлопнул дверцу. В конце концов это не его забота.

Машина тронулась. Можно не сомневаться, что девчонка вернется домой, как только достаточно проголодается. Мэт со скрежетом включил вторую скорость. Даже если она и не вернется, кто-нибудь позаботится о ней. В конце концов он не благотворительное общество.

Мэт недовольно затормозил и, дав задний ход, вернулся к тому месту, где стояла девчонка.

— Залезай,— сказал он.

Ехать по ухабистой дороге было малоприятно, но девчонка подпрыгивала рядом с ним на сиденье, радостно повизгивая.

— Осторожней с моими заметками,— сказал он ей, указывая на пухлые папки, лежавшие между ними,— в них больше года работы.

— Год работы?— удивленно отозвалась она.

— Здесь заметки для диссертации, которую я пишу.

— Вы сочиняете рассказы?

— Исследовательская работа, которую я должен написать, чтобы получить ученую степень.— Он быстро взглянул на нее и снова перевел глаза на дорогу.— Она называется: «Психодинамика колдовства по материалам процессов салемских ведьм в 1692 году».

— А, ведьмы,— произнесла она таким тоном, словно ей все было известно о ведьмах.

Мэт почувствовал беспричинное раздражение.

— Ладно, где ты живешь?

Она перестала подпрыгивать на сиденье и притихла.

— Па снова будет бить меня. Он чуть не спустил с меня шкуру.

— Ты хочешь сказать, что он стукнул тебя?

— Нет, он не пускает в ход руки. Обычно он бьет меня ремнем. Смотрите.

Она задрала подол платья. То, что она носила под платьем, имело такой вид, словно было сшито из старого мешка. Мэт взглянул и быстро отвел глаза. Вдоль бедра тянулась темная полоса. А нога была слишком округлой для такой девчушки. Мэт прочистил горло.

— Почему он это сделал?

— Он просто грубый.

— Ну, должна же быть хоть какая-то причина!

— Понимаете,— сказала она задумчиво,— когда напивается, он бьет меня, потому что пьян, а когда трезвый, то бьет меня, потому что не смог выпить. Обычно он не ищет других причин.

— Но что он при этом говорит?

Она застенчиво посмотрела на него.

— О, этого я не могу повторить!

— Я хочу сказать, чем он недоволен?

— Ах, это...— Она задумалась.— Он считает, что я должна выйти замуж. Он хочет, чтобы я подцепила какого-нибудь здорового молодого парня, который бы переехал к нам и делал бы всю работу. Девчонки не приносят в дом денег,— говорит он,— во всяком случае, порядочные. Они только едят и просят тряпки.

— Выйти замуж,— сказал Мэт,— но, по-моему, ты слишком молода для этого.

Она взглянула на него уголком глаза.

— Мне шестнадцать, у нас такие девушки по нескольку поклонников имеют. Одного-то уж во всяком случае.

Мэт внимательно посмотрел на нее. Шестнадцать лет? Это казалось невероятным. Правда, ее платье было достаточно бесформенным, чтобы скрыть все что угодно.

— Выйти замуж, выйти замуж... Вы думаете, я не хочу выйти замуж? Разве я виновата, что никто из парней меня не хочет.

— Этого я не могу понять,— саркастически сказал Мэт.

Она улыбнулась ему:

— Какой вы милый!

Когда она улыбалась, она выглядела почти хорошенькой. Во всяком случае, для деревенской девчонки.

— Но почему?— спросил Мэт.

— Может, из-за па,— ответила она,— никто не хочет жить вместе с ним. Но, главное, по-моему, просто не везет.— Она вздохнула.— С одним парнем я встречалась почти год. Он сломал ногу. Другой упал в озеро и чуть не утонул. Разве хорошо было с их стороны сваливать вину на меня, даже если мы и поссорились перед этим?

— Сваливать вину на тебя?

Она энергично закивала головой.

— Те, кто не очень ненавидит меня, говорят, что я не девушка, а ходячее стихийное бедствие. Другие выражаются еще хуже. Парни перестали ухаживать за мной. Один даже сказал, что он скорее женится на гремучей змее. А вы женаты, мистер... мистер?..

— Мэтью Райт. Нет, я не женат.

Она задумчиво кивнула головой.

— Райт. Эбигайль Райт. Как хорошо звучит!

— Эбигайль Райт?

— Разве я это сказала? Ну, не смешно ли? Моя фамилия Дженкинс.

Мэт проглотил слюну.

— Ты пойдешь домой,— сказал он с непоколебимым убеждением.— Или ты мне скажешь, как проехать туда, или можешь вылезать из машины.

— Но па...

— Как, по-твоему, куда я тебя везу?

— Туда, куда вы едете.— сказала она, широко раскрыв глаза.

— Послушай, ради бога, ты не можешь ехать туда со мной. Это неприлично.

— Почему?— наивно спросила она.

Мэт молча начал тормозить.

— Ладно,— вздохнула девушка.— Поверните направо на следующем перекрестке.

Зеленый «форд» остановился перед двухкомнатным бунгало. Если его стены и покосившееся крыльцо и были когда-либо знакомы с краской, то знакомство было чисто шапочным, да и то давним.

Большой загорелый человек с длинной черной бородой и высокой шапкой волос задумчиво раскачивался на крыльце в шатком кресле.

— Это па,— испуганно шепнула Эбигайль.

Мэт подождал в неловком молчании, но ее отец продолжал невозмутимо раскачиваться в кресле, как будто незнакомцы каждый день привозили домой его дочь. Может быть, так оно и есть, с раздражением подумал Мэт.

— Ну, вот,— сказал он,— ты и приехала.

— Я не могу вылезти, пока не узнаю, собирается ли он меня выдрать,— ответила Эбигайль,— поговорите с ним. Узнайте, сердится ли он.

— Нет уж, с меня хватит,— убежденно заявил Мэт, снова взглянув на большую черную фигуру, продолжавшую молча раскачиваться на крыльце,— я выполнил свой долг, доставив тебя домой. Прощай. Не могу сказать, чтобы наше знакомство доставило мне большое удовольствие.

— О, вы такой милый и очень симпатичный! Мне бы не хотелось рассказать па, как вы воспользовались тем, что я была совсем одна...

В ужасе Мэт поглядел на Эбигайль, затем вылез из машины. Медленно подошел к крыльцу и поставил одну ногу на покосившуюся ступеньку.

— Хм,— сказал он,— я встретил вашу дочь на дороге.

Дженкинс раскачивался.

— Она убежала,— продолжал Мэт.— Я привез ее обратно,— закончил он в полном отчаянии.

Дженкинс продолжал раскачиваться и молчать. Мэт вернулся к машине и вытащил из отделения для перчаток пинту виски. Затем вернулся к крыльцу.

— Не хотите ли немного выпить?

Большая рука протянулась вперед и заграбастала бутылку. Другая рука свернула пробку. Как только горлышко бутылки исчезло в спутанной бороде, ее дно немедленно задралось к небу. Бутылка забулькала. Когда она опустилась, в ней оставалось меньше половины.

— Слабовато,— произнесла борода.

— Я привез вашу дочь обратно,— сказал Мэт, начиная с самого начала.

— Зачем?

— Ей некуда было идти. Я думаю... в конце концов, это ее дом.

— Она убежала,— сказала борода.

— Послушайте, мистер Дженкинс, я понимаю, дочери-подростки могут доставить кучу неприятностей... но в конце концов она ваша дочь.

— Не уверен.

Мэт сглотнул слюну и попробовал еще раз.

— Счастливая семейная жизнь должна быть основана на разумных компромиссах с обеих сторон. Бить ребенка не значит воспитывать его. И если вы...

— Бить ее?

Дженкинс медленно поднялся с кресла. Это было внушительное зрелище, словно сам Нептун вставал из моря во всем своем величии, гигантский, бородатый и могучий. Даже если отбросить высоту крыльца, Дженкинс возвышался несколькими дюймами над почти шестью футами Мэта.

— Да я пальцем ее ни разу не тронул!

О боже, подумал Мэт, его трясет со страху.

— Зайдите,— сказал Дженкинс, махнув бутылкой по направлению к двери. В комнате царил хаос. Пол был усеян осколками битой посуды. В центре комнаты лежал перевернутый стол, словно размахивая в воздухе тремя нестругаными ножками; четвертая, вывернутая из гнезда, сиротливо торчала в сторону. А рядом валялись разбитые в щепу стулья.

— Это она наделала?— слабым голосом спросил Мэт.

— Это еще ничего,— жалобный голос Дженкинса никак не вязался с его массивной фигурой.— Вы бы видели другую комнату!

— Но каким образом?

— Я не говорю, что Эб сделала это,— сказал Дженкинс, качая головой. Его борода тряслась у самого носа Мэта.— Но когда она чувствует себя несчастной, случается всякое. А она была здорово несчастна, когда Дункан сказал ей, что больше не придет. Стулья подпрыгивали и падали на пол. Стол танцевал по всей комнате, пока не разлетелся на куски. Тарелки летали по воздуху. Смотрите!— Он нагнул голову и развел руками волосы. На затылке виднелась огромная шишка.— Мне даже не хочется думать, что случилось с Дунканом.— Он печально покачал головой.— Так вот, мистер, мне кажется у меня есть все основания наказать девчонку? Не так ли?— спросил он.— Но чтобы я ее ударил? Да я скорее суну руку в змеиное гнездо.

— Вы хотите сказать, что эти вещи случаются сами собой?

— Именно. Я думаю, что у вас в мозгах все запуталось. Никогда не поверил бы во все это, если бы сам не видел и не чувствовал,— тут он потер шишку на затылке,— и если бы этого не случалось раньше. Странные вещи начали твориться вокруг Эб с тех пор, как она стала входить в возраст, лет пять-шесть тому назад.

— Но ведь ей только шестнадцать лет!

— Шестнадцать?— Дженкинс осторожно глянул через открытую дверь в сторону машины Мэта и понизил голос до шепота:— Не выдавайте меня, но Эб всегда любила приврать. Девчонке больше восемнадцати.

Единственная целая тарелка упала с полки и разбилась у ног Дженкинса. Он подпрыгнул и задрожал всем телом.

— Видели?— жалостливо прошептал он.

— Упала тарелка,— сказал Мэт.

— Она ведьма,— Дженкинс лихорадочно отхлебнул из бутылки,— может быть, я не был ей хорошим отцом. С тех пор как умерла ма, она стала совсем дикой и с ней начали твориться странные вещи. Не только плохие. Мне, например, много лет не приходилось ходить за водой. Бочка возле крыльца всегда была полной. Но с тех пор как она выросла и у нее появились всякие сердечные разочарования, жить с ней стало чертовски трудно. Никто сюда и близко не подходит. И все вещи вокруг прыгают и двигаются, пока, наконец, собственному стулу не перестанешь доверять. Нервы не выдерживают, сынок. Человек не в состоянии этого вынести!

К смущению Мэта, глаза Дженкинса стали наполняться крупными слезами.

— У меня больше нет друзей, чтобы предложить мне выпить или, скажем, помочь по хозяйству, когда у меня ломит поясницу. Я больной человек, сынок. Послушай, сынок, ты городской человек. Выглядишь красиво, и манеры, и всякое там образование. Я так полагаю, что Эб ты нравишься. Почему бы тебе не взять ее с собой?

Мэт начал пятиться по направлению к двери.

— Она девчонка что надо, как приведет себя в порядок, а готовит она просто здорово. Можно подумать, что поварешка приросла у нее к руке, так ловко она с ней обращается, и тебе вовсе не надо будет жениться на ней.

Мэт побледнел.

— Вы с ума сошли!

Он повернулся, чтобы сделать рывок к двери. Тяжелая рука упала ему на плечо.

— Сынок,— сказал Дженкинс голосом, в котором звучала угроза,— если девчонка пробыла с мужчиной наедине больше двадцати минут, считается, что они должны пожениться как можно скорее. Поскольку ты чужой в наших краях, я не хочу тебя принуждать. Но с той минуты, как Эб ушла из этого дома, она перестала быть моей дочерью. Никто не просил тебя привозить ее обратно. Эта девчонка,— добавил он удрученно,— съедает больше меня.

Мэт полез в карман брюк. Он вытащил бумажник и извлек из него пятидолларовую ассигнацию.

— Может быть, это немного скрасит вашу жизнь.

Дженкинс тоскливо посмотрел на деньги, протянул было руку, но быстро ее отдернул.

— Не могу,— простонал он,— не стоят того эти деньги. Вы привезли её вы её и увезите.

Мэт глянул сквозь открытую дверь на машину, содрогнулся и прибавил вторую пятерку. Дженкинс покрылся потом. Он с отчаянием смял бумажки в своей широкой ладони.

— Ладно,— сказал он хриплым голосом,— это десять чертовски убедительных доводов.

Мэт бросился к машине и сел за руль.

— Вылезай,— сказал он резко,— ты дома.

— Но па...

— Отныне он будет тебе любящим отцом. Прощай!

Волоча ноги и сутулясь, девушка обошла машину. Но, подойдя к крыльцу, она выпрямилась. Дженкинс, стоявший в дверях, отпрянул назад перед своей низкорослой дочкой.

— Скверный грязный старикашка,— прошипела Эбигайль.

Дженкинс торопливо поднял бутылку к бороде. Тут она, должно быть, выскользнула у него из рук. Но, вместо того чтобы упасть, осталась висеть в воздухе горлышком вниз. Виски полилось Дженкинсу на голову. Дженкинс, который теперь стал еще более похож на Нептуна, повернулся к машине и печально покачал головой.

Мэт лихорадочно развернул машину и стремительно вылетел со двора. Несомненно, это был обман зрения. Бутылки виски не висят в воздухе без поддержки.

Найти хижину Гэя оказалось нелегко. Мэт два с лишним часа кружил по грязным дорогам.

Он решил задержаться, когда в четвертый раз проезжал мимо хижины, которая во всем отвечала описанию Гэя, кроме того, что была обитаемой. Свет из окон потоками лился в темноту. По крайней мере, он сможет расспросить о дороге. Запах жареной ветчины, доносившийся из дому, довел его до исступления. Мэт постучал в дверь. Может быть, его даже пригласят к ужину!

Дверь отворилась.

— Входите. Что вас держит?

Мэт замигал.

— Нет, нет! — вскричал он. На мгновение он почувствовал себя героем старого анекдота о пьяном в гостинице, который, шатаясь, вновь и вновь возвращается все к той же двери. Каждый раз его выставляют с возрастающим возмущением, пока он, наконец, не произносит жалобным тоном: «О боже, неужели вы один живете во всех комнатах сразу?»

— Что ты здесь делаешь? — Спросил Мэт слабым голосом.— Как ты... каким образом ты сюда попала?

Эбигайль втянула его в хижину. Внутри было чисто, светло и уютно. Пол подметен, две нижние откидные койки на противоположных стенах аккуратно застелены. На столе стояли два прибора. В плите горел огонь и готовился ужин.

— Па передумал,— сказала она.

— Но он не мог. Я ему дал...

— Ах, это,— она полезла в карман платья.— Вот!— Она протянула ему две смятые пятидолларовые бумажки и пригоршню серебряных и медных монет.

Мэт машинально пересчитал мелочь. Ее набралось на доллар тридцать семь центов.

— Па сказал, что послал бы вам больше, но это все, что он смог наскрести.

Мэт тяжело опустился на стул.

— Но каким образом ты... я ведь сам точно не знал, где находится это место. Я ж тебе не сказал, куда я еду.

— О, я всегда хорошо умела находить дорогу и потерянные вещи. Как кошка.

— Но... но...— запинаясь, заговорил Мэт,— но как ты сюда попала?

— Приехала,— ответила она.

Невольно Мэт посмотрел на стоявшую в углу метлу.

— Па одолжил мне мула. Я уже отпустила его. Он сам найдет дорогу домой.

— Но ты не можешь оставаться здесь. Это невозможно!

— Ну, пожалуйста, мистер Райт,— в голосе Эбигайль появились успокаивающие нотки,— моя мама всегда говорила, что мужчина не должен принимать решений на пустой желудок. Посидите и отдохните. Ужин готов. Вы, наверное, умираете с голоду?

— Нечего здесь решать...— начал было Мэт, но замолчал, глядя, как она ставит на стол ужин — толстые ломти жареной ветчины с густой подливкой, маисовые лепешки, воздушные бисквиты, масло, домашнее варенье, крепкий черный кофе, дымящийся и ароматный. Щеки Эбигайль раскраснелись у плиты, она выглядела почти хорошенькой.

— Я не в состоянии есть,— сказал Мэт.

— Чепуха,— ответила Эбигайль, наполняя его тарелку.

Мрачно Мэт отрезал ломоть ветчины и положил его в рот. Мясо было таким нежным, что почти таяло во рту. Чуть спустя Мэт уже поглощал пищу с той скоростью, с какой успевал подносить ее ко рту. Все было при-

готовлено так, как ему всегда нравилось. Никогда он не мог никому объяснить, до какой степени надо поджаривать ветчину. Но эта была приготовлена как раз по его вкусу.

Мэт откинулся от стола, зажег сигарету и стал наблюдать, как Эбигайль наливает ему третью чашку кофе. Он почувствовал, что жизнь прекрасна.

— Если бы у меня было время, я бы испекла пирог с персиками,— говорила Эбигайль,— я умею готовить очень вкусный пирог с персиками.

Мэт лениво кивнул головой. Конечно, было бы совсем неплохо иметь кого-нибудь рядом, чтобы...

— Нет,— произнес он вдруг,— ничего не выйдет. Ты не можешь здесь оставаться. Что скажут люди?

— Но кому какое дело? А потом, я всегда могу сказать, что мы женаты.

— Нет,— хрипло сказал Мэт,— пожалуйста, не говори этого!

— Мистер Райт,— умоляюще проговорила Эбигайль,— пожалуйста, разрешите мне остаться. Я буду вам готовить и убирать хижину. Я вам совсем не буду мешать, честное-пречестное слово, не буду.

— Послушай, Эби,— Мэт взял ее за руку. Эбигайль стояла рядом с ним, покорно опустив глаза.— Ты очень милая девочка, и ты мне нравишься. Ты готовишь лучше, чем все, кого я знал, и в один прекрасный день ты составишь счастье какого-нибудь мужчины, став его женой. Но я слишком хорошо к тебе отношусь, чтобы позволить тебе погубить свое доброе имя. Ты должна вернуться домой к отцу.

— Ладно,— произнесла Эбигайль так тихо, что ее едва было слышно.

Обескураженный неожиданным успехом, Мэт встал и пошел к двери. Эбигайль покорно последовала за ним. Мэт открыл дверцу машины и помог девушке сесть, затем, обойдя машину, сел сам на место водителя. Эбигайль сидела маленькая и тихая, прижавшись к дверце. Внезапно Мэту стало жалко ее и стыдно, словно он ударил ребенка. Но он взял себя в руки и включил зажигание. Мотор зафыркал, но машина стояла неподвижно. Мэт сбросил газ и снова нажал на стартер. Мотор пыхтел, тщетно пытаясь сдвинуть машину с места. Мэт проверил зажигание. Все было в порядке. Снова и снова нажимал он на газ, но машина стояла как вкопанная.

Мэт подозрительно посмотрел на Эбигайль.

Но это же абсурд!— подумал он. С тех пор как он встретил эту девчонку, ему стала мерещиться всякая чертовщина. Однако машина не двигалась с места. В конце концов Мэт сдался.

— Ладно,— вздохнул он,— не могу же я тебя выставить за дверь на таком расстоянии от твоего дома. Можешь переночевать сегодня здесь.

Молча она последовала за ним в хижину. Она помогла ему устроить из одеял импровизированные ширмы, прикрепив их к верхним койкам на двух противоположных стенах хижины.

Когда Мэт открыл глаза, сквозь одеяло просвечивали рассеянные лучи солнца. Комната была наполнена запахом жареной ветчины и кипящего кофе. Мэт жадно принюхался и, отодвинув одеяло, выглянул наружу. Все его припасы были выгружены из машины и аккуратно сложены в углу. На маленьком столике около окна стояла пишущая машинка, рядом с ней лежали драгоценные папки и стопка чистой бумаги.

Эби, весело напевая, ставила на стол завтрак. Вместо вчерашнего ужасного платья на ней было надето новое — коричневое,— которое совершенно не шло ей, зато не так скрывало вполне правильную, хотя и хрупкую фигуру. Мэт мельком подумал о том, как бы она выглядела, если бы ее как следует причесать и одеть в порядочное платье. Но эта мысль

быстро отступила под новым натиском на его чувства — он ведь уже сел за стол. Яйца были приготовлены как раз так, как надо,— белок плотный, но не твердый. Было странно, как Эби смогла угадать все его вкусы. Сначала он было подумал, что переоценил свой аппетит, но довольно быстро уплел три яйца. Со вздохом Мэт отодвинул от себя тарелку.

— Ну что ж,— начал он.

Эби сидела очень тихая и смотрела в пол. Сердце Мэта дрогнуло. В конце концов несколько часов не составят никакой разницы.

— Ну что ж,— повторил он,— пора приниматься за работу.

Эби вскочила и начала убирать со стола. Мэт подошел к столику, на котором его ждала пишущая машинка. Он сел в кресло и вложил в машинку чистый лист бумаги. Стол был очень удобно расположен по отношению к свету, высота его как раз соответствовала росту Мэта. Идеальные условия для работы.

Все было в полном порядке, кроме одного — ему совершенно не хотелось работать. В конце концов он напечатал в центре листа:

ПСИХОДИНАМИКА КОЛДОВСТВА

По материалам процессов салемских ведьм 1692 года.

Он подчеркнул заголовок и остановился. Не то чтобы Эби была очень шумной; ее почти не было слышно. Мэт одним ухом прислушивался к тому, как она мыла посуду и ставила тарелки на полку. Затем последовало молчание. Мэт терпел сколько было сил и затем обернулся. Эби сидела за столом и зашивала дыру в его старых брюках. Словно почувствовав его взгляд, Эби подняла голову и улыбнулась. Мэт снова повернулся к пишущей машинке.

«Колдовство,— начал он нерешительно,— это попытка первобытного человека создать порядок из хаоса. Естественно, что вера в сверхъестественное пропадает по мере познания физических законов, управляющих миром».

Мэт повернулся.

— Кто устроил такой кавардак в вашем доме?

— Либби,— ответила она.

— Либби?— удивленно спросил Мэт.— Это еще кто?

— Вторая я,— спокойно ответила Эби.— Обычно я держу ее глубоко внутри, но когда бываю несчастна, то уже не могу с ней справиться. Тогда она вырывается на свободу и делает все, что ей заблагорассудится. Она больше не слушается меня.

Великий боже,— подумал Мэт, она сумасшедшая. Типичный случай шизофрении.

— Откуда ты все это взяла?— осторожно спросил он.

— Когда я родилась,— ответила Эби,— у меня была сестра-двойняшка, только она очень скоро умерла. Когда я маленькой плохо себя вела, ма качала головой и говорила, что Либби никогда бы этого не сделала. И уж когда я что-нибудь вытворяла, то всегда говорила, что это сделала Либби. От порки не спасало, зато на душе становилось спокойнее. Скоро я сама поверила, что Либби делала все, за что меня наказывали, что Либби — часть меня самой, и я старалась запрятать ее поглубже, чтобы она не выбралась наружу и не впутала меня в какую-нибудь историю. А потом я стала старше,— Эби слегка покраснела,— и стали происходить всякие странные вещи, вот тут-то Либби по-настоящему мне пригодилась.

— Ты ее когда-нибудь видела?— спросил Мэт.

— Конечно, нет,— укоризненно ответила Эби,— ведь на самом-то деле она не существует.

— Не существует?

— Конечно, не существует,— сказала Эби,— все эти вещи происходят, когда я сильно расстроена. Тут уж я ничего не могу поделать. Но ведь надо же все это как-то объяснить... вот я и придумала Либби.

Мэт вздохнул. Эби не была сумасшедшей или дурочкой.

— Разве ты не можешь делать такие вещи, когда сама хочешь?

— Ну, может быть, самую капельку. Вот когда я разозлилась из-за виски, которое вы дали па, я подумала, что па стоило бы ради разнообразия промочить себя разок снаружи.

— А как насчет колеса и гаек?

Она расхохоталась.

— Ой, вы были такой смешной тогда!

Мэт сначала нахмурился, но потом не удержался и рассмеялся сам, потом снова повернулся к пишущей машинке, и тут ему пришло в голову, что он принимает события последних восемнадцати часов и то объяснение, которое им дает Эби, как нечто физически возможное. Неужели он вправду может поверить, будто Эби способна передвигать предметы — как бы это выразиться?— при помощи какой-то таинственной силы? Совершать все это как бы усилием воли? Конечно же, он в это не верит. Ну, а вдруг?.. Мэт вспомнил бутылку виски, выливающую свое содержимое на голову Дженкинсу. Вспомнил тарелку, упавшую с полки на пол. Вспомнил гайки, отвинтившиеся сами собой, когда он стоял в двух футах от машины. И колесо, которое вдруг покатилось по совершенно ровной дороге. Но в конце концов должно ведь существовать объяснение странных фактов, даже если они и не укладываются в современные научные представления. Даже Эби понимает необходимость этого. Мэт вспомнил все объяснения, которые дает подобным явлениям современная наука: иллюзия, галлюцинация, гипноз — все что угодно, лишь бы это не требовало коренной перестройки установившейся системы взглядов. Он вспомнил Райна — парапсихолога — который называл это явление каким-то ученым термином. Да, телекинез — перемещение неодушевленных предметов усилием воли. Однако название ровно ничего не объясняло. Затем он подумал об электричестве. Не нужно ничего знать об электричестве, для того чтобы им пользоваться. Необходимость понять суть события является иногда чисто психологической, а не физической.

Мэт посмотрел на первые строчки своей диссертации. Семнадцатый век. Почему он должен растрачивать свое время на такую чепуху? Здесь у него под рукой было нечто более современное. Случайно он натолкнулся на такую штуку, которая может перевернуть мир вверх дном или поставить его с головы на ноги.

Мэт снова обернулся. Эби, кончив штопать его брюки, сидела у стола и смотрела прямо перед собой в открытую дверь хижины. Мэт встал и подошел к ней. Она повернула к нему голову и тихо улыбнулась.

— Я вам могу чем-нибудь помочь?— озабоченно спросила она.

Мэт вытащил иглу из мотка штопальных ниток и слегка воткнул ее в неструганую поверхность стола, так что игла стояла вертикально.

— Заставь ее двигаться,— с вызовом произнес Мэт.

Эби уставилась на него.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть, как ты это делаешь,— сказал Мэт,— разве этого недостаточно?

— Но я не хочу этого делать,— возразила Эби,— я никогда не хочу делать такие вещи. Они случаются сами собой.

— Попробуй.

— Нет, мистер Райт,— твёрдо ответила Эби,— мне никогда это не приносило ничего, кроме неприятностей.Это распугало всех моих друзей и всех знакомых па.

— Если ты хочешь остаться здесь, ты будешь делать то, что я тебе велю.

— Ну, пожалуйста, мистер Райт,— умоляющим голосом сказала Эби,— не заставляйте меня. Добром это не кончится.

В ответ Мэт только рявкнул. Эби опустила глаза и прикусила губу. Затем она посмотрела на иглу. На ее гладком лбу появились морщины от напряжения. Ничего не произошло. Игла продолжала стоять. Эби глубоко вздохнула.

— Не могу, мистер Райт,— простонала она,— я просто не могу этого сделать.

— Но почему?— свирепо спросил Мэт.

— Не знаю,— ответила Эби. Машинально она начала разглаживать рукой складки юбки у себя на коленях.— Мне кажется, это потому, что я счастлива.

Мэт потратил целое утро на эксперименты. Он предлагал Эби катушку ниток, авторучку, монетку, листок бумаги, бутылку... последнее показалось самому Мэту гениальной идеей. Но бутылка, как и все прочее, пребывала в полной неподвижности. Он даже вытащил запасное колесо из багажника и прислонил его к машине. Пятнадцать минут спустя колесо было все в том же положении.

Наконец Мэт снял с полки чашку и поставил ее на стол.

— Ты так хорошо умеешь бить посуду,— сказал он,— разбей ее.

Эби безнадежно уставилась на чашку. Лицо ее выглядело старым и осунувшимся. На секунду все ее тело напряглось, затем она бессильно опустилась на стул.

— Не получается,— простонала она,— ни в какую не получается.

— Никак!— заорал на нее Мэт.— Неужели ты такая дура, что даже не умеешь говорить правильно? Нельзя говорить «ни в какую», надо говорить «никак».

С немой мольбой Эби подняла на Мэта свои голубые глаза.

— Никак,— сказала она голосом, в котором слышались рыдания, и опустила голову на руки. Плечи ее стали судорожно вздрагивать.

Мэт в мрачном раздумье уставился на ее спину. Неужели ей и в самом деле нужно быть несчастной, чтобы происходили чудеса? Мэт поджал губы. Если это так, то ей придется плохо.

— Собирай свои вещи,— резко сказал он,— ты поедешь домой к отцу.

Эби сжалась и подняла голову.

— Я не буду ехать,— сказала она.

— «Я не поеду»,— резко поправил ее Мэт.

— Не поеду,— свирепо повторила Эби,— не поеду, не поеду.

Внезапно чашка полетела по направлению к голове Мэта. Инстинктивно он выставил вперед руку. Чашка, ударившись в нее, упала на пол. Мэт растерянно посмотрел на осколки, потом на Эби. Ее руки по-прежнему были сложены на коленях.

— Ты сделала это?!— заорал Мэт.— Значит, это все-таки правда.

— Так ехать мне к па?

— Нет, если ты будешь мне помогать.

Эби поджала губы.

— Разве одного раза мало, мистер Райт? Вы же теперь знаете, что я могу это сделать. Увидите, добра не будет...— Она посмотрела на его каменное лицо.— Но я буду делать это, раз вы хотите...

— Это очень важно,— мягко сказал Мэт.— Но послушай, что ты почувствовала перед тем, как чашка полетела в меня?

— Бешенство.

— Нет, меня не интересуют твои эмоции. Что ты ощущала?

Эби нахмурила брови.

— Ей-богу, мистер Райт, я ни в какую...— она быстро взглянула на него,— я никак не могу подобрать слова. Вроде как если бы я захотела схватить что поближе и швырнуть в вас, а затем получилось, как будто я и швырнула. Вроде как я толкнула чашку всем телом, а не только рукой.

Мэт, задумавшись, снял с полки вторую чашку и поставил ее на стол.

— Попробуй повторить.

Лицо Эбигайль напряглось. Затем она бессильно откинулась на спинку стула.

— Я ни в... я никак не могу. У меня просто нет подходящего настроения.

— Ты едешь домой к отцу,— выпалил Мэт.

Чашка шевельнулась.

— Вот, вот,— быстро произнес Мэт,— попробуй еще раз, пока ты не забыла!

Чашка снова покачнулась.

— Еще раз...

Чашка поднялась на дюйм над столом и опустилась. Эби вздохнула.

— Вы ведь так нарочно сказали, мистер Райт. Вы ведь не хотите, чтобы я поехала домой?

— Не хочу. Но, может быть, ты сама захочешь, прежде чем мы кончим опыты. Теперь ты будешь практиковаться, пока не сможешь проделывать это сознательно, что бы это там ни было.

— Ладно,— покорно сказала Эби,— только это ужасть как утомительно, когда нет подходящего настроения.

— «Очень утомительно»,— поправил Мэт.

— Очень утомительно,— повторила Эби.

— А теперь,— сказал Мэт,— попробуй еще раз.

Эби практиковалась до полудня. Самое большее, на что она оказалась способна,— поднять чашку на фут от стола, но это она делала к концу очень хорошо.

У Мэта не было никакой возможности определить без точных приборов, как далеко простирались способности Эби. Впрочем, необходимое оборудование можно достать в Спрингфильде. Пока же он выяснил, что феномен Эби достигал наибольшей силы, когда девушка чувствовала себя несчастной. Мэт задумчиво смотрел в окно хижины. Постепенно в его голове сформировался план, как сделать Эби несчастнее, чем она была когда-либо за всю свою короткую жизнь.

Весь день Мэт был очень ласков с Эби. Несмотря на отчаянные протесты, он помог ей вытереть посуду. Он рассказывал ей о своей жизни и учебе в Канзасском университете. Он рассказал ей о своей диссертации по психологии и о том, что будет делать, когда защитит ее.

— Расскажите мне еще о студентках,— вздохнула Эби.

Он начал рассказывать, что надевают студентки, когда они ходят на лекции, и что они надевают, когда идут на свидания или отправляются на танцы. Глаза Эби стали большими и круглыми.

— Наверно, это здорово,— со вздохом сказала Эби. — А зачем они поступают в университет?

— Чтобы выйти замуж,— ответил Мэт,— во всяком случае, большинство из них.

Эби покачала головой.

— Красивые платья. И все такое. Эти девушки, должно быть, ужасть... ужасно нерасторопные, если сразу не выскакивают замуж. А почему они не могут выйти замуж дома?

Мэт задумчиво нахмурился. Эби умела задавать вопросы, касающиеся самой глубины человеческих отношений.

— Мужчины, с которыми они познакомятся в университете, будут зарабатывать им больше денег.

— Ах так!— сказала Эби.— Ну что ж, если это то, чего они хотят, то они должны быть довольны.

Дальше все шло в том же духе. Мэт сказал, что не может понять, почему Эби не осаждают толпы претендентов на ее руку и почему она давно уже не вышла замуж. За ужином он поглощал ее стряпню в огромных количествах и клялся, что никогда не пробовал лучшей.

Эби не могла быть счастливее. Любая работа кипела в ее руках. Тарелки были вымыты почти в ту же самую минуту, когда она за них принялась.

Мэт вышел на крыльцо и сел на ступеньку. Эби устроилась рядом с ним, положив руки себе на колени.

Хижина стояла на вершине холма. Хотя уже наступила ночь, луна, большая и желтая, освещала лежавшую у их ног долину. Далеко внизу озеро в темно-зелёной оправе из деревьев отсвечивало серебром.

— Здорово красиво, правда?— вздохнула Эби.

— Очень,— рассеянно ответил Мэт.

Они помолчали. Мэт почти физически ощущал ее близость Несмотря на нелепые платья, простое лицо, босые ноги и отсутствие образования, в Эби было что-то очень женственное и трогательное. Пожалуй, она была женственней, чем те девушки, которых он знал по университету. Эби по крайней мере знала, чего она хотела от жизни. Она будет кому-нибудь очень хорошей женой. Единственная ее цель будет заключаться в том, чтобы ее муж был счастлив. Она будет ему готовить, и убирать, и рожать ему сильных и здоровых детей, и будет довольна своей судьбой. Она будет молчать, когда он будет молчалив; не будет надоедать, когда он будет работать; будет веселой, когда будет весел он; будет удовлетворять все его желания.

Мэт зажег сигарету, пытаясь согнать это настроение. При свете спички он взглянул на ее лицо.

— Как ухаживают у вас в горах? — спросил он.

— Иногда мы гуляем,— мечтательно ответила Эби,— и вместе смотрим на все, и немножко разговариваем. Иногда в школе устраивают танцы. Если у парня есть лодка, можно поехать кататься по озеру. Иногда бывают вечера в церкви или пикники. Но чаще всего, когда ночь бывает теплой и светит луна, мы сидим на крыльце, взявшись за руки, и делаем то, что девушка согласна позволить.

Мэт взял ее руку в свою. Рука была сухой, прохладной и сильной. Эби повернула голову, пытаясь рассмотреть в темноте его лицо.

— Я вам хоть капельку нравлюсь, мистер Райт?— спросила она.— Не так чтобы жениться на мне, а по-дружески?

— Мне кажется, ты самая женственная из всех женщин, каких я знал,— ответил он и понял, что это действительно так.

Словно сговорившись, они одновременно прижались друг к другу. Мэт нашел губами ее губы, и они были мягкими, теплыми и страстными. Тяжело дыша, он оттолкнул ее. Эби, слегка повернувшись, прикорнула к его плечу; рука Мэт обнимала ее за талию. Она удовлетворенно вздохнула.

— Мне кажется, что я бы вам все позволила,— сказала она.

— Не понимаю, почему ты давно не вышла замуж?— спросил он.

— Наверное, я виновата,— задумчиво сказала Эби.— Мне не нравился никто из тех, кто за мной ухаживал. Я злилась на них без всякой причины, а потом с ними случалось что-нибудь нехорошее. Может быть, мне хотелось, чтобы они были другими. Думаю, что я не была влюблена ни в одного из них. Во всяком случае, я рада, что не вышла замуж,— она вздохнула.

Мэт почувствовал что-то вроде угрызения совести. Ну и свинья же ты, Мэттью Райт!— подумал он.

— А что случилось с этими парнями, которые за тобой ухаживали?— спросил он.— Ты была в этом виновата?

— Люди всякое болтали,— с горечью в голосе ответила Эби,— они говорили, что у меня дурной глаз. Конечно, когда Хэнк как-то опоздал, я сказала ему, что он мог с таким же успехом сломать себе ногу. На следующий день он полез забивать планки на крыше и упал и сломал ногу. Но он всегда был очень неуклюжим. А Джим был таким холодным, и я посоветовала ему прыгнуть в озеро, чтобы согреть свою кровь. Но, по-моему, человек, который только и делает, что удит рыбу, должен часто падать в воду.

— Думаю, что так,— ответил Мэт. Его стала пробирать дрожь.

— Вам холодно, мистер Райт?— спросила с беспокойством Эби.— Позвольте мне принести ваш пиджак.

— Не надо,— ответил Мэт,— все равно уже пора идти спать. Иди ложись. Завтра утром мы поедем в Спрингфильд за покупками.

— Взаправду, мистер Райт? Я никогда не была в Спрингфильде,— недоверчиво сказала Эби.— Честное-пречестное слово, что поедем?

— Честное слово,— ответил Мэт,— иди ложись спать.

Мэт посидел на крыльце еще несколько минут. Забавные вещи происходили с теми, в ком Эби разочаровывалась. Когда он зажигал сигарету, его руки слегка дрожали. В Эби было скрыто множество различных людей. Мэт знал уже четырех из них: задумчивую маленькую девочку с тоненькими косичками за спиной, бродившую босиком по пыльным дорогам; счастливую домохозяйку; несчастное вместилище непонятных сил; девушку с горячими губами. Кто из них была настоящая Эби?

Наутро Мэт познакомился еще с одной Эби. Ее волосы, заплетенные в косички, были уложены короной вокруг головы. На ней было новое, опять-таки совершенно не шедшее ей платье из блестящей голубой ткани с красной отделкой. На бедре была приколота большая искусственная роза. Голые ноги облегали дешевые черные сандалии.

Боже, подумал Мэт, это ведь ее лучшее воскресное платье. И мне придется появиться с нею в таком виде на улицах Спрингфильда. Он содрогнулся и подавил желание сорвать эту ужасную розу.

— Ну что ж,— спросил он,— ты готова?

Глаза Эби возбужденно заблестели.

— Значит, мы взаправду едем в Спрингфильд, мистер Райт?

— Едем, если заведется машина.

— Она заведется,— уверенно сказала Эби.

Мэт искоса поглядел на нее. Над этим тоже следовало поразмыслить.

...Глаза Эби горели. Она смотрела на городские дома так, словно они каким-то чудом возникали из небытия специально для нее. Затем она принялась изучать прохожих. Мэт заметил, что наибольшее внимание она обращала на женщин.

Внезапно Мэт обнаружил, что Эби как-то странно затихла. Он поглядел на нее. Эби сидела, сложив руки на коленях и опустив глаза.

— В чем дело?— спросил Мэт.

— Мне кажется, что я выгляжу очень смешной,— ответила она. Голос ее слегка дрожал.— Мне кажется, вам должно быть стыдно за меня, мистер Райт. Если вы не против, я просто посижу в машине.

— Ерунда,— ответил Мэт, стараясь, чтобы его голос звучал убедительно.— Ты выглядишь чудесно.

Вот чертенок, подумал он, у нее удивительная способность все понимать. Она или необычно тонко чувствует, или...

— Кроме того,— сказал он вслух,— я собираюсь купить тебе новое платье.

— Платье? Вы хотите купить мне новое платье, мистер Райт?— Ей было трудно говорить.

Мэт кивнул. Он остановил машину у самого крупного универмага в Спрингфильде. Обойдя машину, он открыл Эби дверцу и помог ей вылезти. Они вошли в магазин. Эби прижалась к его руке. Мэт чувствовал, как быстро бьется ее сердце.

— Нам на второй этаж,— сказал Мэт.

Эби смотрела широко раскрытыми глазами на длинные ряды платьев.

— Я никогда не думала,— прошептала она,— что на свете так много платьев.

Мэт рассеянно кивнул. Ему нужно было отлучиться, и надолго, чтобы найти лабораторию, где бы он смог взять в аренду измерительную аппаратуру. Он отвел в сторону продавщицу.

— Со мной девушка,— сказал он,— я хочу, чтобы вы отвели ее в салон красоты и поработали над ней. Стрижка, шампунь, укладка волос, брови и все прочее. Затем оденьте ее с головы до ног. Согласны?— Мэт вытащил бумажник и заглянул в него. Медленно он вытащил один аккредитив на сто долларов, затем еще один. У него оставалось всего триста долларов, а ему предстояло достать оборудование и жить до конца лета на эти деньги. Мэт вздохнул и подписал аккредитивы.— Постарайтесь, если возможно, держаться в этих пределах.

— Да, сэр,— сказала продавщица и нерешительно улыбнулась.— Это ваша невеста?

— Боже великий, конечно,нет!— вырвалось у Мэта.— То есть я хотел сказать, она моя племянница. Сегодня у нее день рождения.

Тяжело дыша, он подошел к Эби.

— Ты пойдешь с этой женщиной, Эби, и будешь делать все, что она тебе скажет.

— Хорошо, мистер Райт,— ответила Эби как во сне. Она пошла за продавщицей с таким видом, словно вступала в сказочную страну.

Мэт отвернулся, закусив губу. На душе у него скребли кошки.

Сев в машину, он посмотрел на часы. У него в запасе было по меньшей мере два с половиной часа. За это время он сможет найти все необходимое.

Впрочем, ему пришлось по возвращении прождать еще часа два. Затем...

— Мистер Райт!— Голос был грудным и мелодичным.

Мэт поднял глаза и вскочил с кресла. Перед ним стояла блондинка, такая красивая, что у него захватило дыхание. Коротко остриженные волосы, слегка завивающиеся на концах, обрамляли прекрасное лицо. Простое черное платье с низким вырезом облегало маленькую женственную фигурку. Изящные длинные ноги были обуты в маленькие черные туфельки с высокими каблуками.

— Боже мой, Эби! Что они с тобой сделали?

— Вам не нравится?— спросила Эби с омрачившимся лицом.

— Это восхитительно,— пробормотал Мэт,— но они покрасили твои волосы!

Эби расцвела.

— Женщина, которая это сделала, сказала, что она их вымыла. Она сказала, что это их естественный цвет, но мне придется мыть их каждые несколько дней. И даже не хозяйственным мылом.— Она вздохнула.— Я никогда не знала, сколько девушка должна возиться со своим лицом. Мне придется многому учиться...

Пока Эби счастливо лепетала, Мэт недоверчиво смотрел на нее. Неужели он спал в одной хижине с этой девушкой? Неужели она готовила ему еду и штопала дыры в его карманах? Неужели он действительно поцеловал ее, и она ему сказала: «Я бы вам все позволила...»? Сможет ли он вести себя с ней, как прежде? Мэт ожидал перемены, но не такой разительной. Эби носила свое новое платье с восхитительной уверенностью. Она шла на высоких каблуках так, словно ходила на них всю свою жизнь. Вещи всегда послушно служили Эби.

Ты голодна?— спросил Мэт.

— Я бы слопала ежа,— ответила она.

Этот ответ так не вязался с ее внешним обликом, что Мэт разразился хохотом. Эби сделала большие глаза.

— Я что-нибудь сказала не так?— жалобно спросила она.

... Еда в ресторане была превосходна, и Эби ела незнакомые диковинки с таким удивлением, словно все это с минуты на минуту могло исчезнуть столь же таинственно, как и появилось.

— Попробуй сдвинуть чашку,— попросил Мэт, когда они покончили с едой.

Эби с минуту смотрела на чашку.

— Не могу,— тихо сказала она,— я ужасно стараюсь, просто изо всех сил, но я не могу. Я для вас все сделаю, мистер Райт, но этого не могу.

Потом они танцевали.

Во время длинного обратного пути она заговорила только один раз.

— Неужели есть люди, которые все время живут вот так?

— Нет,— ответил Мэт.

Эби кивнула:

— Так оно и должно быть. Такие вещи случаются очень редко.

Когда они вошли в хижину, она обняла Мэта за шею и крепко поцеловала в губы.

— Есть только один способ, которым девушка может отблагодарить мужчину за такой восхитительный день,— прошептала она ему на ухо.— За платья, и поездку, и обед, и танцы. И за то, что вы были таким милым. Я никогда не думала, что со мной может случиться что-нибудь похожее. Мне кажется, если действительно любишь кого-нибудь, то можно все. Я вас ужасно люблю. Я рада, что меня сделали такой хорошенькой. Если я могу сделать вас счастливым — хоть ненадолго...

Чувствуя, как к горлу подступает тошнота, Мэт осторожно снял ее руки со своей шеи.

— Ты не поняла,— холодно произнес он.— Произошла ужасная ошибка. Я не знаю, сможешь ли ты простить меня. Эти платья — для другой девушки, моей невесты. Ты примерно того же роста, и вот я подумал... даже не знаю, как это получилось, что ты меня так неверно поняла...

Он остановился. Говорить больше было не к чему. Его план удался блестяще. Медленно, по мере того как он говорил, живость покинула Эби,

лицо ее погасло, она словно сморщилась и ушла в себя. Она была маленькой девочкой, которую стукнул по лицу в самую счастливую минуту ее жизни человек, которому она больше всего доверяла.

— Ну что ж,— очень тихо сказала она,— спасибо, что вы позволили мне думать, будто все это для меня, хотя бы и недолго. Я никогда не забуду этот день.— Она повернулась и залезла на койку, опустив за собой одеяло. Ее всхлипывания не дали Мэту уснуть в эту ночь. А может быть, он не мог уснуть оттого, что всхлипывания были очень тихими и ему приходилось напрягать слух...

Завтрак протекал печально. Что-то случилось с едой, хотя Мэт не мог уловить, что именно. Все было приготовлено так же, как всегда, но пища не имела никакого вкуса.

Мэт механически жевал и пытался не смотреть на Эби. Это не представляло труда; Эби казалась очень маленькой и не сводила глаз с пола. На ней снова было нелепое голубое платье. Она смыла с лица краску, и оно стало тусклым и безжизненным. Даже ее свежевымытые волосы словно потускнели.

Мэт сидел и курил одну сигарету за другой, пока Эби убирала со стола и мыла посуду. Покончив с работой, она повернулась к нему.

— Вы хотите, чтобы я двигала вещи для вас. Сегодня у меня это получится.

— Откуда ты знаешь, что я хочу?

— Так уж, знаю.

— А ты не возражаешь?

— Нет. Я ни против чего не возражаю.

Она подошла поближе и села на стул.

— Смотрите!

Стол, стоявший между ними, приподнялся, покрутился на одной ножке и упал набок.

— Что ты чувствуешь?— возбужденно спросил Мэт.— Можешь ли ты управлять своей силой? Ты хотела, чтобы он двигался именно так?

— Стол был вроде частью меня самой, как рука. Но я не знала заранее, что он будет делать.

— Подожди минутку,— сказал Мэт,— я кое-что принесу из машины.— И он кинулся за приборами.

Эби безропотно позволила взвесить себя, измерить пульс, температуру и кровяное давление.

— Мне бы еще надо было бы измерить твой базальный метаболизм,— пробормотал он,— но с этим придется подождать. Ах, если бы в этой лачуге была динамо-машина!

— Я могу сделать для вас электричество,— сказала Эби без всякого интереса.

— Может быть, и можешь, но если ты будешь тратить свою энергию на измерительную аппаратуру, все измерения станут бессмысленными. Теперь, Эби, подними, пожалуйста, этот стул на несколько минут.

Он заставил ее продержать стул в воздухе пять минут и снова проделал все измерения, отмечая изменения в пульсе, давлении крови, частоте дыхания, и затем снова взвесил ее.

— Ладно. Теперь отдохни. Нам придется подождать, пока все вернется в норму, прежде чем мы сможем приступить к новым опытам.

Эби послушно уселась на другой стул и уставилась в пол.

— Эби, ты ведь будешь мне помогать?— спросил Мэт.— Я это делаю и для твоего собственного блага. Если ты сумеешь контролировать свои силы, то, может быть, твои друзья перестанут ломать ноги и падать в воду.

Выражение лица Эби не изменилось.

— Мне все равно,— сказала она.

Мэт вздохнул. На мгновение ему захотелось бросить начатый эксперимент и уйти из ее жизни — упаковать свои заметки и пишущую машинку в автомобиль и вернуться в университет. Но он уже не мог остановиться. Он был слишком близок к решению загадки.

Он снова провел все измерения и увидел, что короткий отдых вернул все данные к норме.

— Попробуем еще раз,— сказал Мэт.— Подними, пожалуйста, этот стул снова на ту же высоту.

Стул нерешительно подпрыгнул вверх.

— Легче. Еще капельку.

Стул выпрямился и начал двигаться более плавно.

— Теперь подержи его в этом положении.

Стул повис в воздухе без движения. Мэт выждал пять минут.

— Хорошо. Теперь опусти его осторожно на пол.

Стул плавно, словно перышко, опустился на землю. Снова Мэт проделал все измерения. Ее пульс стал реже, кровяное давление упало, дыхание было редким, грудь едва подымалась при каждом вздохе. Температура тоже упала...

Потом в течение часа они работали со столом. К концу этого часа Эби могла поднять стол на долю дюйма или устремить его к потолку, где он оставался, пока она не опускала его на землю. Она балансировала им на одной ножке и заставляла его крутиться как волчок. Расстояние не играло никакой роли. Она управляла столом одинаково хорошо с любой точки комнаты, с крыльца или даже пройдя несколько сот ярдов вниз по дороге.

— Откуда ты знаешь, где он находится и что с ним?— задумчиво спросил Мэт.

Эби безразлично пожала плечами.

— Не знаю. Просто чувствую.

— Чем?— допытывался Мэт.— Видишь его, осязаешь, ощущаешь его?

— Все вместе,— отвечала Эби.

Мэт растерянно покачал головой.

— Ты выглядишь утомленной. Тебе лучше прилечь.

Она легла на свою койку, но Мэт знал, что она не спит. Когда она не встала, чтобы приготовить завтрак, Мэт сам открыл консервы и попытался накормить ее.

— Спасибо, мистер Райт,— сказала Эби,— я чегой-то не голодная.

— «Я не голодна»,— поправил Мэт, но Эби не реагировала на замечание.

Вечером она слезла с койки, чтобы приготовить ужин, но сама съела не больше двух-трех ложек. Помыв посуду, она снова забралась на койку и задернула за собой одеяло.

Мэт сидел допоздна, пытаясь найти смысл в своих записях и графиках. Несмотря на показания приборов, Эби почти не чувствовала серьезных физиологических изменений, происходивших в ней. Поэтому можно было предположить, что такие изменения всегда сопутствовали проявлению ее парапсихологических способностей и что она переносила эти изменения достаточно легко.

Но почему эти способности в такой степени зависели от ее настроения? В чем заключалась разница? Почему, когда накануне она пыталась двигать предметы усилием воли, ей было гораздо труднее передвинуть чашку

телекинетически, чем физически? Почему теперь, когда она несчастна, дело обстоит как раз наоборот?

Может быть, она черпает энергию из какого-то постороннего источника? Какие физические законы нарушает Эби? Какие использует? Когда Эби была несчастна, она каким-то образом могла свести к нулю тяготение, нет, скорее не тяготение, а массу тела. Как только это сделано, процесс телекинеза уже не должен был требовать больших затрат энергии. Каким-то образом она умела затем восстановить прежнюю величину массы, и — смутная идея начала созревать в его мозгу — ну конечно же! Энергия, выделяющаяся при падении этого тела, поступала — но как? — в ее организм, возмещая расход энергии на телекинез предмета.

Он торопливо записал свои выводы. Совершенно ясно, что энергия, полученная при восстановлении массы тела, не могла полностью возместить расход энергии на телекинез. Поэтому Эби уставала после каждого опыта, но вовсе не так сильно, как если бы расходовала энергию на физическое перемещение предмета.

Какая же ты свинья, Мэттью Райт, в который раз за этот день подумал он. Но отступать было уже поздно.

Утром аппетит Эби не стал лучше. Мэт велел Эби попробовать двигать несколько предметов одновременно. Он увидел, как чашка кофе взлетела вверх, проделала двойное сальто, не расплескав ни капли, и опустилась на кофейник, который поднялся в воздух, чтобы встретить ее. Мэт встал, снял чашку с кофейника, выпил кофе и поставил чашку обратно. Кофейник даже не шелохнулся.

Но способности Эби имели предел. Количество разных предметов, которыми она могла манипулировать одновременно, не превышало трех; если же предметы были одинаковыми, то она легко справлялась с пятью и более. Она даже заставила шесть сандвичей проплясать в воздухе какой-то сложный танец.

— О боже,— воскликнул Мэт,— ты могла бы нажить себе в цирке целое состояние!

— Разве?— спросила Эби без всякого интереса. Она пожаловалась на головную боль и легла в постель.

Мэт ничего не сказал. Они проработали в этот день полтора часа. Остаток дня Мэт потратил на приведение в порядок своих записей. Несколько раз он кидал взгляды на маленькую неподвижную фигурку Эби. Он смутно начинал понимать колоссальные возможности, которые в ней скрыты. Им овладел смутный страх. Какую роль он выбрал для себя? Он начал как добрая фея, но больше уже не был ею.

Эби не вставала весь день, и отказывалась от еды, приготовленной Мэтом. На следующее утро, когда она медленно сползла с койки, предчувствие беды, овладевшее Мэтом, еще более обострилось. Она выглядела осунувшейся и постаревшей. Мэт уже приготовил завтрак, но она только устало тыкала вилкой в тарелку, несмотря на все его уговоры.

— Это не имеет никакого значения,— отвечала она.

— Может быть, ты нездорова?— раздраженно допытывался Мэт.— Я отвезу тебя к доктору.

Эби холодно взглянула на него.

— То, что у меня не в порядке, никакой доктор не вылечит.

В это утро Мэт увидел, как жестянка с мукой прошла сквозь его тело. Эби кидала ее к нему с разной скоростью, измеряя силу необходимого мысленного толчка. Мэт либо ловил жестянку, либо Эби останавливала ее на лету и возвращала обратно. Но на этот раз жестянка полетела слишком

быстро, как пуля. Невольно Мэт взглянул себе на грудь, ожидая сильного удара. Но вместо этого он увидел, как жестянка пролетела насквозь...

Мэт ошеломленно оглянулся, потирая грудь дрожащими пальцами. Жестянка ударилась о стенку хижины и лежала на полу, помятая, в облаке мучной пыли.

— Она прошла насквозь,— прошептал Мэт,— я видел ее, но ничего не ощутил. Эби, что произошло?

— Я не смогла ее остановить,— прошептала она,— и тогда я мысленно пожелала, чтоба она оказалась в другом месте. Всего на мгновение. И это случилось.

Так они открыли способности Эби к телепортации — мысленному мгновенному переносу предметов из одного места в другое. Это оказалось столь же просто, как и телекинез. Эби заставляла проходить предметы сквозь стены, не вредя ни тем, ни другим. Размеры предметов не играли никакой роли. Насколько Мэт мог судить, расстояние также.

— Как насчёт живых существ?— спросил Мэт.

Эби сосредоточилась. Неожиданно на столе появилась мышь, коричневая полевая мышь с подергивающимися усиками и удивленными черными глазами. Секунду мышь лежала на столе как парализованная, а затем быстро побежала по столу в сторону Эби. Эби завизжала. Перевернувшись в воздухе, мышь исчезла. Мэт смотрел, широко раскрыв рот. Эби висела в воздухе на высоте трех футов. Медленно она опустилась на свой стул.

— Это действует и на людей — прошептал Мэт,— попробуй еще раз. Попробуй это на мне.

Мэт почувствовал тошноту, как если бы земля неожиданно ушла у него из-под ног. Он взглянул вниз и увидел, что парит в воздухе на высоте двух футов над своим стулом. Он медленно поворачивался, но ему казалось, что комната кружится вокруг него.

— Здорово,— сказал он.

Мэт начал вращаться быстрее. Через секунду он кружился как волчок, комната мелькала у него перед глазами.

— Стоп!— закричал он.— С меня хватит!— В тот же момент он перестал крутиться и упал вниз. У Мэта было ощущение, что его желудок собирался выпрыгнуть наружу. Он тяжело и больно шлепнулся на стул, на котором сидел прежде, но тут же с воплем вскочил.

— Ты это нарочно сделала! — закричал он обвиняющим тоном.

Эби приняла невинный вид.

— Я сделала только то, что вы просили.

— Ладно, пусть так,— сказал Мэт,— но с этой минуты я отказываюсь быть подопытным кроликом.

Эби сложила руки на коленях.

— Что мне теперь делать, мистер Райт?

— Попрактикуйся на себе,— сказал Мэт.

— Хорошо, мистер Райт.— Она плавно поднялась в воздух.— Это чудесно.— Она вытянулась горизонтально, словно лежала в постели, и начала летать вокруг комнаты. Потом вернулась в кресло. Глаза ее горели.— У меня такое чувство, что я могу сделать все на свете,— сказала она.— Что мне попробовать сейчас?

Мэт секунду подумал.

— Попробуй телепортировать себя.

— Куда?

— Куда угодно,— нетерпеливо ответил Мэт,— это не имеет никакого значения.

— Куда угодно!— повторила она. И в следующее мгновение ее не стало.

Мэт уставился на ее стул. Эби исчезла, в этом не было ни малейшего сомнения. Мэт выскочил на крыльцо. Полуденное солнце заливало все вокруг потоками ослепительного света.

— Эби!— закричал Мэт.— Эби!— Он подождал, но ему ответило только эхо. Минут пять он бегал вокруг хижины, крича и призывая, пока, наконец, сдавшись, не вернулся в хижину. Он сидел, глядя на койку Эби, и размышлял. Где она могла теперь быть?

Должно существовать какое-нибудь научное объяснение телепортации — это что-нибудь вроде замыкания трехмерного пространства через четвертое измерение...

Его начали одолевать угрызения совести. Может быть, Эби погибла? Или находится в четвертом измерении, как в ловушке, не в силах оттуда выбраться? Он не понимал теперь, как он мог быть настолько безумным, чтобы экспериментировать над человеческими жизнями и основными законами природы. Мэт угрюмо осознал, что цель никогда не оправдывает средства.

И вдруг Эби появилась подобно духу из сказок «Тысячи и одной ночи», с подносом, уставленным блюдами. Щеки ее горели, глаза сверкали.

— Эби!— закричал Мэт. Он почувствовал, как камень свалился у него с сердца.— Где это ты была?

— В Спрингфильде.

— В Спрингфильде?— У Мэта сперло дыхание.— Но ведь это за пятьдесят миль отсюда!

Эби поставила поднос на стол и щелкнула пальцами.

— Вот смотрите, я была там.

Мэт поглядел на поднос. На нем были вареные омары, жареная картошка... Эби улыбнулась.

— Я проголодалась,— сказала она.

— Но откуда ты...— начал было он.— Ты была в ресторане, ты взяла все эти вещи там?

Эби счастливо кивнула.

— Я была голодна.

— Но ведь это воровство,— простонал Мэт и в первый раз осознал чудовищность того, что он совершил, научив Эби пользоваться своими возможностями. Ничто не было в безопасности: ни деньги, ни драгоценности, ни смертоносные секреты.

— Они даже и не заметят, что у них что-нибудь пропало,— ответила Эби,— и потом, никто меня даже не видел.— Она произнесла это как решающий довод.

Эби ела с аппетитом, и Мэт радовался, что она не собирается уморить себя голодом.

— Но почему тебя не заметили там?— спросил Мэт.

— Сначала я никак не могла решить, как попасть в кухню. Но я видела, что там был только один повар...

— Видела?

— Я была снаружи, но как-то могла видеть, что делается внутри. И тогда я позвала: «Альберт», и повар вышел, а я вошла и забрала еду вместе с подносом и вернулась сюда. Это было очень просто, ведь я знала, что повар ждет, когда его позовут.

— Как ты могла это знать?

— Я подумала это,— сказала Эби, нахмурившись,— вот так.

Он удивленно посмотрел на нее и вдруг понял, что она хочет сказать. Телепатия! И, глядя на ее лицо, он понял, что не ошибся. Широко открытыми недоверчивыми глазами Эби посмотрела на Мэта. Постепенно ее лицо приняло холодное и жесткое выражение, словно она надела маску.

— О, Эби, милая, нежная Эби!

— Вы...— она задохнулась,— вы сам черт. Что бы я ни сделала, вам все будет мало.

Я погибший человек, подумал Мэт.

— Вы с вашей добротой, и вашим красивым лицом, и вашими городскими манерами, как вы могли так поступить? Вы заставили меня полюбить вас. Вам это не было трудно. Нужно было только подержать деревенскую девчонку за руку при лунном свете и поцеловать ее разок, и она уже готова была прыгнуть к вам в постель. Но этого-то вы не хотели. Все время вы смеялись надо мной и строили свои планы. Бедная деревенская девчонка! С самого начала все было сплошным обманом. И в самый счастливый момент забрали все обратно. Бедная деревенская девчонка! Она вообразила, что вы хотите ее. Мечтала, что вы, может быть, на ней женитесь. Вы думаете сейчас, что как-нибудь обманете меня и я вам все прощу. Вы хотите заставить меня думать, что я вас неправильно поняла. Не выйдет. Ничего у вас не выйдет, потому что я знаю все, что вы думаете.

Что он думал на самом деле? Приходило ли ему в голову хотя бы на мгновение, что он может жениться на ней? Мэт содрогнулся. Такая жизнь была бы кромешным адом. Представьте себе только, если можете, жену, которая все знает, все может, которую нельзя обмануть, при которой нельзя остаться наедине с собой. Представьте себе жену, которая в секунду может превратить квартиру в хаос, которая в силах швырять тарелки, стулья и столы с одинаковой легкостью и смертельной меткостью. Представьте жену, которая в любое время по малейшему подозрению может оказаться в любом месте. Представьте жену, которая видит сквозь стены и читает мысли, и тогда, может быть, вы предпочтете сломанную ногу или камни в печени.

Эби задрала подбородок.

— Вам нечего беспокоиться. Я скорее выйду замуж за гремучую змею. Та по крайней мере хоть шипит прежде, чем ужалить.

— Убей меня!— в отчаянии крикнул Мэт.— Лучше убей меня!

Эби мило улыбнулась.

— Убить вас было бы слишком милосердно. Я даже не знаю такого наказания, которое не было бы слишком милосердно для вас. Но вы не беспокойтесь. Я постараюсь придумать. А теперь убирайтесь и оставьте меня одну.

Мэт повернулся, чтобы выйти. Но не успел он сделать и шага, как оказался снаружи хижины. Он зажмурился от яркого солнечного света. Мэта начало трясти. Он попытался собрать разбежавшиеся мысли. Итак, он совершил чудовищно жестокое преступление — неважно по каким мотивам. И вот он пойман и находится во власти потерпевшего, и никогда еще ни один потерпевший не располагал более совершенными средствами возмездия.

Единственный вопрос заключался в том, какую форму примет возмездие. Когда он узнает это, он сможет придумать, как его избежать. Покорно ждать наказания Мэт не собирался.

Однако как только он составит план действий, этот план в ту же секунду станет известен Эби и поэтому окажется совершенно бесполезным. Она уже и так знала слишком много. Он должен перестать думать.

— Ну, мистер Райт, вы готовы?

Мэт вздрогнул. Рядом с ним на ступеньке крыльца стояла пара очаровательных ножек в нейлоновых чулках и маленьких черных туфельках. Мэт поднял глаза и посмотрел на ее фигурку, затянутую в черное платье, на ее лицо с большими голубыми глазами и ярко-красными губками, лицо, обрамленное прелестными белокурыми волосами. Даже в том состоянии, в каком он находился, Мэт ощутил всю прелесть ее красоты. Какая жалость, что остальные дары природы оказались такими ужасными!

— Я полагаю, что ваша невеста не будет возражать,— сказала Эби с приятной улыбкой,— поскольку у вас нет невесты. Так вы готовы?

— Готов? К чему?— У Мэта внезапно закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Он закрыл глаза, а когда открыл их, то понял, что они уже на танцплощадке в Спрингфильде, где когда-то были вместе.

Эби упала ему в объятия.

— Танцуйте!— сказала она.

Мэт понял, что все присутствующие глазеют на них, как если бы они свалились с потолка. Может, так оно и было?

Официант в белой куртке, сердито нахмурившись, решительно зашагал по направлению к ним. Но Эби была так же безучастна ко всеобщему смятению, вызванному их неожиданным появлением, как и большая автоматическая радиола, стоявшая в углу. Эби, прижавшись к Мэту, танцевала легко и свободно. Официант похлопал Мэта по плечу. Мэт с облегчением вздохнул и остановился. Но в следующее мгновение почувствовал, что продолжает двигаться в ритме танца, дергаясь, словно марионетка. Эби не собиралась останавливаться. Официант упрямо шел за ними.

— Прекратите это,— потребовал он.

— Я н-н-не м-м-о-г-г-у ос-с-ста-н-но-виться!— дергаясь, проговорил Мэт.

— Можете, можете,— успокоительно проговорил официант, продолжая идти за ними,— есть много вещей, которые человек не может сделать, но перестать делать то, что он делает, он всегда может. Мне кажется, вы были бы рады остановиться.

— Кон-н-неч-чно, б-был б-б-бы,— проговорил Мэт.— П-пе-р-ре-с-стан-нь!— шепнул он Эби.

— Скажите этому человеку, чтобы он убирался прочь,— прошептала Эби в ответ.

Мэт решил снова начать танцевать сам. По крайней мере это приятнее, чем чувствовать, как тебя дергает в разные стороны.

— Мне кажется, вам лучше уйти,— сказал он официанту.

— Мы не любим выставлять людей силой,— сказал официант, нахмурившись,— но должны соблюдать порядок ради наших клиентов. Лучше уйдите подобру,— он схватил Мэта за руку,— а не то...

Внезапно Мэт почувствовал, что его рука свободна. Официант исчез. Мэт дико оглянулся вокруг. На автоматической радиоле появилось новое украшение. С вытаращенными тупо глазами и лицом белее собственной куртки официант, освещенный переливающимися огнями радиолы, напоминал китайского болванчика. Эби еще теснее прижалась к Мэту. Они продолжали медленно кружиться под музыку. Официант слез и через минуту снова направился к ним, сопровождаемый вторым официантом, барменом с квадратной челюстью и уродливым бульдогом в образе человека.

Управляющий, подумал о нем Мэт.

Четверка угрожающе сомкнулась вокруг Эби и Мэта.

— Не знаю, что это за игру вы затеяли,— проворчал бульдог,— но мы не хотим, чтобы вы играли в нее здесь. Если вы быстренько не уберетесь, то пожалеете.

Глядя на него, Мэт охотно ему поверил. Он сделал новую попытку остановиться.

— Н-н-не м-мо-г-гу,— проговорил он,— н-не-у-ж-жел-л-ли в-вы д-думала-е-те, я б-б-бы н-не п-пре-кра-тил, ес-с-с-л-ли б-б-б-бы м-мог.

Менеджер посмотрел на него налитыми кровью глазами.

— Полагаю, что прекратили бы.— Он сжал челюсти.— Ну что ж, ребята. Вышвырните их вон.

— Осторожнее,— нерешительно проговорил первый официант,— кто-то из них владеет хитрым приемом.

И тут нападающие исчезли. Мэт с несчастным видом посмотрел на радиолу. Там они сидели один на другом, напоминая акробатическую пирамиду. Пирамида зашаталась и рассыпалась. Даже сквозь громкую музыку были слышны глухие удары о пол. Затем Мэт увидел, как они обескураженно встают. Бармен усиленно потирал нос. Внезапно он сжал кулаки и бросился в атаку. Управляющий успел поймать его за руку.

Четвёрка устроила военный совет. Каждые несколько секунд кто-нибудь из них поднимал голову и смотрел на Мэта и Эби. Наконец первый официант отделился от общей группы и с решительным видом направился к радиоле. Музыка прекратилась, цветные огни погасли. Наступила тишина. Все четверо с победоносным видом повернулись к танцплощадке. Так же внезапно огни зажглись вновь и снова загремела музыка. Они подскочили на месте. Осторожными шагами управляющий подкрался к стене и выдернул шнур из розетки. Он повернулся, все еще держа его в руке. Шнур начал извиваться. Управляющий смотрел на него, не веря своим глазам. Шнур начал складываться в кольца. Управляющий торопливо бросил его на пол. Шнур поднялся над полом, как кобра, и начал раскачиваться в медленном смертоносном танце. Потом прыгнул вперед. Управляющий едва успел отскочить. Металлические клыки стукнули по полу. Все четверо отступили, глядя на шнур широко раскрытыми глазами. Шнур презрительно повернулся и, скользнув к розетке, воткнулся в нее. Музыка заиграла снова.

Когда радиола опять попала в его поле зрения, Мэт заметил вокруг нее оживленную деятельность. Бармен приближался к управляющему, держа в руке сверкающий пожарный топор. На мгновение Мэту показалось, что весь мир сошел с ума. Затем он увидел, как управляющий, держа топор наготове, осторожно двинулся к радиоле. Удар был сокрушительным, но шнур, свернувшись в кольца, успел отскочить в сторону. Управляющий подошел чуть поближе. Потом он взглянул вниз и закричал. Шнур обернулся петлей вокруг его ноги, словно питон, душащий свою жертву. Отчаянно размахивая топором, человек-бульдог наносил удар за ударом. Один из них, попав в цель, разрубил шнур пополам. Музыка прекратилась, радиола погасла. Обезглавленный шнур извивался в предсмертной агонии.

Эби остановилась. Мэт с облегчением вздохнул, ноги его дрожали.

— Эби,— умоляюще проговорил он,— пойдем отсюда побыстрее.

Она покачала головой.

— Давайте посидим, — и повела его к столику, который сразу же опустел, так же как и вся прилегающая к нему часть комнаты.

— Думаю, что вы не прочь выпить,— сказала Эби.

— Я бы лучше ушел,— пробормотал Мэт.

Они сели. Эби повелительно подозвала официанта. Тот осторожно приблизился к столу. Эби вопросительно посмотрела на Мэта.

— Виски,— беспомощно пробормотал Мэт,— только без соды.

Почти мгновенно официант вернулся обратно, держа на подносе бутылку и два стакана.

— Босс приказал получить деньги вперед,— робко пробормотал он.

Мэт тщетно обыскал карманы.

— У меня нет с собой денег!

— Неважно,— сказала Эби,— поставьте поднос.

— Нет, мадам...— начал официант, глядя округлившимися глазами на поднос, который, выскользнув у него из рук, опустился на стол. Он запнулся, закрыл рот рукой и отошел от стола.

Эби сидела, опершись локтем о стол и мечтательно положив подбородок на маленькую ладонь.

— Я не хочу быть плохой дочерью,— сказала она,— па здесь, наверное, понравилось бы.

— Нет, нет,— торопливо проговорил Мэт,— пожалуйста, не надо. У нас и без того целая куча неприятностей...

...Дженкинс сидел у стола на третьем стуле, медленно моргая; от него разило спиртом. Мэт потянулся за бутылкой, налил немного виски в свой стакан, поднес его к губам и залпом выпил. На мгновение виски обожгло ему горло, но в следующий момент это ощущение исчезло. Мэт поставил стакан на стол и немного подождал. Но он ничего не чувствовал, совершенно ничего. Он подозрительно посмотрел на стакан. Тот был полон.

Дженкинс прищурил глаза.

— Эб,— сказал он, ерзая на стуле,— что ты тут делаешь? Какая ты шикарная! Подцепила парня с монетой?

Эби не обратила на его вопросы ни малейшего внимания.

— Па, если бы я попросила тебя кое-что для меня сделать, ты бы сделал?

— Конечно, Эб,— торопливо ответил Дженкинс. Его глаза загорелись при виде бутылки с виски.— Все что угодно.

Он поднес бутылку к губам. Та приятно забулькала. Когда Дженкинс поставил бутылку на стол и вытер рот большой волосатой рукой, бутылка оказалась наполовину пустой. Дженкинс тяжело вздохнул. Мэт снова поднял свой стакан и поднес его к губам. Когда он опустил его, стакан был по-прежнему полон, а Мэт по-прежнему пуст.

— Если бы я попросила тебя стукнуть мистера Райта по носу?

Мэт внутренне сжался.

— Конечно, Эб, конечно,— сказал Дженкинс. Он медленно согнул свою массивную руку и сжал кулак. Борода не давала разглядеть выражение его лица, но Мэт подумал, что это даже к лучшему.

— Ты что, обидел мою маленькую девочку?— потребовал ответа Дженкинс.— Послушай, сынок,— вдруг переменил он тон,— что с тобой? На тебе лица нет!— Он снова посмотрел на Эби.— Стукнуть его сейчас?

— Я скажу когда,— ответила Эби.

— Полиция!— неожиданно завопил Дженкинс, охватывая своей огромной рукой горлышко бутылки.

Мэт поднял голову. Бармен вел к ним троих полицейских. Они приближались решительно, уверенные в своей власти и силе. Мэт быстро повернулся к Эби.

— Только, пожалуйста, не устраивай никаких столкновений с законом.

Эби зевнула.

— Я устала,— сказала она,— уже поздно.

Дженкинс, нагнув голову, бросился навстречу полиции. И тут зал исчез. Мэт поморгал, борясь с тошнотой. Он и Эби снова были в хижине.

— А как насчет твоего отца?— спросил Мэт.

— После выпивки,— ответила Эби,— па больше всего на свете любит хорошую потасовку. А теперь я иду спать. Я здорово устала.

Оставив туфельки на полу, она забралась на койку. Медленно прошли два мучительных часа. Мэт осторожно сел и взял ботинки в руки. Потом встал и медленно, на цыпочках, пошел к двери. Дюйм за дюймом продвигался он к своей цели, напряженно прислушиваясь к сонному дыханию Эби. Приоткрыв дверь, он выскользнул наружу и тихо закрыл ее за собой. Ступенька скрипнула. Мэт в ужасе застыл на месте. Однако из хижины не донеслось ни малейшего звука. Машина сама покатилась под уклон, едва он отпустил тормоз, и, только отъехав на милю от хижины, Мэт включил мотор. Свобода! Уже рассветало, когда он подъехал к бензоколонке. Солнце, заглянув сквозь ветровое стекло его машины, увидело молодого человека в грязном костюме, небритого, с красными от усталости глазами. Но Мэт дышал глубоко, он упивался вином свободы. Он не помнил, куда ведет дорога, по которой он ехал, но куда бы она ни вела, жизнь была прекрасна.

Мэт считал, что Эби не сможет его найти и что она не сможет телепортировать себя в то место, в котором ни разу не была. В обоих своих путешествиях в Спрингфильд Эби посетила только те места, в которых она раньше побывала с Мэтом.

Когда из-за бензоколонки вышел сонный служащий, Мэт спохватился, что у него нет денег. Безнадежно он начал шарить по карманам. Без денег он надолго застрянет здесь, а все его деньги остались в хижине вместе с одеждой, пишущей машинкой и папками с начатой диссертацией. Но... его рука что-то нащупала в кармане брюк. Бумажник. Он вытащил его и заглянул внутрь. Там было четыре доллара бумажками и на триста долларов аккредитивов.

— Заправьте машину,— сказал Мэт. Когда он успел захватить деньги? В Спрингфильде бумажника с ним не было... Однако... А может быть, ему мешает подумать как следует голод? Он ничего не ел со вчерашнего утра.

— Где здесь можно поесть?

— Видите вон те грузовики у дороги? Обычно в таких местах хорошо кормят. Но здесь не то. Зато есть местная достопримечательность. Шоферы останавливаются, чтобы только посмотреть на нее. Звать Лола...

Внутри столовая напоминала железнодорожный вагон. Вдоль одной стены тянулся длинный прилавок. Шоферы, все, как один, крупные мужчины в рубашках с короткими рукавами, курили, пили кофе и дразнили официантку. Мэт устало присел за один из пустых столиков. Официантка, освободившись от группы поклонников, подошла к нему со стаканом воды, раскачивая на ходу бедрами. Она была пышной брюнеткой с коротко остриженными волосами и улыбающимся загорелым лицом. Ее юбка и кофточка с низким вырезом оттопыривались как раз в нужных местах. Когда она наклонилась, чтобы поставить стакан с водой на стол, Мэт против своей воли скользнул глазами по низкому вырезу ее блузки.

— Что вы будете кушать?— спросила она.

Мэт проглотил слюну.

— Пару блинчиков и сосиски.

— Кофе?

Мэт кивнул головой. Он слегка улыбнулся, чтобы показать, что ценит ее внимание. Не было ни малейшего сомнения в ее привлекательности. В любое другое время...

— Ох!— вскрикнула вдруг она, потирая грудь рукой и кидая на Мэта укоризненные взгляды. Затем на ее лице появилась кокетливая улыбка. Толстым пальчиком она погрозила Мэту.— Скверный мальчик!

Мэт смотрел на нее, как на сумасшедшую. Когда она исчезла за прилавком, Мэт озабоченно покачал головой и, заметив мрачные взгляды, которые кидали на него шоферы, углубился в изучение стакана с водой. Он вспомнил, что его мучит жажда. Мэт выпил полный стакан, но жажда не проходила. Лола, не теряя времени, принесла Мэту кофе. Но когда она приблизилась к Мэту, произошло непонятное — на совершенно ровном месте Лола поскользнулась, вылив кофе на рубашку Мэта. Он вскочил, ругаясь. Опомнившись, Лола схватила пачку бумажных салфеток и начала оттирать рубашку. Мэт заметил, что шоферы глядят на него — одни мрачно, другие с завистью. Он снова сел за стол. В конце концов это могло быть простой случайностью.

Тем временем заказанные блинчики уже приготовили. Лола несла их к столу Мэта, однако это оказалось далеко не простым делом. Никогда в жизни Мэт не видел столь скользких блинчиков. Лола была так занята, пытаясь удержать их на тарелке, что даже перестала покачивать бедрами. Блинчики катались по тарелке из стороны в сторону. От напряжения Лола сморщила лоб. Она шла каким-то сложным танцевальным шагом, пытаясь удержать блинчики в равновесии. Мэт смотрел на нее как завороженный. Тем временем все четыре сосиски на другой тарелке подскочили вверх и исчезли одна за другой за низким вырезом ее блузки. Лола вскрикнула. Блинчики полетели в разные стороны. Один из них попал ближайшему шоферу в лицо.

— А, шутник! — закричал он и запустил стулом в Мэта.

Мэт вскочил, пытаясь вылезти из-за стола. Блинчик, отскочивший от первого шофера, угодил в открытый от удивления рот его соседа. Тот подскочил, задыхаясь и издавая невнятные звуки. Через стол полетели чашки. Мэт нырнул под стол, закрыв глаза и покорившись своей судьбе. Сквозь шум драки до него донесся смех, похожий на звон маленьких серебряных колокольчиков. Затем, не имея ни малейшего представления, как это произошло, он оказался на улице. Мотор заработал, едва только он нажал на стартер. Мэт повернулся, чтобы взглянуть назад, на столовую — и едва не потерял контроль над машиной. На заднем сиденье аккуратной стопкой были сложены его одежда, пишущая машинка и папки с диссертацией.

Когда Мэт остановился на одной из улиц Клинтона, он почувствовал себя немного лучше, по крайней мере морально. По пути он умылся в маленьком ручейке у дороги, побрился и переоделся. Но он был совершенно измотан голодом и недосыпанием. Лучше это, мрачно подумал Мэт, чем Эби. Какое-то время он сумеет продержаться. Что касается появления в машине его вещей, то у Мэта на этот счет было несколько объяснений. Наиболее приятное из них заключалось в том, что Эби изменила свои намерения; она ждала, что он попытается удрать, и облегчила ему эту попытку. Мэт подумал, что в душе Эби была добросердечным ребенком. Слабость этого объяснения заключалась в том, что Мэт не верил в него.

Он пожал плечами. Перед ним сейчас стояли более неотложные задачи. Бензин на исходе, и ему необходимо что-нибудь поесть. Надо разменять один из аккредитивов.

Войдя в банк, Мэт направился прямо к окошечку кассира. Он подписал аккредитив и передал его кассиру, маленькому худому человечку с лысой головой и соломенными усиками. Кассир сравнил подписи и повернулся к боковой полочке, где у него аккуратными стопками были сложены денежные купюры. Он отсчитал четыре двадцатки, десятку, пятерку и пять бумажек по одному доллару.

— Пожалуйста, сэр,— вежливо сказал он.

А Мэт в это время в ужасе глядел на пачки двадцатидолларовых ассигнаций, медленно поднимающиеся в воздух за спиной у кассира.

— Что с вами, сэр,— беспокойно спросил кассир,— вам нехорошо?

Мэт машинально кивнул и затем, оторвав глаза от зрелища летающих денег, отрицательно помотал головой.

— Нет,— запнулся он,— со мной все в порядке.— Он быстро сделал шаг назад от окошечка.

— Вы уверены в этом? Вы ужасно выглядите!

С ужасом Мэт почувствовал, как что-то копошится в правом кармане его пиджака. Он сунул руку в карман, там лежала пачка двадцатидолларовых ассигнаций. Мэт быстро подошел к окошечку кассира. Тот высунулся ему навстречу.

— Мне кажется, вы уронили вот это,— сказал Мэт, вынимая пачку денег из кармана.

Кассир быстро взглянул на полку с деньгами и снова на пачку.

— Не могу понять, каким образом... Но все равно, благодарю вас. Это самая забавная...

Мэт протянул деньги через окошечко.

— Совершенно верно,— поспешил согласиться Мэт и поднял руку, но выпущенная пачка денег поднялась вместе с ней, словно приклеилась к ладони.— Извините меня,— тихо сказал Мэт,— я не могу избавиться от этих денег.— Он отчаянно потряс рукой, но пачка даже не пошелохнулась.

— Весьма забавно,— сказал кассир, однако он уже не улыбался. Кассир просунул руку сквозь прутья и схватил пачку за уголок.

— Вы можете теперь отпустить ее,— сказал он,— ну, отпускайте же!

Мэт потянул руку к себе.

— Не могу,— сказал он, тяжело дыша.

Кассир и Мэт изо всех сил тянули в разные стороны.

— Мне некогда играть здесь с вами,— пыхтел кассир,— отпустите деньги.

— Мне не нужны они,— лихорадочно заговорил Мэт,— но я не могу от них избавиться. Вот смотрите.

Он широко растопырил пальцы. Кассир ухватился за пачку обеими руками и уперся ногой в перегородку.

— Отпустите деньги!— заорал он.

Внезапно Мэт почувствовал, что его рука пуста, а кассир исчез на дне своей клетушки.

Мэт бросился к двери. Откуда-то издалека ему послышалось звяканье маленьких серебряных колокольчиков.

Когда он выезжал из Клинтона, у него не оставалось никаких сомнений: Эби преследовала его.

Полумертвый от усталости, умирающий от жажды и голода, Мэт подъезжал к северной окраине Канзас-Сити. Он проехал через город, не останавливаясь, и, наконец, увидел вдали красные черепичные крыши и белые башенки университета.

Здесь была крепость науки, цитадель знания, передовой бастион борьбы с темными силами невежества и предрассудков. Здесь, в академической атмосфере логики и размышлений, сможет он стряхнуть мрачные чары, парализовавшие его волю. Здесь он сможет мыслить яснее, действовать решительнее и избавиться, наконец, от демона мщения, мчащегося по его пятам. Здесь он найдет помощь.

Он проехал по Массачусетс-стрит и остановился. Голода он почти не чувствовал, но жажда не давала ему покоя. Где-то по дороге — он никак

не мог вспомнить где — он пытался поесть, но куски исчезали у него изо рта.

Неужели этому не будет конца?— подумал он. Неужели нет никакого выхода? Конечно, есть. Из всякого положения есть выход.

Мэт подошел к ресторану. Он должен сначала утолить голод и жажду, а там будь что будет. Мэт сел за ближайший столик.

— Суп,— пробормотал он подошедшей официантке,— суп и молоко.— Он даже не поднял голову, чтобы посмотреть на нее.

— Хорошо, сэр,— сказала она. Ее голос показался ему знакомым, но в конце концов все молодые голоса похожи друг на друга. Когда-то он обедал здесь.

Медленно поднес он к губам стакан с водой. Прохладные волны захлестнули его. Мэт благодарно закрыл глаза.

— Вам лучше, мистер Райт?— спросила официантка.

Мэт поднял глаза и поперхнулся. Перед ним стояла Эби. Мэт вскрикнул. Студенты начали оборачиваться. Он дико огляделся вокруг. Все девушки были как две капли воды похожи на Эби. Мэт вскочил, чуть не опрокинув стол, и бросился к выходу. Перед самой дверью он остановился как вкопанный. Через стекло на него смотрела высокая бородатая фигура. Мэт повернулся и побежал через зал к черному ходу. Промчавшись мимо удивленного повара, Мэт выскочил на улицу и побежал, прихрамывая, вдоль темной аллеи. В конце аллеи уличный фонарь стоял как оазис света. Мэт, задыхаясь, мчался к нему что было сил. Внезапно он остановился. В конце аллеи на земле лежала длинная тень. У тени были могучие плечи, и под подбородком что-то болталось. Мэт повернулся и побежал назад, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. Его мозг работал, как машина, у которой сломался регулятор. Из-за кустов выступила тень. Мэт снова остановился. Тень подошла ближе, возвышаясь над его головой. Мэт сжался, не в силах сдвинуться с места. Две длинные руки протянулись к нему. Мэт вздрогнул и приготовился встретить свой конец. Руки обняли его и притянули ближе.

— Сынок, сынок,— услышал он тихий голос Дженкинса,— ты первый знакомый, которого я увидел за весь день.

Сердце Мэта снова начало биться. Он высвободил свое лицо из спутанной бороды Дженкинса.

— Никак не могу понять, что творится со мной эти дни,— говорил Дженкинс, печально качая головой,— но у меня такое мнение, что все это дело рук Эб. Как раз когда драка была в самом разгаре, все вдруг исчезло, и я очутился здесь. Где я нахожусь, сынок?

— Канзас,— ответил Мэт.

— Сынок,— жалобно сказал Дженкинс,— что-то надо делать. Это ведь все дело рук Эб?

Мэт кивнул головой.

— Послушай, сынок. Я слишком стар для такого. Мне бы сидеть у себя на крыльце, держа на коленях бутылочку. Что-то нужно сделать с этой девчонкой.

— Боюсь, что уже слишком поздно,— сказал Мэт, вытащил бумажник и сунул Дженкинсу пять долларов.— Вот возьмите. Выпейте чего-нибудь и попробуйте забыться. Может быть, когда у вас кончатся эти деньги, все уже переменится к лучшему.

— Ты славный парень, сынок.— Дженкинс повернулся, подняв руку в прощальном приветствии.

Мэт медленно побрел вдоль Массачусетс-стрит. Он должен был сделать еще одну попытку. Подходя к автомобилю, Мэт почувствовал близость

Эби. Чувство было настолько сильным, словно он стоял рядом с ней. Мэт вздохнул. Не она была виновата во всем, что произошло. Скорее он. И теперь он должен поплатиться. В мире существует неумолимый закон действия и противодействия.

Было уже совсем темно, когда Мэт, проехав по Седьмой улице, остановил машину у старого двухэтажного дома, окруженного покосившимся забором. Большинство домов в университетском городке были старыми. Новые дома стояли в западном предместье, но университетским профессорам они были не по карману. Мэт позвонил. Дверь отворил профессор Франклин, его научный руководитель.

— Мэт!— воскликнул Франклин.— Да тебя не узнать! Почему ты вернулся так быстро? Только не говори, что ты уже закончил диссертацию.

— Нет, доктор Франклин,— устало сказал Мэт,— но я хотел бы побеседовать с вами, если у вас найдется время.

— Входи, входи. Я как раз проверяю работы,— Франклин поморщился,— работы первокурсников.

Франклин провел его через жилую комнату в заваленный книгами кабинет. Его очки лежали на стопке тетрадей. Он надел их и повернулся к Мэту.

— Что с тобой? Ты ужасно выглядишь. Ты не болен?

— В каком-то роде,— сказал Мэт,— это можно рассматривать как болезнь. Как бы вы лечили человека, верящего в реальность духов?

Франклин пожал плечами. Множество людей верят в них, и тем не менее являются полноправными здоровыми членами общества. Например, Конан Дойль...

— А если человек берется доказать их реальность?

— Галлюцинации? Тогда это серьезнее. Я думаю, что тут следует вмешаться психиатру. Но я не практикующий врач, а педагог. Послушай, не хочешь ли ты сказать, что...

— Предположим, я берусь доказать, что существуют левитация, телекинез, телепатия. О каком лечении тут может быть речь... профессор?

— Мэт, ты нездоров?

— Предположим,— безжалостно продолжал Мэт,— что очки взлетят сейчас с вашего носа, пролетят по воздуху и опустятся на мой. Что вы скажете тогда?

— Я скажу, что тебе надо повидать психиатра,— озабоченно сказал Франклин.

Его очки отделились от лица и, лениво полетав по комнате, опустились на нос Мэту. Профессор Франклин, подслеповато моргая, посмотрел им вслед.

— Мэт,— воскликнул он,— прекрати эти шутки!

Мэт вздохнул и вернул очки. Франклин, нахмурившись, снова надел их.

— Предположим,— сказал Мэт,— что я сейчас поднимусь в воздух.— Сказав это, он почувствовал, что поднимается вверх.

Франклин смотрел на него, задрав голову.

— Мэт,— сказал он,— вернись немедленно на место!

Мэт вернулся в свое кресло.

— Все эти трюки,— сурово сказал Франклин,— ничего особенного из себя не представляют. Пойди к врачу, Мэт. Не трать понапрасну свое и мое время. Кстати,— добавил он, снимая очки и яростно протирая их,— я думаю, мне не мешает повидать моего глазного врача.

Мэт снова вздохнул.

— Я с самого начала боялся, что все этим кончится. Эби, ты слышишь меня?

Франклин уставился на него.

— Да, мистер Райт.

Слова, тихие и отчетливые, доносились из середины пустой комнаты. Франклин лихорадочно обшаривал комнату глазами.

— Благодарю тебя,— сказал Мэт.

— Уходите из моего дома,— сказал Франклин дрожащим голосом,— с меня довольно ваших штучек.

Мэт встал и пошел к выходу.

— Боюсь, что доктор Франклин не верит в тебя, Эби. Но я верю. Прощайте, доктор Франклин. Не думаю, чтобы какой-нибудь врач сумел меня вылечить.

Со странным чувством приближающегося конца Мэт проехал через университетский городок и подъехал к своему дому. Он зажег свет в гостиной. В комнате царил привычный беспорядок. Свитер валялся на письменном столе, книги — на кресле. Не зажигая света, Мэт прошел на кухню. Только не думать... не думать...

Он наткнулся в темноте на плиту и, ворча, потер ушибленное бедро. Где-то здесь... Какие-то скрытые силы удерживали Мэта от того, чтобы свалиться в забытьи от истощения. Ничего, скоро у него будет сколько угодно времени для отдыха... Он нагнулся. Вот наконец то, что он ищет. Сахар. Обычный сахар. Последняя попытка. Ну да, сахар был не совсем обычным...

Он нашел пакетик с овсянкой и достал из холодильника молоко, вытащил из ящика нож и разрезал пакетик пополам. Затем высыпал содержимое одной из половинок в чашку, полил молоком и посыпал сверху сахаром. Ему очень хотелось спать. Он зачерпнул ложку и поднес ее ко рту. Какое-то время подержал ее на языке, затем проглотил... Нет, не успел проглотить — все исчезло у него изо рта. Мэт схватил нож и ударил им себя в грудь. Ударил? Рука оказалась пустой. Голова его упала на грудь. Внезапно он выпрямился. Шипенье прекратилось. Мэт зажег свет и увидел, что газовый кран, который он сумел открыть, когда споткнулся о плиту, уже закрыт. Не помогли ни яд от насекомых, ни нож, ни газ. Он почувствовал, как его охватило отчаяние. Выхода не было. Мэт сбросил с кресла книги и сел в него. Последняя надежда — после которой уже не на что надеяться — исчезла. И все-таки он был даже рад, что все его попытки потерпели неудачу. Потому что это был трусливый выход из положения.

Оставалось только одно решение. Он все время отказывался признать его неизбежность, но выбора больше не было. Он поднял голову.

— Ладно, Эби,— вздохнул он,— я женюсь на тебе.— Слова повисли в воздухе. Мэт ждал со страхом, смешанным с надеждой. Неужели в ней не осталось ничего, кроме жажды мщения?

Но Эби внезапно оказалась у него на руках, одетая в свое ужасное голубое платье, но очень красивая. Ее руки обвились вокруг его шеи.

— Правда, мистер Райт? — прошептала она.— Вы не шутите?

Боже мой! Вездесущая, всемогущая жена, страшная в гневе или разочаровании. Не было человека, подумал он, от которого требовали бы большей жертвы. Он вздохнул.

— Я женюсь на тебе. Да поможет мне бог! — И он поцеловал ее.

Самое странное, что новоявленный жених, Мэттью Райт, был счастлив. Куда счастливее, чем заслуживал. Но гораздо важнее было другое. Невеста была счастлива.

ГЕНРИ КАТТНЕР

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЭГО[1]

Никлас Мартин посмотрел через стол на робота.

— Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно,— сказал он придушенным голосом.— Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру, что я согласен. Скажите ему, что я в восторге оттого, что в фильме будет робот. Все остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак не может обойтись без робота. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на чертову дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

— Вашу мать звали Елена Глинская?— спросил робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

— Нет,— отрезал тот.

— А! Ну, так, значит, она была Большая Волосатая,— пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и медленно расправил плечи.

— Не волнуйтесь!— поспешно сказал робот.— Вас избрали для экологического эксперимента, только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни, и вам незачем...

— Заткнитесь!— потребовал Мартин.— Тоже мне робот! Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашел слишком далеко.— Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон и, нажав на кнопку, он потребовал:— Дайте мисс Эшби! Немедленно!

— Мне очень неприятно,— виноватым тоном сказал робот.— Может быть, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемоническую норму, когда я темпорирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

— Вот именно,— объявил он.— Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только... гм, гм... Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас прирежут илоты, либо... Погодите-ка, я говорю на санскрите?— Он покачал сверкающей головой.— Наверно, мне следовало сойти пятьдесят лет назад, но мне показалось... Прошу извинения, всего хорошего,— поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развел их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

— Нет, вы не уйдете!— заявил Мартин.— Стойте, где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго?— закончил он жалобно, глядя на телефон.

---

[1] Печатается по изд.: Генри Каттнер. Робот-зазнайка: Сборник научно-фантастических рассказов.— М.: Мир, 1968.

— А вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская?— спросил робот, приложив большой и указательный пальцы к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

— Конечно, уверен!— рявкнул он.

— Так, значит, вы еще не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Не женился и не женюсь!— отрезал Мартин и схватил трубку зазвонившего телефона.

— Это я, Ник!— раздался спокойный голос Эрики Эшби.— Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадежного желания отдать ей примерно фунт своего мяса — сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался ни этим термином и никаким другим, ибо при любой попытке сделать Эрике предложение им овладевала неизбывная робость и он начинал лепетать что-то про зеленые луга.

— Так в чем дело? Что-нибудь случилось?— повторила Эрика.

— Да,— произнес Мартин, глубоко вздохнув.— Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Ах, какая у вас замечательная память!— печально вставил робот.— И у меня была такая же, пока я не начал темпорировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат...

— Формально ты еще сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее,— ответила Эрика.— Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

— А когда?

— Разве тебе не передали, что я звонила?— вспылила Эрика.

— Конечно, нет!— сердито крикнул Мартин.— Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлет в мою темницу слово ободрения или даже напильник!— Его голос повеселел.— Думаешь устроить мне побег?

— Это возмутительно!— объявила Эрика.— В один прекрасный день Сен-Сир перегнет палку...

— Не перегнет, пока он может рассчитывать на Диди,— угрюмо сказал Мартин.

Кинокомпания «Вершина» скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец «Вершины», не спал по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал прелестной Диди подписать долгосрочный контракт.

— Тем не менее Уотт совсем не глуп,— сказала Эрика.— Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

— Почему?

— Я же сказала тебе... Ах, да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж.

Мартин испустил глухой стон.

— Значит, мне нет спасения,— сказал он.— На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлен, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

— Попробую,— ответила Эрика.— Об этом я и хочу с тобой поговорить... А!— вскрикнула она внезапно.— Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

— Пойти к Уотту,— уныло подсказал Ник.— Но, Эрика...

— Пойти к Уотту, когда он будет один,— подчеркнула Эрика.

— Сен-Сир этого не допустит.

— Именно. Конечно, Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз,— а вдруг мы его убедим? Но все-таки мы должны как-нибудь это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой — отгонять Сен-Сира. Что ты предпочтешь?

— Ни то и ни другое,— тотчас ответил Мартин.

— О, Ник! Одной мне это не по силам. Можно подумать, что ты боишься Сен-Сира!

— И боюсь!

— Глупости. Ну что он может тебе сделать?

— Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

— Я знаю. Неделю назад я видела одного из них на Майн-стрит — он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

— А!— сказал робот, радостно кивнув.— Так я и думал. Критическая фаза.

— Заткнись!— приказал Мартин.— Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

— И мне тоже,— ядовито ответила Эрика.— На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

— Будь я, например, Хемингуэем...— страдальческим голосом начал Мартин.

— Вы сказали Хемингуэй?— спросил робот.— Значит, это эра Кинси — Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы — Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин... Мартин? Дайте подумать... Ах, да! Тип Дизраэли,— он со скрежетом потер лоб.— Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

— Ник, ты меня слышишь?— осведомился в трубке голос Эрики.— Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь...

— Но Сен-Сир ни за что не согласится,— перебил Мартин.— Он не признает слова «неудача». Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьет меня.

— Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди?— мрачно напомнила Эрика.— Сен-Сир не сделал из него сценариста.

— Верно. Бедный Эд!— вздрогнув, сказал Мартин.

— Ну, хорошо, я еду. Что-нибудь еще?

— Да!— вскричал Мартин, набрав воздуха в легкие.— Да! Я безумно люблю тебя.

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение — даже маленькому, безобидному телефонному аппарату.

— Ты что-то сказал?— спросила Эрика.— Ну, пока.

— Погоди!— крикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в определенных случаях, и теперь он поспешно продолжал: — Я забыл тебе сказать. Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для «Анджелины Ноэл»!

Но трубка молчала.

— Я не поддельный,— сказал робот обиженно.

Мартин съежился в кресле и устремил на своего гостя тусклый, безнадежный взгляд.

— Кинг-Конг тоже был не поддельный,— заметил он.— И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И, возможно, добьется своего. Только посмотрите, что́ он уже сделал из моей пьесы! Ну, к чему там Фред Уоринг? На своем месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в «Анджелине Ноэл». Не в роли португальского шкипера рыбачьего судна! Вместо команды — его оркестр, а Дэн Дейли поет «Неаполь» Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост...

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать. Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

— Кто говорит?— спросил он дрожащим голосом.— Кто? Сен-Сир...

По проводу пронесся хриплый рык. Мартин выпрямился, как ужаленный, и стиснул трубку обеими руками.

— Послушайте!— крикнул он.— Дайте мне хоть раз договорить. Робот в «Анджелине Ноэл»— это уж просто...

— Я не слышу, что вы бормочете,— ревел густой бас.— Дрянь мыслишка. Что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

— Погодите...

Сен-Сир рыгнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвертый месяц затягивал ее все туже. Четвертый месяц... а не четвертый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва мог поверить, что еще совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы «Анджелина Ноэл», гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир...

Режиссер в глубине души был снобом и любил накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания «Вершина», рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения сценария — при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо.

Мартина погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпании «Вершина», буде таковая компания сочтет нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлен — это Мартин знал твердо.

— Я бы выпил чего-нибудь,— устало сказал Мартин и посмотрел на робота.— Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

— Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии,— возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

— Налейте мне виски, пожалуйста. А потом дайте рюмку прямо мне в руку, ладно? Это ведь нетрудно. В конце концов, мы с вами все-таки люди.

— Да нет,— ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга. Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивленно уставился на большой бокал для коктейлей — робот до краев налил его чистым виски. Мартин недоуменно взглянул на своего металлического собеседника.

— Вы, наверно, пьете, как губка,— сказал он задумчиво.— Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провел две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

— Валяйте,— настаивал Мартин.— Или вам совесть не позволяет пить мое виски?

— Как же я могу пить?— спросил робот.— Ведь я робот.— В его голосе появилась тоскливая нотка.— А что при этом происходит?— поинтересовался он.— Это смазка или заправка горючим?

Мартин поглядел на свой бокал.

— Заправка горючим,— сказал он сухо.— Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну, бросьте...

— А, принцип раздражения!— перебил робот.— Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

— А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко?— осведомился он.

— Как же я могу пить?— повторил робот.— Но я видел, как его пили другие.— Он провел вертикальную черту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид.— Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование — весьма увлекательное...— Он оборвал фразу.— Но я зря трачу пространство — время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы...

— Ну, выпейте же,— сказал Мартин.— У меня припадок радушия. Давайте дернем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут терроризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли? Верно?

— Я был бы рад попробовать,— задумчиво сказал робот.— С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже нетрудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает частоту капа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрического напряжения не существовало в дороботовую эпоху...

— А оно существовало,— заметил Мартин, делая новый глоток.— То есть я хочу сказать — существует. А это что, по-вашему,— мамонт?— Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

— Это?— переспросил он в полном изумлении.— Но в таком случае... в таком случае все телефоны, динамо и лампы, которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

— А что же, по-вашему, могло приводить их в действие?— холодно спросил Мартин.

— Рабы,— ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, замигал и затем вывернул лампочку.— Напряжение, вы сказали?

— Не валяйте дурака,— посоветовал Мартин.— Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

— Ну, что ж,— сказал робот,— не хочу расстраивать компании. Это *должно* сработать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался короткий треск, брызнули искры. Робот вытащил палец.

— *F (t)*...— сказал он и слегка покачнулся. Затем его пальцы взметнулись к лицу и начертали улыбку, которая выражала приятное удивление.

— *Fff(t)!*— сказал он и продолжал сипло:— *F (t)* интеграл от плюс до минус бесконечность... *A*, деленное на *n* в степени *e*.

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть, и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедшим. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадет мертвым или вцепится ему в горло.

Робот с легким позвякиванием причмокнул губами.

— Какая прелесть!— сказал он.— И даже переменный ток!

— В-в-вы не умерли?— дрожащим голосом осведомился Мартин.

— Я даже не жил,— пробормотал робот.— В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, пораженный дикой догадкой.

— Так, значит,— задохнулся он,— значит... вы — робот?!!

— Конечно, я робот,— ответил его гость.— Какое медленное мышление у вас, дороботов. Мое мышление сейчас работает со скоростью света.— Он оглядел настольную лампу с алкоголическим вожделением.— *F(t)*... То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота.— Он помолчал.— *F (t)*,— добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасливо взглянул на робота.

— *F (t)*...— сказал он, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток.— Я пьян,— продолжал он с судорожным облегчением.— Вот в чем дело. Ведь я чуть было не поверил...

— Ну, сначала никто не верит, что я робот,— объявил робот.— Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я являюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур, ему я являюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики — и только.

— Так, значит, вы — дьявол?— спросил Мартин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

— Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

— А я теперь даже не знаю, кто я такой,— сказал Мартин.— Может, я вовсе фавн, а вы — дитя человеческое! По-моему, от этого виски мне стало только хуже, и...

— Вас зовут Никлас Мартин,— терпеливо объяснил робот.— А меня ЭНИАК.

— Эньяк?

— ЭНИАК,— поправил робот, подчеркивая голосом, что все буквы заглавные.— ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из нее бесконечную красную ленту, по виду шелковую, но отливавшую странным металлическим блеском. Когда примерно четверть

мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зеленых камня.

— Как вы видите, они ложатся прямо на темпоральные доли,— сообщил робот, указывая на камни.— Вы наденете его на голову вот так...

— Нет, не надену,— сказал Мартин, проворно отдергивая голову,— и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

— Это искусственный эклогит,— успокоил его робот.— Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти — и все. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций — то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний — определяет ваши поступки и решения. А экологизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

— Только и всего?— подозрительно спросил Мартин.

— Ну-у...— уклончиво сказал робот.— Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... Экологизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но, поскольку эта матрица взята с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно использовать свои потенциальные способности, как наследственные, так и приобретенные. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

— Мне он не обеспечит,— сказал Мартин твердо,— потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

— А,— начал он после паузы,— я же вам ничего не объяснил! Все очень просто. Разве вы не хотите принять участие в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

— Нет!— объявил Мартин.

— Но ведь вы даже не знаете, о чем речь,— жалобно сказал робот.— После моих подробных объяснений мне еще никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

— Как бы не так!— буркнул он.

— Прекрасно,— с облегчением сказал робот.— Меня всегда может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи средневековья весьма сложен, а уйгурский... Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между человеком и его средой. Наша цель — мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь ее, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами,— нужная реакция в нужный момент. Понятно?

— Нет, конечно!— сказал Мартин.— Это какой-то бред.

— Существует,— продолжал робот устало,— очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздействия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временно́й шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

— По временно́й шкале Кальдекуза — нет, не трудно,— сказал Мартин.

— Я всегда объясняю чрезвычайно понятно,— с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

— Уберите от меня эту штуку!— раздраженно вскрикнул Мартин.— Я, конечно, пьян, но не настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

— Сунете,— сказал робот твердо.— Мне еще никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы меня собьете и мне придется принять еще одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем собьюсь. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создает синаптический порог задержки, но беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами — я веду опыт хронологически, а тысяча девятьсот пятьдесят второй год идет, разумеется, перед тысяча пятьсот семидесятым.

— А вот и не идет,— сказал Мартин, поднося бокал к губам.— Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступает перед тысяча пятьсот семидесятым.

— Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза,— объяснил робот.— Но только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что...— Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой.— Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова. Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком...

— Восемь с половиной — мой размер,— с достоинством возразил Мартин.

— Не может быть,— лукаво заспорил робот.— В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

— Он мне впору,— сказал Мартин.

— До чего же трудно разговаривать с дороботами,— заметил ЭНИАК, словно про себя.— Неразвитость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин,— он словно обращался к глупому и упрямому ребенку,— попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не впору...

— Черт побери!— в бешенстве крикнул Мартин, от досады и виски забывая про осторожность.— Он мне впору! Вот, смотрите!— Он схватил шлем и нахлобучил его на голову.— Сидит как влитой.

— Я ошибся,— признал робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг вспохватился, поспешно сдернул шлем с головы и бросил его на стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свертывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил укладывать ленту, застегнул сумку, вскинув ее на плечо и повернулся к двери.

— Всего хорошего,— сказал робот,— и позвольте вас поблагодарить.

— За что?— свирепо спросил Мартин.

— За ваше любезное сотрудничество,— сказал робот.

— Я не собираюсь с вами сотрудничать!— отрезал Мартин.— И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня...

— Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки,— невозмутимо ответил ЭНИАК.— Я вернусь вечером, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

— Что?!

ЭНИАК провел указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту. *У него в голове что-то происходило.*

Никлас Мартин чувствовал себя как человек, которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной — под горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нес с собой душную вонь — бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

«Пьян,— думал Мартин с отчаянием,— я пьян или сошел с ума!»

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошел по ней. «Если я смогу пройти по прямой,— рассуждал он,— значит, я не пьян... Я просто сошел с ума». Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошел по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда еще он не двигался с такой уверенностью и легкостью. В результате своего опыта он оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и, когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и притупилась.

Все было спокойно. Все было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, все не было нормально.

Он был трезв как стеклышко. Точно он пил не виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубины собственного мозга. Ибо там происходило нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки — одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с легким треском открывались, и быстрые паучки — другие нейроны — бросались наутек, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций... Ага! Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот... может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся.

Его губы искривились в презрительную улыбку.

Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

— Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами говорю, Мартин!

Мартин невозмутимо молчал.

— Вы заставляете меня ждать!— рычал голос.— Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается... Мартин, вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

— Бледно,— пробормотал он.— Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он поглядел на нее, а потом громко хлопнул в ладоши у самого микрофона. Из трубки донесся агонизирующий вопль.

— Прекрасно,— пробормотал Мартин, отворачиваясь.— Этот робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИАК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да,— прибавил он, выходя в холл и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов «Вершины».— *Мужчина — это машина, а женщина...*— Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд, что она даже вздрогнула,— *а женщина — игрушка,*— докончил Мартин и направился к первому просмотровому залу, где его ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия «Вершина» на каждый эпизод тратила в десять раз больше пленки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд «Метро — Голдвин — Мейер». Перед началом каждого съемочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира — небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран именно там.

Когда Мартин вошел, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появился прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящей атмосфере изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной прием. Ворс персидского ковра брезгливо съеживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испепелен орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Бэкингемский дворец.

Диди Флеминг (ее настоящую фамилию запомнить было невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своем кресле, уютно задрав ножки, сложив прелестные руки и устремив взгляд больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной кинорусалки флегматично плавала в волнах жемчужного тумана.

Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Мартином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бусинки, чудилось ему, выглядывали из его собственных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на самом деле? Каким бы ярким ни казалось воспоминание, возможно, это была только иллюзия. Напрашивающийся ответ был изумительно прост и ужасно логичен. ЭНИАК Гамма Девяносто Третий объяснил ему — правда, несколько смутно,— в чем заключался его экологический эксперимент. Мартин просто получил оптимальную рефлекторную схему своего удачливого прототипа, человека, который наиболее полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК назвал ему имя этого человека, правда среди путаных ссылок на другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безымянного уйгура.

Прототипом Мартина был Дизраэли, граф Биконсфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в этой роли. Умный, наглый, эксцентричный

и в манере одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчивый, волевой, с плодовитым воображением...

— Нет, нет, нет,— сказала Диди с невозмутимым раздражением.— Осторожнее, Ник. Сядьте, пожалуйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

— Т-т-т-т,— сказал Рауль Сен-Сир,выпячивая толстые губы и огромным пальцем указывая на скромный стул у стены.— Садитесь позади меня, Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И смотрите внимательно. Смотрите, как я творю великое из вашей дурацкой пьески. Особенно заметьте, как замечательно я завершаю соло пятью нарастающими падениями в воду. Ритм — это все,— закончил он.— А теперь — ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балканской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Сен-Сир, напуганный приближением войны, эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксо-лидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: «Поры на крестьянском носу».

Благодаря этому фильму, он заслужил репутацию великого кинорежиссера, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в «Порах» объяснялись бедностью, а актеры показали игру, неведомую в анналах киноистории, лишь потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали «Поры» с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. И человек, рассуждавший так, не обманывался. Нейроны Диди не знали ничего. Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить ее изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссеры теряли рассудок, пытаясь преодолеть семантическую стену, за которой покоился разум Диди — тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на нее. Этот бесхитростный первобытный подход был, по-видимому, единственным, который понимала прославленная звезда «Вершины».

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр он отснял двадцать с лишним раз — постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возражать, Сен-Сиру достаточно было пригрозить, что он перейдет в «Метро — Голдвин — Мейер» и заберет с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительных контрактов, и для каждой картины с ней заключался новый). Даже Толливер Уотт склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить «Вершину» Диди.

— Садитесь, Мартин,— сказал Толливер Уотт.

Это был высокий худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает есть сено. С неколебимым сознанием своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло недовольное выражение.

— Будьте добры, коктейль,— сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой куртке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в эту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на свое место и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скольз-

нул дальше и, склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

— Слабоват,— сказал Мартин, ставя бокал на поднос.— Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем,— сообщил он ошеломленному Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно отпустился в него. Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетен! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринужденно. Уверенно.

— Виски с содовой мистеру Мартину,— невозмутимо сказал Уотт. И еще один коктейль мне.

— Ну, ну, ну! Мы начинаем!— нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в ручной микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нем замелькали отрывочные эпизоды — хор русалок, танцуя на хвостах, двигался по улицам рыбачьей деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на пленку не снималось ничего и никогда. Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе поглядывают на него. В темноте он поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

— Вы смеетесь?— немедленно вспыхнул Сен-Сир.— Вы не цените великого искусства? Что вы о нем знаете, а? Вы что — гений?

— Это,— сказал Мартин снисходительно,— мерзейший фильм, когда-либо заснятый на пленку.

В наступившей мёртвой тишине Мартин изящным движением стряхнул пепел и добавил:

— С моей помощью вы еще можете не стать посмешищем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнем все сначала и...

Уотт сказал негромко:

— Мы вполне способны сами сделать фильм из «Анджелины Ноэл», Мартин.

— Это художественно!— взревел Сен-Сир.— И принесет большие деньги!

— Деньги? Чушь!— коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла.— Кого интересуют деньги? О них пусть думает «Вершина».

Уотт наклонился и, щурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

— Рауль,— сказал он, оглянувшись на Сен-Сира,— насколько мне известно, вы приводите своих... э... новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не...

— Да, да, да, да!— возбужденно крикнул Сен-Сир.— Я их привожу в форму! Горячечный припадок, а? Мартин, вы хорошо себя чувствуете? Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

— Не тревожьтесь,— объявил он.— Деньги, которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я все прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту.

— Какие еще конфиденциальные беседы?— прогрохотал Сен-Сир и густо побагровел.

— Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли?— не моргнув глазом, продолжал Мартин.— Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь...

— Пджрзксгл!— возопил Сен-Сир на своем родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

— Остановите показ!— распорядился он властно.

Все это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести себя так, но в то же время был твердо убежден, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае пока не истекут двенадцать часов действия матрицы.

Экран нерешительно замигал и погас.

— Зажгите свет!— приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лицах Уотта и Сен-Сира Мартин понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу.

Ведь он дал им немалую пищу для размышлений — и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксо-лидиец облизнул губы — что было нелегкой задачей,— и его налитые кровью глаза обеспокоенно впились в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмеливается вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода. Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, но и он как будто встревожился. Мартин сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивая скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

— Последний подводный эпизод,— сказал он, возвращаясь к прежней теме,— это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

— Молчать!— взревел Сен-Сир.

— Но это единственный выход,— настаивал Мартин.— Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приемы документального кино...

— Рауль,— внезапно сказал Уотт.— К чему он клонит?

— Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт,— ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым румянцем.— Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии...

— А вы уверены, что сумеете привести его в форму?— спросил Уотт.

— Это для меня теперь уже личный вопрос,— ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным взглядом.— Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать мое драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штучки, штучки.

— Это верно?— холодно спросил Уотт у Мартина.

— Уже нет,— ответил Мартин,— я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в «Вершине». Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней в мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудес. Зрители привыкли ожидать от «Вершины» помоев, и их даже приучили любить эти помои. Но мы постепенно перевоспитаем их — и начнем с этой картины. Я полагаю, нам следует символизировать ее экзистенциалистскую безнадежность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа — ничего, кроме огромных волнующихся протяжений океана,— докончил он со вкусом.

Огромное волнующееся протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

— Вон! Вон — закричал он.— Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон — иначе я раздеру тебя на клочки и...

Мартин быстро перебил режиссера. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

— Видите, Уотт?— спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта.— Он не дает мне сказать вам ни слова, наверно боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда,— он чувствует, что пахнет жареным.

Сен-Сир вне себя наклонился и занес кулак. Но тут вмешался Уотт. Возможно, сценарист и правда пытается избавиться от контракта. Но за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе. Уотт решил разобраться во всем до конца.

— Тише, тише, Рауль,— сказал он категорическим тоном.— Успокойтесь! Я говорю вам — успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет вас забываться. Успокойтесь и послушаем, что скажет Ник.

— Держите с ним ухо востро, Толливер!— предостерегающе воскликнул Сен-Сир.— Они хитры, эти твари, хитры, как крысы. От них всего можно...

Мартин величественным жестом поднес микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъяренного режиссера, он сказал властно:

— Соедините меня с баром, пожалуйста. Да... Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый. А... э... «Елену Глинскую».

— Здравствуйте,— раздался в дверях голос Эрики Эшби.— Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке ее голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки. С микрофоном в руке он повернулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

— Нет, нет, нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были — вон!

Эрика — деловитая, хорошенькая, неукротимая — решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

— Я здесь по делу,— холодно заявила она Сен-Сиру.— Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с мистером Уоттом.

— А, моя прелесть, садитесь!— произнес Мартин громким, четким голосом и встал с кресла.— Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

Эрика взглянула на него с внезапным подозрением.

— Я не буду пить,— сказала она.— И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту...

— И, пожалуйста, поскорее,— холодно приказал Мартин в микрофон.— Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль «Елена Глинская». Может быть, он вам не известен? В таком случае слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашу... Наполните ее до половины охлажденным пивом. Поняли? Добавьте три мерки мятного ликера...

— Ник, ты с ума сошел!— с отвращением воскликнула Эрика.

— ...и шесть мерок меда,— безмятежно продолжал Мартин.— Размешайте, но не взбивайте. «Елену Глинскую» ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите...

— Мисс Эшби, мы очень заняты,— внушительно перебил его Сен-Сир, указывая на дверь.— Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

— Впрочем, добавьте еще шесть мерок меду,— задумчиво произнес Мартин в микрофон.— И немедленно пришлите его сюда. Если он будет здесь через шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту.

— Я только что говорила с Глорией Иден — она готова заключить с «Вершиной» контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, только если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это мое последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

— Мы, пожалуй, могли бы поладить,— ответил он тотчас же (Уотт был большим поклонником мисс Иден и давно мечтал поставить с ней «Ярмарку тщеславия»).— Почему вы не привезли ее с собой? Мы могли бы...

— Ерунда!— завопил Сен-Сир.— Не обсуждайте этого, Толливер!

— Она в «Лагуне»,— объяснила Эрика.— Замолчите же, Сен-Сир. Я не намерена...

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь. Мартин поспешил открыть ее и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

— Быстрая работа,— сказал он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окруженную кубиками льда.— Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

— Нет, нет, нет, нет!— рычал Сен-Сир.— Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста: хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сен-сировском подходе. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы...

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рев режиссера заглушал ее голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может реветь так часами без передышки. Мартин вздохнул, поднял полную до краев чашу, изящно ее понюхал и попятился к своему креслу. Когда его каблук коснулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул «Елену Глинскую» — пиво, мед, мятный ликер и лед — на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками меда. От режиссера разило мятой.

— Я предложил бы перейти в бар,— сказал Мартин, брезгливо сморщив нос.— Там, в отдельном кабинете, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого... этого немножко слишком сильного благоухания мяты.

— В Миксо-Лидии,— задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и хлюпая башмаками,— в Миксо-Лидии мы бросали собакам... мы варили в масле, мы...

— А в следующий раз,— сказал Мартин,— будьте так любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках «Елену Глинскую». Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь, Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост... и снова поник. Он выглядел, как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони,— и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке все равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он оказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

— Ничего не делать, пока я не вернусь!— приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлюпал к двери. Она с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде — ее далекой родине.

— А теперь,— объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него,— я хотел бы поговорить с вами.

— Я не могу обсуждать вопросов, связанных с вашим контрактом, до возвращения Рауля,— быстро сказал Уотт.

— Чепуха,— сказал Мартин твердо.— С какой стати Сен-Сир будет диктовать вам ваши решения? Без вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался. Нет, Эрика, не вмешивайся. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

— Извините, но я не могу этого обсуждать,— сказал он.— Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт...

— Потому-то я и вижу положение так ясно,— возразил Мартин.— Ваша беда в том, что вы проводите границу между артистическим гением и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический материал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы — экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера постепенно преображаете огромную массу живого, дышащего человечества в единого Идеального Зрителя...

— Извините,— повторил Уотт, но уже не так резко.— У меня, право, нет времени... Э-э...

— Ваш гений слишком долго оставался непризнанным,— поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос.— Вы считае-

те, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий успех — это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики, не так ли? Однако хвалу за них получал Рубенс, а не его наемники. Какой же из этого можно сделать вывод? Какой?— И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

— Какой же?— спросил Уотт.

— Садитесь,— настойчиво сказал Мартин,— и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на все и вся в «Вершине»...

Уотт медленно опустился в кресло. В его ушах властно гремели завораживающие взрывы дизраэлевского красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой меткостью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде профессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность преумножать капиталы чем-то постыдна. Дизраэли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся — и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир — пусть и гений в своей области — не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

— С вашей широтой видения вы можете охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь,— убедительно доказывал Мартин.— Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете — не так ли?— что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы... Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

— Что?— спросил Уотт, плавая в блаженном головокружении.— А, да... Конечно. Аннулировать ваш контракт...

— Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока «Вершина» не обанкротится,— указал Мартин.— Только гений, подобный Толиверу Уотту, кует железо, пока оно горячо — когда ему представляется шанс обменять провал на успех, какого-то Мартина на единственную Иден.

— Гм-м,— сказал Уотт.— Да. Ну, хорошо.— На его длинном лице появилось деловитое выражение.— Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет свой.

— И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела,— рассуждал вслух Мартин.— Мисс Иден еще ничего твердо не решила. Если вы предоставите убеждать ее человеку вроде Сен-Сира, например, то все будет испорчено. Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в «Лагуну»?— Он — единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

— Какой ситуа... Ах, да! Конечно, Ник. Мы отправляемся немедленно.

— Но...— начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторическими периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

— Понимаю,— пробормотал оглушенный Уотт и покорно пошел к двери.— Да, да, конечно. Зайдите вечером ко мне домой, Мартин. Как

только я получу подпись Иден, я распоряжусь, чтобы подготовили документ об аннулировании вашего контракта. Гм-м... Функциональный гений...— И, что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул ее за локоть.

— Одну минуту,— сказал он.— Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы...

— Ник,— сказала Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо,— что произошло?

— Расскажу вечером,— поспешно сказал Мартин, так как до них донеслось отдаленное рыканье, которое, возможно, возвещало приближение Сен-Сира.— Когда у меня выберется свободная минута, я ошеломлю тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика успела только бросить на него изумленный взгляд, и Мартин вытолкал ее из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

— Где Толливер?— оглушительный рев Сен-Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссер был недоволен, что брюки ему впору отыскались только в костюмерной. Он счел это личным оскорблением.— Куда вы дели Толливера?— вопил он.

— Пожалуйста, говорите громче,— небрежно кинул Мартин.— Вас трудно расслышать.

— Диди!— загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищенно созерцала Диди на экране над своей головой.— Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

— Вы не знаете, верно, Диди?— быстро подсказал он.

— Заткнитесь!— распорядился Сен-Сир.— А ты отвечай мне, ах, ты...— И он прибавил выразительное многосложное слово на миксо-лидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик.

— Толливер, кажется, ушел. У меня все это путается с фильмом. Он пошел домой, чтобы встретиться с Ником Мартином, разве нет?

— Но Мартин здесь!— взревел Сен-Сир.— Думай же, думай.

— А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт?— рассеянно спросила Диди.

— Документ, аннулирующий контракт?— прорычал Сен-Сир.— Это еще что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошел Уотт?

— Он куда-то поехал с этой агентшей,— ответила Диди.— Или это тоже было в эпизоде?

— Но куда, куда, куда?

— В Атлантиду,— с легким торжеством объявила Диди.

— Нет!— закричал Сен-Сир.— Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

— Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды,— невозмутимо прожурчала Диди.— Он сказал, что он едет в Атлантиду. А потом он вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

— Когда?— в ярости крикнул Сен-Сир.— Подумай, Диди! В котором часу он...

— Диди,— сказал Мартин с вкрадчивой настойчивостью.— Вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефективна, что не поддалась воздействию даже матрицы Дизраэли. Она только безмятежно улыбнулась Мартину.

— Прочь с дороги, писака!— взревел Сер-Сир, надвигаясь на Мартина.— Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь зря расходовать время Сен-Сира? Это тебе даром не пройдет. Я разделаюсь с тобой, как разделался с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру леденящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с его языка. Оставалось только загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в легкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощеная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда в этот вечер робот вошел в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился прямо к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

— Как мне это было нужно!— сказал он со вздохом.— Я весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра... Я даже не знаю, который теперь час. Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потер подбородок.

— Скверно,— вздохнул он.— Скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной — Миксо-Лидией?

— Не имею ни малейшего представления,— ответил робот.— А что?

— А то, что моя среда размахнулась и дала мне в чёлюсть,— лаконично объяснил Мартин.

— Значит, вы ее спровоцировали,— возразил ЭНИАК.— Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную черту его характера, а Дизраэли в первую очередь был храбр. В минуты кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умен и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встречала отпор на том же семантическом уровне. Миксо-Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах, нет, вспомнил! Это государство с застоявшейся феодальной системой, не так ли?

Мартин кивнул.

— Так же как и эта киностудия,— сказал робот.— Беда в том, что вы встретились с человеком, чье приспособление к среде совершеннее вашего. В этом все дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому тут легко создается среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехнологическую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках, вроде этой студии, а поэтому вам будет лучше уйти куда-нибудь еще. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

— Но я не могу уйти куда-нибудь еще!— пожаловался Мартин.— То есть пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, но Сен-Сир пронюхал, в чем дело, и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт,— если потребуется, он наставит мне еще один синяк. Меня ждет Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда...

— Избавьте меня от ненужных подробностей,— сказал робот с досадой.— А если этот Сен-Сир — средневековый тип, то, разумеется, он спасует только перед ему подобной, но более сильной личностью.

— А как поступил бы в этом случае Дизраэли?— спросил Мартин.

— Начнем с того, что Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении,— холодно ответил робот.— Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальное приспособление не будет достигнуто. В России времен Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

— Может быть, вы объясните это подробнее? — задумчиво попросил Мартин.

— О, разумеется!— ответил робот и затараторил:— При принятии схемы хромосом прототипа все зависит от порогово-временных реакций конусов памяти мозга. Сила активации нейронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы приблизились к величинам, найденным для Дизраэли.

— А!— сказал Мартин.— Ну, а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

— Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров,— исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах у него засветилось плодовитое воображение.

— Вы упомянули Россию времен Ивана. Какой же это Иван? Случайно не...

— Иван Четвертый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Однако это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бесполезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и, если вы наденете экологизер себе на...

— Это Иван Грозный, так ведь?— перебил Мартин.— Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

— Вам это ничего не даст,— ответил робот.— Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь...

— Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом, вроде Сен-Сира, на своем семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я наверняка одержал бы верх. Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, но он все-таки хоть на поверхности, а цивилизован... Погодите-ка! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

— Но вы не понимаете...

— Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

— Да, Ро...

— Ну и прекрасно!— с торжеством перебил Мартин.— Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как

это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, но характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я — сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьет цивилизованного человека слабее себя. Однако Сен-Сир еще ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком — таким, какой готов голыми руками вырвать сердце врага — Мартин энергично кивнул.— Сен-Сира можно подавить на время — в этом я убедился. Но, чтобы подавить его навсегда, потребуется кто-нибудь вроде Ивана.

— Если вы думаете, что я собираюсь наложить на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь,— объявил робот.

— И убедить вас никак нельзя?

— Я,— сказал ЭНИАК,— семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

«Я-то, может быть, и нет, — подумал Мартин, — но вот Дизраэли... Гм-м! „Мужчина — это машина"... Дизраэли был просто создан для улещивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?»

— Давайте обсудим это,— начал Мартин, рассеянно пододвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи.

— Вам это не понравится,— отупело сказал робот некоторое время спустя.— Иван не годится для... Ах, вы меня совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к...— Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

— Подвяжем-ка серые клеточки моего досточтимого мозга!— сказал Мартин, опьянев от собственной риторики.— Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте — Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

— Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности,— бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина.— Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую... Ну, вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

— Но ничего не происходит,— сказал Мартин.— Я не чувствую никакой разницы.

— На это потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Ивано-эффектом.— Он вскинул сумку на плечо и нерешительно пошел к двери.

— Стойте,— тревожно окликнул его Мартин.— А вы уверены...

— Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну, ничего, вспомню после — или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов... если увидимся!

Робот ушел. Мартин для проверки потряс головой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно — только в середине коридора опадал маленький смерч пыли.

В голове Мартина что-то происходило.

Позади зазвонил телефон. Марти ахнул от ужаса. С неожиданной, невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

Убийцы!!!

— Да, мистер Мартин,— раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта.— Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна заехать за вами... куда?

— В чулан на втором этаже сценарного корпуса.— дрожащим голосом ответил Мартин.— Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог бы взять с собой аппарата. Но я вовсе не убежден, что и здесь мне не грозит опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

— Сэр?..

— А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта?— нервно спросил Мартин.

— Совершенно уверен, мистер... э... мистер Мартин.

— Да, я мистер Мартин!— вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом.— По всем законам божеским и человеческим я — мистер Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

— Да, сэр. Вы сказали — в чулане, сэр?

— Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

— Да, сэр. Больше ничего?

— Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она поторопилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щелкнуло. Мартин положил ее на рычаг и опасливо оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался все ниже...

В панике Мартин выскочил из чулана, перевел дух и расправил плечи.

— Ч-ч-чего бояться?— спросил он себя.— Никто и не боится!

Насвистывая, он пошел через холл к лестнице, но на полпути агорафобия [1] взяла верх, и он уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла «Британская энциклопедия» в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин снял том «Иберия — Лорд» и начал его листать. Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном Грозным. Но может быть, это была вовсе не матрица Ивана? Может быть, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу — матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван... Иван... А, вот оно!

Сын Елены Глинской... Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной... В частной жизни творил неслыханные гнусности... Удивительная память, колоссальная энергия... Припадки дикой ярости... Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого... Мартин покачал головой.

Но тут он прочел следующую строку, и у него перехватило дыхание.

Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своем приближенном видел возможного изменника.

— Совсем как я,— пробормотал Мартин.— Но... Но Иван ведь не был трусом... Я не понимаю.

---

[1] *Агорафобия* — боязнь пространства.— *Прим. ред.*

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды, так же как и от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

Мартин со свистом втянул воздух. Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвертый был по натуре трусом, но,благодаря наследственности и среде,эта черта не получила явного развития.

Иван был царем всея Руси.

Дайте трусу ружье, и, хотя он не перестанет быть трусом, эта черта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспыльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал — в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную черту его характера. Подобно Дизраэли, он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызвали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока сам он будет добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но... ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию... Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит ее за воротами студии. Чулан был ненадежным убежищем. Его могли поймать там, как крысу...

— Ерунда,— сказал себе Мартин с трепетной твердостью.— Это не я, и все тут. Надо взять себя в-в-в руки — и т-т-только. Давай-давай, взбодрись. Toujours l'audace[1].

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать... Если кругом одни враги...

Трясясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

— Но зачем ты залез на дерево?— спросила Эрика.

Мартин затрясся.

— Оборотень,— объяснил он, стуча зубами.— Вампир, ведьма и... Говорю тебе, я их видел. Я стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой!

— Но они просто возвращались в павильон после обеда,— сказала Эрика.— Ты же знаешь, что «Вершина» по вечерам снимает «Аббат и Костелло знакомы со всеми». Карлов и мухи не обидит.

— Я говорил себе это,— угрюмо пожаловался Мартин.— Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я — гнусное чудовище, но это не моя вина. Все — среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке... А-а! Погляди сама!

Он указал на полицейского на перекрестке.

— Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

— Дамочка, этот тип — псих?— спросил шофер.

— Безумен я или нормален, я — Никлас Мартин!— объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: «Убийцы!»— и съежился в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

— Ник, сколько ты выпил? — спросила она.— Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

---

[1] Да здравствует отвага *(франц.)*.

— Дай я немного приду в себя, Эрика,— умоляюще сказал он.— Все будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван...

— Но взять аннулированный контракт из рук Уотта ты сумеешь?— спросила Эрика.— На это-то тебя хватит?

— Хватит,— ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

— При условии если буду держать тебя за руку,— добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

— Ты действительно очень переменился с сегодняшнего утра,— заметила она наконец.— Грозишь объясниться мне в любви, подумать только! Как будто я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

— Я сказала — вот попробуй!— повторила она.

— Ах, так?— спросил Мартин с трепещущей храбростью. Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произнести хотя бы слово на определенную тему, вдруг обрел свободу. Мартин не стал тратить времени и рассуждать почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике все свои чувства.

— Но почему ты никогда прежде этого не говорил?— спросила она, заметно смягчившись.

— Сам не понимаю,— ответил Мартин.— Так, значит, ты выйдешь за меня?

— Но почему ты...

— Ты выйдешь за меня?

— Да,— сказала Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздрогнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

— Э...— сказал Мартин.— Гм... Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара. И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

— Черт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя!— объявила Эрика с некоторым раздражением.— А ну, поцелуй, меня!

— Но я могу заразить тебя бубонной чумой,— нервно ответил Мартин.— Поцелуи передают инфекцию. Это научный факт!

— Ник!

— Ну... не знаю... А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него как могла дальше.

— Ах!— вздохнул Мартин после долгого молчания.— Эрика, ты...

— Не заговаривай со мной, тряпка!— сказала Эрика.— Чудовище! Негодяй!

— Я не виноват!— в отчаянии вскричал Мартин.— Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чем. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы, как у Ивана Грозного! Дай я хотя бы объясню тебе, в чем дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

— Не верю,— отрезала Эрика, когда он кончил, и покачала головой.— Но я пока еще остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного — заставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

— Но Сен-Сир...

— Говорить буду я. Тебе не потребуется сказать ни слова. Если Сен-Сир начнет тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерется к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

— Ну, вот, я опять в стрессовом состоянии!— в отчаянии крикнул Мартин.— Я не выдержу! Я же не русский царь!

— Дамочка,— сказал шофер, оглядываясь.— На вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же на месте!

— Кому-нибудь не сносить за это головы!— зловеще пообещал Мартин.

— «По взаимному согласию контракт аннулируется...» Да, да,— сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе.— Ну, вот и все. Но куда делся Мартин? Ведь он вошел с вами, я сам видел.

— Разве?— несколько невпопад спросила Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой залез под ковер?

Отогнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свертывать.

— Погодите,— сказал Сен-Сир, выпятив нижнюю губу.— А как насчет пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свертывать документ, и режиссер немедленно этим воспользовался.

— Что бы он там ни накропал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди?— Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

— Там будут только мужские роли,— поспешно сказала Эрика.— К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

— Он дал бы мне это право, будь он здесь!— проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам.— Почему, почему все ополчается против истинного художника?— Он взмахнул огромным волосатым кулаком.— Теперь мне придется обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели Мартин стал бы сен-сировским сценаристом! Да и теперь еще не поздно...

— Боюсь, что поздно, Рауль,— с сожалением сказал Уотт.— Право же, бить Мартина сегодня в студии вам все-таки не следовало.

— Но... но он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии...

— А, здравствуйте, Ник!— воскликнула Диди с сияющей улыбкой.— Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством вспугнутого бурундука исчезло белое как мел, искаженное ужасом лицо Никласа Мартина. Эрика торопливо сказала:

— Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

— Разве?— спросила Диди, уже готовая согласиться.

— Ну, конечно,— ответила Эрика и протянула руку к документу.— Дайте его мне, и я...

— Стойте!— по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдернул занавеску.

— Ага,— зловещим голосом произнес режиссер.— Мартин!

— Ложь,— пробормотал Мартин, тщетно пытаясь скрыть свой рожденный стрессом ужас.— Я отрекся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась кверху. Губы режиссера растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

— А,— сказал он,— к вечеру пошли другие песни, э? Днем ты был пьян! Теперь я все понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются?

— Чепуха,— возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика.— Кто это сказал? Все — ваши выдумки! О чем, собственно, речь?

— Что вы делали за занавеской?— спросил Уотт.

— Я вообще не был за занавеской,— доблестно объявил Мартин.— Это вы были за занавеской, вы все. А я был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно... точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень неудачно — в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

— Да, как заговорщики,— продолжал он нервно.— Вы думали, я ничего не знаю, а? А я все знаю! Вы тут все убийцы и плетете злодейские интриги. Вот, значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наемные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь...

— Нам пора,— с отчаянием сказала Эрика.— Мы и так еле-еле успеем поймать последнего кари... то есть последний самолет на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

— Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу?— спросил он.

— Конечно, даст!— загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина.— И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгать свой контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и все будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

— Конечно, нет!— крикнула Эрика.— Скажи ему это, Ник!

Наступило напряженное молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В ее душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, широко раскрыв огромные глаза, а на ее прекрасном лице играла веселая улыбка. Однако бой шел, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаянии расправил плечи. Он должен, должен показать себя подлинным Грозным — теперь или никогда. Уже у него был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд зловещим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрел сходство с грозным русским царем — только, конечно, без бороды и усов.

Мартин смерил миксо-лидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

— Вы порвете эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так?— сказал Сен-Сир, но с легкой неуверенностью.

— Что захочу, то и сделаю,— сообщил ему Мартин.— А как вам понравится, если вас заживо сожрут собаки?

— Право, Рауль,— вмешался Уотт,— попробуем уладить это, пусть даже...

— Вы предпочтете, чтобы я ушел в «Метро — Голдвин» и взял с собой Диди?— крикнул Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту.— Он сейчас же подпишет!— И, сунув руку во внутренний карман, чтобы достать ручку, режиссер всей тушей надвинулся на Мартина.

— Убийца!— взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

— Он у нас в руках, Толливер!— воскликнул миксо-лидиец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей. Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед ему несся голос валькирии Эрики:

— Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы...

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец ее речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани, но тщетно — стресс был слишком силен, ужас гнал его вперед по коридору, вынудил юркнуть в какую-то комнату и швырнул о какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

— Вот вы где,— сказал робот.— А я в поисках вас обшарил все пространство — время. Когда вы заставили меня изменить программу эксперимента, вы забыли дать мне расписку, что берете ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство из меня все шестеренки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

— Что?— спросил он рассеянно.— Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

— Нет, я с вами покончил,— бессердечно ответил робот.— Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дизраэлевским красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд,— он протянул Мартину блестящую металлическую пластинку.— Она уже заполнена и сенсибилизирована. Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его — и больше вы меня не увидите.

Мартин отпрянул.

— А что будет со мной?— спросил он дрожащим голосом.

— Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрется и вы снова станете самим собой. Прижмите-ка пластинку к глазу.

— Прижму, если вы превратите меня в меня,— попробовал торговаться Мартин.

— Не могу — это против правил. Хватит и одного нарушения, даже с распиской. Но чтобы два? Ну, нет! Прижмите ее к левому глазу...

— Нет,— сказал Мартин с судорожной твердостью.— Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

— Прижмете,— сказал робот наконец.— Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой.

— Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

— От робота? Разумеется,— сухо ответил ЭНИАК.— И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластинке свой глаз. Ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашел спасительную соломинку и уцепился за нее.

Он встал и посмотрел на робота.

— Погодите, вы не поняли,— сказал он.— Я же не в состоянии отпечатать свой глаз на этой штуке. Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток...

— ...рисунка сетчатки,— докончил робот.— Ну, и...

— Ну, и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня, как у Ивана, верно? Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы — синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

— Так раскройте их пальцами,— посоветовал робот.

— У моих пальцев тоже есть рефлексы,— возразил Мартин, подбираясь к буфету.— Остается один выход. Я должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся и я не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

— Это-то нетрудно,— сказал робот.— Раскрою веки...

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, но вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

— Но только,— продолжал ЭНИАК,— подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

— Я скоро опьянею,— обещал он заплетающимся языком.— Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

— Ну, ладно, только поторопитесь,— сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустился на стул.

Мартин собрался сделать еще глоток, но вдруг уставился на робота, ахнул и отставил стакан.

— Ну, что случилось?— спросил робот.— Пейте свое... что это такое?

— Виски,— ответил Мартин неопытной машине.— Но я все понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план! Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка моего глаза. Я не дурак.

— Винт всемогущий!— воскликнул робот, вскакивая на ноги.— Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить? Пейте.

— Не буду,— ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

— Пейте свой напиток!— потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом.— Он абсолютно безвреден.

— Докажите!— сказал Мартин с хитрым видом.— Согласны обменяться со мной стаканом? Согласны сами выпить это ядовитое пойло?

— Как же я буду пить?— спросил робот.— Я... Ладно, давайте мне стакан. Я отхлебну, а вы допьете остальное.

— Ага,— объявил Мартин,— вот ты себя и выдал. Ты же робот и сам говорил, что пить не можешь! То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток,— он указал на торшер.— Будешь пить со мной на свой электрический манер или сознаешься, что хотел меня отравить? Погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет...

— Ну конечно, докажет,— поспешно перебил робот.— Вы совершенно правы и придумали очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено. И вы будете пить, пока ваши рефлексы не затормозятся. Верно?

— Да, но...— начал неуверенно Мартин, однако бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

— Ну, вот,— сказал робот.— Ведь не отравлено? Верно?

— А вы не глотаете,— подозрительно заявил Мартин.— Вы держите его во рту... то есть в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

— Ну, ладно, может быть,— с сомнением согласился Мартин.— Но ты можешь подсыпать порошок в мое виски, изменник. Будешь пить со мной, глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и суешь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем...

— Доказывает, доказывает,— быстро сказал робот.— Ну, вот смотрите. Я опять это сделаю...*ft(t)*. Мощный постоянный ток, верно? Какие еще вам нужны доказательства? Ну, пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднес к губам стакан с содовой.

— *Fffff(t)*!— воскликнул робот немного погодя и начертал на своем металлическом лице глуповато-блаженную улыбку.

— Такого ферментированного мамонтового молока я еще не пивал,— согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнется.

— Мамонтового молока?— сипло произнес ЭНИАК.— А это какой год?

Мартин перевел дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память — это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное...

— Год Большой Волосатой, конечно,— сказал он весело.— Разве ты не помнишь?

— В таком случае вы...— ЭНИАК попытался получше разглядеть своего двоящегося собутыльника.— Тогда, значит, вы — Мамонтобой.

— Вот именно!— вскричал Мартин.— Ну-ка, дернем еще по одной. А теперь приступим.

— К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

— Вы сказали, что наложите на мое сознание матрицу Мамонтобоя. Вы сказали, что это обеспечит мне оптимальное экологическое приспособление к среде в данной темпоральной фазе.

— Разве? Но вы же не Мамонтобой,— растерянно возразил ЭНИАК. Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

— Большая Волосатая,— немедленно ответил Мартин, и робот поскреб свой сияющий затылок.

— Дерните еще разок,— предложил Мартин.— А теперь достаньте энологизер и наденьте мне его на голову.

— Вот так?— спросил ЭНИАК, подчиняясь.— У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

— Ну,— скомандовал он,— дайте мне матрицу-характер Мамонтобоя, сына Большой Волосатой...

— Что ж... Ладно,— невнятно сказал ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул.— Вот и все,— сказал робот. Может быть, пройдет несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы... погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошел к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий шепот произнес:

— *F(t)*...

— Ник!— ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях.— Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на ее вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходившую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы почти касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрел личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

— Ник!— испуганно повторила Эрика.

Медленно нижняя челюсть Мартина выпятилась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем неторопливая гнусная ухмылка растянула губы мистера Мартина.

— Эрика!— хрипло сказал он.— Моя!

Раскачивающейся походкой он подошел к перепуганной девушке, схватил ее в объятия и укусил за ухо.

— Ах, Ник!— прошептала Эрика, закрывая глаза.— Почему ты никогда... Нет, нет, нет! Ник, погоди... Расторжение контракта. Мы должны... Ник, куда ты?— Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясенному кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось легкое удивление. Сен-Сир рванулся вперед.

— В Миксо-Лидии...— начал он.— Ха, вот так...— И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

— Зверь!— воскликнула Эрика и бросилась на режиссера, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги — с значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил ее и заломил ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

— Мартин, что вы делаете?

Вопрос этот был задан не зря. Мартин покатился по полу, как шар, по-видимому нисколько не ушибившись, сбил торшер и развернулся, как еж.

На лице его было неприятное выражение. Он встал, пригнувшись, почти касаясь пола руками и злобно скаля зубы.

— Ты трогать моя подруга?— хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не пришлось нагибаться), содрал абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперед, держа его, как копье.

— Я,— сказал Мартин,— убивать.

И с достохвальной целеустремленностью попытался претворить свое намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссер отлетел к стене, гулко стукнувшись об нее. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссера, он пригнулся еще ниже, уперся ногами в ковер и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

— Прекратите!— крикнул Уотт, кидаясь в сечу. Первобытные рефлексы сработали мгновенно: кулак Мартина описал в воздухе дугу, и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, принялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхаясь, бормоча угрозы, проклятия и протесты, режиссер выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

— Я,— объявил он,— убью тебя голыми руками, а потом уйду в «Метро — Голдвин — Мейер» с Диди. В Миксо-Лидии...

Мартин поднес к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Вольшой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытной прямолинейной эры Мамонтобоя. И как человек убегает от маленькой, но разъяренной дикой кошки, так Сен-Сир, пораженный цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох — когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобоя,— и в результате он со всего маху стукнулся лбом об стену. Как в тумане, он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, он привалился спиной к стене и зарычал, готовясь...

— Ник!— раздался голос Эрики.— Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди...

— Агх?— хрипло вопросил Мартин, мотая головой.— Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазками, и постепенно все, что его окружало, опять приобрело четкие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

— Пустите меня!— кричала Диди.— Куда Рауль, туда и я!

— Диди!— умоляюще произнес новый голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростертого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, но зато это помогало подавить худшие ин-

стинкты Мамонтобоя. К тому же теперь, когда Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная черта в характере Мамонтобоя несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что еще не совсем лишился дара человеческой речи.

— Агх,— сказал он.— Уррг... э... Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

— Аррrх... Аннулированный контракт,— сказал Мартин, напрягая все силы.— Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

— Аннулировать контракт?!— рявкнул он.— Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что вы натворили? Диди, не уходите от меня! Диди, не уходите, мы вернем Рауля...

— Рауль велел мне уйти, если уйдет он,— упрямо сказала Диди.

— Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир,— убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

— Разве?— с удивлением спросила Диди.— Но я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

— Диди,— в отчаянии умолял Уотт,— я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять лет! Посмотрите, вон он!— И киномагнат вытащил сильно потертый по краям документ.— Только подпишите, и потом можете требовать все, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

— Хочется,— ответила Диди,— но Раулю не хочется.— И она вырвалась из рук Эрики.

— Мартин!— вне себя воззвал Уотт к драматургу.— Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой — только верните его! А не то я... я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть от безнадежности, а может быть, и еще от чего-нибудь.

— Мне очень жалко,— сказала Диди.— Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился еще больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворенной яростью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны и зубы оскалились.

— Ты!— сказал он с зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

— Вернись!— в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он ревниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение уже обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на ту, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

— Ник!— вскрикнула Эрика.— Как ты смеешь?

— Моя!— хрипло информировал ее Мамонтобой.

— Еще бы!— ответила Эрика.— Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой.

Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.

— Ну,— резко сказала Эрика,— выбирай!

— Обе,— объявил нецивилизованный драматург.— Да!

— Нет!— отрезала Эрика.

— Да!— прошептала Диди совсем новым тоном. Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.

— Нахалка!— крикнула Эрика.— А как же Сен-Сир?

— Он?— презрительно сказала Диди.— Слюнтяй! Нужен он мне очень!— И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.

— Ф-фа!— буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта.— Твоя. Держи.— Он одобрительно ухмыльнулся Эрике.— Сильная подруга. Лучше.

Уотт и Диди безмолвно смотрели на Мартина.

— Ты!— сказал он, ткнув пальцем в Диди.— Ты оставаться у него,— он указал на Уотта.

Диди покорно кивнула.

— Ты подписать контракт?

Кивок.

Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.

— Документ, аннулирующий контракт,— пояснила Эрика, вися вниз головой.— Дайте скорей, пока он не свернул вам шею.

Уотт медленно вытащил документ из кармана и протянул его Мартину.

Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой.

Эрика извернулась и схватила документ.

— Ты прекрасно сыграл,— сказала она Нику, когда они очутились на улице.— А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси...

— Не играл,— проворчал Мартин.— Настоящее. До завтра. После этого...— Он пожал плечами.— Но сегодня — Мамонтобой.

Он попытался влезть на пальму, передумал и пошел дальше.

Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость. Но взвизгнула она, только когда с ним поравнялась патрульная полицейская машина.

— Завтра я внесу за тебя залог,— сказала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рев заглушил ее слова.

Последующие события слились для разъяренного Мамонтобоя в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

— Я,— возвестил он, вцепляясь в решетку,— убивать! Арргх!

— Двое за один вечер,— произнес в коридоре скучающий голос. И обоих взяли в Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего не мог толком объяснить.

Решетка затряслась. Раздраженный голос с койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил; что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы... Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мертвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

ФРЕДРИК БРАУН

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР[1]

Ужас пришел в Черрибелл после полудня в один из невыносимо жарких дней августа.

Возможно, некоторые слова тут лишние: л ю б о й августовский день в Черрибелле, штат Аризона, невыносимо жарок. Черрибелл стоит на 89-й автомагистрали, миль на сорок южнее Тусона и миль на тридцать севернее мексиканской границы. Две бензозаправочные станции (по обе стороны дороги — чтобы ловить проезжающих в обоих направлениях), универсальный магазин, таверна с лицензией на вино и пиво, киоск-ловушка для туристов, которым не терпится поскорей обзавестись мексиканскими сувенирами; пустующая палатка, в которой прежде торговали рублеными шницелями, да несколько домов из необожженного кирпича, обитатели которых — американцы мексиканского происхождения, работающие в Ногалесе, пограничном городке к югу от Черрибелла, и бог знает почему предпочитающие жить здесь, а на работу ездить (причем некоторые — на дорогих фордах),— вот что такое Черрибелл. Плакат над дорогой возвещает: Ч е р р и б е л л, Н а с. 42,— но, пожалуй, плакат преувеличивает: Нас умер в прошлом году, тот самый Нас Андерс, который в ныне пустующей палатке торговал рублеными шницелями; и правильной теперь была бы цифра 41.

Ужас явился в Черрибелл верхом на ослике, а ослика вел древний, седобородый и замурзанный крот-старатель, назвавшийся потом Дейдом Грантом. Имя ужаса было Гарвейн. Ростом примерно в девять футов, он был худ как щепка, так худ, что весил наверняка не больше ста фунтов, и, хотя ноги его волочились по песку, нести на себе эту ношу ослику старого Дейда было, по-видимому, совсем не тяжело. Как выяснилось позднее, ноги Гарвейна бороздили песок на протяжении пяти с лишним миль, однако это не принесло ни малейшего ущерба его ботинкам, больше похожим на котурны, кроме которых на нем не было ничего, если не считать голубых, как яйцо малиновки, плавок. Но не рост и не сложение делали его страшным: ужас вызывала его кожа, красная, точно сырое мясо. Вид был такой, как если бы кожу с него содрали, а потом надели снова, но уже вывернутой наизнанку. Его череп и лицо были, как и весь он, продолговатыми и узкими; во всех других отношениях он выглядел человеком или, по крайней мере, похожим на человека существом. Если только не считать мелочей — вроде того, что его волосы были под цвет его плавок, голубых, словно яйцо малиновки, и такими же были его глаза и ботинки. Только два цвета: кроваво-красный и светло-голубой.

Первым заметил их на равнине, приближающихся со стороны восточного хребта, Кейси, хозяин таверны, который только что вышел через заднюю дверь своего заведения, чтобы глотнуть пусть раскаленного, но все же чистого воздуха. Они в это время были уже ярдах в ста от него, и фигура верхом на ослике сразу же поразила его своим странным видом. Сначала — только странным; ужас охватил его, когда расстояние уменьшилось. Челюсть Кейси отвисла и оставалась в таком положении до тех пор, пока

---

[1] Печатается по изд.: Огненный цикл: Сборник научно-фантастических рассказов.— М.: Мир, 1970.

странная троица не оказалась от него ярдах в пятидесяти: тогда он медленно двинулся к ней. Некоторые люди бегут при виде неизвестного, другие идут навстречу. Кейси принадлежал к числу последних.

Они были еще на открытом месте, в двадцати ярдах от задней стены его маленькой таверны, когда он подошел к ним вплотную. Дейд Грант остановился и бросил веревку, на которой он вел ослика. Ослик остановился и опустил голову. Человек, похожий на жердь, встал — то есть просто уперся ногами в землю и поднялся над осликом. Потом он перешагнул через него одной ногой, на мгновение замер, упираясь обеими руками в его спину, а потом сел на песок.

— Планета с высокой гравитацией,— сказал он.— Долго не простоишь.

— Где бы мне, приятель, водички раздобыть для ослика?— спросил у Кейси старатель.— Пить, верно, хочет, бедняга. Бурдюки и другое пришлось оставить, а то бы разве довез...— И он ткнул оттопыренным большим пальцем в сторону красно-голубого страшилища.

А Кейси только теперь начал понимать, что перед ним самое настоящее страшилище. Если издали сочетание этих цветов пугало лишь слегка, то вблизи кожа казалась шершавой, покрытой сосудами и влажной, хотя влажной вовсе не была, и провалиться бы ему на этом самом месте, если она не выглядела содранной со страшилища, вывернутой наизнанку и снова надетой. А то просто содранной — и все. Кейси никогда не видел ничего подобного и надеялся, что ничего подобного больше никогда не увидит.

Он услыхал позади себя какое-то движение и обернулся. Это были другие жители Черрибелла — они тоже увидели и теперь шли сюда, но ближайшие из них, двое мальчишек, были еще в десятке ярдов от Кейси.

— Muchachos,— крикнул он им,— agua por el burro. Un pozal. Pronto.

Потом он вновь повернулся к пришельцам и спросил их:

— Кто вы такие?

— Меня звать Дейд Грант,— ответил старатель, протягивая руку, которую Кейси машинально взял. Когда Кейси ее выпустил, она, взметнувшись над плечом старателя, показала большим пальцем на сидевшего на песке.

— А его, говорит, звать Гарвейн. Космач, что ли, и какой-то министр.

Кейси кивнул человеку-жерди и был рад, когда в ответ последовал кивок, а не протянутая рука.

— Мое имя Мэньюэл Кейси,— сказал он.— Что он там говорит насчет космача какого-то?

Голос человека-жерди оказался неожиданно глубоким и звучным:

— Я из космоса. И я полномочный министр.

Как это ни удивительно, Кейси обладал довольно широким кругозором и знал оба эти выражения; что же касается второго из них, то Кейси, вероятно, был единственным человеком в Черрибелле, кому был понятен его смысл. Тот факт, что он поверил обоим этим заявлениям, был, учитывая внешность его собеседника, менее удивительным, чем то обстоятельство, что Кейси вообще знал, о чем идет речь.

— Чем я могу быть вам полезен, сэр?— спросил он.— Но прежде всего, не перейти ли нам в тень?

— Благодарю вас, не надо. У вас немного прохладнее, чем мне говорили, но я чувствую себя великолепно. На моей планете так бывает прохладными весенними вечерами. А если говорить о том, что вы могли бы для ме-

---

— Мальчики, воды для ослика. Одно ведро. Быстро *(исп.)*.

ня сделать, то вы можете сообщить вашим властям о моем прибытии. Думаю, что это их заинтересует.

Да, подумал Кейси, тебе посчастливилось напасть на человека, полезнее которого в этом смысле не найдешь и на двадцать миль вокруг. Мэньюэл Кейси был наполовину ирландец, наполовину мексиканец, и у него был сводный брат, наполовину ирландец, наполовину всякая всячина, и этот брат был полковником на военно-воздушной базе Дэвис-Монтан под Тусоном.

— Одну минуточку, мистер Гарвейн, я сейчас позвоню. А вы, мистер Грант, не хотите под крышу?— сказал Кейси.

— По мне так пусть жарит. Все равно день-деньской на солнышке. Вот, значит, этот самый Гарвейн и говорит мне: не откалывайся, покуда я не кончу дела. Сказал, даст мне какую-то диковину, если пойду с ним. Чего-то ликтронное...

— Портативный электронный рудоискатель на батарейном питании,— уточнил Гарвейн.— Несложный прибор, устанавливает наличие рудных залежей на глубине до двух миль, указывает вид руды, содержание в ней металла, объем месторождения и глубину залегания.

Кейси судорожно глотнул воздух, извинился и через собирающуюся толпу протолкался в свою таверну. Через минуту он уже говорил с полковником Кейси, но потребовалось еще пять минут, чтобы убедить полковника, что он, Мэньюэл Кейси, не пьян и не шутит.

Через двадцать пять минут в небе послышался шум, который все нарастал — и замер, когда четырехместный вертолет сел и отключил роторы в десяти ярдах от существа из космоса, ослика и двух мужчин. Только у Кейси хватило пока смелости подойти к пришельцам из пустыни вплотную; остальные любопытствующие предпочитали держаться на расстоянии.

Полковник Кейси, а за ним майор, капитан и лейтенант, пилот вертолета выскочили из кабины и побежали к маленькой группе. Человек, похожий на жердь, встал и выпрямился во все свои девять футов; усилия, которых это ему стоило, говорили о том, что он привык к гравитации гораздо меньшей, нежели земная. Он поклонился, повторил свое имя и опять назвался полномочным министром из космоса. Потом он извинился за то, что снова сядет, объяснил, почему он вынужден это сделать, и сел.

Полковник представился и представил трех своих спутников.

— А теперь, сэр, что мы можем для вас сделать?

Человек, похожий на жердь, скорчил гримасу, которая, по-видимому, означала улыбку. Зубы его оказались такими же голубыми, как глаза и волосы.

— У вас часто можно услышать фразу: «Я хочу видеть вашего шефа». Я этого не прошу: мне необходимо оставаться здесь. В то же время я не прошу, чтобы кого-нибудь из ваших шефов вызвали сюда ко мне: это было бы невежливо. И я согласен рассматривать вас как их представителей, говорить с вами и дать вам возможность задавать вопросы мне. Но у меня к вам просьба. У вас есть магнитофоны. Прошу вас распорядиться, чтобы, прежде чем я начну говорить или отвечать на ваши вопросы, сюда был доставлен магнитофон. Я хочу быть уверенным в том, что послание, которое получат ваши руководители, будет передано им точно и полно.

— Превосходно,— сказал полковник и повернулся к пилоту:— Лейтенант, ступайте в кабину, включите рацию и передайте, чтобы нам моментально доставили магнитофон. Можно на парашюте... нет, пожалуй, долго провозятся с упаковкой. Пусть пришлют на стрекозе.

Лейтенант повернулся, готовый идти.

— Да,— сказал полковник,— и еще пятьдесят ярдов шнура. Придется тянуть до таверны Мэнни.

Лейтенант сломя голову бросился к вертолету.

Остальные сидели, обливаясь потом, и ждали. Мэньюэл Кейси встал.

— Ждать придется с полчаса,— сказал он,— и если уж мы собираемся оставаться на солнце, кто за бутылку холодного пива? Как вы на это смотрите, мистер Гарвейн?

— Это ведь холодный напиток? Я немного мерзну. Если у вас найдется что-нибудь горячее...

— Кофе, он уже почти готов. Могу я принести вам одеяло?

— Благодарю вас, не надо. В нем не будет нужды.

Кейси ушел и скоро вернулся с подносом, на котором стояло с полдюжины бутылок холодного пива и чашка дымящегося кофе. Лейтенант был уже здесь. Кейси поставил поднос и начал с того, что подал чашку человеку-жерди, который, сделав глоток, сказал:

— Восхитительно.

Полковник Кейси откашлялся.

— Теперь, Мэнни, обслужи нашего друга старателя. Что касается нас, то, вообще говоря, пить во время дежурства запрещено, но в Тусоне было 112 по Фаренгейту в тени, а тут еще жарче и к тому же никакой тени. Так что, джентльмены, считайте себя в официальном увольнении на время, которое вам понадобится, чтобы выпить бутылку пива, или до тех пор, пока нам не доставят магнитофон. То ли, другое ли случится первым — ваше увольнение закончено.

Сначала кончилось пиво, но, допивая его, они уже видели и слышали второй вертолет. Кейси спросил человека-жердь, не желает ли тот еще кофе. Человек-жердь вежливо отказался. Кейси посмотрел на Дейда Гранта и подмигнул; старый крот ответил ему тем же, и Кейси пошел еще за бутылками, по одной на каждого из двоих штатских землян. Возвращаясь, он столкнулся с лейтенантом, который тянул шнур к таверне, и Кейси повернул назад и проводил лейтенанта до самого входа, чтобы показать ему, где розетка.

Когда Кейси вернулся, он увидел, что второй вертолет, кроме магнитофона, доставил еще четырех человек — больше в нем не умещалось. Вместе с пилотом прилетели сержант технической службы (он уже возился с магнитофоном), а также подполковник и младший лейтенант, то ли решившие совершить воздушную прогулку, то ли заинтригованные странным приказом срочно доставить по воздуху магнитофон в Черрибелл, штат Аризона. Теперь они стояли и таращились на человека-жердь, перешептываясь между собой.

Хотя слово «внимание» полковник произнес негромко, сразу же наступила мертвая тишина.

— Рассаживайтесь, джентльмены. Так, чтобы был круг. Сержант, нас хорошо будет слышно в микрофон, если вы поместите его в центре такого круга?

— Да, сэр. У меня уже почти все готово.

Десять человек и человекоподобное существо из космоса сели в круг, в середине которого установили небольшой треножник с подвешенным к нему микрофоном. Люди обливались потом; человекоподобного слегка знобило. За кругом, понурив голову, стоял ослик. Постепенно пододвигаясь все ближе, но пока еще футах в пяти от круга, толпились все жители Черрибелла, оказавшиеся в тот момент дома; палатки и бензозаправочные станции были брошены.

Сержант нажал на кнопку; кассеты завертелись.

— Проверка... проверка...— сказал он. Нажав на кнопку «обратно», он через секунду отпустил ее и дал звук. «Проверка... проверка...» — сказал динамик громко и внятно. Сержант перемотал ленту, стер запись и дал «стоп».

— Когда я нажму на кнопку, сэр,— обратился он к полковнику,— начнется запись.

Полковник вопросительно посмотрел на человека-жердь, тот кивнул, и тогда полковник кивнул сержанту.

— Мое имя Гарвейн,— раздельно и медленно проговорил человек-жердь.— Я прибыл к вам с одной из планет звезды, не упоминаемой в ваших астрономических справочниках, хотя шаровое скопление из 90 000 звезд, к которому она принадлежит, вам известно. Отсюда она находится на расстоянии свыше 4000 световых лет по направлению к центру Галактики.

Однако сейчас я выступаю не как представитель своей планеты или своего народа, но как полномочный министр Галактического Союза, федерации передовых цивилизаций Галактики, созданной во имя всеобщего блага. На меня возложена миссия посетить вас и решить на месте, следует ли приглашать вас вступить в нашу федерацию.

Теперь вы можете задавать мне любые вопросы. Однако я оставляю за собой право отсрочить ответ на некоторые из них до тех пор, пока не приду к определенному решению. Если решение окажется положительным, я отвечу на все вопросы, включая те, ответ на которые был отложен. Вас это устраивает?

— Устраивает,— ответил полковник.— Как вы сюда попали? На космическом корабле?

— Совершенно верно. Он сейчас прямо над нами, на орбите радиусом в 22 000 миль, где вращается вместе с Землей и таким образом все время остается над одним и тем же местом. За мной наблюдают оттуда, и это одна из причин, почему я предпочитаю оставаться здесь, на открытом месте. Я должен просигнализировать, когда мне понадобится, чтобы он спустился и подобрал меня.

— Откуда у вас такое великолепное знание нашего языка? Благодаря телепатическим способностям?

— Нет, я не телепат. И нигде в Галактике нет расы, все представители которой были бы телепатически одаренными; но отдельные телепаты встречаются в любой из рас. Меня обучили вашему языку специально для этой миссии. Уже много столетий мы держим среди вас своих наблюдателей (говоря «мы», я, конечно, имею в виду Галактический Союз). Совершенно очевидно, что я, например, не мог бы сойти за землянина, но есть другие расы, которые могут. Кстати говоря, они не замышляют против вас ничего дурного и не пытаются воздействовать на вас каким бы то ни было образом; они наблюдают — и это все.

— Что даст нам присоединение к вашему Союзу, если нас пригласят вступить в него и если мы такое приглашение примем?

— Прежде всего — краткосрочный курс обучения основным наукам, которые положат конец вашей склонности драться друг с другом и покончат с вашей агрессивностью. Когда ваши успехи удовлетворят нас и мы увидим, что оснований для опасений нет, вы получите средства передвижения в космосе и многие другие вещи — постепенно, по мере того как будете их осваивать.

— А если нас не пригласят или мы откажемся?

— Ничего. Вас оставят одних; будут отозваны даже наши наблюдатели. Вы сами предопределите свою судьбу: либо в ближайшее столетие вы

сделаете свою планету совершенно необитаемой, либо овладеете науками сами и тогда с вами опять можно будет говорить о вступлении в Союз. Время от времени мы будем проверять, как идут ваши дела, и, если станет ясно, что вы не собираетесь себя уничтожить, к вам обратятся снова.

— Раз вы уже здесь, к чему так спешить? Почему вы не можете пробыть у нас достаточно долго для того, чтобы наши, как вы их называете, руководители смогли лично поговорить с вами?

— Ответ откладывается. Не то чтобы причина спешки была важной, но она достаточно сложная, и я просто не хочу тратить время на объяснения.

— Допустим, что наше решение окажется положительным; как в таком случае установить с вами связь, чтобы сообщить вам о нем? По-видимому, вы достаточно информированы о нас и знаете, что я не уполномочен брать на себя такую ответственность.

— Мы узнаем о вашем решении через своих наблюдателей. Одно из условий приема в федерацию — опубликование в ваших газетах этого интервью полностью, так, как оно записывается сейчас на этой пленке. А потом все будет ясно из действий и решений вашего правительства.

— А как насчет других правительств? Ведь мы не можем единолично решать за весь мир.

— Для начала остановились на вашем правительстве. Если вы примете приглашение, мы укажем способы побудить других последовать вашему примеру. Кстати, способы эти не предполагают какого-либо применения силы или хотя бы угрозы такового.

— Хороши, должно быть, способы,— скривился полковник.

— Иногда обещание награды значит больше, чем любая угроза. Вы думаете, другие захотят, чтобы ваша страна заселяла планеты далеких звезд еще до того, как они смогут достичь Луны? Но это вопрос сравнительно немаловажный. Вы вполне можете положиться на наши способы убеждения.

— Звучит это прямо-таки сказочно прекрасно. Но вы говорили, что вам поручено решить сейчас, на месте, следует или нет приглашать нас вступить в вашу федерацию. Могу я спросить, на чем будет основываться ваше решение?

— Прежде всего я должен (точнее, был должен, так как я уже это сделал) установить степень вашей ксенофобии. В том широком смысле, в каком вы его употребляете, слово это означает страх перед чужаками вообще. У нас есть слово, не имеющее эквивалента в вашем языке; оно означает страх и отвращение, испытываемые перед физически отличными от нас существами. Я, как типичный представитель своей расы, был выбран для первого прямого контакта с вами. Поскольку я для вас более или менее человекоподобен (точно так же, как более или менее человекоподобны для меня вы), я, вероятно, вызываю в вас больший ужас и отвращение, чем многие совершенно отличные от вас виды. Будучи для вас карикатурой на человека, я внушаю вам больший ужас, нежели какое-нибудь существо, не имеющее с вами даже отдаленного сходства.

Возможно, вы сейчас думаете о том ужасе и отвращении, которые вы испытываете при виде меня. Но поверьте мне, это испытание вы прошли. Есть в Галактике расы, которым никогда не стать членами федерации, как бы они ни преуспели в других областях, потому что они тяжело и неизлечимо ксенофобичны; они никогда не смогли бы смотреть на существо какого-либо другого вида или общаться с ним; они или с воплем бросились бы прочь от него или попытались бы тут же с ним расправиться. Наблюдая вас и этих людей,— он махнул длинной рукой в сторону гражданского на-

селения Черрибелла, столпившегося неподалеку от круга сидящих,— я убеждаюсь в том, что мой вид вызывает в вас отвращение, но, поверьте мне, оно относительно слабое и, безусловно, излечимое. Это испытание вы прошли удовлетворительно.

— А есть и другие?

— Еще одно. Но, пожалуй, пора мне...

Не закончив фразы, человек-жердь навзничь упал на песок и закрыл глаза.

В один миг полковник был на ногах.

— Что за черт?!..— вырвалось у него. Обойдя треножник с микрофоном, он склонился над неподвижным телом и приложил ухо к кроваво-красной груди.

Когда он выпрямился, лохматый седой старатель Дейд Грант смеялся.

— Сердце не бьется, полковник, потому что его нет. Но я могу оставить вам Гарвейна в качестве сувенира, и вы найдете в нем вещи куда более интересные, чем внутренности и сердце. Да, это марионетка, которой я управлял, как ваш Эдгар Берген [1], управляет своим... как же его зовут?.. ах да, Чарли Маккарти. Он выполнил свою задачу и деактивирован. Займите свое место, полковник.

Полковник Кейси медленно отступил назад.

— Для чего все это?— спросил он.

Дейд Грант сорвал с себя бороду и парик. Куском ткани он стер с лица грим и оказался красивым молодым человеком. Он продолжал:

— То, что он сказал вам (или, вернее то, что вам было через него сказано),— все правда. Да, он только подобие, но он точная копия существа одной из разумных рас Галактики — расы, которая, по мнению наших психологов, показалась бы вам, будь вы тяжело и неизлечимо ксенофобичны, ужаснее любой другой. Но подлинного представителя этого вида мы не привезли с собой потому, что у этих существ есть своя собственная фобия, агорафобия — боязнь пространства. Они высокоцивилизованы и пользуются большим уважением в федерации, но они никогда не покидают своей планеты.

Наши наблюдатели уверяют, что такой фобии у вас нет. Но им не вполне ясно, насколько велика ваша ксенофобичность, и единственным способом установить ее точную степень было привезти вместо кого-то что-то, на чем можно было бы ее испытать, и заодно, если это окажется возможным, установить с вами первый контакт.

Вздох полковника услышали все.

— По совести говоря, в одном смысле это приносит мне огромное облегчение. Мы, безусловно, в состоянии найти общий язык с человекоподобными, и мы найдем его, когда в этом возникнет необходимость. Но, должен признаться, это большая радость — узнать, что все-таки господствующая раса Галактики — настоящие люди, а не какие-то там человекоподобные. Второе испытание?

— Вы уже ему подвергаетесь. Зовите меня...— он щелкнул пальцами.— Как зовут другую марионетку Бергена, которую он создал после Чарли Маккарти?

Полковник заколебался, но за него дал ответ сержант-техник:

— Мортимер Снерд.

---

[1] *Эдгар Берген* — американский комик и чревовещатель, ставший популярным благодаря своей знаменитой кукле Чарли Маккарти, а потом и другой, которую он назвал Мортимером Снердом.— *Прим. перев.*

— Правильно. Тогда зовите меня Мортимером Снердом. А теперь мне, пожалуй, пора...— И он повалился навзничь на песок и закрыл глаза точно так же, как за несколько минут до этого человек-жердь.

Ослик поднял голову и просунул ее в круг через плечо сержанта.

— С куклами все,— сказал он.— Так что вы там говорили, полковник, будто господствующей расой должны быть люди или хотя бы человекоподобные? И вообще что это такое — господствующая раса?

ФИЛИП ДИК

ИЗ ГЛУБИН ПАМЯТИ [1]

Куайл проснулся — и сразу захотел на Марс. «Чудесные долины... побродить бы по ним...» — с завистливой тоской подумал он. Он почти что чувствовал обволакивающее присутствие того, другого мира, который видели только секретные агенты да высшие правительственные чины. Куда там клерку... Нет, это невозможно.

— Ты собираешься вставать?— сонно пробормотала Кирстен с обычной злобной раздражительностью.— Свари кофе.

— Хорошо,— сказал Дуглас Куайл и босиком прошлепал из спальни на кухню. Там он поставил кофе, уселся за столик, достал маленькую жестянку Диновского Нюхательного и резко втянул в себя воздух. Острая смесь защипала в носу, обожгла уголки рта, но Куайл продолжал вдыхать; это пробуждало его и приводило ночные фантазии и тайные мечты к некому подобию рациональности.

Я добьюсь, твердил себе Куайл. **Я попаду на Марс.**

Конечно, это неосуществимо, и он постоянно осознавал иллюзорность своего желания, даже во сне. Дневной свет, копошение жены, расчесывающей волосы перед зеркалом,— все сговорилось поставить его на место, напомнить ему, кто он такой. **Самый обыкновенный мелкий служащий,** горько сказал себе Куайл. Кирстен напоминала об этом по крайней мере раз в день, и он ее не винил; дело жены возвращать мужа на землю. **На Землю,** подумал он и засмеялся. Буквально выражаясь.

— Чего ты там хихикаешь?— спросила Кирстен, влетая на кухню в развевающемся розовом халатике.— Небось, опять замечтался.

— Да,— произнес он и уставился в окно, вниз, на оживленное движение, на маленькие деловитые фигурки людей, спешащих на работу. Скоро он будет среди них. Как всегда.

— Спорю, что о какой-нибудь шлюхе,— уничтожительно заметила Кирстен.

— Нет. О боге. Боге войны. С изумительными кратерами, в глубинах которых прячутся всевозможные растения.

— Послушай,— Кирстен присела перед ним на корточки; резкость исчезла из ее голоса.— Дно океана — нашего океана — намного, гораздо

---

[1] Печатается по изд.: Сборник научной фантастики. Вып. 31.— М.: Знание, 1987.

красивее. Ты знаешь это; все это знают. Достань жабро-костюмы, возьми неделю за свой счет, и поживем там в одном из круглогодичных курортов. Мы еще к тому же...— Она осеклась.— Ты не слушаешь! А следовало бы. Ты одержим своим Марсом, своей навязчивой идеей.— Ее голос поднялся до пронзительных нот.— Боже милосердный, Дуг, куда ты катишься?!

— На работу,— сказал он, поднимаясь на ноги, забыв про завтрак.— Вот куда я качусь.

Она пристально посмотрела на мужа.

— С каждым днем ты становишься все упрямее. Куда это тебя приведет?

— На Марс,— ответил он и достал из шкафа свежую рубашку.

Выйдя из такси, Дуглас Куайл пересек три набитые до отказа пешеходные ленты и подошел к современному привлекательному зданию. Там он остановился, прямо среди дневной толчеи, и медленно прочитал мерцающую неоновую вывеску. Он и раньше приглядывался к ней... но никогда не приближался. Однако рано или поздно это должно было случиться... «ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК.»

Ответ на его мечту? Но ведь иллюзия, даже самая убедительная, всегда остается не более чем иллюзией. По крайней мере объективно. А субъективно — совсем напротив...

Так или иначе, его ждут. Через пять минут встреча.

Набрав полную грудь чикагского воздуха вперемешку с копотью, он прошел через сверкающее многоцветье входа в приемную.

Аккуратная симпатичная блондинка за столом приветливо улыбнулась.

— Добрый день, мистер Куайл.

— Да,— невнятно пробормотал он.— Я хотел бы пройти курс воспоминаний. Вы, очевидно, знаете.

Секретарша сняла трубку видеофона.

— Мистер Макклейн, здесь мистер Куайл. Можно ему заходить или еще рано?

— Пст фрум-брум-грум,— зарокотало в трубке.

— Пожалуйста, мистер Куайл,— сказала секретарша.— Мистер Макклейн ждет вас. Направо, комната Д.

После короткого замешательства он нашел нужную дверь. За необъятным столом из настоящего орехового дерева восседал радушного вида мужчина средних лет, в модном сером костюме из кожи марсианской лягушки. Уже одна только одежда говорила Куайлу, что он попал по адресу.

— Садитесь, Дуглас,— пригласил Макклейн, махнув пухлой рукой на кресло у стола.— Итак, вы хотите побывать на Марсе. Превосходно.

Куайл сел.

— Я не совсем уверен...— напряженно произнес он.— Дело в том, что это стоит уйму денег, а в действительности я, похоже, ничего не получаю.

Ненамного дешевле настоящей поездки, подумал он.

— У вас будут ощутимые доказательства,— живо возразил Макклейн.— Все, что потребуется. Вот, позвольте показать.— Он выдвинул ящик и достал толстую папку.— Корешок билета.— Из папки появился квадратик прокомпостированного картона.— Следовательно, вы ездили туда — и обратно. Далее, открытки.— Он извлек четыре цветные стереооткрытки и разложил их перед Куайлом.— Пленка. Снимки марсианских достопримечательностей, которые вы делали взятой напрокат камерой. Имена встреченных там людей. Плюс на две сотни сувениров; вы получите

их — с Марса — в следующем месяце. Ну и паспорт, почтовая квитанция и т. д.— Он взглянул на Куайла.— Не беспокойтесь, вы будете уверены, что побывали там. Вы не запомните меня, не запомните свой визит. Но мы гарантируем, что для вас это будет самое настоящее путешествие. Полные две недели воспоминаний, вплоть до мельчайших подробностей. Посудите сами: вы не секретный агент Интерплана, а иначе вам на Марс не попасть. Лишь с нашей помощью вы осуществите свою заветную мечту. И учтите: когда бы вы ни усомнились в достоверности воспоминаний, можете вернуться к нам и сполна получить свои деньги.

— Неужели наложенная память столь прочна?— спросил Куайл.

— Лучше настоящей, сэр,— заверил Макклейн.— Побывай вы действительно на Марсе в качестве агента Интерплана, многое бы уже забылось. Мы же обеспечиваем такие устойчивые воспоминания, что не потускнеет ни одна деталь. Это творение опытных специалистов, экспертов, людей, которые провели на Марсе долгие годы. И в каждом случае мы все тщательно проверяем. Причем ваша мечта имеет достаточно вещественную основу; выбери вы Плутон или захоти вы стать Императором Лиги Внутренних Планет, у нас бы возникло гораздо больше трудностей... и соответственно значительно возросла бы плата.

— Хорошо,— решил Куайл и потянулся за бумажником.— Если нет другого пути, придется довольствоваться...

— Не надо так говорить!— возмущенно воскликнул Макклейн.— Вы думаете, что вам подсовывают второсортный товар? Естественная память, со всеми ее неточностями, искажениями и провалами — вот второсортный товар!

Он взял деньги и нажал кнопку на селекторе.

— Что же, мистер Куайл,— мягко проговорил он, когда в открывшуюся дверь вошли двое коренастых мужчин,— желаю секретному агенту счастливого пути на Марс.

Макклейн поднялся и вышел из-за стола, чтобы пожать вспотевшую ладонь Куайла.

— Хотя, собственно, ваше путешествие уже завершилось. Сегодня в шестнадцать тридцать вы... гмм... прибудете на Землю. Такси отвезет вас домой, и, как я говорил, вы никогда не вспомните меня или свой визит к нам. Вы забудете даже, что слышали о нашем существовании.

От волнения у Куайла пересохло во рту. На нетвердых ногах он вышел вслед за двумя техниками из кабинета.

Неужели я искренне буду полагать, что слетал на Марс? думал он. **Что сумел осуществить заветную мечту всей жизни!**

Им овладело какое-то зудящее предчувствие недоброго... Оставалось только ждать.

Селектор на столе Макклейна загудел, и раздался спокойный мужской голос:

— Мистер Куайл под наркозом, сэр. Разрешите начинать или вы будете присутствовать лично?

— Начинайте, Лоу,— бросил Макклейн.— Это самый обычный случай; не должно быть никаких осложнений.

Имплантацию искусственной памяти о путешествии на другие планеты приходилось делать с монотонной регулярностью. **За месяц, прикинул он с кислой миной, около двадцати раз. Эрзац-путешествия буквально стали нашим хлебом.**

— Хорошо, мистер Макклейн,— ответил Лоу, и селектор замолчал.

Открыв большой шкаф, Макклейн покопался и вытащил два пакета: пакет № 3 — «Путешествие на Марс»— и пакет № 62 — «Секретный агент Интерплана». Он вернулся за стол, удобно устроился в кресле и вывалил содержимое пакетов: предметы, которые предстояло поместить в квартиру Куайла, пока тот находится без сознания.

Пистолет за одну кредитку, самый дорогой пункт в нашем списке, иронично отметил Макклейн. Крошечный передатчик, который следует проглотить в случае провала агента... Кодовая книга, поразительно напоминающая настоящую... Всякая мелочь, не имеющая сама по себе существенного значения, но неразрывно связанная с воображаемым путешествием: половинка древней серебряной монеты достоинством в 50 центов, пара неправильно записанных стихов Джона Донна, каждый на отдельном листке папиросной бумаги, ложка из нержавеющей стали с выгравированной надписью **«СОБСТВЕННОСТЬ МАРСИАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ»**, телефонное подслушивающее устройство, которое...

Загудел селектор.

— Простите за беспокойство, мистер Макклейн, но происходит что-то непонятное. Пожалуй, вам лучше все-таки прийти. Куайл все еще под наркозом, хорошо отреагировал на наркидрин. Но...

— Иду.

Почувствовав тревогу, Макклейн вышел из кабинета и поспешил в лабораторию.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и регулярно дыша. Казалось, он осознает — но лишь очень смутно — присутствие двух техников и появившегося Макклейна.

— Нет места для внедрения ложной памяти?— раздраженно спросил Макклейн.— Найдите соответствующий участок и сотрите. Он работает в Бюро Эмиграции и как всякий государственный служащий, безусловно, две недели отдыхал. Замените одни воспоминания на другие, вот и все.

— Наша проблема, к сожалению, не в этом,— обиженно сказал Лоу и, склонившись над постелью, обратился к Куайлу:

— Расскажите мистеру Макклейну то, что рассказали нам. Слушайте внимательно,— добавил он, повернувшись к шефу.

Серо-зеленые глаза лежащего человека остановились на лице Макклейна. Взгляд стал стальным,— пожив шись, отметил Макклейн,— жестким, безжалостным, засветился холодным огнем.

— Что вам еще нужно?— с ненавистью процедил Куайл.— Вы развалили мою «легенду». Убирайтесь отсюда, пока я с вами не расправился.— Его взгляд прожег Макклейна насквозь.— Особенно вы... Вы руководитель этой операции!

— Как долго вы находились на Марсе?— спросил Лоу.

— Месяц,— резко ответил Куайл.

— Ваша цель?

Бледные губы искривились.

— Агент Интерплана. Зачем повторять? Разве вы не записывали? Оставьте меня в покое.

Он закрыл глаза; обжигающее сияние исчезло — Макклейн почувствовал волну мгновенного облегчения.

— Крепкий орешек,— тихо заметил Лоу.

— Ничего,— отозвался Макклейн.— Когда мы снова сотрем его память, он станет кротким, как ягненок... Так вот почему вы так отчаянно стремились на Марс,— обратился он к Куайлу.

— Я никогда не стремился на Марс,— не открывая глаз, проговорил Куайл.— Мне приказали. Разумеется, было интересно... У вас тут настоящая сыворотка правды; я вспоминаю вещи, о которых и понятия не имел.— Он замолчал и погрузился в раздумье.— Любопытно, моя жена, Кирстен... тоже человек Интерплана? Следит, чтобы я случайно не обрел память? Не удивительно, что ей так не нравилось мое желание.

На его лице возникла и тут же пропала понимающая улыбка.

— Пожалуйста, поверьте, мистер Куайл, мы натолкнулись на это совершенно неумышленно,— просительно сказал Макклейн.— В процессе работы...

— Я верю вам,— произнес Куайл. Он казался очень уставшим; наркотик действовал все сильнее.— Что я плел про свою поездку?— едва слышно пробормотал он.— Марс? Не припомню — хотя с удовольствием побывал бы. А кто нет? Но я... всего лишь ничтожный клерк...

Лоу выпрямился и обратился к своему начальнику:

— Он хочет иметь фальшивую память о путешествии, которое совершил на самом деле. И фальшивое обоснование, которое является настоящим. Под воздействием наркидрина он говорит правду и отчетливо помнит все подробности. Очевидно, в правительственной военной лаборатории стерли сознательную память о действительных событиях. Сохранились только смутные ассоциации; Марс и деятельность шпиона связываются для него с чем-то значительным. Этого они стереть не смогли; это не воспоминание, а присущее ему желание, из которого, безусловно он и вызвался на выполнение задания.

— Что нам делать?— спросил другой техник, Килер.— Наложить фальшивую память на настоящую? Трудно предсказать результат; что-то останется, и путаница сведет его с ума. Ему придется жить с двумя противоположными воспоминаниями одновременно: что он был на Марсе и что не был. Что он действительно агент Интерплана и что это нами имплантированная фальшивка... Дело очень щекотливое.

— Согласен,— сказал Макклейн. Ему в голову пришла мысль.— Что он запомнит, выйдя из-под наркоза?

— Теперь, вероятно, у него останутся смутные отрывочные воспоминания о настоящей поездке,— ответил Лоу.— И скорее всего, он будет сильно сомневаться в их реальности; решит, что это наша ошибка. Ведь он запомнит свой визит — если, конечно, вы не прикажете это стереть.

— Чем меньше мы будем с ним что-то делать, тем лучше,— заявил Макклейн.— И так нам чертовски не повезло — нарваться на агента Интерплана и разбить его легенду! Причем такую хорошую, что он сам не знает, кто он такой... Вернем ему половину платы.

— Половину? Почему половину?

— На мой взгляд, это неплохой компромисс,— грустно улыбнулся Макклейн.

Сидя в такси, которое несло его домой в жилой район Чикаго, Дуглас Куайл блаженно улыбался. **Как приятно вернуться на Землю!**

Месячное пребывание на Марсе уже начало тускнеть в его памяти. Остались лишь картины зияющих кратеров, изломанных скал и самого движения. Мир пыли, где мало что происходит, где значительную часть дня надо проводить за проверкой и перепроверкой портативного кислородного питания. И скудные проявления жизни — невзрачные серо-бурые кактусы и пузырчатые черви.

Кстати, он ведь привез несколько образчиков марсианской фауны; протащил их через таможню. В конце концов они не представляют никакой опасности; им не выжить в густой атмосфере Земли.

Куайл полез в карман за коробочкой с марсианскими червями...

И вместо нее нашел конверт.

К своему удивлению, он обнаружил в конверте пятьсот семьдесят кредиток мелкими бумажками.

Вместе с деньгами выскользнула записка: «Возвращаем половину платы. Макклейн». И дата. Сегодняшняя.

— Воспоминания,— произнес вслух Куайл.

— Какие воспоминания, сэр или мадам?— почтительно поинтересовался робот-водитель.

— У вас есть телефонная книга?— спросил Куайл.

— Разумеется, сэр или мадам.

— Вот...— пробормотал Куайл, пролистав страницы. Он ощутил страх, леденящий душу страх.— Я передумал ехать домой. Отвезите меня в «Воспоминания, Инк.».

Такси развернулось и помчалось в обратном направлении.

— Можно позвонить?

— Сделайте одолжение,— сказал робот-водитель и открыл нишу с блестящим цветным видеофоном.

Куайл набрал домашний номер и через несколько секунд предстал перед миниатюрным, но неприятно реалистичным изображением жены.

— Я был на Марсе,— сообщил он.

— Ты пьян!— Ее губы презрительно скривились.— Или еще похуже.

— Ей богу!

— Когда?

— Не знаю.— Куайл пришел в замешательство.— Наверное, наложение памяти. Только мне она не привилась.

— Ты все-таки пьян,— уничтожающе процедила Кирстен и бросила трубку.

Куайл медленно отодвинул видеофон, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

И всегда один тон, горько сказал он себе. **Всегда грубость, как будто она знает все, а я ничего. Господи, что за жизнь!..**

Вскоре такси остановилось перед современным, очень привлекательным зданием, над которым мигала красочная неоновая вывеска «ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК.».

Секретарша, деловитая и собранная, чуть не раскрыла рот от удивления, но тут же взяла себя в руки.

— О, мистер Куайл!— нервно улыбнулась она.— Вы что-то забыли?

— Остаток моих денег,— сухо ответил он.

— Денег?— Секретарша мастерски разыграла непонимание.— По-моему, вы ошибаетесь, мистер Куайл. Вы действительно приходили консультироваться, но...— Она пожала плечами.— Мы не оказали вам никаких услуг.

— Я все помню, мисс,— отчеканил Куайл.— Свое письмо в вашу фирму, свой визит к вам, разговор с мистером Макклейном. Помню двух техников, которые мной занимались.

Не удивительно, что фирма вернула половину платы. Ложная память «поездки на Марс» не привилась. Или по меньшей мере привилась не полностью, не в такой степени, как ему гарантировали.

— Мистер Куайл,— урезонивающе сказала девушка.— Несмотря на то, что вы мелкий служащий, вы очень привлекательный мужчина, и злость вам не к лицу. Если желаете, я могу позволить вам... гм... пригласить меня на вечер...

Куайл пришел в бешенство.

— Я помню вас!— заорал он.— И помню обещания мистера Макклейна, что, если я не забуду посещение вашей компании, мне полностью вернут деньги. Где этот Макклейн?!

Через некоторое время он снова оказался за необъятным столом из орехового дерева, на том же месте, где сидел пару часов назад.

— Ну и техника у вас!— язвительно сказал Куайл. Его разочарование — и возмущение — не знало границ.— Моя так называемая «память» о путешествии на Марс в качестве тайного агента Интерплана урывочна и полна противоречий. К тому же я отчетливо помню нашу сделку... Нет, мне положительно надо обратиться с жалобой в Коммерческое Бюро.

Он кипел негодованием; горькое ощущение, что его обманули, захлестнуло Куайла и пересилило обычную его неприязнь к подобным разбирательствам.

Хмуро насупившись, Макклейн проговорил:

— Мы сдаемся, Куайл. Вы получите свои деньги. Я полностью признаю тот факт, что мы ничего для вас не сделали.

— Вы даже не обеспечили меня «доказательствами» пребывания на Марсе,— обвиняюще продолжал Куайл.— Вся ваша болтовня — лишь пускание пыли в глаза. Никаких билетов. Никаких открыток. Никакого паспорта. Никаких...

— Послушайте, Куайл,— перебил Макклейн.— Я мог бы объяснить вам...— Он замолчал.— Нет. Не надо.— Он нажал кнопку на селекторе.— Ширли, выпишите, пожалуйста, чек Дугласу Куайлу на пятьсот семьдесят кредиток.

Через минуту секретарша принесла чек, положила его перед Макклейном и исчезла, оставив двух мужчин испепелять друг друга взглядами...

— Позвольте дать вам совет,— молвил Макклейн, подписав чек.— Не обсуждайте ни с кем вашу недавнюю поездку на Марс.

— Какую поездку?

— Ну, ту поездку, которую вы частично помните,— уклончиво ответил Макклейн.— Ведите себя так, словно ничего и не было. И не задавайте мне вопросов. Просто послушайтесь моего совета; так будет лучше для нас всех.— Макклейн обнаружил, что он сильно вспотел.— Простите, меня ждут дела, другие клиенты...

Он встал и проводил Куайла до выхода.

— У фирмы, которая так выполняет свою работу, не должно быть никаких клиентов!— сказал Куайл и хлопнул дверью.

Сидя в такси, Куайл мысленно формулировал жалобу в Коммерческое Бюро. Безусловно, его долг предупредить людей, каково истинное лицо фирмы «Воспоминания, Инк.».

Придя домой, он устроился за портативной машинкой, открыл ящик стола и стал рыться в поисках копировальной бумаги. И заметил маленькую, знакомого вида коробку. Коробку, куда аккуратно положил на Марсе некоторые разновидности местной фауны и которую потом незаконно провез через таможню.

Открыв коробку, Куайл недоверчиво уставился на шесть дохлых пузырчатых червей и кое-какие одноклеточные организмы, служившие им пищей. Все высохло, покрылось пылью, но без труда поддавалось узнаванию; целый день он тогда переворачивал тяжелые серые валуны, знакомясь с новым для себя увлекательным миром.

Но я не был на Марсе! осознал он.

Хотя, с другой стороны...

В дверях появилась Кирстен, держа в обеих руках объемистые хозяйственные сумки.

— Ты чего дома среди рабочего дня?!

Голос ее, как всегда, звучал гневно-вызывающе.

— Ездил я на Марс или нет?— спросил Куайл.

— Конечно, нет. Уж ты бы запомнил, надо полагать.

— Мне кажется, ездил,— растерянно проговорил он.— И в то же время кажется, что нет.

— Реши в конце концов.

— Но как?!— простонал Куайл.— Я помню два набора фактов, но не знаю, какой из них настоящий! Можно мне положиться на тебя? Ведь с тобой они ничего не делали!

— Дуг, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, все кончено,— равнодушно бросила она.— Я собираюсь тебя оставить.

— Я попал в беду,— Голос его звучал хрипло и беспомощно.— Может быть, я схожу с ума. Надеюсь, что нет, но... может быть. По крайней мере это бы все объяснило.

Поставив сумки, Кирстен подошла к шкафу и достала пальто.

— Я не шучу,— тихо произнесла она, оделась и вернулась к двери.— Позвоню тебе на днях. Прощай, Дуг.

— Погоди!— взмолился Куайл.— Скажи мне только: был я на Марсе или нет?!

Дверь закрылась. Его жена ушла. Наконец.

— Вот и все,— раздался голос сзади.— А теперь, Куайл, поднимите руки и медленно повернитесь.

На него смотрел вооруженный человек в темно-фиолетовой форме Интерпланетного Полицейского Управления. И этот человек казался Куайлу удивительно знакомым. Где-то он его видел...

— Итак, вы вспомнили свое путешествие на Марс,— констатировал полицейский.— Нам известны все ваши действия и все мысли, в частности некоторые ваши мысли по пути домой из фирмы «Воспоминания, Инк.». Информацию передает телепатопередатчик в вашем мозге,— пояснил он.

Телепатический передатчик, использование живой протоплазмы, найденной на Луне! Куайла передернуло от отвращения. Там, в глубинах его собственного мозга, живет нечто, питаясь его клетками. Питаясь и подслушивая. Но, как ни мерзко, это, наверное, правда. О грязных методах Интерплана писали даже в газетах.

— При чем тут я?— хрипло выдавил Куайл. Что он сделал — или подумал? И какая тут связь с «Воспоминаниями, Инк.»?

— В сущности, никакой связи с компанией нет,— сказал полицейский.— Это дело строго между нами. Он постучал себя по уху, и Куайл заметил маленький белый наушничек.— Между прочим, я до сих пор слушаю все ваши мысли. Так что должен предупредить: то, что вы думаете, может быть использовано против вас.— Он улыбнулся.— Впрочем, сейчас это не имеет значения. Своими словами и мыслями вы уже приговорили себя. К сожалению, под воздействием наркидрина вы кое-что поведали техникам и владельцу фирмы: куда вас посылали, кто и что вы там делали. Они испуганы. Они проклинают ту минуту, когда увидели вас. И не без оснований,— задумчиво добавил он.

— Я никуда не ездил,— возразил Куайл.— Это ложная память, неудачно имплантированная техниками Макклейна!

Но потом он подумал о коробке в ящике стола; с каким трудом искал он марсианских червей! Память казалась настоящей. И коробка — она наверняка настоящая. Если ее не подсунул Макклейн. Может быть, это одно из «доказательств», о которых он так многословно распространялся.

Мои воспоминания о поездке на Марс, подумал Куайл, не могут убедить меня самого, но, к сожалению, убедили Интерплан. Там полагают, что я действительно побывал на Марсе, и уверены, что я по крайней мере частично это осознаю.

— Мы знаем не только о вашем пребывании на Марсе,— согласился с его мыслями полицейский,— но и то, что вы помните достаточно, чтобы являть для нас угрозу. Снова стирать вашу память бессмысленно, потому что вы просто-напросто придете к ним опять, и все повторится сначала. Сделать что-то с Макклейном и его фирмой мы не имеем права. Кроме того, Макклейн не совершил никакого преступления. Как, строго говоря, и вы. Мы прекрасно понимаем, что вы обратились к ним не умышленно; вас толкала обычная тяга заурядных людей к приключениям.— Полицейский на миг замолчал.— К несчастью, вы не заурядный человек; у вас было вполне достаточно приключений. Меньше всего на свете вы нуждались в услугах «Воспоминаний, Инк.». Не могло быть ничего хуже для вас и для нас. И между прочим, для Макклейна.

— Почему же это я являю для вас угрозу, если помню свое путешествие — предполагаемое путешествие!— и что я там делал?

— Потому что,— ответил агент Интерплана,— то, что вы там делали, далеко не соответствует нашему публичному облику «защитника-благодетеля». Вы выполняли особое задание. И все это неминуемо всплывёт — благодаря наркидрину. Коробка с мертвыми червями полгода лежит в ящике, с самого вашего возвращения. И ни разу вы не проявили ни малейшего любопытства. Мы даже не знали о ее существовании, пока вы не вспомнили о ней по пути домой. Нам пришлось действовать.

Откуда-то из укрытия появился второй человек в форме Интерплана; они тихо между собой заговорили. Куайл лихорадочно соображал. Теперь он помнил больше — полицейский не ошибался относительно наркидрина. Вероятно, они — Интерплан — сами его использовали. Вероятно? Да наверняка! Он лично видел, как они вводили наркотик заключенному. Где это могло быть?.. На Земле? Нет, скорее на Луне, решил Куайл, видя новые и новые картины, возникающие из глубин его поврежденной, но быстро восстанавливающейся памяти.

Он вспомнил и еще кое-что. Цель задания.

Не удивительно, что они стерли его память.

— О, боже!— отчетливо сказал первый полицейский, поймав мысли Куайла.— Произошло самое ужасное.— Он подошел к Куайлу и направил оружие.— Нам придется убить вас. Немедленно.

— Почему немедленно?— заметно нервничая, спросил второй агент.— Отвезем его в Нью-Йорк, в штаб-квартиру, и пусть там...

— Он знает, почему немедленно.

Первый полицейский тоже сильно нервничал, но совсем по другой причине. Память вернулась к Куайлу полностью, и он отлично понимал его напряженность.

— На Марсе,— хрипло проговорил Куайл,— я убил человека. Пройдя через пятнадцать телохранителей. Вооруженных.

Пять лет готовил его Интерплан к этому заданию. Он был профессиональным убийцей. Он знал, как расправиться с врагом... И тот, с наушником, понимал это.

Если действовать быстро...

Револьвер выстрелил. Но Куайл уже скользнул вбок, молниеносно срубил вооруженного агента и в тот же миг взял на мушку второго, растерянного полицейского.

— Уловил мои мысли,— произнес Куайл, пытаясь отдышаться.— Но я все-таки сделал то, что хотел.

— Он не будет стрелять, Сэм,— прохрипел упавший агент.— Он ведь понимает, что ему конец. Сдавайся, Куайл.— Кривясь от боли, полицейский поднялся на ноги.— Оружие. Ты не станешь им пользоваться. А если отдашь, я обещаю не убивать тебя. Пускай решает начальство. Возможно, они снова сотрут твою память; не знаю.

Сжимая револьвер, Куайл бросился из квартиры.**Если станете меня преследовать, я убью вас,** подумал Куайл. **Так что не советую.**

Его не преследовали. Очевидно, полицейские уловили его мысли и решили не рисковать. Он уцелел — на время. Но что дальше?

Куайл влился в толпу пешеходов. Голова его раскалывалась. Но он по крайней мере спасся от смерти. Еще чуть-чуть, и его застрелили бы в собственной квартире.

Рано или поздно они это сделают. Когда найдут. А с передатчиком внутри на это не понадобится много времени.

Ирония судьбы... Он получил все, о чем мечтал, что просил у компании «Воспоминания, Инк.»: приключения, подвиги, операции Интерплана, тайное и опасное путешествие на Марс, где ставкой была сама жизнь...

Хорошо, когда такое — всего лишь воспоминания.

Куайл сидел в парке, на лавочке, бездумно наблюдая за стайкой «нахалят» — привезенных с лун Марса полуптиц, способных даже в высокой гравитации Земли к свободному парению.

Может быть, я смогу вернуться на Марс, размышлял он. Но что тогда? На Марсе будет еще хуже. Политическая организация, руководителя которой он ликвидировал, засечет его в первую же секунду. Вдобавок к Интерплану еще и они.

Интересно, мои мысли слышны?.. Прямая дорожка к сумасшествию: сидеть в одиночестве и представлять, как смыкается кольцо преследователей... Куайл поежился, поднялся на ноги, бесцельно побрел, засунув руки глубоко в карманы. **Куда бы я ни пошел, вы всегда будете со мной. Пока я ношу в голове это дьявольское устройство.**

Давайте договоримся, думал он — для себя и для них. **Наложите мне снова фальшивую память, что я жил серой скучной жизнью и никогда не был на Марсе, никогда не держал в руках оружия и не видел вблизи интерплановскую форму.**

— Вам уже объяснили,— произнес голос в голове.— Это будет недостаточно.

Куайл застыл на месте.

— Мы уже поддерживали с вами связь подобным образом,— продолжал голос.— На Марсе, когда вы были нашим оперативным работником. И вот теперь пришлось снова. Где вы находитесь?

— Шагаю к смерти. **От ваших пуль.** Откуда вам известно, что этого недостаточно?

— Если вам имплантировать комплект воспоминаний среднего человека, вы почувствуете... беспокойство. И неминуемо обратитесь к Макклейну или его конкурентам.

— Можно дать мне не обычные воспоминания, а что-нибудь более яркое,— предложил Куайл.— То, что утолит мою жажду. Я мечтал стать агентом Интерплана — поэтому-то вы сперва и обратили на меня внимание. Надо найти замену — равную замену. Например, что я был богатейшим человеком на Земле, но пожертвовал все деньги на культуру и обра-

зование. Или что я — знаменитый исследователь космоса. Что-нибудь в этом духе.

Молчание.

— Попробуйте,— отчаянно взмолился Куайл.— Привлеките ваших блестящих военных психологов, раскройте мое заветное чаянье... Женщины!— выпалил он.— Тысячи женщин, как у Дон Жуана. Эдакий межпланетный повеса — любовница в каждом городе Земли, Луны и Марса. Только я все это бросил — надоело... Ну, пожалуйста!

— И вы добровольно сдадитесь?— спросил голос внутри головы.— Если мы согласимся на такое решение? Если оно возможно?

— Да,— ответил он после короткого колебания. Я рискну, надеясь, что вы попросту меня не убьете.

— Что ж, мы рассмотрим ваше предложение. Но если не получится, если ваша истинная память снова начнет пробиваться...— Голос сделал паузу.— Вас придется ликвидировать. Ну, Куайл, все еще хотите попытаться?

— Да,— решил он. Потому что альтернативной была немедленная смерть. Так по крайней мере ему представлялся шанс.

— Явитесь в штаб-квартиру в Нью-Йорке, двенадцатый этаж. Мы сразу же примемся за работу и попробуем определить вашу подлинную и абсолютную мечту. Потом привезем вас в «Воспоминания, Инк.». И — удачи! Мы в долгу перед вами; вы были хорошим орудием.

В голосе не звучало никакой угрозы. Они — организация — скорее испытывали к нему симпатию.

— Спасибо,— сказал Куайл. И отправился искать такси.

* * *

— У вас самые интересные фантазии, мистер Куайл,— заявил пожилой психолог с суровым лицом.— Вероятно, сознательно вы не отдаете себе отчета в таком желании. Даже не мечтаете и не предполагаете о нем; так часто бывает. Надеюсь, вы не очень огорчитесь, когда узнаете правду.

— Лучше ему не огорчаться,— отрывисто пролаял старший полицейский офицер.— Если не хочет получить пулю.

— В отличие от желания стать тайным агентом,— невозмутимо продолжал психолог,— которое, вообще говоря, является продуктом зрелости и содержит некое рациональное зерно, ваша детская фантазия столь нелепа, что вы ее не осознаете. Заключается она в следующем: вам девять лет, вы прогуливаетесь по какой-то сельской местности. Прямо перед вами приземляется неизвестной конструкции космический корабль из иной звездной системы. Корабль невидим для всех, кроме вас, мистер Куайл. Его пассажиры — маленькие беспомощные существа, наподобие полевой мышки. Однако они намереваются завоевать Землю; десятки тысяч подобных кораблей немедленно отправятся в путь, как только этот передовой отряд даст «добро».

— Надо полагать, я их останавливаю,— сказал Куайл, ощущая смесь увлеченности и презрения.— Сокрушаю их в одиночку. Вероятно, наступив ногой.

— Нет,— терпеливо возразил психолог.— Вы останавливаете вторжение, но не уничтожая, а выказывая сострадание и доброту, хотя путем телепатии — их способ общения — узнали, зачем они прилетели. Им никогда не встречались такие гуманные черты в разумных существах, и, чтобы показать, как высоко они это ценят, они заключают с вами договор.

— Пока я живу, Земля в безопасности!— догадался Куайл.

— Совершенно верно.— Психолог обратился к офицеру Интерплана.— Эта мечта полностью соответствует его личности, несмотря на деланную иронию.

— Таким образом, одним своим существованием я спасаю Землю от покорения,— проговорил Куайл, чувствуя растущую волну удовольствия.— Значит, я являюсь самым важным, самым значительным человеком на Земле! И пальцем не шевеля!

— Да, сэр,— подтвердил психолог.— Это краеугольный камень вашей психики. Детская мечта всей жизни, в которой без помощи наркотиков и глубокой терапии вы никогда бы себе не признались. Но она всегда была в вас; ушла в подсознание, но не исчезла.

Старший полицейский офицер повернулся к напряжённо слушавшему Макклейну.

— Вы можете имплантировать подобную лжепамять?

— Мы в состоянии реализовать любую фантазию,— ответил Макклейн.— По правде говоря, мне доводилось слышать истории куда почище этой. Через двадцать четыре часа он не будет хотеть спасти Землю; он будет искренне верить, что является спасителем человечества.

— В таком случае приступайте к работе,— велел офицер.— Мы предварительно уже стерли его память о поездке на Марс.

— О какой поездке на Марс?— спросил Куайл.

Ему никто не ответил.

Вскоре все спустились вниз. Куайл, Макклейн и старший офицер сели в машину и отправились в Чикаго, в «Воспоминания», Инк.».

— И постарайтесь на сей раз не допускать ошибок,— многозначительно посоветовал полицейский.

— Все пойдет как по маслу,— промямлил Макклейн, обильно потея.— Ничего общего с Марсом или Интерпланом... Надо же, голыми руками остановить вторжение с иной звездной системы.— Он покачал головой.— Чего только не выдумают дети... Причем милосердием, а не силой. Оригинально.— Он промокнул лоб полотняным платком.

Все промолчали.

— Это даже трогательно,— добавил Макклейн.

— Но самонадеянно,— непреклонно отрезал офицер.— Так как после его смерти вторжение все-таки состоится. Самая грандиозная мания, которую я встречал.— Он окинул Куайла неодобрительным взглядом.— Подумать только, что такой человек получал у нас зарплату.

Наконец они достигли Чикаго, прибыли в «Воспоминания, Инк.» и сдали Куайла на попечение Лоу и Килера. Потом Макклейн, полицейский офицер и секретарша Ширли вернулись в кабинет. Ждать.

— Приготовить для него пакет?— спросила Ширли.

— Да, конечно. Комбинация пакетов 81, 20 и 6.— Из большого шкафа Макклейн достал соответствующие пакеты и отнес их к столу.— Из пакета 81 — волшебная врачевательная палочка, подаренная клиенту — то есть в данном случае мистеру Куайлу — инопланетянами. Знак их признательности.

— Она работает? — живо поинтересовался офицер.

— Работала когда-то. Но он... гм... видите ли, давно израсходовал ее магическую силу, целя налево и направо.— Макклейн хохотнул и открыл пакет № 20.— Благодарность от Генерального секретаря ООН. За спасение Земли. И из пакета № 6...

— Записка,— подсказала Ширли. На непонятном языке...

— ...где пришельцы сообщают, кто они такие и откуда явились,— подхватил Макклейн.— Включая подробную звездную карту с изображением маршрута их полета. Разумеется, все на их языке, так что прочесть невозможно. Но он помнит, как они читали... Это надо отвезти в квартиру Куайла,— сказал он полицейскому офицеру.— Чтобы он их нашел. И подтвердил свои фантазии.

Загудел селектор.

— Мистер Макклейн, простите, что беспокою вас.— Это был голос Лоу. Макклейн замер, узнав его; замер и окаменел.— Тут что-то происходит. Пожалуй, лучше вам прийти. Как и в прошлый раз, Куайл хорошо отреагировал на наркидрин. Но...

Макклейн сорвался с места.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и регулярно дыша, смутно осознавая присутствие посторонних.

— Мы начали его расспрашивать,— произнес Лоу с побелевшим от ужаса лицом.— Нам необходимо было точно определить место для наложения лжепамяти. И вот...

— Они велели мне молчать,— пробормотал Куайл слабым голосом.— Я и помнить-то не должен был. Но как можно забыть такое?

Да, такое трудно сделать, подумал Макклейн. **Но тебе удавалось — до сих пор.**

— Мне подарили в благодарность документ, на их языке,— шептал Куайл.— Он спрятан у меня дома; я покажу вам.

— Советую не убивать его,— сказал Макклейн вошедшему офицеру.— Иначе они вернутся...

— И невидимую волшебную палочку-уничтожительницу,— продолжал бормотать Куайл.— Так я убил того человека на Марсе, выполняя задание Интерплана. Она лежит в ящике стола, вместе с коробкой пузырчатых червей.

Офицер молча повернулся и вышел из комнаты.

Все эти «вещественные доказательства» можно убрать на место, подумал Макклейн. **Включая благодарность от Генерального секретаря ООН. В конце концов...**

Скоро последует настоящая.

УИЛЬЯМ ТЭНН

СРОК АВАНСОМ [1]

Через двадцать минут после того, как тюремный космолет приземлился на нью-йоркском космодроме, на борт допустили репортеров. Они бурлящим потоком хлынули в главный коридор, напирая на вооруженных до зубов надзирателей, за которыми им полагалось следовать,— впереди мчались обозреватели и хроникеры, а замыкали лавину телеоператоры,

[1] Печатается по изд.: Карточный домик: Сборник научно-фантастических рассказов.— М.: Мир, 1969.

бормоча проклятья по адресу своей портативной, но все-таки тяжелой аппаратуры.

Репортеры, не замедляя бега, огибали космонавтов в черно-красной форме Галактической тюремной службы, которые быстро шагали навстречу, торопясь не упустить ни минуты из положенного им планетарного отпуска — ведь через пять дней космолет уйдет в очередной рейс с новым грузом каторжников.

Репортеры не удостаивали взглядом этих бесцветных субъектов, чье существование исчерпывается монотонными рейсами из конца в конец Галактики. К тому же жизнь и приключения гетеэсовцев описывались уже столько раз, что тема эта давно была выжата досуха. Нет, сенсационный материал ждал их впереди!

Глубоко в брюхе корабля надзиратели раздвинули створки огромной двери и отскочили в сторону, опасаясь, что их собьют с ног и растопчут. Репортеры буквально повисли на прутьях железной решетки, которая отгораживала огромную камеру. Их жадные взгляды метались по камере, наталкиваясь на холодное равнодушие и лишь редко на любопытство в глазах людей в серых комбинезонах — люди эти лежали и сидели на нарах, которые ряд за рядом, ярус над ярусом безотрадно тянулись по всей длине трюма. И каждый человек в сером сжимал в руке пакет, склеенный из простой оберточной бумаги, а некоторые нежно его поглаживали. Старший надзиратель, выковыривая из зубов остатки завтрака, неторопливо приблизился к решетке с внутренней стороны.

— Здорово, ребята,— сказал он.— Кого это вы высматриваете? Я вам не могу помочь?

Кто-то из наименее молодых и наиболее известных хроникеров предостерегающе поднял палец.

— Бросьте эти штучки, Андерсон! Космолет сел с опозданием на полчаса, и нас еще двадцать минут проманежили у трапа. Где они, черт подери?

Андерсон несколько секунд смотрел, как телеоператоры локтями отвоевывают место у самой решетки для себя и своей аппаратуры. Потом он извлек из зуба последний кусочек мяса.

— Стервятники!— бормотал он.— Охотники за мертвечиной! Упыри!

Затем, ловко перехватив дубинку, старший надзиратель стал выбивать частую дробь по прутьям решетки.

— Крэндол!— рявкнул он.— Хенк! Вперед и на середину!

Надзиратели, которые, поигрывая дубинками, мерным шагом расхаживали между многоярусными нарами, подхватили команду:

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Их крики метались по камере, отлетая рикошетом от гигантских сводов:

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Никлас Крэндол сел, поджав ноги, на своих нарах в пятом ярусе и сердито поморщился. Он было задремал и теперь протирал слипающиеся глаза. На тыльной стороне его кисти багровели три параллельных рубца — три прямые борозды, какие может оставить когтистая лапа хищного зверя. Над самыми бровями кожу рассекал темный зигзаг еще одного шрама. А в мочке левого уха чернела круглая дырочка. Кончив протирать глаза, он раздраженно почесал это ухо.

— Торжественная встреча!— проворчал он.— Можно было догадаться заранее! Все та же распроклятая Земля со всеми ее прелестями!

Крэндол перекатился на живот и похлопал по щеке щуплого человечка, который храпел на нарах прямо под ним.

— Отто!— позвал он.— Отто-Блотто, давай, шевелись! Нас требуют.

Хенк, еще не открыв глаза, сразу подскочил и сел, подобрав под себя ноги. Его правая рука потянулась к шее, покрытой сеткой зигзагообразных рубцов такого же цвета и величины, как шрам на лбу Крэндола. На руке не хватало двух пальцев — указательного и среднего.

— Хенк здесь, сэр!— хрипло сказал он, потряс головой и, открыв глаза, посмотрел на Крэндола.— А, это ты, Ник... Что случилось?

— Мы прибыли, Отто-Блотто. Мы на Земле, и наши свидетельства скоро будут готовы. Еще полчаса, и ты сможешь упиться коньяком, пивом, водкой и поганым виски на всю свою наличность. Тебе уже больше не придется пить тюремную самогонку из консервной банки под нижней койкой, Отто-Блотто.

Хенк крякнул и опрокинулся на спину.

— Через полчаса! Так чего же ты разбудил меня сейчас? Что я тебе — карманник, который сначала украл, потом отсидел и теперь визжит от нетерпения, ах, где его свидетельство? Ник, а мне приснился еще один способ, как покончить с Эльзой,— совсем новый и такой, что закачаешься...

— Лягаши разорались,— ответил Крэндол по-прежнему негромко и спокойно.— Слышишь? Им требуемся мы — ты и я.

Хенк снова сел, прислушался и кивнул.

— Почему такие голоса бывают только у галактических лягашей, а?

— Согласно инструкции,— заверил его Крэндол.— Чтобы стать галактическим лягашом, требуется максимальный рост, минимальное образование и максимально противный голос в сочетании со способностью оглушительно орать. А без этого, какой бы ты ни был мерзопакостной сволочью, придется тебе, брат, сидеть на Земле и отводить душу, штрафуя почтенных старушек на допотопных вертолетах за превышение скорости.

Надзиратель, остановившись под ними, сердито стукнул по металлической стойке.

— Крэндол! Хенк! Вы еще каторжники, не забывайте! Даю вам две секунды, или я влезу к вам и обработаю напоследок по старой памяти.

— Есть, сэр! Иду, сэр!— отозвались они хором и начали спускаться по нарам, не выпуская из рук пакетов с одеждой, которую они когда-то носили на свободе и вскоре должны были надеть снова.

— Слушай, Отто!— зачастил Крэндол беззвучным тюремным шепотом, наклоняясь к самому уху Хенка, пока они спускались.— Нас вызывают для интервью с телевизионщиками и газетчиками. Нам будут задавать сотни вопросов. Так, смотри, не проговорись про...

— Телевизионщики и газетчики? А почему нас? На что мы им сдались?

— Потому что мы знаменитости, олух! Мы отсидели за мокрое дело весь срок! А много таких, как, по-твоему? Заткнись и слушай. Если тебя спросят, кого ты наметил, молчи и улыбайся. На этот вопрос не отвечай. Понял? Не проговорись им, за чье убийство ты отбывал срок. Как бы они к тебе ни приставали, заставить тебя отвечать они не могут. Таков закон.

Хенк на мгновение замер в полутора ярусах над полом.

— Ник! Ведь Эльза знает! Я ей сказал в тот самый день — перед тем как пошел в полицию. Она знает, что сидеть за убийство я согласился бы только ради нее!

— Она знает, она знает! Ну конечно она знает!— Крэндол беззвучно и быстро выругался.— Но доказать-то она этого не может, тупица! А стоит

тебе объявить об этом при свидетелях, и она получает право приобрести оружие и застрелить тебя без предупреждения — в порядке самообороны. А если ты промолчишь, права на это у нее не будет. Ведь она все еще твоя бедная женушка, которую ты клялся у алтаря любить, почитать и лелеять. С точки зрения всего мира...

Надзиратель привстал на цыпочки и полоснул дубинкой по их спинам. Они свалились на пол и съежились, а он рычал:

— Я вам разрешил точить лясы? Разрешил? Если у нас останется время до того, как вам выдадут свидетельства, я сведу вас, умников, в надзирательскую для последней выволочки. А теперь — живо!

Они покорно побежали, точно цыплята от разъяренной собаки. У решетки, отгораживавшей камеру, надзиратель отдал честь и доложил:

— Допреступники Никлас Крэндол и Отто Хенк, сэр!

Старший надзиратель Андерсон в ответ небрежно поднял руку к козырьку и повернулся к заключенным.

— Эти господа хотят задать вам пару вопросов. Отвечайте — это вам не повредит. Можете идти, О'Брайен.

Голос старшего надзирателя был исполнен величайшего благодушия. На его лице широким полумесяцем играла улыбка. Надзиратель О'Брайен снова отдал честь и отошел, а Крэндол перебрал в памяти все, что он успел узнать об Андерсоне за месяц перелета от Проксимы Центавра. Андерсон задумчиво покачивает головой, когда этого беднягу Минелли... его ведь звали Стив Минелли?.. прогнали сквозь строй вооруженных дубинками надзирателей за то, что он пошел в уборную без разрешения. Андерсон хихикает и бьет ногой в пах седого каторжника, заговорившего с соседом во время обеда... Андерсон.,.

И все-таки в храбрости ему отказать нельзя — ведь он знал, что на его корабле находятся два допреступника, отбывшие срок за убийство. Впрочем, он, наверное, знал и то, что они не станут тратить свои убийства на него, как бы он ни зверствовал. Человек не отправляется добровольно на долгие годы в ад только ради удовольствия пришить одного из местных дьяволов.

— А мы обязаны отвечать на эти вопросы, сэр? — осторожно спросил Крэндол.

Улыбка старшего надзирателя стала чуть-чуть поуже.

— Я же сказал, что это вам не повредит, верно? А что-нибудь другое может и повредить. Так-то, Крэндол, все еще может. Мне бы хотелось оказать услугу представителям прессы, и вы уж, пожалуйста, будьте полюбезнее и поразговорчивее, ладно? — он слегка повел подбородком в сторону надзирательской и перехватил дубинку.

— Есть, сэр, — ответил Крэндол, а Хенк энергично кивнул. — Мы будем любезны и разговорчивы.

«Черт! — мысленно выругался Крэндол. — Если бы только это убийство не было мне так нужно для другого! Помни про Стефансона, приятель, только про Стефансона! Не Андерсон, не О'Брайен и никто другой. Только Фредерик Стоддард Стефансон!»

Пока телеоператоры по ту сторону решетки устанавливади камеры, Крэндол и Хенк отвечали на обычные предварительные вопросы репортеров.

— Ну, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу же, как получите ваши свидетельства?

— Поесть как следует. (Крэндол.)

— Напиться до чертиков. (Хенк.)

— Смотрите, как бы вам опять не угодить за решетку, уже в качестве послепреступника! (Один из хроникеров.)

Общий добродушный смех, в который, кроме репортеров, вносят свою лепту старший надзиратель Андерсон и Крэндол с Хенком.

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. (Крэндол и Хенк в один голос, задумчиво косясь на дубинку Андерсона.)

— А вы не хотите сообщить нам, кого вы намерены убить? Или хотя бы один из вас?

(Молчание.)

— Кто-нибудь из вас передумал и решил не совершать убийства?

(Крэндол задумчиво смотрит в потолок, Хенк задумчиво смотрит в пол. Снова общий смех, в котором на этот раз слышится некоторая натянутость. Крэндол и Хенк не смеются.)

— Ну, мы готовы. Повернитесь сюда, пожалуйста,— вмешался диктор телевидения.— И улыбайтесь — нам нужна настоящая сияющая улыбка.

Крэндол и Хенк покорно расплылись до ушей, и диктор получил даже три требуемых улыбки — Андерсон не преминул примкнуть к сияющей паре.

Две камеры выпорхнули из рук операторов — одна повисла над заключенными, другая быстро задвигалась перед их лицами: операторы управляли ими с помощью маленьких пультов, умещавшихся на ладони. Над объективом одной из камер вспыхнула красная лампочка.

— Итак, уважаемые телезрители и телезрительницы,— бархатно зарокотал диктор,— мы с вами находимся на борту тюремного космолета «Жан Вальжан», который только что приземлился на нью-йоркском космодроме. Мы явились сюда, чтобы познакомиться с двумя людьми — с двумя из той редкой категории людей, которые, добровольно отбывая срок за убийство, сумели отбыть его полностью и по закону получили право совершить по одному убийству каждый. Через несколько минут они будут освобождены, полностью отбыв семь лет заключения на каторжных планетах,— будут освобождены с правом убить любого мужчину или женщину в пределах Солнечной системы, не опасаясь никакого возмездия. Всмотритесь в их лица, дорогие телезрители и телезрительницы,— ведь, быть может, они изберут именно вас!

После этого оптимистического замечания диктор сделал небольшую паузу, и объективы впились в лица двух мужчин в серых тюремных комбинезонах. Затем диктор вошел в поле зрения камер и обратился к тому из заключенных, который был ниже ростом:

— Ваше имя, сэр?

— Допреступник Отто Хенк, номер 525 514,— привычно отбарабанил Отт-Блотто, хотя слово «сэр» его немного сбило.

— Как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу же, как получите свидетельство?

Хенк помолчал в нерешительности, потом робко покосился на Крэндола и ответил:

— Поесть как следует.

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. Так хорошо, как можно было ожидать.

— Как мог бы ожидать преступник, э? Но ведь вы пока еще не преступник, верно? Вы же допреступник.

Хенк улыбнулся так, словно впервые услышал это определение.

— Верно, сэр, я допреступник.

— Не хотите ли вы сообщить телезрителям, кто то лицо, из-за которого вы готовы стать преступником?

Хенк укоризненно взглянул на диктора, который испустил сочный смешок — на этот раз в полном одиночестве.

— Или, быть может, вы оставили свое намерение относительно его или ее?

Наступила пауза, и диктор сказал несколько нервно:

— Вы отбыли семь лет на полных опасностей неосвоенных планетах, готовя их для заселения человеком. Это максимальный срок, предусмотренный законом, не так ли?

— Да, сэр. С зачетом, положенным допреступникам, отбывающим срок авансом, за убийство больше семи лет не дают.

— Бьюсь об заклад, вы рады, что в наши дни смертная казнь отменена, э? Впрочем, в этом случае отбытие наказания авансом утратило бы смысл, не так ли? А теперь, мистер Хенк — или я все еще должен называть вас «допреступник Хенк»?— может быть, вы расскажете нашим телезрителям, какое происшествие из случившихся с вами за время отбытия срока вы считаете самым жутким?

— Ну-у...— Отто Хенк задумался.— Хуже всего, пожалуй, было на Антаресе VIII, в моем втором лагере, когда большие осы начали откладывать яйца... Видите ли, на Антаресе VIII водится оса, которая в сто раз больше...

— Там вы и потеряли эти два пальца?

Хенк поднял искалеченную руку и внимательно ее оглядел.

— Нет. Указательный палец я потерял на Ригеле XII. Мы строили первый лагерь на этой планете, и я выкопал такой странный красный камень, весь в шишечках. Ну, я и ткнул в него пальцем — посмотреть, очень ли он твердый,— и кончика пальца как не бывало! Фьють — и нет его. А потом весь палец загноился, и врачи его оттяпали напрочь. Ну, да мне еще очень повезло. Кое-кто из ребят, из каторжников то есть, наткнулся на камушки побольше моего, так они потеряли кто ногу, кто руку, а один и вовсе был проглочен целиком. На самом деле ведь это были не камни, а живые твари — живые и голодные! Ригель XII так ими и кишит. Ну, а средний палец... средний палец я потерял по глупости на космолете, когда нас перевозили в...

Диктор понимающе кивнул, кашлянул и сказал:

— Но осы, гигантские осы на Антаресе VIII были хуже всего?

Отто Блотто не сразу сообразил, о чем идет речь, и растерянно замигал.

— А-а... Это точно. Они кладут яйца под кожу обезьян, которые водятся на Антаресе VIII, понимаете? Обезьяне, конечно, приходится туго, зато у осиных личинок есть пища, пока они не вырастут. Ну, мы там обосновались, и тут оказалось, что осы не видят никакой разницы между этими обезьянами и людьми. Все шло гладко, а потом вдруг то один хлопнется без чувств, то другой. Забрали их в больницу, сделали рентген, и оказалось, что они прямо нашпигованы...

— Благодарю вас, мистер Хенк, но наши телезрители уже не меньше трех раз видели осу Херкмира и слушали рассказ о ней во время «Межзвездного полета». Программа эта, как вы, без сомнения, помните, дорогие телезрители, передается по средам от девятнадцати до девятнадцати тридцати по среднеземному времени. А теперь, мистер Крэндол, разрешите спросить вас, сэр, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

Крэндол выступил вперед и подвергся примерно такому же допросу, как и его товарищ.

Впрочем, произошло одно значительное отступление от шаблона. Диктор спросил, думает ли он, что Земля за это время сильно изменилась. Крэндол приготовился пожать плечами, потом вдруг усмехнулся.

— Одну заметную перемену я вижу уже сейчас,— сказал он.— Вот эти парящие в воздухе камеры, которыми управляют с помощью маленьких коробочек. В тот день, когда я расстался с Землей, этого еще не существовало. Изобретатель, наверное, неглупый человек.

— А?— диктор оглянулся.— Вы говорите о дистанционном переключателе Стефансона? Его изобрел Фредерик Стоддард Стефансон лет пять назад. Верно, Дон?

— Шесть лет,— поправил телеоператор.— Пять лет назад переключатель поступил в продажу.

— Переключатель был изобретен шесть лет назад,— пояснил диктор.— А в продажу он поступил пять лет назад.

Крэндол кивнул.

— Ну, так этот Фредерик Стоддард Стефансон, должно быть, очень неглупый человек, очень-очень неглупый,— и он снова усмехнулся в объектив камеры.

— «Гляди на меня!— подумал он.— Я ведь знаю, что ты смотришь эту передачу, Фредди! Гляди на меня и трепещи!»

Диктор как будто немного опешил.

— Да...— сказал он.— Вот именно. А теперь, мистер Крэндол, не расскажете ли вы нам о самом жутком происшествии...

После того как телеоператоры собрали свое оборудование и удалились, репортеры обрушили на обоих допреступников последний шквал вопросов, надеясь выведать что-нибудь пикантное.

«Роль женщин в вашей жизни?». «Ваши любимые книги, ваше хобби, ваши развлечения?». «Встречались вам на каторжных планетах атеисты?». «Если бы вам пришлось повторить все сначала...»

Никлас Крэндол отвечал вежливо и скучно, а сам думал о Фредерике Стоддарде Стефансоне, который сидит сейчас перед своим роскошным телевизором с экраном во всю стену.

Или Стефансон уже выключил телевизор? Может быть, он сейчас сидит, уставившись на погасший экран, и старается разгадать замыслы человека, который выжил, хотя, согласно статистическим данным, у него был на это лишь один шанс из десяти тысяч, и вернулся на Землю, отбыв все семь невероятных лет в лагерях на четырех каторжных планетах...

А может быть, Стефансон, посасывая губы, вертит в руках свой бластер — бластер, которым ему не придется воспользоваться. Ведь если не будет неопровержимо доказано, что он убил, не превысив пределов необходимой обороны, ему придется отбыть за убийство полный срок без зачета в семь лет, положенного тем, кто добровольно отбывает наказание авансом. И он обречет себя на четырнадцать лет в кошмарном аду, из которого только что вернулся Крэндол.

Но может быть, Стефансон сидит, скорчившись в дорогом пневматическом кресле, и угрюмо смотрит на экран невыключенного телевизора — оледенев от ужаса и все-таки не в силах оторваться от увлекательной передачи, которую подготовила телевизионная компания в связи с возвращением двух (нет, вы только подумайте — двух!) допреступников, авансом отбывших срок за убийство.

Сейчас, наверное, передается интервью с каким-нибудь земным представителем Галактической тюремной службы, энергичным начальником отдела по связи с прессой, понаторевшим в социологических терминах.

«Скажите, мистер Имярек,— начнет диктор (другой диктор — более солидный и интеллигентный),— часто ли допреступники полностью отбывают срок за убийство и возвращаются на Землю?»

«Статистические данные,— эти слова сопровождаются шелестом бумаги и сосредоточенным взглядом вниз, за кадр,— статистические данные показывают, что человек, полностью отбывший срок за убийство с зачетом, положенным допреступникам, возвращается на Землю в среднем лишь раз в одиннадцать и семь десятых года».

«Таким образом, мистер Имярек, можно сказать, что возвращение двух таких людей в один и тот же день — событие довольно необычное?»

«Весьма необычное, иначе вы, телевизионщики, не подняли бы вокруг него такую шумиху». (Жирный смешок, которому вежливо вторит диктор.)

«А что происходит с теми, кто не возвращается, мистер Имярек?» (Изящный взмах широкой пухлой руки.)

«Они гибнут. Или отказываются от своего намерения. Семь лет на каторжных планетах — это не шутка. Работа там не для неженок — не говоря уж о местных живых организмах, как крупных, человекоядных, так и крохотных, вирусоподобных. Вот почему тюремные служащие получают такую высокую плату и такие длительные отпуска. В некотором смысле мы вовсе не отменяли смертной казни, а только заменили ее общественно-полезным подобием рулетки. Любой человек, совершивший или намеренный совершить одно из особо опасных преступлений, высылается на планету, где его труд принесет пользу всему человечеству и где у него нет стопроцентной гарантии, что он вернется на Землю — хотя бы даже калекой. Чем серьезнее преступление, тем длиннее срок и, следовательно, тем меньше шансов на возвращение».

«Ах, вот как! Но, мистер Имярек, вы сказали, что они либо гибнут, либо отказываются от своего намерения. Не будете ли вы так добры объяснить нашим телезрителям, в чем выражается этот их отказ и что тогда происходит?»

Мистер имярек откидывается в кресле и сплетает пухлые пальцы на округлом брюшке.

«Видите ли, всякий допреступник имеет право обратиться к начальнику лагеря с просьбой о немедленном освобождении, для чего достаточно заполнить соответствующий бланк. Этого человека немедленно снимают с работ и с первым же кораблем отправляют на Землю. Соль тут вот в чем: та часть срока, которую он уже отбыл, полностью аннулируется, и он не получает никакой компенсации. Если, выйдя на свободу, он совершает настоящее преступление, он должен отбыть положенный срок полностью. Если он вновь выражает желание отбыть срок авансом, то опять отбывает его с самого начала, хотя, разумеется, с положенным зачетом. Трое из каждых четырех допреступников подают просьбу об освобождении в первый же год. Эти планеты быстро приедаются».

«Да, я думаю!— соглашается диктор.— Но мы хотели бы узнать ваше мнение о зачете, положенном допреступникам. Ведь многие, как вам известно, считают, что такое сокращение срока вдвое слишком соблазнительно и порождает допреступников».

По холеному благообразному лицу пробегает еле уловимая гримаса злости, которая тотчас сменяется снисходительно-презрительной улыбкой.

«Боюсь, что эти люди, хотя и движимые самыми лучшими побуждениями, не слишком осведомлены в вопросах современной криминалистики и пенологии. Мы вовсе не стремимся уменьшить число допреступников, мы стремимся его увеличивать.

Вы помните, я сказал, что трое из четырех подают просьбу об освобождении в первый же год? Эти индивиды были достаточно благоразумны и попытались отбыть лишь половину срока, положенного за их преступление. Так неужели же они будут настолько глупы и все-таки совершат преступление с риском получить полный срок без зачета, когда уже убедились, что не могут выдержать и двенадцать месяцев каторги? Не говоря уж о том, что на этих планетах, где выживают лишь отдельные счастливчики, вытянувшие выигрышный билет в лотерее борьбы за существование, они на практике постигают ценность человеческой жизни, необходимость социального сотрудничества и преимущества цивилизованных методов.

А тот, кто не просит об освобождении? Ну, у него есть достаточно времени, чтобы желание совершить задуманное преступление совсем остыло, не говоря уж и о гораздо большей вероятности того, что он погибнет и останется ни с чем. Таким образом, число допреступников, которые возвращаются и совершают задуманное преступление, настолько мало, что общество оказывается в колоссальном выигрыше! Разрешите, я приведу несколько цифр.

Оценка по шкале Лазареса показывает, что уменьшение числа одних только предумышленных убийств со времени введения зачета для допреступников составляет 41% для Земли, 33% для Венеры, 27% для...»

«Плохим, очень плохим утешением послужат Стефансону эти 41% и 33 1/3%»,— с удовольствием подумал Никлас Крэндол. Сам он учитывался в другой графе этих статистических выкладок — человек, который по достаточно веской причине хочет убить некоего Фредерика Стоддарда Стефансона. Он был остатком на странице вычитаний и погашений — вопреки вероятности он вернулся после семи лет каторги, чтобы получить товар, оплаченный авансом.

Он и Хенк. Два воплощения до нелепости крохотного шанса. Жена Хенка, Эльза... может быть, и она сидит перед своим телевизором, точно птица, завороженная взглядом змеи, в тупом отчаянии надеясь, что объяснения представителя Галактической тюремной службы подскажут ей, как избежать неизбежного, как спастись от столь редкой судьбы, которая ей уготована.

Впрочем, об Эльзе пусть думает Отто-Блотто. Пусть радуется: он дорого заплатил за это право. Но Стефансон принадлежит ему, Крэндолу.

«Я хочу, чтобы этот долговязый бандит как следует попотел от страха, я буду выжидать своего часа, и пусть он трясется!»

Репортеры продолжали допрос, но тут громкоговоритель над их головами откашлялся и объявил:

«Заключенные, на выход! Первый десяток собирается и идет в канцелярию начальника корабля. Все правила внутреннего распорядка строго соблюдаются до самого конца. Вызываются: Артур, Ауглюк, Гарфинкель, Гомес, Грэхем, Крэндол, Феррара, Фу-Йен, Хенк...»

Через полчаса они уже шли по центральному коридору к трапу в своей старой гражданской одежде. У выхода они предъявили свидетельства часовому, механически-угодливо улыбнулись Андерсону, когда он крикнул в иллюминатор: «Эй, ребята, возвращайтесь поскорее!», и сбежали по наклонным сходням на поверхность планеты, которую не видели семь долгих мучительных лет.

У выхода их опять поджидали репортеры и фотографы, а также один телеоператор, которому было поручено показать их миру в первые минуты свободы.

Вопросы, вопросы — но теперь они могли позволить себе резкие ответы, хотя им было еще трудно отвечать грубо кому бы то ни было, кроме товарищей по заключению.

К счастью, внимание репортеров отвлек третий допреступник, который шел с ними. Фу-Йен отбыл два года с зачетом за избиение с нанесением увечий. А к тому же он лишился обеих рук и одной ноги в едких мхах. Проциона III всего за месяц до освобождения и теперь медленно ковылял по сходням на здоровой ноге и протезе — держаться за перила ему было нечем.

Когда репортеры с неподдельным интересом принялись расспрашивать его, каким образом он намерен осуществить избиение, не говоря уж о нанесении увечий, при столь ограниченных возможностях, Крэндол толкнул Хенка локтем, они быстро сели в ближайшее гиротакси и попросили водителя отвезти их в какой-нибудь бар — поскромнее и потише.

Полная свобода выбора совершенно ошеломила Отто-Блотто.

— Ник, я не могу!— прошептал он.— Слишком уж тут много всякой выпивки!

Крэндол вывел его из затруднения, заказав для них обоих.

— Два двойных виски,— сказал он официантке.— И больше ничего.

Когда виски было принесено, Отто-Блотто уставился на рюмку с грустной недоуменной нежностью — так смотрит отец на сына подростка, которого в последний раз видел еще грудным младенцем. Он осторожно протянул к ней трясущуюся руку.

— За смерть наших врагов!— сказал Крэндол и, залпом выпив свое виски, стал смотреть, как Отто-Блотто медленно прихлебывает, смакуя каждую каплю.

— Не увлекайся!— сказал он предостерегающе.— Не то Эльза и не заметит твоего возвращения — разве что будет возить цветы по приемным дням в клинику для алкоголиков.

— Можешь не опасаться,— проворчал Отто-Блотто в пустую рюмку.— Я вскормлен на этом зелье. Да и в любом случае больше я не пью, пока с ней не разделаюсь. Я так все и задумал, Ник: одна рюмка, чтобы отпраздновать свободу, потом Эльза. Я выдержал эти семь лет не для того, чтобы теперь по собственной промашке остаться в дураках.

Хенк поставил рюмку на стол.

— Семь лет то в одном кромешном аду, то в другом. А до этого — двенадцать лет с Эльзой. Двенадцать лет она измывалась надо мной как хотела, смеялась мне в глаза и говорила, что по закону она моя жена, что я обязан ее содержать и буду ее содержать, а не то мне же будет хуже. А чуть только я переставал ползать перед ней на брюхе, она тут же находила способ упечь меня за решетку. Потом через месяц-другой говорила судье, что я, наверное, образумился и она готова меня простить! Я на коленях просил ее дать мне развод, в ногах у нее валялся — детей у нас нет, она здоровая, молодая, а она только смеялась мне в лицо. Когда ей надо было засадить меня, так перед судьей она плакала и рыдала, но когда мы оставались с ней вдвоем, она только хохотала, глядя, как меня корчит. Я содержал ее, Ник. Отдавал ей все, что зарабатывал, почти до последнего цента, но этого ей было мало. Ей нравилось смотреть, как я корчусь, она сама мне так и сказала. Ну, а сейчас пришел ее черед корчиться.— И крякнув, он добавил:— Женятся только дураки.

Крэндол поглядел в открытое окно, рядом с которым он сидел. Там на множестве уходящих все ниже и ниже уровней бурлила обычная жизнь Нью-Йорка.

— Может быть,— произнес он задумчиво.— Не берусь судить. Мой брак был очень счастливым, пока он длился — все пять лет. А потом вдруг счастье исчезло — словно масло прогоркло.

— Во всяком случае, она дала развод,— заметил Хенк.— А не вцепилась тебе в глотку.

— О, Полли была не из тех женщин, которые вцепляются кому-нибудь в глотку. Я звал ее Прелесть Полли, а она меня — Большой Ник. А потом звездный блеск потускнел, да и я тоже, наверное. Тогда я еще лез из кожи вон, пытаясь добиться, чтобы наша с Ирвом фирма приносила прибыль. Оптовая торговля электронным оборудованием. Ну, и, конечно, нетрудно было понять, что миллионера из меня не выйдет. Возможно, дело было именно в этом. Но так или иначе Полли решила уйти, и я не стал ей мешать. Мы расстались друзьями. Я часто думаю, что она теперь...

Раздался хлопок, похожий на всплеск — словно тюлень ударил ластом по воде. Крэндол взглянул на стол, где между рюмками теперь лежал чуть приплюснутый шар. В тот же миг рука Хенка подхватила шар и швырнула его в окно. В воздух взвились длинные зеленые нити, но шар уже падал вдоль стены гигантского здания и рядом не было живой плоти, в которую они могли бы впиться.

Уголком глаза Крэндол успел заметить, что какой-то человек стремглав выбежал из бара. Несомненно, это он бросил шар: остальные посетители испуганно смотрели ему вслед и оглядывались на их столик. Стефансон, очевидно, решил, что за Крэндолом стоит установить слежку и обезвредить его.

Отто-Блотто не стал хвалиться быстротой своей реакции. Они оба уже давно научились действовать мгновенно — чужие смерти преподали им немало полезных уроков. И Хенк сказал только:

— Одуванчик-бомба с Венеры. Ну, во всяком случае, Ник, этот типчик не хочет тебя убить. Просто искалечить.

— Да, это в духе Стефансона,— согласился Крэндол, когда, заплатив по счету, они направились к выходу, а лица вокруг только еще начали бледнеть.— Сам он этого не сделал бы. Нанял бы исполнителя. И нанял бы его через посредника, на случай, если исполнитель попадет в руки полиции и расколется. Но и это был бы риск: обвинение в уже совершенном убийстве его никак не устроило бы. Вот он и прикинул: небольшая доза одуванчика-бомбы — и я для него уже не опасен. Возможно, он даже навещал бы меня в приюте для неизлечимо больных. Ведь присылал же он мне на каждое рождество открытки все эти семь лет. И всегда одно и то же: «Еще злишься? Привет! Фредди».

— Этот твой Стефансон парень ничего себе!— сказал Отто-Блотто, внимательно огляделся по сторонам и только тогда вышел из бара на тротуар пятнадцатого уровня.

— Очень даже. Он держит мир в кулаке и время от времени сжимает кулак покрепче — так просто, для забавы. Я познакомился с его методами, еще когда мы делили комнату в студенческом общежитии, но думаешь, это мне хоть чуточку помогло? Я случайно встретился с ним, когда наша с Ирвом фирма была уже при последнем издыхании, года через два после того, как мы с Полли разошлись. Мне было очень скверно и хотелось излить кому-нибудь душу — вот я и рассказал ему, что мой компаньон дрожит над каждым грошом, а я строю воздушные замки, и вдвоем мы доведем до верного банкротства фирму, которая могла бы стать золотым

дном. А потом я добрался и до моего дистанционного переключателя — как мне, дескать, хотелось бы заняться им всерьез, да все нет времени.

Отто-Блотто то и дело тревожно оглядывался — не потому, что он опасался нового нападения, а потому, что его как-то смущала возможность ходить свободно. Встречные останавливались, глядя на их старомодные туники до колен.

— Вот так-то! — продолжал Крэндол. — Конечно, я свалял дурака, но поверь, Отто, ты и представления не имеешь, как ловко и убедительно субъекты вроде Фредди Стефансона умеют разыгрывать дружеское участие. Он сказал мне, что у него есть загородный дом, но он в нем сейчас не живет, а в подвале оборудовал электронную лабораторию с новейшей аппаратурой. И если я захочу, то со следующей недели он отдаст и дом, и лабораторию в мое полное распоряжение. Вот только о своем пропитании я должен буду заботиться сам. Никакой платы ему не нужно: делает он это по старой дружбе и потому, что хочет, чтобы я не разменивался на мелочи, а создал что-то по-настоящему большое. Ну, как я мог не попасться на такую удочку?! И только через два года я сообразил, что лабораторное оборудование он установил в этом подвале уже после нашего разговора — когда я предложил Ирву за две сотни выкупить мою долю в нашей фирме. Зачем, собственно, могла понадобиться электронная лаборатория Стефансону, владельцу маклерской конторы? Но подобные вещи как-то не приходят в голову, когда старый товарищ проявляет к тебе такое теплое дружеское участие.

Отто вздохнул и продолжил:

— Ну, и он навещал тебя чуть ли не каждую неделю, а когда твоя новая штучка заработала как миленькая, он захлопнул дверь перед твоим носом, а все твои чертежи и готовую штучку увез неизвестно куда. А тебе сказал, что запатентует ее прежде, чем ты успеешь восстановить хотя бы один чертеж. Да и вообще работал-то ты в его доме. И он сумеет доказать, что он тебя субсидировал. И тут он расхохотался тебе в лицо, прямо как Эльза. Верно, Ник?

Крэндол закусил губу, вдруг осознав, что Отто Хенк знает его историю наизусть. Сколько раз они делились планами мести и рассказывали друг другу, что привело их на каторгу! Сколько раз каждый повторял все ту же горькую повесть, а товарищ говорил те же слова сочувствия, задавал те же вопросы, одинаково соглашался и даже одинаково возражал!

Внезапно Крэндолу захотелось избавиться от Отто-Блотто и насладиться блаженством одиночества. Двумя уровнями ниже он увидел сверкающую крышу отеля.

— Пожалуй, я пойду туда. Пора подумать и о ночлеге.

Отто кивнул, догадываясь, чем вызвано это внезапное решение.

— Валяй! Я тебя понимаю! Но не жирно ли это будет, Ник? «Козерог-Ритц»! Не меньше двенадцати кредитов в день.

— Ну и что? Неделю я могу и пороскошествовать. А когда сяду на мель, мне с моей биографией нетрудно будет найти выгодную работу. Сегодня я хочу пошиковать, Отто-Блотто.

— Ну, ладно, ладно. Адрес мой у тебя есть, Ник? Я буду у моего двоюродного брата.

— Да, есть. Ну, желаю удачи с Эльзой, Отто!

— Спасибо. Удачи с Фредди! Ну, и... пока!

Отто-Блотто резко повернулся и вошел в лифт. Когда двери за ним закрылись, Крэндолу вдруг стало грустно. Хенк был теперь для него ближе родного брата. Ведь они с Хенком не расставались последние годы ни

днем, ни ночью. А Дэна он не видел... сколько же это?.. да, почти девять лет.

И Крэндол вдруг почувствовал, как мало, в сущности, осталось у него связей с миром людей, если не считать негативного желания убрать из этого мира Фредди Стефансона. Сейчас ему, пожалуй, была бы нужна женщина — и сойдет почти любая.

Нет, ему гораздо нужнее нечто совсем другое — и времени терять нельзя.

Он быстро зашагал к ближайшей аптеке — очень большой и очень роскошной. В самом центре витрины он сразу увидел то, что ему было нужно.

Подойдя к прилавку, Крэндол спросил продавца:

— Что-то очень уж дешево — может быть, бракованная партия?

Продавец ответил с видом оскорбленного достоинства:

— Прежде, чем мы пускаем товар в продажу, сэр, он подвергается тщательнейшей проверке. А цена такая низкая потому, что мы — самая крупная оптовая фирма во всей Солнечной системе.

— Ну, ладно, дайте мне один среднего калибра. И две коробки патронов.

С бластером в кармане Крэндол почувствовал себя немного спокойнее. Он был вполне уверен, что в нужный момент успеет отпрянуть, увернуться, отпрыгнуть — эту уверенность воспитали долгие годы, когда ему приходилось каждую минуту опасаться нападения хищных тварей с молниеносными реакциями. Однако всегда приятно иметь возможность ответить ударом на удар. Да и Стефансон, конечно, не станет долго тянуть со следующей попыткой.

В отеле Крэндол назвался вымышленной фамилией — эта хитрость пришла ему в голову в самый последний момент. «И могла бы вовсе не приходить»,— подумал он, когда лифтер, получив чаевые, сказал:

— Спасибо, мистер Крэндол. Желаю вам благополучно прикончить вашу жертву, сэр.

Итак, он — знаменитость. Возможно, его лицо знает весь мир. Пожалуй, из-за этого будет труднее добраться до Стефансона.

Перед тем как пройти в ванную, Крэндол запросил у телесправочного бюро сведения о Стефансоне. Семь лет назад Стефансон уже был достаточно богат и известен в деловых кругах. А теперь благодаря стефансоновскому переключателю (стефансоновскому, черт побери!) он, вероятно, стал еще богаче и гораздо известнее.

Так и оказалось. Телевизор сообщил, что за последний календарный месяц в бюро поступило шестнадцать записей, касающихся Фредерика Стоддарда Стефансона. Крэндол подумал и попросил, чтобы ему проиграли последнюю. Она была датирована этим днем: «Фредерик Стефансон, президент Стефансоновского сберегательного банка и Стефансоновской электронной корпорации, отбыл сегодня рано утром в свой гималайский охотничий домик. Он намерен пробыть там не менее...»

— Достаточно!— крикнул Крэндол из ванны.

Значит, Стефансон струсил. Долговязый бандит ополоумел от страха! Это уже что-то. Неплохой процент с семи лет каторги. Пусть попотеет хорошенько — так, чтобы смерть, когда они наконец полностью сведут счеты, показалась ему облегчением.

Крэндол заказал последние известия и имел удовольствие выслушать последнюю сводку новостей о себе самом — о том, что он поселился в отеле «Козерог-Ритц» под именем Александра Смейзерса. «Но оба эти имени — и Крэндол, и Смейзерс — неверны, уважаемые слушатели,— ораторство-

вала равнодушная запись.— У этого человека есть только одно истинное имя, и это имя — Смерть! Да, сегодня в отеле «Козерог-Ритц» поселился Жнец жизней, и только он один знает, кому из нас не суждено увидеть новый восход солнца. Этот человек, этот Жнец человеческих жизней, этот посланец Смерти — единственный среди нас, кому известно...»

— Заткнись!— в бешенстве завопил Крэндол. За эти семь лет он совсем забыл, какие муки вынужден безропотно сносить свободный человек.

На телевизионном экране вспыхнул сигнал частного телевизионного вызова. Крэндол поспешно вытерся, оделся и спросил:

— Кто это?

— Миссис Никлас Крэндол,— ответил голос телевизионистки.

Крэндол потрясенно уставился на экран. Полли! Откуда она вдруг взялась? И как она узнала, где его найти? Впрочем, ответить на последний вопрос нетрудно — он же знаменитость!

— Соедините,— сказал он наконец.

Экран заполнило лицо Полли. Крэндол внимательно рассматривал его, слегка улыбаясь. Она немного постарела, но, пожалуй, заметить морщинки можно только при таком увеличении...

И Полли как будто тоже сообразила это: во всяком случае, она повернула рукоятку настройки и ее лицо уменьшилось до нормальных размеров — теперь была видна вся ее фигура и окружающая обстановка. Полли, по-видимому, звонила ему из дома. Комната выглядела, как все гостиные меблированных квартир для небогатых людей, зато сама Полли выглядела прекрасно и смотреть на нее было очень приятно. У Крэндола потеплело на сердце от воспоминаний...

— Полли! Здравствуй! Что случилось? Вот уж не ожидал увидеть тебя!

— Здравствуй, Ник,— она прижала руку ко рту и несколько секунд молча смотрела на него, а потом сказала:

— Ник... Ну пожалуйста! Пожалуйста, не мучь меня!

Крэндол сел на первый попавшийся стул.

— Что?

Полли заплакала.

— Ах, Ник! Не надо! Не будь таким жестоким. Я знаю, почему ты отбыл этот срок, эти семь лет. Едва я сегодня услышала твою фамилию, как сразу все поняла. Но, Ник, ведь, кроме него, никого не было. Только он, он один!

— Один он... что он?

— Я была тебе неверна только с ним. И я думала, что он любит меня, Ник. Я не стала бы разводиться с тобой, если бы представляла, какой он на самом деле. Но ведь ты это знаешь, Ник! Знаешь, как он заставил меня страдать. Я уже достаточно наказана, Ник, не убивай меня, пожалуйста, не убивай!

— Полли, послушай,— сказал он ошеломленно.— Полли, деточка, ради бога...

— Ник!— истерически всхлипнула она.— Ник, ведь с тех пор прошло одиннадцать лет. Во всяком случае, десять. Не убивай меня за это, Ник, пожалуйста, не убивай. Ник, честное слово, я была неверна тебе только год. Ну, от силы два. Честное слово, Ник. И ведь только с ним одним. Остальные не в счет. Это были так... мимолетные увлечения. Они ничего не меняли, Ник. Только не убивай меня! Не убивай!— и, закрыв лицо руками, она затряслась в неудержимых рыданиях.

Крэндол несколько секунд смотрел на нее, потом облизнул пересохшие губы. Потом присвистнул и выключил телевизор. Потом откинулся на

спинку стула и снова присвистнул — но на этот раз сквозь стиснутые зубы, так что получился не свист, а шипение.

Полли! Полли ему изменяла! Год... нет, два года! И... как это она выразилась?— остальные! Остальные были лишь мимолетными увлечениями!

Единственная женщина, которую он любил и, кажется, никогда не переставал любить, женщина, с которой он расстался с бесконечным сожалением, виня во всем только себя, когда она сказала ему, что дела фирмы отняли его у нее, но так как было бы нечестно просить его отказаться от того, что, очевидно, столь для него важно...

Прелесть Полли! Полли-деточка! Пока они были вместе, он ни разу даже не посмотрел на другую женщину. А если бы кто-нибудь посмел сказать... или даже намекнуть... он раскроил бы наглецу физиономию гаечным ключом! Он развелся с ней только потому, что она его об этом попросила, но продолжал надеяться, что, когда фирма окрепнет и основная часть работы ляжет на плечи Ирва, заведовавшего бухгалтерией, они с Полли вновь найдут друг друга. Но дела пошли еще хуже, жена Ирва серьезно заболела, Ирв стал еще реже показываться в конторе и...

— У меня такое ощущение,— пробормотал он вслух,— будто я сейчас узнал, что добрых волшебников не бывает. Чтобы Полли... И все эти светлые годы... Один человек! А остальные — только мимолетные увлечения!

Снова вспыхнул телефонный сигнал.

— Кто это?— раздраженно буркнул Крэндол.

— Мистер Эдвард Болласк.

— Что ему нужно? (Чтобы Полли, Прелесть Полли...)

На экране появилось изображение чрезвычайно толстого человека. Он настороженно осмотрел номер.

— Я должен спросить вас, мистер Крэндол, уверены ли вы, что ваш телевизор не подключен к линии подслушивания?

— Какого черта вам нужно?

Крэндол почти жалел, что толстяк не явился к нему лично. С каким бы удовольствием он сейчас кого-нибудь хорошенько отделал!

Мистер Эдвард Болласк укоризненно покачал головой, и его щеки заколыхались где-то под подбородком.

— Ну что же, сэр, если вы не можете дать мне такой гарантии, я буду вынужден рискнуть. Я обращаюсь к вам, мистер Крэндол, с призывом простить вашим врагам, подставить под оскорбившую длань другую щеку. Я взываю к вам: откройте душу вере, надежде и милосердию — и главное, милосердию, которое превыше всех остальных добродетелей. Другими словами, сэр, забудьте о ненависти к тому или к той, кого вы намеревались убить, поймите душевную слабость, толкнувшую их сделать то, что они сделали, и простите им.

— Почему я должен им прощать?— в бешенстве спросил Крэндол.

— Потому что так вы изберете благую участь, сэр: я имею в виду не только нравственные блага, хотя не должно забывать и о духовных ценностях, но и материальные блага. Материальные, мистер Крэндол.

— Будьте так любезны, объясните мне, о чем вы, собственно, говорите.

Толстяк наклонился вперед и вкрадчиво улыбнулся.

— Если вы простите того, кто заставил вас принять семь долгих лет страданий, семь лет лишений и мук, мистер Крэндол, я готов предложить вам чрезвычайно выгодную сделку. У вас есть право на одно убийство. Мне требуется одно убийство. Я очень богат. Вы же, насколько я могу судить, сэр,— не поймите это превратно — очень бедны. Я могу обеспечить вас до конца ваших дней — и не просто обеспечить, мистер Крэндол,— если только вы откажетесь от своего замысла, от своего недостойного замысла,

поборете злобу, отринете личную месть. Видите ли, у меня есть конкурент, который...

Крэндол выключил телевизор.

— Сам отсиди свои семь лет,— ядовито посоветовал он померкнувшему экрану. И вдруг ему стало смешно. Он откинулся на спинку стула и захохотал.

У, жирная скотина! Вздумал пичкать его евангельскими текстами!

Однако этот звонок принес свою пользу. Теперь он увидел смешную сторону из разговора с Полли. Только подумать: она сидит в своей убогой комнатке и трясется из-за грязных интрижек десятилетней давности! Только подумать: она вообразила, что он прошел через семилетний ад из-за такой...

Крэндол представил себе все это и пожал плечами:

— И пусть. Ей это только полезно.

Тут он почувствовал, что очень голоден.

Он хотел было распорядиться, чтобы обед принесли ему в номер, опасаясь еще одной встречи со стефансоновским метателем шаров, но потом передумал. Если Стефансон всерьез охотится за ним, то нет ничего легче, чем подсыпать чего-нибудь в предназначенный ему обед. Куда безопаснее поесть в ресторане, выбранном наугад.

Кроме того, будет приятно посидеть в ярко освещенном зале, послушать музыку, развлечься немного. Ведь это его первый вечер на свободе — и надо как-то избавиться от скверного привкуса во рту, который остался от разговора с Полли.

Прежде чем выйти за дверь, он внимательно осмотрел коридор. Ничего подозрительного. Но ему вспомнилась крохотная планетка вблизи Веги, где они вот так же оглядывались по сторонам каждый раз, когда выбирались из туннелей, образованных параллельными рядами высоких хвощей. А если не оглядеться... неосторожных иногда подстерегал огромный пиявкообразный моллюск, который умел метать куски своей раковины с большой силой и на порядочное расстояние. Обломок только оглушал жертву, но за это время пиявка успевала подобраться к ней. А эта пиявка была способна высосать человека досуха за десять минут.

Один раз такой осколок попал в него, но пока он валялся без сознания, Хенк... Старина Отто-Блотто! Крэндол улыбнулся. Неужели настанет день, когда они будут вспоминать пережитые ужасы с ностальгической грустью? Так старым солдатам бывает приятно за кружкой пива вспомнить даже самые тыжелые испытания войны. Ну, что ж — во всяком случае, они пережили эти ужасы не ради жирных святош вроде мистера Эдварда Болласка, мечтающих безнаказанно убивать чужими руками.

И если уж на то пошло, не ради подленьких трусливых потаскушек вроде Полли.

«Фредерик Стоддард Стефансон. Фредерик Стоддард...»

Кто-то положил руку ему на плечо, и, очнувшись, он увидел, что уже прошел половину вестибюля.

— Ник!

Крэндол обернулся. Подстриженная бородка клинышком — у него не было знакомых с такими бородками, но глаза были ему мучительно знакомы...

— Ник,— сказал человек с бородой,— я не смог.

Эти глаза... ну конечно те, это его младший брат!

— Дэн!— крикнул он.

— Да, это я. Вот!

Что-то со стуком упало на пол. Крэндол посмотрел вниз и увидел на ковре бластер — большего калибра и значительно более дорогой, чем его собственный. «Почему Дэн ходит со шпалером? Кто за ним охотится?»

Эта мысль принесла с собой смутную догадку. И страх — страх перед тем, что может сказать брат, которого он не видел столько лет.

— Я мог бы убить тебя, как только ты вошёл в вестибюль,— говорил Дэн.— Я все время держал тебя под прицелом. Но я хочу, чтобы ты знал, что я не нажал на спусковую кнопку не из-за срока, который дают за совершенное убийство.

— Да?— сказал Крэндол на медленном выдохе протяжением во все вновь пережитое прошлое.

— Я просто не мог вынести мысли, что буду еще больше виноват перед тобой. Со времени этой истории с Полли я постоянно...

— С Полли? Да, конечно, с Полли,— казалось, к его подбородку подвесили гирю, она оттягивала его голову вниз, мешала закрыть рот.— С Полли. Этой истории с Полли.

Дэн дважды ударил кулаком по ладони.

— Я знаю, что рано или поздно ты придешь рассчитаться со мной. Я чуть с ума не сошел от ожидания — и от угрызений совести. Но я не думал, что ты выберешь такой путь, Ник. Семь лет ожидания!

— Поэтому ты и не писал мне, Дэн?

— А что я мог написать? И сейчас — что я могу сказать? Мне казалось, что я люблю ее, но все кончилось, как только вы развелись. Наверное, меня всегда тянуло к тому, что было твоим, Ник, потому что ты мой старший брат. Другого оправдания у меня нет, и я прекрасно понимаю, чего оно стоит. Ведь я знаю, как было у вас с Полли, и я разрушил все это просто из желания сделать гадость. Но вот что, Ник: я не убью тебя, и я не буду защищаться. Я слишком устал. И слишком виноват. Ты знаешь, где меня найти, Ник. Приходи когда захочешь.

Дэн повернулся и быстро зашагал к выходу. Металлические блестки на его икрах — последний крик моды — сверкали и переливались. Он не оглянулся, даже когда проходил за прозрачной стеной вестибюля.

Крэндол долго смотрел ему вслед, затем тоскливо пробормотал «Гм!», нагнулся, поднял второй бластер и отправился искать ресторан.

Он сидел, рассеянно ковыряя пряные деликатесы с Венеры, которые оказались далеко не такими вкусными, как представлялось ему в воспоминаниях, и думал о Полли и Дэне. Всякие мелочи теперь, когда они встали на свое место, всплывали в его памяти одна за другой. А он-то и не подозревал... Но кто мог заподозрить Полли? Кто мог заподозрить Дэна?

Крэндол достал из кармана свое свидетельство об освобождении и начал внимательно его изучать: «Полностью отбыв максимальный семилетний срок тюремного заключения с предварительным зачетом, Никлас Крэндол освобождается со всеми правами допреступника...»

...чтобы убить свою бывшую жену Полли Крэндол?

...чтобы убить своего младшего брата Дэниела Крэндола?

Какая нелепость!

Но им-то это не показалось нелепостью! Оба они были так блаженно уверены в своей вине, так самодовольно считали себя и только себя единственным объектом ненависти, столь свирепой, что жажда мести не отступила даже перед самым страшным из всего, чем располагает Галактика,— оба они были так в этом уверены, что их проверенная на деле хитрость изменила им и они неправильно истолковали радость в его глазах! И Полли, и Дэн легко могли бы оборвать уже начатую исповедь — и он ни о чем не догадался бы! Если бы только они не были так заняты собой и вовремя за-

метили его удивление, они могли бы и дальше обманывать его. Если не обоим, то уж кому-нибудь одному-то из них это наверняка удалось бы!

Уголком глаза Крэндол заметил, что возле его столика стоит женщина. Слегка наклонившись, она читала свидетельство через его плечо. Он откинулся и оглядел ее с головы до ног, а она улыбнулась ему.

Незнакомка была сказочно красива. Она обладала не только тем, что делает женщину красивой — идеальной фигурой, лицом, осанкой, волосами, кожей и глазами,— но ко всему этому добавлялись и те завершающие штрихи, которые, как и в любом виде искусства, отличают шедевр от просто прекрасного произведения. Одним из этих штрихов было, конечно, богатство, которое воплощалось в прическе и платье, достойно́ обрамлявших подобную красоту, и в единственном пеаэа, бесценном камне с Сатурна, черным пламенем горевшем на ее груди. Но к этим же штрихам можно было отнести и светившийся в ее глазах ум, и породистость, пикантно дополнявшие это великолепное творение, созданное из живой плоти.

— Вы позволите мне сесть рядом с вами, мистер Крэндол?— спросила она голосом, о котором достаточно будет сказать, что он вполне гармонировал с ее обликом.

Эта просьба позабавила Крэндола, но и преисполнила его бодрящим волнением. Он подвинулся, и незнакомка села рядом с ним на диванчике, точно императрица, опускающаяся на трон под взглядами сотни царей-данников.

Крэндол примерно догадывался, кто она такая и чего ищет. Это могла быть либо одна из юных львиц высшего света, либо кинозвезда, совсем недавно вспыхнувшая и еще сохраняющая статус Новой.

А он, только что освобожденный каторжник, владеющий правом жизни и смерти, был редкостной новинкой, которую ей во что бы то ни стало захотелось испробовать.

Конечно, такой интерес к нему был не слишком лестен, но, с другой стороны, при обычных обстоятельствах простому смертному нечего и мечтать о встрече с подобной женщиной, так почему бы ему и не извлечь пользы из своего положения? Он удовлетворит ее каприз, а она в первый его вечер на свободе...

— Это ваше свидетельство об освобождении, не так ли?— спросила она и перечитала документ еще раз. Кожа на ее верхней губе слегка увлажнилась, и Крэндол удивился, заметив подобный признак усталой пресыщенности у этого живого воплощения победоно́сной юности и красоты.

— Скажите, мистер Крэндол,— заговорила наконец незнакомка и повернулась к нему. Капельки пота на ее ве́рхней губе заблестели еще ярче.— Скажите, вы же отбыли срок за убийство как допреступник? Но ведь правда, что наказание за убийство и наказание за самое зверское изнасилование одинаковы?

После долгого молчания Крэндол потребовал у официанта счет и вышел из ресторана.

Когда он подошел к своему отелю, он уже успокоился настолько, что не забыл внимательно оглядеть вестибюль за прозрачной стеной. Никого похожего на стефансоновского наемника. Впрочем, Стефансон — осторожный игрок и, потерпев неудачу, пожалуй, не станет торопиться со следующей попыткой.

Но эта девица! И мистер Эдвард Болласк!

В его почтовом ящике лежала записка. Кто-то звонил ему и оставил свой номер, но больше ничего передать не просил.

Поднимаясь к себе, Крэндол раздумывал, кому еще он мог понадобиться. Может быть, Стефансон решил нащупать почву для примирения?

Или какая-нибудь глубоко несчастная мать попросит, чтобы он убил ее неизлечимо больное дитя?

Он назвал номер и с любопытством уставился на экран.

Экран замерцал, и на нем появилось лицо. Крэндол еле удержался от радостного возгласа. Нет, один друг в Нью-Йорке у него все-таки есть. Старина Ирв, всегда благоразумный и надежный. Его бывший компаньон.

Но в тот самый миг, когда Крэндол был уже готов выразить свою радость вслух, он вдруг прикусил язык. Слишком много неожиданностей принес ему этот день. А в выражении лица Ирва было что-то такое...

— Послушай, Ник,— сумрачно начал Ирв после неловкой паузы.— Я хотел бы задать тебе только один вопрос.

— А именно, Ирв?

— Ты давно знаешь? Когда ты догадался?

Крэндол перебрал в уме несколько возможных ответов и выбрал наиболее подходящий.

— Очень давно, Ирв. Но ведь тогда я ничего не мог сделать.

Ирв кивнул.

— Я так и думал. Ну, так послушай. Я не стану просить и оправдываться. За эти семь лет ты столько перенес, что никакие мои оправдания, конечно, ничего изменить не могут. Но поверь одному: много брать из кассы я начал, только когда заболела жена. Мои личные средства были истощены. Занимать я больше не мог, а у тебя хватало и собственных семейных неприятностей. Ну, а когда дела фирмы пошли лучше, я боялся, что слишком большое несоответствие между прежними цифрами и новыми откроет тебе глаза. Поэтому я продолжал прикарманивать прибыль уже не для того, чтобы платить по больничным счетам, и не для того, чтобы обманывать тебя, Ник, поверь мне, а просто чтобы ты не узнал, сколько я уже присвоил. Когда ты пришел ко мне и сказал, что совсем пал духом и хотел бы уйти из фирмы... ну, тогда, не спорю, я поступил подло. Мне следовало бы сказать тебе правду. Но, с другой стороны, как компаньоны мы не очень подходили друг другу, а тут мне представился случай стать одному хозяином фирмы, когда ее положение уже упрочилось, ну, и... и...

— И ты выкупил мою долю за триста двадцать кредитов,— договорил за него Крэндол.— А сколько теперь стоит фирма, Ирв?

Ирв отвел глаза в сторону.

— Около миллиона. Но послушай, Ник! В прошлом году оптовая торговля переживала небывалый расцвет. Так что твоего тут уже не было. Послушай, Ник...

Крэндол угрюмо и насмешливо фыркнул.

— Я слушаю, Ирв.

Ирв достал чистую бумажную салфеточку и вытер вспотевший лоб.

— Ник,— сказал он, наклоняясь вперед и изо всех сил стараясь дружески улыбнуться.— Послушай меня, Ник. Забудь про это, не преследуй меня, и я тебе кое-что предложу. Мне нужен управляющий с твоими техническими знаниями. Я дам тебе двадцать процентов в деле, Ник... нет, двадцать пять. Я готов дать даже тридцать... тридцать пять...

— И ты думаешь, что это компенсирует семь лет каторги?

Ирв умоляюще поднял трясущиеся руки.

— Нет, Ник, конечно нет. Их ничто не компенсирует. Но послушай, Ник. Я готов дать сорок пять про...

Крэндол выключил телевизор. Некоторое время он продолжал сидеть, потом вскочил и начал расхаживать по комнате. Он остановился и осмотрел свои бластеры — купленный утром и брошенный Дэном. Достал сви-

детельство об освобождении и внимательно прочел его. Потом снова сунул в карман туники.

Позвонив дежурной, он заказал межконтинентальный разговор.

— Хорошо, сэр. Но вас хочет видеть один джентльмен. Мистер Отто Хенк, сэр.

— Пошлите его сюда. И включите мой экран, как только вас соединят, мисс.

Через несколько минут к нему в номер вошел Отто-Блотто. Он был пьян, но, как обычно в таких случаях, внешне это у него не проявлялось.

— Как ты думаешь, Ник, как ты думаешь, что, черт...

— Ш-ш-ш!— перебил его Крэндол.— Меня соединили.

Телевизионистка где-то в Гималаях сказала:

— Говорите, Нью-Йорк.

И на экране появился Фредерик Стоддард Стефансон. Он постарел гораздо больше всех тех, кого Крэндол успел повидать в этот день. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: когда Стефансон разрабатывал сложную операцию, он всегда казался постаревшим.

Стефансон ничего не сказал. Он только смотрел на Крэндола, крепко сжав губы. Позади него виднелся зал охотничьего домика — совсем такой, каким подобные залы рисуются воображению телевизионных режиссеров.

— Ну ладно, Фредди,— заговорил Крэндол.— Я долго тебя не задержу. Можешь отозвать своих псов и не стараться больше убить меня или искалечить. Я на тебя теперь даже не зол.

— Даже не зол...— Стефансон с трудом обрел привычное железное самообладание.— А почему?

— Потому что... ну, тут много причин. Потому что теперь, когда мне осталось только убить тебя, твоя смерть не подарит мне семи лет адской радости. И потому, что ты не сделал мне ничего такого, чего не делали все остальные — кто что мог и, вероятно, со дня моего появления на свет. Очевидно, я простофиля от рождения. Так уж я создан. И ты просто этим воспользовался.

Стефансон наклонился, вперил в его лицо внимательный взгляд, потом перевел дух и облегченно скрестил руки на груди.

— Пожалуй, ты говоришь искренне.

— Конечно, я говорю искренне. Видишь?— он показал на два бластера.— Сегодня я их выброшу. С этих пор я не буду носить никакого оружия. Я не хочу, чтобы от меня хоть как-то зависела чья-то жизнь.

Стефансон задумчиво поковырял под ногтем большого пальца.

— Вот что,— сказал он.— Если ты говоришь серьезно — а, по-моему, это так и есть,— то, может быть, мы что-нибудь придумаем. Скажем, будем выплачивать тебе какую-то долю прибыли. Там поглядим.

— Хотя это не принесет тебе никакой выгоды?— с удивлением спросил Крэндол.— Почему же ты раньше мне ничего не предлагал?

— Потому что я не люблю, чтобы меня принуждали. До сих пор я противопоставлял силу силе.

Крэндол взвесил этот ответ.

— Не понимаю. Но, наверное, ты так создан. Что же, как ты сказал,— там поглядим.

Когда он наконец повернулся к Хенку, Отто-Блотто все еще растерянно покачивал головой, занятый только собственной незадачей.

— Представляешь, Ник? Эльза месяц назад отправилась в увеселительную поездку на Луну. Кислородный шланг в ее костюме засорился, и она умерла от удушья, прежде чем ей успели помочь. Черт-те что, Ник, верно? За месяц до конца моего срока! Не могла подождать какой-то пар-

шивый месяц! Она хохотала надо мной, когда помирала. Это уж как пить дать!

Крэндол обнял его за плечи.

— Пойдем погуляем, Отто-Блотто. Нам обоим будет полезно проветриться.

«Странно, как право на убийство действует на людей,— думал он.— Полли поступила на свой манер, а Дэн — на свой. Старина Ирв отчаянно вымаливал себе жизнь — но старался не переплатить. Мистер Эдвард Болласк и девица в ресторане... И только Фредди Стефансон, единственная намеченная жертва, только он не пожелал просить».

Просить он не пожелал, но на милостыню расщедрился. Способен ли он принять от Стефансона то, что в сущности будет подачкой? Крэндол пожал плечами. Кто знает, на что способен он или любой другой человек?

— Что же нам теперь делать, Ник?— обиженно спросил Отто-Блотто, когда они вышли из отеля.— Нет, ты мне ответь: что нам теперь делать?

— Я, во всяком случае, сделаю вот что,— ответил Крэндол, беря в каждую руку по бластеру.— Только это, и больше ничего.

Он по очереди швырнул сверкающие бластеры в стеклянную дверь роскошного вестибюля «Козерог-Ритца». Раздался звон, затем снова звон. Стена рухнула, расколовшись на длинные кривые кинжалы. Люди в вестибюле оборачивались, выпучив глаза.

К Крэндолу подскочил полицейский. Бляха на его металлической форме отчаянно дребезжала.

— Я видел! Я видел, как ты это сделал!— кричал он, хватая Крэндола.— Ты получишь за это тридцать суток!

— Да неужто?— сказал Крэндол.— Тридцать суток?— он вытащил из кармана свое свидетельство об освобождении и протянул его полицейскому.

— Вот что, уважаемый блюститель порядка. Сделайте-ка в этой бумажке надлежащее число проколов или оторвите купон соответствующих размеров. Либо так, либо эдак. А можете и так и эдак. Как вам больше нравится.

ДЖЕМС БЛИШ

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА[1]

Внезапно он вспомнил свою смерть. Однако он увидел ее как бы отодвинутой на двойное расстояние: будто вспоминал о воспоминании, а не о событии, будто на самом деле он не был там действующим лицом.

И все же воспоминание было его собственным, а вовсе не воспоминанием какой-нибудь сторонней бестелесной субстанции, скажем, его души. Отчетливее всего он помнил, как неровно, со свистом втягивал воздух. Лицо врача, расплываясь, склонилось, замаячило над ним, приблизилось —

[1] Печатается по изд.: Музы в век звездолетов: Сборник научно-фантастических рассказов об искусстве.— М.: Мир, 1969.

и исчезло из его поля зрения, когда врач прижался головой к его груди, чтобы послушать легкие.

Стремительно сгустилась тьма, и тогда только он осознал, что наступают последние минуты. Он изо всех сил пытался выговорить имя Полины, но не помнил, удалось ли это ему; помнил лишь свист и хрип да черную дымку, на какой-то миг застлавшую глаза.

Только на миг — и воспоминание оборвалось. В комнате снова было светло, а потолок, заметил он с удивлением, стал светло-зеленым. Врач уже не прижимал голову к его груди, а смотрел на него сверху вниз.

Врач был не тот: намного моложе, с аскетическим лицом и почти остановившимся взглядом блестящих глаз. Сомнений не было: это другой врач. Одной из его последних мыслей перед смертью была благодарность судьбе за то, что при его кончине не присутствовал врач, который тайно ненавидел его за былые связи. Нет, выражение лица у того лечащего врача наводило на мысль о каком-нибудь светиле швейцарской медицины, призванном к смертному одру знаменитости: к волнению при мысли о потере столь знаменитого пациента примешивалась спокойная уверенность в том, что благодаря возрасту больного никто не станет винить в его смерти врача. Пенициллин пенициллином, а воспаление легких в восемьдесят пять лет — вещь серьезная.

— Теперь все в порядке,— сказал новый доктор, освобождая голову пациента от сетки из серебристых проволочек.— Полежите минутку и постарайтесь не волноваться. Вы знаете свое имя?

С опаской он сделал вдох. Похоже, что с легкими все в порядке. Он чувствовал себя совершенно здоровым.

— Безусловно,— ответил он, немного задетый.— А вы свое?

Доктор криво улыбнулся.

— Характер у вас, кажется, все тот же,— сказал он.— Мое имя Баркун Крис; я психоскульптор. А ваше?

— Рихард Штраус. Композитор.

— Великолепно,— сказал доктор Крис и отвернулся.

Мысли Штрауса, однако, были заняты уже другим странным явлением. По-немецки Strauss не только имя, но и слово, имеющее много значений (битва, страус, букет), и фон Вольцоген в свое время здорово повеселился, всячески обыгрывая это слово в либретто оперы «Feuersnot»[1]. Это было первое немецкое слово, произнесенное им с того, дважды отодвинутого мига смерти! Язык, на котором они говорили, не был ни французским, ни итальянским. Больше всего он походил на английский, но не на тот английский, который знал Штраус; и тем не менее говорить и даже думать на этом языке не составляло для него никакого труда.

«Что ж,— подумал он,— теперь я могу дирижировать на премьере „Любви Данаи"». Не каждому композитору дано присутствовать на посмертной премьере своей последней оперы». И, однако, во всем этом было что-то очень странное, и самой странной была не покидавшая его мысль, что мертвым он оставался совсем недолго. Конечно, медицина движется вперед гигантскими шагами, это известно каждому, однако...

— Объясните мне все,— сказал он, приподнявшись на локте. Кровать тоже была другая, далеко не такая удобная, как его смертное ложе (удивительно, до чего легко пришло к нему это слово!). Что до комнаты, то она больше походила на электромеханический цех, чем на больничную палату. Неужто современная медицина местом воскрешения мертвых избрала цеха завода Сименс-Шуккерт?

---

[1] «Без огня» *(нем.)*.

— Минуточку,— сказал Крис. Он был занят: откатывал какую-то машину туда, где, раздраженно подумал Штраус, ей и следовало быть. Покончив с этим, врач снова подошел к койке.

— Прежде всего, доктор Штраус, многое вам придется принять на веру, не понимая и даже не пытаясь понять. Не все в сегодняшнем мире объяснимо в привычных для вас терминах. Пожалуйста, помните об этом.

— Хорошо. Продолжайте.

— Сейчас,— сказал доктор Крис,— 2161 год по вашему летоисчислению. Иными словами, после вашей смерти прошло 212 лет. Вы, конечно, понимаете, что от вашего тела за это время остались только кости, которые мы не стали тревожить. Ваше нынешнее тело предоставлено вам добровольно. Сходство его с вашей прежней телесной оболочкой совсем небольшое. Прежде, чем вы посмотрите на себя в зеркало, знайте, что физическое различие между нынешним телом и прежним целиком в вашу пользу. Ваше нынешнее тело в добром здравии, довольно приятно на вид, его физиологический возраст — около пятидесяти, а в наше время это поздняя молодость.

Чудо? Нет, теперь чудес не бывает — просто достижение медицины. Но какой медицины!

— Где мы находимся?— спросил композитор.

— В Порт-Йорке, части штата Манхэттен, в Соединенных Штатах. Вы обнаружите, что в некоторых отношениях страна изменилась меньше, чем вы, может быть, ожидаете. Другие перемены, конечно, покажутся вам разительными, но мне трудно предвидеть, какие именно произведут на вас большее впечатление. Неплохо, если вы выработаете в себе известную гибкость.

— Понимаю,— сказал Штраус, садясь в постели.— Еще один вопрос. Может ли композитор заработать себе на жизнь в этом столетии?

— Вполне,— с улыбкой ответил доктор Крис.— Как раз этого мы от вас и ожидаем. Это одна из причин, почему мы... вернули вас.

— Значит,— голос Штрауса зазвучал несколько суше,— моя музыка по-прежнему нужна? В свое время кое-кто из критиков...

— Дело обстоит не совсем так,— перебил его доктор Крис.— Насколько я понимаю, некоторые из ваших произведений исполняются до сих пор, но, откровенно говоря, о вашей нынешней популярности я знаю очень мало. Меня интересует скорее...

Где-то отворилась дверь, и появился еще один человек. Он был старше и солиднее Криса, в нем было что-то академическое, но, как и Крис, он носил хирургический халат странного покроя и смотрел на пациента горящим взглядом художника.

— Удача, Крис?— спросил он.— Поздравляю.

— Повремени,— сказал доктор Крис.— Важно завершающее испытание. Доктор Штраус, если вы не чувствуете слабости, мы с доктором Сейрдсом хотели бы задать вам несколько вопросов. Нам хотелось бы проверить ясность вашей памяти.

— Конечно. Пожалуйста!

— По нашим сведениям,— сказал доктор Крис,— вы были когда-то знакомы с человеком, чьи инициалы — Р. К. Л.; вы тогда были дирижером венской Staatsoper.— Произнося это слово, он протянул двойное «а» по меньшей мере вдвое дольше, чем следовало, как будто немецкий язык был мертвым и Крис старался правильно воспроизвести классическое произношение.— Как его звали, и кто это такой?

— Должно быть, Курт Лист: его первое имя было Рихард, но его так никогда не называли. Он был ассистентом режиссера. И не бесталанным; он же учился у того ужасного молодого человека, Берга... Альбана Берга.

Врачи переглянулись.

— Почему вы вызвались написать увертюру к «Женщине без тени» и подарили городу Вене ее рукопись?

— Чтобы избежать уплаты налога за уборку мусора на вилле Марии-Терезы, которую подарил мне город.

— На заднем дворе вашего имения в Гармиш-Партенкирхене был могильный камень. Что на нем вырезано?

Штраус нахмурился. Он бы с радостью не ответил на этот вопрос. Даже если тебе вдруг взбрело в голову по-ребячески подшутить над самим собой, лучше все же не увековечивать шутку в камне, тем более там, где она у тебя перед глазами всякий раз, когда ты чинишь свой мерседес.

Он ответил устало:— Там вырезано: «Посвящается памяти Гунтрама, миннезингера, злодейски убитого собственным симфоническим оркестром его отца».

— Когда состоялась премьера «Гунтрама»?

— В... минуточку... по-моему, в 1894 году.

— Где?

— В Веймаре.

— Как звали примадонну?

— Полина де Ана.

— Что с ней потом сталось?

— Я женился на ней.— Штраус разволновался.— А ее тоже?..

— Нет,— сказал Крис.— Мне жаль, доктор Штраус, но, для того чтобы воссоздать более или менее заурядных людей, нам не хватает о них данных.

Композитор вздохнул. Он не знал, горевать ему или радоваться. Конечно, он любил Полину. Но, с другой стороны, для него начинается новая жизнь. И вообще-то приятно, если, входя в дом, не надо обязательно разуваться только ради того, чтобы не поцарапать полированного паркета. И наверное, будет приятно, если в два часа дня ему не придется больше слышать магическую формулу, которой Полина разгоняла гостей: «Richard jetzt komponiert!»[1]

— Следующий вопрос,— сказал он.

По причинам, не ведомым Штраусу, но принятым им как должное, ему пришлось расстаться с докторами Крисом и Сейрдсом сразу же после того, как оба они с удовлетворением убедились в том, что память его надежна и сам он здоров. Имение его, как ему дали понять, давным-давно превратилось в руины (такова была печальная участь того, что было когда-то одним из крупнейших частных владений в Европе), но денег ему дали достаточно: он мог обеспечить себя жильем и вернуться к активной жизни. Ему также помогли завязать полезные деловые знакомства.

К переменам в одной лишь музыке ему пришлось приспосабливаться дольше, чем он ожидал. Музыка, как он вскоре заподозрил, превратилась в умирающее искусство, которому в ближайшем будущем суждено было оказаться примерно в том же положении, в каком искусство составлять букеты находилось в XX веке. Тенденция к дроблению, отчетливо наме-

[1] «Рихард сочиняет музыку!» *(нем.)*.

тившаяся еще в период его первой жизни, в 2161 году почти достигла логического завершения.

Нынешним американским популярным песням он уделял так же мало внимания, как их предшественницам в своей прежней жизни. Однако было совершенно ясно, что поточные методы, которыми они создаются (ни один теперешний автор баллад не скрывал того, что пользуется похожим на логарифмическую линейку устройством, называвшимся «шлягер-машинка»), применяются теперь почти во всей серьезной музыке.

Консерваторами, например, считали теперь композиторов-додекафонистов. По мнению Штрауса, они всегда были сухой и умствующей кастой, но не в такой степени, как теперь. Их кумиры (Шенберг, Берг, фон Веберн) в глазах любителей музыки были великими мастерами, пусть не очень доступными, но достойными такого же поклонения, как Бах, Брамс или Бетховен.

Было, однако, крыло консерваторов, перещеголявшее додекафонистов. То, что писали эти люди, называлось «стохастической музыкой», там выбор каждой отдельной ноты осуществлялся по таблицам случайных чисел. Библией этих композиторов, их манифестом был том, озаглавленный «Операционная эстетика», а его в свою очередь произвела на свет научная дисциплина, именуемая «теория информации», и было ясно, что книга эта ни единым словом не касается методов и приемов композиции, известных Штраусу. Идеалом, к которому стремилась эта группа, была «всеобъемлющая» музыка, где и следа не осталось бы от композиторской индивидуальности, этакое музыкальное выражение всеобъемлющих законов случая. По-видимому, законам случая свойствен собственный, характерный только для них стиль, но, по мнению Штрауса, это стиль игры малолетнего идиота, которого учат барабанить по клавишам расстроенного рояля, только бы он не занялся чем-нибудь похуже.

Но подавляющее большинство создаваемых музыкальных произведений относилось к категории, явно незаслуженно именовавшейся «научная музыка». Это название отражало лишь темы произведений: в них речь шла о космических полетах, путешествиях во времени и тому подобных романтических или фантастических предметах. В самой музыке не было и тени научности — лишь мешанина штампов, подражаний и записей естественных шумов (часто настолько искаженных, что невозможно было угадать их происхождение), а также стилевых трюков, причем Штраус, к своему ужасу, часто узнавал собственную искаженную временем и разбавленную водичкой манеру.

Самой популярной формой научной музыки была девятиминутная композиция, так называемый концерт, хотя ничего общего между ним и классическим концертом не было; скорее это напоминало свободную рапсодию в духе Рахманинова, но Рахманинова безбожно перевранного. Типичным для этого жанра был концерт «Песнь дальнего космоса», написанный неким Х. Валерионом Краффтом. Концерт начался громким неистовством тамтама, после чего все струнные тотчас же в унисон понеслись вверх по хроматической гамме; за ними, на почтительном расстоянии, следовали параллельными кварт-секст-аккордами арфа и одинокий кларнет. На самой вершине гаммы загремели цимбалы, forte possibile, и оркестр, весь целиком, излился в мажорно-минорном вопле — весь, кроме валторн, которые ринулись вниз по той же гамме (это должно было означать контртему). Солирующая труба с явным намеком на тремоло подхватила контртему, оркестр до нового всплеска впал в клиническую смерть, и в этот миг, как мог бы предсказать любой младенец, вступил со второй темой рояль.

Позади оркестра стояли тридцать женщин, готовые хором пропеть песню без слов, чтобы создать ощущение жути космических пространств; но Штраус уже научился вставать и уходить, не дожидаясь этого момента. После нескольких таких демонстраций он мог быть уверенным, что в фойе его поджидает Синди Нанесс, агент, с которым его свел доктор Крис. Синди Нанесс взял на себя сбыт творческой продукции возрожденного к жизни композитора — сбыт того немногого, что успело за это время появиться. Синди уже перестали удивлять демонстрации клиента, и он терпеливо ждал, стоя под бюстом Джан-Карло Менотти: но эти выходки нравились ему все меньше и меньше, и последнее время он отвечал на них тем, что попеременно краснел и бледнел, как рекламные неоновые огни.

— Не надо было этого делать,— взорвался он после случая с «Песней дальнего космоса».— Нельзя просто так вот покинуть зал во время нового краффтовского концерта. Как-никак, Краффт — президент Межпланетного общества современной музыки. Как мне убедить их в том, что вы тоже современный, если вы все время щелкаете их по носу?

— Какое это имеет значение?— возразил Штраус.— В лицо они меня все равно не знают.

— Ошибаетесь. Они знают вас очень хорошо и следят за каждым вашим шагом. Вы первый крупный композитор, за которого рискнули взяться психоскульпторы, и МОСМ был бы рад случаю избавиться от вас.

— Почему?

— О,— сказал Синди,— по тысяче причин. Скульпторы — снобы. Ребята из МОСМа — тоже. Одни хотят доказать другим, что их искусство важнее всех прочих. А потом ведь существует и конкуренция: проще отделаться от вас, чем допустить вас на рынок. Поверьте мне, будет лучше, если вы вернетесь в зал. Я бы придумал какое-нибудь объяснение...

— Нет,— оборвал его Штраус.— Мне надо работать.

— Но в том-то все и дело, Рихард! Как мы поставим оперу без содействия МОСМа? Это ведь не то что писать соло для терменвокса или что-то, не требующее больших расх...

— Мне надо работать,— сказал Штраус и ушёл.

И он работал — так самозабвенно, как не работал последние тридцать лет прежней жизни. Стоило ему коснуться пером листа нотной бумаги (найти то и другое оказалось невероятно трудно), как он понял: ничто из его долгого творческого пути не дает ему ключа к пониманию того, какую музыку он должен писать теперь.

Тысячами нахлынули и закружились старые испытанные приемы; внезапная смена тональностей на гребне мелодии; растягивание пауз; разноголосица струнных в верхнем регистре, нагромождаемая на качающуюся и готовую рухнуть кульминацию; сумятица фраз, молниеносно перелетающих от одной оркестровой группы к другой; неожиданные появления меди, короткий смех кларнетов, рычащие тембровые сочетания (чтобы усилить драматизм) — в общем все, какие он только знал.

Но теперь ни один из них его не удовлетворял. Большую часть своей жизни он довольствовался ими и проделал с их помощью поистине титаническую работу. Но вот пришло время начать все заново. Кое-какие из этих приемов сейчас казались просто отвратительными: с чего, например, он взял (и пребывал в этом заблуждении десятки лет!), что скрипки, мяукающие в унисон где-то на границе с ультразвуком, дают достаточно интересный эффект, чтобы повторять этот прием в пределах хотя бы одной композиции (а уж всех — и подавно)?

И ведь ни перед кем никогда, с торжеством думал он, не открывались такие возможности для того, чтобы начать все сначала. Помимо прошлого, целиком сохраненного памятью и всегда доступного, он располагал несравненным арсеналом технических приемов; это признавали за ним даже враждебно настроенные критики. Теперь, когда он писал свою в известном смысле первую оперу (первую — после пятнадцати когда-то написанных!), у него были все возможности создать шедевр.

И кроме возможностей — желание.

Конечно, мешали всякие мелочи. Например, поиски старинной нотной бумаги, а также ручки и чернил, чтобы писать на ней. Выяснилось, что очень немногие из современных композиторов записывают музыку на бумаге. Большинство из них пользовались магнитофонной лентой: склеивали кусочки с записями тонов и естественных шумов, вырезанные из других лент, накладывали одну запись на другую и разнообразили результаты, крутя множество разных рукояток. Что же касается композиторов, писавших партитуры для стереовидения, то почти все они чертили прямо на звуковой дорожке зубчатые извилистые линии, которые, когда их пропускали через цепь с фотоэлементом и динамиком, звучали довольно похоже на оркестр, с обертонами и всем прочим.

Закоренелые консерваторы, все еще писавшие музыку на бумаге, делали это с помощью музыкальной пишущей машинки. Машинку (этого Штраус не мог не признать) наконец усовершенствовали; правда, у нее были клавиши и педали, как у органа, но размерами она лишь в два с небольшим раза превосходила обычную пишущую машинку, и отпечатанная на ней страничка имела опрятный и приличный вид. Но Штрауса вполне устраивал его тонкий как паутина, но очень разборчивый почерк, и он вовсе не собирался отказываться от давней привычки писать пером, хотя из-за того пера, которое ему удалось достать, почерк стал крупнее и грубее. Старинный способ записи помогал Штраусу сохранять связь с прошлым.

При вступлении в МОСМ тоже не обошлось без неприятных минут, хотя Синди благополучно провел Штрауса через рогатки политического характера. Секретарь Общества, проверявший его квалификацию, обнаружил при этом не больший интерес, чем проявил бы ветеринар при осмотре четырехтысячного по счету больного теленка. Он спросил:

— Печатали что-нибудь?

— Да. Девять симфонических поэм, около трехсот песен, одну...

— Не при жизни,— в голосе экзаменатора появилось что-то неприятное.— С тех пор, как скульпторы вас сделали.

— С тех пор как скульпторы... О, я понимаю. Да. Струнный квартет, два песенных цикла...

— Хватит. Элфи, запиши: «Песни». На чем-нибудь играете?

— На фортепьяно.

— Хм.— Экзаменатор внимательно оглядел свои ногти.— Ну ладно. Музыку читаете? Или, может, пользуетесь нотописцем, или резаной лентой? Или машинкой?

— Читаю.

— Сядьте.

Экзаменатор усадил Штрауса перед освещенным экраном, поверх которого ползла широкая прозрачная лента. На ленте была во много раз увеличенная звуковая дорожка.

— Просвистите и назовите инструменты, на которые это похоже.

— Musiksticheln[1] не читаю,— ледяным тоном изрек Штраус.— И не пишу. Я читаю обычные ноты, на нотном стане.

— Элфи, запиши: «Читает только ноты».— Он положил на стекло экрана лист плохо отпечатанных нот.— Просвистите мне это.

«Это» оказалось популярной песенкой «Вэнги, снифтеры и кредитный снуки»; ее в 2159 году написал на шлягер-машинке политикан-гитарист, певший ее на предвыборных собраниях. (В некоторых отношениях, подумал Штраус, Соединенные Штаты и в самом деле почти не изменились.) Песенка эта завоевала такую популярность, что любой насвистал бы ее по одному названию, независимо от того, умел он читать ноты или нет. Штраус просвистел и, чтобы не возникло сомнений в его добросовестности, добавил: «Она в тональности си-бемоль-мажор».

Экзаменатор подошел к зеленому пианино и ударил по замусоленной черной клавише. Инструмент был расстроен до невероятности (нота прозвучала куда ближе к обычному «ля» частотой в 440 герц, чем к си-бемоль), но экзаменатор сказал:

— Точно. Элфи, запиши: «Читает также бемоли». Ну что ж, сынок, теперь ты член Общества. Приятно знать, что ты с нами. Не так уж много осталось людей, которые умеют читать старинные ноты. Многие воображают, будто они для этого слишком хороши.

— Благодарю вас,— ответил Штраус.

— Я лично так считаю: что годилось для старых мастеров, то вполне годится и для нас. По-моему, равных старым мастерам среди нас нет — не считая, конечно, доктора Краффта. Да, великие были люди, эти самые Шилкрит, Стайнер, Тёмкин, Пэрл... Уайлдер, Янссен...

— Разумеется,— вежливо сказал Штраус.

Но работа шла своим чередом. Теперь он уже кое-что зарабатывал — небольшими пьесками. По-видимому, публика питала повышенный интерес к композитору, вышедшему из лабораторий психоскульпторов; но и сами по себе (на этот счет Штраус не сомневался) достоинства его сочинений неизбежно должны были создать спрос.

Однако по-настоящему важной была для него только опера. Она росла и росла под его пером, молодая и новая, как его новая жизнь, всеведущая и зрелая, как его долгая цепкая память. Сначала возникли трудности: он никак не мог найти либретто. Не исключено было, что в море литературы для стереовидения (да и то навряд ли) можно найти что-нибудь подходящее; но выяснилось, что он не в состоянии отличить хорошее от плохого из-за бесчисленного множества непонятных для него сценических и постановочных терминов. В конце концов, в третий раз за свою жизнь, он обратился к пьесе, написанной на чужом для него языке, и впервые решил поставить ее на этом языке.

Пьеса эта, «Побеждена Венера» Кристофера Фрая, была, как он постепенно начинал понимать, идеальным либретто для оперы Штрауса. Эта пьеса в стихах, названная комедией, со сложной фарсовой фабулой, обнаруживала неожиданную глубину, а ее персонажи словно взывали о том, чтобы музыка вывела их в три измерения: и ко всему этому, скрытое в подтексте, но совершенно определенное настроение осенней трагедии, опадающих листьев и падающих яблок — противоречивая и полная драматизма смесь, именно такая, какой в свое время снабдил его фон Гофманисталь для «Кавалера роз», для «Ариадны в Наксосе» и для «Арабеллы».

---

[1] Дословно — «нотные черточки» *(нем.)*.

Увы, фон Гофмансталя больше нет; но вот нашелся другой, тоже давно умерший драматург, почти такой же одаренный, и прямо просится на музыку! Например, пожар в конце второго акта: какой материал для композитора, для которого воздух и вода — это оркестровка и контрапункт! Или, например, та сцена, когда Перпетуа стрелой выбивает яблоко из руки герцога; одна беглая аллюзия в тот миг могла вплести в ткань его оперы россиниевского мраморного «Вильгельма Телля», который становился всего лишь ироническим примечанием! А большой заключительный монолог герцога, начинающийся словами:

Так будет ли мне жаль себя? — вот что меня тревожит
Из-за того, что смертен я, мне будет жаль себя.
К небу тянутся деревья,
В дымке бурые холмы,
И озер зеркальных гладь...

Монолог, как будто специально написанный для великого трагического комика вроде Фальстафа; слияние смеха и слез прерывается сонными репликами Рийдбека, и под его звучный храп (тромбоны, не меньше четырёх; может быть, с сурдинками?) медленно опустится занавес...

Что может быть лучше? А ведь пьесу он нашел по чистой случайности. Сначала Штраус хотел написать комико-эксцентрическую оперу-буфф, только чтобы размяться. Вспомнив, что некогда Цвейг сделал для него либретто по пьесе Бена Джонсона, Штраус стал рыться в английских пьесах того периода и наткнулся на героический водевиль «Победила Венеция» некоего Томаса Аутвэя. Сразу за водевилем в предметном указателе шла пьеса Фрая, и Штраус заглянул в нее из любопытства: почему вдруг драматург двадцатого века каламбурит с названием, взятым из века восемнадцатого?

После десяти страниц фраевской пьесы мелкая загадка каламбура перестала его занимать: он был поглощен оперой.

Организуя постановку, Синди творил чудеса. Дата премьеры была объявлена задолго до того, как была закончена партитура, и это напомнило Штраусу те горячие деньки, когда Фюрстнер хватал с его рабочего стола каждую новую страницу завершаемой «Электры» прежде, чем на ней просохнут чернила, и мчался с ней к граверу, чтобы успеть к назначенному для публикации сроку. Теперь положение было еще сложнее, потому что часть партитуры предстояло написать прямо на звуковой дорожке, часть — склеить из кусочков ленты, а часть — выгравировать по старинке, соответственно требованиям новой театральной техники, и порой Штраусу начинало казаться, что бедный Синди вот-вот поседеет.

Но, как бывало обычно со Штраусом, опера «Побеждена Венера» отняла немало времени. Писать черновик было дьявольски трудно, и на новое рождение это походило гораздо больше, чем то мучительное пробуждение в лаборатории Баркуна Криса, скорее похожее на смерть. Однако Штраус обнаружил, что у него целиком сохранилась прежняя способность почти без усилий писать с черновика партитуру; ему не мешали ни сетования Синди, ни ужасающий грохот сверхзвуковых ракет, с быстротой молнии проносившихся над городом.

Он кончил за два дня до начала репетиций. Репетиции должны были идти без его участия. Исполнительская техника в эту эпоху настолько тесно сплелась с электронным искусством, что его собственный опыт (его, короля капельмейстеров!) никому не был нужен.

Он не спорил. За него все скажет музыка. А пока приятно отвлечься от многомесячной работы. Он снова вернулся в библиотеку и стал неспеша перебирать старые стихи, бессознательно ища тексты для песни. Новых

поэтов он обходил: они ему ничего не скажут, он это знал. Но американцы его эпохи, думал он, возможно, дадут ему ключ к пониманию Америки 2161 года, а если какое-нибудь из их стихотворений породит песню — тем лучше.

Поиски эти действовали на него необычайно благотворно, и он ушел в них с головой. В конце концов одна магнитофонная запись пришлась ему по душе: надтреснутый старческий голос с гнусавым акцентом, выдающим уроженца штата Айдахо 1910 года — периода юности Штрауса. Поэт читал:

...ду́ши людей великих
По временам сквозь нас проходят,
И растворяемся мы в них, и наша суть —
Лишь отражения их душ.
Вот только что был Данте я, и вдруг
Я — некий Франсуа Вийон, король баллад и вор,
Или один из тех, таких святых,
Что их имен не смею написать,
Дабы кощунствующим не прослыть.
Всего на миг — и пламени уж нет...
Вот час, когда мы быть перестаем,
А те, душ повелители, живут.

Он улыбнулся. Сколько твердят об этом со времен Платона! И в то же время стихотворение было как бы о самом Штраусе, оно словно объясняло ситуацию, в которую он оказался вовлечен, и, кроме всего прочего, оно волновало. Пожалуй, стоит сделать из него гимн в честь своего второго рождения и в честь провидческого гения поэта.

Внутренним слухом он услышал торжественный трепет аккордов, от которых перехватывало дыхание. Начальные слова можно дать патетическим шепотом; потом — полный драматизма пассаж, в котором великие имена Данте и Вийона встанут, звеня, как вызов, брошенный Времени... Он начал писать, и только потом, уже кончив, поставил кассету на стеллаж.

«Доброе предзнаменование»,— подумал он.

И настал вечер премьеры. В зал потоком хлынула публика, в воздухе без видимой опоры плавали камеры стереовидения, и Синди уж вычислял свою долю от дохода клиента при помощи сложных подсчетов на пальцах; главное правило здесь состояло, по-видимому, в том, что один плюс один в сумме дают десять. Публика, заполнившая зал, была самой разношерстной, как будто собралась посмотреть цирковой аттракцион, а не послушать оперу.

Как ни странно, в зале появилось также около пятидесяти бесстрастных, аристократичных психоскульпторов, одетых в свои облачения — черно-алые робы того же покроя, что и их хирургические одеяния. Они заняли целый ряд кресел впереди, откуда гигантские фигуры стереовидения, которым вскоре предстояло заполнить «сцену» перед ними (настоящие певцы будут находиться на небольшой эстраде в подвале), должны были казаться чудовищно огромными; но Штраус подумал только, что они, наверное, об этом знают,— и мысли его переключились на другое.

Когда в зале появились первые психоскульпторы, шум голосов усилился, и теперь в нем ощущалось возбуждение, природа которого была непонятна Штраусу. Ломать над этим голову он, однако, не стал; он был слишком занят борьбой со своим собственным волнением перед премьерой, от которого за столько лет жизни ему ни разу не удалось избавиться.

Мягкий, неизвестно откуда лившийся свет потускнел, и Штраус поднялся на возвышение. Перед ним лежала партитура, но он подумал, что

едва ли она понадобится. Между музыкантами и микрофонами высовывались рыла неизбежных камер стереовидения, готовых понести его образ к певцам в подвале.

Публика умолкла. Наконец-то пришло его время! Дирижерская палочка взметнулась вверх, потом стремительно ринулась вниз, и снизу, из оркестра, навстречу ей мощной волной поднялась первая тема.

На какое-то время его внимание целиком поглотила нелегкая задача следить за тем, чтобы большой оркестр слаженно и послушно следовал всем изгибам музыкальной ткани, возникающей под его рукой. Но по мере того как его власть над оркестром крепла, задача эта стала немного легче, и он мог оценить звучание целого.

А вот со звучанием целого явно было что-то не то. Отдельных сюрпризов, конечно, можно было ожидать: то или другое место звучало при исполнении оркестром иначе, чем он рассчитывал. Такие вещи случались с каждым композитором, даже если у него за плечами был опыт целой жизни. Порой певцы, начиная трудную фразу, становились похожими на канатоходца, который вот-вот свалится с каната (хотя на самом деле ни один из них ни разу еще не сфальшивил; с лучшей группой голосов ему не приходилось работать).

Но это были детали. Беда заключалась в звучании целого. Теперь у композитора угасало радостное волнение премьеры (оно, в конце концов, не могло продержаться весь вечер на одном и том же уровне) — более того, пропадал даже интерес к тому, что доносилось до его слуха со сцены и из оркестра. К тому же им постепенно овладевала усталость. Дирижерская палочка в руке становилась все тяжелее и тяжелее. Когда во втором акте прорвался бурлящий и блещущий страстью поток звуков, Штраусу стало скучно, так скучно, что им овладело острое желание вернуться к письменному столу и поработать над песней.

Второй акт кончился; впереди только один. Аплодисменты прошли мимо его ушей. Двадцатиминутного отдыха в дирижерской уборной едва хватило, чтобы восстановить силы. Он был ошеломлен. Казалось, что музыку написал кто-то другой, хотя он ясно помнил, как писал каждую ее ноту.

И вдруг в середине последнего акта он понял.

В музыке нет ничего нового. Все тот же старый Штраус — но только слабее, ниже прежнего, как будто какой-то злой волшебник вдруг превратил его в усталого старого неудачника, в ту карикатуру на него, которую критики выдумали в самые лучшие его годы. По сравнению с продукцией композиторов, подобных Краффту, «Побеждена Венера» в глазах этой публики несомненно была шедевром. Но он-то знал, что тогда критики ошибались; однако теперь вся его твердая решимость порвать со штампами и вычурностью, вся его тяга к новому обернулись ничем, когда на пути их встала сила привычки. Возвращение к жизни его, Штрауса, означало в то же время возвращение к жизни всех этих глубоко укоренившихся рефлексов его стиля. Стоило ему взяться за перо, как они овладевали им совершенно автоматически, не более доступные контролю, чем палец, отдергиваемый от пламени.

К глазам его подступили слезы. Тело у него молодое, но сам он старик... да, старик. Еще тридцать пять лет такой жизни? Никогда, никогда! Все это уже сказано им сотни лет назад. Быть осужденным на то, чтобы еще полвека снова и снова повторять самого себя голосом, который звучит

все слабее и слабее, зная, что даже это жалкое столетие рано или поздно поймет, что от величия остался лишь пепел? Нет, никогда, никогда!

Пришибленный, он не сразу понял, что опера кончилась. Стены сотрясал восторженный рев публики. Знакомый шум: точно так же ревели на премьере «Дня мира» в 1938 году. Здесь аплодировали человеку, каким он был когда-то, а не тому, которым, как с беспощадной ясностью показала «Побеждена Венера», он стал теперь,— о, будь у них уши, чтоб слышать! Аплодисменты невежества — неужели ради них был проделан весь его тяжкий труд? Нет. Он их не примет.

Он медленно повернулся лицом к залу. И с удивлением — с удивительным облегчением — понял, что аплодировали совсем не ему.

Аплодировали доктору Баркуну Крису.

Крис раскланивался, встав со своего места, оттуда, где расположилась секция психоскульпторов. Психоскульпторы, стоявшие неподалеку, отталкивали друг друга, чтобы скорее пожать ему руку. Все новые и новые руки тянулись к нему, пока он пробирался к проходу между рядами и пока шел по проходу к сцене. Когда же он поднялся к дирижерскому пульту и сам стиснул вялую руку композитора, публика, казалось, обезумела.

Крис поднял руку, и в один миг в зале воцарилась напряженная тишина.

— Благодарю вас,— проговорил он громко и отчетливо.— Леди и джентльмены, прежде чем мы расстанемся с доктором Штраусом, давайте снова скажем ему, какое огромное удовольствие все испытали, слушая его новый шедевр. Я думаю, что такое прощание будет наилучшим.

Овация длилась пять минут и продолжалась бы еще пять, если бы Крис не прекратил ее.

— Доктор Штраус,— продолжал он,— в тот миг, когда я произнесу некую формулу, вы осознаете, что вы — Джером Бош, человек, родившийся в нашем столетии и живущий своей жизнью. Искусственно введенные в вашу психику воспоминания, заставившие вас надеть на себя личину великого композитора, исчезнут. Мы очень хотели бы, чтобы Рихард Штраус остался с нами и прожил среди нас еще одну жизнь, но законодательство, регулирующее психоскульптуру, не позволяет нам навсегда исключить из жизни донора, который имеет право на свою собственную долгую жизнь. Я говорю вам об этом для того, чтобы вы поняли, почему сидящие здесь люди делят свои аплодисменты между вами и мной.

Слова Криса прервал гул одобрения.

— Искусство психоскульптуры (создание искуссвенных личностей ради эстетического наслаждения), возможно, никогда более не достигнет такой вершины. Вам следует знать, что как Джером Бош вы абсолютно лишены каких бы то ни было музыкальных способностей; мы потратили много времени на поиски донора, который был бы неспособен запомнить даже простейший мотив. И,однако,в такой малообещающий материал нам удалось вложить не только личность, но и гений великого композитора. Гений этот принадлежит исключительно вам, той личине Джерома Боша, которая считает себя Рихардом Штраусом. Это не заслуга человека, добровольно предоставившего себя для психоскульптуры. Это ваш триумф, доктор Штраус, и мы чествуем вас.

Теперь овация вышла из берегов. Криво улыбаясь, Штраус смотрел, как кланяется доктор Крис. Эта их психоскульптура — достаточно утонченный, на уровне века, вид жестокости; но само по себе стремление к такого рода вещам существовало всегда. То самое стремление, которое побуждало Рембрандта и Леонардо превращать трупы в произведения искусства.

Что ж, утонченная жестокость заслуживает столь же утонченного воздания: око за око, зуб за зуб — и неудача за неудачу.

Нет, не стоит говорить Крису, что в Рихарде Штраусе, которого он создал, гения так же мало, как в сушеной тыкве. Он и так подшутил над собой, этот скульптор: он сумел подделать великого композитора, но никогда не поймет, насколько пуста музыка, которая будет теперь храниться на лентах стереовидения. Домашнее задание по музыкальной критике Крис выполнил хорошо, по музыке — неудовлетворительно; он воссоздал Штрауса, каким его знали критики. Что ж, ради бога, если это его устраивает...

Но на какой-то миг словно мятежное пламя вспыхнуло в его крови. Я — это я, подумал он, я останусь Рихардом Штраусом до самой смерти и никогда не превращусь в Джерома Боша, неспособного запомнить даже самый простой мотив. Его рука, все еще державшая дирижерскую палочку, резко поднялась вверх, но для того ли, чтобы нанести удар, или для того, чтобы его отвести,— этого он сказать не мог.

Он дал ей снова упасть и поклонился — не публике, а доктору Крису.

Он ни о чем не жалел, когда Крис повернулся к нему, чтобы произнести слово, которое должно было снова погрузить его в мир забвения,— только о том, что теперь ему уже не придется положить те стихи на музыку.

ЭРИК Ф. РАССЕЛ

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ [1]

Сверкающий голубовато-зеленый шар с Землю величиной, да и по массе примерно равный Земле — новая планета точь-в-точь соответствовала описанию. Четвертая планета звезды класса С-7; бесспорно та, которую они ищут. Ничего не скажешь, безвестному, давным-давно умершему косморазведчику повезло: случайно он открыл мир, похожий на их родной.

Пилот Гарри Бентон направил сверхскоростной астрокрейсер по орбите большого радиуса, а тем временем два его товарища обозревали планету перед посадкой. Заметили огромный город в северном полушарии, градусах в семи от экватора, на берегу моря. Город остался на том же месте, другие города не затмили его величием, а ведь триста лет прошло с тех пор, как был составлен отчет.

— Шаксембендер,— объявил навигатор Стив Рэндл.— Ну и имечко же выбрали планете!— Он изучал официальный отчет косморазведчика давних времен, по следам которого они сюда прибыли.— Хуже того, солнце они называют Гвилп.

— А я слыхал, что в секторе Боттса есть планета Плаб,— подхватил бортинженер Джо Гибберт.— Более того, произносить это надо — как будто сморкаешься. Нет уж, пусть лучше будет Шаксембендер — это хоть выговорить можно.

---

[1] Печатается по изд.: Судьбы наших детей.— М.: Радуга, 1986.

— Попробуй-ка выговорить название столицы,— предложил Рэндл и медленно произнес — Щфлодриташаксембендер.— Он прыснул при виде растерянного лица Гибберта.— В буквальном переводе — «самый большой город планеты». Но успокойся, в отчете сказано, что туземцы не ломают себе язык, а называют столицу сокращенно: Тафло.

— Держитесь,— вмешался Бентон.— Идем на посадку.

Он яростно налег на рычаги управления, пытаясь в то же время следить за показаниями шести приборов сразу. Крейсер сорвался с орбиты, пошел по спирали на восток, врезался в атмосферу и прошил ее насквозь. Чуть погодя он с ревом описал последний круг совсем низко над столицей, а за ним на четыре мили тянулся шлейф пламени и сверхраскаленного воздуха. Посадка была затяжной и мучительной: крейсер, подпрыгивая, долго катился по лугам. Извиваясь в своем кресле, Бентон заявил с наглым самодовольством:

— Вот видите, трупов нет. Разве я не молодец?

— Идут,— перебил его Рэндл, приникший к боковому иллюминатору.— Человек десять, если не больше, и все бегом.

К нему подошел Гибберт и тоже всмотрелся в бронированное стекло.

— Как славно, когда тебя приветствуют дружественные гуманоиды. Особенно после всех подозрительных или враждебных существ, что нам попадались: те были похожи на плод воображения, распаленного венерианским ужином из десяти блюд.

— Стоят у люка,— продолжал Рэндл. Он пересчитал туземцев.— Всего их двадцать.— И нажал на кнопку автоматического затвора.— Впустим?

Он сделал это не колеблясь, вопреки опыту, накопленному во многих чужих мирах. После вековых поисков были открыты лишь три планеты с гуманоидным населением, и эта планета — одна их трех; а когда насмотришься на чудовищ, то при виде знакомых человеческих очертаний на душе теплеет. Появляется уверенность в себе. Встретить гуманоидов в дальнем космосе — все равно что попасть в колонию соотечественников за границей.

Туземцы хлынули внутрь; поместилось человек двенадцать, а остальным пришлось ожидать снаружи. Приятно было на них смотреть: одна голова, два глаза, один нос, две руки, две ноги, десять пальцев — старый добрый комплект. От команды крейсера туземцы почти ничем не отличались, разве только были пониже ростом, поуже в кости да кожа у них была яркого, насыщенного цвета меди.

Предводитель заговорил на древнем языке космолингва, старательно произнося слова, будто с трудом вызубрил их у учителей, передававших эти слова из поколения в поколение.

— Вы земляне?

— Ты прав как никогда,— радостно ответил Бентон.— Я пилот Бентон. На этих двух кретинов можешь не обращать внимания — просто бесполезный груз.

Гость выслушал его тираду неуверенно и чуть смущенно. Он с сомнением оглядел «кретинов» и снова перенес свое внимание на Бентона.

— Я филолог Дорка, один из тех, кому доверено было сохранить ваш язык до сего дня. Мы вас ждали. Фрэйзер заверил нас, что рано или поздно вы явитесь. Мы думали, что вы пожалуете к нам гораздо раньше.— Он не сводил черных глаз с Бентона — наблюдал за ним, рассматривал, силился проникнуть в душу. Его глаза не светились радостью встречи; скорее в них отражалось странное, тоскливое смятение, смесь надежды и страха, кото-

рые каким-то образом передавались остальным туземцам и постепенно усиливались.— Да, мы вас ждали много раньше.

— Возможно, нам и следовало прибыть сюда гораздо раньше,— согласился Бентон, отрезвев от неожиданной холодности приема. Как бы случайно он нажал на кнопку в стене, прислушался к почти неразличимым сигналам скрытой аппаратуры.— Но мы, военные астролетчики, летим, куда прикажут и когда прикажут, а до недавнего времени нам не было команды насчет Шаксембендера. Кто такой Фрэйзер? Тот самый разведчик, что обнаружил вашу планету?

— Конечно.

— Гм! Наверное, его отчет затерялся в бюрократических архивах, где, возможно, до сих пор пылится масса других бесценных отчетов. Эти сорвиголовы старых времен, такие следопыты космоса, как Фрэйзер, попадали далеко за официально разрешенные границы, рисковали головами и шкурами, привозили пятиметровые списки погибших и пропавших без вести. Пожалуй, единственная форма жизни, которой они боялись,— это престарелый бюрократ в очках. Вот лучший способ охладить пыл каждого, кто страдает избытком энтузиазма: подшить его отчет в папку и тут же обо всем забыть.

— Быть может, оно и к лучшему,— осмелился подать голос Дорка. Он бросил взгляд на кнопку в стене, но удержался от вопроса о ее назначении.— Фрэйзер говорил, что чем больше пройдет времени, тем больше надежды.

— Вот как?— Озадаченный Бентон попытался прочитать что-нибудь на меднокожем лице туземца, но оно было непроницаемо.— А что он имел в виду?

Дорка заерзал, облизнул губы и вообще всем своим видом дал понять, что сказать больше — значит сказать слишком много. Наконец он ответил:

— Кто из нас может знать, что имел в виду землянин? Земляне сходны с нами и все же отличны от нас, ибо процессы нашего мышления не всегда одинаковы.

Слишком уклончивый ответ никого не удовлетворил. Чтобы добиться взаимопонимания — а это единственно надежная основа, на которой можно строить союзничество,— необходимо докопаться до горькой сути дела. Но Бентон не стал себя затруднять. На это у него была особая причина.

Ласковым голосом, с обезоруживающей улыбкой Бентон сказал Дорке:

— Надо полагать, ваш Фрэйзер, рассчитывая на более близкие сроки, исходил из того, что появятся более крупные и быстроходные звездолеты, чем известные ему. Тут он чуть-чуть просчитался. Звездолеты действительно стали крупнее, но их скорость почти не изменилась.

— Неужели?— Весь вид Дорки показывал, что скорость космических кораблей не имеет никакого отношения к тому, что его угнетает. В вежливом «Неужели?» отсутствовало удивление, отсутствовала заинтересованность.

— Они могли бы двигаться гораздо быстрее,— продолжал Бентон,— если бы мы удовольствовались чрезвычайно низкими запасами прочности, принятыми во времена Фрейзера. Но эпоха лозунга «Смерть или слава!» давно миновала. В наши дни уже не строят гробов для самоубийц. От светила к светилу мы добираемся в целом виде и в чистом белье.

Всем троим стало ясно, что Дорке до этого нет дела. Он был поглощен чем-то совершенно другим. И его спутники тоже. Приязнь, скованная

смутным страхом. Предчувствие дружбы, скрытое под черной пеленой сомнений. Туземцы напоминали детей, которым до смерти хочется погладить неведомого зверя, но страшно: вдруг укусит?

Общее отношение к пришельцам было до того очевидно и до того противоречило ожидаемому, что Бентон невольно попытался найти логическое объяснение. Он ломал себе голову так и этак, пока его внезапно не осенила мысль: может быть, Фрэйзер — до сих пор единственный землянин, известный туземцам,— рассорился с хозяевами планеты, после того как переслал свой отчет? Наверно, были разногласия, резкие слова, угрозы и в конце концов вооруженный конфликт между этими меднокожими и закаленным во многих передрягах землянином. Наверняка Фрэйзер отчаянно сопротивлялся и на целых триста лет поразил воображение аборигенов удачной конструкцией и смертоносной силой земного оружия.

По тому же или подобному пути шли, должно быть, мысли Стива Рэндла, ибо он вдруг выпалил, обращаясь к Дорке:

— Как умер Фрэйзер?

— Когда Сэмюэл Фрэйзер нашел нас, он был немолод. Он сказал, что мы будем его последним приключением, так как пора уже пускать корни. И вот он остался с нами и жил среди нас до старости, а потом стал немощен, и в нем угасла последняя искра жизни. Мы сожгли его тело, как он просил.

— Ага!— сказал Рэндл обескураженно. Ему в голову не пришло спросить, отчего Фрэйзер не искал прибежища на своей родной планете — Земле. Всем известно, что давно распущенный Корпус Астроразведчиков состоял исключительно из убежденных одиночек.

— Еще до смерти Фрэйзера мы расплавили и использовали металл корабля,— продолжал Дорка.— Когда он умер, мы перенесли все, что было на корабле, в храм; там же находится посмертная маска Фрэйзера, его бюст работы лучшего нашего скульптора и портрет в полный рост, написанный самым талантливым художником. Все эти реликвии целы, в Тафло их берегут и почитают.— Он обвел взглядом троих астронавтов и спокойно прибавил:— Не хотите ли пойти посмотреть?

Нельзя было придумать более невинный вопрос и задать его более кротким тоном; тем не менее у Бентона появилось странное чувство, словно под ногами разверзлась вырытая для него яма. Это чувство усиливалось из-за того, что меднокожие ждали ответа с плохо скрытым нетерпением.

— Не хотите ли пойти посмотреть?

«„Заходи, красотка, в гости",— мухе говорил паук».

Инстинкт, чувство самосохранения, интуиция — как ни называй, нечто заставило Бентона зевнуть, потянуться и ответить утомленным голосом:

— С огромным удовольствием, но мы проделали долгий-предолгий путь и здорово измотались. Ночь спокойного сна — и мы переродимся. Что, если завтра с утра?

Дорка поспешил рассыпаться в извинениях:

— Простите меня. Мы навязали вам свое общество, не успели вы появиться. Пожалуйста, извините нас. Мы так давно ждали, только поэтому и не подумали...

— Совершенно не в чем извиняться,— заверил его Бентон, тщетно пытаясь примирить свою инстинктивную настороженность с искренним, трогательным огорчением Дорки.— Все равно мы бы не легли, пока не установили с вами контакт. Не могли бы глаз сомкнуть. Как видите, своим приходом вы избавили нас от многих хлопот.

Чуть успокоенный, но все еще пристыженный тем, что он считал недостатком такта, Дорка вышел в шлюзовую камеру и увел за собою спутников.

— Мы оставим вас, чтобы вы отдохнули и выспались, и я сам позабочусь, чтобы вам никто не досаждал. Утром мы вернемся и отведем вас в город.— Он опять обвел всех троих испытующим взглядом.— И покажем Храм Фрэйзера.

Он удалился. Закрылась шлюзовая камера. А в голове у Бентона звонили колокола тревоги.

Присев на край пульта управления, Джо Гибберт растирал себе уши и разглагольствовал:

— Чего я терпеть не могу, так это торжественных приемов: громогласные приветствия и трубный рев массовых оркестров меня просто оглушают. Почему бы не вести себя сдержанно, не разговаривать тихим голосом и не пригласить нас в мавзолей или куда-нибудь в этом роде?

Стив Рэндл нахмурился и серьезно ответил:

— Тут что-то нечисто. У них был такой вид, точно они с надеждой приветствуют богатого дядюшку, больного оспой. Хотят, чтобы их упомянули в завещании, но не желают остаться рябыми.— Он посмотрел на Бентона.— А ты как думаешь, грязнуля небритый?

— Я побреюсь, когда один нахальный ворюга вернет мне бритву. И я не намерен думать, пока не соберу нужных данных.— Открыв замаскированную нишу чуть пониже кнопки, Бентон вынул оттуда шлем из платиновой сетки, от которого отходил тонкий кабель.— Эти-то данные я сейчас и усвою.

Он закрепил на себе шлем, тщательно поправил его, включил какие-то приборы в нише, откинулся на спинку кресла и, казалось, погрузился в транс. Остальные заинтересованно наблюдали. Бентон сидел молча, прикрыв глаза, и на его худощавом лице попеременно отражались самые разнообразные чувства. Наконец он снял шлем, уложил на место, в тайник.

— Ну?— нетерпеливо сказал Рэндл.

— Полоса частот его мозга совпадает с нашими, и приемник без труда уловил волны мыслей,— провозгласил Бентон.— Все воспроизведено в точности, но... прямо не знаю.

— Вот это осведомлённость,— съязвил Гибберт.— Он не знает!

Не обратив внимания, Бентон продолжал:

— Все сводится к тому, что туземцы еще не решили, любить ли нас или убить.

— Что?— Стив Рэндл встал в воинственную позу.— А с какой стати нас убивать? Мы ведь не сделали им ничего плохого.

— Мысли Дорки рассказали нам многое, но не все. В частности, рассказали, что с годами Фрэйзера почитали все больше и больше, и в конце концов это почитание переросло чуть ли не в религию. Чуть ли, но не совсем. Как единственный пришелец из другого мира, он стал выдающейся личностью в их истории, понимаете?

— Это можно понять,— согласился Рэндл.— Но что с того?

— Триста лет создали ореол святости вокруг всего, что говорил и делал Фрэйзер. Вся полученная от него информация сохраняется дословно, его советы лелеются в памяти, его предостережениями никто не смеет пренебречь.— На миг Бентон задумался.— А Фрэйзер предостерегал их: велел опасаться Земли, какой она была в его время.

— Велел он им при первом же случае снять с нас живых кожу?— осведомился Гибберт.

— Нет, этого он как раз не говорил. Он предупредил их, что земляне, те, которых он знал, сделают выводы не в их пользу, это принесет им страдания и горе, и может случиться так, что они будут вечно сожалеть о контакте между двумя планетами, если у них не хватит ума и воли насильно прервать вредный контакт.

— Фрэйзер был стар, находился в последнем путешествии и собирался пустить корни,— заметил Рэндл.— Знаю я таких. Еле на ногах держатся, ходят вооруженные до зубов и считают себя молодцами, а на самом деле весь заряд давно вышел. Этот тип слишком много времени провел в космосе и свихнулся. Пари держу: ему нигде не было так хорошо, как в летящем звездолете.

— Все может быть.— В голосе Бентона послышалось сомнение.— Но вряд ли. Жаль, что мы ничего не знаем об этом Фрэйзере. Для нас он только забытое имя, извлеченное на свет божий из письменного стола какого-то бюрократа.

— В свое время и я стану тем же,— меланхолически вставил Гибберт.

— Так или иначе, одним предупреждением он не ограничился; последовало второе — чтобы они не слишком-то спешили нас отвадить, ибо не исключено, что тогда они потеряют лучших своих друзей. Характеры людей меняются, поучал Фрэйзер туземцев. Любое изменение может послужить к лучшему, и настанет день, когда Шаксембендеру нечего будет бояться. Чем позднее мы установим с ним контакт, утверждал он, тем дальше продвинемся на пути к будущему, тем выше вероятность перемен.— Бентон принял озабоченный вид.— Учтите, что, как я уже говорил, эти взгляды стали равносильны священным заповедям.

— Приятно слышать,— заворчал Гибберт.— Судя по тому, что́ Дорка наивно считает своими затаенными мыслями — а может, то же самое думают и все его соотечественники,— нас либо вознесут, либо перебьют, в зависимости от того, усовершенствовались ли мы по их разумению и соответствуем ли критерию, завещанному чокнутым покойником. Кто он, собственно, такой, чтобы судить, дозрели мы до общения с туземцами или нет? По какому признаку намерены определить это сами туземцы? Откуда им знать, изменились ли мы и как изменились за последние триста лет? Не понимаю...

Бентон перебил его:

— Ты попал своим грязным пальцем как раз в больное место. Они считают, что могут судить. Даже уверены в этом.

— Каким образом?

— Если мы произнесем два определенных слова при определенных обстоятельствах, то мы пропали. Если не произнесем — все в порядке.

Гибберт с облегчением рассмеялся.

— Во времена Фрэйзера на звездолетах не устанавливались мыслефоны. Их тогда еще не изобрели. Он не мог их предвидеть, правда?

— Безусловно.

— Значит,— продолжал Гибберт, которого забавляла простота ситуации,— ты нам только скажи, какие обстоятельства представлял себе Дорка и что это за роковые слова, а мы уж придержим языки и докажем, что мы славные ребята.

— Все, что зарегистрировано насчет обстоятельств,— это туманный мысленный образ, указывающий, что они имеют какое-то отношение к этому самому храму,— объявил Бентон.— Храм определенно будет испытательным участком.

— А два слова?

— Не зарегистрированы.

— Отчего? Разве он их не знает?— чуть побледнев, спросил Гибберт.

— Понятия не имею.— Бентон не скрывал уныния.— Разум оперирует образами, значением слов, а не их написанием. Значения облекаются звуками, когда человек разговаривает. Поэтому не исключено, что он вообще не знает этих слов, а может быть, его мысли о них не регистрируются, потому что ему неизвестно значение.

— Да это ведь могут быть любые слова! Слов миллионы!

— В таком случае вероятность работает на нас,— мрачно сказал Бентон.— Есть, правда, одна оговорка.

— Какая?

— Фрэйзер родился на Земле, он хорошо изучил землян. Естественно, в качестве контрольных он выбрал слова, которые, как он считал, землянин произнесет скорее всего, а потом уж надеялся, что ошибется.

В отчаянии Гибберт хлопнул себя по лбу.

— Значит, с утра пораньше мы двинемся в этот музей, как быки на бойню. Там я разину пасть — и не успею опомниться, как обрасту крылышками и в руках у меня очутится арфа. Все потому, что эти меднолицые свято верят в западню, поставленную каким-то космическим психом.— Он раздраженно уставился на Бентона.— Так как, удерем отсюда, пока не поздно, и доложим обстановку на Базе или рискнем остаться?

— Когда это флот отступал?— вопросом же ответил Бентон.

— Я знал, что ты так ответишь.

Гибберт покорился тому неизбежному, что сулил им завтрашний день.

Утро выдалось безоблачное и прохладное. Все трое были готовы, когда появился Дорка в сопровождении десятка туземцев — может быть, вчерашних, а может быть, и нет. Судить было трудно: все туземцы казались на одно лицо.

Поднявшись на борт звездолета, Дорка спросил со сдержанной сердечностью:

— Надеюсь, вы отдохнули? Мы вас не потревожим?

— Не в том смысле, как ты считаешь,— вполголоса пробормотал Гибберт. Он не сводил глаз с туземцев, а обе руки его как бы случайно лежали у рукоятей двух тяжелых пистолетов.

— Мы спали как убитые.— Ответ Бентона против его воли прозвучал зловеще.— Теперь мы готовы ко всему.

— Это хорошо. Я рад за вас.— Взгляд темных глаз Дорки упал на пистолеты.— Оружие?— Он удивленно моргнул, но выражение его лица не изменилось.— Да ведь оно здесь не понадобится! Разве ваш Фрэйзер не уживался с нами в мире и согласии? Кроме того, мы, как видите, безоружны. Ни у кого из нас нет даже удочки.

— Тут дело не в недоверии,— провозгласил Бентон.— В военно-космическом флоте мы всего лишь жалкие рабы многочисленных предписаний. Одно из требований устава — носить оружие во время установления всех первых официальных контактов. Вот мы и носим.— Он послал собеседнику очаровательную улыбку.— Если бы устав требовал, чтобы мы носили травяные юбки, соломенные шляпы и картонные носы, вы увидели бы забавное зрелище.

Если Дорка и не поверил несообразной басне о том, как люди рабски повинуются уставу даже на таком расстоянии от Базы, он этого ничем не выказал. Примирился с тем, что земляне вооружены и останутся при оружии независимо от того, какое впечатление произведет это обстоятельство на коренных жителей планеты.

В этом отношении у него было преимущество: он находился на своей земле, на своей территории. Личное оружие, даже в умелых руках, ничего

не даст при неоспоримом численном превосходстве противника. В лучшем случае можно дорого продать свои жизни. Но бывают случаи, когда за ценой не стоят.

— Вас там ждет Лиман — хранитель храма,— сообщил Дорка.— Он тоже хорошо владеет космолингвой. Весьма ученый человек. Давайте сначала навестим его, а потом осмотрим город. Или у вас есть другие пожелания?

Бентон колебался. Жаль, что этого Лимана вчера не было среди гостей. Более чем вероятно, что он-то знает два заветных слова. Мыслефон извлек бы их из головы Лимана и подал бы на тарелочке после его ухода, а тогда ловушка стала бы безвредной. В храме нельзя будет покопаться в мозгу Лимана, так как карманных моделей мыслефона не существует, и ни хозяева планеты, ни гости не наделены телепатическими способностями.

В храме вокруг них будут толпиться туземцы — бесчисленное множество туземцев, одержимых страхом неведомых последствий, следящих за каждым движением пришельцев, впитывающих каждое слово, выжидающих, выжидающих... и так до тех пор, пока кто-то из космонавтов сам не подаст сигнала к бойне.

Два слова, нечаянно произнесенных слова, удары, борьба, потные тела, проклятия, тяжелое дыхание, быть может, даже выстрел-другой.

Два слова.

И смерть!

А потом примирение с совестью — заупокойная служба над трупами. Медные лица исполнены печали, но светятся верой, и по храму разносится молитва: «Их испытали согласно твоему завету, и с ними поступили согласно твоей мудрости. Их бросили на весы праведности, и их чаша не перетянула меру. Хвала тебе, Фрэйзер, за избавление от тех, кто нам не друг».

Такая же участь постигнет команду следующего звездолета, и того, что придет за ним, и так до тех пор, пока Земля либо не отгородит этот мир от главного русла межгалактической цивилизации, либо жестоко не усмирит его.

— Итак, чего вы желаете?— настаивал Дорка, с любопытством глядя ему в лицо.

Вздрогнув, Бентон отвлекся от своих бессвязных мыслей; он сознавал, что на него устремлены все глаза. Гибберт и Рэндл нервничали. Лицо Дорки выражало лишь вежливую заботу, ни в коей мере не кровожадность и не воинственность. Конечно, это ничего не значило.

Откуда-то донесся голос — Бентон не сразу понял, что это его собственный: «Когда это флот отступал?»

Громко и твердо Бентон сказал:

— Сначала пойдемте в храм.

Ничем — ни внешностью, ни осанкой — Лиман не напоминал первосвященника чужой, инопланетной религии. Ростом выше среднего (по местным понятиям), спокойный, важный и очень старый, он был похож на безобидного дряхлого библиотекаря, давно укрывшегося от обыденной жизни в мире пыльных книг.

— Вот это,— сказал он Бентону,— фотографии земной семьи, которую Фрэйзер знал только в детстве. Вот его мать, вот его отец, а вот это диковинное мохнатое существо он называл собакой.

Бентон посмотрел, кивнул, ничего не ответил. Все это очень заурядно, очень банально. У каждого бывает семья. У каждого есть отец и мать, а у многих — своя собака. Он изобразил горячий интерес, которого не испы-

тывал, и попробовал прикинуть на глаз, сколько в комнате туземцев. От шестидесяти до семидесяти, да и на улице толпа. Слишком много.

С любопытством педанта Лиман продолжал:

— У нас таких тварей нет, а в записках Фрэйзера они не упомянуты. Что такое собака?

Вопрос! На него надо отвечать. Придется открыть рот и заговорить. Шестьдесят пар глаз, если не больше, прикованы к его губам. Шестьдесят пар ушей, если не больше прислушиваются и выжидают. Неужто настала роковая минута?

Мышцы Бентона непроизвольно напряглись в ожидании удара ножом в спину, и он с деланной беспечностью разлепил губы:

— Домашнее животное, преданное, смышленое.

Ничего не случилось.

Ослабло ли чуть-чуть напряжение — или оно с самого начала существовало лишь в обостренном воображении Бентона? Теперь не угадаешь.

Лиман показал какой-то предмет и, держа его как драгоценнейшую реликвию, проговорил:

— Эту вещь Фрэйзер называл своим неразлучным другом. Она приносила ему великое утешение, хотя нам непонятно, каким образом.

Это была старая, видавшая виды, покрытая трещинами трубка. Она наводила только на одну мысль: как жалки личные сокровища, когда их владелец мертв. Бентон понимал, что надо что-нибудь сказать, но не знал, что именно. Гибберт и Рэндл упорно притворялись немыми.

К их облегчению, Лиман отложил трубку, не задавая уточняющих вопросов. Следующим экспонатом был лучевой передатчик покойного разведчика; корпус был с любовным тщанием надраен до блеска. Именно этот устаревший передатчик послал отчет Фрэйзера в ближайший населенный сектор, откуда, переходя с планеты на планету, он попал на Земную базу.

Затем последовали пружинный нож, хронометр в родиевом корпусе, бумажник, автоматическая зажигалка — уйма мелкого старья. Четырнадцать раз Бентон холодел, вынужденный отвечать на вопросы или реагировать на замечания. Четырнадцать раз общее напряжение — действительное или воображаемое — достигало вершины, а затем постепенно спадало.

— Что это такое?— осведомился Лиман и подал Бентону сложенный лист бумаги.

Бентон осторожно развернул лист. Оказалось, что это типографский бланк завещания. На нем торопливым, но четким и решительным почерком были набросаны несколько слов:

«Сэмюэлу Фрэйзеру, номеру 727 земного корпуса космических разведчиков, нечего оставить после себя, кроме доброго имени».

Бентон вновь сложил документ, вернул его Лиману и перевел слова Фрэйзера на космолингву.

— Он был прав,— заметил Лиман.— Но что в мире ценнее?

Он обернулся к Дорке и коротко проговорил что-то на местном языке — земляне ничего не поняли. Потом сказал Бентону:

— Мы покажем вам облик Фрэйзера. Сейчас вы увидите его таким, каким его знали мы.

Гибберт подтолкнул Бентона локтем.

— С чего это он перешел на чужую речь?— спросил он по-английски, следуя дурному примеру туземцев.— А я знаю: он не хотел, чтобы мы поняли, о чем они толкуют. Держись, друг, сейчас начнется. Я это нутром чую.

Бентон пожал плечами, оглянулся: на него наседали туземцы, они окружали его со всех сторон и сжимали в слишком тесном кольце; с минуты на минуту им придется действовать молниеносно, а ведь в такой толчее это невозможно. Все присутствующие смотрели на дальнюю стену, и все лица приняли благоговейно-восторженное выражение, словно вот-вот их жизнь озарится неслыханным счастьем.

Из всех уст вырвался единодушный вздох: престарелый Лиман раздвинул занавеси и открыл изображение Человека Извне. Бюст в натуральную величину на сверкающем постаменте и портрет, написанный масляными красками, высотою метра в два. Судя по всему, оба шедевра отлично передавали сходство.

Долгое молчание. Все, казалось, ждали, что скажут земляне. Так ждут оглашения приговора в суде. Но сейчас, в этой нелепо запутанной и грозной ситуации, бремя вынесения приговора было возложено на самих подсудимых. Те, кого здесь негласно судят, должны сами признать себя виновными или невиновными в неведомом преступлении, совершенном неведомо когда и как.

У всех троих не было никаких иллюзий: они знали, что наступил кризис. Чувствовали это интуитивно, читали на медных лицах окружающих. Бентон оставался серьезным. Рэндл переминался с ноги на ногу, будто не мог решить, в какую сторону кинуться, когда придет время. Воинственный фаталист Гибберт стоял, широко расставив ноги, держа руки у пистолетов, и всем своим видом показывал, что просто так жизнь не отдаст.

— Итак,— внезапно посуровевшим голосом нарушил молчание Лиман,— что вы о нем думаете?

Никакого ответа. Земляне сбились в кучку, настороженные, готовые к худшему, и разглядывали портрет разведчика, умершего триста лет назад. Никто не произнес ни слова.

Лиман нахмурился. Голос его прозвучал резко:

— Вы, надеюсь, не разучились говорить?

Он форсировал решение вопроса, торопил с окончательным ответом. Для вспыльчивого Гибберта этого оказалось больше чем достаточно. Он выхватил из-за пояса пистолеты и заговорил неистово, с обидой:

— Не знаю, что вы хотите услышать, да и нет мне до этого дела. Но вот что я скажу, нравится вам это или не нравится: Фрэйзер — никакой не бог. Всякому видно. Обыкновенный, простой косморазведчик эпохи первооткрывателей, а ближе и не дано человеку подойти к божескому званию.

Если он ожидал взрыва ярости, его постигло разочарование. Все ловили каждое слово, но никто не считал, что он богохульствует.

Напротив, два-три слушателя миролюбиво закивали в знак одобрения.

— Космос порождает особые характеры,— вставил Бентон для ясности.— Это относится к землянам, марсианам и любым другим разумным существам, освоившим космос. При некотором навыке можно распознать космонавтов с первого взгляда.— Он облизнул пересохшие губы и докончил:— Поэтому Фрэйзер, типичный космопроходец, нам представляется заурядным человеком. Не так уж много можно о нем сказать.

— Сегодня в космическом флоте таких, как он, дают десяток за пенни,— прибавил Гибберт.— И так всегда будет. Это всего лишь люди с неизлечимым зудом. Иной раз они вершат потрясающие дела, а иной раз нет. У всех у них храбрости хоть отбавляй, но не всем улыбается удача. Фрэйзеру просто неслыханно повезло. Он ведь мог разыскать полсотни бесплодных планет, а вот наткнулся на ту, где живут гуманоиды. Такие события делают историю.

Гибберт замолчал. Он открыто наслаждался своим триумфом. Приятно, если высказывание в сложных обстоятельствах, когда собственный язык может навлечь на тебя внезапную насильственную смерть, сходит с рук. Два слова. Два привычных, часто употребляемых слова, а он каким-то чудом избежал их, не зная, что это за слова.

— Больше вам нечего сказать?— спросил внимательно наблюдающий за ними Лиман.

Бентон мирно ответил:

— Да нет. Пожалуй, можно добавить, что нам было приятно увидеть изображения Фрэйзера. Жаль, его нет в живых. Он бы обрадовался, что Земля наконец-то откликнулась на его зов.

На мрачном лице Лимана медленно проступила улыбка. Он подал туземцам какой-то неуловимый знак и задернул картину занавесями.

— Теперь, когда вы тут все осмотрели, Дорка проведет вас в городской центр. Высокопоставленные особы из нашего правительства горят желанием побеседовать с вами. Разрешите сказать, как я рад нашему знакомству. Надеюсь, в скором времени к нам пожалуют и другие ваши соотечественники...

— У нас есть еще одно дело,— поспешно прервал его Бентон.— Нам бы хотелось переговорить с тобой с глазу на глаз.

Слегка удивленный Лиман указал на одну из дверей:

— Хорошо. Пройдите сюда, пожалуйста.

Бентон потянул Дорку за рукав.

— И ты тоже. Это и тебя касается.

В уединённой комнате Лиман усадил землян в кресла, сел сам.

— Итак, друзья мои, в чем дело?

— Среди новейшей аппаратуры на нашем звездолете,— начал Бентон,— есть такой робот-хранитель: он читает мысли любых разумных существ, у которых процессы мышления подобны нашим. Возможно, пользоваться таким аппаратом неэтично, зато это необходимая и весьма действенная мера предосторожности. Предупрежден — значит, вооружен, понимаете?— Он лукаво улыбнулся.— Мы прочитали мысли Дорки.

— Что?!— воскликнул Дорка, вскочив на ноги.

— Из них мы узнали, что нам грозит туманная, но несомненная опасность,— продолжал Бентон.— По ним выходило, что вы нам друзья, что вы хотите и надеетесь стать нашими друзьями... Но какие-то два слова откроют вам нашу враждебную сущность и покажут, что нас надо встретить как врагов. Если мы произнесем эти слова, нам конец! Теперь мы, конечно, знаем, что не произнесли этих слов, иначе мы бы сейчас не беседовали так мирно. Мы выдержали испытание. Но все равно, я хочу спросить.— Он подался вперед, проникновенно глядя на Лимана.— Какие это слова?

Задумчиво потирая подбородок, ничуть не огорченный услышанным, Лиман ответил:

— Совет Фрэйзера был основан на знании, которым мы не владели и владеть не могли. Мы приняли этот совет, не задавая вопросов, не ведая, из чего исходил Фрэйзер и каков был ход его рассуждений, ибо сознавали, что он черпает из кладезя звездной мудрости, недоступной нашему разумению. Он просил, чтобы мы вам показали его храм, его вещи, его портрет. И если вы скажете два слова...

— Какие два слова?— настаивал Бентон.

Закрыв глаза, Лиман внятно и старательно произнес эти слова, будто совершил старинный обряд.

Бентон снова откинулся на спинку кресла. Он ошеломленно уставился на Рэндла и Гибберта, те ответили таким же взглядом. Все трое были озадачены и разочарованы.

Наконец Бентон спросил:

— Это на каком же языке?

— На одном из языков Земли,— заверил его Лиман.— На родном языке Фрэйзера.

— А что это значит?

— Вот уж не знаю.— Лиман был озадачен не меньше землян.— Понятия не имею, что это значит. Фрэйзер никому не объяснил смысла, и никто не просил у него объяснений. Мы заучили эти слова и упражнялись в их произношении, ибо то были завещанные нам слова предостережения, вот и все.

— Ума не приложу,— сознался Бентон и почесал в затылке.— За всю свою многогрешную жизнь не слышал ничего похожего.

— Если это земные слова, они, наверное, слишком устарели, и сейчас их помнит в лучшем случае какой-нибудь заумный профессор, специалист по мертвым языкам,— предположил Рэндл. На мгновение он задумался, потом прибавил:— Я где-то слыхал, что во времена Фрэйзера о космосе говорили «вакуум», хотя там полно различных форм материи и он похож на что угодно, только не на вакуум.

— А может быть, это даже и не древний язык Земли,— вступил в дискуссию Гибберт.— Может быть, это слова старинного языка космонавтов или архаичной космолингвы...

— Повтори их,— попросил Бентон.

Лиман любезно повторил. Два простых слова — и никто их никогда не слыхал.

Бентон покачал головой.

— Триста лет — немыслимо долгий срок. Несомненно, во времена Фрэйзера эти слова были распространены. Но теперь они отмерли, похоронены, забыты — забыты так давно и так прочно, что я даже и гадать не берусь об их значении.

— Я тоже,— поддержал его Гибберт.— Хорошо, что никого из нас не переутомляли образованием. Страшно подумать: ведь астролетчик может безвременно сойти в могилу только из-за того, что помнит три-четыре устаревших звука.

Бентон встал.

— Ладно, нечего думать о том, что навсегда исчезло. Пошли, сравним местных бюрократов с нашими.— Он посмотрел на Дорку.— Ты готов вести нас в город?

После недолгого колебания Дорка смущенно спросил:

— А приспособление, читающее мысли, у вас с собой?

— Оно намертво закреплено в звездолете,— рассмеялся Бентон и одобряюще хлопнул Дорку по плечу.— Слишком громоздко, чтобы таскать за собой. Думай о чем угодно и веселись, потому что твои мысли останутся для нас тайной.

Выходя, трое землян бросили взгляд на занавеси, скрывающие портрет седого чернокожего человека, косморазведчика Сэмюэла Фрэйзера.

— «Поганый ниггер»!— повторил Бентон запретные слова.— Непонятно. Какая-то чепуха!

— Просто бессмысленный набор звуков,— согласился Гибберт.

— Набор звуков,— эхом откликнулся Рэндл.— Кстати, в старину это называли смешным словом. Я его вычитал в одной книге. Сейчас вспомню.— Задумался, просиял.— Есть! Это называлось «абракадабра».

АЙЗЕК АЗИМОВ

ПРОФЕССИЯ[1]

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он перевернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего товарища по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого еще более обострились за те полтора года, которые он провел в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неуемный огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Темно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде нисколько его не взволновало.

— Я знаю, Джордж,— произнес он.

Джордж многим был обязан терпению и доброте Хали; бывали минуты, когда он очень в них нуждался, но даже доброта и терпение могут стать поперек глотки. Разве сейчас можно сидеть с невозмутимым видом идола, вырезанного из дерева теплого, сочного цвета?

Джордж подумал, не станет ли он сам таким же через десять лет жизни в этом месте, и с негодованием отогнал эту мысль. Нет!

— По-моему, ты забыл, что значит май,— вызывающе сказал он.

— Я очень хорошо помню, что он значит,— отозвался его собеседник.— Ровным счетом ничего! Ты забыл об этом, а не я. Май ничего не значит для тебя, Джорджа Плейтена... и для меня, Хали Омани,— негромко добавил он.

— Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли,— произнес Джордж.— К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и все это, по-твоему, ничего не значит?

— Абсолютно ничего. И вообще, какое мне дело до того, что завтра первое мая?

Беззвучно шевеля губами, Омани стал водить пальцем по строчкам книги, которую он читал,— видимо, ему попалось трудное место.

Джордж молча наблюдал за ним. «К черту!— подумал он.— Закричи, завизжи! Это-то ты можешь? Ударь меня, ну, сделай хоть что-нибудь!»

Лишь бы не быть одиноким в своем гневе. Лишь бы разделить с кем-нибудь переполнявшее его возмущение, отделаться от мучительного чувства, что только он, он один умирает медленной смертью!

В те первые недели, когда весь мир представлялся ему тесной оболочкой, сотканной из какого-то смутного света и неясных звуков,— тогда было лучше. А потом появился Омани и вернул его к жизни, которая того не стоила.

---

[1] Печатается по изд.: А. Азимов. Путь марсиан.— М.: Мир, 1966.

Омани! Он-то стар! Ему уже по крайней мере тридцать. «Неужели и я в этом возрасте буду таким же?— подумал Джордж.— Стану таким, как он, через каких-нибудь двенадцать лет?»

И оттого, что эта мысль вселила в него панический страх, он заорал на Омани:

— Брось читать эту идиотскую книгу!

Омани перевернул страницу и, прочитав еще несколько слов, поднял голову, покрытую шапкой жестких курчавых волос.

— А?— спросил он.

— Какой толк от твоего чтения?— Джордж решительно шагнул к Омани, презрительно фыркнул: — Опять электроника!— и вышиб книгу из его рук.

Омани неторопливо встал и поднял книгу. Без всякого раздражения он разгладил смятую страницу.

— Можешь считать, что я удовлетворяю свое любопытство,— произнес он.— Сегодня я пойму кое-что, а завтра, быть может, пойму немного больше. Это тоже своего рода победа.

— Победа! Какая там победа? И больше тебе ничего не нужно от жизни? К шестидесяти пяти годам приобрести четверть знаний, которыми располагает дипломированный инженер-электронщик?

— А может быть, не к шестидесяти пяти годам, а к тридцати пяти?

— Кому ты будешь нужен? Кто тебя возьмет? Куда ты пойдешь с этими знаниями?

— Никому. Никто. Никуда. Я останусь здесь и буду читать другие книги.

— Но этого тебе достаточно? Рассказывай! Ты заманил меня на занятия. Ты заставил меня читать и заучивать прочитанное. А зачем? Это не приносит мне никакого удовлетворения.

— Что толку в том, что ты лишаешь себя возможности получать удовлетворение?

— Я решил наконец покончить с этим фарсом. Я сделаю то, что собирался сделать с самого начала, до того как ты умаслил меня и лишил воли к сопротивлению. Я заставлю их... заставлю...

Омани отложил книгу, а когда Джордж, не договорив, умолк, задал вопрос:

— Заставишь, Джордж?

— Заставлю исправить эту вопиющую несправедливость. Все было подстроено. Я доберусь до этого Антонелли и заставлю его признаться, что он... он...

Омани покачал головой.

— Каждый, кто попадает сюда, настаивает на том, что произошла ошибка. Мне казалось, что у тебя этот период уже позади.

— Не называй это периодом,— злобно сказал Джордж.— В отношении меня действительно была допущена ошибка. Я ведь говорил тебе...

— Да, ты говорил, но в глубине души ты прекрасно сознаешь, что в отношении тебя никто не совершил никакой ошибки.

— Не потому ли, что никто не желает в этом сознаваться? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них добровольно признает свою ошибку?.. Но я заставлю их сделать это.

Во всем виноват был май, месяц Олимпиады. Это он возродил в Джордже былую ярость, и он ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел: ведь ему грозила опасность все забыть.

— Я собирался стать программистом вычислительных машин, и я действительно могу им быть, что бы они там ни говорили, ссылаясь на

результаты анализа.— Он стукнул кулаком по матрасу.— Они не правы. И не могут они быть правы.

— В анализах ошибки исключены.

— Значит, не исключены. Ведь ты же не сомневаешься в моих способностях?

— Способности не имеют к этому ровно никакого отношения. Мне кажется, что тебе достаточно часто это объясняли. Почему ты никак не можешь понять?

Джордж отодвинулся от него, лег на спину и угрюмо уставился в потолок.

— А кем ты хотел стать, Хали?

— У меня не было определенных планов. Думаю, что меня вполне устроила бы профессия гидропониста.

— И ты считал, что тебе это удастся?

— Я не был в этом уверен.

Никогда раньше Джордж не расспрашивал Омани о его жизни. Мысль о том, что у других обитателей приюта тоже были свои стремления и надежды, показалась ему не только странной, но даже почти противоестественной. Он был потрясен. Подумать только — гидропонист!

— А тебе не приходило в голову, что ты попадешь сюда?

— Нет, но, как видишь, я все-таки здесь.

— И тебя это удовлетворяет. Ты на самом деле всем доволен. Ты счастлив. Тебе здесь нравится, и ничего другого ты не хочешь.

Омани медленно встал и аккуратно начал разбирать постель.

— Джордж, ты неисправим,— произнес он.— Ты терзаешь себя, потому что отказываешься признать очевидные факты. Ты находишься в заведении, которое называешь приютом, но я ни разу не слышал, чтобы ты произнес его название полностью. Так сделай это теперь, Джордж, сделай! А потом ложись в кровать и проспись.

Джордж скрипнул зубами и ощерился.

— Нет! — сказал он сдавленно.

— Тогда это сделаю я,— сказал Омани, и, отчеканивая каждый слог, он произнес роковые слова.

Джордж слушал, испытывая глубочайший стыд и горечь. Он отвернулся.

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твердо знал, что станет дипломированным программистом,— он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый,— первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет.

Когда День образования оставался позади, появлялись новые темы для разговоров: можно было обсуждать различные профессиональные вопросы, хвалить свою жену и детей, рассуждать о шансах любимой космобольной команды или вспоминать Олимпиаду. Но до наступления Дня образования лишь одна тема неизменно вызывала всеобщий интерес — и это был День образования.

«Кем ты хочешь быть? Думаешь, тебе это удастся? Ничегошеньки у тебя не выйдет. Справься в ведомостях — квоту же урезали. А вот логистика...».

Или «а вот гипермеханика...», или «а вот связь...», или «а вот гравитика...»

Гравитика была тогда самой модной профессией. За несколько лет до того, как Джорджу исполнилось восемнадцать лет, появился гравитационный двигатель, и все только и говорили, что о гравитике. Любая планета в радиусе десяти световых лет от звезды-карлика отдала бы правую руку, лишь бы заполучить хоть одного дипломированного инженера-гравитационника.

Но Джорджа это не прельщало. Да, конечно, такая планета отдаст все свои правые руки, какие только сумеет наскрести. Однако Джордж слышал и о том, что случалось в других, только что возникших областях техники. Немедленно начнутся рационализация и упрощение. Каждый год будут появляться новые модели, новые типы гравитационных двигателей, новые принципы. А потом все эти баловни судьбы в один прекрасный день обнаружат, что они устарели, их заменят новые специалисты, получившие образование позже, и им придется заняться неквалифицированным трудом или отправиться на какую-нибудь захудалую планету, которая пока еще не догнала другие миры.

Между тем спрос на программистов оставался неизменным из года в год, из столетия в столетие. Он никогда не возрастал стремительно, не взвинчивался до небес, а просто медленно и неуклонно увеличивался в связи с освоением новых миров и усложнением старых.

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревельяном. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своем мнении.

Дело в том, что отец Тревельяна, дипломированный металлург, в свое время работал на одной из дальних планет, а его дед тоже был дипломированным металлургом. Естественно, что сам Коротышка не колеблясь остановил свой выбор на этой профессии, которую считал чуть ли не неотъемлемым правом своей семьи, и был твердо убежден, что все другие специальности не слишком-то респектабельны.

— Металл будет существовать всегда,— заявил он,— и когда ты создаешь сплав с заданными свойствами и наблюдаешь, как слагается его кристаллическая решётка, ты видишь результат своего труда. А что делает программист? Целый день сидит за кодирующим устройством, пичкая информацией какую-нибудь дурацкую электронную машину длиной в милю.

Но Джордж уже в шестнадцать лет отличался практичностью.

— Между прочим, вместе с тобой будет выпущен еще миллион металлургов,— спокойно указал он.

— Потому что это прекрасная профессия. Самая лучшая.

— Но ведь ты попросту затеряешься в их массе, Коротышка, и можешь оказаться где-то в хвосте. Каждая планета может сама зарядить нужных ей металлургов, а спрос на усовершенствованные земные модели не так уж велик, да и нуждаются в них главным образом малые планеты. Ты ведь знаешь, какой процент общего выпуска дипломированных металлургов получает направление на планеты класса А. Я поинтересовался — всего лишь 13,3 процента. А это означает семь шансов из восьми, что тебя засунут на какую-нибудь третьесортную планету, где в лучшем случае

есть водопровод. А то и вовсе можешь застрять на Земле — такие составляют 2,3 процента.

— Не вижу в этом ничего позорного,— вызывающе заявил Тревельян.— Земле тоже нужны специалисты. И хорошие. Мой дед был земным металлургом.— Подняв руку, Тревельян небрежно провел пальцем по еще не существующим усам.

Джордж знал про дедушку Тревельяна, и, памятуя, что его собственные предки тоже работали на Земле, не стал ехидничать, а, наоборот, дипломатично согласился:

— В этом, безусловно, нет ничего позорного. Конечно, нет. Однако попасть на планету класса А — это вещь, скажешь нет? Теперь возьмем программиста. Только на планетах класса А есть такие вычислительные машины, для которых действительно нужны высококвалифицированные программисты, и поэтому только эти планеты и берут их. К тому же ленты по программированию очень сложны и для них годится далеко не всякий. Планетам класса А нужно больше программистов, чем может дать их собственное население. Это же чистая статистика. На миллион человек приходится в среднем, скажем, один первоклассный программист. И если на планете живет десять миллионов, а им там требуется двадцать программистов, они вынуждены обращаться к Земле, чтобы получить еще пять, а то и пятнадцать специалистов. Верно? А знаешь, сколько дипломированных программистов отправилось в прошлом году на планеты класса А? Не знаешь? Могу тебе сказать. Все до единого! Если ты программист, можешь считать, что ты уже там. Так-то!

Тревельян нахмурился.

— Если только один человек из миллиона годится в программисты, почему ты думаешь, что у тебя это выйдет?

— Выйдет, можешь быть спокоен,— сдержанно ответил Джордж. Он никогда не осмелился бы рассказать ни Тревельяну, ни даже своим родителям, что́ именно он делает и почему так уверен в себе. Он был абсолютно спокоен за свое будущее. (Впоследствии, в дни безнадежности и отчаяния, именно это воспоминание стало самым мучительным.) Он был так же непоколебимо уверен в себе, как любой восьмилетний ребенок накануне Дня чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования.

Ну, конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребенок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например.

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они еще десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад.

Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный и моросил сентябрьский дождь. (День чтения — в сентябре, День образования — в ноябре, Олимпиада — в мае. На эту тему сочиняли даже детские стишки.) Было еще темно, и Джордж одевался при стенном свете. Родители его волнова-

лись гораздо больше, чем он сам. Отец Джорджа был дипломированным трубопрокладчиком и работал на Земле, чего втайне стыдился, хотя все понимали, что бóльшая часть каждого поколения неизбежно должна остаться на Земле.

Сама Земля нуждалась в фермерах, шахтерах и даже в инженерах. Для работы на других планетах требовались только самые последние модели высококвалифицированных специалистов, и из восьми миллиардов земного населения туда ежегодно отправлялось всего лишь несколько миллионов человек. Естественно, не каждый житель Земли мог попасть в их число.

Но каждый мог надеяться, что по крайней мере кому-нибудь из его детей доведется работать на другой планете, и Плейтен старший, конечно, не был исключением. Он видел (как, впрочем, видели и совершенно посторонние люди), что Джордж отличается незаурядными способностями и большой сообразительностью. Значит, его ждет блестящая будущность, тем более, что он единственный ребенок в семье. Если Джордж не попадет на другую планету, то его родителям придется возложить все надежды на внуков, а когда-то еще у них появятся внуки!

Сам по себе День чтения, конечно, мало что значил, но в то же время только он мог показать хоть что-нибудь до наступления того, другого, знаменательного дня. Когда дети возвращались домой, все родители Земли внимательно слушали, как они читают, стараясь уловить особенную беглость, чтобы истолковать ее как счастливое предзнаменование. Почти в любой семье подрастал такой многообещающий ребенок, на которого со Дня чтения возлагались огромные надежды только потому, что он легко справлялся с трехсложными словами.

Джордж смутно сознавал, отчего так волнуются его родители, и в то дождливое утро его безмятежный детский покой смущал только страх, что радостное выражение на лице отца может угаснуть, когда он вернется домой и покажет, как он научился читать.

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. Серые стены и напряженность, с которой держались дети, стеснявшиеся непривычной нарядной одежды, нагнали на Джорджа тоску.

Он инстинктивно поступил так же, как другие: отыскав кучку ребят, живших с ним на одном этаже, он присоединился к ним.

Тревельян, мальчик из соседней квартиры, все еще разгуливал в длинных локонах, а от маленьких бачков и жидких рыжеватых усов, которые ему предстояло отрастить, едва он станет к этому физиологически способен, его отделяли еще многие годы.

Тревельян (для которого Джордж тогда был еще Джооджи) воскликнул:

— Ага! Струсил, струсил!

— Вот и нет!— возразил Джордж и затем доверительно сообщил:— А папа с мамой положили печатный лист на мою тумбочку,и, когда я вернусь домой, я прочту им все до последнего словечка. Вот! (В тот момент наибольшее мучение Джорджу причиняли его собственные руки, которые он не знал куда девать. Ему строго-настрого приказали не чесать голову, не тереть уши, не ковырять в носу и не засовывать руки в карманы. Так что же ему было с ними делать?)

Зато Тревельян как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и заявил:

— А вот мой папа ничуточки не беспокоится.

Тревельян старший почти семь лет работал металлургом на Дипории, и, хотя теперь он вышел на пенсию и жил опять на Земле, соседи смотрели на него снизу вверх.

Возвращение на Землю не очень поощрялось из-за проблемы перенаселенности, но все же кое-кому удавалось вернуться. Прежде всего, жизнь на Земле была дешевле, и пенсия, мизерная в условиях Дипории, на Земле выглядела весьма солидно. Кроме того, некоторым людям особенно приятно демонстрировать свои успехи именно перед друзьями детства и знакомыми, а не перед всей остальной Вселенной.

Свое возвращение Тревельян старший объяснил еще и тем, что, останься он на Дипории, там пришлось бы остаться и его детям, а Дипория имела сообщение только с Землей. Живя же на Земле, его дети смогут в будущем попасть на любой из миров, даже на Новию.

Коротышка Тревельян рано усвоил эту истину. Еще до Дня чтения он беззаботно верил, что в конце концов будет жить на Новии, и говорил об этом как о деле решенном.

Джордж, подавленный мыслью о будущем величии Тревельяна и сознанием собственного ничтожества, немедленно в целях самозащиты перешел в наступление.

— Мой папа тоже не беспокоится. Ему просто хочется послушать, как я читаю! Ведь он знает, что читать я буду очень хорошо. А твой отец просто не хочет тебя слушать: он знает, что у тебя ничего не выйдет.

— Нет, выйдет! А чтение — это ерунда. Когда я буду жить на Новии, я найму людей, чтобы они мне читали.

— Потому что сам ты читать не научишься! Потому что ты дурак!

— А как же я тогда попаду на Новию?

И Джордж, окончательно выведенный из себя, посягнул на основу основ:

— А кто это тебе сказал, что ты попадешь на Новию? Никуда ты не попадешь. Вот!

Коротышка Тревельян покраснел.

— Ну, уж трубопрокладчиком, как твой папаша, я не буду!

— Возьми назад, что сказал, дурак!

— Сам возьми!

Они были готовы броситься друг на друга. Драться им, правда, совсем не хотелось, но возможность заняться чем-то привычным в этом чужом месте сама по себе была уже облегчением. А к тому же Джордж сжал кулаки и встал в боксерскую стойку, так что мучительная проблема — куда девать руки — временно разрешилась. Остальные дети возбужденно обступили их.

Но тут же все кончилось: по залу внезапно разнесся усиленный громкоговорителями женский голос — и сразу наступила тишина. Джордж разжал кулаки и забыл о Тревельяне.

— Дети,— произнес голос,— сейчас мы будем называть ваши фамилии. Тот, кто услышит свою фамилию, должен тут же подойти к одному из служителей, которые стоят у стен. Вы видите их? Они одеты в красную форму, и вы легко их заметите. Девочки пойдут направо, мальчики — налево. А теперь посмотрите, какой человек в красном стоит к вам ближе всего...

Джордж сразу же увидел своего служителя и стал ждать, когда его вызовут. Он еще не был посвящен в тайну алфавита, и к тому времени, когда дошла очередь до его фамилии, уже начал волноваться.

Толпа детей редела, ручейками растекаясь к красным фигурам.

Когда наконец было произнесено имя «Джордж Плейтен», он испытал невыразимое облегчение и упоительную радость: его уже вызвали, а Коротышку — нет!

Уходя, Джордж бросил ему через плечо:

— Ага, Коротышка! А может, ты им вовсе и не нужен?

Но его приподнятое настроение быстро улетучилось. Его поставили рядом с незнакомыми детьми и всех повели по коридорам. Они испуганно переглядывались, но заговорить никто не осмеливался, и слышалось только сопение да иногда сдавленный шепот: «Не толкайся!» и «Эй, ты, поосторожней!»

Им роздали картонные карточки и велели их не терять. Джордж стал с любопытством рассматривать свою карточку. Он увидел маленькие черные значки разной формы. Он знал, что это называется печатными буквами, но был не в состоянии представить себе, как из них получаются слова.

Его и еще четверых мальчиков отвели в отдельную комнату и велели им раздеться. Они быстро сбросили свою новую одежду и стояли теперь голые и маленькие, дрожа скорее от волнения, чем от холода. Лаборанты быстро, по очереди ощупывали и исследовали их с помощью каких-то странных инструментов, кололи им пальцы, чтобы взять кровь для анализа, а потом каждый брал карточки и черной палочкой торопливо выводил на них аккуратные ряды каких-то значков. Джордж пристально вглядывался в эти новые значки, но они оставались такими же непонятными, как и старые. Затем детям велели одеться.

Они сели на маленькие стулья и снова стали ждать. Их опять начали вызывать по фамилиям, и Джорджа Плейтена вызвали третьим.

Он вошел в большую комнату, заполненную страшными аппаратами с множеством кнопок и прозрачных панелей. В самом центре комнаты стоял письменный стол, за которым, устремив взгляд на кипу лежавших перед ним бумаг, сидел какой-то мужчина.

— Джордж Плейтен? — спросил он.

— Да, сэр,— дрожащим шепотом ответил Джордж, который в результате длительного ожидания и бесконечных переходов из комнаты в комнату начал волноваться. Он уже мечтал о том, чтобы все это поскорее кончилось.

Человек за письменным столом сказал:

— Меня зовут доктор Ллойд. Как ты себя чувствуешь, Джордж?

Произнося эту фразу, доктор не поднял головы. Казалось, он повторял эти слова так часто, что ему уже не нужно было смотреть на того, к кому он обращался.

— Хорошо.

— Ты боишься, Джордж?

— Н-нет, сэр,— ответил Джордж, и даже от него самого не укрылось, как испуганно прозвучал его голос.

— Вот и прекрасно,— произнес доктор.— Ты же знаешь, что бояться нечего. Ну-ка, Джордж, посмотрим! На твоей карточке написано, что твоего отца зовут Питер и что по профессии он дипломированный трубопрокладчик. Имя твоей матери Эми, и она дипломированный специалист по домоведению. Правильно?

— Д-да, сэр.

— А ты родился 13 февраля и год назад перенес инфекционное заболевание уха. Так?

— Да, сэр.

— А ты знаешь, откуда мне это известно?

— Я думаю, все это есть на карточке.

— Совершенно верно,— доктор в первый раз взглянул на Джорджа и улыбнулся, показав ровные зубы. На вид он был гораздо моложе отца Джорджа — и Джордж несколько успокоился.

Доктор протянул ему карточку.

— Ты знаешь, что означают эти значки?

И хотя Джорджу было отлично известно, что этого он не знает, от неожиданности он взглянул на карточку с таким вниманием, словно по велению судьбы внезапно научился читать. Но значки по-прежнему оставались непонятными, и он вернул карточку доктору.

— Нет, сэр.

— А почему?

У Джорджа вдруг мелькнуло подозрение: а не сошел ли с ума этот доктор? Разве он этого не знает сам?

— Потому что я не умею читать, сэр.

— А тебе хотелось бы научиться читать?

— Да, сэр.

— А зачем, Джордж?

Джордж в недоумении вытаращил глаза. Никто никогда не задавал ему такого вопроса, и он растерялся.

— Я не знаю, сэр,— запинаясь, произнес он.

— Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать еще очень многое. И эти знания ты будешь получать из таких вот карточек, из книг, с телевизионных экранов. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым. Тебе это понятно?

— Да, сэр.

— Ты боишься, Джордж?

— Нет, сэр.

— Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы начнем. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе все-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну, как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

— Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. Родители не раз рассказывали ему про все это. Они тоже говорили, что ему не будет больно. Но зато ребята постарше, которым исполнилось десять, а то и двенадцать лет, всегда дразнили ожидавших своего Дня чтения восьмилеток и кричали: «Берегитесь иглы!» А другие, отозвав малыша в какой-нибудь укромный уголок, по секрету сообщали: «Они разрежут тебе голову вот таким большущим ножом с крючком на конце» — и добавляли множество жутких подробностей.

Джордж никогда не принимал это за чистую монету, но тем не менее по ночам его мучили кошмары. И теперь, испытывая непередаваемый ужас, он закрыл глаза.

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издалека, и его заглушал звук стучавшей в ушах крови, такой гулкий, словно все происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек пленки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмурив брови.

Жужжание прекратилось.

— Уже все?— прошептал Джордж.

— Да,— не переставая хмуриться, произнес доктор.

— И я уже умею читать?— Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

— Что?— переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка.— Все идет, как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся другой машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты все-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и все прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребенку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее. Однако он не знал твердо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.

Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь легкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.

Откуда-то глухо донесся голос доктора:

— Ну, как, Джордж, все в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства, весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему... шептал... шептал...

Он напряженно старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и шепотом лежал толстый войлок.

Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

— Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку — и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они слагались в слова, которые он понимал так отчетливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

— Так что же на ней написано, Джордж?

— На ней написано... написано... «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен, место...» — от волнения он не мог продолжать.

— Ты умеешь читать, Джордж,— сказал доктор.— Все уже позади.

— И я никогда не разучусь? Никогда?

— Ну конечно же, нет.— Доктор наклонился и серьезно пожал ему руку.— А сейчас тебя отправят домой.

Прошел не один день, прежде чем Джордж освоился со своей новой, замечательной способностью. Он так бегло читал отцу вслух, что Плейтен старший не смог сдержать слез умиления и поспешил поделиться этой радостной новостью с родственниками.

Джордж бродил по городу, читая все попадавшиеся ему по пути надписи, и не переставал удивляться тому, что было время, когда он их не понимал.

Он пытался вспомнить, что это такое — не уметь читать, и не мог. Ему казалось, будто он всегда умел читать. Всегда.

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле. А коренастый, широкоплечий Тревельян, который был ниже его разве что на дюйм, по-прежнему выглядел настоящим коротышкой. Однако за последний год он стал очень самолюбив и никому не позволял безнаказанно употреблять это прозвище. Впрочем, настоящее имя нравилось ему еще меньше, и его называли просто Тревельяном или каким-нибудь прилично звучавшим сокращением фамилии. А чтобы еще более подчеркнуть свое возмужание, он упорно отращивал баки и жесткие, как щетина, усики.

Сейчас он вспотел от волнения, и Джордж, к тому времени тоже сменивший картавое «Джооджи» на односложное гортанное «Джордж», глядел на него, посмеиваясь.

Они находились в том же огромном зале, где их однажды уже собирали десять лет назад (и куда они с тех пор ни разу не заходили). Казалось, внезапно воплотилось в действительность туманное сновидение из далекого прошлого. В первые минуты Джордж был очень удивлен, обнаружив, что все здесь как будто стало меньше и теснее, но потом он сообразил, что это вырос он сам.

Собралось их здесь меньше, чем в тот, первый раз, и одни юноши. Для девушек был назначен другой день.

— Не понимаю, почему нас заставляют ждать так долго,— вполголоса сказал Тревельян.

— Обычная волокита,— заметил Джордж.— Без нее не обойдешься.

— И откуда в тебе это идиотское спокойствие?— раздраженно поинтересовался Тревельян.

— А мне не из-за чего волноваться.

— Послушать тебя, так уши вянут! Надеюсь, ты станешь дипломированным возчиком навоза, вот тогда-то я на тебя погляжу.— Он окинул толпу угрюмым, тревожным взглядом.

Джордж тоже посмотрел по сторонам. На этот раз система была иной, чем в День чтения. Все шло гораздо медленнее, а инструкции были розданы сразу в печатном виде — значительное преимущество перед устными инструкциями еще не умеющим читать детям. Фамилии «Плейтен» и «Тревельян» по-прежнему стояли в конце списка, но теперь они уже знали, в чем дело.

Юноши один за другим выходили из проверочных комнат. Нахмурившись и явно испытывая неловкость, они забирали свою одежду и вещи и отправлялись узнавать результаты.

Каждого окружала с каждым разом все более редевшая кучка тех, кто еще ждал своей очереди. «Ну, как?», «Очень трудно было?», «Как по-твоему, что тебе дали?», «Чувствуешь разницу?»— раздавалось со всех сторон.

Ответы были туманными и уклончивыми.

Джордж, напрягая всю волю, держался в стороне. Такие разговоры — лучший способ вывести человека из равновесия. Все единогласно утверждали, что больше всего шансов у тех, кто сохраняет спокойствие. Но, несмотря ни на что, он чувствовал, как у него постепенно холодеют руки.

Забавно, как с годами приходят новые заботы. Например, высококвалифицированные специалисты отправляются работать на другие планеты только с женами (или мужьями). Ведь на всех планетах необходимо поддерживать правильное соотношение числа мужчин и женщин. А какая девушка откажется выйти за человека, которого посылают на планету класса А? У Джорджа не было на примете никакой определенной девушки, да он и не интересовался ими. Еще не время. Вот когда его мечта осуществится и он получит право добавлять к своему имени слова «дипломированный программист», вот тогда он, как султан в гареме, сможет выбрать любую. Эта мысль взволновала его, и он постарался тут же выкинуть ее из головы. Необходимо сохранять спокойствие.

— Что же это все-таки может значить?— пробормотал Тревельян.— Сначала тебе советуют сохранять спокойствие и хладнокровие, а потом тебя ставят в такое вот положение — тут только и сохранять спокойствие!

— Может быть, это нарочно? Чтобы с самого начала отделить мужчин от мальчиков? Легче, легче, Трев!

— Заткнись!

Наконец вызвали Джорджа, но не по радио, как в тот раз,— его фамилия вспыхнула на световом табло.

Джордж помахал Тревельяну рукой.

— Держись, Трев! Не волнуйся.

Когда он входил в проверочную комнату, он был счастлив. Да, счастлив!

— Джордж Плейтен?— спросил человек, сидевший за столом.

На миг в сознании Джорджа с необыкновенной четкостью возник образ другого человека, который десять лет назад задал такой же вопрос, и ему вдруг показалось, что перед ним тот же доктор, а он, Джордж, переступив порог, снова превратился в восьмилетнего мальчугана.

Сидевший за столом поднял голову — его лицо, конечно, не имело ничего общего с образом, всплывшим из глубин памяти Джорджа. У этого нос был картошкой, волосы жидкие и спутанные, а под подбородком висела складка, словно прежде он был очень толстым, а потом вдруг сразу похудел.

— Ну?— раздраженно произнес он.

Джордж очнулся.

— Да, я Джодж Плейтен, сэр.

— Так и говорите. Я — доктор Зэкери Антонелли. Сейчас мы с вами познакомимся поближе.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки пленки.

Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же пленку. Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую папку и осторожно отложил в сторону пленки.

— Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

— Да, доктор.

— Вы не передумали?

— Нет, сэр.

— Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

— Да, сэр.

— Большинство людей, еще не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся повредить себе.

— Наверное так, сэр.

— А вас это не пугает?

— Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.

Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

— Почему вы хотите стать программистом?

— Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

— Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня,— с тревогой подумал Джордж.— Спокойно, Джордж, говори правду».

— Мне кажется, что у программиста на это бóльшие шансы,— произнес он,— но, даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне все равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так и я не лгу»,— подумал Джордж.)

— Пусть так, но откуда вы это знаете?

Вопрос был задан таким тоном, словно на него нельзя было ответить разумно, и Джордж еле сдержал улыбку. У него-то имелся ответ!

— Я читал о программировании, сэр,— сказал он.

— *Что?*

На лице доктора отразилось неподдельное изумление, и это доставило Джорджу удовольствие.

— Я читал о программировании, сэр,— повторил он.— Я купил книгу на эту тему и изучал ее.

— Книгу, предназначенную для дипломированных программистов?

— Да, сэр.

— Но ведь вы могли не понять то, что там написано.

— Да, вначале. Но я достал другие книги по математике и электронике и разобрался в них, насколько мог. Я, конечно, знаю не так уж много, но все-таки достаточно, чтобы понять, что мне нравится эта профессия и что я могу быть программистом. (Даже его родители ничего не знали о тайнике, где он хранил эти книги, и не догадывались, почему он проводит так много времени в своей комнате и почему не высыпается.)

Доктор оттянул пальцами дряблую складку под подбородком.

— А зачем вы это делали, друг мой?

— Мне хотелось проверить, действительно ли эта профессия интересна.

— Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите ее, если физическое устройство вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода. Вам ведь это известно?

— Мне говорили об этом,— осторожно ответил Джордж.

— Так поверьте, что это правда.

Джордж промолчал.

— Или вы думаете, что изучение какого-нибудь предмета перестроит мозговые клетки в нужном направлении? А еще одна теорийка рекомен-

дует беременной женщине чаще слушать прекрасную музыку, если она хочет, чтобы ребенок стал композитором. Вы, значит, верите в это?

Джордж покраснел. Конечно, он думал и об этом. Он полагал, что, постоянно упражняя свой интеллект в избранной области, он получит таким образом дополнительное преимущество. Его уверенность в значительной мере объяснялась именно этим.

— Я никогда...— начал было он, но не нашел, что сказать.

— Ну, так это неверно, молодой человек! К моменту рождения ваш мозг уже окончательно сформирован. Он может быть изменен ударом, достаточно сильным, чтобы повредить его клетки, или разрывом кровеносного сосуда, или опухолью, или тяжелым инфекционным заболеванием — в любом случае обязательно к худшему. Но повлиять на строение мозга, упорно о чем-то думая, попросту невозможно.— Он задумчиво посмотрел на Джорджа и добавил:— Кто вам посоветовал делать это?

Окончательно расстроившись, Джордж судорожно глотнул и ответил:

— Никто, доктор. Это моя собственная идея.

— А кто знал об этих ваших занятиях?

— Никто. Доктор, я не хотел ничего плохого.

— Кто сказал, что это плохо? Бесполезно, только и всего. А почему вы скрывали свои занятия?

— Я... я думал, что надо мной будут смеяться. (Он вдруг вспомнил о недавнем споре с Тревельяном. Очень осторожно, как будто эта мысль только зародилась в самом отдаленном уголке его сознания, Джордж высказал предположение, что, пожалуй, можно кое-чему научиться, черпая знания, так сказать, вручную, постепенно и понемногу. Тревельян оглушительно расхохотался: «Джордж, не хватает еще, чтобы ты начал дубить кожу для своих башмаков и сам ткать материю для своих рубашек». И тогда он обрадовался, что сумел хорошо сохранить свою тайну.)

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли перекладывал с места на место кусочки пленки, которые рассматривал в начале их разговора. Наконец он произнес:

— Займемся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьемся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад.

Руки Джорджа были липкими от пота, его сердце отчаянно колотилось. Зачем, зачем он сказал доктору, что тайком читает книги?

Всему виной было его проклятое тщеславие. Ему захотелось щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью, а вместо этого он продемонстрировал свое суеверие и невежество и восстановил доктора против себя. (Он чувствовал, что Антонелли возненавидел его за самодовольную развязность.)

А теперь он довел себя до такого возбуждения, что анализатор, конечно, покажет полную бессмыслицу.

Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усилием воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распростился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

— Наверно, нет?— уныло спросил он.

— Что нет?

— Из меня не выйдет программиста?

Доктор потер нос и сказал:

— Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату 15-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и мое заключение.

— Разве я уже получил образование?— изумленно спросил Джордж.— Мне казалось, что это только...

Доктор Антонелли внимательно посмотрел на письменный стол.

— Вам все объяснят. Делайте, как я сказал.

Джордж почувствовал смятение. Что от него утаивают? Он годится только для профессии дипломированного чернорабочего, и его хотят подготовить, заставить смириться с этой судьбой?

Он сразу полностью уверовал в правильность своей догадки, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы не закричать.

Спотыкаясь, он побрел к своему месту в зале. Тревельяна там не было, и, если бы Джордж в тот момент был способен осмысленно воспринимать окружающее, он обрадовался бы этому обстоятельству. В зале вообще уже почти никого не осталось, а те немногие, которые, судя по их виду, как будто намеревались его порасспросить, были слишком измучены ожиданием своей очереди в конце алфавита, чтобы выдержать его свирепый, полный злобной ненависти взгляд.

По какому праву они будут квалифицированными специалистами, а он — чернорабочим? Чернорабочим! Он был в этом уверен.

Служитель в красной форме повел его по коридорам, полным деловой суеты, мимо комнат, в каждой из которых помещалась та или иная группа специалистов — где два, а где пять человек: механики-мотористы, инженеры-строители, агрономы... Существовали сотни различных профессий, и значительная их часть будет представлена в этом году по крайней мере одним или двумя жителями его родного городка.

В эту минуту Джордж ненавидел их всех: статистиков, бухгалтеров, тех, кто поважнее, и тех, кто помельче. Он ненавидел их за то, что они уже получили свои знания и им была ясна их дальнейшая судьба, а его самого, все еще не обученного, ждала какая-то новая волокита.

Наконец он добрался до двери с номером 15-С. Его ввели в пустую комнату и оставили одного. На какой-то миг он воспрянул духом. Ведь, если бы эта комната предназначалась для чернорабочих, тут уже сидело бы много его сверстников.

Дверь в невысокой, в половину человеческого роста, перегородке скользнула в паз, и в комнату вошел пожилой седовласый мужчина. Он улыбнулся, показав ровные, явно фальшивые зубы, однако на его румяном лице не было морщин, а голос сохранил звучность.

— Добрый вечер, Джордж,— сказал он.— Я вижу, что на этот раз к нам в сектор попал только один из вас.

— Только один?— с недоумением повторил Джордж.

— Ну, по всей Земле таких, как вы, наберется несколько тысяч. Да, тысяч. Вы не одиноки.

Джордж почувствовал раздражение.

— Я ничего не понимаю, сэр,— сказал он.— Какова моя классификация? Что происходит?

— Полегче, друг мой. Ничего страшного. Это могло бы случиться с кем угодно.— Он протянул руку, и Джордж, машинально взяв ее, почувствовал крепкое пожатие.— Садитесь. Меня зовут Сэм Элленфорд.

Джордж нетерпеливо кивнул.

— Я хочу знать, в чем дело, сэр.

— Естественно. Во-первых, Джордж, вы не можете быть программистом. Я думаю, что вы и сами об этом догадались.

— Да,— с горечью согласился Джордж.— Но кем же я тогда буду?

— Это очень трудно объяснить, Джордж.— Он помолчал и затем отчетливо произнес:— Никем.

— Что?!

— Никем!

— Что это значит? Почему вы не можете дать мне профессию?

— Мы тут бессильны, Джордж, у нас нет выбора. За нас решает устройство вашего мозга.

Лицо Джорджа стало землистым, глаза выпучились.

— Мой мозг никуда не годится?

— Да как сказать. Но в отношении профессиональной классификации — можете считать, что он действительно не годится.

— Но почему?

Элленфорд пожал плечами.

— Вам, конечно, известно, как осуществляется на Земле программа образования. Практически любой человек может усвоить любые знания, но каждый индивидуальный мозг лучше подходит для одних видов знаний, чем для других. Мы стараемся по возможности сочетать устройство мозга с соответствующими знаниями в пределах квоты на специалистов каждой профессии.

Джордж кивнул.

— Да, я знаю.

— Но иногда, Джордж, нам попадается молодой человек, чей интеллект не подходит для наложения на него каких бы то ни было знаний.

— Другими словами, я не способен получить образование?

— Вот именно.

— Но это безумие. Ведь я умен. Я могу понять...— Он беспомощно оглянулся, как бы отыскивая какую-нибудь возможность доказать, что его мозг работает нормально.

— Вы неправильно меня поняли,— очень серьезно произнес Элленфорд.— Вы умны. Об этом вопроса не встает. Более того, ваш интеллект даже выше среднего. К сожалению, это не имеет никакого отношения к тому, подходит ли он для наложения знаний. Вообще сюда почти всегда попадают умные люди.

— Вы хотите сказать, что я не могу стать даже дипломированным чернорабочим?— пролепетал Джордж. Внезапно ему показалось, что даже это лучше, чем открывшаяся перед ним пустота.— Что особенного нужно знать, чтобы быть чернорабочим?

— Вы недооцениваете чернорабочих, молодой человек. Существует множество разновидностей этой профессии, и каждая из этих разновидностей имеет свой комплекс довольно сложных знаний. Вы думаете, не требуется никакого искусства, чтобы правильно поднимать тяжести? Кроме того, для профессии чернорабочего мы должны отбирать не только подходящий тип мозга, но и подходящий тип тела. Вы не годитесь для этого, Джордж. Если бы вы стали чернорабочим, вас хватило бы ненадолго.

Джордж знал, что не обладает крепким телосложением.

— Но я никогда не слышал ни об одном человеке без профессии,— возразил он.

— Таких людей немного,— ответил Элленфорд.— И мы оберегаем их.

— Оберегаете?— Джордж почувствовал, как в его душе растут смятение и страх.

— Вы находитесь под опекой планеты, Джордж. С того момента, как вы вошли в эту дверь, мы приступили к своим обязанностям.— И он улыбнулся.

Это была добрая улыбка. Джорджу она показалась улыбкой собственника, улыбкой взрослого, обращенной к беспомощному ребенку.

— Значит, я попаду в тюрьму?— спросил он.

— Ни в коем случае. Вы просто будете жить с себе подобными.

«С себе подобными!» Эти слова громом отдались в ушах Джорджа.

— Вам нужны особые условия. Мы позаботимся о вас,— сказал Элленфорд.

К своему ужасу, Джордж вдруг залился слезами. Элленфорд отошел в другой конец комнаты и, как бы задумавшись о чем-то, отвернулся.

Джордж напрягал все силы, и судорожные рыдания сменились всхлипываниями, а потом ему удалось подавить и их. Он думал о своем отце, о матери, о друзьях, о Тревельяне, о своем позоре...

— Я же научился читать!— возмущенно сказал он.

— Каждый нормальный человек может научиться этому. Нам никогда не приходилось сталкиваться с исключениями. Но именно на этом этапе мы обнаруживаем... э... э... исключения. Когда вы научились читать, Джордж, мы узнали об особенностях вашего мышления. Дежурный врач уже тогда сообщил о некотором его своеобразии.

— Неужели вы не можете попробовать дать мне образование? Ведь вы даже не пытались сделать это. Весь риск я возьму на себя.

— Закон запрещает нам это, Джордж. Но, послушайте, все будет хорошо. Вашим родителям мы представим дело в таком свете, что это не огорчит их. А там, куда вас поместят, вы будете пользоваться некоторыми привилегиями. Мы дадим вам книги, и вы сможете изучать все, что пожелаете.

— Собирать знания по зернышку,— горько произнес Джордж.— И к концу жизни я буду знать как раз достаточно, чтобы стать дипломированным младшим клерком в отделе скрепок.

— Однако, если не ошибаюсь, вы уже пробовали учиться по книгам.

Джордж замер. Его мозг пронзила страшная догадка.

— Так вот оно что...

— Что?

— Этот ваш Антонелли! Он хочет погубить меня!

— Нет, Джордж, вы ошибаетесь.

— Не разуверяйте меня.— Джорджа охватила безумная ярость.— Этот поганый ублюдок решил расквитаться со мной за то, что я оказался для него слишком умным. Я читал книги и пытался подготовиться к профессии программиста. Ладно, какого отступного вы хотите? Деньги? Так вы их не получите. Я ухожу, и когда я объявлю об этом...

Он перешел на крик.

Элленфорд покачал головой и нажал кнопку.

В комнату на цыпочках вошли двое мужчин и с двух сторон приблизились к Джорджу. Они прижали его руки к бокам, и один из них поднес к локтевой впадине его правой руки воздушный шприц. Снотворное проникло в вену и подействовало почти мгновенно.

Крики Джорджа тут же оборвались, голова поникла, колени подогнулись, и только служители, поддерживавшие его с обеих сторон, не дали ему, спящему, рухнуть на пол.

Как и было обещано, о Джордже позаботились. Его окружили вниманием и были к нему неизменно добры — Джорджу казалось, что он сам

точно так же обращался бы с больным котенком.

Ему сказали, что он должен взять себя в руки и найти для себя какой-нибудь интерес в жизни. Потом ему объяснили, что большинство тех, кто попадает сюда, вначале всегда предается отчаянию и что со временем у него это пройдет. Но он даже не слышал их.

Джорджа посетил сам доктор Элленфорд и рассказал, что его родителям сообщили, будто он получил особое назначение.

— А они знают?..— пробормотал Джордж.

Элленфорд поспешил успокоить его:

— Мы не вдавались в подробности.

Первое время Джордж отказывался есть и ему вводили питание внутривенно. От него спрятали острые предметы и приставили к нему охрану. В его комнате поселился Хали Омани, и флегматичность нигерийца подействовала на Джорджа успокаивающе.

Однажды, снедаемый отчаянной скукой, Джордж попросил какую-нибудь книгу. Омани, который сам постоянно что-то читал, поднял голову и широко улыбнулся. Не желая доставлять им удовольствия, Джордж чуть было не взял назад свою просьбу, но потом подумал: «А не все ли равно?»

Он не уточнил, о чем именно хочет читать, и Омани принес ему книгу по химии. Текст был напечатан крупными буквами, составлен из коротких слов и пояснялся множеством картинок. Это была книга для подростков, и Джордж с яростью швырнул ее об стену.

Таким он будет всегда. На всю жизнь он останется подростком, человеком, не получившим образования, и для него будут писать специальные книги. Изнывая от ненависти, он лежал в кровати и глядел в потолок, однако через час, угрюмо насупившись, встал, поднял книгу и принялся за чтение.

•

Через неделю он кончил ее и попросил другую.

— А первую отнести обратно?— спросил Омани.

Джордж нахмурился. Кое-чего он не понял, но он еще не настолько потерял чувство собственного достоинства, чтобы сознаться в этом.

— Впрочем, пусть остается,— сказал Омани.— Книги предназначены для того, чтобы их читали и перечитывали.

Это произошло в тот самый день, когда он наконец принял приглашение Омани посмотреть заведение, в котором они находились. Он плелся за нигерийцем, бросая вокруг быстрые злобные взгляды.

О да, это место не было тюрьмой! Ни запертых дверей, ни стен, ни охраны. Оно напоминало тюрьму только тем, что его обитатели не могли его покинуть.

И все-таки было приятно увидеть десятки подобных себе людей. Ведь слишком легко могло показаться, что во всем мире только ты один так... искалечен.

— А сколько здесь живет человек?— пробормотал он.

— Двести пять, Джордж, и это не единственное в мире заведение такого рода. Их тысячи.

Где бы он ни проходил, люди поворачивались в его сторону и провожали его глазами — и в гимнастическом зале, и на теннисных кортах, и в библиотеке. (Никогда в жизни он не представлял себе, что может существовать такое количество книг; ими были битком — именно битком — на-

биты длинные полки.) Все с любопытством рассматривали его, а он бросал в ответ яростные взгляды. Уж они-то ничем не лучше его, как же они смеют глазеть на него, словно на какую-нибудь диковинку!

Всем им, по-видимому, было лет двадцать — двадцать пять.

— А что происходит с теми, кто постарше?— неожиданно спросил Джордж.

— Здесь живут только более молодые,— ответил Омани, а затем, словно вдруг поняв скрытый смысл вопроса Джорджа, укоризненно покачал головой и добавил:— Их не уничтожают, если ты это имеешь в виду. Для старшего возраста существуют другие приюты.

— А впрочем, мне наплевать...— пробормотал Джордж, почувствовав, что проявил к этому слишком большой интерес и ему угрожает опасность сдаться.

— Но почему? Когда ты станешь старше, тебя переведут в приют, предназначенный для лиц обоего пола.

Это почему-то удивило Джорджа.

— И женщин тоже?

— Конечно. Неужели ты считаешь, что женщины не подвержены этому?

И Джордж поймал себя на том, что испытывает такой интерес и волнение, каких не замечал в себе с того дня, когда... Он заставил себя не думать об этом.

Омани остановился на пороге комнаты, где стояли небольшая телевизионная установка и настольная счетная машина. Перед экраном сидели пять-шесть человек.

— Классная комната,— пояснил Омани.

— А что это такое?— спросил Джордж.

— Эти юноши получают образование,— ответил Омани.— Но не обычным способом,— быстро добавил он.

— То есть они получают знания по капле?

— Да. Именно так учились в старину.

С тех пор как он появился в приюте, ему все время твердили об этом. Но что толку? Предположим, было время, когда человечество не знало диатермической печи. Разве из этого следует, что он должен довольствоваться сырым мясом в мире, где все остальные едят его вареным или жареным?

— Что толку от этого крохоборства?— спросил он.

— Нужно же чем-то занять время, Джордж, а кроме того, им интересно.

— А какая им от этого польза?

— Они чувствуют себя счастливее.

Джордж размышлял над этим, даже ложась спать.

На другой день он буркнул, обращаясь к Омани:

— Ты покажешь мне класс, где я смогу узнать что-нибудь о программировании?

— Ну конечно,— охотно согласился Омани.

Дело продвигалось медленно, и это возмущало Джорджа. Почему кто-то снова и снова объясняет одно и то же? Почему он читает и перечитывает какой-нибудь абзац, а потом, глядя на математическую формулу, не сразу ее понимает? Ведь людям за стенами приюта все это дается в один присест.

Несколько раз он бросал занятия. Однажды он не посещал классов целую неделю. Но всегда возвращался обратно. Дежурный наставник, кото-

рый советовал им, что читать, вел телевизионные сеансы и даже объяснял трудные места и понятия, казалось, не замечал его поведения.

В конце концов Джорджу поручили постоянную работу в парке, а кроме того, когда наступала его очередь, он занимался уборкой и помогал на кухне. Ему представили это как шаг вперед, но им не удалось его провести. Ведь тут можно было бы завести куда больше всяческих бытовых приборов, но юношам нарочно давали работу, чтобы создать для них иллюзию полезного существования. Только его, Джорджа, им провести не удалось.

Им даже платили небольшое жалованье. Эти деньги они могли тратить на кое-какие дополнительные блага из числа указанных в списке либо откладывать их для сомнительного использования в столь же сомнительной старости. Джордж держал свои деньги в открытой жестянке, стоявшей на полке стенного шкафа. Он не имел ни малейшего представления, сколько там накопилось. Ему это было совершенно безразлично.

Он ни с кем по-настоящему не подружился, хотя к этому времени уже вежливо здоровался с обитателями приюта. Он даже перестал (вернее, почти перестал) терзать себя мыслями о роковой ошибке, из-за которой попал сюда. По целым неделям ему уже не снился Антонелли, его толстый нос и дряблая шея, его злобная усмешка, с которой он заталкивал Джорджа в раскаленный зыбучий песок и держал его там до тех пор, пока тот не просыпался с криком, встречая участливый взгляд склонившегося над ним Омани.

Как-то раз в снежный февральский день Омани сказал ему:

— Просто удивительно, как ты приспособился.

Но это было в феврале, точнее, тринадцатого февраля, в день его рождения. Пришел март, за ним апрель, а когда уже не за горами был май, Джордж понял, что ничуть не приспособился.

Год назад он не заметил мая. Тогда, впав в апатию и потеряв цель в жизни, он целыми днями валялся в постели. Но этот май был иным.

Джордж знал, что повсюду на Земле вскоре начнется Олимпиада и молодые люди будут состязаться друг с другом в профессиональном искусстве, борясь за места на новых планетах. На всей Земле будет праздничная атмосфера, волнение, нетерпеливое ожидание последних новостей о результатах состязаний. Прибудут важные агенты-вербовщики с далеких планет. Победители будут увенчаны славой, но и потерпевшие поражение найдут чем утешиться.

Сколько было об этом написано книг! Как он сам мальчишкой из года в год увлеченно следил за олимпийскими состязаниями! И сколько с этим было связано его личных планов...

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе:

— Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

И это вызвало его первую ссору с Омани, так что тот, сурово отчеканивая каждое слово, произнес полное название заведения, где находился Джордж.

Пристально глядя на Джорджа, Омани сказал раздельно:

— Приют для слабоумных.

Джордж Плейтен покраснел. Для слабоумных!

Он в отчаянии отогнал эту мысль и глухо сказал:

— Я ухожу.

Он сказал это не думая, и смысл этих слов достиг его сознания, лишь когда они уже сорвались с языка.

Омани, который снова принялся за чтение, поднял голову.

— Что ты сказал?

Но теперь Джордж понимал, что говорит.

— Я ухожу!— яростно повторил он.

— Что за нелепость! Садись, Джордж, и успокойся.

— Ну, нет! Сколько раз повторять тебе, что со мной попросту расправились. Я не понравился этому доктору, Антонелли, а все эти мелкие бюрократишки любят покуражиться. Стоит только с ними не поладить, и они одним росчерком пера на какой-нибудь карточке стирают тебя в порошок.

— Ты опять за старое?

— Да, и не отступлю, пока все не выяснится. Я доберусь до Антонелли и выжму из него правду.— Джордж тяжело дышал, его била нервная дрожь. Наступал месяц Олимпиады, и он не мог допустить, чтобы этот месяц прошел для него безрезультатно. Если он сейчас ничего не предпримет, он окончательно капитулирует и погибнет навсегда.

Омани спустил ноги с кровати и встал. Он был почти шести футов ростом, и выражение лица придавало ему сходство с озабоченным сенбернаром. Он обнял Джорджа за плечи.

— Если я обидел тебя...

Джордж сбросил его руку.

— Ты просто сказал то, что считаешь правдой, а я докажу, что это ложь, вот и все. А почему бы мне не уйти? Дверь открыта, замков здесь никаких нет. Никто никогда не говорил, что мне запрещено выходить. Я просто возьму и уйду.

— Допустим. Но куда ты отправишься?

— В ближайший аэропорт, а оттуда — в ближайший большой город, где проводится какая-нибудь Олимпиада. У меня есть деньги.— Он схватил жестянку, в которую складывал свой заработок. Несколько монет со звоном упало на пол.

— Этого тебе, возможно, хватит на неделю. А потом?

— К этому времени я все улажу.

— К этому времени ты приползешь обратно,— сказал Омани с силой,— и тебе придется начинать все сначала. Ты сошел с ума, Джордж.

— Только что ты назвал меня слабоумным.

— Ну, извини меня. Останься, хорошо?

— Ты что, попытаешься удержать меня?

Омани ежал толстые губы.

— Нет, не попытаюсь. Это твое личное дело. Если ты образумишься только после того, как столкнешься с внешним миром и вернешься сюда с окровавленной физиономией, так уходи... Да, уходи!

Джордж уже стоял в дверях. Он оглянулся через плечо.

— Я ухожу.

Он вернулся, чтобы взять свой карманный несессер.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против, если я заберу кое-что из моих вещей?

Омани пожал плечами. Он опять улегся в постель и с безразличным видом погрузился в чтение.

Джордж снова помедлил на пороге, но Омани даже не взглянул в его сторону. Скрипнув зубами, Джордж повернулся, быстро зашагал по безлюдному коридору и вышел в окутанный ночной мглой парк.

Он ждал, что его задержат еще в парке, но его никто не остановил. Он зашел в ночную закусочную, чтобы спросить дорогу к аэропорту, и думал, что хозяин тут же вызовет полицию, но этого не случилось. Джордж вызвал скиммер, и водитель повез его в аэропорт, не задав ни одного вопроса.

Однако все это его не радовало. Когда он прибыл в аэропорт, на душе у него было на редкость скверно. Прежде он как-то не задумывался над тем, что́ его ожидает во внешнем мире. И вот он оказался среди людей, обладающих профессиями. В закусочной над кассой была укреплена пластмассовая пластинка с именем хозяина. Такой-то, дипломированный повар. У человека, управляющего скиммером, были права дипломированного водителя. Джордж остро почувствовал незаконченность своей фамилии и из-за этого ощущал себя как будто голым, даже хуже — ему казалось, что с него содрали кожу. Но он не поймал на себе ни одного подозрительного взгляда. Никто не остановил его, не потребовал у него профессионального удостоверения.

«Кому придет в голову, что есть люди без профессии?» — с горечью подумал Джордж.

Он купил билет до Сан-Франциско на стратоплан, улетавший в 3 часа ночи. Другие стратопланы в крупные центры Олимпиады вылетали только утром, а Джордж боялся ждать. Даже и теперь он устроился в самом укромном уголке зала ожидания и стал высматривать полицейских. Но они не явились.

В Сан-Франциско он прилетел еще до полудня, и городской шум обрушился на него, подобно удару. Он никогда еще не видел такого большого города, а за последние полтора года привык к тишине и спокойствию.

Да и к тому же это был месяц Олимпиады. Когда Джордж вдруг сообразил, что именно этим объясняются особый шум, возбуждение и суматоха, он почти забыл о собственном отчаянном положении.

Для удобства приезжающих пассажиров в аэропорту были установлены Олимпийские стенды, перед которыми собирались большие толпы. Для каждой основной профессии был отведен особый стенд, на котором значился адрес того Олимпийского зала, где в данный день проводилось состязание по этой профессии, затем перечислялись его участники с указанием места их рождения и называлась планета-заказчик (если таковая была).

Все полностью соответствовало традициям. Джордж достаточно часто читал в газетах описания Олимпийских состязаний, видел их по телевизору и даже однажды присутствовал на небольшой Олимпиаде дипломированных мясников в главном городе своего округа. Даже это состязание, не имевшее никакого отношения к другим мирам (на нем, конечно, не присутствовало ни одного представителя иной планеты), привлекло множество зрителей.

Отчасти это объяснялось просто самим фактом состязания, отчасти — местным патриотизмом (о, что творилось, когда среди участников оказывался земляк, пусть даже совершенно незнакомый, но за которого можно было болеть!) и, конечно, до некоторой степени — возможностью заключать пари. Бороться с этим было невозможно.

Джордж убедился, что подойти поближе к стенду не так-то просто. Он поймал себя на том, что как-то по-новому смотрит на оживленные лица вокруг.

Ведь было же время, когда эти люди сами участвовали в Олимпиадах. А чего они достигли? Ничего!

Если бы они были победителями, то не сидели бы на Земле, а находились бы где-нибудь далеко в глубинах Галактики. Кем бы они ни были, их профессии с самого начала сделали их добычей Земли. Или, если у них были высокоспециализированные профессии, они стали добычей Земли из-за собственной бездарности.

Теперь эти неудачники, собравшись здесь, взвешивали шансы новых, молодых участников состязаний. Стервятники!

Как страстно он желал, чтобы они прикидывали сейчас его шансы!

Он машинально шел мимо стендов, держась у самого края толпы. В стратоплане он позавтракал, и ему не хотелось есть. Зато ему было страшно. Он находился в большом городе в самый разгар суматохи, которая сопутствует началу Олимпийских состязаний. Это, конечно, для него выгодно. Город наводнен приезжими. Никто не станет расспрашивать Джорджа. Никому не будет до него никакого дела.

«Никому, даже приюту»,— с болью подумал Джордж.

Там за ним ухаживали, как за больным котенком, но если больной котенок возьмет да убежит? Что поделаешь — тем хуже для него!

А теперь, добравшись до Сан-Франциско, что он предпримет? На этот вопрос у него не было ответа. Обратиться к кому-нибудь? К кому именно? Как? Он не знал даже, где ему остановиться. Деньги, которые у него остались, казались жалкими грошами.

Он вдруг со стыдом прикинул, не лучше ли будет вернуться в приют. Ведь можно пойти в полицию... Но тут же яростно замотал головой, словно споря с реальным противником.

Его взгляд упал на слово «Металлурги», которое ярко светилось на одном из стендов. Рядом, помельче — «Цветные металлы». А под длинным списком фамилий завивались прихотливые буквы: «Заказчик — Новия».

На Джорджа нахлынули мучительные воспоминания: его спор с Тревельяном, когда он был так уверен, что станет программистом, так уверен, что программист намного выше металлурга, так уверен, что идет по правильному пути, так уверен в своих способностях...

И вот он расхвастался перед этим мелочным, мстительным Антонелли! Он же был так уверен в себе, когда его вызвали, и он еще постарался ободрить нервничавшего Тревельяна. В себе-то он был уверен!

У Джорджа вырвался всхлипывающий вздох. Какой-то человек обернулся и, взглянув на него, поспешил дальше. Мимо торопливо проходили люди, поминутно толкая его то в одну, то в другую сторону, а он не мог оторвать изумленных глаз от стенда.

Ведь стенд словно откликнулся на его мысли! Он настойчиво думал о Тревельяне, и на мгновение ему показалось, что на стенде в ответ обязательно возникнет слово «Тревельян».

Но там и в самом деле значился Тревельян. *Армand* Тревельян (имя, которое так ненавидел Коротышка, ярко светилось на стенде для всеобщего обозрения), а рядом — название их родного города. Да и к тому же Трев всегда мечтал о Новии, стремился на Новию, ни о чем не думал, кроме Новии. А заказчиком этого состязания была Новия.

Значит, это действительно Трев, старина Трев! Почти машинально он запомнил адрес зала, где проводилось состязание, и стал в очередь на скиммер.

«Трев-таки добился своего!— вдруг угрюмо подумал он.— Он хотел стать металлургом и стал!»

Джорджу стало холодно и одиноко, как никогда.

У входа в зал стояла очередь. Очевидно, Олимпиада металлургов обещала захватывающую и напряженную борьбу. По крайней мере так утверждала горевшая высоко в небе надпись, и так же, казалось, думали теснившиеся у входа люди.

Джордж решил, что, судя по цвету неба, день выдался дождливый, но над всем Сан-Франциско, от залива до океана, натянули прозрачный защитный купол. Это, конечно, стоило немалых денег, но, когда дело касает-

ся удобства представителей других миров, все расходы оправдываются. А на Олимпиаду их съедется сюда немало. Они швыряют деньги направо и налево, а за каждого нанятого специалиста планета-заказчик платила не только Земле, но и местным властям. Так что город, в котором представители других планет проводили месяц Олимпиады с удовольствием, внакладе не оставался. Сан-Франциско знал, что делает.

Джордж так глубоко задумался, что вздрогнул, когда его плеча мягко коснулась чья-то рука и вежливый голос произнес:

— Вы стоите в очереди, молодой человек?

Очередь продвинулась, и теперь Джордж наконец обнаружил, что перед ним образовалось пустое пространство. Он поспешно шагнул вперед и пробормотал:

— Извините, сэр.

Два пальца осторожно взяли его за локоть. Он испуганно оглянулся.

Стоявший за ним человек весело кивнул. В его волосах пробивалась обильная седина, а под пиджаком он носил старомодный свитер, застегивавшийся спереди на пуговицы.

— Я не хотел вас обидеть,— сказал он.

— Ничего.

— Вот и хорошо!— Он, казалось, был расположен благодушно поболтать.— Я подумал, что вы, может быть, случайно остановились тут; задержавшись из-за очереди, и что вы, может быть...

— Кто?— резко спросил Джордж.

— Участник состязания, конечно. Вы же очень молоды.

Джордж отвернулся. Он был не в настроении для благодушной болтовни и испытывал злость ко всем любителям совать нос в чужие дела.

Его внезапно осенила новая мысль. Не разыскивают ли его? Вдруг сюда уже сообщили его приметы или прислали фотографию? Вдруг этот Седой позади него ищет предлога получше рассмотреть его лицо?

Надо бы все-таки узнать последние известия. Задрав голову, Джордж взглянул на движущуюся полосу заголовков и кратких сообщений, которые бежали по одной из секций прозрачного купола, непривычно тусклые на сером фоне затянутого облаками предвечернего неба. Но тут же решил, что это бесполезно, и отвернулся. Для этих сообщений его персона слишком ничтожна. Во время Олимпиады только одни новости заслуживают упоминания: количество очков, набранных победителями, и призы, завоеванные континентами, нациями и городами.

И так будет продолжаться до конца месяца. Очки будут подсчитываться на душу населения, и каждый город будет изыскивать способ подсчета, который дал бы ему возможность занять почетное место.

Его собственный город однажды занял третье место на Олимпиаде электротехников, третье место во всем штате! В ратуше до сих пор висит мемориальная доска, увековечившая это событие.

Джордж втянул голову в плечи и засунул руки в карманы, но тут же решил, что так скорее привлечет к себе внимание. Он расслабил мышцы и попытался принять безразличный вид, но от страха не избавился. Теперь он находился уже в вестибюле, и до сих пор на его плечо не опустилась властная рука. Наконец он вошел в зал и постарался пробраться как можно дальше вперед.

Вдруг он заметил рядом Седого и опять почувствовал страх. Он быстро отвел взгляд и попытался внушить себе, что это вполне естественно. В конце концов, Седой стоял в очереди прямо за ним.

К тому же Седой, поглядев на него с приветливой вопросительной улыбкой, отвернулся. Олимпиада вот-вот должна была начаться. Джордж

приподнялся, высматривая Тревельяна, и на время забыл обо всем остальном.

Зал был не очень велик и имел форму классического вытянутого овала. Зрители располагались на двух галереях, опоясывавших зал, а участники состязания — внизу, в длинном и узком углублении. Приборы были уже установлены, а на табло над каждым рабочим местом пока светились только фамилии и номера состязающихся. Сами участники были на сцене. Одни читали, другие разговаривали. Кто-то внимательно разглядывал свои ногти. (Хороший тон требовал, чтобы они проявляли полное равнодушие к предстоящему испытанию, пока не будет подан сигнал к началу состязания.)

Джордж просмотрел программу, которая появилась из ручки его кресла, когда он нажал кнопку, и отыскал фамилию Тревельяна. Она значилась под номером двенадцать, и, к огорчению Джорджа, место его приятеля находилось в другом конце зала. Он нашел участника под двенадцатым номером: тот, засунув руки в карманы, стоял спиной к своему прибору и смотрел на галереи, словно пересчитывал зрителей, но лица его Джордж не видел.

И все-таки он сразу узнал Трева.

Джордж откинулся в кресле. Добьется ли Трев успеха? Из чувства долга он желал ему самых лучших результатов, однако в глубине его души нарастал бунт. Он, Джордж, человек без профессии, сидит здесь простым зрителем, а Тревельян, дипломированный металлург, специалист по цветным металлам, участвует в Олимпиаде.

Джордж не знал, выступал ли Тревельян олимпийским соискателем в первый год после получения профессии. Такие смельчаки находились: либо человек был очень уверен в себе, либо очень торопился. В этом крылся определенный риск. Как ни эффективен был процесс обучения, год, проведенный на Земле после получения образования («чтобы смазать неразработавшиеся знания», согласно поговорке), обеспечивал более высокие результаты.

Если Тревельян выступает в состязаниях вторично, он, быть может, не так уж и преуспел. Джордж со стыдом заметил, что эта мысль ему скорее приятна.

Он поглядел по сторонам. Почти все места были заняты. Олимпиада соберет много зрителей, а значит, участники будут больше нервничать, а может быть, и работать с большей энергией — в зависимости от характера.

«Но почему это называется Олимпиадой?» — подумал он вдруг в недоумении. Он не знал. Почему хлеб называют хлебом?

В детстве он как-то спросил отца:

— Папа, а что такое Олимпиада?

И отец ответил:

— Олимпиада — значит состязание.

— А когда мы с Коротышкой боремся, это тоже Олимпиада?— поинтересовался Джордж.

— Нет,— ответил Плейтен старший.— Олимпиада — это особенное состязание. Не задавай глупых вопросов. Когда получишь образование, узнаешь все, что тебе положено знать.

Джордж глубоко вздохнул, вернулся к действительности и уселся поглубже в кресло.

Все, что тебе положено знать!

Странно, как хорошо он помнит эти слова! «Когда ты получишь образование...» Никто никогда не говорил: «Если ты получишь образование...»

Теперь ему казалось, что он всегда задавал глупые вопросы. Как будто его разум инстинктивно предвидел свою неспособность к образованию и придумывал всяческие расспросы, чтобы хоть по обрывкам собрать побольше знаний.

А в приюте поощряли его любознательность, проповедуя то же, к чему инстинктивно стремился его разум. Единственный открытый ему путь!

Внезапно он выпрямился. Черт возьми, что это он? Чуть было не попался на их удочку! Неужели он сдастся только потому, что там перед ним Трев, получивший образование и участвующий в Олимпиаде?

Нет, он не слабоумный! Нет!!

И, словно в ответ на этот мысленный вопль протеста, зрители вокруг зашумели. Все встали.

В ложу, расположенную в самом центре длинной дуги овала, входили люди, одетые в цвета планеты Новии, и на главном табло над их головами вспыхнуло слово «Новия».

Новия была планетой класса А с большим населением и высокоразвитой цивилизацией, быть может самой лучшей во всей Галактике. Каждый землянин мечтал когда-нибудь поселиться в таком мире, как Новия, или, если ему это не удастся, увидеть там своих детей. Джордж вспомнил, с какой настойчивостью стремился к Новии Тревельян, и вот теперь он состязается за право уехать туда.

Лампы над головами зрителей погасли, потухли и стены. Поток яркого света хлынул вниз, туда, где находились участники состязания.

Джордж снова попытался рассмотреть Тревельяна. Но тот был слишком далеко.

— Уважаемые новианские заказчики, уважаемые дамы и господа!— раздался отчетливый, хорошо поставленный голос диктора.— Сейчас начнутся Олимпийские состязания металлургов, специалистов по цветным металлам. В состязании принимают участие...

С добросовестной аккуратностью диктор прочитал список, приведенный в программе. Фамилии, названия городов, откуда прибыли участники, год получения образования. Зрители встречали каждое имя аплодисментами, и самые громкие доставались на долю жителей Сан-Франциско. Когда очередь дошла до Тревельяна, Джордж неожиданно для самого себя бешено завопил и замахал руками. Но еще больше его удивило то, что сидевший рядом с ним седой мужчина повел себя точно так же.

Джордж не мог скрыть своего изумления, и его сосед, наклонившись к нему и напрягая голос, чтобы перекричать шум, произнес:

— У меня здесь нет земляков. Я буду болеть за ваш город. Это ваш знакомый?

Джордж отодвинулся, насколько мог.

— Нет.

— Я заметил, что вы все время смотрите в том направлении. Не хотите ли воспользоваться моим биноклем?

— Нет, благодарю вас. (Почему этот старый дурак сует нос не в свое дело?)

Диктор продолжал сообщать другие официальные сведения, касавшиеся номера состязания, метода хронометрирования и подсчитывания очков. Наконец он дошел до самого главного, и публика замерла, обратившись в слух.

— Каждый участник состязания получит по бруску сплава неизвестного для него состава. От него потребуется произвести количественный

анализ этого сплава и сообщить все результаты с точностью до четырех десятых процента. Для этого все соревнующиеся будут пользоваться микроспектрографами Бимена, модель *MD*-2, каждый из которых в настоящее время неисправен.

Зрители одобрительно зашумели.

— Каждый участник должен будет определить неисправность своего прибора и ликвидировать ее. Для этого им даны инструменты и запасные детали. Среди них может не оказаться нужной детали, и ее надо будет затребовать. Время, которое займет доставка, вычитается из общего времени, затраченного на выполнение задания. Все участники готовы?

На табло над пятым номером вспыхнул тревожный красный сигнал. Номер пять бегом бросился из зала и быстро вернулся. Зрители добродушно рассмеялись.

— Все готовы?

Табло остались темными.

— Есть какие-нибудь вопросы?

По-прежнему ничего.

— Можете начинать!

Разумеется, ни один из зрителей не имел возможности непосредственно определить, как продвигается работа у каждого участника. Некоторое представление об этом могли дать только надписи, вспыхивавшие на табло. Впрочем, это не имело ни малейшего значения. Среди зрителей только металлург, окажись он здесь, мог бы разобраться в сущности состязания. Но важно было, кто победит, кто займет второе, а кто — третье место. Для тех, кто ставил на участников (а этому не могли помешать никакие законы), только это было важно. Все прочее их не интересовало.

Джордж следил за состязанием так же жадно, как и остальные, поглядывая то на одного участника, то на другого. Он видел, как вот этот, ловко орудуя каким-то маленьким инструментом, снял крышку со своего микроспектрографа; как тот всматривался в экран аппарата; как спокойно вставлял третий свой брусок сплава в зажим и как четвертый покручивал верньер, причем настолько осторожно, что, казалось, на мгновение застыл в полной неподвижности.

Тревельян, как и все остальные участники, был целиком поглощен своей работой. А как идут его дела, Джордж определить не мог.

На табло над семнадцатым номером вспыхнула надпись:

«Сдвинута фокусная пластинка».

Зрители бешено зааплодировали.

Семнадцатый номер мог быть прав, но мог, конечно, и ошибиться. В этом случае ему пришлось бы позже исправить свой вывод, потеряв на этом время. А может быть, он не заметил бы ошибки и не сумел бы сделать анализ. Или же, еще хуже, он мог получить совершенно неверные результаты.

Неважно. А пока зрители ликовали.

Зажглись и другие табло. Джордж не спускал глаз с табло номер двенадцать. Наконец оно тоже засветилось:

«Держатель децентрирован. Требуется новый зажим».

К Тревельяну подбежал служитель с новой деталью. Если Трев ошибся, это означает бесполезную задержку, а время, потраченное на ожидание детали, не будет вычтено из общего времени. Джордж невольно затаил дыхание.

На семнадцатом табло начали появляться светящиеся буквы результата анализа: «Алюминий — 41,2649, магний — 22,1914, медь — 10,1001».

И на других табло все чаще вспыхивали цифры.

Зрители бесновались.

Джордж недоумевал, как участники могли работать в таком бедламе, потом ему пришло в голову, что, может быть, это даже хорошо: ведь первоклассный специалист лучше всего работает в напряженной обстановке.

На семнадцатом табло вспыхнула красная рамка, знаменующая окончание работы, и семнадцатый номер поднялся со своего места. Четвертый отстал от него всего лишь на две секунды. Затем кончил еще один и еще.

Тревельян продолжал работать, определяя последние компоненты своего сплава. Он поднялся, когда почти все состязающиеся уже стояли. Последним встал пятый номер, и публика приветствовала его иронически-ми возгласами.

Однако это был еще не конец. Заключение жюри, естественно, задерживалось. Время, затраченное на всю операцию, имело определенное значение, но не менее важна была точность результатов. И не все задачи были одинаково трудны. Необходимо было учесть множество факторов.

Наконец раздался голос диктора:

— Победителем состязания, выполнившим задание за четыре минуты двенадцать секунд, правильно определившим неисправность и получившим правильный результат с точностью до семи десятитысячных процента, является участник под номером... семнадцать, Генрих Антон Шмидт из...

Остальное потонуло в бешеном реве. Второе место занял восьмой номер, третье — четвёртый, хороший показатель времени которого был испорчен ошибкой в пять сотых процента при определении количественного содержания ниобия. Двенадцатый номер даже не был упомянут, если не считать фразы «...а остальные участники...»

Джордж протолкался к служебному выходу и обнаружил, что здесь уже собралось множество людей — плачущие (кто от радости, кто от горя) родственники, репортеры, намеренные взять интервью у победителей, земляки, охотники за автографами, любители рекламы и просто любопытные. Были здесь и девушки, надеявшиеся обратить на себя внимание победителя, который почти наверняка отправится на Новию (а может быть, и потерпевшего поражение, который нуждается в утешении и имеет деньги, чтобы позволить себе такую роскошь).

Джордж остановился в сторонке. Он не увидел ни одного знакомого лица. Сан-Франциско был так далеко от их родного города, что вряд ли Трев приехал сюда в сопровождении близких, которые теперь печально поджидали бы его у двери.

Смущенно улыбаясь и кланяясь в ответ на приветствия, появились участники соревнования. Полицейские сдерживали толпу, освобождая им проход. Каждый из набравших большое количество очков увлекал за собой часть людей, подобно магниту, двигающемуся по кучке железных опилок.

Когда вышел Тревельян, у входа уже почти никого не было. (Джордж решил, что он долго выжидал этой минуты.) В его сурово сжатых губах была сигарета. Глядя в землю, он повернулся, чтобы уйти.

Это было первое напоминание о родном доме за без малого полтора года, которые показались Джорджу в десять раз дольше. И он даже удивился, что Тревельян нисколько не постарел и остался все тем же Тревом, каким он видел его в последний раз.

Джордж рванулся вперед.

— Трев!

Тревельян в изумлении обернулся. Он с недоумением взглянул на Джорджа и сразу же протянул ему руку.

— Джордж Плейтен! Вот черт...

Появившееся на его лице радостное выражение тут же угасло, а рука опустилась, прежде чем Джордж успел пожать ее.

— Ты был там?— Тревельян мотнул головой в сторону зала.

— Был.

— Чтобы посмотреть на меня?

— Да.

— Я не слишком блеснул, а?

Он бросил сигарету, раздавил ее ногой, глядя в сторону улицы, где медленно рассасывавшаяся толпа окружала скиммеры и уже стояли новые очереди желающих попасть на следующие состязания.

— Ну и что?— угрюмо буркнул Тревельян.— Я проиграл всего во второй раз. А после сегодняшнего Новия может катиться ко всем чертям. Есть планеты, которые просто вцепятся в меня... Но послушай-ка, ведь я не видел тебя со Дня образования. Где ты пропадал? Твои родные сказали, что ты уехал по специальному заданию, но ничего не объяснили подробно. И ты ни разу мне не написал. А мог бы.

— Да, пожалуй,— неловко произнес Джордж.— Но я пришел сказать, как мне жаль, что сейчас все так обернулось.

— Не жалей,— возразил Тревельян.— Я ведь уже говорил тебе, что Новия может убираться к черту... Да я мог бы знать заранее! Все только и говорили, что использован будет прибор Бимена. Никто и не сомневался. А в проклятых лентах, которыми меня зарядили, был предусмотрен спектрограф Хенслера! Кто же теперь пользуется Хенслером? Разве что планеты вроде Гомена, если их вообще можно назвать планетами. Ловко это было подстроено, а?

— Но ты ведь можешь подать жалобу в...

— Не будь дураком. Мне скажут, что мой мозг лучше всего подходил для Хенслера. Пойди поспорь. Да и вообще мне не везло. Ты заметил, что мне одному пришлось послать за запасной частью?

— Но потраченное на это время вычиталось?

— Конечно! Только я, когда заметил, что среди запасных частей нет зажима, подумал, что напутал, и не сразу потребовал его. Это-то время не вычиталось! А будь у меня микроспектрограф Хенслера, я бы знал, что не ошибаюсь. Где мне было тягаться с ними? Первое место занял житель Сан-Франциско, и следующие три — тоже. А пятое занял парень из Лос-Анджелеса. Они получили образование с лент, которыми снабжают большие города. С самых лучших, которые только есть. Там и спектрограф Бимена и все, что хочешь! Куда же мне было до них! Я отправился в такую даль потому, что только эту Олимпиаду по моей профессии заказала Новия, и с тем же успехом мог бы остаться дома. Я заранее знал, что так получится! Но теперь все. На Новии космос клином не сошелся. Из всех проклятых...

Он говорил это не для Джорджа. Он вообще ни к кому не обращался. Джордж понял, что он просто отводит душу.

— Если ты заранее знал, что вам дадут спектрограф Бимена, разве ты не мог ознакомиться с ним?— спросил Джордж.

— Я же говорю тебе, что его не было в моих лентах.

— Ты мог почитать... книги.

Тревельян вдруг так пронзительно взглянул на него, что он еле выговорил последнее слово.

— Ты что, смеешься?— сказал Тревельян.— Остришь? Неужели ты думаешь, что, прочитав какую-то книгу, я запомню достаточно, чтобы сравняться с теми, кто действительно знает?

— Я считал...

— А ты попробуй. Попробуй... Кстати, а ты какую получил профессию?— вдруг злобно спросил Тревельян.

— Видишь ли...

— Ну, выкладывай. Раз уже ты тут передо мной строишь такого умника, давай-ка посмотрим, кем стал ты. Раз ты все еще на Земле, значит, ты не программист и твое специальное задание не такое уж важное.

— Послушай, Трев,— сказал Джордж,— я опаздываю на свидание...

Он попятился, пытаясь улыбнуться.

— Нет, ты не уйдешь.— Тревельян в бешенстве бросился к Джорджу и вцепился в его пиджак.— Отвечай! Почему ты боишься сказать мне? Кто ты такой? Ты мне тычешь в нос мое поражение, а сам? Это у тебя не выйдет, слышишь?

Он неистово тряс Джорджа, тот вырывался. Так, отчаянно борясь и чуть не падая, они двигались через зал, но тут Джордж услышал глас Рока — суровый голос полицейского:

— Довольно! Довольно! Прекратите это!

Сердце Джорджа мучительно сжалось и превратилось в кусок свинца. Сейчас полицейский спросит их имена и потребует удостоверения личности, а у Джорджа нет никаких документов. После первых же вопросов выяснится, что у него нет и профессии. А Тревельян, озлобленный своей неудачей, конечно, поспешит рассказать об этом всем знакомым в родном городке, чтобы утешить собственное уязвленное самолюбие.

Этого Джордж не мог вынести. Он вырвался и бросился было бежать, но ему на плечо легла тяжелая рука полицейского.

— Эй, постойте. Покажите-ка ваше удостоверение.

Тревельян шарил в карманах и говорил отрывисто и зло:

— Я Арманд Тревельян, металлург по цветным металлам. Я участвовал в Олимпиаде. А вот его проверьте хорошенько, сержант.

Джордж стоял перед ними, не в силах вымолвить ни слова. Губы его пересохли, горло сжалось.

Вдруг раздался еще один голос, спокойный и вежливый:

— Можно вас на минутку, сержант?

Полицейский шагнул назад.

— Что вам угодно, сэр?

— Этот молодой человек — мой гость. Что случилось?

Джордж оглянулся вне себя от изумления. Это был тот самый седой мужчина, который сидел рядом с ним на Олимпиаде. Седой добродушно кивнул Джорджу.

Его гость? Он что, сошел с ума?

— Эти двое затеяли драку, сэр,— объяснил полицейский.

— Вы предъявляете им какое-нибудь обвинение? Нанесен ущерб?

— Нет, сэр.

— В таком случае всю ответственность я беру на себя.

Он показал полицейскому небольшую карточку, и тот сразу отступил.

— Постойте...— возмущенно начал Тревельян, но полицейский свирепо перебил его:

— Ну? У вас есть какие-нибудь претензии?

— Я только...

— Проходите! И вы тоже... Расходитесь, расходитесь!

И собравшаяся вокруг толпа начала с неохотой расходиться.

Джордж покорно пошел с Седым к скиммеру, но тут решительно остановился.

— Благодарю вас,— сказал он,— но ведь я не ваш гость. (Может быть, по нелепой случайности его приняли за кого-то другого?)

Но Седой улыбнулся и сказал:

— Теперь вы уже мой гость. Разрешите представиться. Я — Ладислас Инджеческу, дипломированный историк.

— Но...

— С вами ничего дурного не случится, уверяю вас. Я ведь просто хотел избавить вас от неприятного разговора с полицейским.

— А почему?

— Вы хотите знать причину? Ну, ведь мы с вами, так сказать, почетные земляки. Мы же дружно болели за одного человека. А земляки должны держаться друг друга, даже если они только почетные земляки. Не правда ли?

И Джордж, не доверяя ни Инджеческу, ни самому себе, все-таки вошел в скиммер. Они поднялись в воздух, прежде чем он успел передумать.

«Это, наверное, важная птица,— вдруг сообразил он.— Полицейский говорил с ним очень почтительно».

Только теперь он вспомнил, что приехал в Сан-Франциско вовсе не ради Тревельяна, а с целью найти достаточно влиятельного человека, который мог бы добиться переоценки его способностей.

А вдруг этот Инджеческу именно тот, кто ему нужен? И его даже не придется искать!

Как знать, не сложилось ли все на редкость удачно... удачно... Но Джордж напрасно убеждал себя. На душе у него было по-прежнему тревожно.

Во время недолгого полета на скиммере Инджеческу поддерживал разговор, любезно указывая на достопримечательности города и рассказывая о других Олимпиадах, на которых ему доводилось бывать. Джордж слушал его рассеянно, издавал невнятное хмыканье, когда Инджеческу замолкал, а сам с волнением следил за направлением полета.

Вдруг они поднимутся к отверстию в защитном куполе и покинут город?

Но скиммер снижался, и Джордж тихонько вздохнул с облегчением. В городе он чувствовал себя в большей безопасности.

Скиммер опустился на крышу какого-то отеля, прямо у верхней двери, и, когда они вышли, Инджеческу спросил:

— Вы не откажетесь пообедать со мной в моем номере?

— С удовольствием,— ответил Джордж и улыбнулся вполне искренне. Время второго завтрака давно прошло, и у него начало сосать под ложечкой.

Они ели молча. Наступили сумерки, и автоматически засветились стены. («Вот уже почти сутки, как я на свободе»,— подумал Джордж.)

За кофе Инджеческу наконец заговорил.

— Вы вели себя так, словно подозревали меня в дурных намерениях,— сказал он.

Джордж покраснел и, поставив чашку, попытался что-то возразить, но его собеседник рассмеялся и покачал головой.

— Это так. Я внимательно наблюдал за вами с того момента, как впервые вас увидел, и, мне кажется, теперь я знаю о вас очень многое.

Джордж в ужасе приподнялся с места.

— Сядьте,— сказал Индженеску.— Я ведь только хочу помочь вам.

Джордж сел, но в его голове вихрем неслись мысли. Если старик знал, кто он, то почему он помешал полицейскому? Да и вообще, с какой стати он решил ему помогать?

— Вам хочется знать, почему я захотел помочь вам?— спросил Индженеску.— О, не пугайтесь, я не умею читать мысли. Видите ли, просто моя профессия позволяет мне по самой незначительной внешней реакции судить о мыслях человека. Вам это понятно?

Джордж отрицательно покачал головой.

— Представьте себе, каким я увидел вас,— сказал Индженеску.— Вы стояли в очереди, чтобы посмотреть Олимпиаду, но ваши микрореакции не соответствовали тому, что вы делали. У вас было не то выражение лица, не те движения рук. Отсюда следовало, что у вас какая-то беда, но, что самое интересное, необычная, не лежащая на поверхности. Быть может, вы сами не сознаете, что с вами, решил я. И, не удержавшись, последовал за вами, даже сел рядом. После окончания состязания я опять пошел за вами и подслушал ваш разговор с вашим знакомым. Ну, а уж к этому времени вы превратились в такой интересный объект для изучения — простите, если это звучит бессердечно,— что я просто не мог допустить, чтобы вас забрали в полицию... Скажите же, что вас тревожит?

Джордж мучился, не зная, на что решиться. Если это ловушка, то зачем нужно действовать таким окольным путем? Ему же действительно нужна помощь. Ради этого он сюда и приехал. А тут помощь ему прямо предлагают. Пожалуй, именно это его и смущало. Что-то все получается уж очень просто.

— Разумеется, то, что вы сообщите мне как социологу, становится профессиональной тайной,— сказал Индженеску.— Вы понимаете, что это значит?

— Нет, сэр.

— Это значит, что с моей стороны будет бесчестным, если я расскажу о том, что узнаю от вас, с какой бы целью я это ни сделал. Более того, никто не имеет права заставить меня рассказать об этом.

— А я думал, вы историк,— подозрительно сказал Джордж.

— Это верно.

— Но вы же только сейчас сказали, что вы социолог.

Индженеску расхохотался.

— Не сердитесь, молодой человек,— извинился он, когда был в состоянии говорить.— Но право же, я смеялся не над вами. Я смеялся над Землей, над тем, какое большое значение она придает точным наукам, и над некоторыми практическими следствиями этого увлечения. Держу пари, что вы можете перечислить все разделы строительной технологии или прикладной механики и в то же время даже не слышали о социологии.

— Ну, а что же такое социология?

— Социология — это наука, которая занимается изучением человеческого общества и отдельных его ячеек и делится на множество специализированных отраслей, так же как, например, зоология. Так, существуют культурологи, изучающие культуру, ее рост, развитие и упадок. Культура,— добавил он, предупреждая вопрос Джорджа,— это совокупность всех сторон жизни. К культуре относится, например, то, каким путем мы зарабатываем себе на жизнь, от чего получаем удовольствие, во что верим, наши представления о хорошем и плохом и так далее. Вам это понятно?

— Кажется, да.

— Экономист — не специалист по экономической статистике, а именно экономист — специализируется на изучении того, каким образом куль-

тура удовлетворяет физические потребности каждого члена общества. Психолог изучает отдельных членов общества и то влияние, которое это общество на них оказывает. Прогнозист планирует будущий путь развития общества, а историк... Это уже по моей части.

— Да, сэр?

— Историк специализируется на изучении развития нашего общества в прошлом, а также обществ с другими культурами.

Джорджу стало интересно.

— А разве в прошлом что-то было по-другому?

— Еще бы! Тысячу лет назад не было образования, то есть образования, как мы понимаем его теперь.

— Знаю,— произнес Джордж.— Люди учились по книгам, собирая знания по крупицам.

— Откуда вы это знаете?

— Слыхал,— осторожно ответил Джордж и добавил:— А какой смысл думать о том, что происходило в далеком прошлом? Я хочу сказать, что ведь со всем этим уже покончено, не правда ли?

— С прошлым никогда не бывает покончено, мой друг. Оно объясняет настоящее. Почему, например, у нас существует именно такая система образования?

Джордж беспокойно заерзал. Слишком уж настойчиво его собеседник возвращался к этой теме.

— Потому что она самая лучшая,— отрезал он.

— Да. Но почему она самая лучшая? Послушайте меня минутку, и я попытаюсь объяснить. А потом вы мне скажете, есть ли смысл в изучении истории. Даже до того, как начались межзвездные полеты...— Он внезапно умолк, заметив на лице Джорджа выражение глубочайшего изумления.— Неужели вы считали, что так было всегда?

— Я никогда не задумывался над этим, сэр.

— Вполне естественно. Однако четыре-пять тысяч лет назад человечество было прикована к Земле. Но и тогда уже техника достигла высокого уровня развития, а численность населения увеличилась настолько, что любое торможение техники привело бы к массовому голоду и эпидемиям. Для того чтобы уровень техники не снижался и соответствовал росту населения, нужно было готовить все больше инженеров и ученых. Однако по мере развития науки на их обучение требовалось все больше и больше времени. Когда же впервые были открыты способы межпланетных, а затем и межзвездных полетов, эта проблема стала еще острее. Собственно говоря, из-за недостатка специалистов человечество в течение почти полутора тысяч лет не могло по-настоящему колонизировать планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы. Перелом наступил, когда был установлен механизм хранения знаний в человеческом мозгу. Как только это было сделано, появилась возможность создать образовательные ленты на основе этого механизма таким образом, чтобы сразу вкладывать в мозг определенное количество, так сказать, готовых знаний. Впрочем, это-то вы знаете. Это позволило выпускать тысячи и миллионы специалистов, и мы смогли приступить к тому, что впоследствии назвали «заполнением Вселенной». Сейчас в Галактике уже существует полторы тысячи населенных планет, и число их будет возрастать до бесконечности.

Вы понимаете, что из этого следует? Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики. Так, например, благодаря лентам чтения мы все говорим на одном языке... Не удивляйтесь. Могут быть и иные языки, и в прошлом люди на них гово-

рили. Их были сотни. Земля, кроме того, экспортирует высококвалифицированных специалистов, и численность ее населения не превышает допустимого уровня. Поскольку при вывозе специалистов соблюдается равновесие полов, они образуют самовоспроизводящиеся ячейки, и это способствует росту населения на тех планетах, где в этом есть необходимость. Более того, за ленты и специалистов платят сырьем, в котором мы очень нуждаемся и от которого зависит наша экономика. Теперь вы поняли, почему наша система образования действительно самая лучшая?

— Да, сэр.

— И вам легче понять это, зная, что без нее в течение полутора тысяч лет было невозможно колонизировать планеты других солнечных систем?

— Да, сэр.

— Значит, вы видите, в чем польза истории?— Историк улыбнулся.— А теперь скажите, догадались ли вы, почему я вами интересуюсь?

Джордж мгновенно вернулся из пространства и времени назад к действительности. Видимо, Индженеску неспроста завел этот разговор. Вся его лекция была направлена на то, чтобы атаковать его неожиданно.

— Почему же?— неуверенно спросил он, снова насторожившись.

— Социологи изучают общество, а общество состоит из людей.

— Ясно.

— Но люди не машины. Специалисты в области точных наук работают с машинами. А машина требует строго определенного количества знаний, и эти специалисты знают о ней все. Более того, все машины данного рода почти одинаковы, так что индивидуальные особенности машины не представляют для них интереса. Но люди... О, они так сложны и так отличаются друг от друга, что социолог никогда не знает о них все или хотя бы значительную часть того, что можно о них знать. Чтобы не утратить квалификации, он должен постоянно изучать людей, особенно необычные экземпляры.

— Вроде меня,— глухо произнес Джордж.

— Конечно, называть вас экземпляром невежливо, но вы человек необычный. Вы стóите того, чтобы вами заняться, и, если вы разрешите мне это, я в свою очередь по мере моих возможностей помогу вам в вашей беде.

В мозгу Джорджа кружился смерч. Весь этот разговор о людях и о колонизации, ставшей возможной благодаря образованию... Как будто кто-то разбивал и дробил заскорузлую, спекшуюся корку мыслей.

— Дайте мне подумать,— произнес он, зажав руками уши.

Потом он опустил руки и сказал историку:

— Вы можете оказать мне услугу, сэр?

— Если она в моих силах,— любезно ответил историк.

— Все, что я говорю в этой комнате,— профессиональная тайна? Вы так сказали.

— Так оно и есть.

— Тогда устройте мне свидание с каким-нибудь должностным лицом другой планеты, например с... с новианином.

Индженеску был, по-видимому, крайне удивлен.

— Право же...

— Вы можете сделать это,— убежденно произнес Джордж.— Вы ведь важное должностное лицо. Я видел, какой вид был у полицейского, когда вы показали ему свое удостоверение. Если вы откажетесь сделать это, я... я не позволю вам изучать меня.

Самому Джорджу эта угроза показалась глупой и бессильной. Однако на Индженеску она, очевидно, произвела большое впечатление.

— Ваше условие невыполнимо,— сказал он.— Новианин в месяц Олимпиады...

— Ну, хорошо, тогда свяжите меня с каким-нибудь новианином по видеофону, и я сам договорюсь с ним о встрече.

— Вы думаете, вам это удастся?

— Я в этом уверен. Вот увидите.

Индженеску задумчиво посмотрел на Джорджа и протянул руку к видеофону.

Джордж ждал, опьяненный новым осмыслением всей проблемы и тем ощущением силы, которое оно давало. Он не может потерпеть неудачу. Не может. Он все-таки станет новианином. Он покинет Землю победителем вопреки Антонелли и всей компании дураков из приюта (он чуть было не расхохотался вслух) для слабоумных.

Джордж впился взглядом в засветившийся экран, который должен был распахнуть окно в комнату новиан, окно в перенесенный на Землю уголок Новии. И он добился этого за какие-нибудь сутки!

Когда экран прояснился, раздался взрыв смеха, но на нем не появилось ни одного лица, лишь быстро мелькали тени мужчин и женщин. Послышался чей-то голос, отчетливо прозвучавший на фоне общего гомона.

— Индженеску? Спрашивает меня?

И вот на экране появился он. Новианин. Настоящий новианин. (Джордж ни на секунду не усомнился. В нем было что-то совершенно внеземное, нечто такое, что невозможно было точно определить или хоть на миг спутать с чем-либо иным.)

Он был смугл, и его темные волнистые волосы были зачесаны со лба. Он носил тонкие черные усики и остроконечную бородку, которая только-только закрывала узкий подбородок. Но его щеки были такими гладкими, словно с них навсегда была удалена растительность.

Он улыбался.

— Ладислас, это уже слишком. Мы не протестуем, чтобы за нами, пока мы на Земле, следили — в разумных пределах, конечно. Но чтение мыслей в условие не входит!

— Чтение мыслей, достопочтенный?

— Сознайтесь-ка! Вы ведь знали, что я собирался позвонить вам сегодня. Вы знали, что я думал только допить вот эту рюмку.— На экране появилась его рука, и он посмотрел сквозь рюмку, наполненную бледно-сиреневой жидкостью.— К сожалению, я не могу угостить вас.

Новианин не видел Джорджа, находившегося вне поля зрения видеофона. И Джордж обрадовался передышке. Ему необходимо было время, чтобы прийти в себя. Он словно превратился в сплошные беспокойные пальцы, которые непрерывно отбивали нервную дробь...

Но он все-таки был прав. Он не ошибся. Индженеску действительно занимает важное положение. Новианин называет его по имени.

Отлично! Все устраивается наилучшим образом. То, что Джордж потерял из-за Антонелли, он возместит с лихвой, используя Индженеску. И когда-нибудь он, став наконец самостоятельным, вернется на Землю таким же могущественным новианином, как этот, что небрежно шутит с Индженеску, называя его по имени, а сам оставаясь «достопочтенным»,— вот тогда он сведет счеты с Антонелли. Он отплатит ему за эти полтора года, и он...

Увлекшись этими соблазнительными грезами, он чуть не забыл обо всем на свете, но, внезапно спохватившись, заметил, что перестал следить за происходящим, и вернулся к действительности.

— ...не убедительно,— говорил новианин.— Новианская цивилизация так же сложна и так же высокоразвита, как цивилизация Земли. Новия — это все-таки не Зестон. И нам приходится прилетать сюда за отдельными специалистами — это же просто смешно!

— О, только за новыми моделями,— примирительным тоном сказал Индженеску.— А новые модели не всегда находят применение. На приобретение образовательных лент вы потратили бы столько же, сколько вам пришлось бы заплатить за тысячу специалистов, а откуда вы знаете, что вам будет нужно именно такое количество?

Новианин залпом допил свое вино и расхохотался. (Джорджа покоробило легкомыслие новианина. Он смущенно подумал, что тому следовало бы обойтись без этой рюмки и даже без двух или трех предыдущих.)

— Это же типичное ханжество, Ладислас,— сказал новианин.— Вы прекрасно знаете, что у нас найдется дело для всех последних моделей специалистов, которые нам удастся достать. Сегодня я раздобыл пять металлургов...

— Знаю,— сказал Индженеску.— Я был там.

— Следили за мной! Шпионили!— вскричал новианин.— Ну, так слушайте! Эта новая модель металлурга отличается от предыдущих только тем, что умеет обращаться со спектрографом Бимена. Ленты не были модифицированы ни на вот столечко (он показал самый кончик пальца) по сравнению с прошлогодними. Вы выпускаете новые модели только для того, чтобы мы приезжали сюда с протянутой рукой и тратились на их приобретение.

— Мы не заставляем вас их приобретать.

— О, конечно! Только вы продаете специалистов последней модели на Лондонум, а мы ведь не можем отставать. Вы втянули нас в заколдованный круг, вы лицемерные земляне. Но берегитесь, может быть, где-нибудь есть из него выход.— Его смех прозвучал не слишком естественно и резко оборвался.

— От всей души надеюсь, что он существует,— сказал Индженеску.— Ну, а позвонил я потому...

— Да, конечно, ведь это вы мне позвонили. Что ж, я уже высказал свое мнение. Наверное, в будущем году все равно появится новая модель металлурга, чтобы нам было за что платить. И она будет отличаться от нынешней только умением обращаться с каким-нибудь новым приспособлением для анализа ниобия, а еще через год...Но продолжайте. Почему вы позвонили?

— У меня здесь находится один молодой человек, и я бы хотел, чтобы вы с ним побеседовали.

— Что?— Видимо, новианина это не слишком обрадовало.— На какую тему?

— Не знаю. Он мне не сказал. По правде говоря, он даже не назвал мне ни своего имени, ни профессии.

Новианин нахмурился.

— Тогда зачем же отнимать у меня время?

— Он, по-видимому, не сомневается, что вас заинтересует то, что он собирается сообщить вам.

— О, конечно!

— И этим вы сделаете одолжение мне,— сказал Индженеску.

Новианин пожал плечами.

— Давайте его сюда, но предупредите, чтобы он говорил покороче.

Индженеску отступил в сторону и шепнул Джорджу:

— Называйте его «достопочтенным».

Джордж с трудом проглотил слюну. Вот оно!

Джордж почувствовал, что весь вспотел. Хотя эта мысль пришла ему в голову совсем недавно, он был убежден в своей правоте. Она возникла во время разговора с Тревельяном, потом под болтовню Индженеску перебродила и оформилась, а теперь слова новианина, казалось, поставили все на свои места.

— Достопочтенный, я хочу показать вам выход из заколдованного круга,— начал Джордж, используя метафору новианина.

Новианин смерил его взглядом.

— Из какого это заколдованного круга?

— Вы сами упомянули о нем, достопочтенный. Из того заколдованного круга, в который попадает Новия, когда вы прилетаете на Землю за... за специалистами. (Он не в силах был справиться со своими зубами, которые стучали, но не от страха, а от волнения.)

— Вы хотите сказать, что знаете способ, как нам обойтись без земного интеллектуального рынка? Я правильно вас понял?

— Да, сэр. Вы можете создать свою собственную систему образования.

— Гм. Без лент?

— Д-да, достопочтенный.

— Индженеску, подойдите, чтобы я видел и вас, — не спуская глаз с Джорджа, позвал новианин.

Историк встал за плечом Джорджа.

— В чем дело?— спросил новианин.— Не понимаю.

— Даю вам слово, достопочтенный, что бы это ни было, молодой человек поступает так по собственной инициативе. Я ему ничего не поручал. Я не имею к этому никакого отношения.

— Тогда кем он вам приходится? Почему вы звоните мне по его просьбе?

— Я его изучаю, достопочтенный. Он представляет для меня определенную ценность, и я исполняю некоторые его прихоти.

— В чем же его ценность?

— Это трудно объяснить. Чисто профессиональный момент.

Новианин усмехнулся.

— Что ж, у каждого своя профессия.

Он кивнул невидимому зрителю или зрителям за экраном.

— Некий молодой человек, по-видимому, протеже Индженеску, собирается объяснить нам, как получать образование, не пользуясь лентами.

Он щелкнул пальцами, и в его руке появилась новая рюмка с бледно-сиреневым напитком.

— Ну, говорите, молодой человек.

На экране теперь появилось множество лиц. Мужчины и женщины отталкивали друг друга, чтобы поглядеть на Джорджа. На их лицах отражались самые разнообразные оттенки веселья и любопытства.

Джордж попытался принять независимый вид. Все они, и новиане, и землянин, каждый по-своему изучали его, словно жука, насаженного на булавку. Индженеску теперь сидел в углу и не спускал с него пристального взгляда.

«Какие же вы все идиоты»,— напряженно подумал он. Но они должны понять. Он заставит их понять.

— Я был сегодня на Олимпиаде металлургов,— сказал он.

— Как, и вы тоже?— вежливо спросил новианин.— По-видимому, там присутствовала вся Земля.

— Нет, достопочтенный, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали участникам состязания

прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру,— очевидно, уже устаревшая модель. Вы же сами сказали, что различие очень незначительно.— Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника.— И мой друг знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

— И что же из этого следует?

— Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

— А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

— Поэтому-то он и не стал доучиваться, достопочтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без нее он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

— Да неужели? Так он, пожалуй, даже не захочет летать без скиммера?— Раздался новый взрыв хохота, и новианин слегка улыбнулся.— А он забавен,— сказал он.— Продолжайте. Даю вам еще несколько минут.

— Не думайте, что это шутка,— сказал Джордж горячо.— Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепится, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

— А откуда можно получить знания помимо лент? Из межзвездного пространства?

— Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

— Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

— Книги состоят из слов, а бóльшую часть слов можно понять. Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

— А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

— По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

— Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки?— спросил новианин.

— Да, да,— подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его.

— А как быть с математикой?

— Это легче всего, сэр... достопочтенный. Математика отличается от других технических дисциплин. Она начинается с некоторых простых принципов и лишь постепенно усложняется. Можно приступить к изучению математики, ничего о ней не зная. Она практически и предназначена для этого. А познакомившись с соответствующими разделами математики, уже нетрудно разобраться в книгах по технике. Особенно если начать с легких.

— А разве есть легкие книги?

— Безусловно. Но если бы их и не было, специалисты, которых вы уже имеете, могут написать их. Наверное, некоторые из них сумеют выразить свои знания с помощью слов и символов.

— Боже мой!— сказал новианин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям.— У этого чертенка на все есть ответ.

— Да, да!— вскричал Джордж.— Спрашивайте!

— А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Индженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только легкий интерес.

— Да,— сказал Джордж.

— И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

— Да, достопочтенный,— заверил Джордж.— Возьмите меня с собой на Новию. Я могу составить программу и руководить...

— Погодите, у меня есть еще несколько вопросов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнете учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался.

— Ну... может быть, несколько лет.

— Два года? Пять? Десять?

— Еще не знаю, достопочтенный.

— Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

— Думаю, что да.

— Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что все это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильем и платить ему.

— Но...

— Дайте мне кончить. К тому времени, когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдет пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

— Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

— По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

— Может быть, и нет...— начал Джордж.

— То-то же,— сказал новианин.

— Погодите, дайте кончить мне. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он

сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

— А вы в процессе своей учебы придумали что-нибудь новое?— спросил новианин.

— Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился...

— Да... Ну-с, дамы и господа, мы достаточно позабавились?

— Постойте!— внезапно испугавшись, крикнул Джордж.— Я хочу договориться с вами о личной встрече. Есть вещи, которые я не могу объяснить по видеофону. Ряд деталей...

Новианин уже не смотрел на Джорджа.

— Индженеску! По-моему, я исполнил вашу просьбу. Право же, завтра у меня очень напряженный день. Всего хорошего.

Экран погас.

Руки Джорджа взметнулись к экрану в бессмысленной попытке вновь его оживить.

— Он не поверил мне! Не поверил!

— Да, Джордж, не поверил. Неужели вы серьезно думали, что он поверит?— сказал Индженеску.

Но Джордж не слушал.

— Почему же? Ведь это правда. Это так для него выгодно. Никакого риска. Только я и еще несколько... Обучение десятка людей в течение даже многих лет обошлось бы дешевле, чем один готовый специалист... Он был пьян! Пьян! Он не был способен понять.

Задыхаясь, Джордж оглянулся.

— Как мне с ним увидеться? Это необходимо. Все получилось не так, как нужно. Я не должен был говорить с ним по видеофону. Мне нужно время. И чтобы лично. Как мне...

— Он откажется принять вас, Джордж,— сказал Индженеску.— А если и согласится, то все равно вам не поверит.

— Нет, поверит, уверяю вас. Когда он будет трезв, он...— Джордж повернулся к историку, и глаза его широко раскрылись.— Почему вы называете меня Джорджем?

— А разве это не ваше имя? Джордж Плейтен?

— Вы знаете, кто я?

— Я знаю о вас все.

Джордж замер, и только его грудь тяжело вздымалась.

— Я хочу помочь вам, Джордж,— сказал Индженеску.— Я уже говорил вам об этом. Я давно изучаю вас и хочу вам помочь.

— Мне не нужна помощь!— крикнул Джордж.— Я не слабоумный! Весь мир выжил из ума, но не я!

Он стремительно повернулся и бросился к двери.

За ней стояли два полицейских, которые его немедленно схватили.

Как Джордж ни вырывался, шприц коснулся его шеи под подбородком. И все кончилось. Последнее, что осталось в его памяти, было лицо Индженеску, который с легкой тревогой наблюдал за происходящим.

Когда Джордж открыл глаза, он увидел белый потолок. Он помнил, что произошло. Но помнил, как сквозь туман, словно это произошло с кем-то другим. Он смотрел на потолок до тех пор, пока не наполнился его бе-

лизной, казалось, освобождавшей его мозг для новых идей, для иных путей мышления.

Он не знал, как долго лежал так, прислушиваясь к течению своих мыслей.

— Ты проснулся?— раздался чей-то голос.

И Джордж впервые услышал свой собственный стон. Неужели он стонал? Он попытался повернуть голову.

— Тебе больно, Джордж?— спросил голос.

— Смешно,— прошептал Джордж.— Я так хотел покинуть Землю. Я же ничего не понимал.

— Ты знаешь, где ты?

— Снова в... в приюте.— Джорджу удалось повернуться. Голос принадлежал Омани.

— Смешно, как я ничего не понимал,— сказал Джордж.

Омани ласково улыбнулся.

— Поспи еще...

Джордж заснул.

И снова проснулся. Сознание его прояснилось.

У кровати сидел Омани и читал, но, как только Джордж открыл глаза, он отложил книгу.

Джордж с трудом сел.

— Привет,— сказал он.

— Хочешь есть?

— Еще бы!— Джордж с любопытством посмотрел на Омани.— За мной следили, когда я ушел отсюда, так?

Омани кивнул.

— Ты все время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным потребностям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твое развитие.

— Я был к нему очень несправедлив,— с легким смущением произнес Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоем прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревельяна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Инджеческу, чтобы он занялся тобой сам.

— Он ведь занимает важный пост в правительстве?

— Да.

— И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

— Ты действительно много значишь, Джордж.

Принесли дымящееся ароматное жаркое. Джордж улыбнулся и откинул простыню, чтобы освободить руки. Омани помог ему поставить поднос на тумбочку. Некоторое время Джордж молча ел.

— Я уже один раз ненадолго просыпался,— заметил он.

— Знаю,— сказал Омани.— Я был здесь.

— Да, я помню. Ты знаешь, все изменилось. Как будто я так устал, что уже не мог больше чувствовать. Я больше не злился. Я мог только думать. Как будто мне дали наркотик, чтобы уничтожить эмоции.

— Нет,— сказал Омани.— Это было просто успокоительное. И ты хорошо отдохнул.

— Ну, во всяком случае, мне все стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушаться к внутреннему голосу. «Чего я ждал от Новии?» — подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами.

— Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.

— Теперь-то я это понимаю,— сказал Джордж,— до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрел спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образование через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперед.

— Совершенно верно.

— А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создает ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

— Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень былого беспокойства.

— Почему мне не сказали об этом с самого начала?

— К сожалению, это невозможно,— ответил Омани.— А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение?— спросил Джордж.— Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный специалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо.

— А мы?— спросил Джордж.— Мы, исключения? Один на десять тысяч?

— Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из

этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

— Каким образом?

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям.

Джордж отодвинул пустую тарелку и поднес к губам чашку с кофе.

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Инджеческу — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

— Мне все еще непонятно одно,— сказал он.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему состязания называются Олимпиадой?

АЛЬФРЕД Э. ВАН-ВОГТ

ЧУДОВИЩЕ [1]

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже начинали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов...— ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Иоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

---

[1] Печатается по изд.: Продается планета: Современная зарубежная фантастика.— Минск: Изд-во Университетское, 1986.

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Иоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете,— ответил он.— Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Иоал кивнул.

Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника Иоала прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Иоал,— сказал Инэш.— Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представляю вопрос на обсуждение совета,— медленно проговорил Иоал,— но, мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы.— Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил:— Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал — это пустая формальность. Решение принято — они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо,— они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что пе-

реведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда,— сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев.— Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта?— спросил он и снова встал.— Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его!— сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов...

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный?— с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки — чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте,— сказал он.— Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает,— проговорил Йоал.— Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовал, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется. Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело!— обрадовался человек.— Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ...

— Газ,— вмешался техник-лейтенант Виид.— Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд?— наконец спросил он.— У вас есть система, или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравнится с ним по быстроте реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства,— проговорил главный биолог Хамар.— Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости,— невольно подумал Инэш,— а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро по-

дошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял.

Наконец Иоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и, наконец, все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись... Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но,— прибавил он уже медленнее,— я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли,— пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище!— приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы!— пролаял в микрофон капитан Горсид.— Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ,— прошептал Иоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог,— сказал он,— я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить...

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю,— ответил Инэш,— они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости,— нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не

достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно?— медленно проговорил он.— Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил,— в этом все дело...

— И все это привело его к гибели,— сказал Хамар.

Все захохотали.

— Послушай, Инэш!— добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана.— Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно,— сердито пробурчал он.— Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению!— приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали,— проговорил Виид,— что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца!— прошептал Шюри,— Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете!— кричал капитан Горсид в микрофон.— Уничтожить, все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее!— жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия...

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас: беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией,— вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать,— заговорил капитан Горсид.— Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

— Стража!— приказал капитан Горсид.— Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться?— спросил Иоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось, оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила,— сказал он.— Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный голос, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его!

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим,— продолжал он,— вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло?— спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря,— проговорил он.— Она пришла из иного, звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли.

— Итак, секрет локатора... В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны?— вкрадчиво проговорил Йоал.— Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты,— сказал капитан Горсид.— Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется...— Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него.— Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например,— оно пробудилось и сразу ис-

чезло. А почему?.. Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Иоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами?— настаивал человек.

— И вызвать падение правительства?— сыронизировал Иоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо,— снова заговорил человек.— Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо

и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас,— подумал он,— я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и, по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий!— прорычал он.— Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить,— продолжал Инэш,— то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены,— превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись!— шепнул историк.— В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш!— рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется,— продолжал капитан Горсид,— я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа,— прервал его человек. Он тихонько рассмеялся.— Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому,— продолжал он,— у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже е с л и т ы з н а е ш ь в с е. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень не просто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать,— сказал он и подчеркнул.— Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его...

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виниде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь...» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как гром поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот о чем мы забыли!— удивленно и громко проговорил он наконец.— Мы забыли, что он при желании может передвигаться в косми-

ческом пространстве в пределах...— как это он сказал?..— в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того, чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовища раньше.

«Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам,— подумал Инэш.— Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?..»

Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было стольких звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри!— крикнул он.— Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло... Ты помнишь? Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

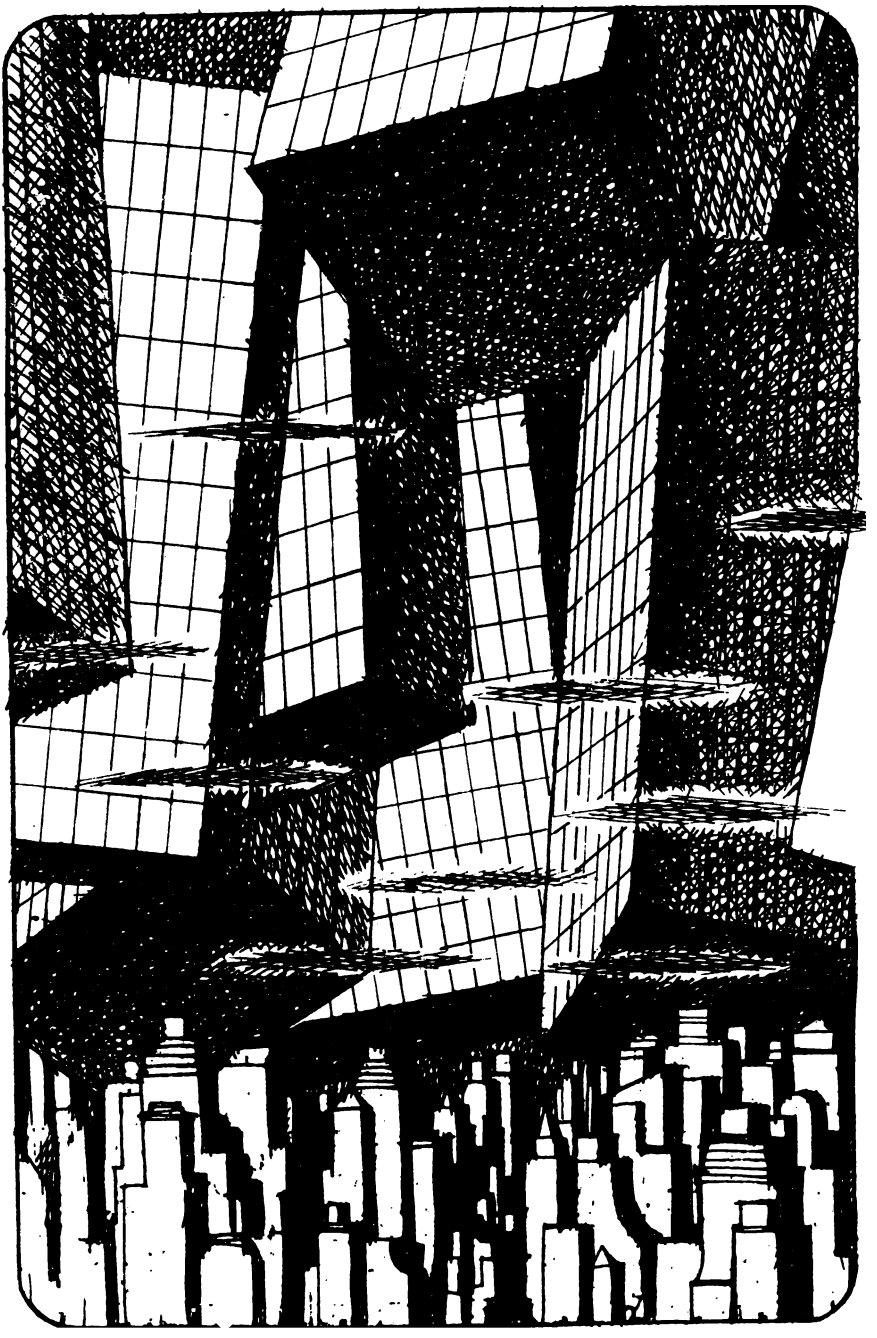
— Они... не могли... проникнуть... отсек... Дверь... была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь пробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

2

ГАРРИ ГАРРИСОН

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ [1]

После ужина, когда посуда уже убрана и вымыта, для нас, детей, нет ничего лучше, чем собраться вокруг огня и слушать рассказы Отца.

Памятуя все современные виды развлечения, вы, возможно, заметите, что такая картина отдает чем-то ветхозаветным, но, произнося эти слова, вы, надеюсь, простите мою снисходительную улыбку?

Мне минуло восемнадцать, и почти все мое детство осталось позади. Но Отец — прирожденный актер, звуки его голоса завораживают меня, и я заслушиваюсь его рассказами. Хотя мы и выиграли Войну, но потери понесли невероятные, и мир вокруг полон зверств и жестокостей. Я бережно храню мир моего детства.

— Расскажи нам о последнем бое,— обычно просят дети, и вот история, которую они обычно получают в ответ. Хотя мы и прекрасно знаем, что все давным-давно кончено, мы всякий раз пугаемся, а любой знает, что потрястись от страха перед сном только полезно.

Отец наливает себе пива, неторопливо отхлебывает его, потом смахивает рукой пену с усов. Это служит сигналом.

— Война — дерьмо, запомните, ребята,— начинает он, и двое подростков дружно хихикают: произнеси они это слово, их бы ждала хорошая взбучка.— Война — дерьмо и всегда была им, это вы раз и навсегда запомните, для того и говорю. Мы выиграли последний бой, но много отличных парней полегло за эту победу, и теперь, когда все позади, я хочу, чтобы вы помнили это. Они умирали, чтобы вы могли сейчас жить. И чтобы никогда не знали, что такое война.

Прежде всего выбросьте из головы мысль, будто в войне есть что-то благородное и прекрасное. Нет этого. Это миф, который давно умер и, возможно, восходит к тому времени, когда война велась врукопашную на пороге пещеры и человек защищал свой дом от чужеземцев. Эти времена давно ушли, и что было прекрасно для индивидуума, может обернуться смертью для цивилизованного общества. Смертью, понимаете?

Отец обводил слушателей своими большими серыми глазами, а мы сидели потупившись. Мы почему-то ощущали вину, хотя и родились после Войны.

— Мы выиграли Войну, но победа не стоила бы ничего, не извлеки мы из нее урока. Противник мог раньше нас изобрести Абсолютное Оружие, и мы были бы стерты с лица земли, не забывайте об этом. Историческая

---

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики: Антология. Т. 25.— М.: Молодая гвардия, 1973.

случайность спасла нашу культуру и принесла врагам гибель. И если удача научила нас чему-то, то это человечности. Мы не боги и вовсе несовершенны — и мы должны запретить войну, положив раз и навсегда конец человеческой розни. Я был там, я убивал, и я знаю, что говорю.

Потом наступал момент, к которому мы были готовы и который ждали затаив дыхание.

— Вот оно,— провозглашал Отец, поднимаясь во весь рост, и указывал на стену.— Вот оно, оружие, которое бьет с расстояния, наше Абсолютное Оружие.

Отец потрясал луком над головой, и его фигура, освещенная светом костра, казалась истинно трагической. Даже завернутые в шкуры малыши переставали щелкать блох и, разинув рот, глядели на Отца.

— Человек с палицей, или каменным ножом, или пикой не устоит против лука. Мы выиграли Войну и теперь должны использовать это Оружие только в мирных целях — охотиться на лосей и мамонтов. Вот наше будущее.

Улыбаясь, он осторожно повесил лук на крючок.

— Теперь Война кажется чем-то невероятным. Наступила эра вечного мира.

АРТУР КЛАРК

ИЗ КОНТРРАЗВЕДКИ [1]

Часто можно услышать, будто бы в наш век поточных линий и массового производства полностью изжил себя кустарь-умелец, искусный мастер по дереву и металлу, чьими руками создано столько прекрасных творений прошлого. Утверждение скороспелое и неверное. Разумеется, теперь умельцев стало меньше, но они отнюдь не перевелись совсем. И как бы ни менялась профессия кустаря, сам он благополучно, хотя и скромно, здравствует. Его можно найти даже на острове Манхеттен, нужно только знать, где искать. В тех кварталах, где арендная плата мала, а противопожарные правила и вовсе отсутствуют, в подвале жилого дома или на чердаке заброшенного магазина приютилась его крохотная, загроможденная всяким хламом мастерская. Пусть он не делает скрипок, часов с кукушкой, музыкальных шкатулок — он такой же умелец, каким был всегда, и каждое изделие, выходящее из его рук, неповторимо. Он не враг механизации: под стружками на его верстаке вы обнаружите рабочий инструмент с электрическим приводом. Это вполне современный кустарь. И он всегда будет существовать, мастер на все руки, который, сам того не подозревая, творит подчас бессмертные произведения.

Мастерская Ганса Мюллера занимала просторное помещение в глубине бывшего пакгауза неподалеку от Куинсборо-Бридж. Окна и двери здания были заколочены, оно подлежало сносу, и Ганса вот-вот могли попро-

[1] Печатается по изд.: Библиотека современной фантастики в 15 томах. Т. 6: Артур Кларк. Большая глубина. Рассказы.— М.: Молодая гвардия, 1966.

сить. Единственный ход в мастерскую вел через запущенный двор, который днем служил автомобильной стоянкой, ночью — местом сборищ юных правонарушителей. Впрочем, они не причиняли мастеру никаких хлопот, так как он умел прикинуться несведущим, когда являлась полиция. В свою очередь, полицейские отлично понимали деликатность положения Ганса Мюллера и не слишком-то на него наседали; таким образом, у него со всеми были хорошие отношения. И это вполне устраивало сего миролюбивого гражданина.

Работа, которой теперь был занят Ганс, весьма озадачила бы его баварских предков. Десять лет назад он и сам был бы удивлен. А началось все с того, что один прогоревший клиент принес ему в уплату за выполненный заказ вместо денег телевизор...

Ганс без особой охоты принял это вознаграждение. И не потому, что причислял себя к людям старомодным, не приемлющим телевидения. Просто он не представлял себе, когда сможет выбрать время, чтобы смотреть в эту треклятую штуку. «Ладно,— решил Ганс,— в крайнем случае продам кому-нибудь, уж пятьдесят-то долларов всегда получу. Но сперва стоит все-таки взглянуть, что за программы они показывают...»

Он повернул ручку, на экране появились движущиеся картинки, и Ганс Мюллер, подобно миллионам до него, пропал. В паузах между рекламами ему открылся мир, о существовании которого он не подозревал,— мир сражающихся космических кораблей, экзотических планет и странных народов, мир капитана Зиппа, командира «Космического легиона». И лишь когда нудное описание достоинств чудо-каши «Кранч» сменилось почти столь же нудным поединком двух боксеров, которые явно заключили пакт о ненападении, он стряхнул с себя чары.

Ганс был простодушный человек. Он всегда любил сказки, а это были современные сказки, к тому же с чудесами, о которых братья Гримм не могли и мечтать. Так получилось, что Ганс Мюллер раздумал продавать телевизор.

Прошла не одна неделя, прежде чем поунялось его первоначальное наивное восхищение. Теперь Ганс уже критическим взором смотрел на обстановку и меблировку телевизионного мира будущего. Он был в своей области художником и отказывался верить, что через сто лет вкусы деградируют до такой степени. Воображение заказчиков рекламной передачи удручало его.

Ганс был весьма невысокого мнения и об оружии, которым пользовались капитан Зипп и его враги. Нет, он не пытался понять принцип действия портативного дезинтегратора, его смущало только, почему этот дезинтегратор непременно должен быть таким громоздким. А одежда, а интерьеры космических кораблей? Они выглядят неправдоподобно! Откуда он мог это знать? Гансу всегда было присуще чувство целесообразности, оно тотчас заявило о себе и в этой новой для него области.

Мы уже сказали, что Ганс был простодушным человеком. Но простаком его нельзя было назвать. Прослышав, что на телевидении платят хорошие деньги, мастер сел за свой рабочий стол.

Даже в том случае, если бы автор декораций и костюмов к постановкам о капитане Зиппе не сидел уже в печенках у продюсера, идеи Ганса Мюллера произвели бы впечатление. Его эскизы отличались небывалой достоверностью и реализмом, в них не было ни грамма той фальши, которая начала раздражать даже самых юных поклонников капитана Зиппа. Контракт был подписан незамедлительно.

Правда, Ганс предъявил свои условия. Он трудился из любви к искусству; обстоятельство, которое не могло поколебать даже то, что он при

этом зарабатывал больше денег, чем когда-либо прежде за всю свою жизнь. И Ганс заявил, что, во-первых, ему не нужны никакие помощники, во-вторых, он будет работать в своей маленькой мастерской. Его дело поставлять эскизы и образцы. Массовое изготовление может происходить в другом месте; он кустарь.

Все шло как нельзя лучше. За шесть месяцев капитан Зипп совершенно преобразился и стал предметом зависти всех постановщиков «космических опер». В глазах зрителей это были уже не спектакли о будущем, а само будущее. Новый реквизит вдохновил даже актеров. После спектаклей они часто вели себя как путешественники во времени, внезапно перенесенные в далекую старину и чувствующие страшную неловкость из-за отсутствия самых привычных предметов обихода.

Ганс об этом не знал. Он продолжал увлеченно работать, отказываясь встречаться с кем-либо, кроме продюсера, и решая все вопросы по телефону. Он по-прежнему смотрел телевизионные передачи, и это позволяло ему проверять, не искажают ли там его идеи. Единственным наглядным знаком связей Ганса Мюллера с отнюдь не фантастическим миром коммерческого телевидения был стоящий в углу мастерской ящик маисовых хлопьев «Крач», дар благодарного заказчика рекламы. Ганс честно проглотил одну ложку чудо-каши, после чего с облегчением вспомнил, что ему платят деньги не за то, чтобы он ел это варево...

В воскресенье поздно вечером Ганс Мюллер заканчивал образец нового гермошлема; вдруг он почувствовал, что в мастерской есть еще кто-то. Он медленно повернулся к двери. Она ведь была заперта, как они ухитрились открыть ее так бесшумно? Возле двери, глядя на него, неподвижно стояли двое. Ганс почувствовал, как сердце уходит в пятки, и поспешно мобилизовал все свое мужество. Хорошо еще, что здесь хранится только малая часть его денег. А может быть, это как раз плохо? Еще разъярятся...

— Кто вы?— спросил он.— Что вам здесь надо?

Один из вошедших направился к нему, второй остался стоять у двери, не сводя глаз с мастера. Оба были в новых пальто, низко надвинутые на лоб шляпы не позволяли разглядеть лиц. Слишком хорошо одеты, сказал себе Ганс, чтобы быть заурядными грабителями.

— Не волнуйтесь, мистер Мюллер,— ответил первый незнакомец, легко читая его мысли.— Мы не бандиты, мы представители власти. Из контрразведки.

— Не понимаю.

Незнакомец сунул руку в спрятанный под пальто портфель и извлек пачку фотографий. Порывшись среди них, он вынул одну.

— Вы причинили нам немало хлопот, мистер Мюллер. Две недели мы разыскивали вас, ваши работодатели никак не хотели давать нам адрес. Прячут вас от конкурентов. Так или иначе, мы здесь и хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Я не шпион! — возмущенно ответил Ганс, смекнув о чем идет речь.— У вас нет никакого права! Я лояльный американский гражданин!

Гость игнорировал эту вспышку. Он показал Гансу фотографию.

— Узнаете?

— Да. Это интерьер космического корабля капитана Зиппа.

— Он придуман вами?

— Да.

Еще одна фотография.

— А это?

— Это марсианский город Палдар, вид с воздуха.

— Ваша собственная выдумка?

— Разумеется!— Гнев заставил Ганса забыть об осторожности.
— А это?
— Это протонное ружье. Разве плохо?
— Скажите, мистер Мюллер, все это ваши собственные идеи?
— Да, я не краду у других.

Первый незнакомец подошел к своему товарищу. Несколько минут они переговаривались так тихо, что Ганс ничего не мог разобрать. Наконец они как будто пришли к соглашению. Совещание кончилось прежде, чем Ганс сообразил, что не худо бы прибегнуть к помощи телефона.

— Очень жаль,— обратился к нему незнакомец,— но похоже, кто-то нарушил правила секретности. Возможно, это произошло чисто случайно, даже... э... неосознанно, но это не меняет дела. Мы обязаны провести дознание. Прошу следовать за нами.

Он сказал это так властно и строго, что Ганс покорно снял с вешалки пальто и стал одеваться. Полномочия гостя не вызывали у него никакого сомнения, он даже не попросил его предъявить документы.

Неприятно, конечно, но ему нечего бояться. Ганс вспомнил рассказ о писателе-фантасте, который еще в самом начале войны с поразительной точностью описал атомную бомбу. Когда ведется столько исследований, подобные инциденты неизбежны. Интересно, какой секрет он разгласил, сам того не ведая?

Уже в дверях он оглянулся и окинул взглядом мастерскую и следующих за ним незнакомцев.

— Это нелепая ошибка,— сказал Ганс Мюллер.— Если я и показал в программе что-то секретное, то это чистое совпадение. Я никогда не делал ничего такого, что могло бы вызвать недовольство ФБР.

И тут впервые прозвучал голос второго незнакомца; он говорил на каком-то странном английском языке, с необычным акцентом.

— Что такое ФБР?— спросил он.

Ганс не слышал вопроса: он смотрел во все глаза на стоящий во дворе космический корабль.

РЭЙ БРЭДБЕРИ

РЖАВЧИНА [1]

— Садитесь, молодой человек,— сказал полковник.
— Благодарю вас,— вошедший сел.
— Я слыхал о вас кое-что,— заговорил дружеским тоном полковник.— В сущности, ничего особенного. Говорят, что вы нервничаете и что вам ничего не удается. Я слышу это уже несколько месяцев и теперь решил поговорить с вами. Я думал также о том, не захочется ли вам переменить место службы. Может быть, вы хотите уехать за море и служить в каком-

[1] Печатается по изд.: Продается планета: Современная зарубежная фантастика.— Минск: Изд-во Университетское, 1986.

нибудь дальнем военном округе? Не надоело ли вам работать в канцелярии? Может быть, вам хочется на фронт?

— Кажется нет,— ответил молодой сержант.

— Так чего вы, собственно, хотите?

Сержант пожал плечами и поглядел на свои руки.

— Я хочу жить без войн. Хочу узнать, что за ночь каким-то образом пушки во всем мире превратились в ржавчину, что бактерии в оболочках бомб стали безвредными, что танки провалились сквозь шоссе и, подобно доисторическим чудовищам, лежат в ямах, заполненных асфальтом. Вот мое желание.

— Это естественное желание каждого из нас,— произнес полковник.— Но сейчас оставьте эти идеалистические разговоры и скажите нам, куда мы должны вас послать. Можете выбрать западный или северный округ.— Он постучал пальцем по карте, разложенной на столе.

Сержант продолжал говорить, шевеля руками, приподнимая их и разглядывая пальцы:

— Что делали бы вы, начальство, что делали бы мы, солдаты, что делал бы весь мир, если бы все мы завтра проснулись и пушки стали бы ненужными?

Полковнику было теперь ясно, что с сержантом нужно обращаться осторожно. Он спокойно улыбнулся.

— Это интересный вопрос. Я люблю поболтать о таких теориях. Помоему, тогда возникла бы настоящая паника. Каждый народ подумал бы, что он один во всем мире лишился оружия, и обвинил бы в этом несчастьи своих врагов. Начались бы массовые самоубийства, акции мгновенно упали бы, разыгралось бы множество трагедий.

— А потом?— спросил сержант.— Потом, когда все поняли бы, что это правда, что оружия нет больше ни у кого, что больше никого не нужно бояться, что все мы равны и можем начать жизнь заново... Что было бы тогда?

— Все принялись бы опять поскорее вооружаться.

— А если бы им можно было в этом помешать?

— Тогда стали бы драться кулаками. На границах сходились бы толпы людей, вооруженных боксерскими перчатками со стальными вкладками; отнимите у них перчатки, и они пустят в ход ногти и зубы, и ноги. Запретите им и это, и они станут плевать друг в друга. А если вырезать им языки и заткнуть рты, они наполнят воздух такой ненавистью, что птицы попадают мертвыми с телеграфных проводов и все мухи и комары осыплются на землю.

— Значит вы думаете, что в этом вообще не было бы смысла?— продолжал сержант.

— Конечно, не было бы! Ведь это все равно, что черепаху вытащить из панциря. Цивилизация задохнулась бы и умерла от шока.

Молодой человек покачал головой.

— Вы просто хотите убедить себя и меня, ведь работа у вас спокойная и удобная.

— Пусть даже это на девяносто процентов цинизм и только на десять — разумная оценка положения. Бросьте вы свою ржавчину и забудьте о ней.

Сержант быстро поднял голову.

— Откуда вы знаете, что она у меня есть?

— Что у вас есть?

— Ну, эта ржавчина.

— О чем вы говорите?

— Вы знаете, что я могу это сделать. Если бы я захотел, я мог бы начать сегодня же.

Полковник засмеялся:

— Я думаю, вы шутите?

— Нет, я говорю вполне серьезно. Я давно уже хотел поговорить с вами. Я рад, что вы сами позвали меня. Я работаю над этим изобретением уже довольно давно. Мечтал о нем целые годы. Оно основано на строении определенных атомов. Если бы вы изучали их, вы бы знали, что атомы оружейной стали расположены в определенном порядке. Я искал фактор, который нарушил бы их равновесие. Может быть, вы знаете, что я изучал физику и металлургию... Мне пришло в голову, что в воздухе всегда присутствует вещество, вызывающее ржавчину: водяной пар. Нужно было найти способ вызывать у стали «нервный шок». И тогда водяные пары принялись бы за свое дело. Разумеется, я имею в виду не всякий металлический предмет. Наша цивилизация основана на стали, и большинство ее творений мне не хотелось бы разрушать. Я хотел бы вывести из строя пушки, ружья, снаряды, танки, боевые самолеты, военные корабли. Если бы понадобилось, я бы заставил свой прибор действовать на медь, бронзу, алюминий. Попросту прошел бы около любого оружия, и этого было бы довольно, чтобы оно рассыпалось в прах.

Полковник наклонился над столом и некоторое время разглядывал сержанта. Потом вынул из кармана авторучку с колпачком из ружейного патрона и начал заполнять бланк.

— Я хочу, чтобы сегодня после полудня вы сходили к доктору Мэтьюзу. Пусть он обследует вас. Я не хочу сказать, что вы серьезно больны, но мне кажется, что врачебная помощь вам необходима.

— Вы думаете, я обманываю вас,— произнес сержант.— Нет, я говорю правду. Мой прибор так мал, что поместился бы в спичечной коробке. Радиус его действия — девятьсот миль. Я мог бы вам настроить его на определенный вид стали и за несколько дней объехать всю Америку. Остальные государства не могли бы воспользоваться этим, так как я уничтожил бы любую военную технику, посланную против нас. Потом я уехал бы в Европу. За один месяц я избавил бы мир от страшилища войны. Не знаю в точности, как мне удалось это изобретение. Оно просто невероятно. Совершенно так же невероятно, как атомная бомба. Вот уже месяц я жду и размышляю. Я тоже думал о том, что случится, если сорвать панцирь с черепахи, как вы выразились. А теперь я решился. Беседа с вами помогла мне выяснить все, что нужно. Когда-то никто не представлял себе летательных машин, никто не думал, что атом может быть губительным оружием, и многие сомневаются в том, что когда-нибудь на земле воцарится мир. Но мир воцарится, уверяю вас.

— Этот бланк вы отдадите доктору Мэтьюзу,— подчёркнуто произнес полковник.

Сержант встал.

— Значит, вы не отправите меня в другой военный округ?

— Нет, пока нет. Пусть решает доктор Мэтьюз.

— Я уже решил,— сказал молодой человек.— Через несколько минут я уйду из лагеря. У меня отпускная. Спасибо за то, что вы потратили на меня столько драгоценного времени.

— Послушайте, сержант, не принимайте этого так близко к сердцу. Вам не нужно уходить. Никто вас не обидит.

— Это верно, потому что никто мне не поверит. Прощайте.— Сержант открыл дверь канцелярии и вышел.

Дверь закрылась, и полковник остался один. С минуту он стоял в нерешительности. Потом вздохнул и провел ладонью по лицу.

Зазвонил телефон. Полковник рассеянно взял трубку.

— Это вы, доктор? Я хочу поговорить с вами. Да, я послал его к вам. Посмотрите, в чем тут дело, почему он так ведет себя. Как вы думаете, доктор? Вероятно, ему нужно немного отдохнуть, у него странные иллюзии. Да, да, неприятно. По-моему, сказались шестнадцать лет войны.

Голос в трубке отвечал ему. Полковник слушал и кивал головой.

— Минутку, я запишу...— Он поискал свою авторучку.— Подождите у телефона, пожалуйста. Я ищу кое-что...

Он ощупал карманы.

— Ручка только что была тут. Подождите...

Он отложил трубку, огляделся стол, посмотрел в ящик. Потом окаменел. Медленно сунул руку в карман и пошарил в нем. Двумя пальцами вытащил щепотку чего-то. На промокательную бумагу на столе высыпалось немного желтовато-красной ржавчины.

Некоторое время полковник сидел, глядя перед собой. Потом взял телефонную трубку.

— Мэтьюз,— сказал он,— положите трубку.— Он услышал щелчок и набрал другой номер.— Алло, часовой! Каждую минуту мимо вас может пройти человек, которого вы, наверное, знаете: Холлис. Остановите его. Если понадобится, застрелите его, ни о чем не спрашивая, убейте этого негодяя, поняли? Говорит полковник. Да... убейте его... вы слышите?

— Но... простите...— возразил удивленный голос на другом конце провода,— я не могу... просто не могу!

— Что вы хотите сказать, черт побери? Как так не можете?

— Потому что...— голос прервался. В трубке слышалось взволнованное дыхание часового. Полковник потряс трубкой.

— Внимание, к оружию!

— Я никого не смогу застрелить,— ответил часовой.

Полковник тяжело сел и с полминуты задыхался и жмурился.

Он ничего не видел и не слышал, но он знал, что там, за этими стенами, ангары превращаются в мягкую красную ржавчину, что самолеты рассыпаются в бурую уносимую ветерком пыль, что танки медленно погружаются в расплавленный асфальт дорог, как доисторические чудовища некогда проваливались в асфальтовые ямы — именно так, как говорил этот молодой человек. Грузовики превращаются в облачка оранжевой краски, и от них остаются только резиновые шины, бесцельно катящиеся по дорогам.

— Сэр...— заговорил часовой, видевший все это.— Клянусь вам...

— Слушайте, слушайте меня!— закричал полковник.— Идите за ним, задержите его руками, задушите его, бейте кулаками, ногами, забейте насмерть, но вы должны остановить его! Я сейчас буду у вас!— и он бросил трубку.

По привычке он выдвинул нижний ящик стола, чтобы взять револьвер. Кожаная кобура была наполнена бурой ржавчиной. Он с проклятием отскочил от стола.

Пробегая по канцелярии, он схватил стул. «Деревянный,— подумалось ему,— старое доброе дерево, старый добрый бук». Дважды ударил им о стену и разломал. Потом схватил одну из ножек, крепко сжал в кулаке. Он был почти лиловым от гнева и ловил воздух раскрытым ртом. Для пробы сильно ударил ножкой стула себя по руке.

— Годится, черт побери!— крикнул он.

С диким воплем он выбежал и хлопнул дверью.

КЛИФФОРД САЙМАК

ОПЕРАЦИЯ «ВОНЮЧКА» [1]

Я сидел на заднем крыльце своей лачуги, держал в правой руке бутылку, в левой — ружье и поджидал реактивный самолет, как вдруг за углом хижины подозрительно оживились собаки.

Я наспех отхлебнул из бутылки и неловко поднялся на ноги. Схватил метлу и обошел вокруг дома.

По тявканью я понял, что собаки загнали в угол скунса [2], а у скунсов и так от реактивных самолетов поджилки трясутся, нечего им докучать без нужды.

Я перешагнул через изгородь там, где она совсем завалилась, и выглянул из-за угла хижины. Уже смеркалось, но я разглядел, что три собаки кружат у зарослей сирени, а четвертая, судя по треску, продирается прямо сквозь кусты. Я знал, что, если сразу не положу этому конец, через минуту нечем будет дышать — скунс есть скунс.

Я хотел подобраться к собакам незаметно, но то и дело спотыкался о ржавые консервные банки и пустые бутылки и тут же дал себе слово, что утром расчищу весь двор. Я и раньше часто собирался, да как-то руки не доходили.

Я поднял такой шум, что все собаки удрали, кроме одной,— та завязла в кустах. Я хорошенько примерился и с удовольствием огрел ее метлой. Надо было видеть, как она оттуда выскочила,— тощая такая собака, шкура на ней обвисла, того и гляди, собака из нее выпрыгнет.

Собака взвыла, зарычала, вылетела, как пробка из бутылки, и метнулась мне прямо под ноги. Я пытался устоять, но наступил на пустую бутылку и постыдно шлепнулся на землю. Я так расшибся, что света божьего не взвидел, а потом никак не мог прийти в себя и подняться на ноги.

Пока я приходил в себя, из-под сиреневого куста вынырнул скунс и направился прямо ко мне. Я стал отгонять его, но он никак не отгонялся. Он завилял хвостом, словно встретил родную душу, подошел вплотную и с громким мурлыканьем стал о меня тереться.

Я и пальцем не двинул. Даже глазом не моргнул. Рассудил, что если я не шелохнусь, то скунс, может, и отстанет. Вот уже три года у меня под хижиной жили скунсы, и мы с ними отлично ладили, но никогда не были, что называется, на короткой ноге. Я их не трогал, они меня не трогали, и все были довольны.

А этой веселой зверюшке, как видно, втемяшилось в голову, что я ей друг. Может, скунса распирало от благодарности за то, что я отогнал собак.

Он обошел вокруг меня, потыкался мордой, потом вскарабкался ко мне на грудь и заглянул в лицо. И без устали мурлыкал с таким азартом, что весь дрожал.

Так он стоял на задних лапках, упершись мне в грудь передними, заглядывал мне в лицо и мурлыкал — то тихо, то громко, то быстро, то мед-

---

[1] Печатается по изд.: К. Саймак. Прелесть: Сборник научно-фантастических рассказов.— М.: Мир, 1967.

[2] *Скунс* — североамериканский пушной зверек, который при нападении на него выделяет зловонную жидкость, вызывающую у человека головокружение и тошноту. *(Прим. перев.).*

ленно. А сам навострил уши, будто ожидал, что я замурлычу в ответ, и все время дружелюбно вилял хвостом.

В конце концов я протянул руку (очень осторожно) и погладил скунса по голове, а он как будто не возражал. Так мы пролежали довольно долго — я его гладил, а он мурлыкал.

Потом я отважился стряхнуть его с себя.

После двух или трех неудачных попыток я кое-как поднялся с земли и пошел к крыльцу, а скунс тащился за мной по пятам.

Я опять сел на крыльцо, взял бутылку и как следует приложился к ней; это было самое умное, что можно сделать после стольких треволнений. А пока я пил из горлышка, из-за деревьев выскользнул реактивный самолет, свечкой взмыл над моим участком, и все кругом подпрыгнуло на метр-другой.

Я выронил бутылку и схватил ружье, но самолет скрылся из виду, прежде чем я успел взвести курок.

Я отложил ружье и как следует выругался.

Только позавчера я предупреждал полковника — и вовсе не в шутку,— что, если реактивный самолет еще раз пролетит так низко над моей хижиной, я его обстреляю.

— Безобразие,— говорил я полковнику.— Человек строит себе хижину, живет тихо-мирно, ни к кому не пристает. Так нет, правительству непременно надо устроить воздушную базу именно в двух милях от его дома. Какой может быть мир и покой, когда чертовы реактивные самолеты чуть не цепляют за дымовую трубу?

Вообще-то полковник разговаривал со мной вежливо. Он напомнил мне, как необходимы нам воздушные базы, как наша жизнь зависит от самолетов, которые там размещены, и как он, полковник, старается наладить маршруты вылетов так, чтобы не тревожить мирное население окрестностей.

Я сказал, что реактивные самолеты вспугивают скунсов, и он не стал смеяться, а даже посочувствовал и вспомнил, как в Техасе еще мальчишкой ставил на скунсов капканы. Я объяснил, что не промышляю ловлей скунсов, что я, можно сказать, живу с ними под одной крышей, что я к ним искренне привязан, по ночам не сплю и слушаю, как они шныряют взад и вперед под хижиной, а когда слышу это, то чувствую, что я не одинок, что делю свой кров с другими тварями божьими.

Но тем не менее он не обещал, что реактивные самолеты больше не будут сновать над моим жильем, и тут-то я пригрозил обстрелять первый же самолет, который увижу у себя над головой. Тогда полковник вытащил из письменного стола какую-то книгу и прочитал мне вслух, что стрельба по воздушным кораблям — дело незаконное. Но я ничуть не испугался!

И надо же такому случиться! Я сижу в засаде, мимо проходит реактивный самолет, а я прохлаждаюсь с бутылкой.

Я перестал ругаться, как только вспомнил о бутылке, и тут же услышал бульканье. Она закатилась под крыльцо, я не сразу нашел ее и чуть с ума не сошел, услышав, как она булькает.

Я лег на живот, дотянулся до того места под ступеньками, куда закатилась бутылка, и наконец поднял ее, но она уже добулькалась досуха. Я швырнул ее во двор и, вконец расстроенный, опустился на ступеньки.

Тут из темноты вынырнул скунс, взобрался вверх по ступенькам и уселся рядом со мной. Я протянул руку, погладил его, и он в ответ замурлыкал. Я перестал горевать о бутылке.

— А ты, право, занятный зверь,— сказал я.— Что-то я не слыхал, чтобы скунсы мурлыкали.

Так мы посидели с ним, и я рассказал ему обо всех своих неприятностях с реактивными самолетами, как рассказывает животным человек, когда ему не с кем поделиться, а порой и когда есть с кем.

Я его ни капельки не боялся и думал, как здорово, что наконец-то хоть один скунс со мной подружился. Интересно, теперь, когда лед, так сказать, сломан, может, какой-нибудь скунс переселится из подполья ко мне в комнату?

Затем я подумал: теперь будет о чем порассказать ребятам в кабачке. Но тут же понял, что, как бы я ни клялся и ни божился, никто не поверит ни единому моему слову. Вот я и решил прихватить с собой живое доказательство.

Я взял ласкового скунса на руки и сказал:

— Поехали. Надо показать тебя ребятам.

Я налетел на дерево и запутался в старой проволочной сетке, что валялась на дворе, но кое-как добрался до того места перед домом, где стояла моя Старушка Бетси.

Бетси не была ни самой новой, ни самой лучшей машиной в мире, но зато отличалась верностью, о которой любой мужчина может только мечтать. Мы с ней многое пережили вместе и понимали друг друга с полуслова. У нас было что-то вроде сделки: я мыл ее и кормил, а она доставляла меня куда надо и всегда привозила обратно. Ни один разумный человек не станет требовать большего от автомобиля.

Я похлопал Бетси по крылу и поздоровался с ней, уложил скунса на переднее сиденье и залез в машину сам.

Бетси никак не хотела заводиться. Она предпочитала остаться дома. Однако я потолковал с ней по-хорошему, наговорил ей всяких ласковых слов, и наконец, дрожа и фыркая, она завелась.

Я включил сцепление и вывел ее на шоссе.

— Только не разгоняйся,— сказал я ей.— Где-то на этом перегоне автоинспекция ловит злостных нарушителей, так что у нас могут быть неприятности.

Бетси медленно и плавно довезла меня до кабачка, я оставил ее на стоянке, взял скунса под мышку и вошел в зал.

За стойкой работал Чарли, а в зале было полно народу — Джонни Эшленд, Скелет Паттерсон, Джек О'Нийл и еще с полдюжины других.

Я опустил скунса на стойку, и он сразу же двинулся к ребятам, будто ему не терпелось с ними подружиться.

А они, как его увидели, так сразу нырнули под табуреты и столы. Чарли схватил бутылку за горлышко и попятился в угол.

— Эйса,— заорал он,— сейчас же убери эту пакость!

— Да ты не волнуйся,— сказал я,— этот клиент не скандальный.

— Скандальный или не скандальный, проваливай отсюда с ним вместе!

— Убери его ко всем чертям!— хором подхватили посетители.

Я на них здорово разозлился. Подумать только, так лезть в бутылку из-за ласкового скунса!

Все же я смекнул, что их не переспоришь, подхватил скунса на руки и отнес к Бетси. Я нашел куль из рогожки, сделал скунсу подстилку и велел сидеть на месте, никуда не отлучаться — мол, скоро вернусь.

Задержался я дольше, чем рассчитывал, потому что пришлось рассказывать все подробности, а ребята задавали каверзные вопросы и сыпали

шуточками, но никто не дал мне заплатить за выпивку — все подносили наперебой.

Выйдя оттуда, я не сразу увидел Бетси, а увидев, не сразу подошел — пришлось с трудом прокладывать к ней курс. Времени на это ушло порядком, но, поворачивая по ветру то на один галс, то на другой, я в конце концов подобрался к ней вплотную.

Я с трудом попал внутрь, потому что дверца открывалась не так, как обычно, а войдя, не мог отыскать ключ. Наконец я все-таки нашел его, но тут же уронил на пол, а когда нагнулся, то растянулся ничком на сиденье. Там было страшно удобно, и я решил, что вставать вовсе глупо. Переночую здесь, и дело с концом!

Пока я лежал, у Бетси завелся мотор. Ха! Бетси надулась и хочет вернуться домой самовольно. Вот какая у меня машина! Ну чем не жена?

Она дала задний ход, развернулась и направилась к шоссе. У самого шоссе остановилась, поглядела, нет ли там движения, и выехала на магистраль, направляясь прямехонько домой.

Я нисколько не тревожился. Знал, что могу положиться на Бетси. Мы с ней многое пережили вместе, и она была умницей, хотя прежде никогда не ходила домой самостоятельно.

Лежал я и удивлялся, как она раньше до этого не додумалась.

Нет на свете машины, которая ближе человеку, чем автомобиль. Человек начинает понимать свой автомобиль, а автомобиль приучается понимать человека, и со временем между ними возникает настоящая привязанность. Вот мне и показалось совершенно естественным, что настанет день, когда машине можно будет доверять точно так же, как лошади или собаке, и что хорошая машина должна быть такой же верной и преданной, как собака или лошадь.

Так я размышлял, и настроение у меня было отличное, а Бетси тем временем свернула с шоссе на проселок.

Но только мы остановились у моей лачуги, как позади раздался визг тормозов; я услышал, как открылась дверца чужого автомобиля и кто-то выпрыгнул на гравий.

Я попытался встать, но чуть замешкался, и этот кто-то рывком открыл дверцу, просунул руку, сгреб меня за шиворот и выволок из машины.

На неизвестном была форма государственного дорожного инспектора, второй инспектор стоял чуть подальше, а рядом с ним торчал полицейский автомобиль с красной мигалкой. Я просто диву дался, как это не заметил, что они за нами гонятся, но тут же вспомнил, что всю дорогу лежал пластом.

— Кто вел машину?— рявкнул тот фараон, что держал меня за шиворот.

Не успел я рта раскрыть, как второй фараон заглянул в Бетси и проворно отскочил шагов на десять.

— Слейд!— взвыл он.— Там внутри скунс!

— Не хочешь ли ты сказать, что скунс сидел за рулем?— осведомился Слейд.

Второй возразил:

— Скунс по крайней мере трезв.

— Оставьте-ка скунса в покое,— сказал я им.— Это мой друг. Он никому не причинил зла.

Я шарахнулся в сторону, рука Слейда выпустила мой воротник, и я метнулся к Бетси. Я ударился грудью о сиденье, вцепился в руль и попытался втиснуться внутрь.

Внезапно взревев, Бетси сама завелась, из-под ее колес вылетел гравий и пулеметной очередью ударил в полицейский автомобиль. Бетси устремилась вперед и, пробив изгородь, вырвалась на шоссе. Она со всего размаха врезалась в заросли сирени, я вывалился на ходу, а она понеслась дальше.

Я лежал, увязнув в кустах сирени, и следил, как Бетси выходит на большую дорогу. «Она старалась, как могла,— утешал я сам себя.— Она пыталась выручить меня, и не ее вина, что я не усидел за рулем. А теперь ей надо сматываться. И у нее это, видно, неплохо выходит. А ревет-то как — словно внутри у нее двигатель от линкора».

Инспекторы вскочили в автомобиль и пустились в погоню, а я стал соображать, как бы выпутаться из сирени.

В конце концов я оттуда выбрался, подошел к парадному крыльцу хижины и уселся на ступеньках. Тут вспомнил про изгородь и решил, что чинить ее все равно не стоит — проще пустить на растопку.

За Бетси я не очень беспокоился. Я был уверен, что она не даст себя в обиду.

В этом-то я был прав, потому что немного погодя автоинспекторы вернулись и поставили свою машину на подъездной дорожке. Они заметили, что я сижу на ступеньках, и подошли ко мне.

— А где Бетси?— спросил я.

— Бетси? А фамилия?— ответил Слейд вопросом на вопрос.

— Бетси — это машина,— пояснил я.

Слейд выругался.

— Удрала. Идет с незажженными фарами, делает сто миль в час. Я не я, если она ни во что не врежется.

На это я только головой покачал.

— С Бетси ничего такого не случится. Она знает все дороги на пятьдесят миль в окружности.

Слейд решил, что я над ним просто насмехаюсь. Он схватил меня и, встряхнув для острастки, поднял на ноги.

— Ты за это ответишь.— Он толкнул меня к другому инспектору, а тот поймал меня на лету.— Кидай его на заднее сиденье, Эрни, и поехали.

Похоже было, что Эрни не так бесится, как Слейд. Он сказал:

— Сюда, папаша.

Втащив меня в машину, они больше не желали со мной знаться. Я ехал с Эрни на заднем сиденье, а Слейд сидел за рулем. Не проехали мы и мили, как я задремал.

Когда я проснулся, мы как раз въезжали на стоянку у полицейского управления. Я вылез из машины и хотел было пойти сам, но они подхватили меня с двух сторон и поволокли силком.

Мы вошли в помещение вроде кабинета, с письменным столом, стульями и скамьей. За столом сидел какой-то человек.

— Что там у вас?— спросил он.

— Будь я проклят, если сам знаю,— ответил Слейд, злой как черт.— Боюсь, вы нам не поверите, капитан.

Эрни подвел меня к стулу и усадил.

— Пойду принесу тебе кофе, папаша. Нам надо с тобой потолковать. Желательно, чтобы ты протрезвел.

Я подумал, что с его стороны это очень мило.

Я вволю напился кофе, в глазах прояснилось, и все кругом перестало плясать и двоиться — я имею в виду мебель. Хуже было, когда я принялся

соображать. То, что прежде само собой разумелось, теперь показалось очень странным. Например, как это Бетси сама отправилась домой.

В конце концов меня подвели к столу, и капитан засыпал меня вопросами о том, кто я такой, когда родился и где проживаю, но постепенно мы подошли к тому, что было у них на уме.

Я не стал ничего скрывать. Рассказал о реактивных самолетах, о скунсах и о своем разговоре с полковником. Рассказал о собаках, о ласковом скунсе и о том, как Бетси разобиделась и пошла домой самовольно.

— Скажите-ка, мистер Бейлз,— спросил капитан,— вы не механик? Я знаю, вы говорили, что работаете поденно и перебиваетесь случайным заработком. Но я хочу выяснить, может, вы со своей машиной что-нибудь намудрили?

— Капитан,— ответил я честно,— да я не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ.

— Вы, значит, никогда не работали над своей Бетси?

— Просто ухаживал за ней на совесть.

— А кто-нибудь еще над ней работал?

— Да я бы к ней никого и на пушечный выстрел не подпустил.

— В таком случае не можете ли вы объяснить, как это машина движется сама по себе?

— Нет, сэр. Но ведь Бетси умница...

— Вы точно помните, что не сидели за рулем?

— Конечно, нет. Мне казалось нормальным, что Бетси сама везет меня домой.

Капитан в сердцах швырнул на стол карандаш.

— Сдаюсь!

Он встал из-за стола.

— Пойду сварю еще кофе,— сказал он Слейду.— Может быть, у вас лучше получится.

— Еще одно,— обратился Эрни к Слейду, когда капитан хлопнул дверью.— Этот скунс...

— При чем тут скунс?

— Скунсы не виляют хвостом,— заявил Эрни.— И не мурлыкают.

— Этот скунс проделывал то и другое,— саркастически заметил Слейд.— Это был особенный скунс. Не скунс, а диво — хвост колечком. Кстати, скунс действительно ни при чем. Его только прокатили.

— Не найдется ли у вас рюмашечки, а?— спросил я. Мне было здорово не по себе.

— Конечно,— ответил Эрни. Он подошел к шкафчику в углу и вынул оттуда бутылку.

Через окно я увидел, что восток начал светлеть. Скоро рассвет.

Зазвонил телефон. Слейд снял трубку.

Эрни подал мне знак, и я подошел к нему, вернее, к шкафчику. Эрни вручил мне бутылку.

— Только не увлекайся, папаша,— посоветовал он.— Ты ведь не хочешь снова перебрать, правда?

Я и не увлекался. Высосал стакана полтора, и все.

Слейд заорал:

— Эй!

— Что случилось?— спросил Эрни. Он отнял у меня бутылку — не то чтобы силой, но вроде того.

— Какой-то фермер обнаружил машину,— сказал Слейд.— Она обстреляла его собаку.

— Она... что собаку?— с запинкой переспросил Эрни.

— Так утверждает этот малый. Он выгнал коров. Было раннее утро. Он собирался на рыбалку и хотел заблаговременно сделать кое-что по хозяйству. В конце узкого тупичка, между тремя изгородями, он увидел машину и решил, что ее здесь бросили.

— А что там насчет стрельбы?

— Вот слушай. Собака подбежала к машине и облаяла ее. И вдруг из машины вырвалась большая искра. Пса сбило с ног. Он встал и давай удирать. Машина пустила вдогонку ему вторую искру. Угодила псу прямо в ногу. Этот малый говорит, что у пса вскочили волдыри.

Слейд взял курс на дверь.

— Ну, вы там, поторапливайтесь!

— Ты нам, может, понадобишься, папаша,— сказал Эрни.

Мы выбежали на улицу и прыгнули в машину.

— Где находится эта ферма?— спросил Эрни.

— Западнее воздушной базы,— ответил Слейд.

Фермер поджидал нас на лавочке у ворот скотного двора. Когда Слейд затормозил, он вскочил на ноги.

— Машина еще там,— доложил он.— Я с нее глаз не спускаю. Оттуда никто не выходил.

— А она не может оттуда выбраться другим путем?

— Никак. Кругом леса да поля. Это тупик.

Слейд удовлетворенно хмыкнул. Он отвел полицейскую машину к началу проулка и развернул ее, надежно перегородив проезд.

— Отсюда дойдем на своих двоих,— заявил он.

— Сразу за тем вон поворотом,— показал фермер.

Мы зашли за поворот и увидели, что там стоит Бетси.

— Это моя машина,— сказал я.

— Давайте рассредоточимся,— предложил Слейд.— С нее станется и нас обстрелять.

Он расстегнул кобуру пистолета.

— Не вздумайте палить по моей машине,— предупредил я, но он и бровью не повел.

Мы все четверо рассредоточились и стали подкрадываться к Бетси. Чудно было, что мы ведем себя, будто она нам враг и надо захватить ее врасплох.

Вид у нее был такой же, как всегда,— обыкновенная развалюшка дешевой марки, но очень умная и очень преданная. И я все вспоминал: куда она только меня не возила, а ведь всегда привозила домой.

И вдруг она нас атаковала. Стояла-то она носом к тупику, и ей пришлось дать задний ход, но это не помешало ей напасть на нас.

Она слегка подпрыгнула и покатила к нам полным ходом, с каждой секундой все увеличивая скорость, и я увидел, что Слейд выхватил пистолет.

Я выскочил на середину проулка и замахал руками. Не доверял я этому Слейду. Я боялся, что, если Бетси не подчинится, он изрешетит ее пулями.

А Бетси и не собиралась останавливаться. Она надвигалась на нас, и притом гораздо быстрее, чем положено такой старой колымаге.

— С дороги, кретин!— завопил Эрни.— Она тебя сшибет!

Я отскочил в сторону, но при этом не больно старался. Я подумал: «Если уж до того дошло, что Бетси хочет сшибить меня, то стоит ли тогда жить на свете?»

Я споткнулся и растянулся ничком, но, падая, заметил, что Бетси оторвалась от земли, точно собиралась через меня перепрыгнуть. И сразу смекнул, что уж мне-то ничего не угрожает — у Бетси и в мыслях не было наехать на меня.

А Бетси поплыла прямиком в небо; колеса у нее все еще крутились, будто она взбиралась задним ходом на невидимый крутой холм.

Я перевернулся на спину, сел и давай глядеть на нее, а поглядеть было на что, это уж поверьте. Она летела точь-в-точь как самолет. Я просто черт знает как гордился ею.

Слейд стоял разинув рот, опустив руку с пистолетом. Ему и в голову не пришло стрелять. Скорее всего, он вообще забыл, что у него есть пистолет.

Бетси взмыла над верхушками деревьев и вся засияла, засверкала под солнцем — двух недель не прошло с тех пор, как я ее драил,— и я подумал, до чего же это здорово, что она научилась летать.

Тут я увидел реактивный самолет и хотел крикнуть Бетси, чтоб побереглась, но во рту у меня пересохло, будто туда квасцов насыпали,— я онемел.

Наверное, все это длилось с секунду, но мне казалось, будто они летят уже целую вечность,— в небе повисла Бетси и повис самолет, и я знал, что катастрофы не миновать.

Потом по всему небу разлетелись куски металла, а реактивный самолет задымился и пошел на посадку влево, в сторону кукурузного поля.

Я сидел посреди дороги — руки-ноги стали прямо ватные — и глаз не сводил с кусков, которые еще недавно были моей Бетси. У меня на душе кошки скребли. Сердце кровью обливалось от такого зрелища.

Обломки машины с грохотом падали на землю, но один кусок спускался не так стремительно, как остальные. Он как будто планировал.

Я все следил за ним и недоумевал, с чего это он планирует, когда остальные куски давно упали, и вдруг заметил, что это крыло машины и что оно болтается вверх-вниз, словно тоже хочет упасть, но кто-то ему мешает.

Крыло спланировало на землю у опушки леса. Оно легко опустилось, покачалось и осело на бок. А когда оно оседало, из него что-то выскочило. Это «что-то» встряхнулось и вприпрыжку умчалось в лес.

Ласковый скунс!

К этому времени все метались как угорелые. Эрни бежал к фермерскому дому — звонить на воздушную базу насчет самолета, а Слейд с фермером мчались на кукурузное поле, где самолет пропахал в кукурузе такую межу, что там прошел бы и танковый дивизион.

Я встал и подошел к тому месту, где, как я приметил, упали куски. Кое-что я нашел — фару (даже стекло на ней не разбилось), искореженное и перекрученное колесо, металлическую решетку с радиатора. Я понимал, что это все без толку. Никто уж никогда не соберет Бетси заново.

И вот стоял я с куском хромированного металла в руке и думал о том, как славно мы с Бетси, бывало, проводили время,— как она возила меня в кабачок и терпеливо дожидалась, когда мне захочется домой, и как мы уезжали на рыбалку и вдвоем съедали там походный ужин, и как осенью подавались к северу охотиться на оленей.

Пока я там стоял, с кукурузного поля вернулись Слейд и фермер, а между ними плелся летчик. У него был очумелый вид, ноги подгибались, и он просто висел на своих спутниках. Глаза у него остекленели, язык заплетался.

Дойдя до проулка, они перестали поддерживать летчика, и тот тяжело опустился наземь.

— Какого черта,— только и спросил он,— неужто стали выпускать летающие автомобили?

Никто ему не ответил. Зато Слейд накинулся на меня:

— Эй, папаша! Оставь в покое обломки! Не смей к ним прикасаться!

— У меня есть полное право к ним прикасаться,— возразил я.— Это моя машина.

— Ничего не трогай! Здесь что-то нечисто. Эта рухлядь, возможно, покажет, в чем дело, если к ней никто не сунется раньше времени.

Бросил я решетку от радиатора и вернулся в проулок.

Мы все четверо расселись рядком и стали ждать. Летчик, видимо, пришел в себя. Ему рассекло кожу над глазом, и на лице запеклась кровь, но в общем-то он был целехонек. Даже попросил сигарету, и Слейд дал ему закурить и поднес огонек.

Мы услышали, как в начале проулка Эрни задним ходом вывел полицейскую машину из тупичка. Вскорости он подошел к нам.

— Сейчас будут.

Он сел рядом с нами. О том, что произошло, мы и словом не обмолвились. По-моему, все боялись об этом говорить.

Не прошло и четверти часа, как нагрянула вся воздушная база. Сначала появилась санитарная машина; туда погрузили летчика, и она отъехала, вздымая клубы пыли.

Вслед за санитарной машиной подъехали пожарные, а за ними — джип с самим полковником. За полковничьим потянулись другие джипы и три-четыре грузовика, и все машины были битком набиты солдатами. Мы и глазом моргнуть не успели, как они наводнили всю округу.

Полковник сразу побагровел,— видно, расстроился. Оно и понятно. Где это видано, чтобы самолет в воздухе налетал на автомобиль?

Громко топая, полковник подошел к Слейду и наорал на него, а Слейд в ответ тоже заорал, и я удивился, с чего это они так взъелись друг на дружку, но оказалось — ничего подобного. Просто такие уж у них голоса, когда они волновались.

Кругом все бегали и суетились и тоже орали, но это продолжалось недолго. Прежде чем полковник и Слейд перестали шуметь, набежало полным-полно солдат и инициатива перешла к военно-воздушным силам.

Окончив разговор со Слейдом, полковник подошел ко мне.

— Итак, машина была ваша,— сказал он таким тоном, будто я во всем виноват.

— Да, моя, и я стребую с вас убытки по суду. Машина была первый сорт.

Полковник вперился в меня так, словно хотел убить на месте, и вдруг узнал.

— Постойте-ка,— сказал он.— Это не вы у меня на днях были?

— Точно. Я еще рассказывал вам о своих скунсах. Один из них как раз сидел сейчас в Старушке Бетси.

— Валяйте дальше, приятель,— сказал полковник.— До меня что-то туго доходит. Только не травите.

— Старушка Бетси — это машина,— объяснил я,— и в ней сидел скунс. Когда в нее врезался ваш самолет, скунс приземлился на крыле от машины.

— Вы хотите сказать, что скунс... крыло... что...

— Он вроде бы спланировал,— докончил я.

— Капрал,— обратился полковник к Слейду,— что там у него на счету?

— Да только езда в пьяном виде,— ответил Слейд.— Пустяки.

— Я хотел бы взять его с собой на базу.

— Буду вам очень признателен,— неуверенным голосом ответил Слейд.

— В таком случае пошли,— сказал полковник, и я проследовал за ним к джипу.

Мы расположились на заднем сиденье, а машину вел солдат — шпарил как на пожар. Мы с полковником особенно не разговаривали. Мы только зубы стискивали и надеялись, что доберемся живыми. Так, по крайней мере, было со мной.

Там, на базе, полковник сел за свой письменный стол, знаком приказал мне занять кресло. Потом откинулся на спинку стула и давай меня изучать. Счастье, что ничего плохого я не сделал, иначе под его взглядом я бы, пожалуй, не выдержал и раскололся.

— Вы тут много чего наговорили,— начал полковник.— Устраивайтесь-ка поудобнее и расскажите все с самого начала, не пропуская ни единой мелочи.

Я стал рассказывать ему все как есть и пустился во всякие подробности, чтобы втолковать ему мою точку зрения, а он ничего, не перебивал, только сидел и слушал. Ни разу еще мне не попадался такой хороший слушатель.

Когда я выложил все до конца, он нашарил на столе блокнот и карандаш.

— Давайте-ка зафиксируем основные выводы,— сказал он.— Вы утверждаете, что раньше машина никогда не совершала самовольных действий?

— Насколько я знаю, не совершала,— ответил я как на духу.— Но, конечно, она могла тренироваться в мое отсутствие.

— И никогда до сих пор не летала?

Я покачал головой.

— А когда она стала проделывать то и другое, в ней находился этот ваш скунс?

— Совершенно верно.

— И вы утверждаете, что после катастрофы скунс спланировал, сидя на крыле машины?

— Крыло перевернулось, а скунс убежал в лес.

— Вам не кажется странным, что крыло планировало, тогда как остальные обломки просто грохнулись оземь?

Я согласился, что это и вправду чудно.

— Теперь о скунсе. Вы утверждаете, что он мурлыкал?

— Еще как! Любо-дорого было слушать!

— И вилял хвостом?

— Прямо как собака.

Полковник отодвинул блокнот и откинулся на спинку стула. Он сложил руки на груди, точно обнял себя за плечи.

— По личному опыту, накопленному в детстве при ловле скунсов в капканы, могу вам сообщить, что скунсы не мурлыкают и никогда не виляют хвостом.

— Я знаю, что у вас на уме,— объявил я, озлившись,— но не так уж я был пьян. Я сделал глоток-другой, чтобы скоротать время, покуда появится самолет. Но я видел скунса своими глазами, знаю, что это был именно скунс, и помню, как он мурлыкал. Ласковый был, будто я ему понравился, и он...

— Ну ладно,— сказал полковник.— Ладно.

Сидели мы и смотрели друг на друга. Ни с того,ни с сего он ухмыльнулся.

— А знаете,— сказал он,— я вдруг понял, что мне нужен адъютант.

— Желающих нет,— ответил я упрямо.— Вы меня и на четверть мили не подтащите к реактивному самолету. Хоть вяжите по рукам и по ногам.

— Вольнонаемный адъютант. Триста долларов в месяц и полное обеспечение.

— Всю жизнь мечтал толкаться среди военных.

— И выпивки сколько влезет.

— Где надо расписаться?— спросил я.

Вот так-то я и стал адъютантом полковника.

Я подумал, что у него шарики за ролики заехали, да и сейчас так думаю. Для него все сложилось бы куда лучше, если бы он тогда же вышел в отставку. Но он носился со своей идеей и был из числа тех азартных дураков, что играют ва-банк.

Мы с ним уживались как нельзя лучше, но временами кое в чем расходились. Началось все с дурацкого требования, чтобы я не отлучался с базы. Я устроил скандал, но полковник уперся.

— Ты выйдешь за ворота, распустишь слюни и начнешь трепаться,— твердил он.— А мне надо, чтобы ты прикусил язык и держал его за зубами. Как по-твоему, для чего я тебя взял на службу?

Жилось мне не так уж плохо. Забот и в помине не было. Просто пальцем не шевелил — никакой работы с меня никто не спрашивал. Жратва была сносная, комнату с постелью мне дали, и полковник сдержал слово насчет выпивки.

Несколько суток я полковника вовсе не видел. В один прекрасный день забежал к нему поздороваться. Только я на порог, как входит сержант с пачкой бумаг в руке. И будто сам не свой.

— Вот рапорт о том автомобиле, сэр,— доложил он.

Полковник взял бумаги и перевернул несколько листов.

— Сержант, я ничего не понимаю.

— И я тоже, сэр.

— Ну вот это, например, что?— спросил полковник и ткнул пальцем.

— Вычислительное устройство, сэр.

— В автомобилях не бывает вычислительных устройств.

— Вот именно, сэр, то же и я говорю. Но мы нашли место, где оно было укреплено на моторе.

— Укреплено? Приварено?

— Ну не совсем приварено. Оно вроде бы стало частью мотора. Как будто их отлили вместе. Там не было никаких следов сварки.

— А вы уверены, что это вычислительное устройство?

— Так утверждает Коннели, сэр. Он на вычислительных машинах собаку съел. Однако таких он еще не видывал. Он говорит, что это устрой-

ство работает по совершенно иному принципу. И полагает, что он очень толковый. Принцип этот, он говорит...

— Продолжайте!— гаркнул полковник.

— Он говорит, что по мощности это устройство в тысячу раз превосходит лучшие наши вычислительные машины. Он говорит, будто, даже не обладая буйной фантазией, можно назвать это устройство разумным.

— Что вы понимаете под словом «разумный»?

— Вот Коннели уверяет, что такая штука, возможно, умеет самостоятельно мыслить.

— О господи!— только и выговорил полковник.

Он посидел с минуту, словно о чем-то задумался. Потом перевернул страницу и ткнул в другое место.

— А это другой блок, сэр,— сказал сержант.— Чертеж блока. Что за блок — не известно.

— Не известно!

— Мы никогда ничего подобного не видели, сэр. Мы понятия не имеем, какое у него назначение. Он был связан с трансмиссией, сэр.

— А это?

— Результаты химического анализа бензина. С бензином что-то странное, сэр. Мы нашли бак, весь искореженный и на себя не похожий, но там еще оставался бензин. Он не...

— Но с какой стати вам вздумалось делать анализ?

— Да ведь это не бензин, сэр. Это что-то другое. Раньше был бензин, но он изменился, сэр.

— У вас все, сержант?

Сержанту, как я видел, становилось жарко.

— Нет, сэр, есть еще кое-что. В рапорте все изложено, сэр. Нам удалось найти бо́льшую часть обломков, сэр. Отсутствует лишь несколько мелких деталей. В настоящее время мы работаем над сборкой.

— Сборкой...

— Может, вернее назвать это склейкой, сэр...

— Машина не будет ходить?

— Навряд ли, сэр. Ее здорово покалечило. Но если бы ее удалось собрать целиком, это был бы лучший автомобиль в мире. Судя по спидометру, машина прошла 80 000 миль, но ее состояние такое, будто она только вчера с завода. К тому же она сделана из таких сплавов, что мы просто диву даемся.

Сержант помолчал.

— Осмелюсь доложить, сэр, тут дело нечисто.

— Да, да,— сказал полковник.— Вы свободны, сержант. Еще как нечисто!

Сержант повернулся кругом.

— Минуточку,— окликнул его полковник.

— Есть, сэр.

— Мне очень жаль, сержант, но вам и всему подразделению, прикомандированному к машине, не разрешается покидать территорию базы. Я не могу допустить утечки информации. Сообщите своим людям. Если кто-нибудь пикнет, я с ним живо расправлюсь.

— Есть, сэр,— сказал сержант и вежливо козырнул, но вид у него был такой, словно он сейчас полковнику глотку перережет.

Когда сержант вышел, полковник сказал мне:

— Эйса, если ты что-то знаешь и молчишь, а потом это выплывет наружу и я окажусь в дураках, то я сверну твою тощую шею.

— Чтоб мне провалиться,— сказал я.

Он как-то чудно на меня посмотрел.

— Тебе известно, что это за скунс?

Я покачал головой.

— Это вовсе не скунс,— сказал он.— И мы обязаны выяснить, кто же это.

— Но ведь его здесь нет. Он убежал в лес.

— Его можно поймать.

— Это мы-то вдвоем?

— Зачем вдвоем? На базе две тысячи солдат.

— Но...

— Ты думаешь, им не очень-то по вкусу ловить скунса?

— Примерно так. Может, они и пойдут в лес, но сделают все, чтобы не найти скунса, ни за что не станут ловить.

— Станут как миленькие, если пообещать вознаграждение. Пять тысяч долларов.

Я посмотрел на него так, словно он окончательно спятил.

— Поверь,— сказал полковник,— он того стоит. Всех этих денег, до последнего цента.

Я же говорю, свихнулся человек.

В облаву на скунса я не пошел. Я знал, как мало шансов найти его. К этому времени он мог выбраться за пределы штата или залезть в такую нору, где его и днем с огнем не сыщешь.

Да и ни к чему мне было пять тысяч долларов. Я получал хороший оклад и пил вволю.

На другой день я зашел к полковнику покалякать. У него был крупный разговор с военным врачом.

— Вы обязаны отменить свой приказ!— разорялся костоправ.

— Не могу я его отменить!— орал полковник.— Мне необходимо это животное!

— Вы когда-нибудь видели, чтобы скунсов ловили голыми руками?

— Нет, никогда.

— У меня уже одиннадцать штук,— сказал костоправ.— Больше я не потерплю.

— Капитан,— ответил полковник,— прежде чем все это кончится, у вас будет гораздо больше одиннадцати скунсов.

— Значит, вы не отмените приказ, сэр?

— Нет.

— В таком случае я сам прекращу это безобразие!

— Капитан!— свирепо произнес полковник.

— Вы невменяемы,— заявил костоправ.— Никакой военный трибунал...

— Капитан!

Но капитан ничего не ответил. Он повернулся кругом и вышел.

Полковник взглянул на меня.

— Иной раз приходится тяжко,— сказал он.

Я понял, что надо срочно найти этого скунса, иначе полковника смешают с грязью.

— А все-таки я в толк не возьму,— сказал я,— на кой черт вам сдался этот зверь. Обыкновенный скунс, разве что мурлыкать умеет.

Полковник уселся за стол и стиснул голову руками.

— О господи!— простонал он.— До чего же тупы люди!

— Это-то да,— не отставал я,— но все-таки непонятно...

— Сам посуди,— сказал полковник.— Кто-то копался в твоей машине. Ты утверждаешь, что это не твоя работа. Ты утверждаешь, что не подпустил бы к машине никого другого. Ребята, которые исследовали обломки, заявляют, что в машине есть такие премудрые устройства, до каких у нас еще никто не додумался.

— Если вы думаете, что этот скунс...

Полковник трахнул кулаком по столу.

— Да какой там скунс! Нечто, *похожее* на скунса! Нечто, смыслящее в машинах побольше твоего, моего, да и вообще больше, чем будет когда-нибудь смыслить человек!

— Но у него и рук-то нет. Как, по-вашему, мог он сотворить то, что вы думаете?

Но он не успел мне ответить.

С треском распахнулась дверь, и ввалились двое солдат из караулки. Им было не до того, чтобы приветствовать полковника по всей форме.

— Господин полковник,— сказал один из них, переводя дух.— Господин полковник, нашли. Даже не пришлось его ловить. Мы свистнули, и он пошел за нами следом.

За ними, виляя хвостом и мурлыча, вошел скунс. Он сразу подбежал ко мне и стал тереться о мои ноги. Когда я наклонился и взял его на руки, он замурлыкал так громко, что я побоялся, не взорвется ли.

— Он самый?— спросил меня полковник.

— Он и есть,— подтвердил я.

Полковник схватил телефонную трубку.

— Соедините меня с Вашингтоном! Пентагон! Мне нужен генерал Сандерс.

И махнул нам рукой.

— Вон отсюда!

— Но, господин полковник, вознаграждение...

— Получите! А теперь убирайтесь!

Вид у него был, как у человека, которому только сейчас объявили, что его не расстреляют на рассвете.

Мы повернулись через правое плечо и вышли из кабинета.

У двери с винтовками в руках топтались четыре субъекта устрашающего вида, типичные техасские гангстеры.

— Ты на нас не обращай внимания, друг,— сказал мне один из них.— Мы всего-навсего твои телохранители.

Это и вправду были мои телохранители. Ни на шаг от меня не отставали — куда я, туда и они. И с нами ходил скунс. Поэтому они ко мне и прилипли. Я-то им был до лампочки. Это скунса надо было охранять.

А скунс привязался ко мне — клещами не оторвешь. Он шел за мной по пятам и шмыгал у меня между ботинками, но по большей части ему хотелось, чтобы я таскал его на руках или сажал себе на плечо. И он все время мурлыкал. То ли смекнул, что я ему настоящий друг, то ли считал меня простофилей.

Жить стало трудновато. Скунс спал вместе со мной, и в моей комнате ночевали все четыре охранника. В отхожее место я шел со скунсом и одним охранником, а остальные трое околачивались поблизости. Я ни на миг не оставался один. Я говорил, что это непорядочно. Я говорил, что это неконституционно. Ничего не помогало. Деться было некуда. Охранников было двенадцать штук, и работали они в три смены, по восемь часов каждая.

Несколько дней я не видел полковника и подумал, что это странно: раньше он себе места не мог найти, пока не заполучит скунса, а теперь ему до скунса и дела нет.

А я тем временем пораскинул умом насчет того, что говорил полковник о скунсе: будто это и не скунс вовсе, а существо, по виду схожее со скунсом, и будто оно знает о чем-то побольше нашего. И чем дольше я об этом думал, тем больше верил в то, что полковник, пожалуй, прав. Но все-таки казалось невероятным, чтобы какая-то безрукая тварь разбиралась в машинах, не говоря уж о том, чтобы мудрить с ними.

Но тут я вспомнил, как мы с Бетси всегда понимали друг друга, и, более того, представил себе, что человек и машина сближаются настолько, что могут друг с другом беседовать, и тогда человек, даже безрукий, может помочь машине улучшиться. И хоть, когда говоришь это вслух, получается что-то вроде нелепицы, но в глубине души мне казалось, что так и должно быть, и как-то тепло становилось при мысли о том, что человек и машина могут стать закадычными друзьями.

Если на то пошло, не такая уж это нелепость.

Быть может, говорил я себе, когда зашел в кабачок и оставил скунса в машине, то скунс оглядел ее и пожалел эту старую колымагу, как мы с вами пожалели бы бездомную кошку или больную собаку. И, может быть, скунс тут же, на месте, решил починить ее, как умеет; с него сталось бы и металлом разжиться где-нибудь, где не скоро хватятся, чтобы смастерить вычислитель и все эти хитроумные штучки.

Кто его знает, может, до него не доходило, хоть тресни, как это их не было в машине с самого начала. Может, он считал, что машина без этих штучек вообще не машина. А скорее всего, подумал, что Бетси неисправна.

Охранники прозвали скунса Вонючкой, и это были враки, потому что от него ничуть не пахло — редко я встречал таких спокойных и воспитанных зверей. Я сказал охранникам, что это несправедливо, но они только ржали надо мной, и вскорости об этой кличке прознала вся база, и, куда бы мы ни шли, отовсюду нам кричали: «Эй, Вонючка!» Скунс, как видно, ничего не имел против, и я тоже в мыслях стал называть его Вонючкой.

Так я сам додумался, что Вонючка мог починить Бетси и почему он ее чинил. Но одного я никак не уразумел — откуда он вообще взялся? Думал я, думал, но так ничего и не надумал, кроме каких-то глупостей, и даже сам решил, что это уж слишком.

Разок-другой я заходил к полковнику, но сержанты и лейтенанты гнали меня в три шеи и мы с ним так и не повидались. Я обиделся и решил туда больше не соваться, пока он меня не позовет.

В один прекрасный день он меня позвал. Прихожу я и вижу: у него в кабинете полным-полно важных шишек. Полковник как раз переговаривался с каким-то старым, седым, свирепым старикашкой, у него был нос крючком, зубастая пасть и звезды на погонах.

— Генерал,— обратился к старикашке полковник,— разрешите представить вам ближайшего друга Вонючки.

Генерал подал мне руку. Вонючка помурлыкал ему, сидя на моем плече.

Генерал хорошенько вгляделся в Вонючку.

— Полковник,— сказал он,— от души надеюсь, что вы не заблуждаетесь. В противном случае, если когда-нибудь дойдет до огласки, военно-воздушные силы погибли. Армия и флот будут потешаться над нами еще десятки лет, да и конгресс нам никогда не простит такого розыгрыша.

Полковник судорожно глотнул:

— Уверяю вас, сэр, я не заблуждаюсь.

— Не знаю, как это я дал себя уговорить,— разворчался генерал.— Более сумасбродный план и представить себе невозможно.

Он еще раз поглядел на Вонючку.

— По-моему, скунс как скунс,— заметил генерал.

Полковник представил меня группе других полковников и куче майоров, а с капитанами, если они там вообще были, возиться не стал, и все жали мне руку, а Вонючка им мурлыкал — получалось очень уютно.

Один из полковников подхватил Вонючку на руки, но тот стал отчаянно брыкаться и все рвался ко мне.

Генерал сказал:

— Кажется, он предпочитает именно ваше общество.

— Он мой друг,— объяснил я.

После ленча полковник с генералом зашли за мной и Вонючкой и все мы отправились в ангар. Там навели порядок, и в ангаре стоял только один самолет, из новейших реактивных. Нас поджидала целая толпа — были и военные, но больше все спецы в гражданской одежде или в грубых бумажных комбинезонах. Некоторые держали в руках инструменты — так я считаю,— хотя я эдаких диковин сроду не видывал. И всюду были понаставлены какие-то аппараты.

— А теперь, Эйса,— сказал полковник,— сядь в этот реактивный самолет вместе с Вонючкой.

— А чего там делать?— спросил я.

— Да просто посиди. Но только ничего не трогай. Иначе ты нам все испортишь.

Мне показалось, что дело тут нечисто, и я заколебался.

— Не бойтесь,— успокоил меня генерал.— Вам ничего не грозит. Входите смелей и усаживайтесь.

Так я и сделал, и получилось вовсе глупо. Я вскарабкался туда, где полагается сидеть пилоту, и уселся в его кресло; ну и местечко! Повсюду торчала всякая чертовщина, какие-то приборы и невиданные штучки. Я не смел шелохнуться, до того боялся их задеть — бог его знает, что бы могло стрястись.

Вошел я, значит, уселся и некоторое время развлекался тем, что глазел на все эти диковины и гадал, для чего они служат, но почти ни разу не угадал.

В конце концов я осмотрел все в сотый раз и стал ломать себе голову, чем бы еще заняться, а делать было нечего, скучища смертная. Но тут я вспомнил, сколько денег заколачиваю, сколько даровой выпивки получаю, и подумал, что ради всего этого можно просидеть любое кресло.

А Вонючка вообще не обратил ни на что внимания. Он пристроился у меня на коленях и заснул — так мне, во всяком случае, казалось. Он-то себя не утруждал, это уж точно. Лишь время от времени приоткрывал один глаз или поводил ухом, только и всего.

Поначалу я об этом не думал, но, когда посидел там час или около того, до меня вдруг дошло, зачем они затащили нас с Вонючкой в самолет. Они надеются, подумал я, что, если посадят в самолет Вонючку, он и этот самолет пожалеет и проделает с ним такую же штуку, как с Бетси. Но если они так полагают, то наверняка останутся в дураках: ведь Вонючка решительно ничего не стал делать, только свернулся клубочком и заснул.

Мы просидели несколько часов, а потом нам сказали; что можно вылезать.

Тут-то и закрутилась операция «Вонючка». Так они называли всю эту бодягу. Просто умора, каких только названий не выдумает военная авиация!

Это тянулось несколько дней. Утром мы с Вонючкой вставали, несколько часов сидели в самолете, делали перерыв на обед и возвращались еще на несколько часов. Вонючка как будто не возражал. Ему было все равно, где сидеть. Он только и делал, что сворачивался клубочком у меня на коленях и через пять минут уже дремал.

Насколько я мог судить, дело не двигалось ни на шаг, но с каждым днем генерал, полковник и спецы, что наводняли ангар, распалялись все больше и больше. Видно было, что им до смерти охота почесать языки, но они сдерживались.

Очевидно, работа не кончалась и после того, как мы с Вонючкой уходили. Каждый вечер в ангаре горел свет, спецы вкалывали вовсю, а вокруг них охраны было видимо-невидимо.

В один прекрасный день тот реактивный самолет, в котором мы сидели, выкатили из ангара, вместо него поставили другой, и все повторилось снова-здорово. Опять ничего не произошло. Однако атмосфера в этом ангаре до того накалилась, что, казалось, все вот-вот вспыхнет.

Ума не приложу, что там такое творилось.

Постепенно это состояние напряженности передалось всей базе, и началось что-то совершенно невероятное. Вам и во сне не снилась воинская часть, которая бы так проворно пошевеливалась. Приехала бригада строителей и давай строить новые корпуса, а как только они были готовы, там разместили какие-то машины. Приезжали все новые и новые люди, и очень скоро база превратилась в растревоженный муравейник.

Однажды я вышел погулять (а охранники тащились рядом) и увидел такое, что аж глаза выпучил. Всю базу обносили четырехметровым забором, увенчанным колючей проволокой. А по эту сторону забора было столько охранников, что они чуть не наступали друг другу на пятки.

Вернулся я с прогулки перепуганный, потому что, судя по всему, меня силком втянули в какое-то чересчур сложное и темное дело.

До сих пор я полагал, что речь идет только о полковнике, который слишком выслуживался перед начальством и теперь никак это не расхлебает. Все время я очень жалел полковника: ведь генерал, судя по его роже, был из тех типов, что позволяют водить себя за нос лишь до поры до времени, а потом раз — и к ногтю.

Примерно в то же время посреди одной из взлетных полос стали рыть огромный котлован. Как-то раз я подошел взглянуть на него и только диву дался. Была хорошая, ровная взлетная полоса, стоила больших денег, а теперь в ней роют яму — не иначе как хотят сделать бассейн для плавания. Я порасспросил кое-кого, но люди, к которым я обращался, то ли сами ничего не знали, то ли знали, да помалкивали.

А мы с Вонючкой все сидели в самолетах. Теперь это был шестой по счету. Но ничто не менялось. Я сидел и скучал до одури, а Вонючка не унывал.

Как-то вечером полковник передал через сержанта, что хочет меня видеть.

Я вошел, сел и посадил Вонючку на письменный стол. Он разлегся на полированной крышке и стал переводить глаза с меня на полковника.

— Эйса,— сказал полковник,— по-моему, все идет хорошо.

— Вы хотите сказать, что добились своего?

— Мы добились неоспоримого преимущества в воздухе. Теперь мы опередили остальные страны на добрый десяток лет, если не на все сто,—

в зависимости от того, насколько нам удастся все освоить. Теперь нас никому не догнать.

— Но ведь Вонючка только и делал, что спал!

— Он только и делал,— сказал полковник,— что реконструировал каждый самолет. В ряде случаев он применял совершенно непонятные принципы, но голову даю на отсечение, немного погодя мы их поймем. А в других случаях изменения были так просты и так очевидны, что просто удивительно, как это мы сами до них не додумались.

— Полковник, а кто такой Вонючка?

— Не знаю,— ответил он.

— Вы же что-то подозреваете.

— Безусловно. Но это только подозрение, не более. Мне страшно даже подумать об этом.

— Меня не так-то легко застращать.

— Ну что ж, в таком случае... Вонючка не похож ни на что земное. Мне кажется, он с другой планеты, а может быть, даже из другой звездной системы. По-моему, он совершил к нам космический перелет. Как и зачем, не имею представления. Возможно, звездолет потерпел аварию, а Вонючка сел в спасательную ракету и прилетел на Землю.

— Но если у него была ракета...

— Мы прочесали каждый квадратный метр на много миль в окружности.

— И ничего не нашли?

— Ничего,— сказал полковник.

Переварить такую идею было трудновато, но я с этим справился. Затем я подумал о другом.

— Полковник,— сказал я,— по вашим словам, Вонючка починил самолеты, и они стали даже лучше новых. Как же он мог это сделать, когда у него нет рук и он только спал и ни до чего ни разу не дотронулся?

— А как по-твоему? — спросил полковник.— Я выслушал уйму догадок. Из них только одна не совсем лишена смысла, да и то с натяжкой,— это телекинез.

Ну и словечко!

— А что это значит, полковник?

Этим словечком я собрался ошарашить ребят в кабачке, если когда-нибудь попаду туда снова, и хотел употребить его кстати.

— Передвижение предметов усилием мысли,— объяснил полковник.

— Да ведь он ничего не передвигал,— возразил я.— Все новые устройства в Бетси и в самолетах взялись прямо изнутри, никто ничего не вставлял.

— При телекинезе и это возможно.

Я задумчиво покачал головой.

— А мне все иначе мыслится.

— Валяй,— вздохнул полковник.— Послушаем и твою теорию. Не понимаю, с какой стати ты должен быть исключением.

— По-моему, у Вонючки, если можно так выразиться, легкая рука на машины,— сказал я.— Знаете, как у некоторых людей бывает легкая рука на растения, а вот у него...

Полковник одарил меня долгим жестким взглядом из-под нахмуренных бровей, потом медленно склонил голову.

— Я понимаю, что́ ты имеешь в виду. Новые узлы и детали никто не вставлял и не переставлял. Они *наросли*.

— Что-то в этом роде. Может быть, он умеет оживлять машины и все улучшает их, отращивая детали, чтобы машины стали счастливее и повысили свой к. п. д.

— В твоем изложении это звучит глупо,— проворчал полковник,— но вообще-то здесь намного больше смысла, чем во всех прочих рассуждениях. Человек работает с машинами — я говорю о настоящих машинах — всего лишь лет сто, от силы двести. Если поработать с ними десять тысяч или миллион лет, это покажется не таким уж глупым.

Мы долго молчали, уже наступили сумерки, а мы оба все думали, и, наверное, об одном и том же. Думали о черной бездне, лежащей за пределами Земли, и о том, как Вонючка пересекал эту бездну. Пытались представить себе, из какого мира он прибыл, почему расстался со своим миром и что случилось с ним в черной бездне, что вынудило искать убежища на Земле.

И оба, наверное, думали о том, какая ирония судьбы занесла его на планету, где он похож на зверька, от которого все норовят держаться подальше.

— Чего я никак не пойму,— нарушил молчание полковник,— так это зачем ему такие хлопоты? Почему он это делает ради нас?

— Он это делает не ради нас, а ради самолетов,— ответил я.— Он их жалеет.

Дверь распахнулась, и, громко топая, вошел генерал. Он торжествовал. В комнате сгустилась тьма, и вряд ли он меня увидел.

— Разрешение получено!— радостно объявил он.— Корабль прибудет завтра. Пентагон не возражает.

— Генерал,— сказал полковник,— мы чересчур торопим события. Пора заложить какие-то основы для понимания самой сути. Мы ухватили то, что лежало на поверхности. Мы использовали этого зверька на всю катушку. Мы получили колоссальную информацию...

— Но не ту, что нам нужна!— рявкнул генерал.— До сих пор мы занимались опытами. А вот информации по А-кораблю у нас нет. Вот что необходимо нам в первую очередь.

— Точно так же нам необходимо понять это существо. Понять, каким образом оно все делает. Если бы с ним можно было побеседовать...

— Побеседовать!— генерал совсем взбесился.

— Да, побеседовать!— не испугался полковник.— Скунс все время мурлыкает. Может быть, это способ общения. Нашедшие его солдаты только свистнули, и он пошел за ними. Это было общение. Будь у нас хоть капля терпения...

— У нас нет времени на такую роскошь, как терпение, полковник.

— Генерал, нельзя же так — просто выжать его досуха. Он сделал для нас очень много. Отплатим же ему хоть чем-нибудь. Ведь он-то проявляет необычайное терпение — ждет, пока мы установим с ним контакт, и надеется, что когда-нибудь мы признаем в нем разумное существо!

Они орали друг на друга, и полковник, должно быть, позабыл о моем присутствии. Мне стало неудобно. Я протянул Вонючке руки, он прыгнул прямо ко мне. На цыпочках я прокрался через весь кабинет и незаметно вышел.

В ту ночь я лежал в постели, а Вонючка свернулся клубком поверх одеяла у меня в ногах. В комнате сидели четыре охранника, тихие, как настороженные мыши.

Я поразмыслил над тем, что́ сказал генералу полковник, и сердце мое потянулось к Вонючке. Я вообразил, как было бы ужасно, если бы человека вдруг выкинули в мир скунсов, которым плевать на него,— им интересно разве только то, что он умеет рыть самые глубокие и гладкие норы, какие приходилось видеть скунсам, и делает это быстро. И вот человек должен вырыть столько нор, что скунсам некогда постараться понять этого человека, потолковать с ним или выручить его.

Лежал я, жалел Вонючку и убивался, что ничем не могу ему помочь. Тогда он полез ко мне по одеялу, забрался под простыню, я высвободил руку и крепко прижал его к себе, а он мне тихонько замурлыкал. Так мы с ним и заснули.

На другой день появился А-корабль, последний из трех изготовленных, но все еще экспериментальный. На вид это было просто чудище, и мы стояли на порядочном расстоянии от цепи охранников и смотрели, как он, лихо маневрируя, садится торцом в заполненный водой котлован.

По трапу спустился экипаж корабля — свора наглых юнцов. За ними подъехала моторка.

Наутро мы отправились к кораблю. Я сидел в моторке вместе с генералом и полковником, и, пока лодка качалась у трапа, они опять успели разойтись во мнениях.

— Я по-прежнему считаю, что это рискованно, генерал,— сказал полковник.— Одно дело — баловаться с реактивными самолетами, совершенно другое — атомный корабль. Если Вонючке вздумается мудрить с реактором...

Не разжимая губ, генерал процедил:

— Приходится идти на риск.

Полковник пожал плечами и полез вверх по трапу. Генерал подал мне знак, и я тоже полез, а Вонючка сидел у меня на плече. За нами последовал генерал.

Раньше мы с Вонючкой сидели в самолетах вдвоем, но тут на борту оказалась еще бригада техников. Места хватало, а они ведь только так и могли выяснить, что делает Вонючка в часы своей работы. Как дошло до А-корабля, так им приспичило выяснить все доподлинно.

Я уселся в кресло пилота, Вонючка примостился у меня на коленях. Полковник побыл с нами, но вскоре ушел, и мы остались вдвоем.

Я нервничал. То, что полковник говорил генералу, показалось мне дельным. Но день прошел, ничего не случилось, и я стал склоняться к мысли, что полковник ошибся.

Так прололжалось четыре дня, и я притерпелся. Перестал нервничать. На Вонючку можно положиться, твердил я себе. Он ничего не сделает нам во вред.

Техники держались бодро, с генеральской физиономии не сходила улыбка: судя по всему, Вонючка не обманул ничьих надежд.

На пятый день, когда мы плыли к кораблю, полковник сказал:

— Сегодня кончаем.

Я рад был это слышать.

Мы уже совсем было собрались сделать перерыв на обед, как вдруг все началось. Не скажу точно, как это вышло,— но все перемешалось в голове. Будто бы кто-то закричал, но на самом-то деле никто не кричал. Я приподнялся в кресле и снова сел. Кто-то крикнул еще раз.

Я знал, что вот-вот случится что-то страшное. Я это нутром чуял. Я знал, что надо срочно уносить ноги с А-корабля. Меня охватил страх, безотчетный страх. Но сквозь этот страх и наперекор ему я помнил, что мне нельзя уйти. Я должен был остаться — за это мне платили деньги. Я вцепился в ручки кресла и против воли остался.

Вдруг я почувствовал панический ужас и тут уж ничего не мог поделать. Справиться с ним не было сил. Я вскочил с кресла, уронив с колен Вонючку. Добрался до двери, с трудом открыл ее и обернулся назад.

— Вонючка!— позвал я.

Я стал пересекать кабину, чтобы взять его на руки, но на полпути меня снова одолел такой страх, что я повернулся и стремглав помчался прочь, не разбирая дороги.

Я кубарем скатился по лесенке, а внизу слышался топот и вопли перепуганных людей. Тогда я понял, что мне не померещилось и что я вовсе не трус,— что-то на самом деле было неладно.

Когда я добрался до люка, к нему уже хлынула толпа, и люди, толкаясь, бросились по трапу вниз. С берега выслали моторку. Кто-то спрыгнул с трапа в воду и пустился вплавь.

По полю к водному котловану наперегонки шпарили санитарные и пожарные машины, а над строениями, возведенными в честь операции, завывала сирена — истошно, словно кошка, которой наступили на хвост.

Я вгляделся в окружающих. У всех были напряженные, бледные лица, и мне стало ясно, что все напуганы не меньше моего, но я почему-то не перетрусил пуще прежнего, а даже почти успокоился.

А люди все кувыркались вниз по трапу и плюхались в воду, и я твердо знаю, что если бы за ними кто-нибудь следил по хронометру, то были бы побиты все рекорды скоростных заплывов.

Я встал в очередь на выход, опять вспомнил о Вонючке, вышел из очереди и бросился его спасать. Однако, когда я наполовину поднялся по лесенке, от моей храбрости и следа не осталось и я не рискнул идти дальше. Смешнее всего, что я не могу объяснить, отчего так струхнул.

Я в числе последних спустился по трапу и втиснулся в моторку, которая была так перегружена, что еле доползла до твердой земли.

Здесь вовсю суетился военный врач, требуя, чтобы пловцов немедленно отправили на дезактивацию, повсюду метались и кричали люди, с незаглушенными моторами стояли пожарные машины и по-прежнему надрывалась сирена.

— Назад!— закричал кто-то.— Бегите! Все назад!

И все мы, конечно, разбежались, как стадо овец, которым явилось привидение.

Тут раздался неописуемый рев, и все мы обернулись.

Из котлована медленно поднимался атомный корабль. Под ним кипела и бурлила вода. Корабль взмыл в воздух плавно, грациозно, без единого толчка или сотрясения. Он взлетел прямо в небо, миг — и его не стало.

Внезапно я понял, что кругом мертвая тишина. Никто не смел пошевелиться. Все затаили дыхание. Только стояли и глаз не сводили с неба. Сирена давно умолкла.

Я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Это был генерал.

— А Вонючка?— спросил он.

— Не захотел пойти за мной,— ответил я, чувствуя себя последним подонком.— А вернуться за ним было страшно.

Генерал круто повернулся и взял курс на другой конец поля. Я кинулся за ним, сам не знаю зачем. Он перешел на бег, и я вприпрыжку понесся бок о бок с ним.

Мы ураганом ворвались в оперативный корпус и, перепрыгивая через ступеньки, взлетели по лестнице на станцию слежения.

Генерал рявкнул:

— Засекли?

— Да, сэр, в данный момент мы его ведем.

— Хорошо,— произнес генерал, тяжело дыша.— Прекрасно. Надо сбить его во что бы то ни стало. Сообщите курс.

— Прямо вверх, сэр. Он все еще идет вверх.

— Сколько прошел?

— Около пяти тысяч миль, сэр.

— Не может быть!— взревел генерал.— Он не может летать в космическом пространстве!

Он повернулся и наскочил на меня.

— Прочь с дороги!

Топая, он сбежал вниз по лестнице.

Я спустился вслед за ним, но, выйдя из здания, пошел в другую сторону. Я миновал административный корпус, возле которого стоял полковник. Мне не хотелось останавливаться, но он меня окликнул.

— Хорошо получилось,— сказал полковник.

— Я старался увести его,— стал я оправдываться,— но он ни за что не шел.

— Еще бы. Как по-твоему, что нас вспугнуло?

Я перебрал в уме все как было и нашел только один ответ:— Вонючка?

— Конечно. Он ждал, пока не завладеет чем-то вроде А-корабля и не переоборудует его для космического рейса. Но сначала ему надо было избавиться от нас, вот он нас и выгнал.

Над этим я тоже поразмыслил.

— Значит, он все-таки сродни скунсу.

— То есть?— покосился на меня полковник.

— Я все не мог смириться с тем, что его называют Вонючкой. Мне казалось, что это несправедливо: никакого запаха — и такое прозвище. Но, как видно, запах у него все-таки был — вы, наверное, сказали бы, что это запах мысли,— и настолько сильный, что все сбежали с корабля.

Полковник кивнул:

— Все равно, я рад, что у него получилось.

Он уставился в небо.

— Я тоже,— сказал я.

Правда, я все же обиделся на Вонючку. Мог хотя бы попрощаться. На Земле у него не было друга лучше меня, и то, что он вытурил меня наравне со всеми остальными, казалось просто свинством.

Сейчас мне так не кажется.

Я по-прежнему не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ, но теперь у меня новая машина, купленная на те деньги, что я заработал на воздушной базе. Между прочим, эта машина умеет ездить сама собой, вернее, уметь-то умеет, но ездит только на тихих сельских дорогах. При оживленном уличном движении она начинает дрейфить. Где уж ей до старушки Бетси!

Впрочем, я мог бы исправить дело в два счета. Так я стал думать с тех пор, как моя новая машина перепрыгнула через поваленное дерево, лежащее поперек шоссе. Да, Вонючка оставил мне кое-что на память: я, например, любую машину могу сделать летающей. Только не желаю с этим свя-

зываться. Мне вовсе не хочется, чтобы со мной обращались так же, как с Вонючкой.

АЙЗЕК АЗИМОВ

СЕРДОБОЛЬНЫЕ СТЕРВЯТНИКИ [1]

Прошло пятнадцать лет, а харриане все еще не покинули своей базы на обратной стороне Луны. Это было просто неслыханно! Невероятно! Ни один харрианин и представить себе не мог такой проволочки. Специальные отряды находились в состоянии боевой готовности уже целых пятнадцать лет! Они были готовы устремиться вниз сквозь радиоактивные облака и спасти то, что еще возможно,для тех немногих, кто уцелеет... Разумеется, за приличное вознаграждение.

Но планета совершила уже пятнадцать оборотов вокруг своего Солнца, а ее спутник всякий раз делал без малого тринадцать кругов, и за все это время атомная война так и не началась!

Крупные мыслящие приматы, обитатели этой планеты, то тут, то там производили атомные взрывы. Стратосфера была до предела насыщена радиоактивными продуктами распада. А войны все нет и нет!

Деви Ен горячо надеялся, что ему пришлют замену. Он был четвертым по счету капитаном, возглавлявшим эту колонизаторскую экспедицию (если ее все еще можно было так назвать после пятнадцати лет бесплодного ожидания), и весьма приветствовал бы появление пятого. Поскольку с родины, из Харрии, должен был прибыть Главный инспектор, чтобы лично ознакомиться с положением, ждать оставалось недолго. И прекрасно!

Деви Ен стоял на Луне, облаченный в скафандр, и думал о Харрии. Его длинные тонкие руки беспокойно двигались, словно стремились, следуя зову далеких предков, ухватиться за ветви деревьев. Ростом он был не более метра. Сквозь прозрачную пластину в передней части шлема можно было видеть черное сморщенное лицо с мясистым подвижным носом. Маленькая бородка кисточкой по контрасту с лицом казалась белоснежной. Сзади, немного ниже пояса, в костюме был мешочек, в котором с удобством покоился короткий, похожий на обрубок хвост.

Деви Ен, естественно, не видел в своей наружности ничего необыкновенного, хотя прекрасно знал, что харриане отличаются от прочих мыслящих существ, населяющих Галактику. Только одни харриане так малы ростом, только у них есть хвост, только они не употребляют в пищу мяса... только они одни избежали неотвратимой атомной войны, которая приносила гибель прочим разновидностям мыслящих особей.

Он стоял на дне низины, похожей на чашу (будь она меньше, на Харрии ее назвали бы кратером); она простиралась так далеко, что обрамлявшая ее кольцом высокая гряда терялась за горизонтом. У южного края

[1] Печатается по изд.: Экспедиция на Землю: Сборник англо-американской фантастики.— М.: Мир, 1965.

кольца, лучше всего защищенного от прямых лучей солнца, вырос город. Сначала это, понятно, был лишь временный лагерь, но позднее туда привезли женщин, и появились дети. Теперь здесь были школы, и сложные гидропонные установки, и огромные резервуары, наполненные водой,— словом, все, что полагается иметь городу на спутнике, лишенном атмосферы.

Просто смехотворно! Целый город — и только потому, что какая-то там планета не желает начинать атомную войну, хотя и владеет атомным оружием!

Главный инспектор — его ждали с минуты на минуту — несомненно, сразу же задаст вопрос, который и сам Деви Ен задавал себе несчетное множество раз.

Почему же все-таки нет атомной войны?

Деви Ен обернулся и стал смотреть, как огромные неуклюжие маувы готовят посадочную площадку, разравнивая почву и покрывая ее слоем керамической массы, которая должна максимально поглотить реактивную отдачу гиператомного поля и избавить от неприятных ощущений пассажиров межзвездного корабля.

Даже скафандры не могли скрыть силы, которую словно источало все существо маувов, но это была чисто физическая сила. Рядом с ними виднелась маленькая фигурка харрианина, отдававшего приказания, и маувы послушно повиновались. А как же иначе?

Раса маувов, единственная из всех крупных мыслящих приматов, платила Харрии самую необычную дань, посылая вместо материальных ценностей определенное число обитателей своей планеты. Это была удивительно выгодная дань, во многих отношениях лучше, чем сталь, алюминий или лекарственные препараты.

Радиотелефон в шлеме Деви Ена вдруг ожил.

— Корабль показался, капитан,— донеслось до него.— Он сядет меньше чем через час.

— Отлично,— сказал Деви Ен.— Пусть мне приготовят машину. Я поеду, как только начнется посадка.

Однако ему вовсе не казалось, что все идет отлично.

* * *

Главный инспектор прибыл в сопровождении свиты из пяти маувов. Они вошли вместе с ним в город, два по бокам, три следом. Помогли ему снять скафандр, затем разоблачились сами.

Их тела, на которых почти не росли волосы, крупные лица с грубыми чертами, широкие носы и плоские скулы отталкивали своим уродством, но не внушали страха. Они были в два раза выше харриан и чуть не в три раза массивнее, но глаза их смотрели безучастно, и весь их вид, когда они стояли, слегка склонив мускулистые шеи и апатично уронив тяжелые руки, выражал покорность.

Главный инспектор отпустил маувов, и они один за другим вышли из комнаты. Ему, конечно, вовсе не нужна была охрана, но его положение требовало свиты из пяти маувов, и говорить тут было не о чем.

Ни во время бесконечного приветственного ритуала, ни во время еды Главный инспектор ничего не спрашивал о делах. Лишь когда настало время, куда более подходящее для сна, потеребив пальцами бородку, он спросил:

— Сколько нам еще ждать, капитан?

Он был, по-видимому, очень стар. Шерсть у него на руках почти вся поседела, а длинные пучки волос у локтей стали такими же белыми, как борода.

— Не могу сказать, Ваше главенство,— смиренно проговорил Деви Ен.— Они сошли с обычного пути.

— Это само собой очевидно. Нас интересует, почему именно они сошли с обычного пути. Совету ясно, что в своих донесениях вы пишете меньше того, что знаете. Вы разводите теории, но не даете никаких фактов. Нам, в Харрии, все это надоело. Если вам что-либо известно, сейчас настало время сообщить об этом.

— Тут, Ваше главенство, трудно говорить наверняка. Мы ведь впервые имеем возможность наблюдать за планетой в течение такого долгого периода. До самого последнего времени не обращалось должного внимания на то, что там происходит. Из года в год мы ждали, что атомная война вот-вот начнется, и, только когда командование принял я, мы стали более внимательно приглядываться к обитателям планеты. Хоть в одном длительное ожидание пошло нам на пользу — мы изучили несколько их основных языков.

— Как? Даже не спускаясь на планету?

Деви Ен объяснил:

— Наши корабли, проникавшие в атмосферу планеты для наблюдений, записывали радиосигналы. Особенно в первые годы. Я дал их для расшифровки лингвистическим вычислительным машинам и весь этот год потратил на то, что пытался разобраться в их смысле.

Главный инспектор слегка поднял брови. Этого было более чем достаточно, чтобы показать, до какой степени он изумлен.

— И то, что вы узнали, представляет какой-нибудь интерес?

— Возможно, Ваше главенство, но сведения, которые мне удалось получить, настолько странны, а материал, из которого они извлечены, так ненадежен, что я не решался писать обо всем этом в своих официальных донесениях.

Главный инспектор понял.

— Надеюсь, вы сочтете возможным изложить свои взгляды неофициально... мне?— немного натянуто произнес он.

— Буду рад это сделать,— тут же ответил Деви Ен.— Обитатели этой планеты, как мы и предполагали, относятся к крупным приматам. Им в полной мере присущ захватнический инстинкт.

Главный инспектор облегченно вздохнул и быстро облизал языком нос.

— Я почему-то вообразил, что они лишены этого инстинкта, и поэтому... но продолжайте, продолжайте.

— Нет, захватнический инстинкт развит у них как раз очень сильно,— заверил его Деви Ен,— куда сильнее даже, чем свойственно обычным крупным приматам.

— Почему же это не привело к должным последствиям?

— Привело, Ваше главенство, но не до конца. Как всегда, после длительного инкубационного периода у них началось развитие техники, и обычные у крупных приматов побоища превратились в поистине катастрофические войны. В конце последней войны, охватившей всю планету, у них было изобретено атомное оружие, и войны сразу же прекратились.

Главный инспектор кивнул.

— А дальше?

— Вскоре после этого,— продолжал Деви Ен,— должна была вспыхнуть новая война; атомное оружие стало более смертоносным и все же бы-

ло бы пущено в ход, как это водится у крупных приматов; в результате планета погибла бы, а из всего населения осталась бы горстка умирающих от голода особей.

— Совершенно верно. Но этого не произошло. Почему?

— Нужно учесть одно обстоятельство,— заметил Деви Ен.— Мне кажется, когда у этих крупных приматов начала развиваться техника, ее развитие пошло необычайно быстро.

— Ну и что же?— возразил собеседник.— Тем скорее они изобрели атомное оружие.

— Верно. Но по окончании самой последней всепланетной войны они продолжали совершенствовать атомное оружие с поразительной быстротой. В том-то и беда. Смертоносный потенциал возрос прежде, чем представился случай начать военные действия, а сейчас он достиг такого уровня, что даже эти крупные приматы не рискуют развязать войну.

Главный инспектор широко раскрыл маленькие черные глазки.

— Ерунда! Одаренность этих особей в области техники ничего не может изменить. Военная наука развивается быстро только во время войны.

— По-видимому, данные приматы — исключение из общего правила. Но дело не в том — они, судя по всему, все-таки ведут войну. Не настоящую войну, но все-таки войну.

— Не настоящую войну, но все-таки войну,— недоуменно повторил инспектор.— Что это значит?

— Я не могу сказать наверняка,— Деви Ен раздраженно повел носом.— Именно в этом пункте мои попытки извлечь смысл из отрывочных материалов, которые нам удалось собрать, оказались наименее успешными. То, что происходит на этой планете, называется «холодной войной». Какова бы ни была сущность этой странной войны, она в бешеном темпе подгоняет жителей планеты вперед, к новым изысканиям, и вместе с тем не приводит к окончательной катастрофе.

— Немыслимо!— воскликнул Главный инспектор.

— Вон она, планета,— возразил Деви Ен.— А мы всё здесь. Мы ждем уже пятнадцать лет.

Главный инспектор поднял длинные руки и, скрестив их за головой, опустил себе на плечи.

— Тогда нам остается только одно. Совет предусмотрел, что планета могла застрять на мертвой точке в состоянии неустойчивого мира, от которого только один шаг до атомной войны. Нечто вроде того, о чем говорите вы, хотя никому, кроме вас, пока не удалось предложить сколько-нибудь разумного объяснения. Но мы не можем этого допустить.

— Не можем, Ваше главенство?

— Да.— Казалось, каждое слово причиняет инспектору боль.— Чем дольше данные приматы будут находиться на этой мертвой точке, тем больше вероятность того, что они раскроют тайну межзвездных полетов и со всем присущим им стремлением к захватничеству проникнут в Галактику. Ясно?

— Что из этого следует?

Главный инспектор крепко стиснул голову руками, словно боясь услышать то, что сам сейчас произнесет. Голос его звучал приглушенно.

— Поскольку равновесие, в котором они находятся, неустойчиво, мы должны их слегка подтолкнуть. Да, капитан, слегка подтолкнуть!

Желудок Деви Ена конвульсивно сжался, он вдруг снова ощутил во рту вкус съеденного обеда.

— Подтолкнуть их, Ваше главенство?— Он отказывался понимать.

Но Главный инспектор был беспощаден.

— Мы должны помочь им начать атомную войну.— Его, видимо, так же мутило от этой мысли, как и Деви Ена. Он прошептал:— Мы должны.

У Деви Ена чуть не отнялся язык. Он проговорил еле слышно:

— Но как это сделать, Ваше главенство?

— Не знаю... И не глядите на меня так. Это не мое решение. Это решение Совета. Вы сами должны понять, что грозит Галактике, если крупные мыслящие приматы проникнут в космос во всей своей силе, не укрощенные атомной войной.

Деви Ен содрогнулся. Крупные приматы на просторах Галактики! Но он продолжал допытываться:

— А как начинают атомную войну? Как это делается?

— Не знаю, говорю вам. Но какой-нибудь способ должен быть. Ну, к примеру, м-м, направим им послание или, м-м, напустим туч и вызовем ураган. Мы могли бы многого добиться, воздействуя на метеорологические условия планеты.

— Да разве из-за этого вспыхнет война?— спросил Деви Ен, которому слова Главного инспектора показались не очень убедительными.

— Возможно, что и не вспыхнет. Я привел все это в качестве примера. Но крупные приматы должны сами знать. В конце концов именно они развязывают атомные войны. Инстинкт взаимоистребления у них в крови... Учитывая все это, Совет и принял решение.

Деви Ен почувствовал, что его хвост начал медленно и почти бесшумно постукивать по стулу. Попытался взять себя в руки, но безуспешно.

— Какое же решение, Ваше главенство?

— Увезти одного крупного примата с планеты. Похитить его.

— Дикого?

— Других в настоящее время на планете не водится. Конечно, дикого.

— А что он, думаете, нам скажет?

— Это не имеет значения. Важно, чтобы он вообще о чем-нибудь говорил, безразлично о чем; психоанализаторы ответят на интересующий нас вопрос.

Деви Ен как можно глубже втянул голову в плечи. От отвращения он весь покрылся гусиной кожей. Дикий крупный примат! Он постарался представить себе, как должна выглядеть особь, которой не коснулись ошеломляющие последствия атомной войны и не затронуло цивилизующее воздействие харрианской евгеники.

Главный инспектор и не пытался скрыть, что разделяет отвращение Деви Ена, но, несмотря на это, сказал:

— Вам придется возглавить экспедицию на планету, капитан. Это делается ради блага Галактики.

* * *

Деви Ен много раз видел планету, но всегда, как только космический корабль огибал Луну и этот мир открывался его взору, Деви Ена захлестывала волна невыносимой тоски по родине.

Это была прекрасная планета, очень похожая на Харрию по размерам и природным условиям, но более дикая и величественная. Ее вид, после пустынных пейзажей Луны, разил в самое сердце.

«Сколько еще планет, подобных этой, занесено в реестры владений Харрии!— думал Деви Ен.— Сколько планет, на которых после тщательного наблюдения обнаруживали последовательную смену окраски, что могло быть объяснено лишь искусственным разведением пригодных в пищу растений! Сколько ещё раз в будущем мы столкнемся с тем, что в один

прекрасный день радиоактивность в атмосфере какой-нибудь из этих планет начнет повышаться и туда потребуется немедленно послать колонизационные отряды... Так же как в свое время они были посланы к этой планете».

Самонадеянность, с которой поначалу действовали харриане, была просто трогательной. Деви Ен смеялся бы, читая первые донесения, не окажись он сам в той же ловушке. Чтобы собрать географические данные и установить местонахождение населенных пунктов, корабли-разведчики харриан спускались чуть ли не на самую планету. Их, конечно, заметили, но какое это имело значение? В самом ближайшем будущем, думали харриане, произойдет окончательный взрыв.

В самом ближайшем будущем... но годы шли, а взрыва все не было, и корабли-разведчики решили, что не мешает, пожалуй, быть поосторожней. Один за другим они вернулись обратно на базу.

Корабль Деви Ена сейчас тоже соблюдал осторожность. Команда волновалась, ей не по душе было полученное задание. Как ни уверял Деви Ен, что крупному примату не причинят никакого вреда, она не успокаивалась. Во всяком случае, нельзя было торопить события. Несколько дней подряд корабль парил на высоте шестнадцати километров, нарочно выбрав уединенное, дикое холмистое место,— и команда волновалась все больше; только флегматичные маувы, как всегда, сохраняли спокойствие.

Наконец в поле зрения телескопа показался крупный примат. В руке у него была длинная палка, на верхней части задней стороны туловища — какая-то ноша.

Они спустились бесшумно, со сверхзвуковой скоростью. Деви Ен сам, хотя тело его покрылось мурашками, сидел у рычагов управления. В момент похищения крупный примат произнес две фразы, тут же зафиксированные для дальнейшего психоанализа. Первая, сказанная в тот миг, когда он увидел корабль харриан чуть ли не у себя над головой, была схвачена телемикрофоном направленного действия. Вот как она звучала: «Боже! Летающее блюдце!»

Деви Ен понял все, кроме первого слова. Так крупные приматы обычно называли корабли харриан в первые годы их пребывания на Луне, когда они легкомысленно спускались к самой планете.

Вторую фразу он произнес, когда его втаскивали в корабль,— хотя дикарь яростно сопротивлялся, он был беспомощен в железных руках невозмутимых маувов.

Когда Деви Ен, тяжело дыша, подрагивая от возбуждения мясистым носом, сделал несколько шагов ему навстречу, крупный примат (его морда, отталкивающе безволосая, лоснилась от каких-то жидких выделений) воскликнул: «Разрази меня гром, обезьяна!»

Тут Деви Ен понял только последнее слово. «Обезьяна» — так называли мелких приматов на одном из основных языков планеты.

* * *

С диким приматом почти невозможно было сладить. Требовалось безграничное терпение, чтобы заставить его слушать разумные речи. Вначале он находился в совершенно невменяемом состоянии. Он сразу понял, что его увозят с Земли, и, к удивлению Деви Ена, вовсе не желал рассматривать это как увлекательное приключение. Напротив, он только и говорил, что о своем детеныше и самке.

(«У них тоже есть жены и дети,— сочувственно подумал Деви Ен,— и хоть они и крупные приматы, а семью по-своему любят».)

Прежде всего надо было довести до его сознания, что маувы, которые сторожили его и в случае необходимости сдерживали его дикие вспышки, вовсе не хотят нанести ему увечье и что вообще ему никоим образом не будет причинено зло.

(Деви Ена приводила в содрогание сама мысль о том, что одно разумное существо может учинить насилие над другим. Обсуждать этот вопрос с приматом было крайне трудно, так как, чтобы отрицать эту возможность, Деви Ен должен был на какое-то мгновение допустить ее, а обитатель планеты даже к минутному колебанию относился с величайшим недоверием. Так уж были устроены крупные приматы.)

На пятый день дикарь, возможно просто от упадка сил, довольно долго оставался спокойным. Они беседовали с Деви Еном в его личном кабинете, и вдруг он снова впал в бешенство, когда Деви Ен впервые упомянул как о чем-то само собой разумеющемся, что харриане ждут начала атомной войны.

— Ждете?!— воскликнул дикарь.— А почему вы так уверены, что она обязательно будет?

Деви Ен вовсе не был в этом уверен, но ответил:

— Атомная война происходит всегда. Наша цель — помочь вам после нее.

— Помочь нам после нее!— изо рта примата стали вылетать бессвязные звуки; он принялся дико размахивать руками, и маувам, стоящим по обеим сторонам, пришлось осторожно связать его — в который уж раз!— и вывести из комнаты.

Деви Ен вздохнул. Крупный примат наговорил уже достаточно много; возможно, психоанализаторы извлекут из этого какую-нибудь пользу. Сам Деви Ен не видел в словах дикаря никакого смысла.

А примат понемногу хирел. На теле его почти не было растительности; это не удавалось обнаружить раньше, при наблюдении с далекого расстояния, так как приматы носили искусственные шкуры, то ли для тепла, то ли из бессознательного отвращения к безволосой коже. (Интересно было бы побеседовать с ним на эту тему; психоанализаторам ведь безразлично, о чем идет разговор.)

А на лице примата, как это ни странно, стали прорастать волосы; в большем количестве даже, чем у харриан, и более темного цвета.

Но главное — с каждым днем он все больше хирел. Он исхудал, так как почти ничего не брал в рот, и дальнейшее пребывание на корабле могло пагубно отразиться на его здоровье. Деви Ену вовсе не хотелось, чтобы это лежало у него на совести.

* * *

На следующий день примат казался вполне спокойным. Чуть ли не сразу сам перевел разговор на атомную войну. («Видно, вопрос этот имеет для крупных приматов особую притягательную силу»,— подумал Деви Ен.)

— Вы упомянули,— начал дикарь,— что атомные войны неизбежны. Значит ли это, что существуют другие мыслящие существа, кроме вас, нас и... их?— Он указал на стоящих неподалеку маувов.

— Существуют тысячи разновидностей мыслящих существ, живущих на тысячах различных миров. Много тысяч,— пояснил Деви Ен.

— И у всех бывают атомные войны?

— У всех, кто достиг определенного уровня развития техники. У всех, кроме нас. Мы иные. Мы лишены захватнического инстинкта. Нам присущ инстинкт сотрудничества.

— Вы хотите сказать, что знаете об угрозе атомной войны и все же сидите сложа руки?

— Как это сидим сложа руки?— обиделся Деви Ен.— Мы стараемся помочь. На заре нашей истории, когда только начали осваивать космос, мы еще не понимали природы крупных приматов. Они отвергали все наши попытки завязать с ними дружбу, и в конце концов мы отступились. Затем мы обнаружили миры, лежащие в радиоактивных руинах. И наконец натолкнулись на планету, где атомная война была в разгаре. Мы пришли в ужас, но ничего не могли сделать. Мало-помалу мы становились умнее, и теперь, когда находим какой-нибудь мир в стадии овладения атомной энергией, у нас все наготове — и спасательное противорадиоактивное снаряжение, и генетикоанализаторы.

— Что такое генетикоанализаторы?

При беседе с крупным приматом Деви Ен строил фразы по законам его языка. Он сказал, осторожно выбирая слова:

— Мы держим под своим контролем спаривание и производим стерилизацию, чтобы, насколько возможно, вытравить захватнический инстинкт у немногих оставшихся в живых после атомного взрыва.

Какую-то секунду Деви Ен думал, что дикарь снова взбесится.

Однако тот лишь произнес сдавленным голосом:

— Вы хотите сказать, что делаете их покорными вам, вроде этих?— Он снова указал на маувов.

— Нет, нет. С этими другое дело. Мы просто хотим, чтобы уцелевшие после войны не стремились к захватам и жили в мире и согласии под нашим руководством. Без нас они сами себя уничтожали и снова дошли бы до самоуничтожения.

— А что это дает вам?

Деви Ен в сомнении посмотрел на дикаря. Неужели ему надо объяснять, в чем состоит главное наслаждение в жизни? Он спросил:

— А разве вам неприятно оказывать другим помощь?

— Бросьте. Не об этом речь. Какую выгоду из этой помощи извлекаете вы?

— Ну, понятно, Харрия получает определенную контрибуцию.

— Ха-ха!

— Разве получить плату за спасение целого биологического рода не справедливо?— запротестовал Деви Ен.— Кроме того, мы должны покрывать издержки. Контрибуция невелика и соответствует природным условиям каждого данного мира. С одной планеты, к примеру, мы ежегодно получаем запас леса, с другой — марганцевые руды. Мир этих маувов беден природными ресурсами, и они сами предложили нам поставлять определенное число своих жителей для услуг — они очень сильны физически даже для крупных приматов. Мы безболезненно вводим им определенные антицеребральные препараты, чтобы...

— Чтобы сделать из них кретинов!

Деви Ен догадался, что значит слово, и сказал с негодованием:

— Ничего подобного. Просто для того, чтобы они не тяготились своей ролью слуг и не скучали по дому. Мы хотим, чтобы они были счастливы,— ведь они разумные существа.

— А как бы вы поступили с Землей, если бы произошла война?

— У нас было пятнадцать лет, чтобы решить это. Ваш мир богат железом, и у вас хорошо развита технология производства стали. Я думаю, вы платили бы свою контрибуцию сталью.— Он вздохнул.— Но в данном случае, мне кажется, контрибуция не покроет издержек. Мы пересидели здесь по крайней мере десять лишних лет.

— И сколько народов вы облагаете таким налогом?— спросил примат.

— Не знаю точно, но наверняка не меньше тысячи.

— Значит, вы — маленькие повелители Галактики, да? Тысячи миров доводят себя до гибели, чтобы способствовать вашему благоденствию. Но вас можно назвать и иначе...— Дикарь пронзительно закричал:— Вы — стервятники!

— Стервятники?— переспросил Деви Ен, стараясь соотнести это слово с чем-нибудь знакомым.

— Пожиратели падали. Птицы, живущие в пустыне, которые ждут, пока какая-нибудь несчастная тварь не погибнет от жажды, а потом опускаются и пожирают ее.

От нарисованной картины Деви Ену чуть не стало худо, к горлу подступила тошнота.

— Нет, нет, мы помогаем всему живому,— едва слышно прошептал он.

— Вы, как стервятники, ждете, пока разразится война. Если хотите помочь — предотвратите войну. Не спасайте горсточку выживших. Спасите всех.

Хвост у Деви Ена задергался от внезапного волнения.

— А как предотвратить войну? Вы можете сказать мне это? (Что такое предотвращение войны, как не противоположность развязыванию войны? Чтобы узнать одно, необходимо понять другое.)

Но дикарь медлил. Наконец неуверенно сказал:

— Высадитесь на планету. Объясните положение вещей.

Деви Ен почувствовал острое разочарование. Из этого много не извлечешь. К тому же...

— Приземлиться среди вас?— воскликнул он.— Об этом не может быть и речи.

При мысли о том, что он вдруг очутится среди миллионов неприрученных крупных приматов, по телу его пробежала дрожь.

Возможно, отвращение так ясно отразилось на физиономии Деви Ена, что, несмотря на разделявший их биологический барьер, дикарь понял это. Он попытался кинуться на харрианина, но был буквально пойман в воздухе одним из маувов, которому стоило лишь чуть-чуть напрячь мускулы, чтобы сделать дикаря недвижимым.

Однако он успел крикнуть:

— Так сидите и ждите! Стервятник! Стервятник!

Прошло немало дней, прежде чем Деви Ен смог заставить себя вновь повидать дикаря.

Он чуть было не забыл проявить должную почтительность по отношению к Главному инспектору, когда тот потребовал дополнительных данных, необходимых для полного анализа психики диких крупных приматов.

— Я не сомневаюсь,— осмелился сказать Деви Ен,— что материала для ответа на наш вопрос более чем достаточно.

Нос Главного инспектора задергался; он задумчиво облизал его розовым языком.

— Для приблизительного ответа, возможно, да, но я не могу полагаться на такой ответ. Мы имеем дело с очень своеобразным видом крупных приматов. Это мы знаем. И не можем позволить себе ошибаться... Ясно одно: мы случайно напали на дикаря с высоким уровнем умственного развития. Если... если только это не норма для данной разновидности.— Мысль эта, видимо, привела Главного инспектора в расстройство.

Дени Ен заметил:

— Дикарь нарисовал мне ужасную картину... этот... эта птица... этот...

— Стервятник,— подсказал Главный инспектор.

— Если так рассуждать, вся наша миссия здесь предстает в совершенно ложном свете. С тех пор я почти ничего не ем и не сплю. Боюсь, мне придется просить отставки.

— Не раньше, чем мы окончим дело, которое на нас возложено,— твердо заявил Главный инспектор.— Полагаете, мне доставляет удовольствие думать об этом... этом пожирателе пад... Вы должны, вы обязаны получить больше данных.

Дени Ен кивнул. Он все прекрасно понимал. Главному инспектору, как и любому другому харрианину, не очень-то улыбалась мысль искусственно развязать атомную войну. Вот он и оттягивал решение, насколько возможно.

Дени Ен свыкся с мыслью, что он должен еще раз увидеть крупного примата. Свидание это оказалось совершенно невыносимым и было последним.

* * *

На щеке дикаря красовался кровоподтек, словно он снова сопротивлялся маувам. Так оно и было. Он делал это бесчисленное множество раз, и как ни старались маувы не причинять ему вреда, время от времени они случайно задевали его. Казалось бы, видя, как его оберегают, дикарь должен был утихомириться. А вместо этого уверенность в своей безопасности словно толкала его на дальнейшее сопротивление.

«Эти крупные приматы злы, злы»,— печально думал Дени Ен.

Больше часа разговор вертелся вокруг малоинтересных предметов, и вдруг дикарь поинзес воинственным тоном:

— Сколько времени, говорите, вы, макаки, пробыли здесь?

— Пятнадцать лет по вашему календарю.

— Подходит. Первые летающие блюдца были замечены сразу после второй мировой войны. Сколько еще осталось до атомной?

Дени Ен машинально сказал правду:

— Мы бы и сами хотели это знать...— и вдруг остановился.

Дикарь произнес:

— Я думал, атомная война неизбежна. В прошлый раз вы сказали, что ждете лишних десять лет. Значит, вы уже десять лет назад надеялись, что война начнется?

— Я не могу обсуждать с вами этот вопрос.

— Да?— дикарь снова кричал.— Что же вы намерены предпринять? Сколько вы еще будете дожидаться? А почему бы вам не ускорить события? Вы не ждите, стервятник, вы сами начните войну.

Дени Ен вскочил на ноги:— Что вы сказали?

— А почему же тогда вы еще здесь, чертовы...— он проглотил совершенно непонятное Дени Ену бранное слово, затем продолжал:— Разве не так поступают стервятники, когда несчастное животное, а иногда и человек никак не могут расстаться с жизнью? Им некогда мешкать. Они кружат над своей жертвой и выклевывают у нее глаза. Они дожидаются, пока она окончательно не обессилеет, а потом помогают ей побыстрее сделать последний шаг.

Дени Ен приказал немедленно увести его, а сам удалился в свою спальню. Его мутило. Всю ночь он не спал. В ушах у него пронзительно звучало

слово «стервятник», а перед глазами неотступно стояла нарисованная приматом картина.

* * *

— Ваше главенство,— твердо сказал Деви Ен,— я больше не могу иметь дело с дикарем. Если вам нужна еще информация, обратитесь к кому-нибудь другому.

Главный инспектор заметно осунулся.

— Я знаю. Вся эта история насчет стервятников... Ее трудно переварить. А ему, вы заметили, хоть бы что. Для крупных приматов все это в порядке вещей. Они бесчувственны, бессердечны. Таков, видно, склад их ума. Ужасно!

— Я больше не могу представлять вам данные.

— Успокойтесь. Я вас понимаю... Кроме того, все дополнительные данные только подкрепляют первоначальный ответ, ответ, который я считал предварительным, от всего сердца надеялся, что он лишь предварительный.— Он обхватил голову поросшими седой шерстью руками.— Мы уже выяснили, как помочь им развязать атомную войну.

— О! Что же для этого нужно?

— Все так просто, так примитивно. Мне никогда не пришло бы это в голову. И вам тоже.

— Что же это, Ваше главенство?— Деви Ена уже заранее била дрожь.

— Почему они не начинают войну? А потому что ни одна из почти равных по силе сторон не решается взять на себя ответственность за нарушение мира. Однако если бы одна сторона начала, другая — будем глядеть правде в глаза — отплатила бы ей той же монетой.

Деви Ен кивнул.

Главный инспектор продолжал:

— Если одна-единственная атомная бомба упадет на территорию любой из враждующих сторон, пострадавшие предположат, что сбросила ее другая сторона. Вряд ли они станут дожидаться дальнейших атак; не пройдет и часа, как последует мощный удар. Другая сторона ответит тем же. И через несколько недель все будет кончено.

— Но как же мы заставим их бросить первую бомбу?

— Это вовсе не обязательно, капитан. В том-то и штука. Мы сами бросим эту первую бомбу.

— Что?!— у Деви Ена подкосились ноги.

— Это единственный выход. Проанализируйте склад ума крупных приматов, и вы увидите, что иного и ждать нельзя.

— Но как это осуществить?

— Мы изготовим бомбу. Это нетрудно. Затем наш корабль спустится вниз и сбросит ее над каким-нибудь населенным пунктом.

— Населенным?!!

Главный инспектор отвел глаза и виновато сказал:

— В противном случае это не даст нужного эффекта.

— Да, конечно,— пробормотал Деви Ен. Перед его глазами парили стервятники; он ничего не мог с этим поделать. Он представлял их себе в виде огромных чешуйчатых птиц (вроде маленьких безвредных летающих созданий в Харрии, но во много раз больше), с крыльями, которые обтянуты кожей, напоминающей резину, с длинными, острыми клювами. Они кругами спускались вниз и выклевывали глаза у умирающих животных.

Он прикрыл руками лицо и сказал дрожащим голосом:

— Кто поведет корабль? Кто сбросит бомбу?

Голос Главного инспектора дрожал не меньше, чем у Деви Ена.

— Не знаю.

— Только не я,— прошептал Деви Ен.— Я не могу. И ни один харриянин не согласится на это. Ни за что на свете!

Главный инспектор стал раскачиваться взад и вперед. На него жалко было смотреть.— Может быть, дать приказ маувам...

— Кто решится дать им такой приказ?

Главный инспектор тяжело вздохнул.

— Я вызову Совет. Сообщу им все данные. Пусть они что-нибудь придумают.

* * *

И вот, пробыв на Луне без малого пятнадцать лет, харриане демонтировали свою базу.

Ничего так и не было сделано. Крупные приматы Земли так и не начали атомную войну. Возможно, они ее никогда и не начнут.

И несмотря на то, что ему предстояло пережить, Деви Ен был вне себя от счастья. К чему думать о будущем, когда сейчас, в настоящем, он улетал все дальше от этого самого жуткого из всех жутких миров.

Он смотрел, как Луна остается позади и превращается в сверкающую крупинку, а затем и планета и само солнце этой системы, пока вся она не затерялась среди остальных созвездий.

И только тогда в душе его проснулись и другие чувства, помимо чувства облегчения. И только тогда в уме его шевельнулась мысль о том, что все могло быть иначе.

— А вдруг все бы еще кончилось хорошо, если бы мы проявили побольше терпения,— сказал он Главному инспектору.— Как знать, возможно, они все-таки начали бы атомную войну.

— Сомневаюсь,— ответил Главный инспектор.— Психоанализ...

Он остановился, и Деви Ен понял, что он имел в виду. Дикаря спустили на планету, постаравшись причинить ему при этом как можно меньше вреда. События последних недель были стерты из его памяти. Его оставили возле небольшого населенного пункта, неподалеку от того места, где его похитили. Его соотечественники решат, что он заблудился, и сочтут, что он исхудал и потерял память из-за лишений, которые ему пришлось испытать.

Но какой вред причинил он сам!

Если бы они только не привозили его на Луну! Быть может, они примирились бы с мыслью, что им придется начать войну. Быть может, сами додумались бы сбросить бомбу и разработали бы для этого какую-нибудь сложную систему, пригодную для дальних расстояний.

Но картина, нарисованная перед ними диким приматом, особенно одно слово, всему положили конец. Когда все сведения были отосланы домой, в Харрию, впечатление, произведенное на Совет, было настолько сильным, что приказ демонтировать базу не заставил себя ждать.

Деви Ен сказал:

— Я никогда больше не буду принимать участие в колонизации.

— Боюсь, никому из нас не придется этого делать,— мрачно заметил Главный инспектор.— Дикари этой планеты выйдут в космос, а если крупные приматы, при их образе мышления, окажутся на свободе в Галактике, это будет конец... конец...

Нос Деви Ена передернула судорога. Конец всему: всем тем благодеяниям, которые Харрия уже совершила в Галактике, всем благодеяниям, которые она продолжала бы оказывать в будущем.

Он произнес: «Мы должны были сбросить...» — и не кончил.

Какой смысл было говорить это? Они не могли сбросить бомбу даже ради блага всей Галактики. Иначе они сами уподобились бы крупным приматам, а есть вещи похуже, чем просто конец всему.

Деви Ен думал о стервятниках.

Э. Ч. ТАББ

ВАЗА ЭПОХИ МИН[1]

Антикварная лавка была из тех, чьи товары по карману только самым большим богачам и коллекционерам. В витрине по левую сторону стеклянной двери стояла одна-единственная ваза из отшлифованного вручную хрусталя, по правую — египетская солнечная ладья.

Дон Грегсон секунду помедлил перед дверью и глубоко посаженными глазами зорко оглядел улицу. От катастрофы не осталось и следа. Все обломки уже убраны, а последние пятна крови смыл дождь. Даже обычные в таких случаях зеваки успели разойтись по своим делам. Дон Грегсон снова повернулся к двери, толчком распахнул ее и вошел в лавку.

Эрлмен и Бронсон стояли возле немолодого щуплого человечка с тонкими руками и проницательным взглядом. Два-три приказчика скромно держались поодаль. Полицейские уже ушли, вот и отлично. Эрлмен выступил вперед:

— А, Дон. Быстро ты добрался.

— Генерал старается. Это владелец лавки?

Макс Эрлмен кивнул и быстро проговорил:

— Мистер Левкин, это Дон Грегсон из особого отдела ЦРУ.

Новые знакомые пожали друг другу руки, и Дон с удивлением отметил про себя, что в хрупких пальцах хозяина лавки таится цепкая сила. Бронсон, как всегда, стоял и глядел во все глаза — туго свернутая пружина, готовая в любую секунду развернуться и ударить.

— Очень жаль, что пришлось познакомиться при таких печальных обстоятельствах,— сказал Дон хозяину.— Расскажите мне, пожалуйста, все по порядку.

— Как, еще раз?

— Да, пожалуйста. Всегда предпочитаю сведения из первых рук.

Левкин пожал плечами и развел руками — жест, старый как мир.

— Меня ограбили,— сказал он просто.— У меня украли самую драгоценную вещь во всей лавке. Это была маленькая старинная ваза времён династии Мин, необычайной красоты. Понимаете?

— Какого размера?

Левкин показал, и Дон кивнул.

---

[1] Печатается по изд.: Судьбы наших детей.— М.: Радуга, 1986.

— В вышину дюймов шесть, свободно уместится в кармане. Вы сказали, это ценная вещь; сколько она стоит?

— Я сказал «драгоценная»,— поправил Левкин.— Ну как оценить произведение искусства? Она стоит столько, сколько за нее готов уплатить знаток. Скажу вам только, мне предлагали за нее сто тысяч долларов, и я ее не отдал.

Эрлмен крякнул, дымок сигареты на мгновенье скрыл его худое озабоченное лицо и воспаленные глаза.

— Опишите этого человека.

— Среднего роста, среднего сложения, хорошо одет, каштановые волосы, глаза... удивительные глаза! Весом фунтов сто семьдесят, мягкая манера говорить, очень вежлив и спокоен.

Эрлмен через голову Левкина переглянулся с Доном и кивнул.

— Ничего напускного,— продолжал Левкин.— Ни намека, что он не тот, кем кажется. Ну никаких причин подозревать, что он вор.

— Он не вор,— сказал Дон, но тут же нахмурился и прикусил язык.— Продолжайте.

— Мы с ним поговорили. Он интересовался редкими антикварными вещами, и я, естественно, показал ему вазу. И вдруг — шум, треск, уличное происшествие. Мы все невольно кинулись к двери. Катастрофа была серьезная, мы отвлеклись, но только на минуту. Этого оказалось достаточно. Когда я опомнился, его уже не было, и вазы тоже.

— Вы уверены, что это он ее унес?— настойчиво переспросил Дон.— Может быть, она спрятана где-нибудь здесь? Подумайте.

— Полиция уже спрашивала меня об этом. Нет, ее здесь нет, я все перерыл. Он ее украл.— Впервые за весь разговор Левкин не сдержал волнения.— Прошу вас, найдите ее. Вы постараетесь, да?

Дон кивнул и взглядом отозвал Эрлмена в сторону. Бронсон, конечно, тоже подошел.

— Они его опознали?— Дон говорил привычным шепотом, услышать его могли только те, к кому он обращался.— Точно ли это он?

— Я показывал фотографию. Клянутся, что он. Он самый и есть.

— Мне надо знать наверняка. А катастрофа? Может, она была подстроена?

— Ни в коем случае. Такси сшибло пешехода и врезалось в грузовик. Пешеход мертв, таксист, видно, останется без ноги, и шофер грузовика тяжело ранен. Все это слишком серьезно.

— Совпадение?— Дон покачал головой.— Нет, уж очень мало было времени. Левкин не дурак, притом даже самый ловкий жулик не сразу смекнет, что тут подвернулся редкий случай и можно им воспользоваться. Все это требует времени. Обыкновенный жулик просто ничего бы не успел, да и Левкин бы не сплоховал. Кажется, ты прав, Макс.

— Конечно, прав. Это Клайгер.— Вид у Эрлмена был удивленный.— Но зачем он это сделал, Дон? Зачем?

Грегсон не отвечал, он напряженно думал.

— Зачем?— повторил Эрлмен.— Зачем ему воровать эту вазу? Ее не продашь, не съешь. Ему остается только сидеть и смотреть на нее. Зачем же?

Генерал Пенн задал Дону тот же вопрос, но в отличие от Эрлмена он потребовал ответа. Генерал обмяк в глубоком кресле за большим столом и выглядел еще старше и еще встревоженней, чем в тот день, когда все началось. Дон его понимал. Поистине на шее у генерала затягивается петля.

— Ну?— Голос выдавал нетерпение и досаду. Был он хриплый, в нем таилось раздражение, звучали повелительные нотки; чуткости или терпению места совсем не осталось.— Вы нашли то, что, по-вашему, требовалось найти?

— Мы нашли то, что, по-моему, *могли* найти,— поправил Дон.— Какого ответа вы хотите?

— Вы что, спятили?— Пенн вскочил.— Вы же знаете, что́ для нас главное. Найти Клайгера! Больше никакого ответа мне не нужно.

— Может, вам все-таки интересно, почему он сбежал?— спокойно возразил Дон.

Пенн выругался. Раз, другой. Дон стиснул зубы, потом заставил себя успокоиться. Медленно закурил.

— Три недели назад Элберт Клайгер решил уйти из Дома Картрайта — и ушел,— сказал Дон.— С тех пор весь ваш аппарат только и делает, что ищет его. Почему?

— Потому что для нашей страны нет человека опаснее.— Пенн сказал это, как выстрелил.— Если он переберется на ту сторону и выложит там все, что знает, мы лишимся самого большого нашего преимущества в «холодной» войне, да и в «горячей», если она начнется. И вам, Грегсон, все это отлично известно.

— Да, мне говорили,— сказал Дон, не глядя на перекошенное лицо генерала.— Ну а если мы его найдем и он не захочет вернуться, что тогда?

— Сперва надо его найти,— мрачно отозвался генерал.

Дон кивнул.

— Так вот почему Бронсон ходит за мной хвостом? Вот почему во всех остальных группах тоже есть свой Бронсон?— Он не стал дожидаться ответа.— А вы никогда не задумывались, почему англичане отказались от своей пресловутой системы запугивания? Они с самого начала знали, что она бесчеловечна, но какое-то время от нее был толк — правда, недолго и не слишком большой. Не мешало бы нам извлечь из этого урок.

— Что за вздор вы несете?— Пенн вновь рухнул в кресло.— Никто не пытался применить эту систему против Клайгера. Я нашел его в захудалом балагане и дал ему возможность послужить отечеству. Клайгер согласился. Никто не посмеет отрицать, что мы дали ему гораздо больше, чем он нам. В конце концов, он ведь не единственный.

— В том-то и дело.— Дон поглядел прямо в глаза генералу.— Но ведь и остальным обитателям вашей казармы... виноват, Дома Картрайта, это, пожалуй, когда-нибудь надоест.

— Больше оттуда никто не уйдет,— отрезал Пенн.— Я утроил охрану и поставил секретную сигнализацию, так что теперь уж никто не проскочит.

Конечно, это означало махать кулаками после драки, но вслух Дон ничего такого не сказал. Когда на карту поставлены репутация и карьера Пенна, с ним нужно держать ухо востро. Ведь для генерала его карьера превыше всего, по сравнению с ней даже Дом Картрайта отходит на задний план. Да и может ли быть иначе, с горечью подумал Дон, когда вся работа военного аппарата зависит от хитросплетений политики. Каков человек, на что он способен — все это неважно, важно, какие у него связи и чем он может кому-то удружить. Дон не обольщался. Он им нужен, но, если Пенну понадобится козел отпущения, его в два счета осудят, заклеймят и выгонят вон. А время уходит.

— Клайгера необходимо найти.— Пенн барабанил пальцами по столу.— Почему вы не можете его найти, Грегсон?

— Вы отлично знаете — почему. Я уже десять раз его выслеживал и знаю, где он был. Но я всегда прихожу слишком поздно. Чтобы его поймать, мне надо попасть туда, где он будет, в одно время с ним или даже раньше. А это невозможно.

— С этой кражей...— Пенн вдруг вспомнил последние сообщения о Клайгере.— Ну еще деньги — я понимаю. Но зачем ему ваза? Он, наверно, просто сумасшедший?

— Нет, он не сумасшедший, хотя и не совсем нормальный.— Дон с силой придавил окурок в пепельнице.— И я, кажется, догадываюсь, зачем ему эта ваза. Очень возможно, он станет при случае собирать и другие такие вещи, сколько успеет.

— Но зачем?

— В них воплощена красота. Для знатоков и любителей подобные диковинки не имеют цены. А Клайгер, верно, из таких. Видно, он неспроста за ними гоняется — вот что меня беспокоит.

Пенн фыркнул.

— Мне нужно побольше узнать,— решительно продолжал Дон.— Без этого я просто охочусь за тенью. Мне надо попасть туда, где я смогу еще хоть что-нибудь узнать.

— Но...

— Это необходимо. Другого пути нет.

Никто не называл это тюрьмой. Никто не называл это даже объектом, все знают: обьект — это нечто военное и весьма важное. Итак, это называлось Домом Картрайта, и проникнуть туда было чуть труднее, чем в Форт Нокс, а выйти оттуда — куда труднее, чем выбраться из Алкатраса.

Дон терпеливо ждал, пока охрана проверяла и перепроверяла его пропуск, носила куда-то к начальству и снова проверяла. Все это заняло уйму времени, но в конце концов его привели к Леону Мэлчину; этот высокий, худощавый человек терзался неутолимой жаждой деятельности и не находил никакого утешения в полковничьем звании, которое ему было присвоено проформы ради и только сковывало его цепями армейской дисциплины, едва он пытался поступать как штатский.

— Генерал Пенн звонил мне,— сказал он Дону.— Я должен оказать вам всяческую помощь.— Он уставился на Дона сквозь старомодные очки.— Чем могу служить?

— Один вопрос,— сказал Дон.— Как нормальному человеку поймать ясновидца?

— Вы, конечно, говорите о Клайгере?

— Да.

— Никак. Это невозможно.— Мэлчин откинулся в кресле, в глазах у него блеснула насмешка.— Есть еще вопросы?

— Пока нет.— Дон уселся напротив и протянул Мэлчину сигареты. Мэлчин покачал головой и сунул в рот свою трубку.

— Я охотник,— без обиняков сказал Дон.— Я охочусь за людьми, и мне это неплохо удается, потому что у меня есть чутье, талант, уменье — называйте как хотите — разгадать ходы противника. Можете считать, что мне просто всегда везет. Каким-то образом, сам не понимаю как, я всегда знаю, что он сделает в следующую минуту, где и когда я его найду. Еще ни один от меня не ушел.

— Но Клайгер от вас уходит.— И Мэлчин кивнул. Казалось, он давно ждал появления Дона и этого разговора.— И вы хотите знать, в чем секрет.

— Это я знаю, он ясновидец. Мне надо знать — как? Как это у него получается? Как он действует? И насколько точно он все предвидит?

— Очень точно.— Мэлчин вынул трубку изо рта и уставился на нее.— Он у нас... Вернее, он был у нас звездой первой величины. Он видит дальше всех, кого я когда-либо наблюдал, а я наблюдаю и изучаю пси-поле человека всю свою сознательную жизнь.

— Так-так, я слушаю.

— Мне кажется, вы не вполне понимаете, с чем вы тут столкнулись. Он, конечно, не сверхчеловек, ничего похожего, но у него есть особый дар. А вас можно сравнить со слепцом, который пытается поймать зрячего. И поймать средь бела дня, на открытом месте. Вдобавок еще вы надели на шею колокольчик, чтобы он вас постоянно слышал. По-моему, у вас нет и тени надежды на успех.

— И все-таки, как проявляется этот его дар?— настаивал Дон.

— Не знаю.— Мэлчин не дал Дону задать новый вопрос.— Вы, верно, не то хотели спросить, вас интересует, как он им пользуется. Если б я это знал, я считал бы себя счастливейшим из смертных.— Мэлчин нахмурился, подыскивая слова.— Это очень трудно объяснить. Как бы вы объяснили слепому от рождения, что такое свет и краски? Или глухому, что такое звук? А ведь там по крайней мере вы могли бы рассказать, как действуют глаз и ухо. Впрочем...

Дон снова закурил, вслушиваясь в объяснения Мэлчина, и в голове у него начали вырисовываться смутные образы. Кусок грубой ткани, каждая нить ее — чья-то жизнь, она тянется в будущее. Одни нити коротки, другие длиннее, и все они сплетены и перевиты так, что каждую в отдельности проследить очень трудно. Но при известном навыке и ловкости это все-таки возможно. Тогда поступки человека становятся ясней, и можно составить план действий.

Банк, у кассира внезапный приступ аппендицита как раз в ту минуту, когда он пересчитывает пачку денег,— и человек спокойно берет их и уходит, словно только что получил их по чеку...

Магазин, оставленный без присмотра как раз на эти необходимые несколько минут...

Узилище, и часовой чихает в ту самую минуту, когда беглец проходит мимо...

Антикварная лавка — и катастрофа на улице, которая отвлекает внимание, как раз когда надо...

Все это так просто, когда точно знаешь, что случится и как этим воспользоваться...

Как же поймать Клайгера?

Дон резко выпрямился — сигарета обожгла ему пальцы — и увидел, что Мэлчин смотрит на него в упор.

— Я обдумал ваш пример,— сказал он.— Ну тот, когда слепой пытается поймать зрячего. Я знаю, как это можно сделать.

— Как же?

— Слепец прозревает.

Им живется преуютно. Мягкие постели и вкусная еда, пластинки, телевизор, библиотека, и фильмы привозят. Есть спортивные площадки, бассейн для плавания и даже кегельбан. Они хорошо одеты, недурно себя чувствуют и недурно выглядят, но они умны и все понимают.

Если нельзя выйти из дому когда вздумается, это уже не дом, а тюрьма — и они живут в тюрьме.

Конечно, это все только ради их же собственной безопасности. Охрана, тайная сигнализация, всяческие ограничения существуют единственно для того, чтобы оберегать их от непрошеных гостей. Секретность продиктована страхом перед шпионами, и все это оправдывается патриотизмом. Но ведь у всякой медали есть оборотная сторона: раз нельзя войти, значит, нельзя и выйти.

И патриотизм иной раз — довольно жалкое оправдание.

— Приятно видеть новое лицо.— Сэм Эдвардс пятидесяти лет от роду, сухощавый как мальчишка, но с физиономией боксера, широко улыбаясь, тряхнул руку Дона.— Нашего полку прибыло?

— Это гость.— Сморщенный старик, совсем потонувший в кресле, почмокал губами, пристально разглядывая Дона.— Послушайте, Грегсон, если вы не прочь после сыграть в покер, мы вам доставим это удовольствие.

Он хрипло засмеялся, потом нахмурился и сухонькой ладошкой хлопнул себя по коленке.

— Ах, черт! Соскучился я без покера.

— Они тут все телепаты,— шепнул Дону Мэлчин.— И у них постоянная связь с другими, которые находятся сами понимаете где. Здесь мне незачем вас представлять.

Дон кивнул, смущенно глядя на окружающих. Были тут и старики, и несколько юнцов, но большинство — средних лет. Они в свою очередь разглядывали его, и глаза их насмешливо поблескивали.

— Любопытно, что рыбак рыбака видит издалека,— задумчиво заметил Мэлчин.— Там собрались телепаты, а в этой комнате — телекинетики. Они пока не совершили ничего выдающегося, хотя кое-какие успехи уже есть. А вот тут — ясновидцы.

Ясновидцев было пятнадцать. Дон удивился, что так много, но тотчас подумал: чему ж тут удивляться? В таком огромном людском котле, как Соединенные Штаты, всякое отклонение от нормы уж конечно повторяется много раз. Он догадывался, что это далеко не все, что таких домов, как Дом Картрайта, существует еще немало, только названия у них разные.

— Мы установили, что, когда они объединяют свои таланты, это благотворно действует на каждый в отдельности,— прошептал Мэлчин.— Прежде чем прийти сюда, Клайгер был всего-навсего предсказателем судьбы в каком-то балагане; за десять лет он стал творить чудеса.

— Десять лет?

— Именно. Многие наши постояльцы пробыли здесь гораздо дольше.

Если в голосе Мэлчина и звучала насмешка, Дон ее не уловил. Зато уловил один из обитателей комнаты. Он подошел к ним и, натянуто улыбаясь, протянул руку:

— Тэб Уэлкер. Не разрешите ли вы один спор? Я слышал, что в Англии человек, приговоренный к пожизненному заключению, выходит из тюрьмы в среднем через девять лет. Так ли это?

— Смотря как он себя ведет.— Дон тоже весь напрягся, он понял, к чему клонит этот человек.— В среднем пожизненное заключение длится в Англии пятнадцать лет. Третья амнистия действительно может сократить срок примерно до девяти.

— А ведь такое наказание дают по меньшей мере за убийство.— Тэб кивнул.— Знаете, я здесь уже восемь лет. Может быть, еще год — и хватит?

— Вы же не заключенный,— возразил Дон.

Уэлкер засмеялся.

— Полноте.— Он поднял руку.— Не надо ни споров, ни речей.— Теперь он больше не улыбался.— Чего вы хотите?

— Помощи,— просто ответил Дон.

Он походил по комнате и остановился у шахматного столика. Деревянные фигурки были выточены любовно и искусно, с той обманчивой небрежностью, какой всегда отличается ручная работа. Дон взял слона, полюбовался им, потом встретился глазами с Уэлкером.

— Это Клайгера?

— Как вы догадались?— Взгляд Тэба смягчился.— Элберт любил красивые вещи. Больше всего он мучился здесь от того, что не мог ходить по музеям. Он всегда говорил: посмотрите, чем человек украшает свою жизнь, и вы поймете, чего он достиг.

— Вазами, например?

— Картинами, скульптурами, камеями — все они ему нравились, если только это были настоящие произведения искусства.

— Человек с тонким вкусом.— Дон кивнул.— Понимаю. И когда же вы все решили помочь ему удрать?

— Я... Как вы сказали?

— Вы отлично слышали, что́ я сказал.— Минуту они в упор смотрели друг на друга, потом Уэлкер медленно улыбнулся:

— А вы не дурак.

Дон ответил улыбкой.

— Еще один вопрос.— Дон помедлил, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих.— Чего он, в сущности, добивается?

— Нет!— Генерал Пенн с силой хлопнул ладонью по кожаной подушке сиденья.— Нет и нет!

Дон вздохнул, не отрывая глаз от дождя за окном. Тяжелые капли падали с деревьев прямо на крышу автомобиля и сверкающими жемчужинами скатывались по стеклам. Впереди сквозь пелену дождя смутно маячила другая машина, сзади, конечно, есть еще одна. Их шофер ушел куда-то вперед и, верно, клянет на чем свет стоит прихоти своего начальства.

— Слушайте,— сказал генерал.— У нас есть сведения, что они знают насчет Клайгера. Как они догадались, что он так много значит для нас, не знаю, но догадались. Теперь весь вопрос в том, кто придет первым. Мы не можем позволить себе проиграть.

— А мы не проиграем,— возразил Дон.— Но для этого надо действовать по-моему. Это единственный путь.

— Нет!

— Генерал!— Вся долго копившаяся злость и досада прорвались в этом окрике.— Вы-то что предлагаете?

Как он и предвидел, вопрос озадачил собеседника, но лишь на минуту.

— Я не могу так рисковать,— отрезал Пенн.— Клайгер всего лишь одиночка, опасный, но одиночка. С ним одним мы можем справиться, а вот справимся ли с десятком или еще того больше? Даже предлагать такое я считаю изменой.

Дон вскипел: вечно эти громкие слова! Пенну всюду мерещатся шпионы, и, стараясь избежать нескромных взоров, он, напротив, привлекает к себе внимание. Вот и сейчас он потребовал встречи в автомобиле, на дороге, под дождем, из страха: вдруг какое-нибудь незамеченное электронное ухо подслушает их разговор?

Оба долго молчали, потом Дон собрался с духом:

— Как хотите, а вам придется это обдумать. Во-первых, побег был организован. Погас свет — управляемая внушением крыса перегрызла питающий провод. Одному из часовых неизвестно почему вдруг стало худо, и на минуту из цепи охраны выпало одно звено. Были и другие мелкие происшествия, тоже не случайные. Собственно, вся эта орава могла при желании преспокойно уйти оттуда.

— Но ведь никто больше не ушел!— Пенн с силой стукнул по сиденью.— Ушел один Клайгер! Это, по-вашему, что-нибудь доказывает?

— Что именно? Что он хотел сбежать к красным?— Дон пожал плечами.— Тогда что же его удерживает? Он уже сто раз мог с ними связаться, стоило только захотеть.

— К чему это вы клоните?— Пенн начал терять терпение.— Может, по-вашему, эти там... уроды приставили мне к виску револьвер? Вы говорите, они согласны помочь, но на определенных условиях. Ха! Условия!— Он сжал кулак.— Неужели они не понимают, что страна на грани войны!

— Они хотят как раз того, что мы, по нашим словам, пытаемся отстоять,— сказал Дон.— Они хотят толику свободы. Разве это такое уж наглое требование?

Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и снова увидел обитателей Дома Картрайта. Иные, по словам Мэлчина, провели там по двенадцать лет. Долгий срок. Чересчур долгий для того, чтобы послушно оставаться подопытными кроликами, чьи таланты здесь взращивают, развивают и эксплуатируют. Но генерал даже не считает их людьми. Для него они — «уроды», просто еще одно оружие, которое надо готовить к бою, а пока прятать и охранять — и уничтожить, если есть опасность, что оно попадет в руки врага.

— Что?— Он открыл глаза, вдруг сообразив, что генерал что-то ему говорит. Пенн злобно сверкнул глазами.

— А без их помощи вы не сможете его изловить?

— Не знаю.— Дон поджал губы, сдвинул густые брови, и взгляд у него стал отрешенный и сосредоточенный.— Наверно, мы взялись за дело не с того конца.Вообразили, что нужно всего-навсего поймать беглеца, и упустили из виду, что беглец-то необыкновенный, вот у нас ничего и не вышло. В поступках Клайгера есть своя закономерность. Надо понять, почему он сбежал,— и мы поймем, чего он добивается.

— А разве не за этим вы ездили в Дом Картрайта?— Пенн даже не потрудился скрыть насмешку.

— Да. И мне это удалось.

— Но тогда...

— Он украл старинную вазу,— сказал Дон.— Поймите цель — и вот вам ответ.

Макс Эрлмен лежал на постели и глядел в потолок. В маленьком гостиничном номере было тепло, всюду разбросаны пожитки трех постояльцев. На стене кривовато висела большая карта города, сеть улиц утыкана разноцветными булавками. В сумерках смягчились резкие линии бетонных джунглей за окнами и даже кричащие огни реклам уже не так резали глаз.

Сидевший за столом Бронсон шевельнулся, и в нос Эрлмену ударил острый запах ружейного масла. Он закурил, чтобы прогнать эту вонь, и с отвращением поглядел на Бронсона.

— Может, хватит?— Макс ткнул сигаретой в сторону револьвера, который усердно чистил и собирал Бронсон. В воздухе повисла струйка дыма. Бронсон и бровью не повел.

— Что ты такое, Бронсон?— Эрлмен рывком спустил ноги с постели, его трясло от злости.— Ходишь, ешь, спишь, наверно, и говорить мог бы при желании, но человек ли ты?

Металлическое пощелкивание ни на миг не прекратилось, Бронсон вновь собрал свой револьвер. Сунул его в кобуру, молниеносно выхватил и вновь спрятал.

Эрлмен вскочил на ноги, его глубоко сидящие воспаленные глаза злобно сверкнули. Он обернулся — в комнату вошел Дон, лицо у него было усталое.

— Ничего?— Макс заранее знал ответ.

Дон покачал головой.

— Никаких перемен.— Дон пересек комнату, остановился перед картой на стене и стал изучать разноцветные булавки.— Тут все помечено?

— Все как есть.— Эрлмен выпустил струю дыма прямо на карту.— Если мне кто-нибудь скажет, что это некультурный город, я разорву его на куски. Куда ни плюнь, сплошь картинные галереи, музеи, выставки, антикварные лавки, миссии и прочая ерунда. Я их все тут отметил.— Он покосился на мрачное лицо Грегсона.— Больно уж их много, Дон. Чересчур.

— Можно и поубавить.— Дон вздохнул, напряжение последних недель все росло внутри, а за последние дни нервы натянулись до отказа. Он заставил себя расслабить мышцы, несколько раз глубоко вздохнул, стараясь забыть о спешке и истерических командах Пенна.— Иностранные фильмы, современное искусство, новомодные картины, выставки абстракционистов — это все ни к чему. Собрания марок, торговые миссии, выставки машин и оборудования тоже долой. Займемся лишь старинным, редкостным, прекрасным.

— Значит, отбирать построже?

— Построже. Твое дело — все необычное, что выставлено на короткое время, взято из частных собраний.

Эрлмен кивнул и принялся переставлять разноцветные булавки, сверяясь с кучей каталогов. Дон отвернулся к окну.

За окном далеко внизу раскинулся город, улицы, точно шрамы, рассекали скопище бетонных людских муравейников, и все это сверкало огнями. Где-то в этом городе, наверно, стоит сейчас другой человек и тоже смотрит в окно — мягкий, вежливый, влюбленный в искусство. Человек, который до недавней поры жил как все, подчинялся закону — и вдруг очертя голову ударился в бега, чтобы грабить и воровать.

С чего бы это?

Крушение надежд? Да, это участь всех обитателей Дома Картрайта; и остальные тоже могли бы уйти, однако они этого не сделали. Удрал один Клайгер, и он до сих пор в бегах. Сейчас он где-то здесь, в этом городе, его дар все время предупреждает его об опасности и помогает ускользать от нее, увертываться и оставаться на свободе.

На свободе — для чего?

Дон вздохнул и в тысячный раз подумал: а каково это, быть ясновидцем? Он может заглянуть в будущее... или нет? Конечно, остальные могли бы помочь в поисках, но Пенн это запретил. С десятком других ясновидцев Дон расставил бы повсюду ловушки и поймал бы Клайгера просто благодаря численному превосходству. Никому, даже гению, не устоять в такой неравной схватке.

А теперь приходится действовать на свой страх и риск.

Пошел дождь, и окно засверкало отраженным светом. Дон невольно опять и опять переводил взгляд с далеких огней за окном на искрящиеся

капли на стекле. А потом уже и не пытался что-либо разглядеть, стоял и смотрел в одну точку, мысли его бродили неизведанными тропами.

Как?

Как получалось, что он всегда точно знал, где и когда поймает того, кого ищет? В чем она, та малость, что отличает его от остальных? Всю свою жизнь Дон отличался этим нюхом. Он умел угадывать — если это догадка — и никогда не ошибался. Так догадка ли это? Или он просто знал?

За прежние успехи его взяли работать в Разведывательное управление, а дальнейшие неизменные удачи проложили ему путь в особый отдел. Он — охотник на людей и ни разу не упустил свою дичь. И сам не знает, как это ему удается.

Вот так же и Мэлчин не знает, каким образом пользуются своими талантами обитатели Дома Картрайта.

Даже когда отбросили все ненужное, список был еще слишком длинен. Эрлмен тыкал пальцем в карту, от сигареты, свисавшей у него изо рта, вился дымок и тоже словно указывал на разноцветные булавки.

— Больше выкидывать нечего, Дон. Теперь остается просто гадать.

— Не совсем так.— Дон изучал список.— В Доме Картрайта я кое-что узнал об этом Клайгере. Он любитель искусства. Думаю, он все время ходит по музеям и выставкам.

— Ну, тогда он у нас в руках!— с торжеством воскликнул Эрлмен.— Расставим людей по всем этим местам, и он сам к нам придет.

Дон поднял брови, и Макс сразу отрезвел.

— Нет. У каждого полицейского в городе есть его фотография и полное описание. Все дороги из столицы перекрыты. Все оперативные группы подключены к слежке. Будь это так легко и просто, мы бы давным-давно его поймали.

Эрлмен снова указал на карту:

— Тогда для чего же все это?

— Объединение усилий.— Дон уселся на край кровати.— Полицейские не могут его засечь до тех пор, пока не увидят, а этого-то он как раз и избегает. Почти всегда он теряется в толпе, а лучшей маскировки не придумаешь. Не забывай, Макс, он «видит» все наши ловушки, а раз так, ему увернуться не хитрость.

— Тогда это дохлый номер.— Эрлмен в сердцах придавил каблуком сигарету.— Что ни делай, куда ни подайся, его не поймаешь. Выходит, я зря старался, Дон?

— Нет.

— Но...

— Теперь вопрос, кто кого перехитрит: он меня или я его,— сказал Дон.— До сих пор я действовал так, будто это почти обычная операция. Полагался на помощь извне, даже пытался добиться подмоги специалистов. Но это все не годится. Теперь я попробую сыграть на его же слабых струнках.— Он еще раз взглянул на список, который держал в руках.— Вот что, уходите оба. Мне надо побыть одному.

Бронсон не шелохнулся.

— Слыхал, что сказано?— Эрлмен распахнул дверь.— Убирайся!

Бронсон медленно встал. Он уставился на Дона, и глаза его сверкнули.

— Никуда я не ухожу,— устало сказал Грегсон.— Если хочешь, жди за дверью.

Оставшись один, Дон расшнуровал башмаки, ослабил галстук и снял пиджак. Погасил свет, лег на постель, устремил взгляд в окно, поблескивавшее отраженными огнями. Расслабил все мышцы.

Он всегда так поступал: даст телу полный отдых, а мысль тем временем перебирает и оценивает тысячи собранных сведений и подробностей и приходит к догадке, и это вовсе не догадка, потому что он еще ни разу не ошибся. Но на этот раз нужно сделать больше, на этот раз его противник — человек, который «предвидит» будущее, и ему, Дону, надо «предвидеть» дальше.

Дыханье Дона стало мерным, ровным и глубоким — это была первая стадия самогипноза. Теперь звуки извне уже не мешают ему, ничто его не отвлекает, он может безраздельно сосредоточиться на своей задаче.

Найти Клайгера.

Понять, где он будет и когда.

Найти его, как нашел десятки и десятки других — без сомнений, без колебаний, с твердой уверенностью, что в таком-то месте в такой-то час он застигнет беглеца.

Забыть это чувство, что ты побежден еще до начала борьбы. Забыть, что твой противник обладает необычайным даром. Забыть сложный переплет ткани с узелками событий. Забыть обо всем, помнить только одно — где и когда будет этот человек.

— Галерея Ластрема.— Эрлмен кивнул, потом крякнул: такси резко затормозило, пропуская зазевавшегося пешехода.— Сегодня там закрытый просмотр, вход по пригласительным билетам. Выставка откроется только завтра.— Он покосился на Дона, лицо того в неясном свете казалось еще более измученным.— Ты уверен, что он придет?

— Да.

— Но...— Эрлмен пожал плечами, но так и не задал вопроса, который рвался с языка.— «Выставка китайского искусства,— прочел он в помятом каталоге.— Керамика династий Мин, Хань и Маньчжу». Похоже. Ваза-то тоже Мин?

Дон кивнул, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Он был вымотан, выжат как лимон, но внутри росло ликование. Он *знает!* Как и почему — сам черт не разберет, но он *знает!* Клайгер сюда придет, голову на отсечение!

Предъявив свои значки, они миновали дотошного швейцара в ливрее, потом суетливого смотрителя и проследовали в длинный зал, где на сверкающих стеклянных витринах чинно и важно выстроились образчики старинного искусства.

— Завтра все они будут под стеклом,— пояснил смотритель,— но сегодня мы пригласили только избранных и можем себе позволить выставить экспонаты открыто.

— А зачем?— напрямик спросил Эрлмен.— Для чего это надо?

— Вы не знаток, сразу видно,— сказал смотритель.— Не то вы бы знали, что керамика не одними красками хороша. Ее надо еще и потрогать, не только на глаз насладиться, а и на ощупь. Наши посетители все больше коллекционеры, они в этом толк знают. И потом, когда керамика заперта в витрине, ее видно только с одной точки, а тогда всю ее красоту понять невозможно.— Он вдруг растревожился.— Вы не сказали, зачем вы здесь. Надеюсь, не случится ничего такого, чтобы...

— Вам беспокоиться не о чем.— Дон быстрым взглядом обвел галерею, лоб его прорезала складка.— Не обращайте на нас ровно никакого внимания.— В ответ на тревожный взгляд смотрителя Дон улыбнулся.— За одно ручаюсь: вашим экспонатам ничто не грозит.

Успокоенный смотритель поспешил по своим делам. Дон огляделся и решительно направился в дальний конец галереи.

— Будем ждать здесь. Сами укроемся за витринами, а нам будет видна вся галерея. Когда он придет, иди к лестнице, Макс, отрежь ему отступление.

Эрлмен что-то буркнул в знак согласия, но чуть замешкался, не донеся до губ сигарету.

— Как же так, Дон? Как же это Клайгер сам полезет в мышеловку? Ведь он должен знать, что мы ждем его тут?

— Он хочет посмотреть эту выставку.

— Но ведь...

— Другого случая хорошенько разглядеть и потрогать руками все эти вещи у него не будет. Для него это очень важно, а почему — понятия не имею.— Дон говорил резко, отрывисто.— Но он придет, я знаю.

Звучало все это здраво и убедительно, но Дон знал: Клайгер придет вовсе не поэтому. Он хочет увидеть керамику, это верно, но неужели ему настолько этого хочется, что и опасность не страшна? И если так, то почему? И почему именно сегодня?

Дон ждал, стоя среди сверкающих стеклянных витрин и творений древних гончаров, не сводя глаз с длинной галереи, и никак не мог найти ответ на этот неотвязный вопрос. Казалось, это просто нелепица, но он знал, что ему только так кажется.

Наконец явились первые посетители, они осматривали керамику, слышался сдержанный гул голосов, а Дон все ломал себе голову над мудреной загадкой.

Ведь Клайгер знает, что идет прямо в западню.

И все-таки он придет, это несомненно.

Значит, если Дон не ошибается — а он, конечно, не ошибается,— ради этой выставки Клайгер готов лишиться даже свободы.

Свободы или даже...

Рядом Бронсон привычно вороватым движением сунул руку под мышку, и Дон свирепо зашипел сквозь зубы:

— Никакой стрельбы! Понятно? Без тебя обойдется!

В душе он проклинал холодную, бездушную логику Пенна. В войну самое разумное — уничтожать все, чем нельзя воспользоваться, чтобы оно не попало в руки врага; но ведь сейчас не война и речь идет не о машинах и не о боеприпасах.

Клайгер наверняка знает, что рискует жизнью.

Дон вздрогнул: Эрлмен стиснул его руку и кивком указал в конец галереи, глаза его на изможденном лице сверкнули.

— Гляди,— чуть слышно шепнул он.— Вон там, у той витрины. Видишь?

Клайгер!

Он был... совсем обыкновенный. В пылу охоты Дон рисовал его себе то ли сверхчеловеком, то ли чудовищем, но вот он стоит и не сводит глаз с какого-то горшка, обожженного в ту пору, когда западной цивилизации не было еще и в помине, и ничего сверхъестественного в его облике нет — самый обыкновенный человек, только больше обычного увлекается вещами, которые кажутся красивыми лишь немногим.

И однако он знает нечто такое, что делает его величайшей угрозой для безопасности Запада.

— Поймали!— раздался ликующий шепот Эрлмена.— Ты опять попал, Дон! В самую точку!

— На место!— Грегсон не отрывал глаз от тщедушного человека, за которым так долго охотился.— Стань у двери, вдруг он вздумает удирать. Сам знаешь, что́ надо делать.

— Знаю.— Эрлмен чуть помедлил.— А Бронсон?

— Это моя забота.

Дон выждал, пока Эрлмен, словно гуляя, прошелся мимо витрин и небрежно облокотился о перила дальней лестницы. Понятно, что Макс сейчас вздохнул с облегчением: они проработали вместе восемь лет, и его неудача была бы в какой-то мере и неудачей Эрлмена.

Но все отлично удалось.

И, упиваясь сладостью победы, Дон двинулся вперед, он почти забыл, что по пятам идет Бронсон. Клайгер не обернулся. Держал в руках плоскую широкую чашу, осторожно поглаживал ее края и любовался яркими красками, не выцветшими за века.

— Клайгер!

Тот медленно поставил чашу на место.

— Не пытайтесь бежать. Не сопротивляйтесь. Не делайте глупостей,— мрачно прошептал Дон.— Вам все равно не уйти.

— Знаю.

— К вашему сведению, я из ЦРУ.

— Знаю.

— Это тупик, Клайгер.

— Знаю.

Его спокойный, бесстрастный тон злил Грегсона. Ему бы клянчить, ругаться, спорить, а он твердит, как попугай, одно и то же. Дон в ярости схватил его за плечо и повернул лицом к себе.

— Может, вы вообще все на свете знаете?

Клайгер не ответил. Он опустил тяжелые веки, и Дон вспомнил, как описывал эти глаза Левкин. «Удивительные»,— сказал тогда антиквар, но это было не то слово. Затравленные. Иначе не скажешь.

Затравленный.

— Что вы собираетесь со мной сделать?— Клайгер раскрыл глаза и взглянул прямо в мрачное лицо охотника.

Дон пожал плечами.

— К чему вопросы? Ведь вы как будто и сами все наперед знаете.

— Я ясновидец,— спокойно сказал Клайгер.— Я умею видеть будущее, но ведь и вы тоже умеете. А вы? Вы все знаете?

— Я...— Дон проглотил комок в горле.— *Что вы сказали?*

— А иначе откуда бы вы узнали, что я сюда приду? Именно узнали, а не догадались. Вы так же точно знали, что найдете меня здесь, как я точно знаю, что...

— Ну, дальше, дальше!

— У вас тоже есть этот дар. Вы знали, что я буду здесь в этот час, значит, вы «видели» будущее. Может быть, не очень далеко и не очень отчетливо, но вы его видели. Каких вам еще доказательств?

— Но я просто был уверен, что... Так, значит, вот как оно действует, ясновидение!

— У вас, видимо, так. У других, возможно, не совсем так. Но если вы твердо убеждены, что в такую-то минуту произойдет такое-то событие или хотя бы что оно наверняка произойдет, пускай чуть раньше или чуть позже, значит, вы обладаете даром, который так высоко ценит генерал

Пенн.— Клайгер горько усмехнулся.— Только ничего хорошего от этого не ждите.

Дон помотал головой, в ней просто не умещалось все, что обрушилось на него за одну минуту. Рядом Бронсон переступил с ноги на ногу. Вокруг никого не было, все посетители отошли к другим витринам, и они остались втроем, точно на необитаемом острове.

— Я с вами не пойду,— объявил Клайгер.— Хватит с меня Дома Картрайта.

— У вас нет выбора.

Клайгер улыбнулся.

— Вы забываете, что тут нет речи о выборе,— сказал он мягко.— Я просто знаю. Мы с генералом никогда больше не увидимся.

Бронсон глухо зарычал.

Он был как молния, но Дон оказался еще быстрей. Подстегнутый каким-то неведомым шестым чувством, он круто обернулся, едва блеснул поднятый пистолет, вцепился в руку Бронсона — и выворачивал ее, силясь отвести злобное черное дуло от цели. Мышцы напряглись до предела, потом что-то треснуло, точно сухой сук под ногой: сломалась кость. Пистолет выпал из оцепеневших пальцев Бронсона, он раскрыл рот, но Дон ударил его ребром ладони по шее, и немой рухнул на пол.

Дон схватил пистолет, с трудом поднял бесчувственного Бронсона и поддерживал его, насилу одолевая в себе нахлынувшую ненависть. Как он ненавидит этого Бронсона, который тем только и жив, что мстит всему миру за свое увечье! Как ненавидит Пенна, который обратил этого немого психопата и ему подобных в цепных псов! Сделал их убийцами во имя священной целесообразности: они надежны, потому что не могут проболтаться.

Во всей галерее один только Эрлмен видел, что́ произошло. Он подбежал к Грегсону и ожегся о его горящие глаза.

— Убери эту дрянь, живо!

— Значит, пришлось ему все-таки попытаться! — Эрлмен перехватил у Дона бесчувственное тело.— Пенн будет от тебя просто в восторге!

Дон сквозь зубы с шумом втянул в себя воздух, стараясь подавить прилив ненависти.

— Отвези его обратно в отель. Из-за Пенна я еще успею поволноваться.

— А Клайгер?

— Предоставь его мне.

В неистовстве этих последних минут Дон чуть не забыл про Клайгера. Тот стоял перед какой-то вазой и разглядывал эту древность, будто спешил упиться ее красотой и навеки запечатлеть в памяти. Он осторожно поднял вазу, завороженный неповторимым искусством старого мастера, и Дон вдруг ощутил ком в горле — он понял.

Пенн не доверял женщинам. Секретарь у него был мужчина, как и все его сотрудники. Он только глянул на Дона и потянулся к звонку.

— Не трудитесь.— Дон прошел мимо него к двери во внутренний коридор.— Просто скажите генералу, что я иду.

— Но...

— Как же, по-вашему, я прошел в здание и добрался до вас?— Дон пожал плечами.— Попытайтесь-ка сообразить.

Пенн был не один. У него в кабинете сидел Эрлмен, горестно дымя сигаретой, и лицо у него было еще более измученное, чем прежде. Видно, он

первый попал генералу под горячую руку. Дон захлопнул за собой дверь и широко улыбнулся Эрлмену.

— Привет, Макс! Кажется, тебе здорово досталось.

— Дон!— Эрлмен вскочил.— Где ты пропадал? Ведь уже больше недели прошло! Где Клайгер?

— Клайгер?— Дон улыбнулся.— Он где-нибудь в Советском Союзе, и сейчас его, должно быть, допрашивают при помощи всех детекторов лжи, какие только есть на свете.

Минуту в комнате стояла зловещая тишина, потом Пенн наклонился вперед.

— Ладно, Грегсон, пошутили, и хватит. А теперь подавайте мне Клайгера или получайте по заслугам.

— Я не шучу.— Дон угрюмо взглянул прямо в глаза генералу.— Всю прошлую неделю я только тем и занимался, что толковал с Клайгером, устраивал ему переход границы и сбивал со следа ваших ищеек.

— Предатель!

Дон не отвечал.

— Гнусный, подлый предатель!— Пенн вдруг заговорил с ледяным спокойствием, и оно было куда страшней его ярости.— Конечно, у нас демократическая страна, Грегсон, но мы умеем защищаться. Зря вы не отправились к вашим друзьям вместе с Клайгером, так было бы для вас безопаснее.

— К друзьям! По-вашему, это я для них старался?

Дон опустил глаза, оказалось, руки его дрожат. Тогда с рассчитанной медлительностью он сел и зажег сигарету, дожидаясь, чтобы бешенство немного улеглось.

— Вы требуете лояльности,— сказал он наконец.— Слепой, безоговорочной, не рассуждающей. По-вашему, кто не с вами, тот непременно с вашим врагом, но вы ошибаетесь. Существует верность, которая превыше верности отдельному человеку, государству или группе государств. Это верность человечеству. И да настанет день, когда это поймут все!

— Дон!

Эрлмен рванулся было к нему, но Дон только рукой махнул: сиди, мол.

— Ты слушай, Макс, и вы тоже, генерал. Слушайте и постарайтесь понять.

Он умолк, глубоко затянулся сигаретой, в обычно непроницаемом лице его теперь явно сквозила усталость.

— Ключ к загадке кроется в той вазе,— сказал он.

— Которую он украл в антикварной лавке?— Эрлмен кивнул.— А почему, Дон? На что она ему сдалась?

Дон понимал, что Макс старается заслонить его от генеральского гнева, и вдруг обрадовался, что он тут не один. Останься он с Пенном с глазу на глаз, тот, возможно, и слушать бы ничего не стал.

— Клайгер видит будущее,— продолжал Дон.— Не забывайте об этом. В Доме Картрайта он был звездой первой величины, и он пробыл там десять лет. И вдруг ни с того ни с сего надумал уйти. И ушел. Украл деньги — жить-то надо — и украл редкую вазу, он ведь любитель таких диковинок... И весь секрет в том, почему он ее украл.

— Вор!— фыркнул Пенн.— Он просто вор. Вот вам и весь секрет.

— Нет,— спокойно возразил Дон.— Суть в том, что каждый час был на счету, и он это знал.

Оба в изумлении уставились на него. Они ничего не поняли, даже Эрлмен, тем более Пенн, а ведь для Дона все было ясно как дважды два, убийственно ясно.

— Поступки человека вытекают из его характера,— пояснил Дон.— В определенных условиях он будет действовать определенным образом, и это можно предусмотреть. А каков характер у Клайгера? Тихий, кроткий, безобидный, что ему ни скажи — без звука выполнит и ничего не спросит. Так он и жил все десять лет, пока его обучали и натаскивали, чтобы «видел» все дальше и яснее. И вот в один прекрасный день он «увидел» в будущем такое, что привело его в совершенное отчаяние, да настолько, что правила и привычки всей жизни полетели кувырком. Он уговорил остальных помочь ему удрать. Они вообразили, что он и им хочет помочь, а может быть, решили нам что-то доказать, теперь это уже неважно. Важен Клайгер. Он удрал. Он воровал. Он старался каждую свою минуту заполнить тем, что для него высшая красота. Человек иного склада кинулся бы пить, играть в карты, гонялся бы за женщинами, а Клайгер помешан на старине, на всяких редкостях. Вот он и украл старинную китайскую вазу.

— Да почему?— Пенн неволько тоже заинтересовался.

— Потому что увидел последнюю войну.

Дон подался вперед, забытая сигарета погасла, глаза горели — во что бы то ни стало надо заставить их понять правду.

— Он увидел: конец всему. Увидел собственную смерть, и ему захотелось, бедняге, перед смертью хоть немножко пожить.

Все было разумно. Даже Пенн это понял. Он еще раньше просмотрел все секретные данные о Клайгере, подробнейший отчет о его поведении за все годы, психологический анализ каждого его шага и поступка и соответствующие выводы. Служба безопасности знает свое дело.

— Это...— Пенн с усилием проглотил комок в горле.— Этого не может быть!

— Это чистая правда.— Дон зажег потухшую сигарету.— Он мне рассказал — у нас было вдоволь времени для разговоров. А не то как бы мы его поймали? Он бы вовек нам не попался, была бы только охота. Но ему надоело, и страх одолел, ужас смертный. Он непременно хотел посмотреть выставку — и ждал, что пуля Бронсона его прикончит.

— Постой, постой!— Эрлмен нахмурился, недоуменная складка прорезала его лоб.— Ни один человек в здравом уме не пойдет сам навстречу смерти. Это же просто бред!

— Вот как?— мрачно спросил Дон.— Пораскинь-ка мозгами.

— Оно конечно, пуля — штука аккуратная: раз — и готово,— рассуждал Эрлмен.— Но ведь он же не умер! Ты ж помешал Бронсону!

— Вот тут-то я и стал «предателем».— Дон раздавил окурок.— Я помешал Бронсону и этим доказал, что будущее можно изменить, что даже такой провидец, как Клайгер, предвидит только возможное, но не неизбежное. И у нас появилась надежда, у нас обоих.

Он встал и поглядел сверху вниз на Пенна, обмякшего в кресле, стараясь не замечать бешеного, ненавидящего взгляда генерала. Тут тревожиться было не о чем.

— Иначе быть не могло. Если мы хотим избежать того, что увидел Клайгер, надо сломать привычные рамки. И я переправил его к красным, он готов выполнить свой долг. Они узнают правду.

— Они переймут все наши находки!— Пенн вскочил на ноги.— Они создадут такие же объекты, и мы лишимся самого большого нашего преимущества. Да вы понимаете, что вы наделали, Грегсон?

— Я открыл окно в будущее — и для них, и для нас. Последней войне не бывать!

— Вот ловкач!— Пенн даже не пытался скрыть злобную издевку.— Ну и ловкач! Взял да и распорядился, никого не спросясь. Ты у меня за это подохнешь как собака!

— Нет, генерал,— покачал головой Дон.— Не подохну.

— Не надейся! Сейчас отдам приказ, и тебя расстреляют!

Дон улыбнулся, наслаждаясь своей новой, непреложной уверенностью в будущем.

— Нет,— сказал он.— Не расстреляют.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

БИТВА [1]

Верховный главнокомандующий Феттерер стремительно вошел в оперативный зал и рявкнул:

— Вольно!

Три его генерала послушно встали вольно.

— Лишнего времени у нас нет,— сказал Феттерер, взглянув на часы.— Повторим еще раз предварительный план сражения.

Он подошел к стене и развернул гигантскую карту Сахары.

— Согласно наиболее достоверной теологической информации, полученной нами, Сатана намерен вывести свои силы на поверхность вот в этом пункте.— Он ткнул в карту толстым пальцем.— В первой линии будут дьяволы, демоны, суккубы, инкубы и все прочие того же класса. Правым флангом командует Велиал, левым — Вельзевул. Его Сатанинское Величество возглавит центр.

— Попахивает средневековьем,— пробормотал генерал Делл.

Вошел адъютант генерала Феттерера. Его лицо светилось счастьем при мысли об Обещанном Свыше.

— Сэр,— сказал он,— там опять священнослужитель.

— Извольте стать смирно,— строго сказал Феттерер.— Нам еще предстоит сражаться и победить.

— Слушаю, сэр,— ответил адъютант и вытянулся. Радость на его лице поугасла.

— Священнослужитель, гм?— Верховный главнокомандующий Феттерер задумчиво пошевелил пальцами.

После Пришествия, после того, как стало известно, что грядет Последняя Битва, труженики на всемирной ниве религий стали сущим наказанием. Они перестали грызться между собой, что само по себе было похвально, но, кроме того, они пытались забрать в свои руки ведение войны.

— Гоните его,— сказал Феттерер.— Он же знает, что мы разрабатываем план Армагеддона.

— Слушаю, сэр,— сказал адъютант, отдал честь, четко повернулся и вышел, печатая шаг.

---

[1] Печатается по изд.: Шутник: Сборник научно-фантастических произведений о роботах.— М.: Мир, 1971.

— Продолжим,— сказал верховный главнокомандующий Феттерер.— Во втором эшелоне Сатаны расположатся воскрешенные грешники и различные стихийные силы зла. В роли его бомбардировочной авиации выступят падшие ангелы. Их встретят роботы-перехватчики Делла.

Генерал Делл угрюмо улыбнулся.

— После установления контакта с противником автоматические танковые корпуса Мак-Фи двинутся на его центр, поддерживаемые роботопехотой генерала Онгина,— продолжал Феттерер.— Делл будет руководить водородной бомбардировкой тылов, которая должна быть проведена максимально массированно. Я по мере надобности буду в различных пунктах вводить в бой механизированную кавалерию.

Вернулся адъютант и вытянулся по стойке смирно.

— Сэр,— сказал он,— священнослужитель отказался уйти. Он заявляет, что должен непременно поговорить с вами.

Верховный главнокомандующий Феттерер хотел было сказать «нет», но заколебался. Он вспомнил, что это все-таки Последняя Битва и что труженики на ниве религий действительно имеют к ней некоторое отношение. И он решил уделить священнослужителю пять минут.

— Пригласите его войти,— сказал он.

Священнослужитель был облачен в обычные пиджак и брюки, показывавшие, что он явился сюда не в качестве представителя какой-то конкретной религии. Его усталое лицо дышало решимостью.

— Генерал,— сказал он,— я пришел к вам как представитель всех тружеников на всемирной ниве религий — патеров, раввинов, мулл, пасторов и всех прочих. Мы просим вашего разрешения, генерал, принять участие в Битве Господней.

Верховный главнокомандующий Феттерер нервно забарабанил пальцами по бедру. Он предпочел бы остаться в хороших отношениях с этой братией. Что ни говори, а даже ему, верховному главнокомандующему, не повредит, если в нужный момент за него замолвят доброе слово...

— Поймите мое положение,— тоскливо сказал Феттерер.— Я — генерал, мне предстоит руководить битвой...

— Но это же Последняя Битва,— сказал священнослужитель.— В ней подобает участвовать людям.

— Но они в ней и участвуют,— ответил Феттерер.— Через своих представителей, военных.

Священнослужитель поглядел на него с сомнением. Феттерер продолжал:

— Вы же не хотите, чтобы эта битва была проиграна, не так ли? Чтобы победил Сатана?

— Разумеется, нет,— пробормотал священник.

— В таком случае мы не имеем права рисковать,— заявил Феттерер.— Все правительства согласились с этим, не правда ли? Да, конечно, было бы очень приятно ввести в Армагеддон массированные силы человечества. Весьма символично. Но могли бы мы в этом случае быть уверенными в победе?

Священник попытался что-то возразить, но Феттерер торопливо продолжал:

— Нам же неизвестна сила сатанинских полчищ. Мы обязаны бросить в бой все лучшее, что у нас есть. А это означает — автоматические армии, роботы-перехватчики, роботы-танки, водородные бомбы.

Священнослужитель выглядел очень расстроенным.

— Но в этом есть что-то недостойное,— сказал он.— Неужели вы не могли бы включить в свои планы людей?

Феттерер обдумал эту просьбу, но выполнить ее было невозможно. Детально разработанный план сражения был совершенен и обеспечивал верную победу. Введение хрупкого человеческого материала могло только все испортить. Никакая живая плоть не выдержала бы грохота этой атаки механизмов, высоких энергий, пронизывающих воздух, всепожирающей силы огня. Любой человек погиб бы еще в ста милях от поля сражения, так и не увидев врага.

— Боюсь, это невозможно,— сказал Феттерер.

— Многие,— сурово произнес священник,— считают, что было ошибкой поручить Последнюю Битву военным.

— Извините,— бодро возразил Феттерер,— это пораженческая болтовня. С вашего разрешения...— Он указал на дверь, и священнослужитель печально вышел.

— Ох, уж эти штатские,— вздохнул Феттерер.— Итак, господа, ваши войска готовы?

— Мы готовы сражаться за Него,— пылко произнес генерал Мак-Фи.— Я могу поручиться за каждого автоматического солдата под моим началом. Их металл сверкает, их реле обновлены, аккумуляторы полностью заряжены. Сэр, они буквально рвутся в бой.

Генерал Онгин вышел из задумчивости.

— Наземные войска готовы, сэр.

— Воздушные силы готовы,— сказал генерал Делл.

— Превосходно,— подвел итог генерал Феттерер.— Остальные приготовления закончены. Телевизионная передача для населения всего земного шара обеспечена. Никто, ни богатый, ни бедный, не будет лишен зрелища Последней Битвы.

— А после битвы...— начал генерал Онгин и умолк, поглядев на Феттерера.

Тот нахмурился. Ему не было известно, что должно произойти после битвы. Этим, по-видимому, займутся религиозные учреждения.

— Вероятно, будет устроен торжественный парад или еще что-нибудь в этом роде,— ответил он неопределенно.

— Вы имеете в виду, что мы будем представлены... Ему?— спросил генерал Делл.

— Точно не знаю,— ответил Феттерер,— но вероятно. Ведь все-таки... Вы понимаете, что я хочу сказать.

— Но как мы должны будем одеться?— растерянно спросил генерал Мак-Фи.— Какая в таких случаях предписана форма одежды?

— Что носят ангелы?— осведомился Феттерер у Онгина.

— Не знаю,— сказал Онгин.

— Белые одеяния?— предположил генерал Делл.

— Нет,— твердо ответил Феттерер.— Наденем парадную форму, но без орденов.

Генералы кивнули. Это отвечало случаю.

И вот пришел срок.

В великолепном боевом облачении силы Ада двигались по пустыне. Верещали адские флейты, ухали пустотелые барабаны, посылая вперед призрачное воинство. Вздымая слепящие клубы песка, танки-автоматы генерала Мак-Фи ринулись на сатанинского врага. И тут же бомбардировщики-автоматы Делла с визгом пронеслись в вышине, обрушивая бомбы на легионы погибших душ. Феттерер мужественно бросал в бой свою механическую кавалерию. В этот хаос двинулась роботопехота Онгина, и металл сделал все, что способен сделать металл.

Орды адских сил врезались в строй, раздирая в клочья танки и роботов. Автоматические механизмы умирали, мужественно защищая клочок песка. Бомбардировщики Делла падали с небес под ударами падших ангелов, которых вел Мархозий, чьи драконьи крылья закручивали воздух в тайфуны.

Потрепанная шеренга роботов выдерживала натиск гигантских злых духов, которые крушили их, поражая ужасом сердца телезрителей во всем мире, не отводивших зачарованного взгляда от экранов. Роботы дрались как мужчины, как герои, пытаясь оттеснить силы зла.

Астарот выкрикнул приказ, и Бегемот тяжело двинулся в атаку. Велиал во главе клина дьяволов обрушился на заколебавшийся левый фланг генерала Феттерера. Металл визжал, электроны выли в агонии, не выдерживая этого натиска.

В тысяче миль позади фронта генерал Феттерер вытер дрожащей рукой вспотевший лоб, но все так же спокойно и хладнокровно отдавал распоряжения, какие кнопки нажать и какие рукоятки повернуть. И великолепные армии не обманули его ожиданий. Смертельно поврежденные роботы поднимались на ноги и продолжали сражаться. Разбитые, сокрушенные, разнесенные в клочья завывающими дьяволами, роботы все-таки удержали свою позицию. Тут в контратаку был брошен Пятый корпус ветеранов, и вражеский фронт был прорван.

В тысяче миль позади линии огня генералы руководили преследованием.

— Битва выиграна,— прошептал верховный главнокомандующий Феттерер, отрываясь от телевизионного экрана.— Поздравляю, господа.

Генералы устало улыбнулись.

Они посмотрели друг на друга и испустили радостный вопль. Армагеддон был выигран и силы Сатаны побеждены.

Но на их телевизионных экранах что-то происходило.

— Как! Это же... это...— начал генерал Мак-Фи и умолк.

Ибо по полю брани между грудами исковерканного, раздробленного металла шествовала Благодать.

Генералы молчали.

Благодать коснулась изуродованного робота.

И роботы зашевелились по всей дымящейся пустыне. Скрученные, обгорелые, оплавленные куски металла обновлялись.

И роботы встали на ноги.

— Мак-Фи,— прошептал верховный главнокомандующий Феттерер.— Нажмите на что-нибудь — пусть они, что ли, на колени опустятся.

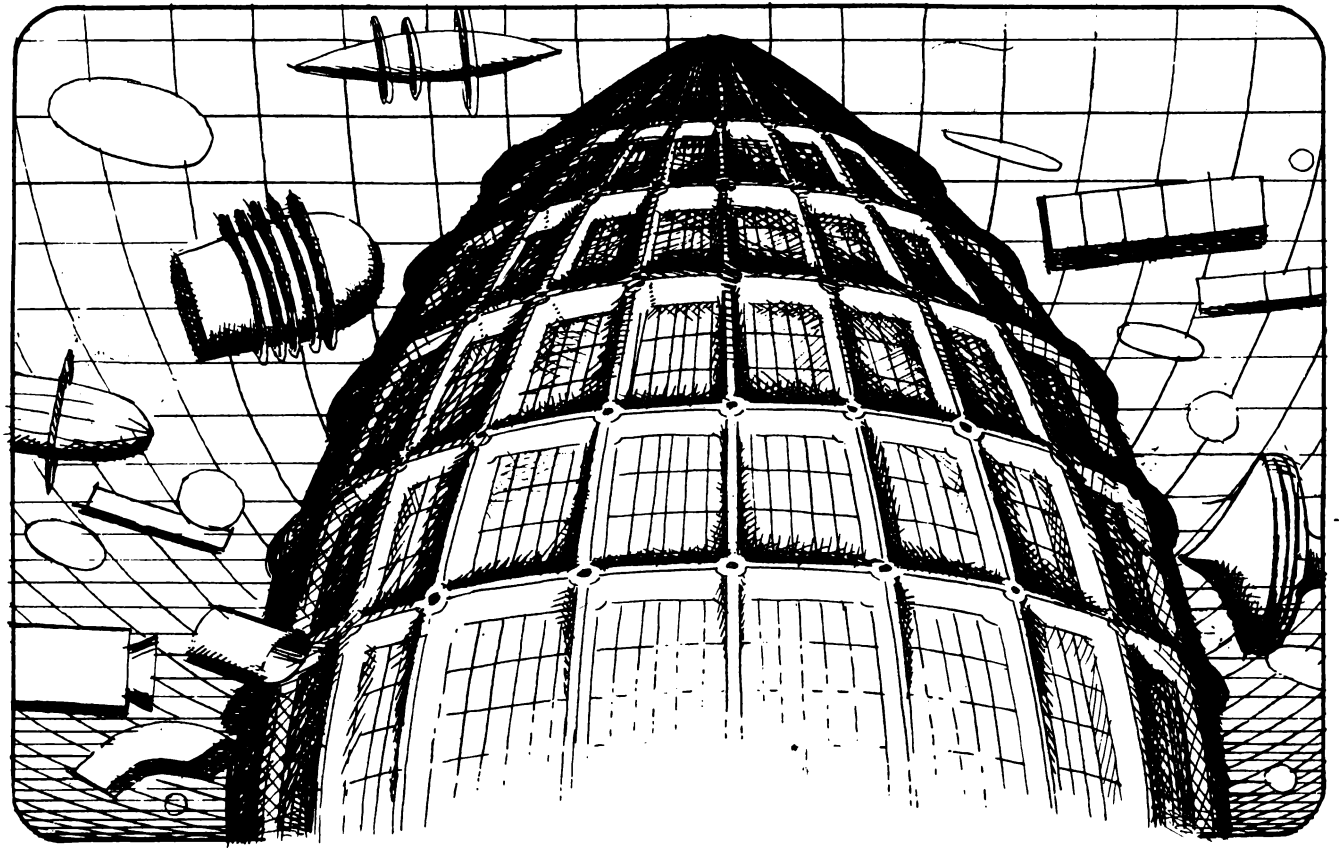
Генерал нажал, но дистанционное управление не работало.

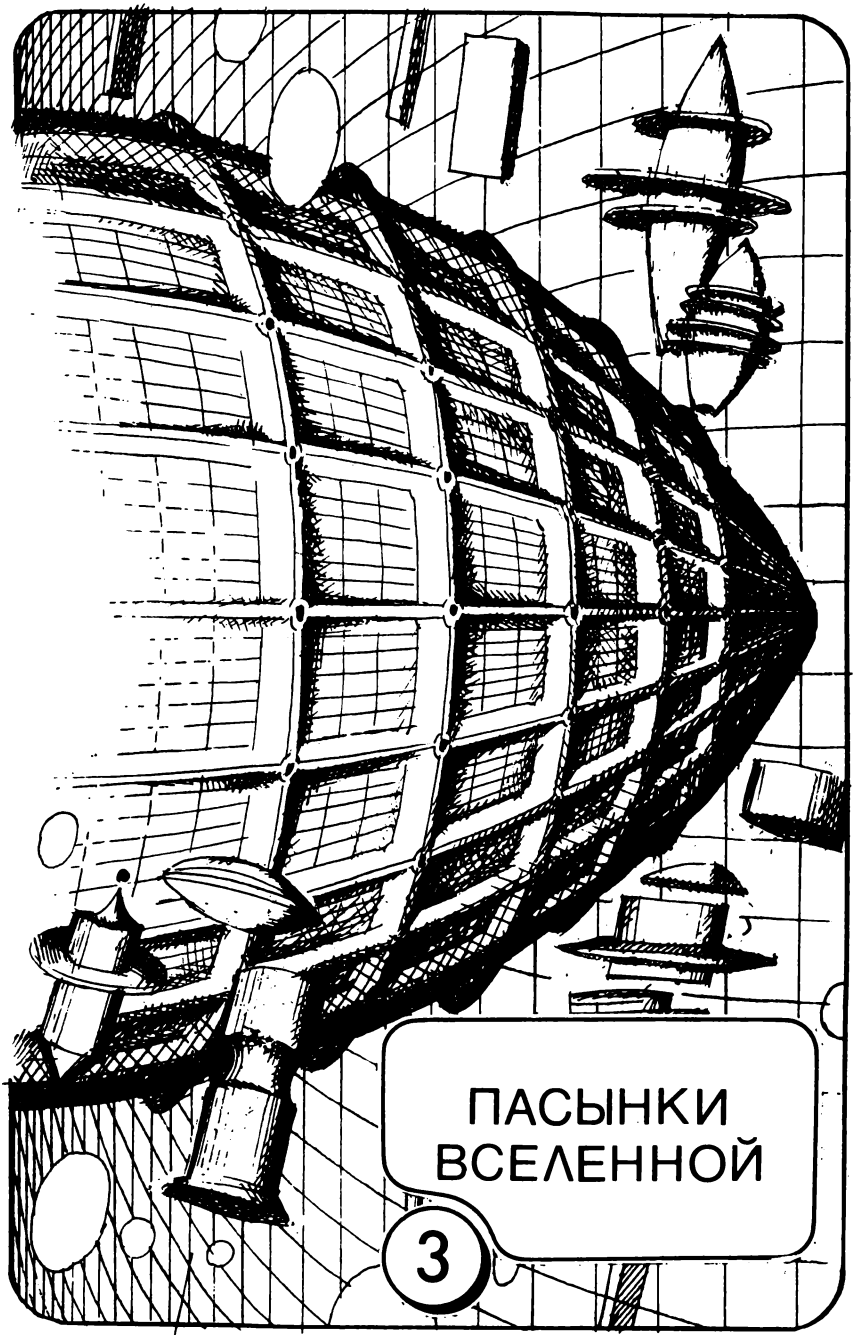
А роботы уже воспарили к небесам. Их окружали ангелы господни, и роботы-танки, роботопехота, автоматические бомбардировщики возносились все выше и выше.

— Он берет их заживо в рай!— истерически воскликнул Онгин.— Он берет в рай роботов!

— Произошла ошибка,— сказал Феттерер.— Быстрее! Пошлите офицера связи... Нет, мы поедем сами.

Мгновенно был подан самолет, и они понеслись к полю битвы. Но было уже поздно: Армагеддон кончился, роботы исчезли, и Господь со своим воинством удалился восвояси.

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

3

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ [1]

«Экспедиция к Проксиме Центавра, организованная Фондом Джордана в 2119 году, была первой в истории попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О судьбе, постигшей экспедицию, можно только догадываться...»

Фрэнк Бак. Романтики современной астрографии, изд-во «Люкс Лимитед».

Часть I. ВСЕЛЕННАЯ

— Осторожно! Мьют!

Кусок железа врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что, не промахнись пращник, пробил бы ее наверняка. Хью Хойланд резко пригнулся, оттолкнулся ногами от пола и, пролетев несколько метров по коридору, выхватил нож. Перевернувшись в воздухе у поворота, он встал на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

— Ушел?— спросил Алан Махони.

— Ушел,— ответил Хойланд.— Я видел, как он нырнул в люк. Кажется, у него было четыре ноги.

— Четыре или две, нам все равно теперь не поймать мьюта,— сказал Морт Тайлер.

— Вот еще, ловить его!— воскликнул Махони.— На кой Хафф он нам сдался!

— А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чем,— ответил Хойланд.— Клянусь Джорданом, возьми он на два дюйма ниже, быть бы мне в Конвертере.

— Перестаньте через каждые два слова богохульничать,— укоризненно сказал Тайлер.— Слышал бы вас Капитан!— И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

— Джордана ради,— резко ответил Хойланд,— не умничай, Морт. Тебя еще не произвели в ученые, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха в том, чтобы иногда дать выход чувствам. Даже ученые так выражаются в сердцах, я сам слышал.

---

[1] Печатается по изд.: Вокруг света. 1977. № 1—5.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

— Слушай, Хью,— Махони дернул Хойланда за руку.— Давай уйдем отсюда. Мы так высоко никогда еще не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

— Ладно, малыш,— согласился он.— Впереди дорога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал плавно спускаться на палубу пятнадцатью футами ниже. Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз — через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся, и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

— Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдем лестницами.

— Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

— Отсюда до фермы палуб семьдесят,— ответил Тайлер.

— А ты почем знаешь?— подозрительно спросил Махони.

— Знаю, потому что считал, балда ты этакая.

— Ну да! Считать умеют только ученые. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже все знаешь?

Хойланд вмешался, прежде чем спор перерос в ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать. Морт на такие дела мастак. Да и, судя по тяжести, он прав.

— А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет?— не унимался Алан.

— Заткнись, тебе говорят. Ты что, Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещенный ярус, где расстояние между палубами было раза в два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и теплый.

— Наконец-то...— сказал Хью.— Однако я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

— А вон и какой-то фермер,— сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул:— Эй, приятель! Куда это мы попали?

Крестьянин не спеша оглядел всех троих, потом объяснил, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживленному тоннелю. Навстречу им попадались по большей части крестьяне, толкавшие перед собой груженые тележки. Потом они увидели, как в носилках, которые держали четверо здоровенных слуг, с достоинством покачивался ученый. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолюдинов... А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни — просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью направился в казармы кадетов — молодых холостяков, живущих отдельно от родителей. Он умылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошел, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

— Привет, Хью,— сказал дядя.— Опять бродил по окрестностям?

— Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

— Где был и что видел?

Тетя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже и в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок прежде, чем ответить.

— Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнес мне череп.

Дядя хмыкнул:

— Свернешь себе шею в этих трущобах, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал дня, когда я умру и оставлю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

— А вам разве не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался. Прошел всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню. И в Темном Секторе бывал, меня там мьюты разве что за пятки не хватали. Видишь шрам?

Хью видел этот шрам не в первый раз, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошел однажды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, все увидеть и все узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

— Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я ему должен трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду. .

— Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму, и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где был легкодоступен всем, нуждающимся в его услугах. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток, сидел на корточках за его спиной.

— Доброй еды,— сказал дядя.

— И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришел по делу или просто составить старику компанию?

— И то и другое,— дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

— Так в чем проблема?— сказал Свидетель.— В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овес,
Чтоб Эд свиней ему принес,
Как поросята подрастут,
Из них двух Джону отдадут.

Подросли поросята, Эдуард Хойланд?

— Подросли,— ответил дядя.— Но Блэк требует трех, а не двух.

— Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель свое слово сказал,— и старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд как мог удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя наконец поднялся, он сказал:

— Я задержусь ненадолго.

— Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

— Я принес вам подарок, Свидетель.

— Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

— Заходи,— сказал Свидетель и повернулся к ученику:— А ты принеси-ка кадету стул.

Хью начал рассказ, и старик тщательно выпытывал все касающееся его последних вылазок, ругая при этом Хью за неумение запоминать события до мельчайших подробностей.

— Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец,— Свидетель ткнул пальцем в ученика.— Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять мое место, когда умру. Да когда я был учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

— Ты хотел что-то спросить у меня, паренек?

— Вообще-то, да, Свидетель.

— Ну так выкладывай. Язык, что ли, проглотил?

— Вы когда-нибудь поднимались в невесомость?

— Кто, я? Конечно, нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить все, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

— Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

— А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже. Что же именно ты хочешь знать?

— Что именно?— Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И все-таки:— Какое в этом во всем предназначение, Свидетель? Зачем все эти ярусы над нами?

— Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не ученый.

— Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

— Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала — вот что тебе нужно.

— Их я уже не раз слышал.

— Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их. Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением.

Ученик облизал губы и начал:

Вначале был Джордан в
раздумье глубоком,
Вначале был Джордан во тьме
одинокой,
Из тьмы и безлюдства родилось
желанье,
Желанье затем перешло
в ожиданье,
Из ожиданья родился План —
Джордан решил, и час настал:
Из тьмы и мрака Он Корабль
создал!
Миля за милей уютных жилищ

И для плодов золотых
хранилищ.
Палубы, люки, свет и воздух —
Все для людей, еще
не созданных.
Вот человека сотворил Он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить
человек,
Плану великому посвятить свой
век.
Каждому Законом отведено
место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать цели,
Главное — чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним — говорить, другим —
слушать.
Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для черной
работы
И ученых для соблюдения
Плана.
Помазанник Джордана —
Капитан —
Человеческим родом стал
править сам.
Непорочен лишь Джордан,
а люди грешны.
Зависть, жадность и гордость
загрязнили умы.
Первым Хафф согрешил, будь
он проклят навек!
От него эту скверну вкусил
человек.
Разразился мятеж, и погиб
Капитан.
Кровью мучеников...

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

— Начинай снова!

— С самого начала?

— Нет, с той строки, с которой сбился.

Мальчик продолжал монотонно декламировать строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени. Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избежать Полета и положить начало племени мьютов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый Капитан.

Хью беспокойно заерзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в Священных Строках были ответы на все его вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в Дальний Полет? Разве Джордан не желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошел посыльный.

— Ученый хочет видеть Хью Хойланда,— отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон — ученый, отвечающий за духовное и физическое состояние сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

— Кадет Хойланд прибыл,— доложил он.

Ученый оторвался от завтрака и сказал:

— А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоем возрасте всегда можно съесть еще немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с Ученым ему еще не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступил к делу:

— Последнее время я совсем не видел тебя, сын мой. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Ученый заговорил снова:

— Хочешь, я сам тебе скажу. Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Хью пытался что-то промямлить, но ученый снова перебил:

— Ну ничего, ничего. Я вовсе не сержусь. Но просто все это заставило меня подумать, что тебе пора выбирать свое место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

— Сказать по правде, определенных планов нет, сэр.

— А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер? Собираешься жениться?

— Не знаю, сэр. Я бы не прочь, да и отец ее тоже, насколько мне известно. Вот только...

— Что «только»?

— Он хочет, чтобы я пошел к нему на ферму в ученики. Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел — это хорошее хозяйство.

— Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься...

— Сказать по правде, не знаю.

— Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я тебя научил читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдаю за тобой со дня твоего рождения. Воображение твое развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты прирожденный лидер и уже ребенком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел быть ученым.

Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова:

— Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

— Если я правильно вас понял, сэр, то у меня и выбора нет?

— Откровенно — да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа — значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род человеческий чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы своими

дарованиями. Теперь твое мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты стал охранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошел посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

— Да это же мои пожитки!— воскликнул Хью.

— Совершенно верно,— подтвердил Нельсон.— Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, заниматься под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-либо другого.

— О нет, сэр, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь... Ну, то есть вы против моей женитьбы?

— А, вот ты о чем...— безразлично ответил Нельсон.— Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но позволь предупредить, тебе будет не до нее.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже о Идрис Бакстер и своих дальних экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз оказывался в тупике и чувствовал себя еще больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны ученых было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышлениях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнатушку вошел Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо.

— Как идет учеба, мальчик?

— Да, пожалуй, нормально, сэр,— ответил Хью, отложив книгу в сторону.— Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

— Чего и следует ожидать,— невозмутимо ответил Нельсон.— Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооруженного знанием. Многое из того, что ты прочел, не понять без разъяснений и толкований. Чем ты сейчас занят?— Он взял книгу и посмотрел на обложку:— «Основы современной физики». Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвященному не разобраться в нем без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки при всем их духовном совершенстве придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до мозга костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто излагались у них аллегорическим языком. Возьми, например, Закон Всемирного Тяготения. Дошел ты уже до него?

— Да, я читал о нем.

— Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

— Я не увидел в нем никакого смысла,— робко сказал Хью.— Прошу прощения, сэр, но все это показалось мне какой-то белибердой.

— Вот блестящий пример того, о чем я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально. «Два тела притягивают друг друга пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь,— это человеческие тела. Масса — это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стари-

ков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью усмехнулся:

— Такая трактовка мне и в голову не приходила...

— Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

— У меня много вопросов, так сразу я даже с ними и не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

— Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И да и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос,— продолжал учитель, увлекшись.— Здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова «мьют». Некоторые ученые считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку — и это, безусловно, верно — начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но верно также и то, что в их жилах течет кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Темные века. Отсюда и «мьют» — «мутант». В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало еще нашего мудрого обычая — осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом.

Хью обдумывал услышанное, потом спросил:

— А почему же среди нас, людей, все еще появляются мутанты?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана — завершению Полета в нашем доме небесном, Далеком Центавре.

Хойланд напряженно свел брови:

— Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писаний говорят о Полете как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять?

Нельсон хмыкнул:

— Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется все остальное? Ответ ясен. Ты опять спутал древнюю аллегорию с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль — это Вселенная. Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся все ближе и ближе к божественному предначертанию Плана Джордана.

— Я, кажется, понимаю,— кивнул Хью.

— Видишь ли, Джордан мог создать Вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля. Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевернутом вверх дном мире, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические чудовища. Они называли этот вымышленный мир «небом», или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Я думаю, что все это делалось к вящей славе Джордана. И кому дано судить, по нраву Ему были эти меч-

ты или нет? Но в наш просвещенный век на нас возложена более серьезная работа, чем на наших предков.

Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

— Если мьюты — плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы ученый ответил:

— Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа. Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определенного числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Видишь, в Плане Джордана даже мьютам отведено место.

Аргументация казалась убедительной, но все же не до конца. Во всяком случае для Хью.

Но когда его как младшего ученого допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была необременительная. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками изо всех деревень, да вести учет поступлениям. Но, работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного Инженера, который был совсем ненамного его старше.

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

— Заруби себе на носу, малыш,— сказал ему Эртц,— что наша работа — это практическое дело для практически мыслящих людей. Забудь всю эту романтическую чепуховину. План Джордана, тоже мне! Все эти россказни только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клюй. Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия, которыми ведаем мы, ученые. Экипажу без них не прожить, что касается этой мягкотелой терпимости по отношению к мьютам, то, помяни мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует примкнуть к группировке молодых ученых. Молодые создали свою собственную, крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих, работящих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всем Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в ученые, не оказавшийся способным воспринять их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что случалось еще чаще, был обвинен в серьезном служебном проступке и оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые ученые были правы.

Они были реалистами. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто Его видел? Кто с Ним хоть раз беседовал? И в чем это заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живет и уходит в Конвертер... Все очень просто, безо всяких мистерий, божественных Полетов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времен, когда человек еще не умел разобраться

в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно ее воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочей мифологией, которую ранее привык почитать. Священные строки из Книги Начала и все эти старые сказки о Земле — это еще что за хаффовщина, «Земля» какая-то?— теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети да тупицы.

Да и работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, среди которых первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они и сами толком не представляли себе, чем займутся после этого, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы. Молодежи удавалось проводить свои планы в жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение ученых мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а всеми делами от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых. Главного Инженера Хью за все это время видел всего один раз, да и то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьютов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одной из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мьют стрелял из пращи лучше, чем первый. Спутники Хойланда сочли его мёртвым и оставили на поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо — правая голова — заподозрил, что Джим — левая голова — передергивает. Они поссорились, но потом помирились, поскольку давно уже поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

— Входи!— рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший вошел спиной — все знали, что к Джо-Джиму входить можно было только так, чтобы сразу не угостили ножом.

Вошедший был приземист — не выше четырех футов — и коренаст. В нем чувствовалась гигантская физическая сила. На широких его плечах лежало обмякшее человеческое тело.

Джо-Джим убрал нож.

— Положи его на пол, Бобо,— приказал Джим.

— И закрой за собой дверь,— добавил Джо.

— Съедим, а?— На полуоткрытых губах Бобо выступила слюна.

— Может быть, и съедим,— неуверенно ответил Джим.— Это ты его подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

— Хорошо, Бобо,— одобрительно сказал Джо.— Куда попал?

— Бобо попал ему сюда,— карлик ткнул толстым пальцем чуть ниже грудной клетки пленника.

— Метко,— одобрил Джим.— Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не попали.

— Бобо меткий,— охотно согласился карлик.— Показать?— И он достал пращу.

— Уймись,— беззлобно сказал Джо.— Нам показывать не надо. А вот его хорошо бы заставить говорить.

— Бобо сделает,— согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо-Джим отогнал его пинком и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

— Съедим, а?— стоял на своем Бобо.

— Нет,— ответил Джо.

— Ты когда ел в последний раз?— осведомился Джим.

Бобо потер живот и печально затряс головой, всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса. Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

— А теперь убирайся,— приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

— Говори,— сказал Джим,— кто ты, Хафф тебя дери?

Юноша вздрогнул, медленно провел рукой по голове, потом увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений. Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножнам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

— Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твое имя?— спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвел глазами комнату.

— А что с ним возиться?— сказал Джим.— На мясо только и годится. Давай лучше позовем Бобо.

— С этим всегда успеется,— ответил Джо.— Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут?

Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ничего не говорит,— заметил Джим.— Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мьютов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

— Хафф с ним,— буркнул Джо.— Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

— Так что, прикончим?

— Не сейчас. Пока просто запрем.

Джо-Джим открыл дверь маленькой каморки, впихнул в нее Хью и, заперев, вернулся к игре.

Хью растянулся на полу и погрузился в невеселые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно. Сколько он пробыл взаперти, Хью уже не мог понять. Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке, Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска немного оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

— Будешь говорить?— поинтересовался Джим.

Хойланд открыл рот, но не мог вымолвить ни звука.

— Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип,— сказал

Джо своему близнецу. Потом он повернулся к Хью:— Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и изо всех оставшихся сил закивал головой.

Джо-Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

— Хватит с тебя,— вырвал наконец кружку из его рук Джо-Джим.— Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей.

Он ожидал, что его образование и ранг ученого произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались. Близнецы были прирожденными скептиками и спорщиками. Особенно Джим. Они быстро выкачали из Хью все, что могли, и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не учёный, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, ты!— сказал ему Джим.— Чтение — дело плевое. Я умел читать, когда твой отец еще не родился. Думаешь, ты у нас первый ученый пленник? Вот еще невидаль — ученые! Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «эго», Хью начал излагать теории молодых ученых, отметающие все религиозные интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть. Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы лишь еще больше стали издеваться над ним.

— Вот уж действительно,— фыркнул Джим, закашлявшись от смеха,— вы, молодые идиоты, еще хуже старых.

— Но ты же сам говорил,— обиженно ответил Хью,— что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде.

Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

— Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадежен.

— Нет, он вовсе не безнадёжен. Мне нравится с ним спорить. Впервые нам попался человек хоть с какими-то проблесками ума. Просто интересно посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

— Ладно, спорь с ним,— согласился Джим.— Может, он и поймет, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сосну.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

— Все вы дурни, и старые и молодые,— говорил Джо,— но каждый на свой лад. То, что молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы — те наоборот. Они не отрицают непонятное, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что все правильно поняли и что именно так дела и обстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять все как есть в действительности. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего не поняли, значит, следует искать совсем противоположный смысл!

— Что ты имеешь в виду?— спросил Хью подозрительно.

— Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полет. Как ты его себе представляешь?

— Никак. Полет, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян.

— Хорошо, пусть будет басня. Но в чем она заключается?

— Полет — это место, куда человек попадет, когда умрет, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полет на Центавр.

— А что такое Центавр?

— Центавр — это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальные доктрины. Сам-то я в них давно не верю. Так, значит, Центавр — это то место, куда человек попадает в конце Полета после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

— Именно это я и имел в виду,— продолжал шепотом Джо.— Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что Полет и есть именно полет, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально: как в них и написано. Корабль вместе со своим Экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

— Ты просто смеешься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда он сам и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полете, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовное содержание.

Джо призвал на помощь имя Джордана.

— Послушай,— сказал он,— вбей наконец в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство, намного большее, чем наш Корабль. И что Корабль движется в нем.

Хью честно попытался вообразить себе такую картину. Потом покачал головой.

— Бессмыслица,— сказал он.— Как же может существовать нечто большее Корабля? Корабль — это и есть Вселенная.

— Хафф тебя побери! Вне Корабля, поймешь ты наконец или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошел сквозь него.

— Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Поэтому он и есть нижний.

— Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

— Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твердый.

— Вообрази, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он сверлит дыру в полу нижнего яруса. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в нее, в бесконечную пустоту.

— Нет, нет, я не верю,— выдохнул он.— Это ужасно!

Джо-Джим встал.

— Я тебя заставлю поверить,— хмуро сказал он.— Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею.— Он подошел к двери и крикнул:— Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

— Что происходит? Что случилось?

— Мы сейчас отведем Хью в невесомость.

— Это еще зачем?

— Вбить в его глупую голову немного ума.

— В следующий раз.

— Нет, сейчас.

— Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже все равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джима Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Он был бы выдающейся личностью при других обстоятельствах, и неудивительно, что держал себя хозяином и заставлял мутантов служить себе. Испытывай он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джим не страдал. Он был прирожденным интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан ученых. Сейчас же Джо-Джим мучился отсутствием достойного партнера для интеллектуальных упражнений и утешался, как мог, чтением книг, наворованных его служками, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить, романы, которыми когда-то была снабжена библиотека экспедиции Фонда Джордана, они воспринимали за такую же достоверную информацию, как справочную и научную литературу. На этой почве они серьезно расходились во взглядах. Джим считал величайшим в истории человеком Алана Квотермейна. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба чтили Райлинга, «слепого певца космических дорог».

Вошел Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

— Он сейчас выйдет отсюда,— сказал Джо.

Бобо радостно захлопал себя по животу.

— Вот ведь обжора.— Джо двинул его кулаком в бок.— Нет, ты его не трогай. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Нельзя есть?

— Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

— Хорошо.— Карлик пожал плечами, покоряясь неизбежному.— Кровные братья. Бобо знает.

— Тогда пошли. Туда, где все летает. Ты иди вперед.

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шел первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд. Джо-Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперед, Джим через плечо назад.

С каждой пройденной палубой вес все уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого дороги не было — потолок был глухой, без люка. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось. Хью особой радости от экспедиции не испытывал — с непривычки его начало мутить. Зато Бобо заметно наслаждался парением в невесомости. Он передвигался в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, хватаясь за вделанные в стены поручни.

Так же хватаясь за поручни, расположенные в определенном порядке, Джо-Джим продвигался вперед, как паук по паутине. Хью пытался подражать им. Постепенно он приноровился отталкиваться, пролетать значительное расстояние, отталкиваться снова. Остановились они, когда путь им преградила стена. Джо-Джим двинулся по стене направо, ощупывая ее рукой. Наконец он нашел то, что искал,— дверь высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить ее можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности. Джо-Джим посмотрел

на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чем-то пошептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

— Нет, нет,— сказал Джим.

Джо-Джим снова посмотрел на дверь.

— Как так? — спросил Джо.

Они снова начали шептаться. Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом уперся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха. Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

— Бобо, открой ее!— крикнул Джо.

Сморщив лоб, Бобо оглядел щель. Потом уперся ногами в стену, вцепился в дверь руками, поднатужился и потянул. По лицу его катился пот, спина напряглась, на шее выступили жилы. Хью услышал, как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой невозможной затеи у него не хватит ума.

Но дверь неожиданно скрипнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упертые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться за поручень в полете. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведенную от напряжения икру.

Джо-Джим первым вошел в проход. Хью за ним.

— Где мы находимся?— потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подобающих слуге манерах.

— В Главной рубке,— ответил Джо.

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которого забылось и стало тайной! Для старых Ученых она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Ученые вообще перестали верить в ее существование.

Хотя Хью и считал себя человеком просвещенным, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

— Что стоишь столбом? Пошли!— оглянулась голова Джо.

— Но ведь дух Джордана...

— Вот те на!— воскликнул Джо раздраженно.— Ты же говорил, что вы, молодые, в Джордана больше не верите.

— Конечно, но ведь...

— Прекрати. Иди вперед, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом.

Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нем могли разминуться два человека, и очутились в арке, ведущей непосредственно в Главную рубку. Любопытство переборолo страх, и Хью выглянул из-за плеч Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, футов двести длиной, хорошо освещенное помещение сферической формы — внутреннее пространство огромного шара. Поверхность этого шара светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов футов пятнадцать в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неопытному глазу, он бы и описать не смог. Просто приборы висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, в которой они стояли, шел только один путь — тоннель из металлической решетки.

Джо-Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в тоннель. Он лез по решеткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но Хью они все равно ничего не говорили. Он отвернулся и принялся рассматривать поверхность шара, окружавшего их.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть, она отстояла он него всего на сотню футов, а может быть, на всю сотню миль. Хью никогда не видел ни высоты, большей, чем расстояние между двумя палубами, ни открытого пространства, большего, чем общинная его деревни. Его охватил ужас, усугублявшийся тем, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нем, и первобытный страх свел судорогой живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо-Джим резко ударил его по лицу.

— Ты что это?— рявкнул Джим.

— Я не знаю, что со мной,— выдавил наконец Хью.— Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдем отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал брезгливо:

— Можем и уйти. Попусту только время тратим на эту мокрицу, все равно он ничего не поймет.

— Прекрасно поймет,— ответил Джо.— Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел тоннель, которым они достигли пульта управления, проследив взглядом весь путь, проделанный ими от арки. Сфера неожиданно сфокусировалась в его глазах, и страх исчез. Все еще дрожа, он повиновался приказу Джо.

Кресла пульта были установлены так, чтобы все приборы и панели находились в пределах досягаемости космонавтов, но Хью, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления. Он откинулся в кресле, радуясь, что устроился наконец прочно и надежно.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «Второй навигатор пост принял».

Что такое «второй навигатор»?

Вдруг Хью увидел на панели перед его креслом те же слова и понял, что это человек, который должен сидеть здесь. Но что же означает «второй навигатор»?

Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка.

— Приготовься,— сказал Джо.— Сейчас погаснет свет.

— Нет, не надо, не выключай,— запротестовал Хью.

— А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, расположенных двумя группами по четыре одна над другой.

— Каждый контролирует освещение одного квадранта,— объяснил Джо.— Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но, уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В кромешной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски.

Хью била нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

— Сейчас я покажу тебе звезды,— сказал Джо.

В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков.

Мироздание.

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звезд, со скрупулезной достоверностью воспроизведенные зеркалами телескопов; звезд, испускающих ровный безмятежный свет. Бриллианты, с небрежной щедростью рассыпанные по искусственному небу,— бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звездной вселенной!

— О-о-о!— невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли. Страха он больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нем стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя в себя, Хью заметил сардоническую усмешку Джима и услышал едкое покашливание Джо.

— Хватит или еще?— осведомился Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещение дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и бешено билось сердце. Он вдруг понял, что за все это время он не перевел дыхания.

— Ну, умник,— сказал Джим,— убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажегся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, что, увидев однажды звезды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью еще не мог осознать этого.

— Что это было?— тихо спросил он.

— Оно самое,— ответил Джо.— Мир. Вселенная. Именно то, о чем я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

— Это и есть мир вне Корабля — красивые маленькие огоньки?

— Совершенно верно, только они не маленькие. Они просто очень далеко от нас, за десятки тысяч миль, а может быть, и больше.

— Что?!

— То, что ты слышал,— усмехнулся Джо.— Космос огромен. А некоторые из этих звезд размером с Корабль, если не больше.

— Больше Корабля?— выдохнул Хью.

— Без толку все это,— нетерпеливо сказал Джим.— Только время зря на него, остолопа, теряем.

— Полегче, братец, полегче,— возразил Джо.— Не надо заставлять малыша бегать, прежде чем он научится ползать. Мы ведь тоже не сразу все поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.

— Ложь,— сердито буркнул Джим.— Это тебя пришлось долго убеждать.

— Ну ладно, дело прошлое,— согласился Джо.— Все же нам с тобой тоже понадобилось время разобраться, что к чему.

Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же сейчас думал только о том, что произошло с ним.

— Джо,— спросил он,— что случилось с Кораблем, когда мы увиде-

ли звезды? Он стал прозрачным?

— Не совсем так,— ответил Джо.— Ты видел не сами звезды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. Я тебе дам потом прочесть книгу о них.

— Но можно посмотреть и на настоящие звезды,— вклинился в разговор Джим, уже остывший от минутной размолвки.— Здесь есть одно место...

— Точно,— подтвердил Джо.— Я совсем забыл о Капитанской рубке. Она сделана из стекла, и оттуда все хорошо видно.

— Капитанской?

— Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: «Капитанская рубка».

— Мы пойдем туда?

Джо было согласился, но Джим запротестовал:

— В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.

Они спустились по тоннелю в арку, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался — время не пропало даром. Джо-Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь не видел. А немногие из них, которые он читал раньше, теперь наполнились живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки, он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытался усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, и только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Служить Джо-Джиму было не так тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине все время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове игра надоедала. Но и это время никак нельзя было считать всецело потерянным, потому что, играя, Хью почти неизменно переводил разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нем в путь, об их прошлом, о Земле — этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на Земле. Он спросил об этом Джо и наконец получил представление о гравитации.

Душой он в нее так и не поверил — слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии, когда перед ним забрезжили первые смутные проблески искусства космической навигации и управления Кораблем, принял ее рассудком.

Наконец он уговорил Джо-Джима сводить его еще раз в Главную рубку. Джо рассказал Хью то немногое, что знал сам, о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам Фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если полет затянется на срок бо́льший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Ученые с блеском выполнили эту задачу. При создании главного двигателя, систем управления и механизмов, предназначенных для обеспечения нормальных жизненных условий, был разработан принцип, в корне

отличающийся от всех, существовавших когда-либо. Корабль — это творение человеческого гения — был построен навечно. Даже если бы погиб весь экипаж, он продолжал бы полет, по-прежнему освещенный, по-прежнему со свежим, хорошо очищенным воздухом, с двигателями, готовыми к пуску. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные устройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка Корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков под подписью «Ускорение», ответ пришел немедленно. Вспыхнул красный свет над креслом Главного пилота, и на табло зажглась надпись: «Главный двигатель — вахта не на посту».

— Что это значит?— спросил Хью.

— Трудно сказать,— ответил Джо.— Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись: «Главная рубка — вахта не на посту».

Хью задумался, потом спросил:

— Интересно, а что получится, если ты пойдешь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке?

— Трудно сказать,— повторил Джо.

Хойланд молчал. В его мозгу зрело решение. Он тщательно обдумывал его.

Хью долго ждал подходящего момента — надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской рубке, он решил наконец рискнуть. Джо-Джим только что хорошо поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звезды. Хью парил рядом.

— Послушай, Джо-Джим,— начал Хью.

— Что тебе, юнец?— ответил Джо.

— Красиво, правда?

— Что красиво?

— Звезды...— Хью махнул рукой в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

— Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

— Почему бы нам не довести дело до конца?

— Какое дело?— спросил Джо.

— Полет. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять на себя управление? Ведь где-то там,— Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить,— где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае, так считали наши предки. Мы должны найти их.

Джим расхохотался. Джо затряс головой.

— Мальчик,— сказал он,— ты в своем уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь об этом и думать.

— Но почему?

— Потому что нам это не по плечу. Для такого дела необходим грамотный экипаж, обученный управлению Кораблем.

— А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что десять-двенадцать человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба,— добавил он лукаво.

— Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав,— усмехнулся Джим.

Джо пропустил шпильку мимо ушей.

— Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью,— сказал он.— Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблем, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся. Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

— Но ты сам показывал мне навигационные приборы,— стоял на своем Хью.— Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

— Это уж точно,— согласился Джим.

— Не хвастай, братец,— одернул его Джо.

— А я и не хвастаюсь,— отрубил Джим.— Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех...

— Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

— Где же?— недоверчиво спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о молодых Ученых?

— А, эти кретины...

— Но они же не знают того, что знаете вы. И по-своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать, о чем узнал, то я набрал бы вполне подходящую команду для обучения.

— Посмотри-ка на нас внимательней, Хью,— перебил его Джо.— И скажи, кого ты перед собой видишь?

— Джо-Джима, кого же еще?

— Ты видишь мутанта,— поправил его Джо голосом, полным сарказма.— Ты видишь мьюта, ясно тебе? Ученые не станут с нами сотрудничать.

— Неправда,— запротестовал Хью.— Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но Ученые, о которых я говорю,— наиболее разумные изо всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуется обеспечить безопасный проход через страну мьютов. Ведь для вас это совсем не проблема,— добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твердую почву.

— Это для нас раз плюнуть,— согласился Джим.

— Прекрати,— сказал Джо.

— Конечно, конечно,— заспешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьез рассердила Джо.— Но вообще было бы интересно попробовать...

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживленно шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была главной проблемой Джо-Джима. Будучи скорее группой, чем индивидуумом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, плыви-ка сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

— Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать,— сказал Джо.— Но все равно ты идиот,— добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

— Спасибо, Бобо,— сказал ему Хью на прощанье.— Доброй тебе еды.

Карлик усмехнулся, кивнул и устремился вверх по лестнице, по которой они только что спустились. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного инженера, вождя группы молодых Ученых. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, еще ярдов сто, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперед, но часовой преградил ему дорогу.

— Стой, ты куда?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный инженер? Нет его здесь.

— Билл Эртц — Главный инженер? А что случилось с прежним?— Хью сразу смекнул, что выдал себя, но часовой был глуп и ленив.

— С прежним? Да он давно ушел в Полет,— зевнул страж.— А Главный инженер Эртц у себя в резиденции.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

— Вернулся, значит,— сказал он.— Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мертв, и списали как ушедшего в Полет.

— Это естественно.

— Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко. Джордан, сколько же он был в плену?

Эртц побарабанил пальцами по столу, скорчил гримасу.

— Возникает проблема,— сказал он.— Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не могу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место. подобающее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний о Морте Тайлере. Лицемер. Только и заботится о том, чтобы соблюсти все приличия и угодить начальству. Так-так, значит, Тайлер выбился все-таки в Ученые и занял прежнюю должность Хью, но сейчас это не имеет значения.

— Послушай, Билл,— начал он.— Я хотел бы с тобой переговорить о...

— Конечно, возникает и проблема старшинства,— продолжал свое Главный инженер.— Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имеющий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Ученых, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

— Есть более важная тема для разговора,— опять перебил его Хью.— Я увидел много удивительного, Билл. Удивительно и жизненно важного. Ты обязательно должен все это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришел. Слушай, мне...

Эртц внезапно стал сосредоточенным:

— Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай все, что знаешь!

— Я совсем не о том,— ответил Хью.— Все гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придется изменить теперь всю политику по отношению к ним.

— Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но зато не жалел красок, расписывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит.

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное — что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве,— лицо Эртца выразило крайнюю растерянность. Однако потом на нем застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Ученых.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц молчал, продолжая назойливо барабанить пальцами по крышке стола. Наконец сказал:

— Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

— Разумеется,— согласился Хью.— Только я хочу добавить, что о безопасном проходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты все увидел собственными глазами.

— Да, это было бы лучше всего,— ответил Эртц.— Ты голоден?

— Нет.

— Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голову. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю все сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

— Ты прав,— снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в которой, по всей видимости, отдыхал иногда, и сказал:

— Выспись, а там поговорим.

— Спасибо,— ответил Хью.— Доброй еды.

— Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал. Нервное возбуждение в беседе с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два угрюмых стражника.

— Вставай, пойдешь с нами,— сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако в следующей комнате стояли еще двое, такие же массивные и угрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож

к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под ребра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Все предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошел вперед. Увидев Эртца и убедившись, что именно тот и командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

— Привет, Билл. С чего вдруг такие предосторожности? Что случилось?

Эртц чуть-чуть замешкался с ответом:

— Ты сейчас предстанешь перед Капитаном.

— Хорошо, Билл, спасибо,— ответил Хью,— но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью:

— Если ты этого еще не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

— Тогда меня не по адресу ведут, Билл,— спокойно заметил он.— Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочить меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет, я Ученый.

— Ты в этом уверен?— усмехнулся Эртц.— Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключен из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошел за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве еще больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

— В чем дело? — спросил он брюзгливо.— Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступал Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему со стороны Тайлера, но так ничего и не нашел. Морт прочистил горло и начал:

— Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из ваших младших Ученых.

— Ученых? Почему же его делом не занимается Совет?

— Потому что он больше не Ученый, Капитан. Он перебежал к мьютам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать вашу власть.

Капитан окинул Хью откровенно враждебным взглядом человека, не терпевшего покушения на свои прерогативы.

— Это правда?— прорычал он.— Что ты сам скажешь, Хойланд?

— Это ложь, Капитан,— ответил Хью.— Все, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живем. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел найти доказательства его правоты, еще более глубокие...

— Ничего не могу понять,— перебил его Капитан.— Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты не виновен, то как же здесь очутился?

— Я могу объяснить,— сказал Эртц.

— Надеюсь, что хоть ты это сможешь,— буркнул Капитан.— Давай выкладывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и о его странных рассказах. Придерживаясь фактов, Главный инженер сумел все же придать им определенную окраску.

Хью немедленно заговорил:

— Суть моих утверждений, Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно убедиться в основной истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть План Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

— Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом. Либо это просто-напросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора, имеющего целью заманить нас в ловушку и предать в руки мьютов. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при его рождении Инспектор был серьезно обеспокоен размером головы ребенка и ставил вопрос об отправке его в Конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые Хойланд претерпел в плену у мьютов, окончательно повредили его и так неустойчивый от природы разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хью посмотрел на Тайлера не без уважения. Очень тонко — и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял, и Полет на сто процентов обеспечил!

Капитан махнул рукой.

— Хватит отнимать у меня время.— Он обернулся к Эртцу:— Рекомендации по этому делу есть?

— Так точно, Капитан. Конвертер.

— Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мелочам? Ты сам должен уметь поддерживать дисциплину в своем ведомстве.

— Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

— Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупой несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невиновности. Он услышал, как кто-то крикнул: «Подождите!» — и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

— Подождите,— продолжал Хью. Слова сыпались сами собой:— Подождите! Дела это не меняет, вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не раскроете, когда вам всего лишь предлагают посмотреть! Но все-таки, все-таки он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз

он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчетом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Следовало прощупать его сначала, а не лезть сломя голову. Второй просчет — Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт. Он же Тайлера знал давно и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит теперь здесь, заклейменный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет — все едино, за что казнить. Хью подумал, что мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Сам он узнал об этом, читая старые записи в тщательно навороченной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придется отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о радиации извне, если они вообще не могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью не часто, и для очередной еды было еще рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один. Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства:

— Сынок, сынок, как же это ты?

Его первый учитель Лейтенант Нельсон, изможденный и постаревший, склонился над ним.

Встреча очень расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего ученика большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не хотел портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорен к смерти.

Хью был огорчен не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость, но, рассказывая свою историю, он с горечью убедился, что Нельсон просто не способен расценивать её иначе как сумасшествие, и скорее предпочтет, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, чем жил и высмеивал древнюю веру.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

— Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

— Вполне,— солгал Хью.

— Прислать что-нибудь?

— Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табаку? Я уже давно не жевал.

— Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

— Разве можно? Я думал, здесь свидания запрещены.

— Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения. Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходился с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони. Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но все-таки...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Да.

— Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но откровенно был рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине.

— Молодец! Я не сомневался, что ты придешь.

— Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе неизвестно, даже Свидетелю.

— Расскажи, как ты жил все это время. Женился?

— Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне. Расскажи лучше, в чем тебя обвиняют.

— Не могу, Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

— Чего стоят слова, когда надо выбираться из беды! Влип ты ведь крепко.

— А то я сам не знаю.

— Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?

— Видишь ли... Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул.

— Это проясняет дело.

— То есть? Тебе что-то известно?

— Как тебе сказать... Он женился на Идрис Бакстер после того как ты исчез.

— Да, действительно проясняет.— Хью помолчал.

— Слушай, Хью,— сказал Алан.— Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокут в Конвертер. Тем более что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю еще. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

— Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдет.

— Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решился:

— Слушай, готов ли ты на все, чтобы выручить меня?

— Ты же знаешь,— обиженно ответил тот.

— Тогда ты пойдешь наверх и найдешь карлика по имени Бобо...

Алан лез все выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил его в отчаянные, полные безрассудного риска экспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался и испуг, вызванный предрассудками и невежеством. Но все же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Снаряд пращи угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!» — и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил свою ношу к ногам хозяина.

— Свежее мясо!— гордо объявил он.

— Ну и возьми его себе,— безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

— Смешно,— сказал он,— Знает Бобо.

— Подожди-ка,— оторвался от книги Джо.

Хью подготовил Алана к встрече с двухголовым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всем, что случилось. Джо-Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил, Джим заметил:

— Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло.— Повернувшись к Алану, он добавил:— Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы даже не попробуете помочь ему?— спросил он.

— А с какой стати?— удивился Джо.

— Но он же рассчитывает на вас. Ему больше неоткуда ждать помощи. Я поэтому и пришел, разве вы не понимаете?

— Даже если бы мы согласились,— рявкнул Джим,— что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

— Да нападем на них просто-напросто и отобьем Хью!

— А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

— Что, драться будем?— навострил уши Бобо.

— Нет, Бобо, нет. Просто разговоры,— ответил Джо.

— А-а...— разочарованно протянул Бобо и снова смолк.

Алан посмотрел на него.

— Ну хоть Бобо отпустите со мной!

— Нет,— отрезал Джо.— Об этом и речи быть не может.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы еще найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка этого сказать не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим все время отрывал его от чтения. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо громко сказал:

— Хорошенькое у тебя представление насчет «позабавиться»!

— Все одно веселей, чем шашки,— ответил Джим.

— Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?

— Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

— Не старее тебя.

— У меня зато мысли молодые.

— Знаешь что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь по-твоему, но меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил:

— Слушаю, хозяин!

— Приведи Кабана, Длиннорукого и Коротышку.

Джо-Джим подошел к шкафу доставать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумятица. Хью встрепенулся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер? Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть...

Точно! Влетевший в распахнувшуюся дверь Алан сунул Хью в руку пояс с ножами, одновременно выталкивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что был сильно занят — методично и спокойно метал ножи, как будто уп-

ражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Хью узнал еще троих головорезов из обычного окружения Джо-Джима.

— Сматываемся, живо!— крикнул Алан.— Их сейчас набежит целая орава!— и устремился в правый коридор. Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывавший отступление с тыла и раздосадованный слишком быстрым завершением потехи, бежал вслед.

Алан снова свернул направо.

— Здесь лестница!— крикнул он.

Но ярдах в десяти от лестницы прямо перед ним захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

— Попались,— мягко сказал Джо.— Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение придется тебе наконец по вкусу.

Из-за поворота сзади высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико: нож ударился о сталь стены. Голова исчезла. Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

— Видишь светящуюся трубу на потолке?— Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показывал ему на трубку освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которые они только что проскочили.

— Можешь попасть в место, где эта трубка соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

— За мной!— крикнул Хью и побежал назад по коридору. Приблизившись к перекрестку, он закричал:— Не дышать! Осторожно! Газ!

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устройство. Направление он выбрал правильное — линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг только слышался топот бегущих людей — друзей ли, врагов ли, он не знал.

Наконец они выскочили на освещенный участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного крестьянина, тут же пустившегося наутек. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал.

Джо посмотрел на него.

— Газу нанюхался,— сказал он.— Кабан, стукни его по спине.

Кабан охотно повиновался.

— Отойдет,— сказал Джо.

Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он вылетел из темного коридора прямо на Кабана, то ли не сообразив, что один оказался против целого отряда, то ли не придав этому значения.

Кабан поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Кабана за руку:

— Не тронь его! Он мой!

— Один на один?— предложил Алан Тайлеру, прижав пальцем лезвие ножа.

Тайлер двинулся вперед. Алан был тяжелее и явно сильнее. Однако Тайлер был гибче и подвижнее. Он пытался ударить Алана коленом в живот, но Алан увернулся и сбил Тайлера с ног, упав на пол вместе с ним. Мгновение спустя Алан встал и вытер нож о бедро.

— Пошли,— сказал он.

Они поднимались вверх. Кабан и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные. Коротышка прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем более что этот нож хоть и не сильно, но задел его щеку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило — он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре да футах в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря другой в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

На свое несчастье, Эртц прошел по другой лестнице, чтобы перерезать путь беглецам и устроить засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

— Этот нам нужен. Подстрели его в живот, но чтоб жив остался,— приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было велено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

— Метко,— сказал Джим.

— Бобо, тащи его с нами,— скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд.— Внимание! Все наверх и живо! По сторонам смотреть в оба!

Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел раздраженным. Происходило что-то странное — Хью вдруг начал командовать его собственными людьми да и им самим тоже. «Впрочем, сейчас не до споров»,— подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразлично. Он развлекался.

Они прошли еще десять палуб, не встречая сопротивления. Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушать дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязал их заранее запасенными бинтами. Хью, раненный в щеку, от перевязки отказался.

— Кровь уже остановилась,— сказал он,— и нечего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

— Каких еще дел? Мы идем домой, и хватит ерундить,— сказал Джо.

— Ты как хочешь,— сказал Хью,— но Алан, я и Бобо идем на самый верх, в Капитанскую рубку.

— Это еще зачем?— спросил Джо.

— Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперед!

Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью.

Они вплыли в дверь рубки.

— Вот,— сказал Хью Алану, показывая в илюминатор,— вот то, о чем я тебе рассказывал.

Алан увидел звезды.

— Великий Джордан!— простонал он.— Мы же выпадем!— И закрыл глаза.

Хью встряхнул его.

— Не бойся, посмотри, как красиво.

Джо-Джим взял Хью за руку.

— Что ты задумал и зачем приволок сюда этого?— он показал на Эртца.

— Когда он очнется и увидит звезды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве.

— Зачем?

— Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

— И с ним случится то же, что и с тобой?

— Тогда,— пожал плечами Хью,— тогда мы просто начнем все сначала. И так до тех пор, пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода.

Часть II. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрел на Хью Хойланда.

— Ну ладно, умник. Главного инженера ты убедил.— Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять им в зубах левой головы.— Ну и что? Какой тебе с того прок?

— Я уже тысячу раз объяснял,— раздраженно ответил Хью.— Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

— Тебе, никак, взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

— Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

— В таком случае, можешь поставить на своих планах крест. Бобо, доставай шашки!

— Сейчас, хозяин.— Микроцефал поплелся за шашками.

— Погоди, Бобо,— сказал Джим, левая голова. Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечивый приказ, временами проявляемая его двухголовым хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

— Дай Хью сказать,— продолжал Джим,— похоже, есть шанс поразвлечься.

— Развлечься! Ничего себе развлеченьице — получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

— Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просил выслушать. И, знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро.

— То есть?

— Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо?

Боюсь только, что нам не сыграть уже в шашки, когда нас разложат на атомы.

— Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз уже они пробовали с нами справиться!

— А ты что скажешь?— обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. К тому же он был выбит из колеи — слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен — и звезды. Звезды!

В его практичной трезвомыслящей голове не только понятия о них — места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику...

— Я думаю, что на этот раз Экипаж своего добьется.— Эртц тщательно подбирал слова.— Мы... они хорошо подготовились. Если только вас не больше и если вы не организованы лучше, чем предполагалось. Экипаж победит. Видите ли... В общем, всю подготовку вел я.

— Ты?

— Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мьютам жить вне нашего контроля. Она, может, и соответствует нашим религиозным доктринам, но мы время от времени теряем людей и животных.

— А чем, по-твоему, мьюты должны кормиться?— грозно рявкнул Джим.— Воздухом?

— Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах, кто...— Эртц запнулся, растерявшись, и опустил глаза.

— Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например,— сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже.— Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога — в Конвертер. Лезвием ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс. Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц почувствовал себя беспомощным.

— Я всего лишь честно ответил на твой вопрос и объявил истинное положение дел,— сказал он.

— Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол. Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки — схватка воли, незаметная для глаза. Джо сдался.

— Ладно,— хмуро сказал он,— но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

— Уймись,— ответил Джим.— Я-то уж в любом случае тебе составлю компанию.

— С какой стати ты вообще ему веришь?

— Ему незачем врать. Он ничего этим не выиграет. Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный дружок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор, вытаращив глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибкостью мышления Главного инженера. Эртц не мог не понять почти мгновенно, что само

существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг.

— Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

— Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постойте-ка. В нашу деревню прибыл новый офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону,— он запнулся и обескураженно обвел всех взглядом.

— Продолжай.

— Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упражняться с ножами и пращами. Но зачем, не говорил.

— Убедились наконец?— всплеснул руками Эртц.

— Убедились,— хмуро кивнул Джо.

Хью Хойланд спросил его с надеждой:

— Теперь ты согласен быть со мной заодно?

— Придется,— ответил Джо.

— Согласен,— сказал Джим.

— А ты, Билл?

— Разве у меня есть выбор?

— Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с нами. План у меня такой — Экипаж в счет не идет. Нам надо убедить офицеров. Те, у кого хватит ума поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку, останутся с нами. Остальных,— он провел по горлу большим пальцем,— в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест.

Эртц кивнул.

— А дальше?

— Под руководством нового Капитана мьюты и Экипаж вместе поведут Корабль к Далекому Центавру. Да свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в голове. Но мысли Хью приходились по душе Эртцу. Опершись о стол руками, он наклонился вперед.

— Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его ладонями. Джо встрепенулся, хотел что-то сказать брату, но передумал. Эртц взглядом поблагодарил близнецов.

Близнецы пошептались между собой, потом Джо громко сказал: Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе левую руку в том же месте. Хлынула кровь.

— Спиной к спине!— Отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи, Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровяной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

— Нож за нож!

— Спиной к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья до конца Полета!

Ученый-вероотступник, ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик — пять ножей, считая Джо-Джима за

один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо,— пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

— Не хочу я туда возвращаться, Хью,— понуро сказал Алан.— Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

— Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

— Для этого есть Билл Эртц.

— Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

— А как я, Хафф побери, объясню в деревне, где столько времени пропадал?

— Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля.— Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель, обуреваемый своей вечной жаждой подробностей, загоняет его в угол умелыми вопросами.— Держись от старика подальше,— повторил Хью.— Он тебя сразу расколет.

— Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

— Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся.— Хью повысил голос:— Билл! Ты готов?

— Готов.— Эртц поднялся и неохотно отложил книгу, которую читал,— иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

— Книга просто чудесная,— сказал он.— Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

— Конечно. Книги Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу:

— Как по-твоему, что такое «площадь»?

— «Площадь»? Насколько я понял — огромная общинная, где может сразу собраться много людей.

— Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом?

— Что-что?

— Да вот в книге они только и делают, что залезают на площадь и скачут куда-нибудь.

— Дай-ка мне книгу,— приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся.— Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехаться по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

— А что такое «лошадь»?

— Животное, величиной с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию:

— Непрактично как-то. Когда едешь в носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?

— Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим:

— Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

— Дело наживное,— объяснил Джо.— Требует привычки.

— А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

— Где ты видел лошадей в Корабле?— разозлился Джо.

— Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни, Атос, Портос и Арамис, дрались необычайно длинными...

— Об этом поговорим в следующий раз,— перебил его Хью.— Бобо уже вернулся, пора идти.

— Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычно длинными ножами.

— Ну и что с того?

— Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длиной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него:

— Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

— А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

— Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушивались к их разговору. Наконец Джо сказал:

— Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо кое-что почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сокращения жизни своих недругов.

Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более, что такое цветистое название ему и в голову бы никогда не пришло.

— Читай, конечно,— согласился Хью.— Но поговори сначала со своими людьми.

— Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составляющих опору Джо-Джима в стране мутантов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабана и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни.

Джо-Джим приказал мьютам хорошенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следовало пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие. Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому.

Среди мьютов начался гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму, и никому, кроме него.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил:

— Я — Джек Носатый. Мой нож остр и мой глаз меток. Джо-Джим-двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и я за него сражаюсь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывали на Джо-Джима. Джо уголком рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск разбитых зубов и переломанной шеи — снаряд пращи Бобо заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу, Джо-Джим оглядел притихших мьютов:

— Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор пойдете вниз с Бобо, Аланом и Виллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и последовали за Бобо. Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

— Да хранит вас Джордан, братья,— сказал он.

Джо-Джим помахал ему рукой.

— И тебя,— ответил Джо.

— Доброй еды,— добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

— Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый,— показал он на Длиннорукого.

— Алан и я идем вниз,— добавил Билл.— А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

— Ясно,— ответил Длиннорукий.

— Приказ Джо-Джима!— отметил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия.

Бобо от души похлопал Билла и Алана по спинам.

— Доброй еды,— напутствовал он их.

Обшаривая столы исчезнувшего Главного инженера, Старший помощник Капитана-Помазанника Финеас Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профилактика вспомогательного Конвертера» и «Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета „Авангард"»— самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — дело праведное и благое... для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», оттиснутые штемпелем на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнил с тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Не то, что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного инженера, не зависеть от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном. Нарби не очень почитал Инженеров в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал. Когда он стал Ученым, одним их тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, когда дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслуживанию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного инженера напомнило ему о необходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный офицер, но Вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет — его хладный труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно — новый Главный инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качества хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби — они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае... Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неоправданно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на все сто процентов уверен, кого Совет изберет следующим Капитаном — Эртца или его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану. Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него... Нарби просто устал улещивать старика, чтобы тот отдавал нужные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна...

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в его намерениях убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы, исходя из самых благородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель — здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправить кое-кого в Полет ради достижения великих целей и всеобщего блага не вызывала у него ни малейшего сожаления, и зла никакого к этим людям он не питал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби настолько был уверен в смерти Главного инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

— Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Полет! Садись, садись, да расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

— Сяду, конечно, если ты уберешься из моего кресла,— ядовито ответил Эртц.

— Извини.— Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив.

— А теперь,— продолжал Эртц, занимая свое место,— будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду.

— Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим. Кто-то должен же руководить твоим ведомством до назначения нового Главного инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза.

— Не заливай, Нарби. Мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это делали. Даже если ты действительно считал меня мёртвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

— Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьютов, то вполне логично предположить, что он ушел в Полет.

— Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

— Морт в Конвертере.

— Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер? Такая масса даст слишком сильную нагрузку.

— Приказал я. Масса его тела почти совпадала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

— «Почти» и «совсем» — не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить.— И Эртц поднялся с места.

— Не беспокойся,— сказал Нарби,— я ведь все-таки тоже не крестьянин и в инженерном деле немного соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

— Хорошо. Потом проверю. Лишний вес терять впустую нам тоже нельзя.

— Кстати, насчет рационального использования веса,— невинно сказал Нарби,— я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг.

— Ну и что с того?

— Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

— Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии.

— Ты. Но зачем эти книги находятся в твоем столе?

— Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

— Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

— Бери, пожалуйста, но будь благоразумен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

— Спасибо. Живое было воображение у древних. Полный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби прочитать. Мысли Эртца были заняты совсем другим — как и когда начать обработку Нарби. Он хорошо понимал, что в деле, которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону...

— Фин,— сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную распику,— я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

— Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел,— добавил Эртц торопливо.— Но сдается мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьютов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы — толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Но верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо бы притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

— На которые вряд ли можно было бы полагаться,— отметил Нарби.

— Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьютов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

— Ты это всерьез? Любой член Экипажа, доверившийся мьюту, отправится не в Невесомость, а в Полет! — Нарби был ошеломлен.

— Не знаю, не знаю,— возразил Эртц.— У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того...

— Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля? Незыблемого Корабля?— Нарби ударил кулаком по стенке.— Да кто поверит в подобную чушь?

— Хойланд поверил. Ну, хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел там, наверху, что-то невероятное и воспринял его по-своему, в виде той истории, которую нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием хотя бы для того, чтобы разведать по дороге страну мьютов.

— Полнейшее безрассудство!

— Вот и нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьютов, а то с чего бы им заваривать эту кашу и спасать его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

— С чего это ты изменил свое мнение?

— Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды. Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

— Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти. Если шанс и был, то он уже упущен.

— Как знать. Хойланд ведь бежал к мьютам. Если бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

— И как же ты предполагаешь сделать это?

— Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

— Рискованная затея.

— Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртц не прочь рискнуть... Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, у Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуществимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

— Возьмись за это дело, Билл,— сказал он.— Человек ты смелый, а дело стоящее.

— Хорошо,— согласился Эртц.— Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды,— ответил он и, забрав книги, ушел. Только вернувшись к себе, он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долгому отсутствию.

Эртц тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного. Убедившись, к своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану в носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

...Алан бурно приветствовал его. Для все еще не женатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь.

Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

— Стены имеют уши,— тихо сказал он.— а у клерков, помимо ушей, еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

— Прости, Билл, я не сообразил.

— Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой мы спускались от Джо-Джима, десятью палубами выше этой. Считать умеешь?

— Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один — два, еще один — получится три, еще один — четыре...

— Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стоял Сороковой. Эртц окликнул его по имени издалека, держась вне пределов досягаемости ножа и пращи — совсем не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда, Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью пошел на самый верх, туда, где все летают. Но на самый верх Сороковой забирался лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца — то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

— Где Мудрые Головы?

— У оружейницы.— Бобо закрыл глаза и захрапел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская — нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

— Хозяин,— начал было он.

— Закройся,— ответил Джо. Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков.

— Сделаешь, как тебе говорят,— прорычал он,— и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, уперев все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за плавильной печью — по морщинистому лицу на седые редкие усы стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Я делаю ножи, да!— отрезала она.— Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня требуешь. Придумают тоже — нож длиной с руку, тьфу!— и она плюнула в раскаленную докрасна печь.

— Слушай ты, падаль,— ровным голосом ответил Джим,— или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да, могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков!

Оружейница сразу сдалась.

— Но так ведь делать ножи не положено,— жалобно всхлипнула она.— Их же не метнешь. Да я вам сейчас покажу.— Она схватила со стола пояс с ножами и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень — все четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины.— Видел? А твой дрючок разве так метнешь?

— Хозяин,— снова начал Сороковой, но Джо-Джим, не оборачиваясь, заткнул ему рот кулаком.

— Ты права,— ответил Джим оружейнице,— но мы вовсе не собираемся метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Принимайся за работу; пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь.

Старуха закусила губу.

— Плата обычная?— резко спросила она.

— Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами.

— Ладно.— Она вытянула из-под стола длинный кусок стали и сунула его в печь.

Джо-Джим обернулся к Сороковому.

— В чем дело?— спросил Джо.

— Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

— Так что же ты его не ищешь?

— Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

— Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой заспешил вниз. Хозяин был у него что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

...Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там — он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел наверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил Хью за шиворот в рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль — отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской Всеселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, тогда еще пленником-рабом Джо-Джима, одно лишь желание обуревало его — сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в космос, жажда полетов на космических кораблях,

подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью-то мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земляне оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику, и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью. Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился на пороге гигантского стеллариума Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора — огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизведенного телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличавшийся от других изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

— А, это ты,— обернулся тот.

— Вылезай, тебя ждет Эртц.

— Хорошо, но сначала посмотри.

— Да пошли ты его...— сказал брату Джо, но Джим ответил:

— Будет тебе, право, давай посмотрим. Дело ведь недолгое.

Джо-Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

— Что еще там?— буркнул Джо.

— Посмотри на эту звезду,— показал Хью на яркий шар.— Она намного больше, чем была в прошлый раз.

— Да она давно уже растет,— ответил Джим.— Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

— Значит, мы приближаемся к ней.

— Разумеется,— согласился Джо.— Факт давно известный. Еще одно доказательство, что Корабль движется.

— А почему ты мне раньше не говорил?

— О чем?

— О звезде. О том, что она растет.

— Что нам проку с того, что она растет?

— «Что нам проку!» Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!

Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство. Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью, да и Билл Эртц руководствовались совсем другими соображениями — желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело — давно забытый, превратившийся в мистику Полет на Далекий Центавр.

Первым пришел в себя Джим:

— Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?

— Плевать мне, Центавр она или не Центавр. Но мы к ней ближе, чем к остальным, и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, где которая из них. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.

— Умели,— ответил Джо.— Но нам-то что с этого? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.

— Хорошо, я тоже спускаюсь,— неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание своей беседы с Нарби.

— Вот что я предлагаю,— продолжал он.— Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить с тобой в контакт, Хью, и что я прошу его подняться сюда на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.

— Почему бы тебе самому за ним не пойти и не привести его сюда?— спросил Хью.

— Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить.— Эртц смутился.— Ты вернулся от мьютов с невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Рубку, где я все увидел собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби — орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.

— Не понимаю,— сказал Джим,— чего с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.

— Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть нам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.

— Сомневаюсь, что Нарби придет. У него нюх на ловушки,— сказал Хью.

— Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «копать», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.

— Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел,— сказал Алан и добавил честно и откровенно:— Я вообще никогда особенно много не знал.

— Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слышал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее.— Эртц подробно объяснил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.

— Доброй еды,— ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.

— Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов?— Ошеломлённо уставился на него Нарби.

— Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.

— Что за абсурд! Да я просто пошлю стражу арестовать его и доставить сюда!— взорвался Нарби.

Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, услышали его:

— Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти, то можете оставить эту затею. Он сам поднимет вопрос на заседании Совета.

Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы. Посматривая на нож

на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.

Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.

— Ты отведешь меня к Эртцу,— сказал он сурово,— и я проверю, правильно ли ты передал его слова.

Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал. Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех его политических аспектах, да и взять охрану в данном случае все равно что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получал обратно свое оружие:

— Ты хорошо владеешь ножом?

— Даже очень,— бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокоился. Во-первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление опытного и надежного разведчика. Двигался он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли бы сохранял свое с трудом обретенное спокойствие, услышь он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан,— шорохи, из которых было ясно, что за их продвижением следят с флангов. Алана эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытны, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства — это пришлось бы делать, не сумей он прикрытия обнаружить. Дойдя до условленного места, Алан остановился и свистнул.

Раздался ответный свист.

— Это я, Алан,— крикнул он.

— Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности. Убедившись, что его встречают друзья — Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попал в ловушку. Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутнул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыли, но Джо-Джим резко выбил из его рук оружие.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщетно звали его назад.

— Бобо, возьми его! Живьем,— скомандовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

— Быстро бегает.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за своего пояса отнятый у Старпома нож и попробовал его на жестких волосах своей левой руки.

— Хороший клинок,— одобрительно хмыкнул он.

— Верни ему нож,— приказал Джо. Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою пращу.

Нарби был удивлен не меньше Бобо тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

— Послушай,— обеспокоенным голосом начал Эртц,— мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Усилием воли Нарби восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со всеми ее поворотами. «Проклятье,— подумал он,— ситуация просто идиотская. Ну, ладно».

— Забудем об этом,— сказал он вслух.— Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мьютов. В странные ты игры играешь, Эртц.

— Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя,— Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь.— Но позволь представить тебе Джо-Джима. Он у мьютов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

— Доброй еды,— вежливо сказал Джо.

— Доброй еды,— машинально ответил Нарби.

Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его.

— Я полагаю, Эртц, что у тебя были серьезные причины послать за мной.

— Серьезные,— согласился Эртц.— Настолько что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби уставился на него.

— Эртц,— сказал он размеренно,— ты сошел с ума.

— Ты говоришь так, потому что не видел,— взволнованно выпалил Хью,— но Корабль движется, Корабль...

— Погоди, Хью, дай я сам,— остановил его Эртц.— Слушай меня внимательно, Нарби, сам решай, что к чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку — помещение со стеклянной стеной. И за стеной — необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего большего быть не может, больше Корабля! И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

— Ты ведь считаешься Ученым.— На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением.— Где же твоя логика? «Больше Корабля»! Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Весь остальной мир — лишь его часть. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

— Словами этого не объяснишь...— снова начал Эртц.

— Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

— Хватит болтать! Пошли!

— Верно,— охотно согласился Эртц,— давай отложим спор до тех пор, пока ты не удостоверишься собственными глазами. Фин, пора в путь, идти нам далеко.

— Идти? Куда еще идти?

— Наверх, в Главную рубку.

— Не смеши меня. Я иду вниз.

— Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

— Не валяй дурака. Мне туда идти незачем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь по-

ощрения за установление дружественных контактов с мьютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними...

Джо-Джим шагнул вперед.

— Попусту тратишь время,— ровным голосом сказал Джим.— Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

— Об этом не может быть и речи,— покачал головой Нарби.— Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

— Если ты не понял, что к чему, то позволь тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Эртц кивнул:

— Именно так дела и обстоят, Нарби.

Нарби злобно выругался про себя. Великий Джордан! Ну и влип. Где только была его голова, когда он согласился идти на встречу с Эртцем? Идиотская ситуация, просто идиотская. А этот двухголовый только и ждет, чтобы он, Нарби, полез в драку. Он опять выругался про себя и сдался, сохраняя, насколько было возможно, хорошую мину при плохой игре.

— Хорошо, я пойду, чтобы не затевать бессмысленных споров. Показывайте дорогу.

— Держись за мной,— ответил Эртц.

Джо-Джим подал условный сигнал пронзительным свистом, и к отряду мгновенно присоединились с полдюжины мутантов, то ли выросшие из-под палубы, то ли горохом скатившиеся с потолка. Нарби даже стало плохо от страха, внезапно охватившего его с новой силой: он только сейчас понял до конца, как далеко завела его неосторожность.

Шли они долго — Нарби с непривычки еле тащился за остальными. По мере подъема равномерное ослабление силы тяжести помогало ему, но оно же и вызывало приступы тошноты. Конечно, как и все, рожденные на борту Корабля, он в какой-то мере адаптировался к ослабленной силе тяжести, но на верхние палубы не забирался со времен бесшабашной юности, и сейчас ему приходилось нелегко. Незадолго до конца пути он совсем выбился из сил. Джо-Джим отослал охрану вниз и приказал было Бобо нести его, но Нарби отмахнулся. Согласно плану Хью они пошли прямо в Капитанскую рубку. В какой-то мере Нарби уже был подготовлен к тому, что его ожидает, как сбивчивыми объяснениями Эртца, так и оживленными рассказами Хью, который держался подле него большую часть пути. Хью даже проникся симпатией к Нарби — наконец-то нашелся свежий слушатель!

Хью вплыл в дверь первым, сделал аккуратное сальто в воздухе и уцепился рукой за кресло. Другой рукой он широким жестом обвел гигантское окно.

— Смотри, вот они! Разве это не прекрасно?

Лицо Нарби сохраняло прежнюю невозмутимость, но он долго и пристально смотрел на звезды.

— Занятно, весьма занятно,— заметил он наконец.— Никогда не доводилось мне видеть ничего подобного.

— «Занятно»!— воскликнул Хью.— Это не то слово. Чудесно, великолепно!

— Пусть будет чудесно,— согласился Нарби.— Эти маленькие огоньки и есть те самые звезды, о которых говорится в мифах?

— Да,— ответил Хью, испытывая какое-то смутное беспокойство — но они вовсе не маленькие. Они огромны, как Корабль. Они кажутся ма-

ленькими из-за гигантского расстояния. Видишь ту, которая поярче? Она больше, чем другие, потому что ближе. Я думаю, это и есть Проксима Центавра, хотя точно не уверен,— сознался он в приливе откровенности.

Нарби быстро глянул на него, потом снова на большую звезду.

— Как далеко до нее?

— Не знаю. Но буду знать. В Главной рубке есть специальные приборы для измерения расстояния, только я пока еще в них не разобрался. Дело не в том. Главное — мы прилетим туда, Нарби!

— Вот как?

— Вот именно! И завершим Полет!

Нарби хранил непроницаемое молчание. Старпом обладал хорошо дисциплинированным умом и в высшей степени логичным мышлением. Способный администратор, он умел при необходимости принимать мгновенные решения, но по характеру был склонен по мере возможности воздерживаться от выводов и суждений, пока как следует не переварит и не усвоит полученную информацию. Сейчас, в Капитанской рубке, Нарби был еще более неразговорчив, чем обычно. Он внимательно смотрел и слушал, но почти ни о чем не спрашивал. Хью не обращал внимания на это. Рубка была его гордостью, его любимой игрушкой. Он был счастлив одним тем, что мог показать ее новому зрителю и без умолку рассказывать о ней.

На обратном пути по предложению Эртца все остановились у Джо-Джима. Кровным братьям было просто необходимо вовлечь в свое дело Нарби, в противном случае вся операция теряла смысл. Старпом против задержки возражать не стал, придя к выводу, что его безопасности во время этой беспрецедентной вылазки в страну мутантов действительно ничто не угрожает.

Он выслушал Эртца, изложившего их намерения. Но хранил молчание до тех пор, пока у того не лопнуло терпение.

— Мы ждем ответа!

— Ждете моего ответа?

— Разумеется. От тебя многое зависит.

Это Нарби знал. Знал он и то, какой ответ от него ожидается, но по привычке тянул время.

— Что же,— Нарби важно выпятил губу и сплел пальцы.— Мне кажется, что проблему следует разделить на два пункта. Если я правильно понял, Хью Хойланд не может выполнить задуманное и исполнить древний План Джордана, пока весь Корабль не будет объединен под единой властью, пока на всем пространстве от страны Экипажа до Главной рубки не воцарятся единый порядок и дисциплина. Так?

— Именно. Мы должны подобрать вахту для Главного двигателя и...

— Извини, я не кончил. Да и, говоря откровенно, пробелы образования не позволяют мне понять техническую сторону вашего плана. Поэтому здесь я целиком полагаюсь на мнение Главного инженера. Техническое исполнение Плана Джордана — это как раз второй пункт общей проблемы. Естественно предположить, что ради его осуществления ты неизбежно заинтересован в первом.

— Безусловно.

— В таком случае давай ограничимся сейчас первым этапом. Здесь перед нами стоят вопросы чисто политического и административного характера, в которых я разбираюсь лучше, нежели в инженерных. Итак, Джо-Джим ищет возможности добиться мира между мьютами и Экипажем. Мира и доброй еды для всех, не так ли?

— Верно,— согласился Джим.

— Отлично. Я и ряд других офицеров давно уже стремимся к тому же. Но должен признать, что мне и в голову никогда не приходили иные пути

достижения этой цели, кроме применения силы. Мы готовились к долгой, тяжелой и кровавой войне. Ведь в самых древних наших летописях, которые Свидетели передают друг другу по наследству еще с незапамятных времен Мятежа, не найти и упоминания ни о каких других отношениях между нами и мьютами, кроме войны. Но я рад от всей души, что открываются возможности более разумных отношений.

— Так, значит, ты с нами!— воскликнул Эртц.

— Спокойно, спокойно, не все сразу. Здесь многое необходимо обдумать. И ты, Эртц, и я, и Хойланд отлично понимаем, что отнюдь не все офицеры Корабля пойдут за нами. Как быть с ними?

— Проще простого,— вставил Хью.— Будем их приводить по одному в рубку, показывать звезды и объяснять, что к чему.

— У тебя носилки несут носильщиков,— отрицательно покачал головой Нарби.— Я ведь сказал уже, что во всем этом деле вижу два этапа. Нет нужды убеждать человека в том, во что он никак не поверит, когда тебе требуется прежде всего его согласие на более практичные, вполне доступные его пониманию действия. Вот когда мы действительно объединим Корабль под одним руководством, тогда — и только тогда — мы сумеем без затруднений открыть офицерам тайну Рубки и звезд.

— Но...

— Он прав,— остановил Хойланда Эртц.— Не стоит ввязываться в бесконечные религиозные дебаты, когда на первом плане стоит проблема чисто практическая. Очень многие офицеры станут на нашу сторону, если мы выдвинем программу умиротворения и объединения Корабля, но они же, безусловно, выступят против нас, если мы начнем с посягательств на основные каноны религии и заявим, что Корабль движется.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Его точка зрения продиктована здравым смыслом. Теперь я изложу Нарби наши соображения по поводу тех офицеров, которых мы не сумеем убедить. Ну, во-первых, конечно, наш с тобой долг провести разъяснительную работу среди них, завербовать как можно больше сторонников. Что до остальных, то Конвертер нуждается в сырье постоянно.

Нарби кивнул. Мысль об убийствах и расправах как о методах проведения политического курса нисколько не смущала его.

— Это, конечно, подход самый надежный и деловой, но будут трудности в его осуществлении.

— Вот тут-то и пригодится Джо-Джим. За ним будут стоять лучшие бойцы Корабля.

— Ясно. Стало быть, Джо-Джим властен над всеми мьютами?

— С чего ты это взял?— прорычал Джо, неизвестно почему задетый за живое.

— У меня сложилось такое впечатление.

Нарби замолчал. Ему ведь действительно никто не говорил, что Джо-Джим — владыка всех верхних палуб, просто он так уверенно держался... Нарби стало не по себе. Неужели все эти переговоры были напрасны? На кой Хафф ему сдался пакт с двухголовым монстром, если он не представлял всех мьютов?

— Я должен был объяснить сразу,— торопливо вставил Эртц.— Сейчас Джо-Джим самый сильный вождь среди мьютов. Он поможет нам захватить власть, а там при нашей поддержке станет владыкой всех верхних палуб.

Нарби быстро проанализировал ситуацию, исходя из новых данных. Мьюты против мьютов при незначительном участии бойцов Экипажа —

это, пожалуй, наилучший способ ведения войны. К тому же такой вариант более приемлем, чем немедленное перемирие, хотя бы потому, что к концу войны мьютов в любом случае станет меньше, чем сейчас. И их будет легче взять под контроль, что значительно сократит опасности любых потенциальных мятежей.

— Ваша идея мне ясна,— заявил он.— А как вы себе представляете последующее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду?— поинтересовался Хойланд.

Эртц отлично понимал, куда гнет Нарби, Хойланд же только начал смутно догадываться.

— Кто будет новым Капитаном?— Нарби смотрел Эртцу прямо в глаза.

Заранее Эртц этого вопроса не обдумал и лишь сейчас понял его важность. Только решив вопрос о Капитанстве, можно предотвратить кровавую борьбу за власть после переворота. Эртц и сам питал иногда надежды на пост Капитана, но он хорошо знал, что Нарби метит на него давно. Теперь же Эртц так же глубоко, как и Хойланд, был захвачен романтикой плана возобновления управляемого полета Корабля. Осознав, что былое честолюбие может помешать осуществлению новой мечты, он отказался от него почти без малейшего сожаления.

— Капитаном будешь ты, Фин. Ты согласен?

Финеас Нарби принял предложение с великодушием.

— Пожалуй, да, коль скоро таковы ваши мнения. Ты и сам был бы отличным Капитаном, Эртц.

Эртц покачал головой, отлично понимая, что с этого мгновения Нарби с ними целиком и полностью.

— Я останусь на посту Главного инженера: хочу заняться двигателями во время Полета.

— Экие вы быстрые,— перебил их диалог Джо.— Я, между прочим, не согласен. С какой это стати Капитаном будет Нарби?

Финеас смерил его взглядом:

— Ты претендуешь на этот пост?

Он произнес свои слова осторожно, избегая малейшего намека на сарказм. Подумать только, мьют лезет в Капитаны!

— Нет, Хафф побери! Но при чем здесь ты? Почему не Эртц или не Хью?

— Я не могу,— заявил Хью.— Мне придется заниматься навигацией, и на административные вопросы у меня времени не останется.

— Пойми, Джо-Джим, Нарби единственный из нас, кто способен склонить на нашу сторону других офицеров,— сказал Эртц.

— Не перейдут к нам, так перережем им глотки, и дело с концом!

— Если Нарби будет Капитаном, обойдемся без кровопролития.

— Не нравится мне это, и все тут,— прорычал Джо, но его брат возразил:

— С чего ты заводишься? Видит Джордан, нам-то такая ответственность не нужна.

— Я вполне понимаю ваши опасения,— вкрадчиво начал Нарби,— но думаю, что они беспочвенны. Без вашей помощи мьютами я управлять все равно не смогу. Я оставлю за собой управление нижними палубами, это для меня дело привычное, а вы, если согласитесь, будете Вице-Капитаном страны мьютов. Глупо с моей стороны браться за управление страной, которую я не знаю, и народом, обычаи которого мне неизвестны. Нет, я не приму пост Капитана, если вы не согласитесь помочь мне. Итак, ваше решение?

— Нет,— отрезал Джо.

— Очень жаль. В таком случае я вынужден отказаться от Капитанства. Без вашей помощи оно мне не по плечу.

— Перестань, Джо,— стоял на своем Джим,— давай согласимся, хотя бы временно. Не можем же мы бросить все на полпути.

— Ладно, пусть будет так,— сдался Джо,— но не нравится мне все это.

Нет нужды пересказывать утомительные подробности дальнейших переговоров. Было решено, что Эртц, Алан и Нарби вернутся вниз к своим обычным обязанностям и займутся тайной подготовкой переворота.

Хью выделил им охрану до нижних палуб.

— Значит, пошлешь к нам Алана, когда все будет готово?— спросил он Нарби.

— Да, но не жди его скоро. Нам с Эртцем потребуется время, чтобы навербовать сторонников. Да и убедить старого Капитана созвать общее собрание всех офицеров Корабля будет непросто.

— Что ж, это твое дело. Доброй еды.

— Доброй еды..

В тех редких случаях, когда объявлялся общий сбор всех Ученых-жрецов и офицеров Корабля, заседание проводилось в большом зале, расположенном на самой верхней палубе цивилизованного мира. В стародавние забытые времена, еще задолго до Мятежа, возглавленного младшим механиком Роем Хаффом, здесь размещался гимнастический зал, место развлечения и спорта, о чем нынешние его хозяева и понятия не имели.

Нарби, прячущий тревогу за бесстрастным выражением лица, наблюдал за дежурным клерком, регистрирующим прибывающих. Как только придут несколько опоздавших, он вынужден будет доложить Капитану, что все в сборе, и не сможет больше оттягивать начало собрания, а сигнала от Хью и Джо-Джима все нет и нет. Неужели этот дурень Алан дал себя убить, когда шел наверх с посланием? Упал ли он с трапа и свернул свою никчемную шею? Или нож мьюта проткнул ему живот?

Вошел Эртц. Прежде чем занять свое место среди высших чинов, он подошел к Нарби, сидящему перед креслом Капитана.

— Ну как?— тихо спросил он.

— Все готово,— ответил Нарби,— но ответа пока нет.

Эртц и Нарби оглядели зал, подсчитывая своих сторонников. Не большинство, конечно, но все же... Однако в данном случае дело решится не голосованием, так что...

Дежурный клерк тронул Нарби за рукав:

— Все на месте, сэр. Нет только больных и офицера дежурной вахты Конвертера.

Нарби приказал об этом уведомить Капитана; самого его охватило предчувствие беды — что-то пошло не так.

Капитан, как обычно, не считаясь ни с кем, не торопился на собрание. Нарби был рад отсрочке, но переживал ее мучительно. Наконец старик вплыл в зал, развалясь в окруженных стражей носилках. Как всегда, с первой минуты совещания он нетерпеливо ждал конца, поэтому, знаком приказав всем сесть, он сразу же обратился к Нарби:

— Изложите повестку дня, Нарби. Надеюсь, вы ее подготовили?

— Так точно, Капитан.

— Так огласите же ее, огласите! Чего вы ждете?

— Есть, сэр.— Нарби обернулся к клерку-чтецу и вручил ему пачку исписанных листков. Клерк просмотрел их, на лице его промелькнуло удивление, но, не получив от Нарби никаких других указаний, он приступил к чтению.

— Петиция Совету и Капитану. Лейтенант Браун, администратор деревни сектора № 9, просит уволить его в отставку по причине преклонного возраста и плохого состояния здоровья...

Клерк подробно перечитал рекомендации соответствующих офицеров и ведомств.

Капитан раздраженно ерзал в кресле и наконец, не вытерпев, перебил чтеца:

— В чем дело, Нарби? Вы что, не можете разобраться с текущими делами сами?

— У меня сложилось впечатление, что Капитан был недоволен решением, принятым мною в прошлый раз по аналогичному вопросу. Я не имею намерения посягать на прерогативы Капитана.

— Что за бред! Вы еще, может быть, Уставу меня учить вздумаете? По этому вопросу должен принять решение Совет и представить его на мое утверждение.

— Так точно, сэр.

Нарби забрал у клерка листки и дал ему другие, содержащие не менее пустячное дело. Деревня сектора № 3, ссылаясь на неожиданную болезнь, поразившую растения их гидропонных ферм, просила оказания помощи и временной отмены налогов. Капитан взорвался при первых же словах клерка. И если бы в этот момент Нарби не получил известия, которого так ждал, ему пришлось бы туго. Человек из его охраны пересек зал и вложил ему в руку клочок бумаги с одним только словом: «Начинай». Нарби мельком глянул на нее, сделал знак Эртцу и обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку вы не намерены выслушивать петиции своего Экипажа, я сразу же перейду к основному вопросу повестки дня.— Еле прикрытая наглость этих слов заставила Капитана впиться взглядом в его лицо, но Нарби продолжал как ни в чем не бывало:— Уже давно, в течение жизни многих поколений, Экипаж страдает из-за враждебности мьютов. Наш скот, наши дети, наконец, мы сами находимся в постоянной опасности. На верхних палубах не чтут Устава Джордана. Даже сам Капитан-Помазанник не имеет туда свободного доступа. Из поколения в поколение мы слышим, что такова была воля Джордана — дети должны расплачиваться за грехи отцов. Однако я никогда не мог принять постулат веры, согласно которому Экипаж должен жить в вечных муках.

Нарби сделал паузу.

Старый Капитан ушам своим не верил. Подняв руку и с трудом обретя голос, он выкрикнул:

— Ты оспариваешь Учение?

— Нисколько. Я лишь считаю, что действие Устава должно быть распространено и на мьютов.

— Вы, вы... Вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Ну нет,— ответил Нарби, на этот раз и не думая скрывать издевку.— Нет. Сначала я выскажусь до конца.

— Взять его!

Но охранники Капитана не сдвинулись с места, хотя и чувствовали себя неловко. Охрану Капитана Нарби всегда подбирал сам. Повернувшись к ошеломленному Совету и поймав взгляд Эртца, Нарби сказал:

— Приступайте.

Эртц ринулся к двери. Нарби продолжал:

— Многие из присутствующих здесь разделяют мои взгляды, но мы всегда исходили из того, что за их утверждение придется воевать. По воле Джордана мне удалось наладить контакты с мьютами и заключить мир. Их вожди прибыли для переговоров с нами. Прошу.— И он указал на дверь.

Эртц вернулся в зал, за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд свернул направо. Следовавшие за ним гуськом отборные головорезы Джо-Джима взяли зал в полукольцо. По левой стороне зала такая же цепочка выстроилась вслед за Джо-Джимом и Бобо. Зал был окружен.

Джо-Джим, Хью и по полдюжины бойцов в обеих колоннах были одеты в грубо сработанные железные доспехи, спускающиеся ниже пояса. Головы их прикрывали неуклюжие шлемы, сделанные из стальных решеток, чтобы не затруднять обзора. Одетые в доспехи бойцы, как и многие другие, были вооружены невиданными ножами в руку длиной.

Офицеры без труда остановили бы вторжение в узких дверях зала, но, застигнутые врасплох, обескураженные и растерянные, они были беспомощны, тем более что нежданных гостей привели их собственные наиболее авторитетные вожди. Беспокойно шевелясь в креслах, хватаясь за ножи, офицеры искали во взглядах друг друга совета. Но ни у кого не хватило решимости сделать шаг, который послужил бы сигналом к началу битвы.

— Так что же, согласны вы принять мирную делегацию мьютов?— повернулся к Капитану Нарби.

Казалось бы, что возраст и привычка к безбедной жизни удержат Капитана от ответа, вообще удержат его от каких бы то ни было ответов на будущее, но он прохрипел:

— Убрать их! Убрать! А ты, ты отправишься за это в Полет!

Обернувшись к Джо-Джиму, Нарби поднял вверх большой палец. Джо-Джим шепнул что-то Бобо — и нож по самую рукоять вошел в жирное брюхо Капитана. Тот даже не вскрикнул, только жалобно всхлипнул, и лицо его приняло выражение крайнего удивления и растерянности. Неловко нащупав рукоять ножа, как бы желая убедиться, что в животе у него действительно сидит клинок, Капитан прохрипел: «Мятеж, мя...» — и тяжело рухнул лицом на стол.

Нарби ногой спихнул труп на пол и приказал двум охранникам убрать его. Те беспрекословно повиновались, обрадованные, что нашелся наконец хозяин, который будет ими командовать. Нарби обратился к застывшему в молчании залу:

— Кто еще возражает против мира с мьютами?

Престарелый офицер, в спокойствии и уюте проживший жизнь в отдаленной деревне, встал и выпятил костлявый палец в сторону Нарби. Седая борода его тряслась от возмущения.

— Джордан накажет тебя за это! Грех и мятеж! Ты продал душу Хаффу!

Нарби сделал знак, и слова старика застряли в горле. Острие ножа, пронзив шею, вышло у уха. Бобо был доволен собой.

— Хватит, поговорили,— объявил Нарби.— Лучше обойтись малой кровью сейчас, чем большой кровью потом. Те, кто согласен со мной, встаньте и выйдите вперед.

Эртц показал пример, шагнув первым и увлекая за собой самых верных своих сторонников. Он поднял нож острием вверх.

— Салют Финеасу Нарби, Капитану-Помазаннику!

Его сторонникам ничего не оставалось, кроме как провозгласить здравицу новому Капитану.

Нарби хором салютовали и молодчики из его клики — костяк блока рационалистов Ученых-жрецов. Увидев, куда склоняется чаша весов, к ним начали присоединяться и остальные. Лишь незначительная кучка офицеров, в основном стариков и религиозных фанатиков, осталась на местах.

Увидев, что Нарби приказал собрать их всех вместе и сделал знак головорезам Джо-Джима, Эртц взял его за руку.

— Их мало, и опасности они не представляют,— сказал он.— Давай просто разоружим их и уволим в отставку.

Нарби неприязненно посмотрел на него.

— Оставить их в живых — значит посеять семена раздора и мятежа, Я вполне способен принимать решения самостоятельно, Эртц.

— Хорошо, Капитан,— закусил губу Эртц.

— Так-то оно лучше.— Нарби подал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи работали быстро.

Хью держался подальше от места расправы. Его старый учитель Лейтенант Нельсон, администратор их деревни, заметивший когда-то способности Хью и отобравший его для учебы, был в числе убитых. Такого поворота событий Хью не предвидел.

—

За покорением мира следует его объединение. Верой или мечом. Бойцы Джо-Джима, усиленные людьми Капитана Нарби, прочёсывали средние и верхние палубы. Мьютам, закоренелым индивидуалистам, по самому образу жизни не способным подчиняться никому, кроме вождя собственной маленькой шайки, было не по плечу противостоять планомерному наступлению Джо-Джима, да и оружие их не шло ни в какое сравнение с длинными ножами, разящими насмерть, когда обороняющийся только готовился еще парировать удар.

По стране мьютов поползла молва, что лучше всего без боя покориться армии Двух Мудрых Голов — сдавшимся будет обеспечена добрая еда. Иначе — верная смерть.

Но дело шло медленно — столько было палуб, столько миль мрачных коридоров, бесчисленных жилищ, в которых могли укрыться непокоренные мьюты. Операция замедлялась и по мере продвижения вперед, поскольку Джо-Джим ввел патрулирование и внутреннюю охрану в каждом завоеванном секторе, на каждой палубе и у каждого люка.

К глубокому огорчению Нарби, Двухголовый из этих боев выходил живым и невредимым. Джо-Джим уяснил из своих книг, что генералу нет нужды принимать непосредственное участие в схватках.

Хью не покидал Рубки. И не только потому, что был поглощен головоломными приборами, в которых пытался разобраться. Смерть Лейтенанта Нельсона вызвала у него отвращение к кровавой чистке. К насилию он привык давно, оно и на нижних палубах было в порядке вещей, но сейчас что-то смутно мучило его, хотя осознанно он себя в гибели старика не винил. Просто он бы предпочел, чтобы обошлось без этого.

Но приборы, приборы! Да, вот чему стоило отдать свое сердце! Он ведь взялся за дело, перед которым спасовал бы любой грамотный землянин, заведомо зная, что управление звездолетом требует глубокой подготовки и богатого опыта полетов на более простых кораблях.

Но Хью Хойланд этого не знал. Поэтому он смело взялся за дело и добился своего.

На каждом шагу ему помогал гений создателей этого корабля. Управление большинством механизмов всегда основано на простейших движе-

ниях: вперед-назад, направо-налево, вверх-вниз и бесчисленном множестве их комбинаций. Настоящие трудности в работе с механизмами и машинами лежат в их эксплуатации, ремонте, профилактике и обслуживании.

Однако приборы и двигатели звездолета «Авангард» не нуждались в ремонте или замене сносившихся частей. Их изощренность превышала обычный уровень, движущиеся детали в них вообще не использовались, и трение не играло роли; они не нуждались в настройке. Хью никогда бы не смог разобраться в этом оборудовании, никогда не научился бы ремонтировать его. Но этого и не требовалось.

«Авангард» в ремонтниках не нуждался. За исключением разве что вспомогательного оборудования — подъемников, конвейеров, линий доставки еды, автомассажеров и так далее. Все это оборудование, в котором применение движущихся частей было неизбежным, сносилось и пришло в негодность еще задолго до появления первого Свидетеля. Детали и целые механизмы, потерявшие значение и смысл, либо были отправлены в Конвертер как бесполезный хлам, либо были приспособлены для практических нужд. Хью и знать не знал, что это когда-то существовало; остатки каких-то разобранных приспособлений в различных помещениях Корабля были в его глазах естественным природным явлением.

Проектировщики «Авангарда» исходили из того, что он достигнет цели не ранее чем через два поколения. Они ставили своей задачей по мере возможности облегчить судьбу будущих, еще не рожденных пилотов, которые доведут «Авангард» до Проксимы Центавра. Хотя такого упадка технической культуры, какой имел место в действительности, проектировщики не предвидели, они все же старались, как умели, максимально упростить управление Кораблем, сделать его наглядным, легкодоступным.

Земной подросток, в меру смышленый, выросший в развитой стране и с детства знакомый с самой идеей космических полетов, разобрался бы в пульте управления «Авангарда» за несколько часов. Хью, выросший в невежестве, в вере, что Корабль — это и есть весь мир, долгие годы не умевший выйти в своем воображении за пределы палуб и коридоров, был вынужден потратить на это много времени. Основным камнем преткновения были две абсолютно чуждые его восприятию концепции — глубокое пространство и метрическое время. Он научился обращаться с дистанциометром — прибором, специально разработанным для «Авангарда»,— и снял с него данные о расстоянии до нескольких ближайших звезд, но это все равно ничего не говорило ему. Они измерялись в парсеках и в его глазах были бессмысленны. Попытавшись с помощью Священных книг перевести их в линейные единицы, он получил цифры, которые ему казались смехотворными и заведомо неверными. Проверка за проверкой чередовались долгими раздумьями, прежде чем перед ним забрезжило хоть какое-то туманное представление об астрономических величинах.

Эти величины ошеломили и напугали его. Им овладели чувства отчаяния и безнадежности. Он покинул Рубку и занялся выбором жен. Впервые с тех давних пор, как он попал в плен к Джо-Джиму, он почувствовал интерес к женщинам и получил возможность его удовлетворить. Выбор был большой. Подросло новое поколение деревенских девушек, да и к тому же военные операции Джо-Джима сделали многих женщин вдовами. Хью воспользовался своим высоким положением в новой иерархии Корабля и выбрал себе двух жен: молодую вдову, сильную и умелую самку, привыкшую создавать домашний уют мужчине. Он поселил ее в своем новом жилище, предоставил свободу действий в доме и позволил ей сохранить свое прежнее имя — Хлоя. Вторая была девушкой необузданной и дикой,

как мьют. Хью и сам не знал, почему он выбрал именно ее. Уметь она ничего не умела, но чем-то привлекала его. Имени ей он так и не придумал.

Метрическое время заставило его поломать голову не меньше, чем астрономические величины, но эмоциональных потрясений не вызвало. В мире Корабля и понятия такого не было. Экипаж имел представление об обиходных основных понятиях: «сейчас», «прежде», «было», «будет», даже такие, как «медленно» и «быстро», но идея измеряемого времени была утрачена. На Земле даже первобытные племена имели понятия измеряемого времени, хотя бы только дней и времен года, но ведь все земные концепции измеряемого времени строятся на астрономических явлениях, а Экипаж был от них изолирован давным-давно.

На пульте управления Хью нашел единственные сохранившиеся в Корабле часы, но ему долго пришлось ломать голову, прежде чем он понял их назначение и связь с другими приборами. Пока он не разобрался в этом, управление Кораблем было ему недоступно. Скорость и ее производное — ускорение — основываются на понятии измеряемого времени.

Но, как следует разжевав и усвоив две новые концепции и перечитав заново в их свете древние книги, он стал, хотя и в очень ограниченном смысле слова, астронавтом.

Хью искал Джо-Джима, чтобы спросить совета. Головы Джо-Джима всегда поразительно быстро соображали, особенно если ему была охота их напрячь. Но поскольку это случалось с ним не часто, он так и оставался во всем дилетантом.

У Джо-Джима Хью застал Нарби, уже собравшегося уходить. Для успешного проведения кампании по умиротворению мьютов Нарби и Джо-Джиму часто приходилось совещаться. К их взаимному удивлению, они хорошо ладили. Нарби был умелым администратором. Доверяя кому-то определенную ответственность, он не стоял над душой и не требовал отчета по каждой мелочи. Джо-Джим, в свою очередь, удивлял и радовал Нарби, что был намного способнее всех его офицеров. Симпатий они друг к другу отнюдь не испытывали, но чувствовали взаимное уважение к уму партнера и понимали, что их личные интересы совпадают.

— Доброй еды, Капитан,— по-уставному приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью,— ответил Нарби и снова повернулся к Джо-Джиму.— Так я буду ждать доклада.

— Да, мы его подготовим,— ответил Джо.— Вряд ли их там осталось больше дюжины. Мы их или выбьем оттуда, либо заморим голодом.

— Я не мешаю?— спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как идут твои грандиозные дела, дружище?— Он улыбнулся, и эта улыбка разозлила Хью.

— Дела идут хорошо, но медленно. Представить доклад?

— Не к спеху. Да, кстати, я наложил табу на обе рубки и на двигатель, в общем, на весь ярус невесомости. И для Экипажа и для мьютов.

— Пожалуй, это правильно. Никому, кроме офицеров, не следует там пока шататься.

— Ты меня не понял. Я имею в виду всех, и офицеров тоже. Исключая нас, разумеется.

— Нет, так не пойдет. Единственная реальная возможность убедить офицеров в нашей правоте — это показать им звезды!

— Именно поэтому я и наложил табу. Сейчас, когда я занят консолидацией власти, я не могу позволить смущать умы моих офицеров столь ра-

дикальными идеями. Разгорятся религиозные страсти, а это подорвет дисциплину.

Хью был настолько ошеломлен и расстроен, что даже не сразу нашелся с ответом.

— Но ведь это наша цель,— сказал он наконец.— Именно для этого тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитану мне придется принимать окончательные решения по политическим вопросам. Данный вопрос исчерпан. Тебе не разрешается водить людей в невесомость до тех пор, пока я не сочту это возможным. Придется потерпеть.

— Он прав, Хью,— заметил Джим.— Не стоит создавать почву для разногласий, пока мы не закончим войну.

— Дайте-ка мне разобраться до конца,— стоял на своем Хью.— Эти меры носят временный характер?

— Можешь считать так.

— Что ж, ладно. Но постой-ка, ведь Эртцу и мне необходимо немедленно начать обучение помощников.

— Хорошо, представь мне список кандидатов на утверждение. Кого именно ты имеешь в виду?

Хью задумался. Ему-то помощник не особенно был нужен. Хотя в рубке шесть кресел, один человек в кресле навигатора вполне мог управиться с пилотированием Корабля. То же касалось и Эртца...

— Эртцу потребуются носильщики, чтобы доставлять массу к Главному двигателю.

— Пусть составит список. Я подпишу. Проследи за тем, чтобы все носильщики были подобраны из мьютов, уже бывавших в запретной зоне ранее.

Нарби повернулся и вышел с видом правителя, завершившего аудиенцию.

Хью посмотрел ему вслед.

— Не нравится мне это все,— сказал он Джо-Джиму.— Ну да ладно. Я ведь пришел поговорить совсем о другом.

— Что у тебя на уме, приятель?

— Слушай, как мы... Ну, понимаешь. завершим мы Полет. Мы сведем Корабль с планетой, как...— он соединил сжатые кулаки.

— Верно, продолжай.

— Так вот, когда мы сделаем это, что будет потом? Как мы выйдем из Корабля?

Этот вопрос застал близнецов врасплох и вызвал спор между ними. Наконец Джо перебил брата.

— Погоди-ка, Джим. Давай рассуждать логично. Если Корабль был построен для Полета, то ведь должна быть дверь, не так ли?

— Верно.

— Но на верхних палубах дверей нет. Следовательно, они должны быть внизу.

— Но там их тоже нет,— возразил Хью,— мы там все исследовали. Двери где-нибудь у вас, в стране мьютов.

— В таком случае,— продолжал Джо,— их следует искать либо в передней, либо в задней части Корабля. Но за помещением Главного двигателя нет ничего, кроме переборок. Следовательно, искать надо в передней части.

— Глупо,— заметил Джим.— Там Главная и Капитанская рубки, и больше ничего...

— Ничего? А о запертых жилищах ты забыл?

— Там-то уж точно дверей наружу нет.

— Непосредственно наружу нет, но, может быть, через эти жилища к ним можно выйти, балда ты.

— От балды и слышу. Даже если ты прав, как ты их откроешь, умник?

— Что такое «запертые жилища»?— спросил Хью.

— Ты не знаешь? В переборке, за которой расположена дверь, ведущая в Главный двигатель, есть еще семь дверей. Открыть их нам так и не удалось.

— Пойдем посмотрим. Может быть, это и есть то, что мы ищем.

— Время только терять,— буркнул Джим.

Но они пошли, прихватив с собой Бобо. Его сила могла пригодиться. Но даже вздувшиеся мышцы Бобо не справились с рычагами, которые, по-видимому, приводили двери в движение.

— Убедился?— иронически сказал брату Джим.

Джо пожал плечами:

— Ты был прав. Пошли отсюда.

— Подождите немножко,— взмолился Хью.— Кажется, на второй двери ручка чуть-чуть повернулась. Давай попробуем еще раз.

— Без толку это все,— ответил Джим.

— Раз уж пришли, давай попробуем еще,— возразил Джо.

Бобо приналег, вжавшись плечом под рычаг и упершись в пол ногами. Неожиданно рычаг подался, но дверь не открылась.

— Сломал,— сказал Джо.

— Похоже, что так,— согласился Хью и оперся на дверь рукой. Дверь распахнулась.

К счастью для всех троих, она не вела в Космос. В их жизненном опыте неоткуда было взяться представлению об открытом вакууме и его опасностях.

Короткий узкий коридор привел к еще одной, на этот раз полуоткрытой двери. Силач Бобо распахнул ее без труда.

Еще шесть футов коридора, и они уперлись в очередную дверь.

— Не понимаю,— пожаловался Джим, пока Бобо занимался ею,— к чему эти бесконечные двери?

— Подожди, может, поймешь,— посоветовал ему брат.

За третьей дверью открылось помещение, состоящее из нескольких странных, маленьких, непривычной конфигурации жилищ.

Бобо двинулся вперед на разведку с ножом в зубах. Хью и Джо-Джим шли медленно, это странное место заворожило их.

Бобо вернулся, погасил скорость полета, опершись о переборку, вынул нож изо рта и доложил:

— Нет двери. Больше нет. Бобо смотрел.

— Должна быть,— настаивал Хью, раздраженный тем, что карлик разбил его надежды.

— Бобо хорошо смотрел,— пожал плечами мутант.

— Проверим сами.

Хью и Джо-Джим разошлись в противоположные стороны, внимательно осматривая и изучая помещение.

То, что Хью нашел вместо двери, заинтересовало его больше. Находка просто была невозможной. Он хотел было позвать Джо-Джима, но Джим как раз в этот момент крикнул:

— Хью, иди сюда!

Хойланд неохотно оторвался от своей находки и пошел к близнецам.

— Слушайте, я там такое нашел...

— Плюнь на то, что ты нашел,— перебил его Джо.— Смотри сюда.

Хью посмотрел. Перед ним был конвертер. Маленький, но, несомненно, конвертер.

— Бессмыслица какая-то,— сказал Джим.— Зачем нужен конвертер в таком маленьком жилище? Ведь эта штуковина может обеспечить энергией и светом добрых полкорабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

— Не знаю даже, что и думать, но если ваша находка кажется вам странной, то взглянем на мою.

— А ты что нашел?

— Пойдем покажу.

Хойланд привел Джо-Джима в маленькую комнату, одна стена которой была сделана из стекла. Стекло было темным, как будто извне что-то загораживало вид. Напротив стены стояли два кресла, в подлокотниках которых и на приборных досках перед ними светились такие же квадратики маленьких огоньков, как в Главной рубке.

Джо-Джим попытался найти прибор, который воспроизвел бы панораму звездного неба на стеклянной стене перед ними. Попытки не увенчались успехом. Не мог же он знать, что это стекло не экран, а иллюминатор, заслоненный корпусом самого Корабля. Манипулируя наугад пальцами, Джо-Джим включил приборы, над которыми зажглась надпись «Пуск». Слово это ничего не говорило ему, и он не обратил на него внимания. Тем более что ничего существенного не произошло, разве что замигал красный огонек и вспыхнула еще одна надпись: «Открыт герметический шлюз».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло, что шлюз был открыт. Затвори они за собой двери и оставь их далекие предки в Конвертере хоть несколько граммов массы, пригодной для превращения в энергию, все трое весьма неожиданно для себя очутились бы в корабельной шлюпке, запущенной в космос без какой бы то ни было подготовки к полету: в маленьком космическом суденышке, систему управления которым они лишь смутно начали постигать по аналогии со схемой приборов Главной рубки.

Им вряд ли удалось бы ввести шлюпку обратно в док, вероятнее всего они разбились бы о Корабль.

И никто из них не подозревал, что найденное ими «жилище» само по себе было маленькой космической ракетой. Им и в голову никогда не приходило, что Корабль, может быть оснащен шлюпками.

— Выключи свет,— попросил Хью.

Джо-Джим выполнил его просьбу.

— Итак?..— продолжал Хью.— Что вы думаете по поводу этой находки?

— Дело ясное,— ответил Джим.— Это вторая рубка. Раньше мы не знали о ней, потому что не могли открыть дверь.

— Нелогично,— возразил Джо.— Зачем Кораблю две рубки?

— А зачем человеку две головы?— ответил вопросом на вопрос его брат.— С моей точки зрения, твоя — явное излишество.

— Не сравнивай, мы с тобой такими родились. Но Корабль-то строили по проекту.

— Ну и что? Мы же носим два ножа, разве нет? Мы что, так и родились с ними? Запас карман не тянет.

— Но как отсюда управлять Кораблем?— запротестовал Джо.— Ничего же не видно. Уж если дублировать управление, то в Капитанской рубке, откуда видны звезды.

— А это что?— спросил Джим, показывая на стеклянную стену.

— Пошевели мозгами,— ответствовал Джо.— Эта стена выходит внутрь Корабля, а не наружу. Здесь нет приборов для воспроизведения звездного неба.

— Может, мы их просто не нашли.

— Хорошо, но тогда зачем здесь Конвертер? Уверяю тебя, его установили не случайно.

— Ну и что?

— Наверняка он как-то связан со всеми этими приборами.

— Почему ты так думаешь?

— А потому! С чего бы устанавливать в одном отсеке и приборы и Конвертер, если они друг к другу никакого отношения не имеют?

Хью, все время обескураженно молчащий, поднял голову. В аргументах братьев даже противоречия казались обоснованными и логичными. Запутанная ситуация. Но Конвертер, Конвертер...

— Послушайте!— вдруг выпалил Хью.

— Чего ты там еще надумал?

— А что, если... а что, если эта часть Корабля движется?

— Естественно. Весь Корабль движется.

— Да нет же,— сказал Хью нетерпеливо.— Я совсем о другом. Что, если эта часть Корабля может двигаться самостоятельно? Пульт управления и Конвертер! Вот в чем секрет — эта секция может отделиться от Корабля и лететь сама по себе!

— Сомнительно.

— Возможно. Но если я все же прав, то мы нашли искомое. Это и есть выход наружу.

— Как так?— спросил Джо.— Что за чушь! Здесь же нет двери.

— Но если эту штуку отвести от Корабля, то наружу можно выйти через дверь, в которую мы вошли!

Две головы одновременно повернулись к нему, потом посмотрели друг на друга. Джо-Джим повторил свой эксперимент с приборной доской.

— Видишь?— сказал Джим.— «Пуск». Пуск это значит — привести корабль в движение.

— Почему же ничего не происходит?

— «Открыт герметический шлюз». Имеется в виду дверь, все двери, через которые мы прошли.

— Попробуем закрыть?

— Надо сначала включить Конвертер.

— Давай.

— Не спеши, не спеши. Кто знает, что получится? Вылетим еще, чего доброго, а обратно вернуться не сможем. Помрем тогда с голода.

— Х-мм-м, верно. Надо осмотреться, продумать все хорошенько.

Прислушиваясь к спору близнецов, Хью внимательно исследовал приборную доску, пытаясь разобраться, что к чему. Увидев ящичек на панели перед креслом, он сунул в него руку.

— Смотрите, что я нашел!

— Книга?— сказал Джо.— Да их у Конвертера целая куча.

— Покажи,— сказал Джим.

Хью открыл найденную книгу.

— «Бортовой журнал звездолета „Авангард"»,— прочитал он.— «2 июня 2172 года. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— Что?!— завопил Джо.— Дай посмотреть!

— «3 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

«4 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости. В 13.00 капитан объявил список поощрений и дисциплинарных взысканий. См. Административный журнал».

«5 июня. Полет продолжается с прежней крейсерской скоростью».

— Дай сюда!

— Подожди,— ответил Хью.— «6 июня. В 04.31 вспыхнул мятеж. Младший механик Хафф захватил несколько ярусов и, объявив себя Капитаном, предложил вахте сдаться. Вахтенный офицер объявил его арестованным и вызвал каюту Капитана. Ответа не было».

«04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер отправил трех рассыльных известить Капитана, а также найти коменданта гауптвахты и содействовать аресту Хаффа».

«04.41. Конвертер отключен, перешли в свободный полет».

«05.02. Рассыльный Лэси, один из троих, посланных ранее вниз, вернулся в рубку. Доложил на словах, что остальные двое — Малькольм Янг и Артур Сирс — убиты, а его отпустили только для того, чтобы предложить вахте сдаться. Мятежники дают нам срок на размышления до 05.15».

Следующая запись в бортжурнале была сделана другим почерком.

«05.45. Я сделал всё возможное, чтобы связаться с другими постами и офицерами Корабля, но мои попытки не увенчались успехом. Исходя из сложившихся обстоятельств, считаю своим долгом покинуть рубку управления, не дожидаясь смены, и попытаться восстановить порядок в нижних ярусах. Поскольку мы не вооружены, мое решение может быть ошибкой, но ничего другого мне не остается. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер».

— Это все?— спросил Джо.

— Нет,— ответил Хью.

«1 октября (приблизительно) 2172 года. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой интендантской службы, был сегодня избран Капитаном «Авангарда». Со времени занесения в этот журнал последней записи многое изменилось. Мятеж был подавлен или, вернее, угас сам собой, но последствия его трагичны. Погиб весь командный состав, перебиты все пилоты и инженеры. Поэтому меня и выбрали Капитаном — не нашлось никого, более подходящего.

Мы потеряли около 90 процентов экипажа. Со дня мятежа не производились новые посевы, гидропонные фермы запущены, запасы продовольствия приближаются к концу. Среди не сдавшихся еще мятежников уже были отмечены случаи людоедства.

Моя первостепенная задача — установить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Следует возобновить посевы и установить постоянную вахту у Вспомогательного конвертера, который теперь стал нашим единственным источником света, тепла и энергии».

Дата следующей записи не была указана.

«Последнее время мне было не до аккуратного ведения журнала. Сказать по правде, я даже приблизительно не представляю, какое сегодня число. Корабельные часы давно остановились. То ли из-за неполадок в Вспомогательном конвертере, то ли из-за внешней радиации. Поскольку Главный конвертер не функционирует, мы утратили поле радиационной защиты вокруг Корабля. Мой Главный инженер уверяет, что Главный конвертер можно пустить, но у нас нет навигаторов. Я пытался обучиться навигации по сохранившимся книгам, но математика слишком сложна для меня.

Из-за радиации примерно каждый двадцатый ребенок рождается уродом. Я ввел спартанский кодекс — эти дети не должны жить. Суровая необходимость.

Я становлюсь стар и дряхл, пора подыскивать себе преемника. Я — последний на борту, кто родился на Земле, но и я мало что о ней помню — мне было пять лет, когда мои родители отправились в полет. Я не знаю, сколько мне лет сейчас, но ясно понимаю одно — до Конвертера мне осталось совсем немного.

В психологии моих людей происходит любопытный сдвиг. Они никогда не жили на планете, поэтому с течением времени им все труднее становится воспринимать какие-либо концепции, не связанные непосредственно с Кораблем, или представлять себе природные явления, не связанные с жизнью в нем. Я оставил всякие попытки пробудить их воображение и мысль; они вряд ли пойдут на пользу, если у меня все равно нет надежды хоть когда нибудь вывести мой экипаж из мрака. Жизнь у моих людей тяжелая, они выращивают урожай только для того, чтобы потом драться за него, отбивая налеты отщепенцев, все еще прячущихся в верхних палубах. Так зачем же растравлять их души рассказами о лучшем бытии?

Я принял решение не передавать этот бортжурнал моему преемнику. Лучше я спрячу его в единственной сохранившейся после бегства мятежников шлюпке. Там он будет в безопасности, здесь же какой-нибудь идиот, не задумываясь, пустит его на топливо для Конвертера. Недавно я застал вахтенного в тот момент, когда он закладывал в Конвертер последний экземпляр бесценной «Всеземной энциклопедии». Проклятый дурень неграмотен, не умеет ни читать, ни писать. Надо издать закон об охране книг».

«Это моя последняя запись. Я долго откладывал приход сюда, чтобы спрятать журнал в безопасном месте,— подниматься на верхние палубы очень опасно. Но жизнь моя значения больше не имеет, а я хочу умереть уверенным в том, что сохранится правдивая летопись событий.

Теодор Маусон, Капитан».

Когда Хью кончил читать, близнецы против обыкновения долго молчали. Наконец Джо глубоко вздохнул и сказал:

— Вот, значит, как оно все было.

— Жаль его, беднягу,— тихо вымолвил Хью.

— Кого? Капитана Маусона? Почему?

— Нет, не его. Я имел в виду пилота Болдуина. Представляешь, каково ему было выходить за дверь, где его поджидал Хафф.— Хью передернуло. Человек он был просвещенный, но при всей широте своих взглядов подсознательно представлял себе Хаффа — «первым Хафф согрешил, будь он проклят вовек!» — существом ростом с двух Джо-Джимов, силой с двух Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью заимствовал у Эртца несколько носильщиков, которые стаскивали трупы жертв военных действий к Главному конвертеру на топливо, и приказал им доставить в шлюпку запасы воды, продовольствия и массу для Конвертера. Нарби он об этом не сообщил и вообще утаил от него найденную шлюпку. Почему — сам не знал, просто Нарби раздражал его.

Между тем звезда на экране Главной рубки росла и росла, пока не превратилась в яркий сверкающий диск. Такой яркий, что на него больно было смотреть. Изменилось и ее положение — она переместилась почти в центр. Если Корабль продолжит свой неуправляемый дрейф, то опишет вокруг звезды гиперболу и снова исчезнет в глубинах космоса.

Хью долго, очень долго вычислял траекторию полета. Сохранись на Корабле земное исчисление времени, он увидел бы, что у него ушло на это несколько недель. Еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его расчеты и с трудом заставили себя поверить в правильность полученных ими цифр — до того они казались нелепыми. И еще больше времени ушло на то, чтобы убедить Эртца, что для сближения двух тел в пространстве необходимо прилагать силу, направленную в сторону, противоположную желаемой, то есть упереться пятками, изо всех сил затормозить и погасить силу инерции. Пришлось провести целый ряд экспериментов в свободном полете в невесомости, прежде чем Эртц поверил в это. Сам-то он просто собирался разогнать Корабль и на полном ходу направить его на звезду.

Хью и Джо-Джим рассчитали силу торможения, необходимую для погашения скорости «Авангарда» и вывода его на орбиту вокруг звезды, чтобы затем начать поиск планет. Эртц с трудом усвоил разницу между звездой и планетой. Алан вообще ничего не понял.

— Если мои расчеты верны,— сказал Эртцу Хью,— пора разгонять Корабль.

— Главный двигатель готов,— ответил Эртц.— У нас уже достаточно массы.

— Нужно идти к Нарби за разрешением.

— Это еще зачем?

— Он же Капитан,— пожал плечами Хью.

— Хорошо. Зови Джо-Джима и пойдем.

В помещении Джо-Джима они нашли Алана.

— Коротышка сказал, что Двухголовый ушел к Капитану,— сообщил им Алан.

— Прекрасно. Мы как раз хотели позвать его туда. Алан, старик, мы начинаем!

— Уже? Вот здорово!— выпучил глаза Алан.

— Идем с нами к Капитану.

— Подождите, я только предупрежу свою бабу.— И он побежал в свое жилище, находившееся рядом.

— Балует он ее,— заметил Эртц.

— Иногда это от нас не зависит,— ответил Хью с отсутствующим взглядом.

Алан быстро вернулся, успев, однако, переодеться.

— Пошли!— крикнул он возбужденно.

Алан гордо вышагивал к кабинету Капитана. Он теперь стал значительным лицом — идет себе рядом с влиятельными друзьями, а охрана, знай, честь отдает. Давно прошли времена, когда его держали на побегушках.

Но часовой у двери не отступил, как обычно, в сторону, хотя и отдал честь.

— Дорогу!— резко сказал Эртц.

— Слушаюсь, сэр,— ответил часовой, не двигаясь с места.— Ваше оружие, пожалуйста.

— Ты что, идиот, не узнаешь Главного инженера?

— Так точно, сэр, узнаю. Прошу сдать оружие. Таков приказ.

Эртц пихнул его в плечо. Часовой уперся ногами в пол.

— Прошу извинить, сэр. Капитан строго-настрого приказал всем входящим к нему оставлять оружие у входа. Всем без исключения.

— Проклятье!

— Он хорошо помнит, что случилось с прежним Капитаном,— тихо вставил Хью.— Умный он парень, наш Нарби.— С этими словами он отстегнул нож и отдал его часовому. Эртц пожал плечами и сделал то же самое. Обескураженный Алан последовал их примеру, смерив стража испепеляющим взглядом.

Когда они вошли в кабинет, Нарби беседовал с Джо-Джимом. На лицах близнецов застыло угрюмое выражение. Бобо казался голым без привычных пращи и ножей.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим,— продолжал Нарби.— Таково мое решение. Я оказал вам любезность, изложив причины, побудившие меня к нему, но ваше согласие или несогласие не имеет значения.

— В чем дело?— поинтересовался Хью.

Нарби поднял взгляд.

— Хорошо, что ты пришел, Хью, а то твой друг мьют начинает забывать, кто здесь Капитан.

— В чем дело?— повторил Хью.— Что здесь происходит?

— Он,— прорычал Джим, тыча пальцем в Нарби,— думает разоружить всех мьютов.

— Но ведь война окончена, не так ли?

— Не было такого уговора. Мьюты должны были влиться в Экипаж. Разоружи сейчас мьютов, и Экипаж их всех перережет. У него-то ножи останутся.

— Придет время, у всех отберем,— заверил Нарби,— но я сделаю это тогда, когда сочту нужным. Что у тебя, Эртц?

— Спроси Хью.

Нарби обернулся к Хойланду.

— Я пришел уведомить вас, Капитан,— по-уставному отчеканил Хью,— что мы намерены запустить Главный двигатель и перейти к управляемому Полету.

Если слова Хью и удивили Нарби, то никак уж не привели в растерянность.

— Боюсь, что вам придется обождать. Я все еще не считаю возможным допускать офицеров в невесомость.

— В этом нет необходимости,— сказал Хью.— Поначалу Эртц и я вполне справимся сами. Ждать больше нельзя. Если мы не начнем сейчас, то при жизни нашего поколения Полет завершен не будет.

— Не будет так не будет.

— Что?!— выкрикнул Хью.— Нарби, ты что, не хочешь завершить Полет?

— Я не намерен проявлять поспешность.

— Что за ерунда, Фин?— спросил Эртц.— Что это на тебя нашло? Нам действительно пора начинать.

Нарби молча барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

— Поскольку здесь высказываются некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит власть, придется мне вам разъяснить, что к чему. Хойланд, в той мере, в какой твои забавы не мешали мне управлять жизнью Корабля, я был готов смотреть на них сквозь пальцы и позволять тебе развлекаться, ибо по-своему ты был весьма полезен. Но поскольку твои бредовые идеи становятся источником разложения Экипажа, угрозой моральному здоровью, спокойствию и безопасности народа Корабля, я вынужден положить им конец.

От изумления Хью лишился дара речи. Наконец он выдавил:

— Бредовые? Ты сказал, «бредовые»?

— Вот именно. Только псих или невежественный религиозный фанатик может уверовать, будто Корабль движется. Но поскольку и ты, и Эртц имели честь удостоиться научного образования и невеждами вас считать нельзя, вы оба, безусловно, свихнулись.

— Во имя Джордана! — воскликнул Хью.— Ты сам, собственными глазами видел бессмертные звезды, и ты же называешь нас безумцами!

— Что все это значит, Нарби?— холодно спросил Эртц.— Ты что финтишь? И не вкручивай нам мозги, мы-то знаем, что ты был наверху и удостоверился в том, что Корабль движется.

— Я с интересом наблюдал за тобой, Эртц,— сказал Нарби.— Но никак не мог понять: то ли ты решил использовать психоз Хойланда в своих интересах, то ли сам сошел с ума, как и он. Только теперь мне стало ясно, что ты тоже свихнулся.

Эртц сдержал гнев.

— Будь любезен объясниться. Ты же был в Рубке, и как ты можешь утверждать, что Корабль не движется?

— Я был о тебе лучшего мнения как об инженере,— усмехнулся Нарби.— Рубка не что иное, как ловкая мистификация. Фокус! Ты сам видел, что огни в ней включаются и выключаются — очень остроумное приспособление с инженерной точки зрения, надо сказать. Судя по всему, оно служило для культовых обрядов, чтобы возбуждать в верующих благоговение перед древними мифами. Но нам оно ни к чему. Вера Экипажа и так крепка. Сейчас Рубка может лишь возбудить нездоровые страсти, поэтому я ее уничтожу, а двери, ведущие в нее, опечатаю.

Не удержи его Эртц, Хью вцепился бы в Нарби.

— Спокойно, Хью,— сказал Эртц и продолжал:— Допустим даже, что Главный двигатель просто муляж, но что ты скажешь о Капитанской рубке? Ты ведь видел там настоящие звезды, а не их изображение.

— Эртц, да ты еще глупее, чем я думал!— Нарби расхохотался.— Должен сознаться, однако, что сначала Капитанская рубка и меня заинтриговала, хотя во все эти звезды я никогда не верил! Но Главная рубка помогла мне во всем разобраться. Капитанская рубка такой же фокус, как и она. Очень остроумное инженерное решение, безусловно. За ее иллюминатором находится еще одно помещение примерно такого же размера, но неосвещенное. На фоне этой тьмы маленькие огоньки действительно создают эффект бездонного пространства. Принцип тот же, что и в Главной рубке. Я просто поражен тем, что вы сами этого не поняли. Если очевидные факты противоречат логике и здравому смыслу, это означает, что вы неправильно истолковали их, и они лишь кажутся вам очевидными. Единственный, по-настоящему очевидный, основной факт природы — реальность Корабля, прочного, незыблемого, неподвижного мира. Все, что противоречит этой объективной реальности, не более чем иллюзия, самообман. Вооруженный этим Учением, я начал искать секрет показанного мне фокуса и нашел его!

— Ты хочешь сказать,— спросил Эртц,— что действительно нашел путь по ту сторону стеклянной стены и собственными глазами видел механизмы, создающие иллюзию звезд?

— Нет,— ответил Нарби,— в этом нет необходимости. Не обязательно порезаться, чтобы убедиться в остроте ножа.

— Та-а-к,— протянул Эртц. И сказал после короткой паузы:— Предлагаю тебе компромисс. Если Хью и я действительно сошли с ума, то вреда от нас все равно не будет, поскольку мы держим язык за зубами. Но мы

попробуем запустить двигатели и доказать, что Корабль движется. Если ничего не выйдет, ты был прав, а мы ошиблись.

— Капитан не торгуется,— заявил Нарби.— Однако я обдумаю твое предложение. Вы свободны.

Эртц повернулся уходить, сдержав негодование, но взгляд его упал на каменные лица Джо-Джима.

— А как же с мьютами?— спросил Главный инженер.— Почему ты позволяешь себе так обращаться с Джо-Джимом? Не забывай, что ты стал Капитаном благодаря его ребятам.

На мгновение Нарби утратил выдержку, и маска собственного превосходства исчезла с его лица.

— Не вмешивайся не в свое дело, Эртц. Я не позволю держать здесь банды вооруженных дикарей. Таково мое окончательное решение.

— С пленными можешь поступать как хочешь,— сказал Джим,— но наш отряд оружие не сдаст. Таково мое окончательное решение. Им всем была обещана добрая еда до конца жизни, если они будут драться за тебя. Разоружаться мы не будем.

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим,— сказал он.— Я всегда считал, что хороший мьют — это мертвый мьют. Ты делаешь сейчас все, чтобы укрепить меня в этом мнении. Думаю,тебе небезынтересно будет знать, что к настоящему времени твою банду уже разоружили и перерезали.

Ворвалась ли стража по сигналу или по заранее отданному приказу, понять было трудно. В спины захваченных врасплох безоружных кровных братьев уперлись клинки ножей.

— Арестовать их,— приказал Нарби.

Бобо взвизгнул и взглядом спросил Джо-Джима, что делать.

— Давай, Бобо!— крикнул Джо.

Лягнув держащего его стражника, карлик прыгнул на человека, приставившего нож к спине Джо-Джима. Растерявшись, тот потерял драгоценные полсекунды. Сбив его на пол ударом в живот, Джо-Джим вырвал у него из рук нож.

Хью катался по полу в обнимку со своим противником, сжав его кисть, державшую оружие. Джо-Джим нанес стражнику удар, и Хью вскочил на ноги с ножом в руках. Двухголовый огляделся и увидел кучу из четырех человек — Эртца, Алана и еще двоих. Удары он наносил осторожно, чтобы не перепутать, какой голове принадлежит чье тело.

— Возьмите их ножи,— приказал он своим друзьям, поднявшимся на ноги. Его слова потонули в диком вопле. Бобо, так и не успевший отобрать оружие у врага, прибегнул к своему природному оружию. Раскромсанное его зубами лицо охранника залилось кровью.

— Где его нож?— спросил Джо.

— Не могу дотянуться,— виновато ответил Бобо.

Причина была очевидна — нож торчал из-под правой лопатки карлика. Джо-Джим легонько потянул за рукоять. Лезвие было всажено глубоко и не выходило.

— Идти сможешь?

— Конечно,— прохрипел Бобо.

— Пусть пока останется в ране. Алан! За мной! Хью и Билл — прикрывайте с тыла. Бобо — центр.

— Где Нарби?— спросил Эртц, прижав рукой рассеченную щеку.

Но Нарби исчез — выскользнул в дверь позади своего стола. И эта дверь была заперта снаружи.

Клерки бросились врассыпную, когда кровные братья вырвались в приемную. Джо-Джим всадил нож в часового у двери, прежде чем тот успел поднять тревогу. Быстро разобрав свое оружие, они устремились на верхние ярусы.

Двумя палубами выше нежилых территорий Бобо зашатался и упал. Джо-Джим поднял его.

— Выдержишь?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь.

Еще палуб через двадцать стало ясно, что Бобо дальше идти не сможет, хотя его и поддерживали по очереди. Сила тяжести уже заметно уменьшилась. Алан поднатужился и поднял силача как ребенка. Они продолжали лезть вверх.

Алана сменил Джо-Джим. Они продолжали лезть вверх. Джо-Джима сменил Эртц. Затем Эртца сменил Хью.

Наконец они дошли до яруса, на который переселились после переворота. Хью, положив Бобо на пол, направился было в сторону жилищ, но Джо-Джим остановил его.

— Ты куда?

— Домой, куда же еще?

— Ну и дурак. Именно туда за нами и придут.

— Куда же идти?

— В корабле нам больше нет места. Пора отсюда сматываться. Идем в шлюпку.

— Верно,— согласился Эртц.— Теперь на нас ополчится весь Корабль.

— Шанс на спасение сомнительный, но другого все равно нет,— сдался Хью. И опять повернул к жилищам.

— Нам же в другую сторону!— крикнул Джим.

— Надо забрать наших женщин.

— К Хаффу женщин! Тебя схватят. Нельзя терять ни мгновения.

Но Эртц и Алан побежали за Хью.

— Ладно,— фыркнул им вслед Джим,— идите за вашими бабами. Но поторапливайтесь.

Джо-Джим сел, положив голову карлика на колени, и тщательно осмотрел его. Лицо Бобо посерело, на правой лопатке огромным красным пятном расплывалась кровь. Он вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим гладил его по голове.

— Терпи,— сказал Джо,— сейчас будет больно.

Приподняв раненого, Джо-Джим выдернул нож. Струей хлынула кровь.

Джо-Джим посмотрел на смертельно длинное лезвие и прикинул глубину раны.

— Ему не выжить,— шепнул Джо, Джим поймал его взгляд.

— Значит?

— Да,— кивнул Джо.

Джо-Джим ткнул извлеченным из раны ножом в свое бедро, но остался недоволен и выбрал один из собственных, острых как бритва ножей. Левой рукой он поднял подбородок Бобо и приказал:

— Смотри на меня, Бобо.

Бобо поднял на него глаза, пытаясь что-то сказать. Джо не сводил с него взгляда.

— Бобо молодец, Бобо сильный.

Карлик слабо ухмыльнулся. Нож воизился в яремную вену, не задев горла.

— Бобо молодец,— повторил Джо.

Бобо снова раздвинул губы в усмешке.

Когда глаза карлика остекленели и он перестал дышать, Джо-Джим поднялся и пошел в ту сторону, откуда должны были вернуться остальные. На ходу он проверил все свое оружие, подгоняя его так, чтобы было сподручнее.

Хью выбежал ему навстречу, запыхавшись.

— Заминка вышла,— переведя дыхание, пояснил он.— Коротышка мертв. И никого из твоих бойцов нет. Видно, Нарби не соврал, их и вправду перерезали. Держи.— И он протянул Джо-Джиму длинный нож и специально изготовленные доспехи с большим решетчатым шлемом, способным прикрыть обе головы сразу.

И Эртц, и Алан, и Хью тоже надели доспехи. Джо-Джим заметил свежий кровоподтек на губе младшей жены Хью. Держалась она смирно, а в глазах ее бушевала буря. Старшая жена, Хлоя, воспринимала все спокойно. Жена Эртца тихонько всхлипывала, жена Алана была так же обескуражена, как и ее хозяин.

— Как Бобо?— спросил Хью, помогая Джо-Джиму застегнуть доспехи.

— Бобо больше нет.

— Ясно. Ну что ж, пойдем.

Идти им было трудно, женщины не привыкли к невесомости. У переборки, отделяющей шлюз шлюпки от Корабля, засады не было, хотя Джо и показалось, что он увидел человека, нырнувшего в люк. Но никому, кроме брата, он об этом не сказал.

Дверь опять заело, а Бобо теперь с ними не было. Мужчины налегли на нее. Наконец она поддалась.

— Заталкивай женщин внутрь,— скомандовал Джим.

— Да поживей,— добавил Джо.— Гости пожаловали.

Он был на страже, пока его брат занимался дверью. Крики из глубины коридора подтвердили его слова.

Джо-Джим прикрывал тыл, пока остальные вталкивали в шлюпку женщин. Младшая жена Алана, как всегда, в самый подходящий момент, забилась в истерике и попыталась рвануться назад, но в невесомости это трудно было сделать. Хью от всего сердца пнул её ногой и загнал в шлюпку.

Джо-Джим метнул нож, чтобы сдержать наступающих врагов. С полдюжины атакующих отпрянули назад. Потом, видно по команде, шесть ножей одновременно прорезали воздух.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что нож угодил в броню.

— Кажется, пронесло, Джо!— крикнул он, но ответа не услышал. Джим повернул голову к брату. В нескольких дюймах от его глаз из прутьев решетки шлема торчал нож. Его лезвие ушло глубоко в лицо Джо. Джо был мертв. Хью высунулся в дверь.

— Скорее, Джо-Джим!

— Закрой дверь!— рявкнул Джим.

— Но...

— Закрой дверь, тебе говорят!— С этими словами Джим отпихнул его и закрыл дверь. Хью лишь мельком увидел нож, воткнутый в лицо. Потом он услышал, как повернулся рычаг.

Джим встретил атакующих лицом к лицу. Оттолкнувшись от переборки непривычно отяжелевшими ногами, он ринулся на врагов, сжав обеими руками свой страшный, в руку длиной клинок. Ножи противника сыпались на него, отскакивая от стальных доспехов. Он крутанул клинком и рассек одного стражника почти надвое.

— За Джо!

Удар отбросил его в сторону. Он перевернулся в воздухе, выпрямился и размахнулся снова.

— За Бобо!

Враги нависли над ним со всех сторон. Окруженный, он бил наугад, лишь бы попасть.

— А этот, на закуску, за меня!

Нож вонзился ему в бедро, но он даже не заметил этого.

— Один за всех!

Кто-то прыгнул ему на спину. Неважно, вот перед ним еще один, сталь возьмет его не хуже любого другого.

— Все за од...— он не договорил.

Хью пытался открыть дверь, запертую снаружи, но у него ничего не получалось. Если здесь и был управляющий дверью механизм, то где его искать? Он приложил ухо к стальной плите, но герметичная дверь звуков не пропускала.

Эртц дернул его за руку.

— Где Джо-Джим?

— Остался там.

— Что?! Открывай дверь, живо, втащим его сюда.

— Не могу, она не поддается. Он хотел там остаться, он сам захлопнул дверь.

— Но мы должны спасти его, мы же кровные братья!

Внезапно Хью осенило.

— Вот поэтому он и остался,— тихо сказал Хью и рассказал Эртцу то, что успел увидеть.— Для него Полет закончился. Займись Конвертером, Билл. Нам нужна энергия.

Они вышли из шлюза и задраили за собой последнюю дверь.

— Алан,— крикнул Хью,— загони баб в угол, чтоб под ногами не путались!

Усевшись в кресло пилота, он выключил огни. Зажглась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело.

— Пошел!— сказал сам себе Хью и включил пуск.

Толчок, прилив тошноты — и он с ужасом почувствовал, что все начало вращаться. Откуда ему было знать, что это разворачивалась пусковая шахта?

Иллюминатор перед ними наполнялся звездами. Они летели! Но часть экрана закрывала огромная бесформенная масса, которую Хью никогда не видел, разглядывая звезды в иллюминатор Капитанской рубки. Сначала он не мог понять, что это такое, но, когда наконец сообразил, преисполнился благоговейным восторгом — это был Корабль, и он смотрел на него снаружи. Хотя разум его давно уже воспринял истинную природу Корабля, мысль о том, что он увидит Корабль извне, никогда не приходила ему в голову. Звезды — да, поверхность планеты — да, к этому он был уже готов, но наружная поверхность Корабля...

Хью с трудом оправился от шока.

— Что это?— спросил Алан. Хойланд пытался объяснить. Алан лишь покачал головой.

— Не понять мне этого.

— Ничего. Позови Эртца. И женщин тоже, покажем им.

— Ладно. Но только,— в Алане вдруг заговорил здравый смысл,— бабам показывать не стоит. Напугаются, дуры, они ведь никогда не видели звезд.

Удача, инженерный гений предков и крохи знания. Повезло, что Корабль оказался у звезды с планетной системой, повезло, что они смогли спустить шлюпку; повезло, что Хью сумел разобраться в пульте управления, прежде чем они затерялись в глубоком космосе и умерли от голода.

Гений предков снабдил их суденышко огромным запасом энергии и большой скоростью. Его создатели предвидели, что звездоплавателям все это понадобится для исследовательских экспедиций в солнечной системе, к которой направлялся «Авангард». Они строили шлюпку с максимальным запасом прочности, и Хью использовал его до предела.

Повезло им и в том, что они очутились в сфере планетарного притяжения, и в том, что орбита, по которой Хью направил шлюпку, совпадала с орбитами планет. Описывая эллипс, он вышел к гигантской планете. Хью долго маневрировал, забыв о сне и еде, чтобы выйти на орбиту вокруг нее, но вышел в конце концов так близко, что увидел ее спутники.

Удача сопутствовала ему до конца. Он намеревался было в своем невежестве совершить посадку на гигантскую планету. Удайся ему это, им всем осталось бы жить ровно столько, сколько требуется времени, чтобы открыть люк. Но отчаянное маневрирование, выход на орбиту вокруг планеты съели почти все топливо Конвертера.

Обложившись древними книгами, Хью без отдыха решал и решал уравнения, составленные предками для определения законов движения тел, считал и пересчитывал, выведя из терпения даже всегда спокойную Хлою. Вторая жена, безымянная, держалась от него подальше.

Но все полученные им ответы гласили, что ему придется пустить на топливо часть его бесценных книг, чтобы выйти к большой планете, даже если они сунут в Конвертер всю свою одежду и оружие.

Он скорее сунул бы в Конвертер своих жен.

В конце концов Хью решил совершить посадку на один из спутников планеты.

И опять везение. Совпадение настолько невероятное, что трудно в него поверить. Спутник гигантской планеты был пригоден для жизни. Но подумайте сами — ведь для возникновения планеты такого типа, как наша Земля, тоже требуется комбинация обстоятельств, столь же невероятных. Наш собственный мир под нашими ногами тоже относится к разряду «Такого не бывает!». Вероятность его существования просто смехотворно мала.

Так вот, именно такое везение и сопутствовало Хью Хойланду — везение невероятное.

Гений земных предков завершил дело. Хотя Хойланд и освоил маневрирование в космосе, при посадке он наверняка разбил бы любой корабль, построенный до «Авангарда». Однако проектировщики «Авангарда» знали, что шлюпками корабля будут управлять в лучшем случае пилоты второго поколения, и строили их, исходя из этого.

Хью ввел шлюпку в атмосферу и с видом победителя лег на курс, который доставил бы их всех прямиком в могилу, не возьми управление на себя включившийся автопилот.

Хью метался в кресле и ругался так, что даже заставил Алана оторваться от иллюминатора и перенести свое удивленное восхищение с пла-

неты на друга. Но вернуть управление шлюпкой он был бессилен. Что бы он ни пытался делать, шлюпка шла сама по себе и на высоте тысячи футов легла на параллельный поверхности курс.

— Хью, звезды исчезли.

— Сам вижу.

— Джордан, что же это? Куда они делись, Хью?

Хью рявкнул на Алана:

— Не знаю и знать не хочу! Катись на корму к бабам и не приставай с идиотскими вопросами.

Алан неохотно ушел, посматривая в иллюминатор на ясное небо и на поверхность планеты. Ему было интересно, но не более, он давно уже потерял способность восторгаться.

Только через некоторое время Хью сообразил, что группа приборов, которыми он раньше и не пытался манипулировать, не понимая их назначения, как раз и отдает автопилоту приказ о посадке. Поскольку выяснилось это методом проб и ошибок, место для посадки Хью выбрал почти наугад. Но немигающие стереоглаза автопилота беспрерывно подавали информацию в селекторное устройство, которое исследовало ее и приняло решение. Корабль мягко приземлился в прерии неподалеку от опушки леса.

Эртц кинулся к Хойланду.

— Что произошло, Хью?

Хью устало махнул рукой в сторону иллюминатора.

— Приехали.

Он был слишком измотан и духовно и физически, чтобы обставить посадку какой-нибудь торжественной церемонией. Годы борьбы, суть которой он сам понимал более чем смутно, голода и жажды, годы пожирающих его душу стремлений почти не оставили ему способности испытывать радость, когда наконец он добился своего и достиг цели. Но они приземлились, они завершили Полет, начатый Джорданом! Он чувствовал себя не то чтобы счастливым, но умиротворенным и усталым бесконечно.

— Выйдем?— спросил Эртц.

— Давай.

Алан подошел, когда они отдраивали люк, за его спиной толпились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись,— ответил Хью.

Женщины глядели в иллюминатор, Алан гордо и неправильно объяснял им что к чему. Эртц открыл наружную дверь. Они вдохнули свежий воздух.

— Холодно,— заметил Эртц.

На самом деле температура была в лучшем случае градусов на пять ниже никогда не меняющейся температуры на борту «Авангарда». Но откуда было знать Эртцу, что такое погода?

— Чепуха,— буркнул Хью, неосознанно раздосадованный малейшей критикой в адрес «его» планеты.— Это тебе кажется.

— Возможно,— не стал спорить Эртц. Наступила неловкая пауза.— Пойдем,— сказал он наконец.

— Пойдем.

Превозмогая нерешительность, Хью оттолкнул его и спрыгнул вниз, До земли было всего футов пять.

— Прыгайте, здесь здорово!

Эртц присоединился к нему. Оба невольно жались к Кораблю.

— Мир огромен,— прошептал Эртц.

— Мы же знали, что он именно такой и есть,— отрезал Хью, обеспокоенный охватившим его чувством потерянности.

— Эй!— Алан осторожно выглянул наружу.— Можно спускаться?

— Прыгай!

Алан одним прыжком присоединился к ним.

— Вот это да!— присвистнул он.

Их первая вылазка закончилась футах в пятидесяти от Корабля. Они шли, держась кучкой, смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на этой странной неровной палубе. Все было нормально, но Алан поднял голову и вдруг впервые в жизни не увидел потолка над собой. Головокружение и острый приступ агорафобии. Он застонал, закрыл глаза и упал.

— Что случилось?— спросил Эртц и тоже посмотрел вверх. Приступ свалил и его.

Хью боролся с головокружением. Страх и боль бросили его на колени, но, упершись рукой в землю, он пытался подняться. Ему было легче — он так долго смотрел на бескрайние просторы планеты в иллюминатор.

— Алан!— завизжала его жена, высунувшись из люка.— Алан! Вернись!

Алан открыл один глаз, посмотрел на Корабль и пополз к нему на брюхе.

— Алан!— скомандовал Хью.— Прекрати! Сядь!

Алан повиновался с видом человека, от которого требуют слишком многого.

— Открой глаза!

Алан осторожно открыл глаза, но поспешно зажмурился снова.

— Сиди спокойно — и придешь в себя,— добавил Хью.— Я уже в порядке.

Чтобы доказать это, он выпрямился в полный рост. Голова у него еще кружилась, но он стоял. Эртц, лежащий до этого ничком, приподнялся и сел.

Солнце перевалило зенит. Прошло достаточно времени, чтобы сытый проголодался, а они отнюдь сытыми не были. Крайне простым способом уговорили выйти наружу женщин — вытолкав их пинками. Отходить от Корабля те боялись и сгрудились в кучу. Но мужчины уже освоились и расхаживали даже в одиночку. На виду у женщин Алану было нипочем отойти от Корабля на целых пятьдесят ярдов.

Во время одной из этих демонстраций он заметил маленького зверька, позволившего своему любопытству взять верх над осторожностью. Нож Алана сбил его, и зверек закувыркался в траве. Схватив жирную тушку за лапы, Алан гордо подбежал к Кораблю.

— Смотри, Хью, смотри! Добрая еда!

Хью одобрительно взглянул на него. Первый испуг давно прошел, и сейчас его охватило теплое чувство, как будто он наконец вернулся в свой далекий дом.

— Верно,— согласился он.— Добрая еда. Теперь, Алан, у нас всегда будет много доброй еды.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

ФОРМА [1]

Пид-Пилот замедлил скорость почти до нуля. С волнением всматривался он в зелёную планету.

Даже без показаний приборов не оставалось места сомнениям. Во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков.

Она казалась совсем безобидной. И все же было на этой планете нечто такое, что лишало жизни участников всех экспедиций, когда-либо посланных с Глома.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид какое-то мгновение колебался. Он и двое его подчиненных сейчас вполне готовы, больше, чем когда бы то ни было. В сумках их тел хранятся компактные Сместители, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду хотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не вполне представлял, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов одновременно. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхности его тела беспечно струились.

Пид отметил про себя эту беспечность. Теперь он знал, о чем должен говорить. С той поры, как Экспедиция покинула Глом, Дисциплина Формы омерзительно расшаталась. Командующий Вторжением предупреждал его; но все же надо что-то предпринять. Это долг Пилота, ибо низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу стремлением к Бесформию.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды,— медленно начал Пид.— Мы теперь далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул. Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался по стене.

— Однако же,— сурово сказал Пид,— расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Нам, несомненно, придется прибегать к экзотическим формам,— продолжал Пид.— На этот случай есть особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая не по служебной необходимости, есть происки самого Бесформия.

Джер резко прекратил текучую игру поверхностей своего тела.

— У меня все,— закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

«Хорошие работники,— решил он.— Нельзя же, в самом деле, надеяться, что самосознание Формы у них так же развито, как у Пилота, принадлежащего к высшей касте». То же самое говорил ему и Командующий Вторжением.

— Пид,— сказал Командующий Вторжением во время их последней беседы,— эта планета нужна нам позарез.

— Да, сэр,— ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку и ни на йоту, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

---

[1] Печатается по изд.: Паломничество на Землю.— М.: Мир, 1966.

— Один из вас,— внушительно проговорил Командующий,— должен проникнуть туда и установить Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к прыжку.

— Мы справимся, сэр,— ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели,— сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости.— Строго между нами: на Гломе неспокойно. Бастует, например, каста горняков. Они требуют новой формы для земляных работ. Утверждают, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование. Горняцкая форма установлена давным-давно, еще пятьдесят тысяч лет назад, так же как и прочие основные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!

— Это не все,— поведал ему Командующий.— Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но не известно, сколько их гуляет на свободе.

Пид знал, что речь идет об искушении Великого Бесформия, самого опасного дьявола, какого только может представить себе разум жителей Глома. Но как случается, дивился он, что гломы поддаются его искушению?

Командующий угадал, какой вопрос вертится у Пида на языке.

— Пид,— сказал он,— тебе, наверное, непонятно. Ответь мне, нравится ли тебе пилотировать?

— Да, сэр!— ответил Пид просто. Нравится ли пилотировать! Да в этом вся его жизнь! Без корабля он — ничто.

— Не все гломы могут сказать то же самое,— продолжал Командующий.— Мне тоже это непонятно. Все мои предки были Командующими Вторжениями, от самых истоков Времени. Поэтому, разумеется, и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства.— И он печально потряс телом.

— Я сообщил тебе об этом не зря,— пояснил Командующий.— Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете — все раны будут исцелены. Мы на тебя рассчитываем, Пид.

— Да, сэр,— не без гордости ответил Пид.

Командующий поднялся было, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова уселся.

— Нам придется следить за экипажем,— сказал он.— Ребята они верные, спору нет, но все из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Да, Пид это знал.

— Вашего Джера-Индикатора подозревают в тайных симпатиях Реформизму. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он подозрительно долго пребывает в неподвижном состоянии. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, сэр,— осмелился возразить Пид,— если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, стоит ли отправлять их в эту экспедицию?

После некоторого колебания Командующий медленно проговорил:

— Есть множество гломов, которым я могу доверять. Однако эти двое наделены воображением и находчивостью, особыми качествами, которые

необходимы в этой экспедиции.— Он вздохнул.— Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Весформием.

— Да, сэр,— сказал Пид.

— Надо только следить за ними.

— Да, сэр,— повторил Пид и отсалютовал, поняв, что беседа окончена. Во внутренней сумке тела он чувствовал тяжесть дремлющего Смесителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство — мост, по которому хлынут с Глома победоносные рати.

— Желаю удачи,— сказал Командующий.— Уверен, что она вам понадобится.

Корабль беззвучно опускался на поверхность вражеской планеты. Джер-Индикатор исследовал проплывающие внизу облака и ввел полученные данные в Маскировочный блок. Тот принялся за работу. Вскоре корабль казался со стороны всего лишь формацией перистых облаков.

Пид предоставил кораблю медленно дрейфовать к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он был слеп, глух и нем — всего лишь придаток пульта управления; все его внимание устремлено на то, чтобы не обгонять слоистые облака, держаться среди них, слиться с ними.

Джер упорно сохранял одну из двух форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в Маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно преобразовался в мощное кучевое облако.

Враждебная планета не подавала никаких признаков жизни.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс. Он достиг нижних облаков, всего лишь в миле от поверхности планеты. Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облачка.

Но сигнала тревоги не было. Неведомая судьба двадцати предыдущих экспедиций все еще не была разгадана.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, сумерки окутали лик планеты. Избегая окрестных зданий, корабль парил над лесным массивом.

Тьма сгустилась, и одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью.

Одно облачко опускалось ниже и ниже... и приземлилось.

— Живо, все из корабля!— крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он принял ту из форм Пилота, что наиболее пригодна для бега, и пулей выскочил из люка. Джер и Ильг помчались за ним. В пятидесяти метрах от корабля они остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль бесшумно содрогнулся и стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в груду хлама, но процесс все еще продолжался. Крупные обломки разбивались на мелкие, а мелкие дробились снова и снова.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид ощутил внезапную беспомощность. Он был Пилотом происходил из касты Пилотов. Пилотами были его отец, и отец отца, и все предки — еще в те туманные времена, когда на Гломе были созданы первые космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей: все зрелые годы пилотировал их.

Теперь, лишенный корабля, он был наг и беспомощен в чуждом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, остался лишь холмик пыли. Ночной ветер развеял эту пыль по лесу, и тогда уж совсем ничего не осталось.

Они ждали. Но ничего не случилось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Трещали белки, хлопотали в своих гнездах птицы. С мягким стуком упал желудь.

Глубоко, с облегчением вздохнув, Пид уселся. Двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Все равно до утра нельзя было ничего предпринять; поэтому Пид начал разрабатывать план. Они высадились совсем близко от атомной электростанции, так близко, что это была просто дерзость. Теперь придется подойти еще ближе. Так или иначе, одному из них надо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Трудно. Но Пид не сомневался в успехе. В конце концов, жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера,— подумал он горько,— а вот радиоактивных элементов страшно не хватает». То была еще одна причина, по которой экспедиция считалась такой важной. На подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего.

Глом растратил свои запасы радиоактивных веществ еще на заре истории, осваивая соседние миры и заселяя те из них, что были пригодны для жизни. Но колонизация едва поспевала за все растущей рождаемостью. Глому постоянно нужны были новые и новые миры.

Нужен был и этот мир, недавно открытый одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, но был слишком уж отдаленным. Не хватало горючего, чтобы снарядить военно-космическую флотилию.

К счастью, существовал и другой путь к цели. Еще лучший.

Когда-то, в глубокой древности, ученые Глома создали Сместитель. То был подлинный триумф Техники Тождественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Один — стационарный — конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с любым источником ядерной энергии и привести в действие. Отведенная энергия протекала между обоими концами и дважды видоизменялась.

Тогда благодаря чудесам Техники Тождественности гломы могли *перешагивать* с планеты на планету; могли обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной.

Это делалось совсем просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на земном конце.

Что помешало им — никто не знал. Ни один корабль не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

Перед рассветом, приняв окраску местных растений, они крадучись пробирались сквозь леса. Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое существо. У Джера тотчас появились четыре ноги и удлиненное обтекаемое тельце, и он бросился вдогонку.

— Джер! Вернись немедленно!— взвыл Пид, отбрасывая всякую осторожность.

Джер догнал зверька и повалил на землю. Он старался загрызть добычу, но позабыл обзавестись зубами. Зверек вырвался и исчез в подлеске. Джер отрастил комплект зубов и напряг мускулы для прыжка.

— Джер!

Индикатор неохотно обернулся. В молчании он вприскочку вернулся к Пиду.

— Я был голоден,— сказал он.

— Нет, не был,— неумолимо ответил Пид.

— Был,— пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся Охотничьи наклонности. Надо будет следить за ним в оба.

— Ничего подобного больше не повторится,— сказал Пид.— Помни, Экзотические формы еще не разрешены. Будь доволен той формой, для которой ты рожден.— Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжили путь.

С опушки атомная электростанция была хорошо видна. Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно. Ильг после недолгого колебания принял облик молодого дубка.

Станция представляла собой невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. В заборе были ворота, а у ворот стояли часовые.

«Первая задача,— подумал Пид.— Как проникнуть в ворота?» Он стал прикидывать пути и способы.

По обрывочным сведениям, извлеченным из отчетов разведывательных экспедиций, Пид знал, что в некоторых отношениях раса людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись ручные животные, дома, дети, культура. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако между двумя расами существовали неимоверные различия. Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать такое однообразие, их планета изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно непохоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

И совершенно ясно, что Люди наловчились вылавливать непрошенных гостей, подумал Пид. Жаль, что он не знает, из-за чего провалились прежние экспедиции. Это намного упростило бы дело.

Мимо на двух неправдоподобно негнущихся ногах проковылял Человек. В каждом его движении чувствовалась угловатость. Он торопливо миновал гломов, не заметив их.

— Придумал,— сказал Джер, когда странное существо скрылось из виду.— Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал реактора и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке,— напомнил Пид.

— Я и не стану ничего говорить. Я на них и внимания-то не обращу. Вот так.— Джер быстро принял облик человека.

— Недурно,— одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая трясучей походке Человека.

— Но боюсь, ничего не выйдет,— продолжал Пид.

— Это же вполне логично,— возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому-то прежние экспедиции наверняка прибегли к такому способу. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть?— спросил он.

— Дай мне подумать,— ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид узнал его: то была Собака, друг Человека. Он пристально наблюдал за ней.

Собака неторопливо направилась к воротам, опустив морду. Никто ее не остановил; она миновала ворота и улеглась на траве.

— Гм,— сказал Пид.

Они следили за собакой не отрываясь. Один из Людей, проходя мимо, прикоснулся к ее голове. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу,— возбужденно сказал Джер. Он уже переливался в форму собаки.

— Нет, погоди,— сказал Пид.— Остаток дня мы потратим на то, чтобы хорошенько все обдумать. Дело слишком важное, нельзя бросаться в него очертя голову.

Джер угрюмо подчинился.

— Пошли, пора возвращаться,— сказал Пид. В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вдруг вспомнил об Ильге.

— Ильг!— тихо позвал он.

Никто не откликнулся.

— Ильг!

— Что? Ах, да!— произнес дубок и слился с кустарником.— Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся,— повторил Пид.— Ты случайно не Мыслил?

— О нет,— заверил его Ильг.— Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того хватало.

Скрытые в лесной чаще, они весь остаток дня обсуждали этот вопрос. Были, по-видимому, лишь две возможности — Человек или Собака. Дерево не могло пройти за ворота — это было не в характере Деревьев. Никто не мог проскользнуть незамеченным.

Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь поспите,— сказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став бесформенными. Но Пид не мог заснуть.

Все казалось слишком уж простым. Почему так плохо охранялась атомная электростанция? Должны же были Люди хоть что-нибудь выведать у экспедиций, перехваченных ими в прошлом. Неужто они убивали, не задавая никаких вопросов?

Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира.

Может быть, открытые ворота просто ловушка?

Он устало вытек в удобную позу на бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок.

Он опустился до Бесформия.

«Удобство не имеет ничего общего с долгом»,— напомнил он себе и решительно принял форму Пилота.

Однако форма Пилота не была создана для сна на сырой, неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, думая о кораблях и сожалея, что не летит.

Утром Пид проснулся усталый и в дурном расположении духа. Он растолкал Джера.

— Надо приниматься за дело,— сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

— Давай, Ильг!— сердито позвал Пид, оглядываясь вокруг.— Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг!— окликнул он.

Ответа по-прежнему не было.

— Помоги поискать его — сказал Пид Джеру.— Он должен быть где-то поблизости.

Вдвоем они осмотрели каждый куст, каждое дерево и бревно в окрестности. Но ничто из них не было Ильгом.

Пид ощутил, как его сковывает холодом испуг. Что могло случиться с Радистом?

— Быть может, он решил пройти за ворота на свой страх и риск?— предложил Джер.

Пид обдумал эту гипотезу и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда довольствовался тем, что выполнял чужие приказы.

Они выжидали. Но вот настал полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя,— объявил Пид, и оба двинулись по лесу. Пид ломал себе голову, действительно ли Ильг пытался пройти за ворота на свой страх и риск. В таких тихонях зачастую кроется безрассудная храбрость.

Но ничто не говорило о том, что попытка Ильга удалась. Приходилось думать, что Радист погиб или захвачен в плен Людьми.

Значит, Сместитель придется активировать вдвоем.

А Пид по-прежнему не знал, что случилось с остальными экспедициями.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.

— Поменьше хвоста,— сказал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их.— Он посмотрел, что получилось. Насколько он мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи,— сказал Пид.

— Благодарю.— Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание.

Джер прошел мимо Человека, игнорируя его. Человек двинулся было к Джеру, и тот припустился бегом.

Пид приготовил две крепкие ноги, готовясь стремительно броситься в атаку если Джера схватят.

Но часовой вернулся к воротам. Джер немедленно перестал бежать и спокойно побрел к главному входу.

Со вздохом облегчения Пид ликвидировал ноги.

Но главный вход был закрыт! Пид надеялся, что Индикатор не сделает попытки открыть его. Это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Он попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Тот ответил тем же.

Потом обе собаки побежали за угол.

«Это остроумно,— подумал Пид.— Сзади непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на заходящее солнце. Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут армии Глома. Пока Люди опомнятся, здесь уже будут войска с Глома — не меньше миллиона. И это только начало.

День медленно угасал, но ничто не происходило.

Пид не спускал глаз с фасада здания; он нервничал. Если у Джера все благополучно, дело не должно так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него, Собаки лаяли у ворот. Но Джер не появлялся.

Джер попался. Ильг исчез. Пид остался один.

И он все еще не знал, что произошло.

К утру Пида охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома на этой планете находится на грани полного провала. Теперь все зависит только от него.

Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше ничего не оставалось.

Он видел, как большими партиями прибывают рабочие и проходят в ворота. Пид раздумывал, что лучше: смешаться с толпой или выждать, пока суматоха уляжется. Он решил воспользоваться сутолокой и стал отливаться в форму Человека.

По лесу, мимо его укрытия, прошла Собака.

— Привет,— сказала Собака.

То был Джер!

— Что случилось?— спросил Пид с облегчением.— Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю,— ответил Джер, виляя хвостом.— Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился,— благодушно пояснил Джер.— Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота вместе с другой Собакой.

— Но экспедиция... твой долг...

— Я передумал,— заявил Джер.— Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ты ведь родился Индикатором!

— Это верно,— сказал Джер,— но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пида трясло от злости.

— Нельзя,— сказал он очень медленно, как объяснял бы глому-ребенку.— Форма Охотника для тебя запретна.

— Ну, не здесь, здесь-то не запретна,— возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтоб я этого больше не слышал,— сердито сказал Пид.— Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель. Я постараюсь забыть все, что ты плел.

— Не пойду,— ответил Джер.— Мне здесь гломы ни к чему. Они все погубят.

— Он прав,— произнес кряжистый дуб.

— Ильг!— ахнул Пид.— Где ты?

Зашевелились ветви.

— Да здесь,— сказал Ильг.— Я все Размышлял.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот,— печально сказал Джер.— Проснитесь! Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовую форму наших предков.

— Пилот,— заметил Ильг,— все гломы рождаются бесформенными!

— А поскольку гломы рождаются бесформенными, все они должны иметь Свободу Формы,— подхватил Джер.

— Вот именно,— сказал Ильг.— Но ему этого не понять. А теперь извините меня. Я хочу подумать.— И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют,— сказал он.— Точно так же, как они истребили другие экспедиции.

— Никто из гломов не был убит,— сообщил Джер.— Все наши экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о нашем существовании. Собака, с которой я охотился,— это глом из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид пытался все это усвоить. Он всегда знал, что низшим кастам недостает формового самосознания. Но это уж... это просто абсурдно!

Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!

— Присоединяйтесь к нам, Пилот,— предложил Джер.— Здесь настоящий рай. Знаете, сколько на этой планете всяких разновидностей? Неисчислимое множество! Здесь есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой. На его случай жизни формы нет. Он — Пилот.

Но ведь Люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко.

— Всеми вами займется Верховный суд Глома,— прорычал он и обернулся Собакой.— Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал и подрагивал Сместитель, увлекая Пида к залу реактора.

Он опрометью взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги, и Пид инстинктивно почувствовал, что Собакам запрещено находиться внутри здания.

В отчаянии он огляделся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники.

Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника и от души надеялся, что Человек не станет выяснять, отчего он не зажжен.

Люди пробежали мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

Надо подойти поближе.

В коридоре появился еще один человек. Он пристально посмотрел на Пида, попытался что-то сказать и внезапно пустился наутек.

Пид не знал, что насторожило Человека, но тоже побежал со всех ног. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило ужасающее сомнение. Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого!

Он чуть-чуть замедлил бег.

Свобода Формы... какое странное понятие. Тревожащее понятие. «Это, несомненно, козни Самого Бесформия»,— сказал он себе и бросился вперед.

Коридор заканчивался гигантской запертой дверью. Пид уставился на нее.

В дальнем конце коридора загромыхали шаги, послышались крики Людей.

Где же он ошибся? Как его выследили? Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу.

Он забыл отформовать черты лица.

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки крохотный Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной. Надо подойти к реактору ближе.

Он осмотрел дверь. Между ней и полом была узенькая щель. Пид быстро стал бесформенным и протек под дверью, с трудом протиснув за собой Сместитель.

С внутренней стороны на двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам, надеясь отыскать что-нибудь, чем можно забаррикадировать дверь. Комнатка была малюсенькая. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была сильной. Наконец-то он у цели. Здесь Сместитель может работать, черпая энергию от реактора и преобразуя ее. Нужно только привести его в действие.

Однако они дезертировали, все до единого.

Пид колебался. Все гломы рождаются бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно преподать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?..

Пид взвешивал возможности. Без помехи принимать любую форму, какую только захочет! На этой райской планете он может осуществить любое честолюбивое желание, стать чем угодно, делать что угодно. Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы.

Люди взламывали дверь. Пид все еще был в нерешительности. Как поступить? Свобода...

Но не для него, подумал он с горечью. Легко стать Охотником или Мыслителем. А он — Пилот. Пилотирование — его жизнь, его страсть. Как же он будет им заниматься здесь?

Конечно, у Людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль...

Нет, никак. Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся ему выдать себя за Человека.

Дверь трещала под непрерывными ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель. Он выглянул — и чуть не лишился чувств, так он был потрясен.

Так это действительно правда! А он-то не вполне понимал, что имел в виду Джер, когда говорил, что на этой планете есть все виды жизни, все формы, способные удовлетворить любое желание! Даже его желание!

Страстное желание всей Касты Пилотов, желание еще более заветное, чем Пилотирование.

Он взглянул еще раз потом швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь поддалась, и в тот же миг он вылетел в окно.

Люди метнулись к окну. Они выглянули наружу, но так и не поняли, что видят.

За окном взмыла вверх большая белая птица. Она взмахивала крыльями — неуклюже, но с возрастающей силой, стремясь догнать улетавшую птичью стаю.

КРИСТОФЕР ЭНВИЛ

ИСТОРИЯ С ПЕСЧАНКОЙ [1]

I

Рыжая Пыль, северо-восточный бункер, Венера, 17 июля 2208 года

Сэм Мэтьюз, пропавший без вести механик Черноадского округа преобразования солнечной энергии, был сегодня доставлен в подземный медицинский центр Рыжей Пыли. Пескосани Мэтьюза потерпели аварию во внутреннем районе безводной пустыни Черный Ад.

19 июля 2208 года
От Роберта Хауленда, директора Черноадского округа ПСЕ
Филиппу Баумгартнеру, директору медцентра Рыжей Пыли
Относительно: Сэма Мэтьюза
Кодовый № 083 КСрм-1

Фил! Надеюсь, вы быстренько подштопаете Мэтьюза и без задержки отправите его к нам. Мы жаждем узнать, каким образом Мэтьюз продержался в Черном Аду два месяца, имея в своем распоряжении две литровые фляги воды.

20 июля 2208 года
От Филиппа Баумгартнера, директора медцентра Рыжей Пыли
Роберту Хауленду, директору Черноадского округа ПСЕ
Относительно: пациента в тяжелом состоянии
Кодовый № 083 ксРМ-2

Боб! К сожалению, отправить Мэтьюза к вам в ближайшее время невозможно. Его ребра просматриваются через простыню и одеяло. К тому же он беспрерывно бредит.

22 июля 2208 года
Хауленд — Баумгартнеру
083 КСрм-3

Фил! Надеюсь, вы там тщательно регистрируете каждое бредовое слово Мэтьюза! Учтите, что мы нашли его перевернутые пескосани с разбитой водяной цистерной в трехстах милях от Рыжей Пыли. На всем этом пространстве не известно ни одного источника воды, а растительность с апреля по октноядек суха, как обезвоженные опилки. Как он умудрился выжить?

---

[1] Печатается по изд.: Через Солнечную сторону: Сборник научно-фантастических рассказов о планетах Солнечной системы.— М.: Мир, 1971.

24 августа 2208 года
Баумгартнер — Хауленду
083 ксРМ-4

Боб, извините за задержку с ответом. Наша грузовая ракета с экипажем из четырех человек и девятью инопланетными туристами на борту взорвалась при посадке. У нас на руках внезапно оказалось одиннадцать пациентов с очень тяжелыми ожогами, и нам было не до Мэтьюза. Однако мы попробуем узнать у него что-нибудь для вас.

30 августа I 2208 года
Баумгартнер — Хауленду
083 ксРМ-5
Относительно: сумасшествия чистейшей воды

Боб, извините, но мы посылаем Мэтьюза в медцентр Зеленых Холмов. На мой взгляд, они располагают значительно большими возможностями для лечения подобных болезней, чем мы. Если же и они ничего не смогут сделать, то отошлют его в главный медцентр в Озерах. Очень жаль, но Вам известно, что́ он перенес.

2 чистилища 2208 года
Хауленд — Баумгартнеру
083 КСрм-6
Относительно: ловких симулянтов

Фил! Да, мне известно, что перенес Мэтьюз. *Он прошел триста миль по пустыне, имея два литра воды.* Это меня как раз и интересует. Судя по грифу Вашей телеграммы, Мэтьюз стал психически ненормальным, едва поправился настолько, что смог вернуться на работу. Фил, учтите, пожалуйста, что Мэтьюз — настоящая «песчаная крыса» с большим опытом и не похож на больных, с которыми вы привыкли иметь дело. Только дайте такому Мэтьюзу за что уцепиться, и он любое дело повернет по-своему. Не отсылайте его в Зеленые Холмы. Задержите его, пока не кончится циклон, а потом пришлите сюда. И еще, Фил,— что он рассказывал? Для нас это очень важно.

16 чистилища 2208 года
Баумгартнер — Хауленду
083 ксРМ-7

Роберт, во всем, что касается моих больных, находящихся в этом лечебном заведении, я опираюсь на поставленный мною диагноз, подкрепленный профессиональными заключениями моих сотрудников, а не на любительские измышления о психологии песчаных крыс. Мэтьюз уже отправлен для дальнейшего наблюдения в медцентр Зеленых Холмов. И я не имею права сообщать посторонним конфиденциальные сведения из уже закрытой истории болезни. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — третье из серии, периодически повторяемой по центральному наземному кабелю и передаваемой с помощью семафоров через места сбросов, зоны разломов и оползневые районы, и что в периоды повышенной метеорологической или сейсмической активности передача сообщений между окраинными станциями может задерживаться.)

14 ада 2208 года
Хауленд — Баумгартнеру
083 КСрм-8

Дорогой доктор, мне было бы интересно узнать, не пробовали ли вы — великие специалисты во всеоружии поставленного вами диагноза, подкрепленного всеми профессионалами, состоящими у вас в штате,— не пробовали ли вы поставить себя на место столь презираемой вами песчаной крысы и попытаться понять, как ей представляется сложившаяся ситуация. Что говорит вам ваш диагноз о человеке, который долгие годы работал среди песков этой проклятой планеты? Как он поступит, если ему представится возможность на казенный счет отправиться прямо-таки в райские кущи при условии, что ему удастся выдать себя за психа? Я не стану тратить время на описание номеров, которые выкидывали эти субчики только для того, чтобы на неделю выбраться хотя бы в Пекло. И кто я такой, чтобы посягать на конфиденциальные и засекреченные беседы между вами и одним из лучших моих механиков по вопросу, жизненно важному для Черноадского округа преобразования солнечной энергии? О нет! Пусть лучше мои подчиненные умирают от жажды, когда их машины ломаются в пустыне, лишь бы вам не пришлось вытаскивать из архива уже закрытую историю болезни. Мне очень жаль, Фил, если моя телеграмма носила недостаточно профессиональный характер. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — шестое из серии...)

30 ада 2208 года
От Филиппа Баумгартнера, директора медцентра Рыжей Пыли
Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы
Относительно: межведомственных трений
Кодовый № 082 РМмс-1

Сэр! Прилагаю копию моей переписки с мистером Робертом Хауленом, директором Черноадского округа преобразования солнечной энергии. Как свидетельствует эта переписка, между нами возникли трения из-за разногласий по поводу лечения одного из моих пациентов. Я ставлю Вас в известность об этом в связи с периодическими перебоями в подаче электроэнергии, которые в последнее время имели место в нашем медцентре. Эти перебои, длящиеся тридцать секунд или ровно минуту, на мой взгляд, слишком регулярны, чтобы их можно было считать случайными. Я не обвиняю в этих весьма серьезных нарушениях работы нашего учреждения директора Хауленда, но, мне кажется, их причины должны быть немедленно расследованы. Я был бы Вам весьма благодарен за помощь в этом деле. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — второе из серии, периодически повторяемой...)

6 искупления 2208 года
От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Филиппу Баумгартнеру, директору медцентра Рыжей Пыли
Относительно: снижения самомнения

Милый Мальчик! Будь я нормальным начальником медицинской службы, Ваша ослиная шкура уже сушилась бы на ветру, но, на Ваше счастье, я с детства терпелив с дураками, а к тому же в настоящий момент у меня нет для Вас подходящей замены. Вы совершили три поистине выдающиеся глупости. Во-первых, Вы начальственно осадили человека, равного вам по положению. Можете считать себя несравненно выше директора Хауленда в интеллектуальном, духовном и профессиональном отношении, но постарайтесь вспомнить, что директор Хауленд занимает пост *директора*. Будьте любезны избавить меня от лишних хлопот, которыми чреваты Ваши бесплодные попытки «поставить на место» тех, кто Вам не подчинен. Во-вторых, если уж Вы не можете без этого обойтись, то по крайней

мере не совершайте еще одной глупости и не облекайте по доброй воле свои попытки в официальную форму, ибо эти документы являют всем и каждому Ваше самомнение во всей славе его — при скальпеле, стетоскопе и нимбе — в довольно-таки неприглядном виде. В-третьих, проделав все это, не ждите, что я буду вытаскивать Вас из лужи, в которую Вы сели. Что, по-Вашему, я, собственно, должен сделать? Переслать Вашу кляузу начальнику энергетического управления? Поскольку он занят не меньше, чем я — или, во всяком случае, немногим меньше,— то, ознакомившись с этой Вашей перепиской, он испытает точно такое же раздражение. Безусловно, он предпишет директору Хауленду выяснить причины перебоев в подаче энергии Вашему медцентру. Однако Вы можете быть заранее уверены, что поле энергопередающих ционидов, или теория взаимодействия третичной тривольтовой зоны трансмиссии, или какой-то еще причастный к этому фактор окажется абсолютно темным и непостижимым, а потому ни Вы, ни я никогда не разберемся, были ли порождённые им помехи справедливым воздаянием, мелочным сведением счетов или проявлением чьего-то чувства юмора. Извольте запомнить, что я не желаю, чтобы меня втягивали в какую-нибудь авантюру, тем более что эти перебои явно не причиняют Вашим больным ни малейших неудобств — иначе Вы написали бы об этом прямо и недвусмысленно. Следовательно, они только слегка ущемляют Ваше самомнение, а мешать этому было бы с моей стороны по меньшей мере неуместно. Однако разрешите мне дать Вам совет. Совершенно очевидно, что у Вас есть только два выхода: а) Вы можете приказать директору Хауленду встать на задние лапки. В этом случае директор, без сомнения, внезапно обнаружит, что эти перебои свидетельствуют об угрожающей перегрузке фларнитических кабелей межконтинентальной энергетической сети или о чем-нибудь еще, не менее приятном, и к Вам прибудет аварийная бригада, после чего Вы поймете, насколько спокойнее было бы для Вас остаться при теперешних перебоях; б) или же Вы можете послать короткую телеграмму, благородно извинившись за недопустимый тон Вашего послания от 16 чистилища и объяснив его переутомлением, как оно, вероятно, и было на самом деле. Выразите готовность оказать всяческое содействие в разрешении этой загадки. Я официально уполномочиваю Вас обратиться для этой цели к уже закрытым историям болезни. Буду с интересом ожидать результатов Ваших совместных изысканий, так как, откровенно говоря, мне очень хотелось бы узнать, каким образом человек сумел пройти пешком, в одиночестве триста миль по Черному Аду, когда в его распоряжении имелось только два литра воды, а на всем его пути не было ничего, кроме высохшей растительности и песка. Я посылаю дополнительные запросы относительно этого случая и рекомендую Вам побыстрее начать изыскания, если Вы хотите, чтобы честь разгадки тайны досталась Вам. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — четвертое из серии...)

II

14 искупления 2208 года
От р. Стюарта Белчера, директора медцентра Зел. Холмов
Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы
Относительно: Сэма Мэтьюза
Кодовый № 081 мсВН-2

Сэр! На Ваш запрос отвечаем: да, у нас был больной Сэм Мэтьюз. Он прибыл из медцентра Рыжей Пыли в смирительной рубашке повышенной

прочности, и мы отправили его дальше в капсуле с мягкой обивкой. Что касается его состояния, то — если Вы разрешите мне обойтись без специальной терминологии — он явно не в себе. Поставить более точный диагноз, право, не берусь. Мы отправили его прямо в Озера. Прибыл он сюда 16 чистилища, а избавились мы от него 18-го. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — четвертое из серии...)

15 чистилища 2208 года
От Мартина Мерриэма, директора главного медцентра (Озера)
Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы
Относительно: Сэма Мэтьюза
Кодовый № 082 мсЛМ-2

Сэр! Да, у нас на излечении находится больной Сэм Мэтьюз. Мистер Мэтьюз помещен в нашу клинику для иногородних. Его заболевание чрезвычайно интересно и, на мой взгляд, позволяет глубже проникнуть в природу религиозного фанатизма. Видите ли, мистер Мэтьюз, будучи механиком, много лет обслуживал установки, преобразующие солнечную энергию в пустыне Черный Ад. Однажды, когда он находился в ее центральной части, внезапно налетевший смерч перевернул его пескосани. При этом пострадала цистерна с водой, и он оказался в одиночестве в безводной пустыне. Психическое потрясение не могло не быть тяжелым. Его лечащий врач доктор Шнуди постепенно выявляет систему символов, позволяющую судить о состоянии его подсознания, но, само собой разумеется, процесс этот ускорен быть не может. По-видимому, у Мэтьюза были галлюцинации — он убежден, что находится под покровительством пророка Умыти. Кстати, Шнуди считает имя этого пророка весьма любопытным символом. К тому времени когда Мэтьюз выбрался из пустыни, он твердо уверовал в реальность своего бреда. Однако его скрытый фанатизм стал явным, только когда ему сообщили, что его отправляют обратно в Черный Ад. Он заявил, что не поедет туда, поскольку должен идти дальше в «землю обетованную», как повелел ему пророк. Мне кажется, этот случай представляет собой благодарнейшую почву для теоретических изысканий. Шнуди лечит его психоз с помощью, так сказать, «психогидротерапии» — пациенту предлагается как можно больше купаться и кататься на лодке. Курс лечения проходит успешно, несмотря на периодические рецидивы. Мы надеемся в конце концов добиться полного излечения. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — шестое из серии...)

23 искупления 2208 года
Кэткарт — Баумгартнеру
081 рмМС-3
Относительно: Сэма Мэтьюза

Ну, милый мальчик, мне хотелось бы знать, насколько продвинулись ваши изыскания. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — четвертое из серии...)

24 искупления 2208 года
Баумгартнер — Кэткарту
081 РМмс-4

Сэр! Могу сообщить только, что Мэтьюз бредил, когда поступил к нам, и, несомненно, был сумасшедшим, когда мы отослали его в Зеленые Холмы.

Лечение вначале шло успешно, но нам пришлось прервать курс из-за катастрофы с грузовой ракетой, в связи с чем мы некоторое время не могли

уделять Мэтьюзу необходимого внимания. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — девятое...)

30 искупления 2208 года
Кэткарт — Баумгартнеру
081 рмМС-5
Относительно: уклонения от прямого ответа

Мой дорогой мальчик! Возможно, Вы не поверите, но на этой планете есть места и похуже Рыжей Пыли. В частности, мне хотелось бы обратить Ваше внимание на медицинский пункт 116, расположенный в области, получившей экзотическое наименование «Шшш!» в честь звука, который раздается, если там плюнуть на песок. Пункт 116 расположен в центре впадины, напоминающей широкую чашу. Когда солнце стоит над этой впадиной в зените, у человека, находящегося там, могут одновременно обгореть все части тела, независимо от того, обращены ли указанные части вверх, вниз, на север, на юг, на восток или на запад. Из-за весьма высокой сейсмической активности медпункт находится на поверхности и помещается в здании, установленном на больших салазках, которые смягчают толчки во время землетрясений. К несчастью, период упругих колебаний салазок не всегда совпадает с периодом сейсмических волн, а потому, когда земля опускается, здание приподнимается, и наоборот. В результате оно сильно обветшало, и в частности пострадала термическая изоляция. Учтите, что пункт этот уже давно бездействует, так как мне пока не удалось найти для него врача, обладающего всеми желательными качествами. Мне хотелось бы обратить Ваше внимание и на следующее: медицинская служба чрезвычайно заинтересована в том, чтобы узнать, каким образом Мэтьюзу удалось столько времени обходиться без воды. Разумеется, Вы можете не утруждать себя этой проблемой, если она кажется Вам скучной. (Пожалуйста, имейте в виду, что это сообщение — шестое...)

3 августа II 2208 года
Баумгартер — Кэткарту
О81 РМмс-6

Сэр! Высылаю копии всех документов, относящихся к нашему бывшему пациенту Сэмюэлю Мэтьюзу. Я отдаю себе отчет, что указанный больной остался в живых после довольно долгого пребывания в весьма неблагоприятных условиях и что это может представлять известный интерес. Однако наш медцентр не располагает необходимым оборудованием для исследования причин этой аномалии. У нас нет достаточно мощной счетно-вычислительной машины для обработки имеющихся данных. Но в любом случае проверка подобных данных, их анализ и теоретические обобщения в обязанности сотрудников этого медицинского центра не входят.

6 августа II 2208 года
Кэткарт — Баумгартнеру
081 рмМС-7
Относительно: перемещения

Сэр! С момента получения этой телеграммы Вы отстраняетесь от обязанностей директора медицинского центра Рыжей Пыли и переводитесь на медицинский пункт 116. Вы отправитесь на медпункт 116 с первой же грузовой ракетой, следующей через Черноадскую вододобывающую станцию и Южное Пекло. Вам предлагается: а) отремонтировать помещение медпункта 116 и сделать его пригодным для обитания; б) оставаться на медпункте 116 впредь до особого распоряжения, поддерживая его в опти-

мальном состоянии и снимая показания всех приборов, регистрирующих солнечное излучение, температуру, влажность, атмосферное давление, скорость ветра, частоту и силу пылевых бурь, циклонов, оползней, сейсмических толчков и т. д. и т. п.; в) оказывать медицинскую помощь обитателям Экваториального района преобразования солнечной энергии. Для облегчения объездов Вашего участка медпункту 116 придаются одни (1) пескосани модели СТВ-4. При пользовании этим транспортным средством Вам предписывается сугубая осторожность, поскольку поломки транспортных средств, особенно в длительные периоды засухи, являются основным фактором, поднимающим кривую смертности в Экваториальном районе преобразования солнечной энергии. Учтите, что ввиду электромагнитных бурь, а также высокой метеорологической и сейсмической активности помощь извне может быть оказана далеко не всегда.

12 августа II 2208 года
От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Роберту Хауленду, директору Черноадского округа ПСЭ
Относительно: выживания в пустыне
Кодовый № 081 МСкс-1

Сэр! Прилагаю записи того, что Сэм Мэтьюз говорил в медцентре Рыжей Пыли. По-видимому, он считал, что умирает, и пытался сообщить какие-то сведения, которым придавал особую важность. Вот, например:

«Сестра. Вам вредно говорить, мистер Мэтьюз. Лежите спокойно.

Мэтьюз. Нет! мне надо сообщить...

Сестра. Не теперь.

Мэтьюз. Но ведь дело идет о моих товарищах! Послушайте...

Сестра. Лягте! Вам вредно говорить.

Мэтьюз. Плевать. Я ведь знаю, что не вытяну. Но у других может и выйти. Значит, так...

Сестра. Конечно, вы поправитесь. А сейчас я должна сделать вам...

Мэтьюз. Запишите, что я скажу, ладно? Про крысу все верно. Можно есть траву и все другое. Можно есть сухие колючки. Можно...

Сестра. Ну конечно, конечно, можно.

Мэтьюз. Но только живьем! Варить ее нельзя.

Сестра. Лягте, пожалуйста.

Мэтьюз. Так вы запишете?

Сестра. Конечно. Только дайте я засучу вам рукав.

Мэтьюз. А уж тогда можно есть что угодно. Даже колючки. У вас в желудке они становятся водой.

Сестра. Лежите тихо, а мы приготовим автошприц... Ну, вот и все.

Мэтьюз. Но вы запишете? Вы поняли?

Сестра. Конечно. Колючки варить не надо. А теперь...

Мэтьюз. Нет!!! Вы все перепутали. Варить не надо крысу!

Сестра. Да-да. Варить надо колючки, а крысу варить не надо. Лягте, лягте.

Мэтьюз. Не то... есть надо в сыром виде... колючки... вообще-то не надо.

Сестра. Лягте. Вот так!

Мэтьюз. Нет... Но крысу... вы... очень важно... крысу...

Сестра. Да-да, конечно... Фу-у! Заснул. Наконец-то!

Доктор Хинмут. Успокаивая пациента, старайтесь ограничиваться общими местами. Избегайте частностей».

Судя по этому разговору, Мэтьюз старался что-то объяснить. Я был бы Вам весьма обязан, если бы Вы сообщили мне, о чем, по-Вашему, могла идти речь...

18 августа II 2208 года
От Роберта Хауленда, директора Черноадского округа ПСЭ
Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы
Относительно: выживания в пустыне
Кодовый № 081 мсКС-2

Сэр! Большое спасибо! Я уже давно пытался получить эти записи. Что касается «крысы», о которой говорил Мэтьюз,— это своего рода поверье. Оно касается песчанки — зверька, который роет норы под кустами чалаки у высоких стеблей солнечного камыша. Этот зверек ведет активный образ жизни в те месяцы, когда вся остальная местная фауна погружается в летнюю спячку. Согласно поверью, если человек поймает песчанку, вырежет ее пищеварительный тракт и съест его сырым, он сможет жить в пустыне без воды. Считается, что именно в этом заключался секрет Билла-Пустынника — одного из первых поселенцев, прославившегося тем, что он несколько раз выходил из пустыни живым, когда уже никто не сомневался в его гибели. Я никогда не относился к этим россказням серьезно и не думаю, чтобы кто-нибудь пытался проверить их экспериментально, учитывая необходимое условие подобного эксперимента. Впрочем, я ищу добровольцев.

7 сентября 2208 года
Хауленд — Кэткарту
О81 мсКС-3

Сэр! Ну, отыскать добровольцев оказалось очень нелегко, и дело кончилось тем, что я обещал недельную командировку в самое злачное местечко на всем полушарии. Однако опыт мы поставили. Не спрашивайте меня, как это возможно, только один доброволец обходился без воды почти три недели, а другой — шестнадцать дней. Эти результаты далеко не каждому покажутся убедительными, но я сообщил о них во все округи ПСЭ. Теперь у человека, заблудившегося в пустыне, будет шанс выжить.

19 сентября 2208 года
Кэткарт — Хауленду
081 МСкс-4

Сэр! Примите мои поздравления. У меня самого уже целая клетка песчанок — и ни одного добровольца. Как называется это злачное местечко? Когда добровольцы найдутся, я намереваюсь поставить такой строгий эксперимент, что ни один человек в здравом уме не усомнится в его результатах. Разумеется, это относится далеко не ко всем.

III

Принцепс Венера, 30 октноядека 2208 года

Доктор Чарлз де П. Бэнкрофф, президент Межнаучной федерации, сегодня выразил порицание доктору Куинси Кэткарту за его «мистификацию с песчанкой».

С беспрецедентной резкостью доктор Бэнкрофф публично заявил: «Эта нелепая пародия на эксперимент сделает венерианскую науку мишенью для насмешек всех солидных научных организаций Солнечной системы.

Многочисленные вопиющие ошибки в этом широко опубликованном — следовало бы сказать: широко разрекламированном! — отчете превращают его в подлинный трактат на тему «Чего следует избегать в науке».

Во-первых, использованный препарат не был чистым. Даже если считать, что в отчете даны истинные результаты, невозможно установить, какой фактор (или факторы?) явился тому причиной.

Во-вторых, нелепо предполагать, будто подобные результаты вообще возможны; вне всякого сомнения, действие желудочного сока должно разрушить проглоченную ткань и уничтожить приписываемое ей волшебное свойство превращать пищу в питье.

В-третьих, если даже предположить, что ткань эта не поддается воздействию желудочного сока, она, безусловно, будет извергнута из организма благодаря перистальтике.

Перечисленного вполне достаточно, чтобы выявить слабости этого «эксперимента». Они ясны даже людям, далёким от науки.

Однако взгляд ученого немедленно замечает в нем и другие недостатки. Этот эксперимент лишен изящества. В нем нет той законченности, которая сообщает опыту достоверность. Кроме того, он статистически не обработан.

Подобной подтасовке нет оправдания.

Я призываю доктора Кэткарта публично сознаться, что его так называемый эксперимент — всего лишь мистификация. В этом случае венерианской науке, быть может, удастся хоть частично сохранить то доверие, которым она пользовалась ранее».

Центральное агентство Венера, 4 янфевмара 2209 года

Доктор Куинси Кэткарт, начальник Медицинской службы, ответил сегодня на критические замечания доктора Чарлза де П. Бэнкроффа. Назвав доктора Бэнкроффа «педантом, трудолюбиво топчущимся на одном месте», доктор Кэткарт заявил:

«В той весьма условной организации, членами которой мы оба являемся, доктор Бэнкрофф выступает в роли администратора, а не ученого. Как ученый, я отказываюсь принимать всерьез выводы, опирающиеся на суждения доктора Бэнкроффа. Продемонстрировать ненаучность его заявления не составляет никакого труда.

1. Он строит свои доказательства на предпосылке, что мой эксперимент может скомпрометировать «венерианскую науку» в чьих-то глазах. Это — сокрытие фактов из опасения утратить популярность.

2. Он заявляет, что эксперимент не может быть полноценным, поскольку он не соответствует его априорным утверждениям. Это — попытка опровергнуть объективную реальность ссылкой на любимые теории.

3. Он заявляет, что эксперимент «неизящен» и, следовательно, не может быть верным. Это — подчинение науки эстетическим категориям.

4. Он сетует, что эксперимент «статистически не обработан». Заметьте, что каждый доброволец съел пищеварительный аппарат одной песчанки, а затем, находясь под непрерывным и тщательным наблюдением, обходился без воды точно указанное число дней, часов и минут. Задача всякого эксперимента — доказать какое-то положение, причем его результаты должны излагаться так, чтобы их можно было подвергнуть независимой проверке. Уснащать же описание эксперимента не относящимися к делу данными и ненужными диаграммами и расчетами только для того, чтобы придать ему «научный вид», — в высшей степени ненаучно.

Возражения моего достопочтенного коллеги — это возражения схоласта и педанта, а не ученого.

В науке теории опираются на факты, а не факты на теории».

Принцепс, Венера, 6 янфевмара 2209 года

Восемью голосами против четырех Комиссия по кадрам и назначениям уволила доктора Куинси Кэткарта с поста начальника Медицинской службы. Комиссия по профессиональному поведению единогласно вынесла официальное порицание доктору Кэткарту за «непрофессиональное поведение».

Рэтбоун, Венера, 8 янфевмара 2209 года

Доктор Куинси Кэткарт, бывший начальник Медицинской службы, сделал короткое заявление по поводу снятия его с занимаемого поста и официального порицания, которое вынесла ему Межнаучная федерация. Доктор Кэткарт сказал:

«Прибегнув к подобным мерам, руководящие органы так называемой Межнаучной федерации показали, что они состоят главным образом из подхалимов, покорно поддакивающих администратору, который, как я это продемонстрировал, не имеет ни малейшего представления о настоящей науке. Эти люди, разумеется, могут разделять позицию любого человека. Я разделяю позицию Галилея».

Принцепс, Венера, 8 янфевмара 2209 года

Семью голосами против пяти квалификационная комиссия лишила Куинси Кэткарта профессионального статуса на неопределенный срок. Представитель комиссии объяснил: «Это означает, во-первых, что Кэткарт лишается права заниматься медицинской практикой и, во-вторых, что никакие его статьи или сообщения не могут приниматься органами, предназначенными для распространения профессиональной информации или мнений».

Эта мера была принята «для предотвращения пагубных публичных разногласий».

IV

Рэтбоун, Венера, 16 апреля 2209 года.

Сегодня сюда добрались два старателя, совсем обессилевшие от тягот пути и от недосыпания, и рассказали о труднейшем путешествии, которое они проделали без воды через солончаки Саламари. По их мнению, они остались в живых благодаря «ночным переходам, точной карте и двум сырым песчанкам».

Флэрниш, Венера, 1 мая 2209 года

Местных врачей поставило в тупик заболевание четырнадцатилетнего мальчика, который ест траву и отказывается пить, причем, по-видимому, без вредных для себя последствий. Он утверждает, будто съел песчанку.

Сухостой, Венера, 26 мая 2209 года

Хэнк Дж. Персиваль, владелец торгового заведения «Последняя возможность», сообщает о большом спросе на песчанок среди старателей, геологов и электромонтажников, отправляющихся на плато Пекло.

Принцепс, Венера, 29 мая 2209 года

Эксперименты, поставленные под эгидой Межнаучной федерации, продемонстрировали, что эффективность введения песчанки в человеческий организм для предупреждения его обезвоживания не более чем миф. Серии опытов с заранее определяемыми количествами растертой пищеварительной ткани лабораторных песчанок не показали никакого статистически достоверного увеличения стойкости организма к обезвоживанию.

Южное Пекло, Венера, 10 июня 2209 года

Сегодня утром сюда вышел Филипп Баумгартнер с медпункта 116 и помещен в больницу в тяжелом состоянии. Перед тем как потерять сознание, Баумгартнер объяснил, что его пескосани сломались «дней десять-двенадцать назад» и дальше он шел пешком. К его рюкзаку была привязана проволочная клетка, устланная стеблями солнечного камыша. Она была пуста. Такие клетки для содержания «аварийных песчанок» продаются в местных лавочках на случай, если покупатель заблудится в пустыне без воды.

Принцепс, Венера, 22 июня 2209 года

По распоряжению Р. К. Харлинга, главы санитарного надзора, всякая продажа «песчанок и родственных им грызунов для использования в целях предотвращения обезвоживания» с нынешнего дня запрещается как «представляющая опасность для здоровья населения и прямо, через возможное заражение потенциальной микрофлорой их кишечника, и косвенно — из-за бытующего суеверия, будто внутренние органы песчанки препятствуют обезвоживанию человеческого организма. Этот миф был полностью опровергут с помощью строгих научных экспериментов».

Сухостой, Венера, 26 июня 2209 года

Хенк Дж. Персиваль, владелец торгового заведения «Последняя возможность», заявил сегодня, что он продолжает продавать песчанок любителям животных «для содержания в клетках».

Конец Пути, Венера, 27 июня 2209 года

Сандра Корреджано, туристка, заблудившаяся во время охоты в пустыне, была, наконец, найдена после интенсивных поисков в районе Минеральных равнин. Мисс Корреджано сообщила, что она поймала песчанку. «Мне было очень трудно убить бедняжку,— сказала она.— И я чуть не умерла, когда... когда... ну, вы знаете, что полагается делать в таких случаях. Но потом я чувствовала себя прекрасно».

Принцепс, Венера, 6 июля 2209 года

Глава санитарного надзора Р. К. Харлинг предупредил сегодня, что он будет «возбуждать судебное преследование» во всех случаях незаконной продажи и приобретения песчанок. Мистер Харлинг добавил, что будет преследовать нарушителей, «применяя все средства принуждения, имеющиеся в его распоряжении».

Принцепс, Венера, 8 июля 2209 года

Сегодня санитарный надзор сообщил о результатах химического анализа пищеварительных органов песчанки, который был произведен «независимой и весьма солидной» лабораторией. Никаких агентов, препятствующих обезвоживанию, обнаружено не было.

Сухостой, Венера, 10 июля 2209 года

Сегодня утром в окрестностях поселка было обнаружено два трупа инспекторов санитарного надзора. Результаты расследования указывают, что инспекторы саннадзора, по-видимому, убили друг друга во время перестрелки. Причина перестрелки неизвестна.

Южное Пекло, Венера, 14 июля 2209 года

Сегодня утром из обломков служебных пескосаней был извлечен труп инспектора саннадзора. Результаты расследования указывают, что двигатель пескосаней взорвался.

Шлаковые Горы, Венера, 19 июля 2209 года.

Обнаруженный позавчера труп инспектора саннадзора был отправлен сегодня в Принцепс. Смерть была вызвана пулевым ранением в левую часть груди.

Принцепс, Венера, 20 июля 2209 года

Глава санитарного надзора Р. К. Харлинг объявил сегодня, что меры, принятые им против подпольной продажи песчанок, «временно отменяются до завершения массовой кампании санитарного просвещения, ведущейся среди населения».

Принцепс, Венера, 22 июля 2209 года

Доктор Чарлз де П. Бэнкрофф, президент Межнаучной федерации, сообщил сегодня о результатах новой серии экспериментов для «установления возможных последствий введения песчанки в человеческий организм». Кишечники шестнадцати песчанок, выращенных в лаборатории санитарного надзора, были «тщательно измельчены, разделены на сто долей, после чего каждая взвешенная доля смешивалась со взвешенным препаратом одного из местных растений. Ни в одном случае не наблюдалось статистически достоверного повышения содержания воды в результате добавления кишечника песчанки». Доктор Бэнкрофф заявил: «Меня поражает, что люди продолжают верить в нелепый миф, несмотря на неоднократные негативные результаты научных экспериментов».

Сухой Колодец, Венера, 28 июля 2209 года

Шестнадцать слушателей расположенного здесь Исправительного профессионального института покинули его за последний месяц. Предполагается, что заключенные совершают побег сразу же после того, как им удается поймать песчанку. Ввиду удаленности института от населенных районов и полного отсутствия в его окрестностях воды постройка внешней ограды была в свое время сочтена излишней.

Принцепс, Венера, 4 августа I 2209 года

Руководство Межнаучной федерации сообщило сегодня о новых мерах, которые принимаются для «уничтожения суеверных представлений о песчанке». С помощью координированной наглядной пропаганды у населения будет выработана психологическая брезгливость к вышеуказанному суеверию. В частности, был упомянут тривизионный фильм «Катастрофа в пустыне», который, по словам представителя МФ, шаг за шагом иллюстрирует причинную цепь, ведущую от безоговорочного принятия суеверия к проверке его на практике, когда семейные пескосани терпят аварию в пустыне. Следует гнетущий эпизод с песчанками, а затем мы становимся свидетелями духовной и физической гибели семьи. Особенно ужасен мо-

мент, когда они начинают жевать солнечный камыш и другую растительность того же типа и с отчаянием убеждаются, что сухие стебли не превращаются в воду. На главные роли мы пригласили Питера де Вьянова и Селесту Силсайн — две звезды нашего тривидения,— и, на наш взгляд, их игра великолепна и чрезвычайно убедительна. Одно дело услышать, что бабушкины сказки — ложь, и совсем другое — убедиться в этом собственными глазами. Еще одно ответственное лицо заявило: «Мы намерены с корнем вырывать это суеверие. Мы пустим в ход все средства!»

V

26 омороженія 2212 года
От Пресли Марка, директора Координационного центра научных исследований Земли II
Полк. Дж. Дж. Конроберту, начальнику базы Стилуэлл. Земля II
Относительно: обезвоженной воды (?)

Кон! Простите, что задержался с ответом, но у нас тут была небольшая неприятность. Какой-то идиот смазал аппарат для сжижения воздуха! На Ваш вопрос, существует ли способ сгустить воду без замораживания, я, конечно, ответил бы: «Нет». Но мне что-то такое смутно припоминается.

В чем, собственно, заключается Ваша проблема?

27 омороженія 2212 года
От Дж. Дж. Конроберта, начальника базы Стилуэлл. Земля II
Пресли Марку, директору КЦНИ
Относительно: наблюдательных постов

Прес! Проблема заключается в тех восемнадцати изолированных наблюдательных постах, которые разбросаны по этому морозильнику. Задача их снабжения вгонит меня в гроб!

Я подавал в соответствующие инстанции рапорты, указывая, что эти посты никому не нужны, что всякое прибытие извне — будь то звездные пришельцы, космолеты контрабандистов, межпланетные пираты и т. п.— неминуемо зафиксируется приборами. Генералы объяснили мне, что приборы можно обмануть и что визуальные наблюдения полезны и необходимы для дополнительной страховки. Вот так-то!

Ну, местность у нас тут довольно-таки гористая, и наблюдательные посты расположены на большой высоте и врезаны в одинокие пики, с которых открывается широкий вид. Снабжать их с воздуха мы не можем из-за ураганных ветров и вообще из-за крайне сложных метеорологических условий. И мы снабжаем их без помощи техники! Никакая машина, никакие вьючные животные тут помочь не могут. Нам все приходится делать вручную. Каждая доставка на посты всего необходимого превращается в многодневное сражение. И главная наша трудность — вода. Летом она расплескивается и разливается. Зимой же снег загрязняется спорами паразита, обитающего в кишечнике одиноких гигантских волков, которые утоляют жажду снегом. Этот паразит весьма опасен для людей, что усложняет ситуацию с первого снегопада до середины лета.

Да, я знаю, что можно пользоваться вторичной водой, но учтите наш бюджет, условия, в которых мы работаем, и малонаучный подход к ситуации со стороны рядового состава.

К тому же эти одинокие гигантские волки завели привычку устраивать логова под навесами наших установок, преобразующих снег в кипяченую воду.

Все вышеперечисленное — только примеры тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся, и список этот далеко их не исчерпывает, причем одно обстоятельство оказывается связанным с другим: этого нельзя сделать по такой-то причине, а того — еще по такой-то. Но если бы нам удалось покончить с проблемой доставки воды и со всеми ее осложнениями — жидкой формой, температурой замерзания, микропаразитами, установками для растапливания снега, гигантскими волками и т. д.— все стало бы гораздо проще.

Не могли бы Вы разработать какую-нибудь желатинообразную массу, которая, застывая, превращалась бы в порошок? Человек глотает порошок, а он у него в желудке превращается в воду... И неважно, если он будет весить вдвое больше воды. Мы с радостью готовы таскать лишнюю тяжесть, только бы обойтись без осложнений.

29 оморожения 2212 года
От Марка, КЦНИ
Дж. Дж. Конроберту, Стилуэлл
Относительно: нежидкой незамороженной воды

Кон! Кажется, я напал на довольно-таки фантастическую возможность разрешить Ваши затруднения. Речь идет об открытии, сделанном на Венере. Как и следовало ожидать, тамошние бонзы набросились на исследователя — не проявляй оригинальности! Я разберусь, что к чему, и дам Вам знать.

16 сентября 2212 года
От Марка, КЦНИ
Дж. Дж. Конроберту, Стилуэлл
Относительно: безводной воды

Кон! Ознакомившись с венерианской «наукой», я узнал, что в тамошних пустынях водится зверушка, именуемая песчанкой, которая благоденствует, питаясь сухими растениями, пока все остальные животные погружаются в летнюю спячку. Местные старожилы давно об этом знали, и кто-то из них, очутившись в пустыне без воды, решил съесть песчанку и посмотреть, не заменит ли ему сухой камыш воду и пищу.

Совершенно очевидно, что это средство помочь ему никак не могло. Но он испробовал его — и выжил!

Наши эксперименты показали, что в пищеварительной системе этих зверьков существует культура микроорганизмов, способных расщеплять целлюлозу. Мать-песчанка передает эти микроорганизмы детенышам, кормя их в первые недели жизни срыгиваемой пищей. Когда человек съедает песчанку, желудочный сок, естественно, начинает разрушать эти микроорганизмы. Однако человек съедает песчанку в отчаянной надежде, что теперь он сможет переваривать сухие стебли, а потому сразу же принимается их жевать. Микроорганизмы берутся за работу и производят, в частности, нечто вроде пылеобразного древесного угля и воду. Видите ли, целлюлоза — это $C_6H_{10}O_5$ или $C_6(H_2O)$, не забывайте только, что водород и кислород, образуя гидрат, не превращаются при этом в воду. Указанный микроорганизм выходит из этого положения, но пока не спрашивайте меня — как. Чтобы разобраться и в этом, нам потребуется время. Но вот Вам Ваша сухая вода, если лишний вес Вас не пугает.

По-видимому, венерианские ученые мужи потчевали своих лабораторных песчанок кормом, содержавшим крахмал, и давали им воду, а вышеуказанный микроорганизм по каким-то причинам не любит крахмала и гибнет из-за отсутствия целлюлозы. Таким образом, их эксперименты

продемонстрировали, что реальные факты были лишь плодом воображения, после чего они вдолбили это «откровение» в головы местных жителей с помощью всех возможных средств научной пропаганды. Мило, а?

Но вернемся к нашей задаче. Мы проверяли культуры этого микроорганизма на разных формах целлюлозы и установили, что его вполне устраивают древесные опилки. Посылаю Вам его культуры и живых песчанок для использования по Вашему усмотрению.

Не знаю, разрешит ли это Ваши трудности, но во всяком случае, какой-то шаг вперед сделан. Кстати, мы обнаружили, что наилучшие результаты дает свежий пищеварительный аппарат песчанки. Сообщите мне, какое разрешение этой проблемы можно будет найти, прибегнув к помощи военной дисциплины.

Нам будет очень интересно посмотреть, как венерианская «наука» выйдет из положения после того, как мы опубликуем наше сообщение. А сделаем мы это особым способом.

Рэтбоун, Венера, 2 августа (II) 2212 года

Куинси Кэткарт, местный торговец семенами, опубликовал в газетах текст письма, которое он получил от доктора Ч. Дж. Горовица, одного из руководителей весьма уважаемого Координационного центра научных исследований Земли II. Доктор Горовиц, в частности, пишет:

«...Мы хотели бы публично признать Ваш приоритет в исследовании этой важной проблемы и указать, что Ваши выводы полностью подтвердились.

Ваши исследования в значительной степени облегчили стоявшую перед нами задачу.

Мистер Пресли Марк, директор КЦНИ, предложил присудить Вам нашу почетную медаль и сопутствующую ей премию. Как Вам, возможно, известно, премия эта не присуждалась уже три года, а потому сумма ее соответственно возросла. Мы известим Вас...»

Принцепс, Венера, 18 августа (II) 2212 года

П. Л. Снил, представитель юридического отдела Межнаучной федерации, указал сегодня, что Куинси Кэткарт, рэтбоунский торговец семенами, «согласно закону, не имеет права принимать плату, награды, премии, возмещение или иные вознаграждения за деятельность, которой ему запретили заниматься правомочные органы. Согласно статьям 223, 224 и 226 Уголовного кодекса, Кэткарт обязан отказаться от вознаграждения или принять все последствия своего поступка».

Рэтбоун, Венера, 20 августа (II) 2212 года

Дж. Харрингтон Севейдж, видный принцепсский адвокат, гостящий у доктора Куинси Кэткарта, заявил сегодня, что «так называемое предостережение юридического отдела Межнаучной федерации является нарушением статьи 6 Основ законодательства, которая прямо указывает, что никакой закон не имеет обратной силы. Доктор Кэткарт вправе получать любое вознаграждение за исследования, проведенные в прошлом, когда его высокая квалификация полностью признавалась соответствующими органами. Любая попытка Межнаучной федерации воспрепятствовать ему в осуществлении этого права повлечет за собой принятие соответствующих юридических мер».

Принцепс, Венера, 22 августа (II) 2212 года

Р. Дж. Роклеш, совладелец фирмы «Севейдж и Роклеш», объявил сегодня, что он представляет родственников ста шестидесяти двух человек, погибших в пустыне от голода и жажды. Мистер Роклеш подчеркивает: «Эти люди стали жертвой пропагандистской кампании, предпринятой Межнаучной федерацией, которая буквально вырвала из их рук средство спасения и тем самым убила их».

Принцепс, Венера, 23 августа (II) 2212 года

П. Л. Спил из юридического отдела Межнаучной федерации сообщил сегодня, что Межнаучная федерация готова «сделать жест примирения в адрес бывшего коллеги» и не будет настаивать на том, чтобы Куинси Кэткарт отказался от вознаграждения за прежние исследования, «однако Кэткарт должен помнить, что он не имеет права в настоящем или в будущем заниматься медицинской практикой или вести соответствующие исследования».

Рэтбоун, Венера, 24 августа (II) 2212 года

Дж. Харрингтон Севейдж, адвокат доктора Кэткарта, предостерег сегодня Межнаучную федерацию, что в «этом деле какие бы то ни было жесты примирения юридически неправомерны. Заявление Межнаучной федерации от 23 августа (II) 2212 года подразумевает, что Федерация присваивает себе право прощать или не прощать нарушение закона по своему усмотрению. Это ставит под сомнение законность деятельности Федерации и ее соответствие статьям 66, 67 и 68, регулирующим взаимоотношения государственных учреждений и граждан Венеры. Мы взвешиваем все весьма серьезные потенциальные следствия указанного заявления. В случае необходимости мы обратимся к суду, чтобы положить конец произволу и беспринципности, которыми чревата подобная позиция».

Принцепс, Венера, 26 августа (II) 2212 года

Байрон Т. Фишер, известный писатель-популяризатор, прибыл сюда сегодня на космическом лайнере «Королева космоса». Мистер Фишер собирает материалы для своей новой книги «Мученики и деспоты науки».

Сухой Колодец, Венера, 29 августа (II) 2212 года

Сегодня на рассвете сюда вышли три заблудившихся туриста, которые заявили, что своим спасением они обязаны «песчанкам и сухому чалаки». Они предъявили официальные брошюры, выпущенные для туристов Межнаучной федерацией и предупреждающие, что «старинное поверье, будто проглатывание пищеварительного аппарата песчанки способно уничтожить потребность в воде, представляет собой беспочвенную выдумку. Научные эксперименты показали, что песчанки нуждаются в обыкновенной воде точно так же, как и все другие живые существа». Все трое туристов утверждают, что эта брошюра их чуть было не погубила.

Принцепс, Венера, 6 сентября 2212 года

Во время весьма бурных заседаний руководящих органов Межнаучной федерации сегодня были приняты следующие решения: доктор Чарлз де П. Бэнкрофф по состоянию здоровья сложил с себя обязанности президента; квалификационная комиссия единогласно отменила свое прежнее решение и вернула диплом доктору Куинси Кэткарту, бывшему начальнику Медицинской службы; Комиссия по профессиональному поведению большинством в один голос отклонила предложение отменить официальное

порицание, вынесенное доктору Кэткарту, чья фамилия, однако, вновь включена в списки врачей. Кроме того, значительному обновлению подверглись штаты юридического отдела. Совет федерации пока еще не выдвинул преемника доктору Бэнкроффу и, по слухам, разделился на несколько враждующих фракций.

Принцепс, Венера, 8 сентября 2212 года

Доктор Шеррингтон Шайл приступил сегодня к исполнению обязанностей президента Межнаучной федерации. Доктор Чарлз де П. Бэнкрофф вышел из состава совета ее директоров и возглавил особую Редакционную группу, занимающуюся вопросами внутреннего распорядка. В связи с избранием доктора Шайла президентом МФ стал вакантным пост начальника Медицинской службы, и Комиссия по кадрам и назначениям единогласно одобрила назначение доктора Куинси Кэткарта начальником Медицинской службы. Осведомленное лицо, пожелавшее остаться неназванным, заметило по этому поводу: «Справедливость восстановлена, но остается посмотреть, будет ли от этого толк».

12 сентября 2212 года
От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Филиппу Баумгартнеру, медицинский пункт 116
Относительно: нового назначения
Кодовый № 121 МСм 116-1

Сэр! В связи с уходами на пенсию и перемещениями в настоящее время освободился пост директора медицинского центра Рыжей Пыли. Если Вы согласны его занять, сообщите мне об этом при первом же удобном случае. Я учитываю, что Вам будет нелегко покинуть Ваш нынешний пост до окончания сезона дождей, поскольку вверенный Вам медпункт находится в центре естественной впадины. Если память мне не изменяет, здание медпункта водонепроницаемо и снабжено кабельным барабаном, позволяющим ему всплыть, а потом опуститься на полозья. Надеюсь, Вы хорошо смазывали механизмы барабана.

26 октноядека 2212 года
От Куинси Кэткарта, начальника Медицинской службы
Роберту Хауленду, директору Черноадского округа ПСЭ
Относительно: науки, уничтожающей суеверия
Кодовый № 121 МСкс-1

Сэр! Мне кажется, Вам следует ознакомиться со следующими отрывками из последней брошюры (2П-103), выпущенной издательством Межнаучной федерации и озаглавленной: «Простак знакомится с биотехнологией».

« — Да, Простак, в течение многих лет люди умирали в пустыне, хотя рядом с ними были неисчерпаемые запасы воды — правда, скрытой в растениях, которые казались высохшими и бесполезными. В ту эпоху научно-исследовательские лаборатории Межнаучной федерации еще не создали биаквы. Но и тогда существовал способ избежать гибели в безводной пустыне — для этого нужно было просто проглотить некоторые внутренние органы обыкновенной песчанки.

— Ух ты, доктор! Да неужто об этом никто не знал?

— Нет, Простак. Опрос населения, проведенный в апреле 2211 года, показал, что 92,65% лиц, ответивших на анкету, считали, что введение в человеческий организм внутренних органов песчанки не предотвратит

его обезвоживания; 4,17% полагали, что это средство может оказать лишь частичное действие; 2,49% заполнили анкету неправильно и только 0,69% считали, что это полностью предовратит обезвоживание, но подавляющая часть этой группы проживала в неосвоенных районах, примыкающих к пустыням, и опиралась в своем заключении только на фольклор и суеверия. Теперь мы настоятельно рекомендуем всем туристам всегда иметь при себе биакву, чтобы в случае необходимости, забыв нелепую брезгливость, прибегнуть к этому простому биотехническому средству получения воды из сухой растительной клетчатки...»

Брошюра 2П-103 содержит еще много подобных страниц.

Кстати, я сообщил в Координационный центр научных исследований Земли II, что первые эксперименты с песчанкой ставили Вы. Честь открытия принадлежит Вам, а не мне.

28 октноядека 2212 года
От Роберта Хауленда, директора Черноадского округа ПСЭ
Куинси Кэткарту, начальнику Медицинской службы
Относительно: песчанок
Кодовый № 121 мсКС-2

Нет, сэр! Шеей рисковали Вы. Да и в любом случае, на мой взгляд, приоритет принадлежит Биллу-Пустыннику, но как его об этом известить?

Если, однако, Вы хотели бы что-то для меня сделать, то учтите, что я испытываю хронический недостаток квалифицированных кадров. Как Вы, вероятно, помните, некоторое время назад один из моих механиков, Сэм Мэтьюз, был доставлен в медцентр Рыжей Пыли, попытался объяснить суть дела и в конце концов решил, что уж если его считают психом, он может извлечь из этого кое-какое удовольствие. Он все еще наслаждается незаслуженным отдыхом в Озерах.

Не так давно один из моих сотрудников был там в служебной командировке и навестил Мэтьюза. Мэтьюз жаловался, что по ночам ему кажется, будто его постель качается, как лодка на волнах. Он ходит, расставляя ноги, точно старый морской волк. Некий доктор Шнуди, который его лечит, старается добраться до наиболее скрытых механизмов его подсознания и уже довел фантазию Мэтьюза до полного истощения. Другими словами, Мэтьюз сыт гидротерапией по горло, он спит и видит, как бы очутиться в таком месте, где воды вокруг него «не будет совсем — разве что одна фляга».

Надеюсь, Вы пойдете ему навстречу, тем более что я могу предложить ему как раз то, о чем он мечтает.

30 октноядека 2212 года
Кэткарт — Хауленду
121 МСкс-3

Сэр! Рад сообщить, что Шнуди охотно выписал Мэтьюза, заявив, что по его, Шнуди, мнению, он, Шнуди, добился полного его излечения. Мэтьюз находится по пути к Вам, и если Вы повесите его посушиться с недельку на веревке, я думаю, он будет вполне готов приступить к исполнению своих обязанностей.

А тем временем Шнуди, вдохновленный этим успехом, взялся за обработку своих материалов о сеансах с Мэтьюзом и готовит к публикации гигантский том, который, несомненно, принесет ему репутацию выдающегося ученого, весьма возможно, создаст его школу и, пожалуй, обессмертит его имя.

История с Мэтьюзом является наглядным примером непрерывно продолжающегося победоносного наступления рациональных сил науки на невежество и суеверие.

К сожалению, при некоторых обстоятельствах бывает нелегко решить, что тут что.

ДЖОН ГОРДОН

ЧЕСТНОСТЬ — ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА [1]

Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока. Это было длинное имя и важный титул, и он гордился ими. Титул этот значил примерно — «Верховный Шериф, Адмирал Фенигвиснока», а Фенигвиснок был богатой и значительной планетой в империи Дэл. Титул и имя выглядели внушительно на документах, а документов подписывать нужно было множество.

Сам Тагобар был превосходным экземпляром своей породы, воплощавшей силу и гордость. Как у черепах на Земле, у него был и наружный и внутренний скелет, хотя это было все, что придавало ему сходство с черепахами. На вид он был похож на человека, нечто среднее между средневековым рыцарем в латах и коренастым регбистом, одетым для выхода на поле. Цвет у него был, как у хорошо сваренного рака, и на суставах наружного скелета переходил в темный пурпур. Одежда состояла только из коротенькой юбочки, расшитой причудливыми узорами и усыпанной сверкающими драгоценными камнями. Эмблема его сана была выгравирована золотом на переднем и заднем панцире, так что его можно было узнать, когда он входил и когда выходил.

Словом, это была довольно внушительная фигура, несмотря на рост всего пять футов два дюйма.

Как командир собственного звездолета «Верф», он должен был разыскивать и исследовать планеты, подходящие для колонизации народом дэл. Он усердно занимался этим уже долгие годы, в точности следуя Общей Инструкции, как и должен делать хороший командир.

И дело стоило того. В свое время он нашел несколько неплохих планет, а эта была самым лакомым кусочком из всех.

Глядя на увеличительный экран, он удовлетворенно потер руки. Его корабль плавно вращался по орбите высоко над новооткрытой планетой, а экран был наведен на местность внизу. Ни один корабль дэлов еще не бывал в этой части Галактики, и было приятно найти подходящую планету так быстро.

— Великолепная планета!— сказал он.— Восхитительная планета! Смотрите, какая зелень! А синева этих морей!— Он повернулся к лейтенанту Пельквешу.— Как ты думаешь? Разве это не чудесно?

— Конечно, чудесно, ваше великолепие!— ответил Пельквеш.— Вы за нее получите еще одну награду.

Тагобар начал что-то говорить, но неожиданно остановился. Его руки рванулись к рычагам управления и вцепились в переключатели; мощные

---

[1] Печатается по изд.: Сборник зарубежной фантастики.— М.: Молодая гвардия, 1964.

двигатели корабля взревели от перегрузки, когда корабль повис неподвижно относительно планеты внизу. Пейзаж на увеличительном экране остановился.

Тагобар подрегулировал увеличение, и изображение начало расти.

— Вот!— сказал командир.— Пельквеш, что это такое?

Вопрос был чисто риторическим. Изображение, заслоняемое колеблющимися течениями в двухстах с чем-то милях атмосферы, едва мерцало на экране, но нельзя было сомневаться в том, что это какой-то город. Лейтенант Пельквеш так и сказал.

— Чума его возьми!— проворчал Тагобар.— Занятая планета. Города строят только разумные существа.

— Вот именно,— согласился лейтенант.

Оба они не знали, что делать. Лишь несколько раз за всю долгую историю дэлов ими были обнаружены разумные существа, но под владычеством империи они постепенно вымерли. Ни одна из этих рас, кстати, и не была особенно разумной.

— Придется запросить Общую Инструкцию,— сказал, наконец, Тагобар. Он перешел к другому экрану, включил его и начал набирать цифры кода.

Глубоко в недрах корабля медленно пробудился к жизни робот Общей Инструкции. В его обширной памяти таились 10 тысяч лет накопленных и упорядоченных фактов, 10 тысяч лет опыта империи, 10 тысяч лет окончательных решений по каждому вопросу. Это было больше, чем энциклопедия,— это был образ жизни.

Робот по самым строгим правилам логики проверял свою память, пока не нашел ответ на запрос Тагобара; тогда он передал данные на экран.

— Гммм,— произнес Тагобар.— Да. Общая Инструкция 333 953 216А, глава ММСМХIX, параграф 402. «После обнаружения разумной или полуразумной жизни взять для исследования случайно выбранный образец. Избегать других контактов, пока образец не будет обследован согласно Психологической Директиве 659-В, Раздел 888 077д, под руководством Главного психолога. Данные сверить с Общей Инструкцией. Если нечаянный контакт уже произошел, справиться в ОИ 472 678-R-S, глава ММССХ, параграф 553. Образцы следует брать соответственно...»

Он дочитал Общую Инструкцию и тогда повернулся к лейтенанту:

— Пельквеш, готовьте вспомогательную лодку, чтобы взять образец. Я уведомлю психолога Зендоплита, чтобы он приготовился.

* * *

Эд Магрудер глубоко вдохнул весенний воздух и закрыл глаза. Воздух был прекрасен, он был пропитан пряными ароматами и сочными запахами, хотя и чуждыми, но казавшимися почему-то родными — более родными, чем земные.

Эд был высок и худощав, с темными волосами и блестящими карими глазами, которые будто щурились от скрытого смеха.

Он открыл глаза. Город еще не спал, но темнота наступала быстро. Эд любил свои вечерние прогулки, но бродить в полях после сумерек было на Нью-Гаваи опасно, даже сейчас. Здесь были маленькие ночные твари, мягко порхающие в воздухе и кусающиеся без предупреждения. Были и более крупные хищники. Эд направился обратно к городку Нью-Хило, построенному на месте, где человек впервые ступил на новую планету.

Магрудер был биологом. За последние десять лет он обшарил с полдюжины миров, собирая образцы, тщательно анатомируя их и занося результаты в записные книжки. Медленно, звено за звеном, составлял он схему — схему самой жизни. У него было много предшественников, вплоть до Карла Линнея, но никто из них не понимал, чего им не хватает. В их распоряжении был только один тип жизни — земная жизнь. А вся земная жизнь в конечном счете однородна. Из всех планет, какие он видел, Нью-Гаваи нравилась ему особенно сильно. Это была единственная планета, кроме Земли, где человек может ходить без всяких защитных одеяний,— по крайней мере единственная из до сих пор открытых.

Эд услышал над головой слабый свист и взглянул. Для ночных тварей еще рановато.

И тут он увидел, что это вовсе не ночная тварь, это какой-то шар вроде металлического и...

На поверхности шара вспыхнуло зеленоватое сияние, и для Эда Магрудера все исчезло.

* * *

Тагобар Верф бесстрастно смотрел, как лейтенант Пельквеш вносит бесчувственный образец в биологическое испытательное отделение. Образец был странного вида — пародия на живое существо с мягкой кожей, вроде слизняка, бледного, розовато-смуглого цвета, с отвратительными плеснеподобными разрастаниями на голове и в других местах.

Биологи приняли образец и начали работать над ним. Они взяли для исследования кусочки его кожи, немного его крови и сняли показания электрических приборов с его мышц и нервов.

Зендоплит, Главный психолог, стоял рядом с командиром, следя за процедурой.

Для биологов это была Стандартная Процедура; они работали так же, как и со всяким другим поступавшим к ним образцом. Но Зендоплиту предстояла работа, которую до сих пор ему не приходилось выполнять. Ему предстояло работать с мозгом разумного существа.

Но он не тревожился: в Руководстве было записано все, каждая мелочь Стандартной Процедуры. Тревожиться было не о чем.

Как и со всеми прочими образцами, Зендоплит должен был расшифровать основную Схему Реакций. Каждый данный организм способен реагировать только определенным, очень большим, но ограниченным количеством способов, и эти способы можно свести к Основной Схеме. Чтобы уничтожить какую-нибудь породу существ, нужно только найти их Основную Схему, а тогда задать им задачу, которую они по этой схеме не смогут решить. Все это было очень просто, и все записано в Руководстве.

Тагобар повернулся к Зендоплиту.

— Вы действительно думаете, что он сможет научиться нашему языку?

— Зачаткам его, ваше великолепие,— ответил психолог.— Наш язык в конце концов очень сложен. Конечно, мы попытаемся обучить его всей системе языка, но сомневаюсь, чтобы он мог усвоить значительную часть. Наш язык основан на логике, как на логике основана сама мысль. Некоторые из низших животных способны к зачаточной логике, но большинство неспособно понять ее.

— Хорошо, мы сделаем все, что сможем. Я сам допрошу его.

Зендоплит удивился.

— Но, ваше великолепие, все вопросы подробно записаны в Руководстве!

Тагобар Верф нахмурился.

— Я умею читать не хуже вас, Зендоплит. Так как это первый образец полуразумной жизни, обнаруженный за последнюю тысячу лет, то я думаю, что допрос должен проводить сам командир.

— Как вам угодно, ваше великолепие,— согласился Психолог.

Когда психологи закончили работать с Эдом Магрудером, его поместили в Языковой Бункер. На глаза ему установили световые прожекторы, фокусированные на его сетчатках, в уши вставили акустические устройства, повсюду на теле прикрепили различные электроды, на череп наложили тонкую проволочную сеть. Потом ему впрыснули в кровь специальную сыворотку, изобретенную биологами. Все это было проделано безукоризненно точно. Потом Бункер закрыли, и был включен рубильник.

Магрудер смутно ощутил, что всплывает откуда-то из темноты. Он увидел странные, омарообразные существа, двигавшиеся вокруг него, а в уши ему нашептывались и набулькивались какие-то звуки.

Постепенно он начал понимать. Его учили ассоциировать звуки с предметами и действиями.

* * *

Эд Магрудер сидел в маленькой комнатке, размером четыре на шесть футов, сидел голый, как червь, и смотрел сквозь прозрачную стену на шестерку чужаков, которых так часто видел в последнее время.

У него не было никакого понятия о том, долго ли его учили языку; он был как в тумане.

«Ну вот,— подумал он,— я набрал немало хороших образцов, а теперь сам попал в образцы». Он вспомнил о том, как поступал со своими образцами, и слегка вздрогнул.

Ну, да ладно. Он попался. Остается только показать им, как нужно себя вести: сжать губы, выше голову, и все такое.

Одно из существ подошло к панели с кнопками и нажало одну из них. Тотчас же Магрудеру стали слышны звуки из комнаты по ту сторону прозрачной стены.

Тагобар Верф взглянул на образец, потом на листок с вопросами у себя в руке.

— Наши психологи обучили вас нашему языку, не так ли?— холодно спросил он.

Образец заболтал головой вверх и вниз.

— Да. И я называю это принудительным кормлением.

— Очень хорошо. Я должен задать вам несколько вопросов; вы будете отвечать на них правду.

— Ну, разумеется,— любезно ответил Магрудер.— Валяйте.

— Мы можем узнать, когда вы лжете,— продолжал Тагобар.— Вам придется плохо, если вы будете говорить неправду. Так вот, как ваше имя?

— Теофилус К. Гассенфеффер,— вкрадчиво произнес Магрудер.

Зендоплит взглянул на задрожавшую стрелку и медленно покачал головой, переводя взгляд на Тагобара.

— Это ложь,— сказал Тагобар.

Образец кивнул.

— Ну, конечно. Славная у вас машинка!

— Хорошо, что вы признаете высокие качества наших приборов,— мрачно произнес Тагобар.— Ну, так как же вас зовут?

— Эдвин Питер Сент Джон Магрудер.

Психолог Зендоплит, следивший за стрелкой, кивнул.

— Прекрасно!— произнес Тагобар.— Итак, Эдвин...

— Эда будет достаточно,— сказал Магрудер.

Тагобар удивился.

— Достаточно — для чего?

— Чтобы называть меня.

Тагобар обернулся к психологу и пробормотал что-то. Зендоплит ответил тоже бормотанием. Тагобар снова обратился к образцу.

— Ваше имя Эд?

— Строго говоря, нет,— ответил Магрудер.

— Тогда почему мы должны называть вас так?

— Почему бы и нет? Другие называют,— ответил Магрудер.

Тагобар снова посоветовался с Зендоплитом и потом сказал:

— Мы вернемся к этому вопросу позже. Итак... гм... Эд, как вы называете свою родную планету?

— Земля.

— Хорошо. А как называет себя ваша раса?

— Homo sapiens.

— А что это означает, если означает что-нибудь?

Магрудер подумал.

— Это просто название,— сказал он.

Стрелка заколебалась.

— Опять ложь,— сказал Тагобар.

Магрудер усмехнулся.

— Я просто проверял. Это действительно машинка что надо!

Синяя, содержащая медь кровь прилила к шее и лицу Тагобара. Он потемнел от сдерживаемого гнева.

— Вы уже сказали это один раз,— зловеще напомнил он.

— Знаю. Так вот, если хотите знать, Homo sapiens означает «Человек разумный».

В действительности он не сказал «Человек разумный»: в языке дэлов нет точного выражения этого понятия, и Магрудер сделал все, что мог, чтобы его выразить. В обратном переводе на английский это звучало бы приблизительно как «Существа с великой силой мысли».

Когда Тагобар услышал это, глаза у него раскрылись шире, и он обернулся, чтобы взглянуть на Зендоплита. Психолог развел своими скорлупчатыми руками: стрелка не двинулась.

— Кажется, у вас там высокое мнение о себе,— произнес Тагобар, снова обращаясь к Магрудеру.

— Возможно,— ответил землянин.

Тагобар пожал плечами, заглянул в свой список, и допрос продолжался. Некоторые вопросы казались Магрудеру бессмысленными, другие явно были частью психологической проверки.

Но ясно было одно: детектор лжи был максималистом. Если Магрудер говорил чистую правду, стрелка прибора не двигалась. Но стоило ему солгать хоть чуточку, как она взлетала до потолка.

Первые несколько лживых ответов прошли для Магрудера даром, но в конце концов Тагобар сказал:

— Вы лгали достаточно, Эд.

Он нажал кнопку, и на землянина обрушилась сокрушительная волна боли. Когда она ушла, Магрудер почувствовал, что мышцы у него на животе превратились в узлы, что кулаки и зубы у него стиснуты, а по щекам струятся слезы. Потом его охватила неудержимая тошнота и рвота.

Тагобар Верф брезгливо отвернулся.

— Отнесите его обратно в камеру и уберите здесь. Сильно ли он поврежден?

Зендоплит уже проверил свои приборы.

— Думаю, что нет, ваше великолепие; вероятно, это легкий шок, и только. Однако на следующем допросе нам все равно придется его проверить. Тогда мы узнаем наверное.

* * *

Магрудер сидел на краю какой-то полки, которая могла служить низким столом или высокой кроватью. Сидеть было не очень удобно, но ничего другого в камере не имелось, а пол был еще тверже.

Вот уже несколько часов, как его перенесли сюда, а он все еще не мог опомниться. Эта гнусная машина делала больно! Он стиснул кулаки, он все еще чувствовал спазм в животе, и...

И тут он понял, что спазм вызван вовсе не машиной; от этого-то он давно уже отделался.

Судорожное напряжение было вызвано чудовищным, холодным, как лед, бешенством.

Он подумал над этим с минуту, потом расхохотался. Вот он сидит как дурак и бесится так, что доводит себя до боли. А от этого ни ему, ни колонии не будет никакой пользы.

Очевидно было, что чужаки не замышляли ничего доброго, мягко выражаясь. Колония на Нью-Хило насчитывала шестьсот человек — это единственная группа людей на Нью-Гаваи, не считая нескольких разведывательных групп. Если этот корабль попробует захватить планету, колонисты не смогут сделать ни черта. А что, если чужаки разыскали Землю! У него не было никакого представления о том, как корабль вооружен и какие у него размеры, но, по-видимому, места в нем много.

Он знал, что все зависит от него. Он должен сделать что-то и как-то. Что? Не выйти ли ему из камеры и не напасть ли на корабль?

Чепуха! Голый человек в пустой камере совершенно беспомощен. Но что же тогда?

Магрудер лег и долго раздумывал над этим.

Потом в двери приоткрылась панель, и за прозрачным квадратом проявилось красно-фиолетовое лицо.

— Вы, несомненно, голодны,— торжественно изрекло оно.— Анализ процессов в вашем организме показал, какая пища вам нужна. Вот, получите.

Из ниши в стене выдвинулся кувшин порядочных размеров; от него исходил странный аромат. Магрудер взял кувшин и заглянул внутрь. Там была желтовато-серая полупрозрачная жидкость, похожая на жидкую похлебку. Он обмакнул в нее палец, попробовал на язык. Ее вкусовые качества были явно ниже нуля.

Он мог догадаться, что она содержит десятка два различных аминокислот, с дюжину витаминов, пригоршню углеводов, несколько процентов других веществ. Что-то вроде псевдопротоплазмического супа — высокосбалансированная пища.

Он подумал, нет ли в ней чего-нибудь вредного для него, но решил, что наверняка нет. Если чужаки захотят отравить его, им нет надобности прибегать к хитростям; кроме того, это наверняка та самая бурда, которой его кормили во время обучения языку.

Притворяясь перед самим собой, что это похлебка из говядины, он выпил ее целиком. Может быть, избавившись от чувства голода, он сможет думать лучше.

Оказалось, что это так и есть.

* * *

Меньше чем через час его снова взяли в допросную. На этот раз он решил, что не позволит Тагобару нажимать на ту кнопочку.

«В конце концов,— рассуждал он,— мне может понадобиться солгать кому-нибудь и в будущем, если я когда-нибудь выберусь отсюда. Не нужно приобретать условный рефлекс против лжи».

А судя по тому, как больно сделала ему машина, он видел, что после нескольких таких ударов вполне может получить условный рефлекс.

У него был план. Очень смутный план и очень гибкий. Нужно попросту принимать то, что будет, полагаться на счастье и надеяться на лучшее.

Он сел в кресло и ждал, чтобы стена снова стала прозрачной. Он думал, что у него будет случай убежать, когда его вели из камеры в допросную, но чувствовал, что не сможет справиться с шестеркой панцирных чужаков сразу. Он не был даже уверен, что справится хотя бы с одним. Как справиться с противником, чья нервная система тебе вовсе неизвестна, а тело бронировано, как паровой котел?

Стена сделалась прозрачной, и за нею стоял чужак. Магрудер заинтересовался, было ли это то самое существо, которое допрашивало его раньше, и, изглянув на рисунок на панцире, решил, что это то же самое.

Он откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и стал ждать первого вопроса.

* * *

Тагобар Верф был в большом затруднении. Он тщательно сверил психологические данные с Общей Инструкцией, после того как психологи сверили их по Руководству. Результаты сверок ему решительно не понравились.

Общая Инструкция говорила только: «Раса такого типа никогда не встречалась в Галактике. В этом случае командир должен действовать согласно ОИ 234 511 006 д, гл. ММСДХ, параграф 666».

Просмотрев ссылку, он посоветовался с Зендоплитом.

— Что вы об этом думаете?— спросил он.— И почему у вашей науки нет никаких ответов?

— Наука, ваше великолепие,— ответил Зендоплит,— это процесс получения и координирования сведений. У нас еще нет достаточных сведений, это верно, но мы их получим. Нам совершенно незачем впадать в панику; мы должны быть объективными, только объективными.— Он протянул Тагобару еще один печатный листок.— Вот вопросы, которые вы должны теперь задать согласно Руководству по психологии.

Тагобар ощутил облегчение. Общая Инструкция говорила, что в таком случае, как этот, дальнейшее действие будет зависеть только от его собственных решений.

Он включил поляризацию стены и взглянул на образец.

— Сейчас вы ответите на несколько вопросов отрицательно,— сказал Тагобар.— Неважно, насколько правдивыми будут ответы, вы должны только отвечать «нет». Ясно ли вам это?

— Нет,— ответил Магрудер.

Тагобар нахмурился. Инструкции казались ему совершенно ясными, но что случилось с образцом? Неужели он глупее, чем они думали раньше?

— Он лжет,— сказал Зендоплит.

Тагобару понадобилась добрая половина минуты, чтобы понять происшедшее, и тогда лицо у него неприятно потемнело. Но ничего не поделаешь, образец повиновался приказу.

Его великолепие глубоко вдохнул воздух, задержал его, медленно выдохнул и начал кротким голосом задавать вопросы:

— Ваше имя Эдвин?

— Нет.

— Вы живете на планете внизу?

— Нет.

— У вас шесть глаз?

— Нет.

Через пять минут подобной беседы Зендоплит сказал:

— Достаточно, ваше великолепие, все сходится; его нервная система не повреждена болью. Теперь вы можете приступить к следующей группе вопросов.

— Теперь вы будете отвечать правду,— произнес Тагобар.— Если нет, вы снова будете наказаны. Это вам ясно?

— Совершенно ясно,— ответил Эд Магрудер.

Хотя голос его звучал совершенно спокойно, Магрудер ощутил легкую дрожь. Отныне ему нужно будет обдумывать ответы тщательно и быстро. С другой стороны, ему самому не хотелось слишком медлить с ответами.

— Какова численность вашей расы?

— Несколько миллиардов.— В действительности их было около четырех миллиардов, но на языке дэлов «несколько» было неясным обозначением для чисел свыше пяти, хотя и не обязательно таких.

— Знаете ли вы точную цифру?

— Нет,— ответил Магрудер. «Не с точностью до одного человека»,— подумал он.

Стрелка не дрогнула. Разумеется, разве он говорил неправду?

— Значит, вся ваша раса не живет на Земле?— спросил Тагобар, слегка отклоняясь от списка вопросов.— Не живет в одном городе?

Со вспышкой чистейшей радости Магрудер увидел, какую чудесную ошибку сделал чужак. Он до сих пор не подозревал, что у землян есть астронавтика. Поэтому, когда он спросил о названии родной планеты Магрудера, тот ответил «Земля». Но чужак думал о Нью-Гаваи. Урррра!

— О нет,— правдиво ответил Магрудер,— нас здесь только несколько тысяч.— «Здесь»— означало, конечно, Нью-Гаваи.

— Значит, большинство вашего народа бежало с Земли?

— Бежало с Земли?— возмущенно переспросил Магрудер.— Святое небо, конечно, нет! Мы только колонизовали планеты; мы все управляемся одним центральным правительством.

— Сколько вас в каждой колонии?— Тагобар полностью отказался от списка вопросов.

— Не знаю в точности,— ответил Магрудер,— но ни на одной из колонизованных нами планет нет большего количества жителей, чем на Земле.

Тагобар был ошеломлен. Он немедленно отключился от допросной.

Зендоплит был расстроен.

— Вы допрашиваете не по Руководству,— жалобно сказал он.

— Знаю, знаю. Но вы слышали, что он сказал?

— Слышал.— Голос у Зендоплита был унылый.

— Неужели это правда?

Зендоплит выпрямился во весь свой пятифутовый рост.

— Ваше великолепие, вы можете отклоняться от Руководства, но я не позволю вам сомневаться в работе Детектора Правды. Реальность — это правда; значит, правда — это реальность. Детектор не ошибался с... с... одним словом, никогда!

— Знаю,— поспешно сказал Тагобар.— Но понимаете ли вы значение того, что он сказал? На его родной планете живет несколько тысяч обитателей; на всех колониях — меньше. А его раса насчитывает несколько миллиардов! Это значит, что они заняли около 10 миллионов планет!

— Я понимаю, что это звучит странно,— согласился Зендоплит,— но Детектор никогда не лжет!— Тут он вспомнил, к кому обращается, и добавил: — Ваше великолепие.

Но Тагобар не заметил нарушения этикета.

— Это совершенно правильно. Но, как вы сказали, тут есть что-то странное. Мы должны продолжить расследование.

* * *

Голос Тагобара сказал:

— Согласно нашим расчетам, в этой Галактике мало пригодных для жизни планет. Чем объясняется то, что вы здесь показали?

Быстро переменив точку зрения, Магрудер подумал о Марсе, находящемся на расстоянии многих световых лет отсюда. На Марсе долгое время существовала научная станция, но он чертовски далеко и непригоден для жизни.

— Мой народ,— осторожно произнес он,— способен жить на планетах, где климатические условия сильно отличаются от земных.

Не успел Тагобар спросить еще о чем-нибудь, как у землянина мелькнула новая мысль. Тысячедюймовый телескоп на Луне обнаружил с помощью спектроскопа крупные планеты в туманности Андромеды.

— Кроме того,— смело продолжал Эд,— мы нашли планеты в других галактиках, кроме этой!

Вот! Уж это-то запутает их!

Звук снова был выключен, и Магрудер видел, что оба чужака горячо заспорили. Когда звук появился снова, Тагобар заговорил о другом:

— Сколько у вас космических кораблей?

Магрудер раздумывал над этим целую долгую секунду. На Земле есть с десяток звездолетов — недостаточно, чтобы колонизовать 10 миллионов планет. Он попался!

Нет! Погоди! На Гаваи каждые полгода прилетает корабль с припасами. Но на Гаваи нет своих кораблей

— Космических кораблей?— простодушно переспросил Магрудер.— У нас их нет.

Тагобар Верф снова выключил звук и на этот раз даже сделал стену непрозрачной.

— Нет кораблей? Нет кораблей? Он солгал... я надеюсь?

Зендоплит мрачно покачал головой.

— Это абсолютная правда.

— Но... но... но...

— Вспомните, как он назвал свою расу,— тихо произнес психолог.

Тагобар замигал глазами очень медленно. Когда он заговорил, его голос был хриплым шепотом:

— ...существами с великой силой мысли.

— Вот именно,— подтвердил Зендоплит.

* * *

Магрудер долго сидел в допросной, не видя и не слыша ничего. Поняли они или нет то, что он сказал? Начали понимать, что он делает? Ему хотелось грызть ногти, кусать руки, рвать волосы; но он заставил себя сидеть спокойно. До конца еще далеко.

Стена вдруг снова стала прозрачной.

— Верно ли,— спросил Тагобар,— что ваша раса способна передвигаться в пространстве единственно силой мысли?

На мгновение Магрудер был ошеломлен. Это превосходило самые смелые надежды. Но он быстро овладел собою.

«Как человек ходит?» — подумал он.

— Верно, что, используя силы разума для управления физической энергией,— осторожно произнес он,— мы способны передвигаться с места на место без помощи звездолетов или других подобных машин.

Тотчас же стену снова закрыли.

Тагобар медленно обернулся и взглянул на Зендоплита. Лицо у психолога стало грязно-красным.

— Кажется, лучше будет созвать офицеров,— медленно произнес он.— Нам попалось какое-то чудовище.

Минуты через три все двадцать офицеров огромного «Верфа» собрались в Кабинете психологии. Когда они пришли, Тагобар скомандовал «вольно» и затем обрисовал положение.

— Ну,— сказал он,— что вы предлагаете?

Они совсем не чувствовали себя вольно. Они выглядели напряженными, как тетива лука.

Первым заговорил лейтенант Пельквеш:

— Что сказано в Общей Инструкции, ваше великолепие?

— В Общей Инструкции сказано,— ответил Тагобар,— что мы должны в случае необходимости защищать свой корабль и свой народ. Способы для этого предоставлены на усмотрение командира.

Наступило довольно неловкое молчание. Потом лицо у лейтенанта Пельквеша несколько прояснилось.

— Ваше великолепие, мы можем попросту сбросить на эту планету разрушительную бомбу.

Тагобар покачал головой.

— Я уже думал об этом. Если они могут передвигаться в пространстве одной силой мысли, то они спасутся, а потом отомстят нам за уничтожение одной из своих планет.

Все помрачнели.

— Погодите минутку,— сказал Пельквеш.— Если он может передвигаться одной силой мысли, то почему он не ушел от нас?

* * *

Магрудер увидел, что стена становится прозрачной. Комната за нею была теперь полна чужаков. У микрофона стоял этот Тагобар, большая шишка.

— Нам хочется знать,— сказал он,— почему, будучи в состоянии уйти куда угодно, вы остались здесь? Почему вы не бежите от нас?

Опять необходимо быстро соображать.

— Невежливо со стороны гостя,— сказал Магрудер,— покидать хозяев, не окончив своего дела.

— Даже после того, как мы... гм... наказали вас?

— На мелкие неприятности можно не обращать внимания, особенно если хозяин действовал по глубочайшему неведению.

Кто-то из подчиненных Тагобара прошептал что-то, кто-то заспорил, и тогда послышался новый вопрос:

— Должны ли мы полагать, судя по вашему ответу, что у вас нет на нас обиды?

— Кое-какая есть,— откровенно ответил Магрудер.— Однако я обижен только лично на ваше высокомерное обращение со мной. Могу заверить вас, что мой народ в целом ничуть не обижается ни на ваш народ в целом, ни на кого-либо из вас в отдельности.

«Играй крупно, Магрудер,— сказал он себе.— Ты уже сбил их, надеюсь».

Снова споры за стеной.

— Вы говорите,— спросил Тагобар,— что ваш народ не обижен на нас. Откуда вы это знаете?

— Я могу это утверждать,— ответил Магрудер.— Я знаю, без всякой тени сомнения, в точности, что каждый из моего народа думает о вас в эту самую минуту. Кроме того, разрешите напомнить вам, что мне пока еще не причинили вреда — им не на что сердиться. В конце концов вас ведь еще не уничтожили.

Звук выключен. Снова горячие споры. Звук включен.

— Есть предположение,— сказал Тагобар,— что, несмотря на все обстоятельства, мы были вынуждены взять в качестве образца вас, и только вас. Есть предположение, что вы были посланы нам навстречу.

Ох, братцы! Теперь нужно быть очень, очень осторожным!

— Я — только очень скромный представитель своей расы,— начал Магрудер, главным образом чтобы выиграть время. Но погодите! Разве он не внеземной биолог?— Однако,— с достоинством продолжал он,— моя профессия состоит в том, чтобы находить инопланетные существа. Я должен признать, что меня назначили на эту работу.

Тагобар, казалось, встревожился еще больше.

— Это значит, что вы знали о нашем прибытии?

Магрудер подумал секунду. Еще столетия назад было предсказано, что человечество в конце концов может встретиться с инопланетной расой.

— Мы давно уже знали, что вы придете,— спокойно сказал он.

Тагобар был явно взволнован.

— В таком случае вы должны знать, где в Галактике находится наша раса; вы должны знать, где находится наша планета.

Опять трудный вопрос. Магрудер взглянул сквозь стену на Тагобара и его подчиненных, нервно столпившихся в комнате.

— Я знаю где вы находитесь,— произнёс он,— и я знаю в точности, где находится каждый из вас.

По ту сторону стены все разом вздрогнули, но Тагобар держался крепко.

— Где же мы расположены?

* * *

На секунду Магрудер подумал, что они выбили, наконец, почву у него из-под ног. А потом нашел самое лучшее объяснение. Он так долго старался увиливать, что почти забыл о возможности прямого ответа.

Он с состраданием взглянул на Тагобара.

— Связь с помощью голоса слишком неудобна. Наша система координат будет вам совершенно непонятна, а вы не захотели научить меня своей, если помните.— Это было сущей правдой; дэлы не настолько глупы, чтобы рассказывать образцу о своей системе координат: следы могут привести к их планете; кроме того, это было запрещено Общей инструкцией.

Снова переговоры за стеной.

Тагобар заговорил снова:

— Если вы находитесь в телепатическом контакте со своими товарищами, то можете ли читать и в наших мыслях?

Магрудер надменно взглянул на него.

— У меня, как и у моего народа, есть свои принципы. Мы не проникаем в чужой разум без приглашения.

— Значит, и весь ваш народ знает местонахождение нашей базы?— жалобно спросил Тагобар.

Магрудер ответил безмятежно:

— Заверяю вас, Тагобар Верф, что каждый член моей расы на каждой из принадлежащих нам планет знает о вашей базе и о ее местонахождении ровно столько же, сколько и я.

— Кажется невероятным,— сказал Тагобар через несколько минут,— что ваша раса до сих пор не имела контакта с нами. Наша раса очень древняя и могучая, и мы захватили планеты на доброй половине Галактики, и все же мы ни разу не встречали вас и не слыхали о вашем народе.

— Наша политика,— ответил Магрудер,— состоит в том, чтобы стараться не обнаруживать своего присутствия. Кроме того, у нас нет споров с вами, и мы не имели никакого желания отнимать у вас ваши планеты. Только когда какая-нибудь раса становится глупо и неразумно воинственной, мы берем на себя труд показать ей свое могущество.

Это была длинная речь, быть может, слишком длинная. Держался ли он строгой истины? Один взгляд на Зендоплита сказал ему это; Главный психолог не отрывал своих черных бусинок-глаз от стрелки прибора во все время беседы и выглядел все более и более озабоченным по мере того, как прибор указывал ему на неизменную правдивость ответов.

Тагобар был положительно встревожен. По мере того как Магрудер привыкал к чужакам, он все более и более мог читать по их лицам. В конце концов у него было большое преимущество: они сделали ошибку, выучив его своему языку. Он знал их, а они его не знали.

Тагобар сказал:

— Значит, были другие расы... гм... которые вы покарали?

— За мою жизнь этого не было,— ответил Магрудер. Он подумал о неандертальцах и добавил:— До меня была раса, бросившая нам вызов. Она не существует больше.

— За вашу жизнь? Каков же ваш возраст?

— Взгляните на ваш экран, на планету внизу,— торжественно произнес землянин.— Когда я родился, ничего из того, что вы видите, на Земле

не было. Материки на Земле были совсем не такие; моря были совсем другие.

На Земле, на которой я родился, есть обширные полярные шапки; взгляните вниз, и вы их не увидите. И мы не сделали ничего, чтобы изменить планету, которую вы видите; все изменения на ней произошли путем длительного процесса геологической эволюции.

— Глик!— Этот странный звук вырвался у Тагобара как раз в тот момент, когда он выключал и звук и стену.

«Совсем как старый фильм в кино,— подумал Магрудер.— Звука нет, и картина все время рвется».

Стена больше не делалась прозрачной. Вместо этого примерно через полчаса она беззвучно скользнула в сторону, открывая весь офицерский состав «Верфа», стоявший навытяжку.

«Вольно» стоял только Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фениг-виснока, и даже теперь его лицо казалось менее пурпурным чем всегда.

— Эдвин Питер Сент Джон Магрудер,— торжественно заговорил он,— в качестве командира этого корабля, Нобиля Великой Империи и представителя самого императора, мы желаем предложить вам самое искреннее гостеприимство. Действуя под ошибочным впечатлением, будто вы представляете собою низшую форму жизни, мы обращались с вами недостойно и в этом смиренно просим у вас извинения.

— Не стоит,— холодно прознес Магрудер.— Теперь вам остается только опуститься на нашу планету, чтобы ваш народ и мой могли договориться, к нашему взаимному удовлетворению.— Он окинул их взглядом.— Вольно,— добавил он повелительно.— И принесите мою одежду.

Что именно станется с кораблем и с чужаками, когда они опустятся, он не был уверен; придется предоставить решение президенту планеты и правительству Земли. Но он не видел больших трудностей впереди.

Когда «Верф» опустился на поверхность планеты, его командир пододвинулся к Магрудеру и смущенно спросил:

— Как вы думаете, понравимся ли мы вашему народу?

Магрудер бегло взглянул на Детектор лжи. Детектор был выключен.

— Понравитесь ли вы? Да в вас просто влюбятся!

Ему до тошноты надоело говорить правду.

МУРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ [1]

I

Томми Дорт вошел в капитанскую рубку с парой стереофотографий и доложил:

— Сэр, моя работа закончена. Это последние снимки. Больше фотографировать невозможно.

[1] Печатается по изд.: И грянул гром ...: Антология американского фантастического рассказа.— М.: Молодая гвардия, 1976.

Он вручил фотографии и с профессиональным любопытством оглядел экраны, которые показывали все, что творилось в космосе за бортом корабля. Приглушенная темно-красная подсветка выхватывала из темноты ручки и приборы, нужные дежурному рулевому для управления космическим кораблем «Лланвабон». Рядом с мягким креслом был пристроен небольшой прибор, составленный из расположенных под разными углами зеркал,— что-то вроде зеркала заднего вида на автомобиле двадцатого века. Прибор давал возможность видеть все экраны, не поворачивая головы. А на громадном экране перед креслом очень четко вырисовывалась вся картина космоса по курсу корабля.

«Лланвабон» был далеко от родных краев. Экраны, которые показывали любую звезду видимой величины и могли по желанию увеличить ее изображение, были усеяны звездами самой разной яркости. Невероятно разнообразная раскраска звезд говорила о составе атмосферы каждой из них. Но здесь все было незнакомо. Узнавались только два созвездия, видимые с Земли, да и те были какие-то искаженные, как бы смятые. Млечный Путь, казалось немного сдвинулся. Но даже эти странности были мелочью по сравнению с видом на переднем экране.

Впереди была громадная, громаднейшая туманность. Светящаяся дымка. Она казалась неподвижной. Потребовалось много времени, чтобы приблизиться к ней и разглядеть ее на экране, хотя корабельный спидометр показывал невероятную скорость. Эта дымка была Крабовидной туманностью. Длиной в шесть световых лет и шириной в три с половиной, она имела далеко выдававшиеся отростки; они-то, если рассматривать созвездие в телескопы с Земли, и придавали ей сходство с тем существом, от которого она получила свое название. Это было облако газа, бесконечно разреженного, занимавшего пространство, равное половине пути от нашего Солнца до ближайшего другого. В глубине тумана горели две звезды; двойная звезда; одна из составляющих частей была знакомого желтого цвета, похожего на цвет земного солнца, другая казалась сверхъестественно белой.

Томми Дорт задумчиво произнес:

— Мы продолжаем углубляться в туманность, сэр?

Капитан изучил две последние фотографии, сделанные Томми и отложил их в сторону. Теперь он с беспокойством вглядывался в передний экран. Началось экстренное торможение. Корабль был всего в половине светового года от созвездия. До сих пор курс корабля зависел от работы Томми, но теперь эта работа была закончена. Пока исследовательский корабль находился в туманности, делать ему было нечего. Томми был не из тех, кто умеет сидеть сложа руки.

Он только что завершил совершенно уникальное исследование — движение созвездия за период в четыре тысячи лет было запечатлено на фотографиях. И все снимки Томми сделал сам, дублируя их, меняя экспозицию, чтобы исключить какую бы то ни было ошибку. Это было достижение, которое само по себе стоило длительного полета от Земли. Но, кроме того, Томми также запечатлел четырехтысячелетнюю историю двойной звезды, и в эти четыре тысячи лет был прослежен путь превращения звезды в белого карлика.

Это совсем не значило, что Томми Дорту было четыре тысячи лет от роду. На самом деле ему не было и тридцати. Но Крабовидная туманность находится в четырех тысячах световых лет от Земли, и картина, которую Томми запечатлел на последних двух снимках, достигнет Земли лишь в шестом тысячелетии нашей эры. По пути сюда со скоростью, в невероятное число раз превышающей скорость света, Томми Дорт перехватывал

своей фотоаппаратурой свет, покинувший созвездие, начиная с сорока веков тому назад и кончая какими-то шестью месяцами...

* * *

«Лланвабон» совсем замедлил ход. Он еле двигался. Невероятно яркое свечение наползло на экраны. Оно скрыло из виду половину вселенной. Впереди была сияющая дымка, позади — пустота, усеянная звездами. Дымка уже скрыла три четверти звезд. Только самые яркие тускло светились сквозь ее кромку, но их было совсем немного. «Лланвабон» углубился в туманность и, казалось, полз по черному туннелю среди стен сияющего тумана.

Именно это корабль и делал. Уже снимки, сделанные с самого дальнего расстояния, рассказали о структуре туманности. Она не была аморфной. Она имела форму. Чем ближе подходил к ней «Лланвабон», тем отчетливее проявлялась ее структура, и Томми Дорту пришлось доказывать, что для получения хороших фотографий надо приближаться к туманности по кривой. Поэтому корабль шел по широкой логарифмической дуге, и Томми получил возможность делать снимки под все время меняющимися углами и получать стереопары, показывавшие туманность объемно. На них были видны все вздутия и впадины, все очень сложное очертание туманности. Местами углубления напоминали извилины, бороздящие человеческий мозг. В одно из таких углублений и скользнул теперь космический корабль. Их назвали «впадинами», по аналогии с расселинами в океанском дне. Они оказались весьма кстати.

Капитан расслабился. В наши дни одна из обязанностей капитана — предвидеть трудности и заранее находить выход из них. Капитан «Лланвабона» был человек очень осторожный. Лишь убедившись, что ни один прибор не регистрирует чего-либо необычного, он позволил себе откинуться на спинку кресла.

— Вряд ли возможно,— медленно проговорил он,— что эти впадины наполнены несветящимся газом. Они пусты. Поэтому в них мы можем идти на сверхскорости.

От границ туманности до двойной звезды в ее центре было полтора световых года. В этом и заключалась проблема. Туманность — газ. Настолько разреженный, что хвост кометы в сравнении с ним был бы густым. Но корабль ходил на сверхсветовой скорости, и для него опасен был даже не совсем чистый вакуум. Он мог двигаться так только в той абсолютной пустоте, какая существует между звездами. Но «Лланвабон» не продвинулся бы далеко в этой дымке, так как пришлось бы ограничиться скоростью, допустимой для не совсем чистого вакуума.

Свечение, казалось, замкнулось позади космического корабля, который шел все медленнее и медленнее. Как только скорость стала меньше световой, сразу появилось ощущение, будто что-то гудит,— так бывало всегда, когда сбрасывали сверхсветовую скорость.

И почти в то же мгновенье раздались звонки, по всему кораблю пронесся скрипучий рев. Томми был почти оглушен сигналом тревоги, раздававшимся в рубке, пока рулевой не выключил звонка. Но повсюду на корабле слышались звонки, затихавшие по мере того, как одна за другой автоматически захлопывались двери.

Томми Дорт смотрел на капитана. У того сжались кулаки. Он стоял и глядел через плечо рулевого. На одном из осциллографов заметались кривые. Другие приборы стали показывать то же самое. На носовом экране в светлом тумане появилось пятно, которое стало ярче, когда на нем сфо-

кусировалось автоматическое сканирующее устройство. В этом направлении находился предмет, возможность столкновения с которым вызвала сигнал тревоги. Но радиолокатор вел себя странно... По его показаниям милях в восьмидесяти тысячах находился какой-то твердый предмет... небольшой предмет. Но обнаружился и другой предмет, на расстоянии от предельной дальности работы прибора и до нуля, и определить точно его размеры, а также направление его движения — удаляется он или приближается — было невозможно.

— Настроиться поточнее,— приказал капитан.

Яркое пятно на экране перекатилось к краю, стерев второе непонятное изображение, которое было позади него. Сканирующее устройство стало работать четче. Но это ничего не изменило. Совершенно ничего. Радиолокатор по-прежнему показывал, что какое-то громадное и невидимое тело бешено рвется в направлении «Лланвабона» на скорости, которая неизбежно приведет к столкновению. Потом оно вдруг с той же скоростью понеслось в обратном направлении.

Экран работал на максимальной мощности. И по-прежнему на нем ничего не было. Капитан стиснул зубы. Томми Дорт нерешительно сказал:

— Знаете, сэр, что-то вроде этого я видел однажды на лайнере Земля—Марс, когда мы попали в поле действия локатора другого корабля. Луч их локатора был той же частоты, что и луч нашего, и всякий раз, когда они встречались, прибор показывал что-то громадное, массивное.

— Именно,— сердито сказал капитан,— именно это и происходит сейчас. На нас направлено что-то вроде луча локатора. Мы ловим этот луч и эхо собственного луча. Но другой корабль невидим! Кто это там, на невидимом корабле, с радиолокатором? Разумеется, не люди!

Он нажал кнопку переговорного устройства на своем рукаве и скомандовал:

— Боевая тревога! Оружие к бою! Готовность номер один во всех отсеках!

Он сжимал и разжимал кулаки. На экране по-прежнему не было ничего, кроме бесформенного пятна.

— Не люди?— Томми Дорт резко выпрямился.— Вы хотите сказать...

— Сколько солнечных систем в нашей Галактике?— сердито спросил капитан.— Сколько планет, годных для жизни? И сколько видов жизни может там быть? Если этот корабль не с Земли... а он не с Земли... значит, его команда состоит не из людей. А все нечеловеческое, но достигшее в развитии своей цивилизации способности совершать путешествия в дальний космос, что-нибудь да значит!

У капитана дрожали руки. Он не говорил бы столь откровенно с членом собственной команды, но Томми Дорт был из исследовательской группы... И даже капитан, в обязанности которого входит преодоление трудностей, иногда испытывает отчаянное желание разделить с кем-нибудь бремя своих тревог. К тому же порой подумать вслух бывает полезно.

— О чем-то подобном говорят и думают уже многие годы,— уже спокойнее сказал он.— Логика подсказывала, что где-то в нашей Галактике, кроме человеческого, есть другой род, в своем развитии равный нам или даже превзошедший нашу цивилизацию. Никто и никогда не мог предсказать, где и когда мы встретимся с его представителями. Но теперь, кажется, это случилось!

Глаза Томми сияли.

— Вы думаете, они настроены дружелюбно, сэр?

Капитан взглянул на индикатор дальности объекта. Призрачный предмет все еще бессмысленно совершал свои кажущиеся броски то

к «Лланвабону», то от него. Второй предмет, что был в восьми тысячах миль, едва шевелился.

— Он движется,— отрывисто сказал капитан.— В нашем направлении. Именно так поступили бы и мы, если бы чужой космический корабль появился в нашем радиусе действий! Дружелюбно? Возможно! Попробуем войти с ними в контакт. Но мне кажется, что на этом наша экспедиция и кончится. Слава богу, что у нас есть бластеры!

Бластеры — это лучи полного уничтожения, которые устраняют с пути космических кораблей непокорные метеориты, когда с теми не справляются отражатели. Создавали их не для военных целей, но они вполне могли служить оружием. Дальнобойность их достигала пяти тысяч миль, и при этом пускались в ход все энергетические источники корабля. При автоматическом прицеливании и горизонтальной наводке в пять градусов такое судно, как «Лланвабон», могло чуть ли не прожечь дыру в небольшом астероиде, вставшем на его пути. Но, разумеется, не на сверхсветовой скорости.

* * *

Томми Дорт подошел к носовому экрану. Услышав слова капитана, он резко обернулся.

— Бластеры, сэр? Для чего?

Капитан, глядя на пустой экран, поморщился.

— Потому что мы не знаем, что они такое, и не можем рисковать! Я убежден в этом!— с горечью добавил он.— Мы войдем с ними в контакт и попытаемся узнать о них все, что можно... особенно откуда они. Хотелось бы, чтобы мы попытались завязать дружбу... но рассчитывать на это трудновато. Мы не можем доверять им и самую малость. Не имеем права! У них есть локаторы. Может быть, у них приборы обнаружения лучше наших. А вдруг они смогут проследить весь наш путь домой, и мы ничего не будем знать об этом! Мы не можем позволить роду нелюдей знать, где Земля, не будучи уверенными в их доброжелательности! А как можно быть уверенным в этом? Разумеется, они могут заявиться для торговли... а то вдруг ринутся с боевым флотом на сверхсветовой скорости, нападут и сотрут нас с лица земли прежде, чем мы узнаем, что случилось. Нам не дано узнать, чего ожидать и когда!..

На лице Томми был написан испуг.

— Теоретически это все обсуждалось тщательно и много раз,— продолжал капитан.— Никто ни разу не был способен предложить разумный ответ, даже на бумаге. Но вы знаете, что даже в теориях считался явной бессмыслицей такой контакт в дальнем космосе, когда ни одна из сторон не знает, где находится родина другой стороны! Нам же придется найти выход в действительности! Как нам быть с ними? Может быть, эти существа на диво хорошие, добропорядочные и вежливые... а под этой личиной будет скрываться жестокая японская злобность. Или они могут быть грубыми и резкими, как шведский крестьянин... и вместе с тем оказаться вполне приличными... Возможно, в них есть что-то среднее между этими крайностями. Но рискну ли я возможным будущим человечества ради попытки отгадать, безопасно ли доверять им? Бог знает, стоит ли завязывать дружбу с новой цивилизацией! Возможно, она подстегнет нашу, и мы будем в громадном выигрыше. Я не хочу рисковать одним, не хочу показать им, как найти Землю! Либо я буду уверен, что они не могут последовать за мной, либо я не вернусь домой! Они, наверно, думают так же!

Капитан снова нажал кнопку связи на рукаве.

— Штурманы, внимание! Все звездные карты на корабле должны быть подготовлены к мгновенному уничтожению. Это касается фотографий и диаграмм, на основании которых можно сделать выводы относительно нашего курса или пункта отправления. Я хочу, чтобы все астрономические данные были собраны и подготовлены для уничтожения в долю секунды, по приказу. Сделайте это побыстрей и доложите о готовности!

Капитан отпустил кнопку. Он как-то на глазах постарел. Первый контакт человечества с чужим родом предусматривался в самых разных вариантах, но никому в голову не приходило такое безнадежное положение, как это. Одинокий земной корабль и одинокий чужой; встреча в туманности, которая, наверное, находится далеко от родной планеты каждой стороны. Они и рады бы мирному исходу, но для того, чтобы подготовиться к предательскому нападению, нет лучшей линии поведения, чем видимость дружелюбия. Недостаток бдительности может обречь на гибель человечество... С другой стороны, мирный обмен достижениями цивилизации привел бы к величайшей взаимной выгоде, какую только можно себе представить. Любая ошибка была бы непоправимой, но отсутствие осторожности чревато смертельной опасностью.

В капитанской рубке было тихо, очень тихо. На переднем экране — изображение весьма небольшой части туманности. Весьма небольшой. Только туман — бесформенный, разреженный, светящийся. Вдруг Томми Дорт показал на что-то пальцем.

— Смотрите, сэр!

В дымке появились очертания небольшого предмета. Он был очень далеко. Он имел черную поверхность, а не отполированную до зеркального блеска, как корпус «Лланвабона». Он был круглый... нет, скорее грушевидный. Светящаяся дымка мешала различить детали, но было очевидно, что это не творение природы. Потом Томми взглянул на индикатор расстояния и тихо сказал:

— Эта штука движется в нашем направлении на очень большой скорости, сэр. Вероятнее всего, что им пришла в голову та же мысль, сэр. Никто из нас не осмелится дать другому возможность уйти на родину. Как вы думаете, попытаются они войти с нами в контакт или применят оружие, как только мы окажемся в пределах его дальнобойности?

«Лланвабон» был уже не в пустой извилине, пронизывающей разреженное вещество туманности. Он плыл в светящемся газе. Не было видно ни одной звезды, кроме тех двух, что сверкали в сердце туманности. Все окутывал свет, странным образом напоминавший подводное царство в тропиках Земли.

Чужой корабль совершил маневр, менее всего свидетельствовавший о враждебных намерениях. Подплыв поближе к «Лланвабону», он сбросил скорость. «Лланвабон» тоже, продвинувшись немного вперед, остановился. Этот маневр был знаком, что близость чужого корабля замечена. Остановка означала и дружественные намерения, и предупреждение против нападения. Находясь в относительном покое, «Лланвабон» мог вращаться вокруг собственной оси и занять такое положение, которое бы уменьшало уязвимую поверхность в случае внезапной атаки. Кроме того, с места попасть в чужой корабль было больше шансов, чем в том случае, если бы они пронеслись мимо друг друга на большой скорости.

Однако начавшееся потом сближение проходило очень напряженно. Тонкий, как игла, нос «Лланвабона» был неизменно нацелен на массивный чужой корабль. Рука капитана лежала на кнопке, нажатие которой вызвало бы самый мощный залп из всех бластеров. Томми Дорт, морща лоб, наблюдал за тем, что происходило. Чужаки, верно, находятся на

очень высокой ступени развития, раз у них есть космические корабли, а цивилизация не может развиваться без способности предвидеть будущее. Эти чужаки должны представлять себе все значение первого контакта между двумя цивилизованными расами так же полно, как представляют его себе люди на «Лланвабоне».

Возможность мощнейшего рывка в развитии обеих сторон в результате мирного общения и обмена техническими знаниями, наверно, привлекала их так же, как и людей. Но когда непохожие человеческие культуры входят в соприкосновение, одна обычно занимает подчиненное положение, в противном случае возникает война. Но один род другому мирным путем не подчинишь, тем более что живут они на разных планетах. Люди, по крайней мере, никогда не согласятся на подчиненное положение, да и вряд ли согласится какой-либо другой высокоразвитый род. Выгоды от торговли никогда не смогут возместить морального ущерба, нанесенного чувством неполноценности. Некоторые люди, возможно, предпочли бы торговлю завоеванию. Возможно... возможно!.. эти чужаки предпочли бы то же самое. Но даже среди людей есть жаждущие кровавой бойни. Если чужой корабль, приближающийся сейчас к «Лланвабону», вернется на родину с известием о том, что существует человечество и корабли, подобные «Лланвабону», то это поставит чужаков перед выбором: торговля или война. Возможно, они захотят торговать. Или захотят воевать. Скорее всего они предпочтут войну торговле. Они не могут быть уверены в миролюбии людей, а люди не уверены в их миролюбии. Единственной гарантией безопасности для обеих цивилизаций было бы уничтожение одного, а то и обоих кораблей тут же, на месте.

Но даже победы не было бы достаточно. Людям надо было бы узнать, где обитает чужой род, для того чтобы избегать его, если не возникнет желания напасть... Людям потребуется узнать, каково оружие чужаков, их ресурсы, и, если создастся угроза для Земли, продумать, как уничтожить их в случае необходимости. Чужаки, наверно, испытывают те же чувства в отношении человечества.

Итак, капитан не нажал кнопки, что, возможно, оставило бы от чужого корабля пустое место. Он не решился. Но он не решался и не нажимать. Лицо его стало мокрым от пота.

Из динамика донесся голос. Кто-то говорил из дальней каюты.

— Чужой корабль остановился, сэр. Стоит неподвижно. Бластеры нацелены на него, сэр.

Это заставляло открыть огонь. Но капитан покачал головой, как бы отвечая своим мыслям. Чужой корабль был всего милях в двадцати. Черный как ночь. Каждая частица его корпуса была воплощением мрака бездонного, ничего не отражающего. Ничего нельзя было различить, кроме очертаний корпуса на фоне сияющего тумана.

— Стоит как вкопанный, сэр,— раздался другой голос.— Они посылают в нашу сторону модулированное коротковолновое излучение, сэр. Частота модулирована. Наверно, сигнал. Мощность недостаточная, чтобы нанести какой-либо вред.

Капитан процедил сквозь стиснутые зубы:

— Теперь они что-то делают. Снаружи на корпусе какое-то движение. Наблюдайте за тем, что появилось изнутри. Направьте дополнительные бластеры туда.

Что-то небольшое и круглое плавно отделилось от овала черного корабля, тронувшегося с места.

— Уходят, сэр,— раздалось из динамика.— Оставили там, где были, какой-то предмет.

Ворвался другой голос:

— Опять модулированная частота, сэр. Что-то непонятное.

Глаза Томми Дорта сияли. Капитан смотрел на экран, на лбу выступили капли пота.

— Неплохо, сэр,— задумчиво произнес Томми.— Если бы они послали что-нибудь в нашу сторону, могло показаться, что это снаряд или бомба. Итак, они подошли поближе, спустили шлюпку и снова ушли. Они рассчитывают, что мы тоже пошлем лодку или человека, чтобы войти в контакт, не рискуя кораблем. У них, видно, такой же ход мысли, как и у нас.

Не отрывая глаз от экрана, капитан сказал:

— Мистер Дорт, не выйти ли вам за борт и не посмотреть, что это там за штука? Я не могу приказывать вам, но вся моя команда нужна мне на случай боевых действий. Ученые же...

— Не в счет. Ладно, сэр,— тотчас ответил Томми.— Я не буду брать шлюпку. Только надену костюм с двигателем. Он меньше, и видно, что в руках и ногах нет бомбы. Мне кажется, надо взять с собой телепередатчик, сэр.

Чужой корабль продолжал отход. Сорок, восемьдесят, четыреста миль. Тут он остановился и повис выжидая. Влезая в свой космический костюм, снабженный атомным двигателем, Томми в воздушной входной камере «Лланвабона» слушал рапорты, которые разносили по кораблю динамики. То, что чужой корабль остановился в четырехстах милях, обнадеживало. Возможно, он не имел оружия большей дальнобойности и поэтому чувствовал себя в безопасности. Но не успел он подумать это, как чужой корабль стремительно понесся еще дальше.

Одно из двух, думал Томми, вылезая через люк наружу, либо чужаки поняли, что надо убираться, либо они делают вид, что уходят. Он взмыл с серебристо-зеркального корпуса «Лланвабона» и понесся сквозь ярко сияющую пустоту, в которой не бывал еще ни один представитель человеческого рода. Позади него «Лланвабон», развернувшись, ринулся прочь. В шлемофоне Томми зазвучал голос капитана:

— Мы тоже отходим, мистер Дорт. Весьма возможно, они готовят атомный взрыв на оставленном объекте, и мы окажемся в радиусе разрушения. Мы отступим. Не упускайте объекта из виду.

Причина отхода была весомой, хотя не очень утешительной. Взрыв, который бы разрушил все в радиусе двадцати миль, был теоретически возможен, но люди производить его еще не умели. Для вящей безопасности «Лланвабону» следовало отойти.

Однако Томми Дорт почувствовал себя очень одиноким. Он мчался к крошечному черному пятнышку, которое висело в невероятно яркой пустоте. «Лланвабон» исчез. Его полированный корпус сливался с сияющей дымкой где-то сравнительно недалеко. Чужой корабль тоже нельзя было увидеть невооруженным глазом. Томми плыл сквозь пустоту, в четырех тысячах световых миль от дома, направляясь к крошечному черному пятнышку, которое было единственным твердым предметом в пределах видимости.

Это был слегка сплюснутый шар, не более шести футов в диаметре. Он качнулся, когда Томми коснулся его ногами. Небольшие щупальца или скорее усики торчали из него во все стороны. Они были похожи на детонационные усики подводных мин, но на конце каждого сверкало по кристаллу.

— Я прибыл,— сказал Томми в свой шлемофон.

Он схватился за усик и подтянулся к шару. Тот был весь металлический, совершенно черный. Разумеется, Томми не мог почувствовать, каков он на ощупь, сквозь свои космические перчатки и внимательно осматривал шар вновь и вновь, пытаясь выяснить его назначение.

— Гиблое дело, сэр,— сказал он наконец.— Могу доложить только о том, что мы уже видели с корабля.

Затем он почувствовал сквозь костюм вибрацию. Она сопровождалась лязганьем. Часть круглого корпуса откинулась. Томми подобрался поближе и заглянул внутрь, надеясь первым среди людей увидеть первое цивилизованное существо неземного происхождения.

Но он увидел лишь какую-то плоскую панель, на которой вспыхивали тусклые красные огоньки, ничего не говорившие ему. В его шлемофоне послышалось чье-то испуганное восклицание, а потом голос капитана:

— Превосходно, мистер Дорт. Установите свой телепередатчик так, чтобы была видна панель. Они оставили робот с инфракрасным экраном для того, чтобы вступить с нами в связь. Не хотят рисковать никем из своей команды. Если бы мы решились на что-либо враждебное, то пострадал бы только механизм. Наверно, они думали, что мы возьмем эту штуку на борт корабля... но там, возможно, бомба, которую взорвут, когда они подготовятся к полету на родную планету. Я пошлю экран для того, чтобы установить его перед их телепередатчиком. А вы возвращайтесь на корабль.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Томми.— Но в каком направлении корабль, сэр?

Звёзд не было. Туманность скрыла их из виду. С робота видна была только двойная звезда в центре туманности. Томми больше не мог ориентироваться. У него был всего один ориентир.

— Двигайтесь в сторону, противоположную двойной звезде,— приказал голос в шлемофоне.— Мы подберем вас.

Немного погодя Томми пронесся мимо еще одной одинокой фигуры — это был человек, посланный установить экран на чужом шаре. На обоих кораблях решили не подвергать своих ни малейшему риску и вести переговоры через небольшой круглый робот. Их раздельные телевизионные системы давали возможность обмениваться той информацией, которую они могли позволить себе сообщить. В то же время велись споры о самом практичном способе обеспечения безопасности собственной цивилизации при этом первом контакте. В сущности, самым практичным способом было бы мгновенное уничтожение другого корабля... в контратаке.

II

Отныне «Лланвабон» стал кораблем, который выполнял одновременно две задачи, не связанные друг с другом. Он прибыл с Земли, чтобы с близкого расстояния изучить меньшую часть двойной звезды в центре туманности. Сама туманность появилась в результате самого гигантского взрыва из всех известных человечеству. Взрыв произошел где-то году в 2946-м до нашей эры, еще до того, как возникли первые (теперь давно исчезнувшие) семь городов Эллады. Свет этого взрыва достиг Земли в 1054 году нашей эры и был в должное время отмечен в церковных анналах, а также в более надежных источниках — записях китайских придворных астрономов. Яркость взорвавшейся звезды была такова, что ее видели средь бела дня двадцать три дня подряд. Находясь в четырех тысячах световых лет от Земли, она была ярче Венеры.

Исходя из этих данных, девятьсот лет спустя астрономы смогли высчитать силу взрыва. Вещество, выброшенное из центра взрыва, резлеталось со скоростью два миллиона триста тысяч миль в час; более чем тридцать восемь тысяч миль в минуту; свыше шестисот тридцати восьми миль в секунду. Когда телескопы двадцатого века нацелились на место этого громадного взрыва, осталась только двойная звезда... и туманность. Более яркая звезда из пары была почти уникальной, имея такую высокую температуру своей поверхности, что спектральный анализ оказался недействительным. Линий не было. Температура поверхности Солнца равна примерно семи тысячам градусов Цельсия выше нуля. Температура же раскаленной звезды равнялась пятистам тысячам градусов. У них с солнцем почти одинаковая масса, а диаметром она в пять раз меньше, то есть она плотней воды в сто семьдесят три раза, свинца — в шестнадцать раз, иридия — в восемь. Это было самое тяжелое вещество из всех известных на Земле. Но даже такая плотность несравнима с плотностью карликовой белой звезды — соседа Сириуса. Белая звезда в Крабовидной туманности была неполным карликом; эта звезда находилась еще в процессе распада. Экспедиция на «Лланвабоне» была задумана ради изучения этого явления, а также исследования четырехтысячелетней колонны света. Но обнаружение чужого космического корабля, прибывшего сюда, очевидно, с той же целью, отодвинуло на второй план первоначальные задачи экспедиции.

Небольшой круглый робот дрейфовал в разреженном газе. Вся штатная команда «Лланвабона» стояла на своих постах, напряженно следя за развитием событий. Исследовательская группа разделилась. Одна часть ее неохотно продолжала те исследования, ради которых прибыл сюда «Лланвабон». Другие занялись проблемой встреченного космического корабля.

Он был продуктом культуры, способной совершать космические путешествия в межзвездном масштабе. Взрыв, происшедший каких-то пять тысяч лет тому назад, смел, очевидно, всякий след жизни в районе туманности. Следовательно, чужаки с черного корабля прибыли из другой солнечной системы. Их путешествие, как и путешествие землян, имело, очевидно, чисто научные цели. Больше в туманности делать было нечего.

Уровень их цивилизации не ниже уровня человеческой цивилизации, а это означало, что в случае установления дружелюбных отношений у них нашлись бы знания и товары, которыми они могли бы обмениваться с людьми. Но они бы, несомненно, осознавали, что существование цивилизованного человечества угрожает их роду. Два рода могли бы стать либо друзьями, либо смертельными врагами. Каждый, даже не желая того, был страшной угрозой для другого. И спастись от опасности можно, только уничтожив угрозу.

Встреча в Крабовидной туманности заострила этот вопрос и потребовала немедленного ответа на него. Будущие отношения двух родов надо было решить тут же, на месте. Если наметились бы пути к дружбе, один из родов (обреченный, в противном случае) выжил бы, и оба получили бы громадный выигрыш. Но надо спланировать этот процесс, надо добиться доверия, исключив какой бы то ни было риск опасности предательства. Доверие следовало бы установить на основе необходимости полного недоверия. Никто не осмелится вернуться на родную планету, если другая сторона окажется способной нанести вред чужому роду. Ни одна сторона не станет рисковать, даже если это необходимо, чтобы заслужить доверие. Для обеих сторон самым безопасным было бы уничтожить другой корабль или самой подвергнуться уничтожению.

В случае войны потребовалось бы куда больше сил, чем для простого уничтожения корабля. Совершая межзвездные полеты, чужаки, очевидно, используют атомную энергию или что-то другое для движения со сверхсветовой скоростью. Кроме радиолокации, телевидения, связи на коротких волнах, у них, разумеется, есть и другие достижения. А какое у них оружие? Какова область распространения их культуры? Каковы их ресурсы? Могут ли они подружиться и торговать, или два рода настолько непохожи друг на друга, что без войны им не обойтись? Если возможен мир, то как его установить?

Людям с «Лланвабона» нужны были факты... как и команде другого корабля. А они не могли допустить ни малейшей утечки информации. Самое главное — не выдать местонахождения родной планеты. На случай войны. Именно эта информация может оказаться решающим фактором в межзвездной войне. Но и другие факты оказались бы невероятно ценными.

Вся трагедия была в том, что информации, которая привела бы к миру, не существовало. Ни один из кораблей не мог поставить существование своего рода в зависимость от собственной уверенности в чужой доброй воле и чести.

Итак, корабли придерживались чего-то вроде странного перемирия. Чужак продолжал наблюдать. То же делал и «Лланвабон». Телепередатчик с «Лланвабона» установлен против экрана чужаков. Телепередатчик чужаков нацелен на экран с «Лланвабона». Начался сеанс связи.

* * *

Дело двигалось быстро. Томми Дорт первым доложил об этом. Свою задачу в экспедиции он выполнил. Теперь ему приказано было работать над разрешением проблемы общения с чужими существами. Он пошел в капитанскую рубку вместе с судовым психологом, чтобы сообщить об успехе. Как обычно, в капитанской рубке было тихо. Красноватое освещение приборов, большие светлые экраны на стенах и потолке...

— Мы установили вполне сносную связь, сэр,— сказал психолог. У него был усталый вид. Во время экспедиции ему полагалось держать под наблюдением исследовательскую группу, анализировать ошибки, возникавшие из-за личных качеств каждого, и стараться свести эти ошибки к минимуму. Его заставили делать то, к чему он был не совсем подготовлен, и это сказалось на нем.— В общем, мы можем выразить все, что пожелаем, и понять все, что нам скажут в ответ. Но разумеется, мы не знаем, сколько правды в их словах.

Капитан посмотрел на Томми Дорта.

— Мы наладили кое-какую аппаратуру,— сказал Томми.— Что-то вроде автоматического транслятора. Использовали телеэкраны и коротковолновую связь. Частота их передатчика модулирована — похоже на гласные и согласные в нашей речи. Ничего подобного мы прежде не знали, и наш слух не воспринимает этого, но мы разработали подобие кода, который позволяет общаться. Они посылают нам короткие модулированные волны, а мы преобразуем их в звуки. Нашу модулированную частоту они преобразуют в нечто воспринимаемое ими.

Нахмурившись, капитан сказал:

— Откуда вам это известно?

— Мы показали им свою аппаратуру, а они — свою. Каким-то образом они воспринимают нашу модулированную частоту. Мне кажется,— пояснил Томми,— никаких звуков они не издают, даже разговаривая. Они

показали нам свою рубку связи, и мы наблюдали за ними во время переговоров. Мы не заметили шевеления чего-либо, соответствующего органу речи. Микрофона у них нет, они просто стоят у чего-то, напоминающего антенну приемника. Я полагаю, сэр, они пользуются ультракороткими волнами для общения между собой. Они непосредственно воспринимают радиосигналы, как мы — звуки.

Капитан смотрел на него во все глаза.

— Значит, они обладают телепатическими способностями?

— М-м-м... Да, сэр,— ответил Томми.— Но это также означает, что с их точки зрения телепатическими способностями обладаем мы. Они, очевидно, глухие. Они наверняка не представляют себе, как можно использовать звуковые колебания воздуха для общения. Они просто не используют шумов для каких бы то ни было целей.

Капитан принял эту информацию к сведению.

— Что еще?

— Мне кажется, сэр,— чуть запнувшись, ответил Томми,— дело налаживается. Мы пришли к соглашению относительно условных обозначений предметов, сэр. С помощью телеэкранов. Мы разработали систему показа взаимосвязи вещей, условились о глаголах, используя диаграммы и рисунки. У нас уже есть тысячи две слов, которые понимают обе стороны. Мы установили анализатор, чтобы выделять их коротковолновые группы, которые затем поступают в машину для раскодирования. Она же преобразует нашу речь в коротковолновые группы, которые мы посылаем в сторону чужого корабля. Если вы готовы вести переговоры с его капитаном, сэр, мы, кажется, способны обеспечить их.

— Гм... Что вы думаете об их психологии?

Этот вопрос капитан задал психологу.

— Видите ли, сэр,— с тревогой произнес психолог,— вроде бы они совершенно искренни. Но даже намеком не выдают своей тревоги. А мы знаем о ней. Они действуют так, будто просто налаживают связь для дружественных переговоров. Но есть один... э... обертон...

Психолог прекрасно разбирался в мотивах человеческих поступков, но не был подготовлен к полному анализу чужого образа мышления.

— Если вы мне позволите, сэр...— стесняясь, сказал Томми.

— Что?

— Они дышат кислородом,— продолжал Томми,— и не слишком отличаются от нас в других отношениях. Мне кажется, сэр, что мы развивались параллельно, в смысле... так сказать, основных функций организма. Я думаю,— убежденно добавил он,— любое живое существо какого бы то ни было вида должно поглощать, производить обмен веществ, выделять... Очевидно, любой развитый у.: должен воспринимать, оценивать и реагировать сообразно личному характеру. Я определенно уловил иронию. Значит, у них развито чувство юмора. Короче говоря, сэр, я чувствую, что мы могли бы найти с ними общий язык.

Грузный капитан встал с кресла.

— Гм! Посмотрим, что они скажут,— задумчиво сказал он.

Он отправился в рубку связи. Телепередатчик, установленный перед экраном в роботе, был готов к включению. Капитан остановился перед экраном. Томми Дорт сел к машине и застучал по клавишам. Донесшиеся из нее совершенно невероятные звуки подхватил микрофон, передатчик смодулировал частоту, и в сторону чужого корабля через космос был отправ-

лен сигнал. Почти тотчас на экране появилось (ретранслированное через робот) внутреннее помещение чужого корабля. Перед телепередатчиком возник один из чужаков. Он, казалось, пытливо вглядывался с экрана. Он был поразительно похож на человека, и все же это был не человек. Совершенно лысый, он производил впечатление существа откровенного, но не лишенного чувства юмора.

— Мне хотелось бы сказать,— медленно произнес капитан,— что-нибудь соответствующее этому первому контакту двух цивилизованных родов, хотя бы выразить надежду на добрые отношения между нашими народами.

Томми Дорт заколебался. Потом он пожал плечами и искусно прошелся пальцами по клавишам машины. Снова раздались странные звуки.

Капитан чужого корабля, по-видимому, получил послание. Он сделал жест, который можно было истолковать так, что он согласен, но не особенно убежден в этом. Зажужжала машина, и из нее выскочила карточка с текстом. Томми бесстрастно сказал:

— Он говорит, сэр: «Все это очень хорошо, но есть ли какой-нибудь способ отпустить друг друга по домам живыми? Я был бы рад услышать о таком способе, если вы сможете его придумать. Сейчас же, как мне кажется, один из нас должен быть уничтожен».

III

Создалось неловкое положение. Надо было ответить сразу на очень много вопросов. Но ни на один из них не мог ответить никто. А ответить требовалось на все.

«Лланвабон» мог уйти к родной планете. А если чужой корабль способен развить сверхсветовую скорость, превышающую скорость земного корабля? «Лланвабон» выдал бы местонахождение Земли и... все равно был бы вынужден сражаться. Он победил бы или проиграл. Если бы даже он победил, у чужаков могла оказаться система связи, по которой бы они доложили своей планете о направлении движения «Лланвабона» еще до начала схватки. Но в этом сражении «Лланвабон» мог проиграть. И уж если корабль обречен, то пусть его уничтожат здесь, и тогда предупрежденный и мощно вооруженный вражеский боевой флот никогда не узнает, где находится человечество.

Поэтому ни один из кораблей и не думал покидать место встречи. Возможно, на черном корабле знали курс «Лланвабона» к туманности, но это был всего лишь конец логарифмической кривой, а чужаки не могли знать ее начала. Они не смогли бы определить ту точку, где «Лланвабон» совершил поворот, сойдя с земного курса. Следовательно, в данную минуту оба корабля не имели преимуществ в этом отношении. Тем не менее вопрос «Как быть?» по-прежнему требовал ответа.

Точного ответа не было. Чужаки меняли информацию на информацию... но та информация, которую они давали, не всегда была понятна. Люди меняли информацию на информацию... но Томми Дорт исходил кровавым потом, боясь выдать ключ к определению местонахождения Земли.

Чужаки видели в инфракрасном свете; экраны и телепередатчики в коммуникационном роботе преобразовывали оптическую частоту всякий раз таким образом, чтобы обе стороны воспринимали изображение. Чужакам не приходило в голову, что характер их зрения говорит о характере их солнца. Это красный карлик, испускающий свет большей энергии, но ле-

жащий ниже спектра, видимого человеческим глазом. Но, как только это поняли на «Лланвабоне», стало понятно, что и чужаки способны сделать вывод о спектральном типе Солнца, зная, к какому свету привычны земляне.

Существовало устройство для записи коротковолновых сообщений, которое обычно применялось чужаками так же, как звукозапись — людьми. Землянам оно бы очень пригодилось. Чужаки тоже были поражены тайной звука. Разумеется, они были способны воспринимать шум, но только так, как воспринимает человеческая ладонь тепло инфракрасного излучения, однако они разбирались в звуковом диапазоне не лучше, чем земляне в диапазоне невидимых частот, рождающих тепло. Для чужаков человеческая наука о звуке была значительным открытием. Они бы нашли применение шумам такое, какое людям и не снилось... если бы остались живы.

Вот что было главное. Ни один из кораблей не мог уйти, не уничтожив другой. Но пока шел поток информации, ни один из кораблей не мог позволить себе уничтожить другой. Интересен был и сам фактор цвета корпусов обоих кораблей. У «Лланвабона» он блестел как зеркало. У чужого корабля корпус на свету был совершенно черный. Он превосходно поглощал тепло и с таким же успехом должен был отдавать его. Но этого не происходило. Черная оболочка не являла собой цвет «черного тела» или отсутствие цвета. Это был превосходный отражатель каких-то волн инфракрасного диапазона, и одновременно корпус светился именно в них. В сущности, он поглощал тепло более высокой частоты, превращал ее в низкую и уже не излучал — он имел нужную температуру даже в пустоте.

Томми Дорт продолжал работать над проблемой общения. Он обнаружил, что ход мысли чужаков не так уж чужд, чтобы его нельзя было понять. Обсуждение технических вопросов привело к проблеме межзвездной навигации. Для иллюстрации этого процесса необходима была звездная карта. Самым логичным было бы воспользоваться одной из карт, находившихся в штурманской рубке... но по звездной карте можно было догадаться, с какого пункта ее сняли. Для Томми специально изготовили карту с воображаемыми, но убедительно изображенными на ней звездами. С помощью машины он передал правила, как ею пользоваться. В ответ на экране появилась звездная карта чужаков. Ее мгновенно засняли, и штурманы занялись ею, пытаясь определить, с какой точки галактики под таким углом видны звезды и Млечный Путь. И пришли в недоумение.

В конце концов именно Томми понял, что чужаки тоже изготовили специальную карту для показа, и она была зеркальным отражением той фальшивой карты, которую только что продемонстрировал Томми.

Он лишь ухмыльнулся. Эти чужаки начали ему нравиться. Они не были людьми, но чувствовали смешное совсем по-человечески. Немного погодя Томми отпустил беззлобную шутку. Ее надо было закодировать, смодулировать, передать на другой корабль, и черт ее знает, осталась ли она после этого понятной. Шутка, прошедшая такую процедуру, вряд ли показалась бы смешной. Но чужаки поняли, в чем дело.

Один из чужаков, как и Томми, постоянно работал над кодированием и раскодированием сообщений. Между ними завязалось что-то вроде бессознательной дружбы. Они обсуждали вопросы кодирования, раскодирования и коротковолновой связи. Когда начались передача и прием официальных сообщений, чужак время от времени вставлял фразочки, почти жаргонные и не имевшие никакого отношения к тем техническим подробностям, которые обсуждались. Нередко они подбадривали. Без всякой причины Томми дал ему кодовую кличку «Старина», и машина всякий раз

выдавала ее, когда этот самый оператор подписывался своим именем под сообщением.

На третью неделю связи машина выдала Томми такое сообщение:

«Ты хороший малый. Жаль, если бы пришлось убить друг друга.

Старина».

Томми был того же мнения. Он отстукал горестный ответ:

«Мы не можем найти никакого выхода. Вы можете?»

После некоторой паузы пришло такое сообщение:

«Можем, если поверим друг другу. Нашему капитану хотелось бы. Но мы не можем поверить вам, вы не можете поверить нам. Мы сопровождали бы вас до вашей планеты, если бы имели возможность, а вы нас — до нашей. Но нас это приводит в отчаяние.

Старина».

Томми Дорт передал оба послания капитану.

— Посмотрите, сэр!— настойчиво сказал он.— Это же почти люди, они хорошие ребята.

Капитан был занят важным делом — он предвидел новые трудности и заранее пытался найти выход из них. Он устало сказал:

— Они дышат кислородом. В их воздухе двадцать восемь процентов кислорода, а не двадцать, но на Земле они будут чувствовать себя хорошо. Завоевание ее было бы для них крайне желательным. А мы до сих не знаем, какое оружие у них есть или какое они могут создать. Уж не скажете ли вы им, как найти Землю?

— Нет, нет!— тоскливо сказал Томми.

— Они, наверно, испытывают те же чувства,— сухо продолжал капитан.— И если даже наш контакт будет дружественным, надолго ли сохранятся дружеские отношения? Если их оружие будет уступать нашему, ради собственной безопасности они будут думать, как его усовершенствовать. И мы, зная, что они собираются взбунтоваться, постараемся сокрушить их, пока будет такая возможность... ради собственной безопасности! Если бы все произошло наоборот, они бы смяли нас прежде, чем мы догнали бы их.

Томми молчал, беспокойно переступая с ноги на ногу.

— Если мы уничтожим этот черный корабль и уйдем домой,— сказал капитан,— правительство Земли будет недовольно тем, что мы не узнали, откуда он. Но что мы можем поделать? В лучшем случае мы выберемся из этой переделки живыми. От этих существ получить информации больше, чем даем им ее мы, невозможно, и, уж разумеется, мы не дадим им своего адреса. Мы встретились с ними случайно. Возможно... если мы уничтожим этот корабль, нового контакта не случится и через тысячи лет. А жаль, торговля может принести громадную пользу! Но для того чтобы заключить мир, нужны две стороны, а мы не можем пойти на риск и довериться им. Ответ один — уничтожить их, если сможем, но, если они нас уничтожат, надо быть уверенными, что они не обнаружат ничего такого, что привело бы их к Земле. Такое положение мне не нравится,— устало добавил капитан,— но нам просто не дано ничего другого.

IV

На «Лланвабоне» инженеры лихорадочно работали, разделившись на две группы. Одна готовилась к победе, другая — к поражению. У трудившихся на победу выбор был небольшой. Главные бластеры были единст-

венным стоящим оружием. Установки осторожно перемонтировали так, что они могли вести огонь не только прямо по курсу корабля при горизонтальной наводке в пять градусов. Электронные устройства, соединенные с радиолокатором, с абсолютной точностью наводили их на любую заданную цель, независимо от ее маневрирования. Более того, не прославившийся еще гений из машинного отделения изобрел систему накопления энергии, при помощи которой все, что давали судовые двигатели на выходе при нормальной работе на полную мощность, какое-то мгновенье аккумулировалось, а потом повышенная мощность подавалась толчками на бластеры. Теоретически дальнобойность бластеров увеличилась в несколько раз, а разрушительная мощь значительно повысилась. Однако на большее рассчитывать не приходилось.

Группа, созданная на случай поражения, имела в запасе больше времени. Звездные карты, навигационные инструменты, регистрирующие данные, серия фотографий, которые делал Томми Дорт на протяжении шести месяцев путешествия с Земли, и любой другой документ, способный дать ключ к определению местонахождения Земли,— все было подготовлено к уничтожению. Они были сложены в запечатанные контейнеры, и, если бы кто-нибудь вскрыл их, не зная точно сложного процесса вскрывания, содержимое контейнеров вспыхнуло бы и превратилось в пепел, а пепел перемешался бы так, что не оставалось никакой надежды на реставрацию. Разумеется, если бы «Лланвабон» победил, сохранялась возможность вскрытия тщательно замаскированным способом.

На корпусе корабля повсюду были размещены атомные бомбы. Если команду убьют, не полностью уничтожив корабль, то при попытке чужого корабля пристать к «Лланвабону» они взорвутся. На борту не было готовых атомных бомб, но были устройства, работавшие на атомной энергии. Оказалось нетрудно переконструировать источники атомной энергии так, чтобы они вместо постепенной отдачи этой энергии взорвались бы. А четыре члена команды земного корабля не снимали ни космических скафандров, ни шлемов, готовые сражаться, если борт корабля будет проломлен во многих местах в результате внезапного нападения.

Такое нападение, однако, не было бы предательским. Капитан чужого корабля высказался откровенно. Всем своим поведением он как бы с отвращением признавал бесполезность лжи. Капитан и вся команда «Лланвабона», в свою очередь, постепенно признали достоинство откровенности. Каждый утверждал (возможно, искренне), что желает дружбы между двумя родами. Но ни один не мог поверить в то, что другой не сделает всего возможного, чтобы найти тщательно скрываемый путь к родной планете. И ни один не мог отмести мысль, что другой способен сесть ему на хвост и разведать дорогу. Поскольку каждый считал своим долгом выполнить эту (неприемлемую для другого) задачу, никто не мог, доверившись другому, пойти на риск возможного уничтожения своего народа. Они должны сразиться, потому что ничего другого не остается.

Они могли бы повышать свои ставки перед сражением путем обмена информацией. Но блефовать бесконечно было бы невозможно. К тому же они все равно не обменивались сведениями об оружии, населении и ресурсах. Даже о расстоянии до родных планет от Крабовидной туманности не могло быть и речи. На всякий случай они обменивались информацией, хотя знали, что драка не на живот, а на смерть неминуема, и каждый стремился показать собственную цивилизацию достаточно могучей, чтобы заставить другого отказаться от всякой мысли о возможном покорении ее... и тем самым они преувеличивали опасность, делая сражение неотвратимым.

Любопытно, как существа, совершенно чуждые друг другу, рассуждают все-таки одинаково. Томми, проливая пот у машины над кодированием и раскодированием сообщений, лично для себя отметил это сходство по первой же все увеличивавшейся кипе карточек с высокопарно изложенным текстом. Он видел чужаков лишь на экране и в свете, который, по крайней мере, на целую октаву отличался от света, привычного для их зрения. В свою очередь, он казался им очень странным в передаваемом освещении, которое для них, с человеческой точки зрения, считалось ультрафиолетовым. Но мозги у них работали одинаково. Это поразительное сходство вызывало у Томми подлинную симпатию и даже нечто вроде дружеского чувства к дышащим жабрами, лысым и сдержанно ироничным существам с черного космического корабля.

Это мыслительное подобие толкнуло его на составление (хотя и безнадежное) чего-то вроде графика очередности проблем, стоящих перед обеими сторонами. Он не верил, что и чужаки испытывают инстинктивное стремление уничтожить людей. В сущности, изучение сообщений чужаков вызвало на «Лланвабоне» чувство терпимости, не отличающееся от чувства, испытываемого враждебными сторонами на Земле при заключении перемирия. Люди не испытывали враждебности, и, наверное, то же самое было с чужаками. Но необходимость убить или быть убитыми имела чисто логические причины.

График Томми был своеобразным. Он составил список целей, которые следовало бы попытаться осуществить людям, в порядке их важности. Во-первых, надо доставить на Землю сообщение о существовании других разумных существ. Во-вторых, надо определить местонахождение чужой цивилизации в Галактике. В-третьих, надо привезти на Землю как можно больше сведений об этой цивилизации. Над третьим пунктом работали, но второй скорее всего был невыполним. Первый же (да и все остальное) зависел от результата схватки, которая еще предстояла.

Цели у чужаков были, наверно, те же самые, и поэтому людям, во-первых, надо, чтобы чужаки не доставили весть о существовании земной цивилизации на родную планету, чтобы они, во-вторых, не обнаружили местонахождения Земли, и, в-третьих, нельзя дать возможность чужакам получить такую информацию, которая помогла бы им или натолкнула на мысль о нападении на человечество. И опять же третье осуществлялось, второго остерегались, а первое решилось бы в ходе битвы.

Не было никакой возможности уйти от мрачной необходимости уничтожить черный корабль. Чужаки, очевидно, видят решение своих проблем только в уничтожении «Лланвабона». Но, уныло продумывая свой список, Томми Дорт понимал, что даже полная победа не была бы лучшим выходом из положения. Предел мечтаний — захватить чужой корабль для обследования. Третья цель тогда была бы достигнута наилучшим образом. Томми чувствовал, что ему отвратительна сама мысль о такой полной победе, даже если бы она могла быть одержана. Его возмущала мысль об убийстве существ, которые не являются людьми, но понимают человеческие шутки. И, помимо всего прочего, он не мог примириться с мыслью, что Земле придется создавать флот боевых кораблей ради уничтожения чужой цивилизации, так как ее существование опасно. Чисто случайная встреча между народами, которые могли бы полюбить друг друга, создала положение, имеющее один конец — возможность полного взаимоуничтожения.

Томми Дорт ломал голову, пытаясь найти выход из этого положения. Ведь должен же быть какой-нибудь выход! Слишком много поставлено на карту! Да и абсурдно это — битва двух космических кораблей. Ни один из

них не создавался специально для боевых действий. И вот выживший принесет на родину весть, которая положит начало бешеной подготовке к войне с другой ничего не ведающей стороной.

Если бы можно было хоть предупредить оба рода, и если бы каждый знал, что другой не хочет воевать, и если бы они могли поддерживать связь друг с другом, но не определять местонахождения планет, пока не получат должных оснований для взаимного доверия...

Это невозможно. Это химера. Это фантастика. Это чепуха. Но это была настолько соблазнительная чепуха, что Томми Дорт в отчаянии закодировал ее для своего дышавшего жабрами дружка Старины, которого отделяли от него несколько сот тысяч миль светящейся дымки туманности.

«Конечно,— ответил Старина в послании, раскодированном машиной.— Мечта прекрасная. Ты мне нравишься, но я все еще не верю тебе... Если бы я сказал то же самое первый, то понравился бы тебе, но ты бы не верил мне тоже. В моих словах больше правды, чем в тебе веры, и, возможно, в твоих словах больше правды, чем веры во мне. Но выхода нет. Сожалею».

Томми Дорт мрачно смотрел на послание. Страшное чувство ответственности навалилось на него. На всю команду «Лланвабона». Если они потерпят неудачу в этой встрече, над человеческим родом нависнет угроза уничтожения в будущем. Если победят они, уничтожение, наверно, будет грозить роду чужаков. Миллионы, миллиарды жизней зависят от действий нескольких человек.

И тут Томми Дорт нашел выход из положения.

Поразительно простой. Только бы удалось его осуществить. В худшем случае это была бы частичная победа человечества и «Лланвабона». Томми сидел совершенно неподвижно, боясь малейшим движением отвлечься от обдумывания мелькнувшей мысли. Он возвращался к ней вновь и вновь, взволнованно споря сам с собой, устраняя противоречия. Да, это выход из положения! Он был уверен в этом.

У него едва ли не кружилась голова от облегчения, когда он вошел в капитанскую рубку и попросил капитана выслушать его.

* * *

Среди других обязанностей капитана была обязанность предвидеть трудности. Но теперь капитану «Лланвабона» хватало их и без предвидения. За три недели и четыре дня, прошедших со времени первого контакта с чужим черным кораблем, лицо капитана покрылось морщинами, постарело. Он беспокоился не об одном «Лланвабоне». Он беспокоился за все человечество.

— Сэр,— сказал Томми Дорт, у него пересохло во рту от чрезмерного волнения,— разрешите мне предложить способ нападения на черный корабль. Я сделаю это сам, и, если ничего не выйдет, наш корабль не пострадает.

Капитан смотрел на него невидящими глазами.

— Тактика разработана, мистер Дорт,— медленно произнес он.— Дело идет к концу, корабль к бою готов. Это страшная игра, но выиграть ее надо.

— Мне кажется,— тщательно выбирая слова, возразил Томми,— я нашел способ, как выйти из этой игры. Предположите, сэр, что мы посылаем сообщение тому кораблю с предложением...

Его голос раздавался особенно отчетливо в совершенно тихой капитанской рубке, где экраны показывали только необъятный туман за бортом и две неистово сверкавших звезды в сердце туманности.

V

Сам капитан вышел вместе с Томми через люк в космос. Во-первых, дело, которое предложил Томми, требовало его авторитетного присутствия. И во-вторых, капитан переживал все более сильно, чем кто-либо на «Лланвабоне», и устал от этого. Отправляясь с Томми, он сделал бы дело сам, а при провале первый бы погиб (действия корабля были уже запрограммированы, данные введены в командную машину). Если бы Томми с капитаном погибли, одно нажатие кнопки бросило бы «Лланвабон» в самую яростную атаку, которая завершилась бы полным уничтожением либо одного из кораблей, либо обоих. Так что капитан не дезертировал со своего поста.

Люк широко распахнулся. В него была видна сияющая пустота туманности. В двадцати милях от корабля в космосе небольшой круглый робот дрейфовал по немыслимой орбите возле двух центральных солнц, постепенно приближаясь к ним. Но, разумеется, он никогда бы не достиг ни одного из них. Одна белая звезда была настолько горячее земного Солнца, что тут до земной температуры нагревался бы предмет, отстоящий от Солнца раз в пять дальше Нептуна. Даже на таком удалении, как у Плутона, маленький робот стал бы вишнево-красным от жара сверкающего карлика. Ну а на те примерно девяносто миллионов миль, которые разделяют Солнце и Землю, здесь приблизиться к звезде было бы невозможно. В такой близости металл расплавился бы, закипел и испарился. Но в половине светового года от звезды робот-шарик лишь покачивался в пустоте.

Две фигуры в космических скафандрах покинули «Лланвабон» и помчались. Небольшие атомные двигатели, превращавшие скафандры в самостоятельные космические кораблики, были хитро переделаны, но перемена не отражалась на их основной функции. Они направились к роботу связи. Уже в космосе капитан сказал хриплым голосом:

— Мистер Дорт, всю свою жизнь я мечтал о приключениях. Теперь я впервые взялся за осуществление своей мечты и пошел на авантюру.

Услышав голос капитана в шлемофоне, Томми облизал губы и заметил:

— Мне это не кажется авантюрой, сэр. Мне ужасно хочется, чтобы замысел удался. Я думаю, авантюра — это когда на все наплевать.

— Э нет,— возразил капитан.— Авантюра — это когда бросаешь свою жизнь на чашу весов случая и ждешь, что стрелка вот-вот остановится.

Они достигли круглого предмета и ухватились за усики, которые были объективами телепередатчиков.

— Умницы эти существа,— задумчиво сказал капитан.— Видно, им отчаянно хотелось увидеть не только рубку связи нашего корабля, прежде чем согласиться на этот обмен визитами перед сражением.

— Да, сэр,— откликнулся Томми. Но в глубине души он подозревал, что Старине, его дышащему жабрами другу, хотелось бы увидеть его во плоти до того, как один из них или оба они погибнут. И еще ему показалось, что в отношениях между двумя кораблями возникла странная традиция, напоминающая этикет, которым руководствовались два древних

рыцаря перед турниром,— они, бывало, восхищались соперником от всего сердца, прежде чем обрушиться друг на друга со всем своим арсеналом.

Капитан и Томми подождали.

Из дымки показались две другие фигуры. Космические скафандры чужаков тоже были с двигателями. Сами чужаки были меньше ростом, чем люди, и лицевую сторону их шлемов прикрывали фильтры против видимых и ультрафиолетовых лучей, которые для них были смертельны. Удалось разглядеть лишь очертания их голов в шлемах.

Томми услышал в своем шлемофоне, как передали капитану:

— Они говорят, что их корабль ждет вас, сэр. Люк будет открыт.

Послышался голос капитана:

— Мистер Дорт, вы видели их скафандры прежде? Если видели, то уверены ли вы, что у них нет с собой ничего, бомб, например?

— Да, сэр,— сказал Томми,— мы показывали друг другу наше космическое снаряжение. На виду у них нет ничего необычного.

Капитан помахал двум чужакам. Потом вместе с Томми капитан направился к черному кораблю. Они не могли разглядеть корабль невооруженным глазом, но из рубки связи «Лланвабона» следили за их курсом.

Показалась громада черного корабля. В длину он был не меньше «Лланвабона», но гораздо толще. Оба человека влетели в открытый люк и встали на магнитные подошвы. Люк закрылся. Хлынул воздух, и одновременно они почувствовали искусственное тяготение. Затем внутренняя дверь камеры открылась...

Было темно. Томми включил фонарь на шлеме в тот же самый момент, что и капитан. Поскольку чужаки видели в инфракрасном свете, белый свет был для них невыносим. Поэтому фонари на шлемах излучали темно-красный свет, которым обычно освещались панели управления, дабы глаза могли разглядеть малейшее белое пятнышко, появившееся хотя бы на мгновенье на навигационном экране. Чужаки встретили людей. Они щурились от яркости фонарей на шлемах. В шлемофоне у Томми послышался голос:

— Они говорят, сэр, что их капитан ожидает вас.

Томми с капитаном находились в длинном коридоре с мягким полом. В свете фонарей все вокруг выглядело совершенно экзотичным.

— Кажется, я могу раскрыть шлем, сэр,— сказал Томми.

И раскрыл. Воздух был хороший. Анализатор показывал, что в нем тридцать процентов кислорода, а не двадцать, как в нормальном воздухе Земли, но давление было ниже. Люди чувствовали себя неплохо. Искусственная гравитация тоже была меньше той, которая поддерживалась на «Лланвабоне». Родная планета чужаков, очевидно, меньше Земли и (судя по интенсивности инфракрасного света) обращалась близко к почти остывшему, тускло-красному солнцу. В воздухе чем-то пахло. Запахи были совершенно непривычные, но не неприятные.

Арочный вход. Аппарель, застланная таким же мягким материалом. Лампы, горевшие мрачноватым тускло-красным светом. Чужаки из учтивости сами подготовили такое освещение. Свет, очевидно, резал им глаза, но этот знак внимания еще больше разжег стремление Томми осуществить свой замысел.

Капитан чужого корабля встретил их жестом, который, как показалось Томми, выражал недоверие, смешанное с иронией. В шлемофоне послышалось:

— Он говорит, сэр, что с удовольствием приветствует вас, но он мог придумать только один способ решения проблемы встречи двух наших кораблей.

— Подразумевается битва,— сказал капитан.— Скажите ему, что я прибыл, чтобы предложить альтернативу.

Оба капитана стояли лицом к лицу, но говорить непосредственно друг с другом не могли. Чужаки не пользовались звуковой речью. В сущности, они разговаривали на ультракоротких волнах и как бы телепатически. Но они не слышали, в привычном значении этого слова, так что речь капитана и Томми, с их точки зрения, тоже была как бы телепатической. Когда капитан говорил, его слова слышали на «Лланвабоне», где их кодировали, и посылали коротковолновые эквиваленты слов обратно на черный корабль. Ответ капитана чужого корабля тоже поступал на «Лланвабон» для раскодирования и передавался в шлемофоны, считываемый с карточки. Процесс был громоздкий, но действенный.

* * *

Низкорослый и коренастый капитан чужого корабля высказался не сразу. В шлемофонах послышался перевод его беззвучного ответа:

— Он с нетерпением слушает, сэр.

Капитан снял свой шлем и, положив руки на пояс, стал в воинственную позу.

— Послушайте!— сказал он агрессивным тоном странному лысому существу, стоявшему перед ним в неземном красном свете.— Похоже, нам придется сражаться, и кто-то из нас погибнет. Мы готовы к этому, если уж на то пошло. Но если вы победите, мы все равно сделали все так, чтобы вы не узнали, где Земля, а справиться с нами будет нелегко! Если победим мы, то столкнемся с той же проблемой. После нашей победы и возвращения домой наше правительство построит флот и станет разыскивать вашу планету. И если мы ее найдем, то уж разнести ее на куски не составит труда! Если победите вы, то же самое случится с нами! Все это глупость! Мы торчим здесь целый месяц, мы обменивались информацией, и у нас нет ненависти друг к другу. Причин сражаться у нас нет, разве что ради своих народов!

Хмурый капитан перевел дух. Томми Дорт бессознательно положил руки на пояс своего скафандра. Он ждал, страстно желая, чтобы замысел удался.

— Он говорит, сэр,— послышалось в шлемофоне,— что все сказанное вами правда. Но свой народ надо защитить...

— Конечно!— сердито сказал капитан.— Но благоразумие требует продумать эту защиту! Неблагоразумно ставить будущее в зависимость от воли случая во время битвы. Надо предупредить наши народы о существовании друг друга. В этом все дело. Но каждый должен иметь доказательство, что другой не хочет сражаться, а желает установления дружеских отношений. И не надо давать возможность разыскать друг друга. Мы должны поддерживать связь, чтобы разработать основу для взаимного доверия. Если наши правительства примут глупые решения, пусть их! Но мы должны дать им возможность подружиться, а не затеять из-за взаимного страха космическую войну!

В шлемофоне послышалось краткое изложение ответа:

— Он говорит, что все дело в доверии. Раз на карту поставлено существование его рода, он, как и вы, не может рисковать, лишаясь какого бы то ни было преимущества.

— Но мой народ,— гремел капитан, уставясь на чужака,— мой народ теперь это преимущество имеет. Мы прибыли на ваш корабль в скафандрах с атомными двигателями! И мы заранее переделали эти двигатели! Мы можем заставить взорваться десять фунтов топлива вот здесь, на вашем корабле. Дистанционное управление взрывом осуществляется и с нашего корабля. И было бы удивительно, если бы весь ваш запас топлива не взорвался вместе с нами! Другими словами, если у вас не хватит здравого смысла принять мое предложение, мы с Дортом произведем атомный взрыв и повредим, а то и уничтожим ваш корабль. Да и «Лланвабон» всей своей мощью обрушится на вас в ту же секунду, когда произойдет взрыв!

Непривычно было все в этой капитанской рубке чужого корабля, с ее тускло-красным освещением, со странными лысыми, дышащими жабрами чужаками, которые смотрели на капитана и ждали беззвучного перевода страстной речи, которую они не могли услышать. И вдруг возникла какая-то напряженность. Ощущение острой, дикой неловкости. Капитан чужого корабля взмахнул рукой. В шлеме послышалось:

— Он спрашивает, сэр, что это за предложение?

— Поменяться кораблями!— воскликнул капитан.— Поменяться кораблями и отправиться по домам! Мы можем перемонтировать наши приборы таким образом, что будет исключена возможность выслеживания; он может сделать то же самое со своими приборами. Каждая из сторон возьмет с собой свои звездные карты и записи. Каждый из нас демонтирует оружие. Воздух обоих кораблей годен для дыхания, так что поменяемся, и никто из нас не сможет нанести вред другому или выследить его. Так каждый доставит домой больше информации, чем каким бы то ни было другим способом! Мы можем договориться о встрече в этой самой Крабовидной туманности, когда двойная звезда сделает полный оборот. И если наш народ захочет встретиться с ними, мы прибудем сюда. То же пусть сделают и они, если не испугаются! Это и есть мое предложение! И пусть он принимает его, не то мы с Дортом взорвем их корабль, а «Лланвабон» добьет остатки!

Он смотрел на застывших коренастых чужаков, ожидая, когда им переведут сказанное. Он понял, что смысл его слов дошел до них, потому что напряженность исчезла. Чужаки зашевелились. Они жестикулировали. Один из них делал какие-то конвульсивные движения. Он лег на мягкий пол и колотил его ногами. Другие прислонились к стенам и тряслись.

Прежде тон голоса, слышавшегося в шлемофоне, был профессионально бесстрастен и тверд, теперь же в нем чувствовалась полная растерянность.

«Он говорит, сэр, что это превосходная шутка. Два члена их команды, посланные к нам и встретившиеся вам по пути, тоже принесли в своих скафандрах атомную взрывчатку, сэр. Он собирался сделать то же самое предложение и подкрепить его угрозой! Разумеется, он согласен, сэр. Наш корабль ему нужнее своего, а его корабль нужнее нам, чем «Лланвабон». Кажется, сэр, сделка заключена».

И тут только до Томми Дорта дошло, что это были за конвульсивные движения, которые делали чужаки. Они хохотали.

* * *

Все было не так просто, как обрисовал это капитан. На самом деле осуществление предложения требовало преодоления значительных трудностей. За три дня команды обоих кораблей перемешались. Чужаки изучали принцип действия двигателей «Лланвабона». Люди учились управ-

лять черным кораблем. Это была превосходная шутка... только совсем непохожая на шутку. На черном корабле находились люди, а на «Лланвабоне» — чужаки, готовые в одно мгновенье взорваться вместе с кораблями при первом же сигнале тревоги. И они сделали бы это в случае необходимости, но по этой самой причине необходимости не возникало. Лучшего соглашения и придумать было невозможно — обе экспедиции возвращались на родные планеты и в одиночку.

Впрочем, разногласия были. Возник спор относительно изъятия записей. В большинстве случаев спор разрешался уничтожением записей. Вызвали беспокойство книги «Лланвабона» и чужой эквивалент судовой библиотеки, в которой было что-то вроде земных романов. Но эти предметы оказались бы ценными, если бы завязалась дружба,— при таком культурном обмене становился ясным образ мыслей обыкновенных граждан и отсутствовала пропаганда.

Но нервная напряженность не спадала все три дня. Чужаки выгружали и осматривали продукты питания, предназначенные для людей, которые полетят на черном корабле. Люди переправляли продукты питания, которые необходимы чужакам, возвращающимся домой. Дел было бесконечно много, начиная от обмена осветительным оборудованием, приспособленным к зрению каждой команды, и кончая последней проверкой всех систем. Совместная контрольная группа удостоверилась, что все приборы слежения уничтожены, а не изъяты,— теперь их нельзя было протащить на другой корабль и пустить в ход. И уж, разумеется, обе стороны постарались, чтобы на их кораблях не осталось никакого оружия. Любопытно, что обе команды оказались подготовленными лучшим образом к тому, чтобы не допустить какого бы то ни было нарушения договоренности.

Последние переговоры перед расставанием велись в рубке связи «Лланвабона».

— Скажите этому коротышке,— пророкотал бывший капитан «Лланвабона»,— что он получает хороший корабль, и пусть обращается с ним как следует.

На карточке появился ответ капитана-чужака.

— Я считаю, что ваш новый корабль не хуже. Надеюсь встретиться с вами здесь, когда двойная звезда сделает один оборот.

Последний человек покинул «Лланвабон». Корабль исчез в тумане прежде, чем люди вернулись на черный корабль. Экраны этого судна были приспособлены для человеческого зрения, и люди ревниво следили за своим бывшим кораблем, а их новое судно взяло сперва бессмысленный, уклончивый курс на отдаленную часть туманности. Оно оказалось в пустотной впадине, ведущей к звездам. Потом оно быстро вышло в открытый космос. На мгновение комок подкатил к горлу, как бывало всегда, когда корабль набирал сверхсветовую скорость, и черное судно понеслось в пустоте.

Много дней спустя капитан увидел, как Томми Дорт вглядывается в один из тех странных предметов, которые заменяли чужакам книги. Приятно было поломать над ними голову. Капитан остался доволен собой. Инженеры бывшей команды «Лланвабона» нашли нужные им сведения о корабле почти тотчас. Несомненно, что чужаки получили такое же удовольствие от своих открытий на «Лланвабоне». Но и черный корабль превосходен... Найденный выход из положения со всех точек зрения был предпочтительнее даже боя, в котором бы земляне одержали полную победу.

— Гм, мистер Дорт,— серьезно произнес капитан.— У вас нет больше аппаратуры, чтобы сделать новые снимки на обратном пути. Она осталась

на «Лланвабоне». Но, к счастью, ваши снимки, сделанные на пути к туманности, сохранились, и я дам самую высокую оценку в своем докладе о вашем предложении, а также вашей помощи в деле осуществления целей экспедиции. Я самого высокого мнения о вас, сэр.

— Спасибо, сэр,— сказал Томми Дорт.

Он ждал, что еще скажет откашливавшийся капитан.

— Вы... кха... первый поняли большое сходство умственных процессов чужих и наших,— заметил капитан.— Что вы думаете о перспективах дружественного соглашения, если мы пойдем на встречу с чужаками в туманности, как было согласовано?

— О, мы прекрасно поладим, сэр,— сказал Томми.— Начало дружбе положено хорошее. Наконец, раз у них инфракрасное зрение, планеты, которые они захотели бы освоить, нам бы не подошли. Нет причины, почему бы нам не поладить. Психология у нас почти одинаковая.

— Гм... Что вы хотите этим сказать?— спросил капитан.

— Ведь они совсем похожи на нас, сэр!— сказал Томми.— Разумеется, они дышат сквозь жабры и видят в тепловой частоте, у них кровь на медной основе, а не на железной, и прочие мелкие отличия. И все же мы очень похожи! В команде у них были только мужчины, сэр, но вообще-то у чужаков есть оба пола, как и у нас, у них есть семья и... чувство юмора... В сущности...

Томми заколебался.

— Продолжайте, сэр,— сказал капитан.

— Ну... там был один, которого я называл Стариной, сэр, потому что его имя никак нельзя было передать звуковыми колебаниями,— объяснял Томми.— Мы с ним хорошо поладили. Я бы даже назвал его своим другом, сэр. И мы провели вместе часа два перед отлетом. Делать нам было нечего. И тогда я убедился, что люди и чужаки вполне способны стать добрыми друзьями, если представится хоть какая-нибудь возможность. Видите ли, сэр, мы провели эти два часа, рассказывая друг другу... нескромные анекдоты.

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ЛЕД И ПЛАМЯ [1]

I

Ночью родился Сим. Он лежал, хныкая, на холодных камнях пещеры. Кровь толчками пробегала по его телу тысячу раз в минуту. Он рос на глазах.

Мать лихорадочно совала ему в рот еду. Кошмар, именуемый жизнью, начался. Как только он родился, глаза его наполнились тревогой, которую

[1] Печатается по изд.: Искатель. Приложение к журналу ЦК ВЛКСМ «Вокруг света». 1979. № 1.

сменил безотчетный, но оттого не менее сильный, непреходящий страх. Он подавился едой и расплакался. Озираясь кругом, он ничего не видел.

Все тонуло в густой мгле. Постепенно она растаяла. Проступили очертания пещеры. Возник человек с видом безумным, диким, ужасным. Человек с умирающим лицом. Старый, высушенный ветрами, обожженный зноем, будто кирпич. Съежившись в дальнем углу, сверкая белками скошенных глаз, он слушал, как далекий ветер завывает над скованной стужей ночной планетой.

Не сводя глаз с мужчины, поминутно вздрагивая, мать кормила сына плодами, скальной травой, собранными у провалов сосульками. Он ел и рос все больше и больше.

Мужчина в углу пещеры был его отец! На его лице жили еще только глаза. В иссохших руках он держал грубое каменное рубило, его нижняя челюсть тупо, бессильно отвисла.

Позади отца Сим увидел стариков, которые сидели в уходящем в глубь горы туннеле. У него на глазах они начали умирать.

Пещера наполнилась предсмертными криками. Старики таяли, словно восковые фигуры, провалившиеся щеки обтягивали острые скулы, обнажались зубы. Только что лица их были живыми, подвижными, гладкими, как бывает в зрелом возрасте. И вот теперь плоть высыхает, истлевает.

Сим заметался на руках у матери. Она крепко стиснула его.

— Ну, ну,— успокаивала она его тихо, озабоченно поглядывая на отца — не потревожил ли его шум.

Быстро прошлепали по камню босые ноги, отец Сима бегом пересек пещеру. Мать Сима закричала. Сим почувствовал, как его вырвали у нее из рук. Он упал на камни и покатился с визгом, напрягая свои новенькие, влажные легкие!

Над ним вдруг появилось иссеченное морщинами лицо отца и занесенный для удара нож. Совсем как в одном из тех кошмаров, которые преследовали его еще во чреве матери. В течение нескольких ослепительных, невыносимых секунд в мозгу Сима мелькали вопросы. Нож висел в воздухе, готовый его вот-вот погубить. А в новенькой головенке Сима девятым валом всколыхнулась мысль о жизни в этой пещере, об умирающих людях, об увядании и безумии. Как мог он это осмыслить? Новорожденный младенец! Может ли новорожденный вообще думать, видеть, понимать, осмысливать? Нет. Тут что-то не так! Это невозможно. Но вот же это происходит с ним. Прошел всего какой-нибудь час, как он начал жить. А в следующий миг, возможно, умрет!

Мать бросилась на спину отца и оттолкнула в сторону руку с оружием.

— Дай мне убить его!— крикнул отец, дыша прерывисто, хрипло.— Зачем ему жить?

— Нет, нет!— твердила мать, и тщедушное старое тело ее повисло на широченной спине отца, а руки силились отнять у него нож.— Пусть живет! Может быть, его жизнь сложится по-другому! Может быть, он проживет дольше нашего и останется молодым!

Отец упал на спину подле каменной люльки. Лежа рядом с ним, Сим увидел в люльке чью-то фигурку. Маленькая девочка тихо ела, поднося еду ко рту тонкими ручками. Его сестра.

Мать вырвала нож из крепко стиснутых пальцев мужа и встала, рыдая и приглаживая свои всклокоченные седые волосы. Губы ее подергивались.

— Убью!— сказала она, злобно глядя вниз на мужа.— Не трогай моих детей.

Старик вяло, уныло сплюнул и безучастно посмотрел на девочку в каменной люльке.

— Одна восьмая ее жизни уже прошла,— проговорил он, тяжело дыша.— А она об этом даже не знает. К чему все это?

На глазах у Сима его мать начала преображаться, становясь похожей на смятый ветром клуб дыма. Худое, костлявое лицо растворилось в лабиринте морщин. Подкошенная мукой, она села подле него, трясясь и прижимая нож к своим высохшим грудям. Как и старики в туннеле, она тоже старилась, смерть наступала на нее.

Сим тихо плакал. Куда ни погляди, его со всех сторон окружал ужас. Мысли Сима ощутили встречный ток еще чьего-то сознания. Он инстинктивно посмотрел на каменную люльку и наткнулся на взгляд своей сестры Дак. Два разума соприкоснулись, будто шарящие пальцы. Сим позволил себе расслабиться. Ум его начинал постигать.

Отец вздохнул, закрыл веками свои зеленые глаза.

— Корми ребенка,— в изнеможении сказал он.— Торопись. Скоро рассвет, а сегодня последний день нашей жизни, женщина. Корми его. Пусть растет.

Сим притих, и сквозь завесу страха в его сознание начали просачиваться картины.

Эта планета, на которой он родился, была первой от солнца. Ночи на ней обжигали морозом, дни были словно языки пламени. Буйный, неистовый мир. Люди жили в недрах горы, спасаясь от невообразимой стужи ночей и огнедышащих дней. Только на рассвете и на закате воздух ласкал легкие дыханием цветов, и в эту пору пещерный народ выносил своих детей на волю, в голую каменную долину. На рассвете лед таял, обращаясь в ручьи и речушки, на закате пламя остывало и гасло. И пока держалась умеренная, терпимая температура, люди торопились жить, бегали, играли, любили, вырвавшись из пещерного плена. Вся жизнь на планете вдруг расцветала. Стремительно тянулись вверх растения, в небе брошенными камнями проносились птицы. Мелкие четвероногие лихорадочно сновали между скал; все стремилось приурочить свой жизненный срок к этой быстротечной поре.

Невыносимая планета! Сим понял это в первые же часы после своего рождения, когда в нем заговорила наследственная память. Вся его жизнь пройдет в пещерах, и только два часа в день он будет видеть волю. В этих наполненных воздухом каменных руслах он будет говорить, говорить с людьми своего племени, без перерыва для сна будет думать, думать, будет грезить, лежа на спине, но не спать.

И вся его жизнь продлится ровно восемь дней.

Какая жестокая мысль! Восемь дней. Восемь коротких дней. Невероятно, невозможно, но это так. Еще во чреве матери далекий голос наследственной памяти говорил Симу, что он стремительно формируется, развивается и скоро появится на свет.

Рождение мгновенно, как взмах ножа. Детство пролетает стремительно. Юношество — будто зарница. Возмужание — сон, зрелость — миф, старость — суровая быстротечная реальность, смерть — скорая неотвратимость.

Пройдет восемь дней, и он будет вот такой же полуслепой, дряхлый, умирающий, как его отец, который сейчас так подавленно глядит на свою жену и детей.

Этот день — одна восьмая часть всей его жизни! Надо с толком использовать каждую секунду. Надо усвоить знания, заложенные в мозгу родителей.

Потому что через несколько часов они будут мертвы.

Какая страшная несправедливость! Неужели жизнь так скоротечна? Или не грезилась ему в предродовом бытии долгая жизнь, не представлялись вместо раскаленных камней волны зеленой листвы и мягкий климат? Но раз ему все это виделось, значит, в основе грез должна быть истина? Как же ему искать и обрести долгую жизнь? Где? Как выполнить такую огромную и тяжелую задачу в восемь коротких, быстротекущих дней?

И как его племя очутилось в таких условиях?

Вдруг, словно нажали какую-то кнопку, в мозгу его возникла картина. Металлические семена, принесенные через космос ветром с далекой зеленой планеты, борясь с длинными языками пламени, падают на поверхность этого безотрадного мира... Из разбитых корпусов выбираются мужчины и женщины...

Когда?.. Давно. Десять тысяч дней назад. Оставшиеся в живых укрылись от солнца в недрах гор. Пламя, лед и бурные потоки стерли следы крушения огромных металлических семян. А люди оказались словно на наковальне под могучим молотом, который принялся их преображать. Солнечная радиация пропитала их плоть. Пульс участился — двести, пятьсот, тысяча ударов в минуту! Кожа стала плотнее, изменилась кровь. Старость надвигалась молниеносно. Дети рождались в пещерах. Круговорот жизни непрерывно ускорялся. И люди, застрявшие после аварии на чужой планете, прожили, подобно всем здешним животным, только одну неделю, причем дети их были обречены на такую же участь.

«Так вот в чем заключается жизнь»,— подумал Сим. Не сказал про себя, ведь он не знал еще слов, мыслил образами, воспоминаниями из далекого прошлого, так уж было устроено его сознание, наделённое своего рода телепатией, проникающей сквозь плоть, и камень, и металл. На какой-то ступени нового развития у его племени возник дар телепатии и образовалась наследственная память — единственное благо, единственная надежда в этом царстве ужаса. «Итак,— думал Сим,— я — пятитысячный в долгом ряду никчемных сыновей. Что я могу сделать, чтобы меня через восемь дней не настигла смерть? Есть ли какой-нибудь выход?»

Глаза его расширились: в сознании возникла новая картина.

За этой долиной с ее нагромождением скал на небольшой горе лежит целое, невредимое металлическое семя — корабль, не тронутый ни ржавчиной, ни обвалами. Заброшенный корабль, единственный из всей флотилии, который не разбился, не сломался, он до сих пор пригоден для полета. Но до него так далеко... И никого внутри, кто бы мог помочь. Пусть так, корабль на далекой горе будет его предназначением. Ведь только этот корабль может его спасти.

Новая картина...

Глубоко в недрах горы в полном уединении работает горстка ученых. К ним он должен пойти, когда вырастет и наберется ума. Их мысли тоже поглощены мечтой о спасении — мечтой о долгой жизни, о зеленых долинах без зноя и стужи. Они тоже, томясь надеждой, глядят на далекий корабль на горе, на удивительный металл, которому не страшны ни коррозия, ни время.

Скалы глухо застонали.

Отец Сима поднял иссеченное морщинами безжизненное лицо.

— Рассветает,— сказал он.

II

Утро расслабило могучие мускулы гранитной толщи. Наступил час обвалов.

Гулкое эхо туннелей подхватило звук бегущих босых ног. Взрослые, дети с нетерпеливыми, жаждущими глазами торопились наружу, где занимался день. Сим услышал вдали глухой рокот, потом крик, сменившийся тишиной. В долину низвергались обвалы. Камни срывались с места, и если путь вниз по склону начинала одна огромная глыба, то по дну долины рассыпались тысячи осколков и раскаленных трением картечин.

Каждое утро каменный ливень уносил по меньшей мере одну жертву.

Скальное племя бросало вызов обвалам. Поединок со стихиями вносил еще больше остроты в их и без того опасную, бурную и скоротечную жизнь.

Сим почувствовал, как руки отца резко поднимают его и несут к выходу из туннеля — туда, откуда просачивался свет. Глаза отца пылали безумием. Сим не мог пошевельнуться. Он догадывался, что сейчас произойдет. Неся на руках маленькую Дак, за отцом спешила мать.

— Постой! Осторожно!— крикнула она мужу.

Высоко на горе что-то колыхнулось, стронулось.

— Пошли!— прорычал отец и выскочил наружу.

Сверху на них обрушился камнепад!

С нарастающей быстротой сменялись в голове Сима восприятия — рушащиеся громады, пыль, сотрясение... Пронзительно вскрикнула мать. Их качало, трясло.

Еще один шаг — и они под открытым небом. За спиной у них продолжало грохотать. У входа в пещеру, где схоронились мать и Дак, выросла груда обломков.

Рев лавины перешел в шуршание струйки песка. Отец Сима разразился хохотом.

— Проскочили! Клянусь небом! Проскочили живьем!

Он презрительно глянул на скалы и плюнул.

Мать выбралась через обломки наружу вместе с Дак и принялась бранить отца.

— Болван! Ты мог убить Сима!

— Еще не поздно,— огрызнулся он.

Сим не слушал их перепалки. Он смотрел будто завороженный на обломки, завалившие вход в соседнюю пещеру. Там из-под груды камня, впитываясь в землю, бежала струйка крови. И все, больше ничего не видно... Кто-то проиграл поединок.

Дак побежала вперед на податливых, хлипких ножках — голенькая и целеустремленная.

Воздух в долине был словно профильтрованное сквозь горы вино. Небо — вызывающе голубого цвета; в полдень оно накалится добела, ночью вспухнет багрово-черным синяком с оспинами болезненно мерцающих звезд.

Мир Сима напоминал залив с приливами и отливами. Температурная волна то нахлынет в буйном всплеске, то схлынет. Сейчас в заливе было тихо, прохладно, и все живое стремилось к поверхности.

Звонкий смех! Звучит где-то вдалеке... Но как же так? Неужели кому-то из его племени может быть до смеха? Надо будет потом попытаться выяснить, в чем дело.

Внезапно в долине забурлили краски. Пробужденные неистовой утренней зарей, в самых неожиданных местах выглядывали растения. Прямо на глазах распускались цветы. Вот по голой скале ползут бледно-зеле-

ные нити. А через несколько секунд между листиками уже ворочаются зрелые плоды. Передав Сима матери, отец принялся собирать недолговечный урожай. Алые, синие, желтые плоды попадали в висящий у него на поясе меховой мешок. Мать жевала молодую сочную зелень, пихала ее в рот Симу.

Его восприятия были отточены до предела. Он жадно впитывал знания. Любовь, брак, нравы, гнев, жалость, ярость, эгоизм, оттенки и тонкости, реальность и рефлексия — он на ходу осмысливал эти понятия. Одно подводило к другому. Вид колышущихся зеленых растений так подействовал на Сима, что разум его пришел в смятение и стал кружиться, подобно гироскопу, ища равновесия в мире, где недостаток времени принуждал, не дожидаясь объяснений, самому исследовать и толковать. Пища, расходясь по организму, помогла ему разобраться в собственном строении и в таких вещах, как энергия и движение. Словно птенец, вылупляющийся из яйца, Сим представлял собой почти законченную систему, полностью развитую и вооруженную необходимым знанием. Он был обязан этим наследственности и готовым образам, телепатически передаваемым каждому разуму, всякому дыханию. Удивительное, окрыляющее свойство!

Вместе — мать, отец и двое детей — они шли, обоняя запахи, глядя, как птицы проносятся над долиной, и вдруг отец сказал:

— Помнишь?

Как это — «помнишь?» Разве вообще можно забыть что-то за те семь дней, что они прожили!

Муж и жена обменялись взглядом.

— Неужели это было всего три дня назад?— Она вздрогнула и закрыла глаза, сосредотачиваясь.— Даже не верится. Ах, как это несправедливо...

Она всхлипнула, потом провела по лицу рукой и прикусила запекшуюся губу. Ветер теребил ее седые волосы.

— Теперь моя очередь плакать. Час назад плакал ты!

— Час... Половина жизни.

— Пошли.— Она потянула мужа за руку.— Пойдем, осмотрим все, ведь больше не придется.

— Через несколько минут взойдет солнце,— ответил старик.— Пора возвращаться.

— Еще только минуточку,— умоляла женщина.

— Солнце застигнет нас.

— Ну и пусть застигнет меня!

— Что ты такое говоришь!

— Ничего я не говорю, ровным счетом ничего,— рыдала женщина.

Вот-вот должно было появиться солнце. Зелень в долине начала жухнуть. Родился обжигающий ветер. Вдалеке, где на скальные бастионы уже обрушились солнечные стрелы, искажая черты могучих каменных личин, срывались лавины — будто спадали мантии.

— Дак!— позвал отец.

Девочка откликнулась и побежала по горячим плитам долины, и волосы ее развевались, как черный флаг. С полными пригоршнями зеленых плодов она присоединилась к своим.

Солнце оторочило пламенем край неба, воздух всколыхнулся и наполнился свистом.

Люди пещерного племени обратились в бегство, на ходу крича и подбирая споткнувшихся ребятишек, унося в свои глубокие норы охапки зелени и плодов. В несколько мгновений долина опустела, если не считать забытого кем-то малыша. Он бежал по гладким плитам, но у него было

совсем мало силенок, бежать оставалось еще столько же, а вниз по скалам уже катился могучий жаркий вал.

Цветы сгорали, обращаясь в пепел; травы втягивались в трещины, словно обжегшиеся змеи. Ветер, подобный дыханию домны, подхватывал цветочные семена, и они сыпались в трещины и расселины, чтобы на закате опять прорасти, и дать цветы и семена, и снова пожухнуть.

Отец Сима смотрел, как по дну долины вдалеке бежит одинокий ребенок. Сам он, его жена, Дак и Сим были надежно укрыты в устье пещеры.

— Не добежит,— сказал отец.— Не смотри туда, мать. Такие вещи лучше не видеть.

И они отвернулись. Все, кроме Сима. Он заметил вдали какой-то металлический блеск. Сердце отчаянно забилось в груди, в глазах все расплылось. Далеко-далеко, на самой вершине небольшой горы источало слепящие блики металлическое семя. Словно исполнилась одна из грез той поры, когда Сим еще лежал во чреве матери! Там, на горе, целое, невредимое, металлическое зернышко из космоса! Его будущее! Его надежда на спасение! Вот куда он отправится через два-три дня, когда — трудно себе представить — будет взрослым мужчиной!

Будто поток расплавленной лавы, солнце хлынуло в долину.

Бегущий ребенок вскрикнул, солнце настигло его, и крик оборвался.

С трудом волоча ноги, как-то вдруг постарев, мать Сима пошла по тунелю. Остановилась... Протянула руку вверх и обломила две сосульки, последние из намерзших за ночь. Одну подала мужу, другую оставила себе.

— Выпьем последний раз. За тебя, за детей.

— За тебя.— Он кивком указал на нее.— За детей.

Они подняли сосульки. Тепло растопило лед, и капли освежили их пересохшие рты.

III

Целый день раскаленное солнце извергалось в долину. Сим этого не видел, но о мощи дневного пламени он хорошо мог судить по ярким картинам в сознании родителей. Вязкий свет просачивался в пещеры, выжигая все на своем пути, но глубоко не проникал. От него было светло и расходилось приятное тепло.

Сим пытался отогнать от родителей наступающую старость, но, сколько ни напрягал разум, призывая себе на помощь образы, на глазах у него они превращались в мумии. Старость съедала отца, будто кислота. «Скоро со мной будет то же самое»,— в ужасе думал Сим.

Сам он рос стремительно, буквально чувствуя, как в организме происходит обмен веществ. Каждую минуту его кормили, он без конца что-то жевал, что-то глотал. Образы, процессы начали связываться в его уме с определяющими их словами. Одним из таких слов было «любовь». Для Сима в нем крылось не отвлеченное понятие, а некий процесс, лёгкое дыхание, запах утренней свежести, трепет сердца, мягкий изгиб руки, на которой он лежал, наклоненное над ним лицо матери. Сначала он видел то или иное действие, потом в сознании матери искал и находил нужное слово. Гортань готовилась к речи. Жизнь стремительно, неумолимо увлекала его навстречу вечному забвению.

Сим чувствовал, как растут его ногти, как развиваются клетки, отрастают волосы, увеличиваются в размерах кости и сухожилия, разрастается мягкое, бледное восковое вещество мозга. При рождении чистый и гладкий, будто кружок льда, уже секундой позже мозг его, словно от

удара камня, покрылся сеткой миллионов борозд и извилин, обозначающих мысли и открытия.

Его сестренка Дак то прибегала, то убегала вместе с другими тепличными детьми и безостановочно что-то уписывала. Мать ничего не ела, у нее не было аппетита, а глаза будто заткало паутиной.

— Закат,— произнес, наконец, отец.

День кончился. Смеркалось, послышалось завывание ветра.

Мать встала.

— Хочу еще раз увидеть внешний мир... Только раз...

Трясясь, она устремила вперед невидящий взгляд.

Глаза отца были закрыты, он лежал подле стены.

— Не могу встать,— еле слышно прошептал он.— Не могу.

— Дак!— прохрипела мать, и дочь подбежала к ней,— Держи.

Она передала дочери Сима.

— Береги Сима, Дак, корми его, заботься о нем.

Последнее ласковое прикосновение материнской руки...

Дак молча прижала Сима к себе, ее большие влажные глаза зелено поблескивали.

— Ступай,— сказала мать.— Вынеси его на волю в час заката. Веселитесь. Собирайте пищу, ешьте. Играйте.

Не оглядываясь назад, Дак пошла к выходу. Сим изогнулся у нее на руках, глядя через плечо сестры потрясенными, неверящими глазами. У него вырвался крик, и губы каким-то образом сложились, дав выход первому в его жизни слову:

— Почему?..

Он увидел, как оторопела мать.

— Ребенок заговорил!

— Ага,— отозвался отец.— Ты расслышала, что он сказал?

— Расслышала,— тихо сказала мать.

Шатаясь, она медленно добрела до отца и легла рядом с ним. Последний раз Сим видел, как его родители передвигаются.

IV

Ночь наступила и минула, и начался второй день.

Всех умерших за ночь отнесли на вершину невысокого холма. Траурное шествие было долгим: много тел.

Дак шла вместе со всеми, ведя за руку ковыляющего кое-как Сима. Он научился ходить за час до рассвета.

С холма Сим снова увидел вдали металлическое зернышко. Но больше никто туда не смотрел и никто о нем не говорил. Почему? Может быть, есть на то причина? Может быть, это мираж? Почему они не бегут туда? Не молятся на это зернышко? Почему не попробуют добраться до него и улететь в космос?

Отзвучали траурные речи. Тела положили в ряд на открытом месте, где солнце через несколько минут их кремирует.

Затем все повернули обратно и ринулись вниз по склону, спеша использовать немногие минутки свободы — побегать, поиграть, посмеяться на воздухе, пахнущем свежестью.

Дак и Сим, щебеча, будто птицы, добывали себе пищу среди скал и делились друг с другом тем, что успели узнать. Ему шел второй день, ей — третий. Обоих подхлестывал бурный темп их скоротечной жизни.

Сейчас она повернулась к ним еще одной гранью.

Из-за скал наверху, держа в сжатых кулаках острые камни и каменные ножи, выскочило полсотни молодых мужчин. С криками они помчались к невысокой черной гряде скальных зубцов вдалеке.

«Война!» — отдалось в мозгу Сима. Новая мысль оглушила его, потрясла. Эти люди побежали сражаться и убивать других людей, что живут там, среди черных скал.

Но почему? Зачем сражаться и убивать — разве жизнь и без того не чересчур коротка?

От далекого гула схватки ему стало не по себе.

— Почему, Дак, почему?

Дак не знала. Может быть, они поймут завтра. Сейчас надо есть — есть для поддержания сил и жизни. Дак напоминала ящеричку, вечно что-то нащупывающую языком, вечно голодную.

Кругом повсюду сновали бледные ребятишки. Один мальчуган юркнул, словно жучок, вверх по склону, сшиб Сима с ног и прямо перед носом у него схватил соблазнительную красную ягоду, которую тот нашел под выступом.

Прежде чем Сим успел встать, мальчуган уже управился с добычей. Сим набросился на него, они вместе упали и покатились вниз причудливым комком, пока Дак, визжа, не разняла их.

У Сима сочилась кровь из ссадин. Какая-то часть его сознания, глядя как бы со стороны, говорила: «Это не годится. Дети не должны так поступать. Это плохо!»

Дак шлепками прогнала маленького разбойника.

— Уходи отсюда! — крикнула она.— Как тебя звать, безобразник?

— Кайон! — смеясь, ответил мальчуган.— Кайон, Кайон, Кайон!

Сим смотрел на него со всей свирепостью, какую могло выразить его маленькое юное лицо. Он задыхался: перед ним был враг. Как будто Сим давно дожидался, чтобы враждебное начало воплотилось не только в окружающей среде, но и в каком-то человеке. Его сознание уже постигло обвалы, зной, холод, скоротечность жизни, но это все было связано со средой, с окружающим миром — неистовые, бессознательные проявления неодушевленной природы, порожденные гравитацией и излучением. А тут в лице этого наглого Кайона он познал врага мыслящего!

Отбежав в сторонку, Кайон остановился и ехидно прокричал:

— Завтра я буду такой большой, что смогу тебя убить!

С этими словами он исчез за камнем.

Мимо Сима, хихикая, пробегали дети. Кто из них станет его другом, кто — врагом? И как вообще за столь чудовищно, короткий жизненный срок могут возникнуть друзья и враги? Разве успеешь приобрести тех или других?

Дак, читая мысли брата, повела его дальше. Продолжая поиски пищи, она лихорадочно шептала ему на ухо:

— Украли у тебя еду — вот и враг. Подарили длинный стебель — вот и друг. Еще враждуют из-за мыслей и мнений. В пять секунд ты нажил себе смертельного врага. Жизнь так коротка, что с этим надо поторапливаться.

И она рассмеялась со странной для столь юного существа иронией, отражающей преждевременную зрелость мысли.

— Тебе надо будет биться, чтобы защитить себя. Тебя будут пытаться убить. Есть поверие, глухое поверие, будто часть жизненной энергии убитого переходит к убийце и за счет этого можно прожить лишний день. Понял? И пока кто-то в это верит, ты в опасности.

Но Сим не слушал ее. От стайки хрупких девчушек, которые завтра станут выше и стройнее, послезавтра оформятся, а еще через день найдут себе мужа, отделилась резвушка с волосами цвета фиолетово-голубого пламени.

Пробегая мимо, она задела Сима, их тела соприкоснулись. Сверкнули глаза, светлые, как серебряные монеты. И он уже знал, что обрел друга, любовь, жену, которая через неделю будет лежать с ним рядом на погребальном костре, когда солнце примется слущивать их плоть с костей.

Всего один взгляд, но он на миг заставил их окаменеть.

— Как тебя звать?— крикнул Сим вдогонку.

— Лайт!— смеясь, ответила она.

— А меня — Сим,— сказал он сконфуженно, растерянно.

— Сим!— повторила она, устремляясь дальше.— Я запомню!

Дак толкнула его в бок.

— Держи, ешь,— сказала она задумавшемуся брату.— Ешь, не то не вырастешь и не сможешь ее догнать.

Откуда ни возьмись, появился бегущий Кайон.

— Лайт!— передразнил он, ехидно приплясывая.— Лайт! Я тоже запомню Лайт!

Высокая, стройная, как хворостинка, Дак печально покачала черным облачком волос.

— Я наперед могу тебе сказать, что тебя ждет, братик. Тебе скоро понадобится оружие, чтобы сражаться за эту Лайт. Но нам пора, солнце вот-вот выйдет!

И они побежали обратно к пещере.

V

Четверть жизни позади! Минуло детство. Он стал юношей! Вечером буйные ливни хлестали долину. Сим видел, как новорожденные потоки бороздили долину, отрезая гору с металлическим зернышком. Он старался все запоминать. Каждую ночь — новая река, свежее русло.

— А что за долиной?— спросил Сим.

— Туда никто не доходил,— объяснила Дак.— Все, кто пытались добраться до равнины, либо замерзали насмерть, либо сгорали. Полчаса бега — вот предел изведанного края. Полчаса туда, полчаса обратно.

— Значит, еще никто не добирался до металлического зернышка?

Дак фыркнула.

— Ученые — они пробовали. Дурачье. Им недостает ума бросить эту затею. Ведь пустое дело. Чересчур далеко.

Ученые. Это слово всколыхнуло душу Сима. Он почти успел забыть видение, коротое представлялось ему перед самым рождением и сразу после него.

— А где они, эти Ученые?— нетерпеливо переспросил он.

Дак отвела взгляд.

— Даже если бы я знала, все равно не скажу. Они убьют тебя своими опытами. Я не хочу, чтобы ты ушел к ним! Живи сколько положено, не обрывай свою жизнь на половине в погоне за этой дурацкой штукой там, на горе.

— Узнаю у кого-нибудь другого!

— Никто тебе не скажет. Все ненавидят Ученых. Самому придется отыскивать. И допустим, что ты их найдешь... Что дальше? Ты нас спа-

сешь? Давай, спасай нас, мальчуган.— Она злилась, половина ее жизни уже прошла.

— Нельзя же только сидеть, да разговаривать, да есть,— возразил он.— И больше ничего!..

Он вскочил на ноги.

— Иди, иди, ищи их!— едко отрезала она.— Они помогут тебе забыть. Да, да.— Она выплевывала слова.— Забыть, что еще несколько дней — и твоей жизни конец!

Занявшись поиском, Сим бегом преодолевал туннель за туннелем. Иногда ему казалось, что он уже на верном пути. Но стоило спросить окружающих, в какой стороне лежит пещера Ученых, как его захлестывала волна чужой ярости, волна смятения и негодования. Ведь это Ученые виноваты что их занесло в такой ужасный мир! Сим ежился под градом бранных слов.

В одной из пещер он тихо подсел к другим детям, чтобы послушать речи взрослых мужей. Наступил Час Учения, Час Собеседования. Как ни томила его задержка, как ни терзало нетерпение при мысли о том, что поток жизни быстро иссякает и смерть надвигается, подобно черному метеору, Сим понимал, что разум его нуждается в знании. Эту ночь он проведет в школе. Но ему не сиделось. Осталось жить всего пять дней.

Кайон сидел напротив Сима, и тонкогубое лицо его выражало вызов.

Между ними появилась Лайт. За прошедшие несколько часов она еще подросла, ее движения стали мягче, поступь тверже, волосы блестели ярче. Улыбаясь, она села рядом с Симом, а Кайона словно и не заметила. Кайон насупился и перестал есть.

Пещеру наполняла громкая речь. Стремительная, как стук сердца,— тысяча, две тысячи слов в минуту. Голова Сима усваивала науку. С открытыми глазами он словно погрузился в полусон, чуткую дремоту, чем-то напоминающую внутриутробное состояние. Слова, что отдавались где-то вдалеке, сплетались в голове в гобелен знаний.

Ему представились луга, зеленые, без единого камня, сплошная трава,— широкие луга, волнами уходящие навстречу рассвету, и ни леденящего холода, ни жаркого духа обожженных солнцем камней. Он шел через эти зеленые луга. Над ним, высоко-высоко в небе, которое дышало ровным мягким теплом, пролетали металлические зернышки. И все кругом протекало так медленно, медленно, медленно...

Птицы мирно сидели на могучих деревьях, которым нужно было для роста сто, двести, пять тысяч дней. Все оставалось на своих местах, и птицы не спешили укрыться, завидев солнечный свет, и деревья не съеживались в испуге, когда их касался солнечный луч.

Люди в этом сне ходили не торопясь, бегали редко, и сердца их бились размеренно, а не в безумном, скачущем ритме. Трава оставалась травой, ее не пожирало пламя. И люди говорили не о завтрашнем дне и смерти, а о завтрашнем дне и жизни. Причем все казалось таким знакомым, что, когда кто-то взял Сима за руку, он и это принял за продолжение сна.

Рука Лайт лежала в его руке.

— Грезишь?— спросила она.

— Да.

— Это для равновесия. Жизнь устроена несправедливо, вот разум и находит утешение в картинах, которые хранит наша память.

Он несколько раз ударил кулаком по каменному полу.

— Это ничего не исправляет! К черту! Не хочу, чтобы мне напоминали о том хорошем, что я утратил! Лучше бы нам ничего не знать! Почему мы

не можем жить и умереть так, чтобы никто не знал, что наша жизнь идет не так, как надо?

Из искаженного гримасой полуоткрытого рта вырывалось хриплое дыхание.

— Все на свете имеет свой смысл,— сказала Лайт.— Вот и это придает смысл нашей жизни, заставляет нас что-то делать, что-то задумывать, искать какой-то выход.

Его глаза стали похожи на огненные изумруды.

— Я поднимался по склону зеленого холма, шел медленно-медленно,— сказал он.

— Того самого холма, на который я поднималась час назад?— спросила Лайт.

— Может быть. Что-то очень похожее. Только сон лучше яви.— Он прищурил глаза.— Я смотрел на людей, они не были заняты едой.

— А разговором?

— И разговором тоже. А мы все время едим и все время говорим. Иногда эти люди в моем сне лежали с закрытыми глазами и совсем не шевелились.

Лайт глядела на него, и тут произошла страшная вещь. Ему вдруг представилось, что ее лицо темнеет и покрывается старческими морщинами. Волосы над ушами — будто снег на ветру, глаза — бесцветные монеты в паутине ресниц. Губы обтянули беззубые десны, нежные пальцы обратились в опаленные прутики, подвешенные к омертвелому запястью. На глазах у него увядала, погибала ее прелесть. В ужасе Сим схватил Лайт за руку... и подавил рвущийся наружу крик: ему почудилось, что и его рука жухнет.

— Сим, ты что?

От вкуса этих слов у него стало сухо в рту.

— Еще пять дней...

— Ученые...

Сим вздрогнул. Кто это сказал? В тусклом свете высокий мужчина продолжал говорить:

— Ученые забросили нас на эту планету и погубили с тех пор напрасно тысячи жизней, бездну времени. Все их затеи впустую, никому не нужны. Не трогайте их, пусть живут, но и не жертвуйте им ни одной частицы вашего времени. Помните, вы живете только однажды.

Да где же они находятся, эти ненавидимые Ученые? Теперь, после Уроков, после Часа Собеседования, Сим был полон решимости их отыскать. Теперь он вооружен знанием и может начинать свою битву за свободу, за корабль!

— Сим, ты куда?

Но Сима уже не было. Эхо топота бегущих ног затерялось в переходе, выложенном гладкими плитами.

Казалось, половина ночи потрачена напрасно. Он потерял счет тупикам. Много раз на него нападали молодые безумцы, которые рассчитывали присвоить его жизненную энергию. Вдогонку ему летели их бредовые выкрики. Кожу исчертили глубокие царапины, оставленные алчными ногтями.

И все-таки Сим нашел то, что искал.

Горстка мужчин ютилась в базальтовом мешке в недрах горы. На столе перед ними лежали неведомые предметы, вид которых, однако, родил отзвук в душе Сима.

Ученые работали по группам — старики решали важные задачи, молодые обучались, задавали вопросы; было здесь и трое детей. Все вместе

образовали звенья единого процесса. Каждые восемь дней состав группы, работающей над той или иной проблемой, полностью обновлялся. Общая отдача была до нелепости мала. Ученые старились и умирали, едва достигнув творческой зрелости. Созидательная пора каждого составляла от силы двенадцать часов. Три четверти жизни уходило на учение, а за короткой порой творческой отдачи тут же следовали дряхлость, безумие, смерть.

Все обернулись, когда вошел Сим.

— Неужели пополнение?— сказал самый старый.

— Не думаю,— заметил другой, помоложе.— Гоните его прочь. Это, должно быть, один из тех, что подстрекают людей воевать.

— Нет-нет,— возразил старик. Шаркая по камню босыми ступнями, он подошел к Симу.— Входи, мальчик, входи.

Глаза у него были приветливые, уравновешенные, не такие, как у порывистых жителей верхних пещер. Серые спокойные глаза.

— Что тебе нужно?

Сим смешался и опустил голову, не выдержав спокойного ласкового взгляда.

— Жить,— прошептал он.

Старик негромко рассмеялся. Потом тронул Сима за плечо.

— Ты из какой-нибудь новой породы? Или, может быть, ты больной?— допытывался он почти всерьез.— Почему ты не играешь? Почему не готовишь себя к поре любви, к женитьбе, к отцовству? Разве ты не знаешь, что завтра вечером будешь почти взрослым? Не понимаешь, что жизнь пройдет мимо тебя, если ты не будешь осмотрительным?

Старик смолк.

С каждым вопросом глаза Сима переходили с предмета на предмет. Сейчас он смотрел на приборы на столе.

— Мне не надо было сюда приходить?— спросил он.

— Конечно, надо было,— прогремел старик.— Но это чудо, что ты пришел. Вот уже тысяча дней, как мы не получали пополнения извне! Приходится самим выращивать ученых, в собственной закрытой системе; Сосчитай-ка нас! Шесть! Шестеро мужчин! И трое детей. Могучая сила, верно?— Старик плюнул на каменный пол.— Мы зовем добровольцев, а нам отвечают: «Обратитесь к кому-нибудь другому!» Или: «Нам некогда!» А знаешь, почему они так говорят?

— Нет.— Сим пожал плечами.

— Потому что каждый думает о себе. Конечно, им хочется жить дольше, но они знают, что, как бы ни старались, вряд ли им лично прибавится хоть один день. Возможно, потомки будут жить дольше. Но ради потомков они не согласны жертвовать своей любовью, своей короткой юностью, даже хотя бы одним часом заката или восхода!

Сим прислонился к столу.

— Я понимаю,— серьезно сказал он.

— Понимаешь?— Старик рассеянно посмотрел на Сима. Потом вздохнул и ласково потрепал его по руке.— Ну конечно, понимаешь. Можно ли требовать от кого-нибудь, чтобы понимал больше. Ты молодец.

Остальные окружили кольцом Сима и старика.

— Мое имя Дайнк. Завтра ночью мое место займет Корт. Я к тому времени умру. На следующую ночь кто-то другой сменит Корта, а потом придет твоя очередь, если ты будешь трудиться и верить. Но прежде я хочу дать тебе подумать. Возвращайся к своим товарищам по играм, если хочешь. Ты кого-нибудь полюбил? Возвращайся к ней. Жизнь коротка. С какой стати тебе печалиться о тех, кто еще не родился! У тебя есть право

на юность. Ступай, если хочешь. Ведь если ты останешься, все твое время уйдет только на то, чтобы трудиться, стариться и умереть за работой. Правда, ты будешь делать доброе дело. Ну?

Сим оглянулся на туннель. Где-то там завывал ветер, и пахло варевом, и шлёпали босые ноги, и звучал, радуя сердце, молодой смех. Он сердито дернул головой, на глазах его блеснула влага.

— Я остаюсь,— сказал он.

VI

Третья ночь и третий день остались позади. Наступила четвертая ночь. Сим втянулся в жизнь ученых. Ему рассказали про металлическое зернышко на вершине далекой горы. Рассказали про много зернышек — так называемые «корабли», и как они потерпели крушение, про то, как уцелевшие, которые укрылись среди скал, начали быстро стариться и в отчаянной борьбе за жизнь забыли все науки. В такой вулканической цивилизации знание механики не могло сохраниться. Всякий жил только настоящей минутой.

О вчерашнем дне никто не думал, завтрашний день зловеще глядел в глаза. Но та самая радиация, которая ускорила старение, породила и своего рода телепатическое общение, помогающее новорожденным воспринимать и осмысливать. А получившая силу инстинкта наследственная память сохранила картины других времен.

— Почему мы не пробуем добраться до корабля на горе?— спросил Сим.

— Слишком далеко. Понадобится защита от солнца,— объяснил Дайнк.

— Вы пробовали придумать защиту?

— Мази и втирания, одеяния из камня и птичьих перьев, а также в последнее время — из жестких металлов. Но ничто не помогает. Еще десять тысяч поколений, и нам, возможно, удастся изготовить охлаждаемый водой панцирь, который защитит нас на пути к кораблю. Но мы работаем очень медленно и все на ощупь. Сегодня утром я, зрелый муж, взял в руки инструмент. Завтра, умирая, отложу его. Что может сделать человек за один день? Будь у нас десять тысяч человек, задачу удалось бы решить...

— Я пойду к кораблям,— сказал Сим.

— И погибнешь,— произнес старик в тишине, воцарившейся после слов Сима. Все смотрели на мальчика.— Ты очень эгоистичный юноша.

— Эгоистичный?— возмутился Сим.

Старик повел рукой в воздухе.

— Но такой эгоизм мне по душе. Ты хочешь жить дольше и готов все для этого сделать. Хочешь добраться до корабля. Но я говорю тебе, что ничего не выйдет. И все же, если ты будешь настаивать, я не смогу тебе помешать. По крайней мере ты не уподобишься тем из нас, которые уходят на войну, чтобы выиграть несколько лишних дней жизни.

— На войну? — переспросил Сим.— О какой войне тут может быть речь?

По его телу пробежала дрожь. Непонятно...

— Об этом завтра,— сказал Дайнк.— А сейчас слушай.

Ещё одна ночь прошла.

VII

Настало утро. По одному из ходов, крича и плача, прибежала Лайт и упала прямо в объятия Сима. Она опять изменилась. Стала еще старше и еще прекраснее. Дрожа, она прижималась к нему.

— Сим, они идут за тобой!

В туннеле нарастал, приближаясь, звук шагающих босых ног. Показался Кайон. Он тоже вытянулся в длину, и в каждой его руке было по острому камню.

— А, вот ты где, Сим!

— Уходи!— яростно крикнула Лайт, замахиваясь на него.

— Без Сима не уйдем,— твердо ответил Кайон. И, улыбаясь, повернулся к Симу.— Если, конечно, он готов сражаться вместе с нами.

Дайнк, волоча ноги, вышел вперед, его глаза часто мигали, худые руки трепетали по-птичьи в воздухе.

— Ступайте!— гневно произнес он тонким голосом.— Этот юноша теперь Ученый. Он работает с нами.

Кайон перестал улыбаться.

— Его ждет работа получше этой. Мы идем воевать с обитателями дальних скал.— Глаза Кайона беспокойно блестели.— Ты ведь пойдешь с нами, Сим?

— Нет, нет!— Лайт повисла на руке Сима.

Сим погладил ее плечо, потом обернулся к Кайону.

— Почему вы решили напасть на тех людей?

— Три лишних дня ждут того, кто пойдет с нами.

— Три лишних дня? Три дня жизни?

Кайон уверенно кивнул.

— Если мы победим, будем жить вместо восьми одиннадцать дней. Там, где они живут, в скалах есть особая горная порода, она защищает от радиации! Подумай, Сим, три долгих славных дня жизни. Идешь с нами?

— Идите без него,— вмешался Дайнк.— Сим — мой ученик!

Кайон фыркнул.

— Шел бы ты умирать, старик. Сегодня на закате от тебя останутся одни обугленные кости. Кто ты такой, чтобы командовать нами? Мы молоды, мы хотим жить дольше.

Одиннадцать дней. Невероятно. Одиннадцать дней. Теперь Сим понимал, что порождает войны. Кто не пойдет воевать за то, чтобы почти наполовину продлить свою жизнь? Столько лишних дней жизни! Да. В самом деле, почему нет?

— Три лишних дня,— произнес скрипучий голос Дайнка.— Если вы до этого доживете. Если вас не убьют в бою. Если. Если! Вы еще никогда не побеждали. Всегда проигрывали!

— Но на этот раз,— твердо заявил Кайон,— мы победим!

Сим недоумевал.

— Но мы ведь все одной крови. Почему нельзя вместе жить там, где скалы защищают лучше?

Кайон рассмеялся, сжимая в руке острый камень.

— Те, кто там живет, считают себя лучше нас. Так всегда думает тот, кто сильнее. К тому же и пещеры там меньше, в них помещается только триста человек.

Три лишних дня.

— Я пойду с вами,— сказал Сим Кайону.

— Отлично!— Что-то Кайон уж очень обрадовался.

Дайнк порывисто вздохнул.

Сим повернулся к Дайнку и Лайт.

— Если я сумею победить в бою, то окажусь ближе к кораблю. И у меня в запасе будет три лишних дня, чтобы попытаться дойти до него. Кажется, у меня просто нет выбора.

Дайнк печально кивнул.

— Да, это так. Я верю тебе. Ступай же.

— Прощайте,— сказал Сим.

Лицо старика отразило удивление, потом он рассмеялся, словно в ответ на беззлобную шутку.

— Верно, ведь я тебя больше не увижу... Ну что ж, прощай.

И они пожали друг другу руку.

Все вместе: Кайон, Сим, Лайт и другие — дети, быстро вырастающие в бойцов,— покинули пещеру Ученых. Огонек в глазах Кайона не сулил ничего доброго.

Лайт пошла с Симом. Она собрала для него камни и понесла их. Уходить домой отказалась, сколько он ее ни убеждал. Они шагали через долину: близился восход.

— Прошу тебя, Лайт, ступай домой!

— Чтобы ждать возвращения Кайона?— сказала она.— Он решил, что я стану его женой, когда ты умрешь.

Она сердито тряхнула своими неправдоподобно голубыми кудрями.

— Нет, я пойду с тобой. Если ты погибнешь в бою, я тоже погибну.

Лицо Сима посуровело. Он сильно вырос. За ночь мир словно съежился. Стайки детей, которые с ликующими криками собирали плоды, вызвали у него удивление, даже недоумение: неужели он сам всего три дня назад был таким? Странно. В голове Сима отложился гораздо более долгий срок, как будто он на самом деле прожил тысячу дней. Пласт событий и размышлений в его сознании был таким мощным, таким многоцветным и многообразным, что просто не верилось — да разве могло столько всего произойти за считанные дни?

Бойцы бежали по двое, по трое. Сим посмотрел вперед, на торчащие вдали невысокие черные зубцы. «Сегодня мой четвертый день,— сказал он себе.— А я еще ни на шаг не приблизился к кораблю, ни к чему не приблизился, даже к той,— он слышал рядом легкую поступь Лайт,— которая несет мое оружие и собирает для меня спелые ягоды».

Половина жизни прошла. Или одна треть... Если он выиграет эту битву. Если.

Сим бежал легко, упруго, непринужденно. «Сегодня я как-то особенно остро ощущаю свое бытие. Я бегу и ем, ем и расту, расту и с замиранием сердца обращаю взгляды на Лайт. И она тоже с нежностью глядит на меня... День нашей юности... Неужели мы тратим его впустую? Расходуем на вздор, на химеру?»

Издалека донесся смех. В детстве смех настораживал Сима. Теперь он его понимал. Этот смех родился в душе человека, который взбирался на высокие скалы, собирал там зеленые листья, пил хмельное вино с утренних сосулек, ел горные плоды и впервые вкушал сладость юных губ.

Вот уже близко скалы противника.

А у Сима перед глазами — стройная осанка Лайт. Он словно впервые открыл для себя ее шею, коснувшись которой можно сосчитать биение сердца, и пальцы, которые трепетно льнут к твоим пальцам, и...

Лайт резко повернулась.

— Гляди вперед!— крикнула она.— Следи за тем, что предстоит... Гляди только вперед.

У него было такое чувство, словно они пробегают мимо большого куска своей жизни, вся юность остается позади, и даже некогда оглянуться.

— Глаза устали смотреть на камни,— сказал он на бегу.

— Найди себе новые камни!

— Я вижу камни...— Голос его стал ласковым, как ее ладонь. Ландшафт уплывал назад. Сим будто летал в объятиях нежного дремотного ветерка.— Вижу камни, ущелье, прохладную тень и каменные ягоды густо, как роса. Тронешь камень, и ягоды сыплются вниз беззвучной красной лавиной, и травы такие шелковистые.

— Не вижу!— Она побежала быстрее, глядя в другую сторону.

Он видел пушок на ее шее — будто тонкий серебристый мох на холодной стороне булыжников, что колышется от легчайшего дыхания. Потом представил самого себя, с напряженно сжатыми кулаками, мчащегося вперед, навстречу смерти. На его руках вздулись упругие жилы.

Лайт протянула ему какую-то пищу.

— Я не хочу есть,— сказал он.

— Ешь, ешь как следует,— строго велела она.— Чтобы были силы для битвы.

— Господи!— с болью воскликнул он.— Кому нужны эти битвы!

Навстречу им вниз по склону запрыгали камни. Один из бойцов упал с расколотым черепом. Война началась.

Лайт передала Симу оружие. Дальше они бежали без слов до самого боевого рубежа.

Сверху, из-за бастионов противника, на них обрушился искусственный обвал.

Теперь одна мысль владела Симом. Убивать, лишать жизни других, чтобы жить самому, закрепиться здесь, продлить свою жизнь и попробовать достичь корабля. Он приседал, уклонялся, хватал камни и метал их вверх. В левой руке у него был плоский каменный щит, которым он отбивал летящие сверху обломки. Кругом раздавались хлопки. Лайт бежала рядом, ободряя его. Один за другим впереди упали двое, оба убиты наповал — грудь распорота до кости, кровь бьет фонтаном...

И ведь все понапрасну. Сим мгновенно осознал бессмысленность затеянной ими схватки. Штурмом эту скалу не взять. Глыбы катились сверху сплошной лавиной. Десять бойцов пали с черными осколками в мозгу, еще у пятерых плетью повисли переломанные руки. Кто-то вскрикнул — белый коленный сустав торчал из кожи, распоротой метко брошенными кусками гранита. Атакующие спотыкались о тела убитых.

На скулах Сима заиграли желваки, он уже клял себя за то, что пришел сюда. И все-таки, прыгая то в одну, то в другую сторону, нырками уклоняясь от камней, он упорно смотрел вверх, на черные скалы. Жить там и сделать заветную попытку — это желание было сильнее всего. Он должен добиться своего! Но мужество было готово покинуть его.

Лайт пронзительно вскрикнула. Сим обернулся, обомлев от испуга, и увидел, что рука ее перебита, из рваной раны поперек запястья хлестала кровь. Она зажала руку под мышкой, чтобы умерить боль. Ярость вскольхнулась в его душе, он неистово рванулся вперед, бросая камни с убийственной точностью. Вот от меткого броска вражеский боец упал как подкошенный и покатился вниз по уступам. Наверно, Сим что-то кричал, потому что легкие его толчками извергали воздух и в горле саднило, а земля стремительно убегала назад.

Камень ударил его по голове и опрокинул на землю. На зубах захрустел песок. Мир рассыпался на багровые завитушки. Сим не мог встать. Он лежал и думал, что вот и пришел его последний день, последний час.

Кругом продолжала кипеть схватка, и в полузабытьи он ощутил, как над ним наклонилась Лайт. Руки ее охладили его лоб, она хотела оттащить Сима в безопасное место, но он лежал, хватая ртом воздух и твердил, чтобы она бросила его.

— Стой!— крикнул чей-то голос.

Казалось, война на миг приостановилась.

— Назад!— быстро скомандовал тот же голос.

Лежа на боку, Сим увидел, как его товарищи повернули и побежали назад, домой.

— Солнце восходит, наше время кончилось!

Он проводил взглядом мускулистые спины, мелькающие в беге ноги. Мертвых оставили лежать на поле боя. Раненые взывали о помощи. Но разве сейчас до раненых! Только бы стремглав одолеть бесславный путь домой и с опаленными легкими нырнуть в пещеры, прежде чем беспощадное солнце настигнет их и убьет.

Солнце!

Кто-то бежал в сторону Сима. Это был Кайон! Шепча ободряющие слова, Лайт помогла Симу встать.

— Идти сможешь?— спросила она.

— Кажется, смогу,— простонал он.

— Тогда пошли,— продолжала она.— Сперва потише, потом быстрей и быстрей. Мы дойдем, я знаю, что дойдем.

Сим выпрямился, шатаясь. Подбежал Кайон — лицо искажено свирепыми складками, сверкающие глаза еще не остыли после битвы. Оттолкнув Лайт, он схватил острый камень и резким ударом распорол Симу ногу. Ударил молча, без единого звука.

Потом отступил назад, по-прежнему не говоря ни слова, только осклабился, будто ночной хищник. Грудь его тяжело вздымалась, глаза переходили с окровавленной ноги на Лайт и обратно. Наконец он отдышался.

— Он не дойдет.— Кайон кивком указал на Сима.— Придется нам оставить его здесь. Пошли, Лайт.

Лайт кошкой набросилась на Кайона, норовя добраться до его глаз. Тонкий визг вырвался сквозь ее оскаленные зубы, пальцы молниеносно прочертили глубокие кровавые борозды на бицепсах, затем на шее Кайона. С бранью Кайон отпрянул от Лайт. Она бросила в него камнем. Он увернулся и, рыча, отбежал еще на несколько ярдов.

— Дура!— презрительно крикнул он.— Идем со мной. Сим умрет через несколько минут. Пошли!

Лайт повернулась к нему спиной.

— Если ты меня понесешь.

Кайон изменился в лице. Блеск в его глазах пропал.

— Времени мало. Мы оба погибнем, если я тебя понесу.

Лайт смотрела на него как на пустое место.

— Неси же, я так хочу.

Не говоря ни слова, Кайон испуганно глянул на полосу алеющей зари и побежал. Его шаги умчались вдали и затихли.

— Хоть бы упал и шею себе сломал,— прошептала Лайт, яростно глядя на пересекающий ущелье силуэт. Она повернулась к Симу.— Можешь идти?

От раны боль растекалась по всей ноге. Сим иронически кивнул.

— Если идти, часа за два доберемся. Но мы останемся здесь.

— Почему?

— Мы пришли сюда, чтобы отвоевать себе новую обитель. Если пойдем обратно — умрем. Лучше уж я умру здесь. Сколько времени нам осталось?

Вместе они посмотрели туда, где всходило солнце.

— Несколько минут,— тусклым бесцветным голосом сказала она, прижимаясь к нему.

Солнечный свет хлынул из-за горизонта, и на черных скалах появились багровые и коричневые подпалины.

Глупец он! Надо было остаться и работать вместе с Дайнком, размышлять и мечтать.

Жилы на шее Сима вздулись, он ввызывающе закричал, обращаясь к жителям черных пещер:

— Эй, вышлите кого-нибудь сюда на поединок!

Молчание. Голос отразился от скал. Стало жарко.

— Ни к чему это,— сказала Лайт.— Они не отзовутся.

— Слушайте!— снова закричал Сим. Раненая нога ныла от пульсирующей боли, он перенес вес на здоровую и взмахнул кулаком.— Вышлите сюда воина, да не труса! Я не убегу домой! Я пришел сразиться в честном поединке! Вышлите бойца, который готов воевать за право на свою пещеру! Я убью его!

По-прежнему молчание. Над ними прокатилась волна зноя.

— Эй,— с издевкой кричал Сим, широко раскрыв рот, закинув голову назад, оперев руки на голые бедра,— неужели не найдется среди вас человека, который отважится сразиться с калекой?

Молчание.

— Нет?

Молчание.

— Значит, я в вас ошибся. Просчитался. Ладно, останусь здесь, пока солнце не снимет черную стружку с моих костей, и буду вас поносить так, как вы этого заслуживаете.

Ему ответили.

— Я не люблю, когда меня поносят,— крикнул мужской голос.

Сим наклонился вперед, забыв об искалеченной ноге.

В устье пещеры на третьем ярусе показался плечистый силач.

— Спускайся,— твердил Сим.— Спускайся, толстяк, прикончи меня.

Секунду противник разглядывал Сима из-под насупленных бровей, затем медленно побрел вниз по тропе. В руках у него не было никакого оружия. В ту же секунду из всех пещер высунулись головы зрителей предстоящей драмы.

Чужак подошел к Симу.

— Сражаться будем по правилам, если ты их знаешь.

— Узнаю по ходу дела,— ответил Сим.

Его ответ понравился противнику, он посмотрел на Сима внимательно, но без неприязни.

— Вот что,— великодушно предложил он,— если ты погибнешь, я приму твою спутницу под свой кров, и пусть живет без забот, потому что она жена доброго воина.

Сим быстро кивнул.

— Я готов,— сказал он.

— А правила простые. Руками друг друга не касаемся, наше оружие — камни. Камни и солнце убьют кого-то из нас. Теперь приступим...

VIII

Показался краешек солнца.

— Меня зовут Нхой.— Противник Сима небрежно поднял горсть камней и взвесил их на ладони.

Сим сделал так же. Он хотел есть. Уже много минут он ничего не ел. Голод был бичом жителей этой планеты, пустые желудки непрерывно требовали еще и еще пищи. Кровь вяло струилась по жилам, с жарким звоном стучала в висках, грудная клетка вздымалась, и опадала, и снова порывисто вздымалась.

— Давай!— закричали триста зрителей со скал.— Давай!— требовали мужчины, женщины и дети, облепившие уступы.— Ну! Начинайте!

Словно по сигналу взошло солнце. Оно ударило бойцов будто плоским раскаленным камнем. Они даже качнулись, на обнаженных бедрах и спинах тотчас выступили капли пота, лица и ребра заблестели, как стеклянные.

Силач переступил с ноги на ногу и поглядел на солнце, как бы не торопясь начинать поединок. Вдруг беззвучно, без малейшего предупреждения, молниеносным движением указательного и большого пальцев он выстрелил камень. Снаряд поразил Сима в щеку, он невольно попятился, и дикая боль ракетой метнулась вверх по раненой ноге и взорвалась в желудке. Он ощутил вкус просочившейся в рот крови.

Нхой хладнокровно продолжал обстрел. Еще три неуловимых движения его ловких рук, и три маленьких, безобидных по видимости камешка, словно свистящие птицы, рассекли воздух. Каждый их них нашел и поразил свою цель — нервные узлы! Один ударил в живот, и все съеденное Симом за предшествующие часы чуть не выскочило наружу. Второй поразил лоб, третий — шею. Сим рухнул на раскаленный песок. Колени его резко стукнули о твердый грунт. Лицо стало мертвенно бледным, плотно зажмуренные глаза проталкивали слезы между горячими подрагивающими веками. Но в падении Сим успел с отчаянной силой метнуть свою горсть камней!

Они просвистели в воздухе. Один из них, только один, попал в Нхоя. Прямо в левый глаз. Нхой застонал и закрыл руками изувеченное глазное яблоко.

У Сима вырвался горький всхлипывающий смешок. Хоть тут ему повезло. Глаза противника — мера его успеха. Это даст ему... время. «Господи,— подумал он, борясь со спазмой в желудке, жадно хватая ртом воздух,— живем в мире времени. Мне бы еще хоть немного, хоть крошечку!»

Окривевший Нхой, шатаясь от боли, обрушил град камней на корчащееся тело Сима, но меткость ему изменила, и камни либо пролетали мимо, либо попадали в противника уже на излете, потеряв грозную силу.

Сим заставил себя привстать. Краешком глаза он видел, как Лайт напряженно глядит на него, тихо выговаривая ободряющие и обнадеживающие слова. Он купался в собственном поту, будто его окатило ливнем.

Солнце целиком вышло из-за горизонта. Его можно было обонять. Камни отливали зеркальным блеском, песок зашевелился, забурлил. Во всех концах долины возникали миражи. Вместо одного бойца перед Симом, готовясь метнуть очередной снаряд, стояли во весь рост десяток Нхоев. Десяток озаренных грозным золотистым сиянием волонтеров вибрировали в лад, как бронзовые гонги!

Сим лихорадочно дышал. Ноздри его расширялись и слипались, рот жадно глотал огонь вместо кислорода. Легкие горели, будто факелы из нежной ткани, пламя пожирало тело. Исторгнутый порами пот тотчас ис-

парялся. Он чувствовал, как тело сжимается, ссыхается, и мысленно увидел себя таким, каким был его отец — старым, чахлым, одряхлевшим! Песок... куда он делся? Есть ли силы двигаться? Да. Земля дыбилась под Симом, но он все-таки поднялся на ноги.

Перестрелки больше не будет.

Он понял это, с трудом разобрав слова, которые доносились сверху, со скал. Опаленные солнцем зрители кричали, осыпая его насмешками и подбадривая своего воина.

— Стой твердо, Нхой, береги свои силы теперь! Стой прямо, потей!

И Нхой стоял, покачиваясь медленно, словно маятник, подталкиваемый раскаленным добела дыханием небес.

— Не двигайся, Нхой, береги сердце, береги силы!

— Испытание, испытание!— повторяли люди вверху.— Испытание солнцем.

Самая тяжелая часть поединка... Напрягаясь, Сим глядел на расплывающиеся очертания скал, и ему чудились его родители: отец с убитым лицом и воспаленными зелеными глазами, мать — седые волосы, будто стелющийся дым.

За его спиной тонко всхлипнула Лайт. Послышался удар мягкого тела о песок... Она упала. И нельзя обернуться. На это потребуется усилие, которое может повергнуть его в пучину боли и тьмы.

У Сима подкосились ноги. «Если я упаду,— подумал он,— останусь здесь лежать и превращусь в пепел. Так, а где Нхой?» Нхой стоял в нескольких шагах от него, понурый, весь в поту, вид такой, будто на хребет его обрушился молот.

«Упади, Нхой! Упади!— твердил Сим про себя.— Упади, упади! Упади, чтобы я мог занять твою обитель!»

Но Нхой не падал. Один за другим из его слабеющей руки на накаленный песок сыпались камни, зубы Нхоя обнажились, слюна выкипела на губах, глаза остекленели. А он все не падал. Велика была в нем воля к жизни. Он держался, словно подвешенный на канате.

Сим упал на одно колено.

Торжествующее «Аааа!» отдалось в скалах наверху. Они там знали: это смерть. Сим вскинул голову с какой-то деревянной, растерянной улыбкой, словно его поймали на нелепом, дурацком поступке.

— Нет,— убеждал он себя, как во сне,— нет...

И снова встал.

Дикая боль превратила его в сплошной гудящий колокол. Все вокруг звенело, шипело, клокотало. Высоко в горах скатилась лавина — беззвучно, будто спустился занавес, закрывающий сцену. Тишина, полная тишина, если не считать этого назойливого гудения. Перед взором Сима стояло уже полсотни Нхоев в кольчугах из пота: глаза искажены мукой, скулы выпирают, губы растянуты, будто лопнувшая кожура перезрелого плода. Но незримый канат все еще держал его.

— Ну вот.— Сим с трудом ворочал запекшимся языком между жарко поблескивающими зубами.— Сейчас я упаду, и буду лежать, и видеть сны.

Он произнес это медленно, стараясь продлить удовольствие. Заранее представил себе, как это будет. Как именно он все это проведет. Уж он постарается в точности выполнить программу. Сим поднял голову — проверил, наблюдают ли за ним зрители.

Они исчезли!

Солнце прогнало их. Всех, кроме одного-двух, самых упорных. Сим пьяно рассмеялся и стал смотреть, как на его онемевших руках выступают капли пота, срываются, летят вниз и, не долетев до песка, испаряются.

Нхой упал.

Незримый канат лопнул. Нхой рухнул плашмя на живот, изо рта у него выскочил сгусток крови. Закатившиеся глаза бузумно сверкали глухими белками.

Упал Нхой. И вместе с ним упали все пятьдесят его призрачных двойников.

Над долиной гудели и пели ветры, и глазам Сима представилось голубое озеро с голубой рекой, и белые домики вдоль реки, и люди — кто входил или выходил из дома, кто гулял среди высоких зеленых деревьев. Деревья на берегу реки-миража были в семь раз больше человеческого роста.

— Вот теперь,— сказал себе, наконец, Сим,— теперь я могу падать. Прямо.. в это... озеро.

Он упал ничком.

Но что это такое? Чьи-то руки поспешно подхватили его, подняли и стремительно понесли, держа высоко в ненасытном воздухе, будто пылающий на ветру факел.

«Это и есть смерть?» — удивился Сим и канул в кромешный мрак.

Его привели в себя струи холодной воды, которой ему плескали в лицо.

Он нерешительно открыл глаза. Лайт, положив его голову себе на колени, бережно кормила его. Сим было голоден и измучен, но все мгновенно заслонил страх. Превозмогая слабость, он приподнялся: над ним были своды какой-то незнакомой пещеры.

— Сколько времени прошло?— строго спросил он.

— День еще не кончился. Лежи спокойно,— сказала она.

— День не кончился!

Она радостно кивнула.

— Ты не потерял ни одного дня жизни. Это пещера Нхоя. Нас защищают черные скалы. Мы проживем три лишних дня. Доволен? Ложись.

— Нхой умер?— Он откинулся на спину, напряженно дыша, сердце отчаянно колотилось в ребра. Но вот постепенно Сим отдышался.— Я победил, победил,— прошептал он.

— Нхой умер. И мы чуть не погибли. Нас подобрали в последнюю минуту.

Он принялся жадно есть.

— Нельзя терять ни минуты. Мы должны набраться сил. Моя нога...

Он поглядел на ногу, ощупал ее. Она была обмотана длинными желтыми стеблями, боль совсем исчезла. Вот и теперь, можно сказать на глазах, лихорадочный ток крови вовсю работал, продолжая свое исцеляющее действие под повязкой. «До заката нога должна быть здорова,— сказал он себе.— Должна».

Сим встал и, прихрамывая, начал ходить взад-вперед, будто пойманный зверь. Он ощутил взгляд Лайт, но не мог заставить себя ответить на него. В конце-концов все-таки обернулся.

Однако она заговорила первая.

— Ты хочешь идти дальше к кораблю?— мягко спросила Лайт.— Сегодня вечером? Как только зайдет солнце?

Он набрал в легкие воздух, потом выдохнул.

— Да.

— А до завтра подождать нельзя?

— Нет.

— Тогда я иду с тобой.

— Нет!

— Если начну отставать, не жди меня. Здесь мне все равно не жизнь.

Долго и пристально они смотрели друг на друга. Он безнадежно пожал плечами.

— Ладно. Я знаю, тебя не отговорить. Пойдем вместе.

XI

Они ожидали в устье своей новой обители. Наступил закат. Камни настолько остыли, что по ним можно было ходить. Вот-вот придет пора выскакивать наружу и бежать к далекому, отливающему металлическим блеском зернышку на горе.

Скоро пойдут дожди. Сим представлял себе картины, которые не раз наблюдал: как ливень собирается в ручьи, а ручьи образуют реки, каждую ночь пробивающие новые русла. Сегодня река течет на север, завтра — на северо-восток, на третью ночь — строго на запад. Могучие потоки без конца бороздили долину шрамами. Старые русла заполнялись обвалами. Следующий день рождал новые. Реки, их направление — вот о чем он много часов думал снова и снова. Ведь очень может быть, что... Ладно, время покажет.

Сим заметил, что здесь и пульс реже и все жизненные процессы замедлились. Это особая горная порода защищала их от солнечной радиации. Конечно, ток жизни и тут оставался стремительным, но не настолько.

— Пора, Сим!— крикнула Лайт.

Они побежали. Бежали в промежутке между двумя смертями — испепеляющей и леденящей. Бежали вместе от скал к манящему кораблю. Никогда в жизни они так не бегали. Настойчиво, упорно их бегущие ноги стучали по широким каменным плитам вниз по склонам, вверх по склонам и дальше — вперед, вперед... Воздух царапал их легкие, как наждаком. Черные скалы безвозвратно ушли назад. Они не ели на бегу. Оба еще в пещере наелись вдоволь, чтобы сберечь время. Теперь только бежать: выбросить вверх ногу, мах назад согнутой в локте рукой, мышцы предельно напряжены, рот жадно пьет воздух, который из жгучего стал освежающим.

— Они глядят на нас.

Сквозь стук сердца слух его уловил прерывающийся голос Лайт.

Кто глядит?.. А, конечно, скальное племя. Когда в последний раз происходила подобная гонка? Тысячу, десять тысяч дней назад? Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то, решив попытать счастья, мчался во весь опор, провожаемый взглядами целого народа, сквозь овраги и через студеную равнину? Может быть, влюбленные на минуту забыли о смехе и пристально смотрят на две крохотные точки, на мужчину и женщину, что бегут навстречу своей судьбе? Может быть, дети, уписывая спелые плоды, оторвались от игр, чтобы посмотреть на эту гонку со временем? Может быть, Дайнк еще жив и, щуря тускнеющие глаза под насупленными бровями, скрипучим, дрожащим голосом кричит что-то ободряющее и машет скрюченной рукой? Может быть, их осыпают насмешками? Называют глупцами, болванами? И звучит ли в язвительном хоре хоть один голос, желающий им удачи, надеющийся, что они достигнут корабля?

Сим глянул на небо, уже тронутое приближающейся ночью. Из ничего возникли облака, и пелена дождя пересекла ущелье в двустах ярдах перед ними. Молнии били в вершины вдали, в смятенном воздухе распространился резкий запах озона.

— Полпути,— выдохнул Сим и увидел, как Лайт, повернув лицо, с тоской глядит на все, что они оставляли позади.— Теперь решай, если возвращаться, еще есть время. Через минуту...

В горах прорычал гром. Где-то вверху родился маленький обвал, который уже могучей лавиной рухнул в глубокую расщелину. Капли дождя покрыли пупырышками гладкую белую кожу Лайт. В одну минуту волосы ее стали влажными и блестящими.

— Поздно,— перекричала она хлесткий стук собственных босых ног.— Теперь осталось только бежать вперед!

Да, в самом деле поздно. Сим прикинул расстояние и убедился, что возврата нет.

Ногам больно... Он побежал медленнее. Вдруг подул ветер. Холодный, пронизывающий. Но так как он дул сзади, то больше помогал, чем мешал бежать. «Добрый знак?» — спросил себя Сим. Нет. Потому что с каждой минутой становилось все яснее, как плохо он угадал расстояние. Время тает, а до корабля еще так далеко. Он ничего не сказал, но бессильная злоба на немощность собственных мышц вылилась жгучими слезами.

Сим знал, что Лайт думает так же, как он. Но она летела вперед белой птицей, словно и не касаясь земли. Он слышал ее дыхание — воздух входил в ее горло, будто острый кинжал в ножны.

Мрак захватил полнеба. Первые звезды проглянули между длинными прядями черных туч. Молния прочертила дорожку на гребне прямо перед ними. Гроза обрушилась на них стеной ливня и электрических разрядов.

Они скользили и спотыкались на мшистых камнях. Лайт упала, у нее вырвался гневный возглас, она поспешила подняться на ноги. Тело ее было в ссадинах и потеках грязи. Ливень хлестал ее.

Рыдание неба обрушилось на Сима. Струи дождя залили глаза, ручейки побежали вниз по спине, и он тоже готов был рыдать.

Лайт упала и осталась лежать. Она с трудом дышала, ее била дрожь.

Он поднял ее, поставил на ноги.

— Беги, Лайт, прошу тебя, беги!

— Оставь меня, Сим. Ступай, живей!— Она чуть не захлебнулась дождем. Всюду была вода.— Не трудись впустую. Беги без меня.

Он стоял, скованный холодом и бессилием, мысли его иссякали, огонек надежды готов был угаснуть. Кругом только мрак, холодные плети падающей воды и отчаяние...

— Тогда пойдем,— сказал он.— Будем идти и отдыхать.

Они пошли медленно, не торопясь, будто дети на прогулке. Овраг перед ними до краев заполнился потоком, и вода с торопливым бурлящим звуком устремилась к горизонту.

Сим что-то крикнул. Увлекая за собой Лайт, он опять побежал.

— Новое русло!— Он показал рукой.— Каждый день дождь прокладывает новое русло. За мной, Лайт!

Он наклонился над водой и нырнул, не выпуская руки Лайт.

Поток нес их, как щепки. Они силились держать головы над водой, чтобы не захлебнуться. Берега быстро убегали назад. С бешеной силой стискивая пальцы Лайт, Сим чувствовал, как стремнина бросает и кружит его, видел, как сверкают молнии в высоте, и в душе его родилась новая иступленная надежда. Бежать дальше нельзя — что ж, тогда вода поработает на них!

Бурная хватка новой недолговечной реки колотила Сима и Лайт о камни, распарывала плечи, сдирала кожу с ног.

— Сюда!— Голос Сима перекрыл раскат грома.

Лихорадочно загребая рукой, он поплыл к противоположной стороне оврага. Гора, на которой лежит корабль, прямо перед ними. Нельзя допустить, чтобы их пронесло мимо. Они упорно сражались с неистовой вла-

гой, и их прибило к нужному берегу. Сим подпрыгнул, поймал руками нависший камень, ногами стиснул Лайт и медленно подтянулся вверх.

Гроза прекратилась так же быстро, как началась. Молнии потухли. Дождь перестал. Тучи растаяли и растворились в небе. Ветер еще пошептал и смолк.

— Корабль!— Лайт лежала на земле.— Корабль, Сим. Это та самая гора.

А к ним уже подкрадывалась стужа. Смертная стужа.

Ворясь с изнеможением, они побрели вверх по склону. Холод лизал их тело, ядом проникал в артерии, сковывая конечности.

Впереди в ореоле блеска лежал свежеомытый корабль. Это было как сон. Сим не мог поверить, что до него так близко.

Землю стал обволакивать лед. Они скользили и без конца падали. Река позади них превратилась в твердую бело-голубую холодную змею. Твердыми дробинками откуда-то прилетело несколько замешкавшихся капель дождя.

Сим всем телом привалился к обшивке корабля. Он чувствовал, трогал его! Слух уловил судорожное всхлипывание Лайт. Металл, корабль — вот он, вот он! Сколько еще человек касались его за много долгих дней? Он и Лайт дошли до цели!

Вдруг, словно в них просочился ночной воздух, по его жилам разлился холод.

А где же вход?

Ты бежишь, ты плывешь, ты чуть не тонешь. Клянешь все на свете, обливаешься потом, напрягаешь последние силы, и вот ты, наконец, добрался до горы, поднялся на нее, стучишь кулаками по металлу, кричишь от радости и... И не можешь найти входа.

Так, надо взять себя в руки. «Медленно, однако не слишком медленно,— сказал он себе,— обойди кругом весь корабль». Его испытующие пальцы скользили по металлу, настолько холодному, что влажная кожа грозила примерзнуть к обшивке. Теперь вдоль противоположной стены... Лайт шла рядом с ним. Студеные длани мороза сжимались все крепче.

Вход.

Металл. Холодный, неподатливый. Узкая щель по краю люка. Отбросив осторожность, Сим принялся колотить по нему. Холод пронизывал до костей. Пальцы онемели, глазные яблоки начали коченеть. Он колотил то здесь, то там и кричал металлической дверце:

— Откройся! Откройся!

На минуту Сим потерял равновесие. Что-то подалось под его рукой... Щелчок!

Шумно вздохнул воздушный шлюз. Шурша металлом по резиновой прокладке, дверца мягко отворилась и ушла во мрак.

Сим увидел, как Лайт метнулась вперед, рывком поднесла руки к горлу и нырнула в тесную, полную света кабину. Не помня себя, он шагнул следом за ней.

Люк воздушного шлюза закрылся, отрезая путь назад.

Он задыхался. Сердце билось все медленнее, будто хотело остановиться. Они были заточены внутри корабля. Судорожно ловя ртом воздух, Сим упал на колени.

Тот самый корабль, к которому он пришел за спасением, теперь тормозил биение его сердца, омрачал сознание, чем-то отравлял его. С каким-то смутным, угасающим чувством томительного страха Сим понял, что умирает.

Чернота.

Словно в тумане Сим ощущал, как идет время, как сознание силится принудить сердце биться быстрей, быстрей... И заставить глаза видеть ясно. Но сок жизни медленно протекал по усмиренным сосудам, и он слышал тягучий ритм пульса — тук... пауза, тук... пауза, тук...

Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже пальцем. Требовалось неимоверное усилие, чтобы поднять каменный груз век. И совсем невозможно повернуть голову, взглянуть на лежащую рядом Лайт.

Словно вдалеке слышалось ее неровное дыхание. Так раненая птица шуршит сухими, смятыми перьями. Хотя Лайт была совсем близко и он угадывал ее тепло, казалось, их разделяет непомерная даль.

«Я остываю!— думал он.— Уж не смерть ли это? Вялое течение крови, тихое биение сердца, холод во всем теле, тягучий ход мысли...»

Глядя на потолок корабля, он пытался разгадать это сложное сплетение трубок и приспособлений. Постепенно в мозгу рождалось представление о том, как устроен корабль, как он действует. В каком-то медленном прозрении он постигал смысл предметов, на которые переходил его взгляд. Не сразу. Не сразу.

Вот этот прибор с белой поблескивающей шкалой.

Его назначение?

Сим решал задачу с натугой, словно человек под водой.

Люди пользовались этим прибором. Касались его. Чинили. Устанавливали. Вообразили, а уже потом сделали его, установили, наладили, трогали, пользовались им. В приборе было как бы заложено определенное воспоминание, самый облик его, будто образ из сновидения, говорил Симу, как изготовляли эту шкалу и для чего она служит. Рассматривая любой предмет, он прямо из него извлекал нужное знание. Словно некая частица его ума обволакивала предмет, анатомировала и проникала в его суть.

Этот прибор предназначен измерять время!

Миллионы часов времени!

Но как же так?.. Глаза Сима расширились, озарились жарким блеском. Разве есть люди, которым нужен такой прибор?

Кровь стучала в висках, в глазах помутилось. Он зажмурился.

Ему стало страшно. День был на исходе. «Как же так,— думал он,— жизнь уходит, а я лежу. Лежу и не могу двинуться. Молодость скоро кончится. Сколько времени еще пройдет, прежде чем я смогу двигаться?»

Через окошко иллюминатора он видел, как проходит ночь, наступает новый день и опять воцаряется ночь. В небе зябко мерцали звезды.

«Еще четыре-пять дней, и я стану совсем дряхлым и немощным,— думал Сим.— Корабль не дает мне пошевельнуться. Лучше бы я оставался в родной пещере и там сполна насладился назначенной мне короткой жизнью. Чего я достиг тем, что пробился сюда? Сколько рассветов и закатов проходит понапрасну. Лайт рядом со мной, а я даже не могу ее коснуться».

Бред. Сознание куда-то вознеслось. Мысли метались в металлических отсеках корабля. Он чувствовал острый запах металла. Чувствовал, как ночью обшивка напрягается, днем опять расслабляется.

Рассвет. Уже новый рассвет!

«Сегодня я достиг бы полной возмужалости». Он стиснул зубы. «Я должен встать. Должен двигаться. Извлечь ту радость, какую может дать мне эта пора моей жизни».

Но он лежал неподвижно. Чувствовал, как сердце медленно перекачивает кровь из камеры в камеру и дальше через все его недвижимое тело, как она очищается в мерно вздымающихся и опускающихся легких.

Корабль нагрелся. Щелкнуло незримое устройство, и воздух автоматически охладился. Управляемый сквозняк охладил кабину.

Снова ночь. И еще один день.

Четыре дня жизни прошло, а он все лежит.

Сим не пытался бороться. Ни к чему. Его жизнь истекла.

Его больше не тянуло повернуть голову. Он не хотел увидеть Лайт — такое же изуродованное лицо, какое было у его матери: веки словно серые хлопья пепла, глаза как шершавый зернистый металл, щеки будто потрескавшиеся камни. Не хотел увидеть шею, похожую на жухлые плети желтой травы, руки, подобные дыму над угасающим костром, иссохшие груди, жесткие, растрепанные волосы цвета вчерашней сорной травы.

А сам-то он? Как он выглядит? Отвислая челюсть, ввалившиеся глаза, иссеченный старостью лоб?..

Он почувствовал, что к нему возвращаются силы. Сердце билось невообразимо медленно. Сто ударов в минуту. Не может быть. А это спокойствие, хладнокровие, умиротворённость...

Голова сама наклонилась вбок. Сим вытаращил глаза. Глядя на Лайт, он удивленно вскрикнул.

Она была молода и прекрасна.

Лайт смотрела на него, у нее не было сил говорить. Глаза ее были словно кружочки серебра, лебединая шея — будто рука ребенка. Волосы Лайт были точно нежное голубое пламя, питаемое ее хрупкой плотью.

Прошло четыре дня, а она все еще молода... Нет, моложе, чем была, когда они проникли в корабль. Она совсем юная!

Он не верил глазам.

Наконец она заговорила:

— Сколько еще это продлится?

— Не знаю,— осторожно ответил он.

— Мы еще молоды.

— Корабль. Мы ограждены его обшивкой. Металл не пропускает солнце и лучи, которые нас старят.

Она отвела глаза, размышляя.

— Значит, если мы будем здесь...

— То останемся молодыми.

— Еще шесть дней? Четырнадцать? Двадцать?

— Может быть, даже больше.

Она примолкла. Потом после долгого перерыва сказала:

— Сим?

— Да.

— Давай останемся здесь. Не будем возвращаться. Если мы теперь вернемся, ты ведь знаешь, что с нами случится?

— Я не уверен.

— Мы опять начнем стариться, разве нет?

Он отвернулся. Посмотрел на часы с ползущей стрелкой.

— Да. Мы состаримся.

— А вдруг мы состаримся... сразу. Может быть, когда выйдем из корабля, переход окажется слишком резким?

— Может быть.

Снова молчание. Сим сделал несколько движений, разминая руки и ноги. Ему страшно хотелось есть.

— Остальные ждут,— сказал он.

Ответные слова Лайт заставили его ахнуть.

— Остальные умерли,— сказала она.— Или умрут через несколько часов. Все, кого мы знали, уже старики.

Сим попытался представить себе их стариками. Его сестренка Дак — дряхлая, сгорбленная временем... Он тряхнул головой, прогоняя видение.

— Допустим, они умерли,— сказал он.— Но ведь родились другие.

— Люди, которых мы даже не знаем.

— И все-таки люди нашего племени,— ответил он.— Люди, которые будут жить только восемь дней или одиннадцать дней, если мы им не поможем.

— Но мы молоды, Сим! И можем оставаться молодыми!

Лучше не слушать ее. Слишком заманчиво то, о чем она говорит. Остаться здесь. Жить.

— Мы и так прожили больше других,— сказал он.— Мне нужны работники. Люди, которые могли бы наладить корабль. Сейчас мы с тобой оба встанем, найдем какую-нибудь пищу, поедим и проверим, в каком он состоянии. Один я боюсь его налаживать. Уж очень он большой. Нужна помощь.

— Но тогда надо бежать весь этот путь обратно!

— Знаю.— Он медленно приподнялся на локтях.— Но я это сделаю.

— А как ты приведешь сюда людей?

— Мы воспользуемся рекой.

— Если русло осталось прежним. Оно могло сместиться.

— Дождемся, пока не появится подходящее для нас. Я должен вернуться, Лайт. Сын Дайнка ждет меня, моя сестра, твой брат — они состарились, готовятся умереть и ждут вестей от нас...

После долгой паузы он услышал, как Лайт устало подвигается к нему. Она положила голову ему на грудь и с закрытыми глазами погладила его руку.

— Прости. Извини меня. Ты должен вернуться. Я глупая эгоистка.

Он неловко коснулся ее щеки.

— Ты человек. Я понимаю тебя. Не нужно извиняться.

Они нашли пищу. Потом прошли по кораблю. Он был пуст. Только в пилотской кабине лежали останки человека, который, вероятно, был командиром корабля. Остальные, видимо, выбросились в космос в спасательных капсулах. Командир, сидя один у пульта управления, посадил корабль на горе, неподалеку от других упавших и разбившихся кораблей. То, что корабль оказался на возвышенном месте, сохранило его от бурных потоков. Командир умер вскоре после посадки — наверно, сердце не выдержало. И остался корабль лежать здесь, почти в пределах досягаемости для спасшихся, целый и невредимый, но потерявший способность двигаться — на сколько тысяч дней? Если бы командир не погиб, жизнь предков Сима и Лайта могла бы сложиться совсем иначе. Размышляя об этом, Сим уловил далекий зловещий отголосок войны. Чем кончилась эта война миров? Какая планета победила? Или обе проиграли и некому было разыскивать уцелевших? На чьей стороне была правда? Кем был их враг? Принадлежал ли народ Сима к правым или неправым? Быть может, это так и останется неизвестным.

Скорей, скорей, изучить корабль. Он совсем не знал его устройства, но все постигал, идя по переходам и поглаживая механизмы. Да, нужен только экипаж. Один человек не справится с этой махиной. Он коснулся какой-то штуковины. И отдернул руку, словно обжегся.

— Лайт!

— Что это!

Он снова коснулся машины, погладил ее дрожащими руками, и на глазах у него выступили слезы, рот сперва открылся, потом опять закрыл-

ся... С глубокой нежностью Сим оглядел машину, наконец повернулся к Лайт.

— С этой штукой...— тихо, будто не веря себе, молвил он,— с этой штукой я... я могу...

— Что, Сим?

Он вложил руку в какую-то чашу с рычагом внутри. Через иллюминатор впереди были видны далекие скалы.

— Кажется, мы боялись, что придется очень долго ждать, пока к горе опять подойдет река?— спросил он с торжеством в голосе.

— Да, Сим, но...

— Река будет. И я вернусь, вернусь сегодня же вечером! И приведу с собой людей. Пятьсот человек! Потому что с этой машиной я могу пробить русло до самых скал, и по этому руслу хлынет поток, который надежно и быстро доставит сюда меня и других!— Он потер бочковидное тело машины.— Как только я ее коснулся, меня сразу осенило, что это за штука и как она действует! Гляди!

Он нажал рычаг.

С жутким воем от корабля протянулся вперед луч раскаленного пламени.

Старательно, методично. Сим принялся высекать лучом русло для утреннего ливневого потока. Луч жадно вгрызался в камень.

Сим решил один бежать к скалам. Лайт останется в корабле на случай какой-нибудь неудачи. На первый взгляд путь до скал казался непреодолимым. Не будет стремительной реки, которая быстро понесет его к цели, позволяя выиграть время. Придется всю дорогу бежать, но ведь солнце перехватит его, застигнет прежде, чем он достигнет укрытия.

— Остается одно: отправиться до восхода.

— Но ты сразу замерзнешь, Сим.

— Гляди.

Он изменил наводку машины, которая только что закончила прокладывать борозду в каменном ложе долины. Чуть приподнял гладкое дуло, нажал рычаг и закрепил его. Язык пламени протянулся в сторону скал. Сим подкрутил верньер дальности и сфокусировал пламя так, что оно обрывалось в трех милях от машины. Готово. Он повернулся к Лайт.

— Я не понимаю,— сказала она.

Сим открыл люк воздушного шлюза.

— Мороз лютый, и до рассвета еще полчаса. Но я побегу вдоль пламени, достаточно близко. Жарко не будет, но для поддержания жизни тепла хватит.

— Мне это не кажется надежным,— возразила Лайт.

— А что надежно в этом мире?— Он подался вперед.— Зато у меня будет лишних полчаса в запасе. И я успею добраться до скал.

— А если машина откажет, пока ты будешь бежать рядом с лучом?

— Об этом лучше не думать,— сказал Сим.

Миг, и он уже снаружи — и попятился назад, как если бы его ударили в живот. Казалось, сердце сейчас взорвется. Среда родной планеты снова взвинтила его жизненный ритм. Сим почувствовал, как учащается пульс и кровь клокочет в сосудах.

Ночь была холодна, как смерть. Гудящий тепловой луч, проверенный, обогревающий, протянулся от корабля через долину. Сим бежал вдоль него совсем близко. Один неверный шаг, и...

— Я вернусь,— крикнул он Лайт.

Бок о бок с лучом света он исчез вдали.

Рано утром пещерный люд увидел длинный перст оранжевого накала и парящее вдоль него таинственное беловатое видение. Толпа бормотала, ужасалась, благоговейно ахала.

Когда же Сим, наконец, достиг скал своего детства, он увидел скопище совершенно чужих людей. Ни одного знакомого лица. Тут же он сообразил, как нелепо было ожидать другого. Один старик подозрительно рассматривал его.

— Кто ты?— крикнул он.— Ты пришел с чужих скал? Как твое имя?

— Я Сим, сын Сима!

— Сим!— пронзительно вскрикнула старая женщина, которая стояла на утесе вверху. Она заковыляла вниз по каменной дорожке.— Сим, Сим, неужели это ты?

Он смотрел на нее в полном замешательстве.

— Но я вас не знаю,— пробормотал он.

— Сим, ты меня не узнаешь? О Сим, это же я, Дак!

— Дак!

У него все сжалось в груди. Женщина упала в его объятия. Эта трясущаяся, полуслепая старуха — его сестра.

Вверху показалось еще одно лицо. Лицо старика, свирепое, угрюмое. Злобно рыча, он глядел на Сима.

— Гоните его отсюда!— закричал старик.— Он из вражеского стана. Он жил в чужих скалах! Он до сих пор молодой! Кто уходил туда, тому не место среди нас! Предатель!

Вниз по склону запрыгал тяжелый камень.

Сим отпрянул в сторону, увлекая сестру с собой.

Толпа взревела. Потрясая кулаками, все кинулись к Симу.

— Смерть ему, смерть!— бесновался незнакомый Симу старик.

— Стойте!— Сим выбросил вперед обе руки.— Я пришел с корабля!

— С корабля?

Толпа замедлила шаг. Прижавшись к Симу, Дак смотрела на его молодое лицо и поражалась, какое оно гладкое.

— Убейте его, убейте, убейте!— прокаркал старик и взялся за новый камень.

— Я продлю вашу жизнь на десять, двадцать, тридцать дней!

Они остановились. Раскрытые рты, неверящие глаза...

— Тридцать дней?— эхом отдавалось в толпе.— Как?

— Идемте со мной к кораблю. Внутри него человек может жить почти вечно!

Старик поднял над головой камень, но, сраженный апоплексическим ударом, хрипя скатился по склону вниз, к самым ногам Сима.

Сим нагнулся, пристально разглядывая морщинистое лицо, холодные мертвые глаза, вяло оскаленный рот, иссохшее недвижимое тело.

— Кайон!

— Да,— произнес за его спиной странный, скрипучий голос Дак.— Твой враг. Кайон.

В ту ночь двести человек вышли в путь к кораблю. Вода устремилась по новому руслу. Сто человек утонули, затерялись в студеной ночи. Остальные вместе с Симом дошли до корабля.

Лайт ждала их и распахнула металлический люк.

Шли недели. Люди в корабле упорно трудились, постигая разные механизмы и их действие. И вот, наконец, двадцать пять человек встали по местам внутри корабля. Теперь в далекий путь!

Сим взялся за рычаги управления.

Подошла Лайт, сонно протирая глаза, села на пол подле него и положила голову ему на колено.

— Мне снился сон,— заговорила она, глядя куда-то вдаль.— Мне снилось, будто я жила в пещере, в горах, на студеной и жаркой планете, где люди старились и умирали за восемь дней.

— Нелепый сон,— сказал Сим.— Люди не могли бы жить в таком кошмаре. Забудь про это. Сон твой кончился.

Он мягко нажал рычаги. Корабль поднялся и ушел в космос.

Сим был прав.

Кошмар, наконец, кончился.

ФРЕДЕРИК УОЛЛЕС

ИЗ ДВУХ ЗОЛ[1]

Чиновник взял паспорта, придирчиво осмотрел свое хозяйство — набор бесчисленных штампов. Он выбрал радужный (очевидно, наиболее соответствующий его настроению) и прижал этот штамп к пластиковой подушечке.

— Маркус Режихау?— спросил чиновник, переводя взгляд с паспорта на старшего из приезжих и обратно. Его губы дрогнули в усмешке — до того забавной показалась ему запись в документе.— По-видимому, планета указана неправильно. Трудно поверить, будто она называется Врежу-в-Харю.

— Это ошибка,— удрученно ответил Маркус.— Но тут уж ничего не поделаешь. Под таким названием она значится на картах.

Лицо чиновника сморщилось от сдавленного смеха, он склонился над вторым паспортом. Штемпелевать он не спешил.

— Уилбур Режихау?— спросил он юношу.

— Это я,— сказал Уилбур.— Ужас, правда? Можно подумать, что на Земле не умеют писать... а может быть, слушать. Потому-то мы с папой и приехали.

— Уилбур, этот человек не повинен в нашем несчастье,— заметил Маркус.— И не в его власти что-либо изменить. Не докучай ему своими заботами.

— Ладно.

— Пошли.

— Добро пожаловать на Землю,— проговорил чиновник им вслед. Он заметил, что к нему подходит женщина, и приготовился к самому худшему, но тотчас сообразил, что и она прибыла с какой-то другой планеты. Тут не ошибешься: у женщины отсутствовал характерный блеск в глазах. Чиновник решил, что принципиально проштемпелюет ее паспорт мрачными, тусклыми чернилами.

---

[1] Печатается по изд.: Тридцать первое июня: Сборник юмористической фантастики.— М.: Мир, 1968.

Уилбур едва волочил ноги, но не отставал от отца. Он еще продолжал расти, но успел сравняться с Маркусом, хоть и уступал ему в солидности.

— Куда мы теперь?— спросил он.— Менять название?

— Не вякай,— ответил Маркус, с трудом подавив в себе желание поглазеть по сторонам. Все изменилось с тех пор, как здесь был его отец.— Дело простое, но может тянуться дольше, чем мы думаем. На Земле надо вести себя, как на враждебной планете.

— Она вообще не похожа на планету.

— Однако если копнуть поглубже, то под всеми этими зданиями можно найти почву и скальные породы.

Но и Маркус не знал, сколько для этого придется копать.

— Трудно поверить, что когда-то Земля была похожа на... э-э... Режихау.— Уилбур рассматривал дома, потоки пешеходов, струящиеся мимо него, и рои аэромобилей в воздухе.— Пари держу, тут невозможно побыть в одиночестве.

— На десять миль в окружности тут одиноких людей больше, чем ты за всю свою жизнь видел,— возразил Маркус. Он остановился перед каким-то зданием и заглянул в записную книжку. Адрес тот самый, а названия нет. Ни на одном здании нет вывесок. Но, наверное, это оно и есть. Они прошли несколько миль, и Маркус исследовал все улицы. Отец и сын вошли внутрь.

Это была гостиница. По всей Вселенной гостиницу ни с чем другим не спутаешь. Беспрерывные приезды и отъезды накладывают на нее печать особого непостоянства. Человек может прожить тут двадцать лет и тем не менее останется таким же временным постояльцем, как и тот, кто только что заполнил регистрационную книгу.

К Маркусу и Уилбуру не спеша подошел клерк. Он отличался полнотой, но плечи его пиджака были еще шире его собственных.

— Вы кого-нибудь ищете?— спросил клерк.

— Я ищу гостиницу «Инопланетную»,— сказал Маркус.

— Это и есть гостиница,— ответил клерк, подняв и опустив плечи. Одно плечо опустилось не до конца, он подтянул его, дернув за рукав.

— Как она называется?

Клерк зевнул.

— Никак. У нее есть номер. Последние сто лет гостиницы не имеют названий. Слишком уж их много.

— Мой отец останавливался в гостинице «Инопланетная» пятьдесят лет назад, перед тем как отправиться на поиски новых планет. Она была вот по этому адресу.

Клерк пожал плечами, но повел ими не вверх, а вбок, памятуя о ватных плечиках. Один рукав съехал на спину, и клерк стал похож на горбуна.

— Ну, может быть, не сто лет, а меньше,— поведал он своим гостям.— Так или иначе, сейчас названий нет.

— Это, наверное, бывшая «Инопланетная»,— решил Маркус.— Мы тут остановимся.

Клерк оказался не таким самоуверенным и твердокаменным, как воображал. Спесь с него немножечко соскочила.

— Вы хотите здесь остановиться? Кроме шуток?

— А почему бы и нет?— проворчал Маркус.— Места у вас есть, не так ли? Гостиница вполне приличная. Да я здесь других и не знаю.

— Безусловно, она приличная, и места есть. Я просто подумал, что вам будет удобнее где-нибудь в другом месте. Могу вам порекомендовать первоклассный мужской отель.

— Мы люди простые, нам ничего первоклассного не нужно,— отказался Маркус.— Запишите нас в книгу, пожалуйста.

— Я черной работой не занимаюсь,— оскорбился клерк.— У меня здесь одна обязанность — придавать гостинице шик. Вас зарегистрирует робот.

Уилбур с любопытством посмотрел на толстого клерка и отошел, застенчиво улыбаясь встречным.

— Пап, а как такой человек может придать гостинице шик?

— Не знаю, сынок,— угрюмо ответил Маркус.— Земля сильно изменилась с тех пор, как мне про нее рассказывал твой дед. Я не собираюсь выяснять, что с ней творится. Покончим с нашим делом и вернемся домой.

Они поставили свои подписи в регистратуре, отдали багажные квитанции роботу, который рассыпался в уверениях, что все будет мигом доставлено из космопорта прямо в номер.

Несмотря на клятвы Уилбура, будто он ничуть не устал, будто уже привык к ходьбе после вынужденной тесноты и неподвижности в звездолете, отец с сыном поднялись к себе в номер отдохнуть. Поэтому они избежали давки, когда после звонка из окрестных зданий толпами повалили служащие.

Маркус распорядился, чтобы обед принесли в номер, но ел очень мало, хотя был голоден. Бифштексы серии 219, толстые и хорошо прожаренные, выглядели как нельзя более аппетитно. Внутри же они были серые, водянистые, тошнотворного вкуса, явно синтетические. Проглотив несколько кусочков, Маркус зарёкся есть мясо и принялся за овощи. Оказалось, что на вкус они не лучше и окраска у них искусственная, но их хоть можно есть без опаски.

Уилбур расправился со своей порцией и устремил голодный взгляд на отцовский бифштекс. Маркус поспешно затолкал подносы в люк для грязной посуды. Если у него останется время до отъезда, он непременно выяснит, что это за серия 219. Маркус от души надеялся, что это не то, что он думает.

Потом отец и сын спустились на первый этаж. Клерка, придающего шик гостинице, нигде не было видно. Они вышли на улицу и направились к высокому шпилю Справочного центра. Невозможно было миновать эту веху. Она известна каждому, кто собирается на Землю. Если там не могут ответить на ваш вопрос, значит, вопрос выходит за рамки человеческих познаний.

На улицах женщин было гораздо больше, чем мужчин. Маркус заметил это, но не придал особого значения. Он слыхал, что на давно освоенных планетах у женщин среди дня больше свободного времени, чем у мужчин. Маркус шагал размашисто, не реагируя на взгляды, какими женщины провожали его и Уилбура.

В Справочном центре он стал изучать указатель у входа, с трудом противостоя напору выходцев с многих тысяч планет: эти люди тоже хотели пробиться к указателю. Красная линия на полу вела к отделу планет, а именно этот отдел и был им нужен. Стараясь не упускать из виду Уилбура — он без конца где-то терялся,— Маркус пошел по красному следу до конца.

В конце оказалось необозримое помещение с бесчисленными кабинками. К ним Маркус испытывал инстинктивное недоверие: уж очень они смахивали на гробы, поставленные торчком. Он приказал Уилбуру стоять

на месте, вошел в первую же кабинку и прикрыл за собой дверь. Затем опустил в щель монету и нажал на кнопку.

На экране появилось измученное лицо.

— Обязательно ли на ваш вопрос должен отвечать человек?

— Конечно,— ответил Маркус.— Не для того я проделал девятьсот сорок семь световых лет пути, чтобы меня дурачил робот.

Измученное лицо неразборчиво буркнуло что-то в сторону и снова повернулось к Маркусу.

— Прекрасно. Какой у вас вопрос?

— Я ходатайствую об изменении названия. Моя планета...

— Планета? Изменение?— повторило лицо и исчезло, а вместо него на экране возник палец. Он торопливо заскользил по вертикальной картотеке. Замер, ткнул куда-то, и из картотеки выдвинулся ящик.

— Вам надо в департамент П-ИХО.— Палец выхватил из пустоты кусок бумаги и бросил его в щель.— Позади корпуса, где вы сейчас находитесь, есть платформа. Выйдите оттуда и садитесь в любой подземный поезд с буквами П-ИХО. В департаменте П-ИХО ходатайствуйте об изменении.

Маркус не удивился, но был раздосадован.

— Разве нельзя изменить здесь? Я не люблю, когда меня отфутболивают из одного места в другое.

— Мы не полномочны производить изменения. О наших функциях говорит само название: мы располагаем сведениями, нужными, чтобы направить вас в соответствующую инстанцию. Листок, что я вам дал,— это карта окрестностей нужного вам корпуса. Вы наверняка не заблудитесь.

— Не давали вы мне карты,— огрызнулся Маркус. Голос ничего не ответил, хотя на экране еще сгибался и разгибался палец. Но ведь с пальцем не поспоришь. Экран рыгнул, из щели под ним выпал бумажный листок. Лишь тогда Маркус нажал на кнопку, и палец на экране исчез.

Маркус стал изучать карту. П-ИХО (Планеты; изменения; ходатайства об) находился между Б-АР (браки; альтернативные разновидности) и Б-ПНР (браки; признание недействительными, расторжение).

Маркус поспешно сунул карту в карман, так как Уилбур приоткрыл дверь, пытаясь разглядеть, что держит в руке отец. Нечего подростку глазеть на такое безобразие.

Карта была скверная, потому что не указывала, в какой части города находится корпус. Туда-то подземка отвезет, но обратно придется искать дорогу самому.

Вагон подземки, что примчал их к П-ИХО, был набит в основном выходцами с других планет, и потому давка показалась терпимой. Маркус не стал заговаривать с попутчиками (их интересы были ему чужды, как и их миры); но он чувствовал, что эти люди для него гораздо роднее чудаковатых, одержимых землян.

П-ИХО был выстроен в неоклассическом стиле кинотеатров, где смотрят на экран, не вылезая из автомашины; этот стиль был некогда моден по всей Вселенной. Маркус нырнул внутрь, Уилбур последовал за ним. Маркус диву давался, как это он проделал девятьсот с гаком световых лет ради вопроса, который, если его изложить, отнимет лишь несколько минут у мелкого чиновника. Но так было надо. Много лет подряд он писал заявления, но все безрезультатно.

Здесь было не так людно, как в Справочном центре. Кабинки были попросторнее, и Маркус решил, что там можно поместиться вдвоем. Уилбур должен присутствовать; ведь это историческая минута. После нескольких попыток они действительно втиснулись в кабинку.

На экране появился чиновник; вид у него был настолько же непринужденный, насколько у первого — измученный.

— Планеты; изменения; ходатайства об,— отчеканил чиновник. Он в совершенстве владел искусством приподымать одну бровь.

— Вот для того мы и пришли,— сказал Маркус, ощупывая пиджак. Маркус был тесно прижат к Уилбуру и не мог попасть рукой в карман.

— Переформировка материков, создание океанов, редактура климата?— спросил чиновник.

— Редактировать климат нам ни к чему,— ответил Уилбур.— Он и так в порядке: дождь, град, снег, жара. Все в один и тот же день, только в разных местах. Большая планета, почти как Земля.

— Уилбур, говорить буду я,— объявил Маркус, все еще воюя с карманом.

— Ладно, папа. Но ведь нам не надо переформировывать материки. Они и без того хороши. А океанов у нас хватает.

— Уилбур,— резко произнес Маркус и наконец-то высвободил руку. В ней очутилась истрепанная карта.

— Вы хоть сами-то знаете, чего хотите?— зевая, спросил чиновник.

— Сейчас объясню,— сказал Маркус.— Пятьдесят лет назад мой отец, Мэтью Режихау, открыл неизвестную планету. В те времена планету запросто могли украсть, поэтому капитан Режихау не вернулся на Землю и никому не сообщил об этом открытии. Он поселился на той планете, обеспечив своим наследникам и потомкам подобающую долю нового мира.

— И чего вы теперь ожидаете, медали?

— Он мог получить медаль. Но, как практичный человек, предпочел часть планеты. С тех пор мы превратились в процветающую общину. Вот только население растет не так быстро, как хотелось бы. Потому-то я к вам и обращаюсь.

— Вы обращаетесь не по адресу,— заметил чиновник.— Вам нужно в П-ЭПО.

— Планеты; экономическая помощь отсталым? Нет, в такой помощи мы не нуждаемся. Но вот одна ничтожная ошибка нам очень мешает. Из-за нее у нас не тот приток поселенцев. Видите ли, капитан Мэтью Режихау хоть и не стал возвращаться, чтобы лично доложить о своем открытии, но послал традиционную заявку — застолбил планету. Вот тут-то и вкралась ошибка. Он, естественно, назвал планету своей фамилией — Режихау. Ударение на «е». Но как, по-вашему, окрестил ее кто-то на Земле, очевидно робот?

— Понятия не имею.

— Врежу-в-Харю,— отчеканил Маркус.— Разве можно так пачкать доброе имя моего отца? Кто-то напортачил, а теперь мы маемся.

— Согласен, название некрасивое,— сдержанно улыбнулся чиновник.— Но не представляю, как оно может на что-то влиять. Не в названии счастье.

— Это вам только кажется,— возразил Маркус.— Я понимаю, как робот допустил ошибку, и не виню его. Отец записал свое сообщение на перфорированную пленку. При расшифровке можно было напутать. Так или иначе, это очень плохо отражается на поселенцах. Мужчины-то приезжают и думают, что, судя по названию, на планете живется разгульно и весело; впрочем, в какой-то степени так оно и есть. Но вот женщин туда не заманишь. Им такое название не подходит.

— Значит, по существу, ваш вопрос упирается в женщин,— сказал чиновник. Его тусклые глаза, прежде равнодушные, теперь смотрели с хо-

лодным неодобрением.— Как бы там ни было, вам не сюда надо обращаться. Мы перестраиваем планеты. Названиями мы не занимаемся.

— Когда женщин не хватает, это не к добру,— продолжал Маркус.— Приедет мужчина, поищет-поищет себе жену, не найдет и снова уедет.— Он смял старую карту в комок.— Да и не только в этом дело. Надо уважать имя великого человека — хотя бы из элементарной справедливости.

— За справедливостью тоже не сюда,— разъяснил чиновник.— Она не входит в компетенцию П-ИХО. Дайте сообразить, нельзя ли вас направить куда-нибудь еще.— Он потер голову руками. Потом выпрямился, прищелкнул пальцами.— Есть! Чтобы изменить название планеты, надо обратиться в Астронавигацию: карты; ошибки, выявление оных.

— Вот как?— с сомнением протянул Маркус. Жизнь на Режихау не подготовила его к тонкостям организационной структуры правительства.

— Конечно,— подтвердил чиновник, обрадованный тем, что разрешил задачу.— Нет-нет, не благодарите меня. Я исполняю свой долг. Идите в А-КОВО.

— Где оно?

Чиновник глубокомысленно нахмурился, повернулся к огромной вертикальной картотеке, без которой, как понял Маркус, немыслимо ни одно правительственное учреждение. Он ткнул пальцем в пространство, но ни один ящик не выдвинулся.

— Похоже, не занесено в карточки,— сказал чиновник хладнокровно, без удивления.— Зайдите завтра, может быть, к тому времени появятся сведения. Сейчас конец рабочего дня.

— Обязательно ли заходить к вам еще раз? А-КОВО, может быть, совсем в другом конце города.

— Возможно,— согласился чиновник и надел пиджак.— Если не хотите зря терять время, купите карту у инфолегера. Она будет вчерашняя, но вдруг да окажется в основных чертах правильной.

Экран щелкнул, и Маркус с сыном остались лицом к лицу с пустотой.Маркус вышел из кабинета.

— А что такое инфолегер?— спросил Уилбур, следуя за ним по пятам.

— На Земле все быстро меняется,— устало ответил Маркус. Он не знал, что так трудно найти нужный винтик в механизме, приводящем в движение слишком многое.— Инфолегер разбирается в этом не лучше, чем ты, но из-под полы продаст тебе информацию, которую в государственном учреждении можно получить бесплатно.

— Но кто же у него купит?

— Дураки вроде меня, уставшие бегать высунув язык. Пора возвращаться в гостиницу.

— Скучаю я по Врежу... по Режихау,— тоскливо сказал Уилбур.— У мамы сейчас уже обед готов.

— Я все забываю, какой у тебя аппетит. Ладно, поедим, вот только ресторан отыщем.

Ресторан отыскали в соседнем квартале. Дойти до него было легко, не то что остановиться. Маркус протиснулся к самой двери и выдернул Уилбура из лавины прохожих. Внутри оказался один-единственный свободный столик, который отец и сын быстро заняли, не обращая внимания на злобные взгляды менее проворных посетителей.

Наконец Маркус углубился в меню. К его разочарованию, бифштекса серии 219 там не было. Предлагались на выбор серия 313 и бифштекс «ассорти». Маркус отвел взгляд от меню и увидел, что сын уже набрал номера облюбованных блюд на диске заказов. После дознания выяснилось, что Уилбур днем не успел перекусить и решил возместить вынужденный пост

полуторной порцией бифштекса — целым одного вида и половинкой другого.

— Надо взять и овощи,— сказал Маркус.

— Пап, ты же знаешь, что я их не люблю.

— Овощи,— повторил Маркус и добился того, что его сын заказал себе сбалансированный рацион. Сам же он после долгих раздумий выбрал овощное блюдо с высоким содержанием белка, хотя очень любил мясо. Злополучная мысль все не шла у него из головы.

Подскочил приземистый робот-официант, мигом расставил на столе тарелки с едой — его бесчисленные выдвижные «руки» так и мелькали. Маркус заметил, что с виду бифштексы точь-в-точь такие, как в гостинице.

— Официант, откуда эти бифштексы?

— Оттуда же, что и всякое мясо. Они растут в гигиенических условиях, в жидкой питательной среде, где растворены все необходимые элементы. Их ежедневно срезают и доставляют свежими и сочными, готовыми к жарке.

— С технологией я знаком,— оборвал его Маркус, морщась при виде того, как сын жует серую водянистую массу.— Меня интересует происхождение, первоначальный источник. От каких животных взяты исходные клетки?

— Не знаю. В этом источнике белка самый низкий процент вредных примесей.

— А метрдотель знает?

— Возможно.

— Скажи, что я прошу его подойти к нашему столику.

— Я передам ваше пожелание. Но это бесполезно.Метрдотель подойти не может. Он встроен в стену.

— Тогда я сам пойду к нему,— сказал Маркус, поднимаясь из-за стола,— Проследи пока, чтоб не остыло. Но как туда попасть?

— Метрдотеля не полагается беспокоить,— ответил робот и установил термоэкраны вокруг тарелки Маркуса.— Маленькая комнатка у черного хода, направо от кухни.

Маркус легко отыскал нужную дверь. Когда он вошел, метрдотель зажегся огнями. Противоположная стена мигнула светом, и из нее выдвинулось кресло для посетителя.

— У вас жалоба?— глуховато осведомился метрдотель.

— Не совсем,— ответил Маркус и повторил свой вопрос.

Метрдотель на мгновение задумался.

— Вы инопланетный житель?

— Да.

— Тогда понятно. Только инопланетные задают этот вопрос. Когда-нибудь придется выяснить.

— Выясните сегодня,— предложил Маркус.

— Прекрасная мысль,— сказал метрдотель.— Так я и сделаю. Но таких ресторанов, как наш, множество, они связаны общей администрацией, поэтому за одну секунду ничего не выйдет. Если хотите подождать, я сейчас подключусь к дистанционной справочной.

Маркус не хотел ждать, но еще меньше хотел пребывать в неизвестности. Он остался.

— Есть,— сказал робот после долгой паузы.— Накормить огромный город — дело чрезвычайно сложное. Откровенно говоря, трудно кормить Землю — она крайне перенаселена.

— Это-то понятно,— буркнул Маркус.

— Лет сорок пять — пятьдесят назад осложнилось положение с водой,— продолжал робот.— Она соответствовала санитарным требованиям, но солей в ней было растворено то ли слишком много, то ли недостаточно. Тут сведения расплывчаты. Роботы, управляющие водоемами, обнаружили, что говядина, свинина, телятина и куриное мясо всех сортов растут недостаточно быстро.

Роботы довели этот факт до сведения вышестоящих властей и получили приказ выяснить, как спасти положение. Они провели расследование и установили, что надо либо сделать капитальный ремонт всей водопроводной системы, либо вывести новый, более стойкий белок. Естественно, сооружать новый водопровод — титаническая работа. Этого они не советовали.

— Естественно.— согласился Маркус.

— Положение стало критическим. Надо было кормить людей. Роботы, ведающие водоемами, получили приказ создать новый белок. Им предоставили ранее недоступные ресурсы. И в кратчайший срок задача была разрешена. Очистили примерно половину водоемов, где плохо росло мясо, и посадили там новый белок. Старинную систему — обозначение сортов мяса названием животных — изменили; была разработана новая система нумерованных серий, и каждому водоему независимо от происхождения его продукции присвоили порядковый номер.

— Значит, все не ведают, что едят,— сказал Маркус.— Но что же это за новый белок? Вот о чем я спрашивал с самого начала.

— Очень стойкий. Ведет происхождение от самого приспособленного животного Земли,— ответил робот.— И в его пользу свидетельствовало еще одно обстоятельство. Мясо всех млекопитающих почти одинаково. Но все же есть различия. Для плотоядного животного идеальным белком является тот, что в точности соответствует тканям тела этого животного и потому полностью усваивается.

Маркус закрыл глаза и схватился за подлокотник кресла.

— Вам дурно?— спросил метрдотель.— Позвать врача? Не надо? Так вот, я остановился на том, что как раз такая ткань была под руками. Ею и воспользовались роботы. Странно, что вы об этом спрашиваете. Не многие люди настолько любопытны.

— Им все равно,— проворчал Маркус.— Лишь бы их кормили, а чем — они не спрашивают.

— А зачем бы им спрашивать?— удивился робот.— Ткань специально отпрепарировали для гидропоники. Она была безукоризненно асептической, а ее изъятие ни в коей мере не повредило первоначальным донорам, давно уже мертвым. Да и в использовании нет ничего нового. Никто ведь не колеблется, если надо пересадить кожу, или вжить печень, или вставить новый глаз. А это замена тканей изнутри, методами пищеварения, а не медицины.

— Роботы взяли ткань в операционной хирурга,— сказал Маркус.— Будете отрицать?

— Я же вам об этом и толкую,— подтвердил робот.— Весьма остроумное решение, если учесть сжатые сроки. Но заменить пришлось только половину водоемов.

— Каннибалы,— рявкнул Маркус, едва не сломав кресло, которое отшвырнул ногой.

— Что такое каннибалы?— спросил робот.

Но Маркуса уже не было. Он вернулся в зал и, когда подошел к столику, вполне овладел собой. Рассказать Уилбуру он не мог, потому что Уил-

бур успел поесть, только овощи лежали нетронутые. Маркус сел, снял с тарелок термоэкран и угрюмо уставился перед собой.

— Пап, ты разве не будешь есть?— спросил Уилбур.

— Погоди, дай отдышаться.

На вкус блюдо было недурно, но сама мысль о еде внушала отвращение. Маркус сурово взглянул на сына.

— Уилбур, с сегодняшнего дня не смей заказывать мясо. Пока мы на Земле, ешь только яичницу.

— Только яичницу?— недоверчиво переспросил Уилбур.— Ого, ведь она здесь страшно дорогая. Да я ее и не люблю без ветчины...

— Только яичницу,— повторил Маркус. Ему пришла в голову другая мысль.— Глазунью. Тут уж ни один повар не обманет.

Когда они вышли из ресторана, небо потемнело. После рабочего дня движение транспорта затихло, а увеселительная горячка еще не охватила улицы, сейчас непривычно молчаливые и пустынные. На глаза Маркусу попался высокий шпиль Справочного центра, сверкающий на фоне вечернего неба.

— Куда мы теперь?— спросил Уилбур.

— В гостиницу. Завтра у нас трудный день.

— А можно пешком? В подземке уже ничего не увидишь.

— Далеко идти.

— Да она вон там! Я перед завтраком и то больше хожу.

Маркус с одобрением отметил, что Уилбур воспользовался Справочным центром как ориентиром и правильно определил местонахождение гостиницы. Сказывается воспитание. Мальчик не заблудится даже в неразберихе огромного города.

— Она дальше, чем ты думаешь, но, если хочешь, пойдем. Может быть, это наш последний вечер на Земле. Во всяком случае, от души надеюсь.

Пошли дальше. И постепенно увидели все, что стоило видеть. Город велик и буйно разрастается, но ведь это лишь обыкновенный город, творение Человека. Дома высоченные, но построены, как и всякие дома, из камня и стали, из бетона и пластика. Женщины красивы, со вкусом одеты и причесаны, но сразу видно, что они всего лишь женщины. Магазины изысканны и разнообразны, но есть предел многообразию товаров, свободный полет фантазии не бесконечен.

Когда они наконец устали, до гостиницы было совсем недалеко. Искать транспорт не стоило, все равно он не помог бы выиграть время. До сих пор они шли по главным улицам — там было интереснее. Но Маркус быстро освоился с планировкой города и, когда они подходили к цели, решил срезать угол.

Становилось поздно, но уличные фонари не горели. Маркус усомнился, есть ли смысл идти таким путем. Решил, что смысла нет. В одном из подъездов сверкнула слабая красная вспышка, доказательство того, что запоздалое решение Маркуса правильно, но бесполезно. Заколодо в коленях — там, где полоснул красный свет,— и Маркусу вдруг почудилось, будто у него нет ног. Он подался вперед, пытаясь заслонить Уилбура, но потерял равновесие. Уилбур тоже пошатнулся, и они сшибли друг друга.

Чьи-то руки схватили Маркуса, подняли с земли. Он не в состоянии был сопротивляться. Да это и небезопасно. Парализатор не убивает, но, когда им орудуют небрежно или торопливо, дает неприятные осложнения. Маркус считал, что вряд ли опасность так уж велика, и не хотел злить победителей.

Придя в себя настолько, чтобы трезво оценить обстановку, Маркус увидел, что очутился между двумя домами в закоулке, отделенном от улицы каменной кладкой. Рядом сидел Уилбур, их обоих освещал тусклый луч.

— Не двигайтесь,— произнес голос, который старался звучать грубо и низко, но все же был на добрую октаву выше мужского. Маркус припомнил, что его поднимали с земли маленькие нежные руки. Он попал в плен к женщинам. Бессвязные впечатления о городе улеглись в стройную картину. Маркуса не слишком удивляло все происходящее.

Луч света придвинулся, и Маркус различил фигуру женщины с фонариком. Позади нее стояли другие — все женщины. Но навести парализатор могут даже слабые ручки.

— Ни слова,— тихо сказал Маркус сыну. Уилбур ошеломленно кивнул.

— Перестаньте шептаться,— рявкнуло сопрано, ослепляя их фонариком.— Кто из вас женат?

Маркус вздохнул: так вон оно что. Плохо же приходится бедной Земле, если толстый, противный клерк получает высокооплачиваемую работу только потому, что он мужчина.

— Отвечайте же,— потребовал высокий срывающийся голос.— Кто из вас женат? На Земле, конечно.

Теперь, когда глаза привыкли к свету, Маркус отчетливо увидел девушку. Она была молода, не старше двадцати лет.

— Что за странный вопрос? Кто женат, тот женат. Это не зависит от того, на какой ты планете. «На Земле, очевидно, зависит»,— подумал он.

— Инопланетные!— радостно воскликнула девушка.— Я всегда мечтала найти инопланетного! Это настоящие мужчины. Так которого же выбрать?— Она осветила фонариком Уилбура, тот заерзал, моргнул.

— Этот моложе, его, наверно, надолго хватит,— сказала она критически.— С другой стороны, он будет неловок и неумел.

Девушка обернулась к Маркусу.

— Вам надо побриться,— решительно сказала она.— Ваша борода седеет. Я выбираю вас. Пожилые мужчины очень милы.

— Нельзя меня выбирать,— возразил Маркус. Девушка стояла совсем рядом, ничего не стоило отнять у нее и оружие, и фонарик. Но Маркус не мог стоять, не то что ходить, а поодаль сгрудились и другие женщины, может быть вооруженные, и смотрели на девушку, которая, по-видимому, была у них главарем.— Видите ли, я женат. Уилма не одобрит, если я заведу себе вторую жену.

— Даже только на то время, пока вы на Земле? Я ведь немногого прошу.— Она направила луч фонарика на себя.— Разве я вам не нравлюсь?

Девушка не была ослепительной красавицей, но, поскольку одежда прикрывала ее едва-едва — не меньше, чем разрешал закон, но и не больше, чем требовала мода,— Маркус по достоинству оценил ее привлекательность.

— Сколько вам лет?— спросил он.

— Много,— ответила она.— Через одиннадцать месяцев исполнится двадцать один.

— Вы прелестны,— сказал Маркус.— Будь я помоложе лет на пятнадцать — двадцать... и не женат... я бы стал домогаться вашей благосклонности.

— Но вы ведь и так домогались,— упрекнула его девушка.— Зачем вы шли темной улицей, если не искали любви?

Значит, вот что на Земле сходит за любовь. Мужчин здесь, должно быть, втрое меньше, чем женщин. Это согласуется со всем тем, что довелось тут повидать Маркусу.

— Извините, что побеспокоил,— сказал он.— Но не забывайте, мы инопланетные. Ваших обычаев не знаем. Мы просто хотели срезать путь к гостинице.

Она махнула рукой, угрюмо признавая свое поражение.

— Будем считать, что я ошиблась. Но он-то почему не может? Он ведь не женат.

— Не женат и не женится ближайшие несколько лет. Ему еле семнадцать исполнилось. Я не дам согласия.

— Это ваш сын? У вас, значит, есть опыт. Вы уверены, что не передумаете и не женитесь на мне — только на тот срок, пока вы здесь? Не люблю я молодых людей. Наверно, оттого, что отец у меня был пожилой.

— Наверняка он был пожилой,— сказал Маркус.— Но из-за этого не следует считать меня неотразимым.— Он попытался встать, но ноги были как ватные, и он поспешно сел.

Девушка бросила на него озабоченный взгляд.

— Больно? Вы, наверное, получили чересчур большой заряд.

Она отдала ему фонарик и отошла к женщинам, стоящим поодаль. Он услышал ее шепот. Но вот девушка вернулась.

Она опустилась возле него на колени и стала растирать ему ноги.

— Я их отослала,— сообщила девушка.— Пойдут искать других. Сейчас была моя очередь сделать предложение пленнику, а вы все испортили.

Его рассмешила ее серьезность.

— Я убежден, что вы заслуживаете лучшего, чем можно найти при таких странных методах ухаживания. Но прежде всего вы должны помочь моему сыну. Он тоже получил заряд.

— Это уж точно,— пренебрежительно ответила она.— Но вы за него не волнуйтесь. Дети быстро приходят в себя.

— Пап, давай я ее стукну,— предложил Уилбур, вставая и осторожно сгибая колени, чтобы посмотреть, слушаются ли его ноги.— Она не имела права в нас стрелять.

— Это верно, но ты не имеешь права так разговаривать. Только тронь ее пальцем, и я тебя отколочу.

Не обращая внимания на Уилбура, девушка обняла Маркуса и помогла ему подняться на ноги. Хотя его должно было разубедить ее отношение, Маркус почувствовал, что стареет. Он удостоверился в этом, едва сделал первый шаг. Маркус мог ходить без посторонней помощи, но чувствовал себя так, будто из его ног выдергивали иголки — по две-три в секунду.

— Я провожу вас до гостиницы,— сказала девушка.— Может быть, на охоту вышли и другие брачные шайки. Увидят меня с вами — подумают, что вы моя добыча.

Маркус нахмурился, благо в темноте этого никто не заметил. У Уилбура могло сложиться превратное мнение о женщинах. Трудно ему будет приспособиться к совершенно другим условиям родной планеты. Маркус представился девушке, представил сына и спросил, как ее зовут.

— Мэри Эллен.

— Это все? Фамилии нет?

— Конечно, есть, но я надеюсь ее сменить.

Маркус беспомощно вздохнул.

— Мэри Эллен, не будем говорить о свадьбе. Ясно? Тем не менее у меня есть насчет вас кое-какие планы. Я свяжусь с вами до отъезда.

Они подходили к залитой огнями магистральной улице, и Маркус почувствовал себя в безопасности.

— Я так надеялась, что вы это скажете,— тоскливо ответила девушка. Она порылась в крохотной сумочке и достала визитную карточку.— Как видите, здесь два имени. Я и Хлоя, моя сводная сестра. Она умница, я ее люблю, но надеюсь, вы ее не полюбите — во всяком случае, не полюбите больше, чем меня.

— Никогда. Но откуда у вас сводная сестра? Неужто вашей матери удалось вторично выйти замуж?

— Конечно, нет,— презрительно отозвалась девушка.— Женщине разрешается не более половины...

— Мэри Эллен!

— Ладно, не буду,— грубовато согласилась она.— Но вы же сами спросили.

Он и сам мог восстановить недостающие звенья. Поскольку женщины своей численностью катастрофически превосходят мужчин, им приходится делить мужей. Мужчинам разрешают нескольких жен, женщинам — никоим образом. Вероятно, многоженство на Земле было исторически неизбежно.

Земля — центр великой, стремительно развивающейся цивилизации. Мужчины покидают Землю, осваивают вновь открытые планеты, а женщины, как правило, остаются. Более того, с давно освоенных планет на Землю сплошь и рядом прилетают женщины, привлеченные блеском старинной цивилизации и высокооплачиваемой работой, не подозревающие, что за всем этим кроется.

Таким образом, положение на Земле частично разрешит одну из проблем его, Маркуса, планеты. Но основная задача — изменить название планеты — оказалась труднее, чем он полагал. Маркус ждал завтрашнего дня без особого энтузиазма.

Он заметил, что Мэри Эллен с любопытством оглядывается по сторонам.

— Что-нибудь случилось?— спросил он.

— Нет. Просто мне странно, что вы остановились именно здесь — в самом центре района, где живут незамужние девушки.— Она усмехнулась.— По-моему, лучше будет, если я войду вместе с вами.

— По-моему, тоже,— сказал Маркус. Вот что имел в виду толстый клерк. Надо было послушаться его и остановиться в мужском отеле.

В вестибюле толпились женщины, причем, как подозревал Маркус, большинство дожидалось их возвращения. На планете с острой нехваткой мужчин слухи разносятся мгновенно. Может быть, ему померещилось, но он явственно расслышал вздох разочарования, когда появился вместе с сыном и Мэри Эллен. Девушка с лихвой вознаградила их за те неприятные минуты, которые им доставила. С лихвой, хотя она этого еще не знает.

Не останавливаясь прошли наверх, и Маркус отправил Уилбура в номер, а сам остался у двери попрощаться с девушкой.

— Хотите я к вам зайду?— спросила она с надеждой.— Право же, меня мучит совесть — я ведь повредила вам ноги.

— Вы сюда не войдете, Мэри Эллен. Я себе не настолько доверяю, чтобы оказаться с вами наедине.

— Это вы серьезно?

— Как нельзя более.— Он почти верил в это сам.

— Нам не обязательно жениться, если вы здесь недолго пробудете,— сказала она радостно.— Я вот думаю...

Он предостерегающе покосился на дверь.

— Мальчишка — ужасный зануда,— прошептала девушка.— Послушайте. Завтра я работаю, но вечером буду свободна. Посадите ребенка на карусель и приходите ко мне, ладно?— Она обвила руками шею Маркуса и пылко его расцеловала. Потом круто повернулась и сбежала вниз по лестнице.

Покачав головой, Маркус вошел к себе в номер.

Утром Маркус без труда связался с инфолегером. За довольно крупную сумму карта, якобы указывающая местонахождение А-КОВО, перешла из рук в руки. За дополнительную мзду к ней была приложена другая карта, с обозначением основных маршрутов общественного транспорта. Обе наверняка устарели, но, возможно, были правильны в той единственной части, которая интересовала Маркуса.

В путь отправились поздно, чтобы избежать утреннего часа пик. Не обошлось без недоразумений с транспортом. С первой попытки они заехали совсем не в ту часть города. Порасспросив пассажиров и роботов-дежурных, Маркус сообразил, как исправить дело. Он внес изменения в карту и вместе с Уилбуром вернулся на исходную станцию, причем по пути ошибся только раз. Ошибка произошла не по их вине. За то время, пока они возвращались, роль пересадочной стала выполнять другая станция.

Они быстро добрались до цели — быстрее, чем если бы прибегли к услугам Справочного центра. Здание А-КОВО тоже было выстроено в неоклассическом стиле. Однако оно не напоминало, допустим, пятиконечную или шестиконечную звезду, а казалось нагромождением детских лекал. Приглядевшись повнимательнее, Маркус убедился, что первое впечатление обманчиво. Должно быть, раньше в этом здании помещалось ведомство какого-то другого А. Скорее всего — А-ЖВ (анатомия: женщина; возлежащая).

Но, как бы ни выглядел А-КОВО снаружи, внутри там был кавардак. Маркус не мог пробиться к справочным кабинкам. Повсюду как угорелые носились роботы, выполняя бесмысленные действия, а рабочие выкрикивали команды, на которые никто не обращал внимания. Посреди пыли и суматохи стоял на помосте какой-то человек и с безмятежно-скучающим видом наблюдал за всей этой бешеной деятельностью.

— Переезжаем,— автоматически сказал он, когда Маркус подошел поближе.

— Куда?

— Не знаю. Зависит от того, кого удастся выжить.

Маркус смертельно побледнел. Переезжают неизвестно куда. Еще день — и его карта станет недействительной. А если этот человек не лжет, то даже Справочный центр не будет знать, где окажется завтра А-КОВО.

— Разве у вас нет плановой комиссии?— спросил Маркус.— Разве вам не сообщают, куда вы должны переехать?

Человек пожал плечами.

— Плановая комиссия есть. Но на ней слишком большая ответственность, ей пришлось переехать в более просторное помещение, так же как и нам. Пока она не устроится на новом месте, мы предоставлены самим себе.

Человек спокойно проговорил что-то в микрофон, и роботы-грузчики ускорили темп. Он снова повернулся к Маркусу и объяснил:

— Вчера вернулись три разведочных звездолета, битком набитые микроинформацией. Поэтому мы и переезжаем.

Маркус потер лоб. Он понимал всю сложность работы департамента. Информацию ведь мало хранить — надо ее довести до широкой публики. Для этого нужны новые кабинеты, роботы-клерки, люди-контролеры.

Таков порядок вещей на Земле, но жаль, что в А-КОВО не подождали еще два-три дня.

— Нельзя же вынести все это добро на улицу. Кто-то должен знать, куда вы переселяетесь. Скажите, кто именно. Мне необходимо выяснить, где вы будете завтра.

— Э, нет. Кто выяснит, куда мы переселяемся, тот узнает, кого мы хотим выжить,— весело и хитровато ответил человек.— А те примут свои меры. Этого мы никак не можем допустить.— Человек почесал в затылке.— Вот что, если вы не лжете... если вы не шпион из министерства... я научу вас, как сегодня же протолкнуть свой вопрос.

— Я инопланетный,— сказал Маркус.— Ваши склоки меня не касаются. Мне бы только уладить одно дело — и сразу домой.

— Вид у вас и вправду инопланетный,— согласился человек.— Вот мой совет. Часть департамента еще функционирует. Идите к боковому входу. Там справочные кабины открыты.

Он отвернулся к микрофону и гаркнул в него, отдав какие-то распоряжения, ничуть не повлиявшие на ход событий.

Человек немного ошибся. Боковой вход был открыт, но в коридорах и кабинах громоздились вынесенные из помещений автоматические искатели информации. Однако Маркус не так легко сдавался. Теперь он уже привык к тому, что простейшие действия требуют сложнейших махинаций. Он подошел к входу со двора. Там тоже все было забито мебелью, но после недолгих, хоть и напряженных усилий Маркус протиснулся в кабинку, а Уилбур остался снаружи.

Лицо чиновника, откликнувшегося на вызов, было одновременно и сонным, и издерганным, а достичь такого выражения лица нелегко. Он зевнул, снял со стола ноги из уважения к вызову, и робот тут же унес письменный стол. Поскольку теперь чиновнику некуда было девать ноги, он покрепче уперся ими в пол, словно ожидая, что и пол вот-вот исчезнет.

Маркус толково изложил свое прошение и развернул карту, чтобы чиновник с ней ознакомился.

— Это оригинал, с которого была снята фотокопия: отец послал ее на Землю вместе со своими примечаниями. Не знаю, что получилось дальше. Возможно, изображение на пленке было неясное или ухудшилось в пути из-за радиации. А может быть, робот неправильно понял текст.

Чиновник на экране прищурился.

— Врежу-в-Харю. Режихау. Ха, ха.— Он коротко хохотнул, встал и начал было шагать по комнате. К его стулу направился робот, и чиновник поспешно уселся снова.

— Вот, можете убедиться, что он собственной рукой написал Режихау,— сказал Маркус.— Он назвал планету своим именем — один раз это вправе сделать каждый путешественник. Ошибку надо исправить ради элементарной справедливости. А вот петиция, подписанная всеми жителями планеты.

Чиновник отмахнулся от документов.

— Неважно, кто подписывался, такие подробности не влияют на решение вопроса.

Он подпер голову рукой, несмотря на отсутствие стола, о который можно было бы облокотиться. Губы чиновника беззвучно зашевелились — он подыскивал ответ.

— Я хочу, чтобы вы встали на нашу точку зрения,— сказал он наконец.— Прежде всего, подумайте о звездолетчиках. Планет с красивыми именами сколько угодно. Сливовая Ветка, Самородок, Гребень Волны... А Врежу-в-Харю только одна. Это светлое пятно в рейсе. Звездолетчики

смотрят на карту и видят: «Врежу-в-Харю». Они смеются. Смех — действенное лекарство от космической тоски. У вашей планеты название особенное.

— Не нужна нам такая особенность,— перебил Маркус.— Дошло до того, что мы и сами называем ее Врежу-в-Харю, когда не следим за собой. Кто поселится на планете, если она стала посмешищем?

Чиновник, казалось, не расслышал. Маркус повернул регулятор громкости звука, но, по-видимому, и со звуком, и с громкостью все было в порядке.

— Это лишь второстепенное соображение,— продолжал чиновник.— Вы хоть представляете, какое множество карт мы издаем? Из-за вас все они устареют. Подумайте о звездолетах, бороздящих космос,— многие вообще никогда не садятся на Землю. Как им переслать исправленные карты?

— Я рад, что вы заговорили об исправленных картах,— ответил Маркус.— Но исправленные карты не труднее переслать, чем новые, а вы ведь согласитесь, что новые карты издаются регулярно.

— Я не могу пожертвовать точностью, как бы там у вас ни капризничала горстка эгоистов,— заявил чиновник. Он встал, и на этот раз робот утащил кресло. Чиновник с улыбкой потянулся к привычной вертикальной картотеке. Ее на месте не оказалось, зато робот был тут как тут. Он ухватил чиновника за руку и попытался увести прочь. Чиновник еле высвободился.

— Вы ведь видите, что нам некогда. Приходите, когда эта передряга кончится. Тогда, возможно, я пересмотрю ваше ходатайство, которое в настоящее время вынужден отклонить.

Чиновник проворно удалился, а Маркус долго еще созерцал пустой кабинет, пока туда не пришел очередной робот и не снял экран на другом конце провода.

Маркус выкарабкался из кабины. На лице Уилбура было написано нетерпение.

— Я знаю, что сейчас далеко за полдень,— угрюмо сказал Маркус сыну.— Пойдем поедим. Яйца.

Уилбур отлично понимал, что протестовать не стоит. Они покинули АКОВО, прежде чем заднюю секцию наводнили роботы-грузчики. В тишине первого попавшегося ресторана Маркус заново рассмотрел всю проблему. Он не совсем провалил миссию. Одну важную задачу он может разрешить, не прибегая к помощи правительства. Откровенно говоря, без правительственной помощи будет даже лучше.

Но у Маркуса есть обязательства перед памятью капитана Мэтью Режихау. Отец назвал планету Режихау — и она останется Режихау.

Еще есть Уилма. Она попала на планету, когда и поселок, и она сама были совсем молоденькими. За Уилмой наперебой ухаживали, ее без конца развлекали, на нее со всех сторон сыпались предложения, и ей очень льстило, что она неизменно в центре. Тогда она ничего не имела против названия — ведь она была там самой хорошенькой, самой привлекательной девушкой. Других девушек было не так уж много.

Но планета изменилась, а вместе с ней изменилась и Уилма. Теперь у нее четыре сына, Уилбур старший. Четыре сына. Она не боялась, что они останутся холостыми. Ее сыновья умны, красивы и принадлежат к лучшему семейству; они легко найдут себе жен. А если не найдут, всегда можно отправить их в путешествие на планету, где женщины не дефицитны.

Уилма оставалась ветреной даже после свадьбы. Маркус частенько удивлялся, каким чудом у нее глаза не выскакивают из орбит, когда на го-

ризонте появляются чужие мужчины. Однако со временем она переросла эти забавы, кокон раскрылся, и оттуда вышла совершенно другая женщина.

Кокетливая девушка превратилась в хозяйку дома. Все вокруг нее стало безупречным. Заборы вокруг участка были выбелены, газоны всегда подстрижены. В доме все сверкало чистотой. Грязь с улицы никогда не попадала в комнаты. Уилма стала считать, что название Врежу-в-Харю не подобает ее планете.

Маркусу не обойтись без помощника. Это должен быть житель Земли, лучше него знающий все ходы и выходы. Маркус вынул визитную карточку Мэри Эллен; чем больше он всматривался в нее, тем больше убеждался, что такой помощник найден. Нет, не Мэри Эллен. Ее сестра.

Мэри Эллен и Хлоя — фамилии не указаны. По-видимому, таков обычай, так незамужние девушки оповещают мир, что ищут себе пару. Зато на карточке есть адрес обеих сестер.

Еще указана профессия обеих. Мэри Эллен — младший обслуживающий персонал (что-то непонятное). А вот у Хлои гораздо более интересная профессия. Она работает астрографом, старшим инспектором — астрографом.

Маркус ел торопливо, с каждым глотком он все отчетливее представлял себе план действий. Ключ ко всему — Хлоя. С ее помощью удастся изменить название Врежу-в-Харю. Маркус задумчиво улыбнулся. Он ей такое предложит, что она наверняка согласится помочь, даже если эта помощь противозаконна.

Мэри Эллен не было дома, зато была Хлоя, которая радушно приветствовала Маркуса и Уилбура. Маркус правдиво рассказал, как познакомился с ее сестрой. Хлоя неодобрительно отозвалась о брачных шайках, но Маркус промолчал, хоть в душе и был согласен. Ему не под силу изменить соотношение полов на Земле. Пусть общество довольствуется тем, что дано.

В противоположность Мэри Эллен, крупной блондинке, Хлоя была смугла и миниатюрна. Когда-то, наверное, ее считали хорошенькой, но ей не пришлось непринужденно и с достоинством вплыть в зрелый возраст — она перевалила за тридцать безмужней. На ней заметно отразилась душевная сумятица.

Она сердечно отнеслась к гостям, когда те вошли, и стала еще сердечнее, когда Маркус кончил излагать свой план.

— Да, что-нибудь сделаем,— спокойно проговорила она.— Я организую отряд добровольцев и переправлю группами по десять человек. Через несколько месяцев у меня будет отпуск, и тогда мы приедем с Мэри Эллен.— Она тревожно покосилась на Маркуса.— То есть если вы полагаете, что я тоже нужна.

— Вы нужны,— заверил он ее.— Нам нужны жены, матери, квалифицированные специалистки. Никто лучше вас не отвечает всем этим требованиям.

— В таком случае мы еще увидимся,— сказала она.— И не только по тем причинам, которые приходят вам в голову. Видите ли, у меня высокооплачиваемая работа, и я раньше могла выйти замуж. Но мне казалось, что этого не следует делать. Я хотела приносить пользу цивилизации, хоть она и забыла, что на свете есть такие люди, как я.

— Вы нужны планете Режихау,— подхватил Маркус.— Я вспомнил одного своего знакомого. Джо Эйнзуорта. Это тихий, задумчивый парень лет тридцати пяти — тридцати семи. Беда в том, что ему нравятся женщи-

ны красивые и в то же время умные. Я позабочусь о том, чтобы он вас дождался и разыскал.

Хлоя улыбнулась, и произошло чудесное превращение. Она стала по-настоящему красивой. Маркус ломал себе голову, существует ли на самом деле Джо Эйнзуорт. Должен существовать, пусть даже зовут его иначе.

— С этим вопросом покончено,— оживленно сказала Хлоя.— В остальном ваш план насчет Врежу-в-Харю — характерный пример нечеткого мышления. Во-первых, я служу не в правительственном учреждении, а в частной фирме.

— Вы ведь издаете официальные карты.

— Это верно. Но разрешите мне пояснить свою мысль. Какой кодовый номер у карты, на которую нанесена Врежу-в-Харю?

Маркус знал номер наизусть. Шифр карты, где ищут ту или иную звездную систему, почти так же важен, как и название.

Хлоя закрыла глаза.

— Нет,— сказала она, открыв их снова.— Этим занимается другой отдел. Я не могу изменить название.

— Стоит только изменить, и новое название останется,— убеждал ее Маркус.— Я не постою за деньгами, только сделайте. Стоит ему попасть на карту, и никто уже ничего не скажет. Даже если кто-нибудь и заметит, он будет знать лишь одно: существует разночтение между старым и новым изданиями. Кто захочет выяснить вопрос до конца, тот обратится к первоисточнику. А первоисточник — это мы.

Хлоя мимолетно улыбнулась.

— Так дела не делаются. По-вашему, кто-то отправится за девятьсот световых лет узнавать, как правильнее — Врежу-в-Харю или Режихау?— Она закинула ногу на ногу; ноги были красивые. Должен найтись Джо Эйнзуорт.

— Ничего не выйдет,— сказала Хлоя.— Я не могу изменить название сама и не могу сунуть взятку, чтобы изменил кто-нибудь другой.— Она заметила, как он подавлен, и коснулась его руки.— Не отчаивайтесь. Есть другой путь. Инопланетным он никогда не придет в голову: ведь они не знают, что происходит за кулисами.

— Я-то насмотрелся, мне теперь все ясно.

— Не думаю. Вы заметили, что, когда вы наводите справки, вам всегда отвечает человек? И наверняка заметили, что он ничего не знает. Он должен проконсультироваться с роботом, а потом сообщить вам полученную информацию.

Об этом Маркус не подумал. Вездесущая вертикальная картотека на самом деле была роботом — запоминающим устройством. Отчего бы не наделить робота голосом и не уволить бесчисленных мужчин и женщин? Когда Маркус посмотрел на Хлою, этот вопрос был написан у него на лице.

— Роботы знают только логику, ничего больше,— пояснила Хлоя.— На большинство вопросов нельзя ответить просто «да» или «нет», необходим посредник, который учитывал бы ограниченные возможности искусственного мозга и переводил его слова широкой публике.

— Не понимаю, какой мне от этого толк,— сказал Маркус.

— Вы все время пытаетесь попасть к чиновнику, который должен убедиться в вашей правоте и изменить название. Забудьте о таком пути. Чиновник никогда в жизни не затруднит себя. Подайте письменное прошение.

— Мы писали прошения сорок лет подряд. Потому-то я и здесь.

Хлоя опять улыбнулась.

— За год правительство получает астрономическое количество пи-

сем. Впрочем, может быть, это не так уж много, если учесть, сколько людей во Вселенной. Как бы там ни было, письма с других планет никто не вскрывает, потому что со стороны невозможно судить, какие из них важные и какие нет. Их превращают в полужидкую массу и подают к гидропоническим водоемам как питательное вещество.

Маркус с сомнением кивнул.

— Понятно. Кто полагает, что его дело важное, тот приедет на Землю... как поступил я. И если ему откажут, он будет действовать через голову того, кто отклонил прошение. Этих бумаг тоже будет много, но все-таки гораздо меньше, и их можно рассмотреть в обозримый срок.

— Именно. И если вы правильно сформулируете свое прошение, вероятность того, что оно будет удовлетворено, очень высока, каким бы дурацким оно ни было.

— Оно не дурацкое.— Маркус потер руки.— У меня собраны все факты. Я даже во сне могу изложить их на бумаге.

— Кому нужны факты?— удивилась Хлоя.— Самое худшее, что можно придумать,— это оперировать фактами. Неужто вы не поняли, что я вам пытаюсь объяснить?

— Нет,— с глубоким вздохом признался Маркус.

— Начнем сначала. Мэтью Режихау открыл планету и назвал ее своим именем. Важно ли это? Ничуть. Важно ли, что Врежу-в-Харю из-за своего названия будет медленнее заселяться? Опять-таки ничуть. Поселенцы, которых потеряет Врежу-в-Харю, осядут на тысяче других планет. Робот отклонит прошение, основанное на фактах,и с государственной точки зрения будет прав.

— Но вы же сами сказали, что роботы не рассматривают прошений.

— Не рассматривают, когда проситель обращается лично. Отказ робота вы бы сочли проявлением высокомерного бюрократизма. Но ведь вы не видите, кто обрабатывает письменные прошения. А на таких операциях государство применяет роботов, потому что они более исполнительны.

Для Маркуса это было чересчур сложно. Роботы рассматривают письменные прошения, но не лично изложенные. Роботы знают логику и только логику, а потому их не убеждают доводы разума.

Он судорожно глотнул и посмотрел на Хлою.

— Что я должен делать?— спросил он.

— Напирать на эмоции,— ответила она.— Роботам эмоции чужды. Но они умеют распознавать эмоцию — так они сконструированы. Такое пустячное дело, как у вас, надо перенасытить эмоциональным фактором.

Планету только укажите. А потом упирайте не на справедливость вашего требования, а на причинённые вам страдания. Не бойтесь сгустить краски — нарисуйте картину бедствий, которые принесла и будет приносить злополучная ошибка. Если вы все изложите достаточно убедительно, робот откажется от рациональных методов и удовлетворит ваше прошение.

Вот теперь начинало проясняться. По мере того как возрастала численность и сложность государственного аппарата, по мере того как ослабевал контакт между управляемыми частями, приходилось все более полагаться на логику машин. Но нечего было надеяться, что машины когда-нибудь осмыслят всю нелогичность человека. Алогичные требования заставляли призадуматься. Алогична гордость, алогичны, как правило, людские горести.

Поэтому в том, что касается мелочей, правительство создало предохранительный клапан для алогичных прошений. Только в том, что касается

мелочей; серьезные вопросы по-прежнему решали люди. Но при разборе бесчисленных мелких жалоб, ежедневно принимая незначительные решения, роботы переставали прибегать к логике, если различали сильную эмоцию.

— Пап,— проговорил Уилбур из угла, где он смирно прикорнул.

— Потом, Уилбур,— отмахнулся Маркус.— Ты, наверное, голоден.

Мысленно он составлял прошение. Ничего подобного еще не выходило из-под его пера.

— По-моему, в кухне что-нибудь найдется,— сказала Хлоя, но Маркус поспешно отказался. Даже при высоком окладе яйца ей не по карману. Тут вошла Мэри Эллен. Она удрученно сутулилась, плащ на ней обвис.

— Привет, сестренка,— сказала она с порога.

Потом увидела Маркуса и мгновенно ожила. Она с разбегу прыгнула к нему на колени, обвила руками его шею.

— Марк, дорогой!— через его плечо она по-кошачьи заулыбалась сестре.

Маркус с сожалением вздохнул. Кто знает, что может сболтнуть мать его невинный отпрыск. Высвободившись из объятий девушки, Маркус объяснил цель своего визита.

— Значит, мы едем на Врежу-в-Харю?

— Через несколько месяцев,— сказала Хлоя.— Маркус хочет основать постоянный фонд помощи тем, кто не может оплатить свой проезд.

— О, я поеду.— Мэри Эллен в упор посмотрела на Маркуса.— Но не надейтесь, что я там выйду замуж.

Маркус чуть заметно улыбнулся. Девушка преувеличивает. Она про него и не вспомнит, когда увидит, какой перед ней неограниченный выбор. Там все же есть Джо Эйнзуорт, если Маркусу не изменяет память, ему года двадцать четыре или двадцать пять. Он кажется старше из-за преждевременной седины. Эти двое составят чудесную пару. Значит, Джо Эйнзуорт не достанется Хлое, но для нее там найдется другой.

— Переодевайтесь, Мэри Эллен,— сказал Маркус.— Пойдем обедать.

— Все?

— Безусловно, все,— сухо подтвердил Маркус, от которого не ускользнуло ее неодобрение.

Когда девушка вышла из комнаты, он стал советоваться с Хлоей о том, как лучше составить прошение. Очевидно, он уловил не все нюансы, так как ни до чего не договорился вплоть до возвращения Мэри Эллен.

— Я готова,— объявила девушка и сделала пируэт, чтобы Маркус оценил наряд по заслугам.

Она явно приготовилась не к тихому, скромному обеду.

— Накиньте-ка что-нибудь на плечи,— сказал Маркус. Девушка скорчила рожицу, но послушно вышла.

— А долго это будет тянуться?— спросил он у Хлои.

— От четырех до шести лет. Раньше очередь не подойдет.

— От четырех до шести?— недоверчиво переспросил Маркус. Он заподозрил, что лазейка, оставленная правительством, очень узка. Кто станет возиться, даже принимая свое дело близко к сердцу, если знает, что тут нужны долгие годы?

— Это по обычным каналам.— Хлоя нахмурилась и пригладила волосы.— Сегодня — и только сегодня — можно все устроить гораздо быстрее. Вы говорите, А-КОВО переезжает?

— Переезжает.— Маркусу казалось, что он понял мысль девушки. Случай редкий, больше он никогда не представится.

— Значит, будут переезжать всю ночь до утра. Рабочий может проникнуть к главному роботу.

— Я рабочий не из худших,— улыбнулся Маркус.

— Без меня вам не обойтись. Вы ничего не найдете.

— Согласен. Это опасно?

— Физически — нет. Но закон жестоко карает злоупотребление государственной собственностью. Еще суровее карается попытка ускорить рассмотрение своего дела.

Это Маркус понимал. Понимал также, что именно такие, как Хлоя, нужны на Врежу-в-Харю. Она знает, чем рискует, но не колеблется.

— Тогда вы пойдете со мной. Но держитесь поодаль. Обещайте, что вы скроетесь, если меня застукают.

Хлоя пожала плечами.

— Если вас застукают, вам понадобится моя помощь.

Вернулась Мэри Эллен с прозрачным, сверкающим шарфом на плечах. Она была белокура и ослепительна.

— Куда мы пойдем? Я так рада!

Маркус расстегнул воротник и уселся.

— Для нас обед отменяется, вы пойдете вдвоем. У нас с Хлоей есть работа. Мэри Эллен, проводите потом Уилбура в гостиницу. Последите за ним.

— Вы этого хотите?— уныло спросила она.

— Я очень прошу.

— Ради вас я согласна.— Она изогнула спину (это получилось изящно), повернулась на каблуках, помедлила у двери.— Идем, мелюзга.

— Пап, я обойдусь,— начал было Уилбур. Маркус посмотрел на него, и он присоединился к Мэри Эллен.

— Времени у нас в обрез,— сказал Маркус, когда они с Хлоей остались вдвоем.— Сначала надо написать прошение. Мне нужна ваша помощь.

Хлоя сняла чехол с перфомашинки, села и обернулась к Маркусу.

— Надо подчеркнуть муки и несчастья.

— Уныние,— предложил Маркус.

— Уныние — хорошее слово, сильное,— согласилась Хлоя.— Теперь его редко употребляют. Ваше дело уладится в считанные часы.

— Хорошо бы,— сказал Маркус.— Не представляю себе худшего названия, чем Врежу-в-Харю.

Он стал медленно рассказывать об унынии, в которое ввергла планету злополучная ошибка. Хлоя отпечатала все на перфоленте.

У Маркуса Режихау свалилось с плеч бремя сорока трех лет. Он устал, но это была приятная усталость, такая приходит вместе со свершением. Они легко попали в А-КОВО и затесались в сутолоку и неразбериху. Еще легче разыскали главного робота, который выносит решения по названиям на картах. Но остальное было вовсе не легко, даже несмотря на подсказки и советы Хлои.

Главного робота полагалось перевозить в последнюю очередь. Робот находился в глубоком подвале, упрятанный на много этажей под землю, и обычно к нему никто не имел доступа. Это была тяжеловесная махина, громоздкая и в то же время хрупкая. Роботы-грузовики взвалили его на себя. Техники и чернорабочие начали быстро отключать его от здания. Одним из этих чернорабочих был Маркус, он делал свое дело не хуже других. Но ему не представлялось случая ввести в машину свое прошение.

Мимо прошла Хлоя в бесформенной рабочей одежде; она подмигнула ему на ходу. Никто не обратил на нее внимания — кругом было много

женщин. Маркус изготовился, подобрался к передней части машины, нащупал в кармане бобину с пленкой. Какой-то техник подозрительно уставился на него, но ни к чему не мог придраться.

Хлоя прислонилась к стене и локтем незаметно нажала выключатель. Мгновенно включились резервные цепи, но вспышка света вызвала сумятоху. Техник напустился на Хлою, а та выслушала его брань с перепуганным и усталым видом. Усталость была не напускная.

В эти считанные секунды Маркус ввел пленку в машину. Остальным пленкам, которые уже находились внутри, пришлось потесниться, но машина автоматически компенсировала перегрузку. С этой стороны нечего опасаться.

Другое дело — сама пленка, которую подготовила Хлоя. Обычно прошения подаются на бумаге, их переносят на пленку в самом департаменте. Хлоя помогла Маркусу миновать целый этап.

После того как все утихомирилось, Маркус и Хлоя продолжали трудиться. Но вот объявили перекур, они поднялись на первый этаж и в тускло освещенном вестибюле скинули рабочую одежду. Теперь они превратились в пешеходов, которые проходили мимо и заглянули из любопытства. Делать им здесь было нечего, их попросили удалиться, что они и исполнили.

Маркус вернулся в гостиницу совсем поздно. Поблизости никого не было, и он возблагодарил за это судьбу. В столь поздний час ночи Маркус не был расположен отмахиваться от женщин. Уилбур спал. Маркус зажег свет, но затенил его, чтобы не разбудить сына. Может быть, в эту минуту главный робот уже стоит на новом месте и перемалывает прошения. Врежу-в-Харю канула или вот-вот канет в Лету.

— Пап,— позвал Уилбур, едва Маркус снял ботинок.

— Да. Я вернулся. Спи.

— Ты все сделал?

— Все кончено. Вылетаем первым же звездолетом.

— Завтра?

— Если завтра отправится звездолет, значит, завтра.

— Не прощаясь?

Скрипнула кровать — Уилбур сел в постели.

— Оставим записку. Так или иначе через несколько месяцев они прилетят на Режихау.

Уилбур подошел к отцу, бледный, и серьезно посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Но я обязательно должен попрощаться с Мэри Эллен.

Маркус снял другой ботинок. Не следовало оставлять их вдвоем. Извинением ему служит только то, что он был поглощен другими мыслями.

— А я думал, она тебе не нравится,— сказал Маркус.

— Пап, я ведь думал, что и я ей не нравлюсь. А оказалось не так. То есть...— Уилбур прислонился к косяку двери, лицо у него было вытянутое и грустное.

Маркус улыбнулся в полутьме. Мальчик так мало общается с девушками, что не знает их повадок. Естественную реакцию на существо другого пола он принял за нечто большее. Но ведь все к лучшему. Уилбур не помнит, кого завоевывала Мэри Эллен. С лихорадочным эгоизмом юности он сохранит в памяти лишь интерес, проявленный к нему самому. Долгие годы ему будет грезиться поцелуй.

— Надо ли понимать тебя так, что ты с ней сблизился?— строго спросил Маркус, которого насмешило собственное упущение.

— Пап, как ты можешь!— воскликнул Уилбур.— Я ее поцеловал.

— Это проходит.

— Все равно я должен попрощаться.

— Посмотрим,— сказал Маркус. Если только в его силах помешать, прощания не будет. Не хватает еще, чтобы при расставании Мэри Эллен кинулась на шею ему, Маркусу, позабыв об Уилбуре. Она еще молода и не понимает, как это может ранить юношу, даже если он младше ее. Маркус заснул с чувством удовлетворения, присущим человеку, который вершит людскими судьбами.

Утром никакие уловки не понадобились. Улетал попутный звездолет. Он не останавливался на Режихау — уж больно непримечательное местечко. Но одну из остановок он делал на планете, откуда до Режихау рукой подать. Режихау. После стольких лет опять можно называть ее законным именем, не чувствуя себя провинциалом.

Уилбур так радовался возвращению домой, что забыл о Мэри Эллен. Маркус уложил вещи и распорядился, чтобы багаж отправили в космопорт. Он позвонил Хлое, договорился о денежных делах и передал привет Мэри Эллен, которая была на работе.

А потом они приехали в космопорт, взошли на борт звездолета. Старт дали не сразу. Отец и сын обосновались по-хозяйски в каюте, и Уилбур сразу заснул. Еда, сон и девушки — вот все, на что хватает времени у молодых людей.

А Маркусу не спалось, хоть он и устал. Он хотел услышать, как объявляют маршрут. Ведь поправку уже должны внести! Взревели ракетные двигатели. Уилбур, вздрогнув, проснулся и свесил ноги с амортизационной койки.

— Ты думаешь, сейчас объявят?— спросил он.

— Должны,— ответил Маркус.

Рев двигателей усилился, каюта задрожала. Объявят ли когда-нибудь маршрут? Щелкнул микрофон.

— Бессемер, Золотой Песок,— заговорил динамик.

— Ложись на койку,— приказал Маркус и лег сам.

— Норин, Кассальмонт,— гудел динамик. И тут все заглушил рев двигателей. Маркуса вдавило в упругую койку. Диктор надрывался, но слов невозможно было разобрать — так шумела в ушах кровь.

Маркус провалился в серое забвение перегрузки.

Когда он очнулся, вокруг сверкали звезды, а непосильная тяжесть исчезла. Маркус сел.

— Не услышали,— заметил Уилбур, опуская ноги на пол.

— Да, но объявят еще раз.

— Все равно жаль,— сказал Уилбур.

Маркус тоже забеспокоился.

— Самое разумное — справиться,— решил он. Они вышли в коридор. Ракетные двигатели безмолвствовали: теперь работали межзвездные. Солнечная система осталась позади, слилась с другими светилами.

Звездолетчик был занят; он кивнул, приглашая их подождать, пока он не задаст курс автонавигатору. Немного погодя он обернулся.

— Чем могу служить?— спросил он.

— Мы не слышали маршрута,— сказал Маркус.— Ракеты все заглушили.

Звездолетчик виновато улыбнулся.

— В последнюю минуту пришлось вносить исправления в карты; знаете ведь, как это бывает. Мы ждали, пока на борт доставят список изменений.

— Понимаю.— Маркус немного приободрился.— Скажите, пожалуйста, среди исправлений была Режихау?

Звездолетчик достал список, пробежал его глазами, потом внимательно перечитал.

— Здесь Режихау нет,— сказал он.

Тотчас к Маркусу вернулось угнетенное состояние духа.

— Нет Режихау?— растерянно повторил он.

— Нет, но я сейчас проверю.— Звездолетчик склонился над списком.— Постойте. Вот это, наверное. Взгляните-ка.

Маркус посмотрел. Палец пилота остановился возле жирных черных букв:

УНЫЛАЯ ХАРЯ (бывш. Режихау; название изменено во избежание путаницы с фамилией просителя).

— Благодарю,— слабым голосом произнес Маркус.— Это я и хотел узнать.

В молчании они вернулись в каюту. Маркус закрыл глаза, но все равно продолжал видеть новое имя планеты. Не так легко от него избавиться.

— Раньше было красивее,— сказал Уилбур.— Как по-твоему, что там случилось?

— Не знаю,— ответил Маркус. Но он знал. Четырнадцать раз (или одиннадцать?) употребил он одно и то же слово. Он старался захлестнуть главного робота эмоцией, и это ему удалось.

В мозгу робота он запечатлел главным образом слово «уныние».

— Что теперь делать?— спросил Уилбур.— Может быть, вернемся?

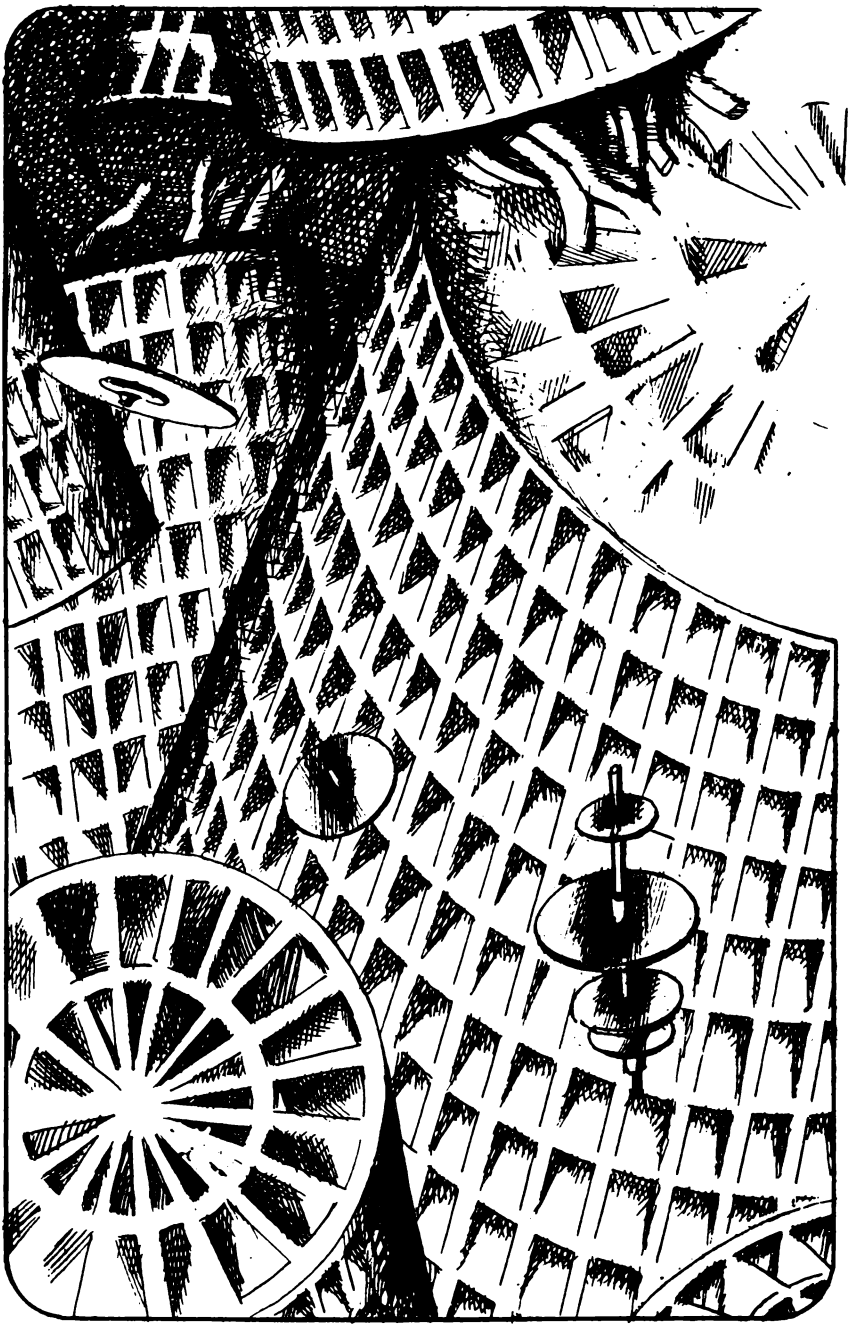
— Нет,— отказался Маркус.— Оставим как есть. Вот вырастешь, займешь мое место, тогда и попробуй, если тебе захочется.

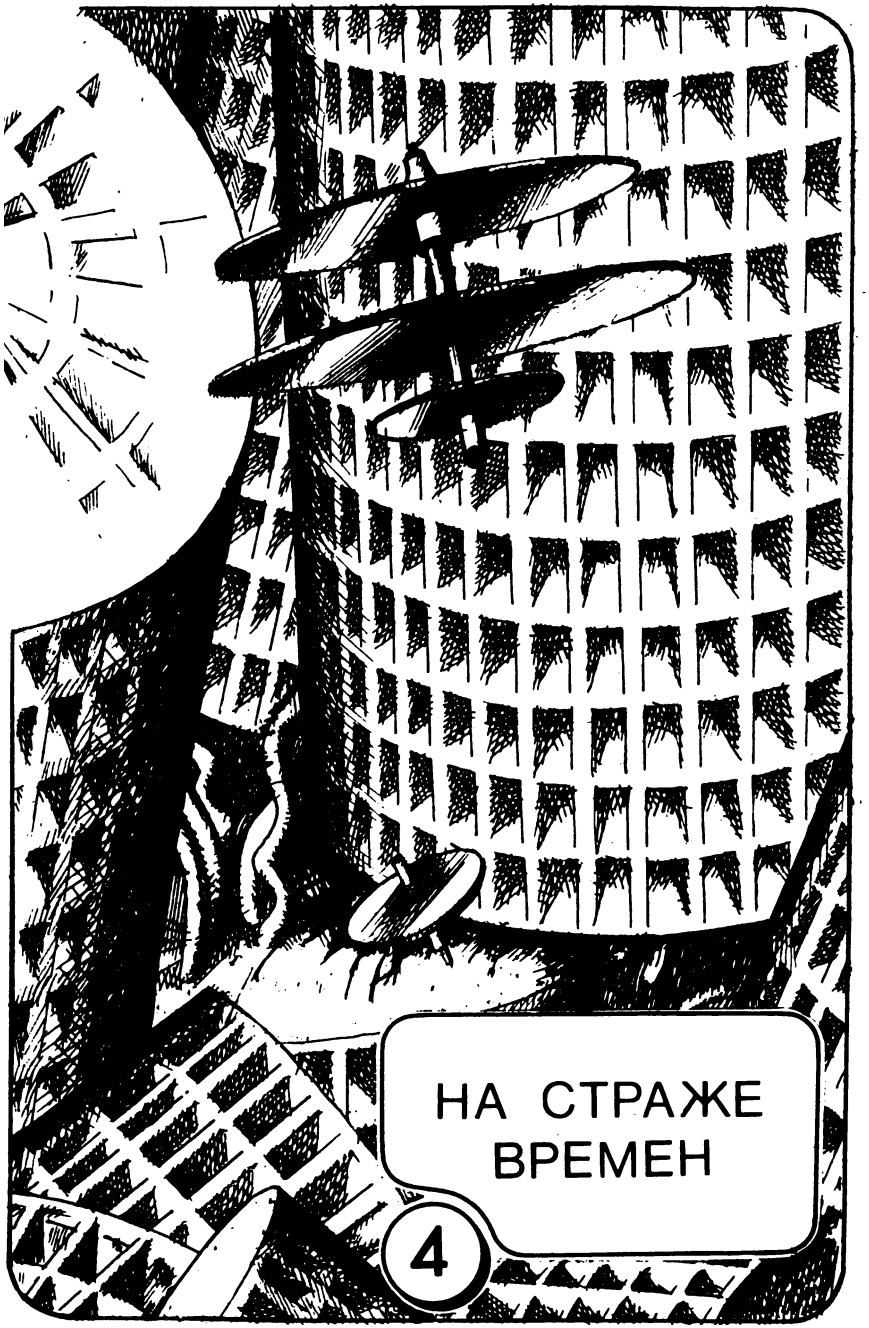
Женщины на планете будут, невзирая на название. Хлоя поймет, что случилось; так или иначе он обещал писать. Она не пожалеет, что приехала. А будут женщины — будут и мужчины, как-нибудь проживем.

Надо еще учесть фактор неопределенности. Маркус думал, что хуже старого названия ничего и быть не может... сейчас он так больше не думает. Он содрогнулся при мысли о том, каким может оказаться следующее название.

— А теперь ничего?— с тревогой спросил Уилбур.

— Конечно, ничего.— Маркус смирился со своим жребием.— Мы едем домой, на Унылую Харю.

НА СТРАЖЕ ВРЕМЕН

4

ПОЛ АНДЕРСОН

НА СТРАЖЕ ВРЕМЕН

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ[1]

1

Требуются мужчины: возраст — 21—40, желательно холост., с военным или техн. образ., в хорошем физич. состоянии, на высокооплачиваемую работу с заграничн. командировками.

Обращаться: Компания технологических исследований 305 Е., 45, с 9 до 10 и с 14 до 18 ч.

— Работа, как вы понимаете, несколько необычная,— сказал Гордон.— И строго секретная. Надеюсь, вы умеете хранить тайны?

— Как правило,— сказал Мэнс Эверард.— Впрочем, смотря в чем они заключаются.

Гордон улыбнулся. Это была странная улыбка. Эверард и представления не имел, что можно улыбаться, не разжимая губ.

Гордон свободно говорил по-английски с обычным американским акцентом, носил общепринятый деловой костюм, но было в нем что-то иностранное, и не только смуглый цвет лица с гладкими, без намека на бородку щеками и узкие монгольские глаза, совершенно не вязавшиеся с его арийским носом. Трудно было понять, откуда он родом.

— Мы вовсе не шпионы, если именно эта мысль пришла вам в голову,— сказал он.

Эверард усмехнулся.

— Простите, только, ради бога, не подумайте, что я поддался всеобщей шпиономании. К тому же у меня никогда не было доступа к секретным данным. Но в вашем объявлении говорится о заграничных командировках, а при теперешней ситуации... Словом, я не хотел бы лишиться своего заграничного паспорта.

Эверард был высок ростом, широкоплеч, темноволос и коротко пострижен, но на лице его уже проступали следы пережитого.

Он положил на стол свои документы: свидетельство об увольнении из армии, справки о работе в различных фирмах в качестве инженера-механика. Гордон вроде и не посмотрел на эти бумаги.

Кабинет выглядел совсем обычно: стол, несколько стульев, бюро и дверь, ведущая, по-видимому, в другую комнату. Из окна открывался вид на забитую автомобилями нью-йоркскую улицу.

— Вы независимы,— сказал человек, сидящий за столом.— Мне это нравится. Многие из тех, кто к нам приходят, чуть ли не ползут на брюхе и готовы благодарить даже за пинок в зад. Конечно, с вашими данными вы

---

[1] Печатается по изд.: Звезда. 1981. № 8.

еще не потеряли надежду и можете получить работу и в другом месте. Кажется, это теперь называется «в порядке временного трудоустройства».

— Меня интересует работа у вас,— сказал Эверард.— Я много раз бывал за границей, как вы можете видеть по документам, и хотел бы еще поездить, хотя, честно говоря, все еще не понимаю, чем вы занимаетесь.

— Мы занимаемся многими вещами. Позвольте, позвольте... вы воевали во Франции и в Германии.

Эверард вздрогнул: в документах упоминались все его ордена и медали, но он мог бы поклясться, что Гордон не успел прочитать ни строчки.

— Гм... Будьте любезны, положите руки на выступы подлокотников вашего кресла. Благодарю. Скажите, как вы реагируете на физическую опасность?

Эверард весь напрягся.

— Послушайте...

Глаза Гордона были прикованы к какому-то прибору на столе: это была простая пластмассовая коробка с индикаторной стрелкой и двумя циферблатами.

— Неважно. Можете не отвечать. Скажите, каковы ваши взгляды на интернационализм?

— Послушайте, я...

— Коммунизм? Фашизм? Как относитесь к женщинам? Чем еще интересуетесь?.. Это все. Можете не отвечать.

— Какого черта? Что все это значит?— взорвался Эверард.

— Небольшой психологический тест. Забудьте об этом. Меня не интересуют ваши взгляды, разве что с точки зрения основных эмоциональных рефлексов.

Гордон откинулся на спинку кресла и сомкнул кончики пальцев.

— Пока все идет очень хорошо. Теперь я объясню вам, в чем дело. Мы занимаемся, как я уже говорил, очень секретной работой. Мы... Гм... Собираемся устроить небольшой сюрприз нашим конкурентам.— Он усмехнулся.— Если хотите, можете прямо отсюда отправиться в ФБР. Нас уже проверяли и выдали нам, так сказать, полное отпущение грехов. Там вам сообщат, что мы действительно ведем финансовые операции и занимаемся технологическими исследованиями во всех странах мира. Но существует еще один аспект нашей работы, и для нее нам нужны люди. Я заплачу вам сто долларов, если вы пройдете вон в ту комнату и разрешите себя обследовать. Это займет три часа вашего времени. Если вы нам не подойдете, тем дело и кончится. Если подойдете, мы подпишем с вами контракт, расскажем о работе и начнем вас обучать. Ну как, годится?

Эверард заколебался. Ему не нравилась эта поспешность. Обычный кабинет и несколько странный человек... За всем этим что-то скрывалось...

— Я подпишу с вами контракт только после того, как узнаю, в чем заключается работа,— сказал он.

— Как угодно.— Гордон пожал плечами.— Тесты покажут, подходите ли вы нам. У нас очень совершенная аппаратура.

По крайней мере, это оказалось правдой. Эверард более или менее разбирался в методах современной психологии: энцефалография, ассоциативные тесты. Но он никогда в жизни не видел ни одного из тех упрятанных в кожухи приборов, которые жужжали и мигали вокруг. Вопросы, которые ему задавал ассистент — неопределенного возраста человек с белым, ничего не выражающим лицом и абсолютно лысый,— казались ему беспредметными. И что это за металлический колпак, который ему надели на голову? Куда вели от него многочисленные провода?

Он украдкой бросал взгляды на шкалы различных приборов, но таких букв и цифр он раньше никогда не видел. Не английские, не французские, не русские, не греческие, не китайские — такие буквы и цифры вообще не могли существовать в году 1954-м от Рождества Христова. Возможно, уже тогда Эверард начал подозревать истину.

Он с удивлением отметил, что в ходе этих тестов стал узнавать себя все лучше: Мэнсон Эммерт Эверард, 30 лет, лейтенант в отставке, служил в инженерном корпусе вооруженных сил США; работал проектировщиком и производственником в Америке, Швеции, Аравии; все еще холостяк, но все больше завидующий своим женатым друзьям, не имеет своей девушки, никаких других связей, немного библиофил, великолепно играет в покер, любит лошадей, оружие и парусный спорт; в отпуске увлекается рыбалкой и туризмом. Все это он, конечно, о себе знал, но только как отдельные факты. Сейчас же у него возникло особое чувство: он вдруг ощутил себя как единый организм, будто каждая отдельная его черточка стала частью чего-то целого.

Он вышел из комнаты очень усталым и насквозь мокрым от пота. Гордон предложил ему сигарету и торопливо пробежал глазами закодированные листки, которые протянул ассистент. Время от времени он бормотал вслух: «Зета-20 кортикальная... здесь недифференцированная оценка... психическая реакция на антитоксин... ослабление центральной координации...».

Он перешел в разговоре с ассистентом на незнакомый язык с такой интонацией и чередованием гласных и согласных, которое Эверард, хоть он и знал разнообразнейший английский слэнг и диалекты, никогда в жизни не слышал.

Прежде чем он оторвался от бумаг, прошло еще полчаса. Эверарда охватило беспокойство, его так и подмывало встать и уйти, но любопытство одержало верх. Наконец Гордон обнажил свои невероятно белые зубы в широкой улыбке:

— Ах! Наконец-то! Знаете ли вы, что мне пришлось отклонить уже двадцать четыре кандидатуры? Но вы подойдете. Вы определенно подойдете.

— Подойду — для чего?

Эверард подался вперед, чувствуя, как учащается его пульс.

— Для Патруля. Вы будете вроде как полицейским.

— И что же? Где именно?

— Везде. И во все времена. Приготовьтесь, сейчас вы услышите нечто невероятное. Наша компания, хоть и вполне легальная, всего лишь своего рода ширма и средство для добывания необходимых фондов. Наше настоящее дело — патрулирование времени.

2

Академия находилась на американском Западе в теплом олигоценовом периоде, когда среди лесов и травянистых полян жалкие предки человека в трепете скрывались, заслышав поступь гигантских млекопитающих Академия была основана тысячи лет назад, должна была просуществовать еще полмиллиона лет — срок вполне достаточный для того, чтобы обучить и выпустить столько патрульных, сколько потребуется Патрулю времени,— и затем быть тщательно уничтожена, чтобы от нее не осталось и следа. Позже — настанет ледниковый период и появятся люди, и в году 19352 (7841 год Моренниянской Победы) эти люди откроют способ путе-

шествий во времени и вернутся в олигоценовый период, чтобы основать в нем Академию.

Это был комплекс больших низких зданий с округлыми линиями, окрашенных в мягкие цвета и расположенных на травянистых полянах между гигантскими древними деревьями на фоне холмов и лугов, опускавшихся к большой коричневой реке. По ночам иногда слышался рев тираннозавров и далекий рык саблезубого тигра.

Эверард вышел из машины времени — большой, неопределенной формы металлической коробки. В горле у него пересохло. Он чувствовал себя так же, как и в первый день в армии — двенадцать лет назад или, если угодно, от пятнадцати до двадцати миллионов лет в будущем: одиноким и беспомощным; как и тогда, им владела одна только мысль — найти какой-нибудь достаточно благовидный предлог, чтобы удрать домой. Его немного утешило, что из других машин времени вышло около пятидесяти молодых мужчин и женщин. Новоприбывшие сбились в кучу, видимо, чувствуя себя очень неуютно. Вначале они не разговаривали и только глазели друг на друга. Эверард заметил на ком-то воротничок и котелок времени президента Гувера; моды и прически доходили до 1954 года и, по-видимому, представляли более поздний период. Откуда, например, эта девушка в переливчатых, облегающих брюках, с зеленой помадой на губах и фантастически взбитыми желтыми волосами? Нет, из какого времени?

Рядом с ним очутился мужчина лет двадцати пяти; судя по его худощавому лицу и потертым твидовым брюкам — англичанин. Казалось, под изысканными манерами он скрывает какое-то глубокое горе.

— Привет,— сказал Эверард.— Давайте хоть покамест познакомимся.

Он назвал себя.

— Чарлз Уиткомб, Лондон, 1947,— смущенно ответил тот.— Только что демобилизовался из Королевского Воздушного флота — и решил податься сюда. Теперь не знаю, может и зря.

— Вполне понятно,— ответил Эверард, думая о предложенной ему зарплате. Пятнадцать тысяч в год для начала! Интересно, как они исчисляют время. Очевидно, исходя из фактического срока жизни каждого.

К ним подошел приятного вида молодой человек в ладно сидящей форме, поверх которой был накинут темно-синий плащ, переливающийся так, будто он усыпан звездами. У него было открытое улыбающееся лицо, говорил он без какого-либо выраженного акцента.

— Здорово, ребята!— сказал он приветливо.— Добро пожаловать в Академию. Полагаю, все тут говорят по-английски?

Эверард заметил какого-то мужчину в потрепанной немецкой военной форме, одного индийца и еще несколько человек из разных стран.

— Тогда будем говорить по-английски, пока не выучите темпоральный.— Он встал поудобнее, упершись руками в бока.— Меня зовут Дард Келм. Я родился... одну минутку... да, в 9573 году от Рождества Христова, но я специализировался как раз на вашем периоде. Кстати, этот период охватывает годы с 1850 по 1975, и каждый из вас родился где-то в промежутке между этими датами. Можете, когда вздумается, поплакаться мне в жилетку, если что не так. Я здесь специально для этого. В нашей Академии учат не совсем так, как вы, может быть, думаете. Мы не обучаем много людей сразу и не требуем школьной или военной дисциплины. Каждый из вас пройдет как индивидуальное, так и общее обучение. Мы не наказываем за неуспеваемость, так как уже предварительное обследование исключило всякую ее возможность и предопределило почти полную гарантию успеха в вашей будущей работе. Каждый из вас обладает высоким умственным

потенциалом, исходя из критериев своей эпохи. Однако различие в ваших способностях требует индивидуального обучения, для того чтобы добиться максимума от каждого. Никаких формальностей у нас здесь нет, за исключением, разумеется, правил обычной вежливости. Помимо занятий у вас, естественно, будет и время для отдыха. Мы не собираемся требовать от вас более того, на что вы способны. Мне остается только добавить, что рыбалка и охота здесь хороши даже в двух шагах от здания Академии, а если отъехать на пару сот миль, так это — сплошная фантастика. Если нет вопросов, следуйте за мной, и я размещу вас по комнатам.

Дард Келм показал им технические приспособления в каждой из стандартных комнат для отдыха и занятий. Такие технические новинки, очевидно, должны были войти в повседневный обиход примерно в 2000 году: непритязательная мебель, послушно принимающая формы того, кто на нее садится, кондиционеры, экраны, способные воспроизводить любую кино- или фонозапись из большой коллекции. А в общем ничего необычайного. Каждый учащийся имел свою комнату в здании, где располагались спальни. Общая столовая помещалась в другом месте, но обед можно было заказать и «на дом», для какой-нибудь вечеринки. Эверард почувствовал, что напряжение постепенно отпускает его.

Для новоприбывших был устроен банкет. Блюда подавались более или менее знакомые, но бесшумные машины, подающие их на стол, были совершенно необычны. На столах появилось вино, пиво, сигареты, табак. Может быть, в пищу было что-то подмешано, потому что Эверард, как и все другие, почувствовал приятное возбуждение. Он кончил тем, что принялся барабанить буги-вуги на рояле, в то время как группа молодых людей так же тщетно сотрясала воздух, пытаясь спеть какую-то песню.

Только Чарлз Уиткомб сидел в стороне. Дард Келм, смакующий в уголке вино, был достаточно тактичен и не пытался втянуть его в общее веселье.

Эверард решил, что ему здесь понравится. Но в чем заключается и как будет организована его работа, каковы ее цели, все еще оставалось для него неясным.

— Путешествие во времени было открыто, когда Хоритская ересь почти распалась,— говорил Келм в лекционном зале.— Подробности вы узнаете позже, а сейчас я просто скажу, что это был бурный век, когда гигантские концерны сражались не на жизнь, а на смерть за коммерческое и генетическое господство, а различные правительства были просто пешками в галактической игре. Эффект времени был побочным продуктом в поисках средств космического гиперперехода, который, как понимают некоторые из вас, требует для своего описания тончайшего математического аппарата... так же, впрочем, как и путешествие в прошлое. Я сейчас не буду вдаваться в теорию — кое-что об этом вы узнаете впоследствии на занятиях физикой,— а просто скажу, что речь идет о математических зависимостях, выраженных бесконечными величинами в континууме четырехмерного пространства — 4N, где N — общее число частиц во Вселенной. Естественно, группа, обнаружившая этот эффект, так называемая группа Девяти, четко представляла себе последствия своего открытия. Не только коммерческие — в таких отраслях, как торговля, добыча полезных ископаемых и тому подобное,— но и военные: то есть возможность нанесения противнику смертельного удара. Ведь время изменчиво, прошлое можно изменить.

— Вопрос!

Это была девушка из 1972 года, Элизабет Грей, в своей эпохе — подающий надежды физик.

— Да?— вежливо сказал Келм.

— Мне кажется, вы описываете логически невозможную ситуацию. Я, конечно, допускаю путешествие во времени как таковое, раз уж мы находимся здесь, но ни одно событие не могло и произойти, и не произойти. Это — внутреннее противоречие.

— Только не тогда, когда в основе лежит логика Алеф-суб-Алеф,— сказал Келм.— А происходит вот что: допустим, я отправился назад в прошлое и предотвратил встречу вашего отца с вашей матерью. Вы бы никогда не родились. Этот небольшой эпизод из истории Вселенной выглядел бы совершенно иначе. Оказалось бы, что он с самого начала был иным, несмотря на то, что у меня в памяти сохранилось бы и первоначальное, исходное положение вещей.

— Ну хорошо, а как насчет вас самого?— не сдавалась Элизабет.— Вы бы перестали существовать?

— Нет, потому что я бы принадлежал к моменту истории, предшествовавшему моему вмешательству. Давайте применим это к вам. Если бы вы вернулись, скажем, в 1946 год и предотвратили брак ваших родителей в 1947 году, вы все же существовали бы в этом году; вы не перестали бы существовать только потому, что оказали влияние на события того времени. То же самое произошло бы, если бы вы пробыли в 1946 году хоть одну микросекунду до того, как убить человека, который, останься он в живых, стал бы вашим отцом.

— Но тогда бы я существовала, не будучи... не будучи рождена,— запротестовала она.— У меня была бы своя жизнь и воспоминания... и... всякое такое... хотя меня и вовсе не было бы на свете.

Келм пожал плечами.

— Что с того? Вы настаиваете на том, что закон случайности или, точнее говоря, закон сохранения энергии касается только непрерывных функций. В действительности же вполне возможна и прерывность.

Он рассмеялся и склонился над кафедрой.

— Конечно, существуют и вещи невозможные,— сказал он.— Вы, например, не можете стать собственной матерью: этого не допускают законы генетики. Если бы вы вернулись в прошлое и вышли замуж за своего бывшего отца, дети были бы другими, ни один из них не был бы вами, поскольку у каждого из них оказалась бы только половина ваших хромосом.

Он откашлялся.

— Давайте не отклоняться от темы. Все подробности вы узнаете за время обучения, я же даю вам только основы. Итак, продолжим: группа Девяти разрешила проблему путешествий в прошлое и таким образом добилась возможности либо пресекать действия своих врагов в зародыше, либо вообще помешать их появлению на свет. И вот тогда появились данеллиане.

Впервые он оставил свою свободную, чуть ироничную манеру говорить. Перед ними стоял человек, оказавшийся перед непознаваемым. Негромко он продолжал:

— Данеллиане — часть будущего, нашего будущего, которое наступит примерно через миллион лет после моей эпохи. Люди там достигли такого развития... что нет слов, чтобы это описать. Вы, вероятно, никогда не встретите ни одного данеллианина. Если же встретите, это будет для вас... большим потрясением. Они не злы и не добры — они стоят настолько же за пределами того, что знаем или чувствуем мы с вами, насколько мы отстоим от тех насекомоядных, которые были нашими предками. Со всем

этим лучше не встречаться лицом к лицу. Данеллиане действовали просто в порядке самосохранения. Когда они появились, путешествия во времени уже стали обычным делом. Для глупых, жадных и безумных открылись неисчислимые возможности возвращаться в прошлые времена и перекраивать историю. Данеллиане не хотели запрещать путешествия во времени — это была часть того комплекса явлений, который породил их самих,— но им пришлось регулировать эти путешествия. Группе Девяти не дали возможности осуществить свои планы. И для наблюдения за порядком на трассах времени был создан Патруль.

Вы будете работать, в основном, в собственных эпохах, если, конечно, не достигнете высокого статуса агента с правом свободных действий. Вы будете жить как обычно, иметь семью и друзей. Тайная сторона вашей жизни обеспечит вас деньгами, защитой, если она понадобится, возможностью ездить в отпуск в очень интересные места и, главное, работой, которая будет приносить вам огромное удовлетворение. Но вы должны быть готовы в любой момент явиться по первому зову. Иногда вам придется помогать путешественникам во времени, попавшим в трудное положение; в другой раз — противодействовать конкистадорам, пытающимся захватить власть или получить экономические преимущества и влияние в военных делах; бывает, что Патруль поставлен перед свершившимся фактом какого-нибудь злодеяния в прошлом и вынужден принять необходимые меры в более поздние эпохи, чтобы вернуть историю на ее нормальный путь развития. Желаю вам всем удачи!

Первая часть обучения включала физическую и психологическую подготовку. Эверард раньше даже не мог себе представить, как обкрадывала его жизнь и телесно, и духовно: он был только наполовину тем, кем мог быть. Сначала ему приходилось нелегко, но затем он почувствовал огромную радость от того, что мускулы полностью подчиняются ему, что дисциплина чувств сделала его эмоции намного глубже, а мысль стала точнее, острее и все умственные реакции — осознаннее.

В процессе обучения ему внушили, что он не должен ничего говорить о Патруле непосвященным, даже намекать на его существование. Для него подобные разговоры стали абсолютно невозможными, такими же невозможными, как и прыжок на Луну. Он также хорошо изучил все аспекты психологии людей двадцатого века.

Темпоральный — искусственный язык, на котором могли говорить патрульные всех эпох, не боясь быть понятыми кем-либо из непосвященных, был чудом логического совершенства и выразительности.

Раньше Эверард считал, что неплохо разбирается в военном деле, но ему пришлось научиться пользоваться боевыми приемами и оружием, которое существовало на протяжении пятидесяти тысяч лет: от меча бронзового века до циклобласта, способного уничтожить целый континент. Вернувшись в свою собственную эпоху, он должен был пользоваться только общепринятым оружием, но не исключалась возможность, что его пошлют с поручением в какое-нибудь другое время, а использование неизвестного в тот период оружия допускалось очень редко.

Они изучали разнообразнейшие науки, историю, искусство, философию, различные диалекты и манеры поведения. Впрочем, курс манер охватывал только период с 1850 по 1975 год; если бы потребовалось отправиться в другие времена, то специальное обучение проводилось бы с помощью гипноизлучателя. Именно посредством этих машин все обучение было закончено в три месяца.

Он изучил организацию Патруля. «Впереди» лежала тайна данеллианской цивилизации, но с ней почти не было прямого контакта. Сам Патруль напоминал полувоенную организацию, в которой имелись звания, но не существовало каких-либо особых формальностей.

Вся история была разбита на периоды в соответствии с географическими ареалами, причем для каждого имелось своё центральное управление, находившееся в каком-нибудь из больших городов в период, охватывающий одно из двадцатилетий века. Эти управления занимались для маскировки какой-либо легальной деятельностью вроде торговли. Кроме того, имелись более мелкие местные отделения.

В период жизни Эверарда существовало три ареала — *Запад*, с центром в Лондоне, *Россия*, с управлением в Москве, и *Азия* — штаб-квартира в Пекине. Все они размещались в самом спокойном двадцатилетии — с 1890 по 1910 год,— когда маскировка была проще, чем в последующие годы, где приходилось иметь более мелкие отделения. Рядовые агенты жили каждый в свое время и часто выполняли обычную работу. Связь между различными годами и эпохами осуществлялась с помощью небольших хронокапсул, автоматически настраивающихся на нужную дату.

Организация в целом была настолько велика, что ему трудно было представить ее себе полностью. Он просто знал, что на его долю выпала удивительная и прекрасная судьба, и старался больше ни о чем не думать... пока.

Наставники его были дружелюбны, готовы в любой момент прийти на помощь. Старый ветеран, учивший Эверарда управлять космическими кораблями, сражался в Марсианской войне 3890 года.

— Вы, ребята, хорошо соображаете,— сказал он как-то.— Это просто ад — учить людей из эпохи до промышленной революции. Мы уже махнули на них рукой и учим только начаткам знаний. Был здесь как-то один римлянин времен Цезаря — вполне толковый парень, только он никак не мог взять в ум, что машину нельзя седлать, как лошадь. А у этих ребят из Вавилона просто не укладывалось в голове, как это можно путешествовать во времени. Пришлось травить им легенду про битвы богов.

— А что вы травите нам?— спросил Уиткомб.

Космонавт пристально посмотрел на него.

— Вам говорим правду,— сказал он наконец.— Всю правду, какую вы в состоянии осмыслить.

— Как вы попали на эту работу?

— О... Меня сбили около Юпитера. Немного от меня осталось. Собрали по кусочкам. Вся моя команда погибла, и меня тоже считали мертвым, так что возвращаться домой не имело смысла. Мало радости — подчиняться диктаторам. Поэтому я здесь. Хорошие друзья, интересная работа и возможность ездить в отпуск в любые века и эпохи.

Космонавт усмехнулся.

— Подождите, вот попадете в упадочный век Третьего Матриархата, узнаете, что такое настоящее раздолье.

Эверард промолчал. Он был слишком захвачен зрелищем огромного шара Земли, плывущего среди звезд.

Он подружился с несколькими студентами. У них было много общего: все прошли такой же строгий отбор, как и он сам, это были мыслящие люди. Завязалось несколько романов. Никаких запретов на вступление в брак не было, и счастливая пара обычно сама выбирала ту эпоху, в которой хотела жить. Сам он любил иногда провести время с девушками, но не позволял себе увлечься слишком сильно.

Как ни странно, самая тесная дружба у него возникла с молчаливым и угрюмым Уиткомбом. В англичанине было что-то притягательное: славный человек, умный и образованный, но какой-то потерянный...

Однажды они поехали кататься верхом на лошадях, чьи отдаленные предки спасались бегством от своих гигантских потомков. Эверард захватил с собой ружье в надежде подстрелить кабана, следы которого недавно видел. Оба были одеты в светло-серую шелковистую форму Академии, в ней было прохладно даже под палящим желтым солнцем.

— Странно, что нам разрешена охота,— заметил американец.— Допустим, я подстрелю саблезубого тигра в Азии, которому на роду было написано съесть одного из наших насекомоядных предков. Разве это не изменит будущего?

— Нет,— сказал Уиткомб, уже успевший более глубоко изучить теорию путешествий во времени.— Видишь ли, это все равно что представить континуум в виде клубка из тугих резиновых лент. Этот клубок нелегко растянуть: он стремится возвращаться к «первозданному» состоянию. Одно какое-нибудь насекомоядное не имеет никакого значения, важен общий генетический код, ведущий от всего этого вида к человеку. Точно так же, если я убил овцу где-то в средние века, я тем самым отнюдь не уничтожил все ее потомство, всех овец, которые должны появиться, скажем, к 1940 году. Все эти овцы останутся, и каждый их ген, несмотря на различие предков, не изменится, потому что в ходе столь долгого времени все овцы в целом (или люди в целом) являются прямыми потомками всех более ранних овец (и людей). Происходит самая обычная компенсация: где-то в прошлом в генетической линии какой-нибудь другой предок восполняет те гены, которые, по твоему мнению, ты уничтожил. Таким же образом... ну, скажем, я возвращаюсь в прошлое и предотвращаю убийство президента Линкольна Бутом. Если только я не приму особых мер предосторожности, может случиться, что выстрелит кто-нибудь другой, но обвинят все равно Бута. Такая упругость или пластичность времени и объясняет, почему нам разрешено совершать в нем путешествия. Если ты хочешь изменить порядок вещей, нужно правильно взяться за дело и здорово потрудиться.

Он скривил рот.

— Воспитательная работа! Нам повторяют снова и снова, что если мы вмешаемся в историю, нас накажут. Я не могу вернуться назад и убить этого негодяя Гитлера еще в колыбели. Я должен сидеть и смотреть, как он набирает силу, начинает войну и убивает мою девушку.

Некоторое время Эверард ехал молча. Раздавались лишь скрип кожаных седел да шуршание высокой травы.

— Извини,— заговорил он наконец.— Может быть, ты хочешь рассказать мне об этом?

— Да. Хочу. Но рассказывать, по существу, нечего. Она служила в женских вспомогательных частях. Звали ее Мэри Нельсон. Мы собирались пожениться после войны. Семнадцатое ноября сорок четвертого в Лондоне, я никогда не забуду этой даты. Она пошла к соседям в Стритхем (была в отпуске у матери). В дом соседей угодил снаряд «фау», не осталось даже развалин, а ее собственный дом уцелел.

Уиткомб был бледен, как смерть. Он смотрел вперед невидящими глазами.

— Будет очень трудно... не вернуться хотя бы на несколько лет назад и увидеть ее живой. Только увидеть... Но нет! Я не имею права.

Эверард с неловкой лаской положил руку ему на плечо, и они молча поехали дальше.

Занятия продолжались, каждый совершенствовался по своей программе, но закончили обучение они все вместе: за короткой церемонией выпуска последовал роскошный банкет, все растрогались, стали договариваться о будущих встречах и сборах. Затем каждый вернулся в тот же самый год и в тот же самый час, из которого пришел.

Эверард выслушал поздравления Гордона, получил список других агентов своего времени (некоторые из них, как оказалось, работали в военной разведке) и вернулся домой. Позднее ему, возможно, предоставят какую-нибудь важную работу, но сейчас — для официального статуса у налоговых властей — он был назначен просто консультантом Компании технологических исследований. В его обязанности входило ежедневно просматривать какой-нибудь десяток документов, относящихся к путешествиям во времени, чему он был обучен, а в остальном сидеть и ждать вызова.

Случилось так, что он сам нашел себе первую самостоятельную работу.

3

Было странно читать заголовки газет и знать наперед, что произойдет дальше. Снималось напряжение, но появлялась грусть, потому что время было трагичным. Он начинал понимать желание Уиткомба вернуться назад и изменить историю, но прекрасно осознавал, что возможности одного человека слишком ограниченны. Он не мог изменить прошлое к лучшему — разве что каким-то чудом; скорее же всего такая попытка привела бы к полному хаосу. Вернуться и убить Гитлера или японских генералов, развязавших войну... а вдруг вместо них придут еще более изощренные в злодействе? Может быть, атомную энергию так никогда и не откроют, и тогда не наступит блистательный век Венерианского Ренессанса. Ни черта мы не знаем...

Он выглянул из окна. Огни вспыхивали и гасли во взбудораженном небе, по улицам сновали автомобили, и куда-то торопилась безликая толпа; он не мог видеть отсюда башен Манхэттена, но знал, что они дерзко вздымаются к облакам. И все это — всего лишь водоворот в той великой реке времени, которая текла из только что покинутого им мирного доисторического прошлого к невообразимому данеллианскому будущему. Сколько миллиардов и триллионов человеческих существ жило, смеялось, плакало, трудилось, надеялось и умирало в ее водах.

Что ж... Он вздохнул, раскурил трубку и отвернулся от окна. Долгое безделье не успокоило его: и ум, и тело жаждали действия. Но сейчас было уже поздно, и... Он подошел к книжной полке, взял первую попавшуюся книгу и попытался читать. Это был сборник рассказов времен королевы Виктории и Эдуарда VII.

Одна из сносок поразила его. Трагедия в Аддлтоне и необыкновенная находка в древнем английском кургане. Ничего больше. Гм... Путешествие во времени? Он улыбнулся.

И все же...

«Нет,— подумал он.— Этого не может быть».

Однако проверить не помешает. Говорилось, что случай этот произошел в Англии в 1894 году. Можно просмотреть подшивку лондонского «Таймса». Все равно делать нечего.

Возможно, только от скуки он решил взяться за эту нудную работу. Истомившийся от безделия мозг искал любую лазейку, чтобы начать настоящее дело.

В публичную библиотеку Эверард пришел к открытию.

Сообщение он нашел сразу в газете за 25 июня 1894 года и в последующих выпусках. Аддлтон — небольшая деревня в Кенте, известная поместьем эпохи короля Якова, принадлежащим лорду Уиндему, и курганом, относящимся к неизвестной эпохе. Лорд Уиндем, археолог-любитель, начал раскопки кургана вместе с Джеймсом Ротеритом, своим кузеном, экспертом Британского музея. Захоронение оказалось довольно бедным. Находившиеся там предметы уже сгнили или рассыпались от ржавчины; в могиле лежали человеческие и лошадиные кости. Там же обнаружили небольшой сундучок в удивительно хорошем состоянии, в котором лежали слитки неизвестного металла, похожего на свинец или сплав серебра. Лорд Уиндем заболел какой-то смертельной болезнью с признаками отравления неизвестным ядом; Ротерит, который едва заглянул в сундучок, совершенно не пострадал, и следствие пришло к выводу, что он подсыпал лорду какой-то неизвестный восточный яд. Когда 25 июня лорд Уиндем скончался, Скотланд Ярд арестовал Ротерита, предъявив ему обвинение в убийстве. Родственники Ротерита наняли знаменитого частного детектива, который, путем сложных умозаключений, подтвержденных опытами на животных, нашел неопровержимые доказательства того, что подозреваемый невиновен и что кончина наступила от «смертельной эманации» из сундучка. Последний вместе с содержимым выбросили в Ла-Манш.

Детектив принимает заслуженные поздравления. Наплыв. Хэппи энд.

Эверард молча сидел в тихой, уставленной книгами комнате. В сообщении явно не хватало данных, но оно наталкивало на весьма определенные выводы.

Тогда почему же Викторианское отделение Патруля не провело расследование? А может быть, провело? Вполне возможно. Результаты своих изысканий они, естественно, в газетах не печатали.

И все же лучше послать запрос.

Вернувшись домой, он взял одну из выданных ему маленьких хронокапсул, вложил туда свое донесение и настроил прибор на Лондонское отделение, на 25 июня 1894-го. Когда он нажал на последнюю кнопку, капсула исчезла, оставив за собой чуть ощутимое дуновение.

Она возвратилась через несколько минут. Эверард открыл ее и вынул аккуратно отпечатанный лист — да, конечно, машинка в то время была уже изобретена. Он пробежал его глазами с той быстротой, которой научился еще в стенах Академии.

«Дорогой сэр!

Подтверждаю получение Вашего письма от 3 сентября 1954 г. и прошу Вашего просвещенного внимания.

В настоящий момент мы только приступили к упомянутому Вами делу, так как отделение занято предотвращением убийства Ее Величества, а также Балканским вопросом. Хотя нам представляется возможным, закончив текущие дела, заняться Вашим, желательно избежать парадокса времени, т. е. одновременного нахождения в двух местах, что может иметь место в настоящем случае. Будем весьма обязаны, если Вы лично и квалифицированный английский агент окажете нам содействие. При отсутствии иных сведений будем ожидать вас по адресу 14-В, Олд Осборн Роуд, 26 июня 1894 г. в 24.00

Остаюсь, дорогой сэр,
вашим преданным и покорным слугой
Дж. Мэйнуоттеринг».

Далее следовала записка с пространственно-временными координатами, звучащими весьма неуместно рядом с цветистым слогом самого письма.

Эверард позвонил Гордону, получил его «добро», заказал скуттер на складе компании. Затем он отправил записку Чарлзу Уиткомбу в 1947 год, получил ответ, состоящий из одного слова «Конечно», и отправился за скуттером. Это была небольшая машина времени, напоминавшая мотоцикл, но без колес и руля. Позади двух седел располагался двигатель с антигравитатором. Эверард настроил программатор на эпоху Уиткомба, нажал кнопку и оказался в помещении другого склада.

Лондон, 1947. Секунду он сидел не двигаясь, вспоминая, что делал в это время Эверард, который был на семь лет моложе. Учился в колледже в Штатах. Появился Уиткомб. Он прошел мимо охранников и протянул Эверарду руку.

— Рад видеть тебя, старина,— сказал он.

На осунувшемся лице Уиткомба появилась та полная странного обаяния улыбка, которую Эверард так хорошо помнил.

— Итак, в викторианскую эпоху?

— Точно. Садись.

Эверард снова настроил программатор. На этот раз им предстояло появиться в кабинете. Очень маленьком кабинете. Он возник перед ними в мгновение ока. Дубовая мебель, толстый ковер, горящий газовый камин — все это сразу весьма впечатляло. Вокруг горели и газовые рожки. Конечно,к тому времени было уже изобретено электричество, но Дэлхаус и Робертс были солидной импортной фирмой со своими традициями. Приветствовал их сам Мэйнуоттеринг, крупный, весьма помпезного вида человек с пушистыми бакенбардами и моноклем. Но в нем чувствовалась и сила. Говорил он с таким аффектированным оксфордским произношением, что Эверард с трудом понимал его.

— Добрый вечер, джентльмены. Надеюсь, путешествие было приятным? О да, простите... вы еще новички в нашем деле, а? Сначала всегда как-то озадачивает. Помню, как я был шокирован, когда впервые попал в двадцать первый век. Все совсем неанглийское. Хотя это естественно — res naturae, так сказать, другая грань вечно изумляющей нас Вселенной, а? Извините, я недостаточно гостеприимен, но мы сейчас страшно заняты. Один фанатик, немец из 1917-го, узнал секрет передвижения во времени от какого-то неосторожного антрополога, украл машину и явился в Лондон, чтобы убить Ее Величество. Мы с ног сбились, разыскивая его.

— И найдете?— спросил Уиткомб.

— Да, конечно. Но дело чертовски трудное, джентльмены, тем более что мы должны хранить строжайшую тайну. Я бы не отказался от услуг частного сыщика, но единственный, кто нам подходит, чересчур умен. У него есть свой принцип: если отрешиться от невозможного — то, что останется, как бы невероятно оно ни было, и есть истина. Путешествие во времени тоже может показаться ему не слишком невероятным.

— Могу побиться об заклад, что это тот самый сыщик, который работал по делу лорда Уиндема в Аддлтоне или будет работать завтра,— сказал Эверард.— Впрочем, это неважно — мы знаем, что он докажет невиновность Ротерита. Важно другое: существует большая вероятность каких-то махинаций с этим сундучком в древнеанглийские времена.

— Ты хочешь сказать, саксонские,— поправил Уиткомб, который самолично сверял даты.— Многие путают англов и саксов.

— Почти так же, как путают саксов и ютов,— неожиданно сказал Мэйнуоттеринг.— Насколько я помню, в Кент вторглись именно юты... Да.

Гм. Одежда здесь, джентльмены. И деньги. Бумаги для вас тоже приготовлены. Я иногда думаю, что вы, разъездные агенты, даже не представляете себе, сколько подготовительной работы приходится проделывать в наших отделениях даже для самой мелкой операции. О! Простите. У вас есть план кампании?

— Да.

Эверард начал снимать с себя костюм двадцатого века.

— Полагаю, что есть. Мы оба достаточно знаем о викторианской эпохе, чтоб не запутаться. Хотя я должен оставаться американцем... Ведь вы приготовили мне американские документы.

Мэйнуоттеринг сказал похоронным тоном:

— Если, как вы говорите, этот инцидент с курганом появился даже в известном сборнике рассказов, то могу представить себе, сколько придет к нам запросов. Ваш был первым, пришло еще два: из 1923-го и 1960-го. Боже, почему мне не разрешают иметь секретаря-робота?

Эверард с трудом напялил на себя непривычный костюм. Он был ему, конечно, впору, так как размеры одежды всех агентов хранились в любом отделении, но он раньше никогда не подозревал, до чего удобен его прежний костюм. Черт бы побрал этот жилет!

— Послушайте,— сказал он,— во всем этом не должно быть ничего опасного. Строго говоря, если уж мы очутились здесь, значит, ничего опасного и не было.

— На данный момент,— ответил Мэйнуоттеринг.— Но допустим, вы возвращаетесь во времена ютов и находите мародера. Возможно, он убьет вас до того, как вам удастся убить его; возможно, он найдет способ уничтожить и тех, кого мы пошлем за вами. Тогда, естественно, ему удастся произвести промышленную революцию или чего он там еще добивается. История изменится. Вы, попав туда до поворотного момента, все еще существуете... даже если и мертвы... нас же здесь никогда не было. Этой беседы никогда не было. Как говорил Гораций...

— Неважно!— засмеялся Уиткомб.— Сначала посмотрим, что там у них в кургане в этом году, затем вернемся сюда и на месте решим, что делать дальше.

Наклонившись, он стал перекладывать свои вещи из современной дорожной сумки в цветастое чудовище, именовавшееся во времена Гладстона саквояжем: пару пистолетов, физические и химические приборы, еще неизвестные в это время, крошечный передатчик, с помощью которого можно было связаться с отделением в случае опасности.

Мэйнуоттеринг сверился со справочником.

— Вы можете уехать завтра утром с вокзала Черинг Кросс на 8.23,— сказал он.— Отсюда до вокзала полчаса ходьбы.

— Отлично.

Эверард и Уиткомб вновь сели в скуттер и исчезли. Мэйнуоттеринг вздохнул, зевнул, оставил своему клерку указания и пошел домой. Когда в 7.45 минут утра скуттер вновь появился в конторе, клерк был уже на месте.

4

Впервые Эверард действительно почувствовал реальность путешествий во времени. Он понимал их умом, восхищался ими, но ощущал их как своего рода экзотику. Сейчас же, трясясь по Лондону, которого он не знал, в двухколесном кэбе (не в стилизованном под старину экипаже для ту-

ристов, а в самой настоящей пыльной и расхлябанной коляске, которой пользовались для поездок), вдыхая утренний воздух, в котором чувствовалось больше дыма, чем в городе двадцатого века, но не было бензиновых паров; видя толпы проходящих людей: джентльменов в котелках и цилиндрах, чернорабочих, женщин в длинных платьях — не актеров, а живых, настоящих людей, болтающих, смеющихся, грустных и усталых, спешащих по своим делам,— он по-настоящему осознал, где он находится. Его мать еще не появилась на свет, его бабушка и дедушка были еще молодой парой, собиравшейся пожениться; Гровер Кливленд был президентом Соединенных Штатов, Виктория — королевой Англии, Киплинг сочинял свои произведения, а последнему восстанию индейцев в Америке еще предстояло произойти... Эверард испытал настоящее потрясение.

Уиткомб воспринимал происходящее более спокойно, но и он, не отрывая глаз, смотрел на Англию в дни ее славы.

— Я начинаю понимать,— прошептал он.— Историки никак не могли прийти к согласию, была ли это эпоха претенциозных светских условностей и чуть прикрытой жестокости или расцвет западной цивилизации накануне ее упадка. Глядя на этих людей, я понимаю: это было и то и другое, потому что нельзя просто измерить это время одной общей меркой; оно складывалось из миллионов жизней разных людей.

— Конечно,— ответил Эверард.— То, что ты говоришь, справедливо для любого века.

Поезд был почти обычным и мало отличался от таких же английских поездов в году 1947 от Рождества Христова, что дало Уиткомбу повод съязвить насчет английского консерватизма и пристрастия к традициям. Через несколько часов состав подкатил к небольшой деревенской станции, окруженной ухоженными цветниками. Здесь путешественники наняли экипаж до поместья Уиндема.

Вежливый полицейский задал им несколько вопросов. Они представились как археологи: Эверард — из Америки и Уиткомб — из Австралии, которые спешили к лорду Уиндему и были потрясены известием о его трагической смерти. Мэйнуоттеринг, который, казалось, имел своих людей повсюду, снабдил их рекомендательными письмами от известного специалиста, работающего в Британском музее. Инспектор из Скотланд Ярда согласился допустить их к кургану. «Преступление раскрыто, джентльмены, улик вы больше не найдете, даже если мой коллега и не согласен, ха, ха!» Частный сыщик кисло улыбнулся и, прищурив глаза, оглядел новоприбывших; он был высок, худ, в лице его виделось что-то ястребиное. Он всюду ходил в сопровождении какого-то хромого усатого мужчины, видимо, секретаря.

Длинный и высокий курган зарос травой; там, где было раскопано место захоронения, зияло отверстие.

Когда-то внутренность кургана была обшита грубо обтесанными бревнами, но они давно сгнили; остатки того, что было некогда деревом, валялись в земле.

— В газетах говорилось о каком-то металлическом сундучке,— сказал Эверард.— Не могли бы мы взглянуть и на него?

Инспектор согласно кивнул головой и провел их в здание, где на столе лежали главные находки археологов. Кроме небольшого железного сундучка здесь находилось всего лишь несколько кусков ржавого металла и сломанных костей.

— Гм-м,— пробурчал Уиткомб.

Он задумчиво смотрел на гладкую поверхность сундучка. Она слегка отливала голубоватым цветом — это был нержавеющий сплав, которому еще предстояло быть открытым.

— Очень странно. Совсем непохоже на примитивные изделия древних. Можно подумать, что его сделали на станке, верно?

Эверард осторожно подошел и встал рядом. Он слишком хорошо представлял себе, что находится внутри, и думал о необходимых предосторожностях, естественных для жителя так называемого атомного века. Вынув из саквояжа счетчик, он поднес его к сундучку. Стрелка отклонилась — не очень сильно, но все же...

— Интересная это у вас штука,— сказал инспектор.— Могу я спросить, что это такое?

— Экспериментальный электроскоп,— соврал Эверард.

Он осторожно приоткрыл крышку и поднес счетчик вплотную. Боже милосердный! Радиоактивности было достаточно, чтобы убить человека в один день! Он едва взглянул на тускло-серые слитки металла и сразу же захлопнул сундучок.

— Будьте с этим осторожны,— сказал он дрожащим голосом. Слава всевышнему: кто бы ни подбросил в курган этот чертов сундучок, появился он из того века, когда уже знали, как защититься от радиации.

Частный сыщик бесшумно подошел и стал за их спиной. Его худое лицо загорелось азартом охотника, увидевшего добычу.

— Итак, вы опознали содержимое, сэр?— спросил он спокойно.

— Да. По-моему, опознал.

Эверард вспомнил, что Беккерель откроет радиоактивность не раньше, чем через два года, даже рентгеновские лучи будут открыты не ранее, чем через год. Ему следовало быть осторожным.

— Дело в том, что... индейцы рассказывали мне, будто находили руду, похожую на эту, и она была ядовитой...

— Чрезвычайно интересно.

Детектив принялся набивать большую трубку.

— Наподобие ртутных паров, да?

— Значит, это Ротерит подложил сундучок в могилу?— прошептал инспектор из Скотланд Ярда.

— Что за нелепость,— отрезал сыщик.— Я располагаю тремя группами неопровержимых доказательств полной невиновности Ротерита. Я только не мог понять, в чем причина смерти лорда Уиндема. Но джентльмен говорит, что в этом кургане находился смертельный яд. Наверно, чтобы отпугнуть гробокопателей? Странно, однако, как это к саксам попал американский минерал? Возможно, в этих теориях о ранних путешествиях финикийцев через Атлантику есть доля истины. Я в свое время немного занимался исследованиями, чтобы подтвердить свою гипотезу о наличии халдейских элементов в уэльском языке. Эта находка, похоже, подтверждает мою гипотезу.

Эверард испытывал чувство вины перед археологией. Ну да ладно: в любом случае сундучок этот бросят в Ла-Манш и навсегда о нем забудут. Они с Уиткомбом ретировались, как только позволили приличия. По пути в Лондон, уже в купе вагона, где они были только вдвоем, англичанин вынул из кармана кусочек сгнившего дерева.

— Сунул в карман там, на кургане,— сказал он.— Это поможет нам разобраться в датах. Дай мне, пожалуйста, радиоуглеродный счетчик.

Он сунул кусок дерева в отверстие прибора, нажал нужные кнопки и прочитал готовый ответ.

— Год одна тысяча четыреста тридцатый плюс-минус десять лет. Курган был насыпан примерно... гм... в 464 году, когда юты только-только начали осваиваться в Кенте.

— Если до сих пор в этих слитках такая чертовская сила радиоактивности,— прошептал Эверард,— хотел бы я знать, какова она была первоначально! Трудно себе представить, чтобы такая высокая радиоактивность сочеталась с таким долгим периодом полураспада, но в будущем уже умеют так использовать атом, как в мое время и не снилось.

Доложив о результатах своей поездки Мэйнуоттерингу, они целых два дня пробродили по окрестностям, пока он связывался с различными временными периодами и приводил в действие сложный механизм Патруля. Эверарду очень нравился Лондон викторианской эпохи, несмотря на его угрюмость и нищету. У Уиткомба в глазах застыло мечтательное выражение.

— Я бы хотел жить в эту эпоху,— сказал он.

— Да ну? При таком-то уровне медицины и с такими зубными врачами?

— Зато без всяких бомб,— ответил Уиткомб.

Когда они вернулись в контору, у Мэйнуоттеринга все было готово. Попыхивая сигарой, расхаживая взад и вперед и заложив за спиной пухлые руки под полы сюртука, он с удовольствием сыпал полученными сведениями.

Происхождение металла установлено с довольно большой точностью. Изотопное топливо примерно из тридцатого века. Проверка показала, что торговец из империи Инг отправился в год 2987, чтобы обменять свое сырье на синтроп, секрет которого был утерян в период Междуцарствия. Естественно, он принял меры предосторожности, представлялся всем как купец из системы Сатурна, но тем не менее таинственно исчез. Так же как и его машина времени. Вероятно, кто-то из 2987 года выяснил, кто он такой, и уничтожил его, чтобы завладеть скуттером. Патруль был оповещен, но следов машины обнаружить не удалось. В конце концов скуттер был найден в Англии пятого века двумя патрульными по имени — ха, ха!— Эверард и Уиткомб!

— Но если мы уже все сделали, к чему беспокоиться?— ухмыльнулся американец.

Мэйнуоттеринг был явно шокирован.

— Но, дорогой мой, вы же еще не справились с этим делом. С точки зрения периода нашего с вами биологического существования, работу еще предстоит выполнить. И пожалуйста, не будьте так уверены в успехе только потому, что в истории он уже значится. Время гибко и изменчиво; каждый человек наделен свободной волей. Если у вас ничего не выйдет, история изменится, ваш успех нигде не будет отмечен, словно я и не говорил вам всего того, что вы только что слышали. Именно так бывало, если термин «бывало» верен, в тех немногих случаях, когда Патруль не добивался успеха. Над этими казусами продолжается работа, и если успех все же будет достигнут, история изменится и окажется, что этот успех существовал «всегда», с самого начала.

— Ну хорошо, хорошо, я просто пошутил,— сказал Эверард.

Оказалось, что даже в Патруле мало осведомлены о том темном периоде, когда римляне оставили Англию (римско-бриттская цивилизация распадалась, и на ее место приходили англы). Эта эпоха никогда не казалась особенно важной. Отделение в Лондоне 1000 года прислало те сведения, которыми располагало, а также одежду, которую носили в те времена.

Эверард и Уиткомб воспользовались гипноизлучателем и уже через час вполне достаточно знали обычаи того времени и могли свободно изъясняться на латыни и нескольких саксонских и ютских диалектах.

Одежда была неудобной: штаны, рубашки, куртки из грубой шерсти и кожаные плащи с бесчисленным множеством ремешков и завязок. Длинные парики из льняных нитей скрыли современные прически; на чисто выбритые лица могли не обратить внимания даже в пятом веке. У Уиткомба на поясе висел топор, у Эверарда — меч, изготовленные для них из особо твердой стали, но они больше полагались на звуковые станнеры, спрятанные под куртками. Латы присланы не были, но в скуттере, в седельной сумке, оказалось два мотоциклетных шлема, которые не должны были привлекать особого внимания в век самодельных вещей и орудий и к тому же были много удобнее и прочнее, чем настоящие шлемы той эпохи. Они захватили с собой также кое-какую еду и несколько кувшинов великолепного викторианского пива.

— Чудесно.

Мэйнуоттеринг вынул из кармана часы и взглянул на циферблат.

— Я жду вас обратно, скажем... в четыре часа? Я вызову несколько вооруженных патрульных на случай, если вы вернетесь с пленником, а потом зайдем ко мне и выпьем по чашке чаю.

Он пожал им руки.

— Доброй охоты!

Эверард вскочил в скуттер, включил прибор, настроил программатор на год 464, курган в Аддлтоне, полночь, и нажал кнопку «Пуск».

5

Была полная луна. Под ней лежала земля, большая и пустынная, на горизонте темнел силуэт леса. Где-то завыл волк. Курган уже был насыпан, они прибыли слишком поздно.

Включив антигравитационную установку, они пролетели низко над густым тенистым лесом. Примерно в миле от кургана находилась деревня — большое строение из обтесанных бревен — и вокруг него постройки поменьше, обнесенные оградой. Высвеченная полной луной деревня безмолвно лежала перед ними.

— Возделанные поля,— заметил Уиткомб. Голос его звучал приглушенно в окружающей тишине.— Юты и саксы были в основном йоменами, они пришли сюда в поисках новых земель. Представь себе только: совсем недавно отсюда прогнали бриттов.

— Надо разузнать насчет этого захоронения,— сказал Эверард.— Может, нам следует вернуться еще немного назад, к моменту, когда курган засыпали. Хотя нет, все-таки безопаснее расспросить сейчас; если по поводу этого кургана и ходили всякие слухи и легенды, они уже улеглись. Скажем, завтра утром.

Уиткомб кивнул, Эверард опустил скуттер в заросли и настроил программатор на пять часов вперед. Ослепительное солнце вставало на северо-востоке, птицы вовсю щебетали, густая трава была мокрой от росы. Сойдя со скуттера, они отправили его с космической скоростью на десять миль от земли, где он и должен был находиться до получения радиоимпульса от крошечного передатчика, который был вмонтирован в их шлемы.

Они открыто подошли к деревне, отгоняя топором и мечом, повернутыми плашмя, довольно диких на вид рычащих и лающих собак. Войдя во

двор за ограду, они обнаружили, что он незамощен и густо покрыт грязью и навозом. Несколько голых растрепанных ребятишек глазели на них из плетеных, обмазанных глиной хижин. Девушка, доившая низкорослую корову, вскрикнула; коренастый мужчина с низким лбом, возившийся со свиньями, схватился за копье. Сморщив нос, Эверард подумал о том, что неплохо было бы привести сюда кое-кого из современных ему чересчур горячих апологетов теории «благородных нордических предков».

В дверях большого строения появился седобородый человек с топором в руке. Как и все люди его эпохи, он был на несколько дюймов ниже среднего человека двадцатого века. Перед тем как поздороваться, он внимательно оглядел их.

Эверард вежливо улыбнулся.

— Я зовусь Уффа Хундингссон, а это — мой брат, он зовется Кнуби,— сказал он.— Мы купцы из Ютландии, приехали сюда торговать в Кентербери. (Он произнес это название Кантуарабириг, как было принято в том веке.) Мы шли с того места, где пристал наш корабль, и заблудились, проплутали всю ночь по лесу и вот подошли к твоему дому.

— Я зовусь Ульфнот, сын Альфреда,— сказал йомен.— Входите и разделите с нами трапезу.

Большая темноватая комната была полна дыма и до отказа набита людьми: детьми Ульфнота, их женами, мужьями и детьми, арендаторами Ульфнота, женами, детьми и внуками арендаторов. Завтрак состоял из полусырой свинины, которую запивали из рогов слабым кисловатым пивом. Вести разговор было нетрудно: как все люди, живущие вдалеке от других поселений, они были рады посплетничать. Труднее было придумать правдоподобный рассказ о том, что происходит в Ютландии. Раз или два Ульфнот, который отнюдь не был дураком, ловил их на какой-нибудь ошибке, но Эверард твердо отвечал:

— Это ложные слухи. Иной раз происходит ужасная путаница, пока вести идут из-за моря.

Впрочем, разговоры о погоде и урожае мало отличались от тех, которые велись на Среднем Западе в двадцатом веке.

Только позже Эверарду удалось спросить о кургане. Ульфнот нахмурился, а его тучная беззубая жена торопливо повернулась к деревянному идолу и сделала рукой какой-то охранительный знак.

— Негоже говорить об этом,— пробормотал ют.— Я бы желал, чтобы волшебник не был похоронен на моей земле. Но он был другом моего отца, умершего в прошлом году, а отец и слышать не хотел о том, чтобы курган насыпали не здесь.

— Волшебник?— Уиткомб навострил уши.— Что это за история?

— Ну что ж,— сказал Ульфнот.— Могу вам рассказать. Шесть лет назад в Кентербери пришел незнакомец по имени Стейн. Он, наверно, был из далеких стран, потому что не говорил ни на языке бриттов, ни на языке англов. Но король Хенгист милостиво принял его, а потом Стейн научился нашему языку. Он поднес королю странные, но хорошие подарки. Этот человек умел давать хитроумные советы, и король все больше полагался на него во всех делах. Никто не смел перечить Стейну, потому что у него была палка, которая метала молнии. Он разрушал своими молниями скалы, а в битве с бриттами сжигал заживо людей. Многие думали, что он бог Вотан, но этого не может быть, раз он умер.

— Вот как.— Эверард почувствовал, как в нем растет нетерпение.— А чем он занимался, пока жил?

— О... я же говорил, он давал королю мудрые советы. Это он предложил, чтобы мы перестали убивать бриттов и звать сюда в Кент наших ро-

дичей из страны ютов. Он говорил, что лучше жить в мире с местными жителями. Он считал, что наша сила и знания бриттов, перенятые от римлян, помогут нам построить могущественное королевство. Может, он и был прав, хотя я-то сам не вижу смысла во всех этих книгах и баснях, не говоря уже об их непонятном боге с крестом. Как бы то ни было, он был убит три года назад какими-то людьми и похоронен как подобает — с жертвенными животными и теми пожитками, что не забрали его враги. Дважды в год мы приносим жертвы на его могиле, и, должен сказать, его дух не тревожит нас. Но все-таки мне как-то не по себе...

— Три года,— прошептал Уиткомб.— Понятно...

Им удалось уйти только через час, и Ульфнот настоял, чтобы мальчик проводил их до реки. Эверард, которому вовсе не хотелось идти пешком в такую даль, усмехнулся и на полдороге вызвал по радио скуттер. Когда они с Уиткомбом забрались на сиденья, он сказал насмерть перепуганному мальчишке:

— Знай, что у вас гостили великие боги, Вотан и Тор, которые охранят твой род на годы и годы от всяких бед.

Затем он нажал кнопку и отправил скуттер сразу на три года назад.

— Сейчас самое трудное,— сказал он, глядя из кустарника на ночную деревню.

Курган еще не был насыпан, волшебник Стейн был еще жив.

— Мальчишку нетрудно было обмануть нашим волшебством, но сейчас нам предстоит добраться до человека, который живет в большом городе и который к тому же — правая рука самого короля! Притом у него есть бластер.

— По-видимому, нам это удалось... или удастся,— сказал Уиткомб.

— Не обязательно. Если у нас ничего не получится, Ульфнот расскажет нам через три года совсем другую историю, возможно, что Стейн сейчас находится у него — тогда он сможет убить нас дважды! И Англия пятого века, которую Стейн втащит в эпоху неоклассической культуры, пойдет совсем не тем путем, который превратил ее в страну, известную тебе в 1894 году... Интересно, чего же добивается Стейн?

Он поднял скуттер в воздух и направил его в сторону Кентербери. Ночной ветерок овевал его лицо. Вскоре появились очертания города, где они опустились на землю в какой-то рощице. Луна освещала полуразрушенные римские стены древнего Дуровернума с черными пятнами там, где юты пытались заделывать дыры глиной и досками. Никто не мог войти в город после захода солнца.

Скуттер вновь перенес их к полудню следующего дня, и вновь они отослали его в небо. Завтрак, который они съели — два часа назад и через три года в будущем,— вызывал у Эверарда легкую тошноту. Они шли по разбитой римской дороге в направлении города. Движение по дороге было довольно оживленным: большинство проезжающих составляли крестьяне, которые везли на базар свои продукты в скрипучих повозках, запряженных быками. У ворот их остановили два стражника довольно злодейского вида и спросили, зачем они идут в город. На сей раз они представились посланниками купца, который поручил им побывать у городских ремесленников. Стражники глядели весьма недружелюбно. Уиткомб сунул им несколько римских монет; скрещенные копья разошлись, и они вошли в город.

Город шумел и бурлил вокруг них, но больше всего на Эверарда снова подействовал какой-то особый запах. Среди торопливо снующих ютов он заметил несколько романо-бриттов, презрительно подбиравших свои вет-

кие туники, чтобы не коснуться этих дикарей. Все это было бы смешно, если бы не вызывало жалости.

Необычайно грязная гостиница располагалась в покрытых мхом стенах дома, когда-то принадлежавшего богатому римлянину. Эверард и Уиткомб обнаружили, что их деньги в большой цене здесь, где торговля представляла собой главным образом натуральный обмен. Угостив посетителей вином, они очень быстро узнали все, что им было нужно. «Дворец короля Хенгиста находится в центре города... не дворец, а дом, старый дом, который бесстыдно разукрасили по указке этого чужеземца Стейна... я не хочу сказать, что наш добрый и храбрый король в руках... не пойми меня неправильно, незнакомец... да, только в прошлый месяц... что? да, Стейн! Он живет в доме рядом с королем. Странный человек, некоторые говорят, что он — бог... в девушках он разбирается... да, говорят, это он затеял все эти мирные переговоры с бриттами. Столько развелось в городе этих гадов, а честный человек даже не может пустить им кровь без того, чтобы... конечно, Стейн очень мудр, я против него ничего и не имею, понятно, он еще умеет метать молнии...»

— Итак, что нам делать?— спросил Уиткомб, когда они очутились в своей комнате.— Просто пойти и арестовать его?

— Нет. Сомневаюсь, что это возможно,— что-то обдумывая, ответил Эверард.— У меня есть план, но все зависит от того, чего этот человек в действительности добивается. Пойдем, попробуем получить аудиенцию.

Поднявшись с соломенного матраца, служившего постелью, Эверард стал чесаться.

— Черт! Этот век нуждается не в грамоте, а в хорошем дусте.

Дом Стейна был тщательно реставрирован: его белый с портиками фасад выглядел почти болезненно чистым среди окружающей его грязи. На ступенях прохлаждались два стражника, вскочившие по стойке «смирно» при их приближении. Эверард сунул им деньги и сказал, что у него есть новости, которые наверняка заинтересуют великого волшебника.

— Скажите ему «Человек из завтра». Это — пароль. Понял?

— Но эти слова не имеют смысла,— сказал стражник.

— Пароль и не должен иметь смысл!— высокомерно произнес Эверард.

Ют ушел, скорбно покачав головой. Все эти новомодные словечки!

— Разумно ли это?— спросил Уиткомб.— Знаешь, сейчас он будет настороже.

— Я знаю еще, что такая важная персона не станет тратить время на каждого встречного. Это срочное дело! Пока он не совершил еще ничего необратимого, даже не успел стать легендой. Но если Хенгист действительно вступит в союз с бриттами...

Стражник вернулся, проворчал что-то и повел их вверх по ступенькам, через перистиль. Дальше находился атриум, большое помещение, в котором выделанные медвежьи шкуры совершенно не вязались с полированным мрамором и выцветшими фресками. У грубого деревянного ложа сидел человек. Когда они вошли, он поднял руку, и Эверард увидел направленное на них узкое дуло бластера тридцатого века.

— Отведите руки в стороны и не двигайтесь,— мягко сказал человек.— В противном случае мне придется убить вас громом и молнией.

Уиткомб судорожно перевел дыхание, но Эверард вроде как ожидал этих слов. Тем не менее и ему стало не по себе.

Волшебник Стейн был человеком небольшого роста, в вышитой тунике из тонкой ткани. У него было гибкое тело, большая голова, а лицо, почти

скрытое под шапкой черных волос, чем-то привлекало, несмотря на свое уродство. Губы его кривились в напряженной улыбке.

— Обыщи их, Эдгар,— приказал он.— Вынь то, что у них может быть спрятано под одеждой.

Ют был неуклюж, но станнеры он нашел и бросил их на пол.

— Можешь идти,— сказал Стейн.

— Но ты не в опасности, господин?— спросил воин.

Стейн улыбнулся еще шире.

— С этим в моей руке? Нет, ты можешь идти.

Эдгар вышел.

«По крайней мере, у нас есть топор и меч,— подумал Эверард.— Впрочем, от них мало толку при этой штуке, что нацелена прямо на нас».

— Так вы пришли из завтра?— прошептал Стейн.

Внезапно на лбу его выступил пот.

— Это интересно. Вы говорите на позднеанглийском языке?

Уиткомб открыл было рот, но Эверард, зная, что они рискуют жизнью, быстро вывел его из игры.

— О каком языке вы говорите?

— Вот этом.

Стейн перешел на английский язык со странным выговором, но все же понятным жителям двадцатого века.

— Знать хочу, кто вы, откуда, из какого времени, что вам надо. Говорите правду, или я сожгу вас.

Эверард покачал головой.

— Нет,— ответил он на ютском,— я вас не понимаю.

Уиткомб бросил на него быстрый взгляд, но ничего не сказал, решив не мешать американцу.

Нервы Эверарда были напряжены до предела — с мужеством отчаяния он понимал, что малейшая ошибка грозит им смертью.

— В наше время говорят так...

И он перешел на мексиканско-испанский диалект, коверкая его как можно сильнее.

— Вот как... латинский язык!— Глаза Стейна блеснули. Бластер в его руке задрожал.— Из какого же вы времени?

— Двадцатый век от Рождества Христова, и наша страна зовется Лайонесс. Она лежит за западным океаном...

— Америка!— Это прозвучало, как всхлип.— Ее когда-нибудь называли Америкой?

— Нет. Не понимаю, о чем вы говорите.

Стейн весь задрожал, но быстро взял себя в руки.

— Знаете латынь?

Эверард кивнул.

Стейн нервно рассмеялся.

— Тогда давайте говорить по-латыни. Если бы вы только знали, как я устал от здешнего свинского языка...

По-латыни он тоже говорил с некоторыми ошибками,— видимо, он выучил ее уже в этом веке,— но достаточно свободно. Он помахал бластером.

— Простите мое негостеприимство. Но мне следует быть осторожным!

— Естественно,— сказал Эверард.— Да... мое имя Менциус, а моего друга зовут Ювенал. Как вы уже догадались, мы из будущего, историки, способ передвижения во времени у нас только что открыт.

— На самом деле я — Розер Штейн из 2987 года. Вы... обо мне слышали?

— А как же!— сказал Эверард.— Мы предприняли это путешествие в поисках загадочного Стейна, который, как полагают, определил поворотный пункт истории. Мы подозревали, что он путешественник во времени — perigrinator temporis. Теперь мы знаем наверняка.

— Три года.

Штейн взволнованно заходил по комнате, размахивая бластером. Но он был еще слишком далеко для внезапного прыжка.

— Я здесь уже три года. Если бы вы только знали, как часто я лежал бессонными ночами и думал, удастся мне это или нет... Скажите мне, ваш мир пришел к единству?

— Земля и планеты,— сказал Эверард.— Уже очень давно.

Внутренне он задрожал. Его жизнь зависела от того, правильно ли он угадает, чего добивается Штейн.

— И вы свободный народ?

— Конечно. То есть у нас есть император, но все законы издает Сенат, и он избирается народом.

Похожее на маску гнома лицо Штейна выразило почти священный восторг. Черты его исказились.

— Все, как я мечтал,— прошептал Штейн.— Благодарю вас.

— Значит, вы отправились в прошлое, чтобы... творить историю?

— Нет,— сказал Штейн.— Чтобы изменить ее.

Слова полились из него потоком, как будто он мечтал выговориться, но много лет не смел это сделать.

— Я тоже был историком. Совершенно случайно я повстречался с человеком, который всем представлялся как купец с лун Сатурна, но я там жил когда-то и сразу же понял, что он лжет. Потом я докопался до истины. Это был путешественник во времени — из очень далекого будущего.

Вы должны понять, что век, в котором я жил, был ужасен, и как психоисторик я понимал, что война, нищета и тирания, которые были нашим проклятьем, происходили не от зла, внутренне присущего всем людям, а от того, что весь мир был построен не так. Высокая техника развивалась в разделенном мире, войны становились все более ужасными и разрушительными. Были, конечно, и периоды спокойствия, даже относительно долгие, но зло пустило слишком глубокие корни, столкновения стали неотъемлемой частью нашей цивилизации. Вся моя семья погибла во время венерианского налета, мне нечего было терять. Я захватил машину времени после того, как... устранил ее владельца. Самая большая ошибка, думал я, была сделана в глубоком прошлом, в средние века. Рим объединил в мире великую державу, а когда есть мир, то есть и справедливость. Но Рим истощил себя, империя распадалась. Варвары были жизнеспособны, они многого могли бы добиться, но слишком легко поддавались коррупции. Другое дело — Англия. Она была изолирована от загнивавшего римского общества. Её наводнили германцы, грязные полузвери, обладавшие силой и желанием учиться. В моей истории они просто уничтожили цивилизацию бриттов, а затем, будучи умственно беспомощными, сами были поглощены новым и беспощадным врагом, цивилизацией, которая называется западной. Я хотел, чтобы история шла иным путем. Это было нелегко. Не представляете, как это трудно — выжить в незнакомом для тебя веке, пока ты не научился приспосабливаться, даже если у тебя и есть современное оружие и хорошие дары для короля. Но сейчас я добился уважения Хенгиста и доверия бриттов. Я могу объединить эти два народа в борьбе против пиктов. Опираясь на силу саксов и римскую культуру, Англия станет единым королевством, достаточно могущественным, чтобы противостоять любому вторжению. Христианство, конечно, неизбежно, но я прослежу,

чтобы это было христианство, которое делает людей образованней и лучше, а не сковывает их догмами. В итоге Англия сможет постепенно овладевать государствами, расположенными на континенте, и вот мир станет единым. Я останусь здесь, пока не создам союз против пиктов, затем исчезну, но пообещаю вернуться позже. Если я буду появляться, скажем, каждые пятьдесят лет в течение нескольких веков, я стану легендой, богом, который не даст им свернуть с намеченного пути.

— Я много читал о Святом Стэниусе,— медленно проговорил Эверард.

— Я добился своего!— вскричал Штейн.— Я дал миру — мир!

По его щекам текли слезы.

Эверард придвинулся ближе. Штейн направил бластер ему в живот, все еще не вполне доверяя. Эверард чуть обошел его кругом, и Штейн тоже повернулся, чтобы держать его под прицелом. Но он был настолько опьянен кажущимися доказательствами своей победы, что совсем забыл об Уиткомбе. Через плечо Эверард бросил на англичанина выразительный взгляд.

Уиткомб замахнулся топором. Эверард бросился на пол. Штейн вскрикнул, и из дула бластера вырвалась молния. Топор рассек Штейну плечо. Уиткомб прыгнул и схватил его за руку, держащую бластер. Штейн застонал, пытаясь повернуть бластер. Эверард вскочил с пола и бросился на помощь Уиткомбу. Наступило минутное замешательство.

Затем бластер выпустил еще одну молнию, и Штейн мертвым грузом повис у них на руках. Кровь, хлещущая из огромной раны у него на груди, залила их одежду.

Вбежали двое стражников. Эверард подхватил с пола свой станнер, оглушающий противника до бесчувственного состояния. Копье задело его руку. Он дважды выстрелил, и стражники упали на пол. Они должны были прийти в себя не раньше, чем через несколько часов.

Пригнувшись, Эверард прислушался. Откуда-то в доме раздался женский крик, послышалась какая-то возня, но в комнату никто не вошел.

— Кажется, все в порядке,— сказал он, задыхаясь.

— Да.

Уиткомб взглянул на труп, лежащий между ними. Он казался маленьким и жалким.

— Я не хотел его смерти,— сказал Эверард.— Но время... не знает жалости. Наверно, так было записано.

— Лучше такая смерть, чем суд Патруля и высылка на отдаленную планету,— сказал Уиткомб.

— Юридически, по крайней мере, он был вором и убийцей,— сказал Эверард.— Но его мечта была великой мечтой.

— А мы уничтожили ее.

— Ее могла уничтожить история. И, наверно, должна была уничтожить. Один человек недостаточно могуч или мудр, чтобы быть в ответе за будущее планеты. Мне кажется, что большинство человеческих несчастий и бед происходит как раз из-за таких вот фанатиков с добрыми намерениями.

— Значит, наше дело — просто сидеть сложа руки и принимать все, что случится? Подумай о всех своих друзьях в 1947-м. Они бы просто никогда не родились на свет.

Уиткомб снял с себя плащ и попытался оттереть кровь с одежды.

— Пойдем,— сказал Эверард.

Они пошли через здание к заднему портику. Испуганная наложница проводила их взглядом. Чтобы попасть в следующую дверь, Эверарду пришлось выжечь замок бластером. В комнате стояла Инговая модель ма-

шины времени, несколько коробок с оружием и амуницией и книги. Эверард погрузил в машину все, кроме сундучка с радиоактивным металлом. Его надо было оставить, чтобы в будущем узнать о его существовании, вернуться за ним и помешать человеку, который хотел быть богом.

— Не хочешь отправиться в этой машине? — спросил он у Уиткомба.— Я тем временем заберу наш скуттер и встречу тебя в конторе, в 1894-м.

Уиткомб ответил ему долгим взглядом. Лицо у него было печальное, но постепенно на нем появилось выражение решимости.

— Ладно, старина,— сказал англичанин.

Он улыбнулся — почти грустно — и пожал Эверарду руку.

— Пока. Желаю удачи.

Эверард смотрел ему вслед, пока он входил в серый стальной цилиндр. Странное у них вышло прощание, если учесть, что через каких-нибудь несколько часов они будут вместе пить чай в 1894 году.

Беспокойство грызло его и тогда, когда он уже покинул здание и смешался с толпой. Странный парень этот Чарли. Что ж...

Никто не помешал ему выйти из города и направиться в рощу. Он вызвал скуттер и, несмотря на то, что следовало торопиться, чтобы случайный прохожий не полюбопытствовал, что за птица приземлилась в этих кустах, открыл кувшин с элем. Ему сейчас было просто необходимо выпить. Затем он в последний раз взглянул на Старую Англию и настроил программатор на год 1894.

Мэйнуоттеринг и его охрана были на месте. Сначала они встревожились, увидев только одного человека, всего забрызганного кровью, но Эверард быстро рассеял их опасения на этот счет.

Пока он помылся, побрился и продиктовал рапорт секретарю, прошло довольно много времени. Уиткомб давно уже должен был приехать в кэбе, но о нем не было ни слуху ни духу. Мэйнуоттеринг вызвал по радио склад и нахмурился.

— Его еще нет,— сказал он.— Что-нибудь могло случиться?

— Вряд ли. Эти машины времени безотказны.

Эверард закусил губу.

— Не знаю, в чем дело. Может быть, он меня не понял и отправился к себе в 1947-й?

После запросов выяснилось, что Уиткомб не доложил о своем прибытии и у себя.

Эверард и Мэйнуоттеринг пошли выпить по чашке чая. Когда они вернулись, от Уиткомба все еще не было никаких известий.

— Я думаю, надо оповестить разъездной патруль,— сказал Мэйнуоттеринг.— А что? Они быстро его разыщут.

— Нет. Погодите.

Эверард на минуту задумался. Он начал понимать, что произошло. И мысль эта была ужасна.

— У вас есть какие-либо предположения?

— Да. Кое-какие есть.

Эверард принялся поспешно стаскивать с себя викторианскую одежду. Руки его дрожали.

— Дайте мне мои вещи 20-го века, пожалуйста. Я, может быть, найду его сам.

— Патруль требует от вас предварительного доклада о ваших предположениях и намерениях,— напомнил Мэйнуоттеринг.

— К черту Патруль!— ответил Эверард.

6

Лондон, 1944-й. Ранняя зимняя ночь и пронзительный холодный ветер, продувающий темные улицы. Где-то слышится взрыв, вспыхивает огонь, красные языки пламени, точно флаги, полощутся над крышами.

Эверард остановил свой скуттер прямо на панели — при обстрелах фау-снарядами все равно никто не выходил из дому — и медленно пошел по сумеречной улице. Семнадцатое ноября — тренированная память услужливо подсказала ему нужную дату. День смерти Мэри Нельсон.

Он вошел в будку телефона-автомата на углу и стал листать телефонный справочник. Нельсонов было много, но Мэри Нельсон в районе Стритхема была только одна. Это, конечно, мать. Он догадался, что дочь зовут так же. Не знал он и времени, когда упал снаряд, но это-то как раз было нетрудно выяснить.

Когда он выходил из будки, рядом раздался взрыв. Он свалился на тротуар ничком, и осколки стекла просвистели мимо. Семнадцатое ноября 1944 года. Мэнс Эверард — тогда он был моложе,— лейтенант инженерного корпуса США, в это время находился где-то за Ла-Маншем неподалеку от немецких пушек. Он не мог сейчас точно припомнить, где именно, да и зачем? Это не имело значения.

Он знал, что в эту бомбежку с ним лично ничего не случится.

Новая вспышка высветила пространство за его спиной, пока он бежал к своему скуттеру. Он прыгнул на сиденье и поднялся в воздух. С высоты он не увидел города — только мрак и пятна огня. Вальпургиева ночь! Ад на земле!

Он хорошо помнил Стритхем — скучные ряды кирпичных домов, населенных клерками, зеленщиками и механиками, именно они поднялись на борьбу с силой, перед которой склонилась вся Европа. В 1943-м здесь жила одна девушка... Потом она вышла замуж за другого.

Он летел низко, пытаясь найти нужный дом. Неподалеку поднялся столб огня. Скуттер затрясся, Эверард чуть не вылетел из седла. Потом он увидел, как развалилось и запылало какое-то здание. Всего в трех кварталах от дома Нельсонов.

Он опоздал!

Нет!

Он взглянул на часы — десять тридцать — и перепрыгнул на два часа назад. Ночь уже наступила, но разбомбленный дом прочно стоял на своем месте. На секунду ему захотелось предупредить всех, живущих в нем. Но нет. Люди гибли сейчас во всем мире. Он не Штейн, чтобы взваливать на свои плечи историю.

Эверард усмехнулся, остановил скуттер и вошел в ворота. Он ведь и не из этих проклятых данеллиан. Эверард постучал, и дверь открылась. Женщина средних лет глядела на него из полумрака, и он вдруг понял, что ее удивил его штатский костюм. Она не привыкла видеть американцев в штатском.

— Простите,— сказал он,— вы ведь знаете мисс Мэри Нельсон?

— Конечно.— Женщина заколебалась.— Она живет поблизости. Она скоро придет. Вы ее друг?

Эверард кивнул головой.

— Она просила меня передать вам, миссис... э...

— Эндерби.

— О да, конечно, миссис Эндерби. Простите мою забывчивость. Мисс Нельсон просила передать вам, что никак не сможет прийти. Но очень просит вас и всю вашу семью быть у нее ровно в десять тридцать.

— Всю семью, сэр? Но дети...

— И детей обязательно тоже. Всех. Она для вас приготовила какой-то сюрприз и хочет его преподнести всем вместе именно у себя. Так что обязательно приходите.

— Что ж, хорошо, сэр... если она просит.

— Она приглашает вас всех, в 10.30 без опоздания. Увидимся там, миссис Эндерби.

Эверард откланялся и вышел на улицу.

Он сделал все, что мог. Теперь надо было спешить к дому Нельсонов. Он проехал три квартала, оставил свой скуттер в темной аллее и пошел к дому. На нем лежала теперь вина, такая же, как на Штейне. Он раздумывал, какой может оказаться отдаленная планета.

Рядом с домом Нельсонов не оказалось машины времени, а Инговая модель была слишком велика, чтобы ее можно было спрятать. Значит, Чарли еще не прибыл. Придется потянуть время.

Постучавшись в дверь, он продолжал размышлять, к чему может привести то, что он спас семью Эндерби. Дети вырастут, у них появятся свои дети; обычные англичане среднего класса, но где-нибудь в веках может родиться или, напротив, не родиться очень значительный человек. Время, конечно, не столь уж негибко. Кроме некоторых исключительных случаев ближайшие предки не имеют решающего значения, важен генетический код целого рода. Но ведь данный случай вполне может оказаться исключительным.

Дверь ему открыла молодая женщина, хорошенькая, небольшого роста, военная форма была ей очень к лицу.

— Мисс Нельсон?

— Да?

— Меня зовут Эверард. Я — друг Чарли Уиткомба. Разрешите войти? У меня для вас довольно неожиданные новости.

— Я только что собиралась уходить,— сказала она извиняющимся тоном.

— Нет, вы никуда не пойдете.

Он совершил ошибку. Девушка вспыхнула от негодования.

— Простите. Разрешите же мне все объяснить.

Она провела его в гостиную с довольно убогой разношерстной мебелью и занавешенными окнами.

— Присаживайтесь, мистер Эверард. Только, пожалуйста, говорите тише. Мои все спят. Им рано вставать.

Эверард уселся поудобнее. Мэри устроилась на самом краешке дивана, глядя на него большими глазами. Он почему-то подумал, что Ульфнот и Эдгар могли быть ее предками. Да. Возможно. И Штейн тоже...

— Вы в летных частях?— спросила она.— Там и познакомились с Чарли?

— Нет. Я из разведки, поэтому и одет в штатское. Скажите, когда вы его в последний раз видели?

— О, давно. Сейчас он во Франции. Надеюсь, что война скоро кончится. Так глупо с их стороны продолжать воевать, когда совершенно ясно, что им конец, правда?

Она с любопытством посмотрела на него.

— Но что у вас за новости?

— Минуточку.

Эверард пытался отвлечь ее разговорами о военных событиях, о положении на континенте. Странно было разговаривать с призраком. Он не мог заставить себя сказать ей правду, мешала дисциплина, вошедшая в плоть

и кровь. Он хотел все рассказать, но язык,казалось, прилипал к гортани и не повиновался ему.

— ...и вы себе представить не можете, как тяжело иногда достать пузырек самых обычных чернил...

— Пожалуйста,— нетерпеливо перебила она.— Скажите мне сразу, в чем дело?Я договорилась пойти сегодня к знакомым.

Его спас стук в дверь.

— Извините,— прошептала она и прошла к двери мимо занавешенных окон. Эверард вышел вслед за ней.

Она отшатнулась и вскрикнула:

— Чарли!

Уиткомб прижал ее к себе, не замечая своей ютской одежды, забрызганной кровью. Эверард вышел в холл. Англичанин с ужасом уставился на него.

— Ты...

Он потянулся за станнером, но Эверард уже успел выхватить свой.

— Не будь дураком,— сказал американец.— Я твой друг. Я хочу тебе помочь. Что за безумие ты хочешь совершить?

— Я... я не дам... не дам ей пойти... не дам пойти...

— И ты думаешь, они не сумеют обнаружить тебя?

Эверард перешел на темпоральный, единственно возможный язык в присутствии перепуганной Мэри.

— Когда я ушел от Мэйнуоттеринга, он уже что-то начал подозревать. Если мы сейчас не найдем верного решения, весь Патруль будет поднят на ноги. Чтобы исправить ошибку, они, возможно, просто убьют ее. Тебя сошлют на отдаленную планету.

— Я...

Уиткомб проглотил комок в горле. На лице его застыл ужас.

— Ты... ты хочешь, чтобы она ушла и ее убили?

— Нет. Но сделать это надо по-умному.

— Мы исчезнем... в какую-нибудь эпоху... если надо, даже к динозаврам.

Мэри высвободилась из его объятий. Она готова была закричать.

— Молчите!— прикрикнул Эверард.— Ваша жизнь в опасности, и мы пытаемся вас спасти. Если не верите мне, поверьте хоть Чарли.

Он снова заговорил с Уиткомбом на темпоральном.

— Слушай, друг, нет такой эпохи или эры, где бы ты мог спрятаться со своей возлюбленной. Мэри Нельсон умерла сегодня ночью. Ее не было в 1947 году. Это тоже исторический факт. Я сам кое во что впутался: семья, которую она собиралась навестить, уйдет из дома, когда там упадет бомба. Если ты попытаешься скрыться с ней, вас все равно найдут. Чистая случайность, что здесь еще нет патрульных.

Уиткомб попытался взять себя в руки.

— А если я заберу ее с собой в 1948-й? Откуда ты знаешь, что она вдруг внезапно не появилась в 1948-м? Может быть, это тоже факт истории?

— Да пойми ты, это невозможно. Попробуй. Скажи ей, что ты собираешься перенести ее в будущее на четыре года вперед.

Уиткомб застонал.

— Безнадежно... Я обречен...

— Да. Ты вообще не имел права даже появляться здесь в таком виде. Теперь тебе придется лгать, иначе она ничего не поймет. Между прочим, как ты собираешься объяснить ее появление вместе с тобой? Если она останется военнослужащей Мэри Нельсон — она дезертир. Если примет дру-

гое имя,— где ее свидетельство о рождении, школьный аттестат, продовольственные карточки — все те документы, которые правительства двадцатого века так свято чтут? Безнадежное дело, дружище.

— Что же делать?

— Ждать патрульных и ничего более. Не уходи, я сейчас вернусь.

Эверард был холоден и точен, ему некогда было ни бояться, ни даже удивляться собственному поведению.

Вернувшись на улицу, он поставил программатор скуттера на пять лет вперед, двенадцать часов дня, площадь Пиккадилли Сэркус. Он включил главное устройство, посмотрел, как машина исчезает в воздухе, и вернулся обратно в дом. Мэри плакала в объятиях Уиткомба. Бедные дети, заблудившиеся в лесу!

— Порядок!

Эверард отвел их обратно в гостиную, сел и вытащил свой станнер.

— Теперь еще немного подождем.

Ждать пришлось недолго. Скуттер с двумя людьми в серой форме Патруля возник, как по волшебству. В руках патрульных было оружие.

Эверард направил на них слабый луч станнера, рассчитанный на то, чтобы только оглушить их.

— Помоги мне связать их, Чарли,— сказал Эверард.

Когда патрульные пришли в себя, Эверард стоял над ними, холодно улыбаясь.

— В чем нас обвиняют, ребята?— спросил он на темпоральном.

— Думаю, вам это известно, спокойно сказал один из пленников.— Разыскать вас нам поручило Главное управление. Проверив всю следующую неделю, мы выяснили, что вы эвакуировали семью, которая должна была погибнуть при бомбежке. Из анкеты Уиткомба нетрудно было установить, что вы придете к нему на помощь и попытаетесь спасти женщину, которая должна была умереть сегодня ночью. Советую вам развязать нас, если вы не хотите еще больше повредить себе.

— Я же не изменил историю,— сказал Эверард.— Данеллиане остались там, где и были, верно?

— Да, конечно, но...

— С чего вы взяли, что семья Эндерби должна была погибнуть при бомбежке?

— Их дом разрушен, и они сказали, что ушли заранее только потому...

— Ага, но суть в том, что они ушли. Это факт истории. Значит, это вы хотите изменить прошлое.

— Но эта женщина...

— А вы уверены, что не было какой-нибудь Мэри Нельсон, которая приехала в Лондон в 1850 году и умерла от старости в 1900-м?

Патрульный ухмыльнулся.

— Вы настырный парень, а? Но номер не пройдет. Вы не сможете переспорить весь Патруль.

— Неужто нет? Я могу оставить вас связанными здесь, на полу, и вас найдет семья Эндерби. Я запрограммировал свой скуттер так, что он появится в публичном месте и во время, известное только мне одному. Как вы думаете, что после этого произойдет с историей?

— Патруль примет необходимые меры... как это сделали вы в пятом веке.

— Возможно! Но думаю, что облегчу им задачу, если смогу изложить свою просьбу. Я хочу говорить с данеллианином.

— Что?!

— То, что я сказал,— ответил Эверард.— Если потребуется, я возьму хоть ваш скуттер и отправлюсь на миллион лет вперед. Я просто расскажу им, насколько проще будет пойти нам навстречу.

— *В этом не будет необходимости!*

Эверард резко обернулся. У него перехватило дыхание, станнер выпал из его рук, глаза слепило мерцающее сияние. В горле у него сразу пересохло, он попятился назад.

— *Ваша просьба уже рассмотрена,*— произнес беззвучный голос.— *Все было известно и обдумано за много веков до вашего рождения. Но вы все же были необходимым звеном в цепи времени. И если бы сегодня ваш замысел не удался, вам не было бы пощады... Некие Чарлз и Мэри Уиткомб жили в викторианской Англии — это исторический факт. Но в истории также значится, что какая-то Мэри Нельсон погибла в доме своих знакомых во время бомбежки в 1944 году, а Чарлз Уиткомб оставался холостяком до конца жизни и был убит в одной из операций Патруля. Эта неувязка была нами замечена, а так как даже малейший парадокс в ходе истории опасен, один из этих двух фактов должен был исчезнуть с ее страниц. Сейчас вы сами определили, какой именно.*

В подсознании Эверард знал, что веревки с патрульных внезапно упали. В своем мятущемся мозгу он уловил мысль, что его скуттер исчез... исчезает... исчезнет в момент своего появления на Пиккадилли Сэркус. Он знал, что факты истории теперь выглядят так: Мэри Нельсон пропала без вести, по всей видимости, убита бомбой около дома семьи Эндерби, которая, в свою очередь, находилась в ее квартире, когда упала эта бомба. Чарлз Уиткомб, пропавший без вести в 1947 году, по всей видимости, утонул в море. Эверард знал, что Мэри сказали правду, внушили ей, что она должна ее забыть, и переместили вместе с Чарли в 1850 год. Он также знал, что они будут жить, как и другие англичане среднего класса, но так до конца и не приспособятся к викторианской эпохе, что Чарли будет с болью душевной вспоминать о своей службе в Патруле, но любовь к жене и детям возьмет верх, и он поймет, что не так уж велика была жертва.

Он узнал все это, а затем данеллианин исчез. Сознание Эверарда постепенно прояснялось, и он снова посмотрел на двух патрульных. Какой будет его собственная судьба, он не знал.

— Пошли,— сказал первый патрульный.— Надо выбраться отсюда, пока люди не проснулись. Мы подбросим вас в ваш год. 1954-й? Верно?

— И что же дальше? — спросил Эверард.

Патрульный пожал плечами. Он держался и говорил небрежно, но за всем этим чувствовалось, что потрясение от встречи с данеллианином еще не прошло.

— Явитесь к начальнику своего отделения. Как показывают факты, вы совершенно не пригодны для регулярной работы.

— Значит... меня просто увольняют?

— Только без драм. Вы что думаете, это первый случай за миллионы лет работы Патруля? Существует обычный порядок. Вам, безусловно, нужно будет еще подучиться. Люди такого типа, как вы, больше подходят для статуса агента с правом свободных действий: сегодня — здесь, завтра — там, любой век и любое место, где вы можете понадобиться. Мне кажется, что эта работа как раз для вас.

Эверард забрался на скуттер, чувствуя слабость во всем теле. Когда он сошел с него, на земле прошло уже десять лет.

БЫТЬ ЦАРЕМ[1]

1

Однажды вечером в Нью-Йорке середины двадцатого века Эверард, переодевшись в старенький халат, смешивал себе коктейль. Его прервал звонок в дверь. Он выругался. За последние несколько дней он очень устал и сейчас не желал иной компании, кроме доктора Ватсона и его рассказов.

Может быть, ему быстро удастся избавиться от незваного гостя? В домашних туфлях он прошлепал через квартиру и открыл дверь, придав своему лицу как можно более недружелюбное выражение.

— Привет,— холодно сказал он. И тут же в одно мгновение ему показалось, что он на допотопном космическом корабле, который только что освободился от земного притяжения: наступила невесомость, и он беспомощно барахтается в воздухе среди сияния звезд.

— Ох,— сказал Эверард.— Я и не думал... Заходи.

Цинтия Денисон задержалась на секунду в дверях, глядя на бар поверх его головы. Над баром висели два скрещенных копья и шлем с плюмажем из Эгеиды бронзового века. Предметы были темные, блестящие и изумительно красивые. Она попыталась говорить спокойно, но из этого ничего не вышло.

— Налей мне чего-нибудь, Мэнс. Только поскорей.

— Ну, конечно.

Он крепко стиснул зубы и помог ей снять плащ. Она закрыла за собой дверь и присела на модную шведскую кушетку, такую же красивую и необходимую, как оружие над баром. Дрожащими руками она достала из сумочки сигареты. Некоторое время они избегали смотреть друг на друга.

— Все еще пьешь ирландское?— спросил он.

Ему показалось, что слова эти донеслись откуда-то издалека, а его тело, неуклюже ворочавшееся среди бокалов и бутылок, забыло все, чему его обучили в Патруле.

— Да, сказала она.— Значит, ты еще помнишь.

Неожиданно громко щелкнула ее зажигалка.

— Прошло всего несколько месяцев,— сказал он, не зная, что говорить дальше.

Энтропия. Обычное время, ничем не изменяемые сутки по двадцать четыре часа в каждых.

Она выпустила клуб дыма и посмотрела, как он расплывается в воздухе.

— Я почти все время пробыла в нашей эпохе со дня моего замужества. Ровно восемь с половиной месяцев моего личного, биологического времени жизни, с тех пор как Кейт и я... А ты, Мэнс? Сколько времени и в скольких эпохах ты прожил с тех пор, как был шафером на нашей свадьбе?

У нее всегда был довольно высокий и тонкий голос, единственный недостаток, который он мог в ней найти, если не считать ее маленького роста — всего пять футов. Поэтому речь ее всегда звучала невыразительно. Но сейчас он понял, что она едва сдерживается, чтобы не заплакать.

Он подал ей бокал.

— До дна,— сказал он.— Пей.

Она повиновалась и перевела дыхание. Он дал ей второй бокал и налил себе шотландского виски с содовой. Затем придвинул кресло и достал из

[1] Печатается по изд.: Звезда. 1981. № 8.

своего старого, изъеденного молью халата трубку и табак. Руки у него еще слегка дрожали, но он надеялся, что она не заметит этого. Она повела себя умно, не выпалив сразу же, зачем пришла: им обоим нужно было время, чтобы прийти в себя.

Сейчас он даже нашел в себе силы прямо взглянуть на нее. Несмотря на маленький рост, фигура у нее была почти безупречная, и черное платье подчеркивало изящество линий. Золотистые волосы падали до плеч, глаза — огромные голубые глаза — сияли из-под крутых дуг бровей, на лице, чуть запрокинутом вверх, губы были, как всегда, полуоткрыты.

Эверард медленно набивал трубку.

— Ну ладно, Цин,— сказал он.— В чем дело?

Она вздрогнула и с трудом проговорила.

— Кейт. Он исчез.

— Что?— Эверард выпрямился в кресле.— Выполнять задание?

— Да. Как же иначе? Отправился в Древний Иран. И не вернулся. Это было неделю назад.

Она поставила бокал рядом с собой на кушетку и переплела пальцы.

— Патруль, конечно, провел самое тщательное расследование. Я узнала результаты только сегодня. Они не смогли найти его. Даже не сумели выяснить, что с ним случилось.

— Вот гады,— прошептал Эверард.

— Кейт всегда... всегда считал тебя своим лучшим другом. Ты даже не знаешь, как часто он говорил о тебе. Честно, Мэнс. Я знаю, мы мало общались с тобой, но тебя ведь никогда не было на месте.

— Конечно,— сказал он.— Ты что, думаешь, я малое дитя? Я был занят. И потом, в конце концов, вы же — молодожены.

После того как я познакомил вас на Гавайях в лунную ночь у вулкана Моуна Лоа. Патрулю наплевать на условности, и такой новичок, как молоденькая Цинтия Куннингэм, только что выпущенная из Академии, работающая простым клерком в своем собственном веке, имеет полное право встречаться с заслуженным ветераном... со мной, например, встречаться сколько угодно, когда мы оба свободны от работы. И почему бы не использовать свой опыт и в соответствующей одежде не переносить ее на танцы в Вену Штрауса или в Лондон в Шекспировский театр, в маленькие бары старинного Нью-Йорка или на солнечные пляжи на Гавайях, где человек со своим каноэ появится еще только через тысячу лет? А его товарищ из Патруля, почему бы ему тоже не принять участие в их маленьких развлечениях? А потом и не жениться на ней? Вот так-то!

Эверард раскурил трубку. Когда его лицо заволокло клубами дыма, он сказал:

— Начни-ка с самого начала. Я не видел тебя два-три года своей биологической жизни и не знаю точно, над чем работал Кейт.

— Так долго?— с удивлением спросила она.— Ты даже не проводил отпуска в нашем десятилетии? Мы очень хотели видеть тебя.

— Перестань извиняться,— отрезал он.— Если бы захотел, я бы сам вас навестил.

Ее нежное личико перекосилось, как от удара.

Он тоже вздрогнул и забил отбой.

— Извини. Конечно, я хотел повидаться. Но ведь ты знаешь, мы, агенты с правом свободных действий, слишком заняты — все эти прыжки в пространстве-времени, чувствуешь себя как блоха на сковородке. Ох, черт!— он попытался улыбнуться.— Ты же помнишь, Цин, что я — невежа, но это ведь только на словах. Знаешь, я лично породил легенду о Хи-

мере в Древней Греции. Был там известен под именем «дилайопод», странное чудище с двумя левыми ногами, торчащими изо рта.

Она послушно улыбнулась и взяла из пепельницы свою сигарету.

— А я все еще — простой клерк в Компании технологических исследований,— сказала она.— Но зато у меня тесная связь со всеми секциями и отделениями нашего ареала, включая и главное управление. Поэтому я точно знаю, какие меры были приняты для поисков Кейта, и считаю их недостаточными! Они просто бросили его! Мэнс, если и ты не поможешь, Кейт погибнет.

Она замолчала, вся дрожа.

Чтобы дать себе самому и ей время успокоиться, Эверард промолчал и стал вспоминать карьеру Кейта Денисона.

Родился в Кембридже, штат Массачусетс, в мае 1927 года, в довольно богатой семье. Докторскую степень за выдающуюся работу по археологии получил в двадцать три года. Неоднократно выигрывал чемпионаты по боксу в колледже, пересек Атлантический океан на маленькой яхте. Ушел в армию в 1950-м, служил в Корее и отличался храбростью, которая принесла бы ему славу в более популярной войне.

С Кейтом надо было достаточно сблизиться, чтобы узнать все это. Когда он был не на работе, он судил о разных вещах с тонкой иронией. Когда же наступало время действовать, просто делал свое дело без лишних слов.

«Конечно,— подумал Эверард,— девушка достается самому достойному. Кейт легко мог бы получить статус свободного агента, если бы захотел. Но у него здесь есть корни, которых нет у меня. Наверное, он более постоянен».

Выйдя в отставку в 1952 году, Денисон завербовался по тому же объявлению, что и Эверард. Возможность путешествий во времени он осознал и принял более легко и естественно, чем большинство других: он обладал гибким умом и был, в конце концов, археологом. После окончания Академии он с радостью обнаружил, что его собственные интересы совпадают с нуждами Патруля: он стал Специалистом по древней истории индоевропейцев Востока и во многих отношениях был более ценным работником, чем Эверард.

Потому что свободный агент мог путешествовать во всех направлениях по трассам времени, спасая попавших в беду, арестовывая правонарушителей, охраняя неприкосновенность ткани человеческих судеб. Но что бы он делал без знания истории? За много веков до появления иероглифов существовали войны, путешествия, совершались открытия, последствия которых сказались на всем протяжении временно́го континуума. Патруль должен был знать о них. Изучать ход событий — в этом состояла работа Специалиста.

Кроме того, Кейт был моим другом.

Эверард вынул трубку изо рта.

— Ну ладно, Цинтия,— сказал он.— Расскажи мне, что же случилось.

2

Высокий голос почти не дрожал — она взяла себя в руки.

— Он прослеживал миграцию разных индоевропейских племен. Об этом мало сведений. Приходится начинать с точно известного в истории момента, а оттуда уже идти назад. Поэтому Кейт и собрался в Иран 558 года до нашей эры. Он говорил, что это близко к концу мидийского пе-

риода. Ему приходилось расспрашивать жителей, перенимать их обычаи и нравы, затем отправляться в еще более ранний период, и так далее. Но ты же все это должен знать, Мэнс, ты ведь однажды помогал ему, до того как мы встретились. Он часто говорил мне об этом.

— О, я просто помог ему в одном хлопотном деле.— Эверард пожал плечами.— Он тогда изучал древнейший путь одного племени от Дона до Гиндукуша. Мы представились их вождю как охотники, воспользовались его гостеприимством и пропутешествовали с племенем несколько недель. Это было забавно.

Он вспомнил степи и огромный простор небес над головой, бешеную скачку за антилопой, пиршество у костра и девушку, чьи волосы горьковато пахли дымом. На секунду у него возникло желание прожить свою жизнь и умереть, как самый обычный человек из этого племени.

— В последний раз Кейт ушел один,— продолжала Цинтия.— У них там в отделении, да и во всем Патруле вечно не хватает специалистов. Сколько тысячелетий приходится изучать, и так мало коротких человеческих жизней, чтобы делать это. Он и раньше уходил один. Я всегда боялась его отпускать, но он говорил, что в одежде бродячего пастуха, у которого и украсть-то нечего... он будет в меньшей опасности в горах Ирана, чем переходя Вродвей. Но только не в этот раз!

— Ты хочешь сказать,— быстро спросил Эверард,— что он оставил Нью-Йорк неделю назад, чтобы собрать всю нужную информацию, доложить по своему отделению и вернуться к тебе в тот же день?

Потому что только слепой кретин может оставить тебя одну надолго.

— И он не вернулся?

— Нет.

Она прикурила вторую сигарету от окурка.

— Я сразу начала волноваться и попросила своего начальника выяснить в чем дело. Он оказал мне любезность, послал запрос на неделю вперед в будущее, то есть в сегодняшний день, и получил ответ, что Кейт еще не вернулся. Информационный пропускной центр сообщал, что Кейт к ним не являлся. Его отделение ничего о нем не знает. Мы сверились с данными главного управления. Они ответили, что... что... Кейт так никогда и не возвращался и что не было найдено даже его следов.

Эверард осторожно кивнул головой.

— Тогда, конечно, и начался поиск, о котором имеются данные в главном управлении.

Изменчивое время допускает множество парадоксов, в тысячный раз подумал он. Если вдруг пропадал человек, из этого вовсе не следовало, что требовалось организовать его поиски, даже если где-то и было отмечено, что это произошло. Но какая еще есть возможность найти человека? Конечно, можно вернуться в прошлое и изменить историю так, чтобы в конце концов обнаружить его. В таком случае окажется: в истории «всегда» значилось, что дело было успешно завершено. И только ты один будешь знать «прежнюю» правду.

Все это создавало большую путаницу. Неудивительно, что Патруль с неудовольствием относился к любому, пусть самому маленькому изменению, которое даже не затрагивало основного хода событий.

— Наше отделение послало ребят в ареал Древнего Ирана расследовать это дело,— продолжал за Цинтию Эверард.— Они только приблизительно знали, где и когда Кейт должен был появиться, верно? Я имею в виду, что он и сам не знал, где сумеет спрятать свой скуттер, так что не мог оставить точных координат.

Цинтия кивнула.

— Но я не понимаю одного: почему они не нашли сам скуттер? Что бы ни случилось с Кейтом, скуттер пропасть не мог, он должен был быть где-нибудь поблизости, в какой-нибудь пещере, например. В Патруле есть детекторы. Они должны были найти скуттер и уж отсюда вести поиски самого Кейта.

Она с такой силой затянулась сигаретой, что щеки ее запали.

— Они пытались найти скуттер,— сказала она.— Но мне объяснили, что это — дикая, холмистая страна, где очень трудно вести поиски. Ничего не вышло. Они даже не нашли следов. Конечно, если бы патрульные прочесывали час за часом, милю за милей, может быть, что-нибудь и получилось. Но они не осмелились. Видишь ли, этот ареал в критическом положении. Гордон показал мне выводы из анализа ситуации. Я не поняла всех этих обозначений и букв, но он объяснил мне, что это очень опасный век, который лучше не ворошить.

Эверард прикрыл рукой огонек трубки. Ее тепло успокаивало. Эпохи критических ситуаций никогда не приводили его в особенный восторг.

— Понятно,— сказал он.— Они не сумели произвести тщательный поиск потому, что это могло привлечь внимание слишком большого числа местных жителей и в критический момент они повели бы себя совсем не так, как обусловлено историей. Понятно. А кто-нибудь пытался переодеться, походить среди людей и осторожно разведать, что к чему?

— Несколько экспертов из Патруля. Они жили там по многу недель, конечно, из расчета времени Древней Персии. И не услышали ни малейшего намека. Эти племена настолько дики и подозрительны... может, они боялись, что наши агенты — шпионы мидийского царя: насколько я поняла, они недовольны его правлением... Нет. Патруль не смог ничего обнаружить. И к тому же нет никаких данных, что исчезновение Кейта как-то повлияло на историю. Они считают, что Кейта убили, а его скуттер куда-то исчез. И какая разница...

Цинтия вскочила на ноги и почти закричала.

— И какая разница, если среди множества скелетов, затерявшихся в веках, в каком-нибудь овраге окажется еще один?

Эверард тоже поднялся, она прильнула к его груди, и он не стал мешать ей выплакаться. Он никогда не подозревал, что ему будет так плохо. Он уже совсем перестал вспоминать ее (разве что по десять раз на дню), но сейчас она пришла к нему сама, и ему придется забывать ее заново.

— Разве нельзя вернуться назад в пределах нашего времени?— взмолилась она.— Хотя бы на неделю назад, чтобы предупредить его, что он не должен туда отправляться? Разве я многого прошу? Что за чудовища придумали закон, запрещающий это?

— Его придумали самые обычные люди,— сказал Эверард.— Если мы хоть раз начнем играть с собственным прошлым, то в конце концов запутаемся так, что никого из нас просто не останется в этом мире.

— Но за миллионы лет, и даже больше... ведь были же исключения!

Эверард не ответил. Он знал, что исключения были. Он также знал, что в деле Кейта Денисона исключения сделано не будет. В Патруле работали не святые, но ни один патрульный не осмелился бы нарушить существующие законы в личных целях. Потери ты воспринимаешь, как на войне, и поднимаешь бокал в память погибшего, но не отправляешься назад в прошлое, чтобы увидеть его живым.

Цинтия высвободилась из его объятий, вернулась на кушетку и выпила свой бокал до дна. Когда она запрокинула голову, золотые локоны упали ей на лицо.

— Прости,— сказала она, вынула платок и вытерла глаза.— Прости, что я разревелась.

— Глупости.

Она уставилась в пол.

— Ты можешь попытаться помочь Кейту. Обычные агенты бросили это дело, но ты можешь попробовать.

Это была мольба, и отступать Эверарду было некуда.

— Могу,— сказал он.— У меня может ничего не получиться. В истории значится, что если я попытаюсь разыскать его, у меня ничего не выйдет. Кроме того, на любое изменение пространства-времени посмотрят косо даже в таком простом и обычном деле.

— Для Кейта это дело совсем не обычное.

— Знаешь, Цин,— прошептал он,— немногие женщины на Земле сказали бы так. Большинство сказало бы, что это дело довольно непросто для меня.

Она попыталась поймать его взгляд и секунду стояла совершенно неподвижно. Потом пролепетала:

— Прости, Мэнс. Я не знала... Я думала, за столько времени ты уже...

— О чем это ты?— проговорил он, обороняясь.

— Неужели психологи Патруля ничего не могут сделать?— спросила она и снова опустила голову.— Уж если они смогли обработать нас до такой степени, что мы просто не в состоянии никому рассказать, что существуют путешествия во времени... я думала, вполне возможно внушить человеку, что он больше не...

— Замолчи,— грубо оборвал ее Эверард. Некоторое время он сосредоточенно грыз свою трубку.— Хорошо,— сказал он наконец.— Есть у меня кое-какие соображения по этому поводу. Если Кейта можно спасти, ты его увидишь завтра утром.

— Скажи, ты можешь перебросить меня сейчас в завтрашний день?

— Могу,— сказал он.— Только я этого не сделаю. Тебе нужно хорошенько отдохнуть за ночь. Я провожу тебя домой и позабочусь, чтобы ты приняла снотворное. Затем вернусь сюда и все хорошенько обдумаю.

Его губы дрогнули в каком-то подобии усмешки.

— Прекрати этот рев, слышишь? Я же сказал, что мне необходимо подумать.

— Мэнс...

Она вложила свои руки в его.

Он вдруг ощутил в ней внезапный прилив надежды и проклял себя за это.

3

Осенью 542 года до нашей эры в долину Кура въезжал какой-то одинокий всадник. Он ехал на гнедой кобыле, более крупной, чем даже местные кавалерийские лошади, которая в другом месте наверняка привлекла бы какого-нибудь разбойника. Но Великий царь установил во всех своих владениях такой строгий порядок, что, как говорили в народе, даже девственница с полным мешком золота за плечами могла пройти всю Персию вдоль и поперек безо всякого для себя ущерба. Это было одной из причин, по которой Мэнс Эверард выбрал именно эту дату: шестнадцать лет спустя после исчезновения Кейта Денисона. Другая причина заключалась в том, что он хотел оказаться в Персии тогда, когда улягутся волнение и суматоха, вызванные появлением в 558 году первого путешественника во времени.

Какова бы ни была судьба Кейта, о ней легче всего было узнать в более позднее время, по крайней мере непосредственно после происшествия Патрулю ничего сделать не удалось.

И наконец, согласно данным Ахеменидского ареала, 542 год был первым относительно спокойным годом с момента исчезновения Кейта. Годы 558—553, когда персидский царь Аншана Куруш (известный истории под именем Кира) находился в натянутых отношениях со своим господином мидийским царем Астиагом, были очень напряженными. Затем следовали три года, во время которых Кир поднял мятеж, империю разрывала гражданская война, и персы в конце концов победили своих северных соседей. Но Кир не мог еще считать себя победителем. Ему предстояло подавить восстания побежденных и отразить набеги урало-алтайских племен; он потратил еще четыре года на то, чтобы справиться со всем этим и расширить свои владения к востоку. Это встревожило его соседей — монархов. Вавилон, Египет, Лидия и Спарта составили коалицию во главе с лидийским царем Крезом и в 546 году напали на Кира. Лидийцы были разбиты наголову, их земли были захвачены, но они поднимали восстания, которые снова и снова приходилось подавлять. Надо было как-то договориться с греческими колониями: Ионией, Карией и Ликией,— и пока полководцы Кира разрешали эти проблемы на Западе, сам он воевал на Востоке, отбрасывая от границ государства дикие племена, грозящие захватить и сжечь его города.

Сейчас как раз наступила передышка от всех этий войн. Киликия сдалась без борьбы, видя, что на всех завоеванных землях Персия издает невиданно гуманные законы и проявляет терпимость к местным обычаям. Кир поручил восточные походы своим приближенным и занялся объединением империи, которую создал. Войны с Вавилоном теперь не будет до 539 года; только тогда империя присоединит к своим владениям и Месопотамию. А затем опять наступит долгое время мира, пока не наберут силы дикие племена за Аральским морем и царь Кир не отправится воевать с ними навстречу своей гибели.

Мэнс Эверард въезжал в Пасаргады, как в страну надежды, хотя, пожалуй, нет такой эры в истории, которая давала бы основание для столь пышной метафоры.

Эверард проезжал вдоль полей, где крестьяне серпами жали хлеб и грузили снопы на скрипучие некрашеные повозки, запряженные быками. Пыль, поднимавшаяся от стерни, слепила жнецам глаза.

Дети в лохмотьях, стоявшие у землянок без окон, провожали его глазами.

На дороге метался цыпленок, вспугнутый царским вестником. Всадник проскакал мимо, оставив мертвую птицу валяться в пыли...

Мимо проехал конный отряд. Воины были одеты весьма живописно: мешковатые штаны, латы, остроконечные шлемы, иногда украшенные перьями, и яркие полосатые плащи, правда, покрытые пылью и пропитанные потом. К тому же всадники отпускали грубые шутки.

За высокими каменными стенами виднелись большие дома знати, окруженные пышными садами, но при существовавшей в эту эпоху экономической системе немногие были в состоянии содержать подобные поместья. Пасаргады — город, в который въехал Эверард,— был на 90 процентов восточным городом с кривыми грязными улочками, вдоль которых тянулись безликие хибары, с людьми в грязных головных уборах и жалкой одежде, купцами на базаре, зазывающими покупателей, нищими, выставляющими напоказ свои язвы, торговцами, ведущими караваны облезлых верблюдов и тяжело нагруженных ослов; голодными собаками, копа-

ющимися в отбросах, музыкой,доносившейся из кабачков и напоминающей мяуканье кошки, попавшей в стиральную машину, воинами, размахивающими оружием и изрыгающими проклятия...

...Откуда взялась эта ходячая легенда о загадочном Востоке?

— Подайте милостыню, господин! Подайте, и да осветит вас улыбка Митры!..

— Взгляни, господин! Клянусь бородой своего отца, ни у кого еще не было такой чудесной уздечки! Тебе повезло, господин, возьми уздечку, всего за...

— Сюда, господин, сюда. Самый прекрасный караван-сарай во всей Персии, нет, во всем мире! Всего четыре дома отсюда! Мои подушки набиты лебединым пухом, мой отец сам подает божественное вино, моя мать готовит плов, слава о котором идет во все концы света, а три мои сестры — это дивные луны восторга, всего за...

Эверард не обращал никакого внимания на бегущих рядом с его конем мальчишек. Один из них схватил его за лодыжку — он выругался и отпихнул мальчишку ногой. Тот не обиделся — только ухмыльнулся. Эверарду не хотелось останавливаться в караван-сарае: хотя персы и тщательнее следили за чистотой, чем другие народы этого века, насекомых хватало и у них.

Он попытался побороть в себе внезапно возникшее чувство беспомощности. Обычно патрульные всегда как-то страховали себя, брали в незнакомую эпоху станнер тридцатого века и крошечный радиоприемник, с помощью которого можно было вызвать в любой момент спрятанный скуттер. Но не сейчас, когда его могли подвергнуть обыску, да и прятать всю эту технику было некуда. Эверард был в греческой одежде: туника, сандалии и шерстяной плащ, меч на боку, шлем и щит на луке седла — только вооружение было из нержавеющей стали. Он не мог обратиться в местное отделение, если бы попал в беду: никаких отделений здесь не было. Эта относительно бедная и бурная переходная эпоха не способствовала межвременным торговым операциям. Ближайший патрульный пост находился в управлении ареала в Персеполе, на поколение позже.

Улицы расширялись, торговцев становилось меньше, а дома — роскошнее. Наконец он подъехал к площади, по углам которой стояли четыре больших дворца. За окружавшими их стенами виднелись сливовые деревья. Стражники — легковооруженные юноши — сидели на корточках у стен: стойка «смирно» еще не была изобретена. Но когда Эверард приблизился, они натянули стрелы на тетиве. Он мог просто пересечь площадь, но остановился и обратился к человеку, выглядевшему старшим по команде.

— Пусть солнце всегда ярко светит тебе, уважаемый.

Персидский язык, который он выучил всего за один час под гипноизлучателем, легко слетал с его губ.

— Я ищу гостеприимства какого-нибудь великого человека, который склонил бы свой слух к удивительным рассказам о моих путешествиях.

— Пусть и твои дни будут долгими,— ответил стражник.

Эверард вспомнил, что он не должен предлагать денег: соплеменники Кира были гордыми людьми, храбрыми охотниками, пастухами и воинами. Все они говорили с той полной достоинства вежливостью, которая отличала этот народ на протяжении многих веков.

— Я служу Крезу Лидийскому, слуге великого царя. Он не откажет в крыше над головой...

— Меандру из Афин,— подхватил Эверард.

Греческое происхождение объясняло его крепкое сложение, светлую кожу и короткую стрижку. Ему все же пришлось прилепить вандейковскую бородку. Геродот не был первым греком, совершавшим кругосветное путешествие, поэтому не следовало утрировать афинскую внешность.

В то же время за полстолетия до Марафона европейцы все еще были здесь в достаточной мере в диковинку, чтобы вызвать интерес.

Позвали раба, который пошел к управляющему, тот послал другого раба, который провел чужеземца через ворота. Сад за стенами утопал в зелени, и от него веяло прохладой, как Эверард и предполагал; нечего было и думать, что здесь у него что-нибудь могут украсть; вино и еда должны были быть великолепными, а сам Крез, несомненно, заинтересуется гостем. «Все будет хорошо, вот увидишь»,— сказал Эверард сам себе, принял горячую ванну, умастил себя благовониями и надел чистое белье. Блюда с пищей и вино были принесены в его спартански убранную комнату, где стоял низкий широкий диван и из окон открывался красивый вид. Ему не хватало только сигары. Разумеется, из вещей, вообще для него доступных...

Конечно, если бы Кейт оказался погибшим...

— Черти в аду и грешники на сковородке!— прошептал Эверард.— Не смей об этом даже думать, слышишь?

4

После захода солнца стало прохладно. С большими церемониями были зажжены светильники, раздуты жаровни — огонь считался священным. Раб распростерся перед ним и провозгласил, что обед подан. Эверард последовал за рабом через длинный зал, стены которого были украшены фресками с изображением Солнца и великого Митры. Мимо двух склонившихся стражников он прошел в небольшую комнату, ярко освещенную, окутанную ароматом благовоний и устланную коврами. У стола, согласно греческим обычаям, было два ложа; вопреки этим обычаям блюда подавались только на золоте и серебре, рабы неслышно сновали взад и вперед, разнося пищу, и откуда-то доносилась далекая, похожая на китайскую, музыка.

Крез Лидийский благожелательно кивнул головой. Его лицо с правильными чертами было когда-то красиво, но он сильно состарился по сравнению с тем временем, когда его слава, богатство и могущество вошли в поговорку. Он носил кудрявую бороду, длинные волосы и был одет в греческую хламиду.

— Будь гостем, Меандр из Афин,— сказал он по-гречески, глядя на Эверарда.

Согласно обычаю, хозяин подставил Эверарду щеку для поцелуя. Было очень любезно со стороны Креза приветствовать его так, тем самым ставя почти на одну доску с собой; неважно, что от него пахло чесноком.

— Приветствую тебя, господин мой. Благодарю за твою доброту.

— Да не унизит тебя, что за трапезой мы только вдвоем,— произнес бывший царь.— Я решил...— Он заколебался.— Я всегда считал себя близким к роду греков, и мы сможем поговорить серьезно...

— Я не достоин столь высокого уважения господина моего.

Исполнив положенный ритуал обмена любезностями, они принялись за еду. Эверард рассказал заранее выдуманную историю своих приключений; иногда Крез задавал неожиданные вопросы, на которые непросто было ответить, но Эверард скоро научился избегать их.

— Да, времена меняются, и счастлив ты, что пришел к нам на заре новой эры,— сказал Крез.— Никогда еще мир не знал более великого царя, чем...— И так далее, и тому подобное, безусловно, для тех слуг, которые попутно были и царскими шпионами. Впрочем, на сей раз царь был действительно велик...

— Сами боги отметили нашего царя,— продолжал Крез.— Знай я раньше, что они на его стороне, взаправду, а не согласно легенде, как думал я, никогда бы не решился я восстать против него. Потому что он, несомненно, избранник богов.

Эверард, продолжая изображать из себя грека, разбавил вино водой и внутренне пожалел, что не избрал для себя народ, менее приверженный к трезвенности.

— Какова же история царя, господин мой?— спросил он.— Я слышал только, что Великий царь — сын Камбиса, который стоял во главе этой провинции как подданный царя мидийского Астиага. Больше ничего.

Крез наклонился вперед. В колеблющемся свете глаза его приобрели странное выражение: страх и энтузиазм отражались в них одновременно — люди эпохи Эверарда просто разучились так смотреть.

— Слушай же и расскажи своему народу,— сказал он.— Астиаг выдал дочь свою Мандану замуж за Камбиса, так как знал, что персы ненадежны под его тяжким игом, а он хотел привязать их вождей к своему дому. Но Камбис был болен и слаб. Если бы он умер и его малолетний сын Кир сел на трон в Аншане, персидские вельможи устроили бы регентство, неподвластное Астиагу. Толкователи снов предупредили мидийского царя, что Кир положит конец его власти. Тогда Астиаг приказал своему придворному Аурвагаушу (Крез произнес это имя на греческий манер — Гарпаг — как, впрочем, он произносил все местные имена) убить Кира. Несмотря на сопротивление царицы Манданы, Гарпаг забрал ребенка. Камбис был слишком болен, чтобы помешать этому, а Персия не могла поднять восстания без подготовки. Но Гарпаг не нашел в себе сил убить мальчика. Он обменял его на другого, мертворожденного сына пастуха, который поклялся молчать. Мертвого ребенка завернули в царские одежды и оставили на склоне холма. Придворные мидийского царя подтвердили, что это — Кир, и его похоронили. Наш повелитель вырос пастухом. Камбис жил еще двадцать лет, но у него не было больше сыновей. Он был слишком слаб, чтобы отомстить за убийство своего первенца. У него не осталось наследника, власти которого персы считали бы себя обязанными подчиниться. Страна снова оказалась под угрозой восстания. В это время и появился Кир, которого узнали по многим знамениям и знакам. Астиаг, сожалея о своем поступке, приветствовал его и объявил наследником Камбиса. Кир оставался подданным Астиага целых пять лет, но в конце концов не смог больше терпеть тирании мидян. Гарпагу в Акбатанах тоже было за что мстить: ведь он ослушался своего царя и не убил Кира. Астиаг за это подверг его чудовищному наказанию: заставил умертвить и съесть собственного сына. Гарпаг договорился кое с кем из мидийской знати. Они выбрали Кира своим вождем, Персия восстала, и после трехлетней войны Кир стал царем двух народов. С тех пор, конечно, он прибавил к своим владениям много новых земель. Когда еще боги яснее выражали свою волю?

Эверард некоторое время молчал. За окном в саду осенний ветер шелестел сухими листьями.

— Все это правда или просто слухи?— спросил он.

— Я слышал подтверждения этой истории достаточно часто, с тех пор как живу при персидском дворе. Ее рассказывал мне сам царь, а также Гарпаг и другие, кто участвовал в этом деле.

Лидиец не мог лгать, раз он ссылался на слова своего царя. Высокородные персы были фанатиками в отношении правды. И все же Эверард не слышал ничего более невероятного за все время своей работы в Патруле. Потому что это было точное изложение рассказа, записанного Геродотом, засвидетельствованное с некоторыми изменениями и в персидской Шах Наме, и всем было абсолютно ясно, что это — самый обычный миф.

Примерно такие же легенды создавались о Моисее, Ромуле, Сигурде и множестве других великих людей. Не было никаких оснований верить в то, что все это правда и что Кир не вырос обыкновенным образом в доме своего отца, не получил трон по праву рождения и не поднял восстание по самым обычным причинам.

Но все дело в том, что у этой легенды были очевидцы, готовые присягнуть, что она правдива. Здесь была какая-то загадка, и она напомнила Эверарду о цели его пребывания в Персии.

После соответствующих случаю выражений удивления он спросил:

— До меня дошли слухи, что шестнадцать лет назад в Пасаргады пришел человек в простой пастушьей одежде, который на самом деле был волшебником и умел творить чудеса. Может быть, он и умер здесь. Слышал ли мой досточтимый хозяин что-нибудь об этом?

Весь напрягшись, он ожидал ответа. У него было предчувствие, что Кейта Денисона не могли просто убить какие-нибудь проходимцы, он не мог свалиться со скалы и сломать себе шею или вообще попасть в какую-нибудь переделку, иначе патрульные обязательно нашли бы его скуттер. Возможно, они недостаточно прочесали местность, чтобы отыскать самого Денисона, но как они могли не запеленговать машину времени своими чувствительными детекторами?

Значит, подумал Эверард, здесь что-то другое. И если Кейт еще жив, он должен находиться где-то среди людей.

— Шестнадцать лет назад?

Крез запустил руку в бороду.

— Меня тогда здесь не было. Но действительно в этот год случилось много чудесных знамений, так как именно тогда Кир спустился с гор и законно возложил на себя корону Аншана. Нет, Меандр, я ничего об этом не знаю.

— Я хотел отыскать этого человека,— сказал Эверард,— потому что оракул повелел мне...— И так далее, и тому подобное.

— Ты сможешь расспросить слуг и горожан,— предложил Крез.— Я представлю тебя царскому двору. Ты ведь поживешь здесь немного? Возможно, сам царь пожелает увидеть тебя, ему всегда интересны чужеземцы.

Вскоре их беседа прервалась. Крез объяснил с довольно кислой улыбкой, что персы придерживаются правила «рано ложиться и рано вставать», и что он должен быть в царском дворце с наступлением зари. Раб проводил Эверарда обратно в его комнату, где его ждала хорошенькая девушка с обещающей улыбкой на губах. Он заколебался, припомнив ту, которая живет через две тысячи четыреста лет. Но... к черту! Человеку надо пользоваться всеми благами, которые дают ему боги, а боги не так уж щедры.

5

Вскоре после восхода солнца на площадь вылетела кавалькада вооруженных всадников, громко выкрикивая имя Меандра из Афин.

Эверард поспешно оставил свой завтрак и вышел из дома. Ему пришлось задрать голову, чтобы разглядеть всадника на высоком сером жеребце. Это был человек с ястребиным носом и заросшим волосами лицом, начальник стражников, которых здесь называли бессмертными. Стражники поднимали на дыбы разгоряченных коней, перья и плащи развевались, оружие бряцало, скрипели кожаные седла.

— Тебя призывает хилиарх,— выкрикнул начальник отряда.

В действительности он назвал чисто персидский титул, обозначавший главу бессмертных и великого визиря империи.

Эверард стоял неподвижно, оценивая положение. Его мускулы напряглись. Это было не очень любезное приглашение, но вряд ли он мог не пойти, сославшись на неотложное дело.

— Слушаю и повинуюсь,— сказал он.— Разреши мне только вернуться и взять скромный подарок, чтобы быть достойным той чести, которая мне оказана.

— Хилиарх повелел, чтобы ты пришел немедленно. Вот лошадь.

Лучник подвел к нему коня и подставил руки лодочкой, на манер стремени, но Эверард вскочил в седло без посторонней помощи: способ, полезный в те века, когда еще не были изобретены стремена. Начальник отряда одобрительно кивнул головой, повернул коня, и они начали бешеную скачку по широкой аллее, украшенной статуями сфинксов и виллами знатных горожан. Здесь не было такой толкотни, как на улицах, примыкавших к базару, но разъезжало много всадников и колесниц, попадались и прохожие, которые шарахались в сторону: бессмертные не останавливались, чтобы пропустить пешехода. Вскоре кавалькада уже прогрохотала через широко распахнувшиеся перед ними ворота дворца, гравий летел из-под копыт. Обогнув лужайку с несколькими фонтанами, всадники остановились у западного крыла здания.

Сам дворец из безвкусно раскрашенного кирпича стоял на небольшом возвышении, окруженный несколькими зданиями поменьше. Начальник стражи соскочил с коня, жестом приказал Эверарду следовать за ним и направился вверх по мраморным ступеням. Эверард шел окруженный воинами, которые держали наготове блестящие боевые секиры. Они прошли мимо рабов в чалмах, лежавших лицом вниз на полу, по желто-красному колонному залу, затем через зал, выложенный мозаикой, красоту которого Эверард в тот момент был не в состоянии оценить, потом мимо отряда других стражников в зал, купол которого, украшенный мозаикой цветов павлиньего хвоста, поддерживали стройные и легкие колонны. Аромат отцветающих роз наполнял комнату сквозь сводчатые окна.

Бессмертные совершили ритуал повиновения. *Что могут они, можешь и ты, сынок*, подумал Эверард, пал ниц и поцеловал персидский ковер. Человек, возлежавший на низком диване, кивнул.

— Поднимись и слушай!— сказал он.— Подайте греку подушку.

Солдаты окружили его. Нубиец поспешно принес подушку, которую положил у ног своего господина. Эверард сел, поджав ноги. Во рту у него пересохло. Хилиарх, которого Крез, как он помнил, называл Гарпагом, наклонился вперед. На фоне тигровой шкуры, покрывавшей диван, и роскошной красной мантии, окутавшей его худое тело, мидянин выглядел старым: его длинные, до плеч волосы отливали сероватым блеском

железа, темное горбоносое лицо было изрыто морщинами. Но пронзительные умные глаза внимательно смотрели на чужеземца.

— Ну,— сказал он по-персидски с сильным североиранским акцентом,— значит, это ты — человек из Афин. Благородный Крез рассказал нам о твоем прибытии сегодня утром и о том, какие ты задавал вопросы. Поскольку речь может идти о безопасности государства, мне следует знать, кого же ты ищешь.

Он погладил бороду рукой, на которой блеснули драгоценные камни, и улыбнулся ледяной улыбкой.

— Может случиться, что если твои поиски не принесут вреда, я даже помогу тебе.

Он намеренно опустил обычные формы приветствия, не предложил угощения и вообще не принимал Меандра, как полагается по обычаю принимать гостя. Это был допрос.

— Что ты хочешь знать, господин?— спросил Эверард.

Он хорошо представлял себе, чего хочет Гарпаг, и в ожидании ответа испытывал острое чувство тревоги.

— Ты ищешь волшебника, который пришел в Пасаргады шестнадцать лет назад в одежде пастуха и творил чудеса.

Напряжение исказило голос хилиарха: он стал хриплым.

— Зачем тебе знать это, и что ты еще слышал о человеке, одетом пастухом? Говори быстро и не вздумай лгать!

— Великий господин,— заговорил Эверард,— оракул из Дельф сказал мне, что я разбогатею, если узнаю судьбу пастуха, который вошел в столицу Персии в... э-э-э... третий год первой тирании Писистрата. Больше ничего не ведаю. Господин хорошо знает, как темны предсказания оракулов.

— Так, так...

На худом лице Гарпага промелькнула тень страха. Он начертил в воздухе знак креста — символическое изображение солнца в культе Митры. Потом хрипло спросил:

— И что же ты узнал?

— Ничего, господин. Никто не мог сказать мне...

— Ты лжешь!— вскричал Гарпаг.— Все греки — лжецы. Берегись, ты впутался в нехорошее дело. С кем еще ты говорил?

Эверард увидел, что губы хилиарха дергаются в нервном тике. Он сам чувствовал холод и пустоту в желудке. Он приоткрыл завесу над какой-то тайной, которая, как считал Гарпаг, была надежно скрыта, тайной настолько великой, что хилиарх решился даже не считаться с возможностью оскорбить Креза, под чьей защитой Меандр как гость находился согласно обычаям. А сам он мог полагаться только на кинжал. В эту эпоху ничего более надежного еще не изобрели. И после того как дыба и клещи извлекут из чужеземца все, что ему известно... *Но что же, черт побери, ему известно?*

— Ни с кем, господин,— сказал, он.— Ни с кем, кроме оракула и Бога Солнца, говорившего устами оракула, который прислал меня сюда. Впервые я рассказал об этом почтенному Крезу вчера вечером.

Гарпаг отпрянул, несколько обескураженный упоминанием божества, но буквально в ту же секунду овладел собой.

— Мы слышали только от тебя, от грека, что ты послан оракулом. А может, ты пришел выпытать наши тайны? Или даже если ты действительно послан богом, то, значит, для того, чтобы тебя здесь казнили за твои грехи. Но мы это быстро выясним.

Он кивнул начальнику стражи.

— Отведи его вниз. Именем царя.

Царь!

Догадка ослепительно, как молния, блеснула в мозгу Эверарда.

— Да, царь!— закричал он.— Бог сказал мне... что будет знак... и что я должен донести его слова до царя персов!

— Взять его!— взревел Гарпаг.

Стража бросилась выполнять приказание. Эверард отскочил, крича, что отдается на милость царя Кира. Он кричал изо всех сил. Пускай его даже арестуют, его слова дойдут до трона и... Два воина с поднятыми секирами прижали его к стене. Через их головы он видел, как Гарпаг вскочил с дивана.

— Схватить и отрубить ему голову,— приказал мидянин.

— Господин,— возразил начальник стражи,— он отдался на милость царя.

— Это колдовство. Я теперь знаю, он — колдун, слуга Аримана! Убить его!

— Нет, подождите!— вскричал Эверард.— Подождите, он сам предатель, который не дает мне сказать царю, что... Отпусти меня сейчас же, мерзавец.

Кто-то схватил его за правую руку.

Эверард был готов отсидеть несколько часов в тюрьме, пока этот царь не услышит о нем и не вытащит его оттуда, но дело начало принимать совсем иной оборот. Боковым ударом Эверард расквасил стражнику нос. Тот попятился. Американец вырвал у него секиру, отпрыгнул и парировал удар воина, нападавшего слева.

Бессмертные атаковали. Эверард взмахнул секирой, она ударилась о другую, и один из стражников поплатился пальцами руки. Искусством владеть оружием патрульный превосходил большинство нападавших, но долго, конечно, он бы не продержался. Уклонившись от очередного удара, направленного в голову, он нырнул за колонну. Немного свободного пространства. Еще один удар, и рука атакующего воина безжизненно повисла. Перепрыгнув через падающее тело в латах, Эверард выбежал на середину комнаты. Гарпаг поднялся с дивана, выхватывая из-под мантии меч: чертов старик отнюдь не был трусом. Эверард развернулся, так что хилиарх оказался между ним и стражей. Меч и секира скрестились. Патрульный старался подойти к Гарпагу вплотную, по крайней мере тогда стража не сможет бросать в него оружие. Но воины стали окружать его сзади. Вот ведь черт! Может быть, сейчас погибнет еще один патрульный!

— Стойте! Все — ниц! Царь идет!

Три раза прокричал глашатай, огромный мужчина в алом плаще. Стража застыла на месте, не сводя с него глаз, а затем попадала ниц. Гарпаг уронил меч. Эверард чуть не рассек ему череп, но вовремя сдержал руку и, слыша торопливую поступь воинов через зал, тоже бросил свою секиру. Секунду они с хилиархом, задыхаясь, глядели прямо в глаза друг другу.

— Он услышал... и пришел... сразу же...— с трудом выговорил Эверард.

Мидянин подобрался, как кот, и зашипел:

— Берегись! Я буду наблюдать за тобой. Если ты отравишь его мозг своими лживыми речами, для тебя тоже найдется яд или кинжал!

— Царь! Царь!— кричал глашатай.

Эверард вместе с Гарпагом бросились на пол.

Сначала в комнату вошли бессмертные и выстроились в две шеренги, образуя широкий проход к дивану. Затем вошел сам Кир, в длинной мантии, развевавшейся при каждом его широком шаге. За ним следовало не-

сколько приближенных, одетых в кожу; они пользовались привилегией носить оружие в присутствии царя. Раб-цереминиймейстер ломал руки им вслед: он не успел расстелить ковер и позвать музыкантов.

Голос царя разорвал абсолютную тишину.

— В чем дело? Где чужеземец, который сдался мне на милость?

Эверард рискнул приподнять голову, Кир был высок, широкоплеч, но худощав; он выглядел старше, чем можно было предположить из рассказа Креза. С дрожью в сердце Эверард подумал, что ему сорок семь, но шестнадцать лет войн, которые пришлось вести царю, и охота сохранили его тело гибким. У Кира было узкое темное лицо со шрамом на левой скуле, карие глаза, прямой нос и полные губы. Его слегка вьющиеся черные волосы были зачесаны назад, а борода подстрижена немного короче, чем полагалось по персидскому обычаю. Он был одет просто, насколько позволял его сан.

— Где же тот чужеземец, о котором сообщил раб?

— Я здесь, великий царь,— сказал Эверард.

— Встань. Назови свое имя.

Эверард поднялся на ноги и прошептал:

— Привет, Кейт.

6

По стенам мраморной беседки густо вились виноградные лозы. Они почти скрывали окруживших ее лучников. Кейт Денисон тяжело опустился на скамейку. Глядя на причудливые тени от листьев на полу, он сказал с отвращением:

— По крайней мере мы можем поговорить без чужих ушей. Английский язык еще не изобретен.

Он помолчал и продолжал говорить по-английски с некоторым напряжением: сказывалось отсутствие практики.

— Иногда мне казалось, что самое трудное в здешней жизни — ни минуты не быть предоставленным самому себе. Максимум, что я могу сделать, это выгнать всех из комнаты, где нахожусь, но они тут же начнут подслушивать у дверей, подглядывать в окна, всячески охранять меня. Пусть их преданные души сгорят в адском пламени!

— Представление о том, что такое право на уединение, пока еще не существует в этом веке,— напомнил Эверард.— Впрочем, такие важные персоны, как ты, не очень-то располагали собой во все исторические эпохи.

Денисон поднял на него усталый взгляд.

— Я все хочу спросить тебя, как Цинтия,— сказал он,— но ведь, конечно, для нее прошло... пройдет не так много времени, может быть всего неделя. Кстати, у тебя не найдется сигарет?

— В скуттере,— сказал Эверард.— Я подумал, что мне и так придется достаточно многое объяснять. Вот уж никак не ожидал, что ты будешь здесь заправлять всем этим государством.

— Я и сам этого не ожидал.— Денисон пожал плечами.— Самое фантастическое, что только могло произойти. Парадоксы времени...

— Как же это случилось?

Денисон потер лоб рукой и вздохнул.

— Меня затянуло в машину здешней государственной политики. Знаешь, иногда все прошлое кажется мне странным сном. Существовало ли когда-нибудь христианство? Хартия вольностей? Контрапунктическая музыка? Не говоря уже о тех людях, которых я знал. Все еще никак не ве-

рится, что ты здесь, Мэнс. Наверное, я сейчас проснусь. Ладно, дай вспомнить. Знаешь, как все произошло? Мидяне и персы и в расовом, и в культурном отношении находятся в близком родстве, но мидяне в те времена держали власть в своих руках; они многое переняли от ассирийцев, о которых персы не столь хорошего мнения. Мы в основном свободные земледельцы и скотоводы, и, конечно, несправедливо, что мы оставались подданными...

Денисон поперхнулся.

— Черт! Ну вот видишь, опять. Почему я говорю «мы»? Ну, в общем, в Персии было неспокойно. За двадцать лет до того мидийский царь Астиаг приказал убить Кира, но теперь он пожалел об этом, так как отец Кира умирал, и отсутствие законного наследника могло вызвать гражданскую войну. Я высадился в горах. Для того чтобы спрятать скуттер, мне пришлось поискать место и во времени, и в пространстве: день туда, несколько миль сюда... Потому-то Патруль и не смог потом засечь его своими детекторами... Это одна из причин. В конце концов я оставил его в пещере и отправился дальше пешком, но почти сразу же попал в беду. Через этот район на усмирение персов, среди которых начались волнения, как раз проходила мидийская армия. Один из воинов заметил, как я выходил из пещеры, вернулся, и не успел я оглянуться, как меня схватили и стали допрашивать, выпытывать, что это я прячу. Они приняли меня за волшебника и сильно испугались, но еще больше они боялись показать себя трусами.

Со скоростью лесного пожара весть обо мне разнеслась по армии и по всей стране. Все знали, что я появился при удивительных обстоятельствах.

Их начальником был сам Гарпаг, злой и умный, как черт. Он решил, что меня можно использовать. Он приказал мне привести в движение мою бронзовую лошадь, но не разрешил сесть на нее. Мне все же удалось настроить программатор скуттера и отправить его путешествовать во времени. Это вторая причина, по которой Патруль не нашел его. Машина находилась в этом веке всего несколько часов, а потом, вероятно, отправилась к началу начал.

— Здорово!— одобрительно сказал Эверард.

— Я ведь знал приказ, запрещающий такую степень анахронизма.

Денисон скривил рот.

— Но я все же ожидал, что Патруль меня выручит. Знай я, как все получится, я совсем не уверен, что повел бы себя столь законопослушно. Я мог бы взять скуттер с собой, сделать вид, что подчиняюсь во всем Гарпагу, и удрать, как только представится такая возможность.

Эверард целую минуту мрачно смотрел на него.

«Кейт изменился,— подумал он,— не просто постарел; годы, проведенные среди чужестранцев, изменили его так, что он сам не замечает в себе этих перемен».

— Если бы ты рискнул изменить будущее,— сказал он,— ты поставил бы под угрозу и существование Цинтии.

— Да, да, правда. Я помню, что подумал об этом... тогда... Как давно все это было!

Денисон наклонился вперед, положив руки на колени и глядя сквозь переплет беседки. Он продолжал говорить ровным, безжизненным голосом.

— Гарпаг, конечно, рвал и метал. Я думал, он собирается убить меня. Меня все время держали связанным, как скотину, которую ведут на убой. Но, как я уже говорил, слухи обо мне разнеслись по всей стране, и чем дальше, тем больше, и у Гарпага возник план. Он предоставил мне выбор: повиноваться ему или умереть. Что я мог поделать? И к тому же здесь речь

шла не об изменении прошлого: я скоро понял, что играю роль, уже записанную в истории. Гарпаг подкупил пастуха, чтобы тот подтвердил его версию и представил меня как Кира, сына Камбиса.

Эверард, ничуть не удивленный, кивнул.

— Зачем ему это было надо?— спросил он.

— В то время он еще просто хотел поддержать мидийского царя. Царь Аншана, всецело от него зависящий, будет теперь предан Астиагу и станет держать персов в узде. Я был так ошеломлен, что ничего не мог поделать и подчинился ему во всем, с минуты на минуту ожидая, что мне на выручку придет Патруль. Фанатическая преданность иранских аристократов идее правды здорово помогла нам — только немногие заподозрили, что я самозванец, а не Кир, хотя мне кажется, что сам Астиаг нарочно игнорировал некоторые неточности. Он поставил Гарпага на место, сурово наказав его за то, что тот не убил Кира, хотя Кир был сейчас Астиагу нужен. Ирония судьбы особенно очевидна, если иметь в виду, что в действительности Гарпаг в точности выполнил его приказание за двадцать лет до того.

На протяжении первых пяти лет Астиаг вызывал все большую ненависть у меня лично. Сейчас, глядя в прошлое, я вижу, что он был не таким уж исчадием ада, просто типичный восточный монарх древнего мира,— но тогда, глядя каждый день на пытки и мучения людей, мне трудно было мыслить столь рационально. Гарпаг, мечтавший отомстить за несправедливость и обиду, подготовил восстание и предложил мне встать во главе его.

Денисон усмехнулся.

— В конце концов я был Киром Великим, который должен был выполнить свое предназначение. Сначала нам пришлось тяжело — мидяне били нас вновь и вновь, но знаешь, Мэнс, я чувствовал, что все это начинает мне нравиться. Это тебе не сидеть в окопе двадцатого века и гадать, скоро ли прекратится вражеский обстрел. О, война и здесь достаточно ужасна, в особенности, когда ты рядовой и когда начинаются болезни, а они всегда начинаются. Но если ты сражаешься, боже правый, ты сражаешься собственными руками! И я даже обнаружил в себе талант: оказывается, я умею драться! А какие замечательные сражения у нас были!

Эверард видел, как светлеет лицо Кейта: царь Кир выпрямился и сказал со смехом:

— Вот, например, лидийская конница многим числом превосходила нас. Обозных верблюдов мы поставили в авангард, пехоту позади них, а в самом конце — кавалерию. Лошади Креза почуяли запах верблюдов и обратились в бегство. По-моему, они бегут до сих пор. Мы стерли кавалерию Креза с лица земли!

Он внезапно замолчал, прикусил губу и посмотрел на Эверарда.

— Прости, я все время забываю. Иногда после боя, глядя на убитых и особенно на раненых, я вспоминаю, что там, дома, я не был убийцей. Но я ничего не мог поделать, Мэнс! Я должен был воевать! Сначала было восстание. Если бы я не подчинился Гарпагу, как ты думаешь, остался бы я в живых? А затем речь пошла о судьбе государства. Я не просил ни лидийцев, ни варваров нападать на нас. Ты когда-нибудь видел город, захваченный варварами? Вопрос стоит так: или мы, или они, и когда побеждаем мы, то по крайней мере не превращаем побеждённых в рабов: у них остаются их земли и обычаи, и... Во имя Митры, Мэнс, мог ли я поступить иначе?

Эверард сидел, вслушиваясь в шуршание листьев под легким ветерком. Наконец он сказал:

— Нет. Я понимаю. Надеюсь, тебе было не слишком одиноко.

— Я привык,— осторожно сказал Денисон.— Гарпаг — выходец из низов, но он интересен. Крез оказался очень порядочным человеком, у волшебника Кобада оригинальный ум, и он единственный осмеливается обыгрывать меня в шахматы. Здесь есть праздники, охота, женщины...

Он с вызовом посмотрел на Эверарда.

— Да. Ты ожидал от меня другого?

— Нет,— сказал Эверард.— Шестнадцать лет — долгий срок.

— Кассандана — моя старшая жена — стоит всего того, что я выстрадал за эти годы. Хотя Цинтия... Боже мой, Мэнс!

Денисон встал и положил руки на плечи Эверарда, сжав их до боли сильными пальцами, которые за шестнадцать лет привыкли держать топор, лук и уздечку. Царь Персии громко спросил:

— Как ты собираешься вытащить меня отсюда?

7

Эверард тоже поднялся, подошел к краю беседки и стал смотреть сквозь плетение каменных кружев, опустив голову и засунув руки за пояс.

— Не знаю,— ответил он.

Денисон изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони.

— Этого я и боялся. С каждым годом я все больше боялся, что если Патруль меня и обнаружит... Ты должен помочь мне, Мэнс.

— Говорю тебе, что не могу!

Голос Эверарда прервался. Он не обернулся.

— Пойми меня. Ты наверняка уже сам думал об этом. Ведь ты не какой-нибудь там мелкий предводитель варваров, судьба которого не будет иметь особого значения уже лет через сто. Ты — Кир, основатель Персидской империи, ключевая фигура всей этой эпохи! Если исчезнет Кир, исчезнет и будущее: не будет вообще никакого двадцатого века, и, конечно, исчезнет Цинтия.

— Ты уверен?— взмолился человек за его спиной.

— Я просчитал все, прежде чем направиться сюда,— сказал Эверард сквозь зубы.— Не обманывай себя. Мы предубеждены против персов, потому что одно время они враждовали с Грецией, а в нашей собственной культуре слишком много от греческой. Но персы имеют по меньшей мере столь же важное значение в истории. Ты и сам видел, как все здесь было. Конечно, по твоим представлениям, все они грубы, но такова эпоха, и греки ничуть не лучше персов. Да, у них нет демократии, но нельзя же упрекать людей за то, что они не дошли до этого европейского открытия, столь далекого от их умственных горизонтов. Важно другое: Персия была первой державой-победительницей, сделавшей попытку уважать побежденные народы и умиротворять их; державой, соблюдавшей собственные законы, добившейся мира на огромной территории, что позволило наладить тесный контакт с Дальним Востоком и привело к появлению жизнеспособной религии, зороастризма, распространившейся среди многих рас и на большом пространстве. Может быть, ты не знаешь,сколько христианство переняло от культа Митры, но, поверь мне,— очень многое. Не говоря уже об иудаизме, религии, которую ты, Кир Великий, спасешь собственными руками. Помнишь? Ты завоюешь Вавилон и дашь возможность всем евреям, еще не принявшим другой веры, возвратиться к себе на родину; без тебя они будут поглощены другими народами, так, как это случилось с десятками племен.

Даже в своем упадке Персидская империя останется как бы матрицей будущей цивилизации. Какими победами знаменит Александр Великий, как не завоеваниями персидских территорий? А это распространило эллинскую культуру по всему миру! И затем появятся преемники персидского государства: Понт, Парфия, Персия времен Фирдоуси, Омара Хайяма и Хафиза, Иран, который мы знаем, и Иран будущего, после двадцатого века...

Эверард круто повернулся.

— Если ты сейчас исчезнешь,— сказал он,— то я могу ясно представить себе, как через три тысячи лет человечество все еще будет гадать о своих судьбах на внутренностях животных и скитаться по лесам Европы. Америка не будет открыта вовсе...

Денисон обмяк.

— Да,— ответил он.— Я думал об этом.

Он прошелся взад и вперед, заложив руки за спину. Его темное лицо старело с каждой минутой.

— Еще тринадцать лет,— прошептал он, как бы про себя.— Еще тринадцать лет, и я погибну в битве с кочевниками. Я не знаю точно, как это произойдет. Но так или иначе обстоятельства приведут меня к гибели. Почему бы и нет? Волей-неволей обстоятельства заставили меня проделывать все, что от меня требовалось... И как бы я ни воспитывал своего сына Камбиса, я знаю, что он окажется недоумком и садистом, и что только Дарий сможет спасти империю. Боже мой!

Он прикрыл лицо широким рукавом.

— Прости, я ненавижу жаловаться, но не могу справиться с собой.

Эверард сел, избегая смотреть на Денисона. Он слышал тяжелое его дыхание.

В конце концов царь налил вино в две чаши, сел рядом с Эверардом и сухо произнес:

— Еще раз прости. Все прошло. И я еще не сдался.

— Я могу поставить вопрос перед главным управлением,— с некоторой долей сарказма сказал Эверард.

Денисон с той же иронией ответил:

— Спасибо, старина. Я помню их правила достаточно хорошо. Без нас можно обойтись. Они просто запретят путешествия сюда на весь период жизни Кира, чтобы не вводить меня в соблазн, и пошлют мне любезное письмо. В нем будет говориться, что я — абсолютный монарх цивилизованного народа, с дворцами, рабами, виноградниками, шутами, поварами, наложницами, охотничьими угодьями — и все это в неограниченных количествах. Чем же я недоволен? Нет, Мэнс, этот вопрос нам придется решать только с тобой вдвоем.

Эверард сжал руки в кулаки с такой силой, что почувствовал, как ногти впиваются в ладони.

— Ты хочешь от меня чертовски многого, Кейт,— медленно сказал он.

— Я просто прошу тебя обдумать все возможности, и, Ариман тебя побери, ты это сделаешь!

Его пальцы опять впились в плечи Эверарда: это завоеватель Востока отдавал приказ. Прежний Кейт никогда бы не разговаривал таким тоном, отметил про себя Эверард, начиная злиться, и подумал:

Если ты не вернешься и Цинтия узнает, что ты не сможешь вернуться... она явится сюда к тебе, а еще одна чужестранка в гареме царя никак не сможет повлиять на историю. Но если я представлю доклад в главное управление до того, как увижу ее, доложу, что проблема неразрешима, а это

не подлежит сомнению... Что ж, тогда посещение эпохи Кира будет под запретом, и Цинтия никогда не сможет попасть к тебе.

— Я не раз сам думал об этом,— более спокойно продолжал Денисон.— И я не хуже тебя понимаю все сложности. Но послушай, я могу показать тебе пещеру, в которой мой скуттер находился несколько часов, пока меня не схватили. Ты сможешь вернуться туда к моменту, когда я появлюсь, и предупредить меня.

— Нет,— сказал Эверард.— Это отпадает. По двум причинам. Во-первых, закон, причем очень мудрый закон, запрещает делать это. В некоторых случаях бывали исключения, но тут вступает в силу вторая причина: ты — Кир. Они не пойдут на то, чтобы уничтожить будущее ради спасения одного человека.

Сделал бы я это ради спасения одной женщины? Не уверен... Надеюсь, нет. Цинтии вовсе ни к чему знать все факты. Будет куда лучше, если она вообще ничего не узнает. Я могу использовать свой авторитет агента с правом свободных действий, чтобы эти сведения не пошли дальше главного управления, и не говорить ей ничего, разве только, что Кейт умер при обстоятельствах, которые вынудили нас запретить путешествия во времени в эту эпоху. Она, конечно, погорюет некоторое время, но она слишком молода и здорова, чтобы скорбеть всю жизнь... Правда, это непорядочно. Но разве лучше будет позволить ей жить здесь, в качестве рабыни, и делить своего любимого по меньшей мере с дюжиной царевен, на которых он был вынужден жениться из политических соображений? Не лучше ли для нее будет все позабыть и начать жизнь сначала, среди своих соотечественников?

— Ясно,— сказал Денисон.— Я просто хотел быть до конца уверен, что это отпадает. Но должен же быть какой-нибудь другой выход. Слушай, Мэнс, шестнадцать лет назад создалась ситуация, являющаяся причиной всего того, что произошло впоследствии, но ведь это случилось не из-за человеческого каприза, а по самой логике событий. Допустим, я бы не появился. Разве Гарпаг не нашел бы другого псевдо-Кира? Кто именно стал великим царем — не имеет абсолютно никакого значения.Другой Кир вёл бы себя совершенно не так, как я, во множестве повседневных деталей. Естественно. Но если только он не был бы безнадежным болваном или маньяком, а достаточно разумным и порядочным человеком — надеюсь, ты не будешь отрицать этих моих качеств,— его поведение во всех важных событиях не отличалось бы от моего. Я имею в виду поступки и события, отраженные в истории. Ты знаешь это не хуже меня. За исключением нескольких критических моментов, время всегда стремится вернуться на круги своя. Небольшие различия с годами исчезают и забываются — это и есть негативная обратная связь. Только в ключевые моменты может возникнуть позитивная обратная связь, и прошлые события с годами возрастают в своем значении и последствиях, вместо того чтобы исчезнуть. Ты ведь знаешь все это.

— Конечно,— сказал Эверард.— Но по твоим же словам, твое появление в пещере и было таким критическим ключевым моментом. Именно твое появление навело Гарпага на мысль о Кире. Без этого... я хорошо представляю себе, как разваливается мидийская империя. Либо ее завоевывает Лидия, либо варвары, потому что персы не получат царя, имеющего божественное право властвовать ими по рождению... Нет, я не появлюсь в пещере в тот момент, если не получу разрешения по меньшей мере самого даннеллианина.

Денисон бросил на него взгляд поверх края чаши, потом поставил ее на стол, но продолжал глядеть на Эверарда.

— Ты не хочешь, чтобы я вернулся, верно?

Эверард вскочил со скамьи. Он уронил свою чашу, и она со звоном упала на пол. Вино растеклось, как кровь.

— Замолчи!— крикнул он.

Денисон кивнул головой.

— Я — царь. Стоит мне пальцем шевельнуть, и стража разорвет тебя на куски.

— Прекрасный способ заручиться моей поддержкой.— Эверард все еще никак не мог успокоиться.

Денисон вздрогнул. Секунду он сидел неподвижно, затем сказал:

— Извини. Ты не можешь себе представить, что я испытал... Да, да, жизнь моя здесь была не так уж плоха. Даже более интересна, чем у большинства, а когда тебя почитают божеством, со временем это начинает нравиться. Наверное, поэтому я через тринадцать лет ввяжусь в бой за Яксартом; ведь у меня не будет иного выхода; все мои храбрецы будут смотреть на своего повелителя. Черт возьми, может, оно и стоит того.— Он растянул губы в улыбке.— Некоторые мои наложницы сногсшибательны. И у меня есть Кассандана. Я сделал ее своей старшей женой, наверно, потому, что она чем-то напоминает мне Цинтию. Трудно сказать, ведь прошло столько времени. Двадцатый век нереален для меня. И знаешь, мчаться на горячей лошади — гораздо большее удовольствие, чем гнать спортивный автомобиль... И я знаю, что делаю здесь полезное дело,— не каждому дано знать это о себе... Да, извини, что я накричал. Я верю, ты бы помог, если бы только смел. Но ты не смеешь, и я не упрекаю тебя, и тебе незачем меня жалеть.

— Прекрати это!— простонал Эверард.

Он почувствовал, будто мозг его разрывается на части в абсолютной пустоте. Сквозь решетки беседки он видел статую на крыше: юноша убивает быка — это был символ человека и солнца. За колоннами и виноградными лозами стояли стражники в кожаных доспехах с луками наготове. Лица их казались вырезанными из дерева. Видно было и то крыло здания, где находился гарем и где сотня, а может быть, и тысяча молодых женщин считали за счастье проводить время в ожидании случайной прихоти своего царя. За городскими стенами лежали возделанные поля, где крестьяне готовили жертву земле-матери. Люди поклонялись ей еще в те времена, когда пришли индоевропейцы, а это произошло в далеком туманном прошлом. Далеко за городом будто парили в небе горы, где водились волки, львы, кабаны и скрывались демоны. Этот мир был совсем чужим.

Эверард считал, что годы службы в Патруле дали ему достаточную закалку и готовность воспринимать все чужое, но сейчас он почувствовал острое желание сбежать в свой собственный век, к своему народу, скрыться там и все позабыть. Он осторожно сказал:

— Дай мне посоветоваться кое с кем. Придется детально проверить весь период. Мы можем обнаружить какую-нибудь зацепку... Я недостаточно компетентен, чтобы справиться с этим в одиночку, Кейт. Надо мне вернуться обратно к себе и все обговорить. Если мы что-нибудь придумаем, я вернусь... в эту же ночь.

— Где твой скуттер?— спросил Денисон.

Эверард махнул рукой.

— Там, в холмах.

Денисон погладил бороду.

— Точнее ты мне не скажешь, а? Что ж, это разумно. Я не уверен, что доверил бы себе самому, если бы знал, где машина времени.

— Я имел в виду вовсе не это!— вскричал Эверард.

— А, неважно. Не будем ссориться еще и по этому поводу.

Денисон вздохнул.

— Конечно, отправляйся домой и посмотри, что можно сделать. Тебе нужна охрана?

— Лучше не надо. Это ведь не обязательно?

— Нет. У нас здесь безопаснее, чем в Центральном парке в Нью-Йорке.

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

Эверард протянул руку.

— Только верни мне патрульную лошадь. Она специально обучена, и мне бы не хотелось ее потерять.

Их взгляды встретились.

— Я вернусь. Сам. Каково бы ни было решение.

— Ладно, Мэнс,— сказал Денисон.

Они вместе покинули беседку, чтобы беспрепятственно пройти мимо застывших при появлении царя стражников и часовых у ворот. Денисон указал на дворцовую спальню и сказал, что будет ждать Эверарда там всю неделю каждый вечер.

Затем Эверард облобызал ногу Кира, и когда Великий царь удалился, сел на лошадь и медленно выехал из ворот дворца.

Он чувствовал себя усталым и совершенно опустошенным. Сделать было ничего нельзя, а он обещал вернуться самолично и сообщить царю его приговор.

8

День близился к концу, и он ехал среди холмов, где над бурными холодными ручьями хмурились кедры, и боковая дорога, на которую он свернул, вела вверх и была хорошо наезжена. В засушливом Иране в те времена были еще такие леса. Его лошадь явно устала и ступала тяжело. Надо найти какую-нибудь хижину пастуха и попросить пристанища, чтобы дать животному отдохнуть. Но нет, тогда уже будет поздно. Нет! Сейчас полнолуние, и если потребуется, он лучше пойдет пешком, лишь бы добраться до скуттера к восходу солнца. Ему было не до сна.

Лужайка, покрытая высокой, уже пожелтевшей травой и спелыми ягодами, так и манила отдохнуть. Последний раз он ел рано утром, но в седельных сумках у него была еда и мех с вином. Он понукнул лошадь и свернул с дороги.

Что-то привлекло его внимание. Вдалеке, на дороге, низкое солнце осветило облако пыли. Оно становилось все больше, росло прямо на глазах. Несколько всадников, решил он, чертовски гнавших коней. Царские вестники? Но почему они спешат в этом направлении? Ему стало не по себе. Он надел подшлемник, затем пристегнул шлем, повесил на руку щит и высвободил из ножен короткий меч. Всадники просто проскачут мимо, он почти не сомневался в этом, и все же...

Сейчас он ясно видел, что их было восемь. Кони были хорошие, а последний всадник вел на поводу еще свежих лошадей. Коней успели загнать: видно, скакали они давно — пот стекал струйками по их запыленным бокам, гривы прилипли к шеям. Одеты всадники были хорошо: широкие белые штаны, рубахи, сапоги, плащи и высокие шляпы без полей — не придворные, не профессиональные воины, но и не бандиты. Они были вооружены мечами, луками и арканами.

Внезапно Эверард узнал седобородого человека, скачущего впереди. Его как обухом по голове ударило: Гарпаг!

Сквозь летучее облако пыли он ясно видел всадников: даже для древних иранцев вид у них был устрашающий.

— Ого,— сказал Эверард вслух.— Все ясно.

У него не хватило времени испугаться, надо было быстро думать и принимать решение. У Гарпага не могло быть иной причины для этого бешеного галопа в горы, кроме поимки грека Меандра. Естественно, во дворце, полном доносчиков и болтунов, Гарпаг не позднее чем через час узнал, что царь говорил с чужеземцем как с равным, на незнакомом языке, а потом отпустил его обратно на север. Немного больше времени хилиарху понадобилось, чтобы придумать причину, позволяющую ему покинуть дворец, собрать воинов из своей личной охраны и броситься в погоню. Почему? Потому что «Кир» когда-то появился среди этих же холмов на какой-то неизвестной штуке, которую Гарпаг мечтал захватить. Мидянин был отнюдь не дурак и явно не поверил истории, которую тогда сплел для него Кейт. Он вполне допускал, что рано или поздно из страны царя явится другой волшебник, и уж на сей раз он, Гарпаг, не допустит, чтобы чудесная повозка так легко выскользнула из его рук.

Эверард более не медлил. Всадники были всего в сотне ярдов от него. Он видел глаза Гарпага, сверкающие из-под кустистых бровей. Пришпорив лошадь, Эверард свернул с дороги и поскакал прямо через луг.

— Стой!— закричал позади него знакомый голос.— Остановись, грек!

Эверард погнал свою усталую лошадь рысью. Кедры бросали на него длинные тени.

— Стой или будем стрелять!.. Стой!.. Стреляйте! Только не убивать. Стреляйте по коню!

На опушке леса Эверард соскочил с седла. Сзади послышались злое жужжание стрелы и тяжелый топот. Лошадь заржала. Эверард оглянулся — бедное животное упало на колени. Черт побери, они заплатят за это! Но он был один, а их — восемь. Он поспешил под защиту деревьев. Стрела вонзилась в ствол, просвистев мимо его левого плеча.

Он побежал, пригибаясь, петляя из стороны в сторону в холодных сгущающихся сумерках, напоенных запахом трав, радуясь, что мягкая, покрытая хвоей земля не издавала ни звука под его деревянными сандалиями. Ветки деревьев хлестали его по лицу. Жаль, что кустарник рос очень редко, можно было бы воспользоваться каким-нибудь индейским приемом и укрыться в кустах. Персов видно не было. Почти наугад они пытались проехать за ним верхом. Треск ломающихся кустов и громкие ругательства за его спиной говорили о том, что это им дается нелегко.

Скоро они спешились. Он прислушался. Где-то далеко журчала вода... Он двинулся в направлении этого журчания, вверх по крутому склону холма, покрытому большими валунами. Его преследовали не беспомощные новички-горожане, подумал он. По крайней мере некоторые из них были горцами, умеющими прочитать малейший его знак на земле. Ему нужно сбить их со следа — тогда можно будет спрятаться и переждать, пока Гарпаг не вынужден будет вернуться к своим дворцовым обязанностям. Эверард тяжело дышал. Резкие голоса слышались за его спиной, было принято какое-то решение, но они находились слишком далеко, и он не мог расслышать, какое именно. К тому же кровь слишком громко стучала у него в висках.

Если Гарпаг посмел напасть на гостя самого царя, он, естественно, не предполагал, что тому удастся когда-нибудь пожаловаться на это царю. Плен и пытки — пока он не откроет им, где находится скуттер и как он действует, а в конце программы — в порядке милосердия — нож в горло.

Черт побери, подумал Эверард, слыша бешеный стук своего сердца, *я изгадил эту операцию до такой степени, что теперь ее можно включить в учебник в качестве примера, как не должен поступать патрульный. И все потому, что не надо столько думать о некоей женщине, чужой женщине, чтобы эти мысли не заставили тебя забыть об элементарных предосторожностях.*

Он вышел на высокий берег. Внизу, под его ногами по направлению к долине тек ручеек. Они, конечно, увидят, что он здесь был, но им придется гадать, вверх или вниз по течению он пошел... Кстати, куда же лучше? Сначала он пошел вниз по ручью; тина и скользкая грязь холодили ноги. Нет, лучше все-таки идти вверх по течению. Во-первых, так будет ближе к скуттеру, а во-вторых, Гарпаг, вернее всего, подумает, что он отправился вниз по течению, чтобы вернуться назад, к царю.

Камни речушки ранили его ноги, и вода леденила их. Деревья стеной поднимались вдоль обоих берегов, наверху виднелась только быстро темнеющая узкая полоска неба. В вышине парил орел. Становилось все холоднее. Но ему повезло: ручеек петлял, как змея в бреду, и Эверард почти сразу же, скользя и спотыкаясь, исчез за поворотом.

Я пройду милю или две, подумал он, *и, может быть, там окажется свисающая низко ветка, ухвачусь за нее, вылезу и окончательно запутаю следы.*

Минуты текли медленно.

Я доберусь до скуттера, обращусь в главное управление и попрошу помощи. Я знаю, черт побери, что никакой помощи от них не будет. Почему бы не пожертвовать одним человеком, чтобы обеспечить собственное спокойное существование и благоденствие? Так что Кейт застрянет здесь ещё на тринадцать лет, пока его не убьют варвары. Но через тринадцать лет Цинтия все еще будет молода и, пережив весь кошмар изгнания, точно зная дату смерти мужа, останется совсем одна в запрещенной для путешествия во времени эпохе, при запуганном дворе безумного Камбиса II... Нет, я должен скрыть от нее правду, удержать ее дома, сказать, что Кейт мертв. Он и сам хочет, чтобы я так поступил. А через год или два она опять будет счастлива, я сумею научить ее быть счастливой.

Он не замечал, как острые камни изранили его обутые в тонкие сандалии ноги, как неверен его шаг и как сильно шумит вода. Но тут он подошел к повороту речушки и увидел персов.

Их было двое. Они брели вниз по течению. Очевидно, его поимке придавали большое значение, раз уж решились пренебречь религиозным запретом относительно осквернения речных вод. Сверху по обоим берегам шли еще двое, прочесывая лес. Одним из них был Гарпаг. Они со свистом вытащили длинные мечи из ножен.

— Стой!— вскричал Гарпаг.— Стой, грек, сдавайся!

Эверард остановился как вкопанный. Вода журчала по его ногам. Те двое, что шли по реке навстречу ему в этом колодце темноты, казались нереальными: их темные лица были совсем не видны. Выделялась только белая одежда и мерцающие лезвия их мечей. Эверард вздрогнул: преследователи видели, как он вошел в ручей, и просто разделились — половина пошла вниз по ручью, остальные — вверх, передвигаясь по твердой земле быстрее, чем он по воде. Пробежав дальше, чем он мог дойти, они повернули назад и пошли медленнее, так как река петляла, но уже уверенные, что добыча от них не ускользнет.

— Взять живым,— напомнил Гарпаг.— Можете ранить его в ноги, если придется, но возьмите живым.

Эверард захрипел от ярости и повернулся лицом к берегу.

— Ну подожди же, негодяй!— по-английски сказал он.— Ты сам напросился.

Двое воинов, идущих по реке, с криком бросились вперед. Один поскользнулся и упал лицом в воду. Воин, двигавшийся вдоль берега, съехал вниз по склону, сидя на заду.

Береговой склон был покрыт скользкой грязью. Эверард вонзил в нее нижний конец щита, оперся на него и с трудом выбрался из воды. Гарпаг медленно и спокойно двинулся вперед, ожидая этого момента. Лезвие в руке мидянина сверкнуло, обрушиваясь на Эверарда сверху. Он наклонился, подставляя шлем, который погнулся, но выдержал удар. Меч соскользнул со шлема и задел правое плечо, но не очень сильно. Эверард почувствовал небольшое жжение, но уже через секунду ему стало некогда разбираться в своих ощущениях.

Он знал, что не сможет справиться со всеми нападающими. Но он заставит их убить его и дорого заплатить за эту честь.

Эверард упал на траву и поднял щит, как раз вовремя, чтобы парировать удар в лицо. Гарпаг сделал выпад, пытаясь достать его ноги. Эверард и этот удар парировал своим коротким мечом. Сталь мидянина со свистом рассекла воздух. Но при близком бое у легко вооруженного азиата не было ни одного шанса против греческого вооружения, что истории предстояло доказать двумя поколениями позже.

Бог ты мой, подумал Эверард, *если бы только у меня были панцирь и поножи, я бы справился со всеми четверыми.*

Он искусно прикрывался щитом, отражая выпады и удары и стараясь как можно ближе подойти к Гарпагу, чтобы тот не мог действовать своим длинным мечом и сам оказался не защищенным от меча Эверарда. Хилиарх усмехнулся в седую бороду и отскочил назад. Тянет время, конечно. Так и есть. Еще трое солдат вскарабкались на берег и с криком бежали к ним. Атака была беспорядочной. Умелые воины каждый по отдельности, персы никогда не могли научиться организованной массовой дисциплине Европы, за что и поплатились при Марафоне и Гавгамелах. Но вчетвером против одного, да еще не одетого в латы, они имели все шансы на успех.

Эверард прислонился спиной к дереву. Первый воин подбежал к нему совершенно беспечно, его меч зазвенел о щит Эверарда. Клинок американца сверкнул из-за бронзового овала щита. Эверард почувствовал, как клинок с трудом вошел во что-то мягкое. По прежнему опыту он знал это ощущение. Он быстро вытащил клинок и отскочил в сторону. Воин медленно осел на землю, истекая кровью. Он знал, что умирает, и, застонав, обратил лицо к небу.

Остальные воины были уже рядом с Эверардом — по одному с каждой стороны. Нависающие кусты не давали персам возможности воспользоваться арканом. Придется им вступить в открытый бой. Патрульный отразил щитом нападение слева. Тем самым он приоткрыл правую сторону груди, но так как им было приказано взять его живым, он мог себе это позволить. Солдат справа пытался подсечь Эверарду ноги. Патрульный подпрыгнул, и меч просвистел под ним. Теперь воин слева ударил ниже, и внезапно Эверард ощутил боль и увидел лезвие, торчавшее в его ноге. Он отдернул ногу. Последний луч заходящего солнца проник сквозь густую хвою и тронул лужу крови, заставив ее блеснуть немыслимо алым цветом. Эверард почувствовал, как нога под ним начинает подгибаться.

— Так, так,— возбужденно выкрикивал Гарпаг, подпрыгивая футах в десяти от места сражения,— рубите его.

Уклоняясь от очередного удара, Эверард выкрикнул, немного опустив щит:

— Рубите! Сам-то он на это не решается, трусливый шакал. У вашего предводителя духу не хватает сразиться со мной самому. Ведь он уже раз бежал от меня, поджав хвост.

Расчет оказался правильным, атака персов немедленно прекратилась. Эверард снова заговорил, не давая им опомниться.

— Если уж вы, персы, должны быть собаками мидянина — неужели вы не могли найти такого, который хоть немного напоминал бы мужчину, а не этого шакала, который предал своего царя, а сейчас бежит от одного-единственного грека?

Даже так далеко к западу и в такое давнее время ни один человек с Востока просто не мог решиться «потерять лицо» при подобных обстоятельствах. Гарпаг был далеко не трус: Эверард знал, насколько несправедливы его упреки. Но хилиарх уже кинулся к нему, сыпя проклятиями. На секунду Эверард увидел дикие расширенные глаза на худом лице с ястребиным носом. Он повернулся боком и пошел вперед, подволакивая ногу. Двое из воинов на секунду заколебались; этой секунды было достаточно, чтобы Эверард и Гарпаг встретились. Меч мидянина взлетел и упал, отскочив от греческого щита и шлема Эверарда, и скользнул к его ноге. Перед глазами Эверарда мелькнула широкая белая рубаха мидянина. Чуть подняв плечи, американец сделал выпад своим коротким мечом и вонзил его в грудь Гарпага.

Он вытащил меч, слегка повернув его привычным профессиональным движением, обеспечивающим смертельную рану, затем развернулся на правой ступне и отразил щитом удар одного из воинов. Эверард и перс мгновение в ярости смотрели друг на друга. Потом Эверард краешком глаза увидел, что еще один воин пытается зайти ему за спину. «Что ж,— промелькнула у него смутная мысль,— по крайней мере одним опасным человеком для Цинтии меньше...»

— Стой! Стойте!

Голос прозвучал в воздухе слабо, тише журчания ручейка, но воины отступили и опустили мечи. Даже умирающий перс отвел свой неподвижный взгляд от неба.

Гарпаг пытался подняться и сесть в луже собственной крови. Его лицо стало серым.

— Нет... постой...— прошептал он.— Подожди. В этом есть своя цель. Великий Митра не дал бы мне умереть, если...

Как ни был он слаб, Гарпаг сумел величественно подозвать Эверарда движением руки.

Эверард отбросил меч, хромая подошел к Гарпагу и опустился рядом с ним на колено. Мидянин откинулся ему на руки.

— Ты из страны царя,— прошептал Гарпаг в окровавленную бороду.— Не отрицай, я знаю. Но знай и ты, что Аурвагауш, сын Кшаяварша, не предатель.

Мускулы его лица напряглись, как бы величественно отгоняя смерть, пока он не совершит задуманного.

— Я знаю, что есть силы и могущества — от бога или от черта, до сих пор не понимаю,— но они есть в стране царя. И только они сделали возможным его появление здесь. Я использовал их, использовал его; не для себя, но потому, что я поклялся в верности своему царю Астиагу, а ему был нужен... Кир... чтобы государство не развалилось. Потом, из-за своей жестокости, Астиаг не имел больше права на мою верность. Но я все еще оставался мидянином. Я видел в Кире единственную надежду, надежду на лучшее будущее Мидии. Потому что он был хорошим царем и для нас то-

же — вторыми после персов почитались мидяне в его государстве... Понимаешь ли ты это, человек из страны царя?

Мутнеющие глаза пытались поймать взгляд Эверарда, но тщетно.

— Я хотел взять тебя в плен, выпытать, где спрятана и как работает твоя повозка, а затем убить тебя... это правда... но не ради себя. Для блага государства. Я боялся, что ты заберешь царя в его страну, ведь я знал, что он этого хочет. И что тогда станет с нами? Будь милосерден, ведь и тебе когда-нибудь понадобится милосердие.

— Не бойся,— сказал Эверард.— Царь останется здесь.

— Хорошо,— выдохнул Гарпаг.— Я верю, что ты говоришь правду... я не смею думать иначе... Но тогда... значит, я искупил свою вину?— еле слышно спросил он с тревогой в голосе.— За то убийство по приказу моего повелителя, когда я положил беспомощного младенца на вершину холма и смотрел, как он умирает,— искупил ли я свою вину, человек из страны царя? Потому что из-за смерти царевича... наше государство чуть не погибло... но я нашел другого Кира! Я спас всех нас! Искупил ли я свою вину?

— Да,— сказал Эверард и подумал о том, имеет ли какую-нибудь силу данное им отпущение грехов.

Гарпаг закрыл глаза.

— Тогда оставь меня,— сказал он, и это прозвучало как слабое эхо команды.

Эверард осторожно опустил его на землю и заковылял в сторону. Два перса склонились над своим господином, исполняя какой-то ритуал. Умирающий воин вернулся к своей молитве. Эверард сел под дерево, разорвал часть плаща на полосы и принялся перевязывать свои раны. Той, что на ноге, придется заняться. Ему надо как-то добраться до скуттера. Это будет нелегко, но он как-нибудь перебьется, а врач Патруля вылечит его за несколько часов с помощью медицины, которая появится в будущем, даже много позже, чем его собственная эпоха. Ему придется отправиться в какое-нибудь отделение в малоизвестном ареале, чтобы не отвечать на вопросы, которых будет слишком много в двадцатом веке. А он не может себе позволить подобные разговоры. Если только в главном управлении узнают, что он решил сделать, вероятно, запретят ему и думать об этом.

Ответ пришел к нему не как озарение, а как убеждение, которое подсознательно созревало уже давно. Он откинулся назад, переводя дыхание. К этому времени подошли еще четыре воина, им сказали, что произошло. Никто из них не обращал на Эверарда внимания, они лишь бросали на него взгляды, в которых страх боролся с гордостью, и незаметно делали знаки против злых сил. Затем воины подняли своего мертвого начальника и умирающего товарища и понесли их в лес. Сгущались сумерки. Где-то проухал филин.

9

Великий царь сел на постели. За занавесками раздался какой-то легкий шум.

Кассандана, царица, неслышно зашевелилась. Тонкая рука скользнула по его лицу.

— Что там такое, о солнце моего счастья?— спросила она.

— Не знаю.

Он пошарил под подушкой, где у него всегда лежал короткий меч.

— Ничего.

Ее ладонь скользнула по его груди.

— Нет, солнце моей души,— прошептала она, внезапно задрожав.— Что-то случилось. Твое сердце бьется, как барабан войны.

— Оставайся здесь.— Он встал с постели, откинул тяжелый полог. Лунный свет лился с иссиня-голубого неба и падал на пол сквозь сводчатое окно. Он почти слепил, отражаясь от бронзового зеркала. Воздух холодил обнаженное тело.

Какой-то черный металлический предмет, на котором находился человек, осторожно дотрагивающийся до тумблеров на пульте управления, внезапно, как тень, возник в воздухе.

Предмет беззвучно опустился на ковер, и человек сошел с него. Он был в шлеме и греческой тунике, крепко сложен и высок ростом.

— Кейт,— прошептал он.

— Мэнс!

Денисон вышел из темноты в лунный свет.

— Ты вернулся!

— Да не может быть!— иронически усмехнулся Эверард.— Скажи, нас тут могут подслушать? Не думаю, чтобы меня видели. Материализовался прямо над крышей и спустился на антигравитаторе.

— За дверью стража,— сказал Денисон.— Но они не войдут, пока я не ударю в гонг или не крикну.

— Хорошо. Одевайся.

Денисон выронил меч. Секунду он стоял не двигаясь, затем у него вырвалось:

— Ты нашел выход?

— Может быть, может быть...

Эверард отвел глаза и стал выстукивать дробь на панели управления.

— Послушай, Кейт,— сказал он в конце концов.— У меня есть одна мысль, но из нее может ничего не получиться. Мне нужна твоя помощь. Если у нас все выйдет как задумано, считай, что ты дома. Главное управление будет поставлено уже перед свершившимся фактом и закроет глаза на какое-то там нарушение правил. Если же ничего не выйдет, тебе придется вернуться сюда в эту самую ночь и жить жизнью Кира до самой смерти. Ты в состоянии пойти на это?

Дрожь била Денисона сильнее, чем при лихорадке. Очень тихо он сказал:

— Наверно.

— Я сильнее тебя,— грубо напомнил Эверард,— и у меня с собой современное оружие. Если будет необходимо, я доставлю тебя назад связанным. Пожалуйста, не заставляй меня делать это.

Денисон глубоко вздохнул.

— Не заставлю.

— Тогда остается надеяться, что боги будут на нашей стороне. Одевайся. Я объясню тебе все по дороге. Скажи этому году «прощай», и будем надеяться, что не «до свиданья», потому что, если все получится, ты его никогда больше не увидишь, да и никто другой тоже.

Денисон, уже отправившийся в угол комнаты, где была свалена его одежда, которую до утра должен был прибрать раб, остановился на полдороге.

— Что?— спросил он.

— Мы попробуем переписать историю,— сказал Эверард.— Или, может быть, восстановить историю в том виде, как она существовала на самом деле. Не знаю. Давай скорее!

— Но...

— Говорю тебе, одевайся! Понимаешь ли ты, что я появился здесь в тот же самый день, когда уехал отсюда, что в эту минуту я, раненный в ногу, карабкаюсь по холмам, только бы выкроить для тебя лишнее время? Давай, шевелись!

Денисон принял решение. Лицо его находилось в темноте, но голос прозвучал твердо, хоть и негромко.

— Мне надо проститься с одним человеком.

— Что?

— С Кассанданой, моей женой. Она была со мной... боже, уже четырнадцать лет! Она родила мне троих детей и выхаживала меня, когда я два раза умирал от лихорадки и сотни раз от отчаяния, а однажды, когда мидяне были уже у ворот города, она повела за собой женщин, и они вдохновили нас на сражение и победу... Дай мне пять минут, Мэнс.

— Ну хорошо, хорошо. Правда, за пять минут до нее и евнух дойти не успеет...

— Она здесь.

Денисон скрылся за пологом ложа.

Эверард так и остался стоять, пораженный.

Ты ждал меня сегодня ночью, подумал он, *и ты надеялся, что я смогу вернуть тебя Цинтии, и все же ты послал за Кассанданой.*

И потом, когда пальцы его онемели от того, что он все крепче сжимал рукоять меча, внутренний голос сказал ему:

Заткнись, Эверард, ты просто лицемер и самодовольный ханжа.

Денисон вернулся быстро. Он оделся в полном молчании и сел на заднее сиденье скуттера.

Эверард включил тумблер пространства, комната исчезла, и теперь перед ними уже лежали освещенные луной холмы. Холодный ветер продувал их насквозь.

— А сейчас — в Экбатаны.

Эверард включил освещение и принялся манипулировать с контрольными рукоятями, сверяясь с записями в блокноте.

— Эк... О, ты имеешь в виду Хагматан? Старую столицу Мидии?

Голос Денисона звучал удивленно.

— Но ведь сейчас это просто летняя резиденция царей.

— Я имею в виду Экбатаны тридцать шесть лет назад,— сказал Эверард.

— Что?

— Слушай. Все историки будущего категорически утверждают, что рассказ о детстве Кира в изложении Геродота и самих персов — чистая легенда. В конце концов, может быть, они и правы. Может быть, то, что произошло здесь с тобой,— просто одно из тех искривлений пространства-времени, которые Патруль так тщательно старается выправить.

— Понятно,— медленно сказал Денисон.

— Ты был в свите Астиага достаточно часто, пока еще оставался подданным. Ты будешь указывать мне путь. Старик нам нужен самолично, предпочтительно один, и ночью.

— Шестнадцать лет — долгий срок,— сказал Денисон.

— А?

— Если ты все равно хочешь изменить прошлое, зачем я нужен тебе именно сейчас? Ты можешь отправиться в то время, когда я правил всего год, достаточно для того, чтобы знать все относительно Экбатан, но...

— Нет. Прости. Я не смею. Мы и так чертовски рискуем. Один господь бог знает, к чему может привести вторичный эффект, который возникает в мировых линиях при таком изменении событий. Даже если у нас все по-

лучится, Патруль вполне может сослать нас обоих на отдаленную планету только за то, что мы пошли на подобный риск.

— Да... я понимаю.

— К тому же,— сказал Эверард,— ведь ты не самоубийца! Ты что, действительно хочешь, чтобы тебя, такого, какой ты есть в эту минуту, никогда не существовало?

Он закончил программирование на панели управления. Человек позади него вздрогнул.

— Великий Митра!— произнес Денисон.— Ты прав. Давай не будем говорить об этом.

— Тогда поехали.

Эверард нажал кнопку главного переключателя.

Скуттер завис над незнакомым городом, окруженным стеной. Хотя эта ночь тоже была лунной, город терялся в темноте. Эверард начал открывать сумки, пристегнутые у седел.

— Возьми,— сказал он.— Надень этот костюм, я тоже переоденусь. Ребята из отделения в Мохенджодаро подогнали их под наши размеры. Там, во втором тысячелетии до нашей эры, им самим приходится часто так переодеваться, ситуации возникают всякие...

Ветер свистел мимо, скуттер повернул к востоку. Денисон показал Эверарду рукой вниз.

— Вот дворец. Царская опочивальня в восточном крыле.

Это было массивное и менее изящное здание, чем новый дворец персидского царя в Пасаргадах. Эверард заметил среди осенней листвы белые скульптуры двух крылатых быков, оставшиеся от ассирийцев. Окна были слишком узки, в них невозможно было влететь. Эверард выругался и направил машину к ближайшему входу. Двое конных стражников взглянули вверх и, увидев, что́ приближается к ним, завопили от ужаса. Скуттер разнёс в щепки дверь. Лошади встали на дыбы и сбросили всадников. Еще одно чудо никак не повлияет на историю, потому что в этих веках так же истово верили в чудеса, как в его собственную эпоху — в витамины, и, возможно, с куда большим основанием. Они проехали по длинному коридору, освещенному лампами, бросающими на стены тусклый свет, мимо перепуганной насмерть стражи к царской опочивальне. Здесь Эверард вытащил меч и постучал эфесом в дверь.

— Теперь давай ты, Кейт,— шепнул он.— Ты лучше знаешь мидийскую речь и как с ними обращаться.

— Открывай, Астиаг!— загремел Денисон.— Открывай посланцам великого Ахурамазда.

К некоторому удивлению Эверарда, человек за дверью немедленно исполнил приказание. Астиаг был не менее храбр, чем любой из его подданных, но когда царь, коренастый мужчина средних лет с грубым лицом, увидел двух существ в люминесцентной одежде, с сиянием вокруг головы и крыльями за спиной, излучающими свет, в воздухе на железном троне, он распростерся перед ними ниц.

Эверард услышал, как Кейт заговорил громовым голосом ярмарочного прорицателя на диалекте, который сам он не совсем понимал:

— О бесславный сосуд порока, проклятие небес пало на твою голову! Неужели ты думаешь, что самые сокровенные твои мысли, хоть и прячешь ты их во тьме, их породившей, могут сокрыться от Всевидящего Ока? Неужели ты возомнил, что великий Ахурамазда допустит, чтобы свершилось то подлое зло, которое ты замыслил?

Эверард перестал слушать, отдавшись собственным мыслям. Гарпаг был, вероятно, где-то в этом же городе, в цвете сил и еще не повинный

в преступлении. Теперь ему никогда не придется нести всю жизнь этот тяжелый крест. Он никогда не оставит ребенка на вершине холма и, опершись на копье, не будет ждать, когда стихнут его крики и плач. Он, конечно, восстанет в будущем, но уже по другим причинам, и станет хилиархом Кира, но он не умрет от руки врага в дремучем лесу; и какой-то перс, чьего имени Эверард не знал, тоже не умрет от греческого короткого меча, пронзившего его насквозь.

Но воспоминание о тех двух людях, что я убил, останется в клеточках моего мозга, на моей ноге всю жизнь будет виден тонкий белый шрам. Кейту Денисону сорок семь лет, и он научился думать и повелевать, как царь.

— Знай же, Астиаг, что этот ребенок — Кир, избранник небес. Небеса милосердны. Ты получил знак. И если ты возьмешь на душу этот грех и прольешь кровь невинного младенца, тебе ее никогда не смыть! Оставь Кира в его родном Аншане, или ты будешь гореть в огне с Ариманом. Митра сказал свое слово!

Астиаг, простертый у их ног, бился головой о пол.

— Поехали,— сказал Денисон по-английски.

Эверард поставил программатор на тридцать шесть лет вперёд. Лунный свет освещал ручей в горах Персии и кедры вдоль дороги. Было холодно. Где-то завывал волк.

Эверард посадил скуттер, спрыгнул с него и начал высвобождаться из одежды. На бородатом лице Денисона застыло непонятное выражение.

— Знаешь,— сказал он,— я опасаюсь...

Голос его будто растаял в окружающей его тишине.

— Я опасаюсь, Мэнс, не слишком ли мы его напугали? В истории записано, что Астиаг три года воевал с Киром, когда персы восстали.

— Мы всегда можем вернуться назад, скажем, к самому началу войны, и устроить ему видение, которое побудит его сопротивляться восставшим,— сказал Эверард, с трудом стараясь сохранить здравый смысл.— Но надеюсь, что этого не понадобится. Он не тронет царевича сейчас, но когда его подданные восстанут, он достаточно разъярится для того, чтобы забыть сегодняшний далекий сон. Да и его приближенные, мидийская знать, вряд ли разрешат ему сидеть сложа руки. Но ведь это можно проверить. Разве в день зимнего солнцестояния царь не устраивает пышного праздника?

— Да. Поехали. Быстро.

И внезапно в вышине над ними зажглось солнце. Они спрятали скуттер и пошли пешком в Пасаргады, влившись в толпу стремящихся на праздник Митры людей. По пути они спрашивали, что случилось, объясняя, что долгое время пробыли в чужих странах. Ответы удовлетворили их до мельчайших деталей, которые не были записаны в истории, но остались в памяти Денисона.

И, стоя в многотысячной толпе под холодным голубым небом, они приветствовали Кира, Великого царя, который проезжал со своими приближенными и помощниками — Кобадом, Крезом и Гарпагом. Вслед за ними ехали те, кто составлял гордость и славу Персии, ее сановники и жрецы.

— Он моложе меня,— прошептал Денисон.— Так я и думал. И немного меньше ростом... лицо совсем не похоже, как ты думаешь? Но он годится.

— Хочешь остаться посмотреть?— спросил Эверард.

Денисон завернулся в плащ. Было холодно.

— Нет,— глухо сказал он.— Домой. Прошло так много времени. Даже если всего этого никогда и не было.

— Ну-ну.

Эверард тоже был угрюм и совсем не походил на счастливого спасителя.

— Да, этого никогда не было,— повторил он.

10

Кейт Денисон вышел из лифта своего дома в Нью-Йорке. Он был немного удивлен тем, что забыл, как выглядит этот дом. Он даже не мог вспомнить номера своей квартиры, так что пришлось обратиться к помощи справочника. Детали, детали. Он попытался остановить дрожь в руках.

Цинтия открыла дверь, как только он подошел к ней.

— Кейт,— сказала она почти удивленно.

Он не нашелся что сказать и только спросил:

— Мэнс предупредил тебя? Он обещал мне, что предупредит.

— Да. Неважно. Я не могла себе представить, что ты так изменился. Но это неважно. О, мой дорогой!

Она втащила его в квартиру, закрыла дверь и прижалась к нему.

Денисон оглядел комнату. Он совсем забыл, какая она тесная. И ему всегда не по душе был вкус Цинтии в выборе обстановки, но он не спорил с ней.

Уступать женщине, даже спрашивать ее совета — этому ему еще предстояло заново учиться. Будет нелегко.

Она подставила свое заплаканное лицо для поцелуя. Значит, вот как она выглядит! Нет, он не помнил, не помнил. После стольких лет в его памяти остался только полустертый образ маленькой женщины со светлыми волосами. Он прожил с ней всего несколько месяцев... Кассандана называла его своей утренней звездой, дала жизнь троим его детям и все четырнадцать лет была готова исполнять любые его желания.

— Ох, Кейт, наконец-то ты дома,— сказал высокий, тонкий голос.

Дома!— подумал он.— *Боже!*

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

1

Имя Джон Сандовал ему явно не шло. И уж совсем нелепым казался сам человек с поджарой фигурой, одетый в слаксы и блузу, стоявший на шкуре белого медведя (когда-то подаренной Эверарду Бьёрне Герьюльсоном) перед окном квартиры, из которой открывался вид на Манхэттен середины двадцатого века. Эверард привык к анахронизмам, но глядя на темное лицо с орлиным носом, он невольно представлял себе боевую раскраску, коня и пистолет, направленный на какого-нибудь бледнолицего вора.

— Ну хорошо,— сказал он.— Китайцы открыли Америку.— Факт не лишен интереса, но при чем здесь я?

— Почем мне знать?— ответил Сандовал и отвернулся, уставившись в окно. На фоне ясного неба резко выделялись башни зданий; городской шум, терявшийся далеко внизу, почти не был слышен. Руки индейца, заложенные за спину, нервно сжимались и разжимались.— Мне было приказано подыскать агента с правом свободных действий, отправиться с ним в прошлое и принять необходимые меры. Тебя я знаю лучше других, так что...— он умолк.

— Может, все-таки обратишься за помощью к одному из твоих соплеменников?— спросил Эверард.— Ведь мое появление в Америке середины тринадцатого века, мягко говоря, будет несколько необычным.

— Тем лучше. Зато достаточно впечатляющим и загадочным... Да и задание не такое уж трудное.

— Что верно, то верно,— заметил Эверард.— Трудных у нас не бывает.

Он достал из кармана своего старенького, видавшего виды халата кисет с табаком и трубку и принялся набивать ее быстрыми нервными движениями. Еще в самом начале своей карьеры, будучи простым патрульным, он усвоил суровую истину: любое, даже самое важное поручение, следовало выполнять малыми силами, не создавая мощных организаций, так характерных для двадцатого века. Примером могла служить Афинская Эллада. Япония времен Камакура[1], да и более поздние цивилизации, которые уделяли внимание развитию и совершенствованию отдельно взятой личности. Выпускник Академии Патруля (само-собой, снабженный техническими новинками и оружием будущего) мог при необходимости заменить воинскую часть. Слишком мало было патрульных и над слишком многими тысячелетиями приходилось им вести наблюдения.

— У меня такое ощущение,— медленно проговорил Эверард,— что в данном случае речь идет не о конкретном исправлении чьего-либо вмешательства извне.

— Ты прав,— хрипло ответил Сандовал.— Когда я доложил обстановку, отделение Юань провело самое тщательное расследование. Путешественники во времени здесь ни при чем. Хубилай-хан[2] организовал экспедицию на свой страх и риск. Возможно, его вдохновило описание путешествий Марко Поло по венецианскому и арабскому морям, но такова история, даже если в книге Марко ни словом не упоминается о возможности открытия Америки.

— Китайцы — древние мореплаватели,— пробормотал Эверард.— Так что все вполне естественно. Но только при чем здесь мы?— Он раскурил трубку, глубоко затянулся и, видя, что Сандовал упорно молчит, задал следующий вопрос.— Как ты обнаружил монголов? Неужели в стране навахо?

— Я не ограничиваюсь изучением одного своего племени,— ответил Сандовал.— В Патруле слишком мало индейцев, а гримировать под «краснокожих» достаточно сложно. Последнее время я работал над миграцией атабасков.

Подобно Кейту Деннисону он был этническим специалистом и изучал историю народов, о которых почти ничего не было известно, собирая дан-

---

[1] Бывшая резиденция японских сиогунов (фактических правителей страны).

[2] Ши-цзу Хубилай, монгольский император (1264—1295). Завершил завоевание Китая, основав юаньскую династию (двадцатую по счету и первую из инородческих, овладевших всем Китаем).

ные, необходимые для наблюдения над определенными ключевыми моментами истории.

— Я исследовал восточный склон Каскадных гор, неподалеку от Кратерного озера,— продолжал Сандовал.— Это — страна лутуами, но у меня были все основания подозревать, что племя атабасков, следы которого я потерял, двигалось именно здесь. Аборигены говорили о загадочных незнакомцах, пришедших с севера. Я решил проверить, в чем дело, и наткнулся на отряд конных монголов. Проследив их путь, я обнаружил лагерь в устье реки Чечалис, где еще несколько монголов помогали китайским морякам сторожить корабли. Делать было нечего, и я тут же доложил обстановку в центр.

Эверард уселся в кресло и окинул своего собеседника долгим взглядом.

— Достаточно ли тщательным было расследование в Китае?— спросил он.— Ты абсолютно уверен, что экстратемпорального вмешательства не произошло? Ведь оно могло быть и неумышленным: ты знаешь, иногда последствия остаются неясны десятилетиями.

Сандовал кивнул.

— Получив задание, я первым делом отправился в главное отделение Юань в Ханбалыке — древнее название Пекина. Они скрупулезно проверили время вплоть до правления Чингиз-хана, а пространственно охватили даже Индонезию. Исторически все так же верно, как и в случае скандинавов, открывших свой Винланд[1]. При китайском дворе известно, что экспедиция была отправлена и никогда не вернулась и что Хубилай решил не рисковать второй раз. Запись хранилась в имперском архиве, уничтоженном во время восстания Минской династии[2], в результате которого монголы были изгнаны из Китая. Историографы вообще позабыли об этом инциденте.

Эверард задумался. Как правило, он любил свою работу, но сейчас чувствовал себя не совсем уютно. Сандовал явно чего-то не договаривал.

— Послушай,— обратился он к индейцу,— совершенно очевидно, что экспедиция погибла. Вполне понятно, нас интересует, как это произошло. Но почему следить за ними должен агент с правом свободных действий?

Сандовал перестал смотреть в окно и повернулся. На какое-то мгновение Эверарду опять пришла в голову мысль, насколько индеец племени навахо чужд этому миру. Он родился в 1930 году, прошел суровую школу армии, окончил колледж с отличием, стал прекрасным патрульным, но так никогда и не выглядел полноправным жителем двадцатого века.

А кто из нас в лучшем положении? И вообще, в состоянии ли человек жить на свете, зная будущее своего народа?

— Но я не должен следить за ними!— воскликнул Сандовал.— Доложив обстановку, я получил приказ прямо от данеллиан. Без объяснения причин, без малейших колебаний: уничтожить экспедицию! Переписать страницу истории!

2

Год одна тысяча двести восьмидесятый новой эры.

Воля Хубилай-хана распространилась по параллелям и меридианам,

---

[1] Под этим именем был известен в X в. у скандинавов восточный берег северной Америки. Бьёрне Герьюльсон открыл его в 986 г., но не высадился. В 1000 г. сын Эрика Рыжего, Лайф, назвал часть страны Винланд (виноградная страна).

[2] Двадцать первая китайская династия (1368—1636 гг.). Ее основатель, Чжу-Юань-чжань, известный нод именем Минского Тай-цзу, окончательно изгнал из своей страны монголов.

он мечтал о мировой империи, а при его дворе с почетом встречали каждого чужеземца, несшего с собой новые знания. Молодой венецианский купец по имени Марко Поло стал фаворитом. Но отнюдь не все народы жаждали жить под игом монгольского императора. Тайные революционные общества, собиравшиеся во многих покоренных странах, создали свой центр в Катае[1]. Япония, за троном которой стояли представители рода Ходзо[2], успешно отразила первый натиск. Да и объединены монголы были только в теории. Среди русских принцев, собиравших дань Золотой Орде, происходили брожения; Ильхан Абака царил в Багдаде.

В те далекие времена аббасиды[3] нашли прибежище в Каире; Дели процветал под властью первой турецкой династии[4]; Николай III был папой римским; гвельфы и гибеллины разоряли Италию; Рудольф Габсбургский был германским императором; Филипп Смелый — королем Франции; Эдуард I — «рыцарь без страха и упрека» — правил Англией. Великими их современниками были Данте Алигьери, Иоанн Дунс Скот[5], Роджер Бэкон и Томас Стихотворец[6].

А в Северной Америке Мэнс Эверард и Джон Сандовал остановили своих коней на вершине пологого холма и уставились вдаль.

— Впервые я увидел их на прошлой неделе,— сказал индеец,— причем достаточно далеко отсюда. Если так будет продолжаться, через пару месяцев они окажутся в Мексике, невзирая ни на какие препятствия.

— Согласно монгольским стандартам,— ответил Эверард,— это еще медленно.

Он поднес к глазам бинокль. Вокруг зеленела весенняя апрельская трава. Даже на самых высоких и старых ветвях распускались веселые молодые листочки. Холодный ветер, дующий с гор, шумел в соснах; множество птиц, спешащих в родные края, казалось, затмили собой солнце. Пики Каскадных гор как бы парили в небе далеко на западе: бело-голубые, величавые, неприступные. У подножья холма росли группы деревьев, за которыми виднелись долины, а там, вдали, за горизонтом, лежала необъятная прерия, сотрясающаяся под громовым топотом бизоньих стад.

---

[1] Китай.

[2] Род Ходзо (Ходжо) обладал действительной властью в стране, и его представители, под титулом регентов, командовали всеми вооруженными силами Японии. Первое нападение было совершено Хубилаем на острова, но успешно отбито (1274 г.). В 1281 г. Хубилай отправляет стотысячную армию в саму Японию, но после высадки буря уничтожила весь монгольский флот, и отрезанные от сообщения с материком войска были полностью уничтожены японцами: только троим удалось перебраться в Китай и сообщить об участи армии.

[3] *Аббас.* — дядя пророка Магомета. Старший из его сыновей, Абдалла, был основателем династии аббасидов (652 г. н. э.), которая в 750 г. в лице внука Абдаллы, Абул-Аббаса, вступила на трон багдадских калифов, и в 1258 г., в лице Мотазема, была свергнута с него монголами.

[4] Дели обрел независимость в 1206 г., и его наместник, Каттаб-эй-дин-Айбек сделал его резиденцией могущественного государства и положил начало первой турецкой династии, при которой Дели стал одним из самых богатых городов Азии. С 1288 г. в Дели царствует вторая турецкая династия Гильджи, при которой город удачно отражал нашествия монголов.

[5] Последний и самый оригинальный представитель средневековой схоластики. Знаменит тем, что еще в 1305 г. защитил диссертацию, отстаивающую изначальную непорочность Святой Девы Марии (за пять с половиной веков до провозглашения этого догмата папой Пием IX).

[6] *Томас де Галь* — замечательный лирический поэт конца XIII в., который, в отличие от своих собратьев по перу, не писал духовных стихов.

Эверард перевел бинокль на экспедицию. Монголы растянулись по равнине длинной цепью, более или менее следуя течению реки. Примерно семьдесят человек на косматых, караковой масти, коротконогих, длинноголовых азиатских лошадях. Они вели в поводу вьючных животных и сменных лошадей. Эверард сразу приметил несколько туземных проводников: не только по лицу и одежде, но и по тому, как они неуклюже держались в седле. Потом он вновь принялся тщательно изучать монголов.

— Что-то больно много вьючных беременных кобыл,— пробормотал он себе под нос.— Видимо, они перевезли на кораблях столько лошадей, сколько смогли, выпуская их прогуляться и попастись на каждой остановке, а сейчас решили увеличить поголовье. Да, эти пони достаточно выносливы и могут перенести все тяготы пути.

— Те, кто остался у кораблей, тоже занимаются разведением лошадей,— сообщил Сандовал.— Видел собственными глазами.

— Что ты еще о них знаешь?

— Практически ничего. О записи, которая хранится в архиве Хубилая, я тебе уже говорил. Если помнишь, там мимоходом упоминается о четырех кораблях под командованием нойона Токтая и ученого Ли Дай-цзуна, посланных для исследования островов, лежащих за Японией.

Эверард рассеянно кивнул. Незачем сидеть сложа руки и в сотый раз повторять одно и то же. Он просто оттягивал тот момент, когда от слов пора было переходить к делу.

Сандовал откашлялся.

— Может, все-таки я пойду один?— спросил он.— Мало ли что взбредет им в голову?

— Жаждешь увенчать себя лаврами героя? Ну нет, лучше вместе. К тому же я не жду никаких неприятностей. По крайней мере в начале. Эти ребята достаточно умны, чтобы ни с того, ни с сего наживать врагов. Ведь они завели хорошие отношения с индейцами, ты же видишь. А мы для них вообще величина неизвестная... Но от рюмки на дорожку я не откажусь.

— И я тоже. Ладно, давай!

Они вынули из седельных сумок фляжки, примерно на полгаллона каждая, поднесли их к губам и сделали по глотку. Шотландское виски обожгло Эверарду горло, огнем прокатилось по жилам. Он окрикнул лошадь и поскакал вниз по склону холма. Сандовал последовал его примеру.

Послышался резкий свист. Их заметили. Все так же неторопливо они продолжали ехать к выстроившимся в линию монголам. Несколько всадников приблизились к ним с двух сторон, натянув стрелы на тетивах коротких мощных луков, но не стали останавливать.

«Наверное, мы выглядим достаточно безопасными»,— подумал Эверард.

На нем, как и на Сандовале, была одежда двадцатого века: охотничий жакет, защищающий от сильного ветра, широкополая шляпа от дождя; но индеец выглядел куда более элегантно в специально изготовленном «Аберкромби и Фичем» национальном костюме навахо. У обоих патрульных висели на поясе кинжалы напоказ, а также маузеры и станнеры тридцатого века, на тот случай, если дело дойдет до потасовки.

Дисциплиной монголы отличались безукоризненной: отряд остановился, как один человек. Подъезжая, Эверард пристально наблюдал за ними. Примерно за час до отправки в прошлое, он прошел курс полного гипнообучения, включая языки, историю, уровень технологии, манеры и моральные принципы монголов, китайцев и даже местных индейцев. Но он впервые видел их так близко.

Монголы не отличались особой импозантностью: коренастые, кривоногие, с жиденькими бороденками и плоскими широкими лицами, смазанными жиром и сверкающими на солнце. Все они были прекрасно обмундированы: сапоги, брюки, покрытые тонкими кожаными пластинками кирасы с лаковым орнаментом, конические стальные шлемы с костылем или плюмажем наверху. Вооружение составляли кривые сабли, кинжалы, копья и луки самых разнообразных размеров. Один из монголов, стоявший почти в самом начале отряда, нес штандарт из позолоченных хвостов яка. Они наблюдали за приближением патрульных своими узкими, ничего не выражающими глазами.

Их начальника легко было узнать. Он ехал в повозке, и разодранный шелковый плащ раздувался от ветра за его спиной. Он был крупнее своих воинов, с рыжей бородой, почти римским носом, и еще более жестоким выражением лица. Проводник-туземец рядом с ним вскрикнул и отпрянул назад, но нойон Токтай продолжал свой путь, глядя на Эверарда немигающим кровожадным взором.

— Я приветствую незнакомцев!— громким голосом произнес он, когда вновь прибывшие остановились в нескольких шагах от него.— Какие духи привели вас к нам?

Эверард ответил на лающем, но безукоризненном монгольском:

— Приветствую тебя Токтай, сын Батыя. Да будет на то воля Тэнгри[1], мы пришли с миром.

Это произвело эффект. Краешком глаза Эверард заметил, как монголы потянулись за амулетами и начали делать различные движения руками от сглаза. Но всадник слева от Токтая быстро обрел самообладание.

— Ах!— сказал он.— Значит путешественники с запада уже побывали здесь раньше. Нам об этом ничего не было известно.

Эверард повернулся. Китаец был выше ростом любого из монголов, с почти белой кожей, холёными руками и тонкими чертами лица. Одетый почти так же, как остальные воины, он был безоружен. Ему можно было дать лет пятьдесят, больше, чем нойону. Эверард слегка поклонился в седле и обратился к нему на северно-китайском диалекте.

— Достопочтенный Ли Дай-цзун, как ни печально, что такой ничтожный червь, как я, противоречит столь уважаемому человеку, но должен сказать, что мы пришли из великого государства далекого юга.

— До нас дошли слухи,— ответил ученый. Он так и не смог до конца скрыть своего волнения.— Даже здесь, на севере, мы слышали много удивительных рассказов о далекой, прекрасной стране. Мы ищем эту страну, чтобы передать братский поклон вашему царю от великого Кагана Хубилая, сына Тули, сына Чингиза, попирающего землю своими стопами.

— Мы слышали о Великом Кагане,— как бы вскользь произнес Эверард,— а также о Калифе, Папе Римском, Императоре и прочих менее именитых властителях.— Ему приходилось как можно тщательнее подбирать слова, чтобы, с одной стороны, не нанести открытого оскорбления китайскому владыке, а с другой — как бы невзначай поставить его на место.— О нас же почти ничего не известно, так как наш повелитель сам не ищет мирской славы и не желает, чтобы она пришла к нему из чужих краев. А теперь разрешите представиться мне, недостойному. Мое имя — Эверард, и хоть по внешнему виду меня можно принять за жителя России или запада, это не так. Я — пограничник.

---

[1] *Тэнгри (монгольск.)* — небо, небесный дух, высший представитель всех сил природы.

Пусть-ка поломают голову над тем, что это значит.

— Немного же людей в твоей свите,— резко бросил Токтай.

— Зачем нам свита? — удивленно ответил Эверард, стараясь говорить как можно непринужденней.

— И вы путешествуете далеко от родины,— вставил Ли.

— Не далее монголов, достопочтенный, когда они маршируют в киргизских степях.

Токтай взялся рукой за эфес сабли и окинул патрульных пронзительным настороженным взглядом.

— Пойдемте,— сказал он.— Я буду принимать вас, как послов. Разобьем лагерь и выслушаем слово вашего повелителя.

3

Солнце, нависшее над западными пиками гор, посеребрило их снежные вершины. Тени удлинились, опускаясь в долину, лес потемнел. И лишь небольшая лужайка, казалось, осветилась еще ярче. Вокруг стояла такая тишина, что каждый звук слышался особенно отчетливо: быстрое журчание ручья, плеск воды, звон топора, хрупанье лошадей, пасущихся в высокой траве. В воздухе пахло дымом костра.

Монголы были явно озадачены присутствием незнакомцев и столь ранним привалом, и хотя лица их оставались бесстрастными, они то и дело поглядывали на Эверарда и Сандовала, бормоча себе под нос заклинания: языческие, буддийские, мусульманские и несторианские[1]. Правда, это нисколько не повлияло на ловкость и быстроту, с которой они разбили лагерь, выставили дозорных, позаботились о лошадях и стали готовить ужин. И все же Эверарду показалось, что они ведут себя куда тише обычного. По крайней мере гипноизлучатель твердо вбил ему в голову, что, как правило, монголы народ веселый и разговорчивый.

Он сидел, скрестив ноги, на коврике в палатке. Сандовал, Токтай и Ли замыкали круг. На горячих углях кипел чайник. Палатка была единственной во всем лагере, видимо,ее возили с собой именно для таких вот торжественных случаев. Токтай собственноручно наполнил чашу кумысом и передал ее Эверарду. Патрульный отхлебнул как можно громче — того требовал этикет — и пустил чашу по кругу. Ему приходилось пить напитки куда более неприятные, чем ферментированное кобылье молоко, но он вздохнул с облегчением, когда ритуал завершился и всем был подан чай.

Вождь монголов произнёс речь. Она звучала отнюдь не так гладко, как у его китайского секретаря. Невольно в голосе нойона проскальзывали вызывающие нотки, и казалось, он сейчас рявкнет: «Какой чужеземец осмелился приблизится к посланнику Великого Хана не на брюхе своем?». Однако, слова его прозвучали достаточно вежливо.

— Так пусть наши гости расскажут, с каким поручением посланы они своим повелителем. И для начала мы бы хотели услышать его имя.

— Его имя нельзя произносить вслух,— ответствовал Эверард.— О его владениях до вас могли дойти лишь ничтожные слухи. О его могуществе, нойон, ты можешь судить по тому, что он отправил в далекие края лишь нас двоих и нам не потребовалось даже сменных лошадей.

Токтай ухмыльнулся.

— Красивые кони, вот только не знаю, годятся ли для степей. И долго вы до нас добирались?

---

[1] *Несториане* — христианская секта, ведущая свое происхождение от Нестория, патриарха Константинопольского, фанатика, устраивавшего гонения на еретиков. В конце-концов сам Несторий был объявлен еретиком и сослан в Египет.

— Менее одного дня, нойон. Мы знаем способ.— Эверард сунул руку в карман куртки и достал несколько небольших пакетов.— Наш владыка просит китайских вождей принять эти скромные дары в знак его глубокого уважения.

Пока разворачивали бумагу, Сандовал наклонился и прошипел на ухо Эверарду по-английски:

— Посмотри-ка на их физиономии, Мэнс. Мы сваляли дурака.

— Что ты имеешь в виду?

— Сверкающий целлофан и упаковка произвели впечатление на такого варвара, как Токтай. Но обрати внимание на Ли. Каллиграфия в Китае известна с незапамятных времен, так что его мнение о нашем вкусе резко поменялось к худшему.

Эверард незаметно пожал плечами.

— Ну что ж, и он прав, ты не находишь?

Их разговор не остался незамеченным. Токтай бросил на патрульных хмурый взгляд, но тут же вновь принялся рассматривать подарок: электрический фонарик, действие которого пришлось демонстрировать под аккомпанемент всевозможных восклицаний. Сначала нойон отнесся к нему недоверчиво, и даже пробормотал заклинание, но затем, видимо, вспомнил, что монголу не позволено бояться ничего, кроме грома, взял себя в руки и вскоре радовался, как ребенок. Китайский ученый, последователь Конфуция[1], получил в подарок книгу «Содружество людей» с множеством цветных иллюстраций, но Эверард не был уверен, что она произвела на Ли ожидаемое впечатление. Патрульным хорошо было известно, что мудрость существует при любом уровне развития технологии.

Следовало принять ответные дары: красивую китайскую саблю и связку бобровых шкур с побережья, так что прошло довольно много времени, прежде чем их беседа возобновилась. Сандовалу удалось повернуть ее в нужное русло.

— Раз вы так хорошо обо всем осведомлены,— произнес Токтай,— то не можете не знать, что наше вторжение в Японию несколько лет тому назад окончилось неудачей.

— Такова была воля небес,— заметил Ли с придворной учтивостью.

— Конский помет!— рыкнул Токтай.— Такова была глупость людей, ты хочешь сказать. Мы послали слишком мало войск, ничего не зная ни об островах, ни о бурном море. Ну ничего! В следующий раз будем умнее!

Эверард с грустью подумал, что они действительно высадятся в Японии, и буря уничтожит их флот, а множество молодых людей бесславно погибнет. Но он не стал перебивать Токтая.

— Великий хан собирается тщательно изучить эти острова. Возможно, организовать базу к северу от Хоккайдо. К тому же до нас дошли слухи о землях, лежащих далеко к западу. Рыбаки, сбившиеся с курса, мельком видели неизвестную страну; купцы из Сибири рассказывали о морском проливе, отделяющем одну сушу от другой. Каган снарядил четыре корабля с китайскими матросами, приказал мне взять на борт сотню монгольских воинов и разузнать что к чему.

Эверард кивнул. Рассказ не произвел на него особого впечатления: китайцы уже сотни лет бороздили моря в джонках, причем некоторые из них

---

[1] *Кун-фу-цзы (551—479 гг. до н. э.)*— знаменитый китайский философ. Учение первоначального конфуцианства занималось только вопросами этики и политики и отрицало все то, что не может быть объяснено человеческим разумом, в частности вопросы веры.

могли принять на борт до тысячи пассажиров. Правда, они не были так надежны, какими станут несколько веков спустя, под португальским влиянием, и их капитанов не прельщал океанский простор и уж тем более северные холодные воды. Но оставались еще китайские мореходы, готовые ради новых рынков сбыта добывать сведения о неизвестных землях у корейцев, мореплавателей с Формозы[1] и листая древние рукописи своих предков. Во всяком случае, они должны были знать Курильские острова.

— Мы прошли две группы островов, одну за другой,— тем временем продолжал Токтай.— Суровые края, но мы изредка делали остановки, выпускали лошадей попастись и расспрашивали туземцев. Один Тэнгри знает, как мы намучались, переводя с шести языков! Зато мы поняли, что впереди лежат два континента — Сибирь и еще один,— которые так близко сходятся на севере, что зимой море можно пересечь пешком по льду, а летом — переплыть в лодке из шкур. И наконец-то мы увидели землю! Огромную страну, покрытую лесом, с массой зверей, птиц, тюленей. Впрочем, там слишком часто шли дожди. Мы решили плыть дальше, более или менее следуя береговой линии.

Эверард мысленно представил себе карту. Если идти вдоль Курильских, а затем Алеутских островов, то суша всегда неподалеку. К счастью для монголов, джонки обладали высокой посадкой, так что в случае шторма они могли бросить якорь в любой скалистой бухте. К тому же им помогало течение, несшее корабли по большому кругу. Токтай открыл Аляску, сам того не подозревая. Так как по мере его продвижения на юг местность становилась все более привлекательной, он прошел залив Пьюджет и остановился в устье реки Чечалис. Возможно, индейцы предупредили его об опасностях дальнейшего плавания, а потом и помогли воинам с лошадьми перебраться через реку.

— Мы высадились с кораблей и разбили лагерь в конце года,— говорил Токтай.— Племена там живут отсталые, но отнеслись к нам дружелюбно и помогли во всем. Наши матросы не остались в долгу: показали несколько способов ловли рыбы, научили строить крепкие лодки. Мы перезимовали, выучили местные языки, сделали несколько вылазок в глубь страны. И повсюду мы слышали рассказы о необъятных лесах и равнинах, где стада диких буйволов так многочисленны, что из-за них не видно земли. Мы достаточно узнали, чтобы верить этим рассказам. Никогда еще я не видел такой богатой страны.— Глаза его хищно блеснули, совсем как у тигра.— И она так мало заселена, а о железе здесь вообще никто не слышал.

— Нойон,— многозначительно пробормотал Ли и слегка кивнул головой в сторону патрульных. Токтай умолк и поджал губы.

Ли повернулся к Эверарду.

— До нас также дошли слухи о сказочной, полной золота стране далеко на юге. Мы почли своим долгом отправиться туда, а заодно разузнать о тех краях, по которым путешествуем. Мы никак не ожидали, что нам выпадет большая честь встретиться с вами, уважаемые.

— Это — честь для нас,— ответил Эверард слащавым голосом и тут же придал своему лицу строгое выражение.— Мой повелитель Золотой Империи, имя которого нельзя произносить вслух, послал нас из дружеских чувств, которые он к вам питает. Он будет глубоко опечален, если с вами случится несчастье. Мы пришли, чтобы предупредить вас.

[1] *Формоза* — бывшее название Тайваня. Здесь автор несколько грешит против истории, так как остров был открыт португальцами лишь в XVI в. и получил свое имя ввиду живописности и красоты местности.

— Что такое?— Токтай выпрямился. Мускулистая рука ухватилась за эфес несуществующей сабли, которую он из вежливости снял у входа.— Забери тебя злые духи, что ты несешь?

— Вот именно, нойон, злые духи. Прекрасной кажется эта земля с первого взгляда, но на ней лежит заклятье. Скажи, брат мой.

Сандовал, у которого язык был лучше подвешен, не заставил себя упрашивать. Его рассказ был рассчитан на суеверных, полуграмотных монголов и вместе с тем составлен таким образом, чтобы не возбудить особых подозрений китайца. Дело в том, объяснил он, что на юге существует не одно, а два великих государства. Одно из них действительно находится на крайнем юге, другое — на северо-востоке. Оба государства обладают несказанной мощью, которую одни приписывают колдовству, другие — великим научным достижениям. Северная Империя, Плохогония, считает все земли в округе своими и не потерпит никаких чужеземцев. Ее дозорные обнаружат отряд в кратчайшие сроки и уничтожат пришельцев громом небесным. Дружественно настроенная Южная Империя, Прекрасногония, не может взять экспедицию под свое покровительство и защитить ее, поэтому она послала своих представителей предупредить монголов об опасности и просить их немедленно повернуть назад.

— Почему же туземцы ничего не говорили нам о двух таких могущественных державах?— проницательно спросил Ли.

— А разве все маленькие племена в джунглях Бирмы слышали о Великом хане?— не растерялся Сандовал.

— Я всего лишь невежественный чужеземец,— скромно произнес Ли.— Прости мне, но я не понимаю, о каком страшном оружии ты говоришь.

«Еще никто и никогда не называл меня лжецом более вежливо»,— подумал Эверард, но вслух произнес:

— Я бы мог показать тебе, если у нойона найдется животное, которым он не слишком дорожит.

Токтай задумался. Если монгол и был устрашен предсказанными напастями, то ничем себя не выдал. Громко хлопнув в ладоши, он отдал резкое приказание заглянувшему внутрь палатки часовому. Потом они долго сидели, перебрасываясь ничего не значащими фразами, паузы между которыми становились все длиннее.

Время тянулось нескончаемо долго, хотя не прошло и часа, как один из воинов появился у входа и сообщил, что они заарканили оленя. Нойон доволен? Да, доволен. Токтай вышел из палатки, расталкивая плечом столпившихся вокруг монголов. Эверард вышел следом, сожалея о том, что должно произойти. Не замедляя шага, он пристегнул к маузеру приклад.

— Может, ты?— спросил он Сандовала.

— О господи, нет, конечно.

Олень, вернее лань, дрожа стояла у самой реки. На ее шее были натянуты волосяные арканы. В лучах заходящего за западные вершины гор солнца животное казалось отлитым из чистого золота, и что-то нежное почудилось Эверарду в ее взгляде. Он махнул рукой воинам, державшим арканы, и прицелился. Первая пуля убила лань наповал, но Эверард продолжал нажимать на курок, пока не расстрелял все патроны.

Когда он опустил пистолет, в воздухе зазвенела тишина. Он окинул взглядом кривоногие, крепко сбитые тела, плоские угрюмые лица; необычайно отчетливо ощутил запахи пота, лошадей и дыма костра. В этот момент он перестал быть человеком не только в глазах монголов, но и в своих собственных.

— Это — самое слабое наше оружие,— произнес он.— Душа, оторванная от тела громом, никогда не найдет пути домой.

Он резко повернулся. Сандовал пошел следом. Не говоря ни слова, они оседлали коней и медленно поехали по направлению к лесу.

4

Язык пламени взвился от порыва ветра. Костер был разложен умелыми руками, и огонь лишь смутно высветил две темные фигуры и части лица: скулы, бровь, нос, блеск глаз. Но вот пламя опять прижалось к земле, трепеща над красными и голубыми углями, и темнота поглотила людей.

Эверард ни о чем не жалел. Он переложил трубку из руки в руку и глубоко затянулся, крепко сжав мундштук зубами. Легче ему не стало. Когда он заговорил, ночной ветер, шумящий высоко в деревьях, почти заглушил звук его голоса, но и это было ему безразлично.

Неподалеку лежали их спальные мешки, стояли лошади, парил в воздухе пространственно-временной скуттер на антигравитационной подушке. На многие мили вокруг не было ни одной живой души: костры, подобно тому, который они разложили, были так же далеки и одиноки, как звезды во вселенной. Где-то завыл волк.

— Мне кажется,— сказал Эверард,— каждый полицейский чувствует себя время от времени последним подонком. До сих пор ты оставался только в роли наблюдателя, Джек. Тебе трудно понять, что мне всегда приходится выполнять поручения подобного рода.

— Да.— Сандовал вел себя еще тише своего друга. После ужина он сидел, едва шелохнувшись.

— А сейчас вообще все не так. Когда исправляешь последствия чьего-то темпорального вмешательства в историю, во всяком случае знаешь, что восстанавливаешь истинный ход событий.— Эверард запыхтел трубкой.— И не говори, что слово «истинный» лишено в данном контексте всякого смысла. По крайней мере, оно меня утешает.

— Угу.

— Но когда наши шефы, наши данеллианские супермены приказывают вмешаться... Мы знаем, что экспедиция Токтая никогда не вернулась в Катай. Для чего тогда нам прикладывать к этому руку? Если они наткнулись на враждебных индейцев или погибли от стихийных бедствий, я не возражаю. А если и возражаю, то не более, чем против любого несчастья в этой кровавой бойне, которую называют историей человечества.

— Нам не приказывали уничтожить участников экспедиции. Мы должны заставить их повернуть назад. Возможно, твоей утренней демонстрации окажется достаточно.

— Гм-м... повернуть назад, а дальше что? Скорее всего, гибель в открытом море. Не так-то легко им вернуться на родину: штормы, туманы, противоборствующие течения, скалы; а ведь они поплывут в своих утлых суденышках, годящихся, в основном, для речных переходов. И получается, что они отправятся в далекий путь именно сейчас, в максимально непригодных условиях. Если бы не наше вмешательство, судьба распорядилась бы по-иному... Так почему же мы должны быть виновниками их гибели?

— Ведь они могли бы благополучно добраться домой,— пробормотал Сандовал.

— Что?— Эверард вздрогнул.

— Вспомни, о чем говорил Токтай. Я уверен, он собирается вернуться сухопутным путем. Берингов пролив пересечь нетрудно, алеуты часто совершают путешествия из одной страны в другую по льду. Мэнс, я боюсь, мы не сможем пощадить их.

— Но они никогда не вернутся на родину! Это исторический факт!

— Допустим, ты ошибаешься.— Сандовал повысил голос, заговорил быстрее. Ночной ветер приглушал слова, уносил их вдаль.— Давай немного пофантазируем. Допустим, Токтай продолжит путь на юго-восток. Да и что может помешать ему? Довольно скоро он встретится с племенами пуэбло, обладающими высокой неолитической культурой. Это вдохновит его еще больше. Не позже августа месяца он окажется в Мексике. Мексика сейчас такой же лакомый кусочек, как была... будет во времена Кортеса[1]. И завоевать ее очень соблазнительно: ацтеки и тольтеки никак не могут решить, кому встать у власти, а соседние племена с готовностью примкнут к любой посторонней силе, чтобы уничтожить и тех, и других. Если ты читал Диаса, то должен помнить, что пушки мало чем помогли испанцам. А монгольские воины превосходят европейских во всем... Да я и не думаю, что Токтай ринется в бой, очертя голову. Он, несомненно, соблюдет все правила хорошего тона, останется на зиму, разузнает все, что только возможно. Через год он уйдет на север, переправится домой и доложит Хубилаю, что богатейшие земли, сказочные, полные золота страны, только и ждут, когда их завоюют!

— А как насчет других индейских племен?— перебил Эверард.— Я довольно смутно представляю себе этот период.

— Новая империя майя достигла вершин своего расцвета. Крепкий орешек, но тем более желанный. Я думаю, обосновавшись в Мексике, монголы ни перед чем не остановятся. В Перу культура еще выше, а организованности куда меньше, чем во времена Писарро[2]; что касается остальных, то только Кечуа и Аймар, цивилизация инков, может оказать хоть какое-то сопротивление. И не забывай о землях. Ты можешь себе представить, во что монгольское войско превратит Великие Равнины?

— Не думаю, что они хлынут сюда ордами,— неуверенно сказал Эверард. В голосе Сандовала проскальзывали нотки, от которых ему становилось как-то не по себе.— Не забывай, им придется пересечь Сибирь и Аляску.

— И не такие препятствия преодолевались. Да я вовсе не хочу сказать, что они все разом отправятся в Америку. Вполне возможно, как и европейцам, им понадобится несколько веков. Могу представить себе кланы и племена, постепенно заселяющие северо-запад страны. Мексика и Юкатан станут ханствами. Постепенно, по мере роста населения и наплыва новых эмигрантов, начнется освоение востока. Не забывай, юаньская династия прекратит свое существование менее чем через сто лет. Монголам придется убраться из Азии. А за ними последуют китайцы, чтобы получить свою долю золота и годных для возделывания земель.

— Мне кажется,— мягко перебил его Эверард,— что кому-кому, а тебе негоже мечтать о скорейшем завоевании Америки.

— Завоевание завоеванию — рознь,— ответил Сандовал.— Мне безразлична судьба ацтеков: если ты изучал их историю, то согласишься,

---

[1] Кортес начал завоевание Мексики в 1519 г.

[2] Испанский авантюрист, настолько безграмотный, что на документах за него подписывались другие. Безжалостно разграбил Перу в 1532—33 гг.

что Кортес оказал Мексике милость[1]. Другим индейским племенам придется туго, но ненадолго. Ведь монголы не такие уж варвары. Мы предубеждены против них, потому что западная цивилизация вбила нам в голову всякие глупости. А ведь европейцы не меньше других наслаждались пытками и устраивали кровавые побоища.

— Монголы в этом отношении скорее напоминают древних римлян. Они, конечно, жестоко подавляют восстания, но уважают права тех, кто сдался им на милость. Они оставляют в завоеванных странах гарнизоны и компетентное правительство. Они не обладают высокой культурой, но покровительствуют ученым и жаждут новых знаний. В данный момент монгольская империя охватывает собой такую территорию и объединяет такое количество всевозможных рас, какие и не снились Риму.

— Что же касается индейцев... не забывай, монголы — кочевники и скотоводы. И если в нашей истории между охотником и фермером возник неразрешимый конфликт, в результате которого белые уничтожили «краснокожих», в данном случае этого не произойдет. К тому же монголы начисто лишены расовых предрассудков. И после короткого сопротивления рядовые воины навахо, чиппева, семинолов, алгонкинов, чироки, дакота только рады будут покориться и обрести новых союзников. Почему бы нет? Они получат лошадей, овец, одежду, научатся выплавке металла. Числом они будут превосходить завоевателей, и равноправие им обеспечено истинное, а отнюдь не такое, как в случае белых фермеров и последующих веков технического прогресса. И повторяю, за монголами придут китайцы, несущие древние знания и культуру, объединяющие нации в одну...

— Великий боже, Мэнс! Когда Колумб подплывет к этим берегам, он таки откроет Землю Обетованную! Великое Ханство, самую сильную державу на земле!

Сандовал умолк. Ветви деревьев скрипели от порывов ветра, как виселицы. Долгое время Эверард не произносил ни слова, глядя перед собой в ночную тьму, потом нарушил затянувшееся молчание.

— Да, это логично. Теперь понятно, почему мы должны торчать в этом веке, пока кризис не кончится. Наш мир перестал бы существовать. Никогда бы не существовал.

— Не таким уж он был прекрасным, этот мир,— рассеянно пробормотал Сандовал.

— Что ты говоришь? Подумай... о своих родителях. Ведь они тоже никогда бы не появились на свет.

— Мои родители ютились в ветхой лачуге. Однажды я видел, как отец плакал, потому что ему не на что было купить детям зимней обуви. Моя мать скончалась от туберкулеза.

Эверард сидел, не шелохнувшись. Да и что он мог сказать? Сандовал первым вскочил на ноги, как бы стряхивая с себя оцепенение, и натянуто рассмеялся.

— Что я тут наболтал, Мэнс? Не обращай внимания. Давай-ка лучше спать. Хочешь, я первым покараулю?

Эверард согласился, но долго не мог уснуть.

---

[1] Ацтеки расширяли свои территории путем захватнических войн и покорения других индейских племен.

5

Скуттер отправил их на два дня в будущее, и сейчас они парили высоко в небе, подальше от посторонних глаз. В разреженном воздухе было холодно. Эверард передернул плечами, настраивая электронный телескоп. Даже при самом сильном увеличении караван казался состоящим из крохотных точек, двигающихся по необозримой зеленой поверхности. Но в западном полушарии в то время других всадников быть не могло.

Он повернулся к своему товарищу.

— Что ты на это скажешь?

Лицо Сандовала оставалось непроницаемым.

— Раз демонстрация силы не произвела впечатления...

— Это ты верно подметил! Могу поклясться, они двигаются к югу в два раза быстрее прежнего! Но почему?

— Чтобы дать тебе исчерпывающий ответ, Мэнс, мне необходимо тщательно изучить психологию каждого монгола. Но в общих чертах могу сказать, что мы лишь раззадорили их боевой дух. Смело встречать опасности и тяготы походов — единственные добродетели воина... так разве мог Токтай трусливо повернуть назад? Если бы они испугались простой угрозы, им не для чего было бы жить на свете.

— Но ведь монголы не полные идиоты! Все их завоевания говорят о том, что они использовали не грубую силу, а пытались применить более совершенную стратегию и тактику ведения боевых действий. Токтай должен был вернуться, доложить Хубилаю все увиденное, а затем организовать новую, хорошо подготовленную экспедицию.

— Он может поручить эту миссию монголам на кораблях,— напомнил Сандовал.— Только теперь, кажется, я начинаю понимать, как сильно мы недооценили Токтая. Скорее всего, он приказал кораблям отплыть домой, если экспедиция не вернется в течение года. Встретившись по пути с чем-нибудь непредвиденным — например, с нами — он всегда может отправить к месту стоянки донесение с проводником-индейцем.

Эверард кивнул. Ему пришло в голову, что хоть его и торопили изо всех сил, никогда еще он не был так плохо подготовлен к выполнению задания. Отсюда — осечка. И можно ли винить Джона Сандовала, что подсознательно он ничем не хочет помочь? На мгновение Эверард задумался.

— А может, они нам просто не поверили?— спросил он.— Монголы всегда были тонкими психологами.

— Может быть. Но что нам делать?

Спуститься вниз, дать несколько залпов из энергетической пушки сорок первого века, установленной на скуттере, и все... О боже, да за одни такие мысли меня отправят в ссылку на отдаленную планету. Есть же предел...

— Попробуем организовать более впечатляющую демонстрацию,— сказал он.

— А если опять сорвется?

— Не каркай! Сперва попробуем.

— Я просто спросил.— Ветер приглушал слова, уносил их вдаль.— Почему бы нам не отменить саму экспедицию? Ведь нетрудно отправиться на пару лет назад и убедить Хубилая в нецелесообразности посылать корабли в столь далекое плавание.

— Ты прекрасно знаешь правила Патруля, запрещающие вмешиваться в исторический ход событий.

— Вот интересно, а что мы сейчас делаем?

— Выполняем задание данеллиан особой важности. Возможно, чтобы исправить темпоральное вмешательство в другие времена, в других странах. Я — человек маленький, всего лишь ступень эволюционной лестницы, а за их плечами — миллионы лет развития.

— Папочка знает лучше,— пробормотал Сандовал.

Эверард стиснул зубы.

— Ты не можешь оспаривать тот факт,— сказал он,— что события при дворе Хубилая, самого могущественного человека на земле, куда важнее и критичнее любых изменений в Америке. Нет уж, ты втянул меня в это злосчастное дело, так изволь теперь повиноваться, как старшему. Нам ясно приказали заставить этих людей повернуть назад. Что произойдет потом — не наше дело. Ну, так они не вернутся домой. Не мы будем тому причиной. Это все равно, что упрекать себя в смерти человека, которого ты пригласил на обед, а ему по дороге кирпич упал на голову.

— В таком случае прекрати читать мне нравоучения и возьмемся за дело,— отрезал Сандовал.

Эверард послал скуттер вперед.

— Видишь тот холм?— спросил он несколько минут спустя.— Мне кажется, Токтай разобьет лагерь в нескольких милях от него, в долине у ручья. Давай приготовим ему маленький сюрприз.

— Что-нибудь вроде фейерверка? Тебе придется здорово попотеть. В Катае порох известен с незапамятных времен. Они изобрели даже нечто вроде военных ракет.

— Да, знаю. Но я прихватил с собой кое-какое оборудование на тот случай, если первая попытка не удастся.

На вершине холма росла небольшая группа сосен. Эверард опустил скуттер между деревьями и принялся выкладывать на землю коробки из вместительного багажника. Сандовал молча помогал ему. Патрульные лошади, прошедшие специальную подготовку, спокойно сошли с огороженных платформ и принялись щипать травку вдоль склона.

Индеец первым нарушил молчание.

— Что ты делаешь? Честно говоря, это не совсем по моей специальности.

Эверард ласково похлопал по кожуху наполовину собранного аппарата.

— Часть установки управления погодой, которую применяли в Холодные Столетия. Нечто вроде распределителя. Может организовать такую грозу, что тебе и не снилось.

— Мммм... единственное, чего боятся монголы.— Внезапно Сандовал ухмыльнулся.— Твоя взяла. Ладно, не будем больше ссориться.

— Послушай, собери что-нибудь на ужин, пока я тут вожусь. Только огня не разводи. Они могут заметить дым... О, кстати, вот и генератор чудес. Если ты переоденешься и накинешь капюшон, чтобы случайно тебя не узнали, я преподнесу монголам твой образ в милю высотой и еще уродливей нашей жизни.

— Хочешь, я станцую? Пляски вождей навахо выглядят достаточно устрашающе для непосвященных.

— Годится!

День клонился к вечеру. Серый сумрак разлился под соснами, воздух стал свеж и ароматен. Закончив работу, Эверард с жадностью уплел бутерброд и поднес к глазам бинокль, с удовольствием убедившись, что высланные вперед дозорные монголов облюбовали для стоянки предсказанное им место. Вскоре у ручья появились охотники с настрелянной добычей и немедленно принялись за приготовление пищи. Основной отряд подтя-

нулся перед самым заходом солнца, и воины тут же принялись за еду. Токтай действительно не щадил людей, используя каждую минуту светлого времени. В сгущавшейся темноте можно было разглядеть часовых: конных, с луками наизготовку. Но как Эверард ни храбрился, настроение у него было неважное. Ведь он имел дело с народом, который заставил говорить о себе весь мир.

Над снежными пиками гор засверкали первые звезды. Пора было начинать.

— Ты стреножил лошадей, Джек? Они могут испугаться. По крайней мере за монгольских лошадок я ручаюсь! Ну ладно, начали!— Эверард нажал на кнопку и присел перед слабо засветившейся панелью управления.

Между небом и землей постепенно стало возникать бледно-голубое сияние. Затем появились молнии: раздвоенные языки и трезубцы пламени неслись сверху, разбивая деревья; от непрерывного грохота дрожали склоны холмов. И, наконец, пришел черед шаровым молниям: огромным скоплениям, которые, извиваясь и разбрасывая искры, неслись, как пули, по направлению к монгольскому лагерю и взрывались над ним, добела раскаляя воздух.

Эверард, наполовину ослепший и оглушенный, настроил прибор на флюоресцентную ионизацию. Подобно северному сиянию заискрилось небо гаммой цветных полотен от кроваво-красного до ослепительно-белого, зло шипящих под непрерывными раскатами грома. И в это время вперед выступил Сандовал. Он разделся до штанов, и его обнаженное тело было разрисовано глиной по древнему индейскому обычаю, а лицо, хоть и неприкрытое, испачкано землей и перекошено гримасой до такой степени, что Эверард сам с трудом узнал своего товарища. Генератор чудес мгновенно сканировал и преломил образ, согласно заданной программе. Человек, стоящий на фоне авроры, казалось, был выше гор. Он дергался в диком танце, раскачиваясь от горизонта до горизонта, и при этом завывал и смеялся отрывистым, лающим смехом, заглушавшим раскаты грома.

Эверард, продолжая нажимать на кнопки панели управления, невольно съежился. Он чувствовал, как в нем растет первобытный страх: танец пробудил в нем давно забытые ощущения.

— *О боже, если и это на них не подействует...*

Он встряхнулся и посмотрел на часы. Полчаса... еще минут пятнадцать, пока все затихнет... До рассвета монголы наверняка не тронутся с места: дисциплина все же у них достаточно высока, и вряд ли они кинутся ночью кто куда, очертя голову. Значит, несколько часов передышки, а напоследок можно окончательно попортить им нервы и, скажем, разбить молнией дерево в лагере... Эверард махнул Сандовалу рукой. Индеец уселся на землю, тяжело дыша, хотя непохоже, что от физической усталости.

Постепенно грохот затих.

— Просто здорово, Джек,— проговорил Эверард. Голос его прозвучал тихо и как-то странно.

— Сколько лет прошло,— пробормотал Сандовал. Он чиркнул спичкой, и в наступившей тишине звук показался на удивление громким. Зажженная сигарета высветила его тонкие губы.— Когда я жил в резервации, никто из нас не относился к этому всерьез. Несколько стариков пытались обучить нас, мальчишек, древним обычаям. Они говорили, нам нельзя забывать, что мы все еще являемся самобытным народом. А нас интересовало только поплясать перед туристами, которые иногда швыряли нам мелочь.

Наступило долгое молчание. Эверард окончательно отключил генератор. В полной темноте виден был лишь огонек сигареты, вспыхивающий и затухающий, как Алголь[1].

— Туристы!— повторил Сандовал. Прошло еще несколько минут.— Сегодня я танцевал, зная для чего. У меня была цель. Раньше я ничего не чувствовал.

Эверард не ответил.

На сей раз тишину прервало ржание лошади, отбежавшей на всю длину привязи и все еще напуганной недавними событиями.

Эверард поднял голову, но в кромешной тьме ему ничего не удалось разглядеть.

— Ты что-нибудь слышал, Джек?

Луч фонарика осветил его с головы до ног.

Какое-то мгновение он слепо смотрел прямо на свет. Затем вскочил на ноги, кляня все на свете и выхватывая станнер. Из-за дерева к нему метнулась чья-то тень. Удар пришелся по ребрам. Отпрыгнув назад, он нажал на курок.

Луч фонарика описал полукруг. Эверард мельком увидел Сандовала. Индеец не успел переодеться и теперь, безоружный, еле уклонился от удара монгольской сабли. Воин замахнулся второй раз, но каждый патрульный проходил курс обучения джиу-джитсу. Сандовал упал на колено, и когда клинок просвистел мимо, резко поднялся, угодив противнику плечом в живот. Четкий удар по подбородку, а после того как голова в шлеме откинулась назад — ребром ладони по горлу, и в ту же секунду Сандовал выхватил оружие из ослабевшей руки и отразил нападение сзади.

Среди воплей и криков кто-то отдавал распоряжения четким, лающим голосом. Эверард попятился. Однако нападавшего он уже оглушил выстрелом из станнера. Но между ним и скуттером столпились монголы. Он повернулся к ним лицом. Внезапно плечи его обвил аркан, затянувшийся с профессиональной ловкостью. Он упал, и в ту же секунду на него навалились четверо. Он еще успел разглядеть, как с полдюжины солдат бьют Сандовала древками копий по голове. Дважды удалось Эверарду подняться на ноги, но станнер его отлетел в сторону, маузер вытащили из кобуры, да к тому же невысокие монголы и сами довольно искусно владели разнообразными приемами боя без оружия. Его протащили по земле, нанося на ходу удары кулаками, ногами, рукоятями кинжалов. Эверард не потерял сознания, но через некоторое время ему все стало безразлично.

6

Токтай свернул лагерь на заре, и уже с первыми лучами солнца его отряд растянулся длинной цепью по широкой равнине. Земля, покрытая зарослями невысокого кустарника, постепенно становилась более пологой и засушливой, горы уходили за горизонт к западу, и все меньше снежных пиков можно было разглядеть в призрачном белесом небе.

Небольшого роста выносливые монгольские лошади без устали бежали вперед, и слышен был лишь стук копыт да бряцанье упряжи. Оглянувшись, Эверард увидел перед собой вереницу людей, слившихся в четкую линию: копья опускались и подымались, знамена и плащи развевались по ветру, из под шлемов блестели раскосые глаза, там и тут мелькали не-

[1] Звезда в созвездии Персея, отличающаяся изменчивостью своего света.

привычно ярко раскрашенные кирасы. Монголы двигались молча, не переговариваясь, и их плоские лица оставались бесстрастными.

У Эверарда болела голова. Руки ему оставили свободными, но голени накрепко привязали к стременам. Сначала его раздели донага,— вполне разумная предосторожность, ведь кто знает, какое невиданное оружие могло находиться в одежде,— а затем выдали полное обмундирование монгольского солдата, смехотворно маленького размера. Ему пришлось даже распороть рубаху по швам, прежде чем удалось хоть как-то напялить ее на себя.

Генератор чудес и скуттер остались на холме. Токтай не желал рисковать. Ему даже пришлось накричать на перепуганных воинов, которые никак не хотели привести странных лошадей и походное снаряжение патрульных.

Сзади послышался конский топот. Один из лучников, охранявших Эверарда, что-то буркнул и отъехал в сторону. Его место занял Ли Дай-цзун.

Эверард бросил на него безнадежный взгляд.

— Ну как?

— Боюсь, друг твой больше не проснется,— ответил китаец.— Я устроил его поудобнее.

Ну да, на самодельных носилках, привязанных между двумя лошадьми... Вне всякого сомнения, тяжелое сотрясение мозга от вчерашних ударов по голове. В госпитале Патруля его поднимут на ноги в два счета. Но ближайшее отделение находится в Ханбалыке, а я не думаю, что Токтай разрешит мне вернуться к скуттеру и связаться с ними по рации. Джон Сандовал умрет за шестьсот пятьдесят лет до того, как появился на свет.

Карие глаза китайца наблюдали за ним спокойно, с интересом, даже с некоторой долей сочувствия, но понимания в этом взгляде не было. Эверард знал, что спорить бессмысленно: аргументы, казавшиеся логичными в двадцатом веке, здесь считались пустой болтовней. И все же он обязан был попробовать.

— Неужели ты не можешь по крайней мере попытаться объяснить Токтаю, какие беды он может навлечь не только на себя, но и на весь свой народ?

Ли огладил свою раздвоенную бороду.

— Мне совершенно ясно, достопочтенный, что ваше племя обладает неизвестными нам знаниями,— сказал он.— Но что с того? Варвары (тут он быстро посмотрел в сторону монголов-охранников, но те, видимо, не понимали по-китайски) покорили много стран, превосходящих их во всем, кроме искусства ведения войны. Нам теперь совершенно ясно, что вы... гм-мм... скрыли истину, говоря о враждебном государстве недалеко отсюда. А если у вашего царя нет причин нас бояться, зачем ему лгать?

— Наш могущественный повелитель,— проговорил Эверард, тщательно подбирая слова,— не любит кровопролития. Но если вы вынудите его...

— Прошу тебя. — Ли даже поморщился. Он помахал в воздухе коленой рукой, как бы отгоняя насекомое.— Говори Токтаю, что хочешь, я не собираюсь вмешиваться. Я не опечалюсь, если придется вернуться домой: ведь я отправился сюда, повинуясь воле императора. Но мы — культурные люди, и когда беседуем с глазу на глаз, давай не оскорблять друг друга никчемными высказываниями. Разве ты не понимаешь, уважаемый, что на монголов тебе не удастся воздействовать никакими угрозами? Смерть они презирают, самые мучительные пытки рано или поздно убьют их, а любое надругательство не страшно воину, готовому покончить с со-

бой, прокусив язык. Токтай считает, что покроет себя вечным позором, повернув назад, и добудет бесчисленные богатства и славу, бесстрашно продолжив путь.

Эверард вздохнул. То, что их так постыдно легко захватили в плен, явилось, несомненно, поворотным пунктом. Монголы чуть было не разбежались при первых ударах грома. Многие из них с воем и воплями катались по земле (и именно они поведут себя наиболее агрессивно, чтобы остальные поскорее забыли об их трусости). Токтай велел атаковать, во-первых, потому что сам был напуган, а во-вторых — из духа противоречия. Отчасти, его решению способствовал Ли: ученый, скептик, хорошо знакомый с пиротехникой и ни во что не верящий, китаец уговорил Токтая напасть, прежде чем их всех не поубивает громом.

Да, здорово мы напутали. Следовало взять с собой Специалиста, интуитивно разбирающегося во всех оттенках их культуры. А мы ринулись в бой, не сомневаясь, что голых фактов окажется достаточно. И что теперь? Может, спасательная экспедиция Патруля и придет на помощь, но Джек умрет через день-другой...— Эверард посмотрел на каменное выражение лица стражника, скачущего слева.— А возможно, они и со мной покончат. Нервы-то у них на пределе. Им проще избавиться от меня, чем тащить за собой.

А если все-таки (мало шансов!) Патруль его выручит, как смотреть в глаза товарищам? Агент с правом свободных действий, пользующийся всеми привилегиями своего ранга, обязан самостоятельно выпутываться из любых передряг и при этом отвечать за жизнь людей, посланных с ним на задание.

— Поэтому я со всей искренностью советую тебе больше не пытаться прибегать к обману.

— Что?— Эверард вздрогнул и посмотрел на Ли.

— Ты ведь не можешь не понимать, надеюсь,— сказал китаец,— что проводники-индейцы сбежали? И что тебе придется занять их место? Правда, мы надеемся вскоре повстречаться с другими племенами, наладить отношения...

Эверард кивнул, и голова у него разболелась еще больше. Солнечный свет неприятно резал глаза. Его ничуть не удивляло, что монголам удавалось договориться с аборигенами. Если не упирать на грамматику, достаточно нескольких часов, чтобы довольно сносно изъясняться на любом языке с помощью нескольких основных слов и жестов. А наняв провожатых, можно не торопясь совершенствовать свои знания по дороге.

— ... и нанимать проводников у каждого племени,— продолжал Ли,— как и раньше. Так что если ты вздумаешь завести нас куда-нибудь, обман вскоре откроется, и Токтай накажет тебя самым нецивилизованным способом. С другой стороны, за верную службу ты будешь хорошо вознагражден. Со временем ты даже сможешь занять высокое положение при нашем дворе, разумеется, после того как мы завоюем эти земли.

Эверард перестал слушать. От неожиданно пришедшей в голову мысли у него перехватило дыхание.

Почему он так уверен, что Патруль придет к ним на выручку? Совершенно очевидно, что монгольская экспедиция в результате потерпела фиаско. Так ли очевидно? Ведь им приказали вмешаться в исторический ход событий — парадокс, необъяснимый с точки зрения логики,— а это говорило о нестабильности пространственно-временного континуума в данный период.

Все черти в аду! Значит, Токтай мог преуспеть в своем начинании!

И тогда будущее Американское Ханство, о котором Сандовал даже не смел мечтать — реальная действительность.

Пространство-время полно неожиданностей. Оно прерывисто, изменчиво. Исторические линии пересекаются, текут вспять; незначительные события и факты забываются. Так же, как забудутся Мэнс Эверард и погибший Джон Сандовал — агенты Патруля Времени, который никогда не существовал, в далеком будущем, которого никогда не было.

7

После многочасового тяжелейшего перехода, перед заходом солнца, они оказались в довольно неприглядной местности, где произрастал лишь редкий кустарник да полынь. Коричневые холмы стали более пологими; пыль клубилась под копытами лошадей; серебристо-зеленые кусты попадались все реже.

Эверард помог уложить Сандовала на землю. Глаза навахо были закрыты, лицо осунулось. Иногда он что-то бормотал в горячечном бреду, вздрагивая всем телом. Намочив тряпку, Эверард влил ему несколько капель воды сквозь растрескавшиеся губы, но больше ничем не мог помочь.

Монголы, устраиваясь на отдых, вели себя куда оживленнее, чем раньше. Они победили двух могучих волшебников, никто на них больше не нападал, и вывод напрашивался сам собой. Они занимались делом, весело болтая друг с другом, а после скромной трапезы открыли меха с кумысом.

Эверард остался сидеть рядом с Сандовалом, почти в центре лагеря. Их охраняли два молчаливых стражника с луками наготове. То и дело один из них вставал, чтобы подбросить дрова в небольшой костер. Постепенно разговоры начали затихать. Даже неутомимые монголы оказались подвластны усталости: люди укладывались на землю и мгновенно засыпали; часовые, объезжающие лагерь, старались выпрямиться в седлах; костры медленно догорали, уступая место появившимся в вышине звездам; на много миль разносился дикий лай койота.

Под тяжелыми шагами заскрипела сухая земля. В ту же секунду стражники приладили к тетивам луков стрелы. Свет костра высветил фигуру Токтая с непокрытой головой. Воины склонились до земли и отступили в тень.

Токтай остановился. Эверард поднял голову, но тут же отвел взгляд. Некоторое время нойон молча смотрел на Сандовала, потом произнес необычно мягким тоном:

— Не думаю, что друг твой увидит еще один восход.

Эверард буркнул что-то неразборчивое.

— Может, у тебя есть какое-нибудь лекарство?— спросил Токтай.— В ваших седельных сумках много непонятных предметов.

— У меня есть лекарство против воспаления,— машинально ответил Эверард,— и еще от боли. Но чтобы вылечить человека с проломленным черепом, его необходимо отвести к искусным лекарям.

Токтай присел рядом и протянул руки к огню.

— Мне очень жаль, но в моем отряде нет целителей.

— Ты мог бы отпустить нас,— предложил Эверард без всякой надежды на успех.— Моя повозка, оставшаяся на холме, вовремя доставит его туда, где окажут помощь.

— Ты же знаешь, я не могу этого позволить!— Токтай ухмыльнулся. В голосе его перестала сквозить жалость к умирающему.— В конце-концов, Эбурар, ты первый на нас напал.

Это было правдой, и Эверард не нашелся, что ответить.

— Но я не затаил на тебя зла,— продолжал нойон.— Более того, я хотел бы стать твоим другом. Ведь мне ничего не стоило сделать остановку на пару дней и выпытать у тебя все, что ты знаешь.

Глаза Эверарда яростно вспыхнули.

— Ты бы мог лишь попробовать!

— И, думаю, преуспеть, раз ты возишь с собой лекарство от боли.— Губы Токтая растянулись в волчьей усмешке.— Однако ты еще можешь пригодиться, как заложник, например, и вообще, мне нравится твоя смелость. Я даже скажу, какая мысль пришла мне в голову. Мне кажется, ты из небольшого племени волшебников, а вовсе не из южной страны, царь которой, наверное, находится в твоей власти. А если нет, значит ты надеешься заколдовать его и не хочешь, чтобы мы тебе мешали.— Токтай сплюнул в костер.— Я слышал много легенд, и в них герой всегда побеждает волшебника. Почему бы мне не стать этим героем?

Эверард вздохнул.

— Скоро ты узнаешь, почему, нойон.— На какое-то мгновение он подумал, что скорее всего окажется неправ.

— О, перестань.— Токтай хлопнул его по спине.— Неужели тебе трудно рассказать мне хоть самую малость? Ведь между нами нет крови. Будем друзьями!

Эверард молча кивнул в сторону Сандовала.

— Это печально,— сказал Токтай,— но он оказал сопротивление солдатам Великого Кагана. Брось, Эбурар, давай лучше выпьем. Я прикажу подать кумыс.

Невольно, патрульный скорчил гримасу.

— Не самый лучший способ умиротворить меня!

— Вот как, твоему народу не нравится кумыс? Боюсь,больше у нас ничего нет. Вино давно кончилось.

— Ты мог бы разрешить мне выпить виски.— Эверард вновь посмотрел на Сандовала и перевел взгляд в окружающую тьму. Он чувствовал, что его бьет легкий озноб.— О господи, от рюмки я бы сейчас не отказался!

— А?

— Наш национальный напиток. Фляги лежат в седельных сумках.

— Что ж...— Тактай явно колебался.— Ну хорошо. Пойдем со мной и возьмешь, что тебе надо.

Стражники последовали за своим начальником и пленником, пробираясь сквозь кусты, мимо спящих воинов, пока не подошли к сваленным в кучу вещам, тоже находившимся под охраной. Один из часовых зажег ветку от костра, чтобы посветить Эверарду. Мускулы патрульного напряглись, он физически ощущал стрелы, нацеленные ему в спину. Тем не менее он спокойно присел на корточки, открыл седельные сумки и неторопливо достал из них обе фляжки. Затем опять же в сопровождении нойона и стражников вернулся к своему костру.

Токтай сел на землю. Он внимательно следил, как Эверард налил виски в отвинчивающийся колпачок, а затем опрокинул содержимое себе в рот.

— Странно пахнет,— заметил он.

— Попробуй.— Патрульный настолько остро чувствовал свое одиночество, что и сам не понял, как у него вырвались эти слова. В конце концов, чем плох нойон? По современным понятиям, он даже ведет себя любезно. А если ты сидишь рядом с умирающим другом, можно выпить хоть с самим дьяволом, лишь бы ни о чем не думать.

Токтай посмотрел на Эверарда, недоверчиво понюхал горлышко, на секунду задумался, а затем, явно бравируя, припал к нему губами.

— Оо-оо-оо-аа-аа-аа!

Эверард едва успел подхватить фляжку, пока ее содержимое окончательно не вылилось. Нойон отплевывался, тяжело дыша. Один из стражников натянул стрелу на тетиву лука, другой — бросился вперед и схватил Эверарда за плечо, высоко занося саблю.

— Это не яд! — воскликнул патрульный.— Просто для него напиток слишком крепок. Смотрите, я сейчас еще выпью.

Токтай махнул воину рукой и посмотрел на своего пленника слезящимися глазами.

— Что это за штука?— спросил он сдавленным голосом.— Должно быть, приготовлена из драконьей крови?

— Из ячменя.— Эверард был не в настроении объяснять монголу процесс дистилляции. Он плеснул в небольшой колпачок еще немного виски.— Давай, пей свое кобылье молоко.

Токтай причмокнул.

— Здорово согревает. Как перец.— Он протянул грязную руку.— Дай сюда.

Эверард сидел, не шевелясь.

— Ну?!— прорычал нойон.

Патрульный покачал головой.

— Я ведь сказал тебе: напиток этот слишком крепок для монголов.

— Что такое? Послушай, ты, бледнолицый слизняк...

— Смотри же, я тебя честно предупредил. Пусть твои воины будут свидетелями: завтра утром тебе будет плохо.

Токтай сделал несколько крупных глотков, рыгнул и протянул фляжку Эверарду.

— Чепуха! Просто сначала я не был готов. Пей!

Эверард надолго приложился губами к горлышку, делая вид, что пьет.

Токтай нетерпеливо заерзал на месте.

— Чего ты возишься? Давай скорее. Нет, лучше я возьму вторую фляжку.

— Хорошо. Тебе виднее. Но прошу тебя, не пей со мной наравне. У тебя ничего не получится.

— То есть как это не получится? Да я перепил в Каракоруме двадцать человек, и не каких-нибудь там китайцев, а настоящих монголов.— Он забулькал.

Эверард прихлебывал виски крохотными глотками, чувствуя лишь некоторое жжение в желудке. Внезапно он понял, что у него есть шанс.

— Глотни немного,— сказал он, кивнув ближайшему стражнику.— Ночь сегодня холодная. Погрейтесь, ребята.

Токтай поднял голову и посмотрел на Эверарда слегка осоловелым взглядом.

— Хорошее вино,— с упреком в голосе произнес он.— Слишком хорошее для...— Он вовремя спохватился и умолк. Жестокой была монгольская империя и пользовалась всеми правами абсолютной власти, но начальники ее честно делились любыми благами с самым последним из своих подчиненных.

Воин обиженно посмотрел на нойона, схватил фляжку и поднес ее ко рту.

— Полегче,— предупредил Эверард.— А то голова закружится.

— А у меня никогда не закружится.— Токтай влил в себя очередную

порцию.— Трезв, как бонза[1].— Он погрозил пальцем.— Знаешь, почему монголы так несчастны? Никогда не могут напиться допьяна.

— Ты хвастаешь или жалуешься?— спросил Эверард. Первый стражник прищелкнул языком, взял лук в руки и передал драгоценный сосуд своему товарищу. Токтай сделал еще несколько глотков.

— Ахххх!— Он уставился в костер бессмысленным взглядом.— А теперь — спать. Часовые, отдайте ему вино!

У Эверарда перехватило дыхание. Но он нашел в себе силы насмешливо улыбнуться.

— Вот это правильно,— произнес он.— А я еще выпью. Рад, что ты понял, что вам за мной не угнаться.

— Что ты болтаешь?— Токтай сурово посмотрел на патрульного.— Монгол сколько ни пьет — ему все мало!

Он снова забулькал. Первый охранник получил от своего товарища фляжку и торопливо принялся пить, пока начальник не передумал.

Весь дрожа, Эверард с облегчением вздохнул. Может быть, получится. Может быть.

Токтай привык бражничать. Не было никакого сомнения в том, что он и его соплеменники могли, почти не пьянея, пить кумыс, вино, эль, мед, квас — это жиденькое пиво, которое неправильно называли хлебным вином — короче, напитки своей эпохи. Они знали меру и, пожелав друг другу спокойной ночи, доходили до постелей по прямой.

Вся беда заключалась в том, что любой продукт, подверженный брожению, не может быть крепче 24 градусов — отходы брожения прекращают процесс — а в большинстве напитков, употребляемых в тринадцатом веке, содержание алкоголя не превышало 5 процентов, и пили их, как правило, за обильными трапезами.

Шотландское виски — совсем другое дело. Если пить его, как пиво или вино, жди беды. Сначала ты теряешь рассудок, сам о том не подозревая, а затем и сознание.

Эверард протянул руку за фляжкой, которую держал один из стражников.

— Отдай!— потребовал он.— Ты все выпьешь!

Воин ухмыльнулся, сделал большой глоток и передал фляжку товарищу. Эверард скорчил гримасу, поднялся на ноги и неуклюже попытался отобрать ее. Стражник ткнул его в живот. Патрульный тут же свалился на спину, задрав вверх ноги. Монголы зашлись смехом, прислонившись друг к другу. Шутка была так хороша, что по ее поводу необходимо было выпить.

Когда Токтай отключился, заметил это один Эверард. Нойон, сидевший скрестив ноги, принял полулежачее положение. При свете костра видна была глупая улыбка, блуждавшая на его губах. Мускулы патрульного напряглись, как струна.

Один из стражников продержался на несколько минут дольше. Но затем и он мягко опустился на четвереньки и принялся выдавать на землю свой ужин. Другой стражник повернулся, недоуменно моргая, и попытался вытащить из ножен непослушную саблю.

— Что такое?— простонал он.— Чшто сшлучшилось? Отрава?

Пришла пора действовать.

Эверард перескочил через костер и, кинувшись на Токтая, прижал его к земле, выхватывая саблю из ножен. Второй стражник, все еще державшийся на ногах, громко вскрикнул и попытался напасть на патрульного.

---

[1] *БОНЗЫ* — название, даваемое европейцами всем буддистским духовным лицам в Индии, Японии, Китае и Корее. Происходит от китайского слова, которое означает «учитель закона».

Эверарду не хотелось убивать практически беспомощного человека, так что пришлось пустить в ход кулак. Монгол медленно опустился на колени, и, последовав примеру своего товарища, тут же заснул мертвым сном.

Эверард бросился бежать. В потревоженном лагере послышались недоуменные голоса. Раздался топот копыт: конные часовые спешили проверить, в чем дело. Кто-то достал из костра почти потухшую ветку и принялся размахивать ею в воздухе, пока та не разгорелась. Эверард упал и прижался к земле.

Мимо куста, за которым он лежал, промчался воин. Сзади раздался громкий вопль и взрыв проклятий, значит, нойона обнаружили.

Эверард вскочил на ноги и побежал, что было сил.

Лошади были стреножены и, как обычно, охранялись. Табун выделялся черным пятном на равнине, серебристой от звездного света. Эверард увидел, что к нему на полном скаку несется один из часовых.

— Что случилось?— крикнул он.

— Нападение на лагерь!— ответил патрульный высоким голосом, плотнее заворачиваясь в плащ и чуть согнув ноги. Ему необходимо было выиграть время, чтобы монгол не успел приладить стрелу и выстрелить. Часовой поравнялся с ним. Эверард прыгнул.

Он схватил коня под уздцы в ту самую минуту, когда его узнали. Громко вскрикнув, монгол выхватил саблю и, не колеблясь, нанес удар. Но Эверард находился с левой стороны и легко отпарировал. Сделав, в свою очередь, выпад, он почувствовал, как клинок погрузился во что-то мягкое. Лошадь испуганно взвилась на дыбы, и всадник вылетел из седла. Покатившись по земле, он тем не менее поднялся и, прихрамывая, побежал вперед, громко крича. Эверард тем временем уже нащупал стремя. Монгол хромал все сильнее, и в темноте кровь черной струей била из раны в ноге. Эверард вскочил в седло и плашмя ударил саблей по крупу животного.

Он скакал к табуну. Еще один часовой мчался наперерез. Патрульный пригнулся, чувствуя свист стрелы над головой. Его лошадь, обеспокоенная непривычной тяжестью, не желала слушать повода и вскидывала задом. Пришлось потратить целую минуту, чтобы заставить ее повиноваться, и в это время монгол мог прикончить его, если бы схватился врукопашную. Но привычка оказалась сильнее, и часовой промчался мимо, стреляя на ходу. В темноте он промахнулся, и прежде чем успел вернуться, Эверард был далеко.

Разворачивая на ходу аркан, он заехал в самую середину табуна, накинул петлю на шею одной из лошадей, взмахом сабли обрубил ремешки, которыми она была стреножена, и поскакал прочь, на север.

«Придется им со мной повозиться,— не совсем к месту сказал он сам себе.— Надо запутать следы, иначе поймают. Насколько я помню географию, вулканические пласты находятся примерно к северо-западу».

Он оглянулся. Погони пока что не было. Для того, чтобы организовать ее, понадобится время... Но что это?

Над его головой засверкали молнии. Воздух посвежел, послышались раскаты грома. Эверард почувствовал, что его бьет озноб, и вовсе не от ночного холода. Он умерил бег своего коня. Теперь можно было не спешить. Потому что там, сзади, находился Мэнс Эверард...

.... который вернулся к патрульному скуттеру и отправился на нем к югу в пространстве и к настоящему моменту во времени.

Мягко говоря, не совсем этично. По неписаным правилам Патруля помогать самим себе считалось недозволенным. Слишком велика вероятность появления замкнутой петли времени, не говоря уже об изменении будущего.

Но в данном случае мне это сойдет с рук. Никто даже не упрекнет. Потому что я спасаю не себя, а Джека Сандовала. Я уже свободен, и мне ничего не стоит уйти от погони в горах, которые мне известны, а монголам — нет. А ведь речь идет о спасении жизни моего друга.

Кроме того (с горечью подумал он) *наше задание, на поверку, состояло именно в том, чтобы, изменив прошлое, обеспечить собственное будущее.*

Необъятное черное небо было усыпано звездами: редко когда доводилось наблюдать такую картину. Большая Медведица сияла над древней землей; дробь копыт звенела в тишине. Никогда еще Эверард не чувствовал себя таким одиноким.

— Интересно, чем это я занимаюсь сейчас в монгольском лагере?— спросил он вслух.

Ответ пришел к нему сам собой, и, облегченно вздохнув, он поудобней уселся в седле и пришпорил лошадь. Ему хотелось как можно скорее выполнить задание, и теперь он знал, что надо делать.

Не так уж все страшно, как казалось с первого взгляда. Токтай и Ли Дай-цзун никогда не вернулись на родину. Но не потому, что погибли в море или столкнулись с враждебными племенами. Просто волшебник спустился с неба, и уничтожил всех их лошадей громом, и сжег их корабли в устье реки. Ни один китайский матрос не отправится в плавание на суденышках, которые можно здесь построить; ни один монгол не осмелится вернуться домой пешим. Значит, так оно и было на самом деле. Экспедиция не погибнет, а останется в Америке; монголы обзаведутся местными женами, научат индейцев чинук, тлингитов, нутка, все племена потлач[1] строить прочные корабли, дома, выплавлять медь, обрабатывать меха, шить одежды... что ж, монгольский нойон и даже конфуцианский ученый могли провести остатки дней своих куда более счастливо и с большей пользой, чем осуществив свои прежние чаяния.

Как бы соглашаясь сам с собой, Эверард кивнул. С Токтаем и его кровожадными замыслами покончено. Тут все ясно. Куда труднее осознать горькую правду о потомках: ведь он считал их своей семьей, и в работе, которую выполнял, видел цель всей жизни. Далекие супермены оказались на деле совсем не такими бескорыстными. Они не просто охраняли тот самый истинный исторический ход событий, в результате которого появились в далеком будущем. Нет, они тоже передергивали, чтобы создать собственное прошлое... И не надо спрашивать, что значит «истинный». Лучше вообще ни о чем не спрашивать. Гляди себе на тернистый путь, которым идет человечество, и говори, что где-то могло быть лучше, а где-то — хуже.

— Может, это и не единственный выход,— вслух произнес Эверард,— но другого я не знаю.

Голос его прозвучал неожиданно громко, прокатившись над покрытой инеем равниной, и больше он не произнес ни слова: лишь прищелкнул языком, понукая лошадь, держа путь на север.

---

[1] Племена, связанные обычаем.

DELENDA EST[1]

1

Двадцать тысяч лет назад в Европе была великолепная охота, а зимний спорт там хорош в любую эпоху. Вот почему Патруль времени, всегда заботившийся о своих высококвалифицированных сотрудниках, разместил несколько охотничьих домиков в Пиренеях плейстоценового периода.

Мэнс Эверард стоял на застекленной веранде и смотрел на голубые горы, покрытые льдом; ниже по склонам спускались леса, а совсем внизу тянулись болота и тундра. Сильное мускулистое тело патрульного было одето в свободные зеленые штаны и в куртку из инсульсинта двадцать третьего века; ботинки были сшиты на заказ сапожником из французской Канады девятнадцатого века; он курил старую вересковую трубку вовсе неизвестного происхождения. Эверард ощущал какое-то беспокойство и не обращал внимания на шум, доносившийся из дома, где другие патрульные пели, пили, разговаривали и играли на пианино.

Через покрытый снегом двор прошел их проводник-кроманьонец, высокий красивый парень в эскимосской одежде (непонятно, почему авторы романов о ледниковом периоде никогда не признавали за людьми палеолита достаточно здравого смысла, чтобы носить куртки, штаны и обувь?). Лицо у проводника было раскрашено, за поясом торчал стальной нож, ради которого он и взялся за эту работу. Так далеко в прошлом Патруль мог действовать достаточно свободно, не боясь нарушить ход истории: нож все равно заржавеет, а пришельцев через несколько столетий забудут. Основное затруднение было в другом: женщины-агенты из далеких веков, где нравы были проще, все время заводили романы с местными охотниками.

Пит Ван Саравак (голландско-индонезийский венерианин из раннего 24-го века), стройный, темноволосый молодой человек, чья наружность и манера ухаживать составляли большую конкуренцию охотникам, присоединился к Эверарду на веранде. Минуту они стояли молча, с удовольствием ощущая присутствие друг друга. Пит тоже был агентом свободных действий, в любой момент готовым прийти на выручку в любом ареале. Несколько раз они работали вместе. Отдыхать они тоже приехали вдвоем.

Пит первым нарушил молчание, заговорив на темпоральном:

— Я слышал, около Тулузы обнаружили несколько мамонтов.

Тулуза будет построена только спустя столетия, но сила привычки велика.

— Я уже подстрелил одного,— нетерпеливо сказал Эверард.— И уже вволю накатался на лыжах, назанимался альпинизмом и по горло сыт зрелищем местных танцев.

Ван Саравак кивнул и раскурил сигарету. Когда он затянулся, его скулы еще резче выдались вперед на худом коричневом лице.

— Это приятный отдых,— согласился он,— но, честно говоря, через некоторое время жизнь на природе малость надоедает.

Им предстояло ничего не делать еще две недели. В теории, поскольку, возвращаясь из отпуска, агент имел возможность при желании попасть

---

[1] Печатается по изд.: Звезда. 1981, № 8. «Delenda est» — «разрушен есть». Перефразировка знаменитых слов Катона-старшего, которыми он заканчивал свои выступления в Сенате на любую тему: «Карфаген должен быть разрушен» («...esse delendam»). (*Прим. перев.*)

чуть ли не в день и час своего отъезда, отпуск мог длиться бесконечно, но на практике каждый должен был посвятить определенный отрезок своей биологической жизни работе. (В Патруле никогда не говорилось, когда кому предстоит умереть, и у каждого обычно хватало ума не пытаться выяснить это самому. К тому же в любом случае дата могла оказаться неточной — время изменчиво. Одним из преимуществ работы в Патруле была возможность пройти данеллианский курс продления жизни.)

— Чего бы я хотел,— продолжал Ван Саравак,— так это ярких огней, музыки и встреч с девочками, которые никогда и не слышали о путешествиях во времени...

— Сказано — сделано!— подхватил Эверард.

— Рим времен Августа?— радостно спросил его товарищ.— Я никогда там не был. Могу за час выучить их язык и обычаи под гипноизлучателем.

Эверард покачал головой.

— Слишком дорого обойдется. Если мы не намерены забираться далеко в будущее, то по части всяческого разложения лучшего века, чем мой, не найти. Нью-Йорк,в особенности... если ты знаешь нужные номера телефонов. А я их знаю.

Ван Саравак ухмыльнулся.

— Я и сам знаю несколько приятных местечек в моем веке,— ответил он.— Но в целом новое общество мало нуждается в изысканном искусстве развлечений. Ладно, пусть это будет Нью-Йорк... когда?

— Давай год 1960-й. Перед тем как поехать в отпуск, я как раз там проживал как гражданин и налогоплательщик.

Они усмехнулись друг другу и пошли собирать вещи. Эверард предусмотрительно захватил с собой одежду двадцатого века не только для себя, но и для приятеля.

Бросая одежду и бритву в маленький чемодан, американец думал, надолго ли его хватит, чтобы поддержать компанию Ван Сараваку. Он никогда не был заядлым гулякой и не представлял себя бесшабашным бражником ни в одну из эпох на протяжении пространства-времени. Бой быков, ящик пива и интересная книжка — пожалуй, этот набор исчерпывал его возможности. Но и самому умеренному человеку иногда необходимо встряхнуться.

И не только встряхнуться, но и забыться. Ведь он свободный агент в Патруле времени; ведь его работа в Компании технологических исследований — только ширма для скитаний и сражений на всем протяжении истории; ведь он собственными глазами видел, как эту историю, пусть в мелочах, перекраивают наново — не боги, что было бы еще терпимо, а простые смертные, которым свойственно ошибаться, ибо даже данеллиане все же не боги; ведь он знал, что может произойти изменение в чем-то главном, и тогда он сам и весь окружающий его мир перестанут существовать.

Простое лицо Эверарда перекосила гримаса. Он провел рукой по своим жестким темным волосам, будто отгоняя эти мысли. Бесполезно думать о таких вещах. Перед парадоксом не устоит никакая логика. Лучше в такие минуты расслабиться и отдохнуть, а он сейчас может себе это позволить.

Эверард подхватил чемодан и присоединился к Питу Ван Сараваку.

Их маленький двухместный антигравитационный скуттер стоял в гараже. Трудно было поверить, что его программатор можно настроить на любую эпоху и любое место земли. Но и самолет тоже — чудо, и корабль, и даже огонь.

Подайте мне блондиночку,
Блондиночку мою,
Подайте мне блондиночку,
Я так ее люблю!

— громко распевал Ван Саравак, и дыхание его облачком растворялось в морозном свежем воздухе. Он вскочил на заднее седло скуттера. Саравак выучил эту песню, когда как-то раз ему пришлось сопровождать армию Людовика XIV. Эверард рассмеялся.

— Уже! Не рано ли?

— Ну вот еще,— пропел молодой человек,— это такой веселый континуум в прекрасном и вечно живом космосе. Гони машину!

Эверард совсем не был в этом уверен: он повидал достаточно человеческих страданий во всех веках. Со временем ты затвердеваешь снаружи, но внутри... когда крестьянин смотрит на тебя больными, измученными глазами, или воин кричит, пронзенный пикой, или город вдруг вздымается вверх грибом радиоактивного взрыва... что-то в тебе плачет. Он мог понять фанатиков, которые стремились изменить прошлое. Но, к сожалению, они вряд ли могли привести мир к лучшему будущему.

Он настроил программатор на двадцатый век, склад Компании технологических исследований — хорошее, скрытое от глаз место, где можно материализоваться без опаски. Оттуда они пойдут к нему домой и уж потом начнут развлекаться.

— Надеюсь, ты успел попрощаться со всеми своими здешними красотками?— посмеиваясь, спросил Эверард.

— О да, и уверяю тебя, весьма любезно. Поехали скорей. Ты тут завяз, будто в патоке на Плутоне. К твоему сведению, эту машину не требуется гнать к дому веслами.

Эверард пожал плечами и включил главный тумблер. Гараж исчез из виду.

2

От неожиданности они на какую-то секунду замерли на месте. Все замелькало перед их глазами. Они материализовались в нескольких дюймах от поверхности земли — скуттер был сконструирован так, что не мог вдруг появиться внутри твердого объекта,— поэтому машина ударилась о мостовую с такой силой, что патрульные чуть не вывихнули себе челюсти. Они очутились на месте, напоминавшем площадь. Рядом шумел фонтан, его каменные стенки были украшены резными виноградными гроздьями. От площади отходили улицы, застроенные квадратными зданиями из кирпича или бетона от шести до десяти этажей в высоту. Эти дома совершенно диких расцветок были украшены грубым лепным орнаментом. Мимо проезжали неуклюжие коробки-машины абсолютно неизвестной им марки. На площади толпилась масса народу.

— Боги — хранители Патруля! Где мы?

Эверард уставился на приборы. Нет, все было правильно. Скуттер приземлился в Манхэттене 23 октября 1960 года в 11.30 утра и точно в пространственных координатах склада. Но порывистый ветер бросал им в лицо пыль и сажу, пахло дымом печных труб и...

Ван Саравак выхватил звуковой станнер. Толпа пятилась от них, крича на каком-то непонятном языке. Люди здесь были самые разные: и высокие круглоголовые белые с рыжими волосами, и американские туземцы, и полукровки всех мастей. Мужчины одевались в свободные цветные блузы, шотландские юбки и в какие-то, похожие на шотландские, шапки; на

ногах — ботинки и чулки до колен. Прически здесь носили длинные, так же как и усы. На женщинах были пышные юбки до лодыжек. Волосы они укладывали в косы вокруг головы и прятали под капюшоны плащей. Независимо от пола, здешние жители носили массивные браслеты и ожерелья.

— Что случилось?— прошептал венерианин.— Где мы?

Эверард сидел, напрягшись. Его мозг лихорадочно работал на пределе, вызывая картины всех веков, где он побывал или о которых читал. Промышленная цивилизация?— автомобили эти смахивали на паровые — но почему тогда радиаторы такой острой формы и с такими носовыми украшениями? Уголь в качестве топлива? Или эпоха восстановления после ядерной войны? Тоже нет, при чем тут тогда эти шотландские юбки, да и речь не английская!

Ничто не сходилось. Такой эпохи просто не было!

— Скорей поехали отсюда!

Руки Эверарда уже легли на панель управления, когда на него прыгнул какой-то высокий мужчина. Они вместе рухнули на тротуар — в ход пошли ноги и кулаки. Ван Саравак выстрелил, кто-то упал без сознания, но его самого схватили за руки сзади. Толпа навалилась на них обоих, и все смешалось в сознании Эверарда. Он смутно помнил, как сквозь людскую массу пробились несколько человек со сверкающими медными пластинами на груди и в шлемах, подняли его на ноги и защелкнули наручники на запястьях. Затем их с Ван Сараваком обыскали и впихнули в большую закрытую машину. «Черные вороны» одинаковы во все века и эпохи.

Окончательно он пришел в себя только в сырой и холодной камере с забранной железной решёткой дверью.

— Черти в адском пламени!

Венерианин плюхнулся на деревянный топчан и закрыл лицо руками.

Эверард стоял у двери, выглядывая наружу. Он смог увидеть только узкий зал с бетонными стенами и камеру на другом его конце. Оттуда через решетку на них смотрело типично ирландское лицо человека, кричавшего что-то непонятное.

— Что происходит?

Стройное тело Ван Саравака задрожало.

— Не знаю,— медленно сказал Эверард.— Просто не знаю. Наша машина времени устроена так, что ею может управлять совершенный дурак, но мы, вероятно, все же еще большие дураки, чем те, на которых она рассчитана.

— Такого места нет на свете,— сказал Ван Саравак в полном отчаянии.— Сон?

Он ущипнул себя за руку и выдавил грустную улыбку. Губа у него была разбита и уже стала опухать, на скуле начал проступать грандиозный синяк.

— Логически рассуждая, друг мой, щипок не может служить доказательством реальности, но есть в нем что-то обнадеживающее.

— Лучше бы не было,— сказал Эверард.

Он затряс металлические перекладины с такой силой, что они зазвенели.

— Послушай, может быть, мы действительно неправильно произвели настройку? Есть ли такой город на Земле?— а в том, что это Земля, я, по крайней мере, уверен. Пусть не город, а никому не известное захолустье!

— Я такого не знаю.

Эверард полностью расслабился, как его учили в Академии, заставляя

свой мозг работать с полной отдачей. В свое время он изучал историю всех веков, даже тех, в которых никогда не был, причем настолько тщательно, что имел полное право претендовать на присуждение ему ученой степени доктора философии, и даже не единожды.

— Нет,— сказал он в конце концов.— Нечто среднее между белыми брахицефалами в шотландских юбках и индейцами, разъезжающими в паровых автомобилях,— ничего подобного никогда не было.

— Координатор Стантель В.,— слабым голосом сказал Ван Саравак.— В тридцать восьмом веке. Великий экспериментатор создавал колонии, в точности воспроизводящие цивилизации прошлого...

— Не было в прошлом таких цивилизаций,— сказал Эверард.

Постепенно он начал осознавать, что произошло, и готов был продать душу дьяволу, лишь бы это оказалось не так. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы не завопить и не разбить голову о стенку.

— Придется подождать, что будет дальше,— сказал он безжизненным тоном.

Полисмен (Эверард предполагал, что они находятся в руках закона) принес им пищу и попытался заговорить с ними. Ван Саравак сказал, что язык напоминает кельтский, но что он понял лишь несколько отдельных слов. Пища была недурна.

К вечеру их отвели в умывальную, и они привели себя в порядок под дулами пистолетов. Эверард внимательно осмотрел оружие: восьмизарядные револьверы и длинноствольные винтовки. Газовые светильники в виде переплетающихся лоз и змей освещали помещение. Характер удобств, оружия, а также запахи заставляли предполагать уровень техники примерно начала девятнадцатого века.

По пути в камеру он заметил несколько букв на стенах. По начертанию они безусловно относились к семитическим, но хотя Ван Саравак знал древнееврейский, он не смог прочитать ни слова.

Вновь запертые в камеру, они наблюдали, как ведут мыться других заключенных: на удивление веселую толпу бродяг и пьяниц.

— Кажется, мы удостоены особого внимания,— заметил Ван Саравак.

— Ничего удивительного,— сказал Эверард.— Интересно, как бы ты поступил с двумя неизвестными, явившимися из ниоткуда и применившими неизвестное оружие?

Ван Саравак повернулся к нему и спросил с несвойственной ему угрюмостью:

— Ты думаешь то же, что и я?

— Возможно.

Венерианин скривил рот, в его голосе послышался ужас.

— Другая линия времени. Кому-то все же удалось изменить историю.

Эверард кивнул.

Ночь они провели плохо, хотя сон был бы истинным благодеянием: во-первых, из других камер раздавался шум — дисциплина здесь, видимо, хромала на обе ноги, во-вторых, в постелях оказалось достаточно клопов.

Позавтракали они словно в тумане, потом им опять разрешили умыться и побриться безопасными бритвами, довольно похожими на современные. Затем стража из десяти человек отвела их в какой-то кабинет и неподвижно застыла у стен.

Патрульных усадили у стола, и они стали ждать. Мебель здесь была такой же полузнакомой-получужой, как и все остальное, и это действовало на нервы. Только через некоторое время появилось большое начальство.

Их было двое: седой краснощекий мужчина в доспехах и зеленом мун-

дире, вероятно, шеф полиции, и худощавый с жесткими чертами лица полукровка — тоже седой, но с черными усами, одетый в голубой мундир и в шерстяную, надвинутую на лоб шапочку. Слева на груди у него блестела золотая бычья голова, очевидно, воинский знак различия. В человеке этом ощущалось спокойное достоинство, но это впечатление нарушали тонкие волосатые ноги, торчавшие из-под шотландской юбки. За ним следовали двое молодых людей, вооруженные и одетые почти как он. Когда человек сел, они встали за его спиной.

Эверард наклонился и прошептал: — Могу спорить, что это — военные. Кажется, мы представляем интерес.

Ван Саравак слабо кивнул.

Шеф полиции с важностью откашлялся и что-то сказал... генералу? Последний нетерпеливо что-то буркнул в ответ и обратился к пленникам. Он выкрикивал слова отчетливо, и это помогло Эверарду уловить фонемы, но тон генерала не предвещал ничего хорошего.

Каким-то образом надо было установить контакт. Эверард указал на себя.

— Мэнс Эверард,— сказал он.

Ван Саравак последовал его примеру и тоже представился.

Генерал заерзал на стуле и стал совещаться с шефом полиции.

Повернувшись к пленникам, он резко сказал:

— Irn Cimberland?

— Но спикка да Инглиз,— ответил Эверард.

— Gotland Svea? Nairoin Teutonach?

— Эти названия, если только это названия, похожи на германские,— прошептал Ван Саравак.

— Так же, как и наши имена, если ты прислушаешься повнимательней,— сухо ответил Эверард.— Может быть, они решили, что мы — германцы.— Он повернулся к генералу.

— Шпрехен зи дойч?— Лицо генерала не выразило понимания.— Талер, ни свенск? Нидерландск? Денск тунга? Парле ву франсэ? Ох, черт побери, абла устед эспаньоль?

Шеф полиции снова откашлялся и указал на себя.

— Кадвалладер Мак Барка,— сказал он.— Генерал Цинит ап Сиорн.

Или по крайней мере так англо-саксонский мозг Эверарда уловил звучание этих слов.

— Кельтский, точно,— сказал он, чувствуя, что весь взмок от пота.— Но чтобы проверить окончательно...

Он вопросительно указал на нескольких человек у стены и получил в награду такие имена, как Гамилькар ап Ашур ир Катхлан и Финн О'Картиа.

— Нет... Здесь явно есть и семитический элемент. К тому же это соответствует буквам, написанным на стенах тюрьмы.

Ван Саравак облизнул пересохшие губы.

— Попробуй классические языки,— хрипло предложил он.— Может, нам удастся установить тот момент, когда история сошла с ума.

— Loquerisne latine?

Они молча смотрели на него.

— Хеллена?

Генерал ап Сиорн дернулся, подул себе в усы и сузил глаза.

— Hellenach? — насторожился он.— Irn Parthia?

Патрульный покачал головой.

— По крайней мере, они слышали о греках,— медленно проговорил он.

Эверард сказал еще несколько слов по-гречески, но никто не знал этого языка.

Ап Сиорн приказал что-то одному из своих людей, который поклонился и вышел. Наступило долгое молчание.

Эверард почувствовал, что перестает бояться за себя. Он попал в скверное положение, мог скоро умереть, но что бы с ним ни случилось, это было до смешного несущественно в сравнении с тем, что произошло со всем миром.

Боже великий! Со всей Вселенной!

Он не мог осознать этого до конца. Он ясно представлял себе землю, которую знал: просторные равнины, высокие горы, горделивые города. Он вспомнил своего отца в гробу и то, как в детстве отец подбрасывал его высоко в воздух и смеялся, глядя на него снизу вверх. И мать... Родители прожили вместе хорошую жизнь.

Он вспомнил девушку, с которой вместе учился в колледже: самую прелестную девушку из всех, каких парень может быть удостоен чести провожать домой под дождем; и Верни Ааронсона, пиво, табачный дым и ночные разговоры; Фила Брэкни, который выволок его из грязи во Франции, когда пулеметы перепахивали изрытое снарядами поле; Чарли и Мэри Уиткомб в викторианской Англии, крепкий чай и раскаленные угли в камине; Кейта и Цинтию Денисон в отделанном хромированной сталью гнездышке в нью-йоркском небоскребе; Джека Сандовала в желто-коричневых горах Аризоны; собаку, которую он однажды завел; суровые песни Данте и громоподобные звучания шекспировских строк, величие собора в Йорке и мост у Золотых ворот; боже, целую человеческую жизнь и жизнь миллиардов людей, которые трудились, терпели лишения, плакали, смеялись и уходили в землю, чтобы на их место пришли сыновья...

Ничего этого никогда не было.

Он тряхнул головой, ошеломленный несчастьем, так и не осознавая до конца, что же произошло.

Солдаты вернулись с картой и расстелили ее на столе. Ап Сиорн сделал повелительный жест рукой, и Эверард с Ван Сараваком склонились над ней.

Да, это была Земля в меркаторовой проекции, но память подсказывала им, что карта довольно приблизительна.

— Ты можешь прочесть эти названия, Ван?

— Могу только попытаться — здесь много букв древнееврейского алфавита,— сказал венерианин. Он начал читать названия вслух. Ап Сиорн сварливо поправлял его.

Северная Америка до Колумбии называлась Инис ир Афаллон, по всей видимости — одна страна, разделенная на штаты. Южная Америка была большим государством, Хай Бразил; там же было несколько меньших стран, чьи названия напоминали индейские. Австралазия, Индонезия, Борнео, Бирма, восточная Индия и добрая половина тихоокеанских островов принадлежали Хиндураджу. Афганистан и остальная Индия назывались Пенджабом. Литторн простирался далеко на территорию Европы. Британские острова назывались Бриттис; Франция и Нидерланды — Галлис; Иберийский полуостров — Солтан. Центральная Европа и Балканы были разделены на множество мелких государств, названия некоторых из них имели, по-видимому, гуннское происхождение. Над Швейцарией и Австрией было написано — Хельвети; Италия называлась Симберлендом; посередине Скандинавии проходила граница: Свеа на севере и Готланд на юге. Северная Африка, очевидно, была конфедерацией от Сенега-

ла до Суэца, подходила почти к самому экватору и называлась Картагалан; южная часть континента была разделена на более мелкие страны, имевшие в большинстве чисто африканские названия. Ближний Восток состоял из Парфии и Аравии.

Ван Саравак оторвался от карты. В его глазах стояли слезы.

Ап Сиорн выкрикнул вопрос и помахал пальцем около карты. Он хотел знать, откуда они.

Эверард пожал плечами и указал на небо. Единственное, чего он не мог сказать, это правды. Они заранее договорились с Ван Сараваком утверждать, что прибыли с другой планеты: благо,в этом мире еще не знали космических кораблей.

Ап Сиорн что-то сказал шефу полиции, который кивнул и ответил ему. Пленников снова отвели в камеру.

3

— И что дальше?

Ван Саравак опустился на топчан и уставился в пол.

— Надо подлаживаться,— хмуро сказал Эверард.— Любым путем нужно добраться до скуттера и бежать отсюда. На свободе разберемся, что к чему.

— Но что случилось?

— Говорю тебе, не знаю! На первый взгляд можно сделать такое предположение: что-то произошло с греко-римлянами и власть перешла к кельтам. Но я понятия не имею, что именно случилось.

Эверард мерил камеру шагами. Ему было горько, но решение уже созревало.

— Вспомни основополагающую теорию,— сказал он.— События являются результатом комплекса явлений. Не существует одной-единственной причины, могущей повлиять на будущее. Вот почему так трудно изменить историю. Если я вернусь, скажем, в средние века и застрелю одного из голландских предков Франклина Рузвельта, он все равно родится в девятнадцатом веке, потому что он и его гены происходят от целого мира его предков. Вступает в действие компенсация. Но время от времени, конечно, возникают ключевые ситуации. Какое-нибудь событие может явиться узлом многих событийных линий, и тогда его исход станет решающим для будущего в целом. Кто-то неизвестно почему и каким образом вмешался в такое ключевое событие в далеком прошлом.

— Нет больше моего города,— прошептал Ван Саравак.— Ни каналов в голубых сумерках, ни веселых пирушек с девушками, ни... ты знаешь, что на Венере у меня осталась сестра?

— Заткнись!— почти выкрикнул Эверард.— Я знаю. К черту все это. Сейчас надо думать, что можно сделать.

— Послушай,— продолжал он через минуту,— ни Патруля, ни данеллиан больше нет. (Не спрашивай меня, почему я сказал «нет», а не «никогда не было», почему мы впервые возвращаемся из прошлого и находим изменившееся будущее. Я не понимаю парадоксов изменчивого времени. С нами просто это случилось в первый раз, вот и все). Как бы то ни было, отделения Патруля, существовавшие в ареалах до ключевого момента, наверняка уцелели. Должно остаться несколько сот агентов, на которых мы можем рассчитывать.

— Если нам удастся к ним вернуться.

— Только тогда мы сможем обнаружить, в чем заключается этот ключевой момент, и попытаться прекратить вмешательство в историю. Мы должны сделать это!

— Прекрасная мысль. Но...

Снаружи раздались шаги. В замке повернулся ключ. Пленники отпрянули. Затем внезапно Ван Саравак принялся раскланиваться, расшаркиваться и расточать улыбки. Даже Эверард чуть не раскрыл рот от изумления.

Девушка, вошедшая в камеру в сопровождении трех солдат, была потрясающе красива. Высокого роста, с массой золотисто-рыжих волос, спускающихся ниже плеч до тонкой талии, она словно собрала в себе красоту всех поколений ирландок, живших на земле. На прекрасном лице сияли огромные светло-зеленые глаза. Длинное белое платье облегало фигуру, будто созданную для того, чтобы стоять не здесь, а на стенах Трои... Эверард еще раньше обратил внимание, что в эту эпоху пользовались косметикой, но девушка прекрасно обходилась без нее. Он даже не заметил золота и драгоценных камней ее украшений и стражников за ее спиной.

Она застенчиво улыбнулась и сказала:

— Вы меня понимаете? У нас решили, что вы знаете греческий.

Она говорила скорее на классическом, чем на современном языке. Эверард, однажды работавший в Александрии, понимал ее, несмотря на акцент, если внимательно смотрел ей в лицо, не смотреть на которое было трудно в любом случае.

— О да, конечно!— ответил он. Слова наскакивали одно на другое, торопясь выстроиться во фразы.

— На каком это языке ты бормочешь?— спросил Ван Саравак.

— На древнегреческом,— сказал Эверард.

— Ну конечно, как же иначе!— простонал венерианин, казалось, забывший о своем недавнем отчаянии. Глаза его сияли.

Эверард представил себя и своего товарища. Девушка тоже сказала свое имя: Дейрдра Мак Морн.

— О нет,— простонал Ван Саравак,— это уж слишком. Мэнс, научи меня греческому, быстро!

— Замолчи,— сказал Эверард.— Сейчас не до шуток.

— Ну хорошо, а разве я не могу тоже заняться ею всерьез?

Эверард перестал обращать на него внимание и пригласил девушку присесть. Он сел рядом с ней на койке, а несчастный Ван Саравак кружился вокруг них, не находя себе места. Стража держала оружие наготове.

— Разве на греческом еще говорят?— спросил Эверард.

— Только в Парфии, и там он сильно исковеркан,— сказала Дейрдра.— Я изучаю классический период, помимо других занятий. Саоранн ап Сиорн — мой дядя, и он попросил меня попробовать говорить с вами по-гречески. В Афаллоне немногие знают аттический язык.

— Я... — Эверард едва удержался от глупой улыбки,— весьма признателен вашему дяде.

Она серьезно посмотрела на него.

— Откуда вы? И как получилось, что из всех существующих языков вы говорите только на греческом?

— Я говорю и по-латыни.

— Латынь?

Она нахмурилась, вспоминая.

— О, язык римлян, да? Боюсь, что у нас почти никто не знает о нем.

— Мы вполне обойдемся греческим,— твердо сказал Эверард.

— Но вы не ответили мне, откуда вы,— повторила она настойчиво.

Эверард пожал плечами.

— Нас приняли не очень-то любезно,— намекнул он.

— Очень жаль.— Она, видимо, говорила искренне.— Но наш народ так легко приходит в волнение. В особенности сейчас, когда такое напряженное международное положение. И когда вы появились прямо из воздуха...

Эверард кивнул. Международное положение? Это звучало достаточно знакомо и достаточно неприятно.

— Что вы имеете в виду?— спросил он.

— Неужели вы не знаете? Хай Бразил и Хиндурадж на грани войны, и мы не знаем, чем все это кончится... Трудно быть маленькой страной.

— Маленькой страной? Но я видел карту. Афаллон показался мне достаточно большим.

— Мы истощили свои силы еще двести лет назад, во время великой войны с Литторном. Сейчас ни один из штатов нашей конфедерации не может прийти к соглашению с другими по вопросам общей политики.

Дейрдра взглянула ему прямо в глаза.

— Как объяснить, что вы этого не знаете?

Эверард проглотил комок в горле и сказал:

— Мы из другого мира.

— Что?

— Да. С планеты (нет, по-гречески это значит — спутник)... С небесного тела, вращающегося вокруг Сириуса. Так мы называем некую звезду.

— Но... что вы говорите? Целый мир, вращающийся вокруг звезды? Я вас не понимаю.

— Разве вы не знаете? Звезды — это те же солнца.

Дейрдра отшатнулась и сделала пальцем какой-то знак.

— Великий Баал, защити нас,— прошептала она.— Или вы сумасшедший, или... Звезды прикреплены к кристаллической сфере.

Нет, это невозможно!

— Какие из движущихся звезд вы можете видеть?— медленно спросил Эверард.— Марс, Венеру и...

— Я не знаю этих названий. Если вы имеете в виду Молоха, Ашторет и остальных, то это, конечно, такие же миры, как наш, и они так же вращаются вокруг своего солнца. На одном живут души мертвых, другой — прибежище ведьм, третий...

Все это и паровые автомобили! Эверард улыбнулся дрожащими губами.

— Если вы мне не верите, то как вы считаете, кто я?

Дейрдра оглядела его своими большими глазами.

— Я думаю, вы оба — волшебники,— сказала она.

На это нечего было ответить. Эверард задал еще несколько беспредметных вопросов, но узнал только, что город этот называется Катувеллаунан и что он является центром торговли и промышленности. Дейрдра определила его население в два миллиона человек, а всего Афаллона — в пятьдесят миллионов, но точнее сказать не смогла. Перепись населения здесь не производилась.

Судьба патрульных тоже оставалась весьма неопределенной. Скуттер и остальные их вещи забрали военные, но никто не осмелился даже дотронуться до них, и сейчас шла горячая дискуссия: что же делать с пленными дальше. У Эверарда создалось впечатление, что все управление этим государством, в том числе его военными силами, зависит от личных амбиций и проходит в постоянных спорах, представляя собой довольно плохо организованный процесс.

Афаллон — это очень непрочная конфедерация бывших самостоя-

тельных государств — колоний Бриттиса и индейских племен, перенявших европейскую культуру. Каждое из них постоянно опасалось ущемления своих прав. Старая империя Майя, уничтоженная во время войны с Техасом (Теханнах) и аннексированная, не забыла еще времен своей славы и посылала самых несговорчивых представителей в Совет конфедерации.

Майя хотели вступить в союз с Хай Бразил, возможно потому, что те тоже были индейцами. Штаты западного побережья, боящиеся Хиндураджа, тяготели к юго-восточной азиатской империи, надеясь на ее поддержку. Штаты Среднего Запада (как всегда) придерживались изоляционизма. Восточные штаты каждый вели политику на свой лад, но склонялись к политическому курсу Бриттис.

Когда Эверард понял, что здесь еще существует рабство, хотя и не по расовому признаку, он в ярости чуть было не решил, что люди, изменившие историю, могли оказаться представителями рабовладельцев американского Юга.

К черту! Ему за глаза хватало одной заботы: как вызволить себя и Вана из этой проклятой западни.

— Мы с Сириуса,— высокомерно повторил он.— Ваши представления о звездах ошибочны. Мы — мирные путешественники, но если с нами что-нибудь случится, придут другие наши собратья и отомстят за нас.

Вид у Дейрдры был такой несчастный,что ему стало совестно.

— Но они пощадят детей?— взмолилась она.— Дети ни в чем не виноваты.

Эверард ясно представил себе, какая картина возникла перед ее мысленным взором: маленьких плачущих пленников гонят в рабство на планету ведьм.

— Если нас отпустят и наши вещи возвратят, то вообще не будет никаких неприятностей,— сказал он.

— Я поговорю с дядей,— обещала она,— но даже если мне удастся убедить его, ведь это только один голос во всем Совете. Мысль о том, что ваше оружие может значить для нас, если мы его заполучим, свела всех с ума.

Она поднялась. Эверард взял обе ее руки в свои — они были мягкими и теплыми — и улыбнулся.

— Выше носик, детка,— сказал он по-английски. Она задрожала, вырвалась от него и сделала пальцем все тот же защитный знак от волшебства.

— Ну что?— спросил Ван Саравак, когда они остались вдвоем.— Теперь рассказывай.

Выслушав Эверарда, он погладил подбородок и пробормотал:

— Прелестное сочетание очаровательных линий и форм. Бывают и худшие миры, чем этот.

— Или лучшие,— грубо оборвал его Эверард.— У них нет атомных бомб, но, ручаюсь, нет и пенициллина. А наше дело не строить из себя богов.

— Да, да, конечно.

И венерианин вздохнул.

4

День они провели беспокойно. Когда наступила ночь, в коридоре зажглись фонари, и надзиратель в военной форме отпер дверь их камеры.

В полном молчании пленников повели к заднему выходу, где уже стояли два автомобиля: их усадили в один из них, и обе машины отъехали от тюрьмы.

Катувеллаунан не имел уличного освещения, особого движения по ночам тоже не было. Наверное, поэтому лежащий в темноте город выглядел нереально. Эверард обратил внимание на устройство автомобиля, как он и предполагал, с паровым двигателем, который работал на порошкообразном угле; колеса были на резиновых шинах. Машина имела обтекаемую форму, остроконечный радиатор украшало изображение змеи. Простой в обращении автомобиль был добротно сработан, но не очень интересен по конструкции. По-видимому, в этом мире постепенно освоили на практике необходимые технические приемы, но не знали никаких научных основ технологии и инженерного дела.

Они проехали по неуклюжему стальному мосту к Лонг Айленду — в этом мире здесь тоже жили люди состоятельные. Несмотря на тусклый свет масляных фар, водитель не снижал скорости. Дважды они чуть было не врезались в другие машины: никаких дорожных знаков, конечно, не было, не было и водителей, которых волновала бы проблема безопасности движения. Характер государственного управления, уличное движение... Все это несколько напоминало Францию, если не считать, конечно, те редкие периоды, когда там приходил к власти какой-нибудь Генрих Наваррский или Шарль де Голль. И даже в собственном XX веке Эверарда Франция оставалась в большой мере кельтской. Он никогда не был поклонником многословных теорий о врожденных расовых качествах, и все же традиции, столь древние, что вошли в плоть народа, имели какое-то значение. Западный мир, где главную роль стали играть кельты, а народы германского происхождения сведены до положения небольших этнических групп... да, если вспомнить Ирландию его времени или племенные распри, фактически приведшие к поражению восстания галлов Верцингеторикса... но как насчет Литторна? Минутку, минутку! В период раннего средневековья его мира Литва была могущественным государством: она долго сдерживала немцев и поляков и даже не принимала христианства до пятнадцатого века! Если бы не соперничество немцев, литовское владычество легко могло бы распространиться на Восток...

Несмотря на политическую нестабильность кельтов, здешний мир состоял из больших государств, здесь было меньше отдельных стран чем в мире Эверарда. Это говорило о более древней цивилизации. Если западная цивилизация его мира родилась из умирающей Римской империи, примерно в 600 году нашей эры, кельты в мире, где они сейчас находились, должны были вытеснить римлян в более раннюю эпоху.

Эверард начал понимать, что произошло с Римом, но пока оставил свои умозаключения при себе.

Машины подъехали к широким, украшенным орнаментом воротам в длинной каменной стене. Шоферы что-то сказали двум вооруженным стражам, одетым в ливреи и тонкие стальные ошейники рабов. Через минуту машины уже мчались мимо лужаек и деревьев. В дальнем конце аллеи, почти у самого берега, стоял дом. Эверарду и Ван Сараваку жестами приказали выйти из машины и повели их к входу.

Это было деревянное строение, не имевшее определенной архитектурной формы. В свете газовых ламп у подъезда можно было разобрать, что оно раскрашено яркими полосами разного цвета, а конек крыши и венцы бревен вырезаны в виде драконьих голов. Совсем близко слышался шум моря, и в свете луны на ущербе Эверард разглядел стоящее у берега судно, по-видимому, грузовое, с высокой трубой и носовым украшением.

Окна светились желтым светом. Раб-дворецкий провел их внутрь. На полу холла лежал пушистый ковер, стены были отделаны темными резными панелями. В конце холла находилась гостиная, уставленная мягкой мебелью. Стены украшали несколько картин весьма традиционного стиля, весело трещало пламя в огромном, сложенном из камня камине.

Саорайн ап Сиорн сидел в одном кресле, Дейрдра — в другом. Когда они вошли, она отложила книгу и поднялась с улыбкой на губах. Генерал курил сигару и взглянул на них весьма сердито. Он прорычал несколько слов, и охрана исчезла. Дворецкий внес поднос с бутылками, и Дейрдра пригласила патрульных присесть.

Эверард отпил из своего бокала — это оказалось великолепное бургундское вино — и прямо спросил:

— Зачем мы здесь?

Дейрдра дразняще улыбнулась.

— Думаю, вам будет здесь приятнее, чем в тюрьме.

— Конечно. Кроме того, здесь гораздо красивее. Но я все-таки хочу знать. Нас освободили?

— Вас...

Она заколебалась, подыскивая подходящий дипломатичный ответ, но присущая ей искренность, по-видимому, взяла верх.

— Мы рады принимать вас здесь у себя, но вы не должны покидать это поместье. Мы надеемся, что сумеем убедить вас помочь нам. Вы будете щедро вознаграждены.

— Помочь? Как?

— Научив наших мастеров и друидов делать такое же волшебное оружие и такие же волшебные повозки, как ваши.

Эверард вздохнул. Объяснять было бесполезно. В этом мире не было орудий, чтобы сделать орудия, необходимые для производства нужных им предметов, но как объяснить это людям, которые верят в колдовство?

— Это дом вашего дяди?— спросил Эверард.

— Нет, мой собственный,— ответила Дейрдра.— Я единственный ребенок. Мои родители были очень богаты и знатны. Они умерли в прошлом году.

Ап Сиорн выговорил несколько слов, будто отрубил их. Дейрдра перевела. Лицо ее стало озабоченным.

— История вашего прибытия известна уже всему Катувеллаунану, а значит, и иностранным шпионам тоже. Мы надеемся, что сможем вас здесь от них спрятать.

Эверард вспомнил, какие шутки в его собственном мире откалывали страны Оси и союзные державы в маленьких нейтральных странах вроде Португалии, и внутренне содрогнулся. Люди, доведенные до отчаяния приближающейся войной, очевидно, не будут столь гостеприимны, как афаллоняне.

— В чем заключается конфликт, о котором вы мне говорили?— спросил он.

— Речь, конечно, идет о контроле над Айсенийским океаном. В частности, над группой богатейших островов, которые мы называем Инис ир Лионах.

Плавным движением Дейрдра поднялась с кресла и показала на глобусе Гавайи.

— Видите ли,— продолжала она тоном старательной ученицы,— как я уже говорила, Литторн и западные союзники (включая нас) истощили друг друга в войнах. Основные же могущественные державы сегодня —

Хай Бразил и Хиндурадж. Они постоянно ссорятся, захватывают новые земли. В их ссору втягиваются и маленькие государства, потому что тут вопрос не только в престиже, но и в том, какая система лучше: монархия Хиндураджа или теократия солнцепоклонников Хай Бразил.

— Могу я спросить, какова ваша религия?

Дейрдра поморщилась. Вопрос явно показался ей ненужным.

— Более образованные люди считают, что существует Великий Баал, который создал всех меньших богов,— наконец ответила она.— Но, естественно, мы придерживаемся и древних культов и чтим также могущественных богов других стран, например, в Литторне — Перхунаса и Чернебога, в Симберленде Вотана, Аммона, Браму, Солнце... Лучше не испытывать их терпения.

— Понятно.

Ап Сиорн предложил им сигары и спички. Ван Саравак затянулся и сердито сказал:

— Черт, почему это история изменилась именно по такой линии, что я не знаю здесь ни одного языка?

Потом лицо его просветлело.

— Но мне легко даются языки, даже без гипноза. Я попрошу, чтобы Дейрдра взялась учить меня.

— И тебя и меня,— сразу же сказал Эверард.— Но послушай, Ван...

Он быстро пересказал ему содержание разговора.

— Гм-м...

Молодой человек потер подбородок.

— Хорошего мало, а? Конечно, если только они дадут нам добраться до скуттера, мы легко ускользнем. Почему бы не сделать вид, что мы согласны помочь?

— Не такие уж они дураки,— сказал Эверард.— Они могут верить в чудеса, но не в такое неограниченное бескорыстие.

— Странно, что при подобной отсталости в области интеллектуальной им известны двигатели внутреннего сгорания.

— Нет. Это как раз вполне понятно. Поэтому я и спросил их о религии. Она всегда была чисто языческой: даже иудаизм — и тот исчез, а буддизм не имеет большого влияния. Как доказал еще Уайтхэд, средневековые представления об едином всемогущем боге дали толчок науке, внушив понятие о существовании законов природы. А Льюис Мэмфорд добавил, что ранние монастыри были, вероятно, первыми изобретателями часового механизма. Это было очень нужное изобретение в связи с необходимостью собираться на молитву. В здешний мир часы пришли, кажется, значительно позже.

Эверард горько улыбнулся, скрывая за улыбкой грусть.

— Странно говорить об этом. Уайтхэда и Мэмфорда никогда не было. И все-таки...

— Подожди минуточку.— Эверард повернулся к Дейрдре.— Когда был открыт Афаллон?

— Белыми? В 4827 году.

— Гм... откуда вы ведете летоисчисление?

Дейрдра уже перестала обращать внимание на их невежество.

— С сотворения мира. По крайней мере, с той даты, которую называют в этой связи ученые. 5964 года назад.

Что соответствует знаменитой дате епископа Усшера: 4004 года до нашей эры. Возможно, это простое совпадение... но все-таки в этой цивилизации был определенный семитический элемент. Легенда о сотворении мира в Книге бытия тоже вавилонского происхождения.

— А когда пар (пнеума) стал впервые использоваться в двигателях ваших машин?

— Около тысячи лет назад. Великий друид Бороихм О'Фиона...

— Неважно.

Эверард курил сигару и что-то обдумывал. Потом он повернулся к Ван Сараваку.

— Я начинаю понимать, что произошло,— сказал он.— Галлы всегда считались не более чем варварами. Но они многому научились у финикийских торговцев, греческих колонистов и этрусков в цизальпинской Галлии. Очень энергичный, предприимчивый народ. Римляне же были флегматичны и довольно далеки от интеллектуальных интересов. В нашей истории до средних веков, когда Римская империя была сметена варварами, уровень развития техники был чрезвычайно низок. В здешней истории римляне исчезли рано. Так же, как и евреи, уверен в этом. На мой взгляд, произошло следующее: при отсутствии могущественного Рима с его теорией равновесия сил сирийцы подавили маккавеев, даже у нас чуть было не случилось то же самое. Иудаизм исчез, а следовательно, так и не возникло христианство. Но как бы то ни было, когда Рим прекратил свое существование, галлы стали господствующей силой. Они начали изучать окружающий мир, построили более совершенные корабли и в девятом веке открыли Америку. Но они не настолько превосходили индейцев, чтобы те не могли догнать их в развитии и даже создать собственные империи, как сейчас Хай Бразил. В одиннадцатом веке кельты начали мастерить паровые машины. У них, наверное, был и порох, может быть, из Китая, и некоторые другие изобретения. Но все эти достижения — результат проб и ошибок, без всякой научной основы.

Ван Саравак кивнул.

— Думаю, ты прав. Но что случилось с Римом?

— Не знаю. Пока еще не знаю. Но ключевой момент, который мы ищем, находится именно там.

Он повернулся к Дейрдре.

— Сейчас я, вероятно, удивлю вас,— сказал он вкрадчиво.— Мои соотечественники уже побывали в вашем мире 2500 лет назад. Вот почему я говорю по-гречески, но мне неизвестно, что у вас произошло с тех пор. Как я понял, вы занимаетесь наукой и много знаете, и мне хотелось бы услышать именно от вас историю вашего мира.

Она покраснела и опустила свои длинные темные ресницы, столь необычные у рыжеволосых.

— Буду рада помочь вам всем, чем могу. А вы,— воскликнула она с мольбой,— вы поможете нам?

— Не знаю,— с трудом проговорил Эверард.— Я бы хотел помочь, но не знаю, сможем ли мы...

Потому что мой долг — уничтожить и вас и весь ваш мир. Навсегда.

5

Когда Эверарда проводили в его комнату, он обнаружил, что здешнее гостеприимство действительно не знает границ. Сам он был слишком устал и подавлен, чтобы воспользоваться им... но, подумал он, засыпая, по крайней мере рабыня, которая ждала Вана, не будет разочарована.

Вставали здесь рано. Из своего окна Эверард видел стражников, шагающих взад и вперед по берегу, но это никак не повлияло на прелесть свежего утра. Вместе с Ван Сараваком он сошел вниз к завтраку, состоявшему

из бекона, яиц, тостов и крепкого кофе — о чем еще можно было мечтать! Дейрдра сообщила, что ап Сиорн уехал обратно в город на совещание: она, казалось, забыла свои огорчения и весело болтала о пустяках. Эверард узнал, что она играет в любительском драматическом театре, который иногда ставит классические греческие пьесы в оригинале, и поэтому так бегло говорит по-гречески, любит ездить верхом, охотиться, ходить под парусом, плавать...

— Как вы насчет этого? — спросила она.

— Насчет чего?

— Поплавать в море.

Дейрдра вскочила с кресла, стоящего на лужайке, где они беседовали под багряными кронами осенних деревьев. Она совершенно непринужденно принялась скидывать с себя одежду. Эверарду показалось, что он услышал стук отвалившейся челюсти Ван Саравака.

— Пошли! — засмеялась она.— Кто нырнет последним, тот бриттиский дохляк!

Она уже плескалась в седом прибое, когда к морю дрожа подошли Эверард с Ван Сараваком. Венерианин заетонал.

— Я с жаркой планеты. Мои предки были индонезийцами. Экватор. Тропические пташки.

— В твоем роду были и голландцы,— ухмыльнулся Эверард.

— У них достало ума перебраться в Индонезию.

— Ну что ж, тогда оставайся на берегу.

— Вот еще! Если может она, могу и я.

Ван Саравак попробовал воду ногой и снова застонал.

Эверард собрал все свое мужество, вспомнил все, чему его учили, и вбежал в море. Дейрдра брызнула на него водой. Он глубоко нырнул, схватился за стройную ногу и потянул ее вниз. Они дурачились в воде несколько минут, затем выскочили на берег и побежали в дом под горячий душ. Ван Саравак горестно плелся сзади.

— Танталовы муки,— жаловался он.— Самая красивая девушка в этом мире, а я не могу поговорить с нею, да она еще к тому же — наполовину белый медведь.

Растертый полотенцем и одетый рабами в местную одежду, Эверард прошел в гостиную к пылающему очагу.

— Что это за расцветка? — спросил он, указывая на свою шотландскую юбку в клетку.

Дейрдра подняла рыжую головку.

— Это цвета моего клана. Почетный гость у нас всегда считается принадлежащим к клану хозяина дома, даже если он кровный его враг. А мы не враги, Мэнслах.

Эти слова опять повергли его в дурное настроение. Он вспомнил, какая перед ним цель.

— Мне бы хотелось узнать побольше о вашей истории,— сказал он.— Я всегда интересовался этим предметом.

Она кивнула, поправила золотую пряжку в волосах и сняла с тесно уставленной полки одну из книг.

— На мой взгляд, это самая лучшая книга по истории мира. В ней я смогу найти все детали и подробности, которые вас заинтересуют.

И заодно расскажешь мне, как лучше разрушить ваш мир.

Эверард уселся рядом с ней на диван. Дворецкий вкатил столик с едой. Эверард ел машинально, не чувствуя вкуса.

— Скажите,— спросил он наконец, желая проверить свое предположение.— Рим и Карфаген воевали друг с другом?

— Да. Два раза. Сначала они были союзниками против Эпира. Римляне выиграли первую войну и попытались ограничить действия Карфагена.

Девушка склонилась над книгой, и, глядя на ее тонкий профиль, Эверард подумал, что она напоминает прилежную школьницу.

— Вторая война разразилась через двадцать три года и продолжалась... гм... одиннадцать лет, хотя последние три года войны по существу не было, просто добивали противника — Ганнибал уже взял и сжег Рим.

Ага! Почему-то этот успех Ганнибала не вызвал у Эверарда прилива радости. Вторая Пуническая война (здесь ее называли римской) или, вернее, какой-то ключевой эпизод этой войны и был тем поворотным пунктом, в результате которого изменилась история. Но частью из любопытства, частью из суеверия Эверард не стал сразу выяснять, какой именно это был эпизод. Сначала в его мозгу должно было уложиться все, что произошло (нет... то, чего не произошло. Реальность — вот она, теплая, живая, рядом с ним; сам же он — бесплотный призрак).

— Что же было дальше? — бесстрастно произнес он.

— Карфагенская империя захватила Испанию, южную Галлию и кончик Итальянского сапога,— сказала она.— После того как римская конфедерация распалась, остальная часть Италии оказалась совершенно бессильной, там царил хаос. Но правительство Карфагена было слишком продажно и поэтому не могло управлять империей. Сам Ганнибал был убит людьми, считавшими, что его честность стоит им поперек дороги. Тем временем Сирия и Парфиа воевали за восточное побережье Средиземного моря. Парфиа победила и попала под еще более сильное греческое влияние, чем когда-либо прежде. Примерно через сто лет после римских войн Италию захватили германские племена. (По всей видимости, кимвры с тевтонами и амбронами, которые были их союзниками. В мире Эверарда их остановил Марий.) Их разрушительные походы через Галлию заставили переселиться кельтов. В основном по мере упадка Карфагенской империи они мигрировали в Испанию и Северную Африку. А от карфагенян галлы научились многому. Последовал долгий период войн, в течение которых Парфиа уступала свои территории, а государства кельтов росли. Гунны разбили германцев в Средней Европе, но в свою очередь были побеждены Парфией, на завоеванные пространства вошли галлы, и германцы остались только в Италии и Гипербореях (по всей видимости, на Скандинавском полуострове). На верфях стали закладывать большие корабли, в результате росла торговля между Дальним Востоком и Аравией, а также непосредственно с Африкой, которую корабли огибали, направляясь на восток. (В истории Эверарда Юлий Цезарь был изумлен, когда увидел, что венеты строят самые лучшие корабли во всем Средиземноморье). Кельты открыли Северный Афаллон, думая, что это остров,— отсюда название «инис»,— но они были изгнаны оттуда индейцами майя. Бриттиские колонии дальше на север уцелели и впоследствии завоевали независимость. Тем временем набирал силу Литторн. Был период, когда это государство завоевало большую часть Европы. Только западная ее часть возвратила себе независимость в результате мирного договора после столетней войны, о которой я уже говорила. Азиатские страны сбросили иго своих истощенных войной европейских завоевателей и быстро развивались, а западные государства, наоборот, приходили в упадок.

Дейрдра подняла голову от книги, которую перелистывала, ведя свой рассказ.

— Но все это — только самые основные факты нашей истории, Мэнслах. Продолжать?

Эверард покачал головой.

— Нет, спасибо.

После минутной паузы он сказал:

— Вы очень честно рассказываете о положении в своей стране.

— Большинство из нас не хочет признавать этого, но я предпочитаю смотреть правде в глаза,— резко сказала Дейрдра.

Она тут же добавила с живым интересом:

— Но расскажите мне о вашем мире. В это чудо трудно поверить.

Эверард вздохнул, плюнул на свою совесть и принялся врать.

Нападение произошло после обеда.

Ван Саравак наконец-то воспрял духом и прилежно занимался с Дейрдрой изучением афаллонского языка. Они ходили по саду, взявшись за руки, и называли различные предметы; затем, чтобы освоить и глаголы, производили всевозможные действия. Эверард плелся за ними, мимолетно думая о том, что, пожалуй, он — третий лишний, и главным образом пытаясь сообразить, как добраться до скуттера.

На безоблачном бледном небе сверкало ясное солнце. Алым пламенем полыхал клен, по траве катились гонимые ветром желтые листья. Пожилой раб неторопливо убирал двор граблями. Молодой стражник-индеец стоял в ленивой позе с ружьем на плече. Два волкодава дремали у ограды. Картина была настолько мирной, что с трудом верилось, что за этими стенами люди готовились убивать друг друга.

Но люди остаются людьми в истории любого мира. Возможно, в здешнем мире они не обладают безжалостной и утонченной жестокостью западных цивилизаций; можно даже сказать, что они кажутся до странности неиспорченными. Но это не от недостатка старания. И в этом мире наука может никогда не достигнуть развития, и люди могут бесконечно повторять один и тот же цикл: война, рождение империи, ее гибель и снова война. В будущем Эверарда человечество наконец отошло от всего этого.

Для чего? Честно говоря, он не мог утверждать, что этот континуум хуже или лучше его собственного. Он был иным — вот и все. И разве этот народ не имеет такого же права на существование, как... как и его собственный, которого, как окажется, вовсе и не было на земле, если им не удастся сделать то, что они с Сараваком сделать должны?

Он до боли сжал кулаки. Слишком многое поставлено на карту. Не дело одного человека брать на себя подобные решения.

Если решать придется ему, не абстрактное чувство долга заставит его поступить так или иначе, а воспоминание о мелочах жизни и простых людях того мира, где он жил сам.

Они обошли дом, и Дейрдра указала на море.

— Аварланн,— сказала она. Ее свободно распущенные огненные волосы развевались по ветру.

— Что же это значит?— рассмеялся Ван Саравак.— Океан, Атлантический, или просто вода? Пойдем посмотрим.— Он потянул ее к берегу. Эверард последовал за ними.

По волнам, милях в двух от берега, шел какой-то пароходик — длинный и быстроходный. За ним, хлопая крыльями, летела туча белых чаек. Эверард подумал, что если бы охрана дома была поручена ему, он обязательно бы держал на море военный корабль.

Разве именно он должен принимать решение? В доримское время были и другие агенты Патруля. Они могут вернуться в свои эпохи, увидеть, что случилось, и...

Эверард замер на месте. Озноб пробежал по его спине, он весь похолодел.

...Они вернутся, увидят, что случилось, и постараются исправить ошибку. Если у кого-нибудь их них это получится, здешний мир исчезнет в мгновение ока из пространства-времени, и он вместе с ним.

Дейрдра остановилась. Эверард, весь в поту, едва понял, на что она так пристально смотрит. Затем Дейрдра закричала и указала вперед рукой. Эверард посмотрел вслед за ней на море.

Пароходик стоял уже совсем близко от берега, из его высокой трубы шел дым и летели искры, на носу сверкало украшение — позолоченная змея. Эверард разглядел на борту людей и что-то белое с крыльями. Оно поднялось с кормы и начало набирать высоту. Планер! Кельтская аэронавтика достигла уже такого уровня.

— Красиво,— сказал Ван Саравак.— Воздушные шары у них, наверно, тоже есть.

Планер отбросил веревку, соединявшую его с кораблем, и направился к берегу. Один из стражников закричал. Остальные выбежали из-за дома. Солнце блестело на их ружьях. Корабль шел прямо к берегу. Планер приземлился, пропахав полосу в песке.

Офицер закричал и замахал патрульным, призывая их назад. Эверард краем глаза увидел бледное озадаченное лицо Дейрдры. Затем на планере повернулась турель, вспыхнул огонь, и раздался грохот выстрела легкой пушки. Эверард автоматически отметил про себя, что турель поворачивается вручную, и упал на живот. Ван Саравак последовал его примеру и потащил за собой Дейрдру. Шрапнель проложила дорожки среди афаллонских солдат. Из планера выскочили люди с темными лицами в чалмах и саронгах. «Хиндурадж»,— подумал Эверард. Они на ходу стреляли в уцелевших стражников, окруживших своего начальника.

Тот громко отдал какой-то приказ и вместе со своими людьми кинулся вперед. Эверард чуть поднял голову и увидел, что афаллонцы атакуют команду планера. Ван Саравак вскочил на ноги, Эверард, ловко повернувшись, ухватил его за ногу и снова заставил лечь, прежде чем Ван Саравак успел ввязаться в бой.

— Пусти меня!— крикнул венерианин.

По всему пляжу, как в кровавом кошмаре, валялись убитые и раненые. Шум сражения, казалось, доносился до самого неба.

— Лежи, ты, кретин! Неужели ты не понимаешь, что им нужны именно мы... И так этот безумный ирландец, их командир, сделал ужасную глупость... хуже некуда.

Внимание Эверарда отвлек новый взрыв. Корабль подошел к самому берегу и выплевывал вооруженных солдат. Слишком поздно афаллонцы поняли, что они истратили все патроны, и теперь их атакуют с тыла.

— Скорей!

Эверард вскочил и рывком поднял Дейрдру и Ван Саравака на ноги.

— Нам надо уходить отсюда, может, к кому-нибудь поблизости...

Десант с корабля увидел его и развернулся. Он скорее почувствовал, чем услышал, подбегая к лужайке, как в песок позади него с чавканьем вошла пуля. Из дому доносились истерические крики рабов. Два волкодава бросились на непрошеных гостей и были тут же застрелены.

Сначала — ползком, потом зигзагами, через стену и на дорогу! У Эверарда это получилось бы, но Дейрдра споткнулась и упала. Ван Саравак остановился, чтобы помочь ей. Эверард тоже остановился, и это стоило им свободы. Их окружили.

Предводитель темнокожих что-то крикнул Дейрдре. Она села на землю и дерзко ответила ему. Он коротко рассмеялся и указал большим пальцем на пароход у себя за спиной.

— Что им надо?— По-гречески спросил Эверард.

— Вас.— Она с ужасом посмотрела на него.— Вас обоих.

Офицер опять что-то сказал.

— И меня как переводчицу... Нет!

Она вырывалась из рук схватившего ее солдата, высвободила одну руку и вцепилась ему в лицо. Кулак Эверарда описал дугу и разбил чью-то челюсть. Но долго это продолжаться не могло. На его голову опустился приклад ружья, и он смутно ощутил, как его волокут ногами по песку на пароход.

6

Команда бросила планер на берегу, перенесла своих убитых и раненых на корабль, и он, набирая скорость, стал удаляться в море.

Эверард сидел в кресле на палубе и смотрел на удаляющийся берег. В голове у него постепенно прояснялось. Дейрдра плакала на плече Ван Саравака, и венерианин пытался ее успокоить. Холодный ветер с шумом швырял брызги пены им в лицо.

Когда из рубки вышли двое белых, Эверарда сразу же покинуло охватившее его оцепенение. Нет, они все-таки не азиаты! Европейцы. И сейчас, приглядевшись к команде, он заметил, что у всех лица европейского типа. Смуглая кожа — это просто-напросто грим.

Он встал и осторожно оглядел своих новых хозяев. Один из них — довольно представительного вида человек средних лет, не очень высокий, в красной шелковой рубахе, мешковатых белых штанах и в похожей на каракулевую шапке, был чисто выбрит, его темные волосы были заплетены в косу. Другой казался несколько моложе: косматый светловолосый гигант в мундире с нашитыми медными колечками, в штанах с гамашами, кожаном плаще и явно декоративном шлеме с рогами. У обоих к поясу были пристегнуты револьверы. Судя по отношению команды, они были здесь старшими.

— Какого черта!

Эверард еще раз огляделся. Земля уже исчезла из виду, и корабль поворачивал к северу. Мотор работал на полную мощность, корпус парохода дрожал, и когда нос зарывался в волны, брызги долетали до палубы.

Сначала старший из двоих заговорил на афаллонском. Эверард пожал плечами. Затем попытку объясниться сделал бородатый северянин сначала на совершенно незнакомом Эверарду диалекте, но потом:

— Taelan thu Cimbric?

— Кимврийский?— Эверард, который знал несколько германских языков, решил попытаться вступить в разговор, а Ван Саравак навострил свои голландские уши. Дейрдра прижалась к нему, глядя широко открытыми глазами, потрясенная случившимся.

— Ja,— сказал Эверард,— ein venig.

Когда золотоволосый взглянул на него неуверенно, он повторил по-английски:

— Немного.

— Ах, aen litt, Gode!

Гигант потер руки и назвал себя и своего спутника.

— Ik hait Боерик Вульфилассон ok main gefreond heer erran Болеслав Арконски.

Такого языка Эверард никогда в жизни не слыхал — это не мог быть даже чисто кимврийский, ведь прошло столько веков,— но собеседника своего он понимал сравнительно легко.

Труднее было говорить. Эверард не мог себе предствить, как именно

развился первоначальный язык.

— Что, черт побери, arran thu задумал? — угрожающе спросил он.— Ik bin человек auf Sirius, со звезды Сириус, mir planeten и всякое такое. Отпустите uns gebach или Willen вы чертовски, der Teufel, дорого заплатите.

Боерик Вульфилассон выглядел огорченным. Он предложил продолжить разговор у него в каюте с Дейрдрой как переводчицей. Их провели в рубку, где оказался небольшой, но комфортабельный салон, дверь осталась открытой, перед ней стоял часовой. Еще несколько вооружённых людей находилось поблизости.

Болеслав Арконски сказал что-то Дейрдре на афаллонском. Она кивнула, и он налил ей стакан вина. Она выпила и как-то немного успокоилась, но голос ее звучал слабо.

— Мы попали в плен, Мэнслах. Их шпионы узнали, где вы находитесь. Другая группа должна украсть вашу машину. Где она, они тоже знают.

— Так я и думал,— сказал Эверард.— Но кто они, во имя Баала?

Боерик грубо расхохотался в ответ и долго хвалился своей хитроумной выдумкой. Его план заключался в том, чтобы правители Афаллона подумали, будто нападение совершили хиндураджцы. В действительности же секретное сотрудничество между Литторном и Симберлендом помогло им создать прекрасную шпионскую сеть, и сейчас они направлялись в летнюю резиденцию посольства Литторна на Инис Лланголен (то есть в Нантакет), где волшебников настоятельно попросят растолковать смысл своего колдовства, а для великих держав приготовят хорошенький сюрприз.

— А если мы этого не сделаем?

Дейрдра перевела ответ Арконски дословно.

— Я сожалею о последствиях. Мы — цивилизованный народ и хорошо заплатим за помощь и почетом и золотом, если вы ее нам окажете добровольно. Но в случае отказа мы можем и заставить вас. На карту поставлено существование наших государств.

Эверард внимательно поглядел на них.

Боерик выглядел смущенным и неуверенным, от его бравады не осталось и следа. Болеслав Арконски выстукивал по столу пальцами дробь, губы его были сжаты, а глаза, казалось, говорили: *не заставляйте нас поступать так. Ведь и у нас есть совесть.*

Они, наверное, были хорошими мужьями и отцами, любили пропустить иногда по кружке пива и сыграть с друзьями в кости. Может быть, Боерик разводил породистых лошадей в Италии, а Арконски выращивал розы на берегах Балтики. Но все это никак не могло помочь пленникам в тот момент, когда одно всемогущее государство сцепится с другим.

Эверард задумался, отдавая должное тому, с каким искусством была проведена операция по захвату их в плен. Потом прикинул, что делать дальше. Пароход шел быстро, но, насколько патрульный помнил путь до Нантакета, плыть им оставалось еще часов двадцать. А значит, по крайней мере двадцать часов в их распоряжении было.

— Мы устали,— сказал он по-английски.— Можем мы немного отдохнуть?

— Да, конечно,—с неуклюжей вежливостью сказал Боерик.—Ok wir skallen gode gefreonds bin, ni? — ведь мы будем добрыми друзьями?

На западе тлел закат. Дейрдра и Ван Саравак стояли на палубе, глядя на серый морской простор. Трое матросов, уже снявшие свои маскарадные

костюмы и грим, стояли на корме с оружием наготове. Рулевой вел корабль по компасу. Боерик и Эверард прохаживались по палубе. Все были в теплых куртках, защищающих от резкого ветра. Эверард делал успехи в кимврийском — язык еще с трудом ему повиновался, но собеседник мог понять, что он говорит. Впрочем, он больше старался слушать Боерика.

— Так вы со звезд? Этого я не понимаю. Я простой человек. Будь моя воля, я уехал бы к себе в Тоскану, занимался бы там своим поместьем, а мир пусть сходит с ума, как хочет. Но у каждого из нас, граждан, есть свои обязанности перед государством.

По-видимому, тевтоны полностью вытеснили латинян из Италии, как в мире Эверарда — англы бриттов.

— Я вас понимаю,— сказал Эверард.— Странно, что так много людей воюет, когда только немногие хотят воевать.

— О, но это необходимо. И — почти жалобно,— ведь Картагаланн захватил Египет, наше законное владение.

— Времена повторяются,— прошептал Эверард.

— А?

— Нет, нет, ничего. Значит вы, кимврийцы, заключили союз с Литторном и надеетесь захватить Европу и Африку, пока большие и могущественные государства дерутся на Востоке.

— Вовсе нет!— с возмущением возразил Боерик.— Мы просто восстанавливаем свои законные исторические территориальные права. Сам король сказал...

И так далее, и тому подобное.

Эверард старался удержаться на ногах: корабль качало.

— Мне кажется, что вы обращаетесь с нами, волшебниками, довольно неучтиво,— сказал он.— Смотрите, как бы мы по-настоящему не рассердились.

— О, ведь нас с детства защищают особыми заклинаниями против колдовства.

— Ах так...

— Я бы очень хотел, чтобы вы помогли нам добровольно. Буду рад убедить вас в справедливости нашего дела, если вы готовы посвятить мне несколько часов.

Эверард покачал головой, отошел от борта и остановился рядом с Дейрдрой. Лицо девушки было едва различимо в сгущающихся сумерках, но в голосе ее ему послышалась ярость отчаяния.

— Я надеюсь, Мэнслах, вы сказали ему, куда он может идти вместе со своими планами!

— Нет,— твердо ответил Эверард,— мы собираемся помочь им.

Она вздрогнула, как от удара.

— Что ты сказал, Мэнс?— спросил Ван Саравак.

Эверард перевел.

— Нет!— воскликнул венерианин.

— Да!— сказал Эверард.

— Бог ты мой, нет! Я...

Эверард схватил его за руку и холодно сказал.

— Успокойся. Я знаю, что делаю. Мы не можем принимать ничью сторону в этом мире — мы против всех, и чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Единственное, что нужно сейчас, это некоторое время делать вид, что мы — с ними. И не вздумай сказать это Дейрдре.

Ван Саравак склонил голову и задумался.

— Ладно,— угрюмо согласился он.

7

Летний курорт Литторна находился на южном берегу Нантакета, рядом с рыбацкой деревушкой, но был отгорожен от нее стеной. Архитектура посольства была того же стиля, что и здания в самом Литторне,— длинные бревенчатые дома с крышами, выгнутыми, как спина рассерженной кошки. Главное здание и его флигели окружали выложенный плитами двор.

Пока корабль подходил к частному пирсу, Эверард, стоя на палубе, успел позавтракать под гневным взглядом Дейрдры, отнюдь не улучшившим его аппетит.

Другой, большего размера, корабль уже стоял у пирса, кругом толпилось множество людей весьма сурового вида.

Арконски возбужденно сказал на афаллонском:

— Видите, вашу волшебную машину уже привезли. Вы сможете сразу же нам все показать.

Когда Боерик перевел эти слова, сердце Эверарда забилось сильнее.

Гости, как их настойчиво называли кимврийцы, были проведены в огромную комнату, где Арконски преклонил колено перед идолом с четырьмя лицами, тем самым Свантевитом, которого датчане в истории другого мира изрубили на дрова. В камине горел огонь, вокруг стен стояла вооруженная охрана, но Эверард ни на что не обращал внимания: его глаза были прикованы к скуттеру, поблескивающему на полу.

— Я слышал, что нашим пришлось здорово подраться, чтобы заполучить эту штуку в Катувеллаунане,— обронил Боерик.— Многие были убиты, но остальным удалось уйти от погони.

Он опасливо дотронулся до рукоятки скуттера.

— И эта повозка действительно может появиться в любом месте по желанию седока прямо из воздуха?

— Да,— сказал Эверард.

Дейрдра взглянула на него с таким презрением, какого он до сих пор не встречал. Она с высокомерным видом стояла в стороне, стараясь держаться как можно дальше от него и Ван Саравака.

Арконски заговорил с ней. Потом потребовал, чтобы она перевела. Девушка плюнула ему под ноги. Боерик вздохнул и сказал Эверарду:

— Мы хотим, чтобы вы продемонстрировали нам эту машину. Мы вместе поднимемся на ней. Предупреждаю, что приставлю револьвер к вашей спине. Вы будете говорить мне заранее, что собираетесь делать, и если что-нибудь окажется не так, я выстрелю. Ваши друзья останутся здесь заложниками и тоже будут застрелены при первом подозрении. Но я уверен,— поспешно добавил он,— что все мы останемся добрыми друзьями.

Эверард кивнул. Нервы его были напряжены до предела, ладони взмокли от холодного пота.

— Но раньше я должен прочесть заклинания,— сказал он. Глаза его блеснули. Сначала он бросил взгляд на пространственно-временные счетчики приборов. Затем посмотрел на Ван Саравака, сидящего под дулами пистолета Арконски и ружей стражников. Дейрдра находилась на той же скамейке, хотя постаралась отодвинуться от патрульного как можно дальше. Эверард прикинул примерное расстояние от скуттера до скамейки, воздел руки к небу и нараспев заговорил на темпоральном:

— Ван, я попытаюсь вытащить тебя отсюда. Не двигайся с места ни на миллиметр, повторяю, ни на миллиметр. Мне придется подхватить тебя на лету. Если все пойдет, как задумано, я вернусь за тобой примерно через минуту после того, как мы испаримся с нашим волосатым другом.

Венерианин сидел с абсолютно бесстрастным лицом, но на лбу его выступили мелкие бисеринки пота.

— Очень хорошо,— сказал Эверард на своем ломаном кимврийском.— Садись сзади, Боерик, и мы погоним мою волшебную лошадку вперед.

Светловолосый гигант кивнул и повиновался. Когда Эверард устраивался на переднем сиденье, он почувствовал, как в спину ему уперлось дрожащее дуло пистолета.

— Скажи Арконски, что мы вернемся через полчаса,— бросил он через плечо.

Время в этом мире исчислялось примерно так же, как в его собственном, и там и тут заимствованное у вавилонян.

Когда Боерик перевел, Эверард продолжал:

— Прежде всего мы возникнем из воздуха прямо над океаном и зависнем там.

— Х-х-хорошо,— выдохнул Боерик. Голос его звучал нетвердо.

Эверард настроил программатор пространства на десять миль к востоку и на тысячу футов высоты, потом включил главный тумблер.

Они сидели, как ведьмы на помеле, глядя вниз на сине-зелёный простор волн и на дымку, которая была далекой землей. Сильный ветер дул им в лицо, и Эверард покрепче сжал седло коленями.

— Ну?— спросил он.— Как тебе нравится?

— Это... чудесно!

По мере того как он свыкался с обстановкой, Боерика охватывал все больший энтузиазм.

— Наши воздушные шары перед этим — ничто. С такими машинами мы взлетим в небо над вражескими городами и сметем их огнем с лица земли.

После этих слов Эверарду стало как-то легче при мысли о том, что ему предстояло сделать.

— Сейчас мы полетим вперед — и скуттер будет скользить по воздуху.

Боерик восхищенно крякнул.

— А сейчас мы спрыгнем сразу вниз, на землю твоей родины.

Эверард включил тумблер маневрирования. Скуттер на бешеной скорости сделал мертвую петлю и вышел из нее в пике. Зная, что произойдет, Эверард еле удержался в седле. Он так и не понял, когда именно выпал Боерик; только краем глаза успел он заметить человека, камнем летящего сквозь пространство в море, и пожалел, что увидел это.

Затем патрульный позволил себе недолгий отдых, зависнув у самой поверхности воды. Сначала его пробрала дрожь: успей Боерик выстрелить... Потом он почувствовал угрызения совести. Отогнав от себя ненужные мысли, он сосредоточился на проблеме спасения Ван Саравака, поставил верньеры пространства на один фут от скамейки, где находились пленники, настроил время — одна минута после того, как они с Боериком отбыли. Правая его рука лежала на панели управления — ему предстояло действовать быстро,— а левую он оставил свободной.

Держите шапки, ребята! Поехали!

Машина возникла из воздуха, прямо перед Ван Сараваком. Эверард схватил венерианина за рубашку, притянул его к себе, внутрь пространственно-временного силового поля, в то время как правая его рука, проделав все необходимые переключения, уже нажимала главный тумблер.

От металлической поверхности скуттера отскочила пуля. Эверард успел увидеть что-то бешено кричащего Арконски. А затем — все исчезло, и они оказались на травянистом холме, спускавшемся к морю две тысячи лет назад.

Нервное напряжение взяло свое: Эверард, весь дрожа, упал головой на панель управления.

В чувство его привел крик. Он обернулся, чтобы посмотреть на Ван Саравака, распростертого на склоне холма.

Одна рука венерианина все еще обнимала талию Дейрдры.

Ветер стих, море набегало на берег широкой пенистой волной, по небу плыли высокие облака.

— Не могу сказать, что осуждаю тебя, Ван.— Эверард ходил взад и вперед возле скуттера, глядя в землю.— Но это безусловно усложняет наше положение.

— Что мне оставалось делать?— спросил венерианин с болью в голосе.— Оставить ее на растерзание негодяям или дать ей исчезнуть из жизни вместе со всем ее миром?

— Вспомни, как действует психовнушение, которому нас подвергли в Академии. Без разрешения мы не можем сказать ей правду, даже если и захотим. А я к тому же и не хочу.

Эверард взглянул на девушку. Она стояла, тяжело дыша, но в глазах ее светилась радость. Ветер трепал ее волосы и длинное тонкое платье.

Она тряхнула головой, как бы пытаясь освободиться от кошмара, подбежала к патрульным и схватила их за руки.

— Прости меня, Мэнслах,— выдохнула она.— Я должна была догадаться, что ты не предашь нас.

Она поцеловала их обоих. Ван Саравак, как и следовало ожидать, с готовностью ответил, но Эверарду не удалось себя пересилить. Он вспомнил об Иуде.

— Где мы?— продолжала она.— Похоже на Лланголен, но нет жителей. Или вы привезли меня на Счастливые острова?

Она подпрыгнула на одной ноге и принялась танцевать среди цветов.

— А можно нам отдохнуть здесь немного, прежде чем мы вернемся домой?

Эверард тяжело вздохнул.

— Боюсь, что у меня для вас дурные вести, Дейрдра,— сказал он.

Она замолчала. Он увидел, как она вся сжалась.

— Мы не можем вернуться. Это... заклинания, которые мне пришлось использовать, чтобы спасти нашу жизнь. У меня не было выбора. Но теперь из-за них мы не можем вернуться домой.

— И никакой надежды?— Он едва расслышал ее слабый голос.

— Нет,— сказал он, чувствуя резь в глазах.

Она повернулась и медленно пошла прочь.

Ван Саравак метнулся было следом, но остановился и сел рядом с Эверардом.

— Что ты сказал ей?

Эверард повторил.

— По-моему, это самый лучший компромисс,— сказал он.— Я не могу отослать ее обратно, в тот мир, который скоро перестанет существовать.

— Ты прав.

Ван Саравак некоторое время сидел молча, глядя на море. Потом спросил:

— Какой сейчас год? Примерно время Христа? Тогда мы все еще находимся позже ключевого момента.

— Да. И нам все еще предстоит выяснить, когда он был и в чем заключался.

— Надо обратиться в отделение Патруля в более ранние века. Там мы сможем получить необходимую помощь.

— Может быть.

Эверард улегся на траву и стал глядеть в небо, буквально раздавленный физической усталостью после всего, что им довелось пережить.

— Хотя я думаю, что ключевой момент мне удастся установить прямо здесь, с помощью Дейрдры. Разбуди меня, когда она вернется.

Она вернулась с сухими глазами, хотя по лицу ее было заметно, что она плакала. Когда Эверард спросил, поможет ли она ему в его деле, Дейрдра кивнула.

— Конечно. Моя жизнь принадлежит тем, кто спас ее.

После того, как мы сами втянули тебя в эту историю.

Эверард осторожно сказал:

— Я просто хочу узнать от вас кое-какие сведения. Слышали ли вы о... о том, что можно человека усыпить и во сне он будет делать все, что ему говорят?

Она неуверенно кивнула.

— Я видела, как это делали медики-друиды.

— Это не причинит вам вреда. Я только хочу, чтобы вы заснули и могли вспомнить во сне все, что когда-либо знали, даже если вам кажется, что вы это забыли. Это не займет много времени.

Она была так доверчива, что ему стало совестно... Применяя методы, изученные в Патруле, он погрузил ее в гипнотическое состояние полного раскрытия памяти и выудил из ее мозга все, что она когда-либо читала или слышала о Второй Пунической войне. Этого оказалось вполне достаточно для его целей.

В 219 году до нашей эры Ганнибал Барка, правитель карфагенской Испании, осадил Сагунт. После восьми месяцев осады он захватил его, и это вызвало задолго до того задуманную им войну с Римом. В начале мая 218 года он пересек Пиренеи с армией в 90 000 пехотинцев, 12 000 конников и 37 слонами, прошел Галлию и перевалил через Альпы. Потери его в пути были огромны: к концу года к Италии подошло только 20 000 пехотинцев и 6000 конных воинов. Тем не менее около реки Тицин он встретил и разгромил превосходящие силы противника. В течение следующего года он дал римлянам еще несколько кровопролитных, но победоносных сражений и вошел в Апулию и Кампанию.

Апулийцы, луканы, бруттии и самниты перешли на его сторону. Квинт Фабий Максим повел ожесточенную партизанскую войну, которая разорила Италию, но так ничего и не решила. Тем временем Газдрубал Барка спешно собирал в Испании новое войско и в 211 году прибыл с подкреплениями. В 210 году Ганнибал захватил и сжег Рим, а к 207 году последние города конфедерации были вынуждены сдаться ему.

— Вот оно,— сказал Эверард и погладил медноволосую головку девушки, лежавшей перед ним.— Теперь усни, спи спокойно и проснись с радостью в сердце.

— Что она тебе рассказала?— спросил Ван Саравак.

— Множество подробностей,— ответил Эверард.— Весь рассказ занял более часа. Важно одно: она прекрасно знает историю тех времен, но ни разу не упомянула о Сципионах.

— О ком?

— Публий Корнелий Сципион командовал римской армией при Тицине. В нашем мире его тоже постигла неудача — он проиграл сражение. Но

позже у него хватило ума повернуть на запад и постепенно разрушить базу Карфагена в Испании. Кончилось тем, что Ганнибал оказался полностью отрезанным от своих баз в Италии, а те небольшие подкрепления, которые ему могли послать иберийцы, уничтожались в пути. Сын Сципиона, носивший такое же имя, тоже занимал высокий пост и был тем самым человеком, который окончательно разгромил войска Ганнибала при Заме — это Сципион Африканский. Отец и сын были лучшими полководцами, которых когда-либо знал Рим. Но Дейрдра о них никогда не слышала.

— Итак...

Ван Саравак опять стал смотреть на восток через море, туда, где галлы, кимвры и парфяне опустошали античный мир.

— Что произошло с ними в здешнем времени?

— Насколько я помню, оба Сципиона в нашем мире участвовали в сражении при Тицине и чудом избежали смерти. Во время отступления, скорее бегства, сын спас жизнь отцу. Совершенно очевидно, что в *здешней* истории оба Сципиона погибли.

— Кто-то должен был их убить,— сказал Ван Саравак. В его голосе зазвучали металлические нотки.

— Какой-нибудь путешественник во времени. Все другое отпадает.

— Что ж, во всяком случае, это вероятно. Посмотрим.

Эверард отвел взгляд от лица спящей Дейрдры.

— Посмотрим.

8

На курорте в плейстоценовом периоде — они вернулись обратно через полчаса после того, как вылетели отсюда — патрульные сдали девушку на попечение пожилой доброжелательной экономке, говорившей по-гречески, и собрали своих коллег. Затем сквозь пространство-время полетели хронокапсулы с сообщениями и запросами.

Отделения до 218 года — ближайшее находилось в Александрии в периоде с 250 по 230 год — «все еще» были на месте: работало в них примерно двести агентов Патруля. Письменные связи с отделениями в будущем, как выяснилось после проверки, оказались невозможными. Обеспокоенные патрульные собрались на совещание в Академии, в олигоценовом периоде. Присутствующие свободные агенты соответствовали по званиям своим коллегам, работавшим постоянно в тех или иных отделениях, хотя между собой они не были равны в правах.

Эверард неожиданно для себя оказался председателем комитета самых высокопоставленных офицеров Патруля. Это была трудная и мучительная работа. Люди, собравшиеся здесь, подчинили себе пространство и время, они владели оружием богов, но все же оставались людьми с человеческими недостатками — упрямством, своеволием, раздражительностью.

Все согласились с тем, что происшедшее необходимо исправить. Но возникали опасения относительно судьбы тех агентов, которые, как в свое время Эверард, могли находиться сейчас в будущих эпохах, не будучи заблаговременно предупреждены о предполагаемых действиях. Если они не вернутся к тому моменту, когда история еще раз будет изменена, они просто перестанут существовать.

Эверард организовал несколько спасательных экспедиций, но сомневался, что они достигнут успеха. Он твердо приказал спасателям вернуться в течение дня по местному времени, если они сами не хотят оказаться в положении спасаемых.

Специалист по возрождению науки тоже высказал некоторые соображения. Конечно, безусловный долг всех, кто уцелел, восстановить «первоначальную» линию развития времени. Но существует и долг перед наукой. Открылись блестящие и уникальные возможности изучения новой линии времени в истории человечества. Нужно провести антропологические исследования в течение нескольких лет, прежде чем... Эверард с трудом прервал это словоизвержение. У них оставалось не так много патрульных, чтобы идти на подобный риск.

Были созданы исследовательские группы с задачей — определить точный момент и обстоятельства, при которых произошло изменение. Разгорелись яростные споры о том, как следует действовать. Эверард глядел в окно в доисторическую тьму и думал, что саблезубые тигры, в конечном счете, справляются со своими делами куда лучше, чем их обезьяноподобные потомки.

Когда все группы и команды были, наконец, назначены, расставлены по местам и отправлены, Эверард открыл бутылку виски и напился вместе с Ван Сараваком до бесчувствия.

На следующий день руководящий комитет заслушал сообщения спасателей, побывавших в различных эпохах будущего. С десяток патрульных удалось выручить из более или менее затруднительных положений; человек двадцать, видимо, придется списать со счетов. Рапорт групп, занимавшихся разведкой, был интереснее. Оказалось, что два гельветских купца присоединились к Ганнибалу в Альпах и полностью вошли к нему в доверие. После войны они заняли в Карфагенской империи высокое положение. Назвавшись Фронтос и Химилко, они практически управляли государством, организовали убийство Ганнибала и жили с небывалой роскошью. Один из патрульных видел и самих узурпаторов, и их дворцы.

— Масса предметов и усовершенствований, о которых в античные времена не могли и мечтать. Сами они показались мне нелдорианцами из 205-го тысячелетия.

Эверард кивнул. Это был век бандитов, с которыми Патрулю «уже» немало пришлось повозиться.

— Думаю, что все ясно,— сказал он.— Были они или не были с Ганнибалом до сражения при Тицине, не имеет никакого значения. Нам было бы чертовски трудно захватить их в Альпах незаметно, не наделав такого шума, из-за которого мы сами, чего доброго, можем изменить ход событий. Важно то, что, по всей видимости, именно они убили обоих Сципионов, и именно в этот момент истории нам следует вмешаться.

Англичанин из девятнадцатого века, весьма компетентный в своем деле, но напоминающий полковника Блимпа, развернул составленную им карту боя, который он наблюдал с помощью инфракрасного телескопа сквозь низкие облака.

— Римляне стояли вот здесь...

— Знаю,— сказал Эверард.— Тонкая красная линия. Критический момент наступил, когда они обратились в бегство, но и предшествующая сумятица может оказаться нам в помощь. Ну что ж, придется окружить поле, но считаю, что в самой битве должны участвовать только два агента. Эти «купцы» наверняка все время будут начеку, ожидая возможного противодействия. Отделение в Александрии может снабдить меня и Вана нужной одеждой.

— То есть как!— воскликнул англичанин.— Я полагал, что достоин чести...

— Нет. Простите.

Эверард улыбнулся краешком губ.

— Какая там честь? Просто возможность сломать себе шею ради того, чтобы уничтожить целый мир таких же людей, как мы сами.

Эверард поднялся.

— Идти надо мне,— бесстрастно сказал он.— Не могу объяснить, почему, но знаю, что идти должен именно я.

Ван Саравак кивнул.

Они оставили скуттер под защитой купы деревьев и пошли через поле боя.

За горизонтом, высоко в небе, парило около сотни скуттеров с вооруженными патрульными, но это было слабым утешением среди свиста копьев и стрел. Низкие облака стремительно мчались под напором холодного ветра, моросил мелкий дождь, в солнечной Италии наступила поздняя осень.

Пробиваясь сквозь месиво грязи и крови, Эверард чувствовал тяжесть панциря на своих плечах. На нем был шлем, поножи, римский щит на левой руке и меч у пояса, но в правой руке он держал станнер. Ван Саравак, экипированный точно так же, тащился сзади, глядя по сторонам из-под развевающегося на шлеме командирского плюмажа.

Взвыли трубы, застучали барабаны. Эти звуки почти потонули в воплях людей, топоте ног, ржании лошадей, потерявших всадников, свисте стрел. Только немногие командиры и разведчики все еще держались верхом; как это часто бывало до изобретения стремени, бой, который начинался сражением конницы, превращался в рукопашные схватки, когда всадников выбивали из седел.

Карфагеняне наступали, прорубаясь сквозь римские линии и сминая их. То в одном месте, то в другом сражение превращалось в отдельные стычки: люди проклинали противников и бросались врукопашную.

Здесь бой уже кончился. Вокруг Эверарда лежали трупы. Он поспешил за отступающей римской армией, к сверкающим вдали значкам легионов — бронзовым орлам. За шлемами и трупами он различил победно развевающееся пурпурно-красное знамя. И тогда, словно чудовища на фоне серого неба, подняв хоботы и трубя, выступили слоны.

Война всегда одинакова: это не бравада храбрецов и не аккуратные линии на картах, а крики, пот и кровь людей, мечущихся в круговерти боя.

Темнолицый худощавый карфагенянин-пращник со стоном пытался вытащить копье, застрявшее у него в животе. Но сидящий на земле рядом с ним римский крестьянин не обращал на него никакого внимания и только с недоумением рассматривал культю своей руки.

Над полем кружили вороны. Они покачивались на ветру и ждали своего часа.

— Скорей!— прошептал Эверард.— Поспеши, ради всего святого! Линия обороны может рухнуть в любую минуту.

В горле у него пересохло, он поспешно заковылял туда, где развевались знамена Республики. Ему пришло в голову, что в душе он всегда стоял за победу Ганнибала, а не Рима. Было что-то отталкивающее в его холодной и всеядной жадности. И вот он здесь, пытаясь спасти этот вечный город. Да, жизнь — странная штука.

Его немного утешало то, что Сципион Африканский был одним из немногих порядочных людей, оставшихся в живых после войны.

Стоны и крики усилились — римляне откатывались назад. Эверард увидел нечто похожее на волну, разбивавшуюся о скалы. Но здесь двигалась не волна, а скала, с громким криком и нанося удары...

Он побежал. Мимо него, крича от страха, пронесся легионер. Седоволосый римский ветеран плюнул в землю, широко расставил ноги и бился, не сходя с места, пока не упал замертво. Карфагеняне держали строй и наступали под нечеловеческий грохот барабанов.

Там, впереди! Эверард увидел группу римлян, окружившую полководцев верхом на лошадях. Они высоко поднимали бронзовых орлов, что-то громко кричали, но их невозможно было расслышать из-за шума битвы.

Мимо пробежала небольшая группа легионеров. Их начальник окликнул патрульных:

— Эй, вы, спешите туда! Мы еще покажем им, клянусь лоном Венеры!

Эверард покачал головой и продолжал свой путь. Римлянин оскалил зубы и кинулся на него.

— Ах ты, трусливый...

Луч станнера оборвал его слова. Он рухнул в грязь. Остальные легионеры дрогнули, закричали и бросились бежать. Карфагеняне были очень близко — сплошная стена щитов и мечей, с которых стекала кровь. Эверард увидел орлиный профиль одного из них, свежий шрам на щеке у другого.

Копье отскочило от его шлема. Он наклонил голову и побежал. На его пути возникла стычка. Он хотел обойти дерущихся, но споткнулся о труп и упал. На него свалился какой-то римлянин. Ван Саравак с проклятьями вытащил Эверарда и получил удар мечом по руке.

Неподалеку люди Сципиона, окруженные врагами, безуспешно пытались отразить атаку. Эверард остановился, набрал побольше воздуха в легкие и внимательно огляделся. Сквозь сетку дождя он увидел группу приближающихся римских всадников в мокро отблескивающих доспехах. Кони их по брюхо были забрызганы грязью. Это, должно быть, сын, Сципион Африканский, спешил на помощь отцу. Под копытами дрожала земля.

— Вон там!

Ван Саравак закричал и махнул рукой. Эверард пригнулся. Дождь стекал с его шлема на лицо.

С другой стороны группа карфагенян направлялась к тому месту, где дрались римляне. Во главе их гарцевали два человека, высокие, с грубыми чертами лица, характерными для нелдориан. Они были одеты в те же доспехи, что и остальные, но в руке каждый держал по длинноствольному пистолету.

— Сюда!

Эверард круто повернулся и побежал к ним. Кожа его панциря скрипела на ходу.

Карфагеняне заметили патрульных, когда те были уже совсем близко. Только тогда какой-то всадник выкрикнул предупреждение. Двое безумных римлян! Эверард видел, как воин ухмыльнулся в бороду. Один из нелдориан поднял свой бластер.

Эверард бросился плашмя на землю. На том месте, где он только что стоял, мелькнул страшный сине-белый луч огня. Он выстрелил лежа, и одна из африканских лошадей упала. Раздался лязг металла. Ван Саравак стоял на месте и методично нажимал на курок. Два, три, четыре, и вот уже один из нелдориан свалился с лошади в грязь!

Воины рубились вокруг Сципионов.

Эскорт нелдориан завопил от ужаса. Действие бластера они, очевидно, видели раньше, но невидимое оружие, которым поражали Эверард и Ван Саравак, было для них в диковинку. Они разбежались. Второй нелдориа-

нин с трудом успокоил свою лошадь и повернулся, намереваясь последовать за ними.

— Присмотри за тем, которого ты сбил, Ван,— выкрикнул Эверард.— Оттащи его с поля боя, нам придется допросить...

Он быстро вскочил на ноги и поймал пробегавшую мимо лошадь без седока. Вскочить в седло и последовать за оставшимся нелдорианином было делом одной минуты — Эверард даже не успел толком сообразить, что он делает.

Позади Публий Корнелий Сципион и его сын отбились, наконец, от карфагенян и присоединились к своей отступающей армии.

Эверард скакал сквозь хаос. Он все убыстрял бег лошади и только приветствовал, что нелдорианин тоже пришпоривает своего коня. Как только они окажутся за пределами поля боя, сверху сможет спуститься скуттер и быстро решить исход схватки.

Та же мысль, очевидно, пришла в голову и нелдорианину. Он развернул коня и прицелился. Эверард увидел вспышку и почувствовал жжение: огненный луч едва не задел его левую щеку. Эверард поставил свой станнер на широкий диапазон действия и, стреляя, помчался вперед.

Вторая молния попала его лошади прямо в грудь. Колени животного подогнулись, и Эверард вылетел из седла. Тренированное тело смягчило удар от падения — он быстро поднялся на ноги и бросился навстречу врагу. Правда, станнер Эверарда остался лежать где-то в грязи, рядом с лошадью, но искать его уже не было времени. Неважно! Если он останется жив, оружие можно будет найти потом, тем более, что станнер сделал свое дело. Широкий луч попал в цель. При таком расстоянии он не мог, конечно, сбить с ног, но нелдорианин выронил свой бластер, а лошадь едва стояла, шатаясь и закрыв глаза.

В лицо Эверарда бил дождь. Он бросился к лошади. Нелдорианин соскочил на землю и выхватил меч. В ту же минуту в воздухе сверкнул клинок Эверарда.

— Как вам будет угодно,— сказал он по-латыни.— Но один из нас останется на этом поле.

9

Луна осветила горы, и снег тускло заблестел на их вершинах. Далеко на севере лунный свет отразился от ледника. Где-то завыл волк. Кроманьонцы что-то пели в своей пещере; их напев едва слышно доносился до веранды.

Дейрдра стояла в темноте. Лунный луч высветил ее лицо, мокрое от слез. Когда Ван Саравак и Эверард подошли к ней сзади, она с удивлением посмотрела на них.

— Так скоро?— спросила она.— Но ведь вы приехали сюда и простились со мной только сегодня утром.

— Мы быстро справились,— ответил Ван Саравак, первым делом выучивший под гипноизлучателем древнегреческий.

— Я надеюсь...— она попыталась улыбнуться,— вы уже освободились и теперь сможете хорошо отдохнуть.

— Да,— сказал Эверард.— Мы освободились.

Некоторое время они стояли молча рядом, вглядываясь в снежную равнину перед ними.

— Это правда, что я никогда не смогу вернуться домой?— тихо спросила Дейрдра.

— Боюсь, что да. Заклинания...

Эверард и Ван Саравак переглянулись.

Они получили официальное разрешение сказать девушке все, что сочтут нужным, и взять ее в любое место, где она, по их мнению, сможет быстро привыкнуть к новой жизни.

Ван Саравак настаивал, что этим местом может быть только Венера его века, а Эверард слишком устал, чтобы спорить.

Дейрдра глубоко вздохнула.

— Пусть будет так,— сказала она.— Я не собираюсь тратить всю жизнь на сожаления. Ведь Великий Баал в конце концов дарует счастье моему народу. Правда?

— Уверен в этом,— сказал Эверард.

Внезапно он почувствовал, что у него больше нет сил. Он хотел только одного: поскорей добраться до постели и заснуть. Пусть Ван Саравак скажет ей то, что следует сказать, и получит свою награду.

Эверард кивнул товарищу.

— Прощай,— сказал он.— Теперь дело за тобой, Ван.

Венерианин взял девушку за руку. Эверард медленно пошел в свою комнату.

РОБЕРТ Ф. ЯНГ

У НАЧАЛА ВРЕМЕН[1]

I

Карпентер не удивился, увидев стегозавра, стоящего под высоким гинкго. Но он не поверил своим глазам, увидев, что на дереве сидят двое детей. Он знал, что со стегозавром рано или поздно повстречается, но встретить мальчишку и девчонку он никак не ожидал. Ну, скажите на милость, откуда они могли взяться в верхнемеловом периоде?

Подавшись вперед в водительском сиденье своего трицератанка с автономным питанием, он подумал — может быть, они как-то связаны с той непонятной ископаемой находкой из другого времени, ради которой он был послан в век динозавров, чтобы выяснить, в чем дело? Правда, мисс Сэнда, его главная помощница, которая устанавливала по времяскопу время и место, ни слова не сказала ему про детишек, но это еще ничего не значило. Времяскопы показывают только самые общие очертания местности — с их помощью можно еще увидеть средней величины холм, но никаких мелких подробностей не разглядишь.

Стегозавр слегка толкнул ствол гинкго своей гороподобной задней частью. Дерево судорожно дернулось, и двое детей, которые сидели на ветке, чуть не свалились прямо на зубчатый гребень, проходивший по спине чудовища. Лица у них были такие же белые, как цепочка утесов, что виднелись вдали, за разбросанными там и сям по доисторической равнине магнолиями, дубами, рощицами ив, лавров и веерных пальм.

---

[1] Печатается по изд.: Братья по разуму: Зарубежная фантастика.— М.: Мир, 1977.

Карпентер выпрямился в своем сиденье.

— Вперед, Сэм,— сказал он трицератанку.— Давай-ка ему покажем!

Покинув несколько часов назад точку входа, он до сих пор двигался не спеша, на первой передаче, чтобы не проглядеть каких-нибудь признаков, которые могли бы указать на ориентиры загадочной находки. С не поддающимися определению анахронизмами всегда так — палеонтологическое общество, где он работал, обычно гораздо точнее определяло их положение во времени, чем в пространстве. Но теперь он включил вторую передачу и навел все три рогопушки, торчавшие из лобовой части ящерохода, точно в крестцовый нервный центр нахального стегозавра. «Бах! Бах! Бах!» — прозвучали разрывы парализующих зарядов, и вся задняя половина стегозавра осела на землю. Передняя же его половина, получив от крохотного, величиной с горошину, мозга сообщение о том, что случилось нечто неладное, изогнулась назад, и маленький глаз, сидевший в голове размером с пивную кружку, заметил приближающийся трицератанк. Тут же короткие передние лапы чудовища усиленно заработали, пытаясь унести десятитонную горбатую тушу подальше от театра военных действий.

Карпентер ухмыльнулся.

— Легче, легче, толстобокий,— сказал он.— Клянусь тираннозавром, ты не успеешь опомниться, как будешь снова ковылять на всех четырех.

Остановив Сэма в десятке метров от гинкго, он посмотрел на перепуганных детей сквозь полупрозрачный лобовой колпак кабины ящерохода. Их лица стали, пожалуй, еще белее, чем раньше. Ничего удивительного — его ящероход был больше похож на трицератопса, чем многие настоящие динозавры. Карпентер откинул колпак и отшатнулся — в лицо ему ударил влажный летний зной, непривычный после кондиционированной прохлады кабины. Он встал и высунулся наружу.

— Эй вы, слезайте,— крикнул он.— Никто вас не съест!

На него уставились две пары самых широко открытых, самых голубых глаз, какие он в жизни видел. Но в них не было заметно ни малейшего проблеска понимания.

— Слезайте, говорю!— повторил он.— Бояться нечего.

Мальчик повернулся к девочке, и они быстро заговорили между собой на каком-то певучем языке — он немного напоминал китайский, но не больше, чем туманная изморось напоминает дождь. А с современным американским у этого языка было не больше общего, чем у самих детей с окружавшим их мезозойским пейзажем. Ясно было, что они ни слова не поняли из того, что сказал Карпентер. Но столь же ясно было, что они как будто бы успокоились, увидев его открытое, честное лицо или, быть может, услышав его добродушный голос. Переговорив между собой, они покинули свое воздушное убежище и спустились вниз — мальчик полез первым и в трудных местах помогал девочке. Ему можно было дать лет девять, а ей — лет одиннадцать.

Карпентер вылез из кабины, спрыгнул со стальной морды Сэма и подошел к детям, стоявшим у дерева. К этому времени стегозавр уже вновь обрел способность управлять своими задними конечностями и во всю прыть удирал прочь по равнине. Мальчик был одет в широкую блузу абрикосового цвета, сильно запачканную и помятую после лазания по дереву; его широкие брюки того же абрикосового цвета, такие же запачканные и помятые, доходили до середины худых икр, а на ногах были открытые сандалии. На девочке одежда была точно такая же, только лазурного цвета и не столь измятая и грязная. Девочка была сантиметра на два выше

мальчика, но такая же худая. Оба отличались тонкими чертами лица и волосами цвета лютика, и физиономии у обоих были до смешного серьезные. Можно было не сомневаться, что это брат и сестра.

Серьезно глядя в серые глаза Карпентера, девочка произнесла несколько певучих фраз — судя по тому, как они звучали, все они были сказаны на разных языках. Когда она умолкла, Карпентер покачал головой:

— Нет, это я ни в зуб ногой, крошка.

На всякий случай он повторил те же слова на англосаксонском, греко-эолийском, нижнекроманьонском, верхнеашельском, среднеанглийском, ирокезском и хайянопортском — обрывки этих языков и диалектов он усвоил во время разных путешествий в прошлое. Но ничего не вышло: все, что он сказал, звучало для этих детей сущей тарабарщиной.

Вдруг у девочки загорелись глаза, она сунула руку в пластиковую сумочку, висевшую у нее на поясе, и достала что-то вроде трех пар сережек. Одну пару она протянула Карпентеру, другую — мальчику, а третью оставила себе. И девочка и мальчик быстро приспособили себе сережки на мочки ушей, знаками показав Карпентеру, чтобы он сделал то же. Он повиновался и обнаружил, что маленькие диски, которые он принял было за подвески,— это на самом деле не что иное, как крохотные мембраны. Достаточно было защелкнуть миниатюрные зажимы, как мембраны оказывались прочно прижатыми к отверстию уха. Девочка критически оглядела результаты его стараний, приподнялась на цыпочки и ловко поправила диски, а потом, удовлетворенная, отступила назад.

— Теперь,— сказала она на чистейшем английском языке,— мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

Карпентер уставился на нее.

— Ну и ну! Быстро же вы научились говорить по-нашему!

— Да нет, не научились,— ответил мальчик.— Это сережки-говорешки — ну, микротранслятоpы. Когда их наденешь, то все, что мы говорим, вы слышите так, как если бы вы сами это сказали. А все, что вы говорите, мы слышим так, как это сказали бы мы.

— Я совсем забыла, что они у меня с собой,— сказала девочка.— Их всегда берут с собой в путешествие. Мы-то, правда, не совсем обычные путешественники, и их бы у меня не было, но получилось так, что когда меня похитили, я как раз шла с урока общения с иностранцами. Так вот,— продолжала она, снова серьезно заглянув в глаза Карпентеру,— я думаю, что, если вы не возражаете, лучше всего сначала покончить с формальностями. Меня зовут Марси, это мой брат Скип, и мы из Большого Марса. А теперь, любезный сэр, скажите, как вас зовут и откуда вы?

Нелегко было Карпентеру, отвечая, не выдать своего волнения. Но нужно было сохранить спокойствие: ведь то, что он собирался сказать, было, пожалуй, еще невероятнее, чем то, что только что услышал он.

— Меня зовут Говард Карпентер, и я с Земли, из 2156 года. Это 79 062 156 лет спустя.

Он показал на трицератанк.

— А это Сэм, моя машина времени. Ну, и еще кое-что сверх того. Если его подключить к внешнему источнику питания, то его возможностям практически не будет предела.

Девочка только моргнула, мальчик тоже — и все.

— Ну что ж,— через некоторое время сказала она.— Значит, мы выяснили, что вы из будущего Земли, а я — из настоящего Марса.

Она умолкла, с любопытством глядя на Карпентера.

— Вы чего-то не понимаете, мистер Карпентер?

Карпентер сделал глубокий вдох, потом выдох.

— В общем, да. Во-первых, есть такой пустяк — разница в силе тяжести на наших планетах. Здесь, на Земле, вы весите в два с лишним раза больше, чем на Марсе, и мне не совсем понятно, как это вы умудряетесь здесь так свободно двигаться, а тем более лазить вон по тому дереву.

— А, понимаю, мистер Карпентер,— ответила Марси.— Это вполне справедливое замечание. Но вы, очевидно, судите по Марсу будущего, и столь же очевидно, что он сильно отличается от Марса настоящего. Я думаю... я думаю, за 79 062 156 лет многое могло измениться. Ну, ладно. В общем, мистер Карпентер, в наше со Скипом время на Марсе примерно такая же сила тяжести, как и на этой планете. Видите ли, много веков назад наши инженеры искусственно увеличили существовавшую тогда силу тяжести, чтобы наша атмосфера больше не рассеивалась в межпланетном пространстве. И последующие поколения приспособились к увеличенной силе тяжести. Это рассеяло ваше недоумение, мистер Карпентер?

Ему пришлось сознаться, что да.

— А фамилия у вас есть?— спросил он.

— Нет, мистер Карпентер. Когда-то у марсиан были фамилии, но с введением десентиментализации этот обычай вышел из употребления. Но прежде чем мы продолжим разговор, мистер Карпентер, я хотела бы поблагодарить вас за наше спасение. Это... это было очень благородно с вашей стороны.

— К вашим услугам,— ответил Карпентер,— боюсь только, что если мы и дальше будем так здесь стоять, мне придется опять вас от кого-нибудь спасать, да и себя заодно. Давайте-ка все трое залезем к Сэму в кабину — там безопасно. Договорились?

Он первым подошел к трицератанку, вскочил на его морду и протянул руку девочке. Когда она взобралась вслед за ним, он помог ей подняться в кабину водителя.

— Там, позади сиденья, небольшая дверца.— сказал он.— За ней каюта; лезь туда и устраивайся как дома. Там есть стол, стулья и койки и еще шкаф со всякими вкусными вещами. В общем все удобства.

Но не успела Марси подойти к дверце, как откуда-то сверху раздался странный свист. Она взглянула в небо, и ее лицо покрылось мертвенной бледностью.

— Это они,— прошептала она.— Они нас уже нашли!

И тут Карпентер увидел темные крылатые силуэты птеранодонов. Их было два, и они пикировали на трицератанк подобно звену доисторических бомбардировщиков. Схватив Скипа за руку, он втащил его на морду Сэма, толкнул в кабину рядом с сестрой и приказал.

— Быстро в каюту!

Потом прыгнул в водительское сиденье и захлопнул колпак.

И как раз вовремя: первый птеранодон был уже так близко, что его правый элерон царапнул по гофрированному головному гребню Сэма, а второй своим фюзеляжем задел спину ящерохода. Две пары реактивных двигателей оставили за собой две пары выхлопных струй.

II

Карпентер так и подскочил в своем сиденье. Элероны? Фюзеляж? Реактивные двигатели?

Птеранодоны?

Он включил защитное поле ящерохода, установив его так, чтобы оно простиралось на полметра наружу от брони, потом включил первую передачу. Птеранодоны кружились высоко в небе.

— Марси,— позвал он,— подойди-ка сюда на минутку, пожалуйста.

Она наклонилась через его плечо, и ее ярко-желтые волосы защекотали ему щеку.

— Да, мистер Карпентер?

— Когда ты увидела птеранодонов, ты сказала: «Они нас уже нашли!» Что ты имела в виду?

— Это не птеранодоны, мистер Карпентер. Я, правда, не знаю, что такое птеранодоны, но это не они. Это те, кто нас похитил, на списанных военных самолетах. Может быть, эти самолеты и похожи на птеранодонов — я не знаю. Они похитили нас со Скипом из подготовительной школы Технологического канонизационного института Большого Марса и держат в ожидании выкупа. Земля — их убежище. Их трое: Роул, Фритад и Холмер. Один из них, наверное, остался на корабле.

Карпентер промолчал. Марс 2156 года представлял собой унылую, пустынную планету, где не было почти ничего, кроме камней, песка и ветра. Его население состояло из нескольких тысяч упрямых колонистов с Земли, не отступавших ни перед какими невзгодами, и нескольких сотен тысяч столь же упрямых марсиан. Первые жили в атмосферных куполах, вторые, если не считать тех немногих, кто женился или вышел замуж за одного из колонистов,— в глубоких пищерах, где еще можно было добыть кислород. Однако раскопки, которые в двадцать втором веке вело здесь Внеземное археологическое общество, действительно принесли несомненные доказательства того, что свыше семидесяти миллионов лет назад на планете существовала супертехнологическая цивилизация, подобная нынешней земной. И конечно, было естественно предположить, что такой цивилизации были доступны межпланетные полеты.

А раз так, то Земля, где в те времена завершалась мезозойская эра, должна была стать идеальным убежищем для марсианских преступников — в том числе и для похитителей детей. Такое объяснение, разумеется, могло пролить свет и на те анахронизмы, которые то и дело попадались в слоях мелового периода.

Правда, присутствие Марси и Скипа в веке динозавров можно было объяснить и иначе: они могли быть земными детьми 2156 года и попасть сюда с помощью машины времени — так же, как попал сюда он. Или, если уж на то пошло, их могли похитить и перебросить в прошлое современные бандиты. Но тогда зачем им было врать?

— Скажи мне, Марси,— начал Карпентер,— ты веришь, что я пришел из будущего?

— О конечно, мистер Карпентер. И Скип тоже, я уверена. В это немного... немного трудно поверить, но я знаю, что такой симпатичный человек, как вы, не станет говорить неправду, да еще такую неправду.

— Спасибо,— отозвался Карпентер.— А я верю, что вы — из Большого Марса, который, по-видимому, не что иное, как самая большая и могучая страна вашей планеты. Расскажи мне о вашей цивилизации.

— Это замечательная цивилизация, мистер Карпентер. Мы с каждым днем движемся вперед все быстрее и быстрее, а теперь, когда нам удалось преодолеть фактор нестабильности, наш прогресс еще ускорится.

— Фактор нестабильности?

— Да, человеческие эмоции. Много веков они мешали нам, но теперь этому положен конец. Теперь, как только мальчику исполняется тринад-

цать лет, а девочке пятнадцать, их десентиментализируют. И после этого они приобретают способность хладнокровно принимать разумные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой. Это позволяет им действовать с наибольшей возможной эффективностью. В подготовительной школе Института мы со Скипом проходим так называемый додесентиментализационный курс. Еще четыре года, и нам начнут давать специальный препарат для десентиментализации. А потом...

— Скр-р-р-р-и-и-и-и-и!..

Со страшным скрежетом один из птеранодонов прочертил наискосок по поверхности защитного поля. Его отбросило в сторону, и прежде чем он вновь обрел равновесие и взвился в небо, Карпентер увидел в кабине человека. Он успел разглядеть лишь неподвижное, ничего не выражающее лицо, но по его положению догадался, что пилот управляет самолетом, распластавшись между четырехметровыми крыльями.

Марси вся дрожала.

— Мне кажется... мне кажется, они решили нас убить, мистер Карпентер,— слабым голосом сказала она.— Они грозились это сделать, если мы попытаемся сбежать. А теперь они уже записали на пленку наши голоса с просьбой о выкупе и, наверное, сообразили, что мы им больше не нужны.

Карпентер потянулся назад и погладил ее руку, лежавшую у него на плече.

— Ничего, крошка. Ты под защитой старины Сэма, так что бояться нечего.

— А он... его, правда, так зовут?

— Точно. Достопочтенный Сэм Трицератопс. Познакомься, Сэм,— это Марси. Присматривай хорошенько за ней и за ее братом, слышишь?

Он обернулся и поглядел в широко раскрытые голубые глаза девочки.

— Говорит, будет присматривать. Готов спорить, что на Марсе ничего подобного не изобрели. Верно?

Она покачала головой — на Марсе это, по-видимому, был такой же обычный знак отрицания, как и на Земле,— и ему на мгновение показалось, что на губах у нее вот-вот появится робкая улыбка. Но ничего не произошло. Еще бы немного...

— Действительно, у нас такого нет, мистер Карпентер.

Он покосился сквозь колпак на кружащихся птеранодонов (он все еще про себя называл их птеранодонами, хотя теперь уже знал, что это такое).

— А где их межпланетный корабль, Марси? Где-нибудь поблизости?

Она ткнула пальцем влево.

— Вон там. Перейти реку, а потом болото. Мы со Скипом сбежали сегодня утром, когда Фритад заснул — он дежурил у люка. Они ужасные сони, всегда спят, когда подходит их очередь дежурить. Рано или поздно Космическая полиция Большого Марса разыщет корабль, и мы думали, что до тех пор сможем прятаться. Мы пробрались через болото и переплыли реку на бревне. Это было... это было просто ужасно — там такие большие змеи с ногами, они за нами гнались, и...

Он почувствовал плечом, что она снова вся дрожит.

— Ну вот что, крошка,— сказал он.— Лезь-ка назад в каюту и приготовь что-нибудь поесть себе и Скипу. Не знаю, чем вы привыкли питаться, но вряд ли это что-нибудь совсем непохожее на то, что есть у нас в запасе. В шкафу ты увидишь такие квадратные запаянные баночки — в них бутерброды. Наверху, в холодильнике, высокие бутылки, на них нарисован круг из маленьких звездочек — там лимонад. Открывай и то,

и другое и принимайся за дело. Кстати, раз уж ты этим займешься, сделай что-нибудь и мне — я тоже проголодался.

И снова улыбка чуть-чуть не показалась у нее на губах.

— Хорошо, мистер Карпентер. Я вам сейчас такое приготовлю!

Оставшись один в кабине, Карпентер оглядел расстилавшийся вокруг мезозойский пейзаж через переднее, боковые и хвостовые смотровые окна. Слева, на горизонте, возвышалась гряда молодых гор. Справа, вдали, тянулась цепочка утесов. В хвостовом смотровом окне были видны разбросанные по равнине рощицы ив, веерных пальм и карликовых магнолий, за которыми начинались поросшие лесом холмы — где-то там находилась его точка входа. Далеко впереди с чисто мезозойским спокойствием курились вулканы.

79 061 889 лет спустя это место станет частью штата Монтана. 79 062 156 лет спустя палеонтологическая экспедиция, которая будет вести раскопки где-то в этих местах, к тому времени изменившихся до неузнаваемости, наткнется на ископаемые останки современного человека, умершего 79 062 156 лет назад.

Может быть, это будут его собственные останки?

Карпентер усмехнулся и взглянул в небо, где все еще кружили птеранодоны. Посмотрим — может случиться и так, что это будут останки марсианина.

Он развернул трицератанк и повел его обратно.

— Поехали, Сэм,— сказал он.— Поищем-ка здесь укромное местечко, где можно отсидеться до утра. А к тому времени я, быть может, сообразу, что делать дальше. Вот уж не думал, что нам с тобой когда-нибудь придется заниматься спасением детишек!

Сэм басовито заурчал и двинулся в сторону лесистых холмов.

Когда отправляешься в прошлое, чтобы расследовать какой-нибудь анахронизм, всегда рискуешь сам оказаться его автором. Взять хотя бы классический пример с профессором Арчибальдом Куигли. Правда это или нет — никто толком не знал; но так или иначе эта история как нельзя лучше демонстрирует парадоксальность путешествия во времени.

А история гласила, что профессора Куигли, великого почитателя Колриджа, много лет мучило любопытство — кто был тот таинственный незнакомец, появившийся в 1797 году на ферме Недер Стоуи в английском графстве Сомерсетшир и помешавший Колриджу записать до конца поэму, которую он только что сочинил во сне. Гость просидел целый час, и потом Колридж так и не смог припомнить остальную часть поэмы. В результате «Кубла Хан» остался незаконченным.

Со временем любопытство, мучившее профессора Куигли, стало невыносимым, и он больше не мог оставаться в неизвестности и обратился в Бюро путешествий во времени с просьбой разрешить ему отправиться в то время и в то место, чтобы все выяснить. Просьбу его удовлетворили, и он без колебаний выложил половину своих сбережений в уплату за путешествие в то утро. Очутившись поблизости от фермы, он притаился в кустах и начал наблюдать за входной дверью. Никто не шел; наконец он, сгорая от нетерпения, сам подошел к двери и постучался. Колридж открыл дверь и пригласил профессора войти, но брошенного им злобного взгляда профессор не мог забыть до конца своих дней.

Припомнив эту историю, Карпентер усмехнулся. Впрочем, особенно смеяться по этому поводу не приходилось: то, что произошло с профессором Куигли, вполне могло случиться и с ним. Нравилось ему это или нет,

но было совершенно не исключено, что ископаемые останки, чьим происхождением он занялся по поручению Североамериканского палеонтологического общества (САПО) и с этой целью отправился в мезозойскую эру, окажутся его собственными.

Но он отогнал от себя эту мысль. Во-первых, как только придется туго, ему нужно будет всего лишь связаться со своими помощниками — мисс Сэндз и Питером Детрайтесом и они тут же явятся к нему на помощь на тераподе Эдит или на каком-нибудь другом ящероходе из арсенала САПО. А во-вторых, ему уже известно, что в меловом периоде орудуют пришельцы. Значит, он не единственный, кому грозит опасность превратиться в те самые останки. И в любом случае ломать голову над всем этим бессмысленно: ведь то, чему суждено было случиться, случилось, и тут уж ничего не поделаешь...

Скип выбрался из каюты и перегнулся через спинку водительского сиденья.

— Марси просила передать вам бутерброд и бутылку лимонада, мистер Карпентер,— сказал он, протягивая то и другое.— Можно мне посидеть с вами, сэр?

— Конечно,— ответил Карпентер и подвинулся.

Мальчик перелез через спинку и соскользнул на сиденье. И тут же сзади просунулась еще одна голова цвета лютика.

— Простите, пожалуйста, мистер Карпентер, а нельзя ли...

— Подвинься, Скип, посадим ее в середину.

Голова Сэма была шириной в добрых полтора метра, и в кабине водителя места хватало. Но само сиденье было меньше метра шириной, и двум подросткам уместиться в нем рядом с Карпентером было не так уж просто, особенно если учесть, что все трое в этот момент уплетали бутерброды и запивали их лимонадом. Карпентер чувствовал себя добрым отцом семейства, отправившимся со своими отпрысками в зоопарк.

И в какой зоопарк! Они уже углубились в лес, и вокруг поднимались дубы и лавры мелового периода; среди них в изобилии попадались ивы, сосны и гинкго, а время от времени — нелепые на вид заросли веерных пальм. В густых кустах они заметили огромное неуклюжее существо, похожее спереди на лошадь, а сзади на кенгуру. Карпентер определил, что это анатозавр. На поляне они повстречали и до полусмерти перепугали струтиомимуса, чем-то напоминавшего страуса. Анкилозавр с утыканной шипами спиной сердито уставился на них из камышей, но благоразумно решил не становиться Сэму поперек дороги. Взглянув вверх, Карпентер впервые увидел на вершине дерева археоптерикса. А подняв глаза еще выше, он заметил кружащихся в небе птеранодонов.

Он надеялся, что под покровом леса сможет от них скрыться, и с этой целью вел Сэма зигзагами. Однако они, очевидно, были оснащены детекторами массы — следовало придумать что-нибудь похитрее. Можно было попытаться сбить их заградительным огнем парализующих зарядов из рогопушки, но надежда на успех была невелика, да и вообще он тут же отказался от этой идеи. Конечно, похитители вполне заслуживают смерти, но не ему их судить. Он расправится с ними, если другого выхода не будет, но не станет это делать до тех пор, пока не разыграет все свои козырные карты.

Он повернулся к детям и увидел, что они потеряли всякий интерес к еде и с опаской поглядывают вверх. Перехватив их взгляды, он подмигнул.

— Мне кажется, самое время от них улизнуть, как вы полагаете?

— Но как, мистер Карпентер?— спросил Скип.— Они запеленговали нас своими детекторами. Счастье еще, что это простые марсиане и у них

нет самого главного марсианского оружия. Правда, у них есть распылители — это тоже что-то вроде радугометов, но, если бы у них были настоящие радугометы, нам бы всем не сдобровать.

— Отделаться от них ничего не стоит — мы можем просто перескочить немного назад во времени. Так что кончайте со своими бутербродами и не бойтесь.

Опасения детей рассеялись, и они оживились.

— Давайте перескочим назад на шесть дней,— предложила Марси.— Тогда они нас ни за что не найдут, потому что в то время нас еще здесь не было.

— Ничего не выйдет, крошка,— Сэм не потянет. Прыжки во времени требуют ужасно много энергии. Чтобы такая комбинированная машина времени, как Сэм, могла далеко прыгнуть, нужно к ее мощности добавить мощность стационарной машины. Она перебрасывает ящероход в нужную точку входа, водитель отправляется из этой точки и делает свое дело. А чтобы вернуться обратно, в свое время, у него есть только один способ: снова явиться в точку входа, связаться со стационарной машиной и к ней подключиться. Можно еще послать сигнал бедствия, чтобы кто-нибудь прибыл за ним на другом ящероходе. Собственной мощности Сэму хватит только на то, чтобы перескочить на четыре дня туда и обратно, но и от этого у него двигатель сгорит. А уж тогда никакая стационарная машина времени его не вытащит. Я думаю, нам лучше ограничиться одним часом.

Парадоксально, но факт: чем короче временной промежуток, с которым имеешь дело, тем больше приходится производить расчетов. С помощью управляющего перстня на своем указательном пальце Карпентер отдал Сэму приказ продолжить движение зигзагами, а сам взялся за блокнот и карандаш. Через некоторое время он начал задавать арифметические головоломки компактному вычислителю, встроенному в панель управления. Марси, наклонившись вперед, внимательно следила за его работой.

— Если это ускорит дело, мистер Карпентер,— сказала она,— кое-какие действия попроще, вроде тех, что вы записываете, я могу производить в уме. Например, 828 464 280 умножить на 4 692 438 921 будет 3 887 518 032 130 241 880.

— Очень может быть, крошка, но я все-таки на всякий случай проверю, ладно?

Он ввел цифры в вычислитель и нажал кнопку умножения. В окошечке загорелись цифры: 3 887 518 032 130 241 880. Карпентер чуть не выронил карандаш.

— Она же у нас гений по части математики,— пояснил Скип.— А я по части техники. Потому-то нас и похитили. Наше правительство очень высоко ценит гениев. Оно не пожалеет денег, чтобы нас выкупить.

— Правительство? Я думал, что похитители требуют выкуп с родителей, а не с правительства.

— Нет, наши родители больше не несут за нас никакой ответственности,— объяснила Марси.— По правде говоря, они, наверное, про нас давно забыли. После шести лет дети переходят в собственность государства. Видите ли, сейчас все марсианские родители десентиментализированы и ничуть не возражают против того, чтобы избавиться от ... ну в общем отдать своих детей государству.

Карпентер некоторое время смотрел на два серьезных детских лица.

— Вот оно что,— протянул он.— Ясно.

С помощью Марси он закончил расчеты и ввел окончательные цифры в передний нервный центр Сэма.

— Ну, поехали, ребятишки!— сказал он и включил рубильник временного скачка. На какое-то мгновение у них перед глазами что-то замерцало, и ящероход чуть тряхнуло. Впрочем, он даже не замедлил своего неторопливого движения — так гладко прошел скачок.

Карпентер перевел часы с 16.16 на 15.16.

— Ну-ка, ребята, взгляните наверх — есть там птеранодоны?

Они долго всматривались сквозь листву в небо.

— Ни одного, мистер Карпентер,— отозвалась Марси. Глаза ее горели восхищением.— Ни единого!

— Да, утерли вы нос нашим ученым!— восторженно заявил Скип.— Они считают себя очень умными, но им и в голову не приходило, что можно путешествовать во времени... А как далеко можно перескочить в будущее, мистер Карпентер,— я имею в виду, на настоящей машине времени?

— Если хватит энергии — хоть до конца времен, если он есть. Но путешествовать вперед из своего настоящего запрещено законом. Власти предержащие 2156 года считают — людям ни к чему раньше времени знать, что с ними будет. И тут я, в виде исключения, полагаю, что власти предержащие правы.

Он отключил автоматику, перевел Сэма на ручное управление и повернул под прямым углом к прежнему курсу. Через некоторое время они выбрались из леса на равнину. Вдали, на фоне дымчато-голубого неба, вырисовывалась белой полоской цепочка утесов, которую он заприметил еще раньше.

— Ну, а что вы скажете насчет ночевки на открытом воздухе?— спросил он.

Глаза у Скипа стали совсем круглые.

— На открытом воздухе, мистер Карпентер?

— Конечно. Разведем костер, приготовим еду, расстелим на земле одеяла — совсем на индейский манер. Может быть, даже отыщем в скалах пещеру. Как, годится?

Теперь глаза округлились у обоих.

— А что такое «на индейский манер», мистер Карпентер?— спросила Марси.

Он рассказал им про индейцев арапахо, чейенов, кроу, апачей и про буйволов, и про безбрежные прерии, и про последний бой Кестера, и про покорителей Дикого Запада, и про Сидящего Быка — и все время, пока он говорил, они не сводили с него глаз: как будто он ясное солнышко, которого они еще никогда в жизни не видали. Покончив с Диким Западом, он принялся рассказывать о гражданской войне и Аврааме Линкольне, о генерале Гранте и генерале Ли, о геттисбергском обращении, битве на реке Булл-Ран и поражении у Аппоматтокса.

Никогда еще он так много не говорил. Ему и самому это показалось странным: на него нашло что-то такое, отчего он вдруг почувствовал себя веселым и беззаботным, все ему стало нипочем, осталось только одно: вот этот день в меловом периоде, затянувшая горизонт послеполуденная дымка и двое детей с круглыми от удивления глазами, сидящие рядом с ним. Но он не стал долго об этом размышлять, а продолжал рассказывать про Декларацию независимости и американскую революцию, про Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона, про Бенджамина Франклина и Джона Адамса, и про то, как смело мечтали о светлом будущем отцы-основате-

ли и насколько лучше было бы, если бы чересчур предприимчивые люди не воспользовались их мечтой в своих корыстных целях, и как настало время, когда эта мечта все-таки более или менее сбылась, сколько бы преступлений ни было совершено ее именем.

Когда он кончил, уже наступил вечер. Прямо впереди упирались в потемневшее небо белые скалы.

У подножья скал они нашли отличную, никем не занятую пещеру, где могли с удобствами устроиться все, включая Сэма, и оставалось еще место для костра. Карпентер загнал ящероход в пещеру и поставил его к задней стенке. Потом он выдвинул защитный экран, охватив им всю пещеру, нависавший над входом обрыв и полукруглую площадку подножья. Тщательно осмотрев получившийся палисадник и убедившись, что в нем нет рептилий, если не считать нескольких мелких и неопасных ящериц, он послал детей за хворостом. А сам тем временем наладил у входа в пещеру полупрозрачное поле, которое скрывало от взгляда все, что происходит внутри.

К этому времени дети утратили свою прежнюю сдержанность, во всяком случае Скип.

— Можно я разведу костер? — кричал он, прыгая на месте.— Можно, мистер Карпентер? Можно?

— Скип!— укоризненно сказала Марси.

— Ничего, крошка,— успокоил ее Карпентер,— это можно. И ты тоже можешь помочь, если хочешь.

Маленький огонек вскоре разросся в большое пламя, окрасив стены пещеры сначала в багровый, а потом в ярко-красный цвет.

Карпентер откупорил три банки сосисок и три пакета булочек и показал своим подопечным, как нанизывают сосиски на заостренный прутик и жарят их на костре. Потом он продемонстрировал, как нужно класть поджаренную сосиску на булочку и приправлять ее горчицей, маринадом и нарезанным луком. Можно было подумать, что он настежь распахнул перед этими детьми волшебное окно в страну чудес, которая раньше им и не снилась. От их былой серьезности не осталось и следа, и в следующие полчаса они соорудили и истребили по шесть бутербродов на каждого. Скип так разбушевался, что чуть не свалился в костер, а на губах Марси расцвела, наконец, та самая улыбка, которая пробивалась весь день, и такой ослепительной оказалась она, что пламя костра по сравнению с ней поблекло.

Потом Карпентер приготовил какао в кухонном отсеке Сэма, и теперь для завершения пиршества не хватало только жареных каштанов. Он подумал: а что, если его деловая помощница уложила и этот деликатес в хвостовой отсек Сэма среди прочих запасов? Маловероятно, но он все же решил посмотреть — и, к своей великой радости, обнаружил целую коробку.

Он снова устроил небольшое представление, за которым дети следили, разинув рты. Когда первые каштаны подрумянились до золотисто-коричневого цвета, у Скипа глаза чуть не выскочили из орбит. А Марси просто стояла и глядела на Карпентера так, словно он только что сказал: «Да будет свет!», и наступил первый в мире день.

Смеясь, он вынул каштаны из огня и роздал детям.

— Скип,— возмущённо сказала Марси, когда тот засунул всю свою порцию в рот и проглотил единым махом.— Как ты себя ведешь?

Сама она ела со всем изяществом, какое предписывают правила хорошего тона.

Когда с каштанами было покончено, Карпентер вышел из пещеры

и принес три больших охапки лавровых и кизиловых веток для подстилки. Он показал детям, как разостлать их на полу пещеры и как покрыть их одеялами, которые он достал из хвостового отсека Сэма. Скипу дальнейших приглашений не потребовалось: после бурной деятельности и сытного ужина он свалился на одеяло, едва успев его расстелить. Карпентер достал еще три одеяла, накрыл одним из них Скипа и повернулся к Марси.

— Ты тоже выглядишь усталой, крошка.

— Нет, ничуть, мистер Карпентер. Ни капельки. Я же на два года старше Скипа. Он еще маленький.

Оставшиеся два одеяла он свернул в некое подобие подушек и пристроил их у огня. На одно уселся сам, на другое села Марси.

Весь вечер из-за защитного экрана то и дело доносились рев, рык и ворчание; теперь их сменили жуткие звуки — казалось, рядом громыхает гигантская асфальтодробилка. Пол пещеры дрогнул, и на стенах отчаянно заплясали отсветы костра.

— Похоже, что это тираннозавр,— сказал Карпентер.— Наверное, проголодался и решил закусить парочкой струтиомимусов.

— Тираннозавр, мистер Карпентер?

Он описал ей этого хищного ящера. Она кивнула и поежилась.

— Ну да,— сказала она.— Мы со Скипом одного такого видели. Это было после того, как мы переплыли реку. Мы... мы притаились в кустах, пока он не прошел мимо. Какие у вас, на Земле, есть ужасные создания, мистер Карпентер!

— В наше время их уже нет,— ответил Карпентер.— Теперь у нас совсем другие создания — от одного их вида тираннозавр пустился бы наутек, как перепуганный кролик. Впрочем, особенно жаловаться не приходится. Правда, наше техническое распутство обошлось нам не дешево, зато благодаря ему мы получили и кое-что полезное. Путешествия во времени, например. Или межпланетные полеты.

В этот момент асфальтодробилке, по-видимому, попался особенно неподатливый кусок асфальта, и к тому же, судя по немыслимым звукам, которыми она разразилась, внутри у нее что-то сломалось. Девочка придвинулась к Карпентеру.

— Не бойся, крошка. Здесь опасаться некого — через наше защитное поле не пробьется даже целая армия ящеров.

— А почему вы зовете меня крошкой, мистер Карпентер? У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали — видимо, ящер направился в другую сторону.

— На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошками у нас называют еще девушек, которые нам нравятся.

Наступило молчание. Потом Марси спросила:

— А у вас есть девушка, мистер Карпентер?

— Да в общем-то нет. Я бы так сказал: есть одна, но ее я, образно выражаясь, боготворю издали.

— Не похоже, чтобы вам от этого было много радости. А кто она такая?

— Моя главная помощница в Североамериканском палеонтологическом обществе, где я работаю, мисс Сэндз. Ее зовут Элейн, но я никогда не называю ее по имени. Она присматривает за тем, чтобы я ничего не забыл, когда отправляюсь в прошлое, и устанавливает перед стартом время и место по времяскопу. А потом она и еще один мой помощник, Питер Детрайтес, дежурят, готовые прийти мне на помощь, если я перешлю им банку

консервированной зайчатины. Понимаешь, это наш сигнал бедствия. Банка как раз такого размера, что ее может перебросить во времени палеонтоход. А заяц в нашем языке ассоциируется со страхом.

— А почему вы боготворите ее издали, мистер Карпентер?

— Видишь ли,— задумчиво ответил Карпентер,— мисс Сэндз — это тебе не простая девушка, она не такая, как все. Она холодна, равнодушна — как богиня, понимаешь? Впрочем, вряд ли ты можешь это понять. В общем с такой богиней просто нельзя себя вести так же, как с обыкновенными девушками. С ней надо знать свое место — боготворить ее издали и смиренно ждать, когда ей вздумается над тобой смилостивиться. Я... я до того ее боготворю, что при ней совсем робею и теряю дар речи. Может быть, потом, когда я познакомлюсь с ней поближе, дело пойдет иначе. Пока что я знаком с ней три месяца.

Он умолк. Сережки-говорешки в ушах Марси блеснули в свете костра — она повернула голову и ласково взглянула на него.

— В чем дело, мистер Карпентер? Заснули?

— Просто задумался. Если уж на то пошло, три месяца — не так уж мало. За это время вполне можно понять, полюбит когда-нибудь тебя девушка или нет. Мисс Сэндз никогда меня не полюбит — теперь я точно знаю. Она даже не взглянет на меня лишний раз без особой надобности, двух слов со мной не скажет, разве что это позарез нужно. Так что если даже я решу, что хватит боготворить ее издали, соберусь с духом и признаюсь ей в любви, она, вероятно, только рассердится и прогонит меня прочь.

— Ну, не совсем же она сумасшедшая, мистер Карпентер!— возмутилась Марси.— Не может этого быть. Как ей не стыдно?

— Нет, Марси, ты ничего не понимаешь. Разве может такой красавице понравиться никому не нужный бродяга вроде меня?

— Ничего себе бродяга, и к тому же никому не нужный! Знаете, мистер Карпентер, по-моему, вы просто не разбираетесь в женщинах. Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею — вот увидите!

— Ты романтик, Марси. В настоящей жизни так не бывает.

Он встал.

— Ну ладно, мадмуазель, не знаю, как вы, а я устал. Кончим на этом?

— Если хотите, мистер Карпентер.

Она уже спала, когда он нагнулся, чтобы укрыть ее одеялом. Некоторое время он стоял, глядя на нее. Она повернулась набок, и отсвет костра упал на коротко подстриженные ярко-желтые волосы у нее на шее, окрасив их в золотисто-красный цвет. Ему вспомнились весенние луга, усеянные лютиками, и теплое чистое солнце, возвещающее о том, что наступило росистое утро...

Взглянув, хорошо ли устроен Скип, он подошел к выходу из пещеры и выглянул наружу. Как только тираннозавр удалился, из своих укрытий показались попрятавшиеся было существа помельче. Карпентер разглядел причудливые контуры нескольких орнитопод; у рощицы веерных пальм он заметил неподвижно стоящего анкилозавра; он слышал, как по обе стороны защитного поля шныряют ящерки. С доисторических небес светила луна, чем-то чуть-чуть непохожая на ту луну, к которой он привык. Разница была в числе метеоритных кратеров: 79 062 156 лет спустя их станет куда больше.

Вскоре он обнаружил, что хотя все еще смотрит на луну, но больше ее не видит. Вместо этого у него перед глазами стоял костер, а у костра — де-

вочка и мальчик, которые с увлечением жарят каштаны. «И почему это я не женился и не завел себе детей?— вдруг подумал он.— Почему пренебрег всеми хорошенькими девушками, которые мне встречались,— и все только ради того, чтобы в тридцать два года безнадежно влюбиться в красавицу-богиню, которой совершенно безразлично, существую я на свете или нет? Откуда это я взял, что острые ощущения, которые получаешь от всяких приключений, лучше спокойного довольства жизнью, когда ты кого-то любишь и кто-то любит тебя? Почему решил, что наводить порядок в исторических и доисторических временах важнее, чем навести порядок в собственной жизни? Почему думал, что одинокая меблированная комната — это и есть крепость, достойная настоящего мужчины, а выпивки в полутемных барах с развеселыми девицами, которых наутро уже не помнишь,— это и есть подлинная свобода? И какой это я могу найти в прошлом клад, чтобы он мог сравниться с сокровищами, от которых я отказался в будущем?...»

Стало прохладно. Перед тем как улечься, он подбросил хвороста в огонь. Он долго лежал, слушая, как трещит пламя, и глядя, как играют отблески на стенах пещеры. Из доисторической тьмы на него золотыми глазками посматривала ящерка. Вдали послышался вопль орнитопода. А рядом с ним, окруженные глубокой мезозойской ночью, ровно дышали на своих постелях из веток двое детей.

В конце концов он уснул.

..

III

На следующее утро Карпентер, не теряя времени даром, собрался в путь. Марси и Скип были готовы на все, лишь бы остаться в пещере подольше, но он объяснил им, что если они будут сидеть на месте, похитители в два счета их обнаружат, и поэтому лучше нигде надолго не останавливаться. До сих пор дети прекрасно понимали все, что он говорил, так же как он понимал все, что говорили они; но на этот раз что-то не ладилось — он никак не мог добиться, чтобы до них это дошло. Очень может быть, что они попросту не хотели покидать пещеру. Так или иначе, им пришлось это сделать — после того, как в крохотной туалетной комнатке Сэма были совершены утренние омовения, а в кухонном отсеке был приготовлен плотный завтрак из яичницы с беконом. Но для того, чтобы они послушались, Карпентеру пришлось дать им понять, что командует здесь он, а не кто другой.

Никакого определенного плана действий у него пока не было. Размышляя, что делать дальше, он предоставил трицератанку самостоятельно выбирать себе дорогу по равнине — сверхчувствительной навигационной аппаратуре ящерохода это было нипочем.

В общем-то у Карпентера были только две возможности. Во-первых, он мог и дальше опекать детей и прятаться вместе с ними от похитителей, пока тем не надоест за ними гоняться или пока не подоспеет подмога в лице Космической полиции Большого Марса. Во-вторых, он мог вернуться в точку входа и дать сигнал мисс Сэндз и Питеру Детрайтесу, чтобы те перебросили трицератанк обратно, в настоящее время. Второй путь был несравненно безопаснее. Он так бы и сделал без всяких колебаний, если бы не два обстоятельства. Первое: хотя Марси и Скип, несомненно, могут приспособиться к цивилизации, столь похожей на их собственную, как цивилизация Земли двадцать второго века, они вряд ли будут чувствовать себя в этих условиях как дома. И второе. Рано или поздно они осознают ужасную истину: их собственная цивилизация, оставшаяся в далеком про-

шлом, за 79 062 156 лет бесследно исчезла, и из технологических мечтаний, которые они привыкли чтить как святыню, ровно ничего не вышло...

Был, правда, еще и третий путь — взять детей с собой в настоящее время на Землю, переждать там, пока похитители не прекратят поиски и не улетят или же пока не появится Космическая полиция, а потом вернуть их обратно в прошлое Земли. Но для этого понадобилось бы совершить не один рейс в меловой период и обратно, а такие рейсы стоят сумасшедших денег, и Карпентер заранее знал, что даже один рейс, не имеющий отношения к палеонтологии, будет САПО не по карману, не говоря уже о нескольких.

Погруженный в размышления, он вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Это был Скип — он вышел в кабину и забрался на сиденье.

— А мне можно им поуправлять, мистер Карпентер? Можно?

Карпентер оглядел равнину через переднее, боковые и хвостовое смотровые окна, потом заставил Сэма задрать голову и сквозь колпак кабины внимательно осмотрел небо. Высоко над скалистой грядой, где они были меньше часа назад, кружила черная точка. И пока он смотрел, рядом с ней появились еще две.

— Немного погодя, Скип. Сейчас, по-моему, мы тут не одни.

Скип тоже заметил в небе черные точки.

— Снова птеранодоны, мистер Карпентер?

— Боюсь, что да.

Точки, быстро увеличиваясь, превратились в крылатые силуэты с узкими, остроконечными головами. В кабину вошла Марси и тоже внимательно посмотрела на небо. На этот раз ни она, ни Скип не проявили ни малейших признаков испуга.

— Мы снова прыгнем назад, в прошлое, мистер Карпентер?— спросила Марси.

— Посмотрим, крошка,— ответил он.

Теперь птеранодоны были хорошо видны. Не было сомнения, что их интересует именно Сэм. Другое дело — решатся ли они снова на него напасть. Несмотря на то, что трицератанк был укрыт защитным полем, Карпентер все же решил на всякий случай направиться к ближайшей роще. Это была пальметтовая заросль примерно в километре от них. Он прибавил скорость и взялся за ручки управления.

— Вперед, Сэм! — сказал он, чтобы ободрить детей.— Покажем Марси и Скипу, на что ты способен!

Сэм сорвался с места словно старинный паровоз двадцатого века. Его упругие стальные ноги ритмично двигались, копыта из твердого сплава отбивали такт, с громом ударяясь о землю. Однако в скорости Сэму было не сравниться с птеранодонами, и они легко его настигли. Передний круто спикировал в сотне метров впереди, сбросил что-то вроде большого металлического яйца, и взмыл ввысь.

Металлическое яйцо оказалось не чем иным, как бомбой. Взрыв оставил такую огромную воронку, что Карпентер еле сумел ее объехать, не опрокинув ящероход. Он тут же прибавил оборотов и перешел на вторую скорость.

— Ну, этим они нас не возьмут, верно, старина?— сказал он.

— Рррррр!— заурчал в ответ Сэм.

Карпентер взглянул на небо. Теперь все птеранодоны кружились прямо у них над головой. Один, два, три — сосчитал он. Три? Вчера их было только два!

— Марси!— возбужденно сказал он.— Сколько всего, вы говорили, там похитителей?

— Трое, мистер Карпентер. Роул, Фритад и Холмер.

— Тогда они все тут. Значит, корабль никем не охраняется. Если только на нем нет экипажа.

— Нет, мистер Карпентер, экипажа нет. Они сами его вели.

Он оторвал взгляд от кружащихся вверху птеранодонов.

— А как вы думаете, ребята, смогли бы вы проникнуть внутрь?

— Запросто,— ответил Скип.— Это списанный военный авианосец со стандартными шлюзовыми камерами — всякому, кто хоть немного разбирается в технике, ничего не стоит открыть их. Поэтому мы с Марси и смогли тогда удрать. Будьте уверены, мистер Карпентер, я это сделаю.

— Хорошо,— сказал Карпентер.— Мы встретим их там, когда они вернутся.

С помощью Марси рассчитать координаты для скачка во времени было проще простого. Уже через несколько секунд Сэм был готов.

Когда они оказались в пальметтовой рощице, Карпентер включил рубильник. Снова что-то замерцало у них перед глазами. Сэма слегка тряхнуло, и дневной свет превратился в предрассветную тьму. Где-то позади, в пещере у подножья скал, стоял еще один трицератанк, а на подстилке из веток крепко спали еще один Карпентер, еще один Скип и еще одна Марси.

— А далеко назад мы сейчас перепрыгнули, мистер Карпентер?— поинтересовался Скип.

Карпентер включил фары и принялся выводить Сэма из рощицы.

— На четыре часа. Теперь у нас должно хватить времени, чтобы добраться до корабля и устроиться там до возвращения наших приятелей. Может быть, мы попадем туда еще до того, как они отправятся на поиски, если только они не разыскивают нас круглые сутки.

— А что если они найдут нас и в этом времени?— возразила Марси.— Ведь тогда мы снова попадем в такой же переплет?

— Не исключено, крошка. Но все шансы за то, что они нас не нашли. Иначе они бы не стали искать нас потом, верно?

Она с восхищением посмотрела на него.

— Знаете что, мистер Карпентер? Вы ужасно умный.

В устах девочки, которая могла в уме умножить 4 692 438 921 на 828 464 280, этот комплимент кое-чего стоил. Однако Карпентер и виду не показал, что он польщен.

— Надеюсь, ребята, что вы теперь найдете корабль?— сказал он.

— Мы уже на правильном курсе,— ответил Скип.— Я знаю, у меня врожденное чувство направления. Он замаскирован под большое дерево.

Взошло солнце — уже во второй раз в это утро. Как и вчера, размеры и внешний вид Сэма нагоняли страх на разнообразных животных мелового периода, попадавшихся им навстречу. Правда, если бы им повстречался тираннозавр, еще не известно, кто на кого нагнал бы страху. Но тираннозавра они не встретили. К восьми часам они уже были в тех местах, куда накануне попал Карпентер, покинув лесистые холмы.

— Смотрите!— вдруг воскликнула Марси.— Вот дерево, на которое мы залезли, когда удирали от того горбатого чудовища!

— Точно,— отозвался Скип.— Ну и струхнули же мы!

Карпентер усмехнулся.

— Оно, наверное, приняло вас за какое-нибудь новое растение, которого еще ни разу не пробовало. Хорошо, что я вовремя подвернулся, а то оно, пожалуй, расстроило бы себе желудок.

Сначала они уставились на него непонимающими глазами, и он подумал: слишком велика пропасть между двумя языками и двумя мирами, чтобы ее могла преодолеть эта немудреная шутка... Но он ошибся. Сначала расхохоталась Марси, а за ней и Скип.

— Ну, вы даете, мистер Карпентер!— заливалась Марси.

А Сэм тем временем двигался дальше. Местность становилась все более открытой — из крупных растений здесь попадались в основном лишь пальметтовые рощицы и кучки веерных пальм. Далеко справа над горизонтом, и без того затянутым дымкой, курились вулканы. Впереди виднелись горы, вершины которых прятались в мезозойском смоге. Воздух был такой влажный, что на колпаке кабины все время оседали капли воды и скатывались вниз, как в дождь. Вокруг кишели черепахи, ящерицы и змеи, а один раз над головами быстро пролетел настоящий птеранодон.

Наконец они добрались до реки, про которую рассказывала Марси и приближение которой уже давно предвещала все более сырая, топкая почва. Ниже по течению Карпентер впервые в жизни увидел бронтозавра.

Он показал на него детям, и они вытаращили глаза от изумления. Бронтозавр лежал посередине медленно текущей реки. Над водой виднелись только его крохотная голова, длинная шея и часть спины. Шея напоминала стройную, гибкую башню — всю картину портило только то, что она то и дело ныряла в папоротники и камыши, окаймлявшие берег. Несчастное животное было до того велико, что ему, чтобы не умереть с голоду, приходилось кормиться буквально день и ночь напролет.

Карпентер отыскал брод и повел Сэма через реку к противоположному берегу. Здесь земля казалась потверже, но это впечатление было обманчиво: навигационные приборы Сэма показывали, что трясины попадаются здесь еще чаще. («Боже правый,— подумал Карпентер.— Что если бы ребята забрели в такую трясину?») Вокруг в изобилии росли папоротники, под ногами расстилался толстый ковер из низкорослого лавра и осоки. Пальметт и веерных пальм по-прежнему было больше всего, но время от времени стали попадаться гинкго. Одно из них, настоящий гигант, возвышалось больше чем на полсотни метров над землей.

Карпентер в недоумении разглядывал это дерево.В меловой период гинкго росли обычно на высоких местах, а не в низинах. К тому же дереву таких размеров вообще нечего было делать в меловом периоде. У гинкго-гиганта были и другие странности. Прежде всего у него был слишком толстый ствол. Кроме того, нижняя часть его, примерно до шестиметровой высоты, была разделена на три самостоятельных ствола — они образовывали нечто вроде треножника, на котором покоилось дерево.

И тут Карпентер увидел, что оба его подопечных взволнованно показывают пальцами на то дерево, которое он разглядывал.

— Оно самое!— вскричал Скип.— Это и есть корабль!

— Вот оно что! Не удивительно, что я обратил на него внимание,— сказал Карпентер.— Ну, не ахти как хорошо они его замаскировали. Я даже вижу гнездо для крепления самолета.

— А они не очень старались, чтобы его не было видно с земли,— объяснила Марси.— Главное — как он выглядит сверху. Конечно, если Космическая полиция подоспеет вовремя, она рано или поздно обнаружит его своими детекторами, но по крайней мере на некоторое время такой маскировки хватит.

— Ты как будто не рассчитываешь на то, что полиция подоспеет вовремя.

— Да нет, конечно. Со временем-то они сюда доберутся, но на это понадобится не одна неделя, а может быть, и не один месяц. Их радарной разведке нужно порядочно времени, чтобы выследить путь корабля, к тому же они почти наверняка еще даже не знают, что нас похитили. До сих пор в таких случаях, когда похищали детей из Института, правительство сначала платило выкуп, а уж потом сообщало в Космическую полицию. Конечно, даже после того, как уплачен выкуп и дети возвращены, Космическая полиция все равно приступает к поискам похитителей и рано или поздно находит, где они прятались, но к тому времени их обычно и след простыл.

— Ну что ж,— сказал Карпентер,— я думаю, давно пора кому-нибудь первому их поймать. Как, по-вашему?

Спрятав Сэма в ближайшей пальметтовой рощице и выключив защитное поле, Карпентер залез под сиденье водителя и вытащил оттуда единственное портативное оружие, которым был снабжен трицератанк,— легкую, но с сильным боем винтовку, которая стреляла парализующими зарядами. Такую винтовку САПО сконструировало специально для своих служащих, чья работа была связана с путешествиями во времени. Перекинув ремень через плечо, Карпентер откинул колпак, вылез на морду Сэма и помог детям спуститься на землю. Все трое подошли к кораблю.

Скип вскарабкался на посадочную стойку, взобрался немного выше по стволу, и через какие-нибудь несколько секунд шлюзовая камера открылась. Скип спустил вниз алюминиевую лестницу.

— Все готово, мистер Карпентер.

Марси оглянулась через плечо на пальметтовую рощицу.

— А Сэм — с ним ничего не случится, как вы думаете?

— Конечно, ничего, крошка,— успокоил ее Карпентер.— Ну, полезай.

Кондиционированный воздух внутри корабля имел примерно такую же температуру, как и в кабине Сэма; освещение было холодным и тусклым. За внутренним люком шлюзовой камеры короткий коридор вел к стальной винтовой лестнице, которая шла вверх, к жилым палубам, и вниз, в машинное отделение. Карпентер взглянул на часы, которые раньше отвел на четыре часа назад,— было 8.24. Через несколько минут птеранодоны начнут атаковать Сэма, Карпентера, Марси и Скипа в «предыдущем» времени. Даже если тогда похитители сразу после этого направились к кораблю, времени еще достаточно — во всяком случае, хватит на то, чтобы послать радиограмму, а потом приготовить задуманную ловушку. Правда, радиограмму можно будет послать и тогда, когда Роул, Фритад и Холмер будут крепко заперты в своих каютах, но если что-нибудь сорвется, такая возможность может вообще не представиться, так что лучше сделать эту сразу же.

— Ну вот что, ребята,— сказал Карпентер.— Закройте шлюз и ведите меня в радиорубку.

Первую часть приказания они исполнили с большой готовностью, но выполнять вторую почему-то не спешили. В коридоре Марси остановилась. Ее примеру последовал и Скип.

— Зачем вам радиорубка, мистер Карпентер? — спросила Марси.

— Чтобы вы могли сообщить наши координаты Космической полиции и сказать им, чтобы они спешили сюда. Надеюсь, вы с этим справитесь?

Скип поглядел на Марси, Марси — на Скипа. Потом оба покачали головой.

— Погодите,— с досадой сказал Карпентер.— Ведь вы прекрасно знаете, как это делается. Почему вы делаете вид, что не умеете?

Скип уставился в пол.

— Мы... мы не хотим домой, мистер Карпентер.

Карпентер взглянул в их серьезные лица.

— Но вы должны вернуться домой! Куда же вы еще денетесь?

Они молчали, пряча от него глаза.

— В общем так,— продолжал он через некоторое время.— Если нам удастся поймать Роула, Фритада и Холмера, все прелестно. Мы продержимся здесь, пока не прибудет Космическая полиция, и сдадим их ей. Но если что-нибудь сорвется и мы их не поймаем, у нас по крайней мере оста-

нется еще один козырь — та самая радиограмма, которую вы сейчас пошлете. Теперь дальше. Я примерно представляю себе, сколько времени нужно космическому кораблю, чтобы добраться с Марса на Землю. Но я, конечно, не знаю, за сколько времени это могут сделать ваши корабли. Так что скажите-ка мне, через сколько дней Космическая полиция будет здесь, на Земле, после того как получит вашу радиограмму?

— При нынешнем расположении планет чуть больше чем через четверо суток,— сказала Марси.— Если хотите, мистер Карпентер, я могу рассчитать время с точностью до ...

— Не надо, достаточно и этого, крошка. А теперь лезь наверх, и ты тоже, Скип. Нечего терять время!

Дети нехотя повиновались. Радиорубка находилась на второй палубе. Кое-какая аппаратура показалась Карпентеру знакомой, но бóльшая часть представляла для него совершенную загадку. За огромным, от пола до потолка, иллюминатором открывался вид на доисторическую равнину. Взглянув вниз сквозь фальшивую листву, Карпентер увидел пальметтовую рощицу, где был спрятан Сэм. Он внимательно оглядел горизонт — не возвращаются ли птеранодоны. Но в небе ничего не было видно. А отвернувшись от иллюминатора, он увидел, что в рубке появился кто-то четвертый. Карпентер сбросил с плеча винтовку и почти успел вскинуть ее, когда металлическая трубка в руке этого четвертого издала резкий скрежещущий звук, и винтовка исчезла.

Не веря своим глазам, Карпентер уставился на собственные руки.

IV

Человек, появившийся в рубке, был высок и мускулист. Одет он был примерно так же, как Марси и Скип, но побогаче. На его узком лице было написано ровно столько же душевных переживаний, сколько на сушеной груше, а металлическая трубка в его руке была направлена Карпентеру точно между глаз. Не требовалось особых объяснений, чтобы понять: сдвинься Карпентер с места хоть на полшага, и с ним произойдет то же, что и с винтовкой. Впрочем, человек снизошел до того, что сообщил ему:

— Если двинешься — распылю.

— Нет, Холмер!— вскричала Марси.— Не смей его трогать! Он просто помог нам, потому что ему стало нас жалко!

— Постой, крошка, ты же как будто говорила, что их только трое?— сказал Карпентер, не сводя глаз с Холмера.

— Их на самом деле трое, мистер Карпентер. Честное слово! Наверное, третий птеранодон был беспилотный. Они нас перехитрили!

Холмер должен был бы ухмыльнуться, но он не ухмыльнулся. Он заговорил, и в его голосе должно было бы прозвучать торжество, но и этого не было.

— Мы так и думали, приятель,— ты из будущего, — сказал он.— Мы тут устроились довольно давно и знали, что ты не можешь быть из настоящего. А раз так, нетрудно было сообразить, что когда этот твой танк вчера исчез, ты прыгнул во времени или вперед, или назад, и два против одного, что назад. Мы решили рискнуть, предположили, что ты проделаешь то же еще раз, если тебя прижать к стене, и устроили для тебя небольшую ловушку. Мы рассудили, что у тебя хватит ума в нее попасть. И верно — хватило. Я не распыляю тебя прямо сейчас же только потому, что еще не вернулись Роул и Фритад. Я хочу, чтобы они сначала на тебя полюбова-

лись. А потом я тебя распылю, будь уверен. И этих обоих тоже. Нам они больше не нужны.

У Карпентера мороз пробежал по спине. В этих чисто логических рассуждениях было слишком много от самой обыкновенной мстительности. Возможно, птеранодоны чуть ли не с самого начала пытались «распылить» Марси, Скипа, Сэма и его самого, и если бы не защитное поле Сэма, несомненно, так бы и сделали. «Ну ничего,— подумалл Карпентер.— Логика — палка о двух концах, и не один ты умеешь ею пользоваться».

— А скоро вернутся твои дружки?— спросил он. Холмер ответил непонимающим взглядом. И тут Карпентер заметил, что у Холмера в ушах нет серёжек.

Карпентер повернулся к Марси:

— Скажи-ка мне, крошка, если этот корабль упадет на бок, не взорвется ли тут что-нибудь — от изменения положения, например, или от удара о землю? Ответь «да» или «нет», иначе наш приятель поймет, о чем мы говорим.

— Нет, мистер Карпентер.

— А конструкция корабля достаточно прочная? Переборки нас не раздавят?

— Нет, мистер Карпентер.

— А аппаратура в рубке? Она хорошо закреплена? Не упадет на нас?

— Нет, мистер Карпентер.

— Хорошо. Теперь постарайтесь вместе со Скипом как можно незаметнее подвинуться вон к той стальной колонне в центре. Когда корабль начнет валиться, хватайтесь за нее и держитесь изо всех сил.

— Что он тебе говорит, девчонка?— резко спросил Холмер.

Марси показала ему язык.

— Так я тебе и сказала.

Очевидно, способность принимать хладнокровно взвешенные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой, отнюдь не сопровождалась способностью соображать быстро. Только в эту минуту десентиментализированный марсианин понял, что из всех присутствующих лишь у него одного нет сережек.

Он полез в небольшую сумку, висевшую у него на поясе, достал оттуда пару сережек и начал одной рукой надевать их, продолжая держать в другой распылитель, нацеленный Карпентеру в лоб. Карпентер нащупал большим пальцем правой руки крохотные выпуклости на управляющем перстне, надетом на его указательный палец, отыскал нужные и нажал на них в нужной последовательности. Внизу, на равнине, из пальметтовой рощицы показалась тупоносая морда Сэма.

Карпентер сосредоточился и начал мысленно передавать по телепатическому каналу, который теперь соединил его мозг с крестцовым нервным центром Сэма:

— Сэм, убери рогопушки и включи защитное поле вокруг колпака кабины.

Сэм выполнил приказ.

— Теперь отступи назад, разбегись как следует, упрись в посадочную стойку справа от тебя и вышиби ее. А потом удирай во все лопатки!

Сэм выполз из рощицы, развернулся и рысью пробежал сотню метров по равнине. Потом он снова развернулся, готовясь к предстоящей атаке, и медленно двинулся вперед, а затем переключился на вторую передачу. Его топот превратился в громовые раскаты, которые проникли сквозь пе-

реборки в радиорубку. Холмер, который наконец вставил в уши сережки, вздрогнул и шагнул к иллюминатору.

К этому времени Сэм уже несся к кораблю, как таран. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что произойдет дальше.

Холмер имел не меньше семи пядей во лбу. Но иногда лишний ум не менее опасен, чем скудоумие. Так было и на этот раз. Позабыв о Карпентере, марсианин повернул рычажок справа от иллюминатора. Толстое небьющееся стекло скользнуло вбок, в стену. Марсианин высунулся наружу и направил свой распылитель вниз. В то же мгновение Сэм врезался в посадочную стойку, и Холмер пулей вылетел в раскрытый иллюминатор.

Дети уже вцепились в колонну. Сделав отчаянный прыжок, Карпентер присоединился к ним.

— Держись, ребята!— крикнул он и повис на колонне.

Сначала корабль кренился медленно, потом начал падать все быстрее. В такие моменты лесорубы обычно кричат: «Пошел!» На этот раз кричать было некому, что не помешало гинкго благополучно завершить падение. На многие километры вокруг попрятались ящерицы, зарылись в землю черепахи, застыли, разинув рот, зауроподы. «БУММММ!» Карпентера вместе с детьми оторвало от колонны, но он ухитрился обхватить их и смягчить их падение своим телом.

От удара о переборку спиной у него перехватило дыхание. И все погрузилось во тьму.

Через некоторое время у него в глазах посветлело. Он увидел лицо Марси, парящее над ним, наподобие маленькой бледной луны. Ее глаза были как осенние астры после первого заморозка.

Она расстегнула ему воротник и, плача, гладила его щеки. Он улыбнулся ей, с трудом поднялся на ноги и огляделся. В радиорубке ничего не изменилось, но выглядела она как-то странно. Потом он понял: это оттого, что он стоит не на палубе, а на переборке. К тому же он все еще был сильно оглушен.

— Я боялась, что вы умерли, мистер Карпентер!— сквозь слезы говорила Марси.

Он взъерошил ее лютиковые волосы.

— Что, здорово я тебя обманул?

Через дверь, теперь оказавшуюся в горизонтальном положении, в рубку вошел Скип, держа в руках небольшой контейнер. При виде Карпентера лицо его осветилось радостью.

— Я пошел за укрепляющим газом, но, похоже, он вам уже не понадобится. Ну и рад же я, что с вами ничего не случилось, мистер Карпентер!

— С вами, кажется, тоже?— спросил Карпентер и с облегчением услышал утвердительный ответ. Все еще немного оглушенный, он взобрался по плавно изогнутой переборке к иллюминатору и выглянул наружу. Сэма нигде не было видно. Вспомнив, что канал телепатической связи все еще включен, Карпентер приказал трицератанку вернуться, а потом вылез через иллюминатор, спустился на землю и отправился искать тело Холмера. Поиски оказались безуспешными. Карпентер решил было, что Холмер остался жив и скрылся в лесу. Но потом он наткнулся на одну из трясин, которыми изобиловала местность. При виде ее взбаламученной поверхности он содрогнулся. Ну ладно — во всяком случае, теперь он знает, чьи это останки. Вернее, чьи это были останки.

В это время показался Сэм. Он приблизился тяжелой рысью, обогнув трясину, вовремя замеченную его навигационными приборами. Карпентер похлопал ящероход по голове, на которой не осталось ни малейших следов

от недавнего столкновения с посадочной стойкой, потом выключил телепатическую связь и вернулся в корабль. Марси и Скип стояли у иллюминатора и не сводили глаз с неба. Карпентер повернулся и тоже посмотрел вверх. Над горизонтом виднелись три темных пятнышка.

Тут в голове у него окончательно прояснилось, он схватил обоих детей в охапку и помог им спуститься на землю.

— Бегите к Сэму!— крикнул он.— Скорее!

Сам он бросился вслед, но, несмотря на свои длинные ноги, не мог за ними угнаться. Они успели добежать до ящерохода и карабкались в кабину, а он не пробежал еще и полпути. Птеранодоны были уже близко — он видел на земле их тени, быстро его настигавшие. Но он не заметил под ногами небольшую черепаху, которая изо всех сил старалась убраться у него с дороги. Он споткнулся об нее и растянулся на земле.

Подняв голову, он увидел, что Марси и Скип уже захлопнули колпак Сэма. А через секунду он оцепенел от ужаса: ящероход исчез!

И вдруг на землю легла еще одна тень — такая огромная, что она поглотила птеранодонов.

Карпентер повернулся на бок и увидел космический корабль — он опускался на равнину, словно какой-то внеземной небоскреб. В то же мгновение из его верхней части вылетели три радужных луча. «ПФФФТ! ПФФФТ! ПФФФТ!» И все три птеранодона исчезли.

Небоскреб грузно приземлился, открыл люки размером с парадный подъезд и выкинул трап шириной с тротуар Пятой авеню. Из люка по трапу двинулась Подмога. Карпентер взглянул в другую сторону и увидел, что Сэм снова появился на том самом месте, где исчез. Колпак откинулся, и из кабины показались Марси и Скип в клубах голубоватого дыма. Карпентер понял, что произошло, и про себя навсегда распрощался с двадцать вторым веком.

Дети подбежали к нему в тот момент, когда командующий Подмогой выступил перед фронтом своего войска. Оно состояло из шести рослых марсиан в пурпурных тогах, с суровыми лицами и распылителями в руках. Командир был еще более рослым, в еще более пурпурной тоге, с еще более суровым лицом, а в руке у него было нечто вроде волшебной палочки, какие бывают у фей. Он окинул Карпентера недобрым взглядом, потом таким же недобрым взглядом окинул обоих детей.

Дети помогли Карпентеру подняться на ноги. Не то чтобы он физически нуждался в помощи — просто он был ошарашен стремительной сменой событий и слегка растерялся. Марси плакала.

— Мы не нарочно сломали Сэма, мистер Карпентер,— глотая слова от волнения, говорила она.— Но, чтобы спасти вам жизнь, оставалось только одно — прыгнуть назад на четыре дня, два часа, шестнадцать минут и три четверти секунды, пробраться на борт корабля похитителей и дать радиограмму Космической полиции. Иначе они не поспели бы вовремя. Я сообщила им, что вы попали в беду и чтобы у них были наготове радугометы. А потом, как раз когда мы хотели вернуться в настоящее, у Сэма сломался временной двигатель, и Скипу пришлось его чинить, а потом Сэм все равно перегорел. Простите нас, пожалуйста, мистер Карпентер! Теперь вы больше никогда не сможете вернуться в 79 062 156 год и увидеть мисс Сэнда, и...

Карпентер похлопал ее по плечу.

— Ничего, крошка. Все в порядке. Вы правильно сделали, и я вами горжусь.

Он восхищенно покрутил головой.

— Это же надо было все так точно рассчитать!

Улыбка пробилась сквозь слезы, и слезы высохли.

— Я... я же неплохо считаю, мистер Карпентер.

— А рубильник включил я!— вмешался Скип.— И временной двигатель починил тоже я, когда он сломался!

Карпентер усмехнулся.

— Знаю, Скип. Вы оба просто молодцы.

Он повернулся к рослому марсианину с волшебной палочкой в руках и заметил, что тот уже вдел в уши сережки.

— Я полагаю, что столь же обязан вам, как и Марси со Скипом,— сказал Карпентер.— И я весьма признателен. А теперь мне, боюсь, придется просить вас еще об одном одолжении — взять меня с собой на Марс. Мой ящероход перегорел, и отремонтировать его могут только специалисты, да и то лишь в сверхсовременной мастерской со всеми приспособлениями. Из этого следует, что я лишен всякой возможности связаться с временем, из которого сюда прибыл, или в него вернуться.

— Мое имя Гаутор,— сказал рослый марсианин и повернулся к Марси.— Изложи мне со всей краткостью, на какую ты способна, все, что произошло — начиная с твоего прибытия на эту планету и до настоящего момента.

Марси повиновалась.

— Так что вы видите, сэр,— закончила она,— помогая Скипу и мне, мистер Карпентер оказался в очень тяжелом положении. Вернуться в свое время он не может, выжить в этом времени — тоже. Мы просто вынуждены взять его с собой на Марс, и все.

Гаутор ничего не ответил. Он небрежным жестом поднял свою волшебную палочку, направил ее на лежащий корабль похитителей и повернул рукоятку. Палочка загорелась яркими зелеными и синими огнями. Через несколько секунд из небоскреба вылетел радужный сноп огня, упал на корабль похитителей, и с кораблем произошло то же, что и с тремя птеранодонами. Гаутор повернулся к своим людям.

— Проводите детей на борт полицейского крейсера и обеспечьте им должный уход.

Потом он повернулся к Карпентеру.

— Правительство Большого Марса выражает вам признательность за оказанную услугу — спасение двух его будущих бесценных граждан. Я благодарю вас от его имени. А теперь, мистер Карпентер, прощайте.

Гаутор отвернулся. Марси и Скип бросились к нему.

— Вы не можете его здесь оставить!— вскричала Марси.— Он погибнет!

Гаутор дал знак двоим марсианам, к которым только что обращался. Они прыгнули вперед, схватили детей и поволокли их к кораблю-небоскребу.

— Погодите,— вмешался Карпентер, несколько озадаченный новым поворотом событий, но не потерявший присутствия духа.— Я не умоляю о спасении моей жизни, но если вы примете меня в свое общество, я могу принести вам кое-какую пользу. Я могу, например, научить вас путешествовать во времени. Могу...

— Мистер Карпентер, если бы мы хотели путешествовать во времени, мы бы давным-давно этому научились. Путешествие во времени — заня-

тие для глупцов. Прошлое уже случилось, и изменить его нельзя. Так стоит ли пытаться? Что же касается будущего — нужно быть идиотом, чтобы стремиться узнать, что будет завтра.

— Ну ладно,— сказал Карпентер,— тогда я не буду изобретать путешествие во времени, буду держать язык за зубами, жить тихо-спокойно и стану примерным гражданином.

— Не станете, мистер Карпентер, и вы сами это прекрасно знаете. Для этого вас нужно десентиментализировать. А по выражению вашего лица я могу сказать, что вы никогда добровольно на это не согласитесь. Вы скорее останетесь здесь, в вашем доисторическом прошлом, и здесь погибнете.

— Раз уж на то пошло, пожалуй, я так и сделаю,— ответил Карпентер.— Даже тираннозавр в сравнении с вами — просто филантроп, а уж все остальные динозавры, и ящеротазовые, и птицетазовые не в пример человечнее. Но, мне кажется, есть одна простая вещь, которую вы могли бы для меня сделать без особого ущерба для своего десентиментализированного душевного спокойствия. Вы могли бы дать мне какое-нибудь оружие взамен того, что уничтожил Холмер.

Гаутор покачал головой.

— Как раз этого я и не могу сделать, мистер Карпентер, потому что оружие легко может быть обнаружено вместе с вашими останками, и тем самым на меня ляжет ответственность за анахронизм. Один такой анахронизм уже отчасти на моей совести — труп Холмера, который мы не можем извлечь. Я не хочу рисковать и брать на себя новую ответственность. Как вы думаете, почему я уничтожил корабль похитителей?

— Мистер Карпентер!— крикнул Скип с трапа, по которому его с сестрой волокли двое марсиан.— Может быть, Сэм не совсем перегорел? Может быть, у него еще хватит сил хотя бы послать назад банку зайчатины?

— Боюсь, что нет, Скип,— крикнул в ответ Карпентер.— Но ничего страшного, ребята. Не беспокойтесь за меня — я перебьюсь. Животные всегда меня любили, а ведь ящеры — тоже животные. Может быть, и они меня полюбят?

— О, мистер Карпентер,— прокричала Марси,— мне ужасно жаль, что все так вышло. Почему вы не взяли нас с собой в ваш 79 062 156 год? Мы все время этого хотели, только боялись сказать.

— Да, надо бы мне так сделать, крошка, надо бы...

В глазах у него все вдруг расплылось, и он отвернулся. Когда же он снова взглянул в ту сторону, двое марсиан уводили Марси и Скипа в шлюзовую камеру. Он помахал рукой.

— Прощайте, ребята!— крикнул он.— Я никогда вас не забуду!

Марси сделала последнюю отчаянную попытку вырваться. Еще немного — и это бы ей удалось. В ее глазах, похожих на осенние астры, утренней росой блестели слезы.

— Я люблю вас, мистер Карпентер!— успела она прокричать перед тем, как скрылась из виду.— Я буду любить вас всю жизнь!

Двумя ловкими движениями Гаутор вырвал сережки из ушей Карпентера, потом вместе с остальными марсианами поднялся по трапу и вошел в корабль. «Вот тебе и Подмога»,— подумал Карпентер. Парадный подъезд захлопнулся. Небоскреб дрогнул, величественно поднялся в воздух и некоторое время парил над Землей. Наконец, отбросив слепящий поток света, он устремился в небо, взвился к зениту и превратился в звездочку. Это не была падающая звезда — и все-таки Карпентер загадал желание.

— Желаю вам обоим счастья,— сказал он.— И желаю, чтобы они не

смогли отнять у вас сердце, потому что уж очень хорошие у вас сердца.

Звездочка поблекла, замерцала и исчезла. Он остался один на обширной равнине.

Земля дрогнула. Повернувшись, он увидел, что справа, рядом с тремя веерными пальмами, движется что-то большое и темное. Через мгновение он различил гигантскую голову и массивное, прямостоящее туловище. Два ряда саблевидных зубов сверкнули на солнце, и он невольно сделал шаг назад.

Это был тираннозавр.

V

Ящероход, даже если он сломан,— все же лучше, чем ничего. И Карпентер помчался к Сэму. Забравшись в кабину и захлопнув колпак, он смотрел, как приближается тираннозавр. Было ясно, что хищник заметил Карпентера и теперь направляется прямо к Сэму. Защитное поле кабины было выключено Марси со Скипом, и Карпентер представлял собой довольно-таки легкую добычу. Однако он не спешил убраться в каюту, потому что Марси и Скип оставили выдвинутыми рогопушки. Навести их теперь было невозможно, но стрелять они все еще могли. Если бы тираннозавр подошел на нужное расстояние, то его, может быть, удалось бы на некоторое время вывести из строя парализующими зарядами. Правда, пока что тираннозавр приближался под прямым углом к направлению, куда смотрели рогопушки, но все еще оставалась надежда на то, что прежде чем напасть, он окажется перед ними, и Карпентер решил выждать.

Он низко пригнулся на сиденье, готовый нажать на спуск. Кондиционер не работал, и в кабине было жарко и душно. К тому же в воздухе стоял едкий запах горелой изоляции. Карпентер заставил себя не обращать на это внимание и сосредоточился.

Тираннозавр был уже так близко, что можно было разглядеть его атрофированные передние ноги. Они свисали с узких плеч чудовища, словно высохшие лапки какого-то другого существа, раз в десять меньшего. Над ними, в добрых семи метрах от земли, на шее толщиной со ствол дерева возвышалась гигантская голова: под ними уродливый торс, расширяясь книзу, переходил в задние ноги. Мощный хвост волочился позади, и треск ломающихся под его тяжестью кустов сопровождал громовые удары, которые раздавались всякий раз, когда на землю ступала огромная лапа с птичьим когтем на конце. Карпентер должен был бы оцепенеть от ужаса — он никак не мог понять, почему ему не страшно.

В нескольких метрах от трицератанка тираннозавр остановился, и его приоткрытая пасть разинулась еще шире. Полуметровые зубы, торчавшие из челюстей, могли сокрушить лобовой колпак Сэма как бумажный, и, по всей видимости, именно это чудовище и собиралось вот-вот сделать. Карпентер приготовился поспешно ретироваться в каюту, но в самый страшный момент тираннозавру как будто не понравилось выбранное им направление атаки, и он начал приближаться к ящероходу спереди, предоставляя Карпентеру долгожданную возможность. Его пальцы легли на первую из трех спусковых кнопок, но не нажали ее. «Почему же все-таки мне совсем не страшно?» — пронеслось в его голове.

Он взглянул сквозь колпак на чудовищную голову. Огромные челюсти продолжали раскрываться все шире. Вот уже вся верхняя часть черепа поднялась вертикально. Карпентер не поверил своим глазам — над нижним рядом зубов показалась еще одна голова, на этот раз отнюдь не чудовищная, и посмотрела на него ясными голубыми глазами.

— Мисс Сэнда!— выдохнул он и чуть не свалился с водительского сиденья.

Придя в себя, он откинул колпак, вышел на тупоносую морду Сэма и любовно похлопал тираннозавра по брюху.

— Эдит!— сказал он ласково.— Эдит, милочка, это ты!

— Вы целы, мистер Карпентер?— крикнула сверху мисс Сэнда.

— Вполне,— ответил Карпентер.— Ну и рад же я вас видеть, мисс Сэнда!

Рядом с ее головкой показалась еще одна — знакомая каштановая голова Питера Детрайтеса.

— А меня вы тоже рады видеть, мистер Карпентер?

— Еще бы, Пит, приятель!

Мисс Сэнда выдвинула из нижней губы Эдит трап, и оба спустились вниз. Питер Детрайтес тащил за собой буксирный трос, который тут же принялся прицеплять к морде Сэма и к хвосту Эдит. Карпентер помогал ему.

— А откуда вы узнали, что мне пришлось туго?— спросил он.— Ведь я ничего не посылал.

— Сердце подсказало,— ответил Питер Детрайтес и повернулся к мисс Сэнда.— Ну, у нас все, Сэнди.

— Что ж, тогда поехали,— откликнулась мисс Сэнда. Она взглянула на Карпентера и быстро опустила глаза.— Если, конечно, вы уже покончили со своим заданием, мистер Карпентер.

Теперь, когда первое радостное возбуждение схлынуло, он почувствовал, что снова, как и прежде, совсем теряется в ее присутствии.

— Покончил, мисс Сэнда,— сказал он, обращаясь к левому карману ее куртки.— И вы не поверите, как все обернулось!

— Ну, не знаю. Бывает, самые невероятные вещи на поверку оказываются самыми правдоподобными. Я приготовлю вам что-нибудь поесть, мистер Карпентер.

Она легко поднялась по лестнице. Карпентер последовал за ней, а за ним — Питер Детрайтес.

— Я сяду за руль, мистер Карпентер,— сказал он.— Похоже, что вы порядком измотаны.

— Так оно и есть,— признался Карпентер.

Спустившись в каюту Эдит, он рухнул на койку. Мисс Сэнда зашла в кухонный отсек, поставила воду для кофе и достала из холодильника ветчину. Питер Детрайтес, оставшийся наверху, в кабине, захлопнул колпак, и Эдит тронулась.

Питер был прекрасным водителем и готов был сидеть за рулем день и ночь. И не только сидеть за рулем — он мог бы с закрытыми глазами разобрать и собрать любой ящероход. «Странно, почему они с мисс Сэнда не влюбились друг в друга?— подумал Карпентер.— Они оба такие милые, что им давно следовало бы это сделать». Конечно, Карпентер был рад, что этого не произошло, хотя ему-то от этого было не легче.

А почему они ни слова не сказали о корабле Космической полиции? Ведь не могли же они не видеть, как он взлетает...

Эдит не спеша двигалась по равнине в сторону холмов. Через иллюминатор было видно, как за ней ковыляет Сэм. В кухоньке мисс Сэнда резала ветчину. Карпентер засмотрелся на нее, пытаясь отогнать печаль, навеянную расставанием с Марси и Скипом. Его взгляд остановился на ее строй-

ных ногах, тонкой талии, поднялся выше, к медно-красным волосам, задержавшись на мгновение на шелковистом пушке, который покрывал ее шею под короткой стрижкой. Странно, что с возрастом волосы всегда темнеют...

Карпентер неподвижно лежал на койке.

— Мисс Сэндз,— сказал он вдруг.— Сколько будет 499 999 991 умножить на 8 003 432 111?

— 400 171 598 369 111 001.

Мисс Сэндз вдруг вздрогнула. А потом продолжала резать ветчину.

Карпентер медленно сел и спустил ноги на пол. У него сжалось сердце и перехватило дыхание.

Возьмите двух одиноких детишек. Один из них — гений по части математики, другой — по части техники. Двое одиноких детишек, которые за всю свою жизнь не знали, что такое быть любимыми. Перевезите их на другую планету и посадите в ящероход, который при всех своих достоинствах — всего лишь чудесная огромная игрушка. Устройте для них импровизированный пикник в меловом периоде и приласкайте их впервые в жизни. А потом отнимите у них все это и в то же время оставьте им сильнейший стимул к возвращению — необходимость спасти человека. И при этом сделайте так, чтобы,спасая его жизнь, они могли — в ином, но не менее реальном смысле слова — спасти свою.

Но 79 062 156 лет! 75 000 000 километров! Это невозможно!

А почему?

Они могли тайком построить машину времени в своей подготовительной школе, делая вид, что готовятся к десентиментализации; потом, как раз перед тем, как начать принимать десентиментализирующий препарат, они могли войти в машину и совершить скачок в далекое будущее.

Правда, такой скачок должен был бы потребовать огромного количества энергии. Правда, картина, которую они увидели бы на Марсе, прибыв в будущее, не могла не потрясти их до глубины души. Но это были предприимчивые дети — достаточно предприимчивые, чтобы использовать любой значительный источник энергии, оказавшийся под рукой, и чтобы выжить при нынешнем климате и в нынешней атмосфере Марса до тех пор, пока не отыщут одну из марсианских пещер с кислородом. А там о них должны были бы позаботиться марсиане, которые научили бы их всему, что нужно, чтобы они смогли сойти за уроженцев Земли в одном из куполов-колоний. Что же касается колонистов, то те вряд ли стали бы задавать лишние вопросы, потому что были бы счастливы увеличить свою скудную численность еще на двух человек. Дальше детям оставалось бы только терпеливо ждать, пока они вырастут и смогут заработать на поездку на Землю. А там им оставалось бы только получить нужное образование и стать палеонтологами.

Конечно, на все это понадобилось бы много лет. Но они должны были предвидеть это и рассчитать свой прыжок во времени так, чтобы прибыть заранее и к 2156 году все успеть. И этого запаса времени только-только хватило: мисс Сэндз работает в САПО всего три месяца, а Питер Детрайтес устроился туда месяцем позже. По ее рекомендации, разумеется.

Они просто шли кружным путем, вот и все. Сначала 75 000 000 километров до Марса в прошлом; потом 79 062 100 лет до нынешнего Марса; снова 75 000 000 километров до нынешней Земли — и наконец, 79 062 156 лет в прошлое Земли.

Карпентер сидел на койке, пытаясь собраться с мыслями.

Знали ли они, что это они будут мисс Сэндз и Питер Детрайтес?— подумал он. Наверное, знали — во всяком случае, именно на это они рассчитывали, потому и взяли себе такие имена, когда присоединились к колонистам. Получается парадокс, но не очень страшный, так что и беспокоиться об этом нечего. Во всяком случае, новые имена им вполне подошли.

Но почему они вели себя так, как будто с ним незнакомы?

Так ведь они и были незнакомы, разве нет? А если бы они рассказали ему всю правду, разве он бы им поверил?

Конечно, нет.

Впрочем, все это ничуть не объясняло, почему мисс Сэндз так его не любит.

А может быть, дело совсем не в этом? Может быть, она так держится с ним потому же, почему и он так с ней держится? Может быть, и она так же боготворит его, как он ее, и так же теряется при нем, как и он — при ней? Может быть, она старается по возможности на него не смотреть, потому что боится выдать свои чувства, пока он не узнает, кто она такая?

Все расплылось у него перед глазами.

Каюту заполнял ровный гул моторов Эдит. И довольно долго ничто больше не нарушало тишины.

— В чем дело, мистер Карпентер? — неожиданно сказала мисс Сэндз.— Заснули?

И тогда он встал. Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы, она смотрела на него с нежностью и обожанием — точно так же, как смотрела прошлой ночью, 79 062 156 лет назад, у мезозойского костра в верхнемеловой пещере. «Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею — вот увидите!»

— Я люблю тебя, крошка,— сказал Карпентер.

И она бросилась ему на шею.

ЛЬЮИС ПЭДЖЕТТ

«ВСЕ ТЁНАЛИ БОРОГОВЫ́»[1]...

Нет смысла описывать ни Унтахорстена, ни его местонахождение, потому что, во-первых, с 1942 года нашей эры прошло немало миллионов лет, а во-вторых, если говорить точно, Унтахорстен был не на Земле. Он занимался тем, что у нас называется экспериментированием, в месте, которое мы бы назвали лабораторией. Он собирался испытать свою машину времени.

Уже подключив энергию, Унтахорстен вдруг вспомнил, что Коробка пуста. А это никуда не годилось. Для эксперимента нужен был контрольный предмет — твердый и объемный, в трех измерениях, чтобы он мог вступить во взаимодействие с условиями другого века. В противном случае, по возвращении машины Унтахорстен не смог бы определить, где она побывала. Твердый же предмет в Коробке будет подвергаться энтропии

[1] Печатается по изд.: И грянул гром...: Антология американского фантастического рассказа.— М.: Молодая гвардия, 1976.

и бомбардировке космических лучей другой эры, и Унтахорстен сможет по возвращении машины замерить изменения как качественные, так и количественные. Затем в работу включатся Вычислители и определят, где Коробка побывала в 1 000 000 году Новой эры, или в 1000 году, или, может быть, в 0001 году.

Не то чтобы это было кому-нибудь интересно, кроме самого Унтахорстена. Но он во многом был просто ребячлив.

Времени оставалось совсем мало. Коробка уже засветилась и начала содрогаться. Унтахорстен торопливо огляделся и направился в соседнее помещение. Там он сунул руку в контейнер, где хранилась всякая ерунда, и вынул охапку каких-то странных предметов. Ага, старые игрушки сына Сновена. Мальчик захватил их с собой, когда, овладев необходимой техникой, покидал Землю. Ну, Сновену этот мусор больше не нужен. Он перешел в новое состояние и детские забавы убрал подальше. Кроме того, хотя жена Унтахорстена и хранила игрушки из сентиментальных соображений, эксперимент был важнее.

Унтахорстен вернулся в лабораторию, швырнул игрушки в Коробку и захлопнул крышку. Почти в тот же момент вспыхнул контрольный сигнал. Коробка исчезла. Вспышка при этом была такая, что глазам стало больно.

Унтахорстен ждал. Он ждал долго.

В конце концов он махнул рукой и построил новую машину, но результат получился точно такой же. Поскольку ни Сновен, ни его мать не огорчились пропажей первой порции игрушек, Унтахорстен опустошил контейнер и остатки детских сувениров использовал для второй Коробки.

По его подсчетам, эта Коробка должна была попасть на Землю во второй половине XIX века Новой эры. Если это и произошло, то Коробка осталась там.

Раздосадованный, Унтахорстен решил больше не строить машин времени. Но зло уже свершилось. Их было две, и первая...

Скотт Парадин нашел ее, когда прогуливал уроки.

К полудню он проголодался, и крепкие ноги принесли его к ближайшей лавке. Там он пустил в дело свои скудные сокровища, экономно и с благородным презрением к собственному аппетиту. Затем отправился к ручью поесть.

Покончив с сыром, шоколадом и печеньем и опустошив бутылку содовой, Скотт наловил головастиков и принялся изучать их с некоторой долей научного интереса. Но ему не удалось углубиться в исследования. Что-то тяжелое скатилось с берега и плюхнулось в грязь у самой воды, и Скотт, осторожно осмотревшись, заторопился поглядеть, что это такое.

Это была Коробка. Та самая Коробка. Хитроумные приспособления на ее поверхности Скотту ни о чем не говорили, хотя, впрочем, его удивило, что вся она оплавлена и обуглена. Высунув кончик языка из-за щеки, он потыкал Коробку перочинным ножом — хм! Вокруг никого, откуда же она появилась? Наверно, ее кто-нибудь здесь оставил, из-за оползня она съехала с того места, где прежде лежала.

— Это спираль,— решил Скотт, и решил неправильно. Эта штука была спиралевидная, но она не была спиралью из-за пространственного искривления.

Но ни один мальчишка не оставит Коробку запертой, разве что его оттащить насильно. Скотт ковырнул поглубже. Странные углы у этой штуки. Может, здесь было короткое замыкание, поэтому?— Фу-ты!— Нож соскользнул. Скоттт пососал палец и длинно, умело выругался.

Может, это музыкальная шкатулка?

Скотт напрасно огорчался. Эта штука вызвала бы головную боль у Эйнштейна и довела бы до безумия Штайнмеца. Все дело было, разумеется, в том, что Коробка еще не совсем вошла в тот пространственно-временной континуум, в котором существовал Скотт, и поэтому открыть ее было невозможно. Во всяком случае, до тех пор, пока Скотт не пустил в ход подходящий камень и не выбил эту спиралевидную неспираль в более удобную позицию.

Фактически он вышиб ее из контакта с четвертым измерением, высвободив пространственно-временной момент кручения. Раздался резкий щелчок, Коробка слегка содрогнулась и лежала теперь неподвижно, существуя уже полностью. Теперь Скотт открыл ее без труда.

Первое, что попалось ему на глаза, был мягкий вязаный шлем, но Скотт отбросил его без особого интереса. Ведь это была всего-навсего шапка. Затем он поднял прозрачный стеклянный кубик, такой маленький, что он уместился на ладони — слишком маленький, чтобы вмещать какой-то сложный аппарат. Моментально Скотт разобрался, в чем дело. Стекло было увеличительным. Оно сильно увеличивало то, что было в кубике. А там было нечто странное. Например, крохотные человечки...

Они двигались. Как автоматы, только более плавно. Как будто смотришь спектакль. Скотта заинтересовали их костюмы, а еще больше то, что они делали. Крошечные человечки ловко строили дом. Скотту подумалось, хорошо бы дом загорелся, он бы посмотрел, как тушат пожар.

Недостроенное сооружение вдруг охватили языки пламени. Человечки с помощью множества каких-то сложных приборов ликвидировали огонь.

Скотт очень быстро понял, в чем дело. Но его это слегка озадачило. Эти куклы слушались его мыслей! Когда он сообразил это, то испугался и отшвырнул кубик подальше. Он стал было взбираться вверх по берегу, но передумал и вернулся. Кубик лежал наполовину в воде и сверкал на солнце. Это была игрушка. Скотт чувствовал это безошибочным инстинктом ребенка. Но он не сразу поднял кубик. Вместо этого он вернулся к коробке и стал исследовать то, что там оставалось.

Он спрятал находку в своей комнате наверху, в самом дальнем углу шкафа. Стеклянный кубик засунул в карман, который уже и так оттопыривался,— там был шнурок, моток проволоки, два пенса, пачка фольги, грязная марка и обломок полевого шпата. Вошла вперевалку двухлетняя сестра Скотта, Эмма, и сказала: «Привет!»

— Привет, пузырь,— кивнул Скотт с высоты своих семи лет и нескольких месяцев. Он относился к Эмме крайне покровительственно, но она принимала это как должное. Маленькая, пухленькая, большеглазая, она плюхнулась на ковер и меланхолически уставилась на свои башмачки.

— Завяжи, Скотти, а?

— Балда,— сказал Скотт добродушно, но завязал шнурки.— Обед скоро?

Эмма кивнула.

— А ну-ка покажи руки.— Как ни странно, они были вполне чистые, хотя, конечно, не стерильные. Скотт задумчиво поглядел на свои собственные ладони и, гримасничая, отправился в ванную, где совершил беглый туалет, так как головастики оставили следы.

Наверху в гостиной Деннис Парадин и его жена Джейн пили предобеденный коктейль. Деннис был среднего роста, волосы чуть тронуты сединой, но моложавый, тонкое лицо, с поджатыми губами. Он преподавал философию в университете. Джейн — маленькая, аккуратная, темноволосая и очень хорошенькая. Она отпила мартини и сказала:

— Новые туфли. Как тебе?

— Да здравствует преступность!— пробормотал Парадин рассеянно.— Что? Туфли? Не сейчас. Дай закончить коктейль. У меня был тяжелый день.

— Экзамены?

— Ага. Пламенная юность, жаждущая обрести зрелость. Пусть они все провалятся. Подальше, в ад. Аминь!

— Я хочу маслину,— сказала Джейн.

— Знаю,— сказал Парадин уныло.— Я уж и не помню, когда сам ее ел. Я имею в виду, в мартини. Даже если я кладу в твой стакан полдюжины, тебе все равно мало.

— Мне нужна твоя. Кровные узы. Символ. Поэтому.

Парадин мрачно взглянул на нее и скрестил длинные ноги:

— Ты говоришь, как мои студенты.

— Честно говоря, не вижу смысла учить этих мартышек философии. Они уже не в том возрасте. У них уже сформировались и привычки, и образ мышления. Они ужасно консервативны, хотя, конечно, ни за что в этом не признаются. Философию могут постичь совсем зрелые люди либо младенцы вроде Эммы и Скотта.

— Ну, Скотти к себе в студенты не вербуй,— попросила Джейн,— он еще не созрел для доктора философии. Мне вундеркинды ни к чему, особенно если это мой собственный сын. Дай свою маслину.

— Уж Скотти-то, наверно, справился бы лучше, чем Бетти Доусон,— проворчал Парадин.

— И он угас пятилетним стариком, выжив из ума,— продекламировала Джейн торжественно,— дай свою маслину.

— На. Кстати, туфли мне нравятся.

— Спасибо. А вот и Розали. Обедать?

— Все готово, мисс Парадин,— сказала Розали, появляясь на пороге.— Я позову мисс Эмму и мистера Скотти.

— Я сам.— Парадин высунул голову в соседнюю комнату и закричал:

— Дети! Сюда, обедать!

Вниз по лестнице зашлепали маленькие ноги. Показался Скотт, приглаженный и сияющий, с торчащим вверх непокорным вихром. За ним Эмма, которая осторожно передвигалась по ступенькам. На полпути ей надоело спускаться прямо, она села и продолжала путь по-обезьяньи, усердно пересчитывая ступеньки маленьким задиком. Парадин, зачарованный этой сценой, смотрел не отрываясь, как вдруг почувствовал сильный толчок. Это налетел на него сын.

— Здорово, папка!— завопил Скотт.

Парадин выпрямился и взглянул на сына с достоинством.

— Сам здорово. Помоги мне подойти к столу. Ты мне вывихнул минимум одно бедро.

Но Скотт уже ворвался в соседнюю комнату, где в порыве эмоций наступил на туфли, пробормотал извинение и кинулся к своему месту за столом. Парадин, идя за ним с Эммой, крепко уцепившейся короткой пухлой ручкой за его палец, поднял бровь.

— Интересно, что у этого шалопая на уме?

— Наверно, ничего хорошего,— вздохнула Джейн.— Здравствуй, милый. Ну-ка, посмотрим твои уши.

Обед проходил спокойно, пока Парадин не взглянул случайно на тарелку Скотта.

— Привет, это еще что? Болен? Или за завтраком объелся?

Скотт задумчиво посмотрел на стоящую перед ним еду.

— Я уже съел сколько мне было нужно, пап,— объяснил он.

— Ты обычно ешь сколько в тебя влезет и даже больше,— сказал Парадин.— Я знаю, мальчики, когда растут, должны съедать в день тонны пищи, а ты сегодня не в порядке. Плохо себя чувствуешь?

— Н-нет. Честно, я съел столько, сколько мне нужно.

— Сколько хотелось?

— Ну да. Я ем по-другому.

— Этому вас в школе учили?— спросила Джейн.

Скотт торжественно покачал головой.

— Никто меня не учил. Я сам обнаружил. Мне плевотина помогает.

— Попробуй объяснить снова,— предложил Парадин.— Это слово не годится.

— Ну... слюна. Так?

— Ага. Больше пепсина? Что, Джейн, в слюне есть пепсин? Я что-то не помню.

— В моей есть яд,— вставила Джейн.— Опять Розали оставила комки в картофельном пюре.

Но Парадин заинтересовался.

— Ты хочешь сказать, что извлекаешь из пищи все, что можно,— без отходов — и меньше ешь?

Скотт подумал.

— Наверно, так. Это не просто плев... слюна. Я вроде бы определяю, сколько положить в рот за один раз, и чего с чем. Не знаю, делаю, и все.

— Хм-м,— сказал Парадин, решив позднее это проверить,— довольно революционная мысль.— У детей часто бывают нелепые идеи, но эта могла быть не такой уж абсурдной. Он поджал губы: — Я думаю, постепенно люди научатся есть совершенно иначе — я имею в виду, как есть, а не только что именно. То есть какую именно пищу. Джейн, наш сын проявляет признаки гениальности.

— Да?

— Он сейчас высказал очень интересное соображение о диетике. Ты сам до него додумался, Скотт?

— Ну конечно,— сказал мальчик, сам искренне в это веря.

— А каким образом?

— Ну, я...— Скотт замялся.— Не знаю. Да это ерунда, наверно.

Парадин почему-то был разочарован.

— Но ведь...

— Плюну! Плюну!— вдруг завизжала Эмма в неожиданном приступе озорства и попыталась выполнить свою угрозу, но лишь закапала слюной нагрудник.

Пока Джейн с безропотным видом увещевала и приводила дочь в порядок, Парадин разглядывал Скотта с удивлением и любопытством. Но дальше события стали развиваться только после обеда, в гостиной.

— Уроки задали?

— Н-нетт,— сказал Скотт, виновато краснея. Чтобы скрыть смущение, он вынул из кармана один из предметов, которые нашел в Коробке, и стал расправлять его. Это оказалось нечто вроде четок с нанизанными бусами. Парадин сначала не заметил их, но Эмма увидела. Она захотела поиграть с ними.

— Нет. Отстань, пузырь,— приказал Скотт.— Можешь смотреть.

Он начал возиться с бусами, послышались странные мягкие щелчки. Эмма протянула пухлый палец и тут же пронзительно заплакала.

— Скотти,— предупреждающе сказал Парадин.

— Я ее не трогал.

— Укусили. Они меня укусили,— хныкала Эмма.

Парадин поднял голову. Взглянул, нахмурился. Какого еще...

— Это что, абак?[1] — спросил он.— Пожалуйста, дай взглянуть.

Несколько неохотно Скотт принес свою игрушку к стулу отца. Парадин прищурился. Абак в развернутом виде представлял собой квадрат не менее фута в поперечнике, образованный тонкими твердыми проволочками, которые местами переплетались. На проволочки были нанизаны цветные бусы. Их можно было двигать взад и вперед с одной проволочки на другую, даже в местах переплетений. Но ведь сквозную бусину нельзя передвинуть с одной проволоки на другую, если они п е р е п л е т а ю т с я...

Так что, очевидно, бусы были несквозные. Парадин взглянул внимательнее. Вокруг каждого маленького шарика шел глубокий желобок, так что шарик можно было одновременно и вращать, и двигать вдоль проволоки. Парадин попробовал отсоединить одну бусину. Она держалась как намагниченная. Металл? Больше похоже на пластик.

Да и сама рама... Парадин не был математиком. Но углы, образованные проволочками, были какими-то странными, в них совершенно отсутствовала Эвклидова логика. Какая-то путаница. Может, это так и есть? Может, это головоломка?

— Где ты взял эту штуку?

— Мне дядя Гарри дал,— мгновенно придумал Скотт,— в прошлое воскресенье, когда он был у нас.

Парадин попробовал передвигать бусы и ощутил легкое замешательство. Углы были какие-то нелогичные. Похоже на головоломку. Вот эта красная бусина, если ее передвинуть по э т о й проволоке в т о м направлении, должна попасть вот с ю д а — но она не попадала. Лабиринт. Странный, но наверняка поучительный. У Парадина появилось ясное ощущение, что у него на эту штуку терпения не хватит.

У Скотта, однако, хватило. Он вернулся в свой угол и, что-то ворча, стал вертеть и передвигать бусины. Бусы д е й с т в и т е л ь н о кололись, когда Скотт брался не за ту бусину или двигал ее в неверном направлении. Наконец он с торжеством завершил работу.

— Получилось, пап!

— Да? А ну-ка посмотрим.— Эта штука выглядела точно так же, как и раньше, но Скотт улыбался и что-то показывал.

— Я добился, чтобы она исчезла.

— Но она же здесь.

— Вон та голубая бусина. Ее уже нет.

Парадин этому не поверил и только фыркнул. Скотт опять задумался над рамкой. Он экспериментировал. На этот раз эта штука совсем не кололась. Абак уже подсказал ему правильный метод. Сейчас он уже мог делать все по-своему. Причудливые проволочные углы сейчас почему-то казались уж не такими запутанными.

Это была на редкость поучительная игрушка...

«Она, наверно, действует,— подумал Скотт,— наподобие этого стеклянного кубика».— Вспомнив о нем, он вытащил его из кармана и отдал абак Эмме, онемевшей от радости.

Она немедленно принялась за дело, двигая бусы и теперь не обращая внимания на то, что они колются, да и кололись они только чуть-чуть, и поскольку она хорошо все перенимала, ей удалось заставить бусину исчезнуть почти так же быстро, как Скотту. Голубая бусина появилась снова, но Скотт этого не заметил.

Он предусмотрительно удалился в угол между диваном и широким креслом и занялся кубиком.

---

[1] *Абак* — вид счётов.

Внутри были маленькие человечки, крошечные куклы, сильно увеличенные в размерах благодаря увеличительным свойствам стекла, и они двигались по-настоящему. Они построили дом. Он загорелся, и пламя выглядело как настоящее, а они стояли рядом и ждали. Скотт нетерпеливо выдохнул: «Гасите!»

Но ничего не произошло. Куда же девалась эта странная пожарная машина с вращающимися кранами, та, которая появлялась раньше? Вот она. Вот вплыла в картинку и остановилась. Скотт мысленно приказал ей начать работу.

Это было забавно. Как будто ставишь пьесу, только более реально. Человечки делали то, что Скотт мысленно им приказывал. Если он совершал ошибку, они ждали, пока он найдет правильный путь. Они даже предлагали ему новые задачи...

Кубик тоже был очень поучительной игрушкой. Он обучал Скотта подозрительно быстро и очень развлекал при этом. Но он не давал ему пока никаких по-настоящему новых сведений. Мальчик не был к этому готов. Позднее... Позднее...

Эмме надоел абак, и она отправилась искать Скотта. Она не могла его найти, и в его комнате его тоже не было, но, когда она там очутилась, ее заинтересовало то, что лежало в шкафу. Она обнаружила коробку. В ней лежало сокровище без хозяина — кукла, которую Скотт видел, но пренебрежительно отбросил.

С громким воплем Эмма снесла куклу вниз, уселась на корточках посреди комнаты и начала разбирать ее на части.

— Милая! Что это?

— Мишка!

Это был явно не ее мишка, мягкий, толстый и ласковый, без глаз и ушей. Но Эмма всех кукол называла мишками.

Джейн Парадин помедлила.

— Ты взяла это у какой-нибудь девочки?

— Нет. Она моя.

Скотт вышел из своего убежища, засовывая кубик в карман.

— Это — э-э-э-... Это от дяди Гарри.

— Эмма, это дал тебе дядя Гарри?

— Он дал ее мне для Эммы,— торопливо вставил Скотт, добавляя еще один камень в здание обмана.— В прошлое воскресенье.

— Ты разобьешь ее, маленькая.

Эмма принесла куклу матери.

— Она разнимается. Видишь?

— Да? Это... ох!— Джейн ахнула. Парадин быстро поднял голову.

— Что такое?

Она подошла к нему и протянула куклу, постояла, затем, бросив на него многозначительный взгляд, пошла в столовую.

Он последовал за ней и закрыл дверь. Джейн уже положила куклу на прибранный стол.

— Она не очень-то симпатичная, а, Денни?

— Хм-м.— На первый взгляд кукла выглядела довольно неприятно. Можно было подумать, что это анатомическое пособие для студентов-медиков, а не детская игрушка...

Эта штука разбиралась на части — кожа, мышцы, внутренние органы — все очень маленькое, но, насколько Парадин мог судить, сделано идеально. Он заинтересовался.

— Не знаю. У ребенка такие вещи вызывают совсем другие ассоциации...

— Посмотри на эту печень. Это же печень?

— Конечно. Слушай, я... странно.

— Что?

— Оказывается, анатомически она не совсем точна,— Парадин придвинул стул.— Слишком короткий пищеварительный тракт. Кишечник маленький. И аппендикса нет.

— Зачем Эмме такая вещь?

— Я бы сам от такой не отказался,— сказал Парадин.— И где только Гарри ухитрился ее раздобыть? Нет, я не вижу в ней никакого вреда. Это у взрослых внутренности вызывают неприятные ощущения. А у детей нет. Они думают, что внутри они целенькие, как редиски. А с помощью этой куклы Эмма хорошо познакомится с физиологией.

— А это что? Нервы?

— Нет, нервы вот тут. А это артерия, вот вены. Какая-то странная аорта...— Парадин был совершенно сбит с толку.— Это... как по-латыни «сеть»? Во всяком случае... А? Ретана? Ратина?

— Респирация?— предложила Джейн наугад.

— Нет. Это дыхание,— сказал Парадин уничтожающе.— Не могу понять, что означает вот эта сеть светящихся нитей. Она пронизывает все тело, как нервная система.

— Кровь.

— Да нет. Не кровообращение и не нервы — странно. И вроде бы связано с легкими.

Они углубились в изучение загадочной куклы. Каждая деталь в ней была сделана удивительно точно, и это само по себе было странно, если учесть физиологические отклонения от нормы, которые подметил Парадин.

— Подожди-ка, я притащу Гоулда,— сказал Парадин, и вскоре он уже сверял куклу с анатомическими схемами в атласе. Это мало чем ему помогло и только увеличило его недоумение.

Но это было интереснее, чем разгадывать кроссворд.

Тем временем в соседней комнате Эмма двигала бусины на абаке. Движения уже не казались такими странными. Даже когда бусины исчезали. Она уже почти почувствовала куда. Почти...

Скотт пыхтел, уставившись на свой стеклянный кубик, и мысленно руководил постройкой здания. Он делал множество ошибок, но здание строилось — оно было немного посложнее того, что уничтожило огнем. Он тоже обучался — привыкал...

Ошибка Парадина, с чисто человеческой точки зрения, состояла в том, что он не избавился от игрушек с самого начала. Он не понял их назначения, а к тому времени, как он в этом разобрался, события зашли уже довольно далеко. Дяди Гарри не было в городе, и у него проверить Парадин не мог. Кроме того, шла сессия, а это означало дополнительные нервные усилия и полное изнеможение к вечеру; к тому же Джейн в течение целой недели неважно себя чувствовала. Эмма и Скотт были предоставлены сами себе.

— Папа,— обратился Скотт к отцу однажды вечером,— что такое «исход»?

— Поход?

Скотт поколебался.

— Да нет... не думаю. Разве «исход» неправильное слово?

— «Исход»,— это по-научному «результат». Годится?

— Не вижу в этом смысла,— пробормотал Скотт и хмуро удалился, чтобы заняться абаком. Теперь он управлялся с ним крайне искусно. Но, следуя детскому инстинкту избегать вмешательства в свои дела, они с Эм-

мой обычно занимались игрушками, когда рядом никого не было. Не намеренно, конечно, но самые сложные эксперименты проводились, только если рядом не было взрослых.

Скотт обучался быстро. То, что он видел сейчас в кубике, мало было похоже на те простые задачи, которые он получал там вначале. Новые задачи были сложные и невероятно увлекательные. Если бы Скотт сознавал, что его обучением руководят и направляют его, пусть даже чисто механически, ему, вероятно, стало бы неинтересно. А так его интерес не увядал.

Абак и кукла, и кубик — и другие игрушки, которые дети обнаружили в коробке...

Ни Парадин, ни Джейн не догадывались о том воздействии, которое оказывало на детей содержимое машины времени.

Да и как можно было догадаться? Дети — прирожденные актеры из самозащиты. Они еще не приспособились к нуждам взрослого мира, нуждам, которые для них во многом необъяснимы. Более того, их жизнь усложняется неоднородностью требований. Один человек говорит им, что в грязи играть можно, но, копая землю, нельзя выкапывать цветы и разрушать корни. А другой запрещает возиться в грязи вообще. Десять заповедей не высечены на камне. Их толкуют по-разному, и дети всецело зависят от прихотей тех, кто рождает их, кормит, одевает. И тиранит. Молодое животное не имеет ничего против такой благожелательной тирании, ибо это естественное проявление природы. Однако это животное имеет индивидуальность и сохраняет свою целостность с помощью скрытого, пассивного сопротивления.

В поле зрения взрослых ребенок меняется. Подобно актеру на сцене, если только он об этом не забывает, он стремится угодить и привлечь к себе внимание. Такие вещи свойственны и взрослым. Но у взрослых это не менее заметно — для других взрослых.

Трудно утверждать, что у детей нет тонкости. Дети отличаются от взрослых животных тем, что они мыслят иным образом. Нам довольно легко разглядеть их притворство, но и им наше тоже. Ребенок способен безжалостно разрушить воздвигаемый взрослыми обман. Разрушение идеалов — прерогатива детей.

С точки зрения логики ребенок представляет собой пугающе идеальное существо. Вероятно, младенец — существо еще более идеальное, но он настолько далек от взрослого, что критерии сравнения могут быть лишь поверхностными. Невозможно представить себе мыслительные процессы у младенца. Но младенцы мыслят даже еще до рождения. В утробе они двигаются, спят, и не только всецело подчиняясь инстинкту. Мысль о том, что еще не родившийся эмбрион может думать, нам может показаться странной. Это поражает и смешит, и приводит в ужас. Но ничто человеческое не может быть чуждым человеку.

Однако младенец еще не человек. А эмбрион — тем более. Вероятно, именно поэтому Эмма больше усвоила от игрушек, чем Скотт. Разве что он мог выражать свои мысли, а она нет, только иногда, загадочными обрывками. Ну вот, например, эти ее каракули...

Дайте маленькому ребенку карандаш и бумагу, и он нарисует нечто такое, что для него выглядит иначе, чем для взрослого. Бессмысленная мазня мало чем напоминает пожарную машину, но для крошки это и е с т ь пожарная машина. Может быть, даже объемная, в трех измерениях. Дети иначе мыслят и иначе видят.

Парадин размышлял об этом однажды вечером, читая газету и наблюдая Эмму и Скотта. Скотт о чем-то спрашивал сестру. Иногда он спраши-

вал по-английски. Но чаще прибегал к помощи какой-то тарабарщины и жестов. Эмма пыталась отвечать, но у нее ничего не получалось.

В конце концов Скотт достал бумагу и карандаш. Эмме это понравилось. Высунув язык, она тщательно царапала что-то. Скотт взял бумагу, посмотрел и нахмурился.

— Не так, Эмма,— сказал он.

Эмма энергично закивала. Она снова схватила карандаш и нацарапала что-то еще. Скотт немного подумал, потом неуверенно улыбнулся и встал. Он вышел в холл. Эмма опять занялась абаком.

Парадин поднялся и заглянул в листок — у него мелькнула сумасшедшая мысль, что Эмма могла вдруг освоить правописание. Но это было не так. Листок был покрыт бессмысленными каракулями — такими, какие знакомы всем родителям. Парадин поджал губы.

Скотт вернулся, и вид у него был довольный. Он встретился с Эммой взглядом и кивнул. Парадина кольнуло любопытство.

— Секреты?

— Не-а. Эмма... ну, попросила для нее кое-что сделать.

Возможно, Парадин и Джейн выказали слишком большой интерес к игрушкам. Эмма и Скотт стали прятать их, и играли с ними, только когда были одни. Они никогда не делали этого открыто, но кое-какие неявные меры предосторожности принимали. Тем не менее это тревожило, и особенно Джейн.

— Денни, Скотти очень изменился. Миссис Бернс сказала, что он до смерти напугал ее Френсиса.

— Полагаю, что так,— Парадин прислушался. Шум в соседней комнате подсказал ему местонахождение сына.— Скотти!

— Ба-бах!— сказал Скотт и появился на пороге улыбаясь.— Я их всех поубивал. Космических пиратов. Я тебе нужен, пап?

— Да. Если ты не против отложить немного похороны пиратов. Что ты сделал Френсису Бернсу?

Синие глаза Скотти выразили беспредельную искренность.

— Я?

— Подумай. Я уверен, что ты вспомнишь.

— А-ах. Ах это! Не делал я его.

— Ему,— машинально поправила Джейн.

— Ну, ему. Честно. Я только дал ему посмотреть свой телевизор, и он... он испугался.

— Телевизор?

Скотт достал стеклянный кубик.

— Ну, это не совсем телевизор. Видишь?

Парадин стал разглядывать эту штуку, неприятно пораженный увеличительными стеклами. Однако он ничего не видел, кроме бессмысленного переплетения цветных узоров.

— Дядя Гарри...

Парадин потянулся к телефону. Скотт судорожно глотнул.

— Он... он уже вернулся?

— Да.

— Ну, я пошел в ванную.— И Скотт направился к двери. Парадин перехватил взгляд Джейн и многозначительно покачал головой.

Гарри был дома, но он совершенно ничего не знал об этих странных игрушках. Довольно мрачно Парадин приказал Скотту принести из его ком-

наты все игрушки. И вот они все лежат в ряд на столе: кубик, абак, шлем, кукла и еще несколько предметов непонятного назначения. Скотту был устроен перекрестный допрос.

Какое-то время он героически лгал, но наконец не выдержал и с ревом и всхлипываниями выложил свое признание.

После того как маленькая фигурка удалилась наверх, Парадин подвинул к столу стул и стал внимательно рассматривать Коробку. Задумчиво поковырял оплавленную поверхность. Джейн наблюдала за ним.

— Что это, Денни?

— Не знаю. Кто мог оставить Коробку с игрушками у ручья?

— Она могла выпасть из машины.

— Только не в этом месте. К северу от железнодорожного полотна ручей нигде не пересекает дорога. Там везде пустыри, и больше ничего.— Парадин закурил сигарету.— Налить тебе чего-нибудь, милая?

— Я сама.— Джейн принялась за дело, глаза у нее были тревожные. Она принесла Парадину стакан и стала за его спиной, теребя пальцами его волосы.

— Что-нибудь не так?

— Разумеется, ничего особенного. Только вот откуда взялись эти игрушки?

— У Джонсов никто не знает, а они получают свои товары из Нью-Йорка.

— Я тоже наводил справки,— признался Парадин.— Эта кукла...— он ткнул в нее пальцем,— она меня тревожит. Может, это дело т а м о ж и, но мне хотелось бы знать, кто их делает.

— Может, спросить психолога? Абак — кажется, они устраивают тесты с такими штуками.

Парадин прищелкнул пальцами:

— Точно! И слушай, у нас в университете на следующей неделе будет выступать один малый, Холовей, он детский психолог. Он фигура, с репутацией. Может быть, он что-нибудь знает об этих вещах?

— Холовей? Я не...

— Рекс Холовей. Он... хм-м-м! Он живет недалеко от нас. Может, это он сам их сделал?

Джейн разглядывала абак. Она скорчила гримаску и выпрямилась.

— Если это он, то мне он не нравится. Но попробуй выяснить, Денни.

Парадин кивнул.

— Непременно.

Нахмурясь, он выпил коктейль. Он был слегка встревожен. Но не напуган — пока.

Рекса Холовея Парадин привел домой к обеду неделю спустя. Это был толстяк с сияющей лысиной, над толстыми стеклами очков как мохнатые гусеницы нависали густые черные брови. Холовей как будто и не наблюдал за детьми, но от него ничто не ускользало, что бы они ни делали и ни говорили. Его серые глаза, умные и проницательные, ничего не пропускали.

Игрушки его обворожили. В гостиной трое взрослых собрались вокруг стола, на котором они были разложены. Холовей внимательно их разглядывал, выслушивая все то, что рассказывали ему Джейн и Парадин. Наконец он прервал свое молчание:

— Я рад, что пришел сюда сегодня. Но не совсем. Дело в том, что все это внушает тревогу.

— Как?— Парадин широко открыл глаза, а на лице Джейн отразился ужас. То, что Холовей сказал дальше, их отнюдь не успокоило.

— Мы имеем дело с безумием.— Он улыбнулся, увидев, какое воздействие произвели его слова.— С точки зрения взрослых, все дети безумны. Читали когда-нибудь «Ураган на Ямайке» Хьюза?

— У меня есть.— Парадин достал с полки маленькую книжку. Холовей протянул руку, взял книгу и стал перелистывать страницы, пока не нашел нужного места. Затем стал читать вслух: — «Разумеется, младенцы еще не являются людьми — это животные, со своей древней и разветвленной культурой, как у кошек, у рыб, даже у змей. Они имеют сходную природу, только сложнее и ярче, ибо все-таки из низших позвоночных это самый развитый вид. Короче говоря, у младенцев есть свое собственное мышление, и оно оперирует понятиями и категориями, которые невозможно перевести на язык понятий и категорий человеческого мышления».

Джейн попыталась было воспринять его слова спокойно, но ей это не удалось.

— Вы что, хотите сказать, что Эмма...

— Способны ли вы думать так, как ваша дочь?— спросил Холовей.— Послушайте: «Нельзя уподобиться в мыслях младенцу, как нельзя уподобиться в мыслях пчеле».

Парадин смешивал коктейли. Он сказал через плечо:

— Не слишком ли много теории? Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что у младенцев есть своя собственная культура и даже довольно высокий интеллект?

— Не обязательно. Понимаете, это вещи несоизмеримые. Я только хочу сказать, что младенцы размышляют совсем иначе, чем мы. Не обязательно л у ч ш е — это вопрос относительных ценностей. Но это просто различный способ развития...— В поисках подходящего слова он скорчил гримасу.

— Фантазии,— сказал Парадин довольно пренебрежительно, но с раздражением из-за Эммы.— У младенцев точно такие же ощущения, как у нас.

— А кто говорит, что нет?— возразил Холовей.— Просто их разум направлен в другую сторону, вот и все. Но этого вполне достаточно.

— Я стараюсь понять,— сказала Джейн медленно,— но у меня аналогия только с моей кухонной машиной. В ней можно взбивать тесто и пюре, но можно и выжимать сок из апельсинов.

— Что-то в этом роде. Мозг — коллоид, очень сложной организации. О его возможностях мы пока знаем очень мало, мы даже не знаем, сколько он способен воспринять. Но зато доподлинно известно, что, по мере того как человеческое существо созревает, его мозг приспосабливается, усваивает определенные стереотипы, и дальше мыслительные процессы базируются на моделях, которые воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Вот взгляните,— Холовей дотронулся до абака,— вы пробовали с ним у п р а ж н я т ь с я?

— Немного,— сказал Парадин.

— Но не так уж, а?

— Ну...

— А почему?

— Бессмысленно,— пожаловался Парадин.— Даже в головоломке должна быть какая-то логика. Но эти дурацкие углы...

— Ваш мозг приспособился к Эвклидовой системе,— сказал Холовей.— Поэтому эта... штуковина вас утомляет и кажется бессмысленной. Но ребенку об Эвклиде ничего не известно. И иной вид геометрии, отлич-

ный от нашего, не покажется ему нелогичным. Он верит тому, что видит.

— Вы что, хотите сказать, что у этой чепухи есть четвертое измерение?— возмутился Парадин.

— На вид, во всяком случае, нет,— согласился Холовей.— Я только хочу сказать, что наш разум, приспособленный к Эвклидовой системе, не может увидеть здесь ничего, кроме клубка запутанной проволоки. Но ребенок — особенно маленький — может увидеть и нечто иное. Не сразу. Конечно, и для него это головоломка. Но только ребенку не мешает предвзятость мышления.

— Затвердение мыслительных артерий,— вставила Джейн.

Но Парадина это не убедило.

— Тогда, значит, ребенку легче справиться с дифференциальными и интегральными уравнениями, чем Эйнштейну?

— Нет, я не это хотел сказать. Мне ваша точка зрения более или менее ясна. Только...

— Ну хорошо. Предположим, что существуют два вида геометрии — ограничим число видов, чтобы облегчить пример. Наш вид, Эвклидова геометрия, и еще какой-то, назовем его X. X никак не связан с Эвклидовой геометрией, но основан на иных теоремах.В нем два и два не обязательно должны быть равны четырем, они могут быть равны $У_2$, а могут быть даже вовсе не р а в н ы ничему. Разум младенца еще ни к чему не приспособился, если не считать некоторых сомнительных факторов наследственности и среды. Начните обучать ребенка принципам Эвклида...

— Бедный малыш,— сказала Джейн.

Холовей бросил на нее быстрый взгляд.

— Основам Эвклидовой системы. Начальным элементам. Математика, геометрия, алгебра — это все идет гораздо позже. Этот путь развития нам знаком. А теперь представьте, что ребенка начинают обучать основным принципам этой логики X.

— Начальные элементы? Какого рода?

Холовей взглянул на абак.

— Для нас в этом нет никакого смысла. Мы приспособились к Эвклидовой системе.

Парадин налил себе неразбавленного виски.

— Это прямо-таки ужасно. Вы не ограничиваетесь одной математикой.

— Верно! Я вообще ничего не хочу ограничивать. Да и каким образом? Я не приспособлен к логике X.

— Вот вам и ответ,— сказала Джейн со вздохом облегчения.

— А кто к ней приспособлен? Ведь чтобы сделать вещи, за которые вы, видимо, принимаете эти игрушки, понадобился бы именно такой человек.

Холовей кивнул, глаза его щурились за толстыми стеклами очков.

— Может быть, такие люди существуют.

— Где?

— Может быть, они предпочитают оставаться в неизвестности.

— Супермены?

— Хотел бы я знать! Видите ли, Парадин, все опять упирается в отсутствие критериев. По нашим нормам, эти люди в некоторых отношениях могут показаться сверхумниками, а в других — слабоумными. Разница не количественная, а качественная. Они по-иному м ы с л я т. И я уверен, что мы способны делать кое-что, чего они не умеют.

— Может быть, они бы и не захотели,— сказала Джейн.

Парадин постучал пальцем по оплавленным приспособлениям на поверхности Коробки.

— А как насчет этого? Это говорит о...

— О какой-то цели, разумеется.

— Транспортация?

— Это прежде всего приходит в голову. Если это так, Коробка могла попасть сюда откуда угодно.

— Оттуда... где... все п о - д р у г о м у?— медленно спросил Парадин.

— Именно. В космосе или даже во времени. Не знаю. Я психолог. И, к счастью, я тоже приспособлен к Эвклидовой системе.

— Странное, должно быть, место,— сказала Джейн.— Денни, выброси эти игрушки.

— Я и собираюсь.

Холовей взял в руки стеклянный кубик.

— Вы подробно расспрашивали детей?

Парадин ответил:

— Ага, Скотт сказал, что, когда он впервые заглянул в кубик, там были человечки. Я спросил его, что он видит там сейчас.

— Что он сказал?— Психолог перестал хмуриться.

— Он сказал, что они что-то строят. Это его точные слова. Я спросил: кто, человечки? Но он не смог объяснить.

— Ну да, понятно,— пробормотал Холовей,— это, наверно, прогрессирует. Как давно у детей эти игрушки?

— Кажется, месяца три.

— Вполне достаточно. Видите ли, совершенная игрушка механическая, но она и обучает. Она должна заинтересовать ребенка своими возможностями, но и обучать, желательно незаметно. Сначала простые задачи. Затем...

— Логика Х,— сказала бледная, как мел, Джейн.

Парадин ругнулся вполголоса.

— Эмма и Скотт совершенно нормальны!

— А вы знаете, как работает их разум сейчас?

Холовей не стал развивать свою мысль. Он потрогал куклу.

— Интересно было бы знать, каковы критерии там, откуда появились эти вещи? Впрочем, метод индукции мало что даст. Слишком много неизвестных факторов. Мы не можем представить себе мир, который основан на факторе Х — среда, приспособленная к разуму, мыслящему неизвестными категориями Х.

— Это ужасно,— сказала Джейн.

— Им так не кажется. Вероятно, Эмма быстрее схватывает Х, чем Скотт, потому что ее разум еще не приспособился к нашей среде.

Парадин сказал:

— Но я помню многое из того, что я делал ребенком. Даже когда был совсем маленьким.

— Ну и что?

— Я... был тогда... безумен?

— Критерием вашего безумия является как раз то, чего вы не помните,— возразил Холовей,— но я употребляю слово «безумие» только как удобный символ, обозначающий отклонение от принятой человеческой нормы. Произвольную норму здравомыслия.

Джейн опустила стакан.

— Вы сказали, господин Холовей, что методом индукции здесь действовать трудно. Однако мне кажется, что вы именно этим и занимаетесь, а фактов у вас очень мало. Ведь эти игрушки...

— Я прежде всего психолог, и моя специальность — дети. Я не юрист. Эти игрушки именно потому говорят мне так много, что они не говорят почти ни о чем.

— Вы можете и ошибаться.

— Я хотел бы ошибиться. Мне нужно проверить детей.

— Я позову их,— сказал Парадин.

— Только осторожно. Я не хочу их спугнуть.

Джейн кивком указала на игрушки. Холовей сказал:

— Это пусть останется, ладно?

Но когда Эмму и Скотта позвали, психолог не сразу приступил к прямым расспросам. Незаметно ему удалось вовлечь Скотта в разговор, то и дело вставляя нужные ему слова. Ничего такого, что явно напоминало бы тест по ассоциациям — ведь для этого нужно сознательное участие второй стороны.

Самое интересное произошло, когда Холовей взял в руки абак.

— Может быть, ты покажешь мне, что с этим делать?

Скотт заколебался.

— Да, сэр. Вот так...— Бусина в его умелых руках скользнула по запутанному лабиринту так ловко, что никто из них не понял, что она в конце концов исчезла. Это мог быть просто фокус. Затем опять...

Холовей попробовал сделать то же самое. Скотт наблюдал, морща нос.

— Вот так?

— Угу. Она должна идти вот с ю д а...

— Сюда? Почему?

— Ну, потому что иначе не получится.

Но разум Холовея был приспособлен к Эвклидовой системе. Не было никакого очевидного объяснения тому, что бусина должна скользить с этой проволочки на другую, а не иначе. В этом не видно было никакой логики.

Ни один из взрослых как-то не понял точно, исчезла бусина или нет. Если бы они ожидали, что она должна исчезнуть, возможно, они были бы гораздо внимательнее.

В конце концов так ни к чему и не пришли. Холовею, когда он прощался, казалось, было не по себе.

— Можно мне еще прийти?

— Я бы этого хотела,— сказала Джейн.— Когда угодно. Вы все еще полагаете...

Он кивнул.

— Их умы реагируют ненормально. Они вовсе не глупые, но у меня очень странное впечатление, что они делают выводы совершенно непонятным нам путем. Как если бы они пользовались алгеброй там, где мы пользуемся геометрией. Вывод такой же, но достигнут другим методом.

— А что делать с игрушками?— неожиданно спросил Парадин.

— Уберите их подальше. Если можно, я хотел бы их пока взять.

В эту ночь Парадин плохо спал. Холовей провел неудачную аналогию. Она наводила на тревожные размышления. Фактор X. Дети используют в рассуждениях алгебру, там, где взрослые пользуются геометрией. Пусть так. Только... Алгебра может дать такие ответы, каких геометрия дать не может, потому что в ней есть термины и символы, которые нельзя выразить геометрически. А что, если логика X приводит к выводам, непостижимым для человеческого разума?

— Ч-черт!— прошептал Парадин. Рядом зашевелилась Джейн.

— Милый! Ты тоже не спишь?

— Нет.— Он поднялся и пошел в соседнюю комнату. Эмма спала, безмятежная, как херувим, пухлая ручка обвила мишку. Через открытую дверь Парадину была видна темноволосая голова Скотта, неподвижно лежавшая на подушке.

Джейн стояла рядом. Он обнял ее.

— Бедные малыши,— прошептала она.— А Холовей назвал их ненормальными. Наверное, это мы сумасшедшие, Деннис.

— Нда-а. Просто мы нервничаем.

Скотт шевельнулся во сне. Не просыпаясь, он пробормотал что-то — это явно был вопрос, хотя вроде бы и не на каком-либо языке. Эмма пропищала что-то, звук ее голоса резко менял тон.

Она не проснулась. Дети лежали не шевелясь. Но Парадину подумалось, и от этой мысли неприятно засосало под ложечкой, что это было, как будто Скотт спросил Эмму о чем-то, и она ответила.

Неужели их разум изменился настолько, что даже сон — и тот был у них иным?

Он отмахнулся от этой мысли.

— Ты простудишься. Вернемся в постель. Хочешь чего-нибудь выпить?

— Кажется, да,— сказала Джейн, наблюдая за Эммой.Рука ее потянулась было к девочке, но она отдернула ее.

— Пойдем. Мы разбудим детей.

Вместе они выпили немного бренди, но оба молчали. Потом, во сне, Джейн плакала.

* * *

Скотт не проснулся, но мозг его работал, медленно и осторожно выстраивая фразы, вот так:

— Они заберут игрушки. Этот толстяк... может быть листава опасен. Но направления Горика не увидеть... им дун уванкрус у них нет... Интрадикция... яркая, блестящая. Эмма. Она сейчас уже гораздо больше копранит, чем... Все-таки не пойму, как... тавирарить миксер дист...

Кое-что в мыслях Скотта можно было еще разобрать. Но Эмма перестроилась на логику X гораздо быстрее. Она тоже размышляла.

Не так, как ребенок, не так, как взрослый. Вообще не так, как человек. Разве что, может быть, как человек совершенно иного типа, чем hommo sapiens.

Иногда и Скотту трудно было поспеть за ее мыслями. Постепенно Парадин и Джейн опять обрели нечто вроде душевного равновесия. У них было ощущение, что теперь, когда причина тревог устранена, дети излечились от своих умственных завихрений.

Но иногда все-таки что-то было не так.

Однажды в воскресенье Скотт отправился с отцом на прогулку, и они остановились на вершине холма. Внизу перед ними расстилалась довольно приятная долина.

— Красиво, правда?— заметил Парадин.

Скотт мрачно взглянул на пейзаж.

— Это все неправильно,— сказал он.

— Как это?

— Ну, не знаю.

— Но что здесь неправильно?

— Ну...— Скотт удивленно замолчал.— Не знаю я.

В этот вечер, однако, Скотт проявил интерес, и довольно красноречивый, к угрям.

В том, что он интересовался естественной историей, не было ничего явно опасного. Парадин стал объяснять про угрей.

— Но где они мечут икру? И вообще, они ее мечут?

— Это все еще неясно. Места их нереста неизвестны. Может быть, Сар-

гассово море, или же где-нибудь в глубине, где давление помогает их телам освобождаться от потомства.

— Странно,— сказал Скотт в глубоком раздумье.

— С лососем происходит более или менее то же самое. Для нереста он поднимается вверх по реке.— Парадин пустился в объяснения. Скотт слушал, завороженный.

— Но ведь это п р а в и л ь н о, пап. Он рождается в реке, и когда научится плавать, уплывает вниз по течению к морю. И потом возвращается обратно, чтобы метать икру, так?

— Верно.

— Только они не возвращались бы о б р а т н о,— размышлял Скотт,— они бы просто посылали свою икру...

— Для этого нужен был бы слишком длинный яйцеклад,— сказал Парадин и отпустил несколько осторожных замечаний относительно размножения.

Сына его слова не удовлетворили. Ведь цветы, возразил он, отправляют свои семена на большие расстояния.

— Но ведь они ими не управляют. И совсем немногие попадают в плодородную почву.

— Но ведь у цветов нет мозгов. Пап, почему люди живут з д е с ь?

— В Глендале?

— Нет, з д е с ь. Вообще здесь. Ведь, спорим, это еще не все, что есть на свете.

— Ты имеешь в виду другие планеты?

Скотт помедлил.

— Это только... часть... чего-то большого. Это как река, куда плывет лосось. Почему люди, когда вырастают, не уходят в океан?

Парадин сообразил, что Скотт говорит иносказательно. И на мгновение похолодел. Океан?

Потомство этого рода не приспособлено к жизни в более совершенном мире, где живут родители. Достаточно развившись, они вступают в этот мир. Потом они сами дают потомство. Оплодотворенные яйца закапывают в песок, в верховьях реки. Потом на свет появляются живые существа.

Они познают мир. Одного инстинкта совершенно недостаточно. Особенно когда речь идет о таком роде существ, которые совершенно не приспособлены к этому миру, не могут ни есть, ни пить, ни даже существовать, если только кто-то другой не позаботится предусмотрительно о том, чтобы им все это обеспечить.

Молодежь, которую кормят и о которой заботятся, выживет. У нее есть инкубаторы, роботы. Она выживет, но она не знает, как плыть вниз по течению, в большой мир океана.

Поэтому ее нужно воспитывать. Ее нужно ко многому приучить и приспособить.

Осторожно, незаметно,ненавязчиво. Дети любят хитроумные игрушки. И если эти игрушки в то же время обучают...

* * *

Во второй половине XIX столетия на травянистом берегу ручья сидел англичанин. Около него лежала очень маленькая девочка и глядела в небо. В стороне валялась какая-то странная игрушка, с которой она перед этим играла. А сейчас она мурлыкала песенку без слов, а человек прислушивался краем уха.

— Что это такое, милая?— спросил он наконец.

— Это просто я придумала, дядя Чарли.

— А ну-ка спой еще раз.— Он вытащил записную книжку.

Девочка спела еще раз.

— Это что-нибудь означает?

Она кивнула.

— Ну да. Вот как те сказки, которые я тебе рассказывала, помнишь?

— Чудесные сказки, милая.

— И ты когда-нибудь напишешь про это в книгу?

— Да, только нужно их очень изменить, а то никто их не поймет. Но я думаю, что песенку твою я изменять не буду.

— И нельзя. Если ты что-нибудь в ней изменишь, пропадет весь смысл.

— Этот кусочек, во всяком случае, я не изменю,— пообещал он.— А что он обозначает?

— Я думаю, что это путь туда,— сказала девочка неуверенно.— Я пока точно не знаю. Это мои волшебные игрушки мне так сказали.

— Хотел бы я знать, в каком из лондонских магазинов продаются такие игрушки?

— Мне их мама купила. Она умерла. А папе дела нет.

Это была неправда. Она нашла эти игрушки в Коробке как-то раз, когда играла на берегу Темзы. И игрушки были поистине удивительные.

Эта маленькая песенка — дядя Чарли думает, что она не имеет смысла. (На самом деле он ей не дядя, вспомнила она, но он хороший.) Песенка очень даже имеет смысл. Она указывает путь. Вот она сделает все, как учит песенка, и тогда...

Но она была уже слишком большая. Пути она так и не нашла.

* * *

Скотт то и дело приносил Эмме всякую всячину и спрашивал ее мнение. Обычно она отрицательно качала головой. Иногда на ее лице отражалось сомнение. Очень редко она выражала одобрение. После этого она обычно целый час усердно трудилась, выводя на клочках бумаги немыслимые каракули, а Скотт, изучив эти записи, начинал складывать и передвигать свои камни, какие-то детали, огарки свечей и прочий мусор. Каждый день прислуга выбрасывала все это, и каждый день Скотт начинал все сначала.

Он снизошел до того, чтобы кое-что объяснить своему недоумевающему отцу, который не видел в игре ни смысла, ни системы.

— Но почему этот камешек именно сюда?

— Он твердый и круглый, пап. Его место именно здесь.

— Но ведь и этот вот тоже твердый и круглый.

— Ну, на нем есть вазелин. Когда доберешься до этого места, отсюда иначе не разберешь, что это круглое и твердое.

— А дальше что? Вот эта свеча?

Лицо Скотта выразило отвращение.

— Она в конце. А здесь нужно вот это железное кольцо.

Парадину подумалось, что это как игра в следопыты, как поиски вех в лабиринте. Но опять тот самый произвольный фактор. Объяснить, почему Скотт располагал свою дребедень так, а не иначе, логика — привычная логика — была не в состоянии.

Парадин вышел. Через плечо он видел, как Скотт вытащил из кармана измятый листок бумаги и карандаш и направился к Эмме, на корточках размышляющей над чем-то в уголке.

Ну-ну...

Джейн обедала с дядей Гарри, и в это жаркое воскресное утро, кроме газет, нечем было заняться. Парадин с коктейлем в руке устроился в самом прохладном месте, какое ему удалось отыскать, и погрузился в чтение комиксов.

Час спустя его вывел из состояния дремоты топот ног наверху. Скотт кричал торжествующе:

— Получилось, пузырь! Давай сюда...

Парадин, нахмурясь, встал. Когда он шел к холлу, зазвенел телефон. Джейн обещала позвонить...

Его рука уже прикоснулась к трубке, когда возбужденный голосок Эммы поднялся до визга. Лицо Парадина исказилось.

— Что, черт побери, там, наверху, происходит?

Скотт пронзительно вскрикнул:

— Осторожней! Сюда!

Парадин забыл о телефоне. С перекошенным лицом, совершенно сам не свой, он бросился вверх по лестнице. Дверь в комнату Скотта была открыта.

Дети исчезали.

Они таяли постепенно, как рассеивается густой дым на ветру, как колеблется изображение в кривом зеркале. Они уходили держась за руки, и Парадин не мог понять куда, и не успел он моргнуть, стоя на пороге, как их уже не было.

— Эмма,— сказал он чужим голосом,— Скотти!

На ковре лежало какое-то сооружение — камни, железное кольцо — мусор. Какой принцип у этого сооружения — произвольный?

Под ноги ему попался скомканный лист бумаги. Он машинально поднял его.

— Дети. Где вы? Не прячьтесь...

ЭММА! СКОТТИ!

Внизу телефон прекратил свой оглушительно-монотонный звон.

Парадин взглянул на листок, который был у него в руке.

Это была страница, вырванная из книги. Непонятные каракули Эммы испещряли и текст,и поля. Четверостишие было так исчеркано, что его почти невозможно было разобрать, но Парадин хорошо помнил «Алису в Зазеркалье». Память подсказала ему слова:

Часо́во — жи́ркие товы́.
И джикали, и джа́кали в исходе.
Все те́нали бороговы́.
И гу́ко сви́тали ово́ди.

Ошалело он подумал: Шалтай-Болтай у Кэрролла объяснил Алисе, что это означает. «Жи́ркие» — значит смазанные жиром и гладкие. Исход — основание у солнечных часов. Солнечные часы. Как-то давно Скотт спросил, что такое исход. Символ?

«Часо́во гу́кали...»

Точная математическая формула, дающая все условия, и в символах, которые дети поняли. Этот мусор на полу. «Товы́» должны быть «жи́ркие» — вазелин? и их надо расположить в определенной последовательности, так, чтобы они «джи́кали» и «джа́кали».

Б е з у м и е!

Но для Эммы и Скотта это не было безумием. Они мыслили по-другому. Они пользовались логикой Х. Эти пометки, которые Эмма сделала на странице,— она перевела слова Кэрролла в символы, понятные ей и Скотту.

Произвольный фактор для детей перестал быть произвольным. Они выполнили условия уравнения времени-пространства. «И гу́ко сви́тали ово́ди...»

Парадин издал какой-то странный гортанный звук. Взглянул на нелепое сооружение на ковре. Если бы он мог последовать туда, куда оно ведет, вслед за детьми... Но он не мог. Для него оно было бессмысленным. Он не мог справиться с произвольным фактором. Он был приспособлен к Эвклидовой системе. Он не сможет этого сделать, даже если сойдет с ума... Это будет совсем не то безумие.

Его мозг как бы перестал работать. Но это оцепенение, этот ужас через минуту пройдут... Парадин скомкал в пальцах бумажку.

— Эмма, Скотти,— слабым, упавшим голосом сказал он, как бы не ожидая ответа.

Солнечные лучи лились в открытые окна, отсвечивая в золотистом мишкином меху. Внизу опять зазвенел телефон.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Целью практически всякого послесловия, написанного составителем, а не автором или критиком, является оправдание (прежде всего — перед самим собой) либо раскрытие (любому желающему) позиции, положенной в основу работы над конкретным сборником. Поэтому все последующее представляет собой не «обязательный довесок» к книге, а демонстрацию рассуждений, на которой каждый читатель сможет наиболее простым путем четко обозначить свои расхождения с составителем.

В данном случае замысел был таков: предоставить книгу, прочитав которую любитель фантастики — даже если до прочтения он таковым не был — будет рекомендовать ее и своим друзьям.

Исходная посылка, отправной пункт, в котором желательно по возможности всеобщее согласие, поневоле является обшим местом: любовь к фантастике — одна из примет нашего времени. Этой любви покорны не только все возрасты: опросы «единодушно» утверждают, что НФ увлекает людей самых различных профессий, что для нее не существует образовательного ценза, национальных или каких-либо иных различий. Словом, НФ — один из самых демократичных видов литературы.

Однако было бы преувеличением считать, что фантастику любят все. Вовсе нет. Многие ее попросту не читают, и это тоже — люди самых разных возрастов, склонностей и профессий.

Интерес к НФ зачастую возводят в ранг социального явления, а как же быть с теми, кто к ней равнодушен? Что предопределяет иммунитет к страсти, охватившей, как ни считать, бо́льшую часть населения нашей и многих других стран мира?

Это может показаться странным для составителя только что прочитанного Вами, читатель, сборника НФ, но я думаю, что главная причина неприятия фантастики... низкий уровень научно-фантастической литера-

туры в целом. Это не оговорка и не недооценка лучших произведений НФ. Это даже не попытка вывести «средний балл», сложив достоинства отдельных публикаций НФ и разделив сумму на их общее количество. Это простая констатация факта: на каждое запечатлевающееся в памяти произведение приходятся примерно десять таких, какие не без труда удается дочитать до конца.

Конечно, даже при таком соотношении можно и сразу чисто случайно наткнуться на нечто действительно стоящее. Однако статистика будет не на стороне счастливчиков. Во всяком случае, лично мне лишь однажды довелось услышать дословно следующее: «Я люблю фантастику: я прочитала два фантастических рассказа — один в журнале и один в газете — и они мне понравились». Но, во-первых, при такой любви с первого взгляда, дабы ее не остудить, рискованно продолжать читать фантастику. А во-вторых, фантастикой увлекается не каждый, как это можно было бы подумать, десятый, но, повторюсь, заведомо больше половины всех читателей.

Представляется, что пытаться сформулировать привлекательность НФ в некоем общем виде, удовлетворяющем любому вкусу, — занятие пустое. Каждый любитель фантастики любит ее по-своему и за свое. Поэтому критерии отбора в рассчитанный на поклонников НФ сборник, думается, таковы: побольше, помалоизвестней и поразнообразней. Если же готовится сборник предельно «демократичный», как и сама фантастика, то акценты несколько смещаются. Насчет разнообразия сомнений нет — это требование настолько усиливается, что, похоже, делается несовместным с выделением какой-либо НФ-тематики. Желание охватить побольше при учете того, что книга может попасть в руки читателя, впервые (здесь меньший грех преувеличить, чем недооценить такую возможность) знакомящегося с НФ, трансформируется в необходимость расставить как можно больше вех, помогающих новичку самостоятельно ориентироваться, — чтобы не услышать: «Я прочитал одну книгу...». Такими ориентирами, и не только в фантастике, могут послужить имена авторов, «фирменная марка» произведения. Никто, разумеется, не гарантирован от неудач, но и относительная неудача таланта — относительно своего уровня! — это, как говорится, еще как посмотреть...

Еще одним условием, повышающим вероятность «обращения» читателя в стан любителей, является отсутствие в сборнике проходных, и даже просто добротных, произведений. Вот тут-то и возникает диссонанс, на котором придется остановиться подробнее. С одной стороны, желательны как можно менее известные любителям фантастики произведения (в идеале — первые публикации), с другой — необходима твердая гарантия качества, какую может дать только читательская оценка.

Разумный компромисс между этими условиями проще всего достигается обращением к переводной фантастике. Изюминка здесь в том, что читающий перевод, как правило, относительно более застрахован от случайностей: автор пишет настолько хорошо, насколько позволяет его дарование, зато переводчик волен выбирать лучшее из лучшего. Я вовсе не хочу принизить трудности перевода и преуменьшить творческое начало в работе переводчика — это сложнейшая и творческая работа. Но факт остается фактом: людей с хорошим вкусом значительно больше, чем оригинальных талантов.

Существование такого дополнительного фильтра, отсеивающего серые произведения (которых в зарубежной фантастике не больший и не меньший процент, чем в отечественной), и побудило обратиться к переводной фантастике. Дальнейшее уже просто: если желательно большее количе-

ство имен на которые можно ориентироваться в дальнейшем, то выбор резко ограничен — это либо советская, либо англо-американская НФ.

Итак, учитывая все выдвинутые критерии, можно прийти к выводу, что совокупно им лучше всего удовлетворяет сборник англо-американской фантастики, составленный по принципу: один автор — одно произведение (исключение допущено лишь для писателей, авторские сборники которых уже выходили в серии «Икар», и у которых поэтому сравнительно туманная перспектива в этой серии на ближайшее будущее...).

При прочих равных условиях преимущество получали относительно небольшие (больше имен!) и труднодоступные произведения. В конечном счете в сборник вошли 29 работ 26 авторов (Льюис Пэджетт — совместный псевдоним К. Мур и Г. Каттнера, представленного также и персонально). Здесь и ставшие уже каноническими произведения. А. ван Вогта и Р. Хайнлайна, и рассказы авторов, известных у нас по единичным переводам на русский язык (Ф. Дик, Д. Гордон). Напряженнейшие психологические драмы Дж. Кэмпбелла и Дж. Блиша совмещены под одной обложкой с притчами Г. Шекли и светлой сказкой Р. Янга...

И все же, сборник, думается, получился цельным. Гуманистическая направленность — вот что придает книге эту цельностность, уже не берусь судить, с чем это связано — то ли талант гуманен изначала, то ли люди не приемлют за талант чуждые гуманизма способности...

...Ну вот, пожалуй, и все в адрес конкретно этой книги. Для тех же, кого заинтересовали вошедшие в нее писатели, затронули их произведения, — небольшой брифинг по тем именам, которые наиболее часто встречаются в русском переводе.

Кэмпбелл, Джон Вуд (1910—1971). Американский писатель и издатель. Окончил Массачусетский технологический институт и Университет Дьюка, доктор философии. Творческая карьера Кэмпбелла уникальна. Уже первая публикация НФ — «Когда рушатся атомы»[1] (1930 г.) — принесла автору быстрый успех. Последовавшие работы, такие, как «Острова Вселенной» (1931 г.), «Захватчики из Бесконечности» (1932 г.), «Всемогущая машина» (1934 г.), позволяли Кэмпбеллу успешно соперничать в популярности с тогдашним законодателем мод в американской НФ Эдвардом Элмером Смитом. Уже в эти годы проявляется творческое кредо Кэмпбелла: главное в мироздании — человек, и для него не существует неодолимых преград. Новая фаза в творчестве Кэмпбелла, характеризующаяся уже его единоличным лидерством в американской НФ, открывается в 1934 г. публикацией повести «Сумерки» под псевдонимом Дон А. Стюарт. Сериал Стюарта — любимое, хоть и не единственное детище автора (он пишет также и под собственным именем, и под псевдонимами Карл Ван Кэмпен и Артур Маккен), с каждым новым произведением все более упрочивает репутацию Кэмпбелла, достигающую апогея по выходе в свет в 1938 г. рассказа «Кто ты?» Этим произведением Кэмпбелл практически завершает свою писательскую карьеру, сосредоточиваясь на издательской деятельности. На новом поприще Кэмпбелл открывает для читателя таких писателей, как Айзек Азимов, Альфред Ван Вогт, Лестер дель Рэй, Теодор Старджон, Роберт Хайнлайн. Продажа произведения Кэмпбеллу, вхождение в его «издательскую обойму» становится своеобразным аттестатом творческой зрелости автора и нередко специально оговаривается в других

[1] Названия не публиковавшихся на русском языке произведений даются в дословном переводе; в противном случае приводится перевод названий, под которыми они были опубликованы.

изданиях. На рубеже 50-х годов Кэмпбелл увеличивает количество издаваемых им НФ-журналов с 2 до 4, а в последующем уделяет много энергии книжным изданиям НФ. В этот период к творческим критериям производимого Кэмпбеллом отбора НФ-произведений для публикации постепенно примешиваются его личные пристрастия, в частности, политические. Это приводит к тому, что Кэмпбелл, сохраняя популярность, утрачивает лидерство.

Смерть Кэмпбелла вызвала беспрецедентную для НФ-литературы мемориальную кампанию. Практически каждое его произведение признается вехой в американской НФ. Критика, высказываясь о творчестве Джона Вуда Кэмпбелла, пользуется эпитетами исключительно в превосходной степени.

Кроме вошедшего в этот сборник, на русский язык переведен рассказ Кэмпбелла «На Трансплутоне» из Стюартовской серии, включенный в сборник «Через солнечную сторону» из выпускаемой издательством «Мир» серии «Зарубежная фантастика» (в дальнейшем — ЗФ).

Порджес, Артур (р. 1915). Американский учитель математики и писатель. Первая публикация НФ — рассказ «Крысы» (1951 г.). Перу Порджеса принадлежат около ста рассказов, опубликованных, как правило, в журналах и антологиях, некоторые — под псевдонимами Питер Артур и Пэт Роджерс. Наиболее известны рассказы «Полет» (1952 г.) и «Руум» (1953 г.; есть русский перевод в ж. Знание — сила, № 12, 1959 г.). На русский язык переведены также рассказы Порджеса «Ценный товар» и «Саймон Флэгг и дьявол».

Каттнер, Генри (1914—1958). Американский писатель. Каттнер начал работать в жанре НФ в 1937 г., причем сразу много, талантливо, приводя библиографов в ужас обилием используемых псевдонимов (минимум — дюжина за три года). В 1940 г. Каттнер женился на писательнице Кэтрин Л. Мур. После этого события он несколько «остепенился» и продолжал писать — один и в сотрудничестве с женой — только под псевдонимами Лоуренс О'Доннел и Льюис Пэджетт (имя выбрано под влиянием, оказанным на Каттнера и Мур произведениями Льюиса Кэррола), да еще под собственным именем. Библиографирование Каттнера в этот период — нелегкая задача. Мнение критики, учитывающее открытость Катнера к сотрудничеству, таково: подписанные Мур произведения принадлежат Кэтрин Мур, как и большинство работ под именем О'Доннел; остальные произведения, даже подписанные одним Каттнером, в той или иной мере являются плодом совместного творчества. Мур, похоже, придерживается другого мнения, во всяком случае, после смерти Каттнера значительное количество работ, первоначально подписанных псевдонимами, по настоянию Мур вышли под именем Каттнера. Что ж, Мур, вероятно, виднее, к тому же через несколько лет после женитьбы Каттнер опять перестал себя утруждать выбором псевдонимов. Даже обучение в Южнокалифорнийском университете в 1950—54 гг. мало повлияло на продуктивность писателя. По окончании университета Каттнер концентрирует свое внимание на магистерской диссертации, однако незадолго до ее завершения внезапно умирает от сердечного приступа. Помимо большого количества его коротких рассказов, широко известны его сериал «Мутанты» (1945—53 гг., в 1953 г. вышел отдельной книгой) и особенно самая крупная его работа «Ярость» (1947 г. под псевдонимом Лоуренс О'Доннел, продолжение написанного в 1943 г. рассказа «Гул ночи» под тем же авторством; в

1950 г. произведение вышло под вариантным названием «Место назначения — бесконечность»; обе работы впоследствии стали выходить под именем Каттнера), которая обычно признается его лучшим произведением. Многие американские фантасты — в их числе Рэй Брэдбери, для которого Каттнер переписал заново концовку одной из его ранних новелл,—публично заявили, что они в долгу у Каттнера за его помощь. На русский язык переведены около двух десятков рассказов Каттнера, в том числе полностью (4 рассказа) — написанный им для телевидения в 1947—49 гг. сериал о семействе Хогбенов. Добрая половина всех переводов увидела свет в прекрасном авторском сборнике «Робот—зазнайка», одной из лучших книг серии ЗФ.

Браун, Фредерик (1906—1972). Американский писатель, работавший в жанрах детектива, фантастики, журналистики. Первая публикация НФ — рассказ «Еще не конец» (1941 г.). Писателю лучше удавались относительно короткие произведения, из которых наиболее удачным считается «Арена» (1944 г.; в русском переводе рассказ включен в один из выпусков НФ издательства «Знание», в антологию «Продается планета» Минского издательства «Университетское»). Типичными для Брауна признаны также переведенные на русский язык «забавные» рассказы «Этаоин Шрдлу» (1946 г.) и «Пласет — странная планета» (1946 г.; вариантное название перевода — «Планетат — безумная планета»). Из романов Брауна наиболее известен «Что за сумасшедший мир!» (1949 г.). На русском языке в серии ЗФ выпущен авторский (совместно с Уильямом Тэнном) сборник Брауна «Звездная карусель». Удачен не вошедший в этот сборник рассказ Брауна, впервые появившийся в русском переводе как «Знаменитость» в ж. Химия и жизнь, № 7, 1970 г.

Дик, Филип Кенред (р. 1928). Один из ведущих американских писателей-фантастов, пишущий НФ с 1952 г., обладатель «Хьюго-62» за роман «Человек в высоком замке» и «Хьюго-65» за рассказ «Солдат, не спрашивай». К сожалению, разговор о Филипе Дике беспредметен, так как он известен советским читателям по единственному (хотя и дающему представление о творческой манере автора) переводу.

Уильям Тэнн — псевдоним американского писателя, академика Филипа Класса (р. 1920). Первая публикация НФ — рассказ «Искушение Александера» (1946 г.). Работает в основном в жанре короткого рассказа. В ряду американских фантастов Тэнн выделяется не плодовитостью, а очень высоким общим уровнем своих произведений. Критики, единодушно воздавая Тэнну должное, редко сходятся во мнениях при определении его лучших работ. Из немногочисленных переведенных у нас произведений писателя, кроме вошедшего в эту книгу, пожалуй, наиболее впечатляет «Недуг» (ж. Иностранная литература, № 1, 1967 г.). Изящны рассказы «Открытие Морниела Метауэя» в уже упоминавшемся сборнике «Звездная карусель» и «Посыльный» (ж. Вокруг света, № 11, 1983 г.).

Блиш, Джеймс (1921—1975). Американский писатель. Первая публикация НФ — рассказ «Вынужденная заправка» (1940 г.). Глубина писательского дарования Блиша проявилась в 50-е годы, когда вышли в свет его лучшие рассказы «Бобовый стебель» (1952 г., совместно с Вирджинией Кидд), «Поверхностное натяжение» (1952 г.;переработка написанного в 1942 г. под псевдонимом Артур Мерлин рассказа «Затопленный мир»; впоследствии, что вообще характерно для Блиша, еще раз переработанного и включенного в роман в качестве отдельной, слабо связанной с оста-

льными историей; есть русский перевод в сборнике ЗФ «Братья по разуму»), «Общее время» (1953 г.), «Произведение искусства» (1956 г.). Тогда же Блиш начал свою главную серию романов «После этого знания», состоящую из: «Дело совести» (1958 г., приз «Хьюго» за 1959 г.), «Доктор Мирабилис» (1964 г.; по собственному мнению Блиша, это историко-фантастическое повествование о Роджере Бэконе, одной из колоритнейших фигур средневековья — его лучшая работа), «Черная Пасха» (1968 г.), «День после Судного» (1970 г.; сам Блиш считал последние две работы одним романом и соответственно серию «После этого знания» — трилогией). На русский язык переведен примечательный рассказ Блиша «День статистика» (ж. Химия и жизнь, № 3, 1980 г.).

Рассел, Эрик Фрэнк (1905—1978). Английский писатель. Первая публикация НФ — рассказ «Сага Западного Пеликана» (1937 г.). На протяжении примерно 20 лет был постоянным автором в изданиях Джона Кэмпбелла, после чего резко снизил творческую активность. Для Рассела наиболее характерны короткие рассказы, за один из которых — рассказ «Аламагуса», включенный в переводной авторский сборник «Ниточка к сердцу» из серии ЗФ — Рассел был удостоен «Хьюго» 1955 г. Среди журнальных переводов Рассела — «Свидетельствую» (ж. Знание — сила, № 9, 1972 г.), «Вы вели себя очень грубо» (ж. Вокруг света, № 12, 1972 г.), «Тайна мистера Визеля» (ж. Вокруг света, № 2, 1981 г.).

Азимов, Азейк (р. 1920). Американский ученый-биохимик и писатель, работающий в научно-популярном и фантастическом жанрах, уроженец России. Первая публикация НФ— рассказ «Брошенные на Весте» (1939 г.; есть русский перевод). В 1940 г. появляется первый рассказ Азимова о роботах «Робби», положивший начало знаменитому сериалу «Я, робот» (сформирован в 1950 г.; есть русский перевод; позднее дополнен еще несколькими рассказами, часть из которых также переведена). В третьем рассказе сериала («Лжец», 1941 г.) Азимов впервые формулирует свои ставшие каноническими Три Закона роботехники. В 1941 г. выходит в свет рассказ «Приход ночи» (есть русский перевод), который многие критики расценивают как лучший рассказ НФ за все времена. В следующем году Азимов публикует рассказ «Черный монах Пламени», положенный им в основу романа «Основание» (1942—44 гг., вариантное название «Тысячелетний план»), составившего вместе с романами «Основание и Империя» (1945 г., вариантное название «Человек, который опрокинул мир») и «Второе Основание» (1948—50 гг.) сериал, получивший в 1966 г. «Хьюго» с формулировкой: «...За лучшую НФ-серию всех времен». Позднее сериал был дополнен. Первый опубликованный Азимовым непосредственно в книжной форме роман «Галька в небе» (1950 г.) вместе с романами «Звезды как пыль» (1951 г., вариантное название «Мятежные звезды») и «Космические течения» (1952 г.; есть русский перевод) в собственном времени произведений составляют как бы предысторию сериала «Основание». Но даже на таком фоне лучшим произведением Азимова единодушно признается роман «Конец Вечности» (1955 г.; есть русский перевод; в 1988 г. роман экранизирован в СССР в крайне пессимистической трактовке). Широко известны также романы Азимова «Стальные пещеры» (1954 г.), «Обнаженное солнце» (1956 г.), «Сами боги» (1972 г., призы «Небьюла-72» и «Хьюго-73»), рассказы и новеллы «Путь марсиан» (1952 г.), «Мечты — личное дело каждого» (1955 г.), «Уродливый мальчуган» (1958 г.), «Двухсотлетний человек» (1976 г., призы «Небьюла-76» и «Хьюго»-77»). Все они, кроме последнего, переведены на русский язык.

Очень хорош переводной авторский сборник «Путь марсиан» из серии ЗФ. Интересны такие переводы, как «Ловушка для простаков» (впервые — в ж. Химия и жизнь, № 2, 1967 г.), «Чувство силы» (ж. Наука и жизнь, № 11, 1962 г.); переведена ровно половина его небольшого фантастико-детективного сериала об Уэнделле Арте — рассказы «Поющий колокольчик» (1955 г.; в упоминавшемся сборнике «Путь марсиан») и «Ночь, которая умирает» (1956 г.; в ж. Смена, № 10, 1965 г.; вариантный перевод «Смертная ночь» — в ж. Наш современник, № 1, 1966 г.). Всего на русский язык переведено более пятидесяти произведений Азимова — около одной десятой всего им написанного в области НФ. Переводились также научно-популярные книги Азимова. В 1963 г. Азимов стал лауреатом специального приза «Хьюго» за «приложение науки в научной фантастике».

Ван Вогт, Альфред Элтон (р. 1912). Писатель, уроженец Канады, переехавший на жительство в США в 1944 г. Первая публикация НФ — рассказ «Черный разрушитель» (1939 г.). В творчестве этого весьма плодовитого автора явственно проглядывается тема противопоставления насилию превосходящей силы, что порой придает его произведениям милитаристский оттенок. Наиболее известны романы Ван Вогта «Слэн» (1940 г., новая версия в 1951 г.) и «Книга Птаха» (1943 г.; издавался также под несколькими вариантными названиями), сериал «Торговцы оружием» (в русскоязычной критике и библиографии часто упоминается как «Оружейная лавка»), в особенности «Торговцы оружием с Ишера» (1951 г.; начальный роман серии). Кроме включенного в этот сборник, на русский язык переведены рассказы Ван Вогта «Пробуждение» (ж. Вокруг света, № 9, 1970 г.); «Великий судья» (ж. Памир, № 11, 1981 г.), «Часы времени» и «Завершение» (оба в сборнике «Патруль времени» из серии ЗФ).

Гаррисон, Гарри (р. 1925). Американский писатель, постоянно проживающий в Ирландии. Первая публикация НФ — рассказ «Проникший сквозь скалы» (1951 г.; есть русский перевод). Пожалуй, наиболее известен его роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» (1966 г.) на тему перенаселения (как и, например, блестящий рассказ «Преступление» в белорусском сборнике «Продается планета»). Очень популярны также герои его продолжающихся и сегодня сериалов Слиппери Джим ДиГриз (начатый в 1957 г. сериал «Крыса из нержавеющей стали» имеет ярко выраженную юмористическую интонацию) и Язон динАльт (начальный роман серии «Мир смерти», написанный в 1960 г., переведен у нас как «Неукротимая планета»). Из рассказов Гаррисона критика выделяет «Улицы Ашкелона» (1962 г.) и «Спасательные работы» (1964 г.). Но, право, не меньшее удовольствие доставляет чтение таких опубликованных у нас переводов Гаррисона, как роман «Фантастическая сага» (в серии ЗФ), рассказы «Магазин игрушек» и «Если» в выпущенной издательством «Молодая гвардия» серии «Библиотека современной фантастики (БСФ), «Смертные муки пришельца» (впервые — в ж. Наука и религия, № 9, 1965 г.), «Круг недоверия» (ж. Вокруг света, № 6, 1967 г.). Популярность переводов Гаррисона позволяет надеяться на скорое появление новых.

Кларк, Артур Чарлз (р. 1917). Английский писатель, долгое время проживающий в Шри-Ланке. Первая профессиональная работа в области НФ — рассказ «Бойница» (1946 г.). В рассказе «Страж Вечности» (1951 г., в последующих изданиях — «Страж») впервые проявилась парадоксальность Кларка-писателя: видный популяризатор науки (его научно-популярные книги переведены и на русский язык), воистину НАУЧНЫЙ

фантаст, Кларк обнаруживает явное мировоззренческое тяготение к метафизичности, если не к мистицизму, рассматривая человечество как куколку, находящуюся под опекой имаго могущественных звездных сверхцивилизаций. Собственно, такая позиция тоже имеет право на существование. Однако изложение ее в нарочито тесном переплетении с надежными научными фактами и прогнозами способно привести читателя к ложному представлению, будто это — не личное никак не аргументированное мнение автора, а «гарантированное» наукой реальное положение дел. По всей видимости, именно наиболее яркое проявление «парадокса Кларка» в его самых значительных работах, наряду с бытовавшим у нас (и до сих пор не изжитым) неверием в способность массового читателя самостоятельно разобраться что к чему, и привело к тому, что роман Кларка «Против прихода ночи» (1953 г., расширенная версия «Город и звезды» опубликована в 1956 г.), вероятно, лучшее произведение, вышедшее из-под его пера, не переведен на русский язык. К этому можно добавить, что роман «2001 год: Космическая Одиссея» (1968 г.; новеллизация совместного с Стенли Кубриком одноименного сценария, принесшая Кларку, пожалуй, наибольшую известность среди всех писателей-фантастов мира), как и его продолжение, переведены у нас лишь частично, а знаменитый ранний роман «Конец детства» (1953 г., дополненная версия опубликованной в 1950 г. новеллы «Ангел-хранитель») смог появиться у нас только в самое последнее время (ж. Химия и жизнь, №№ 4—7, 1988 г.). Хотя тут же надо сказать, что в целом Кларк переводился у нас много и хорошо. Наиболее удачны из изданных на русском языке НФ-книг Кларка «Большая глубина» (т. 6 БСФ) и «Свидание с Рамой» из серии ЗФ. Последний роман примечателен также тем, что Кларк, лауреат «Небьюла-72» за новеллу «Встреча с медузой» (1971 г.; есть русский перевод) и «Хьюго-56» за рассказ «Звезда» (1955 г.; есть русский перевод) получил за него целое созвездие английских и американских НФ-призов: «Хьюго», «Небьюла», «Мемориал Джона В. Кэмпбелла», приз «Британская научная фантастика», и «Юпитер». О признании заслуг Кларка свидетельствует, как пример, приглашение его в 1969 г. комментировать телевизионную трансляцию первого полета человека на Луну на космическом корабле Аполлон-11.

Брэдбери, Рэй Дуглас (р. 1920). Ведущий американский писатель-фантаст. Первая публикация НФ — рассказ «Маятник» (1941 г., совместно с Генри Хасселом). Произведения Брэдбери, главным образом, серии небольших рассказов, глубоко психологичны и непревзойденны по стилистике. В каких-либо специальных ориентирах по творчеству Брэдбери нет никакой нужды. Во-первых, практически в любой библиотеке есть хотя бы несколько книг Брэдбери из более чем десятка выпущенных в СССР. Во-вторых, его имя встречается в доброй половине всех антологий НФ, а число журнальных публикаций в самых различных журналах далеко перевалило за половину сотни. В-третьих, глубокое удовлетворение приносит прочтение буквально каждой его работы. Просто трудно решиться выделить здесь какие-либо произведения Брэдбери, поставив их тем самым как бы выше других.

Саймак, Клиффорд Дональд (1904—1988). Американский писатель и журналист, дуайен американских писателей-фантастов. Первая публикация НФ — рассказ «Мир красного солнца» (1931 г.). Известность Саймаку принес выход в свет в 1944 г. романа «Город» (впоследствии переработан и дополнен; есть русский перевод) и его продолжения «Скученное

место». Из работ Саймака 50-х годов наиболее примечательны романы «Раз, и еще» (1951 г., вариантное название «Когда он впервые умер») и «Кольцо вокруг Солнца» (1953 г.; есть русский перевод), а также переведенные у нас повести «Необъятный двор» (1958 г., «Хьюго-59») и «Смерть в доме» (1959 г.). Мировую известность получили романы Саймака «Пересадочная станция» (1963 г.), удостоенный «Хьюго-64», «Все живое» (1965 г.; есть русский перевод), «Зачем звать их назад с небес?» и «Принцип оборотня» (оба — 1967 г.), «Выбор богов» (1972 г.), «Наследие звезд» (1977 г., приз «Юпитер» того же года). На русский язык переведены еще романы Саймака «Что может быть проще времени?» (ж. Урал, №№ 7—8, 1982 г.), «Почти как люди» (т. 18 БСФ), «Заповедник гоблинов» (авторский сборник из серии ЗФ), около сорока новелл и рассказов в авторских сборниках, антологиях и журналах. Особенно удачен авторский сборник «Прелесть» в серии ЗФ. Великолепны рассказы «Спокойной ночи, мистер Джеймс» (сборник «Современная зарубежная фантастика» издательства «Молодая гвардия» середины 60-х годов), «Кимон» (в т. 10 БСФ) и «Разведка» (первая публикация перевода — в ж. Наш современник, № 2, 1970 г.).

Шекли, Роберт (р. 1928). Один из крупнейших американских писателей-фантастов, постоянно проживающий в Англии. Первая публикация НФ — рассказ «Последний экзамен» (1952 г.). Шекли практически сразу завоевал в американской НФ лидерство в жанре короткого рассказа, которое не поколеблено и ныне. В начале своей писательской карьеры Шекли писал также под псевдонимами Финн О'Донневан (10 рассказов, из которых один переведен на русский язык), Филипс Барби и Нед Ланге. За первые 10 лет творчества опубликовал 6 авторских сборников, затем снизил количество — но не качество!— публикаций. Его рассказы настолько превосходны, что критика обычно предпочитает выделять сборники в целом. С этой оговоркой отметим лишь совершенно сенсационные для того времени рассказы «Специалист» (1953 г.; есть русский перевод) и «Седьмая жертва» (1953 г.; в 1965 г. вышла кинематографическая версия «Десятая жертва», а в 1966 г.— ее одноименная романизация). В 1954—56 гг. Шекли, пробуя перо на более распространенных формах, написал свою первую и, пожалуй, самую известную серию рассказов о незадачливых компаньонах Грегоре и Арнольде (у нас переведены 5 из 7 рассказов серии). Из романов Шекли наиболее известны «Бессмертие обеспечено» (1958 г., вариантное название «Корпорация Бессмертие»), «Координаты чудес» (1968 г.; есть русский перевод), «Варианты выбора» (1975 г.; есть русский перевод одной главы в ж. Юность, № 11, 1982 г.) и особенно «Тоже цивилизация» (1960 г.; русский перевод в ж. Знание — сила, №№ 4—8, 1988 г.). Шекли — лауреат приза «Юпитер» 1973 г. за рассказ «Проситель в космосе». Из авторских сборников переводов Шекли, вероятно, наиболее известен «Паломничество на Землю» из серии ЗФ, самый полный — совместный с Гарри Гаррисоном сборник серии «Икар» издательства «Штиинца», почти не пересекается с последним «Миры Роберта Шекли» в серии ЗФ. Из журнальных переводов, не вошедших в книги, наиболее интересны «Тело» (ж. Урал, № 12, 1966 г.), «Ловушка для людей» (ж. Искатель, № 6, 1974 г.), «Доктор Вампир и его друзья» (ж. Химия и жизнь, № 7, 1979 г.), «Загвоздка» (ж. Иностранная литература, № 3, 1985 г.).

Хайнлайн, Роберт Энсон (р. 1907). Американский писатель. Окончил Университет Миссури и Военно-морскую Академию США в Аннаполисе. Первая публикация НФ — рассказ «Линия жизни» (1939 г.). Очень быст-

ро завоевал блестящую репутацию благодаря рассказам «Реквием», «Дороги должны разворачиваться», «Случаются взрывы» и повести «Если это произойдет...» (все — в 1940 г., повесть переработана в 1953 г.). Эти произведения вместе с многими дополнениями составили к 1958 году серию «Будущая история». Стоящие вне этой серии свои произведения тех лет Хайнлайн, как правило, публиковал под псевдонимами Энсон Макдоналд, Ли Монро, Кэлеб Саундерс или Джон Риверсайд. В частности, возможно, лучший рассказ автора «Из-за его шнуровок» (1941 г.) подписан Макдоналдом. В конце 40-х — 50-х годах Хайнлайн зарекомендовал себя как писатель для тинэйджеров, выпуская в год по роману для юношества. Лучшие из них — «Звездный зверь» (1954 г.) и «Гражданин Галактики» (1957 г.). В 1957—67 гг. Хайнлайн пишет состоящую в основном из рассказов серию «Дети Мафусаила». Критикой замечен его рассказ 1959 г. «Все вы зомби». В 1956 г. Хайнлайн публикует, вероятно, свой лучший роман «Двойная звезда», получивший «Хьюго-56», первый из последовавших «Хьюго-60» за роман «Космические командос», «Хьюго-62» за роман «Чужак в чужом краю», «Хьюго-67» за роман «Луна — суровая владычица». Этим списком регалии Хайнлайна, похоже, самого популярного в США фантаста, не исчерпываются, но пора уже сказать и о другом. Уже в сериале для юношества, для которого Хайнлайн использовал, в частности, свой полученный в Аннаполисе личный опыт, промелькивают порой первые признаки поклонения культу силы и сильной личности. Начиная где-то с романа «Космические коммандос» эти признаки становятся для творчества Хайнлайна доминирующими. Как результат, регулярно получая самые престижные в англо-американской НФ награды, писатель «заодно» приобретает репутацию милитариста (это еще мягко сказано, некоторые критики дают определения и пожестче). Правда, в 70-е годы автор несколько утрачивает воинственность. Однако досада берет, что расцвет, несомненно, могучего таланта потрачен на воспевание жизненной позиции, для которой эпитет «людоедская» опять-таки не самый «крутой» из использовавшихся. Наверное, именно это послужило причиной тому, что Хайнлайн у нас переводился непропорционально писательскому дарованию скудно. Четыре-пять рассказов в антологиях и журналах, главным образом, 60-х годов, повесть «Один в поле» (ж. Памир, №№ 7—8, 1973 г.) да вошедший в этот сборник роман — вот практически и все... Но переводить Хайнлайна все-таки надо, и есть что, а без новых переводов более пристальный разговор об этом писателе преждевремен и потому легковесен.

Энвил, Кристофер — псевдоним американского писателя Гарри Кросби, дебютировавшего в НФ новеллой «Корпорация Золушка» в 1952 г. под собственным именем. Однако очень скоро в НФ становится известен именно Энвил, заработавший репутацию, возможно, самого последовательного автора «обоймы» Джона Кэмпбелла, по смерти которого Энвил резко снижает творческую активность. Кроме вошедшего в сборник, на русский язык переведены рассказы Энвила «Непреднамеренный риск» (ж. Знание — сила, № 7, 1972 г.) и «Эвристика» (ж. Наука и жизнь, № 2, 1984 г.).

Лейнстер, Муррей — псевдоним американского писателя Уильяма Фитцджеральда Дженкинса (1896—1975), дебютировавшего в НФ рассказом «Сбежавший небоскреб» в 1919 г. под именем Уилл Ф. Дженкинс, однако вошедшего в анналы НФ именно как Лейнстер. Лучшие годы писателя начинаются в 1945 г., когда он публикует «Первый контакт». Затем следуют такие рассказы и небольшие повести, как «Светопреставле-

ние отсрочено» (1949 г. как Дженкинс), «Одинокая планета» (1949 г.), и наконец — «Исследовательский отряд» (1956 г.; есть русский перевод), получивший «Хьюго-56», а затем ставший частью романа «Колониальное обследование» (1955—56 гг., вариантное название «Исследователь планеты»). С этого времени Лейнстер больше внимания уделяет масштабным формам, а как раз они у него по общему признанию критики менее значительны. Для иллюстрации: наиболее популярный сериал «Медицинская служба» наполовину состоит из сборников рассказов. Другая иллюстрация: ставший классическим рассказ Лейнстера «Безумная планета» (1920 г.) постоянно переделывался и дополнялся автором до романа «Забытая планета» (1954 г.), однако наиболее удачной считается самая первая публикация. На русский язык переведены оригинальные рассказы Лейнстера «Парламентер» (ж. Знание — сила, № 12, 1967 г.) и «Замочная скважина» (первая публикация — в ж. Химия и жизнь, № 10, 1980 г.), а также известная повесть «Этические уравнения» (ж. Химия и жизнь, №№ 9—10, 1968 г.).

Андерсон, Пол (р. 1926). Американский писатель скандинавского происхождения, знаток скандинавских языков и литературы. Первая публикация Андерсона в НФ — рассказ «Завтрашние дети» (1947 г.), написанный совместно с Ф. Н. Уолдропом. В 1954 г. Андерсон публикует свой, вероятно, самый знаменитый роман «Волна мозга» (переработка написанного в 1953 г. произведения «Избавление»). Андерсон имеет в своем активе такие работы, как цикл «На страже времени» (сформирован в 1960 г., в 1975 г. дополнен повестью «Падения Гибралтара», несколько нарушившей первоначальную композиционную стройность цикла), романы «Главный крестовый поход» (1960 г.) и «Песня Козерога» (1972 г., «Хьюго-73» и «Небьюла-72»), повесть «Королева Воздуха и Тьмы» (1971 г., «Хьюго-72» и «Небьюла-71»), рассказы «Самое длинное путешествие» (1960 г., «Хьюго-61»; есть русский перевод), «Нет примирения с королями» (1963 г., «Хьюго-64») и «Расчленение плоти» (1968 г., «Хьюго-69»). Весьма впечатляющ по научно-фантастической оснастке роман «Тау Ноль» (1970 г., переработка написанной в 1967 г., повести «Пережить вечность»). Почти все эти произведения неизвестны советскому читателю, но одно только перечисление НФ-призов дает представление об авторитете писателя. К этому можно добавить, что обычная «норма» Андерсона — 2-3 книги в год, не считая журнальных публикаций.

На русский язык, помимо отмеченных выше, переведено около десятка рассказов Андерсона, среди которых выделяются «Зовите меня Джо» (т. 10 БСФ) и «Человек, который пришел слишком рано» в сборнике «Экспедиция на Землю» из серии ЗФ. Произведения Андерсона выходили у нас только в антологиях и журналах, хотя уже отмеченные «Хьюго» работы, думается, могли бы составить отличный авторский сборник.

Янг, Роберт Франклин (р. 1915). Американский писатель. Первая публикация НФ-рассказ «Черная бездна тебя окрыляет» (1953 г.). Произведения Янга, в основном небольшие по объему, поэтичны, изящны, но, как отмечает критика, нередко поверхностны. Диапазон писателя — от глубоко романтичной работы «Богиня в граните» (1957 г.) и до едкой сатиры «Любовь в XXI веке» (1960 г.; есть русский перевод). В т. 25 БСФ вышла повесть Янга «Срубить дерево», очень хороши неоднократно выходившие у нас рассказы «Звезды зовут, мистер Китс» и особенно «Девушка — одуванчик».

А. Степин

СОДЕРЖАНИЕ

«КТО ТЫ?»

Д. Кэмпбелл. «Кто ты?» *Перевод Ю. Зараховича* 8
Д. Киз. Цветы для Элджернона. *Перевод С. Васильевой* 24
А. Порджесс. 1,98. *Сокращенный перевод Н. Евдокимовой* 42
Д. Ганн. Где бы ты ни был. *Перевод Ю. Эстрина* 44
Г. Каттнер. Механическое эго. *Перевод И. Гуровой* 76
Ф. Браун. Кукольный театр. *Перевод Р. Рыбкина* 109
Ф. Дик. Из глубин памяти. *Перевод В. Баканова*. 116
У. Тэнн. Срок авансом. *Перевод И. Гуровой* 128
Д. Блиш. Произведение искусства. *Перевод Р. Рыбкина* 148
Э. Ф. Рассел. Пробный камень. *Перевод Н. Евдокимовой* 160
А. Азимов. Профессия. *Перевод С. Васильевой* 172
А. Э. Ван-Вогт. Чудовище. *Перевод Ф. Мендельсона* 214

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Г. Гаррисон. Абсолютное оружие. *Перевод А. Чапковского* 230
А. Кларк. Из контрразведки. *Перевод Л. Жданова* 231
Р. Брэдбери. Ржавчина. *Перевод З. Бобырь* 234
К. Саймак. Операция «Вонючка». *Перевод Н. Евдокимовой* 238
А. Азимов. Сердобольные стервятники. *Перевод Г. Островской* 260
Э. Ч. Табб. Ваза эпохи Мин. *Перевод Э. Кабалевской* 272
Р. Шекли. Битва. *Перевод И. Гуровой* 288

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Р. Хайнлайн. Пасынки Вселенной. *Перевод Ю. Зараховича* 294
Р. Шекли. Форма. *Перевод Н. Евдокимовой* 364
К. Энвил. История с песчанкой. *Перевод И. Гуровой* 374
Д. Гордон. Честность — лучшая политика. *Перевод З. Бобырь* 392
М. Лейнстер. Первый контакт. *Перевод Д. Жукова* 404
Р. Брэдбери. Лед и пламя. *Перевод Л. Жданова* 427
Ф. Уоллес. Из двух зол. *Перевод Н. Евдокимовой* 457

НА СТРАЖЕ ВРЕМЕН

П. Андерсон. На страже времен. *Перевод М. Гилинского* 482
Р. Ф. Янг. У начала времен. *Перевод А. Иорданского* 598
Л. Пэджетт. «Все тéнали бороговы́...» *Перевод Л. Черняховской* 625
Послесловие А. Степина 644

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

П 19 Сб. науч.-фантаст. произведений./Сост. А. И. Степин; Худож. М. Ю. Шевелькин.— Кишинев: Штиинца, Сигма. 1990.—656 с. Сер. науч. фантастики «Икар».

ISBN 5—376—00273—X

В книгу вошли романы, повести и рассказы англо-американских писателей: А. Азимова, П. Андерсона, Д. Ганна, М. Лейнстера, Р. Хайнлайна, Р. Ф. Янга и многих других. Они посвящаются сложным проблемам контактов в технически высокоорганизованном обществе, приоритета гуманности в столкновениях человечества с непознанными явлениями, активного противодействия агрессивным устремлениям управляющей верхушки общества потребления, утверждения человека в новом трансформирующемся времени.

4703000000—57
П ——————— 203—89
М755(10)—90

ББК 84(0)

ISBN 5—376—00273—X (4-й з-д)

Оформление серии «Икар»
Ю. Пивченко

СЕРИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ «ИКАР»

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Ответственный за выпуск В. И. Рыбалкина
Художественный редактор В. М. Шишко
Технический редактор Л. И. Жукова
Корректоры Л. М. Петрика, А. Ф. Оларь

ИБ № 4067

Сдано в набор 27.01.88.
Подписано к печати 22.08.90.
Формат 60×90 1/16.
Бумага газетная.
Школьная гарнитура.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,0. Усл. кр.-отт. 42,0.
Уч.-изд. л. 58,11.
Доп. тираж 100.000 (1-й з-д 1—50000)
Заказ 1258. Цена 7 руб.

Издательство «Штиинца»
277028, Кишинев, ул. Академика Я. С. Гросула, 3.
Издательство «Сигма», 277005, г. Кишинев, ул. Советская, 8.
Полиграфкомбинат Государственного комитета
Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Кишинев, ул. Берзарина, 35.

3 р.

[illegible]

15=

Кишинев. Штиинца. Сигма 1990.